

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
260

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

МОСКВА 2020

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 260. 2020

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд,
д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Н. М. Чаиркина,
д-р. Й. Шнеевайсс, д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.260

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2020
© Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Ожерельев Д. В.</i> Эпоха олдована на территории Африки и Евразии: археологические памятники, вопросы культурной атрибуции и хронологии	5
<i>Авилова Л. И.</i> К изучению металлических сосудов Анатолии (III тыс. до н. э.): морфология и контекст находок	21
<i>Виноградов Н. Б., Кузьминых С. В., Хайратдинов Р. К.</i> Символы фарна кузнецов-литейщиков бронзового века в Южном Зауралье	43
<i>Король Г. Г.</i> Буддийский сюжет из музея Хельсинки: средневековая поясная накладка (Минусинская котловина)	59

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ЗНАКИ И ОБРАЗЫ В ИСКУССТВЕ КАМЕННОГО ВЕКА»

<i>Леванова Е. С., Хлопачев Г. А., Гаврилов К. Н.</i> Международная конференция «Знаки и образы в искусстве каменного века»: истоки и итоги	74
<i>Лбова Л. В., Панкина А. И., Волков П. В., Казаков В. В.</i> Зооморфная пластика в сибирских коллекциях верхнего палеолита (документирование, систематизация, подходы к классификации)	80
<i>Ахметгалиева Н. Б.</i> Образ коня по материалам обработанной кости верхнепалеолитических стоянок Быки	93
<i>Гаврилов К. Н.</i> Археологический контекст искусства малых форм верхнепалеолитической стоянки Хотылево 2, пункт В	106
<i>Советова О. С., Шишкина О. О.</i> Антропоморфные персонажи в раннем пласте петроглифов Минусинской котловины	125
<i>Молодин В. И., Зоткина Л. В., Кретэн К., Черемисин Д. В., Батболд Н., Цэвээндорж Д.</i> Палимпсест с местонахождения Цагаан-Салаа IV (Монгольский Алтай): относительная хронология изображений	134
<i>Жилин М. Г.</i> Знаки и изображения на костяных предметах вооружения в раннем мезолите Волго-Окского междуречья	151
<i>Савченко С. Н.</i> Костяные изделия с изображениями с озера Вечера и их аналогии в мезолите-неолите Восточной Европы и Урала	167
<i>Колпаков Е. М.</i> Геометрические фигуры Фенноскандии	184
<i>Лобанова Н. В.</i> Знаковые и символические образы в наскальном искусстве Карелии: классификация, проблемы интерпретации	195

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ КОСТЮМА

<i>Шишлина Н. И., Орфинская О. В., Киселева Д. В., Сурков А. В.</i> Текстиль эпохи бронзы из курганной группы Чесменка 3 Воронежской области: технология, изотопный состав и радиоуглеродная хронология	209
<i>Слюсарска К.</i> Данные для реконструкции текстильных технологий и некоторых элементов одежды поздней бронзы и раннего железного века в южной зоне Балтийского моря	228
<i>Биркина Н. А.</i> Некоторые аспекты технологии изготовления вещей из Брянского и Мощинского кладов	247
<i>Хомякова О. А.</i> Булавки самбийско-натангийской культуры по данным женского убора	263

<i>Сыщигов Н. В.</i> Украшения днепровского культурного круга на раннесредневековых памятниках линии Кривца в верховьях р. Воронеж	282
<i>Янсоне С.</i> Возможная реконструкция женского костюма в Гробиня – балтское влияние и скандинавский стиль	297
<i>Энговатова А. В., Чернова О. Ф., Орфинская О. В., Яковчик М. С.</i> Войлок из коллективного захоронения (сооружения № 110) в г. Ярославле	305

ГОРОДА И ФОРТИФИКАЦИИ

<i>Коваль В. Ю.</i> Об использовании трехстенных срубов в фортификации средневековой Руси	326
<i>Ершов И. Н., Кренке Н. А., Ганичев К. А.</i> К вопросу о трассировке и датировке средневековых оборонительных сооружений Смоленска в районе Авраамиевского монастыря	340
<i>Беляев Л. А., Баранова С. И.</i> Археология о дворце XVII века в Коломенском: обзор источников	353
<i>Дьякова О. В.</i> Укрепления бассейна Аввакумовки в Восточном Приморье	368
<i>Артемьева Н. Г., Макиевский С. В.</i> Внешние оборонные сооружения чжурчженских городов государства Восточного Ся	387
<i>Sattarnejad S., Parvin S., Hendiani E.</i> Chronology of the Historical Context of Maragheh City Based on Archaeological Exploration and Historical Written Sources	397

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Мастыкова А. В.</i> Средневековый памятник Горзувиты на Южном берегу Крыма: исследование 69 лет спустя	407
<i>Добровольская М. В., Мастыкова А. В.</i> Изотопные исследования скелетных останков людей из гробницы храма на Горзувитах: хронология, особенности питания, мобильность	428
<i>Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й.</i> Комплексное исследование раннеаланских захоронений IV вв. н. э. в Северной Осетии	441
<i>Малашев В. Ю., Фризен С. Ю.</i> Краниологические материалы из могильников аланской культуры Северного Кавказа III – первой половины V в. н. э.	459
<i>Свиркина Н. Г., Володин С. А.</i> Результаты комплексного исследования кремаций I в. до н. э. – II в. н. э. из склепов Восточного некрополя Фанагории	482

ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ

<i>Лапшин А. Г.</i> Критерии идентификации оттисков одной матрицы на донцах древнерусской круговой керамики Владимира	496
<i>Аболина Н. А.</i> Керамические крышки из археологических материалов города Енисейска	509

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Кудрявцев А. А., Володин С. А.</i> Участие сотрудников Московского отделения Института истории материальной культуры АН СССР в работе Чрезвычайной государственной комиссии (1943–1944 гг.)	540
--	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	556
ОТ РЕДАКЦИИ	558

CONTENTS

PROBLEMS AND MATERIALS

<i>Ozherelyev D. V.</i> The Oldowan Period in Africa and Eurasia: Archaeological Sites and Issues of Cultural Attribution and Chronology.	5
<i>Avilova L. I.</i> The Study of Metal Vessels from Anatolia (III Millennium BC): Morphology and the Finds Context.	21
<i>Vinogradov N. B., Kuzminykh S. V., Khayryatdinov R. K.</i> Khvarenah Symbols of Blacksmiths/Foundrymen of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals	43
<i>Korol G. G.</i> A Buddhist Narrative Scene from the Helsinki Museum: a Medieval Belt Mount (Minusinsk Depression)	59

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE

«SIGNS AND IMAGES IN THE STONE AGE ART» (MOSCOW, 2019, NOVEMBER, 27–29)

<i>Levanova E. S., Khlopachev G. A., Gavrilov K. N.</i> The International Conference on the Signs and Images in the Stone Age Art: Roots and Outcomes	74
<i>Lbova L. V., Pankina A. I., Volkov P. V., Kazakov V. V.</i> Zoomorphic Portable Art from Siberian Collections of the Upper Paleolithic (documentation, systematization and approaches to classification).	80
<i>Akhmetgaleyeva N. B.</i> The Image of the Horse: a Case Study of Carved Bones from the Byki Upper Paleolithic Sites.	93
<i>Gavrilov K. N.</i> The Archaeological Context of Portable Art from the Khotylevo 2, Station B Upper Paleolithic Site	106
<i>Sovetova O. S., Shishkina O. O.</i> Anthropomorphic Figures in the Early Layer of Petroglyphs of the Minusinsk Depression.	125
<i>Molodin V. I., Zotkina L. V., Cretin C., Cheremisin D. V., Batbold N., Tseveendorj D.</i> The Palimpsest from Tsagaan Salaa Sector IV (Mongolian Altai): Relative Chronology of Images.	134
<i>Zhilin M. G.</i> Signs and Images on Bone Weaponry in the Early Mesolithic Age of the Volga-Oka Interfluve.	151
<i>Savchenko S. N.</i> Bone Items with Images from Lake Vechera and their Analogies in the Mesolithic-Neolithic of Eastern Europe and the Urals	167
<i>Kolpakov E. M.</i> Geometric Figures from Fennoscandia.	184
<i>Lobanova N. V.</i> Signs and Symbols in Karelia Rock Art: Classification and Issues of Interpretation.	195

MATERIALS FOR THE HISTORY OF COSTUME

<i>Shishlina N. I., Orfinskaya O. V., Kiseleva D. V., Surkov A. V.</i> Bronze Age Textile from the Chesmenka 3 Kurgan Group in the Voronezh Region: Technology, Isotopic Composition and Radiocarbon Chronology	209
<i>Šusarska K.</i> Data for Reconstruction of Textile Technologies and Some Elements of Late Bronze Age and Early Iron Age Clothes in the Southern Area of the Baltic Sea	228
<i>Birkina N. A.</i> Some Aspects of Technology Used to Make Items from the Bryansk and Moshchiny Hoards	247
<i>Khomiyakova O. A.</i> Pins in the Sambian-Natangian Culture Based on Data of the Female Dress	263

<i>Syshchikov N. V.</i> Jewelry of the Dnieper Cultural Circle at the Early Medieval Sites along the Krivets Line in the Upper Reaches of the Voronezh River	282
<i>Jansone S.</i> Possible Reconstruction of Female Costume in Grobiņa: Baltic Influence and Scandinavian Style	297
<i>Engovatova A. V., Chernova O. F., Orfinskaya O. V., Yakovchik M. S.</i> Felt from a Mass Grave (construction No. 110) in Yaroslavl.	305

CITIES AND FORTIFICATIONS

<i>Koval V. Yu.</i> Use of Three-Walled Log Houses in the Fortifications of Medieval Rus.	326
<i>Ershov I. N., Krenke N. A., Ganichev K. A.</i> Laying-out and Dating of Medieval Defensive Constructions near the Avraamy Transfiguration Monastery in Smolensk	340
<i>Belyaev L. A., Baranova S. I.</i> Archaeology about the 17 th Century Palace in Kolomenskoye: Overview of Data Sources.	353
<i>Dyakova O. V.</i> Fortifications in the Avvakumovka River Basin in Eastern Primorye	368
<i>Artem'yeva N. G., Makievskiy S. V.</i> External Defensive Constructions of Jurchen Cities in Eastern Xia	387
<i>Sattarnejad S., Parvin S., Hendiani E.</i> Chronology of the Historical Context of Maragheh City Based on Archaeological Exploration and Historical Written Sources	397

INTERDISCIPLINARY INVESTIGATIONS

<i>Mastykova A. V.</i> The Medieval Site of Gorzuvity in the Crimea Southern Coast: Excavations 69 Years Later	407
<i>Dobrovolskaya M. B., Mastykova A. V.</i> Stable Isotope Studies of the Deceased from the Sepulchral Vault at Gorzuvity: Chronology, Diet Pattern and Mobility.	428
<i>Korobov D. S., Malashev V. Yu., Faßbinder J.</i> The Comprehensive Study of the Early Alan Burials of the Fourth Century in North Ossetia	441
<i>Malashev V. Yu., Frizen S. Yu.</i> Craniological Materials from the Alan Cemeteries in the North Caucasus in the 3 rd – First Half of the 5 th Centuries	459
<i>Svirkina N. G., Volodin S. A.</i> The Comprehensive Study of Cremations in the 1 st Century BC – 2 nd Century AD from the Burial Vaults of the Eastern Necropolis in Phanagoria.	482

RESEARCH OF CERAMIC PRODUCTION

<i>Lapshin A. G.</i> Criteria of Identifying Printed Stamps Made with One Die on the Bottoms of the Vladimir Wheel-Made Ceramics.	496
<i>Abolina N. A.</i> Ceramic Lids from Archaeological Materials in the City of Yeniseysk.	509

HISTORY OF SCIENCE

<i>Kudryavstev A. A., Volodin S. A.</i> Participation of the Institute for the History of Material Culture (the Moscow branch) of the Academy of Sciences of the USSR in the Activities of the Extraordinary State Commission (1943–1944)	540
---	-----

ABBREVIATIONS.	556
SUBMISSION GUIDE.	558

Д. В. Ожерельев

ЭПОХА ОЛДОВАНА НА ТЕРРИТОРИИ АФРИКИ И ЕВРАЗИИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ, ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ И ХРОНОЛОГИИ¹

Резюме. Олдован является древнейшей археологической эпохой. Появляясь в качестве культуры около 2,6 млн л. н. в Восточной Африке, он широко распространяется по территории Африки и Евразии. Открытие памятников этого пласта на территории России существенно удревняет отечественную историю каменного века и актуализирует изучение этой эпохи. Работа посвящена краткому описанию современного состояния и степени изученности культуры олдована в Старом Свете. Статья носит обзорный характер.

Ключевые слова: ранний палеолит, олдован, типология, хронология, каменная индустрия.

Олдован – древнейшая археологическая эпоха, просуществовавшая приблизительно с 2,6 млн л. н. до 1,5 млн л. н. в Африке и до 0,9–0,8 млн л. н. в других частях Евразии. Согласно одному из представлений, самые ранние традиции обработки камня связаны с технологией раскалывания галек с целью получения отщепов, которые затем без специальной обработки и модификации рабочего края использовались как полифункциональные орудия. Отсюда возникает шаблонное понимание олдована как однообразной и монотонной индустрии без специализированных и типологически выразительных орудий. При таком толковании древнейших палеолитических традиций используют термины галечно-отщеповая (или индустрия нуклеуса и отщепа) индустрия, а также Mode 1 (Clark, 1961; Biberson, 1961). Термин «Mode 1» отражает стадийный статус конкретной индустрии, характеризуя ее как предшествующую ашелию и не содержащую рубил. Этот термин, как и определения «галечная» или

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-19-50057. Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-19-50057.

«галечно-отщеповая» индустрия упрощает культурное содержание источника (в данном случае каменного инвентаря) и на самом деле не характеризует его археологическое наполнение. Другое мнение основывается на представлении о более сложном содержании доашельских раннеплейстоценовых техник обработки камня. Оно заключается в признании за древними гоминидами способности не только получать отщепы, но и изготавливать множество узкоспециализированных орудий при помощи дополнительной обработки краев (обивки, ретуширования). При таком подходе увеличивается и усложняется арсенал применяемых методов исследования, предмет изучения обретает форму культурного явления. Для его обозначения применяются термины «олдован», «олдованская культура», «олдованский индустриальный комплекс», которые несут уже конкретную культурно-хронологическую нагрузку и содержат в себе основу для технико-типологической классификации источников, в том числе и географически удаленных памятников (*Leakey, 1971; Harris, Isaac, 1976; Harris, Braun, 2003; Isaac et al., 1976; Studies..., 2004; Gallotti, Mussi, 2015; Kuman, 2014; Амурханов, 2016*). Еще одно представление признает за олдованом статус культурного явления. Но либо отвергает возможность намеренного изготовления большинства специализированных орудий тип-листа олдована (чопперов и, главным образом, орудий с ретушью на сколах) (*Toth, Schick, 2006; Torre, Mora, 2005; Carbonell et al., 2008; Semaw et al., 2009; Delagnes, Roche, 2005; Беляева, Любин, 2011; Щелинский, 2019б*), либо указывает на эволюционное развитие и неоднородность олдована, проводя грань между двумя его стадиями (ранний олдован/пре-олдован и классический олдован) в период около 2 млн л. н. (*Lumley et al., 2009; Barsky, 2009*). Представленные разночтения в своей основе имеют множество причин объективного и субъективного характера, в том числе различный интерпретационный уровень памятников, «бедность» археологического источника, включающего малочисленность коллекций, тип памятника (-ов), степень сохранности и характер культурного слоя, кратковременность существования стоянки, сырьевой фактор и т. д. Поэтому при возникающих дискуссиях и путанице важно обращаться к материалам многослойных базовых долговременных стоянок или периодически посещаемых стоянок по разделке туш животных, являющихся опорными для олдована.

Впервые олдован был открыт Льюисом Лики в Восточной Африке (Танзания) в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Термин «олдован» был использован в 1935 г. Определение олдована как культурного явления было сформулировано Л. Лики в 1951 г., в дальнейшем оно было уточнено и расширено его женой и сподвижницей Мэри Лики (*Leakey, 1971*). Обоснование ими олдована как древнейшей культуры человечества содержало стратиграфическую и хронологическую характеристику. Согласно же типологическим критериям, для олдованских индустрий Олдувайского ущелья были выделены четыре группы каменных находок – орудия, утилизированный материал, дебитаж (немодифицированные отщепы и обломки), манупорты. Наиболее показательной из них является группа орудий, отличающаяся большим разнообразием. Среди орудий были определены чопперы пяти разновидностей (боковые, концевые, двулезвийные, стрельчатые, долотовидные), протобифасы, дискоиды, сфероиды/субсфероиды, полиэдры, скребки крупные и мелкие, проторезцы, некоторые

разновидности орудий с ретушью, в том числе ножи (knife-like tools), отщепы и обломки с ретушью. Орудия по критерию размерности (больше и меньше 50 мм) подразделялись на две подгруппы – крупные (heavy-duty) и мелкие (light-duty). Утилизированный материал со следами использования включал наковальни, отбойники, валуны, гальки и желваки, обломки пород, мелкие отщепы и др. В группу дебитаж были помещены немодифицированные отщепы и обломки. И, наконец, группу манупортов формируют валуны, желваки и крупные обломки, которые были принесены на стоянки извне. Таким образом, определение археологической культуры олдована Олдувайского ущелья было сформулировано на основании четких категориальных и типологических критериев каменного инвентаря, включающего большое разнообразие форм орудий, способов их изготовления и, соответственно, функционального использования. Следует отметить, что за основу такой классификации были приняты материалы базовых стоянок с сохранившимися уровнями обитания, в которых помимо многочисленных каменных находок фиксируется большое количество фаунистических останков животных (тип стоянок living floor, по М. Лики). По ее мнению, «культура олдована» не ограничивалась Олдувайским ущельем, но была широко представлена на просторах Африки. В дискуссии (1960-е гг.) со сторонниками обозначения «галечная культура» для подобного типа памятников, в частности – для Северной Африки, она указывала на недостаточную их изученность и отсутствие обнаруженных базовых стоянок с сохранившимися уровнями обитания. Эти стоянки, согласно ее опыту, предоставили бы гораздо более полный и разнообразный материал, при котором название «галечная культура» стало бы неуместным (Leakey, 1966). Со временем эта точка зрения находит свое подтверждение для многих памятников и регионов.

Начиная с 1980-х гг., понятие индустрии олдована (или олдованского индустриального комплекса) постепенно расширяется для всех памятников Африки, не содержащих рубил и имеющих возраст от 2,6 до примерно 1,5 млн л. н. (Plummer, 2004; Toth, Schick, 2006; Kuman, 2014), некоторые и до 1 млн л. н.² Факт существования олдована вне Африки подкрепляется новыми открытиями на Ближнем Востоке, Кавказе, в Малой Азии и Западной Европе. Наличие подобных индустрий в Южной и Восточной Азии также устанавливается. Несмотря на частичный пересмотр тип-листа олдована (Toth, 1985; Torre, Mora, 2005), созданного М. Лики, базовые дефиниции этой культуры сохраняют свое фундаментальное значение. Таким образом, наименование олдован становится нарицательным для древнейших доашельских каменных индустрий с характерным набором изделий. Его определение основывается на четких типологических критериях каменного набора изделий, имеющих как пространственно-географическую представительность, так и хронологическую (в течение многих сотен тысяч лет) продолжительность. Следует отметить, что среди олдованских памятников отмечаются и различия между собой в каменном инвентаре. Они касаются степени интенсивности расщепления нуклеусов-чопперов, средней

---

² В данном случае автор принимает дискуссионное выделение стадии пре-олдована как часть олдована.

размерности изделий, статистической представительности различных категорий, сырьевых предпочтений и т. д. Также для памятников древнее 2 млн л. н. наблюдается заметно меньшее представительство намеренно ретушированных орудий на сколах.

Африканский континент по праву считается прародиной человечества. Олдованские памятники группируются здесь в трех регионах – Восточной, Южной и Северной Африке. Древнейшие и многочисленные из них расположены в **Восточной Африке** и приурочены к Восточно-Африканской рифтовой долине. Первоначально охарактеризуем эпонимное для олдована Олдувайское ущелье.

Плейстоценовые отложения в районе Олдувайского ущелья достигают 120 м и подразделяются на пять пачек – Пачки I–V. Олдованская индустрия приурочена к нижним двум пачкам – Пачке I и нижней-средней части Пачки II (стоянки DK, FLK NN, FLK, FLK Zinj, FLK North, MNK Skull site). Было определено (К-Аг-метод), что время формирования Пачки I и, соответственно, существования большей части стоянок олдована укладывалось в промежуток 1,9–1,8 млн л. н. Пачка II же датируется временем 1,8–1,3 млн л. н. (*McHenry, Stanistreet*, 2018).

В 1930–1960-е гг. исследователями раскапывалось более семидесяти стоянок (при определении культурных слоев как отдельных стоянок) различного типа, различного времени и культурной принадлежности. Полная стратиграфическая последовательность отложений ущелья и многочисленные памятники позволили авторам выделять такие культурные фации, как олдован, развитый олдован А, развитый олдован В, развитый олдован С и ранний ашель (*Leakey*, 1971; 1975). Обоснование этих фаций базировалось на морфологических критериях изделий, а также на статистическом соотношении различных категорий орудий между коллекциями разных стоянок. Вопрос наличия переходных индустрий в Пачках I и II Олдувайского ущелья является дискуссионным. На сегодняшний момент существование фаций развитого олдована А, В и С в качестве транзитных индустрий значительной частью исследователей подвергается сомнению (*Semaw et al.*, 2009; *Torre, Mora*, 2018).

Если существование олдована как древнейшей культуры было впервые сформулировано на основании богатых материалов Олдувайского ущелья, то происхождение олдована территориально связывается с Афарским треугольником, современной долиной среднего и нижнего течения р. Аваш (Эфиопия). Имеющиеся на настоящий момент данные указывают, что олдован возник в этом регионе около 2,6 млн л. н. и в дальнейшем распространился на другие территории Восточной, Северной и Южной Африки. Биологические факторы, а также экономические и/или экологические причины, способствовавшие возникновению олдована, пока остаются не совсем понятными. Каменный инвентарь самых ранних памятников из долины р. Аваш характеризует его появление в уже сформированном виде. С технологической точки зрения в таком виде он просуществовал без знаковых изменений на протяжении почти одного миллиона лет – от ~ 2,6 до ~ 1,7 млн л. н. (*Stout et al.*, 2010). Хотя в последние годы появляются новые данные, могущие дать представление о более ранних стадиях олдована (Ломекви, Дикика, Леди Герару) древностью свыше 2,6 млн л. н. (*Harmand et al.*, 2015; *Braun et al.*, 2019).

Памятники из Гона возрастом 2,6 млн л. н. включают множество местонахождений, самыми известными из них являются стоянки EG10, EG12, OGS6 и OGS7. На нуклеусах отмечается тщательная одно- и двусторонняя оббивка галек различного сырья. На стоянках, где фиксируется большое количество костей животных (OGS7), в том числе с нарезками, представлены и намеренно ретушированные орудия (*Semaw et al.*, 2000; 2003. P. 172).

Другие значительные пункты находок включают стоянки Хадар (A.L.666, A.L.894, KH-7) возрастом 2,36–2,33 млн л. н. (*Kimbel et al.*, 1996; *Goldman-Neuman, Hovers*, 2012), BOD-A3 и BOD-A4, датирующиеся временем 1,5–1,3 млн л. н. (*Harris*, 1983). На территории Джибути выявлены две стоянки олдована, функциональная специализация каждой из которых связана с разделкой одной крупной туши животного (Барогали и Чехейти Иссие 3).

Комплекс стоянок олдована был обнаружен в местности Мелка Кунтуре, расположенной в верховьях реки Аваш (Эфиопия). Олдованские слои с каменными и костными находками присутствуют на многослойных стоянках Гомборе I, Карре I и Гарба IV (1,7–1,5 млн л. н.). Особенностью памятников является наличие многочисленных ретушированных орудий – концевых и боковых скребков, резцов, проколов, ножей с обушками, зубчато-выемчатых орудий, отщепов с ретушью (*Studies...*, 2004).

Бассейн оз. Туркана является одним из крупнейших мест концентрации памятников олдована Африки. В западной части бассейна наиболее известными стали стоянки Локалалей 1 и Локалалей 2С, датирующиеся около 2,34 млн л. н. (*Delagnes, Roche*, 2005), в северной части – стоянки Омо 57 и 123 (2,4 млн л. н.), в восточной – Кооби Фор и Феджеж возрастом от 1,9 до 1,39 млн л. н. (*Torre*, 2004; *Isaac et al.*, 1976; *Harris, Isaac*, 1976; *Les sites préhistoriques...*, 2004).

Другие памятники олдована Восточной Африки представлены стоянками (или группами стоянок) Канжера (2 млн л. н.), Пенинж (1,6–1,4 млн л. н.), Чесованья (~ 1,42 млн л. н.), Ньябусоси (1,5 млн л. н.) (*Plummer*, 2004; *Dominguez-Rodrigo et al.*, 2002; *Gowlett et al.*, 1981; *Texier*, 1995).

Одним из крупнейших регионов концентрации памятников олдована является **Южная Африка**. Если для других регионов характерны стоянки олдована открытого типа, то в Южной Африке находки этой культуры связаны с пещерами и карстовыми полостями. Из более чем 14 подобных памятников, заполненных осадками, слои с олдованской индустрией обнаружены в пяти: Сварткранс М1, Стеркфонтейн М5В, Кромдраай В, Вондерверк L12 и Дримоллен MQ. Возраст слоев с этой индустрией в них оценивается от ~ 2,25 млн л. н. (Сварткранс) до 1,4 млн л. н. (*Kuman, Field*, 2009; *Kuman*, 2014; *Kuman et al.*, 2018).

Существование олдована в **Северной Африке** подтверждается замечательными находками стратифицированных памятников в Алжире, содержащими каменные орудия и фаунистические останки, в том числе с нарезками. Местонахождения включают стоянки двух хронологических групп – Айн Ханеш, Эль-Херба, Эль-Бейда (~ 1,8 млн л. н.) и Айн Бушерит (~ 2,4–1,9 млн л. н.), все они связаны с раннеплейстоценовой свитой Айн Ханеш. Каменная индустрия олдована Северной Африки находит близкие аналогии с материалами других стоянок Восточной Африки (*Sahnouni et al.*, 2010; 2018).

Близость **Аравийского полуострова** к древнейшему очагу происхождения человечества – Афарскому треугольнику – предопределяет потенциально важное его место на пути дальнейшего расселения гоминидов из Африки на Евразийский материк. Подтверждают этот факт открытые на юге полуострова стоянки (частично обвальные пещеры) Аль-Гуза, Шархабиль, навес Аль-Амира, а также местонахождения Хажря 1–3 на о. Сокотра (Амирханов, 2006; 2012).

Подавляющая часть стратифицированных местонахождений раннего палеолита **Леванта** связана с флювиально-аллювиальными отложениями. Наиболее ранними свидетельствами заселения Леванта является группа местонахождений Даукара (долина р. Зарка, Иордания) возрастом 2,48–1,95 млн л. н. и Йирон (долина р. Иордан, Израиль) с датой около 2,4 млн л. н. В кремневых коллекциях памятников представлены характерные для олдована разнообразные изделия, в том числе орудия на отщепках и обломках с ретушью (Scardia et al., 2019; Ronen, 2006). Многослойная стоянка Убейдия (район оз. Кинерет) известна в первую очередь как древнейший раннеашельский памятник вне Африки (1,6–1,2 млн л. н.). Однако вполне допускается присутствие олдованского технокомплекса в нижних слоях стоянки (Bar-Yosef, Belmaker, 2017). Одной из особенностей индустрии стоянки Бизат Рухама (Негев, Израиль) являются ее мелкие размеры. Последняя датировка памятника укладывается в 1,6–1,2 млн л. н. По всей видимости, индустрия стоянки имеет олдованские корни, но в силу палеоэкологических условий и доступности своеобразного сырья здесь сформировались свои фациальные особенности (Zaidner, 2013).

К северу, на территории **Ливана**, известны несколько местонахождений с единичными находками олдованского облика из прибрежно-морских отложений. Среди них Борж Киннарит, Кордон Литтораль и Бахсас. В **Сирии** все выявленные памятники подразделяются на две группы: местонахождения, происходящие из высоких террасовых уровней аллювиального-пролювиального происхождения (долины рр. Оронт, Евфрат, Нар-эль-Кебир) и стратифицированные стоянки в континентальных плейстоценовых отложениях центральной части Сирийской пустыни. Среди первых такие местонахождения, как Хаттаби 2, Халабийя, Залабийя, Маадан и другие (Shaw, 2012). В Центральной Сирии в оазисе Эль Каум олдованские индустрии обнаружены в нижних слоях двух многослойных палеолитических памятников – Айн аль Филь (2,0–1,8 млн л. н.) и Хуммал (> 1 млн л. н.) (Le Tensorer et al., 2015).

В **Малой Азии** известны лишь отдельные местонахождения с немногочисленными находками, некоторые из геологически датированных отложений (фрагмент черепа гоминида из Коджабаша, Дурсунлу, Гедиз, Бозиер, Кованджылар, Шамбаят и другие) (Güleç et al., 2009; Vialet et al., 2012; Ожерельев и др., 2018), которые указывают на большую перспективность обнаружения здесь погребенных стоянок олдована.

На **Иранском нагорье** открыто несколько местонахождений, которые могут соотноситься с олдованом. Наиболее значимые из них, стратиграфически подтвержденные находки происходят из долины р. Кашафруд в Северо-Восточном Иране (Ariai, Thibault, 1975) и из апшеронских отложений Южного Прикаспия (Thibault, 1976).

Благодаря целенаправленным исследованиям **Кавказ и Предкавказье** является одним из крупных регионов концентрации памятников раннего палеолита, в том числе олдована. Ключевым памятником, подтверждающим взаимосвязь олдована Африки и Кавказа, является стоянка Дманиси в Южной Грузии (1,85 млн л. н.) (Lumley et al., 2005; Mgeladze et al., 2011). Кроме стоянки Дманиси на территории Закавказья имеются отдельные свидетельства... позволяющие говорить о более широком заселении региона в раннем плейстоцене (Гусейнов, 1985; Liubin, Bosinski, 1995; Беляева, Любин, 2013; Зейналов и др., 2014; Gasparyan et al., 2014). На Северо-Восточном Кавказе (Внутренний Дагестан) открыта и изучается большая группа стоянок раннего палеолита Айникаб I–VI, Гегалашур I–III, Мухкай I–II, Урма. Научная значимость комплекса этих памятников уникальна и многогранна, поскольку позволяет изучать не только технико-типологическое содержание каменной индустрии, но и развитие культуры олдована Кавказа на протяжении более миллиона лет. Комплексным подходом также исследуются такие вопросы, как пространственные характеристики разных типов стоянок, палеоэкологическое окружение, древние ландшафты и т. д. (Амирханов, 2016; Ozherelyev, 2019). В Южном Приазовье располагается другая группа раннепалеолитических памятников – Родники 1–4, Богатыри/Синяя Балка, Кермек. Стоянки предоставили большой и разнообразный биостратиграфический и археологический материал, относительно интерпретации которого у исследователей имеются две точки зрения. По одной из них – датировка памятников охватывает время 2,1–1,0 млн л. н., и каменный инвентарь характеризует развитие «таманской раннеашельской индустрии» (Щелинский, 2019а). Согласно другому мнению, хронологические рамки ограничиваются периодом 1,8–1,2 млн л. н., и каменная индустрия соответствует «особому таманскому варианту олдована» (Кулаков, 2018).

Проблема появления олдованской культурной традиции в **Европе** к западу от Черного моря тесно переплетается с вопросом первоначального ее заселения. Вплоть до недавних пор господствовала точка зрения о «короткой хронологии» палеолита Европы, в соответствии с которой заселение этой части света произошло не ранее ~ 500 тыс. л. н. Однако с открытием новых памятников и совершенствованием методов датирования стало ясно, что первые гоминиды с индустрией олдованского типа проникли в Европу гораздо раньше, чем 1 млн л. н. Культурно-историческая атрибуция этих материалов в качестве олдована осложнена хронологическим сдвигом в сторону более позднего их возраста (на ~ 0,4 млн л.) по отношению к олдовану Африки или Кавказа. Поэтому предпочтительным у исследователей является их стадийное обозначение в качестве Mode 1. Но необходимо отметить, что по мере дальнейшего накопления источников обозначение древнейших стоянок Mode 1 в качестве олдована Европы находит все большее подтверждение.

Наиболее ранние свидетельства появления олдованских индустрий в Европе фиксируются в Южной (Средиземноморской) Европе и на Балканском полуострове. В **Болгарии** в нижних слоях пещеры Козарника обнаружены каменные изделия архаичного облика возрастом 1,6–1,4 млн л. н. (Sirakov et al., 2010). Далее к западу на **Апеннинском полуострове** известно несколько памятников, древнейшим из них является Пирро Норд – 1,7–1,3 млн л. н. (Arzarello et al., 2009). Среди

более поздних выделяются стоянка Монте Поджоло и местонахождение Чепрано с находкой черепа *Homo erectus* (оба 0,9–0,8 млн л. н.) (Peretto, 2006; Ascenzi et al., 1996).

На **Пиренейском полуострове** древнейшие многослойные стоянки олдованского типа Барранко Леон (1,4 млн л. н.) и Фуенте Нуева 3 (1,5 млн л. н.) расположены в котловине Гуадикс-Баса (Южная Испания) (Toro-Moyano et al., 2011). На севере, в Каталонии, известна стоянка Вальпарадиз с большой коллекцией находок из отложений возрастом 0,98 млн л. н. (Garcia et al., 2013). Группа памятников карстово-пещерного типа дислоцируется на севере полуострова в Сьерра де Атапуэрка. Архаичные изделия (чопперы, нуклеусы, ретушированные орудия и другие) обнаружены в нижних слоях стоянок Сима дель Элефанте (1,22 млн л. н.) и Гран Долина (0,85–0,78 млн л. н.) (Carbonell et al., 2008; Lombera-Hermida et al., 2015).

Древнейшие памятники олдованской традиции встречаются также в Южной и Центральной **Франции**. В Южной Франции расположены памятники Лезиньян-лэ-Себ (1,3–1,1 млн л. н.), пещера Ле Валлоне (1,2–0,9 млн л. н.), и вероятно, Солельяк (0,9 млн л. н.) и Шийяк III (1,9 млн л. н.?) (Bourguignon et al., 2016; Lumley, 1988; Michel et al., 2017; Bracco, 1991; Guth, Chavaillon, 1985). Памятники Центральной Франции (Пон-де-Лаво, Люнри и Pont-de-la-Nulauderie) приурочены к древним аллювиальным и солифлюкционным отложениям долин рр. Крёз, Шер и Луар и датируются около 1,3–0,93 млн л. н. (Despriée et al., 2011).

К северу от 50-й параллели сев. широты также известны памятники с архаичными изделиями – Унтермассфельд, Пейкфилд и Хапписбург (1,0–0,9 млн л. н.) (Garcia et al., 2013; Parfitt et al., 2010).

В **Южной Азии** также известны несколько местонахождений с индустриями олдованского типа. Это пункты Риват, Пабби Хилс (Пакистан) и Масол (Индия) в Сиваликских холмах с дискуссионным возрастом ≥ 2 млн л. н. (Dennell, 2009; Gaillard et al., 2016).

Древнейшие памятники палеолита **Восточной Азии** вполне вписываются в характеристику олдованского индустриального комплекса. Технология обработки связана с оббивкой галек и обломков породы. В каменных коллекциях представлены чопперы, нуклеусы, отщепы, обломки и ретушированные орудия (скребки, острия, проколки). Самые ранние свидетельства заселения обнаруживаются в Китае. Они, возможно, древнее 2 млн л. н., в частности, об этом могут говорить местонахождения Шанчен и Жэньцзыдунь (Zhu et al., 2018). Однако большинство известных стоянок олдованского типа имеют возраст не древнее 1,7 млн л. н. К ним относятся памятники из бассейна Нихэвань (Сяочанлян, Донгудо, Мацзюаньгоу, Баншан и др. ~ 1,7–1,1 млн л. н.), Лантянь (1,7 млн л. н.), Сихоуду (1,27 млн л. н.), пещерная стоянка Лонгупо (~ 1,7–1,4 млн л. н.), Юаньмоу (1,7 млн л. н.). Примечательно, что на большинстве из них каменные орудия находятся в контексте с костными останками раннеплейстоценовых млекопитающих, на некоторых также обнаружены останки людей *Homo erectus* (Bar-Yosef, Wang, 2012).

Заключение

Из этого краткого обзора видно, что олдован (или олдованский индустриальный комплекс) широко представлен в разных частях Старого Света. Олдован как древнейшая археологическая эпоха занимает первую строчку в периодизационной шкале каменного века. Происходит динамичное развитие этого отдельного направления археологии палеолита. В сферу его распространения включаются новые территории. В исследовании олдована, безусловно, имеется множество внутренних вопросов. Среди них выделяется проблема его появления, наличия или отсутствия эволюционных изменений внутри культуры, взаимосвязи с ранним ашелем. Отсюда проистекает полемика о периодизационном дроблении олдована на несколько культурно-хронологических подразделений (ранний олдован, пре-олдован, классический олдован, развитый олдован). Важным предметом обсуждения являются организация хозяйственной деятельности, жилого пространства, типы стоянок древних людей, условия формирования и погребения культурных остатков. Подобные вопросы наиболее продуктивно решаются на основе материалов многослойных стоянок из максимально полных раннеплейстоценовых разрезов с большой хронологической протяженностью. Но известные памятники (за немногими исключениями) представляют ограниченный во времени срез развития культуры олдована. Поэтому с открытием новых памятников и введением в научный оборот новых материалов наше понимание олдована будет расширяться и совершенствоваться.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А., 2006. *Каменный век Южной Аравии*. М.: Наука. 693 с.
- Амирханов Х. А., 2012. Местонахождения олдована на о. Сокотра // КСИА. Вып. 227. С. 8–18.
- Амирханов Х. А., 2016. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: Мавраевъ. 344 с.
- Беляева Е. В., Любин В. П., 2011. Ашельские рубила и истоки протодизайна // Российский археологический ежегодник. № 1 / Ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т. С. 73–99.
- Беляева Е. В., Любин В. П. Ашельские памятники Северной Армении // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А. П. Деревянко / В. И. Молодин, М. В. Шуньков (ред.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 37–52.
- Гусейнов М. М., 1985. Древний палеолит Азербайджана. Баку: Элм. 96 с.
- Зейналов А. А., Кулаков С. А., Идрисов И. А., Эйбатов Т. М., Авиарова И. Н., 2014. Раннепалеолитические местонахождения в апшеронских отложениях Азербайджана // АВ. Вып. 20. С. 31–42.
- Кулаков С. А., 2018. Ранний и средний палеолит Северо-Западного Кавказа: дис. ... д-ра ист. наук. СПб. 382 с.
- Ожерельев Д. В., Трифионов В. Г., Челик Х., Трихунков Я. И., Фролов П. Д., Симакова А. Н., 2018. Раннепалеолитические находки в бассейне р. Евфрат (Юго-Восточная Турция) в свете первоначального заселения Малой Азии и Кавказа // КСИА. Вып. 253. С. 7–27.
- Щелинский В. Е., 2019а. Крупные специальные отщепы и орудия из них таманской раннеашельской индустрии (Южное Приазовье): типология, технология изготовления, функции // АВ. Вып. 25. С. 18–43.
- Щелинский В. Е., 2019б. Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки Южного Приазовья // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания Российской академической археологии) / Ред.: Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 27–55.

- Ariai A., Thibault C., 1975. Nouvelles précisions a propos de l'outillage paleolithique ancien sur galets du Khorassan (Iran) // *Paleorient*. Vol. 3. P. 101–108.
- Arzarello M., Marcolini F., Pavia G., Pavia M., Petronio C., Petrucci M., Rook L., Sardella R., 2009. L'industrie lithique du site Pléistocène inférieur de Pirro Nord (Apricena, Italie du Sud): une occupation humaine entre 1,3 et 1,7 Ma // *L'Anthropologie*. Vol. 113. Iss. 1. P. 47–58.
- Ascenzi A., Biddittu I., Cassoli P. F., Segre A. G., Segre-Naldini E., 1996. A calvarium of late Homo erectus from Ceprano, Italy // *JHE*. Vol. 31. P. 409–423.
- Barsky D., 2009. An Overview of Some African and Eurasian Oldowan Sites: Evaluation of Hominin Cognition Levels, Technological Advancement and Adaptive Skills // *Interdisciplinary Approaches to the Oldowan* / Eds.: E. Hovers, D. R. Braun. Dordrech: Springer. P. 39–47. (Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology.)
- Bar-Yosef O., Belmaker M., 2017. 'Ubeidiya // Quaternary of the Levant: Environments, Climate Change, and Humans / Eds.: Y. Enzel, O. Bar-Yosef. Cambridge: Cambridge University Press. P. 179–186.
- Bar-Yosef O., Wang Y., 2012. Paleolithic Archaeology in China // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 41. P. 319–335.
- Biberson P., 1961. Le cadre paléogéographique de la préhistoire du Maroc atlantique. Rabat. 235 p. (Publication du Service des Antiquités du Maroc; 16.)
- Bourguignon L., Crochet J.-Y., Capdevila R., Ivorra J., Antoine P.-O., Agustí J., Barsky D., Blain H.-A., Boulbes N., Bruxelles L., Claude J., Cochard D., Filoux A., Firmat C., Lozano-Fernández I., Magnez P., Pelletier M., Rios-Garaizar J., Testu A., Valensi P., De Weyer L., 2016. Bois-de-Riquet (Lézignan-la-Cèbe, Hérault): A late Early Pleistocene archeological occurrence in southern France // *QI*. Vol. 393. P. 24–40.
- Bracco J.-P., 1991. Typologie, technologie et matières premières des industries du très ancien Paléolithique en Velay (Massif central, France) // *Les Premiers Européens* / Eds.: E. Bonifay, B. Vandermeersch. Paris: Éditions du CTHS. P. 93–100.
- Braun D. R., Aldeias V., Archer W., Arrowsmith J. R., Baraki N., Campisano Ch. J., Deino A. L., DiMaggio E. N., Dupont-Nivet G., Engda B., Feary D. A., Garello D. I., Kerfelew Z., McPherron Sh. P., Patterson D. B., Reeves J. S., Thompson J. C., Reed K. E., 2019. Earliest known Oldowan artifacts at > 2.58 Ma from Ledi-Geraru, Ethiopia, highlight early technological diversity // *PNAS*. Vol. 116. No. 24. P. 11712–11717.
- Carbonell E., Mosquera M., Rodríguez X. P., Bermúdez de Castro J. M., Burjachs, F., Rosell R., Sala R., Vallverdú J., 2008. Eurasian gates: The earliest human dispersals // *Journal of Anthropological Research*. Vol. 64. No. 2. P. 195–228.
- Clark G., 1961. *World Prehistory – An Outline*. Cambridge: Cambridge University Press. 215 p.
- Delagnes A., Roche H., 2005. Late Pliocene knapping skills: the case of Lokalelei 2C, West Turkana, Kenya // *JHE*. Vol. 48. Iss. 5. P. 435–472.
- Dennell R., 2009. *The Palaeolithic Settlement of Asia*. Cambridge: Cambridge University Press. 548 p.
- Despriée J., Voinchet P., Tissoux H., Bahain J.-J., Falguères C., Courcimault G., Dépont J., Moncel M.-H., Robin S., Arzarello M., Sala R., Marquer L., Messager E., Puaud S., Abdessadok S., 2011. Lower and Middle Pleistocene human settlements recorded in fluvial deposits of the middle Loire River Basin, Centre Region, France // *Quaternary Science Reviews*. Vol. 30. Iss. 11–12. P. 1474–1485.
- Dominguez-Rodrigo M., Torre I. de la, Luque L., Alcalá L., Mora R., Serrallonga J., Medina V., 2002. The ST site complex at Peninj, West Lake Natron, Tanzania: implications for early hominid behavioral models // *JAS*. Vol. 29. Iss. 6. P. 639–665.
- Gaillard C., Singh M., Dambricourt Malassé A., Bhardwaj V., Karir B., Kaur A., Pal S., Moigne A.-M., Chapon Sao C., Abdessadok S., Gargani J., Tudryn A., 2016. The lithic industries on the fossiliferous outcrops of the Late Pliocene Masol Formation, Siwalik Frontal Range, northwestern India (Punjab) // *Comptes Rendus Palevol*. Vol. 15. Iss. 3–4. P. 341–357.
- Gallotti R., Mussi M., 2015. The Unknown Oldowan: ~ 1.7-Million-Year-Old Standardized Obsidian Small Tools from Garba IV, Melka Kunture, Ethiopia // *PLoS One*. Vol. 10. Iss. 12. e0145101.
- Garcia J., Landeck G., Martínez K., Carbonell E., 2013. Hominin dispersals from the Jaramillo subchron in Central and western Mediterranean Europe: Untermassfeld (Germany) and Vallparadis (Spain) // *QI*. Vol. 316. P. 73–93.
- Gasparyan B., Adler D. S., Egeland Ch. P., Azatyan K., 2014. Recently discovered lower Paleolithic sites of Armenia // *Stone Age of Armenia. A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the*

- Republic of Armenia / Eds.: B. Gasparyan, M. Arimura. Kanazawa, Japan: Kanazawa University. P. 37–64.
- Goldman-Neuman T., Hovers E., 2012. Raw material selectivity in Late Pliocene Oldowan sites in the Makaamitalu Basin, Hadar, Ethiopia // JHE. Vol. 62. Iss. 3. P. 353–366.
- Gowlett J., Harris J. W. K., Walton D., Wood B., 1981. Early archaeological sites, further hominid remains, and traces of fire from Chesowanja, Kenya // Nature. Vol. 294. P. 125–129.
- Güleç E., White T., Kuhn S., Özer I., Sağır M., Yılmaz H., Howell F. C., 2009. The Lower Pleistocene lithic assemblage from Dursunlu (Konya), Central Anatolia, Turkey // Antiquity. Vol. 83. Iss. 319. P. 11–22.
- Guth Ch., Chavaillon J., 1985. Découverte, en 1984, de nouveaux outils paléolithiques à Chilhac III (Haute-Loire) // Bulletin de la Société préhistorique française. Vol. 82. No. 2. P. 56–64.
- Harmand S., Lewis J., Feibel C. S., Lepre C. J., Sandrine P., Lenoble A., Boës X., Quinn R., Brenet M., Arroyo A., Taylor N., Clément S., Daver G., Brugal J.-P., Leakey L., Mortlock R. A., Wright J. D., Lokorodi S., Kirwa C., Kent D. V., Roche H., 2015. 3.3-million-year-old stone tools from Lomekwi 3, West Turkana, Kenya // Nature. Vol. 521. P. 310–315.
- Harris J. W. K., 1983. Cultural beginnings: Plio-Pleistocene archaeological occurrences from the Afar, Ethiopia // African Archaeological Review. Vol. 1. P. 3–31.
- Harris J. W. K., Braun D. R., 2003. Technological developments in the Oldowan of Koobi Fora: innovative techniques of artifact analysis // Oldowan: Rather more than smashing stones / Eds.: R. Mora Torcal, I. de la Torre Sainz, J.-M. Moreno. Barcelona: Centre d'Estudis del Patrimoni Arqueològic de la Prehistòria. P. 117–144.
- Harris J. W. K., Isaac G. L., 1976. The Karari industry: early Pleistocene archaeological evidence from the terrain east of Lake Turkana, Kenya // Nature. Vol. 262. P. 102–107.
- Isaac G. L., Harris, J. W. K., Crader D., 1976. Archaeological evidence from the Koobi Fora Formation // Earliest Man and Environments in the Lake Rudolf Basin / Eds.: Y. Coppens, F. C. Howell, G. L. Isaac, R. E. F. Leakey. Chicago: University of Chicago Press. P. 533–551.
- Kimbel W. H., Walter R. C., Johanson D. C., Reed K. E., Aronson J. L., Assefa Z., Marean C. W., Eck G. G., Robe R., Hovers E., Rak Y., Vondra C., Yemane T., York D., Chen Y., Evensen N. M., Smith P. E., 1996. Late Pliocene Homo and Oldowan tools from the Hadar Formation (Kada Hadar Member), Ethiopia // JHE. Vol. 31. Iss. 6. P. 549–561.
- Kuman K., 2014. Oldowan industrial complex // Encyclopedia of Global Archaeology / Ed. C. Smith. New York: Springer. P. 5560–5570.
- Kuman K., Field A. S., 2009. The Oldowan Industry from Sterkfontein Caves, South Africa // The cutting edge: new approaches to the archaeology of human origins / Eds.: K. Schick, N. Toth. Gosport, IN: Stone Age Institute Press. P. 151–170.
- Kuman K., Sutton M. B., Pickering T. R., Heaton J. L., 2018. The Oldowan industry from Swartkrans cave, South Africa, and its relevance for the African Oldowan // JHE. Vol. 123. P. 52–69.
- Le Tensorer J.-M., Le Tensorer H., Martini P., von Falkenstein V., Schmid P., Villalain J. J., 2015. The Oldowan site Aïn al Fil (El Kowm, Syria) and the first humans of the Syrian Desert // L'Anthropologie. Vol. 119. Iss. 5. P. 581–594.
- Leakey M. A., 1966. Review of the Oldowan Culture from Olduvai Gorge, Tanzania // Nature. Vol. 210. P. 462–466.
- Leakey M. D., 1971. Olduvai Gorge. Vol. 3. Excavations in Bed I & II 1960–1963. Cambridge: Cambridge University Press. 328 p.
- Leakey M. D., 1975. Cultural Patterns in the Olduvai Sequence // After the Australopithecines. Stratigraphy, Ecology, and Cultural Change in the Middle Pleistocene / Eds.: K. W. Butzer, G. L. Isaac. Chicago: De Gruyter Mouton. P. 477–493.
- Les sites préhistoriques de la région de Fejej, Sud-Omo, Ethiopie, dans leur contexte stratigraphique et paléontologique. Association pour la diffusion de la pensée française (ADPF) / Eds.: H. de Lumley, Y. Beyene. Paris: Editions Recherche sur les civilisations, 2004. 635 p.
- Liubin V. P., Bosinski G., 1995. The earliest occupation of the Caucasus region // The Earliest Occupation of Europe / Eds.: W. Roebroeks, T. V. Kolfschoter. Leiden: University of Leiden. P. 207–253.
- Lombera-Hermida A. de, Bargalló A., Terradillos-Bernal M., Huguet R., Vallverdú J., García-Antón M.-D., Mosquera M., Ollé A., Sala R., Carbonell E., Rodríguez-Alvarez X.-P., 2015. The lithic industry of Sima del Elefante (Atapuerca, Burgos, Spain) in the context of Early and Middle Pleistocene technology in Europe // JHE. Vol. 82. P. 95–106.

- Lumley H. de, 1988. La grotte du Vallonet. Roquebrune-Cap Martin, Alpes-Maritimes. Situation géographique, description, historique // *L'Anthropologie*. Vol. 92. P. 387–397.
- Lumley H. de, Barsky D., Cauche D., 2009. Les premières étapes de la colonisation de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée // *L'Anthropologie*. Vol. 113. Iss. 1. P. 1–46.
- Lumley H. de, Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D., 2005. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanissi en Géorgie // *L'Anthropologie*. Vol. 109. Iss. 1. P. 1–182.
- McHenry L. J., Stanistreet I. G., 2018. Tephrochronology of Bed II, Olduvai Gorge, Tanzania, and placement of the Oldowan-Acheulean transition // *JHE*. Vol. 120. P. 7–18.
- Mgeladze A., Lordkipanidze D., Moncel M.-H., Despriée J., Chagelishvili R., Nioradze M., Nioradze G., 2011. Hominin occupations at the Dmanisi site, Georgia, southern Caucasus: raw materials and technical behaviours of Europe's first hominins // *JHE*. Vol. 60. Iss. 5. P. 571–596.
- Michel V., Shen C., Woodhead J., Hu H., Wu C., Moullé P., Khatib S., Cauche D., Moncel M., Valensi P., Chou Y., Gallet S., Echassoux A., Orange F., Lumley H. de, 2017. New dating evidence of the early presence of hominins in Southern Europe // *Scientific Reports*. Vol. 7. No. 10074.
- Ozherylyev D. V., 2019. The Oldowan site of Mukhai II, layer 80 (northeastern Caucasus): Spatial structure and cultural and chronological attribution of the lithic assemblage // *L'Anthropologie*. Vol. 123. Iss. 2. P. 216–232.
- Parfitt S. A., Ashton N. M., Lewis S. G., Abel R. L., Coope G. R., Field M. H., Gale R., Hoare P. G., Larkin N. R., Lewis M. D., Karloukovski V., Maher B. A., Peglar S. M., Preece R. C., Whittaker J. E., Stringer C. B., 2010. Early Pleistocene human occupation at the edge of the boreal zone in northwest Europe // *Nature*. Vol. 466. P. 229–233.
- Peretto C., 2006. The first peopling of southern Europe: the Italian case // *Comptes Rendus Palevol*. Vol. 5. Iss. 1–2. P. 283–290.
- Plummer T., 2004. Flaked stones and old bones: biological and cultural evolution at the dawn of technology // *Yearbook of Physical Anthropology*. Vol. 47. P. 118–164.
- Ronen A., 2006. The oldest human groups in the Levant // *Comptes Rendus Palevol*. Vol. 5. Iss. 1–2. P. 343–351.
- Sahnouni M., Parés J. M., Duval M., Cáceres I., Harichane Z., van der Made J., Pérez-González A., Abdessadok S., Kandi N., Derradji A., Medig M., Boulaghraif K., Semaw S., 2018. 1.9-million- and 2.4-million-year-old artifacts and stone tool-cutmarked bones from Ain Boucherit, Algeria // *Science*. Vol. 362. Iss. 6420. P. 1297–130.
- Sahnouni M., van der Made J., Everett M., 2010. Early North Africa: chronology, ecology, and hominin behavior. Insights from Ain Hanech and El-Kherba, northeastern Algeria // *QI*. Vol. 223–224. P. 436–438.
- Scardia G., Parenti F., Miggins D. P., Gerdes A., Araujo A. G. M., Neves W. A., 2019. Chronologic constraints on hominin dispersal outside Africa since 2.48Ma from the Zarqa Valley, Jordan // *Quaternary Science Reviews*. Vol. 219. P. 1–19.
- Semaw S., 2000. The world's oldest stone artifacts from Gona, Ethiopia: Their implications for understanding stone technology and patterns of human evolution between 2.6–1.5 Million years ago // *JAS*. Vol. 27. P. 1197–1214.
- Semaw S., Roger M. J., Quade J., Renne P. R., Butler R. F., Dominguez-Rodrigo M., Stout D., Hart W. S., Pickering T., Simpson S. W., 2003. 2.6-Million-year-old stone tools and associated bones from OGS-6 and OGS-7, Gona, Afar, Ethiopia // *JHE*. Vol. 45. Iss. 2. P. 169–177.
- Semaw S., Rogers M. J., Stout D., 2009. Insights into late Pliocene lithic assemblage variability: The East Gona and Ounda Gona South Oldowan archaeology (2.6 million years ago), Afar, Ethiopia // *The cutting edge: new approaches to the archaeology of human origins* / Eds.: K. Schick, N. Toth. Gosport, IN: Stone Age Institute Press. P. 211–246.
- Shaw A., 2012. *The Earlier Palaeolithic of Syria – Reinvestigating the Evidence from Orontes and Euphrates Valleys*. Oxford: Archaeopress. 238 p. (BAR International Series; 2341).
- Sirakov N., Guadelli J.-L., Ivanova S., Sirakova S., Boudadi-Maligne M., Dimitrova I., Fernandez Ph., Ferrier C., Guadelli A., Iordanova D., Iordanova N., Kovatcheva M., Krumov I., Leblanc J.-Cl., Miteva V., Popov V., Spassov R., Taneva S., Tsanova T., 2010. An ancient continuous human presence in the Balkans and the beginnings of human settlement in western Eurasia: A Lower Pleistocene

- example of the Lower Palaeolithic levels in Kozarnika cave (North-western Bulgaria) // *QI*. Vol. 223–224. P. 94–106.
- Stout D., Semaw S., Michael J. Rogers M.J., Cauche D.*, 2010. Technological variation in the earliest Oldowan from Gona, Afar, Ethiopia // *JHE*. Vol. 58. Iss. 6. P. 474–491.
- Studies on the early paleolithic site of Melka Kunture, Ethiopia. Vol. 2 / Eds.: J. Chavaillon, M. Piperno. Florence: Istituto italiano di preistoria e protostoria, 2004. 735 p.
- Texier P. J.*, 1995. The Oldowan assemblage from NY18 Site at Nyabusosi (Toro-Uganda) // *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences*. Vol. 320. Paris. P. 647–653.
- Thibault C.*, 1976. Decouverte de paleolithique archaïque dans le nordest de l'Iran // *Resumes de communications du IX Congress UISPP*. Nice.
- Toro-Moyano I., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Grégoire S., Lebegue F., Moncel M. H., Lumley H. de*, 2011. The archaic stone tool industry from Barranco León and Fuente Nueva 3, (Orce, Spain): Evidence of the earliest hominin presence in southern Europe // *QI*. Vol. 243. Iss. 1. P. 80–91.
- Torre I. de la*, 2004. Omo Revisited: Evaluating the Technological Skills of Pliocene Hominids // *Current Anthropology*. Vol. 45. No. 4. P. 439–465.
- Torre I. de la, Mora R.*, 2005. Technological Strategies in the Lower Pleistocene at Olduvai Beds I and II. Liege: University of Liege Press. 255 p. (ERAUL; 112.)
- Torre I. de la, Mora R.*, 2018. Oldowan technological behaviour at HWK EE (Olduvai Gorge, Tanzania) // *JHE*. Vol. 120. P. 236–273.
- Toth N.*, 1985. The oldowan reassessed: a close look at early stone artifacts // *JAS*. Vol. 12. Iss. 1. P. 101–120.
- Toth N., Schick K.*, 2006. An overview of the Oldowan Industrial Complex: the sites and the nature of their evidence // *The Oldowan: case studies into the earliest Stone Age* / Eds.: N. Toth, K. Schick. Gosport, IN: Stone Age Institute Press. P. 3–42.
- Vialet A., Guipert G., Alçiçek M. C.*, 2012. Homo erectus still further west: Reconstruction of the Kocabaş cranium (Denizli, Turkey) // *Comptes Rendus Palevol*. Vol. 11. Iss. 2–3. P. 89–95.
- Zaidner Y.*, 2013. Adaptive flexibility of Oldowan hominins: secondary use of flakes at Bizat Ruhama, Israel // *PloS One*. Vol. 8. Iss. 6. e66851.
- Zhu Z., Dennell R., Huang W., Wu Y., Qiu S., Yang S., Rao Z., Hou Y., Xie J., Han J., Ouyang T.*, 2018. Hominin occupation of the Chinese Loess Plateau since about 2.1 million years ago // *Nature*. Vol. 559. P. 608–612.

Сведения об авторе

Ожерельев Дмитрий Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: dmit.ozherelyev@gmail.com

D. V. Ozherelyev

THE OLDOWAN PERIOD IN AFRICA AND EURASIA:
ARCHAEOLOGICAL SITES AND ISSUES
OF CULTURAL ATTRIBUTION AND CHRONOLOGY

Abstract. The Oldowan is the earliest archaeological period. Emerging as a culture around 2,6 million years ago in Eastern Africa, it spread across Africa and Eurasia. The discovery of Oldowan sites in Russia has pushed the date of the Stone Age in Russia to a much earlier period and has revised the findings from the studies related to this period. This paper contains a summary of the current state of the Oldowan studies and the level of knowledge of this tradition in the Old World providing an overview of available information.

Keywords: Early Paleolithic, Oldowan, typology, chronology, stone tool making.

REFERENCES

- Amirkhanov H. A., 2006. Kamennyy vek Yuzhnoy Aravii [Stone Age of South Arabia]. Moscow: Nauka. 693 p.
- Amirkhanov H. A., 2012. Mestonakhozhdeniya oldovana na o. Sokotra [Oldowan sites at Sokotra Island]. *KSIA*, 227, pp. 8–18.
- Amirkhanov H. A., 2016. Severnyy Kavkaz: nachalo preistorii [North Caucasus: the dawn of prehistory]. Makhachkala: Mavrayev". 344 p.
- Belyayeva E. V., Lyubin V. P., 2011. Ashel'skiye rubila i istoki protodizayna [Acheulean hand-axes and proto-design origins]. *Rossiyskiy arkhеologicheskiy ezhegodnik [Russian archaeological annual]*, 1. L. B. Vishnyatskiy, ed. St. Petersburg: St.-Peterburgskiy gos. universitet, pp. 73–99.
- Guseynov M. M., 1985. Drevniy paleolit Azerbaydzhana [Early Palaeolithic of Azerbaijan]. Baku: Elm. 96 p.
- Kulakov S. A., 2018. Ranniy i sredniy paleolit Severo-Zapadnogo Kavkaza: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk [Early and Middle Palaeolithic of Northwestern Caucasus: Thesis presented for the degree of Doctor of Science. Manuscript]. St. Petersburg. 382 p.
- Ozherel'yev D. V., Trifonov V. G., Chelik Kh., Trikhunkov Ya. I., Frolov P. D., Simakova A. N., 2018. Rannepaleoliticheskiye nakhodki v bassejne r. Evfrat (Yugo-vostochnaya Turtsiya) v svete pervonachal'nogo zaseleniya Maloy Azii i Kavkaza [Early Paleolithic finds in the Euphrates valley (Eastern Turkey) in the light of initial settlement of population in Asia Minor and the Caucasus]. *KSIA*, 253, pp. 7–27.
- Shchelinskiy V. E., 2019a. Krupnyye spetsial'nyye otshchepy i orudiya iz nikh tamanskoy ranneashel'skoy industrii (Yuzhnoye Priazov'ye): tipologiya, tekhnologiya izgotovleniya, funktsii [Big special flakes and tools made on them in early Acheulean Taman industry (South Azov Sea region): typology, making technology, functions]. *AV*, 25, pp. 18–43.
- Shchelinskiy V. E., 2019b. Nachalo zaseleniya pervobytnymi lyud'mi territorii Rossii: drevneyshiye rannepaleoliticheskiye stoyanki Yuzhnogo Priazov'ya [Beginning of primitive men settling in Russia territory: oldest Early Palaeolithic sites of South Azov Sea region]. *Proshloye chelovechestva v trudakh peterburgskikh arkhеologov na rubezhe tysyacheletiy (k 100-letiyu sozdaniya rossiyskoy akademicheskoy arkhеologii) [Past of mankind in works of Petersburg archaeologists at the turn of millennia (to centenary of foundation of Russian academic archaeology)]*. Yu. A. Vinogradov, S. A. Vasil'yev, K. N. Stepanova, eds. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, pp. 27–55.
- Zeynalov A. A., Kulakov S. A., Idrisov I. A., Eybatov T. M., Avsharova I. N., 2014. Rannepaleoliticheskiye mestonakhozhdeniya v apsheronkikh otlozheniyakh Azerbaydzhana [Early Palaeolithic sites in Apsheron deposits of Azerbaijan]. *AV*, 20, pp. 31–42.

About the author

Ozherelyev D. V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: dmit.ozherelyev@gmail.com

Л. И. Авилова

К ИЗУЧЕНИЮ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ СОСУДОВ
АНАТОЛИИ (III тыс. до н. э.):
МОРФОЛОГИЯ И КОНТЕКСТ НАХОДОК

Напитки подаваемы были в золотых сосудах и сосудах разнообразных, ценою в тридцать тысяч талантов; и вина царского было множество, по богатству царя.

Есфирь, 1,8

Резюме. Статья посвящена металлическим сосудам раннего и среднего периодов бронзового века Анатолии. Цель исследования – попытка провести анализ хронологического и морфологического распределения металлических сосудов в регионе и уточнить их назначение, социальные и ритуальные функции с позиций анализа контекста обнаружения. В соответствии с поставленной целью материал рассматривается в нескольких аспектах: динамика распространения металлической посуды во времени; морфология и материал находок; функциональное назначение и социальные практики использования металлических сосудов. Автор подчеркивает значение таких находок для определения комплекса как элитарного, а также в связи с их функциональным использованием в ходе общественно значимых событий, таких, как церемониальная трапеза, в том числе погребальное пиршество. Несмотря на относительную малочисленность данной группы находок, металлические сосуды следует рассматривать как один из важных признаков иерархической структуры раннегосударственного общества, сложения цивилизаций ближневосточного типа. Это косвенно подтверждается отсутствием металлической посуды в памятниках III тыс. до н. э. в Северном Причерноморье.

Ключевые слова: Анатолия, бронзовый век, металлические сосуды, элитарные комплексы, хронология находок, морфология, социальные функции, цивилизация.

Металлические сосуды как значимая категория инвентаря

Металлопроизводство было одним из важнейших проявлений культурного, производственного и социального развития древних обществ, возникновения международного разделения труда и систем товарообмена (Chernykh, 1992. Р. 140–171). Обращаясь к контексту древнейших находок металлических изделий, мы подчеркивали, что стимулом для их изготовления было в первую очередь стремление создать отличительные знаки лиц или групп, обладавших высоким социальным статусом (Авилова, Антонова, 2009; Авилова, 2013; 2018а; Roberts et al., 2009). Эти особенности бытования металлических изделий отчетливо проявляются в эпоху формирования предгосударственных и раннегосударственных структур на Ближнем Востоке в IV–III тыс. до н. э. Контекст наиболее значимых металлических находок в Анатолии демонстрирует их стабильную связь с определенными типами памятников, прежде всего – с элитарными погребениями и кладами (Авилова, 2011; 2018а; 2018б). С этой точки зрения распространение металлических сосудов в элитарных комплексах (рис. 1) можно рассматривать как отражение социальных трансформаций.

Рис. 1. Памятники, упоминаемые в тексте

1 – Троя; 2 – Демирчихюк-Сарикет; 3 – Кучукхюк; 4 – Бейджесултан; 5 – Караташ-Семайюк; 6 – Полатлы; 7 – Эскияпар; 8 – Аладжахюк; 9 – Ресулоглу; 10 – Махматлар; 11 – Хорозтепе; 12 – Тарс; 13 – Арслантепе; 14 – Хассек Хейюк; 15 – Норшунтепе

Третье тысячелетие до н. э. было временем важных культурных перемен, выразившихся в расширении межрегиональных систем обмена (*Şahoğlu*, 2005; *Jablonka*, 2014; *Massa, Palmisano*, 2018), урбанизации культуры и ландшафта, прогрессе в объеме и технологии металлопроизводства. В этот период фиксируется количественный рост производства металла, расширяется морфологический репертуар изделий. Появляется ряд новых категорий инвентаря: парадное оружие, разнообразные украшения и изделия символического назначения (*Frangipane et al.*, 2001; *Zimmerman*, 2009; *Di Nocera*, 2010; *Yalçın Ü., Yalçın H.*, 2018; *Ковалев*, 2020). Среди таких инновационно значимых категорий инвентаря – металлические сосуды. Они достаточно широко представлены в Анатолии. Материалом для их изготовления служили все известные в ту эпоху металлы – медь/бронза, золото, серебро, свинец.

Металлические сосуды – весьма редкая находка, но неоднократно отмечены керамические подражания, имитации металлических сосудов. Этот факт показывает, что металлическая посуда использовалась более широко и ценилась выше, чем мы могли бы предполагать, исходя из имеющихся археологических данных. Как металлические сосуды, так и их имитации свидетельствуют о существовании обмена подобными предметами на дальние расстояния.

Этой яркой категории инвентаря уделялось внимание, начиная с первых публикаций троянских кладов (*Schmidt*, 1902). Более или менее детальные описания морфологии сосудов приводились при публикации могильников, кладов и отдельных находок (*Koşay, Akok*, 1950; 1973; *Koşay*, 1951; *Özgülç, Akok*, 1958; *Özgülç*, 1964; *Özgülç, Temizer*, 1993). Шаг вперед для понимания места и роли анатолийских металлических сосудов в контексте комплексов представлен в томе по медно-бронзовому веку в серии *Handbuch der Vorgeschichte* (*Müller-Karpe*, 1974). В целом ряде работ основной акцент авторы переносят с формально-стилистического анализа металлической посуды на ее социальную роль в составе престижного инвентаря, отражающего процессы имущественной и социальной дифференциации обществ, формирования элиты (*Reeves*, 2003; *Zimmerman*, 2009). Этой проблематике специально посвящен том *Anatolian Metal VIII* (в частности, статьи: *Lichter*, 2018; *Yalçın Ü., Yalçın H.*, 2018).

Металлические сосуды фигурируют и в историко-металлургических исследованиях: в классической работе У. Эсин по изучению сплавов на медной основе (*Esin*, 1969) и монографии П. де Джизуса о рудниках Анатолии и технологии производства металлических изделий (*Jesus*, 1980). Особый интерес для нашей темы представляет работа М. Ю. Трейстера о троянских кладах (*Трейстер*, 1996), где автор дает морфологическую характеристику хранящихся в ГМИИ им. А. С. Пушкина сосудов из кладов Трои II, детально рассматривает их конструктивные особенности, выстраивает систему аналогий с месопотамскими материалами и уточняет хронологию троянских древностей. Следует также упомянуть работу Н. В. Рындиной (2017), посвященную изучению технологии изготовления майкопских металлических сосудов. Применение микроструктурного анализа позволило автору выделить несколько технологических схем, использовавшихся ремесленниками-профессионалами Северного Кавказа уже в IV тыс. до н. э. Автор доказала, что ни в одной культуре Ближнего Востока не наблюдается столь высокого уровня производства сосудов из меди/бронзы. Можно лишь

сожалеть, что в настоящее время подобное исследование анатолийских металлических сосудов отсутствует.

Хронологические рамки

Хронологические рамки работы охватывают III тыс. до н. э., т. е., по терминологии зарубежных исследователей, ранний (РБВ) и средний (СБВ) периоды бронзового века. Используются хронологические схемы анатолийского позднего халколита – бронзового века М. Меллинк (*Mellink*, 1992) и Я. Якара (*Yakar*, 2011), основанные на радиоуглеродных датировках.

Последовательность анатолийских культурно-хронологических комплексов IV–III тыс. до н. э. выглядит следующим образом.

Поздний халколит – 4500–3400 гг. до н. э. – Бейджесулан XL–XX – Арслантепе VII – Коруджутепе 44–30 – Амур F;

РБВ IA – 3400–3000 гг. до н. э. – Кумтепе Ia – Бейджесулан XIX–XVII – Арслантепе VIA – Амур G;

РБВ IB – 3000–2600 гг. до н. э. – Кумтепе Ib – Троя I – Демирчиюк C–G; Бейджесулан XIX–XVII – Арслантепе VIB – Норшунтепе 30–25 – Амур G;

РБВ II – 2600–2400 гг. до н. э. – Троя IIa – Демирчиюк H–N – Йортан – Бейджесулан XVI–XIIIa – Норшунтепе 24–21 – Арслантепе VIC – Амур H;

РБВ IIIa – 2400–2300 гг. до н. э. – Троя IIg – Икизтепе, м-к – Царский некрополь Аладжахюк – Эскияпар – Бейджесулан XII–X – Арслантепе VID – Амур I;

РБВ IIIb – 2300–2000 гг. до н. э. – Троя III–V – Бейджесулан XII–VI – Арслантепе VID – Норшунтепе 12–11 – Амур J;

СБВ I – 2000–1800 гг. до н. э. – Троя VI – Кюльтепе-Канеш IV–Ic – Амур K.

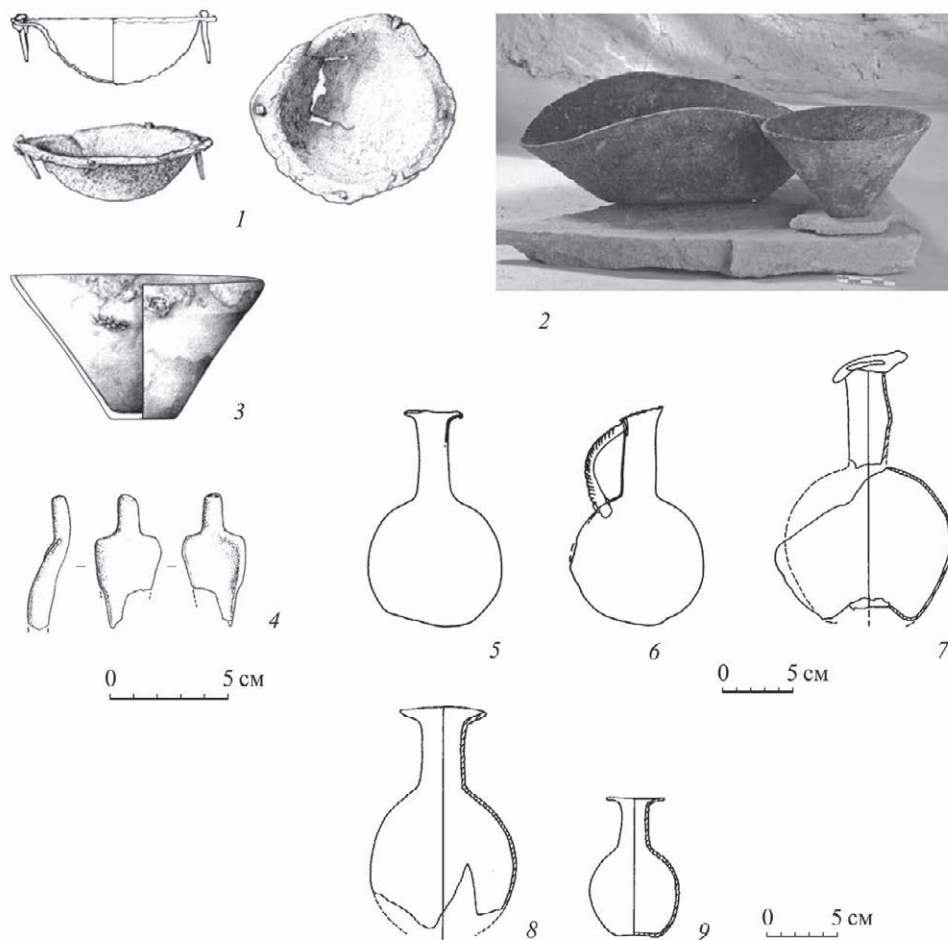
В Месопотамии первые металлические сосуды появляются в конце IV тыс. до н. э. (поздний Урук – Джемдет Наср), причем эти находки достаточно многочисленны (см.: *Müller-Karpe*, 1993). Так, для Царского некрополя Ура (*Woolley*, 1955) нами учтено 66 сосудов. Эти ранние материалы демонстрируют специфическую черту урукской эпохи в Южной Месопотамии – высокую встречаемость металлических сосудов в погребениях.

Материалы

В нашей БД по металлическим изделиям из Анатолии есть сведения о 154 сосудах, из них 128 из 11 определенных памятников (рис. 1) и 26 – случайные находки. Материалы РБВ I происходят из Арслантепе VIB (2 экз.), Демирчиюк-Сарикет (1 экз.). К РБВ II относятся сосуды из Демирчиюк-Сарикет и Кучукчиюк – 32 экз. Находки РБВ III присутствуют в могильниках Аладжахюк (37 экз.) и Хорозтепе (23), погребении в Махматлар (2), могильнике Ресулоглу (6), в кладях Трои II (16) и Эскияпар (7), на поселениях Тарс (1) и Полатлы (1) – всего 93 экз. Этим же временем по морфологическим признакам датируются случайные находки.

В Восточной Анатолии первые металлические сосуды появляются на рубеже IV и III тыс. до н. э. Эти находки единичны. Наиболее раннее свидетельство изготовления «контейнеров» из листового металла – дверной подпятник из общественного здания, связанного с комплексом храма В в Арслантепе VIA (3300–3000 гг. до н. э. (см.: *Di Nocera*, 2010. P. 263. Fig. XIII. 3: 6)). Предмет из мышьяковой бронзы был прикреплен гвоздями к деревянному порогу здания и сохранился *in situ* (рис. 2: 1).

Рис. 2. Металлические контейнеры/сосуды из Анатолии эпохи ранней бронзы I и II

1 – Арслантепе VIA, храм В; 2, 3 – Арслантепе VIB, сосуды из Царской гробницы (фото и рисунок); 4–6 – Демирчихююк-Сарикег; 7–9 – Кучукхююк

1–4 – бронза; 5–9 – свинец

Наиболее ранний комплекс с находками собственно сосудов – Царская гробница на поселении Арслантепе, слой VIB (РБВ IV, рубеж IV и III тыс. до н. э.) (*Frangipane et al.*, 2001). В центральном погребении в ящике из каменных плит был захоронен мужчина. На каменном перекрытии могилы находились останки еще четырех погребенных. В центральном погребении среди богатого инвентаря (набор оружия и украшений включал 75 предметов (*Hauptmann, Palmieri*, 2000)) были два бронзовых сосуда в виде чаш конической формы (рис. 2: 2, 3) (*Frangipane et al.*, 2001. Fig. 21: 10, 11; *Di Nocera*, 2010. Fig. XIII.4: 11; XIII.6: 4). Гробница принадлежала лицу высокого социального ранга, о чем свидетельствует богатство и специфика инвентаря, сложность конструкции и присутствие сопровождающих погребенных. Металлические сосуды – одно из свидетельств этого статуса.

Гробницу следует рассматривать в свете резких социальных изменений по сравнению с позднеурукским периодом. Комплекс указывает на политические, культурные и социальные трансформации, вызванные приходом в регион Верхнего Евфрата подвижного населения из Закавказья. Об этом свидетельствуют несколько слоев пожара, изменение планировки и архитектуры поселения, появление чернолощеной керамики закавказского (куро-аракского) облика (*Frangipane et al.*, 2001. Fig. 16).

На западе Анатолии в начале III тыс. до н. э. шел активный процесс урбанизации. Наиболее значимые памятники РБВ I во внутренней части региона – поселения Бейджесултан и Демирчихююк. Могильник Демирчихююк-Сарикет расположен к западу от одноименного поселения. Исследовано ок. 600 захоронений РБВ и СБВ. Единственная находка РБВ I, близкая сосудам по назначению, – металлическая ложечка (рис. 2: 4). Большинство погребений датируется РБВ II (2700–2400 гг. до н. э.). Среди находок этого времени имеется серия сосудов (*Efe, Fidan*, 2006. P. 22. Tab. 3). Наиболее распространенная форма – «сирийские фляги» (*Syrian bottles*) – маленькие кувшинчики, вероятно, косметического назначения, с шаровидным туловом и узким высоким горлом (*Seeher*, 2000. Fig. 25: *G 141b*; *Massa*, 2008. Fig. 1.7: *t*). В Сарикет обнаружено 26 таких фляжек (рис. 2: 5) и одноручный кувшин (рис. 2: 6) (*Seeher*, 2000. Fig. 36: *G 295a*). М. Масса насчитывает в могильнике уже 30 фляжек (*Massa*, 2008. P. 10). Три аналогичных свинцовых сосуда найдено в могильнике Кучукхююк, также в западной зоне (*Gürkan, Seeher*, 1991. Abb. 21) (рис. 2: 7–9). В Сарикет сирийские фляжки обнаружены как в богатых, так и в рядовых погребениях мужчин, женщин и детей, но в мужских захоронениях их встречаемость выше. Характерно, что все они изготовлены из свинца, подобно ранним сосудам из Царского некрополя Ура. Этот факт вместе с находками серебряных налобных блях свидетельствует о знакомстве населения с добычей серебра из свинецсодержащих руд (*Seeher*, 2000).

В РБВ III (2400–2000 гг. до н. э.) металлическая посуда распространена в Центральной Анатолии. Здесь известен ряд богатейших комплексов со значительными сериями находок (*Schmidt*, 1902; *Koşay*, 1951; *Koşay, Akok*, 1950; *Özgüç, Akok*, 1958; *Özgüç, Temizer*, 1993; Сокровища Трои..., 1996; *Трейстер*, 1996).

Аладжахююк – известный памятник на севере Центрального плато. На периферии поселения РБВ II позже было устроено кладбище эпохи РБВ III. Исследовано 13 погребальных камер с захоронениями представителей местной элиты.

Среди богатейшего инвентаря погребений обнаружена серия металлических сосудов, в том числе из драгоценных металлов. Нами учтено 37 экз. из 10 погребений. Наиболее широко представленной формой в могильнике являются кувшины со сливом и яйцевидным или шаровидным туловом, они найдены в 6 погребениях (рис. 3: 1, 3, 5–8). Встречены кубки на высокой ножке, глубокие чаши, открытые одноручные чаши. Одним экземпляром представлен серебряный «чайник» с носиком и высокой ручкой (рис. 3: 9). Два экземпляра – низкие бронзовые сосуды с вертикальным бортиком по краю и горизонтальной ручкой. П. де Джисус называет их сковородами – *frying pan* (*Jesus de*, 1980) (рис. 3: 13, 15). Орнаментация сосудов рельефная, в основном это композиции разной степени сложности из каннелюр: пояс из вертикальных каннелюр, паркетный узор из треугольных шевронов, елочка, ряды дугообразных каннелюр. Встречаются S-видные мотивы. В захоронениях имеются керамические лощеные сосуды с орнаментацией каннелюрами, имитирующие металлические формы (рис. 3: 14). Зооморфный декор отмечен в одном случае. Небольшие чаши имеет неорнаментированную поверхность (рис. 3: 12). Одна чаша украшена сердоликовыми бусинами, закрепленными штифтами на поверхности сосуда (рис. 3: 11).

В богатстве инвентаря погребений прослеживается определенная закономерность, на которую обратил внимание О. Мускарелла (*Muscarella*, 2003. P. 284). В 6 гробницах из 13 найдены кувшины из драгоценных металлов. Золотые кувшины присутствуют в двух погребениях – В (рис. 3: 1) и К (рис. 3: 3) в последнем найдено также 2 серебряных (рис. 3: 8). В гробницы А, Е, Н, L были только серебряные кувшины, как орнаментированные, так и без орнамента. В двух захоронениях отмечается сочетание двух форм сосудов: кувшина и кубка на высокой ножке. Это гробница К (золотой кувшин и два серебряных плюс золотой кубок) и гробница В (золотые кувшин и два кубка). Можно выделить и другой набор форм – кувшин и глубокая чаша; последняя, видимо, заменяет высокий кубок. Такое сочетание присутствует в гробнице Н (два серебряных кувшина плюс золотая чаша с сердоликовыми аппликациями – рис. 3: 5, 6, 11) и в гробнице L (серебряный кувшин и золотая одноручная чаша – рис. 3: 7, 12). Можно утверждать, что повторяющееся сочетание кувшин плюс кубок/чаша отражает некие существенные черты погребального ритуала.

Следует также отметить градации в богатстве инвентаря внутри одного царского кладбища: самый роскошный набор сосудов представлен в двух гробницах (К и В), он включал золотые сосуды (в гробнице К также серебряные), тогда как в четырех гробницах присутствуют только серебряные кувшины, а кубки не представлены. В третью группу входят нескольких гробниц (D, R, S, T), где найдены только медно-бронзовые сосуды.

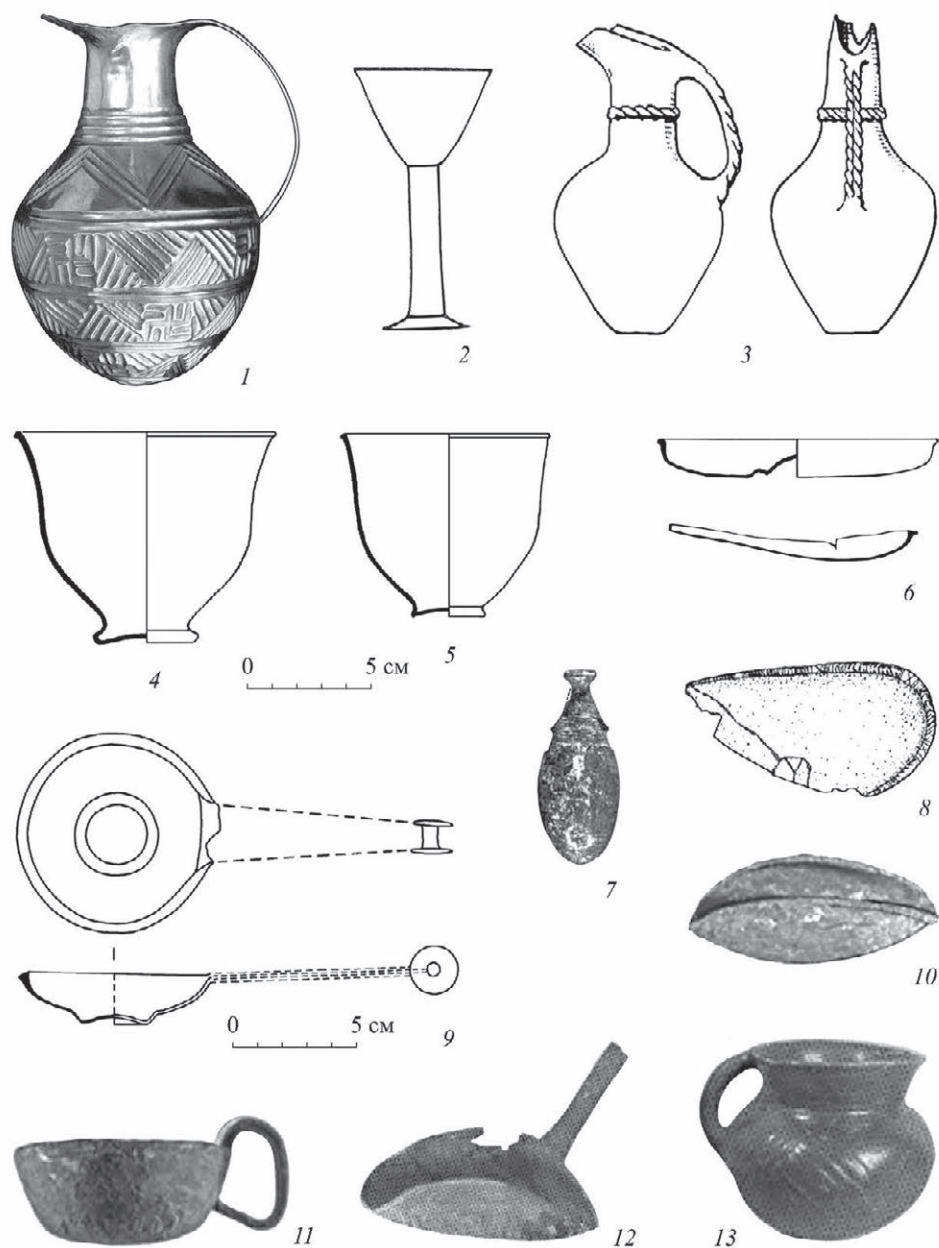
Среди металлических находок из памятника Махматлар в Центральной Анатолии имеются и сосуды. Вещи были найдены случайно, последовавшие раскопки не позволили уточнить состав комплекса. По керамике и металлическим находкам, аналогичным материалам Аладжи, комплекс датируется серединой – втор. пол. III тыс. до н. э. (*Koşay, Akok*, 1950). Сохранились два золотых сосуда – кувшин с богатым орнаментом в виде горизонтальных поясов каннелюр, заполненных треугольными шевронами, между которыми помещены свастики, и неорнаментированный кубок на высокой ножке (рис. 4: 1, 2).

Рис. 3. Металлические сосуды из некрополя Аладжахюк

1, 2 – гробница В; 3, 4, 8, 9, 10 – гробница К; 5, 6, 11 – гробница Н; 7, 12 – гробница Л; 13–15 – гробница А

1–4, 10, 12 – золото; 5–9 – серебро; 11 – золото, сердолик; 13, 15 – бронза; 14 – керамика

Рис. 4. Металлические сосуды из памятников Центральной Анатолии
 1, 2 – Махматлар; 3 – Полатлы; 4–9 – Эскияпар; 10–13 – Ресулоглу
 1, 2 – золото; 4–9 – серебро; 3, 10–12 – бронза; 13 – керамика

Хорозтепе представляет собой разрушенный памятник, включавший поселение втор. пол. III тыс. до н. э. (конец РБВ III (*Özgülç, Akok, 1958; Özgülç, 1964*)). Существовавший здесь богатый некрополь также разрушен, материалы из разрушенного погребения происходят в основном с рынка антиквариата и рассеяны по разным музеям: Метрополитен и Музей Анатолийских цивилизаций в Анкаре (*Muscarella, 1988. P. 394*). Второе погребение было найдено при раскопках 1957 г. (*Özgülç, Akok, 1958. P. 42 ff. Pl. II–XV*). При публикации вещи из обеих коллекций были описаны как единая серия (*Özgülç, Akok, 1958. P. 38 ff; Özgülç, 1964*). В данной статье коллекция из Хорозтепе также рассматривается как единая.

Набор престижных вещей из Хорозтепе включает металлические сосуды; в литературе упоминается 23 экз., в нашей БД учтено 16 экз., в том числе 1 кубок из электра и 3 из серебра. Ряд форм характерен для Центральной Анатолии: одноручный кувшин (рис. 5: 1), маленькие (высотой 8 см) глубокие кубки с одной ручкой (рис. 5: 5, 6), низкие открытые чаши без венчика и с венчиком (рис. 5: 7, 8, 10, 15), низкие чаши с высокой ручкой (рис. 5: 12, 13). Бронзовая «фруктовница» (высотой 50 см) на высокой ножке (рис. 5: 2) напоминает кубки из Аладжи, в том числе и орнаментацией на подставке в виде елочки, но с плоской и низкой верхней частью. Интересно, что сосуд сходен с более ранними керамическими «фруктовницами» из Арслантепе VIA (*Frangipane, 2017. Fig. 13.2: a*). Как и в Аладже, набор включает «чайник» с носиком и высокой ручкой (рис. 5: 3). Яйцевидный сосуд (кувшин?) с обломанным верхом (рис. 5: 11) напоминает сирийскую фляжку из Эскияпар. Обнаружено большое (длиной 48 см) бронзовое блюдо, намеренно согнутое пополам, внутри его были помещены два больших кубка и две чаши с высокими ручками (*Özgülç, Akok, 1958. Pl. V: 5*) (рис. 5: 12, 13). В погребении найден также сосуд, который авторы предположительно называют зеркалом (*Ibid. P. 44*). Он низкий (2,6 см глубиной при диаметре 20 см) и имеет две короткие горизонтальные ручки (рис. 5: 9). Вероятно, это аналог «сковород» из Аладжи, также часто именуемых зеркалами. Среди материалов погребения имеются два бронзовых столика (*Ibid. Pl. III: 3, 4; 3: 1, 2*). В обоих случаях в оформлении ножек имеются черты антропоморфизма: их нижняя часть выполнена в виде человеческой стопы (рис. 5: 14).

Могильник Ресулоглу также расположен в Центральной Анатолии. Исследовано свыше 270 погребений, совершенных по разному обряду: в каменных ящиках, сосудах и ямах (*Yildirim, 2006*). Обнаружен богатый инвентарь, в том числе находки из свинца и драгоценных металлов и металлические сосуды. Автор раскопок перечисляет такие формы, как кубки, вазы, сковороды с длинной ручкой (рис. 4: 12), открытые чаши (рис. 4: 10), чаши с петлевидной ручкой (рис. 4: 11) и ложечки, отмечая, что сосуды при помещении в могилу были намеренно повреждены. В основном посуда изготовлена из бронзы, лишь несколько экземпляров из свинца (*Ibid. P. 8. Fig. 13*). Точное число сосудов по публикациям установить не удастся, учтено всего 6 экз., изображенных на иллюстрациях. Ресулоглу относится к элитарным могильникам северной части Центральной Анатолии. Т. Йилдирим отмечает его связь с Хорозтепе, Аладжахююк, Эскияпар и датирует РБВ II – началом РБВ III, т. е. 2500–2100 гг. до н. э. (*Yildirim, 2011. P. 458; Dardeniz et al., 2018*). Среди керамических сосудов в Ресулоглу, как

**Рис. 5. Металлические сосуды из Хорозтепе (1-15)
и случайные находки с территории Анатолии (16-19)**

1-16 – бронза; 17 – серебро; 18 – электр; 19 – золото

и в Аладже, есть лощенные до блеска экземпляры с каннелированным орнаментом, явно имитирующие металлические (рис. 4: 13).

К редким случаям находок металлических сосудов на поселении относится бронзовый кувшин из Полатлы. Контекст находки неизвестен, точной стратиграфической привязки сосуд не имеет (*Lloyd, Gökçe, 1951. Fig. 14: 14*). Возможно, он связан с погребением в каменном ящике из слоя 6. По форме кувшин очень близок кувшину из Аладжи, Махматлар, Хорозтепе, но его орнаментация скромнее, она выполнена не в технике каннелюр, а рельефом и представлена витым пояском под горлом и витой ручкой (рис. 4: 3).

В РБВ II–III (середина – втор. пол. III тыс. до н. э.) представлен и такой тип памятников, как клады металлических изделий. Серия комплексов происходит из Трои (*Schmidt, 1902; Сокровища Трои..., 1996; Easton et al., 2002*). Г. Шлиман даже писал о «горизонте кладов» (*Schatzfundhorizont*). Стратиграфически клады происходят в основном из поздних слоев города Трои II (РБВ IIВ–IIА, 2600–2300 гг. до н. э.), начиная со слоя IIд, в основном IIг, по Блегену), часть комплексов связана с ранними горизонтами слоя III (*Bachhuber, 2009. P. 6. Fig. 2*). Относительная хронология троянских кладов рассмотрена М. Ю. Трейстером (1996) и Д. Истоном (*Easton, 1997. P. 194–197*). Классификацию кладов по достоверности в зависимости от контекста их обнаружения впервые предложил К. Биттель, разделив их на три группы: 1) целенаправленно сокрытые закрытые комплексы, найденные в контейнерах (клад А в каменном ящике и клады С, D, F, E, I, M в сосудах); 2) найденные на полах, под полами или в завалах стен (клады В, J, K); 3) вещи, найденные в сомнительном контексте, не составляющие, скорее всего, единого комплекса (клады O, Q, R, S) (*Bittel, 1959. S. 18, 19*).

Точное число кладов из Трои определить не удается, исследователями приводятся цифры от 19 до 21 (*Трейстер, 1996. С. 197, 198*). Наиболее полной публикацией металлических изделий из троянских кладов является каталог выставки «Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана», проходившей в Москве в ГМИИ им. А. С. Пушкина в 1996–1997 гг. Металлические сосуды происходят из кладов А и В. Они детально описаны в каталоге (*Сокровища Трои..., 1996*), поэтому здесь их подробное описание не приводится.

Находки из крупнейшего клада А хранятся в различных музейных собраниях; самая крупная серия – в ГМИИ. Нами учтено 16 сосудов (4 бронзовых, 4 золотых, 8 серебряных).

Среди сосудов два золотых кубка на рельефном поддоне (рис. 6: 2, 3) и два серебряных с шаровидным туловом и широким воронковидным горлом (рис. 6: 11, 12). Оба хранятся в Музее преистории и древней истории в Берлине. Из серебра выполнена и открытая чаша на поддоне с рельефным медальоном (*omphalos*) на дне (рис. 6: 4). Уникален по форме ладьевидный золотой сосуд-соусник с двумя ручками (рис. 6: 16), так же как и сферическая золотая узкогорлая фляга с орнаментом в виде рядов ромбических фигур (рис. 6: 15). В кладе имеются два серебряных флакона антропоморфных очертаний с суживающимся сверху горлом (один в ГМИИ, второй – в Музее преистории и древней истории в Берлине), к одному флакону относится цилиндрическая крышка с округлым верхом (рис. 6: 14). Тулово и крышка декорировано широкими неглубокими каннелюрами. Аналогичный флакон с крышкой находится в частной коллекции и, ви-

димо, происходит из Троицы (*Jesus*, 1980. Pl. XX, 2) (рис. 5: 18). Серебряный широкогорлый сосуд-канфар с высокими ручками (сохранилась одна – рис. 6: 1) и амфоровидный сосуд на поддоне (рис. 6: 13) хранятся в Берлине. Среди бронзовых сосудов присутствует большое (Д – 43,5 см) блюдо с широким отогнутым краем и петлевидными ручками (сохранилась одна) (рис. 6: 7), бочонкообразный сосуд с высокой ручкой-дужкой и двумя ручками из напаянных двойных трубочек (рис. 6: 10). Имеется большая (Д свыше 50 см) бронзовая сковорода с длинной ручкой (сохранилась фрагментарно) и рельефным медальоном на дне (рис. 6: 8, 9). Подобные сосуды известны среди случайных находок из Троицы и из клада Эскияпар (последний экземпляр изготовлен из серебра).

Рис. 6. Металлические сосуды из кладов Трои

1, 4, 5, 6, 11–14 – серебро; 2, 3, 15, 16 – золото; 7–10 – бронза

Клад на городском поселении Эскияпар

В слое конца РБВ III исследовано сгоревшее помещение, под полом которого найдено два клада: большой клад А и малый клад В, в котором было несколько металлических украшений и бусы из полудрагоценных камней. Оба комплекса были помещены в однотипные керамические сосуды (*Özgiç, Temizer, 1993. Fig. 43*). В кладе А было 7 металлических сосудов: 6 серебряных и один из электра. Это два кубка на поддоне, открытая низкая чаша, «сковорода» из электра с длинной ручкой (рис. 4: 4, 5, 6, 9). Чаша и сковорода имеют декор в виде рельефного медальона на дне. Есть также одноручная чаша с каннелированным орнаментом.

Целый ряд предметов из Эскияпара имеет аналогии в кладах Трои II. Авторы публикации полагают, что некоторые вещи (сковорода, кубки) могли быть привезены из Трои, что подчеркивает важную роль торгового пути из Центральной Анатолии в Трою (*Ibid. P. 627, 628*). Это тем более вероятно, что сковорода из Эскияпара – единственная находка такого типа в Центральной Анатолии; кубки на поддоне также близки золотым троянским. На связь с внутренними районами Западной Анатолии указывает миниатюрная сирийская фляжка с низким горлом (*Zimmerman, 2009. P. 23. Abb. 8: 5*) (рис. 4: 7). Аналогии ей, но более ранние, существуют в могильнике Демирчихюк-Сарикет. Плоский сосудик-ложка в виде морской раковины (рис. 4: 8) уникален по форме, аналогий ему мы не знаем.

Металлические сосуды есть и среди случайных находок из Анатолии. Многие из них, ныне хранящиеся в музейных собраниях, происходят с рынка антиквариата. Среди них встречаются те же формы, что и в известных комплексах: флакон из электра (рис. 5: 18), серебряный кубок с воронковидным горлом, золотой кувшин с богатым каннелированным орнаментом (рис. 5: 17, 19). Флакон и кубок имеют аналогии в троянском кладе А, тогда как кувшин аналогичен экземплярам из Аладжахюк и происходит из Центральной Анатолии (*Muscarella, 1988. P. 284*). К редким формам относится бронзовый двуручный кубок на поддоне с каннелированным орнаментом (рис. 5: 16). В нашей БД зафиксировано 26 случайных находок.

Результаты

Хронологическое распределение находок металлических сосудов в Анатолии неравномерно. В РБВ I металлические сосуды представлены единичными находками (Арслантепе VIB, Демирчихюк-Сарикет). К этому времени относятся всего 3 сосуда (2 % коллекции). В перв. пол. III тыс. до н. э. ситуация меняется. В Западной Анатолии (Демирчихюк-Сарикет, Кучукхюк) известны серии металлических сосудов нескольких типов. РБВ II датируется 32 находки (21 %). К РБВ III относится 93 сосуда из определенных памятников. Учитывая, что случайные находки датируются этим же временем, число находок для РБВ III оказывается еще выше – 119 экз., т. е. ок. 77 % всей коллекции.

Показательно распределение сосудов по типам памятников и регионам. Преобладание сосудов из погребальных комплексов фиксируется, начиная с РБВ I:

это ранние находки в Арслантепе VIВ в Восточной Анатолии и Демирчихюк-Сарикет в Западной. РБВ II представлен серией сосудов из могильников Демирчихюк-Сарикет и Кучукхюк (Западная Анатолия). Максимальное число находок связано с памятниками РБВ III в Центральной и Северо-Западной Анатолии, причем как с могильниками (Аладжахюк, Хорозтепе, Ресулогу), так и с кладками (Троя II, Эскияпар). Вся коллекция из 154 сосудов распределяется по типам памятников следующим образом: 103 экз. (67 %) происходит из могильников, 23 – из кладок (15 %), 2 – из поселений (1 %), 26 (17 %) – случайные находки.

Редкость археологических находок из металла на поселениях, и сосудов в том числе, обусловлена объективными причинами. Первая – обработка руды и производство металла локализовались чаще всего за пределами поселений. Вторая причина состоит в том, что металлические предметы высоко ценились, и срок их службы был дольше, чем, например, керамических сосудов. Следует учитывать и возможность переработки металлических изделий. То, что находят в процессе раскопок, – лишь малая часть репертуара реально существовавших металлических предметов. В основном ценные вещи депонировались в погребениях. В том случае, когда можно провести количественное и качественное сравнение набора металлических изделий, найденных на поселении и принадлежащем ему могильнике, прослеживаются значительные различия в их распределении. Ценные предметы из металлов, в том числе драгоценных, находят в погребениях. Яркими примерами могут служить Демирчихюк-Сарикет (*Seeher*, 2000) и Караташ-Семайюк (*Mellink*, 1965; 1969) в Западной Анатолии.

В рамках III тыс. до н. э. можно проследить эволюцию форм металлической посуды от простой к сложным. Ранние бронзовые чаши из Арслантепе VIВ имеют простую коническую форму. Типичной формой РБВ II являются высокогорлые «сирийские фляжки» с шаровидным туловом, в это же время появляются кувшины со сливом. Обе эти формы происходят из западного региона. В РБВ III анатолийское металлопроизводство переживает расцвет. Вместе с резким расширением репертуара металлической продукции распространяются и сосуды, как медно/бронзовые, так и из драгоценных металлов, свинец используется мало (исключение – сирийские фляжки в Эскияпаре и Тарсе). Наиболее яркие памятники с сериями металлических сосудов локализуются в Центральной и Северо-Западной Анатолии. Среди распространенных форм – кувшины со сливом, чаши на высокой ножке, кубки на поддоне, «сковороды» с выпуклым медальоном на дне, разнообразные чаши – глубокие с венчиком, мелкие открытые, чаши с высокой ручкой, сосуды-чайники, флаконы антропоморфных очертаний и др.

Выделяются локальные типы: кувшины и кубки на высокой ножке распространены в Центральной Анатолии, флаконы и кубки с воронковидным высоким горлом – в Северо-Западной. Есть и ряд типов, общих для обоих регионов: кубки на поддоне, открытые полусферические чаши, «сковороды» с рельефными медальонами на дне. Техника исполнения и композиции орнамента также разные. В Центральной Анатолии распространен орнамент в виде глубоких каннелюр, композиции богатые и разнообразные. На Северо-Западе орнаментация встречается реже, каннелюры мелкие, сложные композиции не применяются.

Заключение

Анализ комплексов, содержащих металлическую посуду, показывает, что такие находки являются надежным маркером для определения археологического комплекса как престижного. Наличие сосудов в погребениях указывает на высший социальный ранг их владельцев. Сосуды входят и в состав кладов наиболее ценных изделий.

Начало изготовления и использования сосудов в этом качестве относится ко втор. пол. IV тыс. до н. э., эпохе Урука. Эти находки связаны с процессом формирования элитарных групп в догосударственных и раннегосударственных обществах Месопотамии и Анатолии в IV–III тыс. до н. э.

Первые сосуды мы встречаем в Восточной Анатолии, находившейся под сильным воздействием урукской цивилизации. На Востоке на рубеже IV–III тыс. до н. э. располагался центр анатолийского металлопроизводства. В РБВ II основной очаг производства и использования сосудов перемещается на Запад, видимо, в связи с продвижением новых групп населения из Закавказья на Верхний Евфрат, с одной стороны, и активным процессом урбанизации Западноанатолийского региона, с другой. Затем, во втор. пол. III тыс. до н. э., выделяются два центра находок металлической посуды – Центральный и Северо-Западный, что связано с существованием в этих регионах сильных раннегосударственных образований с центрами в Аладже, Хорозтепе, Эскияпаре и Трое II–III.

В середине III тыс. до н. э. количество находок металлических сосудов, в том числе изготовленных из драгоценных металлов, резко возрастает. Распространяется престижный набор инвентаря, включавший наряду с металлической посудой элитарные головные уборы (диадемы) и парадное оружие (Авилова, в печати).

Демонстрация символов престижа визуализировала и укрепляла авторитет местных лидеров и способствовала их участию в межрегиональных контактах. Рост торгово-обменных связей начинается с РБВ II, на что указывает распространение такой выразительной формы металлических (а также керамических) сосудов, как сирийские фляги (*Massa, Palmisano*, 2018. P. 75. Fig. 8). Сосуды из могильников Сарикет и Кучукхююк морфологически родственны им. Подобный свинцовый сосудик найден в Тарсе (*Goldman*, 1956. Fig. 435: 11). В связи с этим напомним о «Большом караванном пути» (Great caravan route), связывавшем Сиро-Киликию с Северной Эгеидой через внутренние районы Западной Анатолии (*Efe*, 1987).

Видимо, в эпоху расцвета, в РБВ III сложилась общеанатолийская сеть торговых путей, соединявших Центр с Северо-Западом, западным побережьем и Эгеидой (*Şahoglu*, 2005. Fig. 1a), что нашло свое отражение в близком сходстве металлических изделий из Трои, Аладжахююка и Эскияпара. Развитая система обмена на далекие расстояния обеспечивала получение предметов роскоши и особо ценного сырья. В ней циркулировали в основном объекты, относящиеся к категории престижных и ценных предметов, заказчиком и потребителем которых была элита. Она же обладала возможностями для интенсификации производства, накопления излишков продукции для обмена, а также для организации и обеспечения безопасности торговых путей (Авилова, 2017).

Социально значимым аспектом функционирования металлических сосудов является их использование в общественных ритуалах: торжественных трапезах, погребальных церемониях, храмовых жертвоприношениях. Яркие свидетельства этого есть в изобразительных материалах Месопотамии – глиптике, мозаике на Урском штандарте и др.

Один из важных публичных аспектов использования металлической посуды – парадная трапеза. Нахождение сосудов в погребениях указывает на распространение обычая коллективных погребальных пиршеств, причём умерший, видимо, мыслился как участник трапезы, объединявшей мертвых и живых родичей. Эти идеи были распространены и в Месопотамии, и в бесписьменном обществе Анатолии III тыс. до н. э., о чем свидетельствуют находки из царских некрополей Аладжахююк и Хорозтепе с обширным набором престижных вещей, включавшем металлические сосуды, в том числе из драгоценных металлов (*Yalçin Ü., Yalçin H., 2018*).

С этим аспектом применения связано функциональное назначение сосудов. В целом формы анатолийских металлических сосудов указывают, что они применялись для манипуляций с жидкостями, причём были связаны не с ее хранением, а с употреблением в социальном контексте, включая смешивание, разлив, процеживание, питье. На это указывают средние и малые размеры и морфология сосудов. В наборах погребального инвентаря присутствуют широкогорлые кратеры, «чайники», черпаки для перемешивания и переливания жидкостей из больших емкостей в небольшие кувшины и сосуды для питья (кубки, чаши различных форм). Широкое распространение в Балкано-Эгейском ареале сосудов для питья в форме «соусников» в Раннеэлладском II и Раннеминойском II периодах обсуждается в статье К. И. Попа, где автор подчеркивает социальные функции сосудов как пиршественной посуды (*Popa, 2016*). Бронзовые глубокие миски, блюда, «сковороды», скорее всего, служили для обжаривания и разогревания пищи и сервировки парадной трапезы. Комплексы с металлическими сосудами позволяют реконструировать картину роскошного пира, устроенного для царственного покойника (*Авилова, 2010*).

Исследование археологических комплексов Анатолии, содержащих металлические сосуды, позволяет рассматривать эту выразительную категорию престижного инвентаря с позиций ее общественной значимости.

Публикация знаковой статьи Г. Чайлда о городской революции (*Childe, 1950*) положила начало дискуссии об археологических критериях различения предгосударственного общества и раннего государства. Последний феномен Чайлд обозначил термином «цивилизация» и выделил ряд ее признаков, в том числе: городские центры; профессиональное ремесло, административный аппарат, монументальные культовые, дворцовые и общественные постройки; обособление элиты; наличие археологически фиксируемой резкой социальной стратификации; письменность; торговля на дальние расстояния; образование государства. К. Рэнфрю принадлежит монументальное исследование археологического аспекта сложения цивилизации в Средиземноморье (*Renfrew, 1972*). Эта тема активно разрабатывается в отечественной науке. В. М. Массоном был предложен краткий и емкий ряд признаков цивилизации: городские поселения, монументальная архитектура, дворцовые и храмовые постройки, могильники социальной элиты,

развитое ремесло, письменность (Массон, 1989. С. 8–11). Н. Н. Крадин перечисляет такие археологически уловимые критерии государства, как трехуровневую структуру общества, оседлость, земледельческое хозяйство как основу экономики и обработку металла (Крадин, 2006. С. 196; 2015. Табл. 1).

Таким образом, анализ металлических сосудов из Анатолии подводит нас к мысли о том, что даже количественно небольшая коллекция этих выразительных находок позволяет связывать их со значимым общественным явлением – сложением цивилизации ближневосточного типа в качестве одного из ее признаков.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Л. И. Головные уборы как признаки высокого социального статуса (по материалам Ближнего Востока эпохи раннего металла) // Древность: историческое знание и специфика источника: материалы науч. конф., посвящ. памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. Вып. 8 / Отв. ред.: вып. Г. Ю. Колганова, В. Ю. Шелестин. М.: ИВ РАН. (В печати.)
- Авилова Л. И., 2010. К изучению социокультурного развития земледельческих обществ Древнего Востока // Вестник Дагестанского научного центра. № 37. С. 35–49.
- Авилова Л. И., 2011. Металл Ближнего Востока. Социально-экономические и культурные процессы. Saarbrücken: LAP Lambert academic publishing. 356 с.
- Авилова Л. И., 2013. Компьютерные базы данных и исследования металлопроизводства на Древнем Востоке // КСИА. Вып. 229. С. 91–105.
- Авилова Л. И., 2017. О циркуляции металла в эпоху энеолита – бронзы (слитки, заготовки и весовые системы Ближнего Востока) // SP. № 2. С. 75–100.
- Авилова Л. И., 2018а. Анатолийские клады металлических изделий: Очерки металлопроизводства и культурного контекста. М.: ИА РАН. 248 с.
- Авилова Л. И., 2018б. О кладах металлических изделий в Анатолии (энеолит – бронзовый век) // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века / Отв. ред. М. В. Андреева. М.: ИА РАН. С. 37–90.
- Авилова Л. И., Антонова Е. В., 2009. Древняя Евразия: интерпретации свидетельств культурных перемен // КСИА. Вып. 223. С. 3–12.
- Ковалев А. А., 2020. Хронология переднеазиатских и закавказских аналогий «украшениям» культур Предкавказья первой половины III тыс. до н. э. // КСИА. Вып. 258. С. 75–94.
- Крадин Н. Н., 2006. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л. Е. Гринина и др. Волгоград: Учитель. С. 184–208.
- Крадин Н. Н., 2015. Основные закономерности происхождения государства // КСИА. Вып. 239. С. 7–27.
- Массон В. М., 1989. Первые цивилизации. Л.: Наука. 268 с.
- Рындина Н. В., 2017. О технологии производства металлических сосудов майкопской культуры Северного Кавказа // SP. № 2. С. 101–118.
- Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: каталог выставки / Ред. И. А. Данилова. М.: ГМИИ: Леонардо Арте. 1996. 297 с.
- Трейстер М. Ю., 1996. Троянские клады: (атрибуции, хронология исторический контекст) // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: каталог выставки / Ред. И. А. Данилова. М.: ГМИИ: Леонардо Арте. С. 197–240.
- Bachhuber C., 2009. The treasure deposits of Troy: rethinking crisis and agency on the Early Bronze Age citadel // AS. Vol. 59. P. 1–18.
- Bittel K., 1959. Beitrag zur Kenntnis anatolischer Metallgefäße der zweiten Hälfte des dritten Jahrtausends v. Chr. // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. 74. Berlin. S. 1–34.
- Chernykh E. N., 1992. Ancient Metallurgy in the USSR: The Early Metal Age. Cambridge: Cambridge University Press. 335 p.
- Childe V. G., 1950. The urban revolution // Town planning review. Vol. 21. P. 3–17.

- Dardeniz G., Arıkan B., Yıldırım T., Çiftçi E.*, 2018. The ancient metallurgy of the Delice valley // Heritage Turkey. Vol. 8. P. 41.
- Di Nocera G. M.*, 2010. Metals and metallurgy. Their place in the Arslantepe society between the end of the 4th and beginning of the 3rd millennium BC // Economic Centralisation in Formative States. The Archaeological Reconstruction of the Economic System in 4th Millennium Arslantepe / Ed. M. Frangipane. Roma: Sapienza universita di Roma. P. 255–274. (Studi di Preistoria Orientale; vol. 3.)
- Easton D. F.*, 1997. The excavation of the Trojan treasures and their history up to the death of Schliemann in 1890 // The spoils of war: World War II and its aftermath: the loss, reappearance, and recovery of cultural property / Ed. E. Simpson. N. Y.: Harry N. Abrams Inc. P. 194–206.
- Easton D. F., Hawkins J. D., Sherratt A. G., Sherratt E. S.*, 2002. Troy in recent perspective // AS. Vol. 52. P. 75–109.
- Efe T.*, 1987. New concepts on Tarsus-Troy relations at the beginnings of the EB 3 period // XXXIV Uluslararası Assirioloji, Kongresi, İstanbul. Ankara: Türk Tarih Kurumu. P. 297–302.
- Efe T., Fidan E.*, 2006. Pre-middle Bronze Age metal objects from inland Western Anatolia: a typological and chronological evaluation // Anatolia Antiqua. Vol. XIV. P. 15–43.
- Esin U.*, 1969. Kuantatif spektral analiz yardımıyla Anadolu'da başlangıcından Asur kolonileri çağına kadar bakır ve tunç madenciligi. İstanbul: Tas Matbaası. 205 p.
- Frangipane M.*, 2017. The role of metal procurement in the wide interregional connections of Arslantepe during the late 4th – early 3rd millennia BC // Overturning certainties in Near Eastern archaeology. A festschrift in honor of K. Aslihan Yener / Eds.: Ç. Maner, M. Horowitz, A. Gilbert. Leiden; Boston: Brill. P. 186–210.
- Frangipane M., Di Nocera G., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T.*, 2001. New symbols of a new power in a «Royal» tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // Paléorient. Vol. 27. Iss. 2. P. 105–139.
- Goldman H.*, 1956. Excavations at Gözlü Kule, Tarsus. Vol. 2. Princeton; N. J.: Princeton University Press for the Institute for Advanced Study. 373 p., 460 pls.
- Gürkan G., Seeher J.*, 1991. Die frühbronzezeitliche Nekropole von Küçükhöyük bei Bozuyük // Istanbul Mitteilungen. Bd. 41. S. 39–96.
- Hauptmann A., Palmieri A.*, 2000. Metal production in the Eastern Mediterranean at the transition of the 4th/3rd millennium: Case studies from Arslantepe // Anatolian metal I / Ed. Ü. Yalçın. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum. P. 75–82. (Der Anschnitt; Beiheft 13.)
- Jablónka P.*, 2014. Globalisierung im 3. Jahrtausend v. und n. Chr. – Interpretationen archäologisch sichtbarer Kontakte von der Ägäis bis zum Indus von der nordwestlichen Peripherie aus betrachtet // Altorientalische Forschungen. Bd. 41. No. 1. S. 41–62.
- Jesus P. S. de.*, 1980. The development of prehistoric mining and metallurgy in Anatolia. 2 vols. Oxford: British Archaeological Reports. (BAR International series; 74.)
- Koşay H. Z.*, 1951. Les fouilles d'Alaca Höyük: Rapport préliminaire sur les travaux en 1937–1939. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. 409 p. (Türk Tarih Kurumu yayımlarından; 5.)
- Koşay H. Z., Akok M.*, 1950. Amasya Mahmatlar köyü defnesi // Belleten. 14, 55. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. P. 481–485.
- Koşay H. Z., Akok M.*, 1973. Alaca Höyük kazısı: 1963–1967 çalışmaları ve keşiflere ait ilk rapor = Alaca Höyük excavations, preliminary report on research and discoveries, 1963–1967. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. XX, 118 p., XCV pls. (Türk Tarih Kurumu tarafından yapılan.)
- Lichter C.*, 2018. Frühbronzezeitliche Eliten in Anatolien im Licht der Gräber // Anatolian Metal VIII. Eliten – Handwerk – Prestigegüter / Ed. Ü. Yalçın. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum. P. 77–90. (Der Anschnitt; Beiheft 39.)
- Lloyd S., Gökçe N.*, 1951. Excavations at Polatlı: a new investigation of second and third millennium stratigraphy in Anatolia // AS. Vol. 1. P. 21–75.
- Massa M.*, 2008. Burial customs in west-central Anatolian Early Bronze Age: new evidence from Demirci Sariket (Eskişehir): Dissertation submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of M. Sc. in GIS and Spatial Analysis in Archaeology of the University of London in 2007/8, UCL Institute of Archaeology. London.
- Massa M., Palmisano A.*, 2018. Change and continuity in the long-distance exchange networks between western/central Anatolia, northern Levant and northern Mesopotamia, c. 3200–1600 BCE // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 49. P. 65–87.

- Mellink M. J.*, 1965. Excavations in Karataş-Semayük in Lycia, 1964 // *AJA*. Vol. 69. No. 3. P. 241–251.
- Mellink M. J.*, 1969. Excavations at Karataş-Semayük and Elmali // *AJA*. Vol. 71. P. 247–258.
- Mellink M. J.*, 1992. *Anatolia // Chronologies in Old World archaeology* / Ed. R. W. Ehrich. 3rd ed. Chicago; London: University Chicago Press. Vol. I. P. 207–220; Vol. II. P. 171–184.
- Müller-Karpe H.*, 1974. *Handbuch der Vorgeschichte. Dritter Band Kupferzeit. Dritter Teilband Tafeln*. München: C. H. Beck. 1095 S.
- Müller-Karpe M.*, 1993. *Metallgefäße im Iraq I (von dem Anfangen bis zur Akkad-Zeit)*. Stuttgart: Steiner. XI, 352 S. (Prähistorische Bronzefunde; Abt. II, Bd. 14.)
- Muscarella O. W.*, 1988. *Bronze and iron. Ancient Near Eastern artifacts in The Metropolitan Museum of Art*. New York: The Metropolitan Museum of Art. 501 p.
- Muscarella O. W.*, 2003. *The Central Anatolian Plateau: The tombs of Alaca Höyük // Art of first cities: The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus* / Eds.: J. Aruz, R. Wallenfels. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art; New Haven: Yale University Press. P. 287–288.
- Özgüç T.*, 1964. *New finds from Horoztepe // Anadolu (Anatolia)*. Vol. 8. P. 1–25.
- Özgüç T., Akok M.*, 1958. *Horoztepe. An Early Bronze Age settlement and cemetery*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. 61 p. (Türk Tarih Kurumu yayınlarından. Ser. V; no. 18.)
- Özgüç T., Temizer R.*, 1993. *The Eskiyapar treasure // Aspects of art and iconography: Anatolia and its neighbours: Studies in honor of Nimet Özgüç* / Eds.: M. J. Mellink, E. Porada, T. Özgüç. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. P. 613–628.
- Popa C. I.*, 2016. *Vessels for toasting? The «sauceboats» of the Coțofeni and Baden cultures and their Balkan-Aegean connections // Annales Universitatis Apulensis. Seria Historica*. 20/II. P. 113–182.
- Reeves L. C.*, 2003. *Aegean and Anatolian Bronze Age Metal Vessels: a Social Perspective*. Vol. I: Text. A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy, University of London. Institute of Archaeology, University College London. London. 297 p.
- Renfrew C.*, 1972. *The emergence of civilization. The Cyclades and the Aegean in the third millennium B.C*. London: Methuen. 624 p.
- Roberts B. W., Thornton C., Pigott V.*, 2009. *Development of metallurgy in Eurasia // Antiquity*. Vol. 83. Iss. 322. P. 1012–1022.
- Şahoğlu V.*, 2005. *The Anatolian trade network and the Izmir region during the Early Bronze Age // Oxford Journal of Archaeology*. Vol. 24. Iss. 4. P. 339–361.
- Schmidt H.*, 1902. *Heinrich Schliemanns Sammlung trojanischer Altertümer*. Berlin: Reimer. 354 S.
- Seeher J.*, 2000. *Die Bronzezeitliche Nekropole von Demirci Hüyük-Sarıket. Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts In Zusammenarbeit mit dem Museum Bursa, 1990–1991*. Tübingen: E. Wasmuth. 229 S. (Istanbuler Forschungen; Bd. 44.)
- Woolley L.*, 1955. *Ur Excavations. Vol. IV: The Early Periods. A Report on the Sites and Objects Prior in Date to the Third Dynasty of Ur Discovered in the Course of the Excavations*. London: Trustees of the Two Museums. 225 p., 83 pls.
- Yakar J.*, 2011. *Anatolian chronology and terminology // The Oxford handbook of Ancient Anatolia (10.000–323 BCE)* / Eds.: G. McMahon, Sh. Steadman. Oxford: Oxford University Press. P. 56–93.
- Yalçın Ü., Yalçın H. G.*, 2018. *Könige, Priester oder Handwerker? Neues über die frühbronzezeitlichen Fürstengräber von Alacahöyük // Anatolian Metal VIII. Eliten – Handwerk – Prestigegüter* / Ed. Ü. Yalçın. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum. S. 91–122. (Der Anschnitt; Beiheft 39.)
- Yıldırım T.*, 2006. *An Early Bronze Age cemetery at Resuloğlu, near Uğurludağ, Çorum. A preliminary report of the archaeological work carried out between years 2003–2005 // Anatolia Antiqua*. Vol. XIV. P. 1–14.
- Yıldırım T.*, 2011. *Resuloğlu mezarlığında ele geçen bir grup sap delikli balta // Knowledge Production from the Black Sea to the Euphrates: Studies Presented in honour of Önder Bilgi* / Eds.: A. Öztan, Ş. Dönmez. Ankara: Bilgin Kültür Sanat. P. 457–470.
- Zimmerman Th.*, 2009. *Fruhmetallzeitliche Eliten zwischen Ostagais und Taurusgebirge im 3. Jahrtausend v. Chr. – Versuch einer kritischen Bestandsaufnahme // Aufstieg und Untergang* / Hrsg.: M. Egg, D. Quast. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum. S. 1–30. (Monographien des Römisch-Germanisches Zentralmuseums; Bd. 82.)

Сведения об авторе

Авилова Людмила Ивановна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: aviloval@mail.ru

L. I. Avilova

THE STUDY OF METAL VESSELS
FROM ANATOLIA (III MILLENNIUM BC):
MORPHOLOGY AND THE FINDS CONTEXT

Abstract. The paper explores metal vessels from the early and the middle periods of the Anatolian Bronze Age. The study attempts to analyze the chronological and morphological distribution of metal vessels in this region and clarify their purpose, social and ritual functions by analyzing the context of archaeological finds. In line with this aim, metal vessels are considered from several aspects: changes in their distribution over time; morphology and the material the finds are made from; functional purpose and social practices metal vessels were used in. The author emphasizes relevance of such finds for categorizing assemblages containing metal vessels as elite ones as well as highlights their significance in relation with their use in socially important events such as ceremonial feasts, including funerary feasts. Despite a relatively limited number of finds attributed to this group, metal vessels should be regarded as one of eloquent markers of a hierarchical structure of society in early state formations and development of civilizations of the Near Eastern type. The said is indirectly confirmed by absence of metal vessels in the III mill. materials from the North Pontic region.

Keywords: Anatolia, Bronze Age, metal vessels, elite assemblages, chronology of finds, morphology, social functions, civilization.

REFERENCES

- Avilova L. I. Golovnyye ubory kak priznaki vysokogo sotsial'nogo statusa (po materialam Blizhnego Vostoka epokhi rannego metalla) [Headdresses as symbols of high social status (based on Near Eastern materials of the Early Metals period)]. *Drevnost': istoricheskoye znaniye i spetsifika istochnika* [Antiquity: historical knowledge and the data source specifics], 8. G. Yu. Kolganova, V. Yu. Shelestin, eds. Moscow: IV RAN. (In print.)
- Avilova L. I., 2010. K izucheniyu sotsiokul'turnogo razvitiya zemledel'cheskikh obshchestv Drevnego Vostoka [On study of social-cultural development of agricultural societies in ancient Near East]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of Dagestan scientific centre], 37, pp. 35–49.
- Avilova L. I., 2011. Metall Blizhnego Vostoka. Sotsial'no-ekonomicheskiye i kul'turnyye protsessy [Metal of the Near East. Social-economic and cultural processes]. Saarbrücken: LAP Lambert academic publishing. 356 p.
- Avilova L. I., 2013. Komp'yuternyye bazy dannykh i issledovaniya metalloproduktstva na Drevnem Vostoke [Computer databases and investigations of metal production in ancient Near East]. *KSIA*, 229, pp. 91–105.
- Avilova L. I., 2017. O tsirkulyatsii metalla v epokhu eneolita – bronzy (slitki, zagotovki i vesovyye sistemy Blizhnego Vostoka) [On circulation of metal in the epoch of Chalcolithic – Bronze Age (ingots, blanks and weight systems of the Near East)]. *SP*, 2, pp. 75–100.
- Avilova L. I., 2018a. Anatoliyskiye klady metallicheskikh izdeliy: Ocherki metalloproduktstva i kul'turnogo konteksta [Anatolian metalwork hoards (Essays on metal production and cultural contexts)]. Moscow: IA RAN. 248 p.

- Avilova L. I., 2018b. O kladakh metallicheskih izdeliy v Anatolii (eneolit – bronzovyy vek) [Treasure hoards of metal items in Anatolia (Eneolithic – Bronze Age)]. *Arkheologicheskiye pamyatniki i mezhkul'turnyye fenomeny eneolita i bronzovogo veka* [Archaeological sites and cross-cultural phenomena of the Eneolithic and the Bronze Age]. M. V. Andreyeva, ed. Moscow: IARAN, pp. 37–90.
- Avilova L. I., Antonova E. V., 2009. Drevnyaya Evraziya: interpretatsii svidetel'stv kul'turnykh peremen [Ancient Eurasia: interpretation of evidences of cultural changes]. *KSIA*, 223, pp. 3–12.
- Kovalev A. A., 2020. Khronologiya peredneaziatskikh i zakavkazskikh analogiy «ukrasheniyam» kul'tur Predkavkaz'ya pervoy poloviny III tys. do n. e. [Chronology of Western Asian and Transcaucasian artifacts similar to the Fore-Caucasus bronze adornments of the first half of III millennium BC]. *KSIA*, 258, pp. 75–94.
- Kradin N. N., 2006. Arkheologicheskiye priznaki tsivilizatsii [Archaeological indications of civilization]. *Ranneye gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [Early state, its alternatives and analogs]. L. E. Grinin et al., eds. Volgograd: Uchitel, pp. 184–208.
- Kradin N. N., 2015. Osnovnyye zakonomernosti proiskhozhdeniya gosudarstva [Key factors behind the origin of the state]. *KSIA*, 239, pp. 7–27.
- Masson V. M., 1989. Pervyye tsivilizatsii [First civilizations]. Leningrad: Nauka. 268 p.
- Ryndina N. V., 2017. O tekhnologii proizvodstva metallicheskih sudov maykopskoy kul'tury Severnogo Kavkaza [On production technology of metal vessels of Maykop culture (the North Caucasus)]. *SP*, 2, pp. 101–118.
- Sokrovishcha Troi iz raskopok Genrikha Shlimana: katalog vystavki [Trojan treasures from Heinrich Schliemann's excavations: catalogue of exhibition]. I. A. Danilova, ed. Moscow: GMII: Leonardo Arte, 1996. 297 p.
- Treyster M. Yu., 1996. Troyanskie klady: (atributsii, khronologiya istoricheskoy kontekst) [Trojan hoards: (attributions, chronology, historic context)]. *Sokrovishcha Troi iz raskopok Genrikha Shlimana: katalog vystavki* [Trojan treasures from Heinrich Schliemann's excavations: catalogue of exhibition]. I. A. Danilova, ed. Moscow: GMII: Leonardo Arte, pp. 197–240.

About the author

Avilova Lyudmila I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova st., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: aviloval@mail.ru

Н. Б. Виноградов, С. В. Кузьминых, Р. К. Хайратдинов

СИМВОЛЫ ФАРНА КУЗНЕЦОВ-ЛИТЕЙЩИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Резюме. Статья посвящена поиску семантики фертообразных символов на выполненной из талька створке литейной формы – случайной находке на распаханном Старокумлякском поселении в окрестностях г. Пласт Челябинской области. Артефакт датирован заключительным этапом бронзового века в Южном Зауралье. Четырежды повторенный один и тот же символ – изображение рогов барана, по мнению авторов, должен восприниматься как знак, отражающий корпоративную обрядовую практику, призванную обеспечить мастеру покровительство фарна.

Ключевые слова: Южное Зауралье, бронзовый век, металлопроизводство, обрядовая деятельность, фертообразный символ, фарн.

Введение. Постановка проблемы

Статья посвящена описанию и анализу створки литейной формы, поднятой в 1995 г. научным сотрудником Пластовского городского музея Р. К. Хайратдиновым с распаханной поверхности Старокумлякского поселения позднего бронзового века (ПБВ). Ценность данного артефакта заключена не только в информации о типах отливаемых металлических предметов того времени, процедурах подготовки литейной формы к работе, но и в наличии на ней знаков-символов, которые, вероятно, вводят нас в сакральный мир литейщиков бронзового века.

Еще недавно о ритуалах и магии, связанных с горно-металлургическим производством, мы судили, прежде всего, по данным мифологии и этнографии. Однако в настоящее время источниками реконструкции сакрального мира горняков, металлургов и кузнецов эпохи поздней бронзы все чаще становятся археологические материалы и памятники. Яркий пример тому поселение Горный 1 (Каргалинский ГМЦ), исследования которого привели Е. Н. Черных к выводу: «Трудно не впасть в изумление при знакомстве со столь богатой и неохватной ритуальной сферой, связанной с металлом и его производством. Удивительно тесно переплетались здесь бесспорно рациональные подходы к природе недр

и металлов, с одной стороны, а с другой – с необъяснимой и обескураживающей своей иррациональностью магией, что следовала неотступной тенью буквально за каждым шагом горняков, металлургов и кузнецов...» (Черных, 2007. С. 135).

Действительно, не только профессиональная деятельность горняков, металлургов, кузнецов бронзового века Южного Урала текла «между знаков и символов». Отблески этих сложных в исполнении технологических процессов, неизбежно сопряженных с повседневным использованием системой абсолютных величин, разнообразно отражались на всей ткани их бытия. Именно в металлопроизводстве нужно искать причины появления изумляющей до сих пор ученых геометрии и стандартизации планиграфии синташтинских и раннеалакульских (петровских) укрепленных поселений, совершенства их архитектуры. Но это удивительное по уровню для того времени и места опытное знание причудливо сочеталось с невиданными доселе ритуальными практиками (Виноградов, 2013. Рис. 2.20; 2.32; 2.53; 2.74; 2.76). В магическую ирреальность бронзового века под современным названием «металлопроизводство», безусловно, ожидаемо были вплетены и литейные аксессуары.

Старокумлякское поселение было впервые открыто и обследовано С. В. Марковым в 1986 г. (Марков, 1987)¹. Памятник локализован в 1 км к С–СЗ от с. Старый Кумляк Пластовского района Челябинской области (рис. 1). Площадка поселения расположена на пологом склоне и, судя по плану, снятому С. В. Марковым, тяготеет к старичному руслу р. Кумляк (рис. 2). В течение многих десятилетий этот участок берега распаивается практически до старичного русла. Многолетняя пахота нанесла культурному слою памятника непоправимый урон. В обширной коллекции разведочных сборов присутствуют фрагменты сосудов алакульской, черкакульской и межовской культур эпохи поздней бронзы.

В разные годы с поверхности распашки поднимались разнообразные древние предметы. Часть их хранится в фондах Пластовского городского музея и лаборатории археологических исследований Челябинского государственного педагогического института (ныне ЮУрГГПУ). Некоторые из них введены в научный оборот (Виноградов, Хайратдинов, 2018; Виноградов, 2018; Дегтярева и др., 2019). Публикуемый артефакт хранится в фондах Пластовского городского музея (инв. номер КП-421/А-5).

Что касается конкретного места находки, – это понижение в центральной части площадки поселения. Поверхность почвы здесь отличается более светлым тоном, особенно заметным на свежевспаханном поле после дождя. Возможной причиной разницы цветности может быть большое содержание золы, сопутствующее обычно остаткам архитектурных объектов ПБВ. В пределах этого понижения и были подняты описываемая створка литейной формы, обломок другой матрицы², а также несколько кусков металлургического шлака с пятнами «медной зелени».

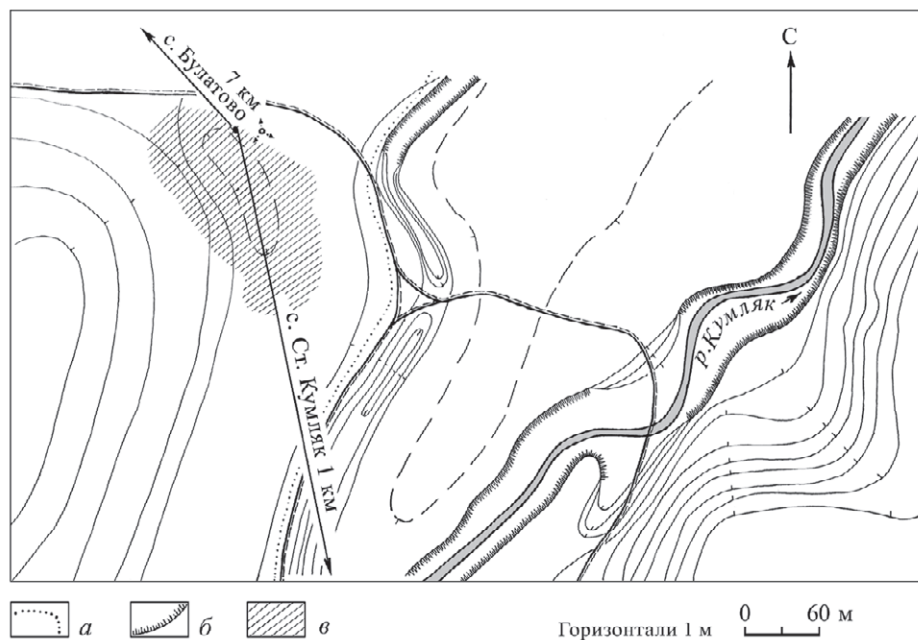
За четверть века со времени находки данная створка публиковалась дважды. Первый раз – в рекламном альбоме «Аркаим: У истоков цивилизации» (2009. С. 186) в контексте обсуждения аксессуаров женского костюма эпохи бронзы

¹ Авторы признательны С. В. Маркову за возможность использовать материалы отчета и глазомерный план памятника.

² Ее анализ не входит в задачи данной статьи.

Рис. 1. Локализация Старокумлякского поселения в Южном Зауралье
 1 – Старокумлякское поселение

Рис. 2. Старокумлякское поселение. Расположение в рельефе
 а – граница распашки; б – обрыв; в – границы района распространения находок (по: Марков, 1987)

Южного Зауралья. Краткий текст, посвященный створке, сопровождался графическим рисунком. Второй раз внимание к данной литейной форме привлек А. В. Епимахов, характеризуя историю ювелирного дела региона в бронзовом веке (Епимахов, 2012. С. 85. Рис. 4). При этом в его статье воспроизведен тот же рисунок из альбома «Аркаим». В обоих случаях обращение к исследуемому артефакту было связано с решением иных конкретных проблем и не предполагало максимально полного и по возможности всестороннего его исследования.

Эти обстоятельства и обусловили появление данной статьи. Ее цель – ввести в научный оборот уникальную литейную форму, которая сохранила не только следы технологической культуры позднебронзовой эпохи, но и богатство духовного мира кузнецов-литейщиков Южного Зауралья.

Описание

Створка-матрица, вырезанная из прямоугольной тальковой³ плитки (125 × 60 × 11–13 мм) (рис. 3), является частью двустворчатой, а возможно, и трехстворчатой литейной формы. Корректировка створок осуществлялась с помощью штифтов и двух пар технологических отверстий; расстояние между ними в парах – 19 и 13 мм.

Отверстия сверлились цилиндрическими инструментами. Три сквозных отверстия имеют диаметр 5 мм. Сверление четвертого (диаметр – 4 мм) мастер остановил в четырех миллиметрах от противоположной поверхности створки. Причиной того – неправильное позиционирование отверстия. Если бы оно прошло насквозь, то на противоположной поверхности неизбежно был бы поврежден негатив одного из наконечников стрел. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что негативы, по крайней мере, наконечников стрел вырезались *до того*, как были высверлены технологические отверстия.

Обе поверхности створки – рабочие, обе являются матрицами (негативы вырезаны с обеих сторон). Они тщательно подровнены ножом, пришлифованы без малейших зазоров на плотно стыкующихся плоскостях матриц. Переход к боковым поверхностям мягкий, сглаженный, следы обработки ножом затерты в процессе использования формы. Цвет поверхностей передает тона различной степени насыщенности – от серо-коричневого до темно-серого (пятнами). Разная цветовая гамма, безусловно, связана с высокотемпературными воздействиями.

Для удобства описания створки определим две ее рабочие поверхности как А и Б. Всего на поверхностях матриц зафиксировано 15 объектов: 10 – на поверхности А (рис. 3; 4) и 5 – на поверхности Б (рис. 3; 5). Объекты для описания разделены на три группы: негативы для отливки конкретных предметов; различные виды линейной разметки; знаки и символы.

³ Ближайшее месторождение талька – Чемпаловское (Пластовский р-н). По данным геологов, слагающие его породы отличаются по своим характеристикам от талька старокумлякской матрицы.

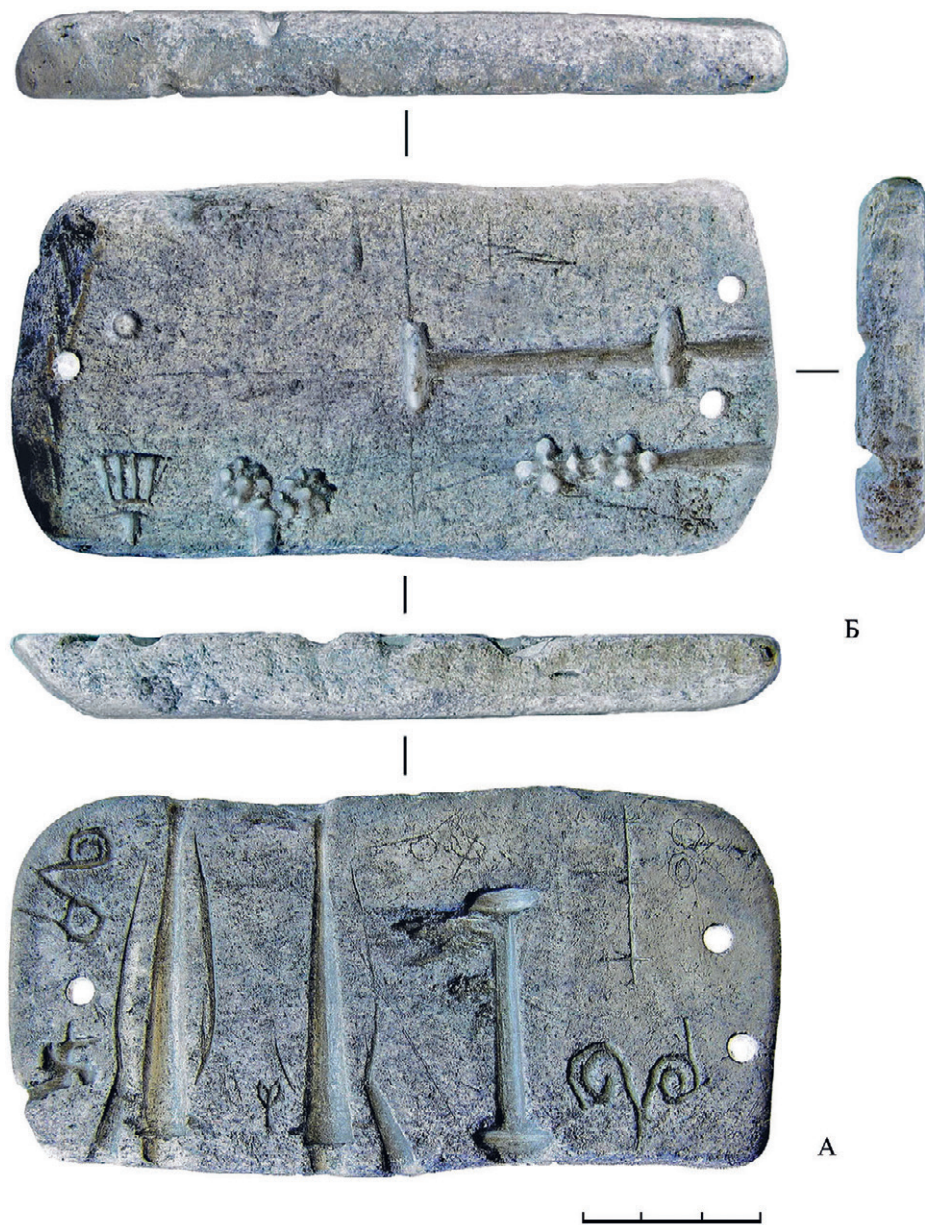

Рис. 3. Старокумлякское поселение. Створка литейной формы. Тальк. Подъемные сборы Р. К. Хайратдинова

В первой группе на поверхности А – *негативы* четырех предметов (рис. 4).

Центральными здесь являются негативы двух наконечников стрел на левой половине рабочей поверхности А. Наконечники относятся к группе двухлопастных, со слабо выступающей втулкой, лавролистным или овально-лавролистным пером со стержнем-нервюрой⁴. Максимальная длина отливаемых наконечников 53 мм; длина выступающей втулки 7 мм, диаметр ее устья 7–8 мм; длина пера 66 мм, ширина 16 мм.

Морфологические отличия внутри группы (типы П-14, 16, 18) касаются, прежде всего, длины и ширины пера. Все учтенные в базе данных ЗАМП экземпляры этой группы (более 30 экз.) происходят из степных и реже лесостепных памятников Зауралья, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии⁵. Основная их часть связана с древностями алексеевско-саргаринской культуры – базовой в восточной зоне общности культур валиковой керамики (поселения Ир 2, Жарагач 1, Явленка 1, Саргары, Кент, Мыржык, Атасу, Шортанды-Булак, Малокрасноярка, Шипуновка 2, Первомайское и др.) (Агапов, 1990. С. 144, 145). Немало таких наконечников найдено на поселениях андроновидных культур Западной Сибири (Высокая Грива, Омское и др.) (Аванесова, 1975. № 7 и 31), бургулюкской и других культур ПБВ Среднеазиатского междуречья (Овадан-депе, Бала-Ишем 8, Ангар и др.) (Кузьмина, 1966. Табл. VI: 5, 20, 26).

Негативы наконечников не завершены. Полностью выбраны резцом лишь углубления для выступающей втулки и стержня-нервюры с выходом на торец створки, а также разнонаправленные и расширяющиеся каналы для отвода газов. На 7 мм ниже основания пера вырезано поперечное ложе для жесткой фиксации металлического сердечника, с помощью которого формовались тонкие стенки втулки⁶. Ложе фиксирует длину выступающей втулки; его боковые выступы лишь намечены. У левого наконечника резцом выведен контур пера, но крылья не проработаны. Их необходимо выбрать на глубину 1–1,5 мм, чтобы получить в отливке пригодную к использованию стрелу. Перо правого наконечника намечено тонкой линией с одной стороны, а с другой – только основание пера. Отливка наконечников должна была осуществляться через литниковые воронки со стороны острия. У левого негатива она проработана, хотя и недостаточно, у правого намечена и чуть сколота.

Встает вопрос: почему негативы наконечников стрел резчик не завершил? Ответ, на наш взгляд, очевиден. Существовала вторая матрица с симметрично расположенными негативами наконечников стрел. По какой-то причине она оказалась сломанной, причем в той части, где резались или намечались наконечники. Второй

⁴ Типология бронзовых наконечников стрел, выявленных в культурах ПБВ Северной Евразии, предложена С. А. Агаповым и С. В. Кузьминых при работе с материалами Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции (Агапов, 1990; Кузьминых, 1995).

⁵ Условно к этой группе можно отнести негатив литейной формы с поселения Русская Селитьба в Самарской области (Колев, 1991. Рис. 12: 12). К сожалению, его фрагментарность не позволяет восстановить подлинный облик отливаемого наконечника.

⁶ Промеры показывают, что глубина втулки (и, соответственно, насад древка) достигали у наконечников этой группы середины пера.

Рис. 4. Старокумьякское поселение. Створка литейной формы. Рабочая поверхность А
1–3, 6 – символы фарна; 4 – свагический символ; 5 – двулистник

подходящей плитки талька под рукой не оказалось, поэтому негативы на первой створке не было необходимости доводить, может быть, до поры до времени.

На правой половине рабочей поверхности А вырезан негатив стержня с двумя грибовидными дисками на концах. Общая длина стержня (с навершиями) – 43–44 мм. Стержень, подквадратный в сечении (3–5 мм), слегка утолщается к диску, прилегающему к литнику и торцу створки. Диаметр дисков – 12–13 мм, толщина 4 мм. Литниковая воронка не выражена. Она могла быть вырезана у негатива второй – симметричной – матрицы. Впрочем, диаметр литника (6–7 мм) позволял осуществлять заливку непосредственно в полость совмещенных негативов.

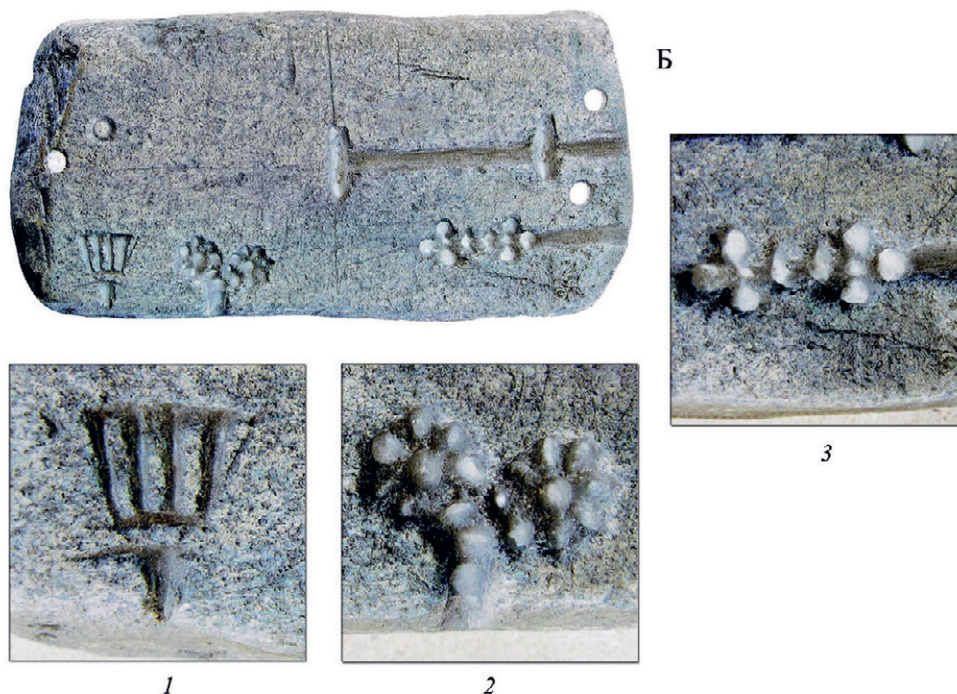
С некоторой долей условности к числу негативов на поверхности А отнесен миниатюрный свастический символ, вырезанный в нижнем углу левой половины створки (рис. 4: 4). Размах его лопастей не превышает 9 мм. К негативу с торца плитки подведен литниковый канал (5 × 2 мм), убеждающий в его рабочем предназначении.

Вторая группа объектов на рабочей поверхности А представлена *линейной разметкой* под будущий, но не реализованный негатив некоего предмета на правой половине створки. Параллельная ее поперечной стороне, созданная резцом по линейке, прямая линия длиной 29 мм разделена тремя перпендикулярно ориентированными линиями на два отрезка (17 и 12 мм). Какой предмет скрывается за этой разметкой, судить трудно.

Третья группа образов на поверхности А – *символы*. По углам рабочей поверхности и в середине одной из сторон на свободном от негативов поле мы наблюдаем выполненный с различной степенью тщательности один и тот же повторяющийся *фертообразный символ*, который ассоциируется с рогами барана (рис. 4: 1–3, 6). Два из четырех символов явно выполнены ножом. Остальные имеют нитевидную ширину и созданы, скорее всего, кончиком медной иглы или тонким острием шила (наличие здесь следов меди, кстати, подтверждено РФА). Особенность этой группе символов придает *имитация* литников и отсутствие ожидаемой симметрии половинок образа. И это неслучайная небрежность. Мы видим здесь результат целеуказания именно на *символ в целом*, а не на его реальное *технологическое* назначение. Обращает на себя внимание и разница в размахе «рогов»: от 11 до 22 мм. Кроме того, они выполнены по единой, но *не вполне понимаемой схеме*: один из «рогов» – ординарный, второй – двойной.

Последний символ, выполненный слева от устья втулки негатива правого наконечника стрелы, – изящный миниатюрный двулистник, длиной не более 8 мм (рис. 4: 5). Его отличает отсутствие даже имитации литника.

На второй рабочей поверхности створки (Б) требуют обсуждения пять объектов (рис. 5). Прежде всего *предварительная разметка* плоскости двумя перпендикулярными линиями на четыре примерно равных по площади прямоугольника. На правой половине продольной осевой линии разметки вырезан негатив стержня с грибовидными дисками на концах, аналогичный описанному на поверхности А. Но он несколько длиннее (46 мм), чуть крупнее и ограничительные диски (14–15 × 4–5 мм), стержень – округлый или ромбический в сечении (36 × 4 мм); к негативу подведен литниковый канал (14 × 2–4 мм).

**Рис. 5. Старокумлякское поселение. Створка литейной формы.
Рабочая поверхность Б**

1 – трапециевидный символ; 2 – негативы для отливки многолепестковых блюшек-розеток; 3 – негативы для отливки крестовидных привесок или накладок

В разных частях поверхности Б вырезаны негативы трех миниатюрных украшений. Первый – для отливки сдвоенных, расположенных на одной оси крестовидных привесок или накладок (9–10 мм каждая) с выпуклинами на концах (3–3,5 мм) (рис. 5: 3). К негативу подведен довольно длинный сужающийся литниковый канал (18 × 2–4 мм). Такая конфигурация канала обеспечивала при литье необходимое давление и беспрепятственный пролив металла в верхнее – удаленное – ложе негатива.

Второй негатив предназначен для отливки двух миниатюрных (8–10 мм в диаметре) многолепестковых блюшек-розеток с несколько более крупной выпуклиной в центре (рис. 5: 2). У него иная литейная система: короткий, но широкий литник (7–8 × 4 мм) подведен к изолированным гнездам негатива.

Последний объект – миниатюрная трапециевидная фигура (8 × 6–9 мм), расщепленная четырьмя почти параллельными желобками, производит впечатление не полностью завершенного элемента. Литник является скорее *имитацией*, поскольку его канал (7 × 2–3 мм) не достигает самого украшения и прерывается перпендикулярным желобком.

Для отливки этих миниатюрных украшений не требовалась вторая матрица с симметрично расположенными негативами; использовалась створка-крышка

с притертой поверхностью. У всех подобных украшений, широко распространенных в культурах андроновского мира (Аванесова, 1991. С. 66, 67), оборотная сторона плоская. Они, как правило, крепились (нашивались) к различным элементам одежды и обуви.

Часть негативов изучаемой створки (стержни с навершиями, украшения) какое-то время, безусловно, была в работе. Научный сотрудник Института минералогии УрО РАН М. А. Рассомахин с помощью рентгенофлюоресцентного анализатора исследовал ложе негативов и выявил на них следы меди и олова⁷.

Обсуждение

Обсуждение данного артефакта требует ответа на три вопроса.

Вопрос первый. Как датировать описанную выше створку? Ориентирами здесь являются наконечники стрел. Оба негатива передают их морфологический облик – двухлопастные, со слабо выступающей втулкой, лавролистным пером со стержнем-нервюрой. Исследованиями Н. А. Аванесовой (1975; 1991), С. А. Агапова (1990), С. В. Кузьминых (1995) и других авторов отмечена связь наконечников стрел этой группы с древностями конца ПБВ азиатской степи и лесостепи, прежде всего алексеевско-саргаринской культуры, входящей в евразийскую общность культур валиковой керамики. По данным радиоуглеродных калиброванных датировок, хронологический диапазон этой культуры намечен в пределах XV–X вв. до н. э. Иногда рамки собственно алексеевско-саргаринской культуры сужаются до XV/XIV–XII/XI вв. до н. э. и выделяются древности ее заключительного (донгальского) этапа (XII/XI–IX/VIII вв. до н. э.) (*Черных и др.*, 2002. С. 21; *Епимахов и др.*, 2005; *Кузьминых, Дегтярева*, 2006. С. 224).

Старокумлякскую матрицу следует датировать, на наш взгляд, в пределах всего хронологического диапазона алексеевско-саргаринской культуры. Соблазнительно, опираясь на керамические материалы межовской культуры из сборов С. В. Маркова, отнести матрицу к этой культуре и датировать ее финалом ПБВ. Но поскольку памятник не подвергался раскопкам, нельзя исключить, что такая атрибуция может оказаться ошибочной.

Следует также помнить, что эти несколько веков в конце II – начале I тыс. до н. э. определяются как «темные века» в истории бронзового века Южного Урала. Поселения того времени в регионе исследованы пока в ничтожно малой степени. Погребальные практики саргаринско-алексеевского времени до сих пор являются предметом дискуссий. В незначительной по количеству серии погребений конца ПБВ в Южном Зауралье (*Костюков и др.*, 1996; *Епимахов*, 2009; 2010) не известны типы бронзовых предметов, представленные на рабочих поверхностях литейной формы.

Вопрос второй – артефакты или символы. Счастливые символы, крестовидные привески и накладки не являются экзотикой в культурах «срубно-андоновского мира» Казахстана, Урала и Поволжья. Различные варианты свастики находим, к примеру, среди орнаментов на сосудах эпонимного могильника

⁷ Авторы признательны М. А. Рассомахину за проведенное исследование.

у с. Петровка в Северном Казахстане (Зданович, 1973. С. 28. Рис. 2: 6). Бронзовые нашивные украшения в виде свастики известны в Волго-Уралье в поселенческих (Горный 1) и погребальных (Золотая Нива) памятниках срубной общности (Кузьминых, 2004. Рис. 2.13: 11; Крамарев, 2015. Рис. 7: 16, 17). Крестовидные привески и накладки широко распространены в памятниках алакульской культуры Южного Зауралья (Виноградов, 1984. Рис. 3: 1–5, 9, 13). Бронзовые многолепестковые бляшки-розетки имеют истоки в памятниках уральской абашевской культуры (Сальников, 1967. Рис. 7: 7, 8).

Все приведенные выше примеры относятся к более ранним этапам истории региона в бронзовом веке. В памятниках алексеевско-саргаринского времени в Южном Зауралье и Северном Казахстане все эти предметы встречены пока лишь единожды в виде негативов на исследуемой створке литейной формы. Внимательное рассмотрение особенностей их исполнения, особенно негатива свастического символа, позволяет сделать вывод о возможных вариантах использования отливки, помимо традиционного (нашивка на одежду или обувь). Возможно, они также являются символами и отражают некие обряды. Во всяком случае, в научной среде не оспаривается понимание свастических и крестовидных символов, а также многолепестковых бляшек-розеток как солярных символов, символа огня и Солнца. Изображению двулистника не удалось отыскать соответствия в символике культурного пространства древних иранцев. Но и реальным негативом для отливки это изображение вряд ли являлось.

Нет ясности и с бронзовыми стержнями с грибовидными навершиями. Негативы для их отливки имеются на обеих рабочих поверхностях створки. Являлись ли они фибулами (застежками для одежды) (Аркаим..., 2009. С. 186), гвоздями (при рубке стержня пополам и последующей формообразующей ковке) или иными изделиями, на этот вопрос пока что нет однозначного ответа.

Вопрос третий. Как возможно интерпретировать серию из четырех фертообразных символов на рабочей поверхности А? Стилиевые и технические решения их исполнения не позволяют трактовать эти символы как негативы реальных металлических предметов. Их предназначение видится нам в другом.

Символы на литейных формах по причине чрезвычайной сложности их семантической интерпретации редко становятся предметом обсуждения. Вспоминается лишь обстоятельная статья Н. А. Кокориной, посвященная разнообразным символам на литейных формах ремесленников Волжской Булгарии. Автор полагает, что эти символы могут быть интерпретированы как тамги владельцев или как свидетельства обрядов, связанных с охранительной магией (Кокорина, 2012. С. 141).

В случае со старокумлякской матрицей на рабочей поверхности А четырежды повторен *один и тот же образ* стилизованных рогов барана с более или менее прорисованной *имитацией литника*. Причем одна часть символа, в отличие от другой, так или иначе сдвоена. Поиск объяснения такого постоянства в деталях ведет нас к *общей индоиранской семантике образа барана и его рогов*. Он был блестяще исполнен в монографии Б. А. Литвинского (1968), посвященной *фарну*, его символике и истории применения.

Исследователь не только ввел читателя в историю изучения этого понятия и описал его использование в «Авесте» и иных зороастрийских источниках.

Б. А. Литвинский убедительно продемонстрировал необычайную семантическую многозначность фарна и его несомненную связь с индоиранским, а позднее и с иранским (вплоть до этнографического времени) культурным пространством, с зороастрийскими представлениями на разных этапах истории этого круга верований (Там же. С. 46–48).

Б. А. Литвинский указывает, что «... в Авесте “фарн” понимается как “хорошая вещь”; *фарн* человека состоит во владении им в течение жизни *хорошим имуществом*...». Фарн – это и «благодать», и «благопожелание», «хранитель счастья и благоденствия дома, домашнего очага, подающий и охраняющий богатства...». Для нашего сюжета важным представляется приведенное им понимание фарна французским ученым Ж. Дюшен-Гильменом (J. Dushesne-Guillemain) как «эманации солнца, божественного огня. Свой фарн есть у каждого человека...» (Там же. С. 49, 50). На протяжении своей многовековой истории фарн мог и персонифицироваться. Одним из «видимых образов фарна», по Б. А. Литвинскому, и являлся баран или его *рога* (Там же. С. 55–59).

Подводя итог, отметим, что исследуемый предмет – часть составной литейной формы, которая определенное время была в работе. Предварительная датировка артефакта – конец бронзового века в Южном Зауралье в широких пределах XV/XIV–X/IX вв. до н. э. Створка содержит ценную информацию как о морфологии и типах отливаемых металлических предметов того времени, так и по процедурам подготовки литейной формы к работе (разметочные линии на обеих рабочих поверхностях). Впервые в практике изучения литейных форм эпохи бронзы Южного Зауралья на старокумляжской створке обнаружены фертообразные символы, что позволяет расширить наши представления о разнообразных обрядах, сопровождавших производственную деятельность кузнецов-литейщиков в бронзовом веке.

Четырежды повторенный один и тот же фертообразный символ – изображение рогов барана – указывает, по мнению авторов, на бытование представлений о *фарне* в среде кузнецов-литейщиков конца ПБВ в Южном Зауралье. Этот символ отражает, вероятнее всего, обрядовую практику, призванную обеспечить покровительство фарна конкретному мастеру, успех его работы. Неоднократное исполнение этого символа на одной и той же рабочей поверхности может означать, скорее всего, необходимость по неким причинам повторения обрядовой процедуры одним и тем же кузнецом-литейщиком в поисках своего фарна.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н. А., 1975. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы // Труды Самаркандского государственного университета. Вып. 270. С. 27–60.
- Аванесова Н. А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Фан. 200 с.
- Агапов С. А., 1990. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР. Т. 2 // Архив ИА РАН. Р-2, № 2336, 2437. 282 с.
- Аркаи́м: У истоков цивилизации / Ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Аркаим, 2009. 224 с.
- Виноградов Н. Б., 1984. Кулевчи-VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. № 3. С. 136–153.

- Виноградов Н. Б.*, 2013. Глава 2. Планиграфия и архитектура укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н. Б. Виноградов. Челябинск. Абрис. С. 16–142.
- Виноградов Н. Б.*, 2018. Символы топора в социально-культовой практике у населения позднего бронзового века Южного Зауралья // SP. № 2. С. 273–284.
- Виноградов Н. Б., Хайратдинов Р. К.*, 2018. Новые данные о культовой практике населения Южного Зауралья позднего бронзового века // ПА. № 1 (23). С. 91–106.
- Дегтярева А. Д., Виноградов Н. Б., Кузьминых С. В., Рассомахин М. А.*, 2019. Металлические изделия алексеевско-саргаринской культуры Среднего и Верхнего Притоболья // ВААЭ. № 4. С. 28–45.
- Епимахов А. В.*, 2009. Завершающие века эпохи бронзы Южного Зауралья: штрихи к портрету // Проблемы археологического изучения Южного Урала / Отв. ред. Н. Б. Виноградов. Челябинск: Абрис. С. 56–66.
- Епимахов А. В.*, 2010. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. № 2. С. 39–50.
- Епимахов А. В.*, 2012. Материалы к истории ювелирного дела (бронзовый век Южного Зауралья) // АЭАЕ. № 1 (49). С. 82–87.
- Епимахов А. В., Хэнкс Б., Рэнфрю К.*, 2005. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. № 4. С. 92–102.
- Зданович Г. Б.*, 1973. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. Вып. 12. С. 21–43.
- Кокорина Н. А.*, 2012. Знаки ремесленников на болгарских литейных формах // ПА. № 1 (1). С. 129–143.
- Колес Ю. И.*, 1991. Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. С. 162–206.
- Костюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В.*, 1996. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала / Отв. ред. С. А. Григорьев. Челябинск: Рифей. С. 151–163.
- Крамарев А. И.*, 2015. Некерамический инвентарь в погребальных памятниках срубной культуры Южного Средневожья // Вопросы археологии Поволжья / Отв. ред. М. А. Турецкий. Самара: Самарский науч. центр РАН. Вып. 5. С. 336–397.
- Кузьмина Е. Е.*, 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М.: Наука. 150 с. (САИ; вып. В4-9.)
- Кузьминых С. В.*, 1995. Евразийская металлургическая провинция (лесные и лесостепные производящие центры) [Рукопись] // Архив лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.
- Кузьминых С. В.*, 2004. Глава 2. Металл и металлические изделия // Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования / Науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 76–100. (Каргалы; т. III.)
- Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д.*, 2006. Поздний бронзовый век // Археология: учебник / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: МГУ. С. 219–270.
- Литвинский Б. А.*, 1968. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш. 119 с.
- Марков С. В.*, 1987. Отчет об археологической разведке, проведенной в 1986 г. по р. Кумляк в Пластском и Уйском районах Челябинской области. Пласт // Архив ЛАИ ЧГПУ. Ф. I. Д. 14. 78 с.
- Сальников К. В.*, 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука. 407 с.
- Черных Е. Н.*, 2007. Каргалы: феномен и парадоксы развития: (Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов). М.: Языки славянской культуры. 200 с. (Каргалы; т. V.)
- Черных Е. Н., Авлюва Л. И., Орловская Л. Б., Кузьминых С. В.*, 2002. Металлургия в циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. № 1. С. 5–23.

Сведения об авторах

Виноградов Николай Борисович, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, просп. Ленина, 69, Челябинск, 454080, Россия; e-mail: vinogradov_n@mail.ru;

Кузьминых Сергей Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru;

Хайратдинов Равиль Касимович, Пластовский историко-краеведческий музей, ул. Октябрьская, 56а, г. Пласт, 457020, Челябинская обл., Россия; e-mail: murpm@mail.ru

N. B. Vinogradov, S. V. Kuzminykh, R. K. Khayratdinov

KHVARENAH SYMBOLS OF BLACKSMITHS/FOUNDRYMEN
OF THE BRONZE AGE IN THE SOUTHERN TRANS-URALS

Abstract. The paper is devoted to search in semantics of Φ -shaped symbols on a casting mold valve made from soap-stone which is a chance find at the tilled Starokumlyakskoye settlement near the town of Plast in the Chelyabinsk region. The artifact dates to the final stage of the Bronze Age in the southern Trans-Urals. In the view of the authors, the symbol representing ram horns which is reproduced four times is to be perceived as a sign reflecting corporate ritual practice intended to ensure that the blacksmith was under the protection of the khvarenah.

Keywords: southern Trans-Urals, Bronze Age, metal production, rites, Φ -shaped symbol, khvarenah.

REFERENCES

- Agapov S. A., 1990. Metall stepnoy zony Evrazii v kontse bronzovogo veka: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Metal of Eurasia steppe zone in the end of Bronze Age: PhD thesis. Manuscript], 2. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.) 282 p.
- Arkaim: U istokov tsivilizatsii [Arkaim: At the dawn of civilization]. G. B. Zdanovich, ed. Chelyabinsk: Arkaim, 2009. 224 p.
- Avanesova N. A., 1975. K voprosu o bronzovykh strelakh stepnykh plemen epokhi bronzy [On issue of bronze arrowheads of Bronze Age steppe tribes]. *Trudy Samarkandskogo gos. universiteta* [Proceedings of Samarkand State university], 270, pp. 27–60.
- Avanesova N. A., 1991. Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy Aziatskoy chasti SSSR [Culture of Bronze Age pastoralist tribes of Asiatic part of the USSR]. Tashkent: Fan. 200 p.
- Chernykh E. N., 2007. Kargaly: fenomen i paradoksy razvitiya. Kargaly v sisteme metallurgicheskikh provintsiy. Potayennaya (sakral'naya) zhizn' arkhainykh gornyakov i metallurgov) [Kargaly: phenomenon and paradoxes of development. Kargaly in system of metallurgical provinces. Hidden (sacral) life of archaic miners and metallurgists]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. 200 p. (Kargaly, V.)
- Chernykh E. N., Avilova L. I., Orlovskaya L. B., Kuz'minykh S. V., 2002. Metallurgiya v tsirkumpontijskom areale: ot edinstva k raspadu [Metallurgy of Circumpontic area: from unification to disintegration]. *RA*, 1, pp. 5–23.
- Degtyareva A. D., Vinogradov N. B., Kuz'minykh S. V., Rassomakhin M. A., 2019. Metallicheskiye izdeliya alekseyevsko-sargarinskoy kul'tury Srednego i Verkhnego Pritobol'ya [Metal items of Alekseevka-Sargary culture of Middle and Upper Tobol region]. *VAAE*, 4, pp. 28–45.
- Epimakhov A. V., 2009. Zavershayushchiye veka epokhi bronzy Yuzhnogo Zaural'ya: shtrikhi k portretu [Final centuries of Bronze Age in South Trans-Urals: lines for portrait]. *Problemy arkheologicheskogo*

- izucheniya Yuzhnogo Urala [Issues of archaeological study of South Urals]*. N. B. Vinogradov, ed. Chelyabinsk: Abris, pp. 56–66.
- Epimakhov A. V., 2010. «Temnyye veka» epokhi bronzы Yuzhnogo Zaural'ya [«The Dark ages» of Bronze Age in South Trans-Urals]. *RA*, 2, pp. 39–50.
- Epimakhov A. V., 2012. Materialy k istorii yuvelirnogo dela (bronzovyy vek Yuzhnogo Zaural'ya) [Materials for history of jewelry production (Bronze Age of South Trans-Urals)]. *AEAE*, 1 (49), pp. 82–87.
- Kokorina N. A., 2012. Znaki remeslennikov na bulgarskikh liteynykh formakh [Craftsmen's signs on Bulgar casting moulds]. *PA*, 1 (1), pp. 129–143.
- Kolev Yu. I., 1991. Novyy tip pamyatnikov kotsa epokhi bronzы v lesostepnom Povolzh'ye [New type of sites of the end of Bronze Age in Volga forest-steppe region]. *Drevnosti vostочно-evropeyskoy lesostepi [Antiquities of East-European forest-steppe]*. N. Ya. Merpert, ed. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 162–206.
- Kostyukov V. P., Epimakhov A. B., Nelin D. V., 1996. K voprosu o pamyatnikakh Yuzhnogo Zaural'ya epokhi final'noy bronzы [On issue of final Bronze Age sites in South Trans-Urals]. *Novoye v arkheologii Yuzhnogo Urala [New in archaeology of South Urals]*. S. A. Grigor'yev, ed. Chelyabinsk: Rifey, pp. 151–163.
- Kramarev A. I., 2015. Nekeramicheskiy inventar' v pogrebal'nykh pamyatnikakh srubnoy kul'tury Yuzhnogo Srednevolzh'ya [Non-ceramic inventory in burial sites of Srubnaya culture in South Middle Volga region]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya [Issues of the Volga region archaeology]*, 5. M. A. Turetskiy, ed. Samara: Samarskiy nauchnyy tsentr RAN, pp. 336–397.
- Kuz'mina E. E., 1966. Metallicheskiye izdeliya eneolita i bronzovogo veka Sredney Azii [Metal items of Eneolithic and Bronze Age of Central Asia]. Moscow: Nauka. 150 p. (SAI.)
- Kuz'minykh S. V., 1995. Evraziyskaya metallurgicheskaya provintsiya (lesnyye i lesostepnyye proizvodnyashchiye tsentry) (Rukopis') [Eurasian metallurgical province (forest and forest-steppe production centres) (Manuscript)]. *Archive of Laboratory of natural sciences, IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Kuz'minykh S. V., 2004. Glava 2. Metall i metallicheskiye izdeliya [Chapter 2. Metal and metal items]. *Selishche Gornyy: arkheologicheskiye materialy, tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva, arkheobiologicheskiye issledovaniya [Open settlement Gornyy: archaeological materials, technology of mining and metallurgical production, archaeobiological investigations]*. E. N. Chernykh, ed., comp. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 76–100. (Kargaly, III.)
- Kuz'minykh S. V., Degtyareva A. D., 2006. Pozdnyy bronzovyy vek [Late Bronze Age]. *Arkheologiya: uchebnik [Archaeology: manual]*. V. L. Yanin, ed. Moscow: MGU, pp. 219–270.
- Litvinskiy B. A., 1968. Kangyuysko-sarmatskiy farn (k istoriko-kul'turnym svyazyam plemen yuzhnoy Rossii i Sredney Azii) [Kanguy-Sarmatian khvarenah (on historical and cultural relations of South Russia and Central Asia tribes)]. Dushanbe: Donish. 119 p.
- Markov S. V., 1987. Otchet ob arkheologicheskoy razvedke, provedennoy v 1986 g. po r. Kumlyak v Plastskom i Uyskom rayonakh Chelyabinskoy oblasti. Plast [Report on archaeological reconnaissance carried out in 1986 on Kumlyak river in Plast and Uysk districts, Chelyabinsk region. Plast]. *Arkhiv laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Archive of Laboratory of archaeological investigations, Chelyabinsk State pedagogical university]*. (In Russian, unpublished). 78 p.
- Sal'nikov K. V., 1967. Ocherki drevney istorii Yuzhnogo Urala [Essays on ancient history of South Urals]. Moscow: Nauka. 407 p.
- Vinogradov N. B., 1984. Kulevchi-VI – novyy alakul'skiy mogil'nik v lesostepnyakh Yuzhnogo Zaural'ya [Kulevchi-VI – new Alakul cemetery in forest-steppe of South Trans-Urals]. *SA*, 3, pp. 136–153.
- Vinogradov N. B., 2013. Glava 2. Planigrafiya i arkhitektura ukreplennogo poseleniya Ust'ye I [Chapter 2. Planigraphy and architecture of fortified settlement Ust'ye I]. *Drevneye Ust'ye: ukreplennoye poseleniye bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'ye [Ancient Ust'ye: Bronze Age fortified settlement in South Trans-Urals]*. N. B. Vinogradov, ed. Chelyabinsk: Abris, pp. 16–142.
- Vinogradov N. B., 2018. Simvoly topora v sotsial'no-kul'tovoy praktike u naseleniya pozdnegobronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya [Axe symbols in social and cultic practice of Late Bronze Age population of South Trans-Urals]. *SP*, 2, pp. 273–284.

- Vinogradov N. B., Khayryatdinov R. K., 2018. Novyye dannyye o kul'tovoy praktike naseleniya Yuzhnogo Zaural'ya pozdnego bronzovogo veka [New data on cultic practice of Late Bronze Age population of South Trans-Urals]. *PA*, 1 (23), pp. 91–106.
- Yepimakhov A. V., Hanks B., Renfrew C., 2005. Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnikov bronzovogo veka Zaural'ya [Radiocarbon chronology of the Bronze Age sites in the Transuralian region]. *RA*, 4, pp. 92–102.
- Zdanovich G. B., 1973. Keramika epokhi bronzy Severo-Kazakhstanskoy oblasti [Bronze Age ceramics of North Kazakhstan region]. *VAV*, 12, pp. 21–43.

About the authors

Vinogradov Nikolay B., South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, pr. Lenina, 69, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; e-mail: vinogradov_n@mail.ru;

Kuzminykh Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru;

Khayryatdinov Ravil' K., Plastovsky Museum of local history, ul. Oktyabrskaya, 56a, Plast, 457020, Chelyabinsk region; Russian Federation; e-mail: muprm@mail.ru

Г. Г. Король

БУДДИЙСКИЙ СЮЖЕТ ИЗ МУЗЕЯ ХЕЛЬСИНКИ: СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЯСНАЯ НАКЛАДКА (МИНУСИНСКАЯ КОТЛОВИНА)¹

Резюме. Вводится в научный оборот ременная концевая накладка, изготовленная из бронзы, с позолотой, хранящаяся в Музейном ведомстве Финляндии (Хельсинки) в составе коллекции древностей из Минусинской котловины И. П. Товостина. Предмет уникален декором – сюжетным изображением буддийского мифологического содержания. Аналогии сюжету неизвестны. Рассмотрены аналогии иконографическим деталям изображения, приведены интерпретации смыслового наполнения символических образов. Сюжет носит благопожелательный характер, изначально, возможно, имел и более глубокий религиозный смысл. На основе особенностей технологии изготовления предмет отнесен к изделиям киданьского круга (империя Ляо) и условно датирован X – началом XI в.

Ключевые слова: Средневековье, Минусинская котловина, коллекция Товостина, поясная накладка, декор, буддийский сюжет, символы, енисейские кыргызы, кидани.

В Музейном ведомстве Финляндии среди коллекций Национального музея есть собрания находок с территории России, в том числе коллекция И. П. Товостина с территории Минусинского округа быв. Енисейской губернии. Медник-литейщик и любитель древностей, Иван Петрович собирал коллекцию с конца 1870-х гг., в 1916 г. продал основную часть (более 1050 предметов) в Исторический (с 1918 г. Национальный) музей Финляндии (*Вдовин и др.*, 2015. С. 78–80; *Кузьминых и др.*, 2016). Некоторые материалы (более 300 предметов) А. М. Тальгрэн, известный финский археолог и историк, опубликовал вместе с результатами собственных раскопок под Абаканом (*Tallgren*, 1917). Среди

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00257.

опубликованных были и предметы коллекции из круга средневековых художественных бронзовых ременных и других украшений рубежа I–II тыс.

Часть собрания Товостина попала в Государственный Эрмитаж (Отдел археологии..., № 3975). Художественные бронзы скифского времени опубликованы М. П. Завитухиной (1983); несколько средневековых ременных украшений исследованы на состав металла (*Король, Конькова, 2009. С. 145*).

В 2019 г. автору довелось лично познакомиться с материалами коллекции Товостина в Музейном ведомстве Финляндии (коллекция КМ 7267), детально рассмотрев и зафиксировав предметы (более 40), относящиеся к художественной бронзе рубежа I–II тыс., условно «тюхтятского» облика², уточнив их размеры и особенности декора. Среди «открытий» неизвестных по публикации предметов помимо бронзового литника (КМ 7267: 688) из д. Уты для отливки тюркских серег характерной формы последней трети I тыс. (*Король, Наумова, 2020*) – бронзовая с не полностью сохранившейся позолотой ременная поясная концевая накладка (наконечник) с сюжетным изображением буддийского содержания³. Аналогий сюжету на территории России нет (по музейным материалам и публикациям), в зарубежных публикациях они пока автором не найдены.

Задача настоящей работы – введение в научный оборот ременной накладки, анализ и интерпретация уникального сюжетного изображения, предположительные датировка предмета и условия его попадания в Минусинскую котловину на Среднем Енисее.

Описание

Концевая накладка с округлым окончанием из д. Сабинское (КМ 7267: 481), размерами 7,1 × 3,5 см, изготовлена с помощью литья из темного цвета бронзы. Сохранилась позолота фона основной поверхности, частично внутренних сторон бортиков и некоторых деталей рельефного декора (рис. 1). Декорированное поле (фон) углублено (высота бортиков 4 мм), сплошь обработано горизонтальными рядами округлого пуансона. По углам и между изображениями у концевой стороны⁴ – рваные отверстия в местах, где раньше были оборотные штифты для крепления на ремне. На углубленной (1–3 мм в зависимости от высоты рельефа изображения на лицевой стороне) оборотной стороне сохранилось два таких штифта. Изображения в целом выполнены довольно грубо, но важные детали тщательно прописаны.

В композиции – два антропоморфных персонажа, идущих справа налево (левая нога каждого с характерной для ходьбы опорой на носок и соответственно приподнятой пяткой). Их корпуса и лица развернуты анфас. Лица переданы

² По наименованию археологической культуры IX–X вв., выделенной Л. Р. Кызласовым (1981. С. 54).

³ Предмет публикуется по разрешению Музейного ведомства Финляндии. Фотографии сделаны лабораторией учреждения. Благодарю сотрудников ведомства К. Вуористо и Н. Рипинен за помощь.

⁴ Здесь отверстие дало и частичное повреждение изображений справа и слева от него.

Рис. 1. Поясная накладка из д. Сабинское, Минусинская котловина.
Коллекция И. П. Товостина. Бронза. Размеры – 7,1 × 3,5 см.
Музейное ведомство Финляндии. КМ 7267: 481

условно (глаза и рот). Правой рукой каждый «герой» держит тяжелый «меч», неся его на правом плече. У идущего впереди оружие напоминает огромную саблю с выгнутым клинком. У идущего сзади клинок меньшей длины и менее изогнут. Возможно, это как-то характеризует героя, а, возможно, мастер смог только так вписать оружие в размеры поля. Левая рука этого персонажа лежит на груди. Идущий впереди держит в руке повод (хорошо видна петля справа от руки), на котором ведет животное.

Оба героя одеты в специфическое одеяние, многослойный комплект, напоминающий одежду на изображениях персонажей буддийской мифологии, – возможно, панцирь, закрывающий грудь и живот. Мощный сплошной нагрудник, подчеркнутый двумя концентрическими углубленными линиями, хорошо виден на первом персонаже. На нем же «читается» и нижняя часть защитной одежды,

выделенная углубленными линиями, несколько косых линий завершают ее. Поперечные рифления плеча и левой руки позволяют предположить, что руки героев защищены панцирными пластинами. У героя сзади тоже хорошо видны поперечные линии от плеча до локтя и ниже локтя до кисти. Следующая характерная деталь одеяния – поясной «фартук/передник» с украшениями поверх защитной одежды. Его детали хорошо видны на первом персонаже – от талии вправо от героя идет широкая лента с условным «бантом» с одним концом, который поднят вверх (выше линии пояса); ниже бедер передник раздваивается на два полотнища, которые слегка прикрывают ноги сверху, развеваются вправо и влево от ног (это подчеркивает движение персонажей), в верхней части они тоже имеют характерную «перевязь» в виде горизонтальных линий и отогнутый кверху конец «банта». У второго героя поясная часть повреждена, но хорошо видны нижние ленты передника. В обоих случаях они напоминают растительные полупальметты с длинным концевым листом и отогнутым прицветником. На всех углубленных линиях, которыми доработаны литые изображения, сохранилась позолота.

Между двумя героями на поводу у первого «идет» копытное (с подчеркнuto выделенными копытами) небольшое животное плотного сложения, с короткими ногами, длинным хвостом. Оно изображено в профиль. Особенным образом в виде своеобразной «короны» переданы рога, видны ухо и глаз. Тщательно выделена шерсть на брюхе, ногах, а также на хвосте и частично на крупе. Здесь также сохранилась позолота на всех деталях, подчеркнутых углубленными линиями доработки.

На спине животное несет несоразмерно огромную относительно его размеров ношу – пылающую драгоценность чинтамани. Это определенно центральный мотив композиции. Чинтамани (санскр. *cintamani*) – в буддистской и индуистской мифологии драгоценность (жемчужина, кристалл), способная исполнять желания. Это также атрибут (наряду и в сочетании с цветком лотоса, символом божественного происхождения и залогом спасения) бодхисатвы Авалокитешвара, одного из главных бодхисатв⁵ в буддийской мифологии, олицетворения сострадания, играющего роль универсального спасителя (Мифы..., 1994. Т. 1. С. 23, 69, 181). Чинтамани – символ освобождения от нечистоты, сияющий источник Чистоты, широко распространенный в средневековом искусстве Китая. Иконография его чрезвычайно разнообразна, популярен мотив и в декоре раннесредневековой ремесленной амуниции на территории Саяно-Алтая и в первую очередь в Минусинской котловине на Среднем Енисее. Мотив попал сюда, по-видимому, из Восточного Туркестана (см.: *Король, Фокин, 2020*).

В рассматриваемом случае иконография чинтамани оригинальна. Пылающая драгоценность передана особым способом – напоминает цветок («жемчужина») с вертикальной линией посередине размещена горизонтально, а языки

⁵ Бодхисатва (с санскр. «существо, стремящееся к просветлению») – это человек (или другое существо), принявший решение стать буддой. В число бодхисатв попадали не только люди, но и мифологические персонажи. Некоторые из них почитались как божества. В Тибете в позднее время верховные иерархи считались воплощениями бодхисатв (Мифы..., 1994. Т. 1. С. 181, 190, 194).

пламени похожи на лепестки, но все же их доработка углубленными линиями создает нужный эффект). Традиционное основание, на котором лежит драгоценность, – лепестки лотоса, переданные крайне схематично.

Завершает композицию (справа) – растительный мотив, пятилепестковый цветок, возможно, символический лотос. В целом эти образы по сути – символы божественного начала и божественной силы.

Аналогии, интерпретации

Рассмотрим некоторые аналогии деталям, по которым можно предположительно судить о том, кто изображен, и о возможном смысле сюжета. В первую очередь это герои, их облачение и оружие. Специфическая одежда дает возможность видеть в них представителей буддийского мифологического пантеона. Поясные одеяния (иногда в сочетании с плечевыми) многослойные, нередко сложной конструкции с ниспадающими и украшенными у ног завязанными концами широких лент характерны для изображений бодхисатв, в том числе Авалоки-тешвара (*Stein*⁶, 1921b. Pl. XV; *Jisl et al.*, 1958. II. 96). Подобные одеяния можно видеть на, пожалуй, единственной буддийской находке из Минусинской котловины. Это переносной алтарь с фигурной композицией из бронзы с позолотой (рис. 2: 1), сделанный в Китае (имеется соответствующая надпись), а найденный в д. Батени⁷.

Интерес представляют изображения локапал⁸. В иконографической традиции они обычно в защитном многослойном (поверх кольчуги – кожаные нагрудник, широкий пояс, «фартук/передник») облачении, часто вооружены. Особенности одеяний разнообразны, но всегда грудь и живот, ноги и плечи (или целиком руки до кисти) защищены, обязательны ленты (шнуры, перевязи), может быть плиссированная оборка внизу панциря (кольчуги) или туника с бахромой на переднике. Подробное описание облачения локапалы Вируупакша, хранителя запада, приводит А. М. Стейн (*Stein*, 1921b. P. 40, 41). Это яркое изображение представлено в росписи на шелке (рис. 2: 3) из пещер «Тысячи Будд» в Дуньхуане⁹, совр. провинция Ганьсу, Северо-Западный Китай (*Stein*, 1921a. Pl. LXXXV: Ch. 0040;

⁶ В этом издании см. одеяния разнообразной сложности на многих изображениях стоящих представителей пантеона.

⁷ С. В. Киселев, опираясь на мнение специалистов, датирует алтарь IV–VI вв.; на Енисее предмет оказался в качестве трофея после одного из походов енисейских кыргызов на уйгур (на подставке имеется уйгурская надпись) в IX в. (*Киселев*, 1949. С. 347, 348). Хранится в ГИМ.

⁸ Локапалы (санскр. *Chaturmaharajas* или *Lokapālas*, «защитники/охранители мира») – в индуистской и буддийской мифологиях божества – властители стран света, охраняющие их. В буддийской мифологии локапал также называют «четыре великих царя» (индийские братья), обещавшие будде Шакьямуни в будущем охранять текст сутры (канонического текста). Локапалы также охраняют мир от атак Зла. Позднее в Тибете в число локапал включали традиционные божества местной религии бон (*Williams*, 1960. P. 193–195; Мифы..., 1994. Т. 2. С. 67, 510, 511).

⁹ Историю и изучение пещерного комплекса Дуньхуан см.: *Дмитриев*, 2011.

Рис. 2. Аналогии элементам изображения двух «героев сюжета»

1 – Батени, Минусинская котловина. Фото из Фонда С. В. Киселева. Архив ИА РАН. Ф. 12. Д. 124; 2–4 – Дуньхуан (по: *Stein*, 1921a. Pl. XCII; 1921b. Pl. XXVII); 5, 6 – Тибет (по: *Цыбиков*, 1919. С. 104 и 70); 7 – Южный Китай (по: <http://en.51bidlive.com/Item/699944>)

1921b. Pl. XXVII). Чуть менее сложное, но подобное облачение (рис. 2: 4) – в росписи на бумаге оттуда же (Stein, 1921a. Pl. XCII: Ch. xii. 0026)¹⁰. Локапала в росписи на шелке вооружен изящным мечом (палашом?) с длинным узким клинком, который он держит в правой руке. Божество слева на бумажном рисунке также держит в правой руке похожее оружие¹¹.

Традиционное облачение «великих царей» сохранялось и в позднейших изображениях. Так, Г. Ц. Цыбиков, путешествовавший в 1899–1902 гг. по Тибету, в изданной впоследствии книге (Цыбиков, 1919) привел не только изображения «великих царей» (махарадж), в том числе и вооруженного тяжелым палашом Вирупакша (рис. 2: 5), но и фигурку Гесер-хана (рис. 2: 6), легендарного правителя Тибета (персонаж мифологии монгольских и ряда тюркских народов), включенного в позднее время наряду с местными божествами (все они были объявлены защитниками буддизма) в ламаистский пантеон (Буддизм..., 1992. С. 98, 99; Мифы..., 1994. Т. 1. С. 194). Интерес представляет не только защитное облачение со всеми названными выше деталями, включая развевающиеся ленты, но и поза идущего Вирупакша. Обратим внимание на поднятую пятку и опору на носок одной ноги, аналогично изображению на средневековом ремennom наконечнике (ср. рис. 1), на разворот фактически анфас тела и головы; кроме того, тяжелый палаш прислонен к плечу. В деталях облачения фигурки Гесера – панцирный доспех из пластин (чешуек), которые на плечах сравнимы с защитным покрытием рук героев сюжета на ремennom наконечнике. Все это лишь подчеркивает существование определенных изобразительных канонов, которые веками сохранялись при всех хронологических и территориальных вариантах.

В качестве яркого примера такого варианта с выраженной спецификой можно привести изделие XVIII в. производства Шивань, одного из самых известных старых центров китайской керамики, сохраняющего и в настоящее время традиционный стиль (г. Фошань, провинция Гуандун, Южный Китай). Это набор из четырех керамических фигурок локапал, покрытых глазурью типа *саньцай* (рис. 2: 7), представленный на интернет-аукционе¹². Одни детали одеяния

¹⁰ П. А. Артемьева (Владивосток), которой приношу искреннюю благодарность, любезно перевела с китайского парную надпись к этому изображению и проанализировала ее. По ее предположению, здесь в ранг небожителей/божеств возведены основатель южноиндийской династии Саватаханов (230 г. до н. э. – 220 г. н. э.) Симука и его брат и преемник Канха. Напомним, что локапалами стали индийские братья. Она же отметила, что автор статьи о шелковом манускрипте с буддийской мантрой на китайском языке (редкая археологическая находка), найденном в погребении эпохи Тан в провинции Шэньси, Северо-Западный Китай, использовал это изображение для иллюстрации, как могли бы выглядеть упомянутые в его статье божества (Каогу. 2015. № 1. С. 109).

¹¹ Часть меча с изящной рукояткой и гардой можно видеть на пояском фрагменте фигуры локапалы Вирудхака (хранитель юга) в защитном облачении; подобные изображения, но без мечей – на других изображениях локапал; все они датированы IX в., происходят из храмовых комплексов Турфанского оазиса Восточного Туркестана (Central Asian Art..., 1991. P. 161, 211. Fig. 107, 153).

¹² Благодарю к. и. н. Ю. И. Елихину, хранителя монгольской, тибетской и хотанской коллекций Эрмитажа, обратившую мое внимание на этот набор, а также специалиста по древней и знатока китайской керамики д. и. н. И. С. Жущиховскую (Владивосток)

(нагрудник, защитные элементы на плечах, многослойность поясной одежды, включая бахрому на фартуке; пояса и шнуры) соответствуют традиционным буддийским изображениям индийского стиля. Другие (длинная юбка, тяжелые сапоги) отражают местную специфику. Отметим также своеобразное грозное оружие (пика – некое подобие меча со специальным наконечником), которое настолько тяжело, что локапалы держат его, в основном прислонив к плечу (ср. с чрезмерно большой и определенно тяжелой саблей у одного из героев на ременном наконечнике).

Следующий участник композиции на накладке – копытное животное. По мнению археозоолога к. б. н. Е. Е. Антипиной¹³, подчеркнутые на изображении признаки животного (малый рост, массивность корпуса, круглые копыта, своеобразные рога, пропорции морды, ценность золотого руна, четко обозначенная на подборуше, крупе, хвосте и ногах животного на бляхе) позволяют предполагать в нем золотистого такина из Гималаев¹⁴ (рис. 3: 1). С этим не согласна Ю. И. Елихина (письмо автору от 20.03.2020), считая его изображением единорога и посему напрямую связывая с мифическим китайским *цилинем*¹⁵.

Представляется, что иконография животного, в первую очередь длинный хвост («хвост быка»), – одно из свидетельств того, что изображен не реальный такин (имеющий короткий хвост), а некое мифическое животное, миссия которого – нести символическую буддийскую драгоценность. Но при этом вполне вероятно, что источником вдохновения мастера, создававшего эту композицию, был реальный гималайский такин, настолько точны особенности его строения, описанные выше. Специфические рога такина на изображении не очевидны, но и назвать их рогом единорога трудно. Отметим, что неким подобным образом (горизонтально) – в виде своеобразной короны или гриба – нередко изображались

за консультацию. Низкотемпературная глазурь типа *саньцай* (Три цвета) изобретена в эпоху Тан и была своего рода маркером того времени. В классическом варианте она сочетала три цвета: зеленый, коричнево-желтый и белый, с вариациями по оттенкам (эта глазурь известна и в более поздние эпохи). Мелкая пластика также существовала в эпоху Тан. Очевидно, что фигурки периода расцвета цинской эпохи сохраняют или напрямую копируют средневековую традицию.

¹³ Выражаю сотруднице Лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН искреннюю благодарность за консультацию (письмо автору от 11.10.2019).

¹⁴ Изображение такина определил на хуннских бляхах из ноин-улинских курганов в Северной Монголии В. А. Кореняко (2013). Автор рассматривает не только изображение, но и разные мнения по этому поводу, а также приводит точное место вида в зоологической систематике (таксономии) и его ареал.

¹⁵ Цилинь, по древним китайским представлениям, – мифический зверь (единорог). Разные версии его описания соответствуют одному принципу – отдельные части зверя сравниваются с частями реальных животных. По одной из них, это зверь с телом оленя, но меньше размером, шеей волка, хвостом быка, копытами коня и разноцветной шерстью. Рог животного заканчивается мягкой шишкой, не способной нанести вред. Цилинь символизирует гуманность, милосердие и благородство, добродетель и мудрость, кроме того, одну из сторон света, а именно запад. Его появление несло с собой умиротворенность и процветание природе (Мифы..., 1994. Т. 2. С. 621, 622; *Кравцова*, 2004. С. 395, 396).

рога оленей, ланей в танском искусстве. Этот элемент заимствован из сасанидского искусства и до эпохи Тан не был известен в Китае (*Gyllensvärd*, 1957. P. 119, 120. Fig. 71).

В буддийской иконографии эпохи Тан священным животным, несущим на спине такие же священные символы буддийской веры (колесо закона, чаша Будды для подаяний, лотос, чинтамани и др.), обычно предстает слон, иногда – цилинь (*Gyllensvärd*, 1957. Fig. 63: *b, d*; *Williams*, 1960. P. 166–169) (рис. 3: 2–4). Олень (лань) также почитался священным животным; об олене, несущем на спине чинтамани, на китайских изображениях упоминает Н. К. Рерих (1995. С. 26). В тибетской буддийской традиции позднего времени (ламаизме) таким животным, наряду со слонем (рис. 3: 5), выступает конь – конь ветра Лунгта – с чинтамани (напомним, священная драгоценность, исполняющая желания и приносящая благополучие) на спине (рис. 3: 6–8). Такие изображения популярны на молитвенных флагах, на которых чаще всего печатаются тексты и изображения, предназначенные для защиты от зла (*Цыбиков*, 1919. С. 237; 2013. С. 158; *Gordon*, 1967. P. 16, 17). Воспроизводятся они в такой же традиционной манере и современными почитателями культуры Тибета, например на сувенирной продукции (рис. 3: 9). Н. К. Рерих пишет о легендарных тибетском и монгольском конях: «Слышали о коне Гесер-хана, великого героя Древней Азии, и даже видели на скалах Тибета удары подков его. Звали коня Химават с огненной ношей Чинтамани. Эрдени Мори – белый конь – монгольский носитель того же сокровища счастья» (*Рерих*, 1995. С. 26). Путешественник, философ и знаменитый художник запечатлел его в картине «Белый камень» (1933 г., Музей Николая Рериха в Нью-Йорке) (рис. 3: 10).

Об оригинальной в деталях, но все же по сути традиционной иконографии изображения чинтамани в композиции, украшающей поясную накладку, сказано выше при описании предмета.

Таким образом, анализ образов всех героев и мотивов декора, аналогий деталей изображения и их трактовок позволяет высказать предположение о смысле сюжета. Необходимо учесть и известное как в традиционной культуре многих народов, так и в средневековой, социально-смысловое значение пояса и его украшений (статусное, наградное, гендерное и пр.), а также наполнение многих декоративных композиций или отдельных мотивов на них благожелательным смыслом. Декор ременных украшений и сами бляхи нередко наделяются защитной функцией, и как защита воспринимаются владельцами поясов.

В рассматриваемом декоре на основе смысловых нагрузок всех мотивов в буддийской иконографии можно говорить и о благожелательном смысле, и о защитной функции подобного сюжета. Ю. И. Елихина обратила внимание автора на то, что китайский цилинь символизирует запад, несет милосердие и заботу, а локапалы, хранители сторон света, охраняют его. Все условные герои (мотивы изображения) определенно наполняют сюжет обозначенными выше смыслом и функцией. Кроме того, подобная композиция – «вполне подходящая формула для владельца пояса с определенным статусом» (из письма от 21.03. 2020).

При абсолютном согласии с мнением специалиста хочется обратить внимание и на возможно более глубокий смысловой пласт, который мог содержаться в таком сюжете. Не стоит забывать, что цилинь изображен не сам по себе,

Рис. 3. Аналогии изображению животного со священной ношей

1 – золотистый такин, Гималаи; 2, 3 – по: Gyllensvärd, 1957. Fig. 71; 4 – по: Williams, 1960. P. 167; 5, 8 – по: Цыбиков, 1919. С. 237; 6 – по: Цыбиков, 2013. С. 158; 7 – по: Gordon, 1967. P. 17; 9 – дизайн проф. Ю. Янхунена. Финско-Тибетская культурная ассоциация; 10 – Н. К. Рерих. «Белый камень». 1933 г.

а несущим на спине чинтамани – центральный мотив. Осторожно можно предположить, что подобная композиция изначально могла восприниматься как изображение стражей не только сторон света, но и охранителей заповедей веры, ее Чистоты. Символом самой веры и ее божеств (ср. рис. 2: 2) служила драгоценность чинтамани в единстве с лотосом.

Датировка предмета и условия попадания его на Средний Енисей

Рассматриваемая накладка определенно не относится к кругу ременных поясных украшений из цветного металла, характерных для культуры Саяно-Алтая конца I – начала II тыс. Минусинская котловина на Среднем Енисее (северные предгорья Западного Саяна) – место наибольшей концентрации подобных находок. Характерный декор, в том числе наличие в его репертуаре мотивов буддийской иконографии, некоторые из которых были особенно популярны среди воинов-всадников, стал своего рода «визитной карточкой» эпохи. Это явление связано с периодом (вторая половина IX – начало X в.) «экспансии» енисейских кыргызов (Кыргызский каганат, ядро которого сложилось ранее на Среднем Енисее) и их военными походами на восток, запад и юг Центральной Азии на значительные расстояния. Кроме того, были налажены связи с отдаленными государствами (подробнее со ссылками на литературу см.: *Король*, 2015).

Находка из д. Сабинское в Минусинской котловине отличается не только религиозной нагрузкой сюжетной композиции. Главное – накладка изготовлена хотя и в технике литья, как и другие средневековые ременные украшения из цветного металла, происходящие из данного региона, но по совершенно другому принципу. Ременные украшения, характерные для средневековых кочевников тюркского (в широком смысле) времени, пустотелые, имеют форму перевернутой «коробочки» с тонкими бортиками с оборотной стороны. Декорировалась внешняя сторона, литой декор выступал над фоновой поверхностью. Аналогичные по технике изготовления ременные украшения были популярны и на востоке – у киданей империи Ляо (916–1125). При этом среди находок в погребениях киданей иногда встречаются изделия именно такой формы, как и рассматриваемый наконечник. Они имеют сильно выступающие наружу бортики и рельефный декор (как и в рассматриваемом случае) на условном «дне» изделия – декорируемом поле. Чрезвычайно искусный поясной набор¹⁶ с высоким рельефным сюжетным декором известен из ляосского погребения начала XI в. (Вэньу, 1980. № 12. С. 21. Цв. ил. 2). Такая форма ременных украшений (с сильно выступающим наружу бортиком) свидетельствует о том, что это детали не воинского пояса всадника, пусть даже парадного, а пояса чиновника или другого статусного лица, которому не требовалась активность верхом на коне. Поясной комплект из ляосского погребения мог быть изготовлен высококлассными мастерами сунского Китая (960–1279). Обработка фона округлым пуансоном присуща

---

¹⁶ Подробно о нем и некоторых находках блях с приподнятыми бортиками и обработанным округлым пуансоном фоном в Южном Забайкалье см.: *Король*, 2009. С. 19–27. Рис. 5.

средневековым изделиям Китая¹⁷ эпох Тан и Сун, а также киданьской империи Ляо.

Отметим, что рассматриваемый в статье предмет нельзя назвать изделием мастера высокого уровня. Он изготовлен не слишком искусным художником (литье внешне качественное). Композиция напоминает некий «народный рисунок», при этом все важные для мастера детали, как отмечено выше, прекрасно доработаны. Позолота, вероятно, всей поверхности скрывала недостатки и создавала общую внешнюю красоту и придавала статусность предмету. Ременный наконечник можно отнести к изделиям киданьского круга, с сильным китайским влиянием.

После создания государства киданей Ляо в Северном Китае¹⁸ и проникновения их в 924 г. на территорию Восточной Монголии, откуда к тому времени уже ушли кыргызы, они оказались соседями. Как известно по китайским письменным источникам, в течение X в. было три посольства кыргызов в Ляо. Кыргызы отправляли своих детей для обучения в столицу Ляо (*Кызласов*, 1969. С. 95–96), а кидани – должностных лиц за провинность «во владения кыргызов на Енисее», считая последних вассалами (*Ликов*, 1989. С. 17, 78). Также по источникам известно, что кидани были буддистами (*Ликов*, 1980). Наиболее активные и плодотворные взаимоотношения кыргызов и киданей пришлось именно на X в.

Итак, попадание в Минусинскую котловину на Среднем Енисее единичного ременного наконечника (скорее всего, не воинского пояса) с декоративным сюжетом буддийской иконографии с благопожелательным содержанием (и, вероятно, защитной функцией) тем или иным образом могло произойти именно в это время. Учитывая, что поясные бляхи из ляосского погребения, датированного около 1004 г., изготовлены по сходной технологии, рассматриваемый предмет можно условно датировать X – началом XI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Буддизм: словарь / Под общ. ред. Н. Л. Жуковской и др. М.: Республика, 1992. 287 с.
- Вдовин А. С., Дэвлет М. А., Кузьминых С. В.*, 2015. Коллекционирование древностей Енисея как социально-культурный феномен // Очерки истории отечественной археологии. Вып. IV / Отв. ред.: П. Г. Гайдуков, И. В. Тункина. М.: ИА РАН. С. 64–96.
- Вэньу. 1980. № 12. (На кит. яз.)
- Дмитриев С. В.*, 2011. Пещерный комплекс Дуньхуан. История и изучение // ВОСТОК (ORIENT). № 4. С. 108–115.
- Завитухина М. П.*, 1983. Древнее искусство на Енисее (скифское время): Публикация одной лекции. Л.: Искусство. 96 с., 47 л. ил.
- Каогу. 2015. № 1. (На кит. яз.)
- Киселев С. В.*, 1949. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 364 с. (МИА; № 9.)
- Коренько В. А.*, 2013. Об изображениях на серебряных пластинах из Ноин-Улы // Текст. Контекст. Подтекст: сб. в честь М. Н. Погребовой / Отв. ред. Г. Ю. Колганова. М.: Ин-т востоковедения РАН. С. 86–100, 249–251.

¹⁷ Предметы китайских мастеров или подражания им с подобной обработкой поверхности в чеканке по золоту и серебру и в литье известны из Минусинской котловины конца I тыс. (*Киселев*, 1949. Т. LVI, внизу; LVII: 9; *Король*, 2008. Прилож. 10. С. 119).

¹⁸ Детально о сложном политическом и социальном устройстве империи Ляо, с основной литературой по ее истории см.: *Крадин, Ивлиев*, 2019.

- Король Г. Г.*, 2008. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат. 332 с. (Труды Сибирской Ассоциация исследователей первобытного искусства; вып. V.)
- Король Г. Г.*, 2009. Декор ременных украшений средневековых кочевников востока евразийских степей: синтез культурных традиций // Декоративно-прикладное искусство Восточной Азии: символика и культурные традиции / Отв. ред., сост. И. С. Жушиховская. Владивосток: Дальнаука. С. 7–31.
- Король Г. Г.*, 2015. Культурные влияния в Центральной Азии и на сопредельных территориях рубежа I–II тыс. н. э. (по материалам торевтики малых форм) // РА. № 4. С. 64–77.
- Король Г. Г., Конькова Л. В.*, 2009. Средневековые ременные украшения из Минусинской котловины: собрания XIX в. в коллекциях Эрмитажа // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5 / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука. С. 139–149.
- Король Г. Г., Наумова О. Б.*, 2020. А кто же мастер? (Проблемы изучения художественной металлообработки у раннесредневековых кочевников Центральной Азии) // Теория и практика археологических исследований. № 3 (31). С. 33–38.
- Король Г. Г., Фокин С. В.*, 2020. Новые варианты буддийского мотива в средневековом декоре (Средний Енисей) // РА. № 3. С. 63–78.
- Кравцова М. Е.*, 2004. Мировая художественная культура. История искусства Китая: учебное пособие. СПб.: Лань: ТРИАДА. 960 с.
- Крадин Н. Н., Ивлиев А. Л.*, 2019. Гл. 13. Империя Ляо // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / Отв. ред.: Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. М.: Вост. лит. С. 233–251.
- Кузьминых С. В., Вдовин А. С., Гален Г.*, 2016. Из истории российских археологических коллекций за рубежом: собрание И. П. Товостина в Музейном ведомстве Финляндии // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы междунар. конф. / Ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 36–39.
- Кызласов Л. Р.*, 1969. История Тувы в Средние века. М.: Изд-во МГУ. 211 с.
- Кызласов Л. Р.*, 1981. Тюхтятская культура древних хакасов IX–X вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 54–59. (Археология СССР)
- Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Рос. энцикл., 1994. 2 т. (671 + 719 с.).
- Пигов Г. Г.*, 1980. Буддизм в государстве киданей // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. Вып. 1. С. 149–155.
- Пигов Г. Г.*, 1989. Западные кидани. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. 191 с.
- Рерих Н. К.*, 1995. Химават. Самара: Агни. 256 с.
- Цыбиков Г. Ц.*, 1919 (обл. 1918). Буддист паломник у святынь Тибета. Пг.: Рус. геогр. о-во. 472 с.
- Цыбиков Г. Ц.*, 2013. Буддист-паломник у святынь Тибета. М.: Эксмо. 480 с. (Великие русские путешественники.)
- Central Asian Art from the Museum of Indian Art, Berlin, SMPK: Exhibition Catalogue. Tokyo: Asahi Shimbun, 1991. 226 p. (In Japanese, English.)
- Gordon A. K.*, 1967. The Iconography of Tibetan Lamaism. New York: Paragon Book Reprint Corp. XXXI, 131 p.
- Gyllensvärd B.*, 1957. T'ang Gold and Silver. Stockholm: Elander. 370 p.
- Jisl L., Sis V., Vanis J.*, 1958. Tibetische Kunst. Prag: Artia. 48 p. + 111 il.
- Stein A.*, 1921a. Serindia. Vol. IV. Oxford. CLXXV pl.
- Stein A.*, 1921b. The Thousand Buddhas. London: Bernard Quaritch, Ltd. XII, 65 p. + XLVIII pl.
- Tallgren A. M.*, 1917. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minossinsk conservées chez le Dr. Kare Hedman a Vasa. Helsingfors. 93 p., XII pl.
- Williams C. A.*, 1960. Encyclopedia of Chinese Symbolism and art Motives. New York: Julian Press. XXI, 468 p.

Сведения об авторе

Король Галина Георгиевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: ggorol08@rambler.ru

G. G. Korol

A BUDDHIST NARRATIVE SCENE FROM THE HELSINKI MUSEUM:
A MEDIEVAL BELT MOUNT (MINUSINSK DEPRESSION)

Abstract. A bronze-gilt belt mount kept in the Finland's National Board of Antiquities (Helsinki) from I. P. Tovostin's collection of antiquities from the Minusinsk Depression is introduced into scientific discourse. It is a unique item because of its decoration featuring a narrative scene related to a Buddhist myth (Fig. 1). No analogies to this narrative scene are known. The paper examines analogies to the iconographic elements of the scene (Fig. 2; 3), and provides interpretation of the meaning of symbolic images. The narrative scene is benevolent in its character and initially might have had a more religious significance. Based on the distinctive features of the production technology, the item has been attributed to the artifacts of the Khitan circle (Liao Empire) and tentatively dated to the 10th – early 11th centuries.

Keywords: medieval period, Minusinsk Depression, I. P. Tovostin's collection, belt mount, decoration, Buddhist narrative scene, symbols, the Yenisei Kyrgyz, the Khitan.

REFERENCES

- Buddizm: slovar' [Buddhism: dictionary]. N. L. Zhukovskaya, ed. Moscow: Respublika, 1992. 287 p.
- Dmitriyev S. V., 2011. Peshchernyy kompleks Dun'khuan. Istoriya i izucheniye [Cave assemblage Dunhuan. History of research]. *VOSTOK (ORIENS) [ORIENS]*, 4, pp. 108–115.
- Kaogu. 2015. № 1. (In Chinese.)
- Kiselev S. V., 1949. Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri [Early history of South Siberia]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 364 p. (MIA, 9.)
- Korenyako V. A., 2013. Ob izobrazheniyakh na serebryanykh platinakh iz Noin-Uly [On images on silver plates from Noin-Ula]. *Tekst. Kontekst. Podtekst [Text. Context. Subtext]*. G. Yu. Kolganova, ed. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN [Institute for Oriental studies RAS], pp. 86–100, 249–251.
- Korol G. G., 2008. Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki [Art of Eurasia medieval nomads. Essays]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 332 p. (Trudy Sibirskoy assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, V.)
- Korol G. G., 2009. Dekor remennykh ukrasheniy srednevekovykh kochevnikov vostoka evraziyskikh stepey: sintez kul'turnykh traditsiy [Decoration of strap ornaments of medieval nomads in East of Eurasian steppes: synthesis of cultural traditions]. *Dekorativno-prikladnoye iskusstvo Vostochnoy Azii: simbolika i kul'turnyye traditsii [Decorative and applied art of Eastern Asia: symbolism and cultural context]*. I. S. Zhushchikhovskaya, ed., comp. Vladivostok: Dal'nauka, pp. 7–31.
- Korol G. G., 2015. Kul'turnyye vliyaniya v Tsentral'noy Azii i na sopedel'nykh territoriyakh rubezha I–II tys. n. e. (po materialam torevniki malykh form) [Cultural influences in Central Asia and adjacent territories at the turn of the 1st – 2nd millennia AD (on the materials of small toreutics)]. *RA*, 4, pp. 64–77.
- Korol G. G., Fokin S. V., 2020. Novyye varianty buddiyskogo motiva v srednevekovom dekore (Sredniy Enisey) [New variants of Buddhist motif in medieval decoration (Middle Yenisei)]. *RA*, 3. (In print.)
- Korol G. G., Kon'kova L. V., 2009. Srednevekovyye remennyye ukrasheniya iz Minusinskoj kotloviny: sobraniya XIX v. v kollekttsiyakh Ermitazha [Medieval strap ornaments from Minusinsk depression: XIX c. collections in Hermitage collection]. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological investigations]*, 5. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Azbuka, pp. 139–149.
- Korol G. G., Naumova O. B., 2020. A kto zhe master? (Problemy izucheniya khudozhesvennoy metalloobrabotki u srednevekovykh kochevnikov Tsentral'noy Azii) [But who is the master? (The issues of studying artistic metalworking among medieval nomads of Central Asia)]. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological investigations]*, 3 (31), pp. 33–38.

- Kradin N. N., Ivliyev A. L., 2019. Glava 13. Imperiya Lyao [Chapter 13. Liao Empire Ляо]. *Kochevyye imperii Evrazii: osobennosti istoricheskoy dinamiki [Nomadic empires of Eurasia: features of historical dynamics]*. B. V. Bazarov, N. N. Kradin, eds. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 233–251.
- Kravtsova M. E., 2004. Mirovaya khudozhestvennaya kul'tura. Istoriya iskusstva Kitaya: uchebnoye posobiye [World art culture. China art history: manual]. St. Petersburg: Lan': TRIADA. 960 p.
- Kuz'minykh S. V., Vdovin A. S., Galen G., 2016. Iz istorii rossiyskikh arkhologicheskikh kollektсий za rubezhom: sobraniye I. P. Tovostina v Muzeynom vedomstve Finlyandii [From history of Russian archaeological collections abroad: I.P. Tovostin's collection in Finland's National Board of Antiquities]. *Arkheologicheskoye naslediyе Sibiri i Tsentral'noy Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya) [Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (issues of interpretation and preservation)]*. V. V. Bobrov, ed. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 36–39.
- Kyzlasov L. R., 1969. Istoriya Tuvy v sredniye veka [History of Tuva in Middle Ages]. Moscow: MGU. 211 p.
- Kyzlasov L. R., 1981. Tyukhtyatskaya kul'tura drevnikh khakasov IX–X vv. [Tyukhtyat culture of early Khakass in IX–X cc.]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Eurasia in Middle Ages]*. S. A. Pletneva, ed. Moscow: Nauka, pp. 54–59. (Arkheologiya SSSR.)
- Mify narodov mira: entsiklopediya [Myths of peoples of the world: encyclopedia]. S. A. Tokarev, ed. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya, 1994. 2 vols. (671, 719 p.).
- Pikov G. G., 1980. Buddizm v gosudarstve kidaney [Buddhism in the Khitan state]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk [Bulletin of Siberian Branch of the AN SSSR. Ser. Social sciences]*, 1, pp. 149–155.
- Pikov G. G., 1989. Zapadnyye kidani [Western Khitans]. Novosibirsk: Novosibirskiy universitet. 191 p.
- Rerikh N. K., 1995. Khimavat [Khimavat]. Samara: Agni. 256 p.
- Tsybikov G. Ts., 1919 (cover 1918). Buddist palomnik u svyatyn' Tibeta [Buddhist pilgrim at the shrines of Tibet]. Petrograd: Russkoye geograficheskoye obshchestvo. 472 p.
- Tsybikov G. Ts., 2013. Buddist-palomnik u svyatyn' Tibeta [Buddhist-pilgrim at the shrines of Tibet]. Moscow: Eksmo. 480 p. (Velikiye russkiye puteshestvenniki.)
- Vdovin A. S., Devlet M. A., Kuz'minykh S. V., 2015. Kollektсионirovaniye drevnostey Eniseya kak sotsial'no-kul'turnyy fenomen [Collecting of Yenisei antiquities as social and cultural phenomenon]. *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii [Essays on history of national archaeology]*, IV. P. G. Gaydukov, I. V. Tunkina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 64–96.
- Ven' u. 1980, 12. (In Chinese.)
- Zavitukhina M. P., 1983. Drevneye iskusstvo na Eniseye (skifskoye vremya): Publikatsiya odnoy kollektсии [Ancient art on Yenisei (Scythian time): Publication of one collection]. Leningrad: Iskustvo. 96 p., 47 ill.

About the author

Korol Galina G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: ggkorol08@rambler.ru

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ЗНАКИ И ОБРАЗЫ В ИСКУССТВЕ КАМЕННОГО ВЕКА»

Е. С. Леванова, Г. А. Хлопачев, К. Н. Гаврилов

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗНАКИ И ОБРАЗЫ В ИСКУССТВЕ КАМЕННОГО ВЕКА»: ИСТОКИ И ИТОГИ¹

Резюме. 27–29 ноября 2019 г. в Институте археологии РАН состоялась Международная конференция «Знаки и образы в искусстве каменного века», организованная Центром палеоискусства и отделом каменного века ИА РАН, Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Международной ассоциированной лабораторией «Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства Евразии» (ARTEMIR) и Новосибирским государственным университетом. Это третье мероприятие в ряду конференций, связанных с темой изучения монументального и мобильного искусства каменного века. В работе конференции приняли участие специалисты из ряда научных учреждений России, Франции, Великобритании, Германии, Румынии, Швейцарии, Португалии, Норвегии, Италии, Казахстана, было заслушано 45 устных докладов и представлено 8 стендовых докладов. Работа конференции была организована по пяти направлениям, охватывающим проблемы археологического контекста в изучении искусства малых форм и наскальных изображений; изучения знаков и геометрических изображений, техники и стилистики исполнения пещерного и наскального искусства; дискуссий о семантике знаков и образов в искусстве каменного века, а также методологии изучения изображений.

Ключевые слова: Международная конференция, искусство каменного века, мобильное искусство, наскальное искусство.

9 октября 2019 г. в странах Европы впервые отмечали День наскального искусства. Эта дата выбрана неслучайно. В письме от 9 октября 1902 г., адресованном Марии де Саутуола², известный французский археолог Эмиль Карталяк

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-40043.

² Дочь Марселино де Саутуола, открывшая вместе с отцом росписи в пещере Альтамира.

признал ошибку всего современного ему научного сообщества, отрицавшего открытие ее отца и не признававшего вплоть до начала XX в. палеолитического возраста росписей Альтамыры и других пещерных памятников. С этого времени в истории открытий и изучения памятников искусства эпохи камня наскальная живопись и искусство малых форм стали равноправными свидетельствами древнейшей изобразительной деятельности человека. Первые находки фигуративных и орнаментированных изделий из кости и камня были признаны палеолитическими ранее, еще в XIX в. Примечательно, что первая выставка, посвященная искусству каменного века на территории СССР – «У истоков культуры», – прошла в Государственном Эрмитаже в год столетия открытия Альтамыры (1879 г.) и юбилея открытия рисунков Каповой пещеры (1959 г.). Экспозиция строилась преимущественно на материалах раскопок палеолитических стоянок Русской равнины и Сибири.

Первобытное искусство поражает разнообразием видов: это живопись, графика, барельеф, круглая скульптура. Начиная с эпохи верхнего палеолита древний человек использовал сложные техники и приемы преобразования поверхностей для создания образов и знаков. В первобытном искусстве органично сосуществовали натуралистично выполненные и чрезвычайно схематичные, аскетичные в деталях, но опознаваемые скульптуры или рисунки, реалистичные изображения и разнообразные, часто образующие орнаментальные композиции символы и знаки.

Неутихающие дискуссии об истоках и прародине искусства, о самых ранних свидетельствах творчества *Homo sapiens sapiens* и *Homo neanderthalensis*, а также спорных и сенсационных датировках объясняют особое внимание к самым ранним памятникам – каменного века.

В СССР и современной России сложилось несколько самобытных школ изучения первобытного искусства, связанных прежде всего с научными центрами в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске и Кемерове. Памятники древнейшего искусства исследовали С. Н. Замятин, А. П. Окладников, З. А. Абрамова, М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев, А. Д. Столяр, А. А. Формозов, О. Н. Бадер, Я. А. Шер и др. Результатом работ советских археологов и искусствоведов стали тематические выпуски сибирского отделения издательства «Наука» в серии «Первобытное искусство»: «Первобытное искусство» (1971 г. и 1976 г.) «У истоков творчества» (1978 г.), «Звери в камне» (1980 г.), «Пластика и рисунки древних культур» (1983 г.), «Антропоморфные изображения» (1987 г.), «Семантика древних образов» (1990 г.), «Наскальные рисунки Евразии» (1992 г.). Отдельно стоит упомянуть выпуски Трудов Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства, в особенности «Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова» (2011 г.).

Проследить традицию проведения научных мероприятий, объединявших исследователей как монументального искусства древности, так и мобильного искусства, не так просто. Важнейшие открытия, доклады об успехах экспедиций советские исследователи представляли на всесоюзных конференциях и сессиях, посвященных общим итогам археологических и этнографических исследований.

Первая в нашей стране международная конференция, посвященная проблемам изучения доисторического искусства, состоялась только в 1998 г. в г. Кемерове (Международная конференция..., 1998). На ней были широко представле-

ны материалы исследований как мобильного искусства и его археологического контекста (в докладах З. А. Абрамовой, С. А. Демещенко, Л. Б. Вишняцкого, К. Вельте и др.), так и наскальных памятников (М. А. Дэвлет, М. В. Килуновская, В. А. Семенов, Ю. Н. Есин и др.).

В 2000-х гг. интерес к изучению ранних форм искусства переходит на новый уровень: организуются конференции, целью которых было обращение к общим проблемам таких дисциплин, как археология, история, искусствознание, фольклористика и этнография. Одним из таких тематических научных мероприятий можно назвать конференцию «Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции», проводившуюся кафедрой археологии исторического факультета СПбГУ в 2004 г. С 2009 по 2011 г. в РГПУ им. А. И. Герцена прошел цикл научных конференций «Homo Eurasicus в глубинах и пространствах истории», посвященных проблемам осмысления культурно-исторического взаимодействия населения Евразии от древности до современности. Обращаясь к теме изучения искусства, участники этих форумов освещали вопросы не только происхождения ранних форм изобразительной деятельности, но и его развития в эпоху древних цивилизаций и Античности, Средневековья, а также в наследии традиционных культур этнографического времени.

В 2002 г. в Государственном Эрмитаже прошла выставка «Зверь и человек. Произведения древнего искусства Евразии», по итогам которой в 2009 г. был опубликован сборник трудов, раскрывающих особенности древнего художественного творчества населения Евразии от эпохи палеолита до Средневековья (Зверь и человек..., 2009). Столь широкий хронологический охват был свойственен и другим тематическим сборникам и юбилейным изданиям.

В 2017–2019 гг. в рамках сотрудничества ведущих институтов и музеев России – Института археологии РАН, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Новосибирского государственного университета – были организованы конференции по проблемам изучения самых ранних форм искусства – эпохи камня. Целью этих форумов было привлечение к обсуждению актуальных проблем изучения искусства каменного века специалистов в области наскальных изображений и тех, кто занимается искусством малых форм. Идейным вдохновителем и организатором этих встреч была Екатерина Георгиевна Дэвлет (1965–2018 гг.), выдающийся ученый – специалист в области изучения наскального искусства.

Накопление новых данных, переосмысление теорий и устоявшихся парадигм развития изобразительной деятельности человека в древности, появление новых методов анализа предметов искусства – все эти назревшие проблемы актуализируют обмен опытом и дискуссии между специалистами в области изучения мобильного искусства и наскальных изображений в пещерах и под открытым небом. Одной из главных задач цикла конференций «Искусство каменного века» было придание нового импульса исследованиям древнейшего искусства для расширения понимания репертуара образов и знаков, изобразительного языка, художественного своеобразия и археологического контекста произведений. Стержневыми темами стали обсуждение археологического контекста и семантики знаков и геометрических изображений; вариативность и корреляция образов наскального и искусства малых форм; методы документирования и исследования техно-

логических особенностей искусства каменного века; проблемы археологической хронологии и культурной атрибуции памятников изобразительной деятельности.

В 2017 г. конференция «Искусство каменного века: образы, знаки, контекст» прошла в Санкт-Петербурге, в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН – одном из старейших отечественных научных центров, где на протяжении длительного времени собирали и накапливали материалы наиболее значимых археологических памятников из самых разных регионов Восточной Европы и Сибири. К открытию конференции была приурочена презентация издания «Верхний палеолит. Образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. редактор Г.А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016», в котором представлены материалы и результаты исследований сложной системы сюжетов искусства древнего каменного века на территории Восточной Европы и Сибири.

В 2018 г. в рамках международного симпозиума «Музеефикация историко-культурного наследия: теория и практика» (Республика Башкортостан, музей-заповедник «Пещера Шульган-Таш») Центром палеоискусства ИА РАН и МАЭ РАН был организован круглый стол **«Знаки и образы в изображениях на скалах и искусстве малых форм»**. В фокусе внимания участников круглого стола были наиболее важные проблемы исследования, сохранения, популяризации и продвижения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО Каповой пещеры (Шульган-Таш) и других пещерных памятников Европы, а также методы изучения технологических особенностей искусства каменного века и корреляция образов наскального и искусства малых форм.

Завершила цикл тематических научных мероприятий международная конференция **«Знаки и образы в искусстве каменного века»** (Москва, 2019 г.). Организаторами ее выступили Институт археологии РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Международная ассоциированная лаборатория «Мультидисциплинарные исследования первобытного искусства Евразии» (ARTEMIR) и Новосибирский государственный университет. В первый день работы конференции участники посетили выставку «Сквозь века и пространства: наскальное искусство России», посвященную памяти Екатерины Георгиевны Дэвлет.

Работа конференции была организована по пяти направлениям, охватывающим проблемы археологического контекста в изучении искусства малых форм и наскальных изображений; изучения знаков и геометрических изображений, техники и стилистики исполнения пещерного и наскального искусства; дискуссий о семантике знаков и образов в искусстве каменного века, а также методологии изучения изображений.

На пленарном заседании с докладами о новейших тенденциях в исследованиях первобытной изобразительной деятельности и последних открытиях выступили Дж. Кук (Британский музей, Великобритания), Г. А. Хлопачев (МАЭ РАН, Санкт-Петербург), К. Н. Гаврилов (ИА РАН, Москва), Е. А. Миклашевич (ИА РАН, Москва) и Ф. Плассар (Музей пещеры Руффиньяк, Франция). Новые открытия европейского искусства малых форм эпохи верхнего палеолита были освещены в докладах румынских археологов (Е.-К. Ницу, М. Кырчимару, О. Чирстина и др.).

На отдельной секции были сделаны доклады, посвященные изучению пещерного искусства России. Исследователи обсудили последние находки и методические вопросы исследований в Каповой и Игнатьевской пещерах, единственных на сегодняшний день памятниках с палеолитическими пещерными росписями в нашей стране (В. Н. Широков, Ю. В. Дублянский, В. Г. Котов, А. К. Солодейников, Ю. М. Свойский).

В большинстве докладов конференции «Знаки и образы в искусстве каменного века» речь шла об изучении традиций наскального искусства верхнего палеолита и неолита Евразии. Были сделаны доклады об итогах изучения памятников на территории Алтая и Монголии (В. И. Молодин, Д. В. Черемисин, Л. В. Зоткина), Франции (К. Кретэн) и Германии (Н. Конард, К. Майстер), новых подходах к интерпретации пещерного искусства (С. Вольф, С. Риго), методах документирования и сохранения памятников изобразительной деятельности (Е. Дуткевич, Ф. Плассар, С. Петроньяни, Ю. М. Свойский, Е. С. Леванова, Л. В. Зоткина, К. Кретэн и др.). Фундаментальные проблемы изучения памятников наскального искусства Карелии, Сибири и Дальнего Востока были освещены в докладах Н. В. Лобановой, Е. М. Колпакова, О. С. Советовой и О. А. Шишкиной, И. В. Аболонковой и А. К. Солодейникова, А. Р. Ласкина, А. М. Забияко.

Отдельный блок докладов был посвящен мобильному искусству памятников верхнего палеолита и мезолита (Л. В. Лбова и А. И. Панкина, С. Н. Савченко), возможностям интерпретации изобразительных «текстов» в палеолитическом искусстве малых форм (С. А. Демещенко), интерпретации знаков и геометрических изображений (А. А. Синицын, М. Г. Жилин, И. Ю. Понкратова, О. В. Лозовская), зооморфных изображений на изделиях из кости (Н. Б. Ахметгалеева). Кроме устных докладов, были представлены также стендовые (7 докладов). Опубликованы тезисы докладов (Знаки и образы..., 2019).

Всего в работе конференции приняли участие 85 специалистов (в том числе 20 иностранных участников) из России, Франции, Великобритании, Германии, Румынии, Швейцарии, Португалии, Норвегии, Италии, Казахстана.

Успешный опыт проведения тематических научных встреч, посвященных обсуждению узловых проблем изучения древнейшей изобразительной деятельности человека, вылился в дискуссии на стыке разных научных подходов, гуманитарных и естественно-научных дисциплин, что продемонстрировало насущную необходимость сделать регулярным международный семинар для обсуждения многогранных аспектов исследования памятников монументального и мобильного искусства каменного века.

ЛИТЕРАТУРА

- Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. 388 с. (Труды ГЭ; т. 44.)
- Знаки и образы в искусстве каменного века: междунар. конф.: тез. докл. [Электронный ресурс]. М.: ИА РАН, 2019. 104 с. URL: https://www.archaeolog.ru/media/books_2019/Znaki-i-obrazy (дата обращения: 28.06.2020.)
- Международная конференция по первобытному искусству: тез. докл. / Отв. ред. Я. А. Шер. Кемерово, 1998. 188 с.

Сведения об авторах

Леванова Елена Сергеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maraveriza@gmail.com;

Хлопачев Геннадий Адольфович, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская набережная, д. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: gak@kunstkamera.ru;

Гаврилов Константин Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

E. S. Levanova, G. A. Khlopachev, K. N. Gavrilov

THE INTERNATIONAL CONFERENCE ON THE SIGNS AND IMAGES
IN THE STONE AGE ART: ROOTS AND OUTCOMES

Abstract. On November 27–29, 2019, the Institute of Archaeology (RAS) held the international conference on the Signs and Images in Stone Age Art organized by the Center of Palaeoart and the Stone Age Department of the Institute of Archaeology (RAS), the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (RAS), the International Associated Laboratory ‘Multidisciplinary Research of Prehistory Art of Eurasia’ (ARTEMIR) and Novosibirsk State University. It was the third event of this kind in a series of conferences held to discuss research of Stone Age monumental and portable art. The conference was attended by scholars from a number of research institutes of Russia, France, the UK, Germany, Rumania, Switzerland, Portugal, Norway, Italy, and Kazakhstan who made 45 presentations and organized 8 poster presentations. The conference focused on five areas covering the issues of the archaeological context in studying portable items and rock images as well as signs and geometric images, technology and stylistical features of cave and rock art; discussions of semantics of signs and images in Stone Age art and methodology for examining images.

Keywords: international conference, Stone Age art, portable art, rock art.

REFERENCES

- Mezhdunarodnaya konferentsiya po pervobytnomu iskusstvu [International conference on palaeoart]. Ya. A. Sher, ed. Kemerovo, 1998. 188 p.
- Znaki i obrazy v iskusstve kamennogo veka: mezhdunarodnaya konferentsiya: tezisy dokladov (Elektronnyy resurs) [Signs and images in Stone Age art: international conference: Abstracts (Electronic resource)]. Moscow: IA RAN, 2019. 104 p. URL: https://www.archaeolog.ru/media/books_2019/Znaki-i-obrazy.
- Zver' i chelovek. Drevneye izobrazitel'noye tvorchestvo Evrazii [Beast and man. Visual palaeoart in Eurasia]. St. Petersburg: GE, 2009. 388 p. (Trudy GE, 44.)

About the authors

Levanova Elena S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: maraveriza@gmail.com;

Khlopachev Gennadiy A., Peter the Great Museum of anthropology and ethnography (the Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: gak@kunstkamera.ru;

Gavrilov Konstantin N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

Л. В. Лбова, А. И. Панкина, П. В. Волков, В. В. Казаков

ЗООМОРФНАЯ ПЛАСТИКА В СИБИРСКИХ КОЛЛЕКЦИЯХ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА (ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ, СИСТЕМАТИЗАЦИЯ, ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ)¹

Резюме. В статье представлена сибирская зооморфная палеолитическая коллекция в наиболее полном и систематизированном виде (памятники Толбага, Мальта, Усть-Кова, Буреть, Янская стоянка и др.). Сибирская скульптура отличается реализмом, характерной детализацией, ограниченным числом видов, устойчивыми приемами технологии и декорирования. На основании комплекса методов предложены подходы к классификации изделий. Стилистический анализ позволяет констатировать существование двух традиций: серийных и индивидуальных изделий. В технико-типологическом отношении отмечается устойчивое соотношение изначальной заготовки (отщеп, бруски, стержни) с окончательным видом предмета: Выделяются заготовки скульптуры и предметы разной степени завершенности. Декорирование предметов (имитация меха, чешуи, перьев) характерно для «индивидуальных» изделий и определено в рамках культурных традиций орнаментирования бивня в Сибири. Большинство описанных предметов мобильного искусства Сибири размещены в информационной системе с полной атрибуцией, деталями и трехмерными моделями.

Ключевые слова: мобильное искусство, 3D-моделирование, документирование, технология, типология, информационная система, верхний палеолит, Сибирь.

Введение

Эпоха верхнего палеолита отмечается расцветом первобытного искусства: наскальной живописью и богатыми коллекциями мобильной пластики, где изображения животных, переданные с особым мастерством и достаточной долей

---

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10079 «Разработка технологий и информационной системы документирования и научного обмена археологическими данными».

реализма, являются одной из центральных тем в творчестве древних людей (Абрамова, 2005).

На территории Сибири мобильная скульптура становится наиболее распространенным вариантом изображения животных в палеолитическое время. Всего сибирская зооморфная коллекция насчитывает 57 экземпляров, происходящих из 6 стратифицированных комплексов (Мальта, Буреть, Усть-Кова, Новая Сыда, Толбага, Янская стоянка), две скульптуры были найдены на берегу Красноярского водохранилища (подъемный материал) (рис. 1). Коллекция мальтинской культуры (Прибайкалье) представляет наиболее полную серию изображений водоплавающих птиц, а также иных зооморфных образов.

Рис. 1. Археологические памятники с находками зооморфной скульптуры:

1 – Новая Сыда; 2 – Усть-Кова; 3 – Красноярское водохранилище (подъемный материал); 4 – Буреть; 5 – Мальта; 6 – Толбага; 7 – Янская стоянка

Методы исследования

Для описания, документирования и классификации использованы сравнительно-морфологический, микроскопический, стилистический и спектральный анализ (в целях исследования элементного состава пигментов, обнаруженных на некоторых скульптурах) (Волков и др., 2018; Лбова и др., 2017; Лбова, Панкина, 2018; и др.).

Для определения конкретных видов животных, представленных зооморфной пластикой, использован метод биологической классификации. В основе метода лежит система критериев для видового определения животных; для каждого

из них выделяются признаки таксономического плана, соответствующие реальным видам (Сунгуров, 1960; Переводчикова, 1994). Такой подход имеет определенные сложности для анализа предметов искусства, с учетом вероятного стилистического искажения отдельных форм изображений. Между тем, метод является важным этапом изучения зооморфной пластики, позволяющим научно обосновать корректность видовой определения животных.

Для анализа технологии производства изделий мелкой пластики из археологических коллекций использованы данные трасологических исследований следов орудий, применявшихся при их производстве. Идентификация выявляемых на их поверхности следов производилась на основе методики, разработанной для работы с материалами палеолитических и неолитических памятников Северной и Центральной Азии (Семенов, 1957; Korobkova, 1999; Волков, 2013).

Для публикации материалов сводной коллекции Мальты в открытом доступе была создана Информационная система в Веб с интерфейсами как просмотра, так и наполнения данных (см.: Искусство Мальты...). Предметы в представленной в систематизированном виде коллекции зооморфных образов Мальтинско-Буретской археологической культуры были помещены в раздел «Скульптуры» и разделены на две группы (орнитоморфные и зооморфные).

В процессе документирования Мальтинской коллекции выполнялось фотографирование предметов, а также методом SfM-фотограмметрии (Westoby et al., 2012) осуществлялось построение цифровых трехмерных моделей. Для фотограмметрии использовалась фотокамера Canon 550D, поворотный стол и контроллер из комплекта для создания виртуальных объектов – Cognisys Stackshot 3x virtual object creation kit. Построение трехмерных моделей выполнено с помощью ПО Agisoft Photoscan (Metashape). Для построения каждой трехмерной модели в среднем использовано около 100 фотографий.

Среднее разрешение полученных моделей составляет: 120 полигонов на квадратный миллиметр, разрешение текстур: 50 пикселей на дюйм (DPI), всего 2,3 млн полигонов, 64 мегапикселя. В то же время для возможности публикации в Веб с меньшим размером файла разрешение моделей снижалось в среднем до 50 полигонов на квадратный миллиметр, разрешение текстуры не изменялось. Разрешения исходных и подготовленных для Веб моделей достаточно для выявления микрорельефа и технологического анализа.

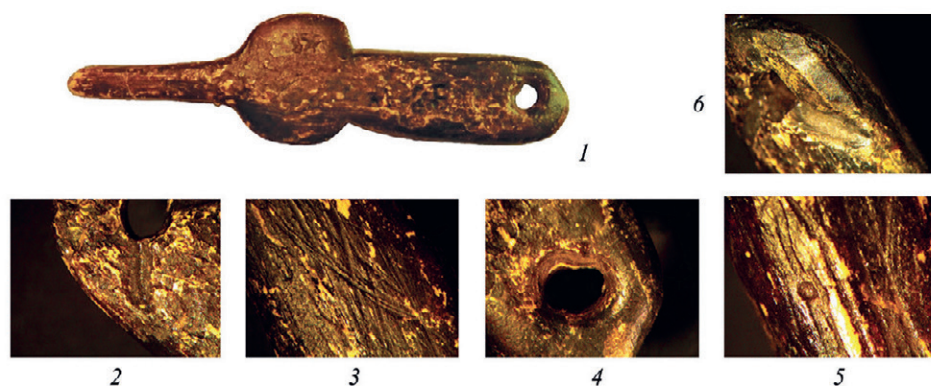
Из Мальтинской коллекции зооморфных образов в информационной системе представлен 21 предмет с фотографиями и описаниями, макрофотографиями деталей, полученными с помощью микроскопа. Для 10 предметов подготовлены и представлены трехмерные модели.

Основные результаты

Мальта представляется как многослойный, сложный геоархеологический объект с презентацией различных культурно-хронологических комплексов. «Классический» ансамбль (раскопки М. М. Герасимова в 1928–1958 гг. (см.: Герасимов, 1931 и др.)) представлен в литологических слоях 8 и 9, в хронологических рамках от $22\ 900 \pm 240$ до $14\ 720 \pm 190$ некалиброванных л. н. (Каменный век..., 2001).

В орнитоморфной группе изображений ранее были выделены группы «летающих» и «сидящих» птиц, отдельные виды животных (часть из них имеют дискуссионные определения), основанные на морфологии (Абрамова, 1962; Липнина, 2002; Ларичев, 1993; Шмидт, 2008; Формозов, 1980; и др.). В результате наших исследований предложена иная классификация, основанная на технологических принципах производства изделий, их детализации и декорирования (Лбова, Волков, 2016; Лбова и др., 2017; Волков, Лбова, 2016).

С позиций технологического анализа выделяются заготовки скульптуры и предметы разной степени завершенности. Заготовкой для серийных изображений птиц и змей стали пластины или удлиненные стержни, полученные путем продольного раскалывания сырья. Для изготовления этой группы скульптур основными инструментами являются: строгальный нож, скобель, резчик, в редких случаях резец, провертка и абразивы для шлифовки (рис. 2) (Волков, Лбова, 2013; 2016).

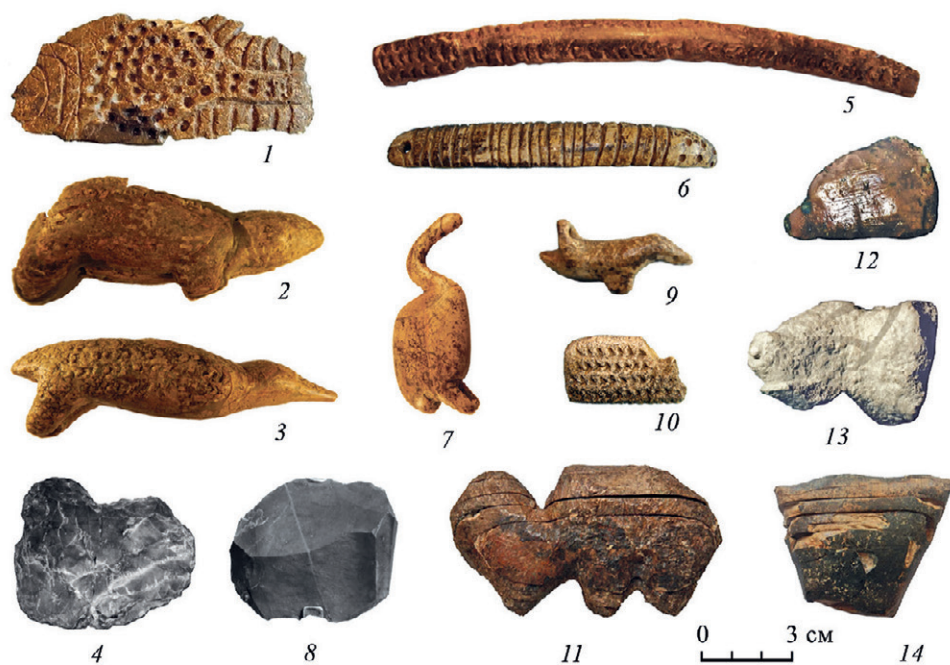

Рис. 2. Мальга. Орнитоморфное изображение (ГИМ, №1830-473)

1 – общий вид; 2 – следы работы резчиком; 3, 5 – следы работы резцом; 4 – отверстие, выполненное проверткой; 6 – следы работы строгальным ножом

Среди орнитоморфных скульптур выделяется устойчивый инвариант в характерной, мальтинской, традиции изготовления изделий, с едиными морфологическими, технологическими и стилистическими признаками, хотя отмечаются незначительные вариации (форма крыльев или головки, размер, контур хвостовой части) (Лбова, Панкина, 2018). В изображениях птиц акцент сделан на вытянутую тонкую шею и головку. Таким образом, древним мастером очень точно подмечены черты летящей водоплавающей птицы. Более детальное измерение длины шеи и размера головки птиц позволили классифицировать изделия на определенные группы (птица с длинной шеей; птица с короткой шеей и массивной головкой; птица с короткой шеей и маленькой головкой), которые, в свою очередь, могут соответствовать биологическим видам водоплавающих птиц (подсемейство лебединые, подсемейство гусеобразные, семейство гагарообразные соответственно) (см.: Искусство Мальты...).

«Индивидуальные изделия» птиц Мальгинской коллекции представлены тремя предметами, которые не входят в основную, стилистически единую, группу и обладают индивидуальными специфическими стилистическими, морфологическими и технологическими признаками. Основу таких изделий представляет заготовка типа бруска длиной до 5–10 см. Для их изготовления использовался иной набор инструментов (строгальный нож, резчик, скобель, резец, приспособления для шлифовки и полировки). Стилистическими и технологическими особенностями обладают индивидуальные мальгинские орнитоморфные изделия, представленные тремя предметами (выпь/дрофа?, лебедь и птица со сложным видовым определением, ранее признанная гагарой) (рис. 3: 3, 7, 9), изобразительные элементы которых позволяют распознать птицу по общему контуру. Например, орнитоморфное изображение с подовальной формой тела интерпретируется как сидящий (кормящийся) лебедь по длинной изогнутой шее, характерной только для представителей подсемейства лебединых (рис. 3: 7).

Рис. 3. Коллекция индивидуальных зооморфных изображений

1–3, 5–7, 9, 10 – Мальта; 4, 8 – Красноярское водохранилище; 11, 14 – Усть-Кова; 12 – Новая Сыда; 13 – Толбага

1 – ихтиоморфное изображение (ГЭ, № 370-729); 2 – грызун: пятнистый суслик или выдра (ГИМ, № 1822-621); 3 – орнитоморфные изображения (ГИМ, № 1820-192); 4, 8 – мамонты (по: Заика, 2014); 5, 6 – орнаментированные стержни («змеи») (ГЭ, № 370-726 и 370-725); 7, 9 – орнитоморфные изображения (ГЭ, № 1822-623 и 370-768); 10 – мамонт (ГЭ, № 370-734); 11 – мамонт (Музей ИАЭТ СО РАН, № 239/13); 12 – голова медведя (по: Ларичев, Аннинский, 2005); 13 – голова медведя (по: Константинов и др., 1983); 14 – «нерпа» (Музей ИАЭТ СО РАН, №239/12)

Другая серия зооморфных скульптур, выполненных в единой технике, была найдена на Янской стоянке в Арктике (28 500–27 000 л. н.). Коллекция насчитывает 26 экземпляров, выполненных из оснований рогов северного оленя. Для изготовления использовался строгальный нож и абразивы. Изделия имеют фигуративную форму и плоское зашлифованное основание для устойчивости на горизонтальной плоскости (Питулько, 2012; Питулько и др., 2012). На скульптурах сохранились островки заполированной поверхности, где различимы тонкие декоративные штрихи. Изделия можно интерпретировать как схематизированные изображения мамонта, аналогичные изделиям из мергеля, найденным в Костёнках (Абрамова, 1962).

К этому же биологическому виду можно отнести изделие с плоским основанием и фигуративной формой из бивня в коллекции Мальты, интерпретируемое в ряде случаев как изображение мамонта (рис. 3: 10). Стоит отметить, что имеющиеся наплавы коркового вещества у янских скульптур могут являться естественной имитацией шерсти животного (очевидна причина, по которой был выбран именно этот материал), а у мальтинского мамонта имеется С-образный орнамент, имитирующий шерстистый покров.

Стилистическим сходством с серией янских мамонтов обладают также единичные находки палеоглиптики – подъемный материал с берегов Красноярского водохранилища, имеющие фигуративную форму, схематично напоминающую форму тела мамонта (голова, горб, спина) (Заика, 2014).

Иными стилистическими особенностями обладает скульптура мамонта из многослойного памятника Усть-Кова (Северное Приангарье, 19 000–23 000 некалиброванных л. н.) (Дроздов, 1981; Васильевский, Дроздов, 1983). Изделие выполнено на уплощенной, слегка выгнутой заготовке бивня. Общее формообразование скульптуры происходило при помощи строгального ножа, а позже поверхность была сглажена и детализирована резцами. У мамонта контурно, треугольной выемкой, выделены крупная голова, крутой затылок и покатая лобовая часть. Имеются передние и задние короткие и массивные ноги (рис. 3: 11). На поверхности изделия отмечены следы красного и черного пигмента (Волков и др., 2018).

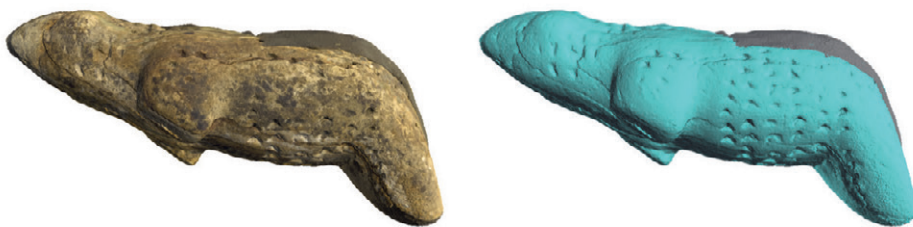
Изделия, стилистически подобные усть-ковинскому мамонту, в мировом палеолитическом искусстве неизвестны, однако можно проследить определенное морфологическое сходство со скульптурами Западной Европы. Например, изображения мамонтов из пещеры Фогельхерд, имеющие также выделенные задние и передние ноги, выгнутые спины (показан жировой горб), головы отделены от туловища выемкой (Cook, 2013. Fig. 24; 25).

Существование традиции «индивидуальных изделий», подтверждаемых наличием особых, объемных и плоских, зооморфных скульптур, отмечено в материалах как Мальтинской коллекции, так и других памятников. Зооморфная скульптура Мальты представлена единичными изображениями ихтиоморфа (1 ед.), герпетоморфов (2 ед.) и млекопитающих (2 ед.) (рис. 3: 1, 5, 6). По типу отмечается устойчивое соотношение изначальной заготовки с окончательным видом предмета: например, для изображения рыбы – отщеп (1), млекопитающих – бруски (2), змей – стержни (2). Для производства и декорирования скульптуры использованы различные инструменты: для рыбы использовались

строгальный нож, резец, резчик; для змей – скобель, провертка, строгальный нож, абразив; для млекопитающих применялись скобель, резчик, резец.

Яркой особенностью этих изделий является наличие сложного орнаментального комплекса, который во многом определяет вид или особый статус изображенного животного, что не является характерным для других зооморфных скульптур сибирской коллекции. Орнаментальный ряд изображений змей и рыбы представлен тремя видами типичной мальтинской орнаментации: полулунный, продольные линии, ряды лунок и спирали (Lbova, 2017). Наличие сложной орнаментации может объясняться как семантической составляющей скульптуры (палеоастрономические версии), так и характерными особенностями изображаемых животных (имитация чешуи).

Не известны аналоги в мировом палеолитическом искусстве скульптуре грызуна (пятнистого суслика или выдры) из Мальтинской коллекции. Фигура имеет выделенные лапы, крупный приподнятый зад, головку с выпуклыми глазами. Общее формообразование скульптуры выполнено за счет обработки поверхности скобелем. На спине и боках имеется С-образный орнамент, направленный углом вверх (рис. 3: 2; 4).

Рис. 4. 3D-модель зооморфной скульптуры Мальтинской коллекции (суслик/выдра) (ГИМ, №1822-621)

Слева – текстурированная модель, идентичная оригиналу; *справа* – одноцветная модель с боковым подсвечением рельефа (орнамента), серым выделена реконструированная зона

Найденное в Усть-Кове изделие из бивня трапецевидной формы (рис. 3: 14) имеет два варианта трактовки образа: «птица, сидящая в гнезде» (Васильевский, Дроздов, 1983) или «нерпа» (Акимова, Метляев, 2003). Верхняя часть фигурки по контуру напоминает рельеф тела нерпы: вытянутое туловище, хвост и выпуклая голова, имеется также ротовая полость. На морде отмечены купулы, вероятные изображения вибрисс. Поверхность покрыта многочисленными мелкими следами ударов или колющих действий острым предметом. Это может рассматриваться либо как результат действий охотничьего ритуала, либо как орнаментация с целью передачи пятнистой шкуры.

В сибирских коллекциях имеется два изображения медвежьих головок. Первая фигурка выполнена из зубовидного отростка шейного позвонка шерстистого носорога, найденная на поселении Толбага в Забайкалье (рис. 3: 13) (от 27 210 + 300 до 34 860 ± 2100 некалиброванных л. н.) (Константинов и др., 1983). Вторая медвежья головка, выполненная на стеатитовой пластине, была обнаружена

у с. Новая Сыда (Краснотуринский район Красноярского края) (рис. 3: 12) (Шмидт, 2006). Изделия имеют выраженную вытянутую челюсть, открытую пасть, четко выделенный кончик носа. У изделия из Новой Сыды, возле «глаза» и в зоне «щеки» имеется также ряд насечек, имитирующий шерсть животного.

Обсуждение

Во многих археологических культурах мелкая пластика представлена достаточно большими сериями, что может быть объяснено фактом их приуроченности к особым культовым местам или событиям, когда одни статуэтки заменялись на новые. Многочисленные исследования мальтино-буретской орнитоморфной пластики, анализ семантики образа птицы, как правило, строятся на проведении этнографических параллелей. Одной из версий является трактовка скульптур как личных амулетов, используемых в качестве подвесок и имеющих непосредственную связь с солярной и небесной символикой (Формозов, 1980. С. 73–78; Шмидт, 2006. С. 58–61).

Интересно отметить, что М. М. Герасимов обозначает планиграфическую приуроченность большинства фигурок птиц к особым конструкциям, «в местах, огороженных плитами, в специально отведенном для них пространстве» (цит. по: Каменный век..., 2001). Е. А. Липнина дает объяснение в более широком планиграфическом контексте: скульптуры птиц встречаются в разных жилищно-бытовых ситуациях: в погребении, в свободной зоне (Песцовая площадка), в жилищах и в отдельных конструкциях (Каменный век..., 2001. С. 82, 83; Липнина, 2002). На наш взгляд, орнитоморфные изделия могли иметь различное функциональное или символическое назначение.

Согласно методу палеобиологической классификации, наличие стилистических особенностей у морфологически и технологически идентичных скульптур могут указывать на принадлежность изображенных птиц к разным видам водоплавающих (лебеди, утиные, гагаровые). Палеорнитологические исследования подтверждают проживание данных видов на территории Приангарья находками остеологических материалов на многочисленных сибирских памятниках (Мартынович, 2006. С. 11–13).

В целом производство зооморфной скульптуры выполнено в устойчивой традиции палеолитических культур, хотя стилистически и технологически коллекции неоднородны. Исключение составляют элементы орнаментации, выполненные как в традиционной технике (с использованием ножа, резца, резчика ручной дрели, провертки), так и с использованием инновационной технологии (например, изображение лебедя в коллекции Мальты). Таким образом, отмеченные особенности технологического производства, следов использования, расположения скульптур на памятнике, особенности стилистики и биологической принадлежности позволяют сделать несколько выводов относительно их смыслового характера.

В первую очередь, доказано отсутствие случайности в производстве тех или иных изделий, обусловленных технологическим стандартом. Во-вторых, можно констатировать наличие у носителей позднелеолитических культур потребности в создании и повторении изображений: птиц определенной формы, но разных

биологических видов, в Мальте и Бурети; мамонтов – на Янской стоянке. Имеются достаточные основания выделять несколько вариантов использования оринтоморфных скульптур, что позволяет предположить и наличие разных смысловых нагрузок.

Практически все предметы из Мальтинской коллекции имеют отверстия и следы заполировки от контакта с мягким органическим материалом (кожей), что может служить основанием для предположения, что они могли использоваться как подвески, игрушки, носились в кожаном мешочке, или являлись элементами родовых «связок».

В результате технологического анализа всех известных изображений можно выделить определенный набор инструментария древних мастеров для производства и декорирования зооморфных скульптур. Входящие в его состав инструменты можно разделить по принципу их рабочей кинематики: 1) скребла, скребки, скобели; 2) ножи, пилы; 3) проколки, ручные дрели; 4) резцы, резчики (Волков, 2013). Декорирование зооморфных скульптур характерно для «индивидуальных» изделий – имитация меха, чешуи, перьев, пятнистой шкуры, – определено в рамках устойчивых традиций орнаментации бивня (Lbova, 2017).

На отдельных фигурках отмечены следы красной, зеленой и черной краски, что может свидетельствовать либо об особом назначении этих изделий в рамках ритуальных практик, либо о контактах с окрашенными предметами или грунтом.

Заключение

Видовой состав зооморфов в палеолите Сибири не представляет собой набора основных промысловых животных, но соответствует биологическому разнообразию эпохи верхнего палеолита Сибири. В основе производства индивидуальных изделий из бивня лежит использование заготовки типа бруска (оринтоморфные, грызуны, млекопитающие), для серийных изделий характерны пластины или кубовидные фрагменты рога. Выявлены признаки технологического, морфологического и стилистического единства в серийных изображениях, что отражает устойчивость инвариантов культуры. Для изготовления предметов мобильного искусства (зооморфная скульптура) использовался стабильный набор инструментов, характерный для всего комплекса производства мелкой пластики.

Материалы коллекции, исторически разделенной и хранящейся в музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска объединены и представлены в рамках единой информационной системы, которая размещена в открытом доступе в сети Интернет (см.: Искусство Мальты...).

Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность хранителям коллекций: Н. А. Хайкуновой (ГИМ), С. А. Демещенко (ГЭ), Г. А. Хлопачеву (МАЭ), А. А. Грызловой (ИрОХМ), Л. О. Понедельченко (ИАЭТ СО РАН) за предоставленную возможность работы с коллекциями.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З. А.*, 1962. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.: АН СССР. 85 с.
- Абрамова З. А.* 2005. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб.: Европейский дом. 352 с. (Труды ИИМК РАН; т. XV.)
- Акимова Е. В., Метяев С. В.*, 2003. Интерпретация скульптурного изображения с палеолитической стоянки Усть-Кова // Древности Приенисейского края. Вып. 2 / Ред. Н. И. Дроздов. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т. С. 18–19.
- Васильевский Р. С., Дроздов Н. И.*, 1983. Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири // Пластика и рисунки древних культур / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука. С. 59–65.
- Волков П. В.*, 2013. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История. 413 с.
- Волков П. В., Лбова Л. В.*, 2013. Технологические приемы оформления орнитоморфной скульптуры из мальтинской коллекции // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Т. XIX / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 43–47.
- Волков П. В., Лбова Л. В.*, 2016. Особенности технологии обработки бивня при изготовлении предметов мобильного искусства в мальтинской коллекции // Каменный век Северной Евразии: актуальные проблемы и исследования / Сост. К. Н. Гаврилов. М.: ИА РАН. С. 14–15.
- Волков П. В., Лбова Л. В., Губар Ю. С., Швец О. Л.*, 2018. Усть-Ковинский мамонт: результаты микроскопического исследования // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 17. № 7: Археология и этнография. С. 56–66.
- Герасимов М. М.*, 1931. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные): результаты работ 1928/29 г. Иркутск: Власть труда. 34 с.
- Дроздов Н. И.*, 1981. Каменный век Северного Приангарья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 16 с.
- Заика А. Л.*, 2014. Образ мамонта в искусстве древних и традиционных культур Северной Азии // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. № 2. С. 95–103.
- Искусство Мальты. Информационная система мобильного искусства мальтинской культуры. URL: <http://malta.artemiris.org>
- Каменный век Южного Приангарья. Т. 2: Бельский георхеологический район / Ред. Г. И. Медведев. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2001. 242 с.
- Константинов М. В., Сумароков В. Б., Филиппов А. К., Ермолова Н. М.*, 1983. Древнейшая скульптура Сибири // КСИА. Вып. 173. С. 78–81.
- Ларичев В. Е.*, 1993. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. Новосибирск: Наука. 287 с.
- Ларичев В. Е., Аннинский Е. С.*, 2005. Древнее искусство: знаки, образы и время: медведь, мамонт и змеи в художественном творчестве палеолита Сибири (семантические реконструкции). Новосибирск: СО РАН. 113 с.
- Лбова Л. В., Волков П. В., Бочарова Е. Н., Ковалев В. С., Хайкунова Н. А.*, 2017. Основные приемы моделирования и декорирования палеолитической антропоморфной скульптуры с памятника Мальта (Восточная Сибирь) // АЭАЕ. 45 (3). С. 48–55.
- Лбова Л. В., Панкина А. И.*, 2018. Мальтинская орнитоморфная пластика как культурный код палеолитического населения Сибири // Искусство Евразии. № 4 (11). С. 13–14.
- Липнина Е. А.*, 2002. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 24 с.
- Мартынович Н. В.*, 2006. Позднечетвертичные птицы из пещерных местонахождений Южной Сибири (Алтае-Саянская горная страна): автореф. дис. ... канд. биол. наук. М. 32 с.
- Переводчикова Е. В.*, 1994. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература. 206 с.
- Питулько В. В.*, 2012. Древнейшее искусство Арктики (Объемные изделия из Янсковой стоянки: зооморфная скульптура и бивни с гравировкой) // Археология Арктики: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй» / Отв. ред. Н. В. Федорова. Екатеринбург: Деловая пресса. С. 153–160.

- Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В., 2012. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // РАЕ. № 2. С. 33–102.
- Семенов С. А., 1957. Первобытная техника. М.; Л.: Наука. 240 с. (МИА; № 54.)
- Сунгуров А. Н., 1960. Экскурсионный определитель птиц Европейской части СССР. М.: Просвещение. 251 с.
- Формозов А. А., 1980. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М: Наука. 136 с.
- Шмидт И. В., 2006. Изобразительное творчество в палеолите Северной Азии: методики интерпретаций (историографический аспект): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 344 с.
- Шмидт И. В. 2008. Об одной забытой гипотезе и возможности ее развития (на примере сибирской орнитоморфной пластики палеолита) // АЭАЕ. № 1 (33). С. 109–114.
- Cook J., 2013. Ice Age art: arrival of the modern mind. London: British Museum Press. 288 p.
- Korobkova G. F., 1999. Narzedzia w pradziejach. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika. 168 p.
- Lbova L., 2017. Technological features of decorated ivory artifacts in the «classic» collection from the Mal'ta site (Siberia, Upper Paleolithic) // Annales d'Universite «Valahia» Targoviste. Section d'archeologie et d'histoire. Vol. 19. No. 1. P. 7–17.
- Lbova L., Volkov P., 2016. Processing Technology for the Objects of Mobile Art in the Upper Paleolithic of Siberia (the Malta Site) // QI. Vol. 403. P. 16–22.
- Westoby M. J., Brasington J., Glasser N. F., Hambrey M. J., Reynolds J. M., 2012. «Structure-from-Motion» photogrammetry: A low-cost, effective tool for geoscience applications // Geomorphology. Vol. 179. P. 300–314.

Сведения об авторах

Лбова Людмила Валентиновна, Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; e-mail: lbovapnr5@gmail.com;

Панкина Анна Ильинична, Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; e-mail: pankina1995b@mail.ru;

Волков Павел Владимирович, Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; e-mail: volkov100@yandex.ru;

Казakov Владислав Витальевич, Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; e-mail: vkazakov@phys.nsu.ru

L. V. Lbova, A. I. Pankina, P. V. Volkov, V. V. Kazakov

ZOOMORPHIC PORTABLE ART
FROM SIBERIAN COLLECTIONS OF THE UPPER PALEOLITHIC
(DOCUMENTATION, SYSTEMATIZATION
AND APPROACHES TO CLASSIFICATION)

Abstract. The paper provides an overview of the Siberian Paleolithic collection in the most complete and systemized form (Tolbaga, Mal'ta, Ust'-Kova, Buret', Yanskaya sites, etc.). Siberian figurines are noted for realism, characteristic details, a limited number of species, consistent technological and decoration methods. Approaches to classification of items have been proposed on the basis of a set of methods. Stylistical analysis serves to identify two traditions: serial items and individual items. In terms of technology and typology, there is a consistent correlation between a piece of material to be worked (flakes, bars, rods) and a finished item. Pieces of material for making figurines and half-finished and finished items are singled out. Decoration of the items (imitation of fur, scales and

feathers) is typical for ‘individual’ items and is identified for cultural traditions of tusk ornamentation in Siberia. Most described items of Siberian portable art have been entered in the information system with complete attribution, details and 3D models.

Keywords: portable art, 3D modeling, documentation, technologies, typology, information system, Upper Paleolithic, Siberia.

REFERENCES

- Abramova Z. A., 1962. Paleoliticheskoye iskusstvo na territorii SSSR [Palaeolithic art in territory of the USSR]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 85 p.
- Abramova Z. A., 2005. Zhivotnoye i chelovek v paleoliticheskom iskusstve Evropy [Animal and man in Palaeolithic art of Europe]. *Trudy IIMK RAN [Transactions of IIMK RAN]*, XV. St. Petersburg: Evropeyskiy dom. 352 p.
- Akimova E. V., Metlyayev S. V., 2003. Interpretatsiya skul’pturnogo izobrazheniya s paleoliticheskoy stoyanki Ust’-Kova [Interpretation of sculpture image from Palaeolithic site Ust’-Kova]. *Drevnosti Priyeniyeyskoy Sibiri [Antiquities of Yenisei Siberia]*, 2. N. I. Drozdov, ed. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 18–19.
- Drozdov N. I., 1981. Kamennyy vek Severnogo Priangar’ya: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Stone Age of Angara Northern region: PhD thesis]. Novosibirsk. 16 p.
- Formozov A. A., 1980. Pamyatniki pervobytnogo iskusstva na territorii SSSR [Monuments of primitive art in territory of the USSR]. Moscow: Nauka. 136 c.
- Gerasimov M. M., 1931. Mal’ta. Paleoliticheskaya stoyanka (predvaritel’nyye dannyye): rezul’taty rabot 1928/29 g. [Mal’ta. Palaeolithic site (preliminary data): results of 1928/29 works]. Irkutsk: Vlast’ truda. 34 p.
- Iskusstvo Mal’ty. Informatsionnaya sistema mobil’nogo iskusstva mal’tinskoy kul’tury [Art of Mal’ta. Information system of Mal’ta culture Mobile Art]. URL: <http://malta.artemiris.org>
- Kamennyy vek Yuzhnogo Priangar’ya [Stone Age of Angara Southern region], 2. Bel’skiy geoarkheologicheskiy rayon [Bel’sk geoarchaeological region]. G. I. Medvedev, ed. Irkutsk: Irkutskiy gos. universitet, 2001. 242 p.
- Konstantinov M. V., Sumarokov V. B., Filippov A. K., Ermolova N. M., 1983. Drevneyshaya skul’ptura Sibiri [Earliest sculpture of Siberia]. *KSI&A*, 173, pp. 78–81.
- Larichev V. E., 1993. Sotvoreniye Vselennoy: Solntse, Luna i nebesnyy drakon [Creation of the Universe: the Sun, the Moon and celestial dragon]. Novosibirsk: Nauka. 287 p.
- Larichev V. E., Anninskiy E. S., 2005. Drevneye iskusstvo: znaki, obrazy i vremya: medved’, mamont i zmei v khudozhestvennom tvorchestve paleolita Sibiri (semanticheskiye rekonstruktsii) [Early art: signs, images and time: bear, mammoth and snakes in artistic creativity of Siberian Palaeolithic (semantic reconstructions)]. Novosibirsk: SO RAN. 113 p.
- Lbova L. V., Pankina A. I., 2018. Mal’tinskaya ornitomorfnyaya plastika kak kul’turnyy kod paleoliticheskogo naseleniya Sibiri [Mal’ta ornithomorphic sculpture as cultural code of Siberia Palaeolithic population]. *Iskusstvo Evrazii [Eurasia art]*, 4 (11), pp. 13–14.
- Lbova L. V., Volkov P. V., Bocharova E. N., Kovalev V. S., Khaykunova N. A., 2017. The techniques of Modeling and Decorating Upper Paleolithic Anthropomorphic Figurines from Malta, Eastern Siberia. *AEAE*, 45 (3), pp. 48–55.
- Lipnina E. A., 2002. Mal’tinskoye mestonakhozhdeniye paleoliticheskikh kul’tur: sovremennoye sostoyaniye izuchennosti i perspektivy issledovaniya: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Mal’ta findspot of Palaeolithic cultures: present state of study and research perspectives: PhD thesis]. Novosibirsk. 24 p.
- Martynovich N. V., 2006. Pozdnechetvertichnyye ptitsy iz peshchernykh mestonakhozhdeniy Yuzhnoy Sibiri (Altay-Sayanskaya gornaya strana): avtoreferat dissertatsii ... kandidata biologicheskikh nauk [Late Quaternary birds from cave sites of South Siberia (Altai-Sayan mountain country): dissertation of the candidate of biological Sciences, abstract]. Moscow. 32 p.
- Perevodchikova E. V., 1994. Yazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziyskikh stepey skifskoy epokhi [Language of animal images. Essays on art of Eurasian steppes in Scythian time]. Moscow: Vostochnaya literatura. 206 p.

- Pitul'ko V. V., 2012. Drevneysheye iskusstvo Arktiki (Ob'yemnyye izdeliya iz Yanskoy stoyanki: zoomorfnyaya skul'ptura i bivni s gravirovkoy) [Earliest art of Arctic (Three-dimensional artifacts from Yana site: zoomorphic sculpture and engraved tusks)]. *Arkheologiya Arktiki [Archaeology of the Arctic]*. N. V. Fedorova, ed. Yekaterinburg: Delovaya pressa, pp. 153–160.
- Pitul'ko V. V., Pavlova E. Yu., Nikol'skiy P. A., Ivanova V. V., 2012. Yanskaya stoyanka: material'naya kul'tura i simvolicheskaya deyatelnost' verkhnepaleoliticheskogo naseleniya Sibirskoy Arktiki [Yana camp site: material culture and symbolic activity of Upper Palaeolithic population of Siberian Arctic]. *RAE*, 2, pp. 33–102.
- Semenov S. A., 1957. Pervobytnaya tekhnika [Prehistoric technique]. Moscow; Leningrad: Nauka. 240 p. (MIA, 54.)
- Schmidt I. V., 2006. Izobrazitel'noye tvorchestvo v paleolite Severnoy Azii: metodiki interpretatsiy (istoriograficheskiy aspekt): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Pictorial creativity in North Asian Palaeolithic: interpretation methods (historiographic aspect): PhD thesis. Manuscript]. Novosibirsk. 344 p.
- Schmidt I. V., 2008. Ob odnoy zabytoy gipoteze i vozmozhnosti ee razvitiya (na primere sibirskoy ornitomorfnoy plastiki paleolita) [Siberian Paleolithic ornithomorphous figurines: A forgotten hypothesis and its prospects]. *AEAE*, 1 (33), pp. 109–114.
- Sungurov A. N., 1960. Ekskursionnyy opredelitel' ptits Evropeyskoy chasti SSSR [Tour guide of birds of the European part of the USSR]. Moscow: Prosveshcheniye. 251 p.
- Vasil'yevskiy R. S., Drozdov N. I., 1983. Paleoliticheskiye skul'pturnyye izobrazheniya iz Vostochnoy Sibiri [Palaeolithic sculpture images from East Siberia]. *Plastika i risunki drevnikh kul'tur [Sculpture and drawings of ancient cultures]*. R. S. Vasil'yevskiy, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 59–65.
- Volkov P. V., 2013. Opyt eksperimenta v arkheologii [The experience of experiment in archaeology]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 413 p.
- Volkov P. V., Lbova L. V., 2013. Tekhnologicheskiye priyemy oformleniya ornitomorfnoy skul'ptury iz mal'tinskoy kolleksii [Technological design techniques on ornithomorphous sculpture from Mal'ta collection]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: material'no itogovoy sessii IAET SO RAN [Issues of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: materials of final session of IAET SO RAN]*, XIX. A. P. Derevyanko, V. I. Molodin, eds. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 43–47.
- Volkov P. V., Lbova L. V., 2016. Osobennosti tekhnologii obrabotki bivnya pri izgotovlenii predmetov mobil'nogo iskusstva v mal'tinskoy kolleksii [Features of tusk processing technology in manufacture of mobile art objects in Mal'ta collection]. *Kamenny vek Severnoy Evrazii: aktual'nyye problemy i issledovaniya [Stone Age of North Eurasia: topical issues and investigations]*. K. N. Gavrilov, comp. Moscow: IA RAN, pp. 14–15.
- Volkov P. V., Lbova L. V., Gubar Yu. S., Shvets O. L., 2018. Ust'-Kovinskiy mamont: rezul'taty mikroskopicheskogo issledovaniya [Ust'-Kova mammoth: results of microscopic study]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk state university. Series: History, philology]*, vol. 17, no 7. Arkheologiya i etnografiya, pp. 56–66.
- Zaika A. L., 2014. Obraz mamonta v iskusstve drevnikh i traditsionnykh kul'tur Severnoy Azii [Mammoth image in art of ancient and traditional cultures of North Asia]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki [Bulletin of Omsk university. Series: Historical sciences]*, 2, pp. 95–103.

About the authors

Lbova Ludmila V., Novosibirsk State University, Pirogova st., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: lbovapnr5@gmail.com;

Pankina Anna I., Novosibirsk State University, Pirogova st., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: pankina1995b@mail.ru;

Volkov Pavel V., Novosibirsk State University, Pirogova st., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: volkov100@yandex.ru;

Kazakov Vladislav V., Novosibirsk State University, Pirogova st., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: vkazakov@phys.nsu.ru

Н. Б. Ахметгалева

ОБРАЗ КОНЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ОБРАБОТАННОЙ КОСТИ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК БЫКИ¹

Резюме. Данная работа посвящена анализу зооморфных скульптурных изображений из бивня мамонта со стоянок Быки-1 и Быки-7, I культурный слой (бассейн реки Сейм, Русская равнина). Радиоуглеродные некалиброванные даты этих памятников находятся в диапазоне 18–16 тыс. л. Поделки отличаются по форме, но их объединяет набор технологических приемов изготовления, стилистика и схематизация зооморфных изображений. Аналогичен и их археологический контекст. Предметы оставлены древними людьми преднамеренно при покидании стоянки. Несмотря на выявленные различия, мы полагаем сходную семантику и их предназначение, связанные с конкретными охотничьими ритуалами. Особое внимание уделено образу коня/лошади, который, по одной из гипотез, имеет важное значение в мировосприятии древних обитателей этих стоянок.

Ключевые слова: верхнепалеолитический комплекс Быки, зооморфные скульптурные изображения, образ лошади.

Введение

В составе верхнепалеолитического комплекса стоянок Быки в бассейне реки Сейм на Русской равнине входят 5 палеолитических пунктов, включающих не менее 9 культурных слоев, имеющих отношение к быковской археологической культуре. Это стоянки Пены (*Григорьева, Филиппов, 1978*), Быки-1, Быки-2, местонахождение Быки-3, а также четыре верхних культурных слоя стоянки Быки-7. Полностью изучены два жилых объекта – на стоянке Быки-1 и в I культурном слое стоянки Быки-7. Согласно зооархеологическим и археологическим данным (*Чубур, 2001; Ахметгалева, 2015; Бурова, Ахметгалева, 2020*), их можно отнести к зимнему (холодному) периоду обитания. В настоящий момент производятся раскопки нового жилого объекта I культурного слоя стоянки

---

¹ Работа выполнена при финансировании проекта РФФИ № 18-00-00837 КОМФИ.

Быки-7 (Ахметгалева, 2019). Радиоуглеродные некалиброванные даты рассматриваемых объектов находятся в диапазоне 18–16 тыс. л. н. В двух изученных жилищах были найдены единичные предметы из бивня мамонта неутилитарного назначения, которым и будет посвящено данное исследование. Здесь важно, что бивни и кости мамонта, согласно зооархеологическим данным, являются предметом собирательства, тогда как основными объектами охоты обитателей стоянок Быки являлись копытные животные (дикая лошадь, северный олень) и пушной зверь (песец, заяц). И стоянки быковской культуры оставлены малочисленными коллективами людей, ведущих передвижной образ жизни. Все это отличает их и от предшествующего (Авдеевская стоянка, Октябрьское 2), и от последующего населения Посеймья и Десны, обитание которого связано с созданием костно-земляных конструкций, широким использованием костей мамонта и, предположительно, долговременными поселениями (Днепро-Деснинский круг памятников, Курские стоянки).

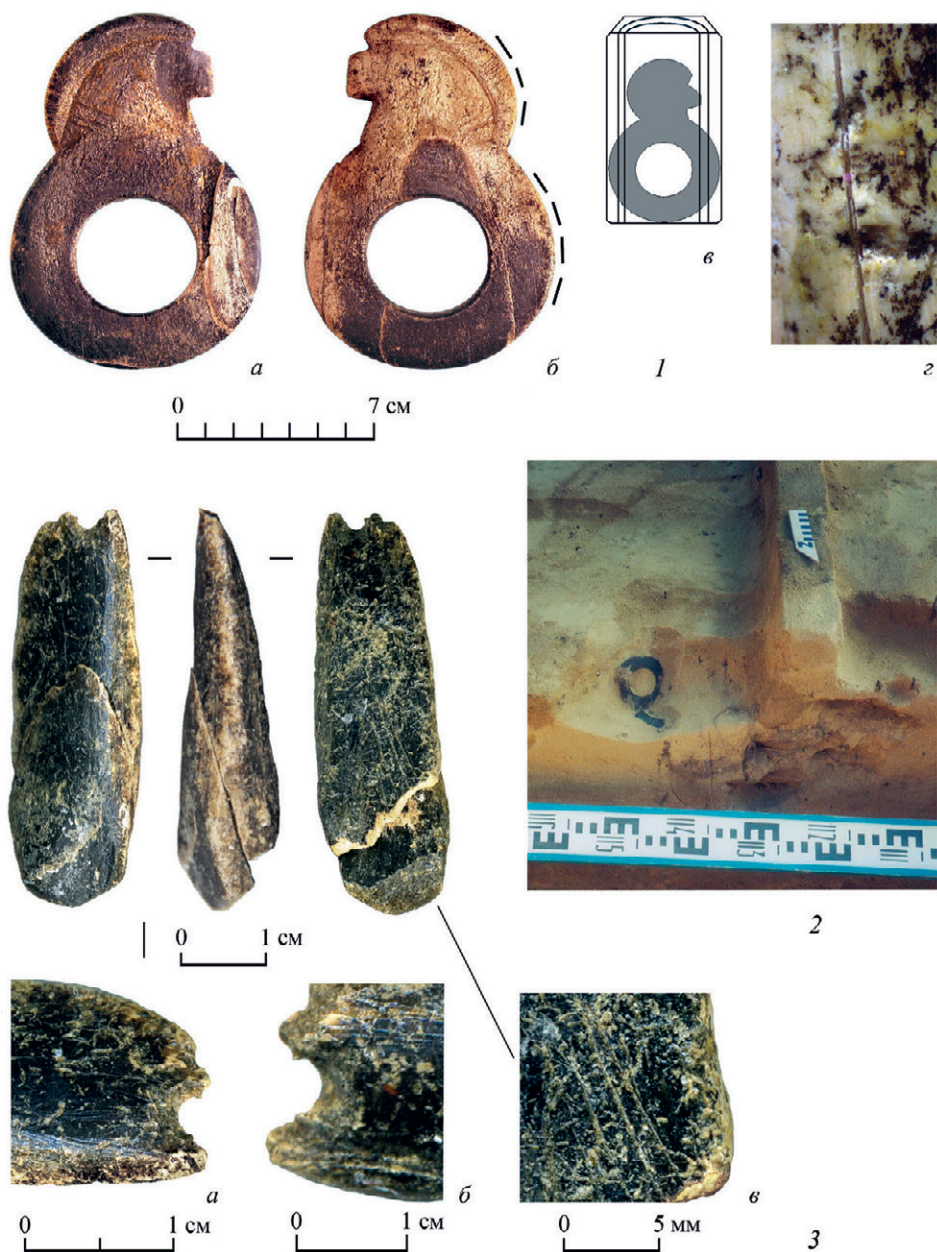
Найденные предметы из бивня мамонта отличаются по форме, но их объединяет набор технологических приемов изготовления и стилистика изображения. Не меньшего внимания заслуживает и сходный археологический контекст. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение об их сходном предназначении.

Методика

При анализе поделок использовались методики экспериментально-трассологической школы ИИМК РАН г. Санкт-Петербурга, учитывался опыт работы с бивнем мамонта Е. Ю. Гири и Г. А. Хлопачева (*Хлопачев, Гиря*, 2010; и др.), а также результаты экспериментов автора с бивнем мамонта. Следы изготовления и износа анализировались при использовании увеличения от $\times 25$ до $\times 200$.

Анализ предметов из бивня мамонта

Зооморфная поделка из бивня мамонта, Быки-7, I культурный слой. В 2004 г. в I культурном слое стоянки Быки-7 было найдено большое кольцо из бивня мамонта со скульптурным навершием в виде головы лошади (рис. 1: 1). Две главные детали изделия залежали в выступе верхней части ямы 22А над его основным заполнением (Ахметгалева, 2015. С. 164, 165). Яма расположена на периферии южной части жилого объекта (рис. 1: 2; 2: А). Изделие было перекрыто песком без элементарного культурного заполнителя (мельчайших частичек золисто-охристой массы). Основная часть изделия располагалась вертикально, головой лошади вниз, лишь касаясь верха основного, окрашенного, заполнения ямы. Вторая деталь, отслоившаяся от противоположной стороны, лежала горизонтально на уровне центра первой. Предположительно, это была преднамеренная засыпка изделия песком, взятым вне жилого объекта, и/или перекрывающий находку грунт сформировался позже – в результате флювиальных (?) процессов, связанных с деградацией мерзлоты. Однозначно можно лишь утверждать, что данная поделка была оставлена людьми на завершающем этапе

Рис. 1. Стоянка Быки-7, I культурный слой (раскопки Н. Б. Ахметгалеевой).

Изделия из бивня мамонта

1 – зооморфная скульптура из первого жилого объекта (а, б – поверхности подделки, фото; в – технологическая схема вложения подделки в бивень; z – увеличение зоны заполировки через металлографический микроскоп «Полам» X200); 2 – залегание зооморфной подделки в верхней части южного сектора ямы 22А, р-ки 2004 г.; 3 – каплевидная подвеска, второй жилой объект (а, б – зона отверстия, макрофото; в – нарезки на внутренней (относительно вложения в бивень) поверхности подвески, макрофото)

обитания жилища и, скорее всего, преднамеренно. Преднамеренным могло быть и вертикальное положение основной детали изделия. Детальный функционально-планиграфический анализ всех археологических материалов данного жилого объекта показал, что его характер, степень изношенности найденных здесь костяных и кремневых орудий, а также фрагментарность предметов неутилитарного назначения свидетельствуют об окончании цикла пребывания на данном месте и планомерного его покидания. Была ли зооморфная поделка оставлена как ненужный предмет или же с ней связаны какие-то значимые ритуальные действия?

Данное скульптурное изображение было тщательно изучено и опубликовано ранее (Ахметгалеева, 2005). Изделие представляет собой крупное уплощенное кольцо с навершием в виде головы лошади. Длина поделки – 12,25 см. Толщина – 1 см. Максимальная ширина скульптурного навершия – 5,6 см. Поражают практически идеальные размеры кольца: внешний диаметр – 8,5 см, ширина кольца – от 1,8 до 2,1 см, размеры отверстия: $4,3 \times 4,0$ см. Заготовкой могла служить крупная пластина бивня мамонта (рис. 1: 1б). Судя по очертаниям конусов роста, заготовка была извлечена из достаточно толстой, но переходной от центра к кончику бивня части. Использовалось трещиноватое сырье. Цементный слой не сохранился. Следы резания и строгания, формирующие изделие, полностью уничтожены последующей шлифовкой. Следы выскабливания можно увидеть в нижней части кольца. На поверхности предмета, например – на гранях кольца и гриве лошади, сохранились множественные царапины от окончательного выскабливания. Некоторые участки полностью заглажены мягким абразивом.

Наиболее яркой художественной деталью поделки является тщательно прореченная с обеих сторон грива лошади, где ближе к основанию нанесены тонкие поперечные линии, выполненные в технике пиления. На одной поверхности их 6 (рис. 1: 1б), на другой – около 16 (рис. 1: 1а). Голова лошади стилизована и представляет собой вырезанный и подработанный в технике скобления подпрямоугольный выступ (?). Есть основания полагать, что не хватает еще одной – четвертой части, связанной с участком морды лошади (рис. 1: 1а). Создание проекций недостающей части показало, что отсутствующий фрагмент мог выступать в среднем только на 3 мм вперед, повторяя в основе оставшуюся форму. Изучение художественных особенностей обеих поверхностей изделия, а точнее – степени их различий, позволило говорить о том, что вряд ли недостающая деталь могла иметь какие-то существенные элементы оформления. Глаза и ноздри лошади не прорисованы. Перпендикулярно к нижней части гривы на обеих поверхностях прорезаны по три линии, возможно, очерчивающие голову животного. Линии изготовлены несколькими режущими движениями, создающими определенную глубину рельефа. На поверхности изделия сохранились еле различимые линии окружности кольца. Отверстие вырезано. Судя по тому, что внутренняя поверхность его чуть выпукла, можно предположить, что оно подправлялось с обеих сторон. Грани отверстия кольца покрыты короткими надпилами на расстоянии от 1 до 4 мм. Техника пиления предполагает и большое количество параллельных технологических следов. Из-за поврежденности точное количество надпилов сосчитать невозможно; приблизительно с каждой стороны их около 50. Оценивая в целом изготовление данной поделки, можно отметить, что она выполнена с помощью известных для костяной индустрии

стоянок Быки технологических приемов. Данное изображение лошади можно назвать обобщенным, в отличие от многих западноевропейских изображений лошади, где прорисованы детали глаз и ноздрей. При этом высокое мастерство косторезов не оставляет сомнений, что схематизация была преднамеренна. Конечно же, это наталкивает на мысль, что в данном случае образ символичен, хотя подлинный смысл его, по-видимому, уже утерян. Тем не менее стоит отметить некоторые факты, заставляющие задуматься.

Не всегда найденные на палеолитических стоянках изображения животных соответствуют большой доле костей тех же зверей в остеологических коллекциях. Но в данном случае можно говорить, что древние охотники хорошо знали лошадь. В фаунистическом списке данной стоянки лошадь в количественном отношении идет на втором месте после зайца, но если оценивать мясные запасы, то, вероятнее всего, именно мясо лошади являлось главным пищевым ресурсом (*Бурова, Ахметгалеева, 2020*). Не углубляясь в описание вариаций изображения лошади/коня в первобытном искусстве и их интерпретации, ограничимся наиболее значимыми. Это трактовка А. Леруа-Гурана звериных фигур как символов пола: бизон – женского, лошадь – мужского; и исследования Б. А. Фролова, отмечающего, что если обратиться к срокам беременности указанных животных, можно констатировать следующее: одинаковое время – 10 лунных месяцев – они делятся у женщин и самок бизонов, а у лошадей они равны годовому обращению солнца. «Этот срок был хорошо известен палеолитическим охотникам, ибо заключал один полный цикл чередования сезонов, соответственно которым строился ритм охотничьих (мужских) промыслов общины» (*Фролов, 1994. С. 204*). Подтверждая эту мысль, и как возможную вариацию солярного знака можно рассматривать кольцо с ритмичными надпилами по внутреннему кругу. К. Н. Гавриловым предложена еще одна трактовка данного скульптурного изображения (*Гаврилов, 2009. С. 69*). Он обращается к этнографическим материалам народов Сибири. Там кольцо обозначало мироздание, соединение верхнего и нижнего миров, и в этом случае лошадь Быков-7 следует рассматривать как небесное и/или солнечное животное.

Для определения назначения изделия важны следы износа. На этой поделке на узкой грани гривы и прилегающем ребре кольца наблюдается полоса интенсивной заполировки, явно от контакта предмета с кожей/шкурой (рис. 1: *1б, 2*), в данном случае, скорее всего, от проведения ребром изделия по коже или шкуре. Рельеф в этой части сглажен и утончен. И хотя оставшиеся следы не раскрывают назначение предмета, они все же склоняют нас поверить в его применение в ритуально-магических целях, так как расположение контактной зоны исключает утилитарное использование.

Итак, мы наблюдаем, возможно, преднамеренно оставленный в вертикальном положении зооморфный семантический артефакт со следами сильного износа, с пока непонятной, но, предположительно, ритуальной функцией, в периферийной части жилого объекта, на завершающем этапе его обитания.

Зооморфный полиэйконический амулет, стоянка Быки-1. Наиболее близким в технологическом плане с вышеописанной поделкой является зооморфный полиэйконический амулет со стоянки Быки-1² (рис. 3: *А–В, Д*).

² Обе поделки хранятся в фондах Курчатовского краеведческого музея.

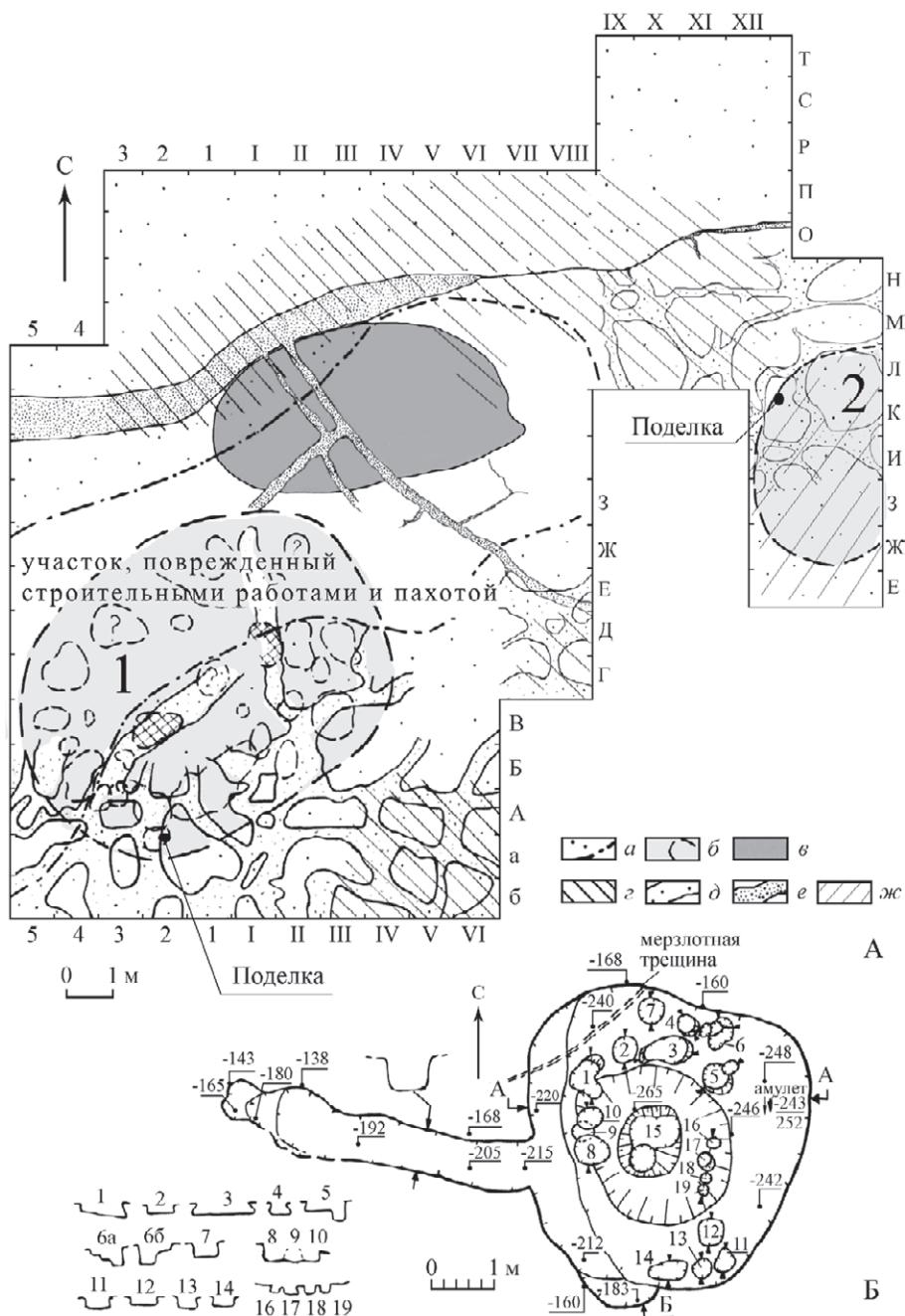
Первое, на что было обращено внимание, – это контекст амулета. Он был вонзен в пол восточной периферийной части жилища, вне ям (рис. 2: В) (Чубур, 2001. С. 39, 85). Таким образом, сходится месторасположение обеих поделок в периферийной части, вертикальное размещение и единичность подобного изделия в рамках жилого объекта. Это возвращает к теме вероятной преднамеренности как вертикального положения обеих поделок из Быков, так и их оставления на обеих стоянках.

Недавно автором было произведено трасологическое исследование данной поделки. Стоянка Быки-1 близка в хронологическом плане I культурному слою стоянки Быки-7. Но, исходя из стратиграфического залегания стоянок, можно предположить более древний возраст амулета со стоянки Быки-1, нежели зооморфной поделки стоянки Быки-7 (Ахметгалеева, 2015). Заготовкой для изделия являлся конечный участок широкой пластины толщиной чуть более сантиметра, вычлененный, как и в первом случае, из трещиноватого сырья с помощью техники двойного паза. Размеры предмета: 10,8 × 3 см, максимальная толщина – 1 см.

Внутренняя (относительно вложения заготовки в бивень) поверхность предмета сформирована в уплощенное скульптурное изображение бегущего пушного зверя с передней лапкой и торсом (рис. 3: А). Ввиду выделения на скульптуре длинных ушей предположено, что это может быть заяц. Этому противоречит изображение вытянутого в сторону отверстия длинного выпуклого хвоста, скорее, похожего на белчий. Иначе говоря, изображение можно понимать по-разному или в этой двойственности заложен определенный смысл. По-разному в разное время это изображение трактовали в своих работах как автор данного исследования, так и автор раскопок стоянки Быки-1 А. А. Чубур (Ахметгалеева и др., 1999; Чубур, 2001 С. 84, 85). Технологический анализ следов изготовления поделки показал, что участок, который ранее рассматривался как «обломанная лапка», является ни чем иным, как конечным участком паза после вычленения пластины. Продольные грани от прорезания паза при вычленении заготовки сохранились не только в нижней части скульптурного изображения, оказалось, что и вся верхняя грань от отверстия до «ушей» является плоскостью, сформированной продольным резанием при вычленении пластины. Поэтому домысливать, что и когда могло быть отломано или состругано, не представляется разумным. Единственными повреждениями этого предмета являются облом отверстия и выкрашивание кончика лапки, произошедшие при вынимании поделки из слоя.

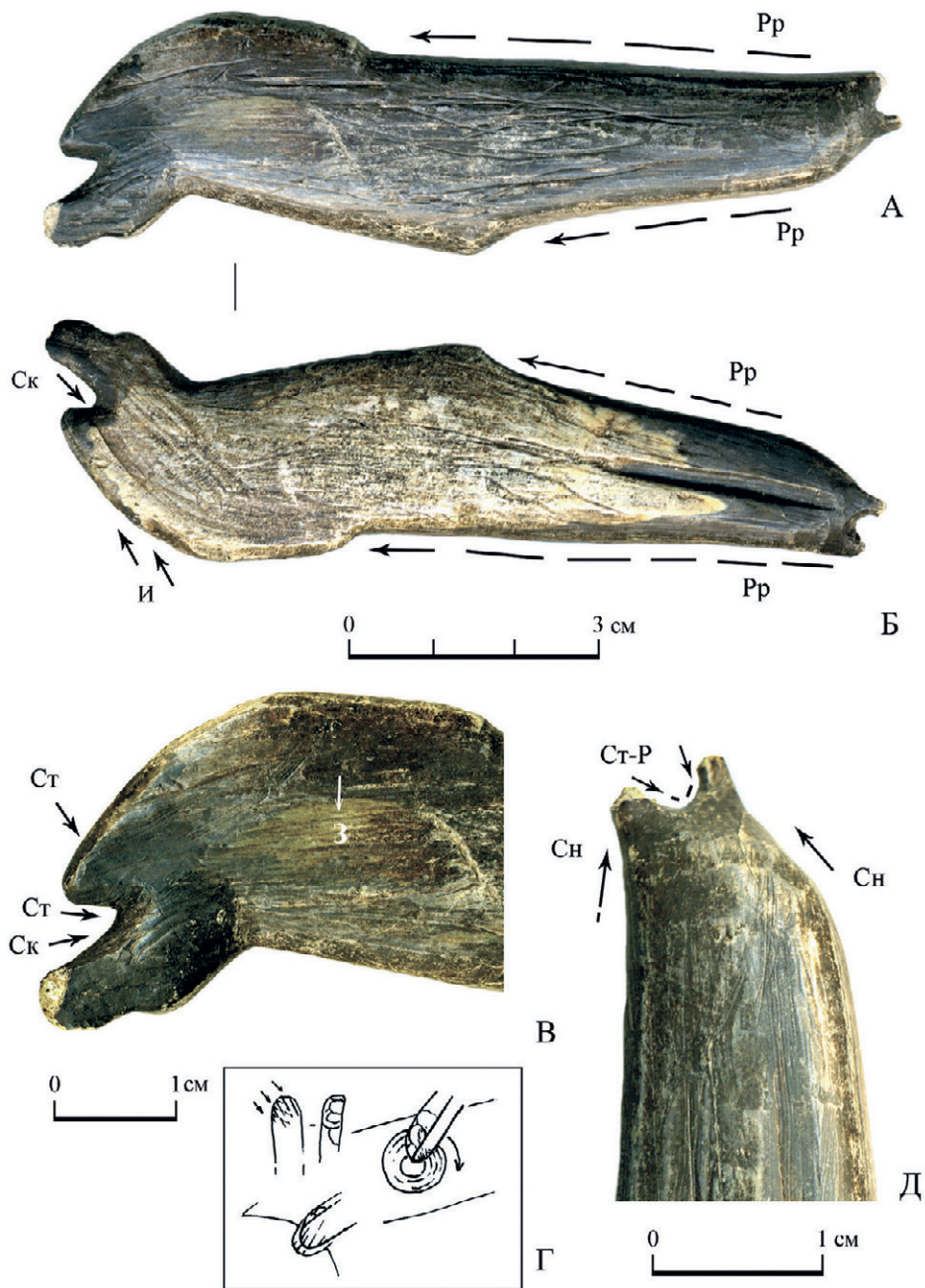
На мордочке и лапках «зайца» вдоль граней сохранилась полоса с негативами следов поперечного строгания при утончении краев заготовки (рис. 3: В). С обратной стороны фиксируется аналогичная картина. Негативы от скобления с нажимом присутствуют и на участке, сужающем поверхность скульптуры в районе отверстия (рис. 3: Д). Сохранились близко расположенные негативы следов строгания при утончении данного участка и поперечные им – от вырезания отверстия.

Отверстие вырезано по кругу скобяще-режущими движениями на завершающих этапах изготовления (рис. 3: Д). Эта технология известна и по другим материалам со стоянок Быки. Следы подобной работы фиксируются на длинных жалах кремневых проколов (рис. 3: Г), что не исключает использования для

Рис. 2. Места находок на планах жилых объектов стоянок Быки-7 (А) и Быки-1 (Б)

А – схема взаимного расположения разных культурных слоев и жилых объектов: 1, 2 – нумерация жилых объектов (условные обозначения: а – границы Iа культурного слоя; б – границы I культурного слоя; в – границы II культурного слоя; г – участки максимальной насыщенности Iа культурного слоя; д – границы мерзлотных деформаций II генерации; е – границы мерзлотных деформаций I генерации; ж – распространение Ib и Ic культурных слоев); Б – план жилого объекта

Рис. 3. Стоянка Быки-1, раскопки А. А. Чубура, зооморфная поделка (А-В, Д); стоянка Быки-7, слой Ia, схема работы проколки (Е)

А, Б – фото поверхностей скульптуры; В – макрофото «мордочки зайца»; Е – схема работы длинного жала проколки; Д – макрофото зоны отверстия

Условные обозначения: Pp – прорезание резцеvidным орудием, Cт – строгание; Cн – строгание с нажимом; Cт-П – строгание-резание; Cк – скобление; И – заломы; З – заполировка

этих целей и какого-либо другого острия. Прорезалось отверстие с обеих сторон чаще встречными, а не круговыми движениями.

Что касается пересекающихся линий на рассматриваемой поверхности, то большинство из них являются технологическими следами, возникшими от соскальзывания лезвия резцеvidного орудия. Но не исключено, что их не выскоблили преднамеренно, оставив впечатление изображения шерсти.

Образ на *внешней поверхности* так же спорен (рис. 3: Б). Но хорошо определяется грива животного, характерная для изображений лошади. Таким образом, мы вновь возвращаемся к образу коня/лошади. В данном случае грива обозначена не прорезанными линиями, а выполнена скользящими движениями угловой части боковой кромки кремневого орудия. Участок изгиба гривы является конечным участком паза после вычленения пластины. Расстояние между верхней и нижней плоскостью прорезания – 2 см, к отверстию оно сужается. Оба пазы подрабатывались и с этой стороны, поэтому на ней тоже сохранились технологические следы от соскальзывания лезвия кремневого резца. Плоскость от прорезания пазов доходит до «головы» животного, но далее форма предмета изменена строганием, на некоторых участках используется строгание с нажимом. Несмотря на это, а также и дальнейшее скобление, на верхней грани головы животного сохранились микроучастки с изломами бивня в «сухом» состоянии, удачнее сказать – с «заломами» (рис. 3: Б). Таким образом, голова и часть туловища зооморфного изображения с обеих сторон – это доотщепленная часть пластины, отслоение которой, вероятно, началось ранее. Искажена морда, не очень соответствуя лошадиной, что может быть связано с первоначальностью формирования обратного изображения (зайца?). Поверхность поделки с этой стороны выскоблена. Так как это внешняя, более твердая поверхность бивня, то и следы выскабливания жесткие, грубые, хорошо различимые. Участок «щеки» пытались сгладить поперечным строганием, получилась ребристая поверхность. Вероятно, лезвие орудия держали строго перпендикулярно относительно рабочей плоскости. Непонятно и назначение широкого паза, идущего от морды животного до зоны с отверстием. Паз выполнен после выскабливания поверхности, но до подготовки зоны отверстия, соответственно – это преднамеренно выполненная деталь рисунка. Прорезание производилось углом резцеvidного орудия (отщепа/двугранного резца). На завершающей стадии могла использоваться широкая П-образная кромка резца типа двугранного или резца на сломе. Возможно, режущая кромка резца просто вращалась в руке мастера, и работа производилась то углом, то всей П-образной двугранной кромкой. А. А. Чубуром эта прорезь трактуется как промежуток между ногами, а скульптура является сочетанием антропоморфного изображения с головой носорога; и, возможно, что это изображение тотемных предков (Чубур, 2001. С. 85).

Нет оснований предполагать утилитарное назначение предмета. Трасологический анализ следов износа амулета со стоянки Быки-1 указывает на вероятное ее подвешивание разными сторонами, например на грудь одетого в шкуры человека. Шкурная заполировка покрывает выступающие участки основы скульптуры, между нарезками и другими технологическими следами с обеих сторон. Например, относительно интенсивные пятна лоска фиксируются на туловище

«зайца» (рис. 3: *B*) и между концом гривы и продольным центральным пазом с обратной стороны.

В данной работе не стоит задача понять, что же здесь изображено. Для настоящего исследование важно, что, как и в случае с зооморфной поделкой со стоянки Быки, речь идет о значительной смысловой нагрузке изображения (одного или сразу нескольких в одном). В двух случаях повторяется образ лошади и преднамеренная его схематизация мастером, обладающим высокими навыками обработки бивня мамонта. Вероятно, что в обеих скульптурах основная роль принадлежит символам, а не реальности изображения.

Предварительное обсуждение

Скульптуры отличаются по форме и следам износа, но их объединяет набор технологических приемов изготовления (выбор заготовки, формообразование), стилистика и схематизация зооморфного изображения. Яркой художественной деталью обеих поделок является выделенная глубокими линиями грива. Сходно обозначение формы морды животного при отсутствии детализации.

Если предположить, что на обеих поделках образ лошади, а на амулете со стоянки Быки-1 он еще связан и с образом зайца, то это может оказаться важным для понимания их семантики, поскольку развитие быковской археологической традиции связывают именно с охотой древнего человека на дикую лошадь и зайца. Но это не более чем предположение, так как заяц и лошадь выходят по количеству представленных особей на первое место только на стоянке Быки-7, а на стоянке Быки-1 они уступают северному оленю и песцу (*Ахметгалеева, Бурова, 2019*).

Если учесть сезонность стоянок, то предложенная Б. А. Фроловым связь образа лошади с охотничьей магией видится вполне реальной. Как уже отмечалось, косвенным подтверждением этого могут служить данные функционально-планиграфического анализа, свидетельствующие о завершенности определенного цикла охотничьей деятельности на жилом объекте стоянки Быки-7. Оба предмета были оставлены древними людьми преднамеренно при покидании стоянки. Их позиции указывают на их оставление в последний момент пребывания на стоянке, что вполне могло быть связано с совершением охотничьего ритуала.

В 2017 г. было начато исследование нового жилого объекта стоянки Быки-7/1, но гораздо меньшего размера и меньшей степени заполнения его культурными остатками (рис. 2: *B*). Изучен пока только западный сектор, поэтому появление новых данных по использованию бивня мамонта не исключается. В этом секторе жилища была найдена одна неутилитарная поделка из бивня мамонта в виде крупной каплевидной подвески с отверстием и с насечками (рис. 1: 3). Нас она заинтересовала аналогичным археологическим контекстом и своей единичностью. Расслоившаяся поделка залегала в культурном слое, перекрывающем яму 2, так же как и в предыдущих случаях, на северо-западной периферийной части жилища (*Ахметгалеева, Бурова, 2018*). Размеры предмета – $4,9 \times 1,6 \times 0,8$ см. Поделка расслоилась по конусу роста и состояла

из двух фрагментов, один из которых был обломан при извлечении (третий фрагмент рассыпался в слое). Изделие представляет собой подвеску овальной формы с просверлено-пробитым отверстием. Вероятная заготовка – небольшой отщеп из внутренней части бивня мамонта. Основная форма придана с помощью строгания. Сверление отверстия производилось с двух сторон (рис. 1: 3а, б). На последнем этапе перегородка была пробита, о чем свидетельствует неровность прикромочной грани. *Внутри* с обеих сторон к отверстию прилегают продольные неглубоко выскобленные желобки. Возможно, это следы утончения подвески в этой части. Но район самого отверстия не утончался. По отверстию в древности подвеска была обломлена. Также на внутренней части, в ее центре есть группа преднамеренных нарезок, произведенных боковым лезвием кремневого орудия (рис. 1: 3в). Две из них выполнены поступательно-возвратными движениями. С *внешней* стороны видны только следы выскабливания, придающего окончательную форму подвеске. Следов утончения нет. Поверхность поделки покрыта с обеих сторон окислами марганца, в том числе и поверхность расслоения. Микровыемки естественного происхождения, и окатанные грани поделки не окрашены. Под увеличением видно, что в некоторые выемки с обеих сторон попала красная охра (рис. 1: 3б). Описание предмета соответствует не утилитарному и, возможно, даже семантическому изделию, но к зооморфным скульптурам не относится. В данной статье эта находка приводится как возможное доказательство важности контекста для интерпретации рассматриваемых выше зооморфных скульптур и гипотезы преднамеренного покидания стоянки после совершения какого-то ритуала.

Заключение

Мы рассмотрели три единичные поделки из бивня мамонта (редкого сырья для обитателей стоянок Быки), найденные на периферии жилищ и оставленные в древности на завершающей стадии обитания жилых объектов. Поделки отличаются по форме, но их объединяет набор технологических приемов изготовления и (что касается первых двух изделий) стилистика и схематизация зооморфных изображений, связанных с образом коня/лошади. Функциональные исследования исключили утилитарное назначение предметов.

Несмотря на выявленные различия, мы полагаем сходную семантику и предназначение двух первых изделий, связанные с конкретными охотничьими ритуалами. Результаты исследований указывают также на возможную связь охотничьих ритуалов с сезонным покиданием стоянок. И в этой связи на первый план выступает семантика образа коня/лошади как очень значимого для обитателей стоянок животного. Функциональность третьего предмета пока спорна.

Благодарности

Автор выражает благодарность за возможность работы с фондами хранителю Курчатковского краеведческого музея Н. В. Воронцовой.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметгалеева Н. Б.*, 2005. Зооморфная поделка из бивня мамонта со стоянки Быки-7 // АЭАЕ. № 4 (24). С. 70–76.
- Ахметгалеева Н. Б.*, 2015. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. Курск: Мечта. 254 с.
- Ахметгалеева Н. Б.*, 2019. Стоянки позднего палеолита Быки в центре Русской равнины: культурная составляющая // *Camera Praehistorica*. № 1 (2). С. 18–35.
- Ахметгалеева Н. Б., Бурова Н. Д.*, 2018. Новые технологии и формы костяных изделий по материалам новейших исследований на многослойной стоянке Быки-7 в Курском Посеймье // *Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья*. Вып. V: Междуречье Днепра и Дона: пересечение культур. К 25-летию Курского государственного областного музея археологии / Отв. ред. Г. Ю. Стародубцев. Курск: ИП Бескровный А. В. С. 7–18.
- Ахметгалеева Н. Б., Бурова Н. Д.*, 2019. К вопросу о роли природных факторов в формировании быковской археологической культуры верхнего палеолита // *Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта* / Ред. К. Н. Гаврилов; сост. К. Н. Степанова. М.: ИА РАН. С. 42–43.
- Ахметгалеева Н. Б., Чубур А. А., Шпилев А. Г.*, 1999. Курский край. Т. 1: Каменный век. Курск: Учитель. 384 с.
- Бурова Н. Д., Ахметгалеева Н. Б.*, 2020. Результаты новых исследований остеологической коллекции верхнепалеолитического памятника Быки-7 // *Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез: Междунар. конф.: тез. докл.* М.: ИА РАН. С. 24–25.
- Гаврилов К. Н.*, 2009. Женщина – зверь – орнамент. Культурная специфика в искусстве эпиграветта на Русской равнине // *РА*. № 4. С. 66–80.
- Григорьева Г. В., Филиппов А. К.*, 1978. Пенская позднепалеолитическая стоянка // *СА*. № 4. С. 162–175.
- Фролов Б. А.*, 1994. Палеолитическое искусство и мифология // *Художественная культура первобытного общества: хрестоматия* / Сост. И. А. Химик. СПб.: Славия. С. 201–206.
- Хлопачев Г. А., Гирия Е. Ю.*, 2010. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.: Наука. 144 с.
- Чубур А. А.*, 2001. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск: Брянск-сегодня. 132 с.

Сведения об авторе

Ахметгалеева Наталья Борисовна, Курчатовский государственный краеведческий музей, ул. Молодежная, 12, Курчатов, 307251, Курская обл., Россия; e-mail: achmetga@mail.ru

N. B. Akhmetgaleyeva

THE IMAGE OF THE HORSE: A CASE STUDY OF CARVED BONES
FROM THE BYKI UPPER PALEOLITHIC SITES

Abstract. The paper represents an analysis of the zoomorphic sculpture ivory objects from the Upper Paleolithic sites of Byki-1 and Byki-7, layer I (Seym River Basin, Russian Plain). Radiocarbon uncalibrated dates for these sites fall within 18 and 16000 BP. Figurines differ in form, but they are united by technological methods of manufacturing and the style / schematic of the zoomorphic image. Their archaeological context is similar. The items were left by the ancient people deliberately while leaving the site. We believe their similar semantics and purpose of zoomorphic figurines associated with specific

hunting rituals. Particular attention is paid to the image of a horse / horse, which, according to one hypothesis, is important in the worldview of the ancient inhabitants of these sites.

Keywords: Byki Upper Paleolithic assemblage, zoomorphic figurines, horse image.

REFERENCES

- Akhmetgaleyeva N. B., 2005. Zoomornaya podelka iz bivnya mamonta so stoyanki Byki-7 [A zoomorphic item made of mammoth tusk from settlement Byki-7]. *AEAE*, 4 (24), pp. 70–76.
- Akhmetgaleyeva N. B., 2015. Kamennyy vek Poseym'ya: verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Byki-7 [Stone Age of Seym region: Upper Palaeolithic settlement Byki-7]. Kursk: Mechta. 254 p.
- Akhmetgaleyeva N. B., 2019. Stoyanki pozdnego paleolita Byki v tsentre Russkoy ravniny: kul'turnaya sostavlyayushchaya [Late Palaeolithic settlements Byki in the centre of Russian plain: cultural component]. *Camera Praehistorica*, 1 (2), pp. 18–35.
- Akhmetgaleyeva N. B., Burova N. D., 2018. Novyye tekhnologii i formy kostyanykh izdeliy po materialam noveyshikh issledovaniy na mnogosloynnoy stoyanke Byki-7 v Kurskom Poseym'ye [New technologies and shapes of bone artifacts based on materials of recent investigations at multilayer settlement Byki-7 in Kursk Seym region]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii Dneprovskogo levoberezh'ya [Materials and investigations in archaeology of Dnieper left bank region]*, V. *Mezhdurech'ye Dnepra i Dona: peresecheniye kul'tur. K 25-letiyu Kurskogo gosudarstvennogo oblastnogo muzeya arkhologii [Dnieper and Don interfluv: crossing point of cultures. Toward 25th anniversary of Kursk state regional archaeological museum]*. G. Yu. Starodubtsev, ed. Kursk: Beskrovnyy A. V., pp. 7–18.
- Akhmetgaleyeva N. B., Burova N. D., 2019. K voprosu o roli prirodnnykh faktorov v formirovaniy bykovskoy arkhologicheskoy kul'tury verkhnego paleolita [On issue of role of environmental factors in formation of Byki archaeological culture of Upper Palaeolithic]. *Kul'turnaya geografiya paleolita Vostochno-Evropeyskoy ravniny: ot mikoka do epigravetta [Cultural geography of Palaeolithic of East European plain: om from Micoquien to epigravettian]*. K. N. Gavrilov, ed., K. N. Stepanova, comp. Moscow: IA RAN, pp. 42–43.
- Akhmetgaleyeva N. B., Chubur A. A., Shpilev A. G., 1999. Kurskiy kray [Kursk land], 1. Kamennyy vek [The Stone Age]. Kursk: Uchitel'. 384 p.
- Burova N. D., Akhmetgaleyeva N. B., 2020. Rezul'taty novykh issledovaniy osteologicheskoy kolleksii verkhnepaleoliticheskogo pamyatnika Byki-7 [Results of new investigations of of osteological collection from Upper Palaeolithic site Byki-7]. *Vostochnaya Evropa, Kavkaz, Blizhniy Vostok v kamennom veke: khronologiya, istochniki i kul'turogenез [Eastern Europe, the Caucasus, the Near East in Stone Age: chronology, sources and cultural genesis]*. Moscow: IA RAN, pp. 24–25.
- Chubur A. A., 2001. Byki. Novyy paleoliticheskii mikroregion i ego mesto v verkhnem paleolite Russkoy ravniny [Byki. New Palaeolithic microregion and its place in Upper Palaeolithic of Russian plain]. Bryansk: Bryansk-segodnya. 132 p.
- Frolov B. A., 1994. Paleoliticheskoye iskusstvo i mifologiya [Palaeolithic art and mythology]. *Khudozhestvennaya kul'tura pervobytnogo obshchestva [Art culture of prehistoric society]*. I. A. Khimik, comp. St. Petersburg: Slaviya, pp. 201–206.
- Gavrilov K. N., 2009. Zhenshchina – zver' – ornament. Kul'turnaya spetsifika v iskusstve epigravetta na Russkoy ravnine [Woman – animal – ornament. Cultural specificity in the art of the Russian plain epigravettian]. *RA*, 4, pp. 66–80.
- Grigor'yeva G. V., Filippov A. K., 1978. Penskaya pozdnepaleoliticheskaya stoyanka [Penskaya late Palaeolithic settlement]. *SA*, 4, pp. 162–175.
- Khlopachev G. A., Giryа E. Yu., 2010. Sekrety drevnikh kostorezov Vostochnoy Evropy i Sibiri: priyemy obrabotki bivnya mamonta i roga severnogo olenya v kamennom veke (po arkhologicheskim i eksperimental'nym dannym) [Secrets of ancient bone cutters in Eastern Europe and Siberia: techniques of working mammoth tusk and reindeer horn in the Stone Age (according to archaeological and experimental data)]. St. Petersburg: Nauka. 144 p.

About the author

Akhmetgaleeva Natalia B., Kurchatov State Museum of the Local Lore, ul. Molodezhnaya 12, Kurchatov, 307251, Kursk Region, Russian Federation; e-mail: achmetga@mail.ru

К. Н. Гаврилов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ИСКУССТВА МАЛЫХ ФОРМ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ХОТЫЛЕВО 2, ПУНКТ В

Резюме. Статья посвящена сравнительному анализу условий нахождения в культурном слое памятников искусства малых форм, обнаруженных при раскопках пункта В стоянки Хотылево 2. Дана характеристика комплексов археологических объектов, с которыми связано положение предметов искусства, проведено сопоставление их пространственного соотношения. Сделан вывод о том, что особенности археологического контекста произведений первобытного искусства из раскопок пункта В стоянки Хотылево 2 соответствуют культурному своеобразию этого памятника в рамках восточноевропейского граветта.

Ключевые слова: верхний палеолит, искусство малых форм, Хотылево 2, граветт, костенковско-авдеевская культура.

Введение

Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2, без сомнения, относится к тем памятникам, изучение которых имеет ключевое значение не только для исследования восточного граветта, но и для выявления общих закономерностей развития искусства малых форм Восточной и Центральной Европы. Одним из важнейших условий для понимания этих закономерностей является точная фиксация археологического контекста памятников искусства.

Интерес к этой проблеме впервые проявился в отечественной археологии почти сто лет назад. Уже в 1927 г. С. Н. Замятнин во время раскопок Гагаринской стоянки обратил внимание на особенности положения женских статуэток в культурном слое (*Zamiatnin*, 1934; *Замятнин*, 1935). Полученный опыт в дальнейшем привел С. Н. Замятнина к необходимости учета общего контекста при интерпретации памятников наскального искусства (*Замятнин*, 1961). Анализ

археологического контекста лежал в основе реконструкции семантики женских изображений верхнего палеолита Европы, выполненной П. П. Ефименко (*Ефименко*, 1931). Подробнейшим образом для своего времени охарактеризован археологический контекст мелкой пластики стоянки Костенки I (*Ефименко*, 1958). Однако затем наступил довольно длительный перерыв. Он был прерван в 1987 г. публикацией статьи М. Д. Гвоздовер, специально посвященной анализу археологического контекста женских статуэток костенковской культуры (*Гвоздовер*, 1987). В этой работе было убедительно показано, что культурная специфика памятников костенковской культуры проявляется в том числе и в контексте произведений искусства. В дальнейшем эти выводы получили подтверждение во время раскопок Зарайской стоянки под руководством Х. А. Амирханова (*Амирханов, Лев*, 2003; 2007; 2009). Аналогичные закономерности прослеживались Н. Д. Прасловым применительно к стоянке Костенки I/1 сл. уже на современных материалах (*Праслов*, 2009).

Работа М. Д. Гвоздовер сделала актуальным анализ археологического контекста памятников искусства малых форм, найденных не только на стоянках костенковской культуры, но и на других верхнепалеолитических поселениях. Не является исключением в этом ряду и стоянка Хотылево 2, при раскопках которой были обнаружены выразительные образцы антропоморфной скульптуры (*Заверняев*, 1978).

Анализ полевой документации Ф. М. Заверняева позволил реконструировать археологический контекст большинства предметов искусства Хотылёвской стоянки (*Гаврилов*, 2008). Тем не менее работы, проводившиеся на этом памятнике в 1970-е гг. Ф. М. Заверняевым, к сожалению, не были лишены ряда методических недостатков, что сказалось на качестве фиксации находок и объектов. В частности, мы не имеем информации о микростратиграфии того участка культурного слоя стоянки, который в настоящее время обозначается как пункт А, не все произведения искусства имеют точную привязку в пределах квадратов и т. п. В этих обстоятельствах большой удачей было обнаружение в 2003 г. нового участка распространения культурного слоя Хотылево 2, обозначенного как пункт В. Он исследуется Хотылевской археологической экспедицией с 2005 г. (*Gavrilov et al.*, 2015). Новые полевые работы привели к обнаружению здесь ряда памятников первобытного искусства, археологический контекст которых был задокументирован на современном методическом уровне.

Материалы и методы

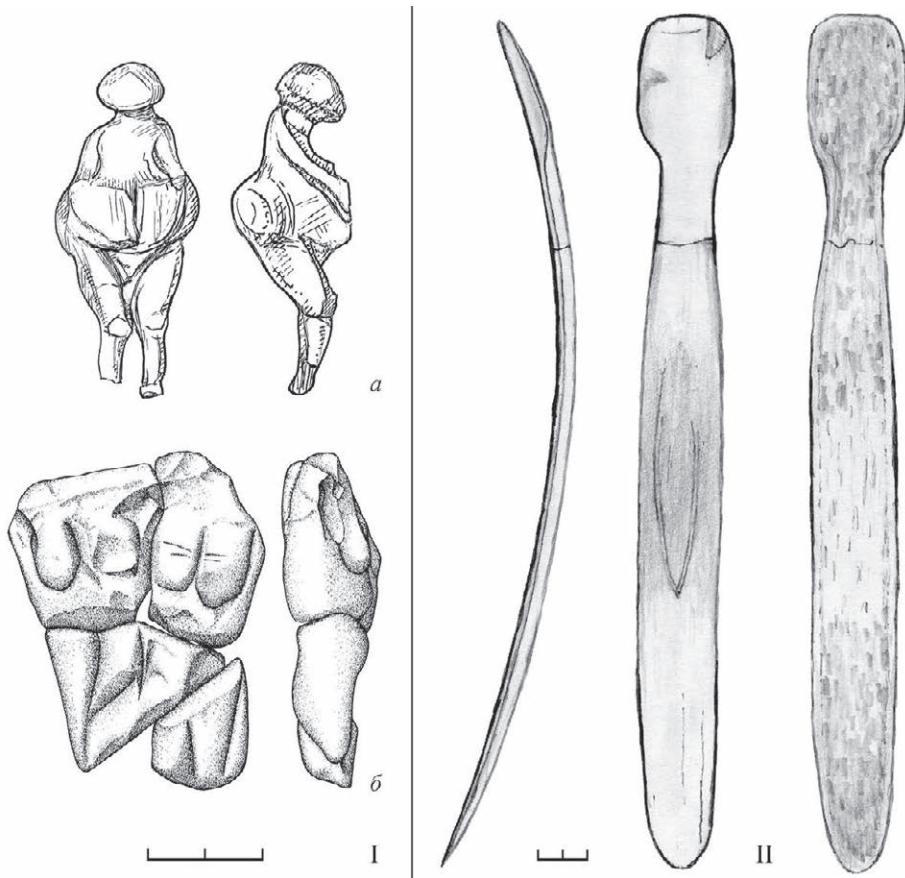
За все время раскопок пункта В было вскрыто и частично изучено 78 кв. м культурного слоя. На этой площади было зафиксировано два комплекса пространственно связанных археологических объектов. По своим структурным особенностям открытые комплексы были аналогичны объектам пункта А. В ходе раскопок на площади пункта В были найдены следующие произведения искусства малых форм: лопаточка из ребра мамонта; двойная женская статуэтка, вырезанная из мела; бивневая статуэтка, изображающая беременную женщину; костяная поделка с треугольным навершием. Женские статуэтки и лопаточка

опубликованы (*Воскресенская, Гаврилов, 2006; Гаврилов, 2011; 2012; Гаврилов, Лев, 2017; Гаврилов, Хлопачев, 2018*). Поделка с навершием – это новая находка сезона 2018/2019 гг. Все они объединяются единым археологическим контекстом и одновременно демонстрируют сочетание таких черт, которые традиционно рассматривались как проявления разнокультурных традиций в рамках восточноевропейского граветта.

Лопаточка (рис. 1: *П*) стала первой находкой из серии предметов первобытного искусства, обнаруженной при раскопках пункта В. Она изготовлена из продольно расщепленного ребра мамонта. Длина изделия составила 26,3 см, по своим размерам это самый крупный предмет среди однотипных изделий Хотылево 2. «Лицевая» поверхность лопаточки представлена внутренней, вогнутой, поверхностью ребра с сохранившимся компактным слоем. Внешняя поверхность – это губчатая масса. Обе поверхности предмета тщательно заглажены. Головка лопаточки имеет подпрямоугольные вытянутые очертания со сглаженными углами и незначительно асимметричную позицию относительно корпуса изделия. На «лицевой» поверхности в верхней части головки нанесена поперечная прямая нарезка длиной около 1,5 см. Справа от нарезки, в угловой части головки, располагается негатив от скола подтреугольной формы. Основание корпуса лопаточки имеет скругленную, несколько вытянутую форму в плане и тщательно заострено в профиле. В центральной части корпуса на «лицевой» стороне располагается гравировка, выполненная двойными неглубоко прорезанными линиями в виде разомкнутого вытянутого треугольника, обращенного вершиной вниз. Длина гравировки – 7,2 см. Разомкнутый треугольник относится к «женским знакам», согласно типологии А. Леруа-Гурана (*Leroi-Gourhan, 1965. P. 453*).

Двойная женская статуэтка (рис. 1: *Б*) может быть отнесена к категории плоской скульптуры. Ее размеры – 58,5 × 44,5 × 15 мм. Женские фигуры изображены плечом к плечу на лицевой стороне плитки мела подтрапециевидных очертаний в технике барельефа, в реалистической манере, характерной для памятников восточного граветта. Изображены груди, живот и ноги по шиколотку, но нет рук и голов. Тыльная поверхность статуэтки заглажена, детальная проработка отсутствует. Нижняя половина поверхности разделена широкой бороздкой на два объема, соответствующие изображению двух женских фигур на лицевой поверхности статуэтки. С тыльной стороны широкой и менее глубокой бороздкой выделены ноги левой фигуры. Грудь левой женской фигуры разделена на две равные половины двумя параллельными тонкими неглубокими линиями. Статуэтка была разбита в древности на фрагменты. Поверхности граней древних сколов заглажены. Верхний фрагмент был разбит на две части, вероятно, мерзлотной трещиной.

Стилистически изображения женщин двойной статуэтки выполнены в манере, близкой к характерной для скульптурных изображений костенковского типа (*Гвоздовер, 1985б*). Сходство между ними подчеркивается наличием двойных поперечных нарезок на груди левой фигуры. Похожим образом, например, изображена перевязь поверх груди на первой женской статуэтке из Костенок I/1 сл. (*Ефименко, 1958. С. 346, 347. Рис. 140*). Однако отсутствие голов, рук и нижней части ног отличают двойную хотылевскую статуэтку от костенковских фигурок.

Рис. 1. Стоянка Хотылево 2, пункт В. Произведения искусства из раскопок

I – женская скульптура: *a* – фигурка беременной женщины, бивень (рисунок А. О. Маше-зерской); *b* – изображение двух женских фигур, мел (рисунок А. В. Трусова); *II* – лопаточка из ребра мамонта с гравировкой (рисунок Ю. А. Чемоданова)

В 2016 г. при раскопках на участке пункта В верхнепалеолитической стоянки Хотылево 2 была обнаружена миниатюрная женская статуэтка из бивня мамонта (рис. 1: *Ia*). Ее размеры: длина – 56 мм, макс. ширина – 23,7 мм, макс. толщина – 19 мм. Скульптура изображает беременную женщину. Общий объем фигурки состоит из отдельных форм, соединенных между собой с большим искусством.

Последняя находка из раскопок пункта В, которая может быть отнесена к произведениям первобытного искусства, – костяная поделка с подтреугольным навершием (рис. 2). Предмет изготовлен из компактного слоя крупной кости мамонта. Он имеет удлинённые пропорции, длина изделия составляет 16,7 см. Максимальная ширина (1,85 см) приходится на основание, противостоящее навершию. Минимальная ширина (0,78 см) – у основания навершия. Основание изделия ровное, расположено строго поперек длинной оси предмета.

Рис. 2. Стоянка Хотылево 2, пункт В. Орнаментированный предмет с треугольным навершием, кость (мамонт?)

Все поверхности тщательно заглажены. Поперечное сечение основного корпуса изделия – двояковыпуклое, у основания навершия – подокруглое. Навершие имеет асимметрично-треугольную в плане форму, подтреугольный вытянутый продольный профиль и подпрямоугольное поперечное сечение. Размеры навершия – $1,5 \times 1,2 \times 1$ см. В нижней части корпуса на одной из поверхностей имеется рельефно выделенный поперечный сильно затертый валик, который заходит на боковые грани и образует небольшие уступы. Благодаря этой особенности подчеркнута отделение нижней части от остального объема корпуса. Оба продольных края предмета по всей длине – от широкого основания до места соединения корпуса с навершием – украшены орнаментом. Орнамент представляет собой чередование косых параллельных коротких нарезок, «стрелок» и косых крестиков. Нетрудно заметить, что эта разновидность орнамента относится к одному из классических типов, характерных для костенковско-авдеевской культуры – косому кресту и его заменяющих элементов (Гвоздовер, 1985а. С. 10). Однако сам предмет не имеет аналогий среди костяных изделий костенковско-авдеевской культуры. Достаточно очевидное сходство прослеживается между морфологией корпуса данного изделия и формой хотылевских плоских треугольных острий из раскопок Ф. М. Заверняева (Заверняев, 1987. С. 127. Рис. 10: 1; Хлопачев, 2006. С. 94. Рис. 61: 4–6).

Все перечисленные предметы были зафиксированы в трехмерной системе координат, с привязкой к стратиграфически значимым уровням, выделяемым в толще культурного слоя. Как правило, эти уровни маркировались слабо гумусированными прослойками суглинка серого цвета. Окраска этих прослоек определялась помимо гумуса повышенной концентрацией мельчайших частиц костей животных, а также

костного угля. Соответственно, при сравнительном анализе археологического контекста памятников искусства, обнаруженных при раскопках пункта В, учитывались как их положение относительно археологических объектов (ям, скоплений материала и т. п.), так и связь с тем или иным уровнем археологической стратиграфии.

Результаты и обсуждение

Южный комплекс археологических объектов был изучен в раскопе А на площади 25 кв. м. Он характеризуется крупными скоплениями преднамеренно уложенных костей мамонтов, структурную основу которых составляли черепа и плоские кости. С данными скоплениями были связаны округлые в плане неглубокие ямы, в которых также находились преднамеренно уложенные кости мамонта. Диаметр ям не превышал одного метра, глубина – 20 см. Кости в скоплениях, а также древняя дневная поверхность вокруг них и под некоторыми черепами были интенсивно окрашены охрой.

Центральное место на площади раскопа А занимал целый бивень мамонта. Альвеолярный конец бивня был перекрыт тазовой костью мамонта, к которой примыкала лопатка мамонта. К северо-западу от бивня, на кв. А-Б/1, были расчищены два черепа мамонта, к которым примыкали половина таза и лопатка мамонта, окрашенная охрой. К северо-востоку и востоку от бивня, на кв. Г-Д/1-4, была обнаружена крупная группа преднамеренно уложенных костей мамонта, включавшая в себя не менее шести черепов, три лопатки, две длинные кости конечностей и некоторые другие кости. Черепа мамонтов на кв. Г-Д/3 залегали на окрашенной охрой поверхности. Поверхность всех лопаток мамонта, зафиксированных на кв. Д/1-3, также была окрашена охрой. Часть скопления осталась неизученной, так как располагается за пределами раскопа. Лопатки мамонтов, входившие в данное скопление, были уложены в яму № 1.

Еще одна яма (№ 2) была зафиксирована на кв. В/5. Яма перекрывалась анатомической группой костей стопы мамонта, по сторонам от которой располагались два ребра, также мамонта. Между костями стопы и одним из ребер залегали еще два позвонка мамонта. Под костями стопы мамонта располагалась другая группа, состоявшая из трех длинных костей конечностей мамонта, уложенных в форме трехлучевой звезды. Непосредственно в яму № 2 были уложены длинные кости и позвонки мамонта.

Следующее скопление костей было расчищено на кв. А-Б/2–3. Здесь с севера на юг последовательно располагались: лопатка бизона, лопатка половозрелого мамонта с искусственным отверстием, тазовая кость мамонта. Между тазовой костью и бивнем размещались две нижние челюсти половозрелых мамонтов, а также лопатка и частично перекрывавший ее череп мамонта. Суставная часть лопатки была перекрыта раздавленным черепом мамонта, уложенным на его переднюю поверхность. К западу от тазовой кости, на границе раскопа, были расчищены две лопатки мамонта, под одну из которых уходила целая бедренная кость и бивень мамонта. Под перечисленным скоплением костей находилось крупное углубление вытянутой формы, обозначенное как яма № 3.

Лопаточка с фигурной головкой, изготовленная из ребра мамонта, была обнаружена в юго-западном секторе кв. В/5, между скоплениями костей мамонта, связанных с ямами № 2 и № 3 (рис. 3: А). Лопаточка лежала в гумусированном суглинке, примыкая к фрагменту ребра мамонта. В непосредственной близости от лопаточки была расчищена анатомическая группа, состоявшая из хвостовых позвонков мамонта. Лопаточка лежала на уже сформировавшемся культурном слое, внутренней (вогнутой) поверхностью вниз. Под лопаточкой были зафиксированы мелкие фрагменты костей животных и расщепленные кремни, разница между уровнями залегания находок доходила до пяти сантиметров (рис. 3: Б).

Исследования южного комплекса позволили выявить два уровня залегания находок (*Воскресенская, Гаврилов, 2006*), каждый из которых был связан со слабо гумусированной прослойкой суглинка. Стратиграфическое положение лопаточки из ребра мамонта, найденной при раскопках южного комплекса объектов, соответствует верхнему уровню залегания находок.

Положение лопаточки в культурном слое пункта В отличается от контекста аналогичных предметов, найденных Ф. М. Заверняевым (*Заверняев, 1987*). По его данным, на участке пункта А две лопаточки были обнаружены «в ямах с... краской под костями», одна – «в зольных скоплениях вблизи небольшой ямы с краской и женскими статуэтками» (Там же. С. 128). Последний предмет залегал непосредственно на охристом скоплении, перекрывавшем небольшую ямку (*Гаврилов, 2008. С. 65*). Во всех перечисленных случаях лопаточки были обнаружены в пределах комплексов археологических объектов, структура которых аналогична северному комплексу пункта В. На памятниках костенковско-авдеевской археологической культуры контекст положения лопаточек в культурном слое также различен. В первом комплексе Костенок I/1 сл. и в новом комплексе Авдеевской стоянки предметы этой категории были обнаружены в так называемых ямах-хранилищах и в культурном слое за пределами углубленных объектов (*Ефименко, 1958. С. 311–315; Гвоздовер, 1987; Булочникова, 2007*). Лопаточки Зарайской стоянки были найдены в ямах-хранилищах (*Амирханов, 2000. С. 176*). К сожалению, в имеющихся публикациях отсутствуют подробные сведения о положении предметов данной категории из Костенок I и Авдеево в культурном слое вне ям.

Северный комплекс археологических объектов был вскрыт двумя раскопами Б и В общей площадью 52 кв. м. В раскопе Б была зафиксирована южная часть данного комплекса, раскоп В открыл его центральную часть.

Археологический материал на этом участке был представлен костными останками животных, предметами из расщепленного кремня, поделками из кости и бивня мамонта, а также костным углем, золой и охрой. Находки, вскрытые в 2016 г., были связаны с прослойкой гумусированного суглинка серого цвета, в местах концентрации костного угля и золы – черного цвета.

Границы северного комплекса были очерчены расположенными по дуге округлыми в плане неглубокими ямами, которые по своим размерам и морфологии аналогичны ямам, зафиксированным в южном комплексе. Как правило, в непосредственной близости от ям располагались вкопанные длинные кости мамонта, часть из которых была преднамеренно расколота. Эта особенность отличает северный комплекс от южного, где подобные группы вкопанных костей не были

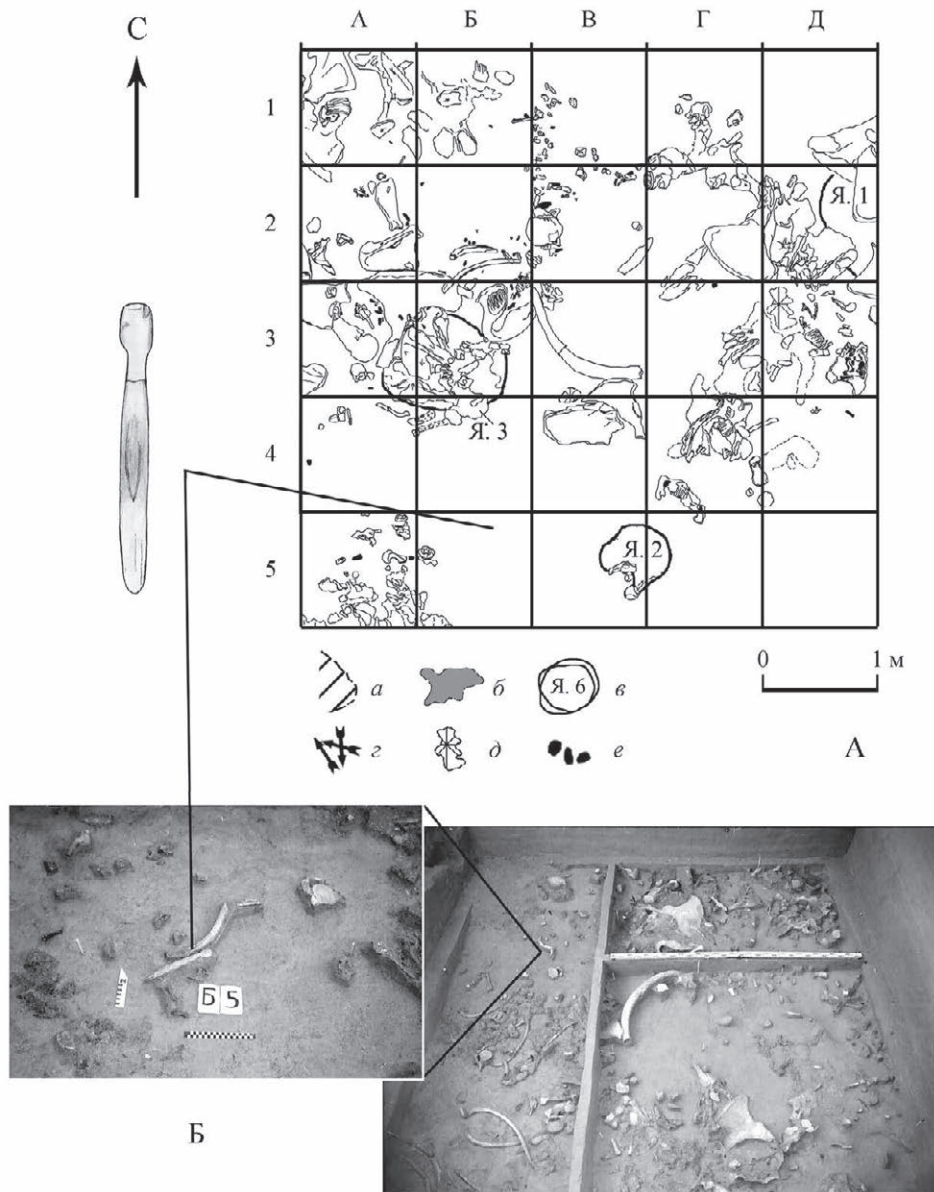
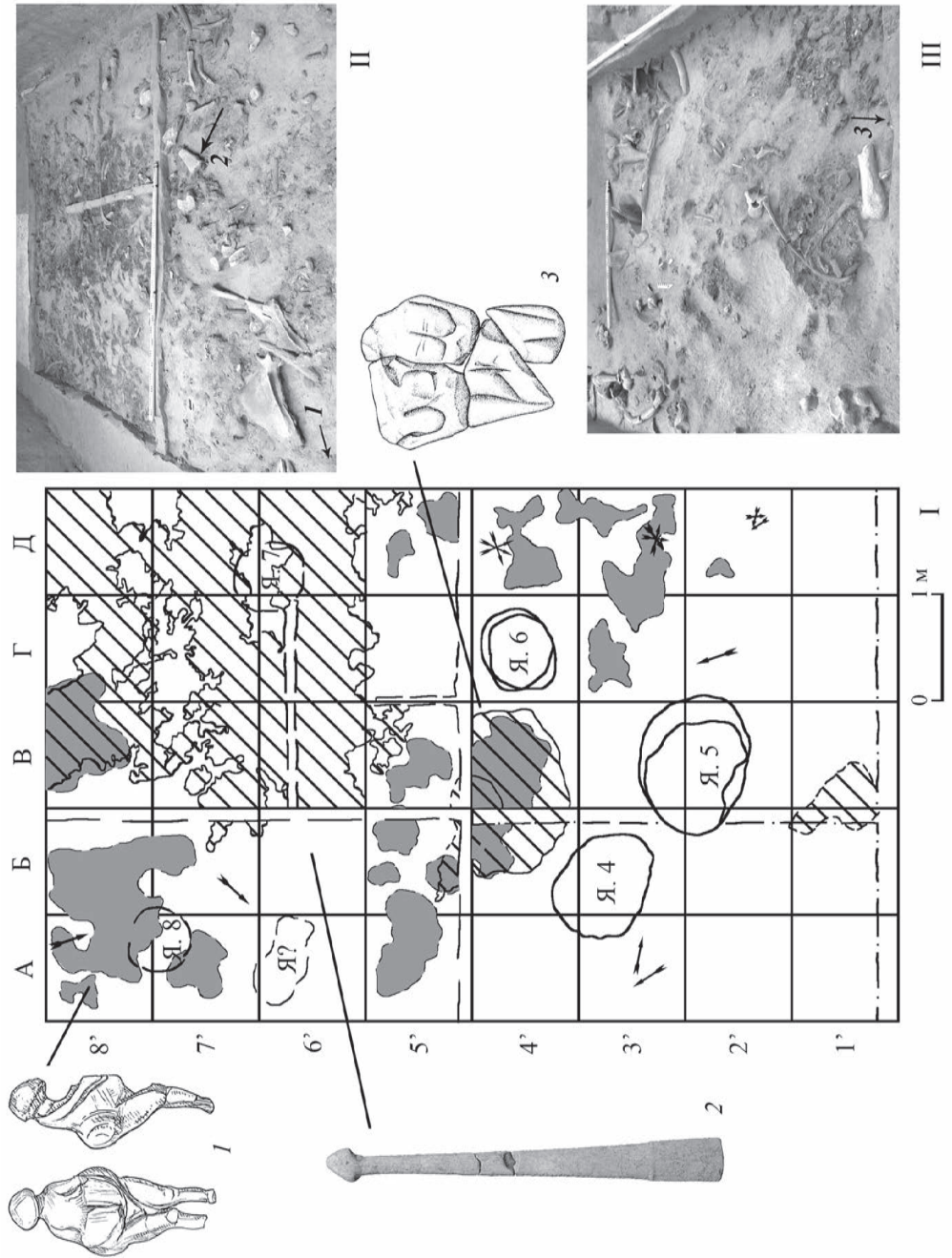

Рис. 3. Стоянка Хотылёво 2, пункт В.

Археологический контекст лопаточки из ребра мамонта. Фото автора

А – раскоп А, план-схема южного комплекса объектов (а – скопление костного угля; б – скопление расщепленного кремня; в – яма; г – вкопанные кости мамонта; д – скопление охры; е – отдельные расщепленные кремни); Б – общий вид на южный комплекс объектов и место залегания лопаточки

зафиксированы. В непосредственной близости от некоторых ям залегали черепа мамонтов, вкопанные в грунт альвеолами. С двумя ямами были связаны группы из попарно уложенных лопаток мамонтов. В ямах и вокруг них располагались скопления охры. С внутренней стороны дуги, очерченной ямами, находилось обширное скопление костного угля и золы, в южной части которого была зафиксирована еще одна яма, возможно – очаг. В 2008 г. рядом с ней и в непосредственной близости от ямы № 6 была обнаружена двойная женская статуэтка, вырезанная из куска мела (рис. 4: III, 3).

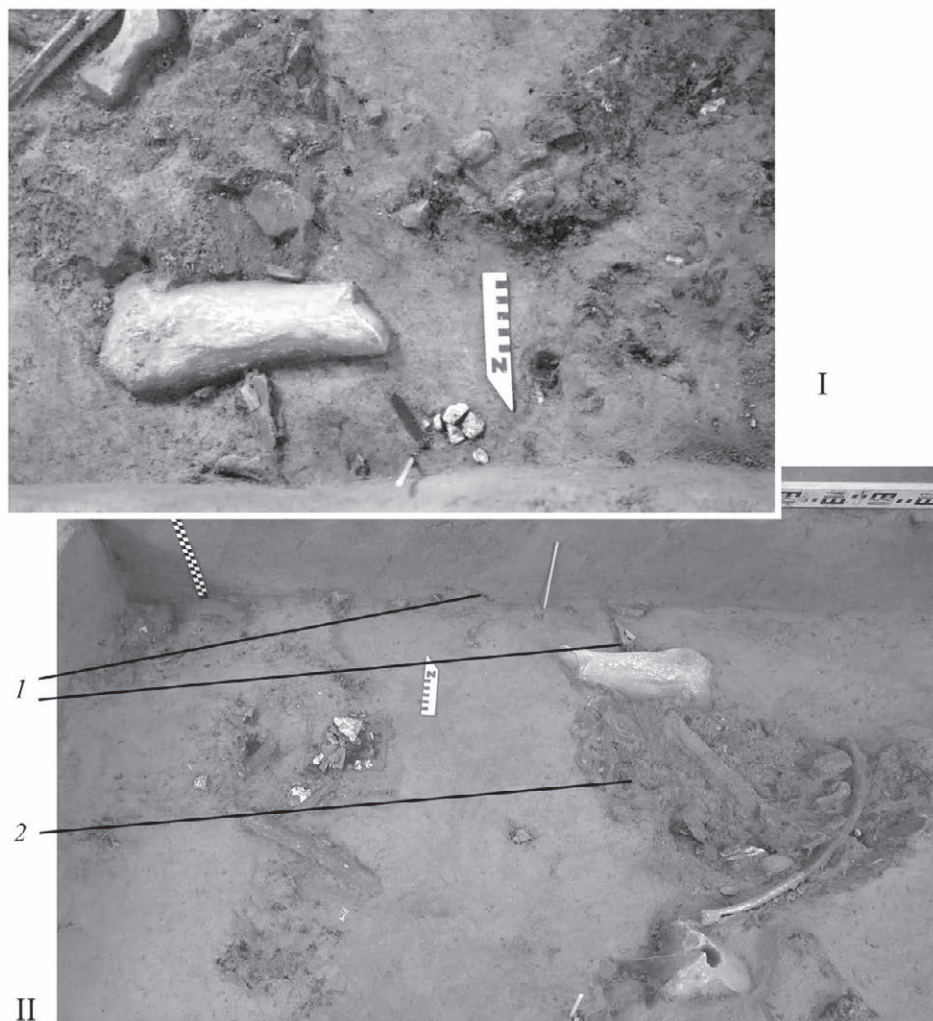
В культурном слое двойная статуэтка залегала лицевой стороной вниз, ее осевая линия была сориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 5: I). Рядом с двойной статуэткой, к северо-западу от нее, непосредственно у северной стены раскопа была обнаружена еще одна, схематическая, фигурка, также опубликованная (Гаврилов, 2012). Положение двойной женской статуэтки в слое говорит о том, что ее части были не выброшены, а уложены человеком в правильном порядке, соответственно их изначальной композиции до фрагментации этого предмета. Особенности укладки фрагментов статуэтки подтверждают, что это изделие имело законченную форму. В этой связи предположение Д. Дюпюи, что данный предмет может быть интерпретирован как промежуточная стадия в процессе изготовления двух отдельных статуэток костенковского типа (Dupuy, 2012. P. 1481), представляется ошибочным. Напротив, заглаженность поверхностей фрагментов согласуется с аналогичными наблюдениями, сделанными исследователями для найденных в Костенках I/1 сл. скульптурных изображений из известняка, что может быть интерпретировано как свидетельство либо изначального изготовления их отдельных частей, либо преднамеренной фрагментации статуэток (Дюпюи, 2016).

Женская статуэтка, найденная в 2016 г., залегала в культурном слое непосредственно на древней дневной поверхности, интенсивно окрашенной охрой, на квадрате А/8' раскопа В (рис. 4: II, 1). Фигурка лежала на спине, с наклоном на правый бок, головой на запад (рис. 6: I). Частично статуэтка была окрашена охрой, однако эта окрашенность является вторичной, поскольку она фиксируется в виде полосы, протянувшейся по правой стороне от макушки головы до голени правой ноги. Следовательно, охра попала в культурный слой после того, как в него была помещена статуэтка. В непосредственной близости от фигурки находилось скопление крупных кремневых пластин, а также фрагменты костей мамонта, тоже окрашенные минеральной краской. К юго-западу от статуэтки была зафиксирована группа преднамеренно уложенных костей мамонта, в которую входила пара лопаток, бивень и позвонок с сохранившимся остистым отростком (рис. 4: II). Судя по положению лопаток и бивня мамонта, эта группа костей частично перекрывала яму. Положение данной фигурки почти полностью

Рис. 4 (с. 114). Стоянка Хотылево 2, пункт В.

Археологический контекст женских статуэток и предмета с навершием. Фото автора

I – раскопы Б и В, план-схема северного комплекса объектов (условные обозначения см. на рис. 3); II – общий вид на места залегания статуэтки из бивня мамонта (1) и костяного предмета с навершием (2); III – общий вид на место залегания двойной статуэтки из мела

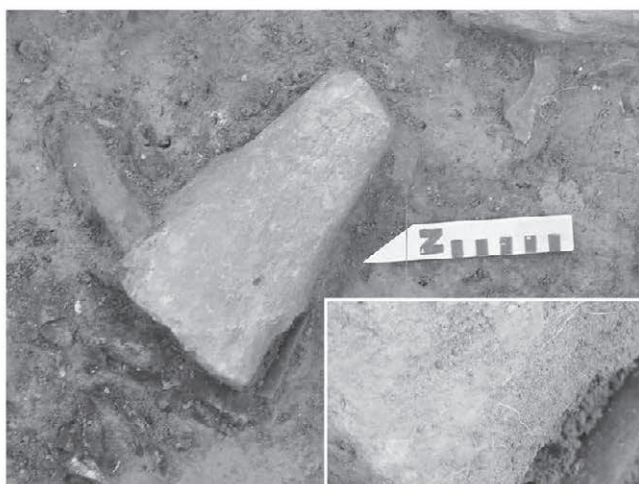

**Рис. 5. Стоянка Хотылево 2, пункт В,
место залегания двойной статуэтки из мела. Фото автора**

I – вид сверху на двойную статуэтку и схематическую фигурку в культурном слое; *II* – вид на основание культурного слоя и яму № 6 на участке обнаружения двойной статуэтки (*1* – гумусированная прослойка, с которой связан культурный слой; *2* – яма № 6)

1

2

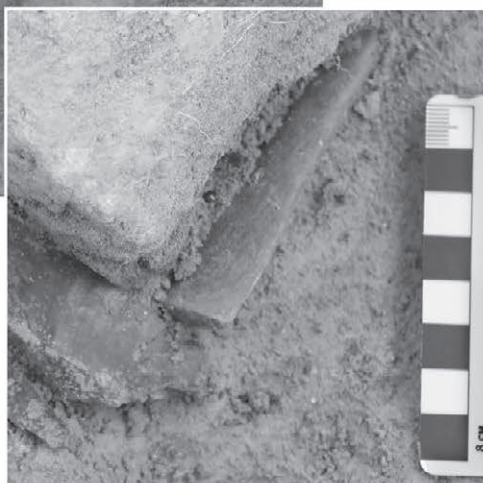

Рис. 6. Стоянка Хотылево 2, пункт В, места залегания статуэтки из бивня мамонта (1) и костяного предмета с навершием (2) в культурном слое. Фото автора

соответствует контексту женской статуэтки, обнаруженной Ф. М. Заверняевым при изучении комплекса археологических объектов на участке пункта А, впоследствии получившего номер 1 (*Гаврилов, 2008*). Она также залегала на периферии комплекса, в непосредственной близости от одной из ям и группы преднамеренно уложенных костей мамонта. Последняя, однако, была представлена не лопатками, а черепами в сочетании с целым бивнем.

Костяная поделка с навершием была найдена под крупным фрагментом трубчатой кости мамонта, залегавшей на кв. Б-6⁷ (рис. 4: *II*). Таким образом, данный предмет располагался между женскими статуэтками, тяготея к краевой части северного комплекса археологических объектов. Поверхность культурного слоя под костью была окрашена охрой, на небольшом участке – весьма интенсивного, ярко-красного цвета. С этим участком было связано также небольшое скопление расщепленных кремней. Поделка залегала поверх окрашенного участка, в толще культурного слоя (рис. 6: 2), и сама имела следы вторичной окрашенности на одной из поверхностей, которой соприкасалась с минеральной краской.

Ранее уже отмечался факт находок в Хотылево 2 женских статуэток, выполненных по хотылёвскому и костенковскому изобразительным канонам, в одном археологическом комплексе (*Гаврилов, 2018*). Обнаружение в 2018/2019 гг. поделки с навершием, украшенной костёнковским орнаментом, усиливает это сочетание признаков, традиционно рассматривающихся как разнокультурные. Однако данный факт не идентичен той картине, которая была зафиксирована в Гагаринской стоянке, где в одном комплексе залегали женские статуэтки костёнковского и гагаринско-хотылевского типов (*Тарасов, 1979*). Двойная женская статуэтка Хотылево 2, пусть и выполнена согласно пропорциям костенковских статуэток, не является их копией. Предмет с навершием не имеет аналогий среди костяных изделий костенковско-авдеевской культуры, он лишь украшен костенковским орнаментом. Кроме того, гагаринская полуземлянка и хотылевские комплексы принципиально различаются по своим структурным характеристикам и не находят прямых аналогий за пределами своих поселений.

Интересны также различия между положением предметов, найденных в северном комплексе, относительно стратиграфических маркеров культурного слоя. Женская статуэтка, вырезанная из бивня, лежала на неокрашенной поверхности, на уровне основания культурного слоя. Охра была высыпана на этот участок после того, как фигурка была туда положена. В данном случае мы имеем дело с одним из начальных эпизодов формирования культурного слоя северного комплекса. Напротив, предмет с навершием залегал на поверхности охристого скопления, т. е. в слой он попал несколько позже.

Двойная статуэтка залегала в основании углистой прослойки, с которой был связан уровень спуска ямы 6. Эта прослойка до настоящего времени стратиграфически является наиболее поздней из всех зафиксированных на участке северного комплекса (*Гаврилов, 2015*), однако на данном этапе исследований северного комплекса пока нельзя однозначно судить о стратиграфическом соотношении ямы № 6 и скопления костей мамонта на кв. А/8⁷. Тем не менее в обоих случаях женские фигурки укладывались непосредственно на уровень дневной поверхности, с которой выкапывались рядом расположенные ямы, до начала накопления

на этом месте культурных остатков. Эта ситуация радикально отличается от той картины, что фиксируется на поселениях костенковского типа. Все целые или незначительно фрагментированные женские статуэтки из классических комплексов Костенок I/1 сл., Авдеево и Зарайска были найдены в ямах-хранилищах (Ефименко, 1958; Gvozdover, 1995; Амирханов, Лев, 2009), т. е. в тех объектах, которые не относятся к начальным этапам их формирования. Большинство же фрагментированных статуэток были обнаружены в культурном слое, единичные фрагменты – в землянках и краевых ямах (Ефименко, 1958; Булочникова, 2007; Праслов, 2009). Общее сходство поселений костенковского типа с Хотылево 2 проявляется в том, что на участке пункта А Хотылевской стоянки фрагменты женских статуэток также были обнаружены в культурном слое вне археологических объектов.

Центральноевропейские памятники, относящиеся к граветту: Павлов I, Дольни Вестонице I, Пшедмости, Петржковице, Мораваны, Виллендорф II (сл. 9), как и граветтийские поселения Русской равнины, характеризуются целым рядом произведений мелкой пластики, среди которых имеются настоящие шедевры. Но, к сожалению, далеко не для всех статуэток можно установить точный контекст, по причине несовершенства методики раскопок, применявшейся исследователями.

Тем не менее некоторые сопоставления возможны. Например, знаменитая «Черная Венера» из Дольних Вестониц I была обнаружена в скоплении угля и золы, которые буквально обволакивали фигурку (Verpoorte, 2001. P. 13). В данном случае важным моментом, представляющим интерес для сопоставления с контекстом хотылевских статуэток, является то, что данное скопление залегало на древней дневной поверхности.

Антропоморфные фигурки из Павлова I и другие произведения искусства приурочены к комплексам археологических объектов (очаги, вокруг которых концентрировался археологический материал и располагались небольшие ямки), традиционно интерпретируемых как остатки жилищ (Verpoorte, 2001; Oliva, 2007; 2015). Однако сами эти комплексы объектов отличаются от тех, к которым приурочены находки произведений искусства в Хотылево 2. В Павлове I они не включают в свой состав расположенные по их внешней границе неглубокие ямы диаметром до 1 м и преднамеренно уложенные кости мамонта. Плотность расположения этих комплексов, а также особенности археологической стратиграфии дают основания для заключения, что культурный слой этого памятника представляет собой палимпсест разновременных горизонтов обитания (Svoboda, 1997; 2005). В настоящее время невозможно, к сожалению, установить, к какому из горизонтов могут быть отнесены те или иные произведения искусства малых форм данного поселения.

В Петржковицах две женские статуэтки, вырезанные из гематита, были найдены в заполнении небольших ямок, располагавшихся в непосредственной близости от очага (Petřkoviče..., 2008. P. 193–195). Судя по описанию пространственной структуры этого поселения, ямки, где были обнаружены статуэтки, аналогичны причажным ямкам стоянок павловьена (Ibid. P. 36–42) и не похожи ни на ямы-хранилища поселений костенковского типа, ни на ямы Хотылево 2.

Выводы

Сопоставление условий нахождения в культурном слое произведений искусства малых форм из раскопок пункта В стоянки Хотылево 2 позволяет более резко подчеркнуть разницу между северным и южным комплексами археологических объектов. Женские статуэтки, а также костяная поделка с навершием были зафиксированы в северном комплексе, тогда как в южном был обнаружен лишь один предмет – лопаточка. Расположение статуэток в непосредственной близости от скоплений костей мамонта и ям, окружающих комплексы взаимосвязанных археологических объектов, довольно типично для Хотылево 2. Контекст бивневой статуэтки из северного комплекса пункта В имеет прямые аналогии контексту женской статуэтки, обнаруженной в первом комплексе на участке пункта А. Своеобразие северного комплекса пункта В проявляется в том, что на его площади были найдены женские фигурки, выполненные по двум изобразительным канонам: хотылевскому и костенковскому. Специфика северного комплекса подчеркивается также обнаруженным здесь костяным предметом с треугольным навершием, украшенным костенковским орнаментом. Однако сама пространственная структура данного комплекса принципиально не отличается от структуры таких же комплексов пункта А.

Сопоставление данных о положении произведений искусства малых форм, найденных при раскопках пункта В, с аналогичными данными о пункте А стоянки Хотылево 2, с одной стороны, и с опубликованными сведениями об археологическом контексте памятников искусства стоянок восточно- и центральноевропейского граветта – с другой, позволяют сделать следующий вывод. Не только пространственная структура хотылевских комплексов археологических объектов, но и расположение мелкой пластики, а также других предметов первобытного искусства внутри этих комплексов отличаются оригинальным своеобразием, не имеющим прямых аналогий ни на поселениях костенковско-авдеевской культуры, ни на других стоянках граветта Русской равнины и Центральной Европы.

В целом, особенности археологического контекста произведений первобытного искусства из раскопок пункта В стоянки Хотылево 2 соответствуют специфике этого памятника в рамках восточноевропейского граветта и могут быть использованы при характеристике его культурного своеобразия наряду с технико-типологическими и стилистическими особенностями изделий из камня и кости.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А.*, 2000. Зарайская стоянка. М.: Научный мир. 248 с.
- Амирханов Х. А., Лев С. Ю.*, 2003. Статуэтка бизона из Зарайской стоянки: археологический и знаково-символический аспекты изучения // РА. № 1. С. 14–28.
- Амирханов Х. А., Лев С. Ю.*, 2007. Новые произведения палеолитического искусства с Зарайской стоянки // РА. № 1. С. 22–35.
- Амирханов Х. А., Лев С. Ю.*, 2009. Произведения палеолитического искусства стоянки Зарайск А // *Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Бужилова А. П., Бурова Н. Д., Лев С. Ю., Мащенко Е. Н.* Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф. С. 289–339.

- Булочникова Е. В., 2007. Ямы нового жилого объекта Авдеево // Проблемы каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер) / Ред.: Н. Б. Леонова, Е. В. Леонова. М.: Дом еврейской книги. С. 170–188.
- Воскресенская Е. В., Гаврилов К. Н., 2006. Новый комплекс верхнепалеолитической стоянки Хотылево 2 // Деснинские древности. Вып. IV. Брянск: Брянский гос. объедин. краевед. музей. С. 135–149.
- Гаврилов К. Н., 2008. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. М.: Таус. 256 с.
- Гаврилов К. Н., 2011. Новые произведения искусства малых форм из раскопок стоянки Хотылево 2 (пункт В) // КСИА. Вып. 225. С. 231–239.
- Гаврилов К. Н., 2012. Двойная статуэтка из раскопок стоянки Хотылево 2: контекст, иконография, композиция // SP. № 1. С. 279–292.
- Гаврилов К. Н., 2015. Археологический контекст новых радиоуглеродных датировок стоянки Хотылево 2, пункт В // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН. С. 103–112. (Замятнинский сборник; вып. 4.)
- Гаврилов К. Н., 2018. Типология, иконография и археологический контекст женских статуэток восточного граветта Русской равнины // Вестник МГУ. Серия XXIII: Антропология. № 4. С. 93–109.
- Гаврилов К. Н., Лев С. Ю., 2017. Палеолитическая Даная: шедевр из раскопок Хотылево 2, 2016 г. // КСИА. Вып. 249. С. 42–49.
- Гаврилов К. Н., Хлопачев Г. А., 2018. Новая женская статуэтка со стоянки Хотылево 2: изобразительный канон и археологический контекст // Camera Praehistorica. № 1 (1). С. 8–23.
- Гвоздовер М. Д., 1985а. Орнамент на поделках костенковской культуры // СА. № 1. С. 9–22.
- Гвоздовер М. Д., 1985б. Типология женских статуэток костенковской палеолитической культуры // Вопросы антропологии. № 75. С. 27–66.
- Гвоздовер М. Д., 1987. Археологический контекст женских статуэток костенковской культуры // Проблемы интерпретации археологических источников / Отв. ред. Т. Б. Тургиев. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т. С. 18–33.
- Дюпюи Д., 2016. Женские восточнограветтийские статуэтки из известняка со стоянки Костенки I // Верхний палеолит: образы, символы, знаки: каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт. С. 338–353.
- Ефименко П. П., 1931. Значение женщины в ориньякскую эпоху. М.: Огиз. 73 с. (Известия ГАИМК; т. II, вып. 3–4.)
- Ефименко П. П., 1958. Костенки I. М.; Л.: АН СССР. 485 с.
- Заверняев Ф. М., 1978. Антропоморфная скульптура Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА. № 4. С. 145–161.
- Заверняев Ф. М., 1987. Техника обработки кости из Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА. № 3. С. 111–130.
- Замятнин С. Н., 1935. Раскопки у с. Гагарина (Верховья Дона, ЦЧО) // Палеолит СССР: Материалы по истории родового общества. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. С. 26–77. (Известия ГАИМК; вып. 118.)
- Замятнин С. Н., 1961. Памятники изобразительного искусства эпохи палеолита и их значение для проблемы происхождения искусства // Замятнин С. Н. Очерки по палеолиту. М.; Л.: АН СССР. С. 43–65.
- Праслов Н. Д., 2009. Костенки – жемчужина русского палеолита // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии. СПб.: ГЭ. С. 17–24. (Труды ГЭ; т. 44.)
- Тарасов Л. М., 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.: Наука. 168 с.
- Хлопачев Г. А., 2006. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука. 262 с.
- Duport D., 2012. L'incomplétude et le morcellement du corps féminin dans l'imaginaire paléolithique: les sculptures gravettiennes de Kostienki 1-I (Plaine russe – 22000–23000 ans BP) // L'art pléistocène dans le monde = Pleistocene art of the world = Arte pleistoceno en el mundo: Actes du Congrès IFRAO, Tarascon-sur-Ariège, septembre 2010, Symposium «Art mobilier pléistocène» /

- Ed. J. Clottes. Tarascon-sur-Ariège: Société Préhistorique Ariège-Pyrénées. P. 1471–1491. (Préhistoire, Art et Sociétés; LXV–LXVI (2010–2011).)
- Gavrilov K. N., Voskresenskaya E. V., Maschenko E. N., Douka K., 2015. East Gravettian Khotylevo 2 site: Stratigraphy, archeozoology, and spatial organization of the cultural layer at the newly explored area of the site // QI. Vol. 359–360. P. 335–346.
- Gvozdover M. D., 1995. Art of the Mammoth Hunters. The Finds from Avdeevo. Oxford: Oxbow. 189 p. (Oxbow Monograph; 49.)
- Leroi-Gourhan A., 1965. Préhistoire de l'art occidental. Paris: Mazenod. 482 p.
- Oliva M., 2007. Gravettien na Moravě. Brno; Praha: Masarykova univerzita, Filozofická fakulta. 257 p.
- Oliva M., 2015. Palaeolithic Art of Moravia. The Anthropos Collection of the Moravian Museum. Brno: Moravské Zemské Muzeum. 172 p.
- Svoboda J. (ed.), 1997. Pavlov I – Northwest. The Upper Paleolithic Burial and its Settlement Context. The Dolní Věstonice Studies, Vol. 4. Brno: Academy of Sciences of the Czech Republic, Institute of Archaeology. 472 p.
- Svoboda J. (ed.), 2005. Pavlov I – Southeast. A Window Into the Gravettian Lifestyles. The Dolní Věstonice Studies, Vol. 14. Brno: Academy of Sciences of the Czech Republic, Institute of Archaeology at Brno; Polish Academy of Sciences, Institute of Systematics and Evolution of Animals. 500 p.
- Petřkovic. On Shouldered Points and Female Figurines / Ed. J. Svoboda. Brno: Academy of Sciences of the Czech Republic, Institute of Archaeology at Brno, 2008. 252 p. (The Dolní Věstonice Studies; vol. 15.)
- Verpoorte A., 2001. Places of Art, Traces of Fire. A Contextual Approach to Anthropomorphic Figurines in the Pavlovian (Central Europe, 29–24 yr BP). Leiden: University of Leiden. 141 p. (Archaeological Studies; 8.)
- Zamiatin S. N., 1934. La station aurignacienne de Gagarino et les données nouvelles qu'elle fournit sur les rites magiques des chasseurs quaternaires. Léningrad; Moscou: Editions d'Etat. 84 p. (Bulletin de l'Académie de l'histoire de la culture matérielle; fasc. 88.)

Сведения об авторе

Гаврилов Константин Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

K. N. Gavrilov

THE ARCHAEOLOGICAL CONTEXT OF PORTABLE ART
FROM THE KHOTYLEVO 2, STATION B
UPPER PALEOLITHIC SITE

Abstract. The paper offers comparative analysis of depositional contexts of portable art items found in the occupation layer during excavations of station V at Khotylevo 2. It provides description of assemblages of archaeological objects related to the position of works of art and compares their spatial distribution. The author comes to the conclusion that distinctive features of the archaeological context where prehistorical art items from station V at Khotylevo 2 have been found are consistent with cultural attributes of this site within the Eastern European Gravettian.

Keywords: Upper Paleolithic, portable art, Khotylevo 2, Gravettian, Kostenki-Avdeevo culture.

REFERENCES

- Amirkhanov H. A., 2000. Zarayskaya stoyanka [Zaraysk camp site]. Moscow: Nauchnyy mir. 248 p.
- Amirkhanov H. A., Lev S. Yu., 2003. Statuetka bizona iz Zarayskoy stoyanki: arkheologicheskii i znakovno-simvolicheskii aspekt izucheniya [The statuette of bison from the Zaraisk camp site: archaeological and semantic aspects of study]. *RA*, 1, pp. 14–28.
- Amirkhanov H. A., Lev S. Yu., 2007. Novyye proizvedeniya paleoliticheskogo iskusstva s Zarayskoy stoyanki [New finds of Palaeolithic art from Zaraisk]. *RA*, 1, pp. 22–35.
- Amirkhanov H. A., Lev S. Yu., 2009. Proizvedeniya paleoliticheskogo iskusstva stoyanki Zaraysk A [Pieces of Palaeolithic art from Zaraysk A camp site]. Amirkhanov H. A., Akhmetgaleyeva N. B., Buzhilova A. P., Burova N. D., Lev S. Yu., Mashchenko E. N. *Issledovaniya paleolita v Zarayske. 1999–2005 [Palaeolithic studies in Zaraysk. 1999–2005]*. Moscow: Paleograf, pp. 289–339.
- Bulochnikova E. V., 2007. Yamy novogo zhilogo ob'yekta Avdeyevo [Pits at new habitation site Avdeyevo]. *Problemy arkheologii kamennogo veka (k yubileyu M. D. Gvozdover) [Issues of Stone Age archaeology (towards jubilee of M. D. Gvozdover)]*. N. B. Leonova, E. V. Leonova, eds. Moscow: Dom evreyskoy knigi, pp. 170–188.
- Dyupyui D., 2016. Zhenskiye vostochno-gravettiyskiye statuetki iz izvestnyaka so stoyanki Kostenki I [Female east-gravettian statuettes made of limestone from Kostenki I settlement]. *Verkhniy paleolit: obrazy, simvoly, znaki: katalog predmetov iskusstva malykh form i unikal'nykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkheologicheskogo sobraniya MAE RAN [Upper Palaeolithic: images, symbols, signs: catalogue of Upper Palaeolithic pieces of portable art and unique finds from archaeological of MAE RAN]*. G. A. Khlopachev, ed. St. Petersburg: Ekstraprint, pp. 338–353.
- Efimenko P. P., 1931. Znachenie zhenshchiny v orin'akskuyu epokhu [Significance of woman in Aurignac epoch]. Moscow: Ogiz. 73 p. (Izvestiya GAIMK, vol. II, iss. 3–4.)
- Efimenko P. P., 1958. Kostenki I [Kostenki I]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 485 p.
- Gavrilov K. N., 2008. Verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Khotylevo 2 [Upper Palaeolithic camp site Khotylevo 2]. Moscow: Taus. 256 p.
- Gavrilov K. N., 2011. Novyye proizvedeniya iskusstva malykh form iz raskopok stoyanki Khotylevo 2 (punkt V) [New objects of minor arts from excavations of the Khotylevo 2 station (point V)]. *KSIA*, 225, pp. 231–239.
- Gavrilov K. N., 2012. Dvoynaya statuetka iz raskopok stoyanki Khotylevo 2: kontekst, ikonografiya, kompozitsiya [Double statuette from Khotylevo 2: context, iconography, composition]. *SP*, 1, pp. 279–292.
- Gavrilov K. N., 2015. Arkheologicheskii kontekst novykh radiouglerodnykh datirovok stoyanki Khotylevo 2, punkt V [Archaeological context of new radiocarbon dates from Khotylevo 2 station (point V)]. *Drevniye kul'tury Vostochnoy Evropy: etalonnnye pamyatniki i opornyye kompleksy v kontekste sovremennykh arkheologicheskikh issledovaniy [Early cultures of Eastern Europe: reference sites and basic complexes in context of contemporary archaeological investigations]*. G. A. Khlopachev, ed. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 103–112. (Zamyatninskiy sbornik, 4.)
- Gavrilov K. N., 2018. Tipologiya, ikonografiya i arkheologicheskii kontekst zhenskikh statuetok vostochnogo gravetta Russkoy ravniny [Typology, iconography and archaeological context of female statuettes in eastern Gravette of Russian plain]. *Vestnik MGU. Seriya XXIII: Antropologiya [Bulletin of MGU. Series XXIII: Anthropology]*, 4, pp. 93–109.
- Gavrilov K. N., Khlopachev G. A., 2018. Novaya zhenskaya statuetka so stoyanki Khotylevo 2: izobrazitel'nyy kanon i arkheologicheskii kontekst [New female figurine from camp site Khotylevo 2: pictorial canon and archaeological context]. *Camera Praehistorica*, 1 (1), pp. 8–23.
- Gavrilov K. N., Lev S. Yu., 2017. Paleoliticheskaya Danaya: shedevr iz raskopok Khotylevo 2, 2016 g. [Paleolithic Danae: a masterpiece from the 2016 excavations at Khotylevo 2]. *KSIA*, 249, pp. 42–49.
- Gvozdover M. D., 1985a. Ornament na podelkakh kostenkovskoy kul'tury [Ornament of artifacts of Kostenki culture]. *SA*, 1, pp. 9–22.
- Gvozdover M. D., 1985b. Tipologiya zhenskikh statuetok kostenkovskoy paleoliticheskoy kul'tury [Typology of female statuettes of Kostenki Palaeolithic culture]. *Voprosy antropologii [Issues of Anthropology]*, 75, pp. 27–66.
- Gvozdover M. D., 1987. Arkheologicheskii kontekst zhenskikh statuetok kostenkovskoy kul'tury [Archaeological context of female statuettes of Kostenki culture]. *Problemy interpretatsii arkheologicheskikh*

- istochnikov [Issues of interpretation of archaeological data sources]*. T. B. Turgiyev, ed. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy gos. universitet, pp. 18–33.
- Khlopachev G. A., 2006. Bivnevyye industrii verkhnego paleolita Vostochnoy Evropy [Tusk industries of Upper Palaeolithic of Eastern Europe]. St. Petersburg: Nauka. 262 p.
- Praslov N. D., 2009. Kostenki – zhemchuzhina russkogo paleolita [Kostenki – a gem of Russian Palaeolithic]. *Zver' i chelovek. Drevneye izobrazitel'noye tvorchestvo Evrazii [Beast and man. Early pictorial creativity in Eurasia]*. St. Petersburg: GE, pp. 17–24. (Trudy GE, 44.)
- Tarasov L. M., 1979. Gagarinskaya stoyanka i ee mesto v paleolite Evropy [Gagarino station and its position in Europe's Palaeolithic]. Leningrad: Nauka. 168 p.
- Voskresenskaya E. V., Gavrilov K. N., 2006. Novyy kompleks verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Khotylevo 2 [New complex at the Upper Palaeolithic station Khotylevo 2]. *Desninskiye drevnosti [Desna antiquities]*, IV. Bryansk: Bryanskiy gosudarstvennyy ob"yedinennyy krayevedcheskiy muzey, pp. 135–149.
- Zamyatnin S. N., 1935. Raskopki u s. Gagarina (Verkhov'ya Dona, TsChO) [Excavations near village Gagarino (Don upper reaches, Central Chernozem Region)]. *Paleolit SSSR: Materialy po istorii dorodovogo obshchestva [Palaeolithic of the USSR: Materials for the history of pre-tribal society]*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo, pp. 26–77. (Izvestiya GAIMK, 118.)
- Zamyatnin S. N., 1961. Pamyatniki izobrazitel'nogo iskusstva epokhi paleolita i ikh znacheniye dlya problemy proiskhozhdeniya iskusstva [Monuments of Palaeolithic pictorial art and their significance for the problem of origins of arts]. *Zamyatnin S. N. Ocherki po paleolitu [Essays on Palaeolithic]*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 43–65.
- Zavernyayev F. M., 1978. Antropomorfnyaya skul'ptura Khotylevskoy verkhnepaleoliticheskoy stoyanki [Anthropomorphic sculpture of Khotylevo Upper Palaeolithic station]. *SA*, 4, pp. 145–161.
- Zavernyayev F. M., 1987. Tekhnika obrabotki kosti iz Khotylevskoy verkhnepaleoliticheskoy stoyanki [Bone working technique at Khotylevo Upper Palaeolithic station]. *SA*, 3, pp. 111–130.

About the author

Gavrilov Konstantin N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

О. С. Советова, О. О. Шишкина

АНТРОПОМОРФНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В РАННЕМ ПЛАСТЕ ПЕТРОГЛИФОВ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ¹

Резюме. Дискуссионной проблемой в изучении памятников наскального искусства Минусинской котловины является атрибуция самого раннего пласта петроглифов. Исследователи при анализе древнейших петроглифов этого региона в основном обращаются к реалистичным изображениям животных в «минусинском», «ангарском», «смешанном» стилях. Но с ранним пластом соотносится и серия изображений различных антропоморфных фигур. В данной статье авторы попытались выделить группы таких антропоморфных персонажей. В результате анализа выявленных недавно палимпсестов было выделено две группы изображений, которые были созданы еще до изображений животных, – это «рогатые» человечки (рис. 1: 11–21), «кеглообразные» фигуры, которые в свою очередь были разделены на «крупнотелых» (рис. 1: 4–10) и «узкотелых» (рис. 1: 1–3). Таким образом определено, что самыми ранними в наскальном искусстве Минусинской котловины были изображения людей, которые нередко перекрывались фигурами животных.

Ключевые слова: петроглифы, минусинский и ангарский стили, антропоморфные персонажи, палимпсесты, Минусинская котловина, древнейший пласт.

Уже на протяжении многих лет не утихает дискуссия об атрибуции самых ранних рисунков на памятниках наскального искусства Минусинской котловины, но с этим пластом соотносят, главным образом, серию животных, выполненных в особой манере. Мнения относительно их датировки самые разные: от неолита, не исключая, по Я. А. Шеру, и «верхнепалеолитический» возраст (Шер, 1980. С. 193), до афанасьевской культуры энеолита (Русакова, 2005. С. 215; Есин, 2010. С. 73), а возможно, и эпохи бронзы (Ковтун, 2001. С. 48).

---

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ № 118-09-40089 «Наскальное искусство Тепсейского микрорайона в контексте археологических материалов».

К сожалению, несмотря на длительность изучения этих петроглифов, прорывных доказательств пока нет ни у тех, кто рисунки удревяет, ни у их оппонентов. Доказательная база исследователей строится главным образом на анализе стиля, палимпсестов, а в последнее время и данных трасологии. Серия животных, отличающихся удивительной реалистичностью и характерными стилистическими особенностями, была проанализирована Н. Л. Подольским, который выделил «минусинскую» и «ангарскую» изобразительные традиции (*Подольский, 1973. С. 270–272*). Позднее Е. А. Миклашевич были определены и изображения, выполненные в так называемом смешанном (или «переходном») стиле. При этом исследовательница отметила, что среди всех этих изображений наблюдается множество вариаций, и если в целом набор образов достаточно стабилен – олени, лоси, быки, лошади, бараны, козероги, косули, кабаны и др., среди «минусинских» изображений преобладает олень, среди «ангарских» – лось, а среди «переходных» – лошади и быки (*Миклашевич, 2015. С. 67*). Изредка встречаются и иные персонажи: рыбы, лодки. Если раньше отмечалось, что ранние петроглифы тяготеют главным образом к прибрежным скалам, в последние годы такие рисунки выявлены также и на высоких точках горных массивов Оглахты, Суханихи, Моисеихи, Шалаболино, Тепсея и Усть-Тубы, Георгиевской, в Черемушном логу, на Каратаге, Боярских писаницах и др.

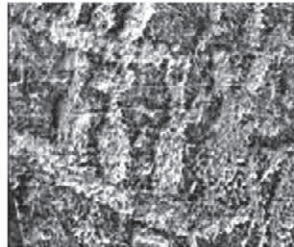
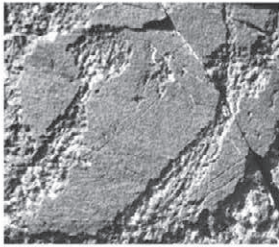
Еще одна группа ранних изображений, возможно, не столь выразительных, как крупные, эстетически привлекательные фигуры животных, представлена антропоморфными персонажами. Как правило, на скальной плоскости фигуры животных выделяются своими размерами, тогда как антропоморфные персонажи чаще всего невелики. Но и они очень разнообразны и по-своему выразительны: это и «пассажиры» в лодках, и адоранты, «ряженные», «пляшущие человечки», а также некие безрукие фигуры, среди которых встречаются персонажи на небольших ножках, «кеглеобразные», и прочие. Композиции с антропоморфными персонажами придают сценам определенное «звучание», усложняют их контекст. Одна из проблем, которая достаточно активно разрабатывается в последние годы, – изучение палимпсестов, т. е. определение последовательности нанесения изображений (стратиграфии рисунков). Важное значение имеет и анализ палимпсестов с зоо- или антропоморфными персонажами, который может помочь ответить на вопрос, какие из рисунков были созданы раньше.

Вопрос о ранних антропоморфных изображениях в свое время поднимался Я. А. Шером, который обратил внимание на сравнительно небольшую группу антропоморфных фигур, так называемых «рогатых человечков», которую он соотнес с одним из «самых ранних этапов истории Минусинской котловины» (*Шер, 1980. С. 193*). Такие персонажи выявлены на скалах Оглахты, Черемушного лога, Усть-Тубы и др. комплексов. Им были определены некоторые закономерности для обоснования датировки этой серии рисунков, а именно «привязанность» к совершенно определенным плоскостям, на которых есть рисунки животных, отнесенные им к заключительному этапу каменного века; они всегда выбиты на чистых плоскостях, не занятых более ранними рисунками; выбиты они каменным инструментом. Из иконографических признаков – «рогатый» головной убор, некоторые из этих персонажей держат на уровне живота какой-то

длинный стержень в горизонтальном положении (рис. 1: 15–21). Иногда такой же стержень встречается у аналогичных человечков, у которых рога отсутствуют. Для всех фигур характерна поза танца. Иногда у рогатого танцующего в руках может быть другой предмет типа булавы или топора, палки (Шер, 1980. Рис. 106. Табл. VI: 11, 12; и др.). При этом Я. А. Шер отмечал, что подобные фигуры находят аналогии в наскальном искусстве Ангары, на Байкале, Томской писанице, т. е. круг аналогий для «рогатых человечков» Среднего Енисея тот же, что и для рисунков ангарского стиля. Иконографически же минусинские «рогатые человечки» наибольшую близость имеют с рисунками бухты Саган-Заба на Байкале. Совокупность выделенных Я. А. Шером черт сходства позволили объединить данную группу антропоморфных фигур с наиболее ранними рисунками животных «минусинской традиции» и «ангарского стиля» и считать их древнейшими на Среднем Енисее изображениями людей или мифических существ (Там же. С. 194). Подтверждением предположений, высказанных Я. А. Шером, является анализ палимпсестов Шалаболинской писаницы, выполненный А. Л. Заикой. Изучив некоторые из них, он определил, что «рогатые человечки» (безрукие и с ручками-рудиментами), которых на одной из плоскостей перекрывают лоси, выполненные в ангарском стиле, относятся к самой ранней группе изображений (Заика, 2007. Рис. 15). Недавно совместно с Л. В. Зоткиной им были проведены подробные стратиграфический и трасологический анализы изображений плоскости № 10 участка 4 и определено, что наиболее древний, т. е. «нижний», пласт петроглифов занимает основную площадь плоскости и представлен антропоморфными фигурами, показанными в различном ракурсе (рис. 1: 11–14), и лишь следующий пласт рисунков связан с зооморфными образами, выполненными в традиции «минусинского» стиля (Заика, Зоткина, 2018. С. 48). Таким образом, гипотеза Я. А. Шера может быть подтверждена.

Подобные антропоморфные персонажи встречаются на многих памятниках Минусинской котловины (на Тепсее и Усть-Тубе, Оглахтах, на других участках Шалаболинской писаницы, в Черемушном логу) и по аналогии могут также быть отнесены к самой ранней группе изображений (рис. 1). Рисунки разновариантны, но при этом у совсем разных, казалось бы, фигур обнаружены схожие элементы. Так, например, у двух бегущих фигур с Шалаболинской плоскости на боках имеются своеобразные «хвосты» (рис. 1: 15–21). Можно предположить, что это такие же булавы, какие показаны у танцующих «рогатых человечков», о которых упоминал Я. А. Шер. Подобный «хвост» изображен также у одной из антропоморфных рогатых фигур Кадинской писаницы (Заика, 2009. Рис. 1.21), отнесенной А. П. Окладниковым к эпохе неолита (Окладников, 1966. Рис. 18).

Следует обратить внимание на еще одну любопытную группу антропоморфных фигур, условно названных «кеглеобразными», которые совсем недавно стали объектом внимания исследователей. Они встречаются на многих памятниках наскального искусства рассматриваемого региона в сочетании с другими персонажами (в том числе как пассажиры в лодках), а также отдельно. Условно их можно разделить на «узкотелых» и «крупнотелых». Их объединяют манера изображения округлых «голов» на длинных шеях и кеглеобразный корпус (вариации различны). Фотографию микалентной копии с такими кеглевидными фигурами с Майдашинской писаницы опубликовала недавно Е. А. Миклашевич

(Миклашевич, 2015). Она писала, что среди рисунков этого памятника встречаются пассажиры в лодках, одни из которых «изображены схематично в виде черточек, на других же показаны необычным образом: в виде “кеглеобразных” фигур с большими круглыми головами» (рис. 1: 2). «Похожие антропоморфные фигуры с прямоугольными контурными туловищами изображены в ряд, но без лодки» (рис. 1: 4). «Они пересекаются с линиями фигуры животного в минусинском стиле». Причем исследовательница не отрицает, что, скорее всего, антропоморфные фигуры выполнены раньше изображения животного (Там же. С. 69). Это очень важное наблюдение, так как среди петроглифов Усть-Тубы также имеются подобные «кеглеобразные» фигуры, явно перекрытые фигурами животных (Там же. С. 69. Рис. 4: 2). Вот на этой группе рисунков мы бы хотели остановиться чуть подробнее. Е. А. Миклашевич отметила рисунки двух памятников: Майдашинской писаницы и Усть-Тубы (рис. 1: 1, 2, 4). Еще один важный палимпсест зафиксирован в 2002 г. А. Л. Заикой на Шалаболинской писанице (уч. 1а, пл. 8), где кеглеобразная фигура перекрыта рисунками, выполненными в окуневской изобразительной традиции (рис. 1: 10) (Заика, 2019. Рис. 2). Анализ особенностей фигур этих памятников позволяет выделить ряд важных элементов. «Узкотелье» персонажи, как правило, показаны без рук, иногда с длинными вытянутыми шеями и округлыми головами. Из-за особенностей их передачи, в том числе перекрывания другими фигурами, мы не знаем, изображались ли у них ноги. Возможно, они могли быть, как, например, у одной из фигур Усть-Тубы, запечатленной в сцене, расположенной у уреза современного уровня воды и обнажающейся в летний период (рис. 1: 3). Но иногда они показаны как будто бы в одежде (Шалаболино), под которой руки и спрятаны. Можно отметить пусть и очень отдаленную аналогию с памятника наскального искусства в Хорсшу-Каньоне (штат Юта, США), где изображена выполненная краской сцена со множеством похожих «кеглеобразных» персонажей, облаченных в однотонные и узорчатые одежды и представляющих, очевидно, исполнителей какого-то ритуала (Schaafsma, 1994. P. 47–49. Fig. 4–10). Известны также фигуры с аморфным туловищем, напоминающим кеглеобразные «тонкотелье», в петроглифах Нижней Ангары, Алтая, Якутии (Заика, 2012. Рис. 9). У этих изображений полностью или частично отсутствуют конечности, а у некоторых из них контуры нижней части и вовсе расплывчатые (Там же. С. 66).

«Полнотелье» персонажи еще более разнообразны. Корпус у них может быть выполнен и контурно, и силуэтно. Прямоугольные фигуры из майдашинской сцены сопоставимы с одной из фигур пункта Тепсей I, опубликованной в свое время Я. А. Шером (Blednova et al., 1995. Pl. 15), но обнаруженной

**Рис. 1 (с. 128). Антропоморфные персонажи
в раннем пласте петроглифов Минусинской котловины**

1, 3, 15, 20 – Усть-Туба III; 2, 4 – Майдашинская писаница; 5 – Тепсей I; 6, 7 – Оглахты I; 8 – Бычиха; 9–14, 19, 21 – Шалаболинская писаница; 16, 18 – Черемушный лог; 17 – Оглахты

1, 2, 4 – по: Миклашевич, 2015; 3, 5 – прорисовка авторов; 6, 7, 15–18, 20 – по: Sher et al., 1994; 8 – прорисовка Е. А. Миклашевич; 9 – по: Конохов и др., 2020; 10 – по: Заика, 2019; 11–14 – по: Заика, Зоткина, 2018; 19 – по: Пяткин, Мартынов, 1985; 21 – по: Заика, 2009

и задокументированной нами лишь в полевой сезон исследований 2019 г. (она находится довольно высоко, и к ней в настоящее время практически нет подхода из-за осыпей). Это силуэтная фигура квадратной формы. У нее округлая голова на расширяющейся к корпусу шее, в верхней части корпуса тонкими линиями прорисованы небольшие ручки, согнутые в локтях и опущенные от локтя вниз (рис. 1: 5). К этой же группе можно отнести изображения горы Оглахты и Бычихи (рис. 1: 6–8). Чаще всего у этих фигур есть общие элементы: округлая голова на расширяющейся к корпусу шее, на которой имеются небольшие треугольные выступы-отростки (?), плечи. В остальном они достаточно разнообразны: у тепсейской корпус квадратный силуэтный, причем тонкими линиями прорисованы ручки, а оглахтинская фигура вообще напоминает нож (Советова, 2012. Рис. 1.10) (рис. 1: 7). По-разному у них изображена нижняя часть: она либо вообще не сомкнута (майдашинские фигуры), либо имеет прямой срез (Тепсей I), либо заострена (Оглахты, Бычиха). На скалах Оглахты присутствуют и другие силуэтные фигуры, имеющие некоторое сходство с рассматриваемой группой фигур, только «отростки» на шеях у них несколько иные (рис. 1: 6). Семантика всех этих изображений крайне затруднительна.

Таким образом, можно констатировать, что довольно много разнообразных, судя по всему, антропоморфных изображений (так называемых «рогатых человечков», человечков с руками-рудиментами, безруких, кеглеобразных фигур во всем их многообразии) было нанесено на скалы еще до того, как были выбиты зооморфные фигуры «минусинского» и «ангарского» стилей, что и подтверждается, прежде всего, случаями перекрытия их фигурами животных. Но этими изображениями репертуар ранних рисунков явно не ограничивается. Не исключено, что многие изображения лодок с находящимися в них пассажирами также могут быть отнесены к раннему пласту наскальных рисунков (рис. 1: 9), другое дело, что случаи палимпсестов с лодками нам неизвестны. Пока мы лишь констатируем, что самыми ранними в наскальном искусстве Минусинской котловины были изображения людей (или мифических существ?), запечатленных в подвижных позах, иногда с предметами в руках, иногда вообще без рук, с округлыми корпусами, в длинных или коротких одеждах типа бурки, в рогатых головных уборах (причем не только с бычьими рогами, но и, например, с оленьими), и т. п., и эти персонажи нередко перекрывались уже совсем иными образами, которые, очевидно, становились для человека более значимыми, – фигурами животных. В какую эпоху это происходило и каков был временной разрыв между их нанесением на скалы – сказать пока невозможно. Не исключено, что это могло происходить как в пределах одной эпохи, так и намного позднее, о чем можно судить, например, по одному из отмеченных палимпсестов Шалаболинской писаницы, где кеглеобразная фигура перекрыта изображениями окуневской традиции. Дальнейший стилистический анализ значительной выборки палимпсестов с применением методов трасологии – пока единственная возможность для хронологической атрибуции серии ранних изображений Минусинской котловины.

ЛИТЕРАТУРА

- Есин Ю. Н., 2010. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник / Отв. ред.: Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука. С. 53–73.
- Заика А. Л., 2007. Петроглифы из-под руин. Шалаболинская писаница // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 3. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. С. 24–38.
- Заика А. Л., 2009. Антропоморфные личины и «Неолитическая революция» в культуре древних народов Северной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. Т. 8. Вып. 3. С. 98–112.
- Заика А. Л., 2012. Личины в наскальном искусстве нижней Ангары // АЭАЕ. № 1 (49). С. 62–75.
- Заика А. Л., 2019. О стратиграфии антропоморфных образов в окуневском искусстве (на примере Шалаболинской писаницы) // Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыянова / Отв. ред. Т. А. Ключников. Минусинск. С. 82–96.
- Заика А. Л., Зоткина Л. В., 2018. Относительная хронология Шалаболинских петроглифов (результаты анализа палимпсестов на Центральном участке писаницы) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 8. С. 45–55.
- Ковтун И. В., 2001. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии (Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 184 с.
- Корохов В. А., Ермаков Т. К., Заика А. Л., 2020. Изображения лодок в петроглифах Шалаболинской писаницы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://музей-мартыянова.рф/?mode=kraevedenie-memorial-archeology-artifacts&id=235> (дата обращения: 01.02.2020).
- Миклашевич Е. А., 2015. Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». Вып. 2. С. 66–78.
- Окладников А. П., 1966. *Петроглифы Ангары*. М.; Л.: Наука. 322 с.
- Подольский Н. Л., 1973. О принципах датировки наскальных изображений // СА. № 3. С. 265–275.
- Пяткин Б. Н., Мартынов А. И., 1985. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Красноярский гос. ун-т. 192 с.
- Русакова И. Д., 2005. К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины // Мир наскального искусства: сб. докл. междунар. конф. / Отв. ред. Е. Г. Дэвлет. М.: ИА РАН. С. 214–218.
- Советова О. С., 2012. Об одном спорном изображении кинжала из Оглахты I // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы междунар. научной конф., посв. 110-летию со дня рожд. М. П. Грязнова. Кн. I / Отв. ред. В. А. Алёшкин. СПб.: ИИМК РАН: Периферия. С. 267–272.
- Шер Я. А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука. 328 с.
- Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P., 1995. Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris: Diffusion de Bocard. 246 p. (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; fasc. 2.) (Mémoires de la Mission archéologique française en Asie centrale; vol. 5, 2.)
- Schaafsma P., 1994. Trance and Transformation in the Canyons: Shamanism and Early Rock Art on the Colorado Plateau // Shamanism and Rock Art in North America (Special publication 1). San Antonio, Texas: Rock Art Foundation. P. 45–71.
- Sher J. A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D., 1994. Sibérie du Sud 1: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Paris: Diffusion de Bocard. 156 p. (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; fasc. 1.) (Mémoires de la Mission archéologique française en Asie centrale; vol. 5, 1.)

Сведения об авторах

Советова Ольга Сергеевна, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; e-mail: olgasovetova@yandex.ru;

Шишкина Ольга Олеговна, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; e-mail: olgashishkina145@gmail.com

O. S. Sovetova, O. O. Shishkina

ANTHROPOMORPHIC FIGURES
IN THE EARLY LAYER OF PETROGLYPHS
OF THE MINUSINSK DEPRESSION

Abstract. The attribution of the earliest layer of petroglyphs is an open issue. Analyzing the earliest petroglyphs in this region, scholars mostly deal with realistic images of animals in the so called Minusinsk, Angara and mixed styles. However, a series of images of various anthropomorphic figures is also correlated with the earliest layer. In this paper the authors attempted to identify the groups of such anthropomorphic figures. As a result of the analysis of recently discovered palimpsests, two groups of images were identified that were created even before the images of animals: a group of «horned» little human figures (Fig. 1: 11–21) and a group of pin-shaped figures. The latter, in their turn were divided into large-sized (Fig. 1: 4–10) and narrow-bodied (Fig. 1: 1–3). Thus, it was determined that the earliest rock paintings in the Minusinsk Depression were images of people who were often overlapped by animal figures.

Keywords: petroglyphs, Minusinsk and Angara styles, anthropomorphic figures, palimpsests, Minusinsk Depression, earliest layer.

REFERENCES

- Esin Yu. N., 2010. Problemy vydeleniya izobrazheniy afanas'yevskoy kul'tury v naskal'nom iskusstve Minusinskoj kotloviny [Issues of singling out images of Afanas'yevo culture in rock art of Minusinsk depression]. *Afanas'yevskiy sbornik [Afanas'yevo annual]*. N. F. Stepanova, A. V. Polyakov, eds. Barnaul: Azbuka, pp. 53–73.
- Konokhov V. A., Ermakov T. K., Zaika A. L., 2020. Izobrazheniya lodok v petroglifakh Shalabolinskoj pisanitsy (Elektronnyy resurs) [Boat images in petroglyphs of Shalabolino pisanitsa (Electronic resource)]. URL: <https://музей-мартьянова.рф/?mode=kraevedenie-memorial-archeology-artifacts&id=235>
- Kovtun I. V., 2001. Izobrazitel'nyye traditsii epokhi bronzy Tsentral'noy i Severo-Zapadnoy Azii. (Problemy genezisa i khronologii ikonograficheskikh kompleksov severo-zapadnogo Sayano-Altaya) [Pictorial traditions of Bronze Age in Central and Northwestern Asia (Issues of origins and chronology of iconographic complexes of Northwestern Sayan-Altai)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 184 p.
- Miklashevich E. A., 2015. Drevneyshiy naskal'nyye izobrazheniya Minusinskoj kotloviny: problemy i perspektivy issledovaniya [Earliest rock images of Minusinsk depression: problems and perspectives of research]. *Uchenyye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» [Scientific notes of museum-reserve «Tomskaya pisanitsa»]*, 2. Kemerovo, pp. 66–78.
- Okladnikov A. P., 1966. Petroglify Angary [Angara petroglyphs]. Moscow; Leningrad: Nauka. 322 p.
- Podol'skiy N. L., 1973. O printsipakh datirovki naskal'nykh izobrazheniy [On principles of dating rock images]. *SA*, 3, pp. 265–275.
- Pyatkin B. N., Martynov A. I., 1985. Shalabolinskoe petroglify [Shalabolino petroglyphs]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gos. universitet. 192 p.
- Rusakova I. D., 2005. K voprosu o khronologii drevneyshikh petroglifov Minusinskoj kotloviny [On issue of chronology of earliest petroglyphs in Minusinsk depression]. *Mir naskal'nogo iskusstva [World of rock art]*. E. G. Devlet, ed. Moscow: IA RAN, pp. 214–218.
- Sher Ya. A., 1980. Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Nauka. 328 p.
- Sovetova O. S., 2012. Ob odnom spornom izobrazhenii kinzhala iz Oglakhty I [On one debatable image of dagger from Oglakhty I]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystviye s drevnimi tsivilizatsiyami*

- [*Cultures of steppe Asia and their interaction with early civilizations*], 1. V. A. Alekshin, ed. St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiya, pp. 267–272.
- Zaika A. L., 2007. Petroglify iz-pod ruin. Shalabolinskaya pisanitsa [Petroglyphs from under ruins. Shalabolino pisanitsa]. *Eniseyskaya provintsiya: Al'manakh [Yenisei province: Annual]*, 3. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gos. pedagogicheskiy universitet imeni V. P. Astaf'yeva, pp. 24–38.
- Zaika A. L., 2009. Antropomorfnyye lichiny i «Neoliticheskaya revolyutsiya» v kul'ture drevnikh narodov Severnoy Azii [Face images and «Neolithic revolution» in culture of ancient peoples of North Asia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya [Bulletin of Novosibirsk state university. Ser.: History. Philology]*, vol. 8, iss. 3, pp. 98–112.
- Zaika A. L., 2012. Lichiny v naskal'nom iskusstve nizhney Angary [Face images in Lower Angara rock art]. *AEAE*, 1 (49), pp. 62–75.
- Zaika A. L., 2019. O stratigrafii antropomorfnykh obrazov v okunevskom iskusstve (na primere Shalabolinskoy pisanitsy) [On stratigraphy of anthropomorphic images in Okunevo art (on example of Shalabolino pisanitsa)]. *Uchenyye zapiski Minusinskogo krayevedcheskogo muzeya imeni N. M. Mart'yanova [Scientific notes of N. M. Mart'yanov Minusinsk museum of local lore]*. T. A. Klyuchnikov, ed. Minusinsk, pp. 82–96.
- Zaika A. L., Zotkina L. V., 2018. Otnositel'naya khronologiya Shalabolinskikh petroglifov (rezul'taty analiza palimpsestov na Tsentral'nom uchastke pisanitsy) [Relative chronology of Shalabolino petroglyphs (results of analysis of palimpsests in the pisanitsa Central area)]. *Uchenyye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa» [Scientific notes of museum-reserve «Tomskaya Pisanitsa»]*, 8. Kemerovo, pp. 45–55.

About of authors

Sovetova Ol'ga S., Kemerovo State University, Krasnaya str., 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: olgasovetova@yandex.ru;

Shishkina Ol'ga O. Kemerovo State University, Krasnaya str., 6, Kemerovo, 650000, Russian Federation; e-mail: olgashishkina145@gmail.com

В. И. Молодин, Л. В. Зоткина, К. Кретэн,
Д. В. Черемисин, Н. Батболд, Д. Цэвээндорж

ПАЛИМПСЕСТ С МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЦАГААН-САЛАА IV (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ): ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Резюме. Изучение палимпсестов является важным направлением в исследованиях наскального искусства, т. к. позволяет получить информацию об относительной датировке изображений, перекрывающих друг друга. В некоторых случаях можно датировать целые стилистические традиции, распространенные на определенной территории. Палимпсест пункта Цагаан-Салаа IV (Монгольский Алтай) является одной из самых сложных многофигурных композиций комплекса местонахождений наскального искусства Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа. На этой плоскости представлены фигуры, относящиеся к разным стилистическим традициям. Нашей задачей было по возможности точно реконструировать последовательность создания наскальных изображений этого палимпсеста. В ходе исследования были применены методы трасологического и сравнительно-стилистического анализа, документирование осуществлялось по методу фотограмметрии, результаты наблюдений при помощи микроскопа фиксировались в полевых условиях в технике прорисовки на прозрачную пленку. Удалось установить общую последовательность выполнения петроглифов многофигурной композиции Цагаан-Салаа IV. Для тех изображений, которые перекрывают друг друга, была установлена внутренняя относительная хронология.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, Цагаан-Салаа IV, петроглифы, палимпсест, относительная хронология, трасология, 3D.

Введение

Изучение палимпсестов в наскальном искусстве трудно переоценить. Особый интерес для исследователей представляют многофигурные композиции с петроглифами, отличающимися стилистически, по технологии нанесения, по сюжетам. Изучение подобных палимпсестов дает возможность установить внутреннюю «стратиграфию» памятника наскального искусства, что в совокупности

с анализом стиля позволяет приблизиться к определению культурно-хронологической атрибуции изображений. На ряде памятников Алтая такие исследования проводились для петроглифов эпохи бронзового и раннего железного века (*Черемисин, 1995; Молодин, Черемисин, 2002*).

Именно на основании исследования палимпсестов можно ставить вопрос о внутренней периодизации изображений в рамках памятника наскального искусства, о хронологических соотношениях петроглифов, выполненных в различной стилистической манере. Повторяемость таких данных может существенно пополнить аргументацию в пользу обоснования относительной хронологии того или иного стилистически фиксируемого пласта изображений в наскальном искусстве региона.

Особенно важно, когда палимпсест удалось изучить, уделяя особое внимание анализу наслоений изображений друг на друга, непосредственно на объекте при разном естественном и искусственном освещении, а не только по публикациям коллег. Такая работа была осуществлена группой исследователей из России, Монголии и Франции, составившей авторский коллектив настоящей работы. В 2017 г. нами была проведена специальная экспедиция в Северо-Западную Монголию (*Цэвээндорж и др., 2017*), основной целью которой было изучение древнейшего пласта наскальных изображений, выявленных в свое время Российско-Монгольско-Американской экспедицией под руководством В. Д. Кубарева, Д. Цэвээндоржа и Э. Якобсон и опубликованных в серии монографий во Франции и России (*Jacobson et al., 2001a; 2001b; Кубарев и др., 2005*). На памятниках Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур ряд фигур животных датированы каменным веком («stone age» и «pre-bronze age») на основании полевых наблюдений и стилистических критериев (см., например: *Jacobson et al., 2001a*. Р. 122).

Целенаправленные исследования, проведенные нами в регионе, позволили не только уточнить уже имеющиеся данные, но и выявить новые изображения раннего пласта и, в конечном итоге, атрибутировать их в рамках особого «калгутинского» стиля, существование которого мы связываем с концом плейстоцена (*Молодин и др., 2019a*). Исследования были продолжены в 2019 г. Их главной целью являлись не только углубленные разведки на разных участках горных массивов, но и продолжение поиска наиболее ранних петроглифов на уже открытых местонахождениях Цагаан-Салаа. В результате количество ранних изображений вновь пополнилось (*Молодин и др., 2019b*). Более того, была открыта серия палимпсестов, над которыми мы в настоящее время работаем.

Одной из задач, которую мы перед собой ставили, являлось специальное изучение замечательного палимпсеста, открытого еще в конце прошлого века нашими предшественниками (рис. 3: 1). К сожалению, были опубликованы только фотографии поверхности этого камня с петроглифами (*Jacobson et al., 2001b*. Р. 104. Pl. 129; *Кубарев и др., 2005*. С. 611. Фото 7). Рассматриваемый палимпсест является, вне всякого сомнения, одним из наиболее выдающихся из обнаруженных на сегодняшний день памятников этого района Монголии. Камень с рисунками расположен на территории Монгольского Алтая на склоне гор левого берега реки Цагаан-Салаа (рис. 1), на участке IV, по системе индексации первооткрывателя (*Кубарев и др., 2005*. С. 18, 19). Координаты палимпсеста

Рис. 1. Местонахождение пункта Цагаан-Салаа IV (Монгольский Алтай), а также памятников и пунктов со стилистическими аналогиями его петроглифам

40°19'28,9» северной широты и 088°21'44,0» восточной долготы. Высота камня над уровнем моря – 2433 м.

Эту многослойную композицию показал нам академик Д. Цэвэндорж на завершающей стадии работ экспедиции 2017 г. В ходе полевых исследований в 2017 и 2019 гг. изображения на камне были заново документированы, а участки пересечения петроглифов изучены трасологически. Научная значимость палимпсеста оказалась столь велика, что мы посвящаем результатам его анализа специальную работу.

Методы и оборудование

Подход к изучению палимпсеста памятника Цагаан-Салаа IV заключался в детальном рассмотрении и анализе всех участков перекрываний петроглифов. Исследование включало четыре этапа. В первую очередь была выполнена прорисовка изображений на прозрачную пленку с использованием лупы (увеличение $\times 5-10$), на ней были отражены все наблюдения, сделанные непосредственно на памятнике. Проведен анализ участков пересечений изображений при помощи бинокулярного микроскопа (Nikon NS 111470, увеличение $\times 20$).

Затем были выполнены трехмерные модели зон перекрываний петроглифов, а также нейтральных участков изображений, фиксируемых в палимпсесте. В последнем случае были выбраны такие фрагменты, где наиболее ярко выражены особенности пикетажа, характеризующие каждый петроглиф в целом. На основе полученных моделей были сделаны наблюдения, позволившие сопоставить следы выбивки на участках пересечений изображений и в зонах, не задействованных в перекрываниях. Такое сравнение на уровне следов дало возможность судить о последовательности выполнения рассматриваемых петроглифов. 3D-модели

были выполнены по методу фотограмметрии при помощи широкоформатной камеры Nikon D750 с объективом AF-S MICRO Nikkor 60 mm и кольцевой вспышкой.

Третий этап предполагал стилистический анализ петроглифов, т. к. его результаты играют важную роль в интерпретации полученных данных о последовательности создания палимпсеста. Сюда же входила работа с изображениями, которые не пересекаются с другими и которые довольно сложно отнести к тому или иному периоду относительной хронологии рассматриваемой плоскости. В некоторых случаях стилистические особенности позволяют судить о принадлежности петроглифов к определенной культурно-хронологической традиции.

И наконец, заключительный этап, связанный с обработкой полученной прорисовки в графическом редакторе (Corel Draw), предполагал интеграцию всей полученной информации в итоговый документ, наглядно демонстрирующий хронологическую последовательность нанесения петроглифов на рассматриваемую плоскость, а также контекст (естественные повреждения скалы: трещины, лишайники, следы движения ледника). Предложенный подход ранее был апробирован на материалах петроглифов Шалаболинской писаницы, расположенной в Минусинской котловине (Зоткина, 2019).

Результаты анализа участков перекрытий изображений

На плоскости зафиксировано пять участков пересечений петроглифов (рис. 2):

Голова лошади № 1 (рис. 3: 1), выполненной в «калгутинском» стиле, расположенной в левой части плоскости, перекрыта хвостом лошади № 3 (рис. 3: 3), стилистически близкой к изображениям эпохи бронзы (рис. 2: а);

голова малой лошади № 4 (рис. 3: 4) и передняя нога большой лошади № 3, отнесенных по стилистике к бронзовому веку, пересекают голову второй «калгутинской» лошади № 2 (рис. 3: 2), расположенной на плоскости справа (рис. 2: б);

голова большой лошади № 3, отнесенной к эпохе бронзы, пересекает линию спины второй «калгутинской» лошади № 2 (рис. 2: в);

передняя нога второй «калгутинской» лошади № 2 пересекается задними ногами лошади, выполненной в своеобразной «ступнеобразной» манере № 5 (рис. 2: г; 3: 5);

голова одного оленя № 6 (рис. 3: 6) и рога второго оленя № 7 (рис. 3: 7), пересекающиеся в правой нижней части плоскости (рис. 2: д).

Все отмеченные участки перекрытия изображений были проанализированы. Последнее, пятое, пересечение не требовало детального рассмотрения, в этом случае довольно четко фиксируется, что рога левого изображения оленя № 7 перекрывают голову правого № 6. Это хорошо заметно даже при простом осмотре, поэтому, на наш взгляд, указанный участок не требует специального подробного анализа.

Ниже даны описания участков пересечений с наиболее ярко выраженными характеристиками, позволяющими выделить последовательность выполнения изображений лошадей.

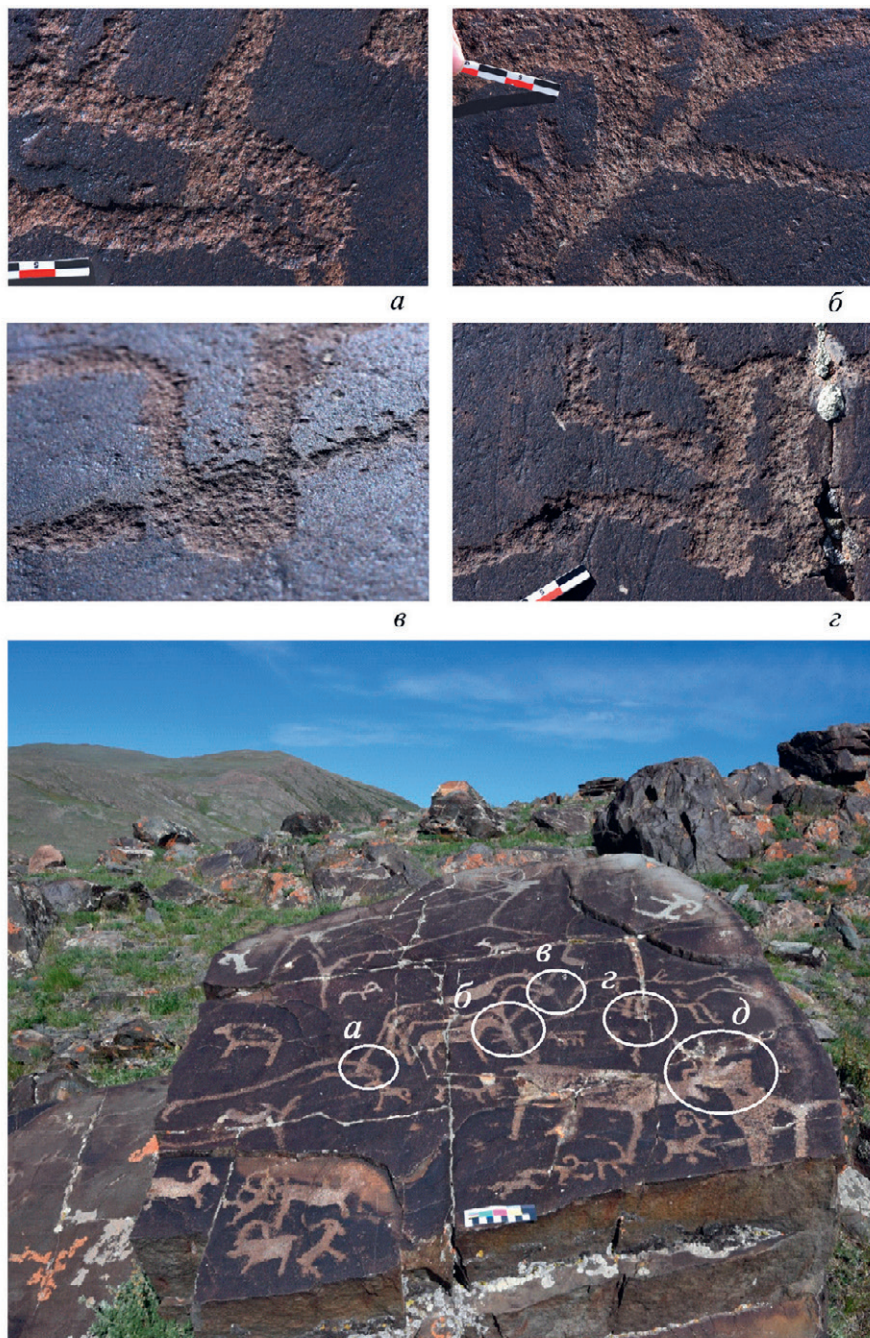
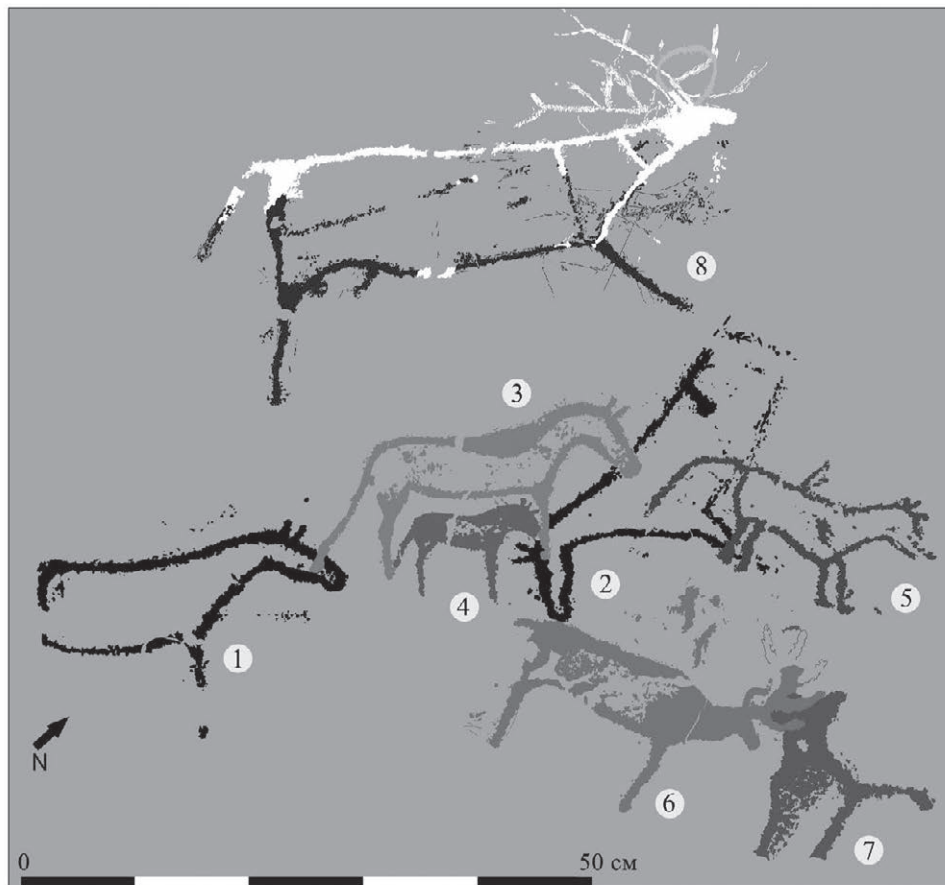

Рис. 2. Палимпсест Цагаан-Салаа IV. Расположение участков пересечений изображений (а, б, в, г, д) (фото внизу) и макрофотографии участков а, б, в, г (вверху)

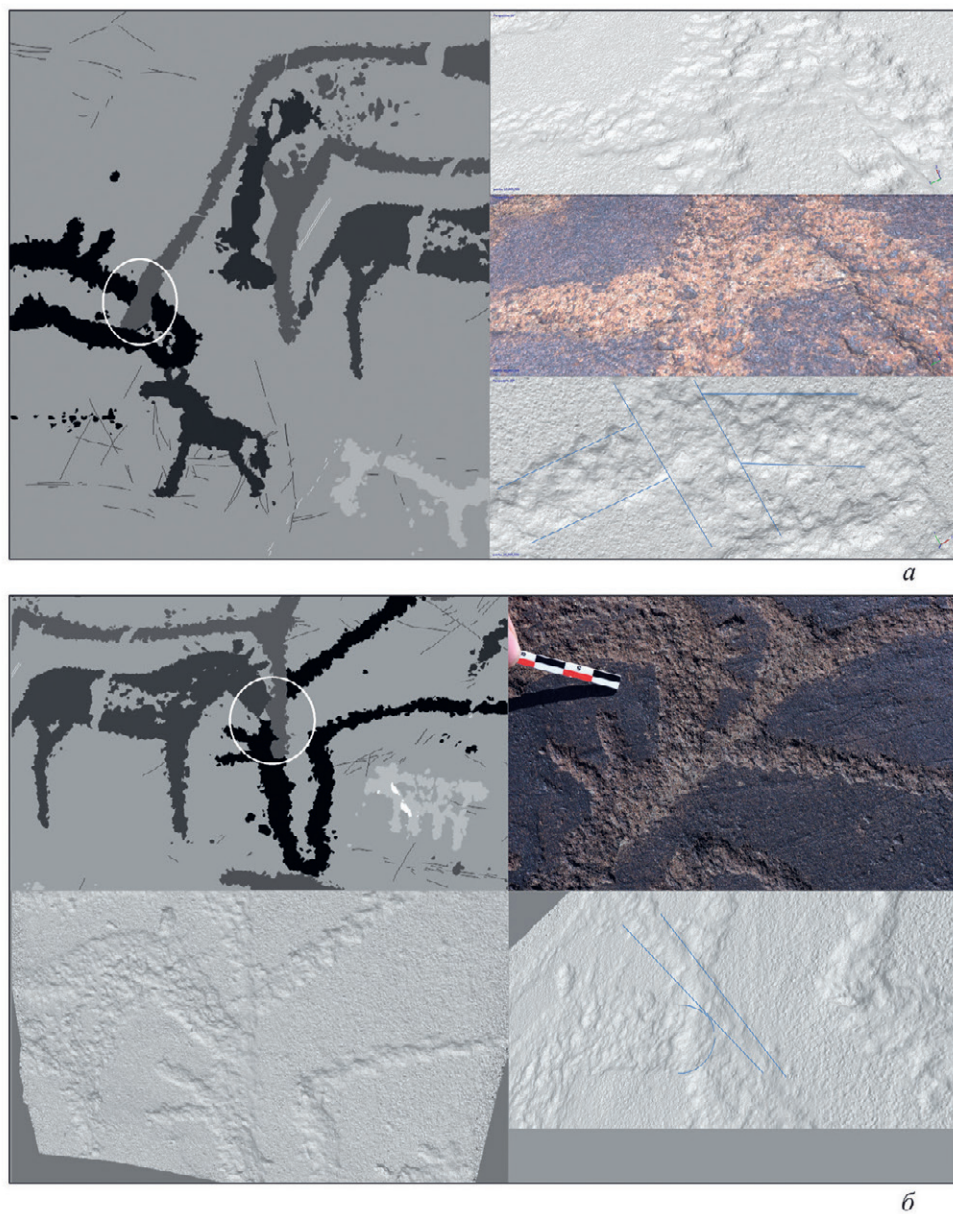

Рис. 3. Палимпсест Цагаан-Салаа IV.

Прорисовка петроглифов с нумерацией изображений, описанных в настоящей работе

1 – фигура лошади в «калгутинской» манере (слева); 2 – фигура лошади в «калгутинской» манере (справа); 3 – фигура большой лошади в чемурчекской манере; 4 – фигура малой лошади в чемурчекской манере; 5 – фигура лошади, копыта которой переданы в особой «ступнеобразной» манере; 6 – изображение оленя; 7 – фигура оленя, рога которого перекрывают изображение № 6; 8 – изображение марала, переоформленное в фигуру быка

Первое перекрывание можно охарактеризовать следующим образом (рис. 2: *a*; 4: *a*). Выбивка, которой выполнена левая «калгутинская» лошадь № 1, относительно глубокая, но при этом фиксируются мельчайшие участки необработанной поверхности. Для пикетажа лошади № 3, хвост которой перекрывает морду «калгутинской» № 1, свойственна некоторая сглаженность (рис. 4: *a*), следы выбоин, по сравнению с предыдущим вариантом, не столь выражены. Заполнение выбитой зоны лунками пикетажа более плотное и поверхностное. На участке пересечения линий этих изображений преобладает второй вариант модификации поверхности, выбивка выглядит более сглаженной и не имеет просветов (рис. 4: *a*). Таким

Рис. 4. Палимпсест Цагаан-Салаа IV. Перекрывание следов пикетажа с разными характеристиками на участках пересечений изображений (3D-макро)
a – участок перекрывания левой «калгутинской» лошади; *б* – участок перекрывания правой «калгутинской» лошади

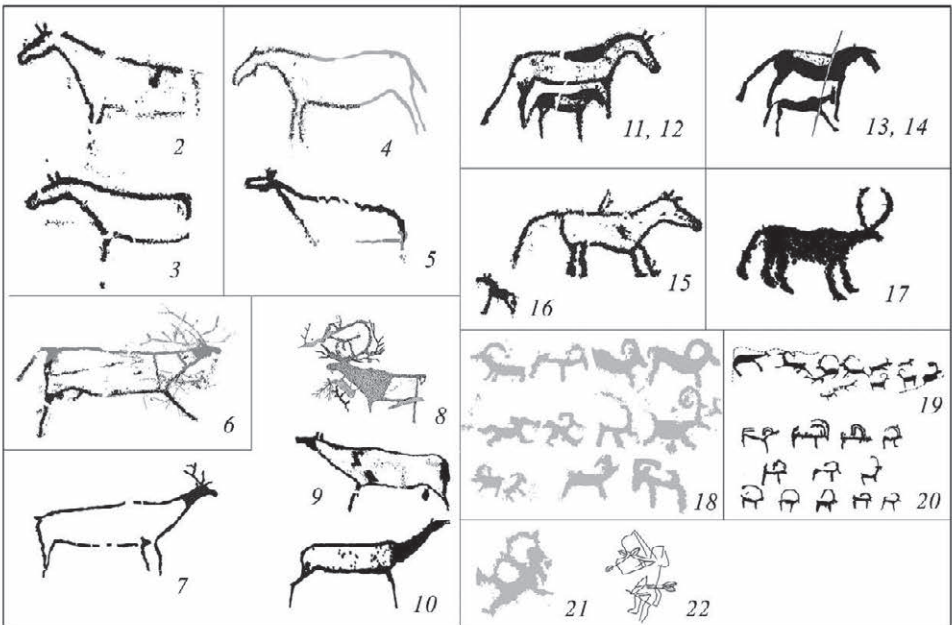
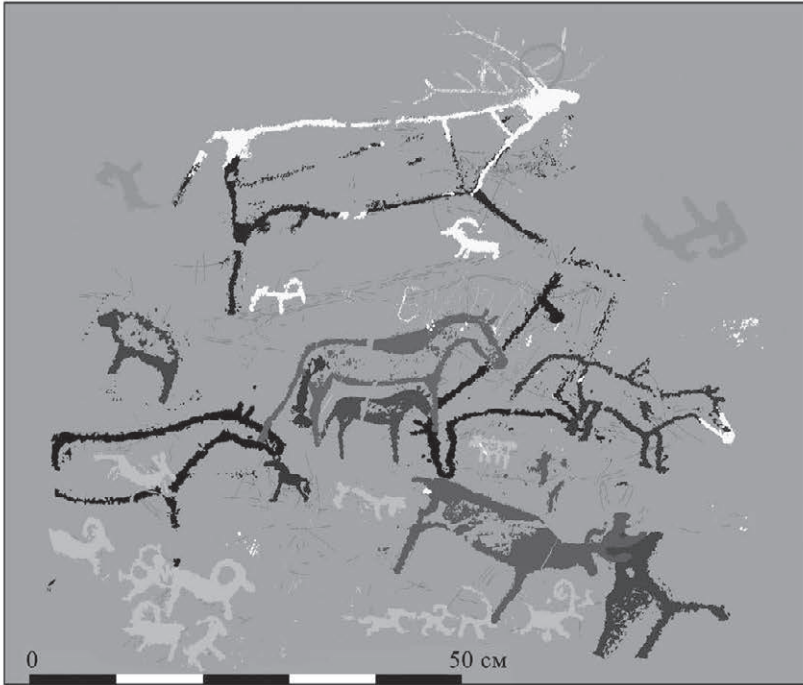
образом, можно сделать вывод о том, что хвост фигуры лошади № 3 перекрывает изображение лошади № 1, выполненной в «калгутинской» манере.

Второе перекрытие в палимпсесте следует считать наиболее значимым (рис. 2: б; 4: б). Здесь фиксируются сразу два перекрытия, имеющие ярко выраженные стилистические особенности. Кроме того, здесь отмечаются различные следы выбивки. Изображение «калгутинской» лошади № 2 (за исключением живота и крупа) выполнено в технике плотного пикетажа, что сближает его по технологическим характеристикам с упомянутой выше «калгутинской» лошадью № 1. Изображение малой лошади № 4 очень близко по особенностям выбивки уже рассмотренной лошади № 3 с длинным хвостом. В целом можно сказать, что их расположение относительно друг друга, положение задней ноги, хвоста, головы, а также характеристики пикетажа указывают на одновременность их создания и даже на то, что они композиционно связаны.

На участке пересечения хорошо заметна верхняя граница морды малой лошади № 4, которая проходит прямо поверх выбивки головы «калгутинской» лошади № 2 (рис. 2: б; 4: б). Несмотря на большую глубину выбивки последней, пикетаж в области морды малой лошади № 4 выглядит сглаженным, и выбоины практически не читаются (рис. 4: б). Это позволяет констатировать, что изображение «калгутинской» лошади № 2 было выполнено раньше, чем малой лошади № 4. Еще лучше заметно различие между характером выбивки головы «калгутинской» лошади № 2 и лошади № 3 (рис. 4: б). Пикетаж последней, как уже отмечалось, выглядит более сглаженным, поверхностным и плотным. На фрагменте перекрытия очень хорошо заметно, что участок пересечения передней ноги лошади № 3 и головы «калгутинской» лошади № 2 имеет признаки пикетажа, типичные для первой фигуры (рис. 4: б). Спина «калгутинской» лошади № 2 также перекрыта окончанием морды лошади № 3 (рис. 2: в). Как показывают все эти наблюдения, обе фигуры лошадей, малой (№ 4) и большой (№ 3), перекрывают «калгутинскую» лошадь № 2 (рис. 2: б, в).

Задние ноги изображения зооморфного животного № 5 (предположительно, также лошади) перекрывают переднюю ногу «калгутинской» лошади № 2, это фиксируется благодаря разности характеристик пикетажа (рис. 2: з).

Таким образом, результаты сопоставления характеристик следов выбивки, которой выполнены все изображения, участвующие в палимпсесте, показывают, что первыми относительно остальных рассмотренных петроглифов были исполнены две фигуры лошадей, условно названных нами «калгутинскими» (№ 1 и 2). Каким образом соотносятся изображения лошадей из парной композиции (№ 3 и 4) и фигура животного № 5 (лошади?), сделанного в примитивной манере, сказать сложно, поскольку они не пересекаются между собой. Остальные петроглифы плоскости, кроме двух упомянутых изображений оленей (№ 6 и 7), также не соприкасаются. Особое место в верхней части камня с палимпсестом занимает массивная фигура марала (№ 8), к голове которого позднее были добавлены бычьи рога. Также имеют место следы подновления выбивки в области головы и спины. Кроме того, детальный анализ всей плоскости камня показал наличие следов многочисленных гравировок. Некоторые из них, возможно, являлись своего рода эскизами для будущих выбитых петроглифов, однако время их нанесения надежно датировать не удалось.

Для того чтобы сделать предположение о возрасте изображений и их месте в относительной хронологии наскального искусства данной плоскости и, как следствие, региона, необходимо обратиться к анализу стилистических особенностей этих петроглифов.

Дискуссия

На анализируемом блоке с палимпсестом Цагаан-Салаа IV (рис. 5: 1) можно выделить несколько стилистически различных групп изображений.

На первый взгляд фигуры лошадей, которые рассматривались выше, можно определить как стилистически близкие. Во всех пяти случаях показаны короткие ушки. Морда животного и линия спины кажутся практически одинаковыми. Однако если внимательно и детально разобрать каждый элемент, различие изобразительных приемов становится очевидным. В случае с изображениями лошадей № 1 и 2, отнесенными нами к «калгутинскому» стилю (рис. 5: 2, 3):

- ярко выражена их парциальность (задние ноги отсутствуют, лишь намечены передние);

- изображения исключительно контурные, их абрис выполнен лишь одной линией пикетажа; показан массивный слегка отвислый живот;

- верхняя часть передней ноги передана двумя соединяющимися линиями;

- отличительной чертой является проработка щеки, это одна из типичных особенностей «калгутинской» манеры (рис. 5: 2–5). Изображения данных лошадей имеют абсолютные стилистические аналогии с изображениями, выполненными в «калгутинском» стиле не только в исследуемом регионе Центральной Азии (Молодин, Черемисин, 1999; Молодин и др., 2019а), но и среди изображений палеолитического массива Франко-Кантабрийской области, уже не раз упоминавшиеся в наших работах.

Изображения двух лошадей, большой (№ 3) и малой (№ 4) (рис. 5: 11, 12), которые перекрывают «калгутинские», имеют характеристики, отличающие их от описанных выше:

- фигуры не парциальные, законченные;

- малое изображение почти силуэтное, большое – контурное, но при этом внутри его абриса присутствует заполнение пикетажем;

Рис. 5 (с. 142). Стилистические аналогии (4, 5, 7, 8, 9, 10, 13, 14–17, 19, 20, 22) изображениям палимпсеста пункта Цагаан-Салаа IV (Монгольский Алтай)

1 – прорисовка всех изображений палимпсеста Цагаан-Салаа IV; 2, 3 – изображения «калгутинского» стиля на Цагаан-Салаа IV; 4, 5 – петроглифы Калгутинского Рудника (Российский Алтай); 6 – изображение марала, переоформленное в быка, Цагаан-Салаа IV; 7 – марал, пункт Музды-Булак (плато Укок) (по: Молодин, Черемисин, 2002); 8 – петроглифы Хар-Салаа II (по: Кубарев, 2009. С. 80. Рис. 125); 9, 10 – памятник Калбак-Таш-1 (по: Кубарев, 2010); 11, 12 – лошади, Цагаан-Салаа IV; 13, 14 – лошади, Хар-Салаа I (по: Кубарев и др., 2005); 15, 16 – «ступнеобразные» лошади; 17 – бык, Калбак-Таш-1 (по: Кубарев, 2010); 18 – серия изображений козлов, Цагаан-Салаа IV, железный век; 19, 20 – схематичные изображения козлов, памятник Калбак-Таш-1, железный век (по: Там же); 21 – лучник, Цагаан-Салаа IV; 22 – лучник, памятник Калбак-Таш-1 (по: Там же)

– при оформлении контура часто используются двойные линии (например, голова большой лошади) и более широкие участки заполнения пикетажем (например, окончание морды, спина);

– переданы по две ноги, верхняя часть которых состоит из двух соединяющихся линий, но при этом пространство между ними также заполнено пикетажем, а продолжение ноги завершается одной линией;

– показан длинный хвост, причем в обоих случаях углы между деталями (хвост – задняя нога – живот) и пропорции этих деталей не просто схожи, а практически идентичны, что говорит о высокой степени стандартизации данной стилистической манеры;

– проработки щеки, как на изображениях «калгутинского» стиля, не отмечается, однако присутствует другая характерная деталь, которая находит аналогии среди петроглифов Хар-Салаа I (Монголия) (*Кубарев, 2009. С. 56. Прил.: рис. 19*). Речь идет об изображениях двух лошадей, возможно, взрослого животного и жеребенка (рис. 5: 13, 14). Кроме очень близкой манеры передачи этих образов, а также их композиционного расположения, отмечается деталь, которая присутствует и на изображениях Цагаан-Салаа IV, – своеобразный участок заполнения в области шеи-спины (возможно, попона). Приведенные петроглифы Хар-Салаа I отнесены исследователями к бронзовому веку (Там же. С. 10). Еще одна, поразительно близкая (если не сказать тождественная!) композиция, передающая пару лошадей, была открыта российско-монгольской экспедицией под руководством А. А. Ковалева на памятнике чемурчекской культуры правого берега реки Тасты-булаг, впадающей в озеро Даян-нур (*Ковалев, 2015; Ковалев, Мунхбаяр, 2015*). В 2019 г. была обнаружена плита, сведения о которой опубликованы нашими коллегами в Монголии (*Монхбаяр и др., 2019*). На этой плите изображена композиция из двух лошадей – большой и маленькой, выполненных в абсолютно тождественной с характеризуемой нами выше манере. Кроме всего прочего, их сближает даже характерный участок на спине большого животного (попона?)¹.

Таким образом, стилистические различия позволяют сделать вывод о том, что два изображения лошадей в «калгутинской» манере можно считать ранними, а композиция из двух лошадей, малой и большой, может быть отнесена к более позднему времени, к эпохе бронзы, и более того, может быть связана с чемурчекской культурной традицией.

Не возникает оснований предполагать, что изображение лошади № 5 схоже по стилистике с «калгутинскими». Наличие четырех ног и хвоста, совершенно иная манера передачи туловища, головы, отсутствие парциальности, своеобразная манера передачи копыт животного – все это говорит о принадлежности к иной изобразительной манере, отличной и от «калгутинской», и от чемурчекской (рис. 5: 15). На основании стилистических аналогий можно предположить, что это изображение также выполнено в эпоху бронзы (рис. 5: 15–17).

¹ Выражаем искреннюю признательность А. А. Ковалеву за исчерпывающую информацию, включающую отличную фотографию плиты с изображениями лошадей, характеристику памятника, а также авторское видение проблемы.

Отдельного внимания требует наиболее крупная зооморфная фигура № 8 (рис. 3: 8) в верхней части плоскости (рис. 5: 6). Она может быть интерпретирована как изображение марала, которое позже было подновлено и переоформлено в быка (рис. 6: 7, 8). На это указывают такие детали, как характерный корпус животного, раскидистые рога, выполненные в технике гравировки и шлифовки. Позднее поверх них был добавлен полукруг, передающий рога быка в присущей для бронзового века манере (рис. 6: 9), однако стоит отметить, что пикетаж этой детали выглядит довольно свежим. В целом, этот петроглиф подновлялся и дополнялся как минимум три раза (рис. 6: 7, 8, 9). Сложно сказать, на каком этапе появились в современном виде голова и морда этого животного, но манера ее передачи сопоставима с натуралистично переданными изображениями марала на памятниках Музды-Булак (рис. 5: 7), Хар-Салаа II (рис. 5: 8), Калбак-Таш I (рис. 5: 9, 10) и других памятников Алтая и Монголии. В. Д. Кубарев относил петроглифы, выполненные в подобной манере, к неолиту (*Кубарев, 2010. С. 22*). Особенно близкие аналогии данному изображению марала можно видеть на валуне, обнаруженном на плато Укок, на оз. Музды-Булак (*Молодин, Черемисин, 2002. С. 60. Рис. 1*). Стилистическая манера изображений маралов, безусловно, своеобразна. Публикуя материалы Музды-Булака, мы связали имеющую место манеру с изображениями этих животных на культовом комплексе Кучерла, которые, в свою очередь, могли быть связаны со слоем афанасьевской культуры многослойного культового комплекса (*Молодин, 1996*). Должны констатировать, что на сегодняшний день ситуация с датировкой этих и подобных изображений не прояснилась. Как бы то ни было, в контексте изучаемого палимпсеста изображение этого животного явно занимает особое место среди других рисунков. Изображения № 6 и 7 пункта Цагаан-Салаа IV (рис. 3: 6, 7) выполнены в натуралистичной статичной манере, однако их сложно отнести к определенному пласту в наскальном искусстве региона.

На рассматриваемой плоскости пункта Цагаан-Салаа IV присутствует множество изображений козлов и баранов, выполненных в схематично-стилизованной манере (рис. 5: 18), а также фигура стреляющего лучника (рис. 5: 21). Они могут быть отнесены либо к гунно-сарматскому времени, либо к древнетюркской эпохе (*Кубарев, 2009. С. 19, 20; 2010. С. 19*) (рис. 5: 19). Круг аналогий этим петроглифам чрезвычайно широк в масштабах наскального искусства Центральной Азии. Решающим аргументом в пользу отнесения их именно к периоду Средневековья служит изображение сложного лука, характерного для этой эпохи (рис. 5: 21, 22).

Заключение

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Прежде всего, нужно констатировать, что перед нами замечательный образец художественного творчества, содержащий произведения стилистически разных хронологических и культурных традиций, характерных для данного района Центральной Азии. То, что отдельные изображения многократно перекрывают друг друга, дает нам редкую возможность ранжировать их по хронологии. Можно считать доказанным,

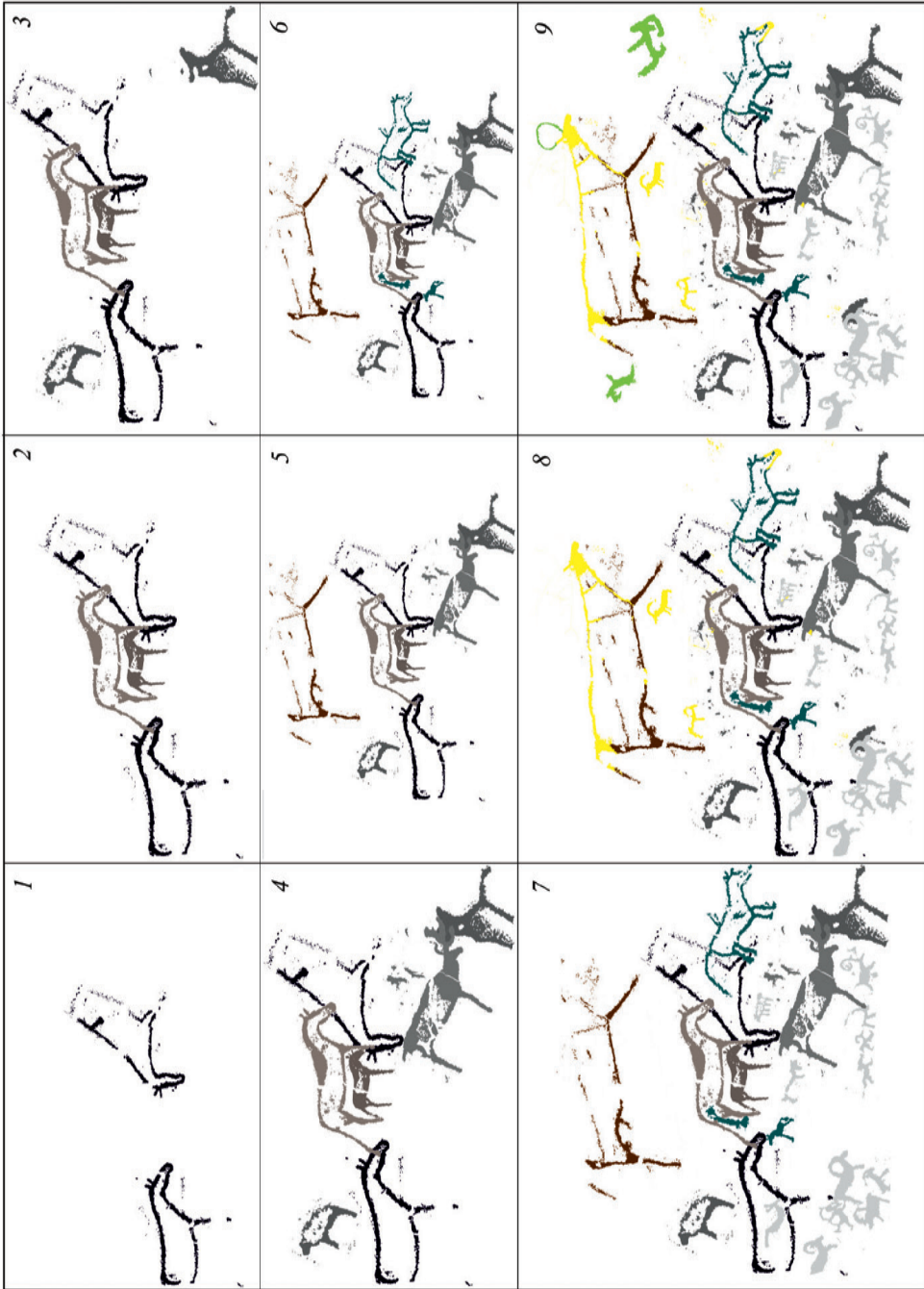

Рис. 6. Предположительная последовательность создания изображений на плоскости пункта Цагаан-Салаа IV (1-9)

что две фигуры лошадей, выполненных в «калгутинском» стиле, неоднократно перекрыты более поздними изображениями других эпох и, прежде всего, композицией из двух лошадей, датируемых эпохой бронзы, в манере, характерной для чемурчекской иконографии. Представляется, что к типичным для чемурчекского искусства образам, выделенным А. А. Ковалевым (2015), можно добавить и изображения лошадей, имеющие особенности, подчеркнутые выше. Реалистичные изображения двух маралов, выполненные в статичной манере, сложно отнести к той или иной эпохе. Рога одного из животных перекрывают голову другого, однако перед нами, скорее всего, тот случай, когда временной промежуток между нанесением фигур был незначителен, и, судя по стилистической близости, они были нанесены в одну эпоху.

Еще одну важную страницу в художественном творчестве, отразившуюся на палимпсесте Цагаан-Салаа IV, можно видеть в обособленном изображении марала (позднее переоформленного в быка). Марал передан в характерной для неолита (или ранней бронзы) манере, отличной и от «калгутинской», и от «чемурчекской». Впоследствии, вероятно – в эпоху развитой бронзы или в средневековье, марал был переоформлен в быка.

Наконец, в период средневековья художник заполнил нижнее, свободное пространство, нанеся композицию передвижения характерными цепочками горных козлов (возможно, преследуемых собакой) и стреляющего в них охотника. Конструкция лука позволяет отнести данную композицию к Средневековью.

Таким образом, перед нами палимпсест, являющийся во многом ключевым для понимания периодизации стилистических блоков первобытного творчества конца верхнего палеолита, ранней и развитой бронзы, а также средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- Зоткина Л. В.*, 2019. К вопросу о методике изучения палимпсестов (на примере композиции с Шалаболинской писаницы, Красноярский край) // АЭАЕ. Т. 47. № 2. С. 93–102.
- Ковалев А. А.*, 2015. Бассейн верхней Кобдо как чемурчекская ритуальная территория // Археология Западной Сибири и Алтай: опыт междисциплинарных исследований: сб. ст., посвящ. 70-летию Ю. Ф. Кирюшина. Барнаул: Алтайский гос. ун-т. С. 391–395.
- Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч.*, 2015. Чемурчекский ритуальный комплекс Хар Чулуут I в истоках реки Ход (Кобдо) (предварительное сообщение) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. СПб.: МИСР. С. 155–214.
- Кубарев В. Д.*, 2009. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 420 с.
- Кубарев В. Д.*, 2010. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 444 с.
- Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э.*, 2005. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск; Улан-Батор; Юджин: ИАЭТ СО РАН. 640 с.
- Молодин В. И.*, 1996. Наскальные изображения афанасьевской культуры (к постановке проблемы) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: материалы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1996 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 178–181.
- Молодин В. И., Женест Ж.-М., Зоткина Л. В., Черемисин Д. В., Кретэн К.*, 2019а. «Калгутинский» стиль в наскальном искусстве Центральной Азии // АЭАЕ. Т. 47. № 3. С. 12–26.
- Молодин В. И., Черемисин Д. В.*, 1999. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск: Наука. 160 с.

- Молодин В. И., Черемисин Д. В., 2002. Палимпсест на валуне с озера Музды-Булак (плоскогорье Укок) // Первобытная археология. Человек и искусство: сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения Я. А. Шера. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 59–62.
- Молодин В. И., Черемисин Д. В., Батболд Н., Ненахова Ю. Н., 2019б. В поисках наскальных изображений на Северо-Западе Монголии // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 489–497.
- Цэвээндорж Д., Молодин В. И., Черемисин Д. В., Кретэн К., Зоткина Л. В., Натсга Б., Нестеркина А. Л., 2017. Изучение древнейшего пласта наскальных изображений Монголии в 2017 году: памятники Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 231–234.
- Черемисин Д. В., 1995. Наскальные изображения Джурамала (Горный Алтай) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т. С. 75–81.
- Мөнхбаяр Ч., Ковалев А. А., Буян-Орших Ц., Сухбаатар Б., Мөнхбат Ц., 2019. Монгол-Оросын хамтарсан хээрийн шинжилгээний ангийн Баян-Өлгий аймгийн Улаанхус сумын нутаг Хар чулуут, Чулуут булагийн археологийн дурсгалын судалгаа // Монголын археологи – 2019: Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Улаанбаатар. Х. 176–189. (На монгольск. яз.)
- Jacobson E., Kubarev D. V., Tseveendorj D., 2001a. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa / Baga Oigor. 1: Textes et figures. Paris: De Boccard. 481 p. (Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale; fasc. 6 (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; vol. 5.)
- Jacobson E., Kubarev D. V., Tseveendorj D., 2001b. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa / Baga Oigor. 2: Planches. Paris: De Boccard. 256 p. (Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale; fasc. 7 (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; vol. 6.)

Сведения об авторах

Молодин Вячеслав Иванович, Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; e-mail: office3@archaeology.nsc.ru;

Зоткина Лидия Викторовна, Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия; e-mail: lidiazotkina@gmail.com;

Кретэн Катарина, Национальный музей первобытной истории, ул. Музейная, 1, Лез-Эзи-де-Таяк-Сирей, 24620, Франция; e-mail: catherine.cretin@culture.gouv.fr;

Черемисин Дмитрий Владимирович, Институт археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; e-mail: topsya@bk.ru;

Батболд Нацаг, Институт Археологии Монгольской академии наук, ул. Жукова, 77, Улан-Батор, 13343, Монголия; e-mail: ntbatbold@yahoo.com;

Цэвээндорж Дамдинсурэн, Институт Археологии Монгольской академии наук, ул. Жукова, 77, Улан-Батор, 13343, Монголия; e-mail: tseveendorj@mas.mn

V. I. Molodin, L. V. Zotkina, C. Cretin,
D. V. Cheremisin, N. Batbold, D. Tseveendorj

THE PALIMPSEST FROM TSAGAAN SALAA SECTOR IV (MONGOLIAN ALTAI): RELATIVE CHRONOLOGY OF IMAGES

Abstract. The study of palimpsests is an important area in research of rock art as it provides a possibility for obtaining information on relative dating of overlying images. In some cases, it is possible to date entire stylistical traditions which evolved in a certain

area. The palimpsest from Tsagaan Salaa Sector IV (Mongolian Altai) is one of the most sophisticated multi-figured compositions from a set of rock art locations known as Baga-Oigur and Tsagaan Salaa. The surface reveals figures attributed to different stylistical traditions. Our task was to reconstruct precisely the sequence of creating rock images of this palimpsest wherever practical. During this study we applied methods of trace wear and comparative stylistic analysis, and used the photogrammetry method for documenting purposes. The results of our observations were recorded with the help of a microscope in field conditions using the method of tracing images into a transparent film affixed on a rock. We succeeded in establishing the sequence of making the petroglyphs of the multi-figured composition at Tsagaan Salaa Sector IV. Internal relative chronology was established for overlying images.

Keywords: Mongolian Altai, Tsagaan Salaa Sector IV, petroglyphs, palimpsest, relative chronology, trace wear analysis, 3D.

REFERENCES

- Cheremisin D. V., 1995. Naskal'nyye izobrazheniya Dzhuramala (Gornyy Altay) [Rock images of Dzhuramal (High Altai)]. *Drevneye iskusstvo Azii. Petroglify [Ancient art of Asia. Petroglyphs]*. V. V. Bobrov, ed. Kemerovo: Kemerovskiy gos. universitet, pp. 75–81.
- Kovalev A. A., 2015. Basseyn verkhney Kobdo kak chemurchekskaya ritual'naya territoriya [Upper Kobdo basin as Chemurchek ritual territory]. *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdisciplinarnykh issledovaniy [Archaeology of West Siberia and Altai: experience of interdisciplinary investigations]*. Barnaul: Altayskiy gos. universitet, pp. 391–395.
- Kovalev A. A., Munkhbayar Ch., 2015. Chemurchekskiy ritual'nyy kompleks Khar Chuluut 1 v istokakh reki Khod (Kobdo) (predvaritel'noye soobshcheniye) [Chemurchek ritual complex Khar Chuluut 1 on Khod (Kobdo) river source (preliminary information)]. *Drevneyshiyev evropeytsy v serdtse Azii: chemurchekskiy kul'turnyy fenomen [Earliest Europeans in Asia heartland: Chemurchek cultural phenomenon], II. Rezul'taty issledovaniy v tsentral'noy chasti Mongol'skogo Altaya i v istokakh Kobdo; pamyatniki Sin'tszyana i okrainnykh zemel' [Results of investigations in central part of Mongol Altai and on Kobdo source; sites of Xinjiang and outlying lands]*. St. Petersburg: MISR, pp. 155–214.
- Kubarev V. D., 2009. Petroglify Shiveet-Khayrkhana (Mongol'skiy Altay) [Shiveet-Khayrkhana petroglyphs (Mongol Altai)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 420 p.
- Kubarev V. D., 2010. Petroglify Kalbak-Tasha I (Rossiyskiy Altay) [Kalbak-Tash I petroglyphs (Russian Altai)]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 444 p.
- Kubarev V. D., Tseveendorzh D., Yakobson E., 2005. Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oygura (Mongol'skiy Altay) [Tsagaan-Salaa and Baga-Oygur petroglyphs (Mongol Altai)]. Novosibirsk; Ulan-Bator; Yudzhin: IAET SO RAN. 640 p.
- Molodin V. I., 1996. Naskal'nyye izobrazheniya afanas'yevskoy kul'tury (k postanovke problemy) [Rock images of Afanas'yev culture (raising the problem)]. *Noveyshiye arkheologicheskiye i etnograficheskiye otkrytiya v Sibiri: materialy IV Godovoy itogovoy sessii IAET SO RAN. Dekabr' 1996 g. [Newest archaeological and ethnographic discoveries in Siberia: proceedings of IV Annual final session of IAET SO RAN. December of 1996]*. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 178–181.
- Molodin V. I., Cheremisin D. V., 1999. Drevneyshiyev naskal'nyye izobrazheniya ploskogor'ya Ukok [Earliest rock images of Ukok plateau]. Novosibirsk: Nauka. 160 p.
- Molodin V. I., Cheremisin D. V., 2002. Palimpsest na valune s ozera Muzdy-Bulak (ploskogor'ye Ukok) [Palimpsest on boulder from Muzdy-Bulak lake (Ukok plateau)]. *Pervobytnaya arkheologiya. Chelovek i iskusstvo [Prehistoric archaeology. Man and art]*. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 59–62.
- Molodin V. I., Cheremisin D. V., Batbold N., Nenakhova Yu. N., 2019b. V poiskakh naskal'nykh izobrazheniy na Severo-Zapade Mongolii [In search of rock images in North-West of Mongolia]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Issues of archaeology,*

- ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories*], XXV. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 489–497.
- Molodin V. I., Zhenest Zh.-M., Zotkina L. V., Cheremisin D. V., Cretin C., 2019a. «Kalgutinskiy» stil' v naskal'nom iskusstve Tsentral'noy Azii [«Kalgutin» style in rock art of Central Asia]. *AEAE*, vol. 47, no. 3. С. 12–26.
- Tseveendorzh D., Molodin V. I., Cheremisin D. V., Kreten K., Zotkina L. V., Natsag B., Nesterkina A. L., 2017. Izucheniye drevneyshego plasta naskal'nykh izobrazheniy Mongolii v 2017 godu: pamyatniki Tsagaan-Salaa i Baga-Oygur [Studies of the earliest layer of rock images in Mongolia in 2017: Tsagaan-Salaa and Baga-Oygur sites]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i so-predel'nykh territoriy* [Issues of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories], XXIII. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 231–234.
- Zotkina L. V., 2019. K voprosu o metodike izucheniya palimpsestov (na primere kompozitsii s Shalabolinskoy pisanitsy, Krasnoyarskiy kray) [On the issue of methods of palimpsests studies (on example of composition from Shalabolinsaya pisanitsa, Krasnoyars kraj)]. *AEAE*, vol. 47, no. 2, pp. 93–102.

About of authors

Molodin Vyacheslav I., Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ac. Lavrentiev av., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: office3@archaeology.nsc.ru;

Zotkina Lidiya V., Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ac. Lavrentiev av., 17; Novosibirsk State University, Pirogov str., 1; Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: lidiazotkina@gmail.com;

Cretin Catherine, Musée National de Préhistoire, Rue du Musée, 1, Les Eyzies-de-Tayac-Sireuil, 24620, France; e-mail: catherine.cretin@culture.gouv.fr;

Cheremisin Dmitriy V., Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ac. Lavrentiev av., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: topsya@bk.ru;

Batbold Natsag, Institute of Archaeology Mongolian Academy of Sciences, ul. Zhukova 77, Ulan Bator, 13343, Mongolia; e-mail: ntbatbold@yahoo.com;

Tseveendorj Damdinsuren, Institute of Archaeology Mongolian Academy of Sciences, ul. Zhukova 77, Ulan Bator, 13343, Mongolia; e-mail: egiimaats451@gmail.com

М. Г. Жилин

ЗНАКИ И ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КОСТЯНЫХ ПРЕДМЕТАХ ВООРУЖЕНИЯ В РАННЕМ МЕЗОЛИТЕ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Резюме. В раннем мезолите Волго-Окского междуречья различные знаки и геометрические изображения встречаются на разнообразных предметах вооружения из кости: наконечниках стрел, копий, дротиков, охотничьих ножах и кинжалах. Наиболее многочисленны простые знаки и изображения, придающие изделию декоративность и одновременно могущие служить личной меткой. Значительно уступают им сложные геометрические изображения, каждое из которых индивидуально. Последние чаще встречаются на кинжалах и охотничьих ножах, простые же знаки и изображения более характерны для наконечников стрел. В то же время следует отметить отдельные наконечники стрел и копий, отличающиеся особой тщательностью отделки и сложными геометрическими изображениями. Учитывая контекст находки, в ряде случаев можно говорить о неутилитарном назначении этих предметов.

Ключевые слова: изображения, предметы вооружения, ранний мезолит, Волго-Окское междуречье.

Благодаря своим физическим свойствам кость являлась не только хорошим сырьем для изготовления оружия, орудий труда и разнообразных бытовых предметов, но и прекрасным материалом для нанесения знаков и изображений при помощи каменных орудий. Мезолитические изделия с различными изображениями известны давно, найдены на всех памятниках мезолита лесной зоны Восточной Европы, давших представительные коллекции костяных орудий. Различные вопросы изучения этих изделий неоднократно ставились исследователями (Ошибкина, 1983; 1997; 2006; 2017; Лозе, 1988; Крайнов и др., 1992; Лозовский, 1997; Жилин, 2001; Zhilin, 2001; и др.). Однако до сих пор единой классификации изображений на костяных и роговых мезолитических предметах из лесной зоны Восточной Европы не выработано, как и не проанализированы подробно технология их нанесения и связь с формой изделий. Задачей данной статьи является анализ изображений на костяных предметах вооружения из памятников

первой половины мезолита (пребореальный – первая половина бореального периода, около 9600–7550 календарных лет до н. э.) Волго-Окского междуречья (рис. 1), относящихся к бутовской культуре (Жилин, 2001; 2013; 2014).

Рис. 1. Торфяниковые стоянки раннего мезолита

1 – Озерки 16 и 17; 2 – Нушполы 11; 3 – Ивановское 3 и 7; 4 – Берендеево 18; 5 – Становое 4; 6 – Сахтыш 9 и 14

Изображения на предметах вооружения из кости можно условно разделить на две большие группы. К первой отнесены отдельные знаки или группы этих знаков и простые изображения, не имеющие композиционной целостности. К этой же группе я отношу и более сложные изображения, связанные определенной композицией. Их объединяет с первыми отсутствие ритмической повторяемости элементов и размещение на поверхности изделий без определенной связи с формой предмета.

Вторую группу составляют орнаменты из ритмически повторяющихся элементов, подчеркивающие форму изделия в целом или какие-либо ее части и детали.

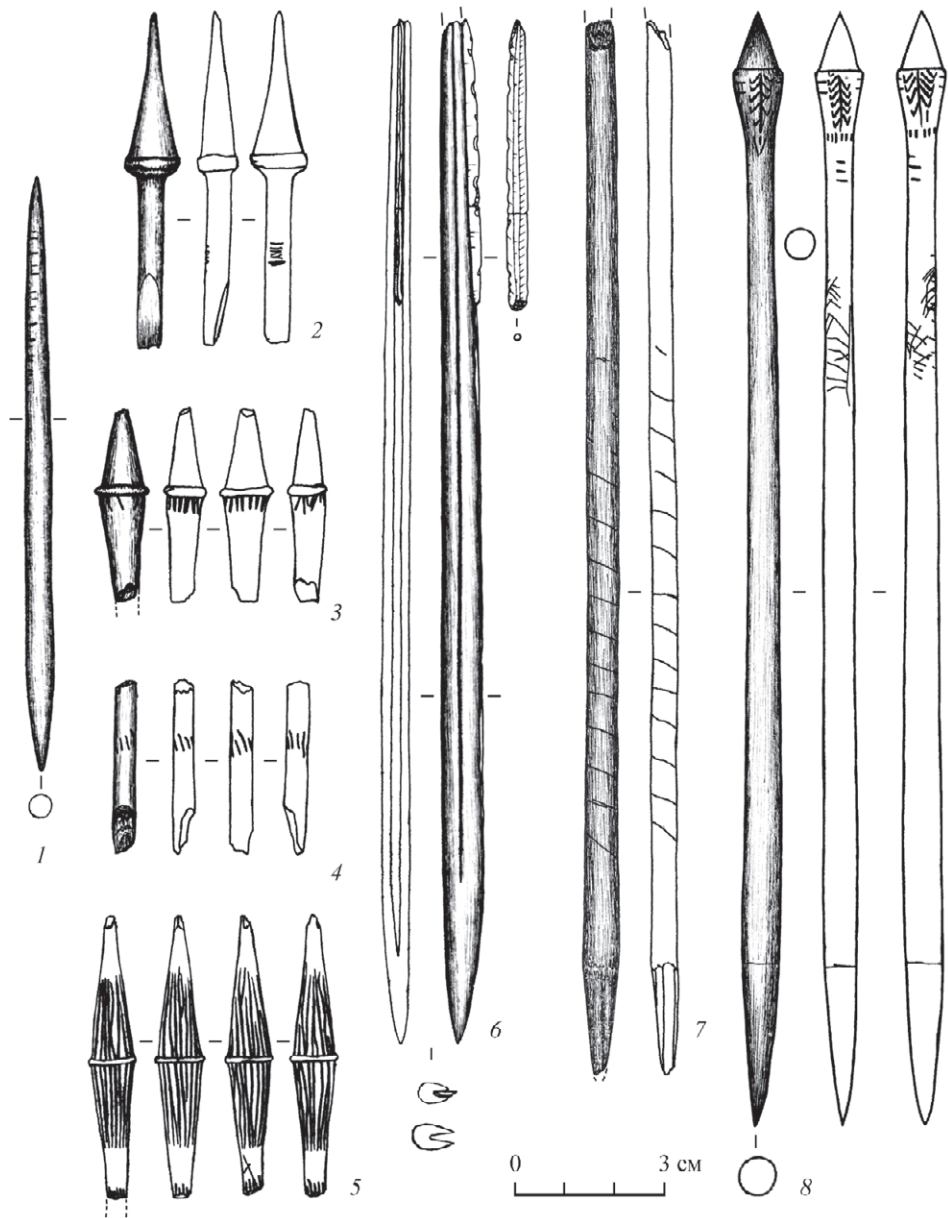
Часто бывает довольно сложно отнести конкретное изображение к названым выше группам. Так, один косой крестик однозначно определяется как знак или метка, а группы косых крестиков, симметрично расположенные с двух сторон на стержне наконечника, уже воспринимаются как орнамент, однако не перестают быть меткой личного оружия. Или косая сетка, нанесенная на каком-то отдельном участке предмета вне связи с его формой, рассматривается как знак; но когда она покрывает весь предмет или одну из его поверхностей, соотносясь с формой изделия, то воспринимается как орнамент. Так что граница между названными видами изображений весьма условна. Так же трудно порой провести грань между знаком, рисунком и орнаментом. Возможно, такой грани в ряде случаев и не существовало. Нередко на предмете встречается не один вид изображений, иногда они связаны, чаще – нет.

Анализ изображений на предметах вооружения из кости позволяет выделить следующие их элементы: точка, нарезка, линия. Из нарезок и линий складываются различные мотивы: косая сетка, зигзаг, елочка и т. п., которые нередко образуют различные композиции. Расположение знаков и рисунков на поверхности предмета чаще свободное, а орнаментальных мотивов и композиций – продольное, поперечное, косое, поперечное опоясывающее, косое опоясывающее, комбинированное. Различное сочетание этих параметров дает большое разнообразие изображений на конкретных мезолитических изделиях.

Наконечники стрел

Следует отметить, что подавляющее большинство изученных наконечников стрел не имеет каких-либо рисунков на поверхности. Из 158 наконечников стрел с названных памятников только на 17 имеются знаки или изображения. Не прослеживается связи между наличием изображений и износом наконечников стрел. Износ наконечников с изображениями слабый или средний, а выявленные наконечники с сильным износом и следами ремонта (Жилин, 2014; Zhilin, 2015; Скакун и др., 2014), использовавшиеся длительное время, никаких знаков не несут. Примечательно, что изображения на наконечниках стрел с рассмотренных памятников не повторяются, и если есть сходство в элементах, то их расположение разное.

Преобладают простые знаки и изображения. Короткие поперечные и косые нарезки нанесены вдоль одного края игловидного наконечника стрелы из III культурного слоя раскопа 2 Станового 4 (рис. 2: 1). Короткие поперечные нарезки нанесены и вдоль края пера обломка однокрылового вкладышевого наконечника из того же слоя; а на стержне наконечника с конической головкой из этого слоя – группа коротких поперечных нарезок (рис. 2: 2). На одной плоскости вкладышевого наконечника из нижнего (IV) культурного слоя Станового 4 резчиком с узкой кромкой, вероятно, тем же, которым прорезался паз, проведена длинная прямая линия вдоль оси орудия (рис. 2: 6). Поясок из коротких косых нарезок сохранился на обломках стержней двух наконечников из III культурного слоя раскопа 3 Станового 4 (рис. 2: 4). Очень тонкая опоясывающая спираль с большими промежутками между витками прочерчена на стержне игловидного наконечника стрелы из нижнего (IV) слоя Ивановского 7 (рис. 2: 7).

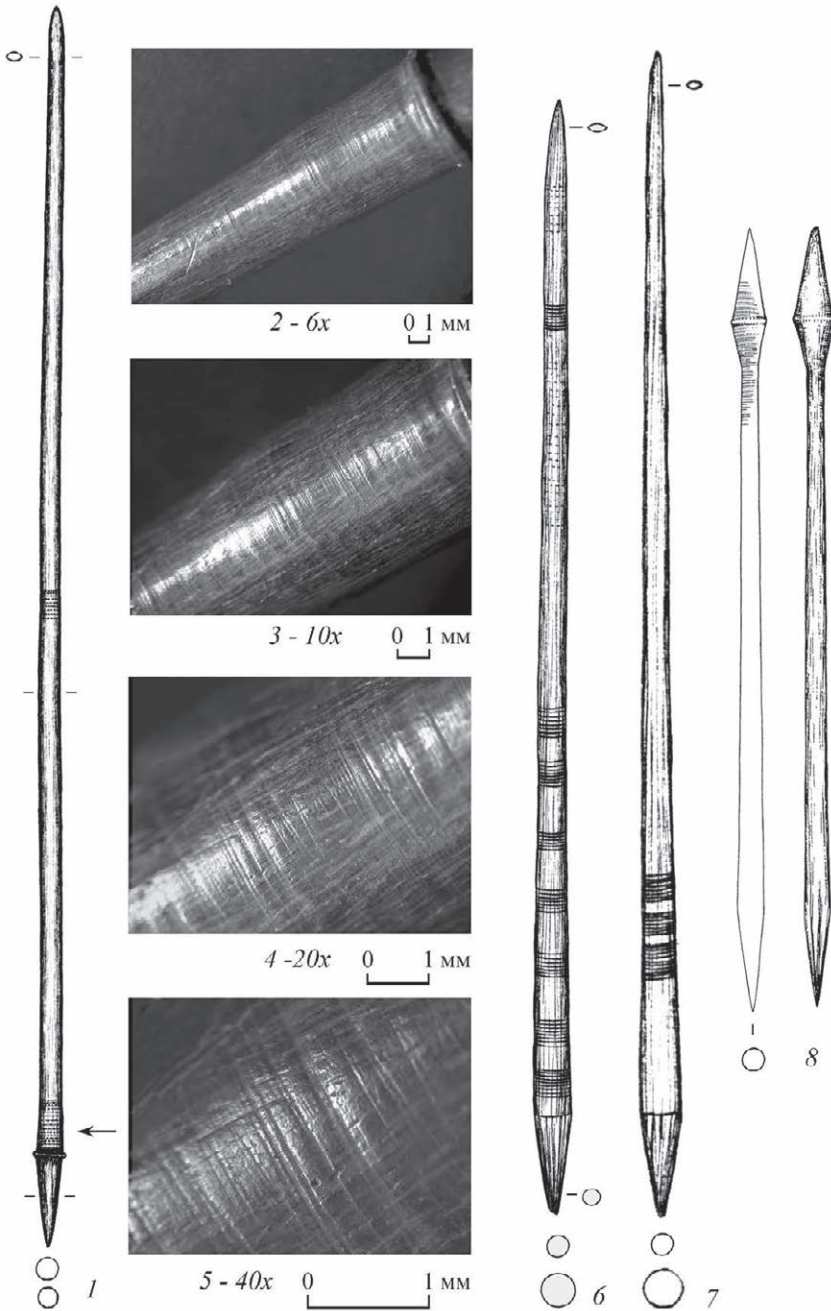
Рис. 2. Костяные наконечники стрел

1, 2 – Становое 4, раскоп 2, слой III; 3–5 – Становое 4, раскоп 3, слой III; 6 – Становое 4, раскоп 3, слой IV; 7, 8 – Ивановское 7, слой IV

Особого внимания заслуживают редкие наконечники стрел, на поверхности которых выделяются участки с очень тонкой плотной опоясывающей спиралью, нанесенной при помощи токарного станка. Массивный игловидный наконечник был найден глубоко воткнувшимся в озерное дно в прибрежной части Ивановского 3 (рис. 3: 6), другой – на стоянке Берендеево 18, отнесенной по результатам палинологического анализа к пребореальному периоду (рис. 3: 7). Наконечник с утолщенной биконической головкой найден в нижнем слое Озерков 16, относящемся к первой трети береального периода (рис. 3: 8). Еще один подобный наконечник был случайно обнаружен при чистке русла р. Дубны (Жилин, 1993).

Тонкий игловидный наконечник с упором из слоя IV Ивановского 7 (рис. 3: 1) был изучен при помощи стереомикроскопа МБС-9 (Жилин, 2014; Zhilin, 2015). Поверхность изделия очень тщательно продольно выстругана. Поясок-упор первоначально был оконтурен канавками, которые оказались срезанными при последующем продольном строгании. В середине стержня на протяжении 0,7 см резчиком с точечной кромкой нанесено 9 витков очень тонкой плотной спирали. Так же обработан и участок стержня перед рельефным пояском: на протяжении 1,5 см нанесено около 20 витков (ближайшие к острию – пунктирные, у пояса – непрерывные и более глубокие). На этом участке орнамент выполнен в два приема: первоначально под углом чуть меньше 90° (видимо, черновая обработка), а затем перпендикулярно оси наконечника (вторая спираль наложена на первую). Под микроскопом на обоих участках отчетливо видно, что срезаны микровыступы поверхности, оставшиеся после строгания. В микровпадинах же следов резчика нет, при этом витки спирали не пересекаются (рис. 3: 2–5). Такие следы говорят о нанесении спирального орнамента на токарном станке, когда наконечник быстро вращался, а неподвижно закрепленный резец перемещался вдоль него. Примечательно, что токарная обработка применялась только для окончательной отделки некоторых участков поверхности полностью завершенного наконечника и не являлась формообразующей. Кончик острия слегка сглажен, яркая заполировка сливается с полировкой поверхности, от кончика острия идут редкие тонкие царапины вдоль оси орудия, что говорит о единичных попаданиях в мягкий слабо загрязненный материал. Аналогичные следы токарной обработки обнаружены и на других названных выше наконечниках стрел. На игловидных наконечниках (рис. 3: 6, 7) они располагаются группами на стержне, а на наконечниках с биконической головкой – только на головке (рис. 3: 8).

Оригинальную технологию нанесения орнамента показывают два наконечника стрел из III культурного слоя Станового 4. На игловидном наконечнике с упором у насада из раскопа 2 (рис. 4: 1) на насаде сохранился темный клей, а на стержне четко видны группы из 10 параллельных косых нарезок с равными промежутками между ними (рис. 4: 2), нанесенные с перерывами по окружности наконечника. На наконечнике с короткой конической головкой с пояском и тремя утолщениями с поясками на стержне из раскопа 3 (рис. 4: 3) группы из 5 коротких поперечных нарезок с равными промежутками между ними (рис. 4: 4) нанесены с перерывами по окружности стержня наконечника. Принцип нанесения орнамента на обоих изделиях одинаков – наконечник вращался, а резец перемещался вдоль него, то прикасаясь к наконечнику и оставляя группу нарезок, то отдаляясь. В отличие от описанных выше наконечников со спиральным орнаментом

Рис. 3. Костяные наконечники стрел

1-5 – Ивановское 7, слой IV, увелич. 6-, 10-, 20- и 40-кратное; 6 – Ивановское 3, материк; 7 – Берендеево 18; 8 – Озерки 16

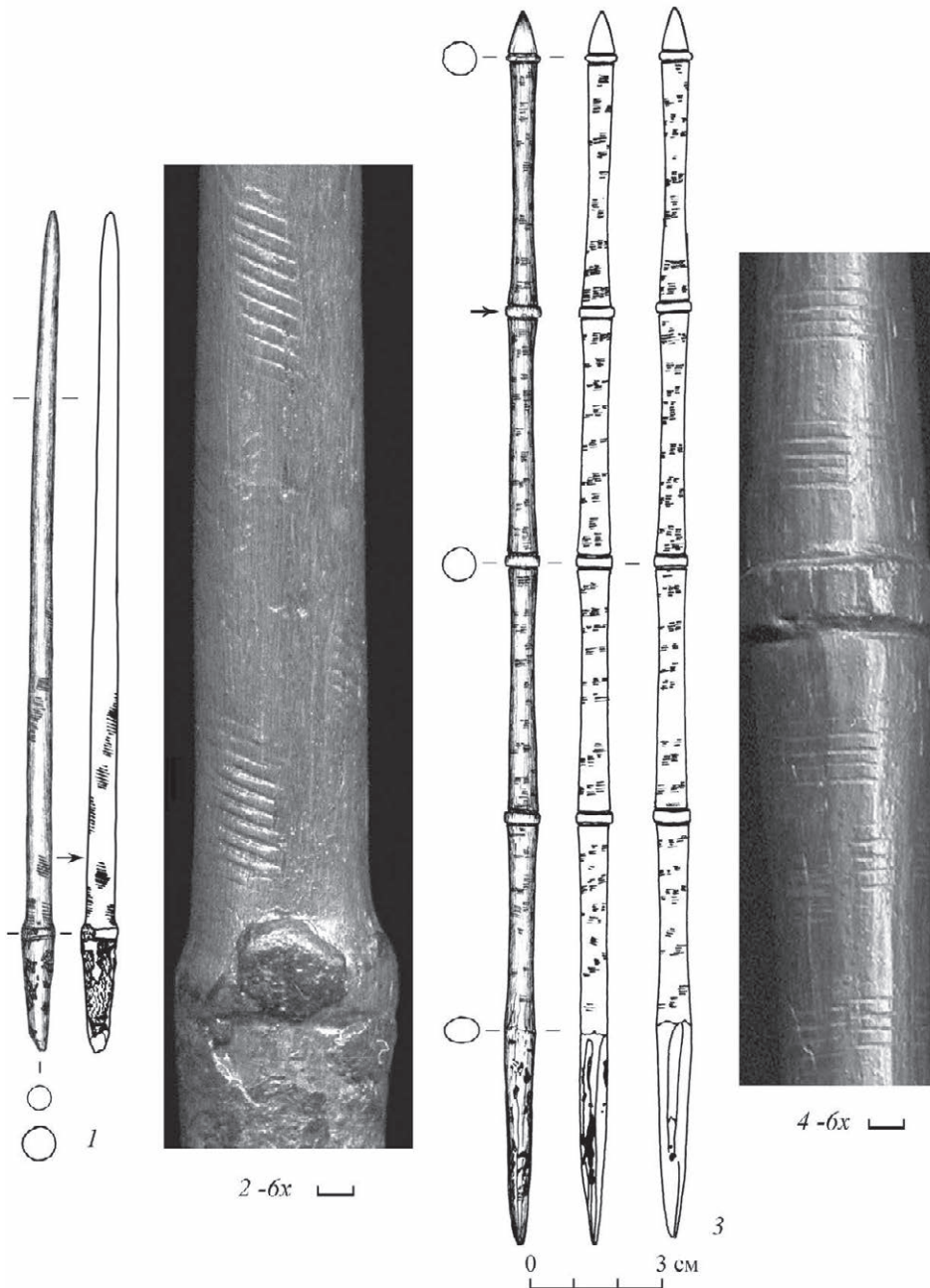

Рис. 4. Костяные наконечники стрел

1, 2 – Становое 4, раскоп 2, слой III; 3, 4 – Становое 4, раскоп 3, слой III

здесь резец был не с точечной, а с довольно широкой зубчатой кромкой. В этом случае также вероятно применение токарного станка, хотя подобный орнамент можно нанести и при ручном вращении наконечника.

На отдельных наконечниках стрел встречаются сложные изображения. На наконечнике из III культурного слоя раскопа 3 Станового 4 частые продольные линии идут от пояса на биконической головке к острию и насаду, такие же линии после перерыва прослежены и на его стержне (рис. 2: 5). К сожалению, остальное утрачено. Возможно, обломки наконечников с простыми орнаментами (рис. 2: 3, 4) являются их частями с более сложными изображениями, размещенными и на головке, и на стержне.

Интересен наконечник с короткой головкой правильной биконической формы с уступом в сторону острия, длинным стержнем и коротким коническим насадом, отделенным от стержня тонкой кольцевой канавкой, из слоя IV Ивановского 7 (рис. 2: 8). Поверхность очень тщательно продольно выстругана и подправлена тонкой шлифовкой. Уступ первоначально намечен канавкой, край которой со стороны острия соструган. После этого на головке и прилегающем участке стержня резчиком с шириной кромки 0,5 мм нанесен тонкий гравированный орнамент. На нижнем конусе головки через равные промежутки расположены три «елочки» с изогнутыми ветвями, обращенные вершинами к насаду. В промежутках между ними – три пары коротких поперечных нарезок. Три пары также коротких, но продольных нарезок располагаются на переходе головки в стержень. На некотором удалении от них, в самом начале стержня на разных сторонах прочерчены две группы из трех поперечных нарезок. После нанесения орнамента вся поверхность наконечника (кроме насада) была отполирована до блеска. Поверх полировки на стержне на расстоянии четверти длины орудия от острия углом сломанной пластинки (или отщепы) выгравирована группа тонких неровных, частично пересекающихся продольных, поперечных и косых линий. Подобные гравировки на тщательно отполированных изделиях в мезолите лесной зоны Восточной Европы крайне редки. Следы, характерные для наконечников стрел, на кончике острия выражены крайне слабо, вероятно, они возникли от однократного попадания в озерное дно (*Zhilin, 2015*). Этот наконечник был найден в южной части раскопа, где он торчал почти вертикально в озерном дне острием вниз. Во время заселения стоянки здесь было прибрежное мелководье, и выстрел был явно произведен в воду с очень близкого расстояния. Вместе с богатым орнаментом и наличием специальной метки на стержне это может указывать на определенные ритуальные действия, связанные с водой. В таких же условиях, торчащими в озерном дне, были найдены три костяных наконечника стрел на стоянке Ивановское 3 (*Савченко, Жилин, 2016*), в том числе упомянутый выше со спиральным орнаментом (рис. 3: 6).

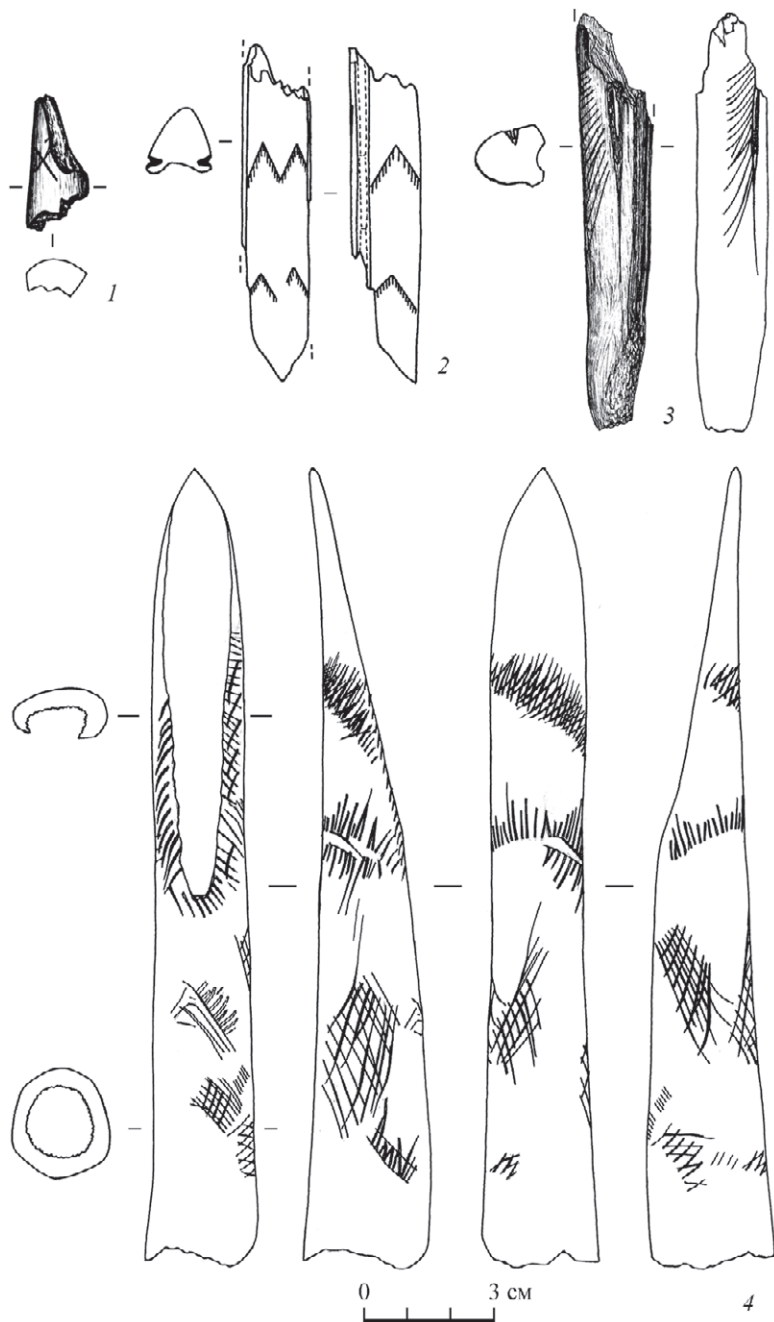
Наконечники дротиков или метательных копий

Количество этих наконечников на рассмотренных стоянках в несколько раз уступает наконечникам стрел, и большинство их также лишено знаков, изображений или орнаментов. Имеющиеся изображения на наконечниках дротиков

и метательных копий не повторяются. Примечательно, что на крупных наконечниках массивных колющих копий или рогатин (Жилин, 2017), представленных на стоянках первой половины мезолита значительными сериями, знаки и изображения не встречены.

Косой крестик сохранился на обломке массивного стержня, вероятно, наконечника копья, из III культурного слоя раскопа 2 Станового 4 (рис. 5: 1). На другом обломке подобного стержня из того же слоя был нанесен поясok из коротких косых нарезок. Параллельные косые линии идут от конца паза в сторону насада наконечника из слоя IV Ивановского 7 (рис. 5: 3). На обломке средней части трехгранного наконечника копья с двумя пазами из III культурного слоя раскопа 3 Станового 4 сохранились две пары уголков из тонких гравированных линий с отходящими от них «ресничками» (рис. 5: 2).

Особый интерес представляет целый втульчатый наконечник копья из трубчатой кости медведя (по определению П. А. Косинцева) из слоя IV Ивановского 7. Эпифиз удален, конец кости срезан наискось, поверхность тщательно выстругана. Резчиком с узкой (0,5 мм) кромкой в технике гравировки (с использованием как всей ширины режущей кромки, так и одного угла инструмента) нанесены геометрические изображения, после чего изделие было очень тщательно полировано (рис. 5: 4). Большая часть поверхности покрыта различными геометрическими изображениями. По срезу пера идут короткие косые линии, опускающиеся к насаду. На правой стороне они пересекаются под прямым углом такими же линиями. На этой же стороне, в 2 см ниже среза пера – четыре косые параллельные друг другу линии (от верхней отходят перпендикулярные ей короткие насечки), а еще в 0,5 см ниже – участок косой сетки из очень тонких линий, чуть выше которых – шесть коротких косых линий, параллельных одной группе нарезок, образующих эту сетку. Несколько ниже, но уже большей частью на боковой поверхности, расположен еще участок косой сетки, правее которого прочерчены четыре короткие параллельные линии, а далее – несколько коротких пересекающихся. В 2 см выше их (на той же боковой поверхности втулки, но ближе к перу, частично переходя на противоположную срезу плоскость) находятся два вытянутых участка косой сетки, смыкающихся нижними концами и расходящихся (в сторону острия) верхними. На противоположной боковой поверхности втулки выгравирован вытянутый участок косой сетки, правее и ниже его – две косые линии, соединенные короткими косыми и поперечными нарезками в виде неправильной лесенки. На противоположной срезу поверхности пера, начинаясь на левом крае в 4,5 см от острия наискось в сторону насада до другого края пера, идет полоса косой сетки 0,7–1,0 см шириной. Ниже от одного до другого края поперек пера нанесена полоса продольных штрихов длиной 0,5–1,1 см. У правого края она подчеркнута косой линией, под острым углом к которой отходит еще одна линия, а от нее в сторону насада – такие же штрихи. В целом композиция изображения довольно сложная и может рассматриваться как сочетание орнамента (по краям среза пера и, возможно, на его противоположной поверхности) с хаотически разбросанными по поверхности втулки отдельными знаками и рисунками. Кончик острия довольно тупой, следы износа крайне слабые и могут, скорее, свидетельствовать о единичных втыканиях наконечника

Рис. 5. Костяные наконечники копий

1, 2 – Становое 4, раскоп 3, слой III; 3, 4 – Ивановское 7, слой IV

в грунт, чем о регулярном использовании его на охоте. В сочетании с необычайно сложным изображением и чрезвычайно тщательной отделкой поверхности это может указывать на специфическое, возможно, ритуальное назначение данного наконечника.

Охотничьи ножи и кинжалы

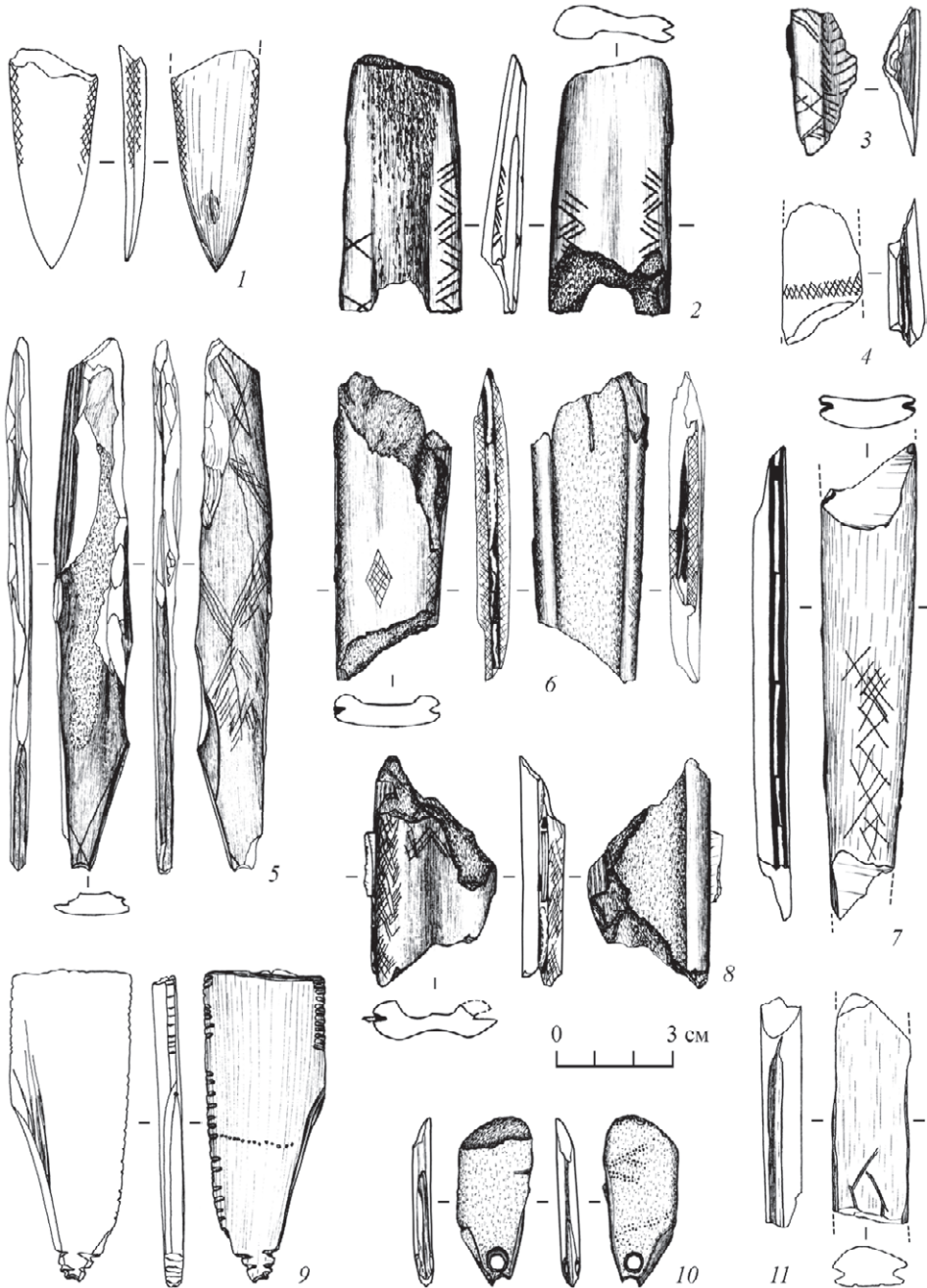
Среди рассмотренных материалов различные знаки и изображения встречаются на охотничьих ножах и кинжалах чаще, чем на наконечниках стрел, дротиков и копий.

Группа пересекающихся косых крестиков, местами образующих косую сетку, нанесена на обломке кинжала из локтевой кости лося и на одной поверхности обломка вкладышевого кинжала (рис. 6: 7) из III культурного слоя раскопа 3 Станового 4. На обломке другого вкладышевого кинжала из того же слоя косые крестики сочетаются с разнонаправленными отрезками линий (рис. 6: 3). Пересекающиеся косые крестики, образующие полосу косой сетки, нанесены с двух сторон по краям обломка плоского кинжала из слоя IV Ивановского 7 (рис. 6: 1). Подобная полоса косой сетки из пересекающихся крестиков идет поперек обломка вкладышевого кинжала из III культурного слоя раскопа 3 Станового 4 (рис. 6: 4).

На обломке рукояточной части другого кинжала из того же слоя вырезан зигзаг из коротких отрезков трех линий с двух сторон вдоль края с пазом, по другому краю – с одной стороны то же, с другой – косые крестики (рис. 6: 2). На обломке кинжала с пазами из III культурного слоя раскопа 2 Станового 4 вдоль одного края полоса косой сетки, в средней части плоскости, прочерчен поперечный зигзаг из тройной тонкой линии (рис. 6: 8). По краям лезвия обломка вкладышевого кинжала из того же слоя нанесена косая сетка из пересекающихся крестиков, в середине одной плоскости – продольная елочка.

Остатки неясного рисунка из мелких сверленных точек сохранились на обломке лезвия плоского кинжала, из которого был вырезан рыболовный крючок из III культурного слоя раскопа 3 Станового 4 (рис. 6: 10). По краям плоского кинжала, также из III культурного слоя раскопа 3 Станового 4, сделаны группы тонких поперечных нарезок, от них на спинке вдоль краев нанесены короткие широкие поперечные нарезки. От одного края к другому под углом около 80 % к оси высверлен ряд мелких точек. С одного конца этого обломка был отделен рыболовный крючок, затем по краям этого конца нанесены глубокие нарезки, превратившие обломок в подвеску (рис. 6: 9).

На обломке кинжала с пазами из того же слоя выгравирован продольный ряд крупных ромбов из нескольких линий, с одного конца этого обломка был отделен рыболовный крючок (рис. 6: 5). На плоской поверхности обломка вкладышевого кинжала из слоя IV Ивановского 7 резчиком с узкой кромкой была вырезана фигура в виде неправильного ромба (рис. 6: 11). Вдоль краев обломка кинжала с пазами из III культурного слоя раскопа 2 Станового 4 с двух сторон нанесена косая сетка из пересекающихся крестиков, на одной плоскости заштрихованный косой сеткой ромб (рис. 6: 6).

Рис. 6. Обломки костяных кинжалов

1, 11 – Ивановское 7, слой IV; 2–5, 7, 9, 10 – Становое 4, раскоп 3, слой III; 6, 8 – Становое 4, раскоп 2, слой III

Технология нанесения знаков и изображений

За исключением описанных выше изображений, нанесенных при помощи токарного станка, технология нанесения знаков и изображений на изученные предметы вооружения достаточно проста. Короткие мелкие поперечные и косые нарезки наносились тонким лезвием кремневого неретушированного ножа (пластины или отщеп). Движение одностороннее, более удобным представляется резание «на себя». Такими нарезками украшались края наконечников стрел, кинжалов и охотничьих ножей.

Наиболее распространенным приемом нанесения знаков и изображений на предметы вооружения в раннем мезолите Волго-Окского междуречья, как и лесной зоны Восточной Европы в целом, являлась гравировка. Под этим термином понимается нанесение любых изображений, выполненных тонкими мелкими линиями (ширина и глубина менее 0,5 мм), прочерченными острым резчиком с точечной кромкой, как правило, углом слома кремневой пластины или отщеп. Движение инструмента возможно как на себя, так и от себя, в любом случае при минимальных усилиях. Двигая инструмент вперед, назад, влево и вправо, можно наносить любые знаки, рисунки и орнаменты, состоящие из тонких линий.

Глубокая резьба в отличие от гравировки выполнялась резцом с более прочной и широкой кромкой. Для этой цели наиболее хорошо подходят резцы на слома заготовки с шириной режущей кромки около 1 мм. Они дают устойчивую линию шириной и глубиной около 1 мм, а если надо – и глубже, а также позволяют прикладывать значительные усилия. Детали изображения удобно вырезать углом кромки такого резца. Движения резцом возможны в любом направлении. В зависимости от угла постановки и направления движения таким резцом можно вырезать любые изображения в технике глубокой резьбы. Этот прием сравнительно широко распространен в мезолите лесной зоны Восточной Европы, но встречен только на единичных предметах вооружения, рассмотренных в данной статье. Это вкладышевый наконечник стрелы из нижнего (IV) слоя стоянки Становое 4 (рис. 2: 6) и обломок вкладышевого ножа или кинжала из нижнего (IV) слоя стоянки Ивановское 7 (рис. 6: 11).

Последним редким способом нанесения изображений в рассмотренной коллекции являлось высверливание. Изображения состояли из очень мелких (не более 0,5 мм в диаметре и по глубине) точек, нанесенных кончиком тонкого кремневого острья. Обломок кинжала с рисунком, выполненным в этой технике, найден в III культурном слое раскопа 3 стоянки Становое 4 (рис. 6: 10).

Иногда при создании более сложных композиций применялось сочетание различных способов нанесения орнамента. Примером этого в нашей коллекции является обломок кинжала из III культурного слоя раскопа 3 стоянки Становое 4, на котором сочетаются узкие нарезки на кромке одного края, мелкие короткие широкие нарезки по плоскости вдоль обоих краев и поперечный ряд мелких высверленных точек на той же плоскости (рис. 6: 9).

Почти на всех исследованных нами изделиях орнамент наносился после чистовой обработки поверхности предмета строгальным ножом, скобелем или шлифовкой, а после его нанесения многие изделия тщательно полировались. При этом углубленные более темные линии, нарезки и точки четко выделялись

на ярком гладком фоне полированной кости и рога, что усиливало восприятие изображений. Единственным исключением является описанный выше наконечник стрелы из нижнего (IV) слоя стоянки Ивановское 7 (рис. 2: 8), на котором поверх полировки процарапан знак из пересекающихся линий.

Рассмотренные материалы показывают, что в раннем мезолите Волго-Окского междуречья знаки и различные изображения встречаются как на костяных наконечниках метательного вооружения (стрел и копий), так и на оружии ближнего боя – охотничьих ножах и кинжалах. Среди наиболее многочисленной категории – наконечников стрел – только около 11 % имеют какие-либо изображения. Так же редки и наконечники метательных копий с изображениями, а на наконечниках массивных колющих копий и редких наконечниках гарпунов знаки и изображения не отмечены вовсе. Доля изделий с изображениями несколько выше среди кинжалов. На наконечниках стрел и метательных копий преобладают знаки и простые изображения, изделия со сложными геометрическими рисунками единичны. Особенности их обработки и следов использования, как и контекст находки некоторых наконечников стрел, позволяет предполагать их ритуальное назначение и применение. Доля сравнительно сложных изображений на кинжалах выше, чем на наконечниках метательного вооружения, на ряде кинжалов и охотничьих ножей знаки сочетаются с орнаментом, подчеркивающим форму изделия.

Двух повторяющихся предметов вооружения с одинаковыми знаками и изображениями среди рассмотренных предметов не встречено. Это позволяет сделать вывод о том, что на предметах вооружения из кости в раннем мезолите Волго-Окского междуречья они являлись, прежде всего, личными метками. При этом многие из них придавали предметам декоративность, что, вероятно, также было целью их нанесения.

ЛИТЕРАТУРА

- Жилин М. Г.*, 1993. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М.: Русская равнина. 54 с.
- Жилин М. Г.*, 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС. 326 с.
- Жилин М. Г.*, 2013. Традиции и инновации в развитии костяной индустрии бутовской культуры // SP. № 1. С. 1–30.
- Жилин М. Г.*, 2014. Костяная индустрия бутовской культуры. Преемственность и трансформации в развитии [Электронный ресурс]. М.: ИА РАН. 300 с. URL: http://archaeolog.ru/media/books_2014/Zhilin.pdf (дата обращения: 09.02.2020).
- Жилин М. Г.*, 2017. Наконечники колющих копий в мезолите лесной зоны Восточной Европы // КСИА. Вып. 249. Ч. 1. С. 56–73.
- Крайнов Д. А., Ошибкина С. В., Зимица М. П.*, 1992. Искусство каменного века. М.: Наука. 136 с.
- Лозе И. А.*, 1988. Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига: Зинатне. 211 с.
- Лозовский В. М.*, 1997. Искусство мезолита – раннего неолита Волго-Окского междуречья (по материалам стоянки Замостье 2) // Древности Залесского края: материалы Междунар. науч. конф. «Каменный век европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев Посад. С. 33–51.
- Ошибкина С. В.*, 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука. 296 с.
- Ошибкина С. В.*, 1997. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука. 205 с.

- Ошибкина С. В., 2006. Мезолит Восточного Прионежья. Культура веретье. М.: Гриф и К. 322 с.
- Ошибкина С. В., 2017. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье). М.: ИА РАН. 139 с.
- Савченко С. Н., Жилин М. Г., 2016. Следы ритуальной деятельности в прибрежной части мезолитических стоянок в Среднем Зауралье и Верхнем Поволжье // Археология сакральных мест России: сб. тез. докл. науч. конф. / Отв. ред. А. Я. Мартынов. Соловки: Соловецкий музей-заповедник. С. 10–14.
- Скаун Н. Н., Жилин М. Г., Терехина В. В., 2014. История изготовления и использования одного наконечника из стоянки Ивановское VII // АВ. Вып. 19. СПб.: Арт-Экспресс. С. 161–179.
- Zhilin M. G., 2001. Technology of the manufacture of bone daggers in the Mesolithic of Upper Volga // Crafting bone: Skeletal Technologies through Time and Space / Eds.: A. M. Choykie, L. Bartosiewicz. Oxford: Archaeopress. P. 149–156. (BAR International series; 937.)
- Zhilin M., 2015. Early Mesolithic bone arrowheads from the Upper Volga // Fennoscandia Archaeologica. XXXII. P. 35–54.

Сведения об авторе

Жилин Михаил Геннадиевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: mizhilin@yandex.ru

M. G. Zhilin

SIGNS AND IMAGES ON BONE WEAPONRY
IN THE EARLY MESOLITHIC AGE OF THE VOLGA-OKA INTERFLUVE

Abstract. In the Early Mesolithic Age of the Volga-Oka interfluve various signs and geometrical images occur on different weapons made from bone: arrowheads, spearheads, javelins, hunting knives and daggers. Simple signs and images that decorate the item and can be also used as a personal mark are the most numerous. Sophisticated geometric images, made in a distinctive style each, are not so common. These images can be seen on daggers and hunting knives, whereas simple signs and images are more characteristic for arrowheads. At the same time, some arrowheads and spearheads noted for carefulness of treatment and sophisticated geometric images should be singled out. Considering the context of the find, we can assume that, in some cases, these objects were not intended for everyday use.

Keywords: images, weaponry, Early Mesolithic, Volga-Oka interfluve.

REFERENCES

- Kraynov D. A., Oshibkina S. V., Zimina M. P., 1992. *Iskusstvo kamennogo veka* [Art of the Stone Age]. Moscow: Nauka. 136 p.
- Loze I. A., 1988. *Poseleniya kamennogo veka Lubanskoj niziny. Mezolit, rannij i srednij neolit* [Stone Age settlements of Luban lowland: Mesolithic, early and middle Neolithic]. Riga: Zinatne. 211 p.
- Lozovskiy V. M., 1997. *Iskusstvo mezolita – rannego neolita Volgo-Okskogo mezhdurech'ya* (po materialam stoyanki Zamost'ye 2) [Art of Mesolithic – early Neolithic of Volga-Oka interfluve (based on materials from settlement Zamostje 2)]. *Drevnosti Zalessskogo kraja: materially mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «Kamennyj vek evropejskikh ravnin: Ob'yekty iz organicheskikh materialov i struktura poselenij kak otrazheniye chelovecheskoj kul'tury»* [Antiquities of Zaleskiy land:

- proceedings of international scientific conference «Stone Age of European plains: Artifacts from organic matters and settlement structure as reflection of human culture»]. Sergiyev Posad, pp. 33–51.*
- Oshibkina S. V., 1983. Mezolit basseyna Sukhony i Vostochnogo Prionezh'ya [Mesolithic of Sukhona basin and Eastern part of Onega lake region]. Moscow: Nauka. 296 p.
- Oshibkina S. V., 1997. Veret'ye I. Poseleniye epokhi mezolita na Severe Vostochnoy Evropy [Veret'ye I. Settlement of Mesolithic epoch in North of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 205 p.
- Oshibkina S. V., 2006. Mezolit Vostochnogo Prionezh'ya. Kul'tura veret'ye [Mesolithic of Eastern part of Onega lake region. Veret'ye culture]. Moscow: Grif i K. 322 p.
- Oshibkina S. V., 2017. Iskusstvo epokhi mezolita (po materialam kul'tury Veret'ye) [Art of Mesolithic Age (based on materials of Veret'ye culture)]. Moscow: IA RAN. 139 p.
- Savchenko S. N., Zhilin M. G., 2016. Sledy ritual'noy deyatel'nosti v pribrezhnoy chasti mezoliticheskikh stoyanok v Srednem Zaural'ye i Verkhnem Povolzh'ye [Traces of ritual activity in coastal parts of Mesolithic stations in Middle Trans-Ural and Upper Volga regions]. *Arkheologiya sakral'nykh mest Rossii [Archaeology of Russia sacral places]*. A. Ya. Martynov, ed. Solovki: Solovetskiy muzey-zapovednik, pp. 10–14.
- Skakun N. N., Zhilin M. G., Terekhina V. V., 2014. Istoriya izgotovleniyai i spol'zovaniya odnogo nakonechnika iz stoyanki Ivanovskoye VII [History of manufacturing and use of one point from settlement Ivanovskoye VII]. *AV*, 20. St. Petersburg: Art-Ekspres, pp. 161–179.
- Zhilin M. G., 1993. Kostyanoye vooorzheniye drevneyshego naseleniya Verkhnego Povolzh'ya [Bone weaponry of earliest population of Upper Volga region]. Moscow: Russkaya ravnina. 54 p.
- Zhilin M. G., 2001. Kostyanaya industriya mezolita lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Bone industry of forest zone of Eastern Europe in Mesolithic]. Moscow: URSS. 326 p.
- Zhilin M. G., 2013. Traditsii i innovatsii v razvitii kostyanoy industrii butovskoy kul'tury [Traditions and innovations in development of bone industry of Butovo culture]. *SP*, 1, pp. 1–30.
- Zhilin M. G., 2014. Kostyanaya industriya butovskoy kul'tury. Preyemstvennost' i transformatsii v razvitii (Elektronnyy resurs) [Bone industry of Butovo culture. Continuity and transformations in development (Electronic resource)]. Moscow: IA RAN. 300 p. URL: http://archaeolog.ru/media/books_2014/Zhilin.pdf
- Zhilin M. G., 2017. Nakonechniki kolyushchikh kopiy v mezolite lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Thrusting spearheads from Mesolithic of the Eastern Europe forest zone]. *KSIA*, iss. 249, part I, pp. 56–73.

About the author

Zhilin Mikhail G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: mizhilin@yandex.ru

С. Н. Савченко

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ С ОЗЕРА ВЕЧЕРА И ИХ АНАЛОГИИ В МЕЗОЛИТЕ-НЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И УРАЛА¹

Резюме. При добыче сапропеля на озере Вечера в Любанском районе Минской области Республики Беларусь были извлечены различные древние предметы, собранные, изученные и опубликованные Н. Н. Кривальцевичем. В том числе было получено 125 костяных и роговых изделий. Сопоставление их с мезолитическими и неолитическими материалами соседних территорий и неолитических памятников Беларуси с костяным инвентарем позволило предположительно выделить среди них предметы мезолитического и неолитического облика. Два кинжала и 4 наконечника стрел декорированы гравированными линейными изображениями. Помимо декорированных предметов охотничьего вооружения в коллекции Озерного 2Б имеются два уникальных артефакта неутилитарного назначения с зооморфным и антропоморфными изображениями. Рассмотренные восточноевропейские и уральские аналогии не только типам костяных изделий с озера Вечера, но и изображениям на них позволяют связать эти артефакты с кругом мезолитических и неолитических восточноевропейских и уральских культур лесной зоны.

Ключевые слова: Республика Беларусь, озеро Вечера, костяные изделия с изображениями, мезолит, неолит, Восточная Европа, Урал.

Озеро Вечера находится в Любанском районе Минской области Республики Беларусь (рис. 1) в бассейне реки Орессы, которая относится к бассейну реки Припяти. В геоморфологическом плане это район равнин и низин Предполесья. Озеро расположено на одной из заболоченных низин, берега его низкие и заболоченные, и только на восточном юго-восточном берегу возвышаются небольшие песчаные дюны. Археологическое обследование района было осуществлено в 1985–1992 гг. Н. Н. Кривальцевичем. В настоящее время на берегах озера

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-59-00007.

Рис. 1. Памятники и местонахождения каменного века Восточной Европы и Урала с декорированными костяными и роговыми изделиями

1 – озеро Вечера (Озерное 2); 2 – Полице; 3 – Злотув; 4 – Видно; 5 – Кремпковице; 6 – Крокова; 7 – Лукоме-Колоня; 8 – Ренкавчин; 9 – Ленгно; 10 – Пецки; 11 – Ожиш; 12 – озеро Вонз; 13 – Нове Юхы; 14 – Подгорвка (Schirguröpen); 15 – Круча Скала; 16 – озеро Лубана; 17 – Оленеостровский могильник; 18 – Веретье I; 19 – Нижнее Веретье; 20 – Сухое; 21 – могильник Попово; 22 – Песчаница; 23 – Озерки 5; 24 – Окаемово 5; 25 – Замостье 2 и Милино 2; 26 – Берендеево 18; 27, 28 – Ивановское III и VII; 29 – Становое 4; 30 – пещера Камень Дыроватый; 31 – Горбуновский торфяник (Береговая II); 32 – Шигирский торфяник; 33 – Кокшаровский торфяник (Кокшаровско-Юрьинская I и II); 34 – пещера Лобвинская

Вечера известно семь памятников, где представлены материалы каменного, бронзового и раннего железного веков (Кривальцевич, Симакова, 2004. С. 11).

Костяные изделия, которым посвящена эта статья, являются случайными находками. Они были собраны Н. Н. Кривальцевичем в котлованах-отстойниках с сапропелем, выкаченным насосами со дна водоема. Сапропель добывался у подножия низкого песчаного мыса юго-восточного берега. На мысу расположено поселение Озерное 2А, с подводной части которого и были получены находки (рис. 2). Надводная часть памятника в 1970-х гг. была почти полностью уничтожена при закладке котлована-отстойника и лесопосадках. На мысу собран малочисленный подъемный материал – изделия из камня и фрагменты керамики днепро-донецкой неолитической культуры и среднеднепровской

Рис. 2. Карта-схема расположения поселений Озерное 1 и 2 на озере Вечера

1 – поселение Озерное 1; *2А* – поселение Озерное 2 (стоянка на коренном берегу); *2Б* – поселение Озерное 2 (подводная часть стоянки) (по: *Крывальцэвіч, 2008*)

культуры периода ранней бронзы. Изделия из органических материалов на коренном берегу не сохранились (*Кривальцевич*, 1996. С. 147).

Артефакты с подводной части памятника, получившей название Озерное 2Б, были найдены в переотложенном виде в котлованах-отстойниках. Граница подводной части поселения была примерно определена путем фиксации зоны озера, со дна которой был добыт сапропель (рис. 2). Всего в котлованах было собрано 125 костяных и роговых изделий, а также изделия из кремня и фрагменты керамики днепро-донецкой и среднеднепровской культур (Там же. С. 148).

Сопоставление изделий из кости и рога Озерного 2Б с мезолитическими и неолитическими материалами соседних территорий и неолитических памятников Беларуси с костяным инвентарем позволило предположительно выделить среди них предметы мезолитического и неолитического облика. Поскольку 95,7 % из общего числа фрагментов керамики, собранной в отстойниках, принадлежат сосудам днепро-донецкой неолитической культуры, Н. Н. Кривальцевич обоснованно предполагает, что костяные изделия неолитического облика связаны именно с ней (Там же. С. 163). Мезолитическая костяная индустрия Беларуси не изучена, а имеющиеся на сегодняшний день материалы представлены в основном случайными находками. Артефакты мезолитического облика с озера Вечера сопоставлялись с материалами восточноевропейских памятников, известных на тот момент и датируемых главным образом поздним и средним мезолитом. Соотнесению изделий мезолитического облика преимущественно с поздним мезолитом способствовало также наличие на соседнем мысу поселения Озерное 1 (рис. 2), в кремневом инвентаре которого был выделен значительный комплекс позднемезолитической кудлаевской культуры (*Кудряшов, Кривальцевич*, 1994). В связи с этим, с большой долей вероятности, можно предположить, что часть костяных и роговых изделий со дна озера имеет отношение к кудлаевской культуре, костяная индустрия которой из-за отсутствия памятников с таким инвентарем пока не изучена (*Кривальцевич*, 1996. С. 162, 163; *Кривальцевич, Симакова*, 2004. С. 11).

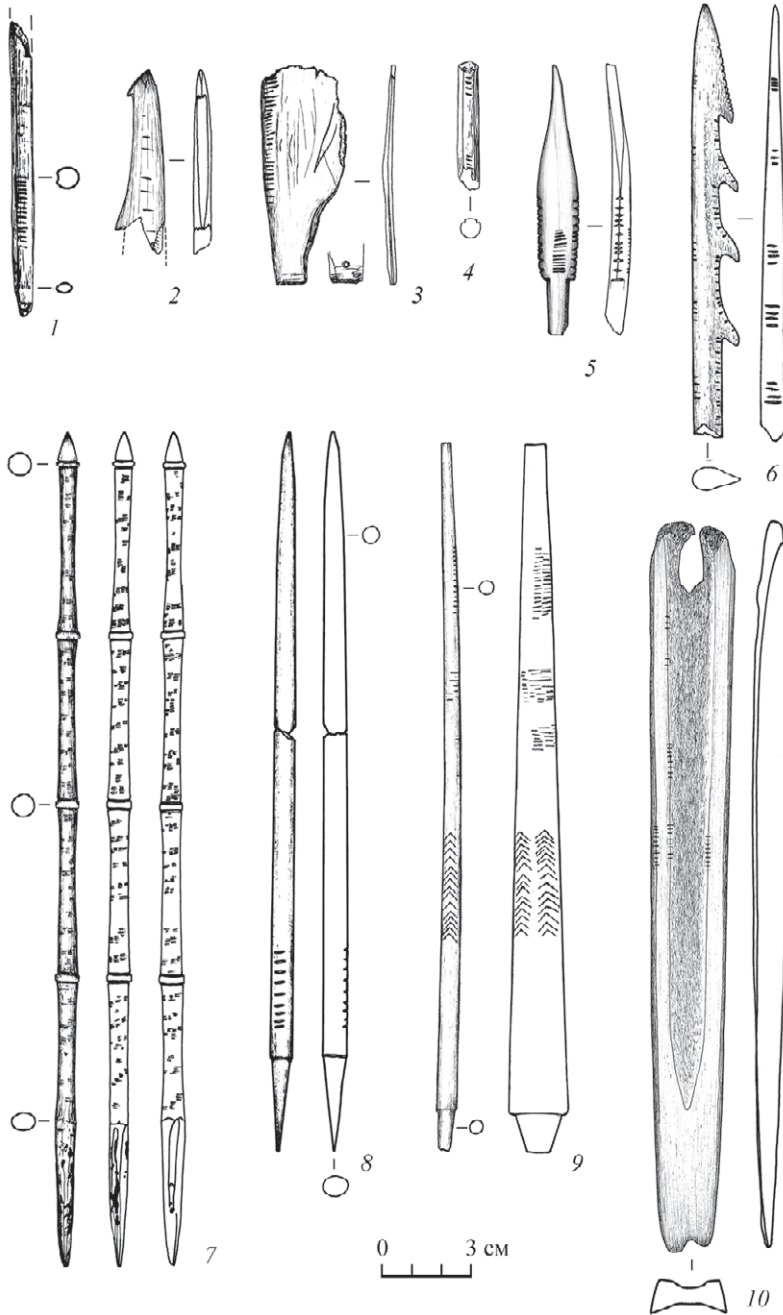
Сопоставление костяных и роговых артефактов Озерного 2Б с мезолитическими материалами лесной зоны Восточной Европы и Урала, в том числе с полученными за последние два десятилетия раннемезолитическими материалами, показало сходство многих типов орудий с изделиями, бытовавшими у населения этой обширной территории, имевшего сходную костяную индустрию. Это подтверждает правильность датировки части костяного инвентаря Озерного 2Б мезолитом и говорит о связях живших здесь людей с представителями восточноевропейской кундско-бутовской культурной общности. При этом нужно отметить, что в коллекции есть типы изделий, характерные для раннего, среднего и позднего мезолита. Имеются также костяные предметы, находящие аналогии в материалах неолитических культур Восточной Европы. Это позволяет говорить о присутствии на памятнике материалов разного времени, причем не только позднего мезолита, раннего неолита и бронзы, о чем свидетельствует наличие на поселении соответствующих типов керамики и памятника кудлаевской культуры на соседнем мысу, но, вероятно, и более ранних артефактов, датируемых ранним и средним мезолитом.

Еще одной яркой чертой, которую обычно рассматривают при анализе костяного инвентаря, является наличие предметов с изображениями. В мезолитических материалах лесной зоны Восточной Европы и Урала чаще всего встречаются гравированные линейные геометрические изображения на различных орудиях и инструментах. В них отобразились мировоззренческие представления живших здесь охотников-рыболовов-собирателей. Обращает на себя внимание общность целого ряда элементов декора в рассматриваемом обширном регионе, что свидетельствует о существовании сходных культурных традиций, а также передаче знаний и представлений через определенную знаковую систему, сформировавшуюся на этой территории.

Декорированные гравированными линейными изображениями предметы Озерного 2Б немногочисленны, судя по публикациям, их всего шесть экземпляров (*Крывальцэвіч*, 1996. С. 152–155; 2008). Все они относятся к охотничьему вооружению и представлены двумя вкладышевыми кинжалами, двумя игловидными наконечниками стрел – цельным и вкладышевым – и двумя узкими плоскими симметричными наконечниками без пазов. Кинжалы и игловидные наконечники типологически (по аналогиям) можно отнести к мезолиту, узкие плоские симметричные наконечники датируются очень широко – от раннего мезолита до неолита.

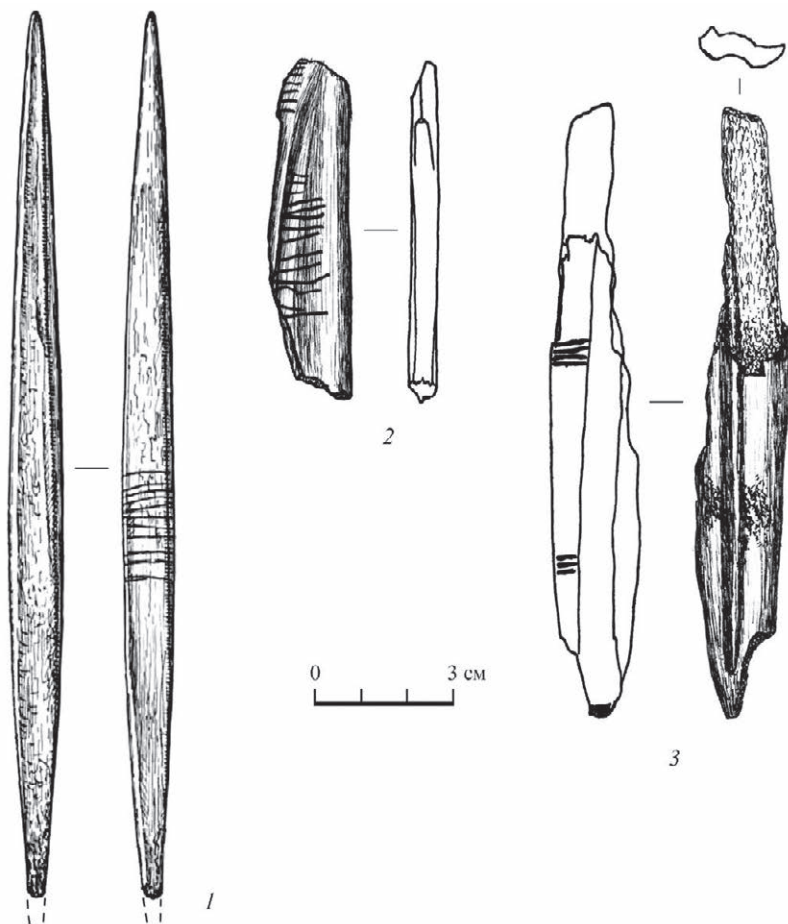
На рассматриваемых предметах представлены следующие простые гравированные линейные изображения. «Столбик» из горизонтальных коротких отрезков изображен на обломке игловидного наконечника округлого сечения (рис. 3: 1). Есть мнение, что столбики из отрезков или насечек, горизонтальных или слегка наклонных, являются счетными знаками. Подобные изображения отмечены на ряде промысловых орудий Восточной Европы – случайных находках из Польши: цельных игловидных наконечниках округлого сечения и наконечниках гарпунов, которые исследователи предположительно датируют поздним палеолитом (*Galinski*, 2013. P. 129, 130. Fig. 32: 3–5; 33: 2, 7); орудиях из раскопанных стоянок среднего и позднего мезолита в Верхнем Поволжье: Становое 4, культурный слой III (рис. 3: 7) (*Жилин*, 2014. Рис. 45: 8), Ивановское VII, культурный слой III (рис. 3: 2) (*Жилин и др.*, 2002. С. 26), Озерки 5, нижний культурный слой (рис. 3: 3) (*Жилин*, 2006. С. 130. Рис. 62: 2); памятниках средне-мезолитической культуры веретье в Восточном Прионежье: Веретье I, Сухое (*Ошибкина*, 2017). На Урале они встречены на обломке игловидного наконечника со стоянки Кокшаровско-Юрьинская I (рис. 3: 4) (*Жилин и др.*, 2012. С. 191. Рис. 24: 13) и обломке двукрылого наконечника со стоянки Кокшаровско-Юрьинская II (рис. 3: 5) (Там же. С. 211. Рис. 44: 12). Обе стоянки датируются средним мезолитом. «Столбики» из коротких гравированных отрезков украшают ряд предметов мезолитического облика из коллекции случайных находок с Шигирского торфяника (рис. 3: 6, 8–10).

Изображение в виде гравированных поперечных прямых параллельных линий, выполненное на узком плоском наконечнике стрелы (рис. 4: 1) находит аналогии на двух наконечниках гарпунов из Польши, предположительно датируемых поздним палеолитом и поздним мезолитом (*Galinski*, 2013. P. 127, 130. Fig. 31: 1; 33: 4); на отдельных предметах с поселений Веретье I и Сухое культуры веретье (*Ошибкина*, 2017. С. 80, 85; Рис. 7: 1; 12: 3); на обломках зубчатого

Рис. 3. Костяные изделия с гравированными изображениями

1 – Озерное 2Б; 2 – Ивановское VII, культурный слой III; 3 – Озерки 5, нижний культурный слой; 4 – Кокшаровско-Юрьинская I; 5 – Кокшаровско-Юрьинская II; 6, 8–10 – Шигирский торфяник; 7 – Становое 4, культурный слой III

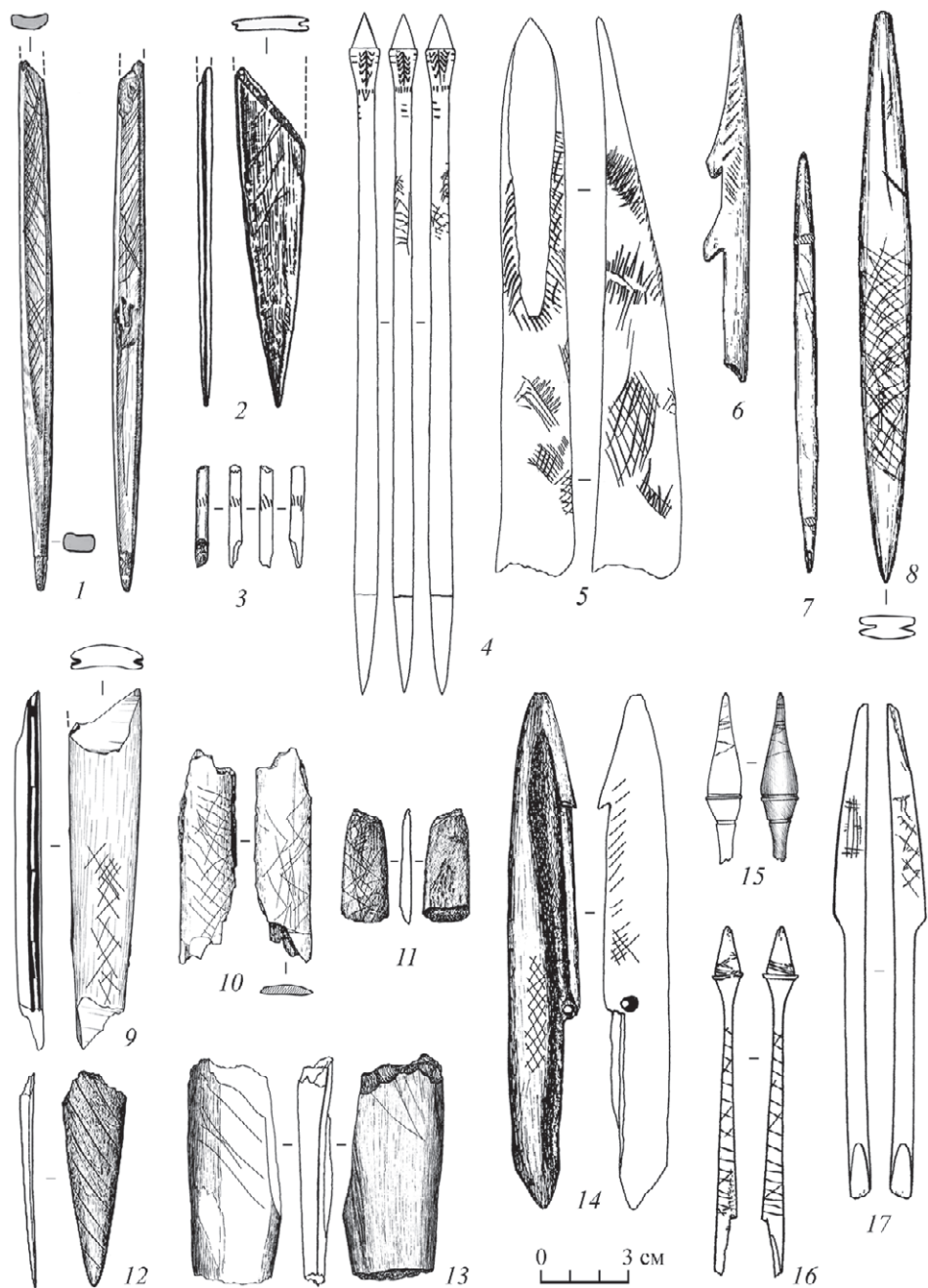

Рис. 4. Костяные изделия с гравированными изображениями

1 – Озерное 2Б; 2, 3 – Озерки 5, нижний культурный слой

острия (рис. 4: 2) и кинжала (рис. 4: 3) из слоя финала мезолита стоянки Озерки 5 в Верхнем Поволжье (Жилин, 2006. С. 125, 126. Рис. 57: 2; 58: 5).

Косые параллельные и/или скрещивающиеся, как правило, бессистемно, только на отдельных участках, тонкие линии – «граффити» – в материалах Озерного 2Б представлены на узком плоском наконечнике (рис. 5: 1) и на обломке узкого прямого обоюдоострого плоского вкладышевого кинжала с двумя пазами (рис. 5: 2). Предметы, декорированные «граффити», в восточноевропейских материалах многочисленны. Этот орнаментальный мотив отмечен не только на предметах вооружения, но и на бытовых орудиях и инструментах. Он встречается на относимом к мезолиту наконечнике стрелы с конической головкой и предположительно позднепалеолитических наконечниках гарпунов из Польши (Galinski, 2013. P. 129, 130. Fig. 32: 6; 33: 3, 5), на артефактах из раскопанных

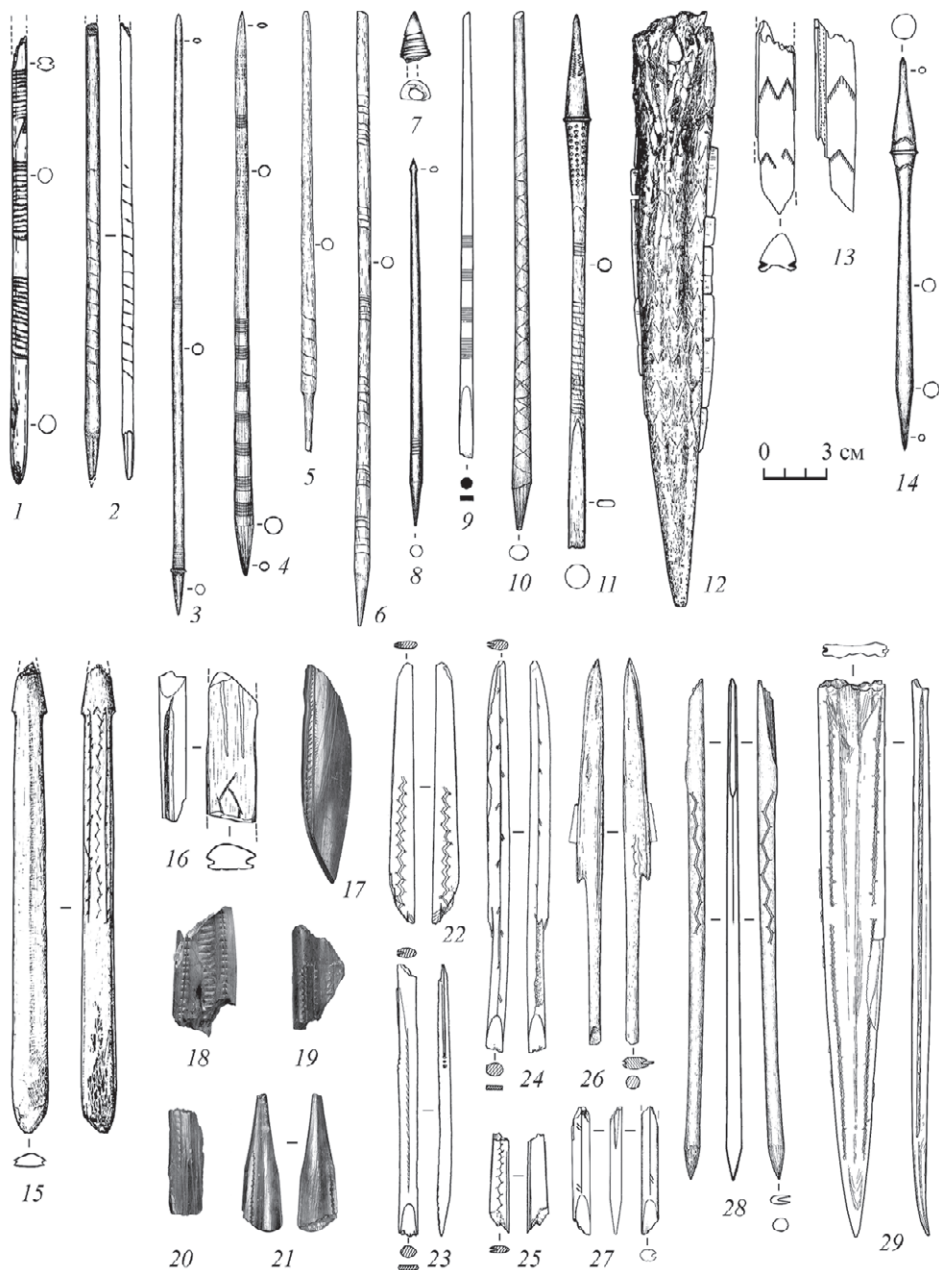
Рис. 5. Костяные изделия с гравированными изображениями

1, 2 – Озерное 2Б; 3, 9 – Становое 4, культурный слой III; 4, 5 – Ивановское VII, культурный слой IV; 6, 8 – Веретье I; 7 – Замостье 2; 10 – Ивановское VII, неолитический культурный слой; 11, 12 – Окаемово 5, культурный слой III; 13 – Ивановское VII, культурный слой III; 14 – Озерки 5, нижний культурный слой; 15 – Шигирский торфяник; 16, 17 – пещера Камень Дыроватый

торфяниковых стоянок от раннего до финального мезолита и неолита. Предметы с подобными изображениями найдены в культурном слое IV стоянки раннего мезолита Ивановское VII (рис. 5: 4, 5) (Жилин и др., 2002. С. 12, 15). В среднем мезолите они в большом количестве представлены на памятниках культуры веретье в Восточном Прионежье – Веретье I, Нижнее Веретье, Сухое (рис. 5: 6, 8) (Ошибкина, 2017), а также на стоянках бутовской культуры в Верхнем Поволжье – Становое 4, культурный слой III (рис. 5: 3, 9) (Жилин, 2014. Рис. 44: 2; 50: 3), Ивановское VII, культурный слой III (рис. 5: 13) (Жилин и др., 2002. С. 26); в позднем и финальном мезолите – на стоянках Замостье 2, мезолитические культурные слои (рис. 5: 7) (Лозовский, 2008. Рис. 1: 20, 21; 3: 18; 4: 9; 6: 2, 3), Окаемово 5, культурный слой III (рис. 5: 11, 12) (Жилин, 2014. Рис. 100: 6, 9; 106: 4), Озерки 5, нижний культурный слой (рис. 5: 14) (Жилин, 2006. Рис. 57: 7), в неолитических культурных слоях стоянок Замостье 2 (Лозовский, Лозовская, 2010. Рис. 3: 9–11) и Ивановское VII (рис. 5: 10) (Жилин и др., 2002. Рис. 95: 3). На Урале «граффити» в основном встречены на костяных наконечниках стрел из пещеры Камень Дыроватый (рис. 5: 16, 17), где наконечники мезолитического облика выделяются типологически (Калинина, 2009), а также на отдельных предметах Шигирской коллекции (рис. 5: 15) (Калинина, 2006. Рис. 7; Савченко, 2007. С. 273).

На двух предметах с Озерного 2Б выполнены более сложные гравированные изображения, включающие два-три элемента. На стержень игловидного вкладышевого наконечника стрелы с двумя короткими пазами в верхней части нанесено три отрезка опоясывающей спирали и между двумя верхними спиралями горизонтальный зигзаг с тремя штрихами на одной из вершин (рис. 6: 1). Гравированные спирали в восточноевропейских мезолитических материалах редкость. Игловидный цельный наконечник без пазов для вкладышей с подобным декором найден в раннемезолитическом IV слое стоянки Ивановское VII (рис. 6: 2). На другом игловидном наконечнике из этого слоя (рис. 6: 3) спираль выполнена по принципу токарного станка (Жилин и др., 2002. С. 11, 12; Zhilin, 2015. P. 43. Fig. 7). Игловидный наконечник с таким орнаментом со стоянки Ивановское III (рис. 6: 4) найден глубоко воткнувшимся в озерное дно, его датировка требует уточнения (Жилин, 2001. С. 32, 33). Еще один подобный наконечник найден на стоянке Берендеево 18 (Жилин, 1993. С. 35. Рис. 3: 10). Своеобразно спиральный мотив представлен на наконечнике лубанского типа – случайной находке из Калининградской области. Выпуклую сторону изделия почти полностью покрывают частые наклонные линии, которые на небольшом куске на середине пера переходят на оборотную плоскость и образуют два небольших участка опоясывающей спирали (Galinski, 2013. P. 129. Fig. 32: 2). В уральских материалах представлена целая серия игловидных цельных наконечников (рис. 6: 5, 6, 8–10) и один наконечник с утолщенной головкой (рис. 6: 11) с гравированными спиралями на стержнях. К сожалению, все они происходят из Шигирской коллекции случайных находок и пока не датированы. Обломок наконечника стрелы, украшенный резной спиралью на утолщенной головке (рис. 6: 7), происходит из среднемезолитической стоянки Кокшаровско-Юрьинская I (Жилин и др., 2012. С. 191. Рис. 24: 16).

Второй элемент изображения – горизонтальный зигзаг встречается достаточно редко и обычно выступает самостоятельным элементом декора. Аналогий

Рис. 6. Костяные изделия с гравированными изображениями

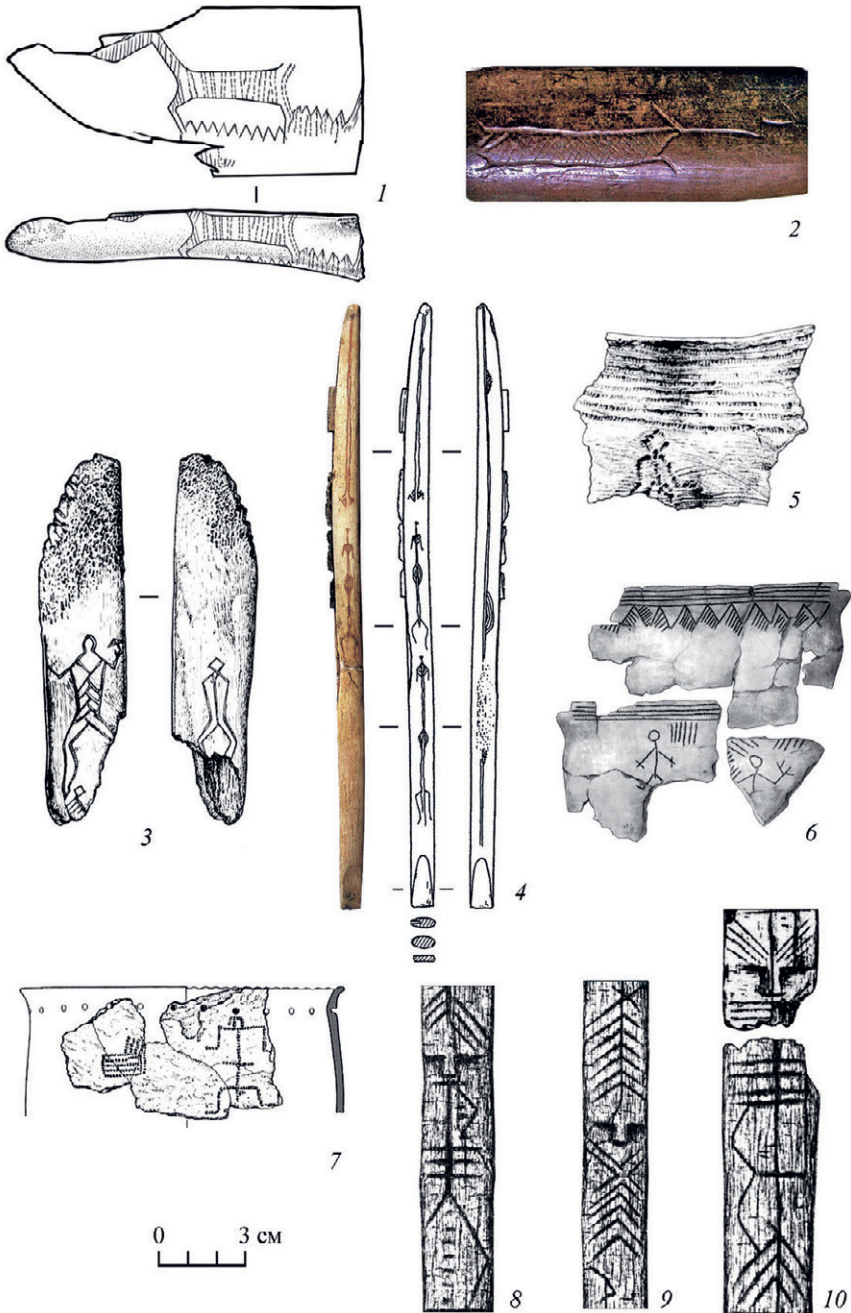
1, 15 – Озерное 2Б; 2, 3, 16 – Ивановское VII, культурный слой IV; 4 – Ивановское III, мезолитический культурный слой; 5, 6, 8–11, 14, 26, 28, 29 – Шигирский торфяник; 7, 27 – Кокшаровско-Юрьинская I; 12 – Оленеостровский могильник, погребение 100; 13 – Становое 4, культурный слой III; 17–21 – Замостье 2; 22–25 – пещера Камень Дыроватый

сочетанию спирали и горизонтального зигзага найти не удалось. В восточноевропейских материалах горизонтальный зигзаг с отходящими в сторону острия частыми короткими отрезками (отростками, «ресничками») представлен на обломке массивного вкладышевого кинжала или наконечника дротика из III культурного слоя раскопа 3 стоянки Становое 4 (рис. 6: 13), относящегося ко второй половине пребореального периода (Жилин, 2014. Рис. 49: 5). Серия коротких параллельных горизонтальных зигзагов гравирована на обломке зубчатого острия с озера Лубана в Латвии. Три костяных изделия, в том числе прямой плоский обоюдоострый вкладышевый кинжал (рис. 6: 12), украшенные тонкими гравированными горизонтальными зигзагами без отрезков, происходят из позднемезолитического Оленеостровского могильника (Гурина, 1956. С. 224. Рис. 122: 1–3). В уральских материалах горизонтальные зигзаги, но не гравированные, а резные, изображены на утолщенной биконической головке наконечника стрелы из Шигирской коллекции (рис. 6: 14) (Савченко, 2007. С. 269).

Гравированное изображение, состоящее из центрального вертикального зигзага с отходящими в обе стороны редкими короткими отрезками и двух прямых линий (также с отходящими отрезками) по краям, представлено на массивном прямом обоюдоостром вкладышевом кинжале с двумя пазами (рис. 6: 15). В восточноевропейских материалах вертикальные зигзаги и линии с отходящими отрезками (отростками, ресничками) или точками встречаются достаточно редко. Прямые линии и зигзаг с отходящими с одной стороны точками являются элементами сложного гравированного изображения на двукрылом наконечнике типа пентекиннен из Пецки, а зигзаг с отходящими в обе стороны отрезками присутствует на наконечнике гарпуна из Ренкавчина в Польше (Galinski, 2013. P. 129, 130. Fig. 32: 1; 33: 1). Остаточные фрагменты двух таких зигзагов, выполненных в технике глубокой резьбы, зафиксированы на обломке раннемезолитического массивного прямого обоюдоострого вкладышевого кинжала с двумя пазами со стоянки Ивановское VII (рис. 6: 16) (Жилин и др., 2002. С. 16), очевидно, близкого по форме рассматриваемому массивному кинжалу с Озерного 2Б. Из позднемезолитических слоев стоянки Замостье 2 происходит серия костяных изделий, на которых в технике глубокой гравировки выполнены прямые линии с «точками или ресничками» (рис. 6: 17–21) (Лозовская, в печати. Рис. 3; 4). В уральских материалах эти декоративные элементы представлены более широко. Разнообразные варианты вертикальных зигзагов и прямых линий с отростками присутствуют на сериях костяных предметов из Шигирской коллекции (рис. 6: 26, 28, 29) (Савченко, 2011; Савченко, Жилин, 2018. С. 98–100) и Камня Дыроватого (рис. 6: 22–25) (Калинина, 2006; 2009). Гравированные вертикальные прямые линии с отходящими парными отрезками отмечены на плоскостях обломка узкого плоского вкладышевого наконечника стрелы из среднемезолитического культурного слоя стоянки Кокшаровско-Юрьинская I (рис. 6: 27). Нужно отметить, что уральские орнаменты в виде вертикальных зигзагов и прямых линий с отростками в отличие от восточноевропейских выполнены в технике тонкой гравировки.

Помимо предметов охотничьего вооружения с линейными гравированными изображениями в коллекции Озерного 2Б имеются два уникальных артефакта неутилитарного назначения с зооморфным и антропоморфными образами. Зооморфная заштрихованная фигура, вероятно, копытного животного (рис. 7: 1)

Рис. 7. Изделия с зооморфными и антропоморфными изображениями

1, 3 – Озерное 2Б; 2 – случайная находка, Латвия; 4 – пещера Камень Дыроватый; 5 – Асавец; 6 – Нида; 7 – Юровичи 3; 8–10 – изображения на Большом Шигирском идоле, Шигирский торфяник

выполнена на обломке птичьей кости. Аналогии подобным индивидуальным изображениям найти сложно. В какой-то мере с ним перекликается гравированное изображение животного на обработанном роговом стержне с Круча Скала в Польше. Зверя (возможно, копытного, но есть мнение, что это рыба или птица) ограничивают с двух сторон линейные геометрические фигуры (ловушка?), составляющие с ним единую композицию. Артефакт датирован аллередом (11920 ± 70 ВР, Poz-2974) (*Osipowicz et al.*, 2020. P. 3. Fig. 2: A). Наиболее близка, на мой взгляд, изображению с озера Вечера фигура копытного животного на костяном кинжале из Латвии (рис. 7: 2). Оба зверя показаны в движении, их фигуры заштрихованы, у животного с Озерного 2Б штриховка поперечная, тулово зверя, изображенного на кинжале, заполнено косой сеткой. К сожалению, кинжал является случайной находкой, но в публикации И. Лозе он отнесен к раннему или среднему мезолиту (*Loze*, 1983. P. 24).

Уникальными являются антропоморфные изображения, выполненные на обломке локтевой кости лося (рис. 7: 3). На гладкой поверхности кости с обеих сторон выгравированы три фигуры. На одной стороне изображен крупный массивный широкоплечий персонаж с овальной головой с согнутыми в локтях и поднятыми вверх руками. Штриховка туловища, возможно, передает одежду. В левой руке он держит какой-то предмет, ноги его слегка согнуты в коленях. У правой ноги этого персонажа помещена мелкая неопределенная фигура с ромбической головой. На другой стороне изображено антропоморфное существо с ромбической головой, ноги его тоже согнуты в полуприседе, руки не показаны. Такие сложные сюжеты свидетельствуют о развитой системе мифологических представлений, что как бы говорит в пользу более позднего (неолитического) возраста этого артефакта. Н. Н. Кривальцевич отнес артефакт к позднему неолиту, опираясь, вероятно, на присутствие антропоморфных персонажей на отдельных сосудах позднего неолита Белоруссии и Литвы (рис. 7: 5–7) (*Кривальцевич*, 1996. С. 162). Однако нужно вспомнить, какая сложная система представлений запечатлена на Большом Шигирском идоле, датируемом рубежом плейстоцена и голоцена.

Рассматриваемые антропоморфные фигуры перекликаются и с другими известными антропоморфными изображениями каменного века. Фигуры с ромбическими или округло-овальными головами известны на неолитических глиняных сосудах не только в Прибалтике, они встречаются на обширной территории вплоть до Зауралья. В какой-то мере они близки антропоморфам на мезолитическом наконечнике стрелы из пещеры Камень Дыроватый (рис. 7: 4) и даже изображениям Большого Шигирского идола, имеющим ромбические и заостренные головы (рис. 7: 8–10). Датировать ярко индивидуальные случайные находки типологически очень затруднительно. Вероятно, кардинально решить вопрос по датировке таких находок смогло бы их прямое датирование AMS-методом.

Рассмотренные восточноевропейские и уральские аналогии не только типам костяных изделий с озера Вечера, но и изображениям на них позволяют связать эти артефакты с кругом мезолитических и неолитических восточноевропейских и уральских культур лесной зоны.

ЛИТЕРАТУРА

- Гурина Н. Н., 1956. Оленеостровский могильник. М.; Л.: АН СССР. 432 с. (МИА; № 47.)
- Жилин М. Г., 1993. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М.: Русская равнина. 54 с.
- Жилин М. Г., 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС. 328 с.
- Жилин М. Г., 2006. Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М.: ИА РАН. 140 с.
- Жилин М. Г., 2014. Преемственность и трансформации в развитии костяной индустрии бутовской культуры. М.: ИА РАН. 299 с.
- Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В., 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М.: Наука. 245 с.
- Жилин М. Г. Савченко С. Н., Сериков Ю. Б., Косинская Л. Л., Косинцев П. А., 2012. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. М.: ИА РАН. 214 с.
- Калинина И. В., 2006. Орнаментальные композиции на мезолитических наконечниках стрел в связи с культовым характером пещеры Камень Дыроватый // ТАС. Вып. 6. Материалы III Тверской археологической конференции и 8-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Т. 1. Тверь: Тверской гос. объедин. музей. С. 393–402.
- Калинина И. В., 2009. Орнаментальные «знаки-метки» и «граффити» на мезолитических наконечниках стрел из пещеры Камень Дыроватый на р. Чусовой // ТАС. Вып. 7. Материалы 9–11-го заседаний научного методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (2004–2006 гг.). Тверь: Тверской гос. объедин. музей. С. 351–372.
- Кривальцевич Н., Симакова Г., 2004. Микрорегион озера Вечера (Предполесье Беларуси): основные этапы освоения и использования (по археологическим и пыльцевым данным) // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 19. С. 11–27.
- Кривальцевіч М., 1996. Касцяныя і рагавыя вырабы каменнага веку з возера Вячэра // 3 глыбі ваякоў. Наш край: гістарычна-культуралагічны зборнік. № 1. Мінск: Наука і тэхніка. С. 147–168.
- Кривальцевіч М., 2008. Гравіраваныя выявы і арнаментальнае аздабленне на касцяных вырабах з возера Вячэра // Na pograniczu światów / Red.: J. Bednarczyk, J. Czebreszuk, P. Makarowicz, M. Szmyt. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie. С. 245–256.
- Кудряшов В. Е., Кривальцевич Н. Н., 1994. Озерное I – новый памятник кудлаевской культуры эпохи мезолита в Белорусском Полесье // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 5. Мінск. С. 97–102.
- Лозовская О. В. О некоторых типах геометрического орнамента в костяном инвентаре мезолитических слоев стоянки Замостье 2 // Образы каменного века в искусстве Северной Евразии. Екатеринбург: Квадрат. (В печати.)
- Лозовский В. М., 2008. Изделия из кости и рога мезолитических слоев стоянки Замостье 2 // Человек, адаптация, культура / Отв. ред. А. Н. Сорокин. М.: ИА РАН. С. 200–222.
- Лозовский В. М., Лозовская О. В., 2010. Изделия из кости и рога раннеолитических слоев стоянки Замостье 2 // Человек и древности: памяти А. А. Формозова (1928–2009) / Отв. ред.: И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К. С. 237–252.
- Ошибкина С. В., 2017. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье). М.: ИА РАН. 140 с.
- Савченко С. Н., 2007. Костяные наконечники стрел «шигирского типа» с утолщенной головкой и длинным стержнем в собрании Свердловского областного краеведческого музея // Свообразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене / Отв. ред. М. Г. Жилин. М.: ИА РАН. С. 253–273.
- Савченко С. Н., 2011. Костяные наконечники стрел с пазами в Среднем Зауралье // РА. № 1. С. 27–37.
- Савченко С. Н., Жилин М. Г., 2018. Шигирские находки в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) // Camera praehistorica. № 1. С. 96–105.

- Galinski T., 2013. Typological, chronological and cultural verification of Pleistocene and early Holocene bone and antler harpoons and points from the southern Baltic // *Przegląd Archeologiczny*. Vol. 61. P. 93–144.
- Loze I., 1983. Akmens laikmeta māksla Austrumbaltijā. Rīga: Zinātne. 134 p.
- Osipowicz G., Orłowska J., Piličiauskas G., Piličiauskienė G., Rannamäe E., Cyrek K., Sylwestrzak M., 2020. Stone Age technologies and human behaviors as reflected in decoration of osseous artifacts from the northern part of East-Central Europe [Electronic resource] // *Quaternary International*. URL: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2020.04.014>
- Zhilin M., 2015. Early Mesolithic bone arrowheads from the Upper Volga // *Fennoscandia Archaeologica*. No. XXXII. P. 35–54.

Сведения об авторе

Савченко Светлана Николаевна, Свердловский областной краеведческий музей, ул. Малышева, 46, Екатеринбург, 620000, Россия; e-mail: sv-sav@yandex.ru

S. N. Savchenko

BONE ITEMS WITH IMAGES
FROM LAKE VECHERA AND THEIR ANALOGIES
IN THE MESOLITHIC-NEOLITHIC
OF EASTERN EUROPE AND THE URALS

Abstract. During extraction of gyttja clay from Lake Vechera in the Lyuban district, Minsk region, Republic of Belarus, ancient items were retrieved, and then collected, examined and published by N. N. Krivaltsevich. The assemblage included 125 bone and antler items. Comparison of these finds with Mesolithic and Neolithic artifacts from adjacent areas and items from Neolithic sites in Belarus that contained offerings made from bone enabled the researchers to tentatively single out items of Mesolithic and Neolithic types. Two daggers and four arrowheads are decorated with engraved line images. Besides decorated items of hunting weapons the assemblage from Ozernoye 2B includes two unique artifacts featuring zoomorphic and anthropomorphic images that were not intended for practical use. The examined East European and Urals analogies to the bone items and analogies to the images from Lake Vechera suggest that these artifacts were related to a circle of the Mesolithic and Neolithic East European and Urals cultures of the forest zone.

Keywords: Republic of Belarus, Lake Vechera, bone items with images, Mesolithic, Neolithic, Eastern Europe, Urals.

REFERENCES

- Gurina N. N., 1956. Oleneostrovskiy mogil'nik [Oleniy Ostrov cemetery]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 432 p. (MIA, 47.)
- Kalinina I. V., 2006. Ornamental'nyye kompozitsii na mezoliticheskikh nakonechnikakh strel v svyazi s kul'tovym kharakterom peshchery Kamen' Dyrovatyy [Ornamental compositions on Mesolithic arrowheads in relation to cultic character of cave Kamen' Dyrovatyy]. *TAS*, iss. 6, vol. 1, pp. 393–402.

- Kalinina I. V., 2009. Ornamental'nyye «znaki-metki» i «graffiti» na mezoliteskikh nakonechnikakh strel iz peshchery Kamen' Dyrovatyy na r. Chusovoy [Ornamental «signs-marks» and «graffiti» on Mesolithic arrowheads from cave Kamen' Dyrovatyy on river Chusovaya]. *TAS*, iss. 7, pp. 351–372.
- Krival'tsevich N., Simakova G., 2004. Mikroregion ozera Vechera (Predpoles'ye Belarusi): osnovnyye etapy osvoyeniya i ispol'zovaniya (po arkheologicheskim i pyl'tsevym dannym) [Microregion of Vechera lake (Byelorussia's Pre-Poles'ye): main stages of settling and exploitation (based on archaeological and pollen data)]. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik [Historical-archaeological annual]*, 19. Minsk, pp. 11–27.
- Kryval'tsevich M., 1996. Kastsyanyya i ragavyya vyraby kamennaga veku z vozera Vyachera [Bone and antler Stone Age artifacts from Vyachera lake]. *Z glybi vyakoŷ. Nash kray: gistarychna-kul'turalagichny zbornik [From the depth of centuries. Our land: annual for history and culture studies]*, 1. Minsk: Nauka i tekhnika, pp. 147–168.
- Kryval'tsevich M., 2008. Graviravannya vvyavy i arnamental'nyye azdablenne na kastsyanykh vyrabakh z vozera Vyachera [Engraved images and ornamental decoration on bone artifacts from Vyachera lake]. *Na pograniczu swiatów*. J. Bednarczyk et al., eds. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, pp. 245–256.
- Kudryashov V. E., Krival'tsevich N. N., 1994. Ozernoye 1 – novyy pamyatnik kudlayevskoy kul'tury epokhi mezolita v Belorusskom Poles'ye [Ozernoye 1 – new site of Kudlaevskaya culture of Mesolithic age in Byelorussian Poles'ye]. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik [Historical-archaeological annual]*, 5. Minsk, pp. 97–102.
- Lozovskaya O. V. O nekotorykh tipakh geometricheskogo ornamenta v kostyanom inventare mezoliteskikh sloyev stoyanki Zamost'ye 2 [On some types of geometric ornament on bone items from Mesolithic layers of Zamost'ye 2 station]. *Obrazy kamennogo veka v iskusstve Severnoy Evrazii [Images of Stone Age in North Eurasia art]*. Yekaterinburg: Kvadrat. (In print.)
- Lozovskiy V. M., 2008. Izdeliya iz kosti i roga mezoliteskikh sloyev stoyanki Zamost'ye 2 [Artifacts of bone and antler from Mesolithic layers of Zamost'ye 2 station]. *Chelovek, adaptatsiya, kul'tura [Man, adaptation, culture]*. A. N. Sorokin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 200–222.
- Lozovskiy V. M., Lozovskaya O. V., 2010. Izdeliya iz kosti i roga ranneneoliticheskikh sloyev stoyanki Zamost'ye 2 [Items of bone and antler from early Neolithic layers of station Zamost'ye 2]. *Chelovek i drevnosti [Man and antiquities]*. I. S. Kamenetskiy, A. N. Sorokin, eds. Moscow: Grif i K, pp. 237–252.
- Oshibkina S. V., 2017. Iskusstvo epokhi mezolita (po materialam kul'tury Veret'ye) [Art of Mesolithic epoch (based on materials of Veret'ye culture)]. Moscow: IA RAN. 140 p.
- Savchenko S. N., 2007. Kostyanyye nakonechniki strel «shigirskogo tipa» s utolshchennoy golovkoy i dlinnym sterzhnem v sobranii Sverdlovskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya [Bone arrowheads of «Shigir type» with heavy head and long stem in collection of Sverdlovsk regional museum of local lore]. *Svoeobraziye i osobennosti adaptatsii kul'tur lesnoy zony SevernoyEvrazii v final'nom pleystotsene – rannem golotsene [Specifics and adaptation features of forest zone cultures in North Eurasia in final Pleistocene – early Holocene]*. M. G. Zhilin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 253–273.
- Savchenko S. N., 2011. Kostyanyye nakonechniki strel s pazami v Srednem Zaural'ye [Slotted bone arrowheads in Middle Transurals]. *RA*, 1, pp. 27–37.
- Savchenko S. N., Zhilin M. G., 2018. Shigirskiye nakhodki v sobranii Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) [Shigir finds in collection of Peter the Great Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera)]. *Camera praehistorica*, 1, pp. 96–105.
- Zhilin M. G., 1993. Kostyanoye vooruzheniye drevneyshego naseleniya Verkhnego Povolzh'ya [Bone weapons of earliest population of Upper Volga basin]. Moscow: Russkaya ravnina. 54 p.
- Zhilin M. G., 2001. Kostyanaya industriya mezolita lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Bone industry of forest zone Mesolithic in Eastern Europe]. Moscow: Editorial URSS. 328 p.
- Zhilin M. G., 2006. Mezoliteskiye torfyanikovyye pamyatniki Tverskogo Povolzh'ya: kul'turnoye svoeobraziye i adaptatsiya naseleniya [Mesolithic bog sites in Tver' Volga region: cultural specifics and population adaptation]. Moscow: IA RAN. 140 p.
- Zhilin M. G., 2014. Preyemstvennost' i transformatsii v razvitiy kostyanoy industrii butovskoy kul'tury [Continuity and transformations in development of bone industry of Butovo culture]. Moscow: IA RAN. 299 p.

Zhilin M. G., Kostyleva E. L., Utkin A. V., Engovatova A. V., 2002. Mezoliticheskiye i neoliticheskiye kul'tury Verkhnego Povolzh'ya (po materialam stoyanki Ivanovskoye VII) [Mesolithic and Neolithic cultures of Upper Volga region (based on materials from station Ivanovskoe VII)]. Moscow: Nauka. 245 p.

Zhilin M. G. Savchenko S. N., Serikov Yu. B., Kosinskaya L. L., Kosintsev P. A., 2012. Mezoliticheskiye pamyatniki Koksharovskogo torfyanika [Mesolithic sites of Koksharovo bog]. Moscow: IA RAN. 214 p.

About the author

Savchenko Svetlana N., Sverdlovsk regional museum of local lore, Malyshev st., 46, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: sv-sav@yandex.ru

Е. М. Колпаков

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ ФЕННОСКАНДИИ

Резюме. По сути, к геометрическим относят те фигуры, реальные прототипы которых нам неизвестны. Например, к геометрическим фигурам не относят изображения копий, гарпунов, луков, стрел, следов снегоступов и следов животных, хотя обычно они выглядят довольно абстрактно. Целый ряд таких непонятных фигур имеется в наскальном искусстве Фенноскандии. Онежские солярно-лунарные знаки в композициях связаны с животными и занимают место, которое семантически должно быть отнесено к топорам-железам. Кресты и крестообразные фигуры в петроглифах Альты уверенно связываются с изображениями северных оленей и лосей. На Канозере кресты связаны с мифическими персонажами. Фигуры, которые можно было бы считать изображением сетей, связаны не с ихтиоморфами, а с лосями/оленьями. Колеса могут быть связаны с представлениями о загробном мире по аналогии с формой каменных выкладок над погребениями. Овальные и круглые фигуры с точкой внутри интерпретируются как изображения вульвы на основании типологического ряда. На таком же основании крюки и серпы Вингена относятся к группе топоров-железов.

Ключевые слова: наскальное искусство, Фенноскандия, геометрические фигуры, абстрактные фигуры, орнаменты.

По сути, к геометрическим, или абстрактным, относят те фигуры, реальные прототипы которых нам неизвестны (ср.: *Helskog*, 2014. Р. 95). Например, к геометрическим фигурам не относят изображения копий, гарпунов, луков, стрел, следов снегоступов и следов животных, хотя обычно они выглядят довольно абстрактно.

Целый ряд таких непонятных фигур имеется в наскальном искусстве Фенноскандии, которое создавалось, по разным оценкам, с конца IX тыс. до н. э. до I тыс. до н. э. (см.: *Gjerde*, 2010; *Helskog*, 2014). Какая-либо их интерпретация оказывается весьма проблематичной. Единственные зацепки для этого можно найти в сочетаниях таких абстрактных фигур с другими, относительно понятными для нас. Разумеется, плодотворнее анализировать не единичные фигуры,

а типы фигур в типах композиций. На этом направлении есть ряд полезных наблюдений, возможно приближающих нас к обоснованной интерпретации некоторых геометрических фигур.

Кресты. Фигуры крестов в петроглифах Фенноскандии представляют собой в основном равнолучевой однолинейный крест, вписанный в контурный крест. Зафиксированы они только в норвежской Альте (*Alta*) и на Канозере. В Альте 9 крестов и 4 фигуры с использованием креста (*Tansem, 2009*). На Канозере 7 крестов (*Колпаков, Шумкин, 2012. С. 312; Колпаков, 2014*). Кресты и крестообразные фигуры в петроглифах Альты уверенно связываются с изображениями северных оленей и лосей (рис. 1). На Канозере кресты связаны с мифическим персонажами (рис. 2). Два креста, выполненные сплошной выбивкой, есть на Выге (Бесовы Следки).

Колеса. Наиболее близким к крестам типом выступают фигуры, которые можно называть колесами, поскольку часть из них можно рассматривать как крест, вписанный в окружность (*Колпаков, 2014*). Канозерские колеса представляют собой выбитую окружность с обозначенным центром и несколькими радиусами. Обычно центр состоит из малой окружности, в которую упираются радиусы-спицы и внутри которой может быть выбита точка. Радиусов-спиц бывает от 5 до 10. На Канозере всего 6 колес (*Колпаков, Шумкин, 2012. С. 312*).

Одна аналогичная фигура с четырьмя спицами есть в Нэмфоршене (*Nämforsen*) (рис. 3: 4), а далее только в памятниках бронзового века Южной Швеции. Однако они отличаются от канозерских колес тем, что не имеют специально оформленного центра – окружности с точкой и без точки, а радиусы-спицы просто пересекаются в центре, и их насчитывается всего четыре. Из контекста самого изображительного материала понятно, что в южношведских петроглифах такие фигуры обозначают колеса боевых колесниц и щиты. Фигура колеса из Нэмфоршена такая же, как и изображения колес-щитов в петроглифах бронзового века Южной Швеции.

На Канозере три колеса из шести включены в однотипные композиции, которые уверенно вычлениваются тем, что отделены от других фигур пустым пространством без выбивок (рис. 3: 1–3). В двух случаях рядом с колесом изображены человек и профильный зооморф(ы).

Совершенно неожиданное и весьма близкое сходство со схемой канозерских колес демонстрирует ряд каменных обкладок погребений эпохи поздней бронзы и раннего железа юго-восточной Норвегии (см.: *Wangen, 2009*).

Вульвы. Овальные и круглые фигуры с точкой внутри (рис. 4: 1, 2) на Канозере и Чальмн-Варрэ интерпретируются как изображения вульвы на основании типологического ряда несомненно женских фигур (рис. 4: 3) (*Колпаков, Шумкин, 2012. С. 293; Колпаков и др., 2018. С. 109*).

Крюки – серпы – уголки. На основании типологических рядов многочисленных крюки и серпы Вингена (*Vingen*) (*Lødøen, Mandt, 2012. P. 107*), как и «уголки» (“*angular figures*”) Нэмфоршена (*Hallström, 1960. P. 310–311*), относятся к группе топоров-жезлов, которые представлены в Альте, на Выге и Канозере.

Солярно-лунарные знаки. Загадочные онежские солярно-лунарные знаки связаны в композициях с животными и занимают место топоров-жезлов, имеющих на других памятниках.

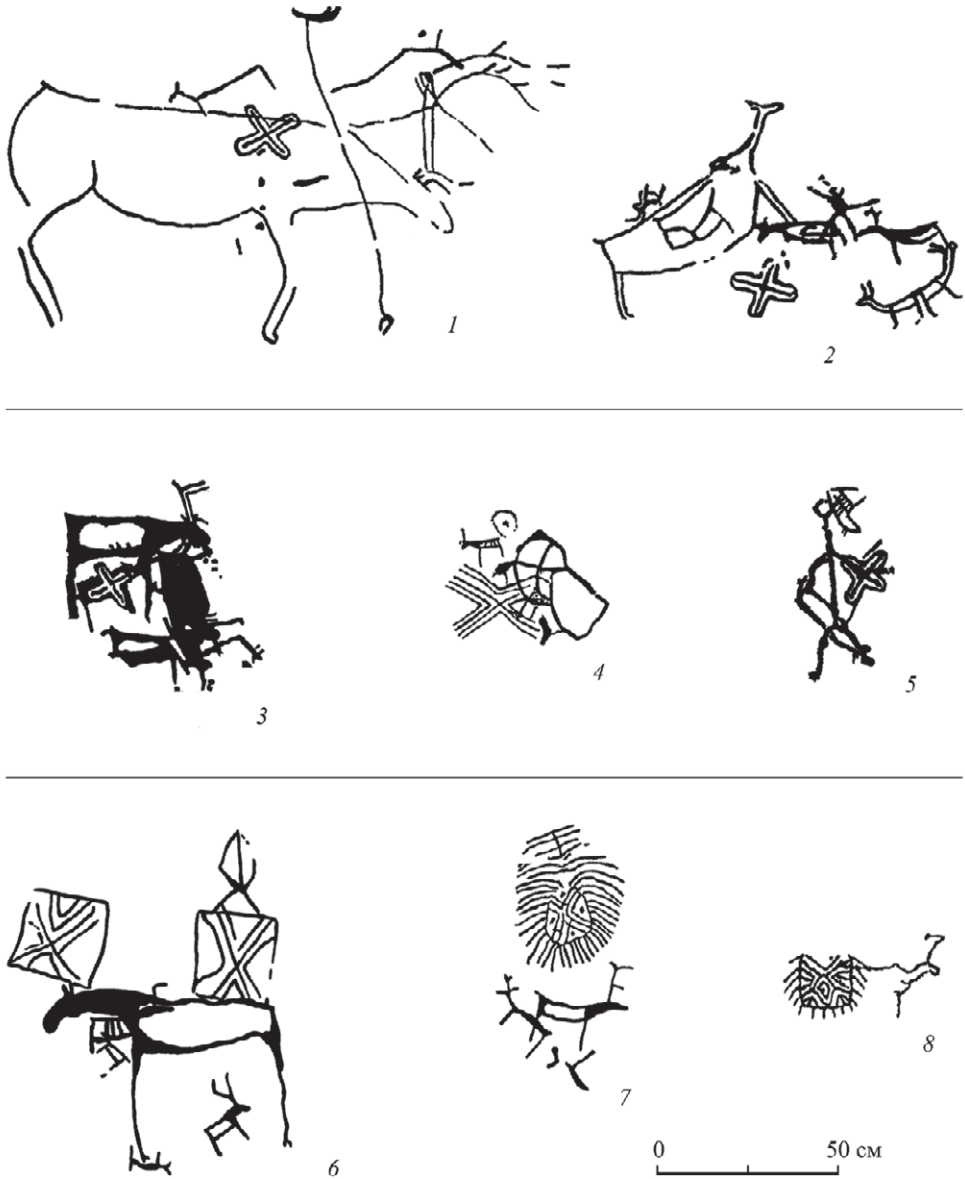

Рис. 1. Композиции с крестами в Альте (по: *Tansem*, 2009)

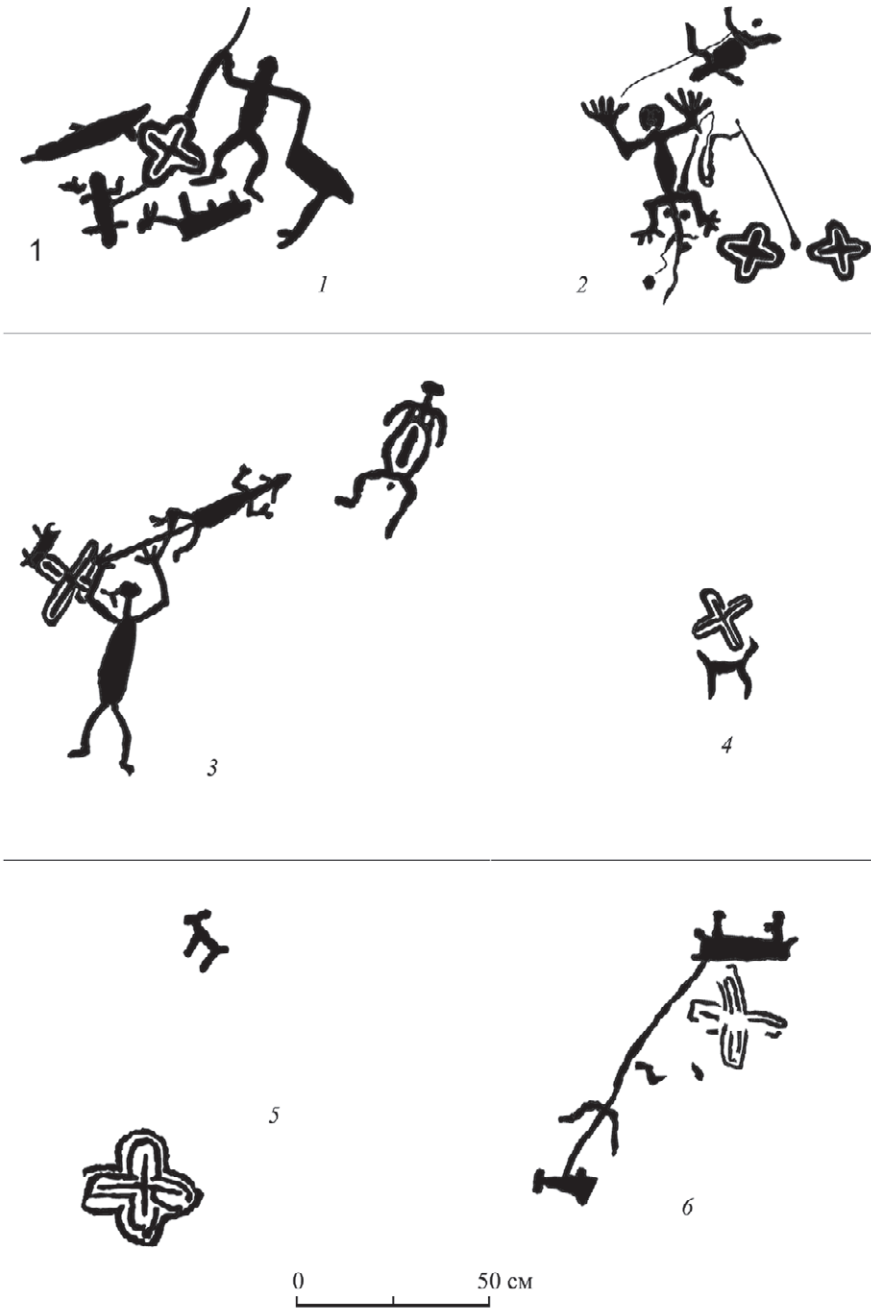

Рис. 2. Композиции с крестами на Канозере (по: Колпаков, 2014. С. 99. Рис. 5)

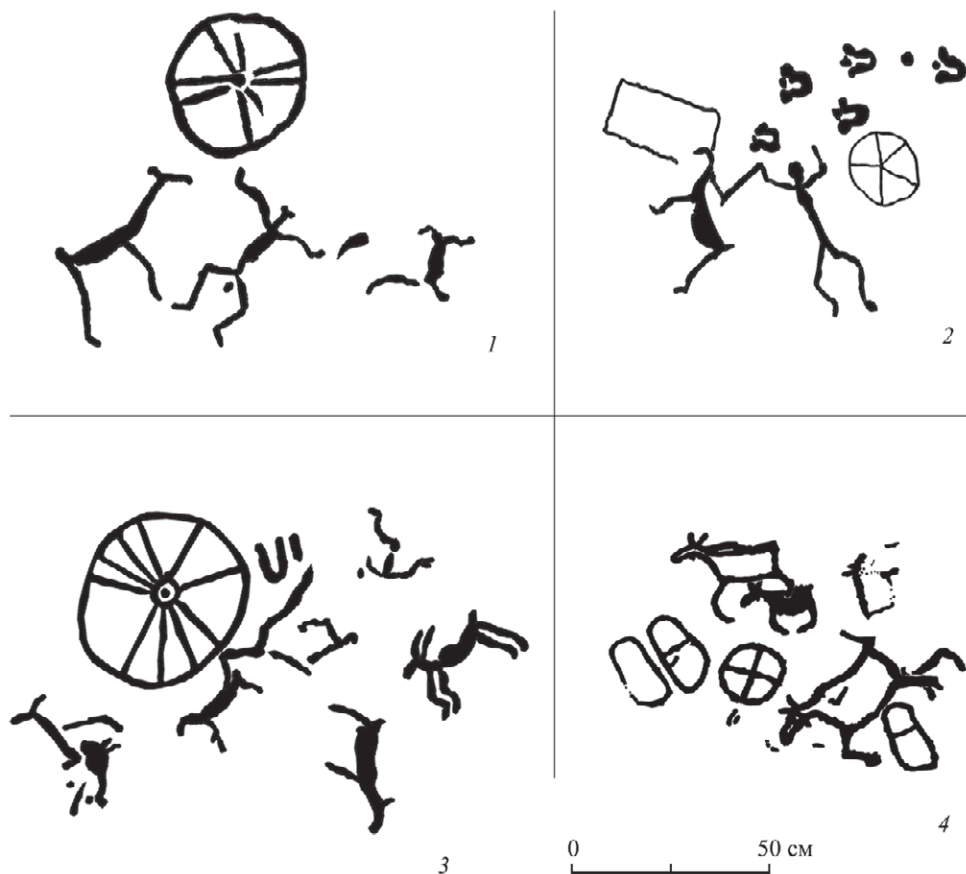

Рис. 3. Композиции с колесами

1–3 – Канозеро (по: Колпаков, 2014. С. 100. Рис. 8); 4 – Нэмфоршен (по: Larsson, Broström, 2011. Р. 97)

Сети. Фигуры в Алте, которые можно было бы считать изображением сетей (рис. 5), в композициях связаны не с ихтиоморфами, а с лосями/оленьями (рис. 6: 1–4). К. Хельскуп допускает, что эти фигуры могут обозначать сети для ловли сухопутных животных, но, впрочем, тут же и замечает, что «мы просто не знаем» (Helskog, 2014. Р. 98). Судя по композициям с сетевидными фигурами, они не имеют отношения к настоящим сетям. Больше шансов быть признанными изображениями сетей имеют две фигуры на Выге, где они связаны с лодками (рис. 6: 5).

Каплевидные ожерелья. Непонятными остаются тщательно выбитые каплевидные ожерелья (*droplet shaped fringed pattern*) Алты (рис. 7: 3–10) (Helskog, 2014. Р. 95–97). По одной аналогичной фигуре имеется на Онежском озере (рис. 7: 1) (Пери Нос 6 № 69) и Выге (рис. 7: 2) (Залавруга 23 № 4). В композициях Алты они связаны с лосями/оленьями, медведями, собаками,

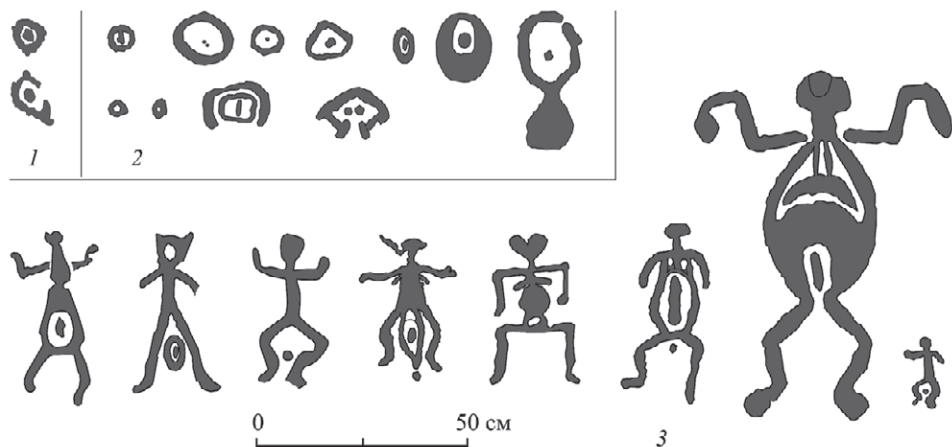

Рис. 4. Изображения вульв

1 – Чальмн-Варрэ (по: Колпаков и др., 2018. С. 109); 2 – Канозеро (по: Колпаков, Шумкин, 2012. С. 312); 3 – Канозеро: женские антропоморфы (по: Там же. С. 292, 293)

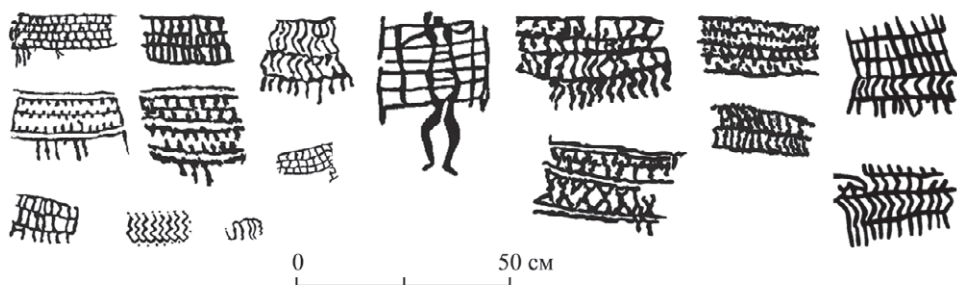

Рис. 5. Сетевидные фигуры в Альте (по: Tansem, 2009)

антропоморфами, т. е. с наиболее многочисленными представителями (кроме лодок) фигуративного состава памятника (рис. 7: 4–10).

Жилища. В Альте ряд окружностей и овалов с какими-то фигурами и линиями внутри, по всей видимости, обозначает жилища по аналогии с несколькими изображениями, где это кажется очевидным (рис. 8). В то же время они достаточно разнообразны, чтобы из них можно было построить ясный типологический ряд и интерпретировать все такие фигуры как изображения жилищ.

Трехлепестковые фигуры. На Канозере есть три «трехлепестковые» фигуры, которые хочется интерпретировать как стилизованные изображения головы медведя, на что намекает изображение глаз на одной из них (рис. 9). В то же время образ, который придает убедительность такой интерпретации, происходит из Пермского звериного стиля – хорошо известных многочисленных бляшек с изображением головы и лап медведя.

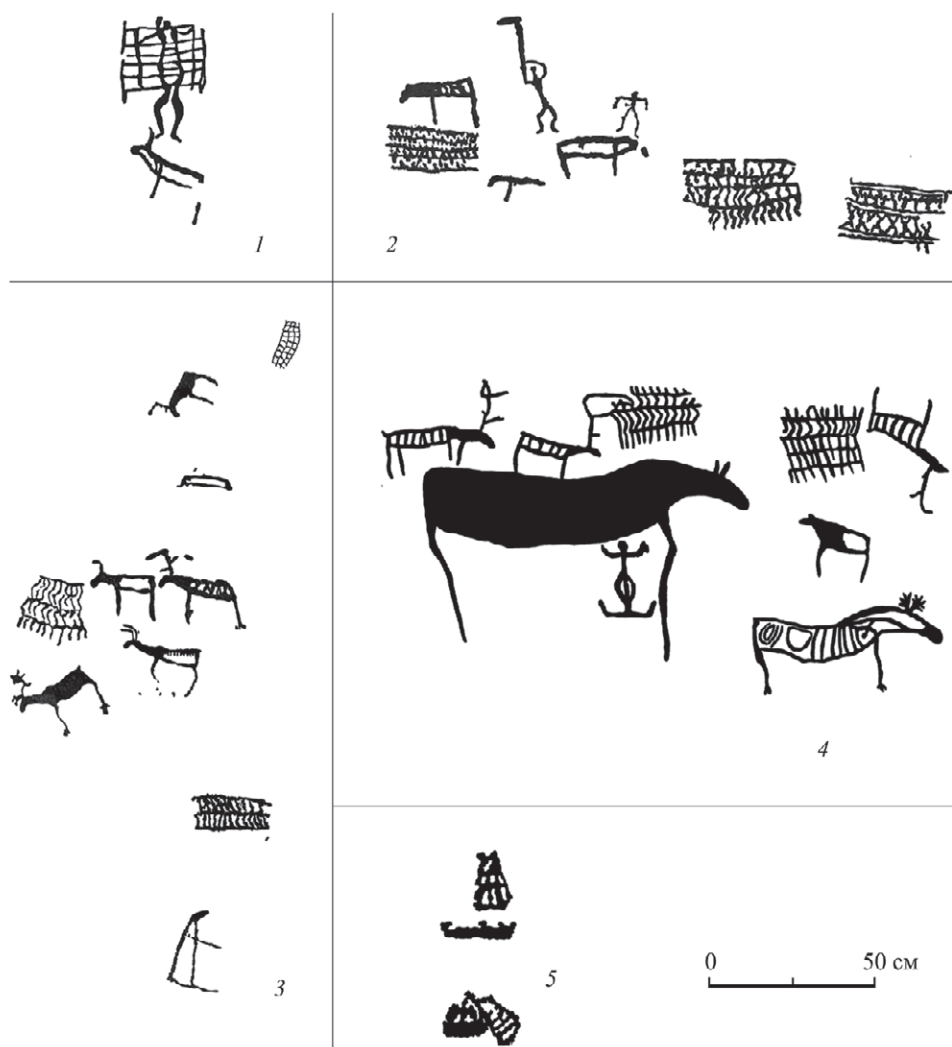

Рис. 6. Композиции с сетевидными фигурами

1–4 – Альта (по: *Tansem*, 2009); 5 – Выг (по: *Савватеев*, 1970. Рис. 48, 59)

Звезды. Есть только на Выге (Бесовы Следки) в четырех экземплярах. Две звезды пятилучевые, третья – шестилучевая, четвертая – семилучевая (рис. 10).

Орнаменты. Зигзагообразные и ромбические формы можно относить в равной степени как к геометрическим фигурам, так и к орнаментам. Они имеются на целом ряде памятников наскального искусства Северной Фенноскандии (Альта, Аусвик, Биллефиорд, Скавберг, Форсельв, Фангсьон, Канозеро, Пяйва). По крайней мере, часть из них связывает наскальные изображения со схожими

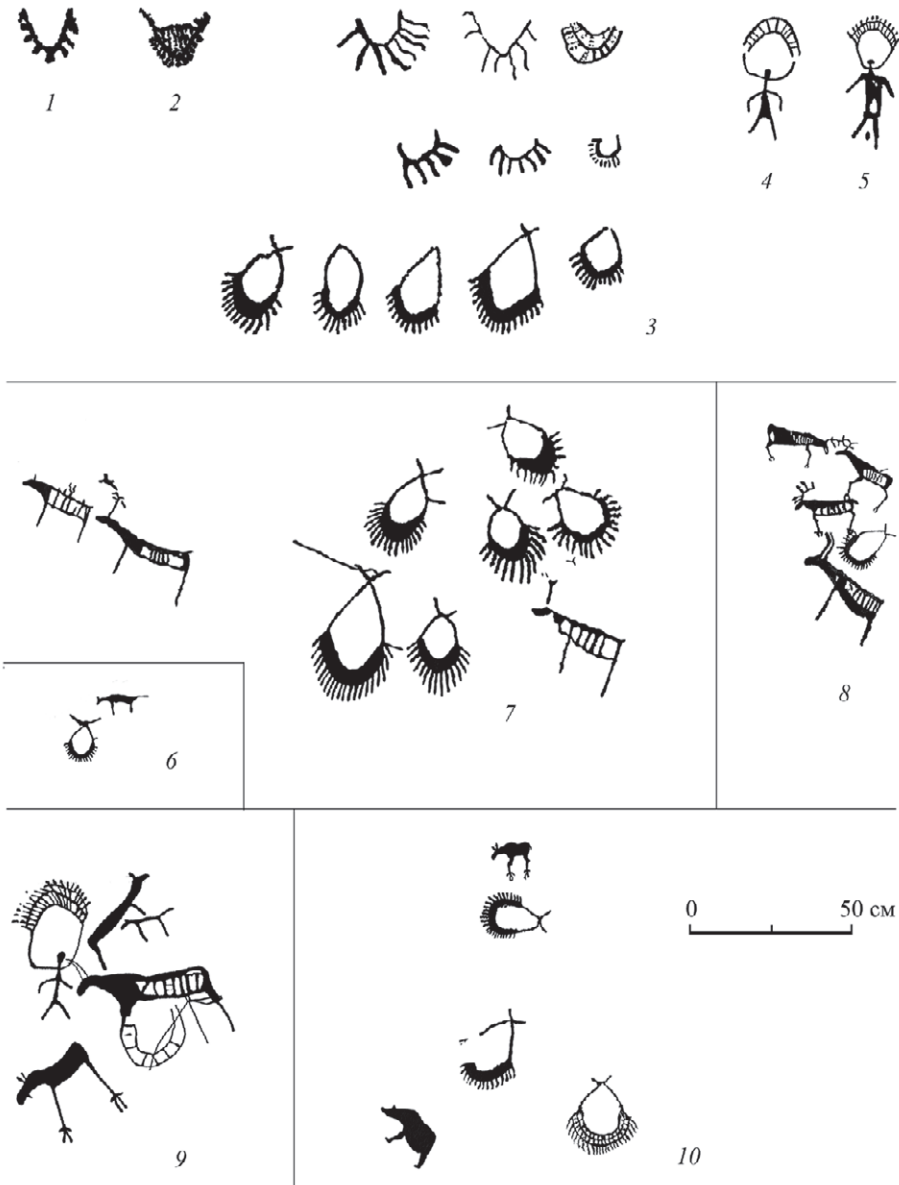

Рис. 7. Единичные каплевидные ожерелья

1 – Онега (по: Равдоникас, 1936. Табл. 21); 2 – Выг (по: Саватеев, 1970. С. 381. Рис. 95); 3 – Альта (по: Tanset, 2009); 4–10 – каплевидные ожерелья в композициях Альты (по: Там же)

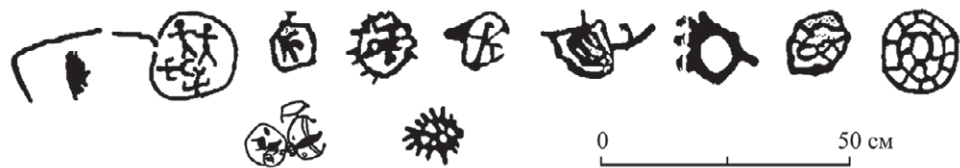

Рис. 8. Фигуры, интерпретируемые как изображения жилищ, и близкие к ним в Альте (по: *Tansem*, 2009)

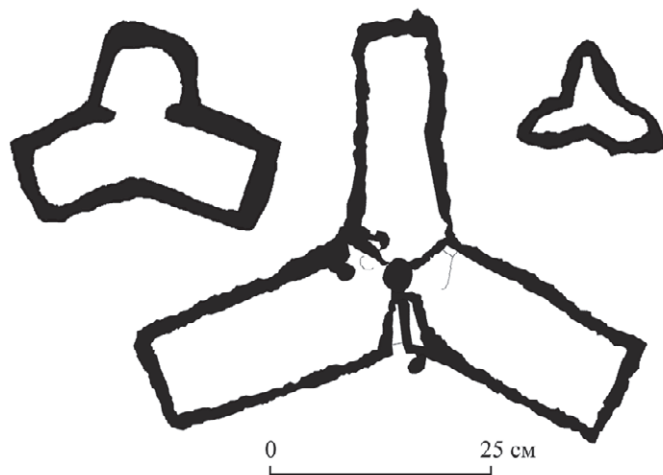

Рис. 9. Трехлепестковые фигуры Канозера (по: *Колпаков, Шумкин*, 2012. С. 313; *Колпаков, Киселева*, 2019. С. 115)

Рис. 10. Звезды на Выге (по: *Равдоникас*, 1938. Табл. 22)

орнаментами на артефактах из кости и рога эпох неолита и бронзы. К ним же можно отнести и некоторые крестообразные фигуры.

Кроме фигур, которые встречаются хотя бы небольшими сериями, имеется немалое количество геометрических фигур, представленных одним экземпляром, как, например, знак (№ 142) на Старой Залавруге, напоминающий египетский анх. Разумеется, к их интерпретации подступиться еще труднее, чем к фигурам, которые можно свести в типы.

Заключение

Если попытаться сделать какие-то выводы из вышеизложенного, то их можно представить следующим образом. Онежские солярно-лунарные знаки в композициях связаны с животными и занимают место, которое семантически должно быть отнесено к топорам-жезлам. Кресты и крестообразные фигуры в петроглифах Алты уверенно связываются с изображениями северных оленей и лосей. На Канозере кресты связаны с мифическими персонажами. Фигуры, которые можно было бы считать изображением сетей, связаны не с ихтиоморфами, а с лосями/оленьями. Колеса могут быть связаны с представлениями о загробном мире по аналогии с формой каменных выкладок над погребениями. Овальные и круглые фигуры с точкой внутри интерпретируются как изображения вульвы на основании типологического ряда. На таком же основании крюки и серпы Вингена относятся к группе топоров-жезлов.

ЛИТЕРАТУРА

- Колпаков Е. М., 2014. Кресты и колеса в петроглифах Фенноскандии // АВ. Вып. 20. СПб.: Арт-Экспресс. С. 96–104.
- Колпаков Е. М., Киселева А. М., 2019. Петроглифы Канозера: открытия 2019 г. // Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований. № 1. С. 149–158
- Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., 2012. Петроглифы Канозера = Rock Carvings of Kanozero. СПб.: Искусство России. 424 с., ил. (Текст парал. рус., англ.)
- Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., Мурашкин А. И., 2018. Петроглифы Чальмн-Варрэ = Čalmn-Varré petroglyphs. СПб.: ЛЕМА. 160 с., ил. (Текст парал. рус., англ.)
- Равдоникас В. И., 1936. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1: Наскальные изображения Онежского озера = Les Gravures Rupestres des Bords du lac Onega et de la mer Blanche. Part. 1: Les Gravures Rupestres du lac Onega. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 211 с., 83 вкл. л. (Труды Института этнографии. Т. IX. Археологическая серия; № 1.)
- Равдоникас В. И., 1938. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 2: Наскальные изображения Белого моря = Les Gravures Rupestres des Bords du lac Onega et de la mer Blanche. Part. 2: Les Gravures Rupestres de la mer Blanche. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 168 с., 87 л. ил. (Труды Института этнографии; т. X. Археологическая серия; № 1.)
- Савватеев Ю. А., 1970. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Ч. 1: Петроглифы. Л.: Наука. 443 с.
- Gjerde J.-M., 2010. Rock art and Landscapes: Studies of Stone Age rock art from Northern Fennoscandia: PhD dis. University of Tromsø. 505 p.
- Hallström G., 1960. Monumental art of northern Sweden from the stone age: Nämforsen and other localities. Stockholm: Almqvist & Wiksell. XVI, 401 p.
- Helskog K., 2014. Communicating with the World of Beings. The World Heritage rock art sites in Alta, Arctic Norway. Oxford; Philadelphia: Oxbow Books. 240 p.

- Larsson T. B. & Broström S.-G., 2011. *The Rock Art of Nämforsen, Sweden. The survey 2001–2003*. Archaeological Reports from Umeå University 62. Umeå.
- Lødøen T. K., Mandt G., 2012. *Vingen – et naturens kolossal museum for helleristninger*. Trondheim: Akademika. 460 p. (Instituttet for sammenlignende kulturforskning. Serie B: Skrifter; CXLVI.)
- Tansem K., 2009. *Alta museum archive*. Alta. Tracing of 2009.
- Wangen V., 2009. *Gravfeltet på Gunnarstorp i Sarpborg, Østfold. Et monument over dødsriter og kulturøvelse i yngre bronsealder og eldste jernalder*. Oslo: Universitetet i Oslo. 313 S., Abb., Taf. (Norske Oldfunn; 27.)

Сведения об авторе

Колпаков Евгений Михайлович, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: eugenkolp@yandex.ru

E. M. Kolpakov

GEOMETRIC FIGURES FROM FENNOSCANDIA

Abstract. Basically, geometric figures are figures real prototypes of which are not known to us. For example, images of spearheads, harpoons, bows, arrows, tracks of snowshoes and animals are not categorized as geometric figures although they look rather abstract. Rock art of Fennoscandia comprises quite a large number of such unclear figures. Onega solar and lunar signs in decorative patterns are linked to animals and occupy the position that semantically should be referred to axe-rods. Crosses and cross-like figures in Alta petroglyphs are definitely linked to the images of reindeer and elks. Crosses in Kanozero are related with mythical characters. Figures that could be described as images of nets are associated with elks/deer rather than ichthyomorphs. Wheels can be linked to concepts of afterlife by analogy with the shape of stone constructions under burials. Based on typological series, oval and round figures with a dot inside are interpreted as images of the vulva. The same concept is used to attribute Wingen hooks and sickles to the group of axes-rods.

Keywords: rock art, Fennoscandia, geometric figures, abstract figures, decorative patterns.

REFERENCES

- Kolpakov E. M., 2014. *Kresty i kolea v petroglifakh Fennoskandii* [Crosses and wheels in petroglyphs of Fennoscandia]. *AV*, 20. St. Petersburg: Art-Ekspress, pp. 96–104.
- Kolpakov E. M., Kiseleva A. M., 2019. *Petroglify Kanozera: otkrytiya 2019 g.* [Petroglyphs of Kanozero: 2019 discoveries]. *Pervobytnaya arkeologiya: zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Prehistoric archaeology: journal of interdisciplinary studies], 1, pp. 149–158.
- Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya., Murashkin A. I., 2018. *Petroglify Chal'mn-Varre = Čalmn-Varré petroglyphs*. St. Petersburg: LEMA. 160 p., ill. (In Russian and English.)
- Savvateyev Yu. A., 1970. *Zalavruga. Arkheologicheskiye pamyatniki nizov'ya reki Vyg* [Zalavruga. Archaeological sites on river Vyg lower reaches], 1. Petroglify. Leningrad: Nauka. 443 p.

About the author

Kolpakov Evgeniy M., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: eugenkolp@yandex.ru

Н. В. Лобанова

ЗНАКОВЫЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ КАРЕЛИИ: КЛАССИФИКАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Резюме. В статье представлены новые сведения об образах наскального искусства Онежского озера и Белого моря – солярных и лунарных знаках, других абстрактных изображениях со сложной семантикой. Эти изображения признавались ключевыми при расшифровке смысла Онежского наскального искусства. Автор анализирует существующие гипотезы, отмечает их недостатки и предлагает свой взгляд на проблему. На протяжении последнего десятилетия автором проводились полевые исследования петроглифов с использованием современных методов. В результате существенно увеличилось число петроглифов, уточнены их расположение и очертания, что дает более достоверную основу для интерпретации наскального искусства. Петроглифы Карелии существовали в течение ограниченного отрезка времени – менее одного тысячелетия (6,5–7 тыс. л. н.). Вместе с окружающим ландшафтом Онежские и Беломорские петроглифы образуют святилища под открытым небом. Сходство изображений обусловлено хронологией, близкими природными условиями, единой культурной средой; различия скорее связаны с локальными традициями и особенностями природной среды. Близость, иногда тождественность изображений указывает на прямые контакты населения обеих территорий и близкие пути развития петроглифической традиции. Выделяются диски, круги, полумесяцы, жезлы и др., часто соединенные с изображениями птиц, лесных животных, лодок и людей или находящиеся рядом с ними (рис. 1–4). Подобные символы играли важную роль в мифологических представлениях, обрядах и ритуалах неолитического населения Онежского озера.

Ключевые слова: петроглифы Онежского озера и Белого моря, знаковые и символические изображения.

Наскальное искусство Карелии (на Онежском озере) известно с 1848 г. (*Grewingk*, 1855), петроглифы Белого моря были открыты много позже – в 1926 г. (*Линевский*, 1939). Памятники вызвали живой исследовательский интерес

и острые научные дискуссии в 1930-е и 1960-е гг. (*Линевский*, 1939; *Равдоникас*, 1936; 1937а; 1937б; 1938; *Брюсов*, 1940; *Лаушкин*, 1959; 1962; *Савватеев*, 1970; *Лобанова*, 2015а; 2015б). Они находятся на расстоянии 300 км друг от друга, на юго-востоке и северо-востоке Карелии, в живописных местах, которые в древности были районами богатых рыбных и морских промыслов, сезонных миграций животных, важных водных путей. Онежский комплекс петроглифов тянется на протяжении почти 20 км вдоль восточного побережья озера. В его составе 25 отдельных групп, расположенных на 17 мысах и 6 островах. Южные группы (в районе мыса Бесов Нос) занимают плоскости от самого уреза воды до 1 м над ним, в северной части (п-ов Кочковнаволоок) они превышают уровень озера на 2–2,5 м. Общее число зарегистрированных здесь фигур и знаков составляет 1226 (*Лобанова*, 2016).

Неповторимое своеобразие Онежских петроглифов проявляется в тематике и составе изображений, здесь представлены сложные, порожденные фантазией и своеобразными местными традициями образы. Основные мотивы – птицы, знаки, лесные животные, люди и человекоподобные существа, лодки. Среди очень редких – змеи, выдры, бобры, рыбы, морские животные (белухи) и даже сцены китобойного промысла – беломорское влияние. Обилие фигур водоплавающих птиц, в основном лебедей, в том числе самых необычных, – самая яркая и весьма своеобразная особенность Онежского наскального комплекса. Подобной доминанты нет больше нигде в наскальном искусстве Евразии. Лебеди привлекали особое внимание древних художников на протяжении всего времени существования наскальной традиции, некоторые их изображения (на полуострове Кочковнаволоок) имеют размер от полутора до 4 м. Это может свидетельствовать о почитании этой птицы как тотемного предка. Выделяются необычные фигуры лебедей с контурным туловищем, внутри которого показаны дуги (символ небесного свода или радуги?), двухголовые птицы.

Петроглифы в дельте реки Выг (в 6–8 км от Белого моря) расположены на больших и малых островах¹. Выявлено свыше 3400 отдельных изображений, компактно расположенных в 11 локальных группах (Петроглифы Карелии, 2019. С. 133, 134). Они отличаются самобытностью и разнообразием сюжетов, динамичными многофигурными композициями, которые редко встречаются на аналогичных объектах Фенноскандии. Преобладают изображения лодок, с экипажами на борту и пустых, многочисленных орудия труда и охотничьего снаряжения – луки, стрелы, копья, гарпуны, лыжи, лыжные палки; разнообразные следы животных и людей, часто показан и сам охотник на морского и лесного зверя, водоплавающих и боровых птиц.

Онежское наскальное искусство отличают метафоричность, обилие фантастических и необычных образов, связанных, видимо, с мифами и преданиями, ритуально-обрядовой практикой, в то время как Беломорским петроглифам свойственно реалистическое начало и ярко выраженная хозяйственная деятельность. В соответствии с современными научными данными хронологические рамки петроглифов Карелии охватывают примерно вторую половину V – начало

¹ Осенью 2019 г. впервые обнаружено небольшое скопление петроглифов на материке, вблизи бывшего порога Шойрукша, включающее 4 фигуры лебедей онежского типа.

IV тыс. до н. э. Изображения создавали и развивали представители неолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики (Лобанова, 2014; 2015а; 2007).

Таким образом, петроглифы Онежского озера и Белого моря, существуя в одно время, в близкой культурной среде, развивались по-своему, в своей манере, имели разные предпочтения в сюжетах, связанные с особенностями мировосприятия, близостью к морю в одном случае и озеру – в другом. При этом создатели и почитатели петроглифов знали друг друга, контактировали, возможно, имели брачные отношения. Не исключено, что возникшее на несколько сотен лет раньше онежское наскальное творчество дало импульс для появления подобной традиции в Прибеломорье.

Среди петроглифов Онежского озера часто встречаются знаковые изображения с круглым, полукруглым или серповидным основанием (как силуэтным, так и контурным), часто имеющие отростки, «ручки» или более сложные дополнения. В публикациях их принято называть «солярными и лунарными знаками» (Равдоникас, 1936; 1937б). Такие изображения всегда вызывали особенный интерес исследователей, их признавали ключевыми при расшифровке смысла петроглифов (Лаушкин, 1959; 1962). Г. Халльстрем находил близкие аналогии онежским солярным знакам в южной Швеции (Hallström, 1960. С. 343, 344). С его доводами согласились многие исследователи (В. И. Равдоникас, К. Д. Лаушкин и др.). Современные данные с очевидностью свидетельствуют, что такое сравнение некорректно, учитывая отдаленность территорий, заметную разницу в возрасте памятников (неолит и поздняя бронза). Следует указать и на отличия в очертаниях онежских и скандинавских солярных знаков. В Норвегии и Швеции они нередко крупные, контурные, с крестовидным или более сложным пересечением внутри круга (Hallström, 1960. Pl. XXV). Похожие встречаются и на Канозерских петроглифах (Колпаков, Шумкин, 2012. С. 312). Что касается лунарных знаков, то для наскального искусства Фенноскандии они не характерны.

Космическая символика онежских знаков сейчас не вызывает сомнений, но в последнее время некоторые исследователи рассматривают их как древнюю обсерваторию – один из самых ранних лунных календарей (Равдоникас, 1978. С. 90; Жульников, 2006. С. 62–71). Неолитическое население восточного побережья, по их мнению, вело астрономические наблюдения за заходами и восходами Луны и Солнца в соответствии с их суточными, месячными и годовыми циклами (Потемкина, 2016. С. 75, 76). На взгляд автора, эта гипотеза вряд ли имеет отношение к реальности. Упомяну о работе эстонских астрономов на территории Онежских петроглифов, которые, тщательно проанализировав имеющиеся данные на месте, пришли к выводу об отсутствии доказательств существования лунного календаря (Tenjes, 1986). Кроме того, петроглифы Онежского озера доступны для посещения в течение ограниченного промежутка времени даже летом и, конечно, в безветренную погоду. Солярные и лунарные знаки чаще всего находятся рядом с урезом воды (на мысах Кладовец Нос, Пери Нос III, VI, Бесов Нос, на островах Большой и Малый Гурий). И только на Карецком Носе имеются как низко расположенные знаки, так и те, что занимают среднее или самое высокое положение над урезом воды. Очевидно, что здесь они разновременные (Лобанова, 2015б. С. 70–101). На островах и мысах встречаются и одиночные знаки, которые явно не вписываются в контекст лунного

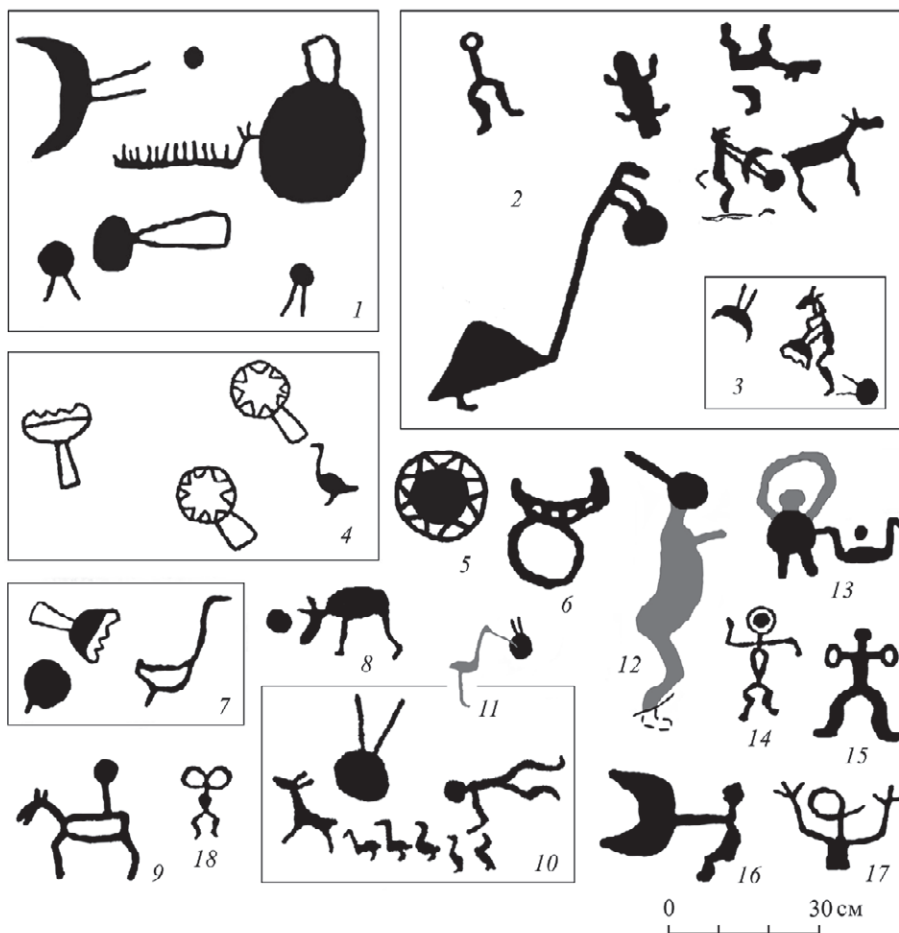
календаря. Исследователи онежских знаков для доказательства их использования в качестве лунного календаря учитывают направление лучей, но они ориентированы по-разному, чаще на северо-восток и восток, намного реже на юго-запад и юго-восток и совсем редко в направлениях северо-запад и юг (*Лобанова*, 2015б. С. 263). Наблюдения также показывают, что знаки с отрогками выбиты только на тех скальных плоскостях, где можно наблюдать заход солнца, т. е. обращенных к западу и северо-западу, либо где горизонт с заходящим солнцем закрыт мысами. Их нет на мысе Гажий Нос, на южной и юго-восточной сторонах Кладовца Носа и на всем полуострове Кочковнаволок. На взгляд автора статьи, символические наскальные изображения (солярные и лунарные знаки) – прототипы реальных материальных предметов, имевших отношение к космологическим представлениям обитавших здесь человеческих коллективов. Они могли быть изготовлены из дерева или другого материала и использовались во время проведения соответствующих обрядов и ритуалов на скалах с выбивками.

Вряд ли можно сомневаться, что обитатели этой территории имели какие-то астрономические знания, необходимые им для выживания. Люди вполне могли иметь календарь (для счета дней, сезонов года), однако для занятия рыболовством в озере и в реке наблюдения за Луной не имели никакого значения. Успех рыбной ловли, особенно на таком крупном водоеме, как Онежское озеро, полностью зависел от погодных условий, от направления и силы ветра. Обилие разнообразных выбивок с солярно-лунарной символикой скорее можно считать следствием эмоционального восприятия людьми удивительных августовских закатов солнца и восходов луны в одно и то же время. У человека здесь создавался сильный эмоциональный настрой. На мысах и островах восточного побережья сходились 3 сферы мироздания – наземная, подводная и небесная – и усиливалось восприятие пространства, о чем очень поэтично написал В. И. Равдоникас в своей книге (*Равдоникас*, 1938. С. 25).

Общее количество солярных и лунарных знаков на восточном побережье возросло и достигло сейчас 184 (16 % от всех выявленных петроглифов), уступая лишь орнитоморфным изображениям (*Лобанова*, 2015б. С. 21–22). Более трети зарегистрировано на мысе Пери Нос VI, около четверти на – Карецком Носе; довольно много их также на Пери Носе III. Есть крупные группы изображений, где такие образы отсутствуют – полуостров Кочковнаволок, Бесов Нос (центр. группа). Варибельность знаков весьма велика (27 типов), но в большинстве случаев они унифицированы (табл.). Круглые либо подовальные основания существенно доминируют над серповидными и полукруглыми формами. Среди первых выделяются малочисленные контурные изображения, со сложным заполнением внутри. Самый крупный диаметр у круга 23 см, а наименьший – 2,5–3 см, размеры лунарных знаков от 5 до 30 см. Большинство знаков имеют «лучи», чаще два (расходящихся или иногда параллельных друг другу), реже один, совсем редко три, которые соединены между собой. Лучи прямые, редко чуть изогнутые, разной длины, но чаще соразмерны с основаниями фигур. В нескольких случаях концы линий соединены прямой или дугообразной линией, напоминая ручку. Единственное изображение такого типа (но с поперечной линией) известно на Старой Залавруге (рис. 4: 2), где оно соседствует с трехпалым антропоморфным персонажем и извивающейся фигурой змеи. Знаков с серповидным или

Таблица. Типология солярных и лунарных знаков
в Онежском наскальном комплексе

	Тип	Карещкий Нос	Пери Нос II	Пери Нос III	Пери Нос IV	Пери Нос VI	Пери Нос VII	Бесов Нос (сев.гр.)	Кладо- вец Нос	о.Б. Гурий	о.М. Гу- рий	о.Михай- ловец	Всего
1		8	-	5	3	17	-	3	3	1	1	-	41
2		2	1	1	1	5	1	-	-	-	-	-	11
3		-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
4		13	1	9	-	9	-	3	1	4	1	-	41
5		-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
6		2	-	4	-	7	-	1	-	1	-	-	15
7		1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
8		1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
9		3	-	1	2	1	-	-	-	-	-	1	8
10		1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
11		2	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	3
12		1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
13		2	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	4
14		-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
15		-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2
16		-	1	-	-	-	-	-	-	2	-	-	3
17		-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	2
18		-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
19		8	-	3	-	9	-	-	-	2	-	-	22
20		-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
21		5	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	7
22		1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
23		1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
24		-	-	1	-	4	-	-	-	-	-	-	5
25		-	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	5
26		1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	3
27		-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
	Всего	52	3	33	6	60	2	10	4	11	2	1	184

Рис. 1. Петроглифы Онежского озера: знаковые и символические образы, связанные с солярно-лунарными культурами

1, 3, 7, 9 – мыс Пери Нос VI; 2 – мыс Бесов Нос, северная группа; 4, 5, 14, 16–18 – мыс Пери Нос III; 6, 8, 10, 11 – мыс Карецкий Нос; 12 – мыс Бесов Нос (центральная группа); 13 – мыс Кладовец Нос; 15 – мыс Пери Нос IV

полукруглым основанием в 3 раза меньше, чем с круглым. Количество отростков у них от одного до двух, в ряде случаев нет. Различаются с узким серпом: такие же, но концы серпа соединены и полукруглые знаки с дополнительными элементами (зигзагообразными линиями).

Обращает на себя внимание и то, что в 30 случаях солярные и лунарные символы связаны (в том числе соединительными линиями) с орноморфными, зооморфными и антропоморфными фигурами, а также с лодками (рис. 1: 4–7). Иногда это сцены, специально вписанные в темно-серые пятна ксенолитов (рис. 5), или они образуют отдельно выбитые многофигурные композиции, в которых

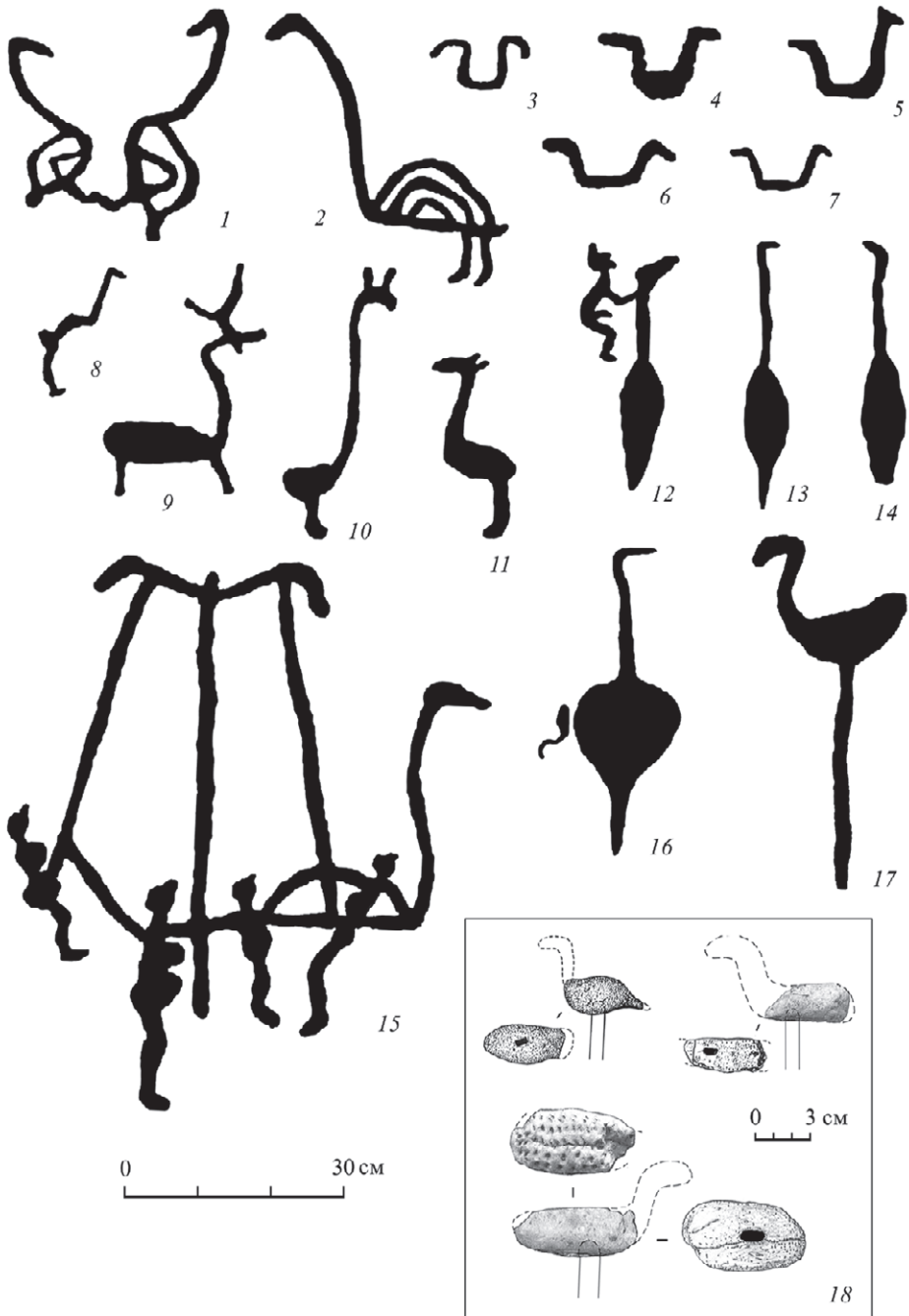

отражены мифы, к сожалению, непонятного для нас содержания (рис. 1: 10). Очень интересны уникальные человеческие фигуры, органично включающие в себя элементы космических символов: профильное изображение беременной женщины, голова которой показана как солярный знак с длинным лучом (рис. 1: 12), антропоморф с туловищем, образованным солярным знаком с двумя лучами – его ногами (рис. 1: 13), пляшущие существа с головой в виде солярного знака или с солярными кругами в руках (рис. 1: 14–15, 18), половинка туловища человека с контурной круглой головой и отходящим от нее отростком, воздетыми вверх руками с тремя пальцами и другие образы с подобной семантикой (рис. 1: 17). К символическим можно отнести и немногочисленные, но яркие дуалистические образы, совмещающие человека и зверя (рис. 1: 2–3), человека и птицу (рис. 2: 8), в одном случае даже человека-лодку (Лобанова, 2015б. С. 91. Рис. 50). О тотемической природе таких изображений писал В. И. Равдоникас еще в 30-е годы прошлого века (Равдоникас, 1937а).

Еще одну группу, правда, довольно малочисленную, образуют изображения ритуальных жезлов или композиций с зооморфными или орнитоморфными деталями. На Онежском озере их насчитывается 12. Среди них небольшие по размерам прямые или изогнутые стержни с четко обозначенной горбатой мордой лося на одном его конце, показаны длинные уши и «серьга» (рис. 3: 1–3). Такие фигуры находят аналоги в наскальном искусстве Фенноскандии, но почти всегда они изображены в руках людей (рис. 3: 5, 6). Их можно увидеть на Залавруге, Канозере, Немфорсене, Альте и на других памятниках наскального искусства (Колтаков, Шумкин, 2012. С. 291–296; Hallström, 1960. P. 319, 344; Helskog, 1988. P. 57). Разумеется, их форма не всегда единообразна, однако сходная семантика таких предметов во всех случаях достаточно очевидна. Лосиноголовые скульптуры из рога, кости и дерева также известны на стоянках эпох мезолита – неолита, самый известный пример – знаменитые Оленеостровские лосиноголовые жезлы (рис. 3: 4).

Второй тип ритуальных предметов на Онежских петроглифах имеет более сложную форму. Это длинные стержни длиной от 25 см до более чем 1 м. Они с треугольным завершением на одном конце, часто с лосиной головой, примыкающей к стержню сбоку, иногда показано кольцеобразное завершение его противоположного конца (рис. 3: 8–14). Такие фигуры выбиты на оконечности мысов Пери Нос III, IV, VI и на Карецком Носе. В одном случае жезлы изображены в обеих руках фронтальной антропоморфной фигуры с мыса Пери Нос III (рис. 3: 7, ныне находится в экспозиции Эрмитажа). Близки к ним по своим очертаниям изображения эпохи бронзы в виде стержней с треугольными и овальными утолщениями на концах из Тессема, в Северном Тронделаге, Норвегия (Hallström, 1960. P. 345). Г. Халльстрем относил всех их к категории символических образов, являвшихся, на его взгляд, отображением реальных предметов (Ibid. P. 319, 344), с чем вполне можно согласиться. А. Д. Столяр соотносил такие изображения с роговыми жезлами, найденными в позднемезолитическом Оленеостровском могильнике, который расположен в 50 км от Онежского наскального комплекса (Столяр, 1983).

Третий тип – 4 «весообразных» стержня с головой лебедя на противоположном от «лопасти» конце (Карецкий Нос, Пери Нос III и Бесов Нос, центральное панно) (рис. 2: 13–14, 16). В одном случае этот атрибут находится в руке

Рис. 2. Образы и сцены с орнитоморфной символикой

1-4, 6-10, 12-16 – петроглифы Онежского озера; 5, 11, 17 – петроглифы Белого моря; 18 – обломки глиняных скульптурок птиц (стоянка Черная Речка III, раскопки автора)

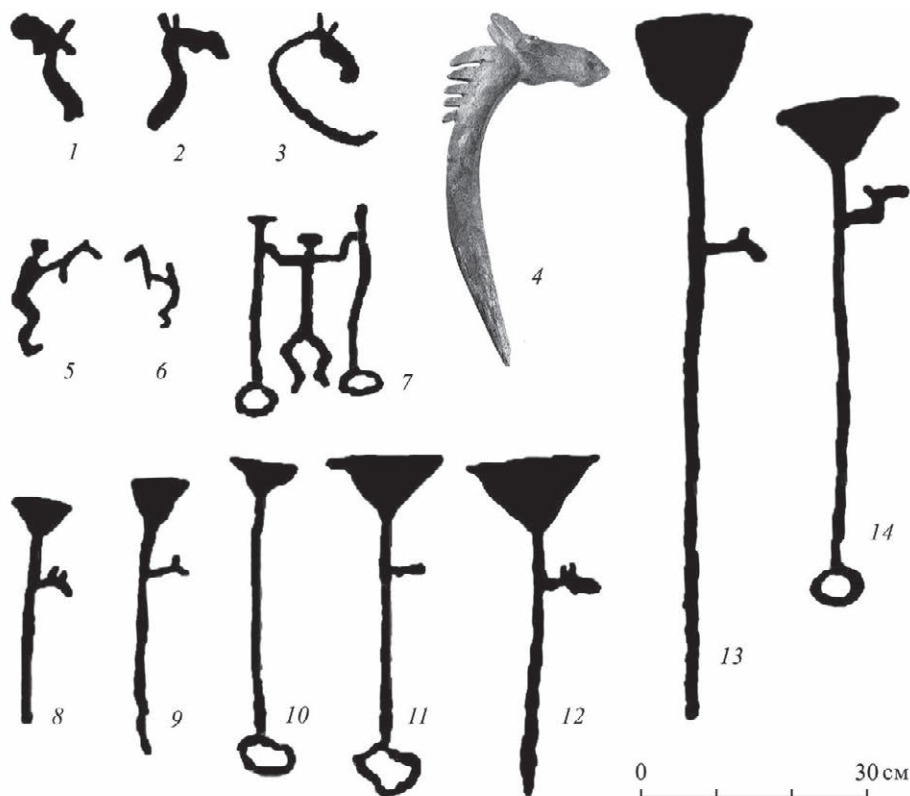
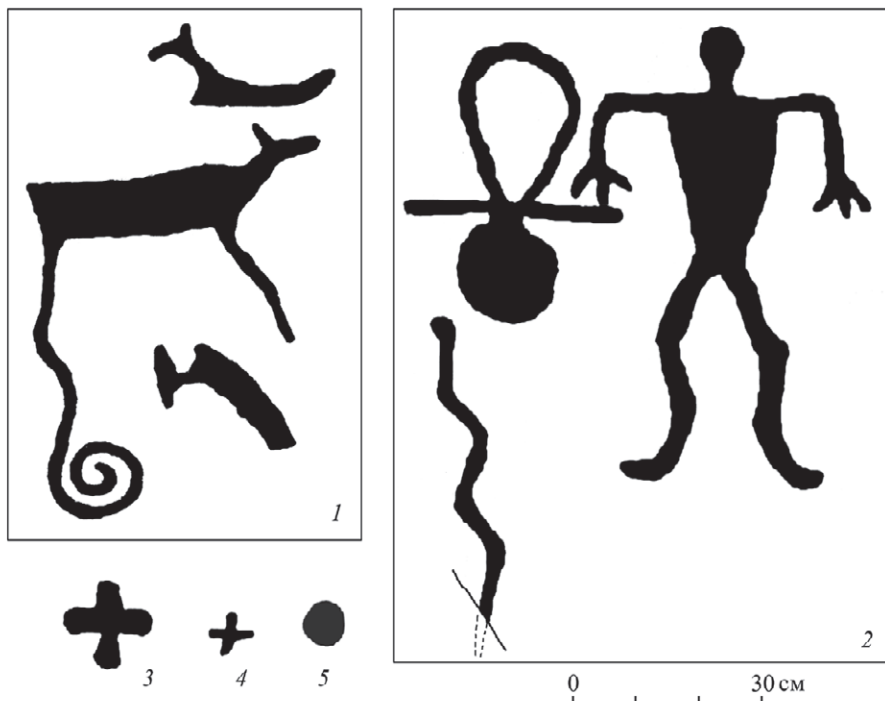

Рис. 3. Зооморфные ритуальные жезлы

1–3, 7–14 – наскальные изображения Онежского озера; 5, 6 – петроглифы Белого моря; 4 – жезл из Оленеостровского могильника

у мужского антропоморфного персонажа с выступом на голове (рис. 2: 12). Веслообразные изображения, как и вышеописанные стержни с треугольными расширениями на конце, – тоже отражение реально существовавших материальных предметов ритуальных обрядов в руках антропоморфных существ (Лобанова, 2015б. Рис. 219: 27–29). Впрочем, в Онежском наскальном комплексе один такой петроглиф, к сожалению, плохо сохранившийся вследствие эрозии, зафиксирован на мысе Карецкий Нос (Там же. Рис. 219: 18). Следует отметить уникальную композицию явно ритуального свойства на полуострове Кочковнаволок (на мысе Лебединый Нос), обнаруженную в 1986 г. эстонской экспедицией (Poikalainen, Ernits, 1998. P. 48). Однако в каталоге эстонских исследователей данная сцена документирована не совсем точно. Копия на черной рисовой бумаге, изготовленная нами в 2018 г., показала, что это сюжет с участием четырех изображенных в профиль беременных стройных женщин с прическами, которые несут сложную конструкцию, увенчанную лебедиными головами (рис. 2: 15).

**Рис. 4. Знаковые и символические изображения
в наскальном искусстве Беломорья**

1, 2 – Старая Залавруга; 3, 4 – Бесовы Следки; 5 – Новая Залавруга

В глубоко реалистическом и более понятном наскальном искусстве в низовьях реки Выг кроме солярных знаков онежского типа (рис. 4: 2, 5), ритуальных жезлов в руках людей (рис. 3: 5, 6), птицы с головой лося (рис. 2: 11) и одного изображения двухголовой птицы (рис. 2: 5) встречаются и другие символические образы, не имеющие аналогов в Онежском наскальном комплексе. Это изображения двух крестов (возможно, символов солнца) из группы Бесовы Следки (рис. 4: 3, 4), обособленное изображение птицы на прямом длинном стержне, идущем вниз от живота. Максимальный размер птицы – 45 см, длина стержня – 30 см (рис. 2: 17). Изображение выявлено автором несколько лет назад на наскальном полотне Старая Залавруга (скопление 1, по: *Равдоникас*, 1938). Выбивка вызывает ассоциации с рисунком птичьего силуэта в пещере Ляско и со скульптурками из обожженной глины (рис. 2: 18), найденными при раскопках автора на стоянке Черная Речка III, расположенной рядом с группами петроглифов Онежского озера в устье реки Черной (*Лобанова, Филатова*, 2015. С. 157). Третий беломорский сюжет включает несколько, видимо, взаимосвязанных изображений (рис. 4: 2): две типичные лодки с изогнутым корпусом без гребцов, между ними – бегущий олень, к задней конечности которого примыкает спираль – очень многозначный и универсальный

Рис. 5. Петроглифы Онежского озера: остров Большой Гурий, композиция в пятне ксенолита. Микалентная копия С. В. Георгиевской

символ, известный с палеолита. В данном контексте связь образа оленя со спиралью-солнцем возможно трактовать как один из древних элементов космологических представлений северных народов.

Таким образом, в статье рассмотрены значимые и наиболее дискуссионные в 1930-е и 1960-е гг. знаковые и символические образы петроглифов Карелии, главным образом распространенные на восточном побережье Онежского озера и единичные в Беломорье. Проблема их интерпретации все еще остается актуальной. В последнее время были сделаны открытия, позволившие в некоторой степени расширить наши представления о мотивах и сюжетах наскального искусства (композиция со спиралью на Залавруге, на той же плоскости замечен символ птицы на стержне). Онежские петроглифы, пожалуй, самый сложный для исследовательского осмысления петроглифический памятник. Здесь ярко отражен культ водоплавающей птицы – лебедя. Немало образов, которых нет в других памятниках. Такова серия странных человекоподобных образов, звери

и птицы, зачастую мало похожие на тех, что встречались в природе. Эти черты сверхъестественного и указывают на особую, творческую природу подобных образов. Они прежде всего – отражение весьма сложного духовного мира обитателей восточного побережья.

ЛИТЕРАТУРА

- Брюсов А. Я.*, 1940. История древней Карелии. М.: ГИМ. 320 с. (Труды ГИМ; вып. IX.)
- Жульников А. М.*, 2006. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия. 224 с.
- Колтаков Е. М., Шумкин В. Я.*, 2012. Петроглифы Канозера. СПб.: ИИМК РАН. 423 с.
- Лаушкин К. Д.*, 1959. Онежское святилище. Новая расшифровка петроглифов Карелии // Скандинавский сборник. Вып. 4. Таллин: Эстонское гос. изд-во. С. 83–111.
- Лаушкин К. Д.*, 1962. Онежское святилище. Опыт новой расшифровки некоторых петроглифов Карелии // Скандинавский сборник. Вып. 5. Таллин: Эстонское гос. изд-во. С. 177–298.
- Линевский А. М.*, 1939. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат. 194 с.
- Лобанова Н. В.*, 2007. Петроглифы Старой Залавруги: новые данные – новый взгляд // АЭАЕ. № 1 (29). С. 127–135.
- Лобанова Н. В.*, 2014. К вопросу о хронологии и периодизации наскальных изображений Онежского озера // РА. № 3. С. 15–33.
- Лобанова Н. В.*, 2015а. Петроглифы в низовьях р. Выг: проблемы хронологии и периодизации // РА. № 4. С. 16–34.
- Лобанова Н. В.*, 2015б. Петроглифы Онежского озера. М.; Петрозаводск: Ун-т Дмитрия Пожарского. 440 с.
- Лобанова Н. В.*, 2016. Новые данные о периодизации наскального искусства Онежского озера // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Вып. 1. Петрозаводск. С. 12–34.
- Лобанова Н. В., Филатова В. Ф.*, 2015. Археологические памятники в районе Онежских петроглифов. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. 464 с.
- Петроглифы Карелии. Петрозаводск; М.: Северный паломник, 2019. 196 с.
- Потемкина Т. М.*, 2016. Небо на скалах Онежского озера по данным археоастрономии // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 4 (1). С. 19–80.
- Равдоникас В. И.*, 1936. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1: Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 211 с., 83 вкл. л. (Труды Института этнографии. Т. IX. Археологическая серия; № 1.)
- Равдоникас В. И.*, 1937а. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря // СА. № 3. С. 1–32.
- Равдоникас В. И.*, 1937б. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // СА. № 4. С. 1–32.
- Равдоникас В. И.*, 1938. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 2. Наскальные изображения Белого моря. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 168 с., 87 л. ил. (Труды Института этнографии; т. X. Археологическая серия; № 1.)
- Равдоникас Ф. В.*, 1978. Лунарные знаки в наскальных изображениях Онежского озера. У истоков творчества // Исторический вестник. Новосибирск. № 1 (26). С. 116–132.
- Савватеев Ю. А.*, 1970. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Ч. 1: Петроглифы. Л.: Наука. 443 с.
- Столяр А. Д.*, 1983. «Жезлы» Онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР / Отв. ред. Л. Я. Крижевская. Л.: Наука. С. 145–158.
- Grewingk C.*, 1855. Ueber die in Granit geritzten Bildergruppen am Ostufer des Onega-Sees // Bulletin de la Classe des sciences historiques, philosophiques et politiques de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg. Vol. 12. № 7–8. P. 96–103.
- Hallström G.*, 1960. Monumental art of northern Sweden from the Stone Age: Nämforsen and other localities. Stockholm: Almqvist & Wiksell. XVI, 401 p.

- Helskog K.*, 1988. Helleristingene i Alta: Spor etter ritualer og dagligliv i Finnmarks forhistorie. Alta: Alta museum. 135 s.
- Poikalainen V., Ernits E.*, 1998. Rock carvings of Lake Onega: The Vodla region. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art. 431 p.
- Tenjes P.*, 1986. Petroglüüfidest ja kalendrist // Tartu Tähetorni kalender 1987Aastaks. Tallinn. P. 63–70.

Сведения об авторе

Лобанова Надежда Валентиновна, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, ул. Пушкинская, 11, г. Петрозаводск, 185910, Республика Карелия, Россия; e-mail: hopelob@yandex.ru

N. V. Lobanova

SIGNS AND SYMBOLS IN KARELIA ROCK ART:
CLASSIFICATION AND ISSUES OF INTERPRETATION

Abstract. The paper provides new data on images of rock art of Lake Onega and the White Sea such as solar and lunar signs as well as other abstract images with complex semantics which sparked enormous interest among researchers and generated heated discussions in the 1930s and 1960s. These images were regarded key for interpretation of Onega rock art images. The author analyzes existing hypotheses, highlights their drawbacks and presents her view on this issue. Over the past ten years the author conducted field research of petroglyphs with application of modern methods. The increased number of petroglyphs and clarification of their location and contours is a result of this study. This provides a more solid basis for rock art interpretation. In Karelia petroglyphs were created during a limited span, less than one thousand years (6500–7000 years ago). Together with the surrounding landscape, the petroglyphs of Lake Onega and the petroglyphs from the White Sea form open air sanctuaries. Similarity of the images is caused by chronology, similar natural conditions, the same cultural context, whereas differences are more likely to be related with local conditions and specific features of natural environment. Similar and sometimes even identical images point to direct contacts between the population of both regions and similar trajectories of petroglyphic tradition development. Discs, circles, crescents, rods, etc., often represented together with birds, forest animals, boats and people in the boats and near the boats, have been identified (Figs. 1–4). Such symbols were of great importance in mythological concepts, rites and rituals of the Neolithic population inhabiting the Lake Onega shores.

Keywords: petroglyphs of Lake Onega and the White Sea, signs and symbolic images.

REFERENCES

- Bryusov A. Ya., 1940. Istoriya drevney Karelii [History of ancient Karelia]. Moscow: GIM. 320 p. (Trudy GIM, IX.)
- Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya., 2012. Petroglify Kanozera [Kanozero petroglyphs]. St. Petersburg: IIMK RAN. 423 p.
- Laushkin K. D., 1959. Onezhskoye svyatilishche. Novaya rasshifrovka petroglifov Karelii [Onega sanctuary. New decoding of Karelia petroglyphs]. *Skandinavskiy sbornik [Scandinavian annual]*, 4. Tallin: Estonskoye gosudarstvennoye izdatel'stvo, pp. 83–111.

- Laushkin K. D., 1962. Onezhskoye svyatilishche. Opyt novoy rasshifrovki nekotorykh petroglifov Karelii [Onega sanctuary. Experience of new decoding of some Karelia petroglyphs]. *Skandinavskiy sbornik [Scandinavian annual]*, 5. Tallin: Estonskoye gosudarstvennoye izdatel'stvo, pp. 177–298.
- Linevskiy A. M., 1939. Petroglify Karelii [Petroglyphs of Karelia]. Petrozavodsk: Kargosizdat. 194 p.
- Lobanova N. V., 2007. Petroglify Staroy Zalavrugi: novyye dannyye – novyy vzglyad [Petroglyphs at Staraya Zalavruga: new evidence – new outlook]. *AEAE*, 1 (29), pp. 127–135.
- Lobanova N. V., 2014. K voprosu o khronologii i periodizatsii naskal'nykh izobrazheniy Onezhskogo ozera [About the chronology and periodization of the rock carvings of the Lake Onega]. *RA*, 3, pp. 15–33.
- Lobanova N. V., 2015a. Petroglify v nizov'yakh r. Vyg: problemy khronologii i periodizatsii [Petroglyphs in the lower reaches of Vyg river: questions of chronology and periodization]. *RA*, 4, pp. 16–34.
- Lobanova N. V., 2015b. Petroglify Onezhskogo ozera [Petroglyphs of Onega lake]. Moscow; Petrozavodsk: Universitet Dmitriya Pozharskogo. 440 p.
- Lobanova N. V., 2016. Novyye dannyye o periodizatsii naskal'nogo iskusstva Onezhskogo ozera [New data on periodization of rock art at Onega lake]. *Almanakh severoyevropeyskikh i baltiyskikh issledovaniy [Miscellany of North European and Baltic studies]*, 1. Petrozavodsk, pp. 12–34.
- Lobanova N. V., Filatova V. F., 2015. Arkheologicheskiye pamyatniki v rayone Onezhskikh petroglifov [Archaeological sites in the region of Onega petroglyphs]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo. 464 p.
- Petroglify Karelii [Karelia petroglyphs]. Petrozavodsk; Moscow: Severnyy palomnik, 2019. 196 p.
- Potemkina T. M., 2016. Nebo na skalakh Onezhskogo ozera po dannym arkheoastronomii [Sky on the Onega lake rocks: data of archaeoastronomy]. *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, 4 (1), pp. 19–80.
- Ravdonikas F. V., 1978. Lunarnyye znaki v naskal'nykh izobrazheniyakh Onezhskogo ozera. U istokov tvorchestva [Lunar signs in rock carvings of Onega lake. The sources of creativity]. *Istoricheskiy vestnik [Historical bulletin]*. Novosibirsk, 1 (26), pp. 116–132.
- Ravdonikas V. I., 1936. Naskal'nyye izobrazheniya Onezhskogo ozera i Belogo moraya [Rock carvings of Onega lake and White Sea], 1. Naskal'nyye izobrazheniya Onezhskogo ozera [Rock carvings of Onega lake]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 211 p., 83 pl. (Trudy Instituta etnografii, IX. Arkheologicheskaya seriya, 1.)
- Ravdonikas V. I., 1937a. Sledy totemicheskikh predstavleniy v obrazakh naskal'nykh izobrazheniy Onezhskogo ozera i Belogo morya [Traces of totemic ideas in rock art images of Onega lake and White Sea]. *SA*, 3, pp. 1–32.
- Ravdonikas V. I., 1937b. Elementy kosmicheskikh predstavleniy v obrazakh naskal'nykh izobrazheniy [Elements of space concepts in rock art images]. *SA*, 4, pp. 1–32.
- Ravdonikas V. I., 1938. Naskal'nyye izobrazheniya Onezhskogo ozera i Belogo morya [Rock carvings of Onega lake and White Sea], 2. Naskal'nyye izobrazheniya Belogo morya [Rock carvings of White Sea]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 168 p., 87 pl. (Trudy Instituta etnografii, X. Arkheologicheskaya seriya, 1.)
- Savvateyev Yu. A., 1970. Zalavruga. Arkheologicheskiye pamyatniki nizov'ya reki Vyg [Zalavruga. Archaeological sites on river Vyg lower reaches], 1. Petroglify. Leningrad: Nauka. 443 p.
- Stolyar A. D., 1983. «Zhezly» Onezhskikh petroglifov i ikh material'nyye prototipy [«Rods» of Onega petroglyphs and their material prototypes]. *Izyskaniya po mezolitu i neolitu SSSR [Research on the Mesolithic and Neolithic of the USSR]*. L. Ya. Krizhevskaya, ed. Leningrad: Nauka, pp. 145–158.
- Zhul'nikov A. M., 2006. Petroglify Karelii: Obraz mira i miry obrazov [Karelia petroglyphs: Image of the world and worlds of images]. Petrozavodsk: Skandinaviya. 224 p.

About the author

Lobanova Nadezhda V., Institute of language, literature and history of the Karelian scientific centre RAS, ul. Pushkinskaya, 11, Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation; e-mail: hopelob@yandex.ru

Н. И. Шишлина, О. В. Орфинская, Д. В. Киселева, А. В. Сурков

ТЕКСТИЛЬ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ЧЕСМЕНКА 3 ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ: ТЕХНОЛОГИЯ, ИЗОТОПНЫЙ СОСТАВ И РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ¹

Резюме. Статья посвящена анализу сложного аксессуара, найденного в могильнике Чесменка 3, курган 2, погребение 4. Для изготовления многокомпонентного изделия использовались материалы разного происхождения: войлок, на который льняными нитями были пришиты пронизи, нанизанные на шерстяные нити. Радиоуглеродное датирование фрагмента льняной нити позволило отнести захоронение ранней покровской культуры к 1800–1700 гг. до н. э. Определение вариаций отношений стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ во фрагменте льняного шнура и сравнительный анализ с фоновыми «изотопными метками» указывают на возможные западные ареалы происхождения растительного сырья. Использование шерстяных нитей и войлока соотносится с хронологией и траекторией распространения шерстяного волокна и шерстяных тканей в начале II тыс. до н. э. из южных регионов Кавказа и прилегающей степи на север.

Ключевые слова: текстиль, лен, шерсть, войлок, вариации отношений стронция, $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, сырьевые ареалы

Введение

Методы, с помощью которых изучают текстильные образцы, позволяют определить их структуру, возможный источник сырья, время, а иногда и место производства. Однако эти данные необходимо рассматривать не как отдельную информацию в отрыве от общего историко-культурного развития, не позволяющую оценить уровень древнего ткачества как компонента экономического потенциала отдельной культуры, а с обязательным учетом данных, получаемых

---

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 18-09-00015; №20-09-00194.

при анализе других археологических источников и, в первую очередь, древнего текстильного производства. Это позволит избежать ошибочных интерпретаций, когда применение непробированных методов исследования приводит к серьезным заблуждениям (*Каширская и др.*, 2018).

В данной работе представлены результаты комплексного изучения органических фрагментов изделия из погребения 2, кургана 4 курганной группы 3 у с. Чесменка, расположенного в Воронежской области.

Археологический контекст, образцы и методы исследования

Курганная группа Чесменка 3 располагалась в Бобровском р-не Воронежской области. Могильник состоял из трех насыпей. Под насыпью кургана 2 высотой 0,15 м и диаметром 16 м было открыто четыре захоронения – абашевской (п. 1) и покровской (п. 2–4) культур. Погребение 4 найдено к юго-востоку от центра кургана и было сооружено в вытянутой по линии юго-запад – северо-восток прямоугольной яме размерами 2,08 × 1,42 м. На дне ямы скорченно на спине, головой на северо-восток лежал скелет взрослого человека плохой сохранности, предположительно 20–30 лет (рис. 1: 1, 3).

В районе головы, ребер и в северной части ямы прослежены остатки органического тлена коричневого цвета, в районе плеч лежало два бронзовых браслета (рис. 2: 4), у головы – миниатюрный глиняный сосуд (рис. 2: 1). Перед лицевой частью черепа находилось сложносоставное украшение, по-видимому, нашитое на частично сохранившуюся органическую основу, состоявшее из четырех нитей, украшенных бронзовыми пронизями разной формы, спиралями из проволоки и трубочками, в нижней части нашитыми по кругу вокруг двух бляшек (рис. 1: 2; 2: 2, 3). Еще четыре бляшки были смещены и располагались у сосуда и в норе. Благодаря большому количеству бронзовых изделий сохранились органические детали аксессуара, которые стали предметом комплексного исследования.

Для изучения были отобраны фрагменты бронзовых пронизей: два – с наматанными сверху шнурами и один – с органикой. Технологический анализ фрагментов шнуров и органики проводился с помощью визуальных методов и методов микроскопии. Для определений характеристик нитей и структуры ткани применялась микроскопия в отраженном неполяризованном свете с помощью текстильной лупы Flash Magnifier с увеличением до 10× и стереомикроскоп Leica DM750 с увеличением до 100×; для определения природы текстильных волокон, а также степени их загрязнения и повреждений – микроскопия в проходящем поляризованном и неполяризованном свете с помощью микроскопа Olympus BX41 с увеличением 100–400×.

Для выявления вероятного региона происхождения текстильного сырья в образце шнура были определены вариации отношения изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$. В качестве фона местных вариаций стронция использовались опубликованные данные (*Шшилина, Ларионова*, 2013; *Шшилина и др.*, 2016; *Медникова*, 2018; *Gerling*, 2015). Мы исходили из того, что геолого-геохимическая обстановка того или иного региона характеризуется изотопным составом стронция, который

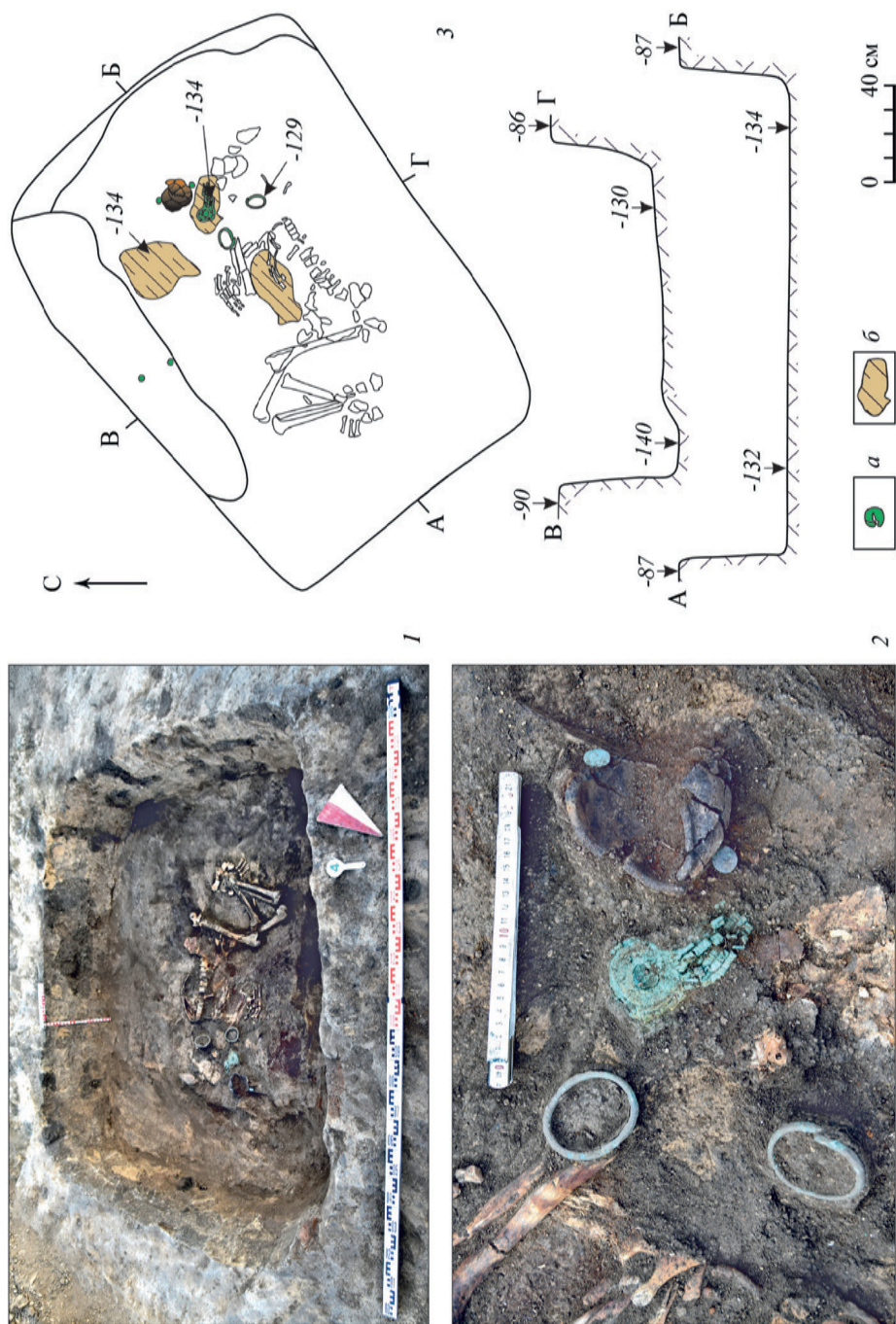
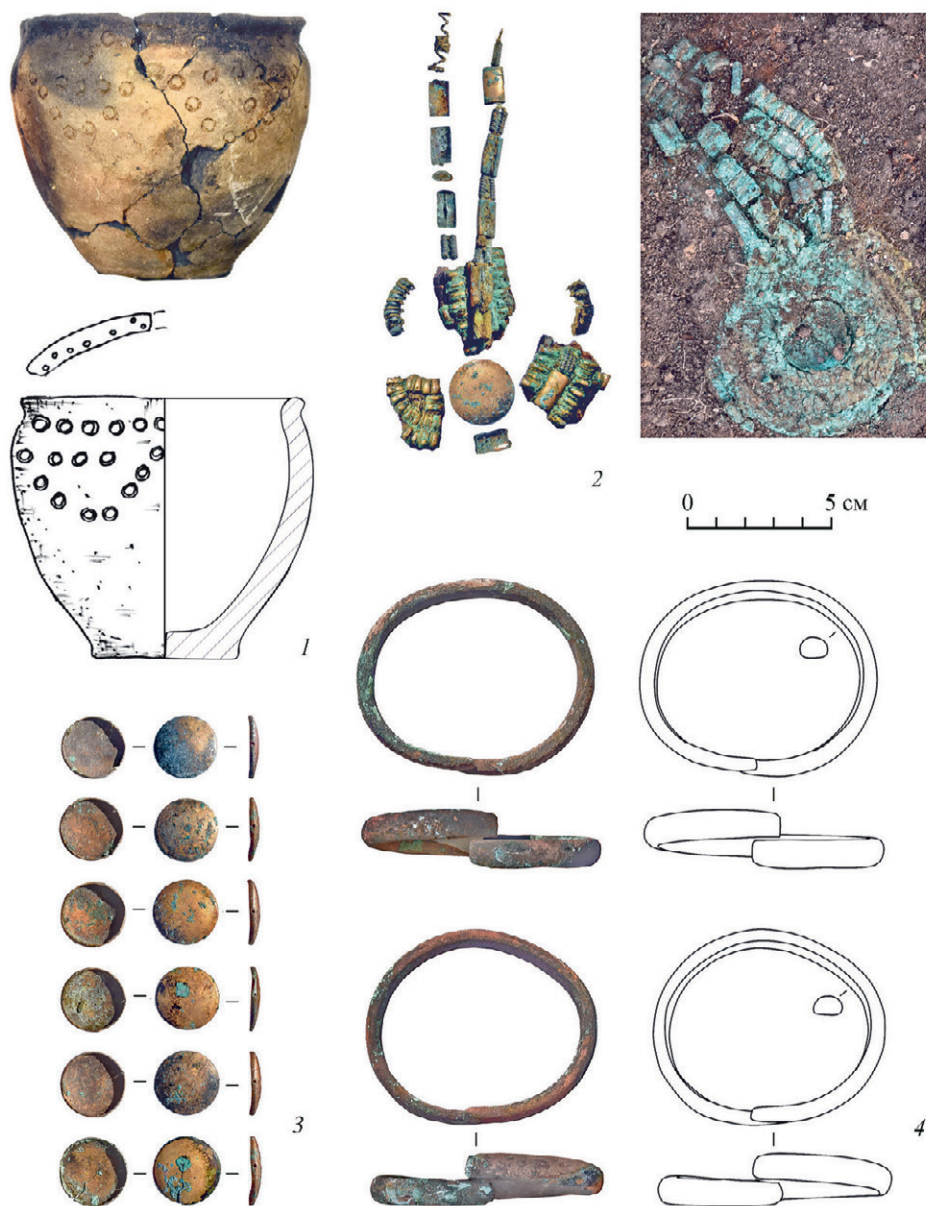

Рис. 1. Могильник Чесменка 3, курган 2, погребение 4

1 – общий вид погребения; 2 – фрагменты сложносоставного изделия; 3 – план и разрезы (а – изделие из бронзы; б – органический глен)

Рис. 2. Могильник Чесменка 3, курган 2, погребение 4, погребальный инвентарь

1 – глиняный сосуд; *2* – сложносоставное изделие; *3* – бронзовые бляхи – детали сложносоставного изделия; *4* – бронзовые браслеты

входит в растения и живые организмы, обитающие на изучаемой территории. Такие данные могут быть использованы для выяснения вероятных сырьевых ареалов, связанных с разными геохимическими нишами, и, таким образом, для решения вопроса о происхождении растительного волокна. Изотопный состав стронция в образце археологического шнура и раковинах улиток определялся методом мультиколлекторного масс-спектрометрического анализа в Институте геологии и геохимии им. ак. А. Н. Заварицкого Уральского отделения РАН.

Было также проведено радиоуглеродное АМС-датирование образца шнура в ^{14}C лаборатории Познанского университета, Польша.

Результаты исследования

Технологический анализ органических образцов (рис. 3: 1–3). Исследования показали, что бронзовые пронизи были нашиты на слой органического материала коричневого цвета (обозначен цифрой 3 на рис. 3: 2), в составе которого были выявлены шерстяные волокна (рис. 3: 6). Ниже этого слоя расположен более светлый коричневый слой органики (обозначен цифрой 4 на рис. 3: 2), в составе которого также обнаружены волокна шерсти (рис. 3: 7). Следовательно, можно предположить, что бронзовые детали аксессуара были нашиты на текстильную шерстяную основу. Отсутствие структуры нитей и их переплетения позволяет высказать предположение, что материалом для основы послужил войлок.

Для фиксации пронизей на войлочной основе использовался шнур толщиной 1 мм, состоящий из двух нитей с неравномерной Z-круткой, свитых между собой в S-направлении. Методом микроскопии было определено, что это растительные лубяные волокна. Удалось зафиксировать завершение одного из волокон в форме «веретена» (рис. 3: 4), что наряду с наличием междуузлий и интерференцией в темном поле (рис. 3: 5) указывает на волокна льна. Внутри пронизи находился шнур, природу которого не удалось однозначно определить, так как он был сильно загрязнен продуктами коррозии металла (рис. 3: 8), однако в этом образце были зафиксированы остатки волокнистого материала, диаметр которого позволяет предположить, что внутри бусины была шерстяная нить.

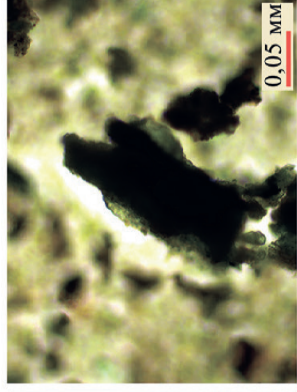
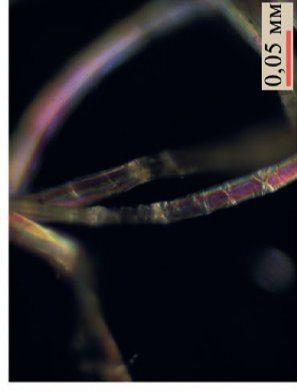
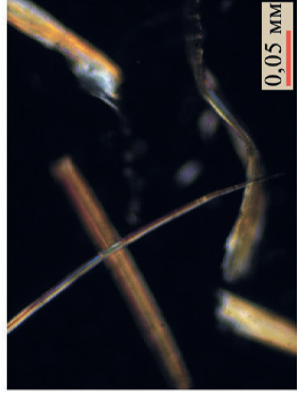
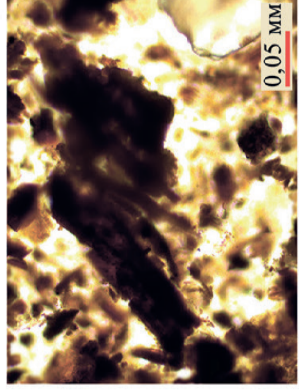
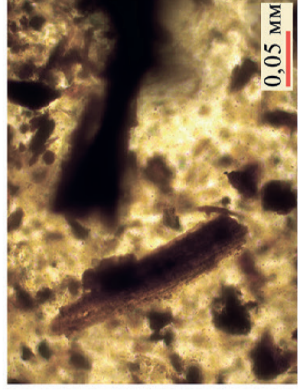
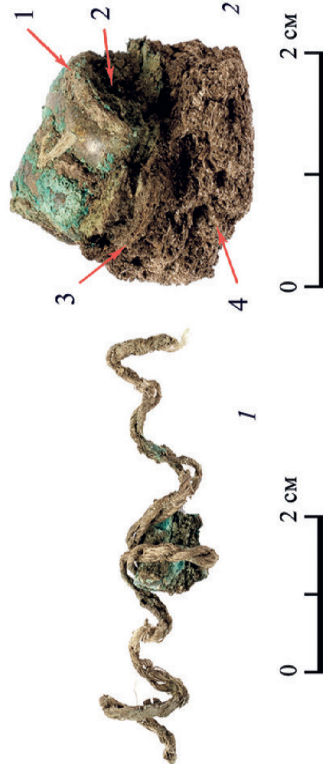
Таким образом, результаты технологического анализа образцов показали, что для изготовления изделия (возможно, сложного аксессуара одежды или головного убора) использовались материалы разного происхождения: войлок, на который льняными нитями были пришиты пронизи, нанизанные на шерстяные нити.

Вариации отношений изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ были определены во фрагменте растительного шнура и в биодоступных фоновых образцах – улитках и образцах воды из местных водоемов. В качестве фонового изотопного сигнала также использовались вариации изотопов стронция в зубной эмали человека доно-волжской абашевской культуры, похороненного в Подклетненском могильнике, расположенном на территории г. Воронежа (Медникова, 2018. С. 382) (табл. 1).

Таблица 1. Изотопный состав стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ во фрагменте шнура из мог. Чесменка 3 и фоновых образцах раковин улиток, воды и эмали человека доно-волжской абашевской культуры из мог. Подклетненский Воронежской области

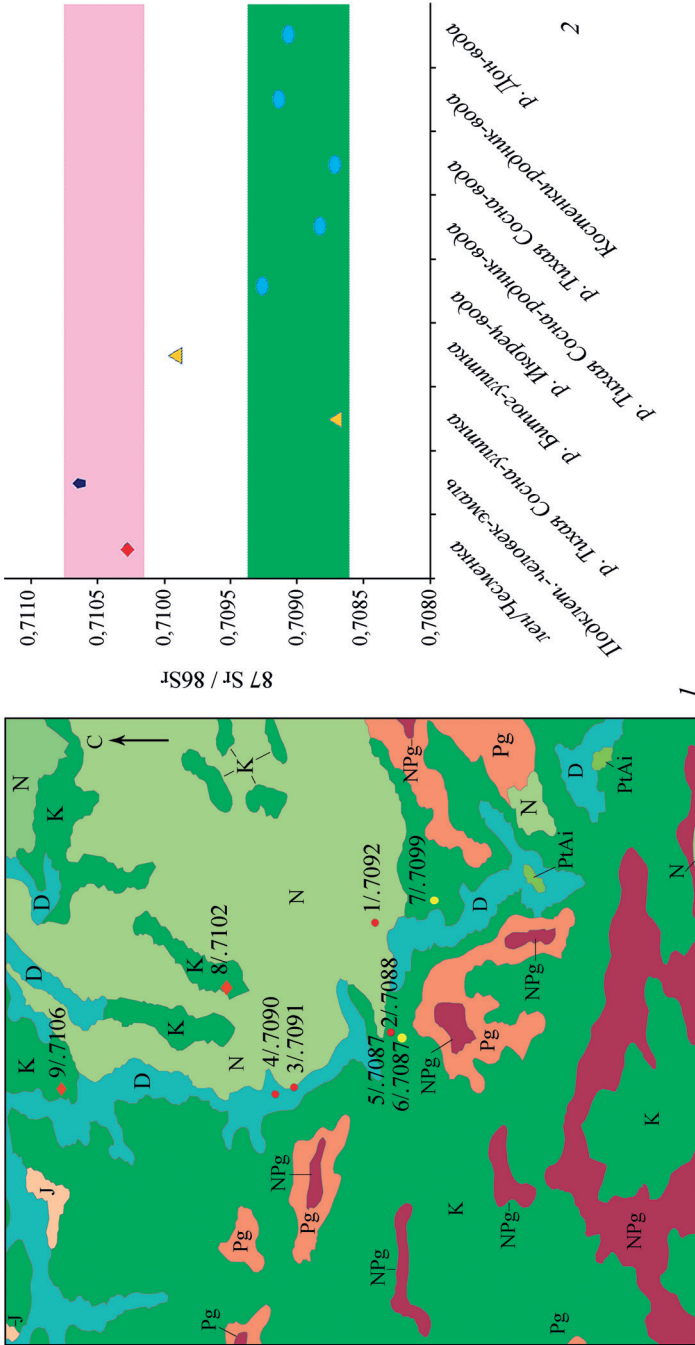
№ на карте	Образец	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr} \pm \text{SE, abs}$	Sr, ppm
Вода			
1	Воронежская область, р. Икорец, вода, N 51°02'02.6"; E 039°46'14,8	0,709253 ± 0,000007	
2	Лискинский район, родник у р. Тихая Сосна, вода, N 50°57'56.4"; E 39°17'30,4	0,708842 ± 0,000007	
3	С. Костенки, ул. Кирова, д. 6, колодец, вода, N 51°23'12.9"; E 039°03'07,2	0,709150 ± 0,000007	
4	р. Дон, вода, N 51°28'10.2"; E 039°01'19,3	0,709081 ± 0,000006	
5	Лискинский р-н, р. Тихая Сосна, вода, N 50°57'54.6"; E 039°17'30,8	0,708725 ± 0,000007	
раковины улиток			
6	Лискинский район, р. Тихая Сосна, раковина улитки <i>Viviparus ater</i> , N 50°57'57"; E 039°17'28.3"	0,708740 ± 0,000010	925
7	Павловский р-н, с. Лосево, р. Битюг, раковина улитки <i>Planorbarius Corneus</i> , N 50°42'17.4"; E 040°01'51.3"	0,709919 ± 0,000012	622
археологические образцы			
8	Чесменка 3, курган 2, погребение 4, фрагмент шнура N 51°16'07,91"; E 40°09'40,62"	0,710283 ± 0,000022	900
9	Подклетненский могильник, к. 57/33, п. 2 (<i>Медникова</i> , 2018), человек, первый моляр верхней челюсти, эмаль N 51°41'33,67"; E 39°06'36,26"	0,710644 ± 0,000016	

Изучаемый район находится в пределах центральной Русской платформы, на юго-востоке Воронежской антеклизы (рис. 4: 1). В ее геологическом строении выделяется кристаллический фундамент, сложенный докембрийскими породами и перекрывающий его осадочный чехол образований девонской, каменноугольной, юрской, меловой, палеогеновой, неогеновой и четвертичной систем. Девонские отложения развиты на всей территории области и представлены глинами, песками, известняками. Отложения каменноугольного возраста – это пески, песчаники, известняки мелководного моря, а также углистые, глинистые и песчаные отложения равнин и мелководных лагун. В юрском периоде накапливались пески и глины аллювиального и озерно-болотного происхождения. Меловые породы имеют большую мощность и широкое распространение. В нижних ярусах – это пески, глины, алевролиты, накапливающиеся в условиях

Рис. 3. Могильник Чесменка 3, курган 2, погребение 4

1 – фрагмент льняной нити; 2 – фрагмент пронижи, нашитой на войлок; 3 – фрагмент пронижи с льняной нитью; 4 – микрофотография завершения льняного волокна (темное поле); 5 – микрофотография льняных волокон (темное поле); 6 – микрофотография волокон шерсти слоя 3 (светлое поле); 7 – микрофотография волокон шерсти слоя 4 (светлое поле); 8 – микрофотография волокон шерсти из канала пронижи (светлое поле)

Рис. 4. Геологическая карта изучаемого региона (1) и гистограмма (2) изотопного состава стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ во фрагменте шнура из мог. Чесменка 3 и фоновых образцах раковин улиток, воды и зубной эмали человека доно-абашевской культуры из мог. Подклетненский в Воронежской области

Условные обозначения: а – девонская система; б – неоген; в – неоген-палеоген; г – юрская система; д – щелочные протерозойские и архейские интрузивные породы; е – меловая система; ж – вода; з – улитки; и – археологические образцы

пойм рек, дельт и мелководий. Выше они сменяются белым писчим мелом. Отложения неогена представлены песками и глинами. Отложения четвертичного периода – это речные, ледниковые и водно-ледниковые породы: пески, глины, минеральные пигменты.

Фоновыми образцами послужила вода из родников, колодцев, мелких рек и улитки. Водные источники являются фундаментальным вектором взаимодействия растений и животных с окружающей средой. Современные поверхностные воды могут не отражать изотопный состав в древности, поскольку эрозия может изменять соотношение минералов, попадающих в воду с течением времени. Пробы из малых водотоков и оценка геохимического вклада в более крупные реки, а также идентификация локализованных геологических особенностей, тем не менее, могут быть использованы при построении региональных карт распределения геохимических «подписей», соответствующих специфическим географическим областям, в отличие от водотоков крупных рек, усредняющих изотопно-геохимические данные с больших площадей водосборов. Поскольку вода и растения имеют четко идентифицируемое и подтвержденное происхождение и отражают фоновые величины биодоступного стронция с большей хронологической устойчивостью, они могут давать более точную картину биодоступных геохимических трасеров в древности, чем современная или археологическая фауна (*Scharlotta, Weber, 2014*).

Отношения изотопов стронция в раковине улитки и пробе воды из р. Тихая Сосна показали одинаковые результаты. В целом, фоновые отношения стронция в радиусе примерно 80–160 км от места находки варьируют в пределах 0,7087–0,7099.

Вариации отношений изотопов стронция во фрагменте шнура из льна из могильника Чесменка 3 самое высокое радиогенное – 0,7102 (рис. 4: 2).

Результаты радиоуглеродного датирования показывают, что захоронение было сооружено примерно в 1800–1700 гг. до н. э. (табл. 2); оно относится к ранней покровской культуре.

Таблица 2. Результаты радиоуглеродного АМС-датирования образца льняного шнура из мог. Чесменка 3, курган 2, погребение 4

Шифр лаборатории	Образец	^{14}C BP	^{14}C cal BC (вероятность)
Poz-122362	Фрагмент шнура из льна	3420 ± 30	1754–1682 (1σ) 1871–1844 (2σ)

Обсуждение

Сложносоставное изделие из могильника Чесменка 3, скорее всего, представляет собой либо аксессуар головного убора, либо деталь налобной повязки (как считает автор раскопок), либо типичную для более восточных регионов челюстно-лицевую подвеску – многокомпонентное украшение, состоящее из бронзовых блях и пронизей, частично нанизанных на шнуры, а частично

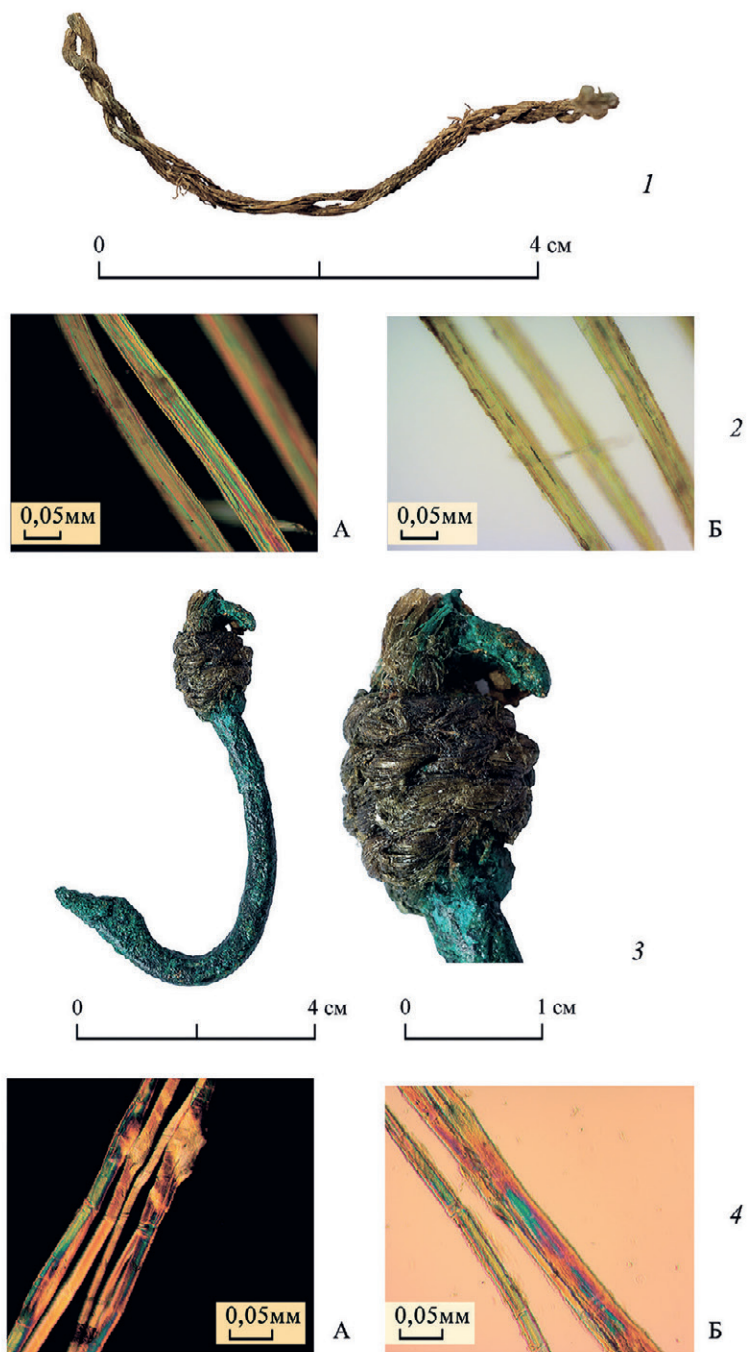
нашитых на кожаную основу (Усманова, 2010. Рис. 75–78; Куприянова, 2008. Рис. 46, 47). В украшении из Чесменки 3 основой является войлок.

В настоящий момент затруднительно определить, было ли изделие изготовлено где-то поблизости или за пределами обитания местных племен бронзового века. Может быть, оно было сделано местным мастером, получавшим материал (войлок, металл, льняные и шерстяные нити) из разных источников. Но не исключено, что на территорию Среднего Подонья само изделие попало уже в готовом виде, возможно, как элемент костюма погребенного человека. Для выявления места производства металлических деталей необходимо провести элементный анализ состава металла, включая определение изотопов свинца, и сопоставительный анализ широкой региональной выборки аналогичных данных. Однако изучение органических деталей головного украшения позволило получить важные данные о развитии текстильного производства эпохи бронзы и освоенных населением Среднего Подонья в начале II тыс. до н. э. сырьевых ресурсах.

Исследования европейского текстиля эпохи палеометаллов отражают хронологический приоритет растительного волокна над животным. На большей части Северной Евразии основным сырьем для производства нитей и тканей было растительное волокно – лен, конопля, крапива, стебли дикорастущих злаков (вейника, луговика, тимофеевки), стебли и листья водных растений (рогоза, камыша, ситника, тростника), лыко деревьев (Barber, 1992; McCorriston, 1997; Gleba, Krupa, 2012. P. 403; Корпусова, Ляшко, 1990); но использовались также кожа (Ryder, 1993) и сухожилия животных (Shishlina et al., 2005).

Лен (*Linum usitatissimum*) – одно из самых древних domesticiрованных растений, которое выращивали на Переднем Востоке начиная с VII тыс. до н. э. Оно относится к первой волне domesticiрованных растений и выращивалось для производства масла и как растительное волокно (Zohari, Hopf, 1988). Род *Linum* – это луговые и степные растения, они встречаются и на альпийских лугах. Находки обугленных семян льна (*Linum usitatissimum* L.) в памятниках Южного и Северного Кавказа V–IV тыс. до н. э. (навес Мешоко, Камиль-тепе, Ментеш-тепе, Арухло) указывают, что кавказские земледельцы в это время выращивали лен (Осташинский и др., 2016; Lyonnet et al., 2012). Он использовался как текстильное сырье – древнейшие хорошего качества, с разными технологическими характеристиками льняные ткани Восточной Европы найдены в памятниках майкопской культуры (Шишлина и др., 2002), они традиционны для беденской культуры Южного Кавказа середины – втор. пол. III тыс. до н. э. (Kalandadze, Sakhvadze, 2016; Kvavadze, 2016; Kvavadze et al., 2015).

Степные мастера ямной и катакомбной культур III тыс. до н. э. обрабатывали волокна дикорастущих травянистых растений – рогоза, осоки, ситника, джута, ковыля (Корпусова, Ляшко, 1990; Орфинская и др., 1999; Gleba, Krupa, 2012; Shishlina et al., 2000). Толстые травяные шнуры известны в степных памятниках рубежа III–II тыс. до н. э. Шнур из растения типа джута найден в захоронении днепро-донской бабинской культуры могильника Пологи в Запорожье (рис. 5: 1, 2); на бронзовом рыболовном крюке из могильника Синташта в Южном Зауралье сохранился шнур из конопли (рис. 5: 3, 4).

Рис. 5. Шнуры из растительных волокон

1, 2 – могильник Пологи, курган 1, погребение 2, бабинская культура; 3, 4 – могильник Синташта, синташтинская культура

1 – фрагмент шнура, 2, 4 – микрофотографии растительных волокон в темном (А) и светлом (Б) поле; 3 – бронзовый крюк с намотанной нитью

Однако льняное текстильное изделие в лесостепной зоне Северной Евразии найдено впервые.

Возникает вопрос, откуда в Среднем Подонье в начале II тыс. до н. э. могло появиться изделие из льна. В пыльцевых спектрах степных и лесостепных поселений Поволжья (Popova, 2016) и Приуралья (Rühl et al., 2014) II тыс. до н. э. пыльца льна отсутствует. Никаких данных о возделывании льна и других культур в степной зоне северной Евразии неизвестно (Лебедева, 2005). В северокавказских памятниках III–II тыс. до н. э. семена льна встречаются редко (Лебедева, 2011; Kohl, Magomedov, 2014), а льняные ткани неизвестны. Во II тыс. до н. э. лен как основное сырье для производства текстильных изделий использовался на Южном Кавказе (Kvavadze et al., 2010) и в Западной Европе (Jørgensen, 1992; Marinova, Valamoti, 2014).

Отношения изотопов стронция в образце льна из Чесменки показали, что его происхождение, скорее всего, не связано ни с местом находки, ни с сопредельными районами. Сравнение с данными фоновых показателей, полученными по Северному и Южному Кавказу и степным регионам (Шишлина, Ларионова, 2013; Шишлина и др., 2016; Trifonov et al., 2012), не позволяет пока полагать, что льняное сырье поступило и с юга – из степных регионов Предкавказья или Северного и Южного Кавказа. Геохимическая «подпись» чесменского шнура близка данным, полученным по зубной эмали людей доно-волжской абашевской культуры: из Подклетненского могильника (0,7106), расположенного к северо-западу от места находки шнура, и из еще более северного памятника на границе степи и лесостепи – Старшего Никитинского могильника (0,7104) (Медникова, 2018), но данные по эмали человека не могут считаться региональными фоновыми сигналами.

Вариации отношений изотопов стронция в растительном археологическом шнуре совпадают с многочисленными фоновыми показателями, полученными для более западных регионов: долины р. Хорол, характеризующейся кайнозойскими отложениями, плиоценовыми террасами эродированных равнин, заполненных песками с прослоями песчанистых глин: фоновые вариации в образце улитки – 0,7103 (Шишлина, Ларионова, 2013); степных регионов Центральной Украины со смесью протерозойской и архейской геологии и кайнозойских отложений: фоновые вариации в образцах растения и животных – 0,7102–0,7103; степных районов Венгерской равнины, сложенной из кайнозойских отложений: фоновые вариации в образце растения и фауны в пределах 0,7102–0,7105 (Gerling, 2015. P. 344–346).

Пока можно только предположить, что происхождение льняного шнура может быть связано с более западными и северо-западными европейскими регионами, где в III–II тыс. до н. э. льняные ткани были широко распространены (Martial, Medard, 2019), а семена *Linum usitatissimum* присутствуют на поселениях II тыс. до н. э. в Северном Причерноморье (Pashkevich, 2003. P. 294; Spengler, 2015. P. 21).

Векторы и механизмы распространения шерстяного волокна как технологической инновации на широких просторах Северной Евразии по-прежнему обозначены очень схематично. В российской историографии общепринятым является мнение, согласно которому шерстяное волокно связано с началом

разведения домашних овец и коз. Однако шерсть самых ранних овец представляла собой остевые волосы без пухового подшерстка (*Barber, 1992*), и потребовалось не менее пяти тысяч лет для выведения т. н. шерстяной овцы (*McCarriston, 1997; Good, 2012*). Первые документированные свидетельства появления шерстяных тканей относятся только к концу IV тыс. до н. э.: Анатолия, Арслантепе, ткань из козьего пуха (*Frangipane et al., 2001; 2009*), фрагменты тканей из козьего пуха и овечьей шерсти Восточного Ирана, Шахр-и-Сохта (*Good, 2007; 2012*).

Однако в Восточной Европе на протяжении 3500–2000 гг. до н. э. преобладали текстильные изделия из растительного волокна (*Копысова, Ляшко, 1990; Shishlina et al., 2000*). На основании новых радиоуглеродных данных местное производство шерстяного волокна на Южном Кавказе (*Kalandadze, Sakhvadze, 2016*) и в степном Предкавказье началось примерно в одно и то же время – с 2400 гг. до н. э., причем на юге с середины III тыс. до н. э. шерстяное волокно используется вместе с растительными, в первую очередь, льняными, джутовыми и другими волокнами; а в катакомбной и бабинской культурах – наравне с кожей и сухожильными нитями, а также дикорастущими растениями (*Shishlina et al., 2005*).

Фрагмент войлочной основы, на которую нашивались бронзовые украшения, подтверждает ранее высказанное мнение, что традиция войлока распространяется в степной среде, но его происхождение связано с комплексными оседлыми поселениями Ирана и Анатолии III тыс. до н. э., для которых характерен довольно высокий уровень специализации, в том числе и в производстве изделий из шерсти – тканей и ковров не только для собственного потребления, но и на обмен. Технология производства войлока развивалась после появления овечьей и козьей шерсти как сырьевого источника для ткачества (*Good, 2012. P. 343*). Войлок из погребения Чесменка 3 начала II тыс. до н. э. может считаться пока самым ранним изделием этого типа в Восточной Европе.

Использование при изготовлении изделия из раннепокровского погребения Чесменки 3 шерстяных нитей и войлока соотносится с хронологией и траекторией распространения шерстяного волокна и самих шерстяных тканей в начале II тыс. до н. э.: из южных регионов Кавказа и прилегающей степи – на север Восточной Европы. Радиоуглеродная дата погребения синхронна другим данным, полученным по комплексам с фрагментами текстиля из шерсти – из погребений покровской, алакульской, раннесрубной культур. Период 1900–1700 гг. до н. э. характеризуется быстрым распространением технологии производства шерстяного текстиля через степные и лесостепные регионы Подонья и Поволжья на Южный Урал, Казахстан, Южную Сибирь вплоть до Китая (*Mallory, Mair, 2000*).

Заключение

Внедрение технологий по производству новых продуктов питания и потребления – революция вторичных производств, по А. Шеррату (*Sherratt, 1997*) – качественно изменило траекторию экономических преобразований эпохи бронзы. Среди таких инноваций – появление и распространение шерстяного волокна

у народов, населявших Северную Евразию в III–II тыс. до н. э. Результаты, полученные по сложносоставному изделию из могильника Чесменка 3, позволяют считать, что носителями и ретрансляторами новых технологий начала II тыс. до н. э. были евразийские колесничные культуры, ареал которых включал степные и лесостепные регионы Северной Евразии. В этом «котле» в достаточно короткий временной интервал взаимодействовали синхронные позднеабашевские, синташтинские, раннеалакульские, раннесрубные (покровские) группы населения, быстро передавая и переноса далеко на восток культурно-знаковые открытия и статус нового типа костюма из шерсти и его аксессуаров.

А. Гуд считала, что самый ранний образец войлока происходит из Белуджистана в центральной Анатолии (2600 г. до н. э.) и синхронен ранним шерстяным тканям из Шахр-и-Сохты в Восточном Иране (*Good, 2012. P. 343, 344*). Упоминание войлока в экономических и законодательных текстах Ура III и Древнего Вавилонского периода (*Ibid. P. 344*) позволяет высказать предположение, что технология его производства, как и технология производства шерстяных тканей, распространялась позднее из «ареала происхождения» шерстяного волокна за его пределы, в том числе на Южный Кавказ и в степные северные регионы. Радиоуглеродные датировки, полученные по войлочным изделиям из Таримского бассейна Китая (*Mallory, Mair, 2000*), соотносятся с датой комплекса из Чесменки 3 Среднего Подонья. Эти данные точно фиксируют траекторию распространения шерстяного текстиля с запада на восток: мигранты – женщины, мужчины, дети культуры Сяохэ-Гумугоу одеты в шерстяные и войлочные одежды (*Barber, 1999. Fig. 4.2; Mallory, Mair, 2000*). Исследователи полагали, что эти индивиды переселились в этот ареал с Кавказа (*Barber, 1998*), однако, скорее всего, траектории передвижения этих групп населения могли быть иными, возможно, связанными со степными и лесостепными ареалами Северной Евразии.

Вероятно, новое сырье и текстильная технология изготовления нитей, тканей, войлока, определенное специализированной селекцией шерстяных овец и коз, появилось у катакомбных племен предкавказских степей только во втор. пол. III тыс. до н. э. В подвижной и восприимчивой к новациям среде степной катакомбной культуры адаптируются и развиваются передневожосточные текстильные технологии: производство шерстяного волокна, тканей, войлока. Основа степной экономики этого времени – подвижное овцеводство/козоводство – способствовало появлению продуктов вторичных производств. Ее ретрансляторами на севере стали носители колесничных культур позднего бронзового века, и они внесли в ее развитие существенный вклад. Сырьевые текстильные материалы – шерстяное волокно, применяемое для изготовления одежды и аксессуаров (головные уборы, подвески, пояса), маркируют технологическую глобализацию рубежа III–II – начала II тыс. до н. э. наравне с такими новациями, как колесницы, оловянные бронзы и т. д. Однако и традиционные дикорастущие растения, кожа и сухожилия продолжали широко использоваться.

При отсутствии каких-либо региональных данных о земледелии в степной и лесостепной зонах Восточной Европы трудно предположить, что лен выращивали в каком-либо из этих регионов в начале II тыс. до н. э. Происходит ли сырье или сама веревка из льна с Южного Кавказа, где лен оставался основ-

ным текстильным сырьем на протяжении всего бронзового века (*Kvavadze at al.*, 2010), непонятно. Но вариации отношений изотопов стронция в льняном шнуре из Чесменки указывают на возможные западные ареалы происхождения этого растительного волокна. Попасть льняная веревка в лесостепное Подонье могла как перевязочный материал вместе с другими предметами импорта, обмена или просто в качестве трофея и использоваться местным мастером.

Но для подтверждения таких дальних связей, контактов, влияний и системы обмена не льняными холстами, а предметами неэлитарного назначения, между лесостепными регионами Восточной Европы, Южного Кавказа, Причерноморья или Западной Европы должны быть привлечены дополнительные сравнительные данные.

Анализ новых текстильных материалов II тыс. до н. э. позволит уточнить полученные заключения и предположения.

Благодарности

Приносим благодарность Ю. О. Ларионовой за проведение анализа образцов воды из Воронежской области.

ЛИТЕРАТУРА

- Каширская Н. Н., Потапова А. В., Клещенко А. А., Борисов А. В.*, 2018. Микробиологическое выявление субстратов животного происхождения в погребальных подстилках эпохи бронзы // КСИА. Вып. 253. С. 403–416.
- Корпусова Н. В., Ляшко С. Н.*, 1990. Катакомбное погребение с кулем зерна в Крыму // СА. № 3. С. 166–173.
- Куприянова Е.*, 2008. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф. 243 с.
- Лебедева Е. Ю.*, 2005. Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы в Восточной Европе // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. С. 50–68.
- Лебедева Е. Ю.*, 2011. Первые результаты археоботанических исследований на археологических памятниках Адыгеи // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2 / Ред.: Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: ИА РАН: Таус. С. 244–257.
- Медникова М. Б.*, 2018. Как стать кузнецом? О мобильности абашевского населения по материалам Пепкинского кургана эпохи средней бронзы // КСИА. Вып. 253. С. 378–389.
- Орфинская О. В., Голиков В. П., Шишлина Н. И.*, 1999. Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы Евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей / Отв. ред. Н. И. Шишлина. М.: ГИМ. С. 58–184. (Труды ГИМ; вып. 109.)
- Осташинский С. М., Черленок Е. А., Лоскутов И. Г.*, 2016. О древнем земледелии Северо-Западного Кавказа // АВ. СПб.: ИИМК РАН. С. 35–40.
- Усманова Э.*, 2010. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Караганда: Карагандинский гос. ун-т; Лисаковск: Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья. 176 с.
- Шишлина Н. И., Ларионова Ю. О.*, 2013. Вариации изотопного состава стронция в образцах современных улиток юга России: первые результаты // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. Археология, краеведение, музееведение / Ред. А. Б. Белинский. Ставрополь: Наследие. С. 159–168.
- Шишлина Н. И., Ларионова Ю. О., Идрисов И. А., Азаров Е. С.*, 2016. Вариации изотопного состава стронция в образцах современных улиток восточной части Кавказа // Аридные экосистемы. Т. 22. № 2 (67). С. 32–40.

- Шишлина Н. И., Орфинская О. В., Голиков В. П., 2002. Текстиль эпохи бронзы Северного Кавказа: проблема происхождения // Степи Евразии в древности и средневековье. Т. 1 / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: ГЭ. С. 253–259.
- Barber E. J. W., 1992. Prehistoric textiles. Princeton: Princeton University Press. 471 p.
- Barber E. J. W., 1998. The Bronze Age Cloth and clothing of the Tarim basin: the Krörän (Loulan) and Qumul (Hami) evidence // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. Vol. 2 / Ed. V. H. Mair. Pennsylvania: University of Pennsylvania Museum. P. 647–655.
- Barber E. J. W., 1999. The mummies of Ürümchi. N. Y.: W. W. Norton & Company. 240 p.
- Frangipane M., Di Nocera G. M., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieru A., Sadori A., Schultz M., Schmidt-Schultz T., 2001. New symbols of a new power in a «Royal» tomb from 3000 BC Arslantepe, Malatya (Turkey) // *Paleorient*. Vol. 27. No. 2. P. 105–139.
- Frangipane M., Strand A., Laurito R., Möller-Wiering, Nosch M.-L., Rast-Eicher A., Lassen A. W., 2009. Arslantepe, Malatya (Turkey): Textiles, tools and imprints of Fabrics from the 4th to the 2nd millennium BCE // *Paleorient*. Vol. 35. No. 1. P. 5–29.
- Gerling C., 2015. Prehistoric mobility and diet in the west Eurasian steppes. 3500 to 300 BC. Berlin; Boston: De Gruyter. 402 p.
- Gleba M., Krupa T., 2012. Ukraine // Textiles and Textile production in Europe from Prehistory to AD 400 / Eds.: M. Gleba, U. Mannering. Oxford, Oakvill: Oxbow books. P. 399–424.
- Good I., 2007. Invisible exports in Aratta: Enmerkar and the three tasks // Ancient textiles: production, craft and society / Eds.: C. Gillis, M.-L. Nosch. Oxford: Oxbow Books. P. 168–173.
- Good I., 2012. Textiles // Companion to the Archaeology of Ancient Near East. I / Ed. D. N. Potts et al. Oxford: Wiley-Blackwell. P. 336–346.
- Jørgensen L. B., 1992. North European textiles until AD 1000. Aarhus University Press. 285 p.
- Kalandadze N., Sakhvadze E., 2016. Textiles discovered in Ananauri kurgan № 3 // *Makharadze Z., Kalandadze N., Murvanidze B.* Ananauri big kurgan № 3. Tbilisi: Georgian National Museum. P. 127–135.
- Kohl P. L., Magomedov R. G., 2014. Early Bronze developments on the West Caspian Coastal Plain // *Paleorient*. Vol. 40. No. 2. P. 93–114.
- Kvavadze E., 2016. Palynologica study of organic remains from the Ananauri kurgan // *Makharadze Z., Kalandadze N., Murvanidze B.* Ananauri big kurgan. Tbilisi: Georgian National Museum. P. 156–192.
- Kvavadze E., Narimanishvili G., Bitadze L., 2010. Fibres of Linum (flax), Gossypium (cotton) and animal wool as non-pollen palynomorphs in the late Bronze Age burials of Saphar-Kharaba, southern Georgia // *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 19. P. 479–494.
- Kvavadze E., Sagona A., Martkoplshvili I., Chichinadze M., Jalabadze M., Koridze I., 2015. The hidden side of ritual: New palynological data from Early Bronze Age Georgia, the Southern Caucasus // *Journal of Archaeological Science: Reports*. Vol. 2. P. 235–245.
- Lyonnet B., Guliyev F., Helwing B., Aliyev T., Hansen S., Mirtskhulava G., 2012. Ancient Kura 2010–2011: the first two seasons of joint field work in the southern Caucasus. Berlin: Dietrich Reimer Verlag. 190 p. (Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan; Bd. 44.)
- Mallory J. P., Mair V. H., 2000. The Tarim Mummies. London: Thames & Hudson. 252 p.
- Marinova E., Valamoti S.-M., 2014. Crop diversity and choice in Prehistoric southeastern Europe: cultural and environmental factors shaping the archaeobotanical record of Northern Greece and Bulgaria // *Plants and People. Choice and diversity through time* / Eds.: A. Chevalier, E. Marinova, L. Peña-Cocarro. Oxford: Oxbow books. P. 64–74.
- Martial E., Medard F., 2019. L'exploitation textile du lin au Néolithique en Europe occidentale (4ème–3ème millénaires avant n. e.), une base de réflexion pour l'âge du Bronze // *Archéologie du textile en Europe à l'âge du Bronze et au premier âge du Fer: 3e journée thématique de l'APRAB (2015)*. P. 11–35. (Bulletin de l'APRAB. Supplément; no. 5.)
- McCarrison J., 1997. The Fiber Revolution. Textile extensification, alienation, and social stratification in Ancient Mesopotamia // *Current Anthropology*. Vol. 38. No. 4. P. 517–549.
- Pashkevich G., 2003. Palaeoethnobotanical Evidence of Agriculture in the Steppe and the Forest-steppe of East Europe in the Late Neolithic and Bronze Age // *Prehistoric steppe Adaptation and the Horse* / Eds.: M. Levine, C. Renfrew, K. Boyle. Cambridge: University Cambridge. P. 287–297. (McDonald Institute Monographs.)

- Popova L. M.*, 2016. Floral data Analyses: Report on the Pollen and Microbotanical remains from the Krasnosamarskoye settlement // A Bronze Age Landscape in the Russian Steppes. The Samara Valley Project / Eds. D. W. Anthony et al. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology Press. P. 333–350.
- Rühl L., Herbig C., Stobbe A.*, 2015. Archaeobotanical analysis of plant use at Kamennyi Ambar, a Bronze Age fortified settlement of the Sintashta culture in the southern Trans-Urals steppe, Russia // *Vegetation History and Archaeobotany*. Vol. 24. P. 413–426.
- Ryder M. L.*, 1993. Wool at Danebury: a speculation using evidence from elsewhere // *Oxford Journal of Archaeology*. Vol. 12. Iss. 3. P. 305–320.
- Scharlotta I., Weber A.*, 2014. Mobility of middle Holocene foragers in the Cis-Baikal region, Siberia: Individual life history approach, strontium ratios, rare earth and trace elements // *QI*. Vol. 348. P. 37–65.
- Sherratt A.*, 1997. Economy and society in prehistoric Europe: Changing perspectives. Princeton: Princeton University Press. 448 p.
- Shishlina N. I., Golikov V. P., Orfinskaya O. V.*, 2000. Bronze Age textiles of the Caspian sea maritime steppes // *Kurgans, ritual sites, and settlements. Eurasian Bronze and Iron Age*. Oxford: Archeopress. P. 109–114. (BAR International series; 890.)
- Shishlina N., Orfinskaya O., Golikov V.*, 2005. Headdress from the Catacomb Culture Grave of the Shakhavskaya burial Ground in the Rostov Region // *Archaeological Textiles Newsletter*. No. 40. Manchester: The University of Manchester. P. 6–9.
- Spengler R. N.*, 2015. Agriculture in the Central Asian Bronze Age // *Journal of World Prehistory*. Vol. 28. No. 3. P. 215–253.
- Trifonov V. A., Zaitseva G. I., van der Plicht J., Burova N. D., Bogomolov E. S., Sementsov A. A., Likhova O. V.*, 2012. The Dolmen Kolikho, Western Caucasus: Isotopic investigation of funeral practice and human mobility, Radiocarbon. Vol. 54. Iss. 3–4. P. 761–769.
- Zohary D., Hopf M.*, 1988. Domestication of Plants in the Old World. Oxford: Clarendon Press. 249 p.

Сведения об авторах

Шишлина Наталья Ивановна, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: nshishlina@mail.ru;

Орфинская Ольга Вячеславовна, Центр Египтологических исследований РАН, Ленинский пр., 29-8, Москва, 119071, Россия; e-mail: orfio@yandex.ru;

Киселева Дарья Владимировна, Институт геологии и геохимии им. акад. А. Н. Заварницкого УРО РАН, ул. академика Вонсовского, 15, Екатеринбург, 620016, Россия; e-mail: podarenka@mail.ru;

Сурков Алексей Владимирович, Центр охранных археологических исследований, Ленинский пр-т, 119Л1, Воронеж, 394033, Россия; e-mail: surkovarh@mail.ru

N. I. Shishlina, O. V. Orfinskaya, D. V. Kiseleva, A. V. Surkov

BRONZE AGE TEXTILE FROM THE CHESMENKA 3 KURGAN GROUP IN THE VORONEZH REGION: TECHNOLOGY, ISOTOPIC COMPOSITION AND RADIOCARBON CHRONOLOGY

Abstract. The paper analyzes a composite accessory discovered in the Chesmenka 3 cemetery, kurgan 2, grave 4. Various materials were used to make the item. It consists of several components such as felt, tubular beads strung on wool threads and sewn onto the felt with a linen thread. Radiocarbon dating of linen thread fragment helped relate this grave to the early Pokrovka culture (1800–1700 BC). The variation in the $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ ratio in the linen thread fragment and comparative analysis with the use of background «isotopic signatures» point to likely western areas of plant raw material sources. The use of wool fibers and woollen cloths correlates with the chronology and the distribution

pattern of wool fibers and wool cloths in the early second millennium BC, i.e. from the southern areas of the Caucasus and the adjacent steppes to the north.

Keywords: textile, linen, wool, felt, variations in the $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ ratio, raw material areas.

REFERENCES

- Kashirskaya N. N., Potapova A. V., Kleshchenko A. A., Borisov A. V., 2018. Mikrobiologicheskoye vyyavleniye substratov zhivotnogo proiskhozhdeniya v pogrebal'nykh podstilkakh epokhi bronzy [Microbiological identification of animal origin substrates in the funerary mats of the Bronze Age]. *KSIA*, 253, pp. 403–416.
- Korpusova N. V., Lyashko S. N., 1990. Katakombnoye pogrebeniye s kulem zerna v Krymu [Catacomb burial with a sack of grain in Crimea]. *SA*, 3, pp. 166–173.
- Kupriyanova E., 2008. Ten' zhenshchiny: zhenskiy kostyum epokhi bronzy kak «tekst» (po materialam nekropoley Yuzhnogo Zaural'ya i Kazakhstana) [Shadow of a woman: Bronze Age women's costume as a «text» (based on materials from South Trans-Urals and Kazakhstan necropolises)]. Chelyabinsk: Avto Graf. 243 p.
- Lebedeva E. Yu., 2005. Arkheobotanika i izuchenie zemledeliya epokhi bronzy v Vostochnoy Evrope [Archaeobotany and studies of Bronze Age agriculture in Eastern Europe]. *OPUS: Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkhologii [OPUS: Interdisciplinary investigations in archaeology]*, 4. Moscow: IA RAN, pp. 50–68.
- Lebedeva E. Yu., 2011. Pervyye rezul'taty arkhobotanicheskikh issledovaniy na arkhologicheskikh pamyatnikakh Adygei [First results of archaeobotanic investigations at archaeological sites in Adygea]. *Analiticheskiye issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical investigations of the Laboratory of natural scientific methods]*, 2. E. N. Chernykh, V. I. Zav'yalov, eds. Moscow: IA RAN: Taus, pp. 244–257.
- Mednikova M. B., 2018. Kak stat' kuznetsom? O mobil'nosti abashevskogo naseleniya po materialam Pepkinskogo kurgana epokhi sredney bronzy [How to become a coppersmith? Mobility of Abashevo population based on materials from the Pepkino Middle Bronze Age kurgan]. *KSIA*, 253, pp. 378–389.
- Orfinskaya O. V., Golikov V. P., Shishlina N. I., 1999. Kompleksnoye eksperimental'noye issledovaniye tekstil'nykh izdeliy epokhi bronzy Evraziyskikh stepey [Complex experimental research of Bronze Age textile items from Eurasian steppes]. *Tekstil' epokhi bronzy Evraziyskikh stepey [Bronze Age textile from Eurasian steppes]*. N. I. Shishlina, ed. Moscow: GIM, pp. 58–184. (Trudy GIM, 109.)
- Ostshinskiy S. M., Cherlenok E. A., Loskutov I. G., 2016. O drevnem zemledelii Severo-Zapadnogo Kavkaza [On ancient agriculture of Northwestern Caucasus]. *AV*, 22. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 35–40.
- Shishlina N. I., Larionova Yu. O., 2013. Variatsii izotopnogo sostava strontsiya v obraztsakh sovremennykh ulitok yuga Rossii: pervyye rezul'taty [Variations of strontium isotope composition in contemporary snails samples from the South of Russia: first results]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Arkheologiya, krayevedeniye, muzevedeniye [Materials on study of historical-cultural heritage of North Caucasus. Archaeology, local lore studies, museum studies]*, XI. A. B. Belinskiy, ed. Stavropol: Naslediye, pp. 159–168.
- Shishlina N. I., Larionova Yu. O., Idrisov I. A., Azarov E. S., 2016. Variatsii izotopnogo sostava strontsiya v obraztsakh sovremennykh ulitok vostochnoy chasti Kavkaza [Variations of strontium isotope composition in contemporary snails samples from eastern part of Caucasus]. *Aridnyye ekosistemy [Arid ecosystems]*, vol. 22, no. 2 (67), pp. 32–40.
- Shishlina N. I., Orfinskaya O. V., Golikov V. P., 2002. Tekstil' epokhi bronzy Severnogo Kavkaza: problema proiskhozhdeniya [Bronze Age textile from North Caucasus: the issue of origin]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'ye [Eurasia steppes in antiquity and Middle Ages]*, 1. Yu. Yu. Piotrovskiy, ed. St. Petersburg: GE, pp. 253–259.
- Usmanova E., 2010. Kostyum zhenshchiny epokhi bronzy Kazakhstana [Costume of a woman of Kazakhstan in Bronze Age]. Karaganda: Karagandinskiy gos. universitet; Lisakovsk: Lisakovskiy muzey istorii i kul'tury Verkhnego Pritobol'ya. 176 p.

About the authors

Shishlina Natal'ya I., The State History Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: nshishlina@mail.ru;

Orfinskaya Olga V., Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninskiy av., 29-8, Moscow, 119071, Russian Federation; e-mail: orfio@yandex.ru;

Kiseleva Dar'ya V., Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Akademika Vonsovskogo str., 15, Ekaterinburg, 620016, Russian Federation; e-mail: podarenka@mail.ru;

Surkov Aleksey V., Center for security archaeological research, Leninsky av., 119L, Voronezh, 394033, Russian Federation; e-mail: surkovarh@mail.ru

К. Слюсарска

ДАННЫЕ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ
ТЕКСТИЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
И НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ОДЕЖДЫ
ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
В ЮЖНОЙ ЗОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Резюме. Для некоторых времен и регионов у археологов не так много возможностей по изучению костюма древних эпох. Костюм – это мощный инструмент общения, регулирования или формирования социальной практики. Кремация как погребальная традиция эпохи поздней бронзы сопряжена с отсутствием прямых источников для реконструкции одежды. Ситуация меняется во время раннего железного века с появлением новой погребальной традиции (лицевых урн) с представлением фигуры человека. Основной целью исследования является сбор опубликованных и рассеянных в литературе данных для реконструкции текстильной продукции и некоторых элементов одежды позднего бронзового и начала железного века из современной Польши.

Ключевые слова: текстильные изделия, одежда, бронзовый век, железный век, лужицкая культура, поморская культура.

Эпоха позднего бронзового и раннего железного века в северной части Центрально-Восточной Европы сложна для интерпретации археологического материала, поскольку картина многих областей древней повседневной жизни полностью размыта. Это не только результат недостаточности разработки научных методов, но прежде всего – следствие общей погребальной практики того времени: кремации, разрушающей не только тела, но и все сопутствующие предметы и одежду. Кроме того, изображения человеческой фигуры (на керамике и других предметах) или антропоморфные фигурки в это время крайне редки.

Таким образом, наша попытка реконструировать некоторые составляющие костюма основана на ограниченных данных: текстильных отпечатках на глиняных литейных формах, наличии в погребальном инвентаре ювелирных изделий или предметов для крепления одежды.

Одежда является не только средством защиты от условий окружающей среды. Прежде всего это мощный инструмент коммуникации, регулирующий или формирующий социальную практику. Это особенно относится к церемониальным костюмам для свадьбы и похорон. На наш взгляд, погребения дают представление только о церемониальной одежде, хотя некоторые ее элементы могут быть аналогичны повседневной. Но главная цель повседневной одежды для человека состоит в том, чтобы создать защиту и комфорт. Коммуникационный аспект остается в ней на заднем плане. Церемониальная одежда в первую очередь дает информацию по возрасту, полу, социальному статусу и идентичности погребенного, а также и о самой церемонии. Среди многих элементов церемониального костюма на первом месте по информативности стоят: цвет, головной убор и украшения. Цвет бывает известен менее всего, но головной убор и ювелирные изделия, наоборот, известны достаточно хорошо.

Хронологический диапазон рассмотрения охватывает период развития в южной части Балтийского побережья лужицкой культуры, принадлежащей кругу культур полей погребальных урн и следующей за ней поморской культуры. Период длится более 1000 лет, с XIV по IV в. до н. э. (начиная от рубежа III и IV периодов бронзового века по конец периода А латенской эпохи).

Целью статьи является сбор опубликованных и рассеянных в литературе данных для реконструкции текстильной продукции и некоторых элементов одежды позднего бронзового века и начала железного века из современной Польши. Представленное исследование состоит из двух частей. Первая посвящена анализу сохранившихся доступных фрагментов текстильных изделий и их отпечатков. Расположение археологических памятников, упомянутых в тексте, показывает карта (рис. 1). Оценка сырья и технологии изготовления текстильных изделий в этой части основана на микроскопических анализах, результаты которых доступны в литературе. Полный список включает табл. 1 (остатки веревки) и табл. 2 (текстильные остатки). Вторая часть посвящена возможной реконструкции некоторых элементов одежды на основе немногочисленных иконографических данных и материала труположений. Данные об одежде чрезвычайно редки и неоднозначны. Очень мало иконографических данных и совсем нет сохранившихся элементов одежды (за исключением кожаной накидки из Дрвенцка). Основываясь на распределении украшений, связанных с верхней частью тела, в скелетных могилах из Верхней Силезии и западной части Малой Польши, мы можем оценить только разнообразие головных уборов в зависимости от пола. Некоторые намеки в этом отношении были получены на основе анализа элементов, представленных на урнах поморской культуры.

Табл. 1. Остатки веревок

На карте	Место	Воеводство	Тип	Датировка	Тип источника	Тип продукта	Сырье	Метод производства	Литература
1	Бежув (Bieszczów)	Любуское (lubuskie)	клад	HaD	фрагмент	витая веревка	конопля	Z	Sikorski, 2013
2	Домаслав (Domasław)	Нижнесилезское (dolnośląskie)	могильник (могила 543)	HaC	фрагмент	волокно	растительный	необработанное волокно – стебель?	Maik, Rybaczuk, 2016
3	Домаслав (Domasław)	Нижнесилезское (dolnośląskie)	могильник (могила 5977)	HaC	фрагмент	волокно	растительный	необработанное волокно – стебель?	Maik, Rybaczuk, 2016
4	Дрвенек (Drwęck -Dröbnitz)	Варминско-Мазурское (warmińsko-mazurskie)	болотная мумия	HD – LIA	фрагмент	плетеный шнур	нет данных		La Baume, 1940
5	Желазо (Zelazo)	Поморское (pomorskie)	клад	VOEB	фрагмент	нет данных			Krzysiak, 2006
6	Закжев (Zakrzew)	Лодзинское (łódzkie)	могильник (могила 267)	VOEB – HaC	фрагмент	витая веревка	?	S/4Z	Maik, 2005
7	Конин-Груец (Konin-Grojec)	Великопольское (wielkopolskie)	музейная коллекция	VOEB – HaC	отпечаток	веревка	лен?	Z/2S – Z/3S	Sikorski, 2001
8	Лабенды – Гливице (Ląbedy – Przyszówka)	Силезское (śląskie)	могильник (могила 33)	V OEB	фрагмент	витая веревка	?	S/3Z	Dobrzańska-Szydłowska, Gedl, 1962
9	Павелки (Pawelki)	Силезское (śląskie)	Могильник (могила 1)	V OEB	фрагмент	волокно	животное – кишечник		Młodkowska-Przepiórowska, 2007
10	Руда Пабяница (Ruda Pabianicka – Łódź)	Лодзинское (łódzkie)	могильник (могила 75)	HaC – HaD	фрагмент	витая веревка	растительный	?	Antosiak, Słomska, 2013
11	Смярдово-Краенские (Smiardowo-Krajenckie)	Великопольское (wielkopolskie)	могильник	II OEB	фрагмент	плетеный шнур	растительный	?	Rola, Sikorski, 2010

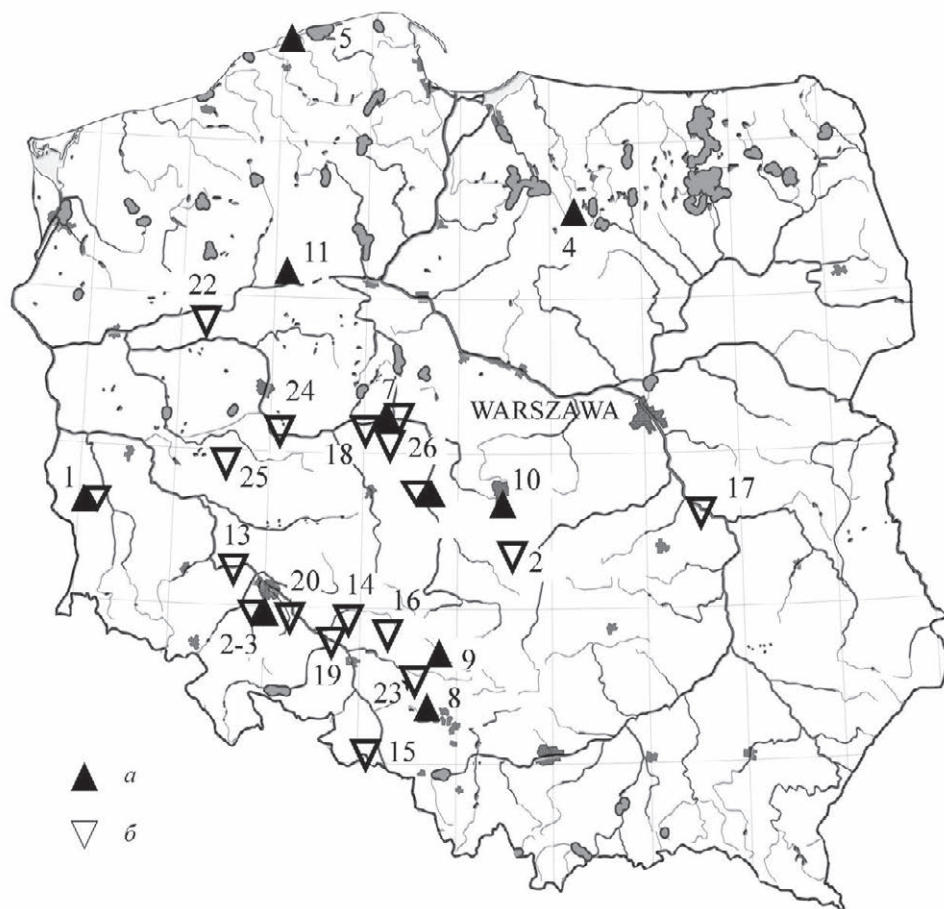
Табл. 2. Список остатков текстильных изделий

Тип источника	Место	Воеводство	Тип	Тип источника	Датировка	Литература	На карте
Ткань, полотняное переплетение							
	Бешкув (<i>Bieszków</i>)	Любуское (<i>lubuskie</i>)	клад	отпечаток	HaD	<i>Sikorski, 2013</i>	1
	Бискупин (<i>Biskupin</i>)	Куявско-Поморское (<i>kujawsko-pomorskie</i>)	городище	отпечаток	HaC-HaD	<i>Łaszczyńska, 1966</i>	12
	Бруцезо (<i>Bruszczewo</i>)	Великопольское (<i>wielkopolskie</i>)	городище	отпечатки	I-II OEB	<i>Podkańska, 2012</i>	24
	Волув (<i>Wolów</i>)	Нижнесилезское (<i>dolnośląskie</i>)	могильник	минерализованный фрагмент	HaC-HaD	<i>Sage, 1934</i>	13
	Домарадз (<i>Domaradz</i>)	Нижнесилезское (<i>dolnośląskie</i>)	могильник	минерализованный фрагмент	HaC-HaD	<i>Antosiak, Słomska, 2014</i>	14
	Домаслав (<i>Domasław</i>)	Нижнесилезское (<i>dolnośląskie</i>)	могильник	минерализованный фрагмент	HaC	<i>Maik, Rybarezyk, 2016</i>	2-3
	Закежв (<i>Zakrzew</i>)	Лодзинское (<i>łódzkie</i>)	могильник	минерализованный фрагмент	HaC-HaD	<i>Krzyżowski, 2005, Maik, 2005</i>	6
	Кетш (<i>Kietrz</i>)	Опольское (<i>opolskie</i>)	могильник	отпечаток	HaC	<i>Antosiak, Słomska, 2014</i>	15
	Лясовице-малые (<i>Łasowice Małe</i>)	Опольское (<i>opolskie</i>)	могильник	минерализованный фрагмент	HaC-HaD	<i>Antosiak, Słomska, 2014</i>	16
	Мацеёвице (<i>Maciejowice</i>)	Мазовецкое (<i>mazowieckie</i>)	могильник	отпечатки	HaC-HaD	<i>Maik, 2014</i>	17
	Рула Пабяница (<i>Ruda Pabianicka – Łódź</i>)	Лодзинское (<i>łódzkie</i>)	могильник	отпечаток, минерализованные фрагменты	HaC-HaD	<i>Antosiak, Słomska, 2013</i>	10
	Слугоинек (<i>Slugocinek</i>)	Великопольское (<i>wielkopolskie</i>)	поселение	отпечаток	VOEB-HaD	<i>Krzyżowski, Sikorski, 2010</i>	18
	Старе Кольние (<i>Stare Kolinie</i>)	Опольское (<i>opolskie</i>)	могильник	минерализованный фрагмент	HaC-HaD	<i>Antosiak, Słomska, 2014</i>	19
	Янковице (<i>Janówce</i>)	Нижнесилезское (<i>dolnośląskie</i>)	могильник	минерализованный фрагмент	HaC-HaD	<i>Sage, 1934</i>	20

Окончание табл. 2

Тип источника	Место	Воеводство	Тип	Тип источника	Датировка	Литература	На карте
Ткань, репс							
	Брущево (<i>Bruszczewo</i>)	Великопольское (<i>wielkopolskie</i>)	городище	отпечатки	I–II ОЕВ	<i>Podkańska</i> , 2012	24
	Домаслав (<i>Domasław</i>)	Нижнесилезское (<i>dolnośląskie</i>)	могильник	минерализованные фрагменты	HaC	<i>Maik, Rybarczyk</i> , 2016	2–3
	Монколце (<i>Małkolice</i>)	Лодзинское (<i>łódzkie</i>)	могильник	отпечатки	HaC-HaD	<i>Maik</i> , 2012	21
Ткань, саржа							
	Домаслав (<i>Domasław</i>)	Нижнесилезское (<i>dolnośląskie</i>)	могильник	отпечаток минерализованные фрагменты	HaC	<i>Maik, Rybarczyk</i> , 2016	2–3
ткачество на дощечках							
	Домаслав (<i>Domasław</i>)	Нижнесилезское (<i>dolnośląskie</i>)	могильник	минерализованный фрагмент	HaC	<i>Maik, Rybarczyk</i> , 2016	2–3
	Закжев (<i>Zakrzew</i>)	Лодзинское (<i>łódzkie</i>)	могильник	минерализованный фрагмент	HaC-HaD	<i>Krzyszowski</i> , 2005; <i>Maik</i> , 2005	6
эластичная сетка (<i>sprang</i>)							
	Брущево (<i>Bruszczewo</i>)	Великопольское (<i>wielkopolskie</i>)	городище	отпечатки	I–II ОЕВ	<i>Podkańska</i> , 2012	25
	Конин-Груец (<i>Konin-Grójec</i>)	Великопольское (<i>wielkopolskie</i>)	клад	отпечатки	VOEB-HaC	<i>Sikorski</i> , 2001	7
	Роско (<i>Rosko</i>)	Великопольское (<i>wielkopolskie</i>)	клад	отпечаток	VOEB-HaC	<i>Sikorski</i> , 2006	22
	Свибе (<i>Świbie</i>)	Силезское (<i>śląskie</i>)	могильник	минерализованный фрагмент	HaC-HaD	<i>Łaszczewska</i> , 1966	23
	Щепидло (<i>Szczepidło</i>)	Великопольское (<i>wielkopolskie</i>)	поселение	отпечатки	II–III ОЕВ	<i>Sikorski</i> , 2016	26
не определено							
	Бнин (<i>Bnin-Kórnik</i>)	Великопольское (<i>wielkopolskie</i>)	городище	отпечаток	HaC-D	<i>Fogel, Sikorski</i> , 2006	24

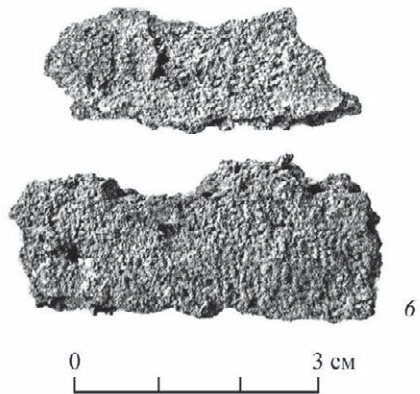
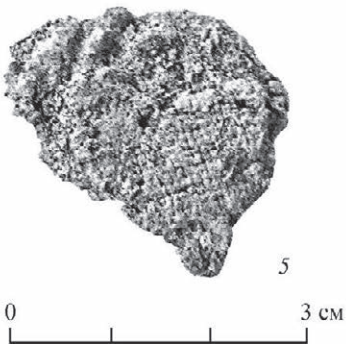
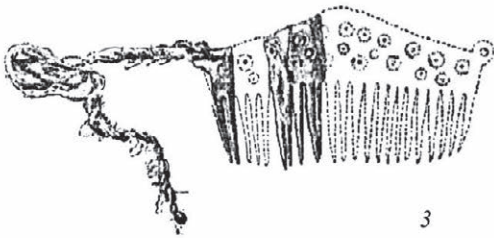
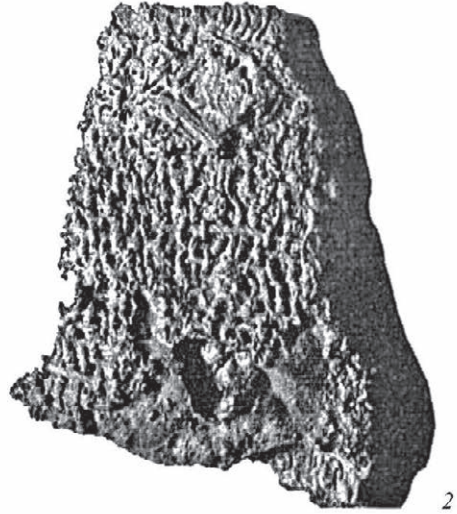
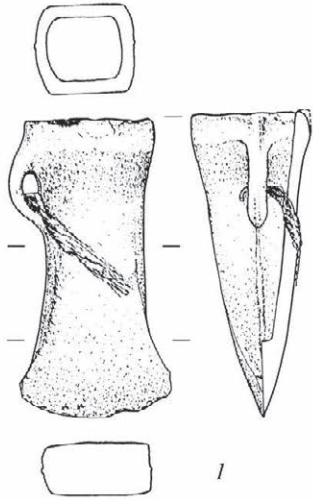
Рис. 1. Текстильные изделия

a – шнуры, *б* – текстиль, ткани, сетка (нумерация местонахождений на карте см. в табл. 1 и 2)

Источники для изучения технологии ткачества

Текстиль как таковой не сохранился, но косвенными данными могут быть отпечатки ткани (на керамических изделиях, бронзовых предметах, глиняных литейных формах и стеклянных бусинах), остатки и отпечатки веревки или других материалов типа войлока. Фрагменты веревки сохранились на бронзовых предметах из кладов: Бешкув, мун.¹ Ясень (*Bieszków, gm. Jasień*) (*Sikorski, 2013*).

¹ Мун. (*gm.*) – здесь и далее: муниципалитет (*gmina*), единица территориального деления Республики Польша.

S. 559–562); Желазо, мун. Смолдзино (*Żelazo, gm. Smoldzino*) (*Krzysiak*, 2006. S. 187–217) (рис. 2: 1); а также возле болотной мумии из Дрвенца, мун. Ольштынек (*Drwęck, gm. Olsztynek*) (рис. 2: 3) (*La Baume*, 1940. S. 17–22). Часть материалов является фрагментами одежды, повторно использованными в производстве керамики или в металлургии, другая часть была сделана специально для технических целей (коврики, контейнеры). Находки отпечатков текстиля и веревки часто встречаются при раскопках, но возможность оценки технологии изготовления или определения сырья в этом случае крайне ограничена в связи с изменениями в процессе формирования отпечатков. Огромное количество данных связано с бронзовой металлургией: отпечатки ткани найдены на многочисленных глиняных литейных формах. Текстильные изделия использовались в гончарном производстве для обработки поверхности керамики. Самая большая коллекция отпечатков текстиля на керамике обнаружена на городище среднего периода эпохи бронзы Брущево, мун. Смигель (*Bruszczewo, gm. Śmigiel*) (*Podkańska*, 2012. S. 207–213).

Способы производства пряжи и тканей

Большое количество пряслиц, найденных на поселениях бронзового века, показывает, что метод прядения с использованием веретена был всеупотребим. Использовались оба направления крутки – S и Z. Пряжа свивалась по часовой стрелке и состояла из двух или более нитей, скрученных, как правило, с использованием крутки SS или SZ.

Ткацкие грузики часто встречаются на поселениях. Это указывает на использование вертикального ткацкого станка. Вероятно, использовались и ткацкие дощечки, хотя они не сохранились до наших дней из-за непрочности материала изготовления.

А. Веврки и нити. Самым ранним в анализируемой группе данных является материал могильника раннего бронзового века Смярдово-Краенские, мун. Краенка (*Śmiardowo Krajeńskie, gm. Krajenka*). Он демонстрирует использование плетеного в 3 нити шнура из растительных волокон, прикрепленного к наконечнику стрелы (*Rola, Sikorski*, 2010. S. 225–229). По другим материалам

Рис. 2 (с. 234). Остатки текстильных изделий

1 – фрагмент веревки, Желазо, мун. Смолдзино, воеводство Поморское (*Żelazo, gm. Smoldzino, woj. pomorskie*) (*Krzysiak*, 2006); 2 – полотняное переплетение, Янковице, мун. Олава, воеводство Нижнесилезское (*Jankowice, gm. Olawa, woj. dolnośląskie*) (*Sage*, 1934); 3 – фрагмент веревки, Дрвенцк, мун. Ольштынек, воеводство Варминско-Мазурское (*Drwęck-Dröbnitz, gm. Olsztynek, woj. warmińsko-mazurskie*) (*La Baume*, 1940); 4 – эластичная сетка (*sprang*), Свибе, мун. Велёвесь, воеводство Силезское (*Świbie, gm. Wielowieś, woj. śląskie*) (*Łaszczewska*, 1966); 5 – полотняное переплетение – Домаслав, могила 8893, мун. Кобежице, воеводство Нижнесилезское (*Domasław, ob. 8893, gm. Kobierzyce, woj. dolnośląskie*) (*Maik, Rybarczyk*, 2016. Фото J. Słomska); 6 – саржа, Домаслав, могила 384, мун. Кобежице, воеводство Нижнесилезское (*Domasław, ob. 384, gm. Kobierzyce, woj. dolnośląskie*) (*Maik, Rybarczyk*, 2016. Фото J. Słomska)

известно изготовление скрученной веревки (Бешкув, Желазо, Дрвенцк). Нити и шнуры, как правило, изготавливались из нескольких волокон в системе Z/XS-крутки: Конин-Груец, мун. Конин (*Konin-Grójec, gm. Konin*). Кроме растительных волокон или волоса животных использовались волокна сухожилий: Павелки, мун. Кохановице (*Pawelki, gm. Kochanowice*).

Б. Ткани. Оба переплетения, полотняное и саржевое, в это время использовались. С определенными оговорками на основании этих данных можно предположить, что отпечатки на металлических предметах оставлены тканями полотняного переплетения. Такая интерпретация предложена для отпечатков тканей с памятников более ранних этапов бронзового века: Смярдово-Краеньске, мун. Краенка (*Śmiardowo Krajenskie, gm. Krajenka*) (*Rola, Sikorski, 2010*), и Брущево, мун. Смигель (*Bruszczewo, gm. Śmigiel*) (*Podkańska, 2012. S. 207–213*); а также – конца эпохи бронзы и начала железного века: Слугоцинек, мун. Голина (*Ślugocinek, gm. Golina*) (*Krzyszowski, Sikorski, 2010. S. 111–124*), и Бешкув, мун. Ясень (*Bieszków, gm. Jasień*) (*Sikorski, 2013. S. 559–562*). На металлических объектах, как правило, остаются отпечатки от полотняного переплетения (рис. 2: 2) или его варианта – репса (рис. 2: 5) Этот тип переплетений является общим для бронзового и начала железного века. На коллекции керамики, связанной с ранним бронзовым веком (*Podkańska, 2012. S. 207–213*), были обнаружены отпечатки тканей полотняного переплетения. Обычное переплетение в базовой версии 1×1 или в вариантах 2×2 , 3×2 , по-видимому, является основной техникой бронзового века, тогда как саржевое переплетение (рис. 2: 6) связано с началом железного века (*Maik, Rybarczyk, 2016. S. 25–42*).

Саржевые переплетения были обнаружены на 16 глиняных литейных формах с лужицкого городища Бнин (*Bnin*)². Сырьевой материал из Бнина не определен, известно, что это была ткань высокого качества с приблизительной толщиной волокон 15–16 мкм. В ней использованы нити из двух волокон, сплетенные в направлении по часовой стрелке. Приблизительная толщина нити основы: 340 мкм, для утка – несколько толще – 410 мкм (*Fogel, Sikorski, 2006. S. 503–517*). Отпечатки ткани саржевого переплетения найдены на расплавленной стеклянной бусине в могиле 112 на могильнике Кетш, мун. Кетш (*Kietrz, gm. Kietrz*) (*Gedl, 1973. S. 165*).

В. Вязаные изделия. Достаточно многочисленные данные разных периодов бронзы и раннего железного века подтверждают использование эластичного текстиля – вязаных изделий или гибкой сети из одной нити. Следы этих материалов в виде отпечатков зафиксированы на керамике поселения Щепидло, мун. Кшимув (*Szczepidło, gm. Krzymów*), датированного серединой бронзового века и связанного с кругом культур курганных погребений (*Sikorski, 2016. S. 503–521*). Отпечатки сетки, относящиеся к периоду развития лужицкой культуры, найдены на бронзовых изделиях из Конин-Груец (*Sikorski, 2001. S. 377–389*) и Роско, мун. Велень (*Rosko, gm. Wieleń*) (*Sikorski, 2006. S. 153–156*). В могильнике Свибе был зафиксирован фрагмент эластичной ткани на височном кольце (рис. 2: 4).

² Сейчас Курник, мун. Курник (*Kórnik, gm. Kórnik*).

Сырье и материалы для текстильной продукции. Использовались оба вида волокон: животные и растительные. Использование овечьей шерсти кажется более вероятным с учетом довольно высокой доли костей овец на поселениях и могильниках бронзового века. На основе анализа костей овец и волокон из Скандинавии и Альпийского региона известно о существовании в это время разных пород овец. Руно может принадлежать небольшим коричневым овцам типа Соаи с двойным покрытием. Конский волос мог быть использован для изготовления головного убора, в том числе в виде сетки (*Rast-Eicher, Bender-Jørgensen*, 2013. P. 1224–1241; *Grömer*, 2014. P. 1–14). Анализ волоконных фрагментов нити, которыми крепились элементы диадемы, найденной на черепае женщины из могилы с труположением в Павелки, показал, что использовалось волоконно-животного происхождения, но не из волос. Вполне возможно, что использовалось сухожилие (*Młodkowska-Przepiórowska*, 2007. S. 455–463).

Анализы текстильных образцов из могильников Свибе, мун. Велёвесь (*Świbie, gm. Wielowieś*), и Лабенды (*Głiwicze*), мун. Гливице (*Łabędy/Gliwice, gm. Gliwice*), показали добавление к шерстяной ткани волос козули или благородного оленя. З. Буковски утверждал, что эта добавка придает ткани непромокаемость (*Bukowski*, 1992. S. 80). Представляется, что в данном случае речь может идти не о шерстяной ткани или вязаных изделиях, а о войлоке. Возможно также, что сведения о примеси шерсти с волосами оленя происходят от ошибочных определений начала XX в. относительно смешанных тканей из бревенчатых могил бронзового века Скандинавии. В свете новых результатов представляется, что овечья шерсть в этом случае не смешивалась с волокнами другого происхождения (*Grömer*, 2016. P. 62).

Материалы о льноводстве для бронзового и раннего железного века не очень хорошо документированы. Пыльца льна редко регистрируется в образцах почвы, в основном вследствие опыления этого растения насекомыми. Объекты, которые могут быть интерпретированы как бассейны (естественные и искусственные «отстойники», где происходило биологическое разрушение пектиновых веществ, связывающих целлюлозный покров с волокнистыми пучками) для волоконных растений (льна, пеньки, крапивы), были обнаружены на поселениях лужицкой культуры Закшовец и Подленже, мун. Неполомице (*Zakrzowiec u Podłęże, gm. Niepołomice*); Бжезе, мун. Клай (*Brzezcie, gm. Klaj*) (*Dzięgielewski*, 2011. S. 101–139). Самая ранняя связка стеблей льна, известная с территории Польши, найдена на римском поселение Карчын, мун. Крушвица (*Karczyn, gm. Kruszwica*) (*Bednarczyk*, 1998. S. 95–93).

В то же время можно предположить, что другим возможным источником волокон была крапива. Наличие текстиля из крапивы засвидетельствовано в погребении эпохи бронзы Лусехоу (*Lusehøj*), Дания, датированном X–VIII вв. до н. э. (*Bergfjord et al.*, 2012. P. 1–4).

Окрашивание и диапазон цветов ткани. В случае археологического текстиля оценка первоначального цвета чрезвычайно сложна и часто невозможна из-за состояния и размера сохранившихся фрагментов, а также воздействия на ткань консервантов в археологической среде (ионы металлов или гумусовые кислоты). Кроме того, микроскопические исследования недостаточны для оценки цвета. Для обнаружения и оценки применяемых красителей необходимы

хроматографические тесты (см.: *Maik*, 2012. S. 87–89; *Hofmann-de Keijzer*, 2016. P. 144–148). Но такие исследования были выполнены только по остаткам ткани из могильника Закжев (*Maik*, 2005. S. 227, 228).

Данные о красителях и полученных цветах очень ограничены. Принимая во внимание местные источники растительного происхождения, наличие которых засвидетельствовано по памятникам эпохи бронзы и раннего железного века, мы можем предположить определенную цветовую гамму. Различные оттенки желтого – от зеленоватого до коричневатого-желтого – могут быть легко получены с помощью широкодоступных растительных красителей. Хотя использование местных растений подтверждается данными для более поздних периодов и этнографическими данными (см.: *Kowicka*, 1963; *Maik*, 2012. S. 90; *Schmidt-Przewoźna*, 2009; 2014. P. 106–121), простое присутствие растительных остатков в поселениях бронзы и железного века не является достаточным доказательством использования их для крашения текстиля.

Довольно многие виды растений Центральной Европы могут использоваться для окрашивания тканей в оттенки желтого. Это следующие виды травянистых растений и деревьев: горец птичий, хвощ полевой, тысячелистник, дрок красильный, подмаренник, береза. Ткани этих растений содержат флавоноиды: лютеолин, кверцетин, каемпферол или апигенин, наличие которых подтверждено спектроскопическим анализом цветных тканей из бронзового и начала железного века из соляной шахты в Гальштатте и бревенчатых могил из районов Дании и Норвегии (*Hofmann-de Keijzer*, 2016. P. 149, 154–155) *Резеда желтенькая* не принадлежит к местной флоре Среднеевропейской равнины, и ее местное применение в бронзовом веке может быть исключено. В польской флоре она имеет статус кенофита, который не появлялся в этих районах раньше XVIII в. (*Tokarska-Guzik et al.*, 2012. P. 152).

Среди окрашивающих веществ (производных антрахинона) в археологических тканях из соляной шахты Гальштатта чаще всего встречаются пурпурна и ализарин. Оба вещества присутствуют в тканях марены красильной, но это растение не принадлежит местной польской флоре. Сведения о ней относятся к современности (*Ibid.* P. 154). Но красную краску можно получить из других источников. Другим растительным источником красного являются растения из группы *Galium*, распространенной по всей Европе. Они указываются для красителя, зарегистрированного в тканях из Центральной и Северной Европы (см.: *Walton*, 1988). *Польская кошениль* питается *дивалой многолетней*, обычным растением для сухих, песчаных и кислых почв. В материале памятников лужицкой культуры найден *подмаренник болотный*. Не исключено и использование красителей из лишайников. Применение коры таких деревьев, как ольха, дуб и крушина ломкая, позволяло получать темный цвет: коричневый и серый; а присутствие болотной воды, содержащей ионы железа, – также и черный цвет (*Schmidt-Przewoźna*, 2009. S. 1–20).

Поскольку шерсть имела естественный цвет волос от темно-коричневого до светло-бежевого, она, вероятно, использовалась в основном неокрашенной. Но природные или окрашенные растительные волокна могли выгорать на солнце. Анализы полностью минерализованных остатков ткани из могильника Закжев, мун. Варта (*Zakrzew, gm. Warta*), показали, что ткань не была окрашена

и сохранила естественный цвет сырья растительного или животного происхождения (*Maik*, 2005. S. 227, 228). Конечно, необходимо предположить, что как готовые цветные ткани, так волокна или красители могли быть предметом импорта. Однако сохранность доступных фрагментов минерализованного текстиля (в том числе и в случае крупнейшей коллекции гальштадтского кладбища Домаслав — см.: *Maik, Rybarczyk*, 2016. S. 25–42) не позволяет оценить методы крашения.

Кроме того, эстетический эффект, необязательно связанный с изменением цвета, может быть получен другими способами: например, с использованием нитей с различным направлением твиста, саржевого переплетения, вышивки, приложений и т. д.

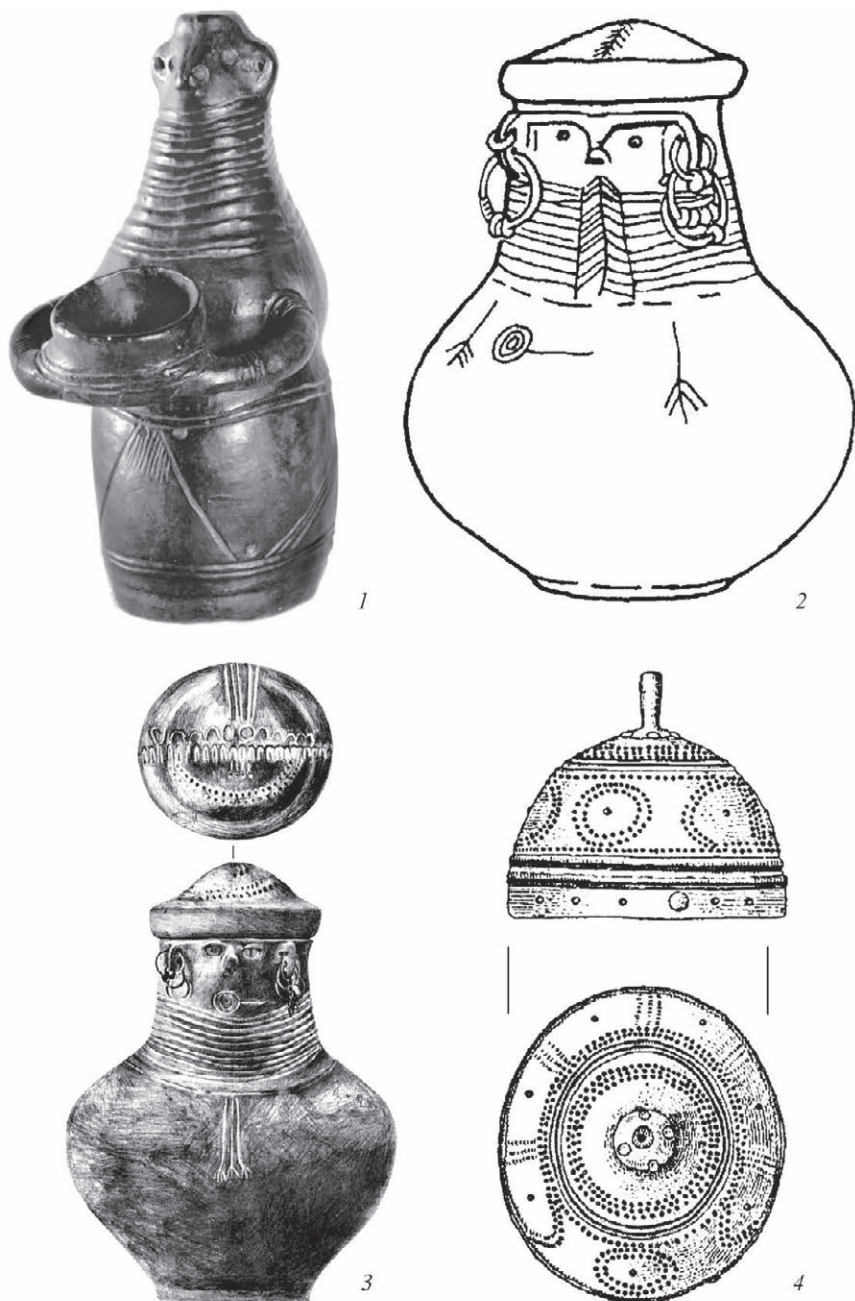
Данные для реконструкции одежды. Данные по одежде позднего периода бронзы и раннего железного века южной части бассейна Балтийского моря чрезвычайно бедны. Очень мало иконографических данных. Мы почти не располагаем крупными сохранившимися частями одежды (за единичным исключением). Можно реконструировать некоторые особенности костюма на основе косвенных данных: распределения некоторых ювелирных изделий в труположениях из Верхней Силезии и западной части Малой Польши. Некоторые подсказки дает и анализ изображений на лицевых урнах поморской культуры.

А. Изображения человеческой фигуры или части человеческого тела. Человеческая фигура обычно строится из нескольких черточек, что не дает никаких намеков на пол или одежду, за исключением изображений человека на коне или с оружием. Тем не менее одежда воина остается почти полной загадкой.

Фигуры так называемых танцоров на урне из Треста-Жондова, мун. Томашов-Мазовецкий (*Tresta Rządowa, gm. Tomaszów Mazowiecki*), построены из двух заштрихованных квадратов (*Oleszczak, Twardowski*, 2011. S. 212). Мы можем видеть здесь изображение короткой куртки и длинной юбки, как в большинстве женских погребений бронзового века северной части Европы (*Bergerbrant*, 2007. P. 53–57. Fig. 37, 38, 42). Урна содержала женское захоронение. Человеческая фигурка была найдена в могиле на кладбище в Дещно, мун. Дещно (*Deszczno, gm. Deszczno*) (рис. 3: 1). На человеке показана сложная пектораль, серьга в ухе, линии на руках могут быть изображением браслетов. Довольно мало можно сказать об одежде. Декор в нижней части может быть либо узором на юбке, либо соответствовать юбке с поясом и передником. Женский церемониальный костюм дополнялся ожерельем из бисера или пекторалью и серьгами. Изображения украшений выгравированы на шейках женских урн поморской культуры, но сами предметы необязательно клали в урну (рис. 3: 2). Среди пережженных костей есть куски бронзы, железа или расплавленного стекла, но трудно понять, чем именно они являлись и с какой частью тела связаны.

На основании изображений на мужских урнах поморской культуры можно понять, что мужчины должны иметь фибулу, оружие и пояс. Крючки, которые могли быть закреплены к поясу (возможно, часть пинцета), довольно часто обнаруживались и внутри урн. Бронзовые и железные ножи, браслеты и кольцевидные незамкнутые ожерелья (гривны) встречаются в захоронениях обоих полов.

Почти все урны поморской культуры с антропоморфными чертами и без них имеют крышки в виде шапки (рис. 3: 2, 3). Они дают большое разнообразие, и трудно указать четкую корреляцию между гендерными признаками и формой

Рис. 3. Одежда позднего бронзового и раннего железного века

1 – идол из Дешно, мун. Дешно (Deszczno, gm. Deszczno) (http://www.rezerwat.muzeum-czestochowa.pl/img_pozycje/zdjecia/big_normal/img_2014_11_12_221302_25507.jpg) © Muzeum Częstochowskie – 21.02.2017); 2 – урна с женскими маркерами, Подеблоцие, мун. Ліяня (Podeblocie, gm. Linia) (Kwapiński, 1999. S. 138); 3 – урна с женскими маркерами, Игчично, мун. Ліяня, воеводство Поморское (Igrzyczno, gm. Linia, woj. Pomorskie) (Ibid. S. 284); 4 – шлем, Щецин-Здрое, мун. Щецин, воеводство Западно-Поморское (Szczecin-Zdroje, gm. Szczecin, woj. Zachodniopomorskie) (Jeremicz, 2006. Fig. XXXVII: 207)

крышки. Ю. Кнеисел считает, что форма крышек – это своего рода компромисс между ее функциональной ролью и представлением головного убора. Это, безусловно, не самый сильный половой маркер, поскольку крышки женских и мужских урн сходны. Но, по мнению Ю. Кнеисел, женским маркером на урне является крышка с асимметричным орнаментом, имитирующим или сетку для волос, или металлический, или текстильный обод, надетый на тканевое полотнище (Kneisel, 2012. S. 39–56) (рис. 3: 3).

Б. Данные по реконструкции головных уборов. Большая часть информации о головных уборах происходит из могил с труположениями Верхней Силезии и западной части Малой Польши между верхним Одером и Вислой. Ободки или диадемы из кожи, луба, ткани и фетра были украшены пришитыми бронзовыми или свинцовыми бляшками или пластинами (рис. 4: 1). В задней части ободки были связаны или закреплялись большой бронзовой пуговицей. Диадемы надевали непосредственно на волосы или на прикрывавшие их покрывала или сетки. Богато украшенные головные повязки являлись женскими головными уборами, что подтверждается данными антропологического анализа (Szydłowska, 1963. S. 44–68).

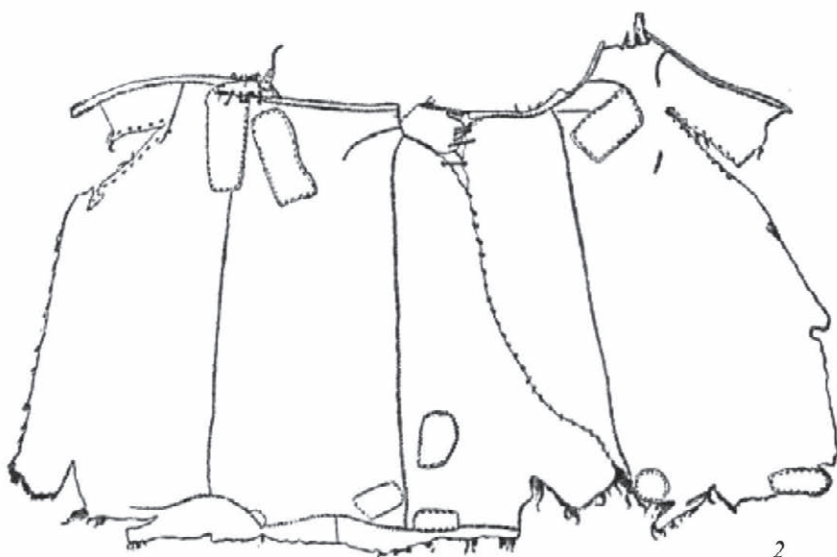
Мужской головной убор менее известен. По могильникам раннего железного века Верхней Силезии есть информация о колпаках из войлока, вероятно, основанная на наличии органических остатков на мужских черепах. Предполагается, что колпаки были опоясаны кожаным ремнем с бронзовой пряжкой и снабжены парой височных колец (Ibid. S. 44–68). С учетом данных о различных видах головных уборов из других районов Европы этого периода можно видеть, что колпаки могут быть сделаны из ткани, войлока или коры. Среди других головных уборов следует упомянуть шлемы. С территории Польши известен только один шлем – из Щёцин-Здрое, мун. Щёцин (*Szczecin-Zdroje, gm. Szczecin*) (рис. 3: 4). Он полностью соответствует шлемам, характерным для круга культур полей погребальных урн (Jeremicz, 2006. S. 40).

Материалы могильников с труположениями Верхней Силезии (например, Ченстохова-Ракув) подтверждают, что украшения головного убора были не только женскими. Пара височных колец часто встречается и в мужских могилах. Но, как правило, они менее декоративны по сравнению с женскими.

В. Обувь и верхняя одежда. В июле 1939 г. вблизи Дрвенцка найдена болотная мумия девочки-подростка (одна из двух известных с польской территории). Девочка была брошена (или захоронена) в неглубокий пруд, завернута в короткую накидку из овчины, сшитую из 4 частей (*La Baume*, 1940. S. 17–22) (рис. 4: 2). Накидка из кожи теленка была найдена с человеком из Еммер-Ерфшеиденвен, Нидерланды (*Emmer-Erfscheidenveen*). Она также была сшита из 4 частей, но совершенно в иной манере. Данная находка датируется XIV в. до н. э., что намного старше, чем девочка из Дрвенцка (датирована второй половиной I тыс. до н. э.) (*Groenman-vanWaateringe*, 1990. P. 174–180). Этот вид верхней одежды, вероятно, использовали как мужчины, так и женщины. Болотная мумия женщины из Хюлдремоса (*Huldremose*) в Дании, жившей в железном веке около 160 г. до н. э. – 340 г. н. э., также была одета в плащ из овчины (*Mannering*, 2010. S. 15–24). Все известные накидки имеют следы множественной починки и заплат, их носили в течение длительного времени.

1

2

Рис. 4. Одежда позднего бронзового и раннего железного века

1 – элементы головного убора, Ченстохова, Раков, могила 12, мун. Ченстохова, воеводство Силезское (*Częstochowa-Raków, grób 12, gm. Częstochowa, woj. Śląskie*) (http://www.rezerwat.muzeumczestochowa.pl/img_pozycje/zdjecia/big_normal/img_2014_11_13_011005_91181.jpg) © MuzeumCzęstochowskie – 21.03.2018); 2 – накидка, Дрвенцк, мун. Ольштынек, воеводство Варминско-Мазурское (*Drwęck-Dröbnitz, gm. Olsztynek, woj. warmińskio-mazurskie*) (*La Baume*, 1940)

Среди других форм керамики раннего железного века в погребениях лужицкой культуры известно около 30 ритонов в форме обуви или стопы. Один из них из Модльничка, мун. Велька-Весь (*Modlniczka, gm. WielkaWieś*), показал форму, аналогичную короткой ажурной обуви из Еммер-Ерфшеиденвен и шахты Хальстат (*Hallstatt*) (*Byrska-Fudali, Przybyła*, 2012. S. 522. Obr. 15). Там она сделана из кожи (олений – в Еммер-Ерфшеиденвен), но это могли быть также лапти (использовались вплоть до XX в.). Другой пример: форма из Земнице, мун. Осечна (*Ziemice, gm. Osieczna*) (*Dąbrowski*, 2009. S. 145. Fig. 61). Она напоминает аналогично орнаментированную или ажурную более высокую обувь, в частности ботинки из соляной шахты Дюрренберг (*Dürrenberg*) (*Russ-Popa*, 2011. S. 119. Fig. 99).

В итоге можно сделать следующие выводы. В южной части бассейна Балтийского моря в эпоху поздней бронзы и раннего железного века производство текстиля стояло на относительно высоком уровне, не отступая от норм, действующих в это время в районе Скандинавии, Центральной и Западной Европы. Использовались различные источники волокон растительного и животного происхождения.

Возможность реконструкции костюма ограничена, она в основном касается головного убора, обуви и верхней одежды. Головной убор демонстрирует наибольшее разнообразие и гендерную корреляцию.

ЛИТЕРАТУРА

- Antosiak Ł., Słomska J.*, 2013. Najstarsze zabytki włókiennicze z terenu Łodzi. Prehistoryczni tkacze // *Kronika Miasta Łodzi*. 3 (63). S. 180–183.
- Antosiak Ł., Słomska J.*, 2014. Tekstylija z okresu halsztackiego z terenu Opolszczyzny // *Opolski Rocznik Muzealny*. T. 20. Opole: Muzeum Śląska Opolskiego. S. 103–109.
- Bednarczyk J.*, 1998. *Życie codzienne w czasach rzymskich* // *Gazociąg pełen skarbów archeologicznych: Katalog wystawy zorganizowanej pod patronatem Ministra Kultury i Sztuki Rzeczypospolitej Polskiej Pani Joanny Wnuk – Nazarowej i Sekretarza Generalnego Rady Europy Pana Daniela Tarschysa* / Ed. M. Chłodnicki, L. Krzyżaniak. Poznań: EuRoPol Gaz; Poznańskie Towarzystwo Prehistoryczne. S. 95–93.
- Bergerbant S.*, 2007. *Bronze Age Identities: Costume, Conflict and Contact in Northern Europe 1600–1300 BC*. Stockholm: Bricoleur Press. 232 p.
- Bergsjord C., Mannering U., Frei K. M., Gleba M., Scharff A. B., Skals I., Heinemeier J., Nosch M.-L., Holst B.*, 2012. Nettle as a distinct Bronze Age textile plant [Electronic resource] // *Scientific Reports*. Vol. 2. No. 664. P. 1–4. Access mode: <https://www.nature.com/articles/srep00664>. Access date: 17.03.2018.
- Bukowski Z.*, 1992. Niektóre szczegóły obrządku grzebalnego w świetle badań cmentarzysk birtualnych kultury lużyckiej na Górnym Śląsku // *Archeologia Polski*. T. XXXVII. No. 1–2. S. 57–88.
- Byrska-Fudali M., Przybyła M.*, 2012. Badania ratownicze na stanowisku 2 w Modlniczce, gm. Wielka Wieś // *Raport 2007–2008*. № 1. Warszawa: Narodowy Instytut Dziedzictwa. S. 509–553.
- Dąbrowski J.*, 2009. Polska przed trzema tysiącami lat. Czasy kultury lużyckiej. Warszawa: Wydawnictwo TRIO. 336 s.
- Dobrzańska-Szydłowska E., Gedl M.*, 1962. Cmentarzysko kultury lużyckiej w Łabędach-Przyszówe, pow. Gliwice. Bytom: Muzeum Górnośląskie. 115 s. (Rocznik Muzeum Górnośląskiego w Bytomiu. *Archeologia*; t. 1.)
- Dzięgielewski K.*, 2011. Moczydła do lnu? Nowa hipoteza dotycząca funkcji jam szczelinowych (Schlitzgruben) z epoki brązu i żelaza // *Po drugiej stronie... Raporty przyjaciół-archeologów dla*

- Wojtko Cholewy «Jonesa» / Red.: K. Dziągiewski, L. Oleszczak. Pętkowice: Wydawnictwo i Pracownia Archeologiczna PROFIL. S. 101–139.
- Fogel J., Sikorski A., 2006. Textile impressions on clay casting utensils from the Lusatian culture settlement at Bnin (Poznań district, Wielkopolska province), site 2b // *Sprawozdania Archeologiczne*. T. 58. S. 503–517.
- Gedl M., 1973. Cmentarzysko halsztackie w Kietrzcu, pow. Głupeczyce. Wrocław; Warszawa; Kraków: Gdańsk: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich. 377 s.
- Groenman-van Waateringe W., 1990. De kledingstukken van leder en bont // *Mens en moeras: veenlijken in Nederland van de bronstijd tot en met de Romeinse tijd* / Red. W. van der Sanden. Drents: Drents Museum. P. 174–180.
- Grömer K., 2014. Textile Materials and Techniques in Central Europe in the 2nd and 1st Millennia BC [Electronic resource] // *Textile Society of America 2014 Biennial Symposium Proceedings: New Directions: Examining the Past, Creating the Future*, Los Angeles, California. September 10–14. P. 1–14. Access mode: <http://digitalcommons.unl.edu/tsaconf/914/>. Access date: 17.03.2018.
- Grömer K., 2016. *The Art of Prehistoric Textile Making. The development of craft traditions and clothing in Central Europe*. Wien: Natural History Museum Vienna. 546 p.
- Hofmann-de Keijzer R., 2016. Dyeing // Grömer K. *The art of prehistoric textile production. The development of craft traditions and clothing in Central Europe*. Wien: Natural History Museum Vienna. P. 140–168.
- Jeremicz J., 2006. *Znaleziska broni ze stanowisk wodnych epoki brązu i wczesnej epoki żelaza z terenu Polski: Maszynopis pracy magisterskiej*. Lublin: Instytut Archeologii Uniwersytetu im. Marii Curie-Skłodowskiej. 208 s.
- Kneisel J., 2012. Gesichtsurnen und ihre Kopfbedeckung. Neue Erkenntnisse zum Phänomen der Gesichtsurnen im nordeuropäischen Kontext // *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa: Joanni Chochorowski dedicatae. Festschrift Jan Chochorowski* / Red. W. Blajer. Kraków: Wydawnictwo Profil-Archeo. S. 39–56.
- Kowicka E., 1963. *Farbiarstwo tekstylne na ziemiach polskich (1750–1870)*. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 182 s.
- Krzysiak A., 2006. Skarb przedmiotów z brązu z miejscowości Żelazo, gmina Smółdzino, powiat słupski // *Pomorania Antiqua*. T. XXI. S. 187–217.
- Krzyszowski A., 2005. Cmentarzysko ludności kultury łużyckiej w Zakrzewie w powiecie sieradzkim // «*Fontes Archaeologici Posnanienses*». T. 40. S. 83–279.
- Krzyszowski A., Sikorski A., 2010. Fragmenty tkanin ze Sługocinka (stan. 13) // *Wielkopolskie Sprawozdania Archeologiczne*. T. IX. S. 111–124.
- Kwapiński M., 1999. *Korpus kanop pomorskich, Część I*. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku. 415 s.
- La Baume W., 1940. Die vorgeschichtliche Moorleiche aus Dröbnitz, Kr. Osterode Ostpr // *Forschgn u. Fortschr*. Bd. 16. No. 34. S. 17–22.
- Laszczewska T., 1966. *Pradzieje włókiennictwa // Zarys historii włókiennictwa na ziemiach polskich do końca XVIII wieku* / Red.: J. Kamińska, I. Turnau. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Polskiej Akademii Nauk. S. 21–53.
- Maik J., 2005. Wyniki analizy technologicznej tekstyliów z Zakrzewa // *Fontes Archaeologici Posnanienses*. T. 40. S. 227–228.
- Maik J., 2012. *Włókiennictwo kultury wielbarskiej*. Łódź: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. 227 s.
- Maik J., 2014. *Odciski tkanin na popielnicach kultury łużyckiej z cmentarzyska w Maciejowicach // Zespół osadniczy kultury łużyckiej w Maciejowicach, pow. garwoliński, woj. mazowieckie* / Red.: J. Dąbrowski, M. Mogielnicka-Urban. Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. CD (Aneks 5). (Archeologia Mazowsza i Podlasia. Studia i materiały; t. V.)
- Maik J., Rybarczyk A., 2016. *Tekstylna kultura halsztackiej z Domasławia na Dolnym Śląsku na tle włókiennictwa wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej // Europa w okresie od VIII wieku Przed Narodzeniem Chrystusa do I wieku Naszej Ery* / Red.: B. Gediga, A. Grossman, W. Piotrowski. Biskupin; Wrocław: Muzeum Archeologiczne w Biskupinie. S. 25–43.
- Mannering U., 2010. The Huldremose find. An Early Iron Age woman with an exceptional costume // *Fasciculi Archaeologiae Historicae*. T. 23. S. 15–24.

- Młodkowska-Przepiórowska I.*, 2007. Odkrycie diademu ze skóry na stanowisku nr 7 w Pawelkach, gm. Kochanowice, woj. śląskie // *Studia nad epoką brązu i wczesną epoką żelaza. Księga poświęcona Profesorowi Markowi Gedlowi na pięćdziesięciolecie pracy na Uniwersytecie Jagiellońskim* / Red. J. Chochorowski. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. S. 455–563.
- Oleszczak Ł., Twardowski W.*, 2011. Tresta Rządowa, stanowisko 1. Cmentarzysko kultury łużyckiej z Polski Środkowej. Pękowice; Kraków: Wydawnictwo i Pracownia Archeologiczna Profil Magdalena Dzięgielewska. 224 s.
- Podkańska M.*, 2012. Odciski tekstylne na ceramice // *Wczesnobrązowa osada obronna w Bruszczewie: badania 1964–1968* / Red. P. Silska. Poznań: Muzeum Archeologiczne w Poznaniu. S. 207–213.
- Rast-Eicher A., Bender Jørgensen L.*, 2013. Sheep wool in Bronze Age and Iron Age Europe // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 40. Iss. 2. P. 1224–1241.
- Rola J., Sikorski A.*, 2010. O «tekstyliach» z cmentarzyska z wczesnej epoki brązu na stanowisku 1 w Śmiardowie Krajeńskim, woj. Wielkopolskie // *Fontes Archaeologici Posnanienses*. T. 46. S. 225–229.
- Russ-Popa G.*, 2011. Die Haut-, Leder- und Fellfunde aus dem ältereisenzeitlichen Kernverwässerungswerk im Salzbergwerk von Hallstatt, OÖ: eine archäologische und gerbereitechnische Aufnahme: Diplomarbeit [Electronic resource]. Wien: Wien Universität. 207 s. Access mode: <http://othes.univie.ac.at/17208/>. Date of access: 20.03.2018.
- Sage G.*, 1934. Gewebereste auf vorgeschichtlichen Eisengeräten in Schlesien // *Altschlesien*. Bd. 4. S. 69–82.
- Schmidt-Przewoźna K.*, 2009. Barwienie metodami naturalnymi. Strękowa Góra: EcoPress. 48 s.
- Schmidt-Przewoźna K.*, 2014. A Short History of the Dye Materials used in the Dyeing and Printing in Polish Folk Fabric // *YOCOCU 2014. Professionals' Experiences in Cultural Heritage Conservation in America, Europe, Asia* / Red.: A. Macchia, F. Prestileo, F. Khalilli. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. P. 106–121.
- Sikorski A.*, 2001. Analiza pozostałości tekstyliów z późnej epoki brązu i wczesnej epoki żelaza z Konina-Grójca woj. wielkopolskie, stan. 17 // *Sprawozdania Archeologiczne*. T. 53. Kraków: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. S. 377–389.
- Sikorski A.*, 2006. Wyrób sprangowy na brązowej formie do odlewu siekierok z Roska // *Pradolina Noteci na tle pradziejowych i wczesnośredniowiecznych szlaków handlowych* / Red. H. Machajewski, J. Rola. Poznań: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich. S. 153–156.
- Sikorski A.*, 2013. Resztki tekstylne ze skarbu z Bieszkowa // *Wicina. Badania archeologiczne w latach 2008–2012 oraz skarb przedmiotów pochodzących z Wiciny* / Red.: A. Jaszewska, S. Kałagate. Zielona Góra: Wydawnictwo Fundacji Archeologicznej. S. 559–562.
- Sikorski A.*, 2016. Odciski tekstylne na ceramice z epoki brązu ze Szczepidła, gm. Krzymów // *Szczepidło. Osada metalurgów kultury mogiłowej nad Wartą* / Red. P. Makarowicz. Poznań: Instytut Prahistorii Uniwersytetu im. A. Mickiewicza. S. 503–521.
- Szydłowska E.*, 1963. Diademy i zawieszki skroniowe grupy górnośląsko-małopolskiej kultury łużyckiej // *Archeologia Polski*. T. 8. Z. 1. S. 44–68.
- Tokarska-Guzik B., Dajdok Z., Zajac M., Zajac A., Urbisz A., Danielewicz W., Holdyński C.*, 2012. Rośliny obcego pochodzenia w Polsce ze szczególnym uwzględnieniem gatunków inwazyjnych. Warszawa: Generalna Dyrekcja Ochrony Środowiska. 196 s.
- Walton P.*, 1988. Dyes and Wools in Iron Age Textiles from Norway and Denmark // *Journal of Danish Archaeology*. Vol. 7. Iss. 1. P. 144–158.

Сведения об авторе

Слюсарска Катаржина, Институт археологии и этнологии, Гданьский университет, ул. Белянска 5, Гданьск 80-851, Польша, e-mail: katarzyna.slusarska@ug.edu.pl

About the author

Ślusarska Katarzyna, Instytut Archeologii i Etnologii, Uniwersytet Gdański, Ul. Bielańska 5, Gdańsk, 80-851, Polska; e-mail: katarzyna.slusarska@ug.edu.pl

K. Ślusarska

DATA FOR RECONSTRUCTION OF TEXTILE TECHNOLOGIES
AND SOME ELEMENTS OF LATE BRONZE AGE
AND EARLY IRON AGE CLOTHES
IN THE SOUTHERN AREA OF THE BALTIC SEA

Abstract. For some times and regions, archaeologists have little chance of studying the costumes of past societies. The costume is a powerful tool for communication, regulation or formation of social practices. Cremation as a main funeral tradition of the Late Bronze Age destroyed all direct sources for clothes reconstruction. The situation changed a little during the transition to the Iron Age with the advent of the new funeral tradition (facial urns) and the representation of a human figure. The main purpose of this paper is to collect the published data of the Late Bronze Age and the Early Iron Age of the southern Baltic Sea basin for reconstruction of textile production and identification some gender-related elements of costume.

Keywords: textile products, clothing, Bronze Age, Iron Age, Lusatian culture, Pomeranian Face Urn culture.

Н. А. Биркина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ВЕЩЕЙ ИЗ БРЯНСКОГО И МОЩИНСКОГО КЛАДОВ¹

Резюме. Работа посвящена исследованию технологических аспектов работы мастеров-ювелиров на примере двух кладов круга восточноевропейских варварских выемчатых эмалей, хранящихся в собрании Государственного исторического музея. Все предметы были разделены на основные группы по способу постлитейной обработки. Были зафиксированы следы, связанные с технической доработкой изделий и их декорированием. Финальным этапом стало сравнение полученных данных с результатами экспериментов по реконструкции ряда процессов, в том числе способов нанесения орнамента. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что, несмотря на высокий уровень изделий, многие операции могли производиться кустарным способом.

Ключевые слова: выемчатые эмали, технологии, ювелирное производство, металлообработка, киевская культура, литье, ковка, чеканка, гравировка.

Ювелирные изделия круга восточноевропейских варварских эмалей являются яркими и характерными предметами своей эпохи. Эти вещи распространились на широкую территорию за пределами ареала киевской археологической культуры, с которой их соотносят. Отдельные находки зафиксированы на Кавказе, в Крыму, Прибалтике, лесной зоне Восточной Европы и др. Выделяются основные центры их концентрации: Среднее Поднепровье, Восточная Прибалтика, Мазурское Поозерье, Днепровское лесостепное Левобережье, Верхнее Подонье и лесное Поднепровье (*Корзухина*, 1978. С. 17; *Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 114).

В собрании Государственного исторического музея хранятся два самых крупныхклада изделий круга варварских эмалей, введенных в научный оборот.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40093.

Несмотря на то что многие предметы известны более ста лет и сейчас количество вещей круга варварских эмалей значительно возросло, до недавнего времени они практически не исследовались с точки зрения технологии. Наиболее полное исследование было сделано И. А. Сапрыкиной (*Сапрыкина*, 2018. С. 227–236, *Akhmedov et al.*, 2014. Р. 130, 131). Однако даже в книге, посвященной исследованию Брянского клада, были рассмотрены далеко не все предметы, а значительная часть работы посвящена химическому анализу. Кроме того, эксперименты² по реконструкции некоторых процессов позволили расширить и дополнить приведенные в книге данные. Заметим также, что исследование технологии создания предметов из Мощинского клада не проводилось. В 1960-е гг. были взяты пробы металла предметов клада, но результаты были опубликованы только в виде одной таблицы (*Черных и др.*, 1969. С. 112. Рис. 54).

Исследование технологических особенностей предмета позволяет осветить вопрос о навыках и приемах, доступных мастеру-ювелиру, а также об инструментальной и сырьевой базе. Кроме того, можно реконструировать эволюцию металлообработки в рамках конкретной археологической культуры или выявить центры влияний, откуда могли быть заимствованы техники. Нередко при внешней схожести вещи могут быть сделаны с использованием совершенно разных приемов. Заметим, что проведение экспериментов также может помочь ответить на некоторые вопросы, например, о необходимости использования стационарного профессионального помещения для создания сложных предметов или же о возможности изготовления таких вещей в маленьких мобильных мастерских кустарным способом.

В данной работе будут рассмотрены основные технологические аспекты и приемы, которые возможно определить на основании визуального исследования. Трасологический анализ является самым доступным при исследовании металлообработки. Он позволяет сделать предварительные выводы об операциях и этапах создания изделий. В ряде случаев, например для предметов из музейного фонда, он может быть фактически единственным способом исследования, т. к. является недеструктивным и требует минимального количества специального оборудования.

Основной задачей работы является сопоставление ювелирных приемов и техник, которые применялись для создания предметов, входящих в состав кладов. На основании полученных данных предметы могут быть систематизированы и сгруппированы. В дальнейшем группировка предметов на основании формообразующих приемов и технологий обработки позволит проследить и систематизировать археологические комплексы и отдельные предметы круга восточноевропейских эмалей. Сопоставление полученных данных с результатами экспериментов также может дополнить имеющиеся в нашем распоряжении сведения. Кроме того, реконструкция процессов металлообработки позволяет оценить возможность создания таких предметов в кустарных условиях.

---

² Эксперименты по нанесению орнаментации провел И. А. Тимощук. Эксперимент по созданию вещей круга варварских эмалей проведен творческой мастерской «RUNA» (А. В. Алексеев и А. А. Воробьев).

Для унификации приведенных в статье терминов была использована терминология Р. С. Минасяна (Минасян, 2014). По ряду вопросов я консультировалась у Т. Г. Сарачевой и М. С. Шемаханской, за что выражаю им благодарность. Также я выражаю благодарность И. А. Тимошуку за проведение эксперимента по нанесению разных типов орнамента и консультации по техническим аспектам. За проведение эксперимента по созданию вещей круга варварских эмалей благодарю участников творческой мастерской «RUNA» (А. В. Алексеев и А. А. Воробьев). Исследование предметов производилось с помощью визуального анализа их поверхности и макросъемки следов технических операций и инструментов. Работа выполнялась с помощью стереомикроскопа Stemi 2000C (Zeiss) в фондах Отдела археологических памятников ГИМ.

На основании анализа основных технологических приемов, использованных для создания предметов, все они были разделены на три крупные группы. Выделение более узких групп не представляется рациональным из-за ограниченности материалов, подвергнутых анализу.

I. Литая заготовка, косметическая обработка и орнаментация (не во всех случаях).

II. Литая заготовка и обработка давлением.

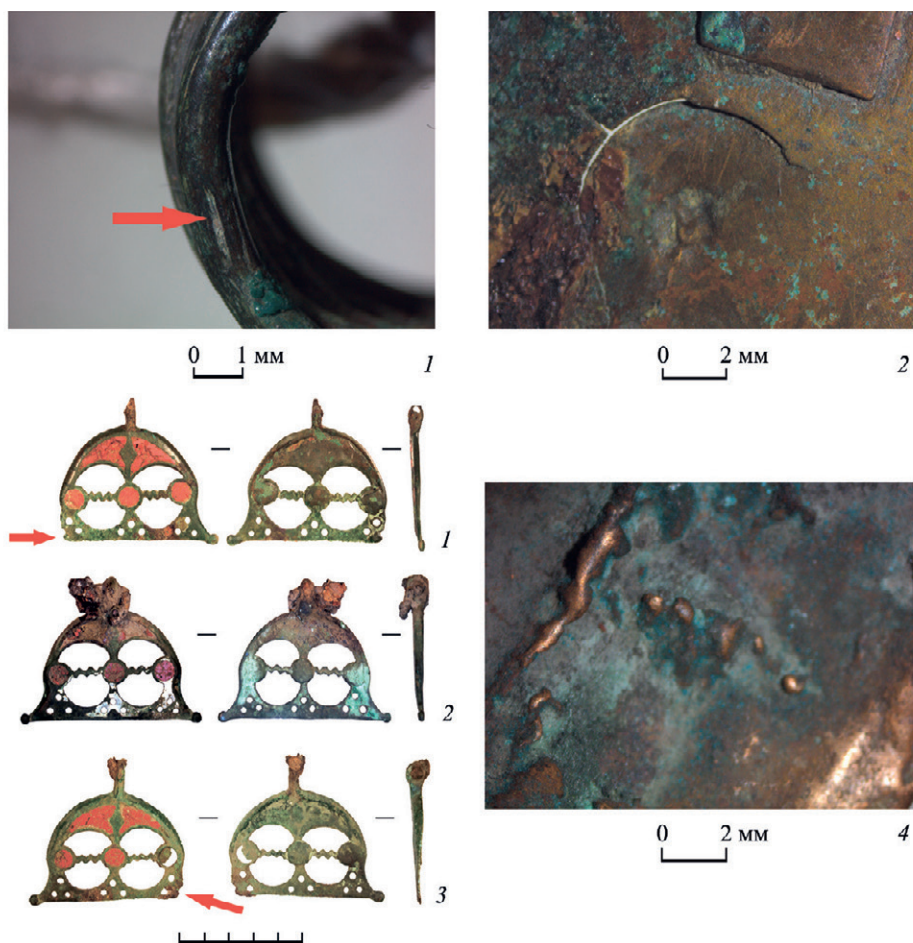
III. Литая заготовка, обработка давлением (более 50–60 % обжатия), косметическая обработка и орнаментация.

В связи с невозможностью проведения структурного (металлографического) анализа группы представлены достаточно обобщенно. Многие уточняющие сведения о технологических особенностях, детальной реконструкции процесса изготовления и температурных режимов невозможны без микроструктурного анализа. Поскольку для проведения данного анализа необходимо нарушение целостности предмета, сделать его не представляется возможным.

Большая часть предметов входит в *первую технологическую группу*. Для создания предметов этой группы была использована *литая заготовка с последующей косметической обработкой*, в большинстве случаев применялась *орнаментация, но не всегда*. Сюда могут быть отнесены: перекладчатые фибулы, треугольные фибулы, фибулы с кнопкой, литые подвески-лунницы, ажурные подвески, пирамидальные подвески, большинство элементов нагрудных цепей (за исключением цепочек), цепи типа Борзны (за исключением зажимов), сложные подвески с лунницами, браслеты, детали питьевых рогов (за исключением оковок и отдельных фрагментов цепей), детали плети и некоторые другие вещи.

Все перечисленные выше изделия, входившие в состав кладов, были выполнены литьем по восковой модели. Об этом свидетельствуют имеющиеся на готовых изделиях следы и дефекты (капли, наплывы, следы работы инструментом по воску) (рис. 1: 4). Отметим, что все они зафиксированы главным образом на обратной стороне, а лицевая была подвергнута постлитейной обработке.

Первым этапом в создании вещей этой категории было создание восковой модели. На основании анализа некоторых парных украшений (перекладчатые фибулы, элементы цепей, ажурные привески и т. д.) можно предположить, что в ряде случаев для этого использовалась так называемая мастер-модель. В качестве нее могли использовать уже готовое украшение, которое планировалось тиражировать. Однако в этом случае могла потребоваться доработка получаемой

Рис. 1. Примеры технологических браков

1 – трещины от недостаточного отжига; 2 – трещина на месте нанесения тисненого орнамента; 3 – следы недолива (фото И. Р. Ахмедова); 4 – дефекты литья

восковки. Модель могли также делать из какого-то легкообрабатываемого материала, например дерева (Филипова, Хайченко, 2016. С. 21). Достоверно реконструировать способ создания мастер-модели для исследованных предметов не представляется возможным.

После получения восковой модели она дорабатывалась. Во-первых, могли быть внесены изменения в облик вещи, например сделан орнамент. Во-вторых, на модели фиксировалась литниковая система. После отливки изделия мастер приступал к его постлитнейной обработке, которая может считаться вторым этапом. Об этой части работы мастера нам доступно значительно больше сведений. После удаления литниковой системы внешняя поверхность предметов заглаживалась с помощью крупного абразива, а в ряде случаев можно уверенно говорить

об использовании напильника. Следы работы напильником сохранились на большинстве изделий этой группы. Особенно отчетливо они фиксируются на плоскостях, расположенных перпендикулярно друг другу, например гребнях. Вероятно, после черновой обработки металла в гнездах на изделиях, где это было запланировано мастером, размещалась эмаль. После этого проводилась повторная шлифовка металла и, вероятно, самих эмалей (Румянцева, 2018. С. 191). После удаления остальных дефектов литья и создания достаточно ровной поверхности наносили орнамент. Применялся чеканный орнамент с помощью простых и сложнопрофилированных чеканов, гравированный орнамент и так называемый орнамент тремоло.

Вероятнее всего, после нанесения орнамента производилась финальная полировка для придания изделию равномерного блеска и устранения мелких неровностей, возникших после нанесения орнамента. Также дополнительной операцией, которая зафиксирована на ряде изделий, было лужение, подробнее о нем будет написано ниже на примере парных браслетов.

Рассмотрим подробнее некоторые категории предметов, входящих в первую технологическую группу. Самой массовой категорией могут считаться браслеты, в составе двух кладов их тридцать пять. Однако не все браслеты относятся к первой группе. Кроме того, часть из них имеют плохую сохранность или представлены фрагментами. Это сильно затрудняет возможность трасологического исследования. Таким образом, в рамках этой группы было обследовано 24 предмета. Основная часть этой категории представлена трехгранными в сечении браслетами с гребнями, остальные браслеты с эмалевыми вставками.

Реконструировать все этапы создания браслетов невозможно в связи с тем, что внешняя сторона изделий подвергалась сильной постлитейной обработке, а внутренняя на большинстве изделий сильно отполирована в ходе эксплуатации. На основании анализа парных браслетов из Брянского клада нельзя уверенно говорить об использовании мастер-модели для их создания. На их щитках зафиксированы следы работы по восковой модели, поэтому даже при внешнем сходстве они сильно отличаются друг от друга. Это, в свою очередь, может говорить как о доработке воскового оттиска мастер-модели, так и о создании каждого элемента индивидуально.

Несмотря на это, некоторые сведения о восковой модели для браслетов все же можно реконструировать. Во-первых, можно уверенно говорить, что орнаментация на гребнях была нанесена еще на восковую модель, а не в ходе декорирования изделия из металла. Об этом свидетельствует зафиксированное на одном экземпляре – Б 2111/94 (Брянский клад..., 2018. С. 341. Рис. 41) – повреждение орнамента гребня (линейного и точечного), связанное с доработкой восковой модели. Во-вторых, можно реконструировать место фиксации литниковой системы. Она крепилась на двух гребнях, расположенных в непосредственной близости друг от друга, т. е. в месте, где браслет размыкался. Об этом свидетельствует значительное число дефектов и каверн в этой области, которые обычно возникают на месте литниковой системы. Кроме того, в результате грабительских раскопок в Сумской области был найден браслет, у которого литниковая система была расположена именно таким образом.

После удаления основных дефектов литья и создания достаточно ровной поверхности наносили орнамент. На браслетах зафиксирован как гравированный, так и чеканный орнамент. К гравированному декору относятся линии и дуги, которые создавались с помощью стихелей. Чеканная орнаментация представлена окружностями, точками, группами точек, сочетанием окружности и точки и др. Кроме того, на шарнирный браслет из Брянского клада (Б 2111/91) нанесен орнамент в стиле тремоло, который не может быть отнесен ни к чеканке, ни к гравировке (Брянский клад..., 2018. С. 342. Рис. 42).

Заметим, что на паре браслетов из Брянского клада (Б 2111/92, 95) зафиксировано лужение на щитках с эмалевыми вставками (Там же. С. 339. Рис. 39; С. 338. Рис. 38). Также лужение присутствует на элементах цепи типа Борзны – Б 2111/10, 11, 85, 86 (Там же. С. 319. Рис. 19) – и деталях питьевого рога – Б 2111/162, 165, 169 (Там же. С. 347. Рис. 47: 1; С. 346. Рис. 46). Уверенно реконструировать способ, которым наносилось лужение, невозможно в связи с плохой сохранностью этого покрытия. Известны различные способы лужения предметов: окувание в расплавленное олово, натирание оловянной палочкой предмета, подогретого до температуры плавления олова, и др. В связи с тем, что на некоторых предметах (браслеты и детали питьевого рога) лужением были покрыты только отдельные элементы, можно предположить, что в этом случае использовался второй способ.

Следующая массовая категория, относящаяся к первой группе, – фибулы. Эта категория вещей также изготавливалась литьем по выплавляемой модели. На перекладчатых фибулах литниковая система могла проходить через центральную перекладину – именно в этом месте зафиксировано множество каверн – или через петли для фиксации имитации пружинного аппарата. Такой способ расположения литников есть на одной из фибул, найденной на Украине в результате грабительских раскопок. Кроме того, именно такая литниковая система использована творческой мастерской «RUNA» при воссоздании треугольных и перекладчатых фибул. Вероятнее всего, именно так создавали треугольные фибулы. Однако поскольку детали имитации пружинного аппарата чаще всего были сделаны из железа, эта часть фибулы подвергалась сильному коррозионным наростам, что осложняет ее обследование и фиксацию технологических следов.

Постлитейная обработка фибул почти идентична обработке браслетов. После первоначальной шлифовки и размещения эмалей в гнездах производилась повторная шлифовка. В ряде случаев, например треугольная фибула Б2111/79 из Брянского клада (Брянский клад..., 2018. С. 313. Рис. 13), дорабатывались и мелкие детали. После этого наносился орнамент чеканный и гравированный. Орнамент на гребнях перекладчатых фибул, как и в случае с браслетами, наносился еще на восковую модель. Финальным этапом работы с фибулами было создание пружинного аппарата или его имитации. Однако его элементы создавались другим способом и технологически не относятся к этой группе.

Остальные предметы, отнесенные к данной группе и перечисленные выше, проходили схожие этапы. Исключением могут быть только отдельные их части, как в описанном выше примере с фибулами и их пружинным аппаратом. В ряде случаев не использовалось эмалирование (фибулы с кнопкой, звенья цепей типа

Борзны, некоторые подвески и т. д.), не все предметы орнаментировались или лудились. Однако для всех предметов, входящих в эту группу, основным формообразующим способом было литье по выплавляемой модели. Дальше применялась постлитейная доработка с помощью абразивов. Ковка к ним не применялась.

Отметим, что на многих изделиях присутствовали разные варианты литейного брака, которые, однако, не повлияли на дальнейшую эксплуатацию этих вещей. Основные типы брака на рассматриваемых изделиях: трещины – Б 2111/95 (Брянский клад..., 2018. С. 338. Рис. 38), вероятно, связанные с усадкой, залив металла – Б 549/248 (Булычев, 1899. Табл. X: 1), недолив металла – Б 2111/11, 12 (Брянский клад..., 2018. С. 319. Рис. 19), усадочная или газовая пористость (практически на всех изделиях) и пр.

Ко второй технологической группе относятся предметы, для создания которых использовались **литая заготовка и последующая обработка давлением**. Категорий предметов, входящих в эту группу, значительно меньше, но их количество в двух рассматриваемых комплексах достаточно велико. В первую очередь это спиральные проници различных типов, спиральные браслеты и гривны. Также к этой группе можно отнести детали некоторых подвесок, так как все проволочные кольца были сделаны таким способом.

Для изготовления предметов этой группы также применялось литье, но оно не являлось формообразующим. На начальном этапе изготавливалась литая заготовка, из которой делалась проволока для дальнейшего изготовления нужных изделий. Таким образом, первым этапом можно считать обработку давлением для изготовления проволоки. Вторым глобальным этапом было изгибание и формирование самого изделия. Для изготовления гривен существовало еще несколько промежуточных этапов, которые будут рассмотрены ниже.

Самые массовые изделия этой группы – спиральные проници. Они имеют разную длину. Большинство из них сохранилось не полностью. Встречаются проници с сегментовидным, треугольным и плоским сечением. В свою очередь, проници с плоским сечением относятся к третьей технологической группе. Также есть проници из проволоки округлого сечения (Б 2111/55-75, Б 549/323/1-9), их часто называют кольцами.

В древности для изготовления проволоки применялось три основных способа. Ковка предварительно отлитой заготовки с постепенным утоньшением и приданием ей необходимой формы сечения, протягивание через волочильную доску (фильеру) (Рыбаков, 1948. С. 161) или обработка давлением металлической пластины (она может быть сложена, свернута или закручена) (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 169; Сапрыкина, 2015. С. 209). Фильерами, вероятно, служили железные пластины с отверстиями разных диаметров. Находки таких инструментов с территорий Барбарикума в интересующий нас период редки. Одним из примеров может служить находка с болотной площадки в Иллерупе Адале, интерпретируемая как волочильная доска и одновременно матрица дляковки заклепок (Dobat, 2008. S. 25, 26. Fig. 3). Миниатюрная фильера и другие миниатюрные инструменты для ювелирного дела являются декором золотого пояса, происходящего из клада, обнаруженного в Шимлеу-Силванией (современная Румыния), датированного IV–V вв. н. э. (Capelle, 1994). Кроме того, волочильная доска была найдена в погребении 10 гепидского некрополя в Банде, район

Муреш, Румыния. В состав этого погребения входило множество инструментов для металлообработки (*Dobat*, 2008. Fig. 38).

Несмотря на то что к моменту бытования вещей круга варварских эмалей техника волочения уже была широко известна, в составеклада нет ни одного предмета, изготовленного с помощью фильеры. При использовании волочильной доски заготовку протаскивают через коническое отверстие, из-за чего уменьшается ее диаметр (иногда форма сечения), а длина увеличивается. Соответственно, проволока, изготовленная таким способом, имела одинаковый диаметр на всем протяжении, возможно, немного тоньше на одном из концов, который первым помещали в инструмент. Однако во всех изделиях, вошедших во вторую группу, размер (а иногда и форма) сечения неоднороден. Таким образом, можно заключить, что фильера не была использована и основным формообразующим методом для создания проволоки былаковка. Кроме того, на проволоке отсутствуют продольные линии, характерные для применения волочения.

Для создания спиральных пронизей округлого сечения литая заготовка отковывалась до необходимого диаметра. Периодически проволоку необходимо помещать в огонь – отжигать, чтобы убрать возникающее остаточное напряжение в металле. Для уверенной фиксации применения приема отжига проводится металлографический анализ, что в условиях музейного хранения невозможно. На большинстве изделий этой группы не зафиксировано дефектов, связанных с отсутствием отжига, что может являться косвенным признаком применения данной техники. На некоторых проволоках есть трещины и расслоения, характерные для нарушения процедуры отжига. В основном они зафиксированы на спиральных пронизях округлого сечения – «кольцах». На изделиях Б2111/69, 2111/59, Б 549/323/4,7 (рис. 1: 1) и 2111/66 присутствуют трещины и расслоение металла, причем на последнем брак расположен на самом конце пронизи. Мастер, вероятно, пытался таким образом скрыть дефект. На одном из спиральных браслетов – Б 2111/53 (Брянский клад..., 2018. С. 343. Рис. 43: 4) – также фиксируются трещины и расслоения.

В свою очередь, пронизи, имеющие сегментовидное или треугольное сечение, подвергались последующей доработке. Формообразование производилось на наковальне с желобком, соответствующим сечению проволоки. Так как на другую сторону производилось воздействие обычным молотком, а не штампом, проволока принимала форму желобка (округлую или с ребром) с одной стороны, а с другой – становилась плоской.

На некоторых пронизях зафиксированы продольные бороздки (Б 2111/143, 146, 148–150; Б 549/326, 327/1, 327/9) на разных участках изделия по всей его протяженности. Такие следы могут возникать при создании проволоки из сложенной пополам и откованной пластины. Однако нельзя исключать и производственный брак.

Для создания всех типов пронизей формообразующей технологией былаковка. Несмотря на то что плоские в сечении пронизи могли нарезаться из листа, к ним также применялась обработка давлением. Все они имеют разную ширину на всей протяженности, а по краю не сохранились следы использования ножниц или других инструментов.

Как уже говорилось выше, большинство пронизей сохранилось фрагментарно, но у значительного их числа, по меньшей мере, одно из окончаний осталось не обломанным. Зафиксировано два способа формирования окончаний на проволочных изделиях. На большинстве изделий, в первую очередь на спиральных пронизях, за исключением некоторых пронизей округлого сечения (колец), окончания приострены или уплощены с помощью ковки. На некоторых спиральных браслетах – Б 2111/50 (Брянский клад..., 2018. С. 343. Рис. 43: 1) – применялась такая же техника формообразования окончания. Также зафиксировано, что на некоторых изделиях проволоку обрубали. В основном это спиральные пронизы округлого сечения – Б 2111/56, 58, 64, 65, 71, 72; Б 549/323 (Там же. С. 326. Рис. 26). На спиральных браслетах зафиксировано применение обоих приемов для оформления окончания. На предметах Б 2111/49, 52, 53 (Там же. С. 343. Рис. 43: 3, 4, 5) одно окончание браслета приострено с помощью ковки, а другое обрублено. У браслета Б 2111/51 (Там же. С. 343. Рис. 43: 2) один из концов не оформлен, его сечение больше, чем среднее сечение дрота браслета; кроме того, он менее проработан с точки зрения формирования сечения.

После того как проволока была сделана, мастер приступал к этапу изгибания – формированию спирали. Проволоку плотно навивали на специальный стержень, соответствующий внутреннему диаметру будущего изделия. Для фиксации проволоки могли использоваться тиски или клещи: на пронизи Б 2111/127 (Брянский клад..., 2018. С. 327. Рис. 27: 4) на одном из концов видна бороздка, которая может являться следом от фиксировавшего пронизь инструмента.

Последней категорией вещей из этой группы являются гривны. Всего их шесть штук в составе двух кладов. Все они относятся к типу витых гривен с окончаниями в виде петель и сделаны из трех массивных проволок. Для создания такого типа украшений также использовалась литая заготовка, к которой применялась ковка. На одной из гривен – Б 2111/3 (Брянский клад..., 2018. С. 393. Рис. 94) – зафиксированы следы литейного брака – пористость, которая не была окончательно скрыта во время ковки. После создания заготовки основная ее часть отковывалась до округлой формы, а окончания – в подпрямоугольную форму. Как уже писалось выше, мастеру необходимо было применять отжиг. Но, вероятно, термическое воздействие на стержень-заготовку применялось в недостаточной мере, так как на двух гривнах – Б 2111/3, 5 (Там же. С. 393. Рис. 94; С. 309. Рис. 9) – отмечено расслоение металла и трещины. Впрочем, этот брак присутствует только в одном месте на каждом из изделий, что скорее свидетельствует о нарушении технологии отжига.

После предварительной подготовки проволок (придания им нужного сечения) раскованные концы изгибались. Вероятно, изгибание проходило без применения ригеля, так как все окончания имеют неровный край и изломы формы в некоторых местах. После загибания колец на окончаниях заготовок они компоновались и фиксировались. Для фиксации могли быть использованы щипцы: на двух гривнах – Б 549/301, Б 2111/2 (Бульчов, 1899. Табл. VIII: 3; Брянский клад..., 2018. С. 308. Рис. 8) – отмечены бороздки у основания перехода колец в основную часть гривны. В процессе скручивания проволок необходимо было также применять отжиг. Возможно, дефекты, связанные с отсутствием термического воздействия, появились в ходе скручивания заготовок. О способе придания

округлой формы гривне уверенно судить невозможно. Она могла изгибаться механическим способом в результате отковывания скрученных вместе проволок на наковальне до получения кольца.

Третья технологическая группа представлена изделиями, сделанными из литой заготовки с последующей обработкой давлением (степень обжата более 50–60 %), косметической обработкой и нанесением орнамента (не во всех случаях). Изделия, входящие в группу, представлены налобными венчиками разных типов, деталями вайнаги (пронизи и пластинчатые обоймы), пластинчатыми цилиндрическими пронизями. Кроме того, сюда могут быть включены пластинчатые зажимы, пластинчатые привески-лунницы, оковки питьевых рогов, круглая бляшка, трапециевидные привески всех типов.

Самой технологически сложной категорией вещей в этой группе могут считаться венчики. Всего в составе двух кладов представлено 13 венчиков. Для некоторых предметов (Б 549/311, 312, 313, 316) не представляется возможным реконструировать технологические процессы в полном объеме из-за проведенных в XX в. реставрационных мероприятий. Реставрация была выполнена по методам того времени, что негативно сказалось на возможности трасологического анализа. Реконструкция технологических процессов создания схожего типа венчиков из Троицкого клада была произведена И. А. Сапрыкиной (Сапрыкина, 2004. С. 133, 134). Также вариант изготовления пластинчатых изделий круга восточноевропейских эмалей предложен С. В. Воронятовым (Воронятов, 2014. Рис. 6). На наш взгляд, предложенная им реконструкция технологического процесса изготовления пластинчатых изделий неприменима к венчикам, т. к. литые окончания не могут быть сделаны из листового металла.

Большинство головных венчиков были сделаны из литой заготовки, кроме двух венчиков из Мошинского клада – Б 549/311, 312 (Булычов, 1899. Табл. VIII: 1, 4; Брянский клад..., 2018. С. 362. Рис. 62). Обособленно стоит еще один венчик из Мошинского клада – Б 549/316 (Булычов, 1899. Табл. VIII: 2; Брянский клад..., 2018. С. 363. Рис. 63), он также изготавливался из литой заготовки, но последующая обработка отличалась, о чем будет сказано ниже. Литая заготовка представляла собой прут округлого сечения (в одном случае подпрямоугольного сечения – Б 549/313) (Булычов, 1899. Табл. VIII: 5; Брянский клад..., 2018. С. 356. Рис. 56: 1а, 1б), имеющий утолщение в центральной части, с литыми шишечками на концах (чаще конической, но иногда пирамидальной формы). Мастер определял длину окончаний, которые не будут уплощаться, и им придавалась подпрямоугольная форма, после чего они тордировались. Вероятно, при проведении этих операций применялся отжиг, так как дефекты, связанные с его отсутствием, не зафиксированы. Далее происходила обработка центральной части, которая уплощалась в значительной степени: степень обжата составляет более 60 %. После этого заготовка орнаментировалась и сгибалась в обруч. В какой из этапов происходило загибание окончаний венчика для создания замка, реконструировать невозможно.

Заметим, что на венчиках зафиксировано большое количество брака при нанесении чеканного орнамента окружностями, часто они смазаны или сделаны по несколько раз. Подобные дефекты зафиксированы и на литых браслетах. В случае с браслетами это связано с тем, что нанесение орнамента на изогнутую

вещь было сложной и трудоемкой операцией. Уверенно говорить о причинах орнаментального брака на венчиках не представляется возможным. Вероятнее всего, это было связано с навыками мастера. На большинстве исследованных экземпляров отсутствуют следы разметки, а орнамент часто нанесен неаккуратно.

Венчик Б 549/316, как уже писалось выше, также создавался из литой заготовки, но его окончания не тордировались, имели меньшую длину и завершались полусферическими шишечками. Вероятно, орнамент на него наносился тоже после изгибания в обруч, поскольку некоторые орнаментальные элементы имеют нечеткие границы и иногда дублируют друг друга. Фиксация полусферических штифтов происходила также после нанесения орнамента, так как во всех случаях декор уходит за границу штифта. Возможно, форму края изделия подправляли срезанием излишков металла, но с полной уверенностью говорить об этом нельзя, т. к. реставрационные мероприятия, проведенные ранее, не дают возможности уверенно обследовать край изделия.

Технология изготовления двух пластинчатых венчиков из Мощинского клада реконструируется плохо. Можно уверенно говорить, что венчик Б 549/312 (Булычов, 1899. Табл. VIII: 4; Брянский клад..., 2018. С. 362. Рис. 62: 1а) был изготовлен из раскованного литого стержня, а излишки металла, возможно, были срезаны. Об этом свидетельствует то, что к концам он сужается и утолщается. После этого наносилась орнаментация без предварительной разметки, следующей операцией было изгибание по форме.

На основании исследования некоторых венчиков можно говорить, что для их орнаментации применялась разметка, однако основная часть изделий этой категории делалась без нее. Лучше всего следы линейной разметки фиксируются на изделии Б 549/316. На венчиках использовался как чеканный орнамент, так и гравировка, кроме того, часто фиксируется техника тремоло. На внешней поверхности большинства венчиков зафиксированы риски, свидетельствующие о применении шлифовки поверхности. Шлифовка применялась также к окончаниям-шишечкам, что особенно хорошо заметно по рискам в месте вхождения в них тордированного дрота.

Реконструировать начальный этап создания пластинчатых пронизей и трапециевидных привесок не представляется возможным из-за значительных утрат по краю изделий. Можно предположить два варианта: они вырезались из заранее сформованного листа или они расковывались из литого стержня, а излишки металла срезались. Крупные трапециевидные привески (Брянский клад..., 2018. С. 323. Рис. 23: 1; С. 514. Табл. XXII: 16; С. 393. Рис. 94; С. 499. Табл. VII; Булычов, 1899. Табл. XI) после придания им формы шлифовались, орнаментировались тиснением (рис. 1: 2). На одном из этапов к ним приклепывалась дужка из раскованной проволоки с помощью штифта. Маленькие трапециевидные привески есть только в Брянском кладе (Брянский клад..., 2018. С. 323. Рис. 23: 2–13; С. 514. Табл. XXII: 9–15), на них нет орнамента. После создания заготовки они шлифовались, а в верхней части пробивалось сквозное отверстие, на котором крепилось проволочное кольцо для подвешивания.

Цилиндрические пластинчатые пронизи есть в составе двух кладов (всего в составе двух кладов 56 таких предметов). В состав Мощинского клада входила вайнага (Булычов, 1899. Табл. XII), из-за этого точно определить количество

пронизей, не являющихся ее деталями, невозможно. Все пронизи представлены несколькими типами: округлые в сечении без орнамента (Брянский клад..., 2018. С. 329. Рис. 29: 10–15; С. 515. Табл. XXIII), округлые в сечении с поперечным орнаментом (Там же. С. 328. Рис. 28: 13–16; С. 329. Рис. 29: 1–9; С. 515. Табл. XXIII) и уплощенные с точечным орнаментом. Пронизи первого типа изгибались сразу же после создания. Вероятно, на каком-то этапе применялась полировка, однако риски, свидетельствующие об этом, отсутствуют. Второй тип пронизей требовал больше технологических операций. После получения заготовки подпрямоугольной формы на нее наносился орнамент в виде группы поперечных полос. Для нанесения орнамента применялось тиснение, таким образом, орнамент был выпуклым с внешней стороны. После нанесения орнамента пронизи изгибались на ригеле и аккуратно проковывались таким образом, чтобы края были расположены встык, иногда немного внахлест. В ходе проковки, особенно в месте стыковки краев, мог быть поврежден выпуклый орнамент (рис. 2: 2). Последний тип есть только в Мошинском кладе и входит в состав вайнаги. Пронизи и обоймы, входящие в состав вайнаги, не будут подробно разбираться в этой работе, т. к. этот сюжет требует отдельного рассмотрения.

Для пластинчатых привесок-лунниц (Брянский клад..., 2018. С. 322. Рис. 22; С. 512. Табл. XX) формообразующей операцией также являласьковка. На уплощенную основу, сформированную из проволоки подковообразной формы, с помощью штифта фиксировалась проволока, уплощенная в центральной части, образуя дужку. Окончания основы и центральной части изгибались в кольцо, в процессе изгибания к ним подвешивались биспиральные привески.

Исследование и анализ технологических следов на предметах, входящих в состав кладов, показывает, что мастера-ювелиры, создавшие эти вещи, применяли множество приемов металлообработки для создания вещей. Однако они не всегда использовали передовые навыки того времени. В частности, не зафиксировано ни одного примера создания проволоки с помощью волочильной доски. Кроме того, даже в рамках одного комплекса-клада присутствуют вещи, сделанные на разном уровне. Примером может служить степень проработанности восковой модели с обратной стороны, например, плохо прорезанный сквозной орнамент на фибуле Б 2111/78 (Брянский клад..., 2018. С. 314. Рис. 14; С. 503. Табл. XI: 2).

Значительной и самой яркой частью комплексов являются литые предметы и предметы с эмалевыми вставками, относящиеся к первой технологической группе. Для их создания применялось множество различных инструментов и знаний, которые позволяли создавать сложные с технологической точки зрения предметы. Конечно, восстановить реальное количество брака не представляется возможным, так как вещи могли идти на переплавку. Однако в составе кладов количество вещей, имеющих дефекты, которые сильно влияли на их внешний вид, невелико. Этот факт связан в том числе и с очень тщательной постлитейной обработкой. Заметим, что даже такие качественные вещи могли создаваться кустарным способом. Этот вывод стало возможным сделать благодаря экспериментам творческой мастерской «RUNA». В ходе эксперимента было показано, что литые заготовки или даже вещи целиком, включая этапы эмалирования

0 2 мм

1

0 1 мм

2

Рис. 2. Примеры технологических следов

1 – пронизь из сложенной пластины; 2 – следы повреждения тисненого орнамента при изгибании

и постлитейной обработки, в том числе декорирование, могли создаваться не в крупной мастерской ограниченным числом мастеров.

Ковка также была очень важным формообразующим приемом. Она применялась как для создания проволочных изделий, так и для вещей из пластин или со значительным обжатием какой-то части предмета. Результаты исследования предметов из проволоки показали, что массивные изделия, такие как гривны, изготавливались из прокованного литого стержня. В свою очередь, для других предметов (пронижи, браслеты и пр.) использовались разные техники: формовка литого стержня, ковка на наковальне с желобком, ковка сложенной пополам пластины. Как уже отмечалось, тянутая проволока не была зафиксирована ни на одном из изделий. Количество брака, связанного с отсутствием или, вероятнее

всего, с недостаточной степенью отжига, высоко, но все же можно уверенно говорить, что ювелиры знали о необходимости проведения этой процедуры.

Пластинчатые изделия создавались как из заранее раскованной пластины, так и из литых заготовок, впрочем, это никак не отразилось на качестве изделия. Не исключено, что для пластинчатых изделий использовались специальные инструменты (ножницы, долота) для удаления излишков металла и придания украшению запланированной формы.

Мастера круга восточноевропейских эмалей имели также разнообразные инструменты для нанесения орнамента, однако использовали самые простые и широко известные приемы. Основными техниками были: тиснение, гравировка, чеканка и тремоло. Нередко, особенно на изделиях третьей группы, орнаментация была нанесена неаккуратно. Не была использована разметка, а чеканный орнамент нанесен не под прямым углом или нанесен дважды на одно и то же место. Также на некоторых украшениях присутствуют браки или следы ремонта, что не мешало продолжать их использовать. Возможно, это свидетельствует об отсутствии прямой связи между производителем и потребителем (*Зайцева, Сарачева, 2011. С. 273*). Что, в свою очередь, также косвенно подтверждает гипотезу о небольших мобильных мастерских.

Таким образом, наиболее технологически проработанным приемом, используемым мастерами-ювелирами круга восточноевропейских эмалей, было литье по восковой модели. В свою очередь, в ходе эксперимента было показано, что эта работа не требовала стационарной мастерской и могла выполняться кустарным способом. При этом наличие незначительных браков на изделиях не влияло на потребительский спрос.

ЛИТЕРАТУРА

- Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2018. 562 с. (PCM; вып. 18.)
- Булычев Н. И.*, 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова. 85 с.
- Воронятов С. В.*, 2014. Металлообработка Почепского селища: мастера культур западнобалтского круга и начальный этап стиля варварских выемчатых эмалей // АВ. Вып. 20. СПб.: ИИМК РАН. С. 189–204.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г.*, 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI – XIII в. М.: Индрик. 404 с.
- Корзухина Г. Ф.*, 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 123 с. (САИ; вып. Е1-43.)
- Минасян Р. С.*, 2014. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ. 472 с.
- Обломский А. М., Тертиловский Р. В.*, 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141. (PCM; вып. 10.)
- Румянцова О. С.*, 2018. Технология изготовления эмалевых вставок // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 189–198. (PCM; вып. 18.)
- Рыбаков Б. А.*, 1948. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР. 802 с.
- Сапрыкина И. А.*, 2004. Приемы изготовления ювелирных украшений из «клада» Троицкого городища // АП / Ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 128–135.

- Сапрыкина И. А., 2015. Техника изготовления золотых изделий из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2. Золото Фанагории / Ред. М. Ю. Трейстер. М.: ИА РАН. С. 208–265.
- Сапрыкина И. А., 2018. Некоторые данные к технике изготовления и химическому составу цветного металла предметов из Брянского клада // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 227–236. (ПСМ; вып. 18.)
- Филипова И. А., Хайченко В. Е., 2016. Технологические основы декоративной обработки и художественного литья металлов: учебное пособие. Калуга: Калужский филиал МГТУ им. Н. Э. Баумана. 48 с.
- Черных Е. Н., Хоферте Д. Б., Барцева Т. Б., 1969. Металлургические группы из цветного металла I тысячелетия н. э. из Прибалтики // КСИА. Вып. 119. С. 109–120.
- Akhmedov I. R., Rodinkova V. E., Saprykina I. A., 2014. The «belt» from Krasny Bor in the collection of the State Historical Museum, Moscow // Wiadomosci Archeologiczne. LXV. Warszawa. S. 125–133.
- Capelle T., 1994. Die Miniaturenketten von Szilágysomlyó (Şimleul Silvaniei). Bonn: Habelt. 112 p. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie; 22.)
- Dobat A. S., 2008. Werkzeuge aus kaiserzeitlichen Heeresausstattungsopfern. Mit besonderer Berücksichtigung der Fundplätze Illerup Ådal und Vimose. Århus: Aarhus University Press: Jysk Arkæologisk Selskab. 117 s.

Сведения об авторе

Биркина Наталья Александровна, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: dulebova_natalya@mail.ru

N. A. Birkina

SOME ASPECTS OF TECHNOLOGY USED TO MAKE ITEMS
FROM THE BRYANSK AND MOSHCHINY HOARDS

Abstract. The paper deals with the study of technological aspects of the work performed by smiths based on a case study of two hoards attributed to the circle of East European barbarian champlevé enamels kept in the collection of the State Historical Museum. All items were divided into main groups based on the method of post-casting treatment. Traces associated with post-casting treatment and decoration were identified. As the final step, the data obtained were compared with the data from the experiments conducted to reconstruct a number of processes, including methods of ornamentation. This analysis suggests that, despite high quality of the items, many operations could be performed domestically.

Keywords: champlevé enamels, technology, jewelry making, metal working, Kiev culture, casting, hammering, chasing, engraving.

REFERENCES

- Bryanskiy klad ukrasheniy s vyyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n. e.) [Bryansk hoard of ornaments with champlevé enamel of East European style (III c. AD)]. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, 2018. 562 p. (RSM, 18.)
- Bulychov N. I., 1899. Zhurnal raskopok po chasti vodorazdela verkhnikh pritokov Volgi i Dnepra [Diary of excavations in a part of watershed of upper reaches of Volga and Dnieper]. Moscow: Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova. 85 p.

- Chernykh E. N., Hoferte D. B., Bartseva T. B., 1969. Metallurgicheskiye gruppy iz tsvetnogo metalla I tsysacheletiya n. e. iz Pribaltiki [Metallurgical groups of non-ferrous metal of IAD from Baltic region]. *KSIA*, 119, pp. 109–120.
- Filipova I. A., Khaychenko V. E., 2016. Tekhnologicheskiye osnovy dekorativnoy obrabotki i khudozhestvennogo lit'ya metallov: uchebnoye posobiye [Technological foundations of decorative treatment and artistic casting of metals: manual]. Kaluga: Kaluzhskiy filial Moskovskogo gos. tekhnicheskogo universiteta imeni N. E. Baumana. 48 p.
- Korzukhina G. F., 1978. Predmety ubora s vyyemchatymi emal'yami V – pervoy poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'ye [Items of attire with champlevé enamels of V – first half of VI c. AD in Middle Dnieper region]. Leningrad: Nauka. 123 p. (SAI.)
- Minasyan R. S., 2014. Metalloobrabotka v drevnosti i Srednevekov'ye [Metalwork in antiquity and Middle Ages]. St. Petersburg: GE. 472 p.
- Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 2007. Predmety ubora s vyyemchatymi emal'yami na teritorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (Dopolneniye svodov G. F. Korukhinoy, I. K. Frolova i E. L. Gorokhovskogo) [Attire items with champlevé enamels in territory of forest-steppe zone of Eastern Europe (Supplement to corpus editions by G. F. Korzukhina, I. K. Frolov and E. L. Gorokhovskiy)]. *Pamyatniki kiyevskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v.) [Kiev culture sites in Russia forest-steppe zone (III – early V c.)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (RSM, 10.)
- Rumyantseva O. S., 2018. Tekhnologiya izgotovleniya emaleykh vstavok [Technology of production of enamel insets]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n. e.) [Bryansk hoard of ornaments with champlevé enamel of East European style (III c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 189–198. (RSM, 18.)
- Rybakov B. A., 1948. Remeslo drevney Rusi [Craft of Ancient Rus]. Moscow: AN SSSR. 802 p.
- Saprykina I. A., 2004. Priyemy izgotovleniya yuvelirnykh ukrasheniy iz «klada» Troitskogo gorodishcha [Modes of production of jewelry ornaments of «hoard» from Troitskoye hillfort]. *AP*. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 128–135.
- Saprykina I. A., 2015. Tekhnika izgotovleniya zolotykh izdeliy iz Fanagorii [Production technique of golden items from Phanagoria]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkhеologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological investigations]*, 2. *Zoloto Fanagorii [Phanagoria gold]*. M. Yu. Treyster, ed. Moscow: IA RAN, pp. 208–265.
- Saprykina I. A., 2018. Nekotoryye dannyye k tekhnike izgotovleniya i khimicheskomu sostavu tsvetnogo metalla predmetov iz Bryanskogo klada [Some data on production technique and chemical composition of non-ferrous metal of items from Bryansk hoard]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n. e.) [Bryansk hoard of ornaments with champlevé enamel of East European style (III c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 227–236. (RSM, 18.)
- Voronyatov S. V., 2014. Metalloobrabotka Pochevskogo selishcha: мастера kul'tur zapadnobaltskogo kruga i nachal'nyy etap stilya varvarskikh vyyemchatykh emaley [Metalworking of Pochevy settlement: craftsmen of West-Balts cultural circle and initial stage of barbarian style of champlevé enamels]. *AV*, 20. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 189–204.
- Zaytseva I. E., Saracheva T. G., 2011. Yuvelirnoye delo «Zemli vyatichey» vo vtoroy polovine XI – XIII v. [Jewelry craft of «Vyatichi land» in second half of XI – XIII c.]. Moscow: Indrik. 404 p.

About the author

Birkinina Natalia A., The State Historical Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: dulebova_natalya@mail.ru

О. А. Хомякова

БУЛАВКИ САМБИЙСКО-НАТАНГИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО ДАННЫМ ЖЕНСКОГО УБОРА

Резюме. Рассматриваются булавки самбийско-натынгийской культуры Юго-Восточной Прибалтики из женских комплексов I–V вв. В женском уборе они наиболее разнообразны и представляют собой маркер межкультурных контактов и особый компонент региональной модели убора. Для реконструкции местоположения булавок в уборе костюма местных племен привлекаются сравнительные данные соседних территорий. Импортные по большей части и нехарактерные для самбийско-натынгийского женского убора булавки, возможно, могли использоваться по-разному: как деталь одежды, элемент прически, головного убора, быть скрученными на манер подвески в составе ожерелий. В раннесредневековой культуре пруссов VI–VIII вв. булавки исчезают из женского убора, редко встречаясь в инвентаре детских и мужских захоронений.

Ключевые слова: булавки, Юго-Восточная Прибалтика, эпоха римских влияний, Великое переселение народов и раннее Средневековье, типология, хронология, женский убор.

Введение

Булавки – изделия в виде металлического стержня, на одном конце заостренного, на другом – украшенного декоративным навершием, – выполняли такую же роль, как и фибулы, – применялись для скрепления деталей одежды. Традиция использования булавок в уборе широко представлена в ряде восточно-европейских культур I тыс. н. э. (*Moora*, 1938. S. 168–221; *Michelbertas*, 1986. P. 124–132). В Юго-Восточной Прибалтике декоративные булавки также были распространены, вероятно, еще с бронзового века (см.: *Gaerte*, 1929. Abb. 49: *a, b, e*; *Heynowski*, 2014. S. 11–17). Типология центральноевропейских булавок первой половины I тыс. основывается на разделении по морфологическим признакам. Б. Бекманном было выделено 14 типов (A–O) предметов (*Beckmann*,

1969. S. 107–119. Taf. 19–22). С рядом уточнений эта классификация используется и в настоящее время (см.: *Juga-Szymańska*, 2014. Tab. 1).

Предметом статьи являются булавки самбийско-натангической (могильников Калининградского п-ова, или «культуры Доллькайм-Коврово»), эпохи римских влияний и ранней эпохи Великого переселения народов) и раннесредневековой культуры пруссов (этноним употребляется условно), которые редко становятся объектом внимания ввиду своей малочисленности. В. И. Кулаков для памятников I–V вв. и VI–XII вв. выделяет всего четыре основных типа булавок: характерные для эпохи римских влияний (2–4) и единственный тип (1), представленный в древностях раннесредневековой культуры пруссов (*Кулаков*, 2003. Рис. 94). О малой представленности булавок в V–VIII вв. говорят и недавние обзоры категории в публикациях могильников Митино и Заостровье 1 (см.: *Скворцов*, 2010. С. 101, 102; *Казанский и др.*, 2018. С. 15). Булавки самбийско-натангической культуры рассматривались А. Юга-Шиманьской в исследовании данных предметов эпохи римских влияний из культур Балтии. Анализируя около 60 предметов с 29 мест находок, автор делает основной вывод, что все они могли появиться в местных древностях в результате контактов с населением Мазурского Поозерья (*Juga-Szymańska*, 2014. S. 180–183. Tab. XLI). Тем не менее целостного представления о генезисе данной категории в древностях могильников Калининградского п-ова I–VIII вв. нет. Некоторой систематизации требует и типология, к рассмотрению которой применяются разные подходы.

В статье учтено 84 экземпляра (68 определимых) с 34 памятников (рис. 1)¹. Основное внимание в статье уделяется булавкам из женских погребений самбийско-натангической культуры, в которых они наиболее многочисленны и разнообразны типологически. Булавки являются особым компонентом региональной модели женского убора и маркером межкультурных контактов. Для целостного представления об эволюции и месте булавок в материальной культуре местных племен привлекаются и данные мужских и детских погребений, и случайные находки.

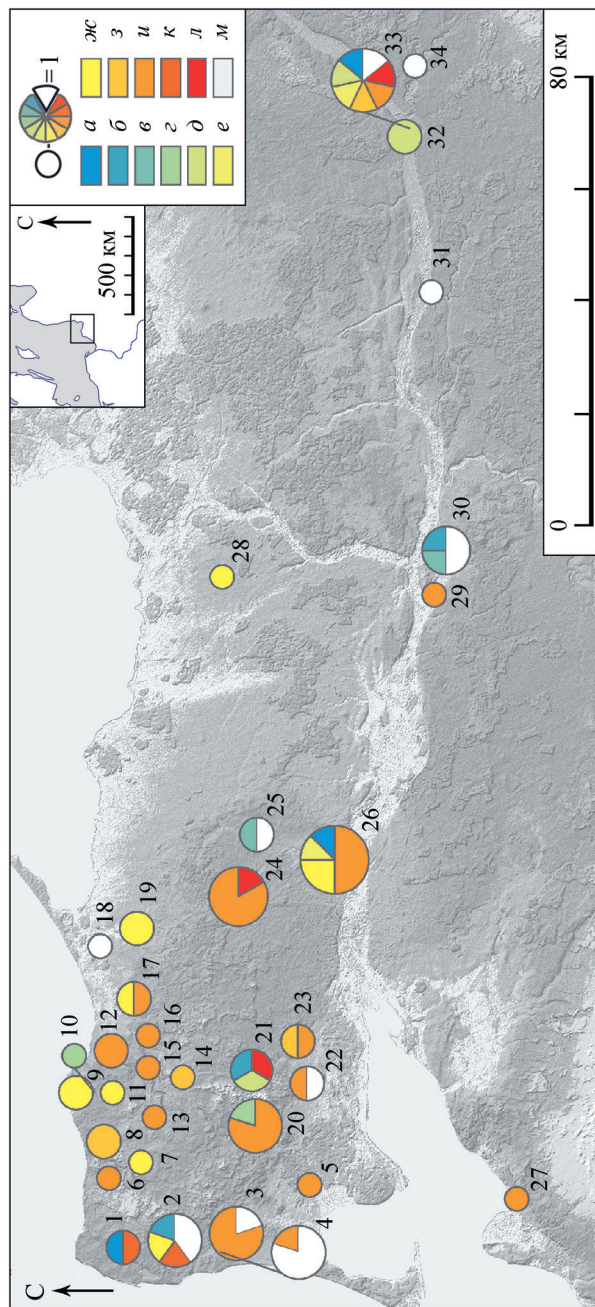
Типология и хронология булавок из женских погребений²

Булавки с листовидным навершием (рис. 1: б–г; 2: 1, 2). Характеризуются плоским навершием, в верхней части в виде лопасти (тип G, по Б. Бекманну), или закрученным на манер свитка (тип А, по Б. Бекманну) (*Beckmann*, 1969. Abb. 1: A, G). В. И. Кулаковым выделены в единый тип 3 (2003. Рис. 94). Всего известно 5 экземпляров (7 % от общего числа).

¹ В связи с ограниченным объемом статьи анализ количественного, типологического и территориального распределения всех известных на сегодня булавок самбийско-натангической и раннесредневековой культур представлен на рис. 1. Пользуясь случаем, благодарю С. Н. Чаукина (ИА РАН) за помощь в работе с ГИС-программой.

² Погребения с булавками представлены в таблице. Женские погребения выделены в группу 1.

Рис. 1. Булавки I–VIII вв. по данным ГИС-анализа (по: Jurga-Szumanska, 2014. Р. 396–404 с добавлениями автора). Сост. С. Н. Чаукин

1 – Охотное/Bieskobnicken; 2 – Поваровка/Kirreihen; 3 – Путилово/Corjeiten; 4 – Окунево/Grebeten; 5 – Кострово/Bludau; 6 – Богатое/Pokalkstein; 7 – Грачёвка/Craam; 8 – Светлогорск/Kirtgehen; 9 – Летное/Tenkieten; 10 – Доброе/Il – Ярославское/Schlakanken II; 12 – Заостровье 1; 13 – Дубровка/Rogehen; 14 – Зеленый Гай/Drebenai; 15 – Алейка 3; 16 – Геройское/Eislieten; 17 – Коврово/Dollkeit; 18 – Моховое/Wiskaiten; 19 – Безымянка/Nuskern; 20 – Котельниково/Warengen; 21 – Хрустальное/Wiekau; 22 – Грейбау/Greibaui; 23 – Лендорф/Lehndorf; 24 – Митино; 25 – Гурьевск Новый/Berthaswalde; 26 – Большое Исаково/Lauth; 27 – Приморское/Wollitnick; 28 – Малая Липовка/Schlakaulack; 29 – Суворово/Zohren; 30 – Ровное/Imten; 31 – Междуречье/Norkitten; 32 – Красная Горка/Netteten; 33 – Альгоф-Черняховск/Althof (Gaitzihen); 34 – Тимофеевка/Siemonischken-Tammowischken

а – с наверхним в виде замкнутого (литого) кольца; б, в – с листовидным наверхним (б – в виде свитка; в – в виде лопасти); г–е – профилированные (г – с кольцевым декором; д – с наверхним-шляпкой с отверстием для держателя цепи; е – с бочковидным наверхним; жс – с кольцевыми декором; з – с листовидным окончанием, намотанным на стержень; и – (более точно неопределимы); к – с наверхним в виде простой незамкнутой петли; л – с огогнутым окончанием, закрученным в спираль; м – со слегка огогнутым окончанием; н – тип неопределен

Экземпляры из женских погребений характеризуются навершием, закрученным на манер свитка. Близкие им по морфологии экземпляры представлены в древностях западнобалтийских курганов в позднелатенский период (*Okulicz*, 1973. S. 331. Рус. 156: *a*, *b*). Для самбийско-натангйской культуры они не типичны. Помимо предметов из женских комплексов в могильниках Калининградского п-ова известен еще один экземпляр из могильника Хрустальный, погр. 6 (Архив Герберта Янкуна, РМ IV, 265.3534). Редки и экземпляры с навершием в виде лопасти (рис. 1: *в*). В целом листовидные булавки считаются импортами из региона Мазурского Поозерья, где получили широкое распространение. На сегодняшний день в ареале богачевской культуры известно около 70 подобных предметов (*Nowakowski*, 1998. Abb. 11; *Juga-Szymanska*, 2014. S. 51–58. Rys. 27. Tab. IX–XIV). Булавки с листовидным навершием появляются там на фазе B1³ и существуют до фазы B2/C1 – C1a (*Okulicz*, 1973. S. 360; *Nowakowski*, 1998. S. 44, 45). Помимо культур Северной Польши булавки с орнаментированным листовидным навершием известны также на современной литовской территории – в ареале культуры могильников с каменными венцами: Бандюжай (*Stankus*, 1995. Pav. 51: 10), Стрягняй, Юргайчяй (*Lietuvos TSR archeologijos atlasas*, 1978. Pav. 40: 1, 2; *Michelbertas*, 1986. Pav. 42: 1–3) и др., где также датируются I–II вв. н. э. На территории Восточной Литвы они имеют несколько измененный облик и относятся уже к III в. н. э. (*Lietuvos TSR archeologijos atlasas*, 1978. S. 69).

В самбийско-натангйском женском погребении Ровное-В вместе с булавкой найдены арбалетовидная фибула группы A.VI (см.: *Almgren*, 1923. Taf. VII) и пластинчатые браслеты, что указывает на дату не ранее фазы C1. В комплексе Поваровка-А булавка свернута в кольцо, на которое надеты янтарные и стеклянные полихромные бусы с накладным декором (рис. 2: 1). Еще один самбийско-натангйский комплекс, в котором известны бусы данных типов, – Большое Исаково-158 датируется фазой C2 – D (см.: *Хомякова*, 2007. С. 71. Рис. 1).

Булавки с головкой в виде петли (посоховидные) (рис. 1: *ж–л*; 2: 6–8) характеризуются головкой в виде незамкнутой петли разной величины, различаются сечением (округлое, ромбовидное), материалом изготовления. Принадлежат к типам B, C, по Б. Бекманну (1969. Abb. 1: *b*, *c*, *e*. Taf. 20), или (на основе формы петли) вариантам I–III типа B, по А. Юга-Шиманьской (2014. S. 51–58. Tab. IX–XIV), или типу 1, по В. И. Кулакову (2003. Рис. 94). Получили широкое распространение в европейских культурах с бронзового века (см.: *Hejnowski*, 2014. S. 58, 59. Tab. 3.1–3.2). Посоховидные булавки наиболее многочисленны на могильниках Калининградского п-ова и встречаются как в древностях эпохи римских влияний, так и раннего Средневековья (52 экземпляра, 64 % от общего числа).

³ Абсолютные даты приводимых в статье периодов (около) (по: *Хомякова*, 2012. С. 255–257. Рис. 1; *Казанский и др.*, 2018. С. 7): A3/B1 (0–50 гг.), B2 (70/80 – 150 гг.), B2/C1 (150–200/225), C1 (200/225–250 гг.), C2 (250/250–310/320 гг.), C3 (310/320–375 гг.), D1 (350/360–375/400 гг.), D2 (375/400–430 гг.), D3/E1 (450–520 гг.), E (520–650/675 гг.), F (650/675–750 гг.).

Наиболее ранняя самбийско-натангийская посоховидная булавка принадлежит типу со слегка отогнутым окончанием (рис. 1: л; 2: 9) и найдена в составе убора из комплекса Альтхоф-12, относящегося к фазе В2. Булавка находит массу аналогий на памятниках Мазурского Поозерья (см. вариант В I по: *Juga-Szymanska*, 2014. Р. 62, 65. Fig. 32, 35). Такие булавки на Калининградском п-ове редки (всего 3 экз.), но, вероятно, встречаются в погребениях на протяжении длительного времени. Булавка с отогнутым окончанием петли известна в материалах могильника Митино, погр. 293, относящегося к фазам Е-Ф (*Скворцов*, 2010. Таб. CDLVIII: 2). В самбийско-натангийских материалах присутствовали и булавки с завершим-петлей с отогнутым окончанием, закрученным в спираль (рис. 1: к). Однако они являются случайными находками (2 экз.), и связать их с женским убором невозможно.

Большинство посоховидных булавок (31 экз., 37 % от общего числа) представлено экземплярами с завершим в форме простой петли (вариант VIII по: *Juga-Szymanska*, 2014. Tab. XIII–XIV) (рис. 1: и, к; 2: 6, 8). В Литве типологически близкие им экземпляры известны в комплексах III–V вв. (*Lietuvos TSR archeologijos atlasas*, 1978. Map. 44; *Michelbertas*, 1986. Р. 130–131. Pav. 46: I). В составе женских уборов представлены в западнолитовских могильниках, например: Жвиляй (*Vaitkunskienė*, 1999. Pav. 31: I; 45: 5), Лаздининкяй (*Bliujiene*, 2007. Pav. 202: I, 2). Отдельные предметы найдены на памятниках западно- и восточномазурской групп (*Bitner-Wróblewska*, 2007. Р. 55; *Juga-Szymanska*, 2014. Р. 32, 35, 38), где они датируются фазами В2/С1 – С1а, С2. Булавки с завершим в виде незамкнутой петли в эпоху римских влияний получили распространение и на более восточных территориях, в частности в ареале культуры штрихованной керамики (*Медведев*, 1996. Рис. 42). В ареале германских культур такие булавки присутствуют в уборе начиная с фазы В2 (*Beckmann*, 1966. Taf. 26. Karte 22). Эти украшения находят в женских погребениях вельбаркской культуры, например, на могильниках Пруц Гданьски 10 (см. погр. 432 по: *Piertzak*, 1997. S. 62. Taf. CXXIX: 431, 432), Аббау Тирберг/*Abbau-Thierberg*, Дитрихсвальде/*Dietrichswalde* (*Beckmann*, 1966. S. 38).

Наиболее ранний экземпляр с головкой в форме простой округлой петли в самбийско-натангийском ареале найден в комплексе Лендорф-С (рис. 2: б) фазы В2 вместе с «самбийской» ременной гарнитурой, профилированными браслетами, ожерельем и фибулами А.61 и А.72. Наибольшее количество таких булавок происходит из комплексов фазы С1, содержащих фибулы А.161–162 с тремя кнопками (*Almgren*, 1923. Taf. VII: 161, 162) и полукруглые пряжки. Встречаются и в эпоху Великого переселения народов. В комплексе Котельниково-8 фазы D1 такая булавка выявлена вместе с фибулой, близкой типу А.170 (рис. 2: 7). Булавки данного типа представлены на могильниках раннесредневековой культуры пруссов в комплексах фаз Е-Ф (*Скворцов*, 2010. С. 101, 102; *Казанский и др.*, 2018. С. 15. Рис. 13: 4–5). К ним принадлежит и экземпляр из погребения Суворово/*Zohpen-80* (см.: *Кулаков*, 2003. Рис. 94: I). С женским убором связана лишь булавка из комплекса Митино-341, относящегося к позднему V в. (рис. 4: 20–22). Посоховидные булавки в VI–VII вв. найдены в мужских и детских погребениях в сочетании с пластинчатой фибулой, пряжками с обоймицами (*Скворцов*, 2010. С. 88, 109. Табл. CLVII; CDXC; *Казанский и др.*, 2018. С. 112, 117. Табл. 79, 98).

В самбийско-натангийских древностях присутствуют и экземпляры с головкой, загнутой в кольцо, и окончанием проволоки, намотанным на стержень (тип С по: *Beckmann*, 1969. Abb. 1: с. Taf. 21). Все они (всего 11 экз., 13 %) найдены на могильниках Калининградского п-ова (рис. 1: ж). Экземпляр, происходящий из состава женского убора, найден на могильнике Большое Исаково (см. погр. 142А – по: *Скворцов*, 2003. Рис. 55; *Juga-Szymanska*, 2014. Р. 398, 399). Такие булавки также широко представлены в Восточной Балтии (см.: *Moora*, 1929. Taf. X: 5; 1938. S. 176). Но прежде всего они были характерны для инвентаря погребений III–V вв. на Мазурском Поозерье, например в Богачево-Кула-45 (*Okulicz*, 1958. Tab. I: 7, 10), и ряде погребений могильника Вышемборг (*Szymanski*, 2005. S. 28. Tab. VI: 2, 4, 5; XXIV: 2; XXV: 2). Экземпляры данного типа известны на территории Сувалькии на могильнике Нетта (см. погр. 142, 175 – по: *Bitner-Wróblewska*, 2007. Р. 37, 44. Pl. LXXIII: 142.1; LXXXVIII: 175.2).

В женском уборе, вероятно, представлены и булавки с навершием в виде замкнутого кольца (тип N по: *Beckmann*, 1969. Abb. 1: n), или «ясковка/*jaskowska*» по: *Juga-Szymanska*, 2014. Р. 171–173) (рис. 1: а) (всего 3 экз.). Экземпляр, связанный с женским убором, происходит из комплекса Грачёвка-5 фазы B2/C1.

Булавки с профилированным навершием и отверстием для держателя цепи (рис. 1: д, е; 2: 3–5) представляют собой профилированные изделия, заканчивающиеся головкой, у основания которой сбоку расположено небольшое ушко, выполняющее роль держателя цепи (т. н. тип *Scheibenkopfnadeln*). Выявленные в самбийско-натангийских погребениях экземпляры немногочисленны и относятся к типам H и L, по Б. Бекманну – с навершием в форме шляпки и бочонка (*Beckmann*, 1969. Abb. 1: h, l. Taf. 21; *Juga-Szymanska*, 2014. S. 112–114), или типу 4, по В. И. Кулакову (2003. Рис. 94). На Мазурском Поозерье они также не имели широкого распространения (*Nowakowski*, 1998. S. 45. Abb. 11: Kat. № 335, 465). Известны на могильниках Богачево-Кула (*Okulicz*, 1958. Tab. I: 4), Нетта (*Bitner-Wróblewska*, 2007. Р. 55), где они датируются фазами B2 – B2/C1. Основное количество профилированных булавок с держателем цепи происходит с территории Литвы (*Lietuvos TSR archeologijos atlasas*, 1978. Rav. 41), они также известны и в Латвии (*Moora*, 1929. Taf. XII), где относятся к раннеримскому времени. Наиболее поздние образцы таких булавок там встречаются и в III–IV вв. н. э. (*Michelbertas*, 1986. Rav. 43: 1, 2.s; 127).

Все булавки происходят из самбийско-натангийских комплексов фаз B2/C1 и B2/C1 – C1a с фибулами A.98 (*Almgren*, 1923. Taf. V: 98), прямоугольной пряжкой и бусами – золотостеклянными и полихромными с накладным декором в виде «глазков».

Булавки с профилированным навершием с имитацией кольцевого декора. Литая бронзовая булавка из погребения Доброе-277 (рис. 1: з; 2: 10) оканчивается головкой, представляющей блок, имитирующий набор рифленых провололочных колец с кнопкой. Близка к подгруппе VII (с т. н. насаженными головками) по типологии предметов с германских территорий (*Beckmann*, 1966. S. 34, 35. Taf. 3: VII), форме 107, которую характеризует навершие круглой формы, украшенное кольцевой гарнитурой и зернью. Подобные булавки изготавливались главным образом из драгоценных металлов и были распространены на территории Северной Германии и датских островах Балтийского моря (*Beckmann*,

1966. Karte 18). Такие булавки могли быть как сложносоставными, так и литыми (*Brøndsted*, 1963. S. 164. Abb. 164: a, b). Вместе с другими предметами североскандинавского филигранного стиля они известны с раннеримского периода, фазы В2 (*Andersson*, 1995. S. 104–106. Abb. 73–75).

Булавка из Доброго относится к кругу предметов, украшенных в стиле «кольцевого декора», в древностях культуры появляются в начале III в. н. э. (более подробно: *Khomiakova*, 2012. P. 155. Fig. 5: 6), и может быть имитацией наиболее поздних вариантов булавок подгруппы VIIb, формы 110 (*Beckmann*, 1966. S. 35. Taf. 4: VIIb-110. Karte 19), которые характеризуют наборные напершия, состоящие из круглых дисков тонкой жатой жести, напаянной фольги и накладных колец. В то же самое время булавки с головкой в виде профилированной кнопки, не имеющей кольцевого декора и его имитаций, используются и в женском уборе на вельбаркских памятниках (напр., погр. 24, 275 и др. мог. Веклице – см.: *Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn*, 2011. Pl. VIII: 4; CXVI: 84). Отдельные импорты таких булавок известны в восточной части территории Мазурского Поозерья (см. тип «веклице» по: *Juga-Szymanska*, 2014. S. 114, 115, 170, 171). В самбийско-натангийском ареале они пока неизвестны, но булавка из Доброго может быть проявлением перекрестного влияния северо- и центральноевропейских традиций использования булавок с профилированной головкой (см. также: *Hejnowski*, 2014. S. 129. Tab. 6.11.1).

К сожалению, комплекс, в котором находилась рассматриваемая булавка, был разрушен, и другие предметы-хроноиндикаторы в нем не обнаружены (см.: *Кулаков*, 2014. С. 238. Рис. 87), датировать данный предмет возможно по аналогии. В составе инвентаря погребений датских могильников Варпелев, Сквоггорде, Химлингойе возможные прототипы булавки находят в комплексах периода C1b – C2 (*Ethelberg*, 2000. S. 62–64. Fig. 56).

С некоторой долей вероятности к указанному типу можно отнести и экземпляр из комплекса Котельниково – «Urne 2» (рис. 2: 11), головка которого не сохранилась, но имеется игла длиной около 18 см. Контекст, в котором она найдена, наличие в комплексе уникальных импортных предметов (миниатюрные ножницы, цепочки) и фибул с особым видом кольцевого декора, имеющим аналогии в Северной Европе, позволяет делать такое предположение. Датировка комплекса – фаза C1 (C1b).

Булавки как элемент убора

Булавки содержат лишь около 5 % женских комплексов эпохи римских влияний. В погребениях с вооружением они единичны (см. табл. 1). При отсутствии антропологического источника принадлежность булавок к группе женских погребений определяет их встречаемость с деталями ожерелий и (редко) парность. В I–V вв. булавки характеризуют особый тип убора фемининной (женские) и фемининно-нейтральных (женские и детские погребения)⁴ групп

⁴ Подробно о выделении гендерных групп в самбийско-натангийской культуре по данным погребального инвентаря см.: *Хомякова*, 2020.

Таблица 1. Женский убор с булавками I–VIII вв.

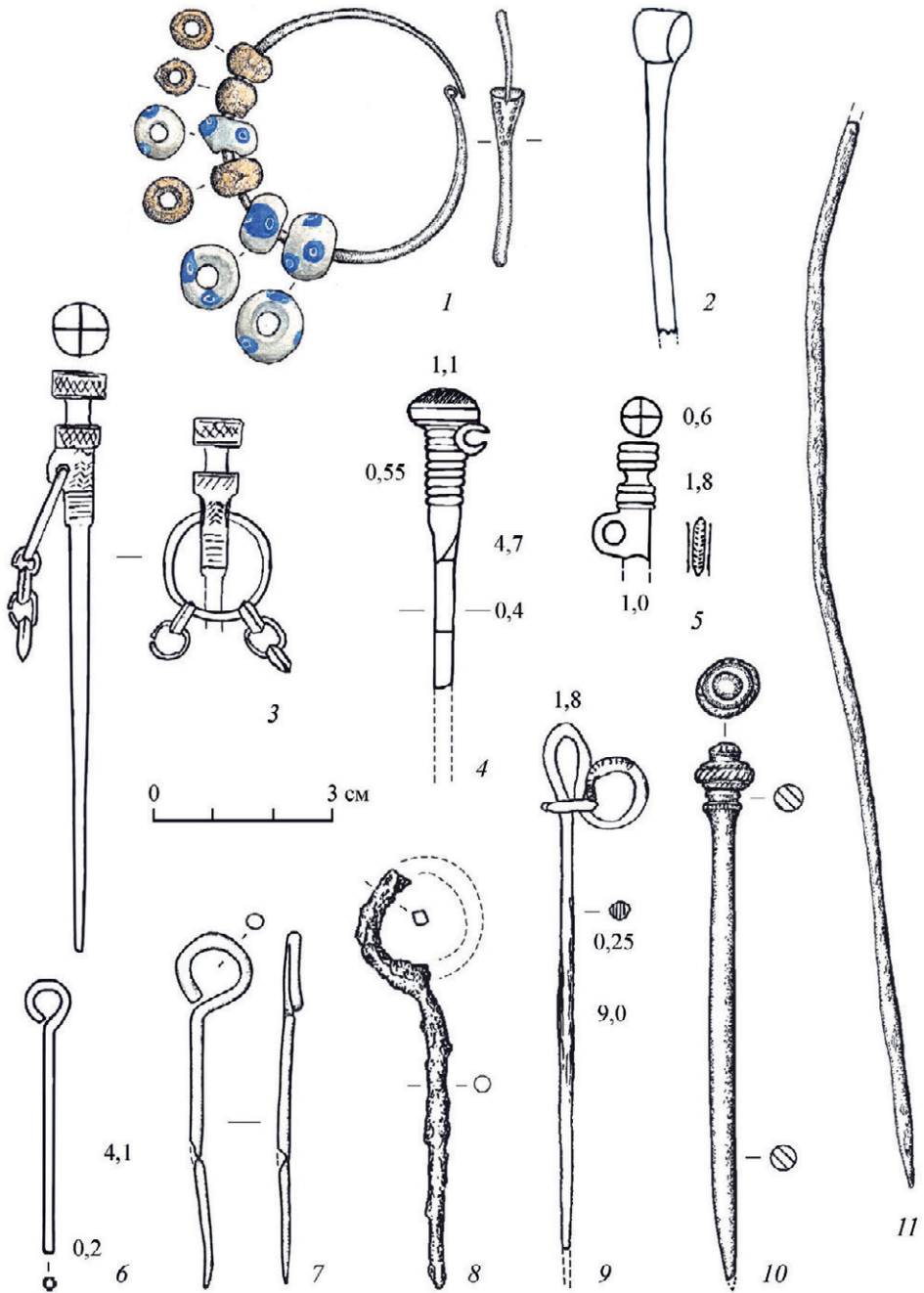
Погребение	Потребляемый обряд	Датировка	Гендер	Пол, возраст*	Группы предметов																		
					Подвески и пронызы	Стеклянные бусы	Булавки	Фигулы	Браслеты	Кольца	Янтарные бусы	Пряжки	Наконечники ремней	Детали головных уборов	Детали поясов	Гривна							
Митино-293	ТСБ	E-F	о	о				1															
Заостровье 1-31	ТСБ	E-F	о	о ребенок				1															
Митино-373	ТСБ	E-F	о	о				1															
Котельниково-13	ТСУ	C2	♀	-				1	2														
Большое Исаково-242	ТСУ	B2/C1	♂	-				1	1														
Заостровье 1-58	ТСБ + К	E-F	о♂	о ребенок				1															
Суворово-80	ТСБ	D3/E1-F	о	о				1															
Митино-323	ТСБ	E	о	о ребенок				1															
Альхоф-12	ТСУ	B2	о♀	-				1	1														
Красная Горка – б/н	ТСУ?	B2/C1-C1a	♀	-				3	15	2													
Альхоф-2/2a	ТСБ	B2/C1-C1a	♀	-				1	8	1													
Котельниково-8	ТСБ	D1	♀	-				1	1	1													
Большое Исаково-142A	ТСУ	C1	♀	-				11	12	1	2	1	1										
Большое Исаково-51	ТСУ	C1	♀	-				7	6	1	2	2	1									1	
Поваровка-A	ТСУ	B2	о	-				3	3	1												3	
																							ГРУППА 1

Окончание табл. 1

Погребение	Порядковый номер	Датировка	Пол, возраст*	Гендер	Подвески и пронызы	Стеклянные бусы	Булавки	Фигулы	Браслеты	Кольца	Янтарные бусы	Пряжки	Наконечники ремней	Детали головных уборов	Детали поясов	Гривна
Ровное-В	ТСУ	С1	–	♀	3	1	1	2	1	1	1	1	1			
Большое Исаково-79	ТСУ + К	С1	–	♀♂	1	4	1	2	1	1	1	1				1
Котельниково – «Угне 2»	ТСУ	С1	–	♀	23	5	1	4	1	1	1	1	1			
Летное-96 (Ви II 1)	ТСУ	С2	–	♀		1	2	2	2	2	2	2				
Лендорф-С	И	В2	–	♀	15	17	1	4	2	2	2	1		1	24	
Грачёвка-5	?	В2/С1	–	♀	5	20	1	4	1	1	1	1			15	
Митино-341с	ТСБ	Д3/Е1	♀35–49	♀	1	1	1	1	1	1	1	1				
Хрустальное-28	ТСУ	В2/С1	–	♀♂	1	2	1	1	1	1	1	1	1			
Митино-97	ТСБ+К	F	♂	♂	1	1	1	1	1	1	1	1				
Большое Исаково-91	ТСУ	С1	–	♂	1	1	1	1	1	1	1	1				1

ТСБ – трупосожжение безурное; ТСУ – трупосожжение урное; И – трупосожжение урное; К – конское захоронение; Гендер: ♂ – маскулинный; ♀ – маскулино-фемининный; ♂♀ – феминино-нейтральный; ♀ – феминино-нейтральный; ♀ – фемининный; ♂ – нейтральный. В таблице не представлены погребения, для которых состав инвентаря не установлен, и случайные находки

* – половозрастные определения по: *Добровольская, 2010; 2018.*

(табл.: *группа 1*). Фемининно-нейтральные погребения характеризует бесфибульный убор. Около половины фемининных погребений содержат одну-две фибулы (рис. 3: 4–7). Булавки редки в уборе с тремя-четырьмя фибулами и поясными наборами. Однако он характеризуется как «богатый» и происходит с могильников основных скоплений самбийско-натангийской культуры фаз В2, В2/С1 и С1 (рис. 4: 1–18). Убор с булавками содержит ожерелья из стеклянных бус и подвесок (рис. 3: 1–3).

В инвентаре комплексов раннесредневековой культуры пруссов VI–VIII вв. булавки чаще всего являются единственным предметом убора. В отличие от эпохи римских влияний, они характеризуют погребения нейтральной и маскулино-нейтральной групп, антропологически принадлежащих детям и (редко) мужчинам (см. табл.). Женский убор с единичной булавкой, фибулой, янтарной бусиной и поясом с пряжкой зафиксирован лишь в одном из наиболее ранних погребений раннесредневековой культуры пруссов рубежа фаз D3/E1 (рис. 4: 19–22).

Не вполне ясно на сегодняшний день место булавок в составе самбийско-натангийского и раннесредневекового убора, о котором можно судить лишь на основе аналогий с соседних территорий – все рассмотренные предметы происходили из погребений, совершенных по обряду кремации. В культурах Балтии эти предметы, как считается, служили для скалывания одежды. В женских погребениях они, как правило, были парными (*Okulicz*, 1958. Tab. I; *Michelbertas*, 1986. S. 124–132; *Szymanski*, 2005. S. 28). На могильнике Швайцария в труположении погр. 1 кургана X пара булавок находится в районе грудины одна над другой (*Jaskanis*, 2013. Pl. XVI), в погр. 2 кургана XX с ажурными звеньями и цепью – под нижней челюстью над ключицами (*Ibid.* S. 140. Rys. 14). Отмечается, что расположение булавок на груди, возле плеч, в районе шеи рядом с ожерельем или в скоплениях объектов рядом с головой (но, правда, без учета пола и гендерной принадлежности) характерно и для могильников Нижнего Понеманья и Западной Литвы (*Juga-Szymanska*, 2014. S. 204). Булавки данных типов в самбийско-натангийской культуре могли быть импортами и использоваться аналогичным образом. Так, к профилированным булавкам с одного из могильников прегольской группы в районе Красной Горки (рис. 3: 1–3) крепилась двойная цепь длиной около 46–48 см. Вместе с нагрудным украшением выявлены около 15 одноцветных стеклянных бус и пронизи. Профилированная булавка из комплекса Альтхоф-2/2а единичная, но вместе с ней также найдено около 10 бус и пронизей. В целом, для самбийско-натангийского убора нагрудные украшения

Рис. 2 (с. 272). Булавки из женских погребений самбийско-натангийской культуры

1 – Поваровка-А; 2 – Ровное-В; 3 – Красная Горка – б/н; 4 – Хрустальное-28; 5 – Альтхоф – 2/2а; 6 – Лендорф-С; 7 – Котельниково-8; 8 – Большое Исаково-51; 9 – Альтхоф-12; 10 – Доброе-277; 11 – Котельниково – «Urne 2»

1, 7, 11 – по: Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin; 2 – по: *Juga-Szymanska*, 2014. Tab. XLI: 4; 3 – по архиву Ф. Якобсона; 4–6, 9 – по архиву Г. Янкуна; 8 – по: *Skvorzov*, 2007. Taf. 63: 10; 10 – по: Калининградский государственный областной музей / I № 16305.42, рис. О. Хомяковой

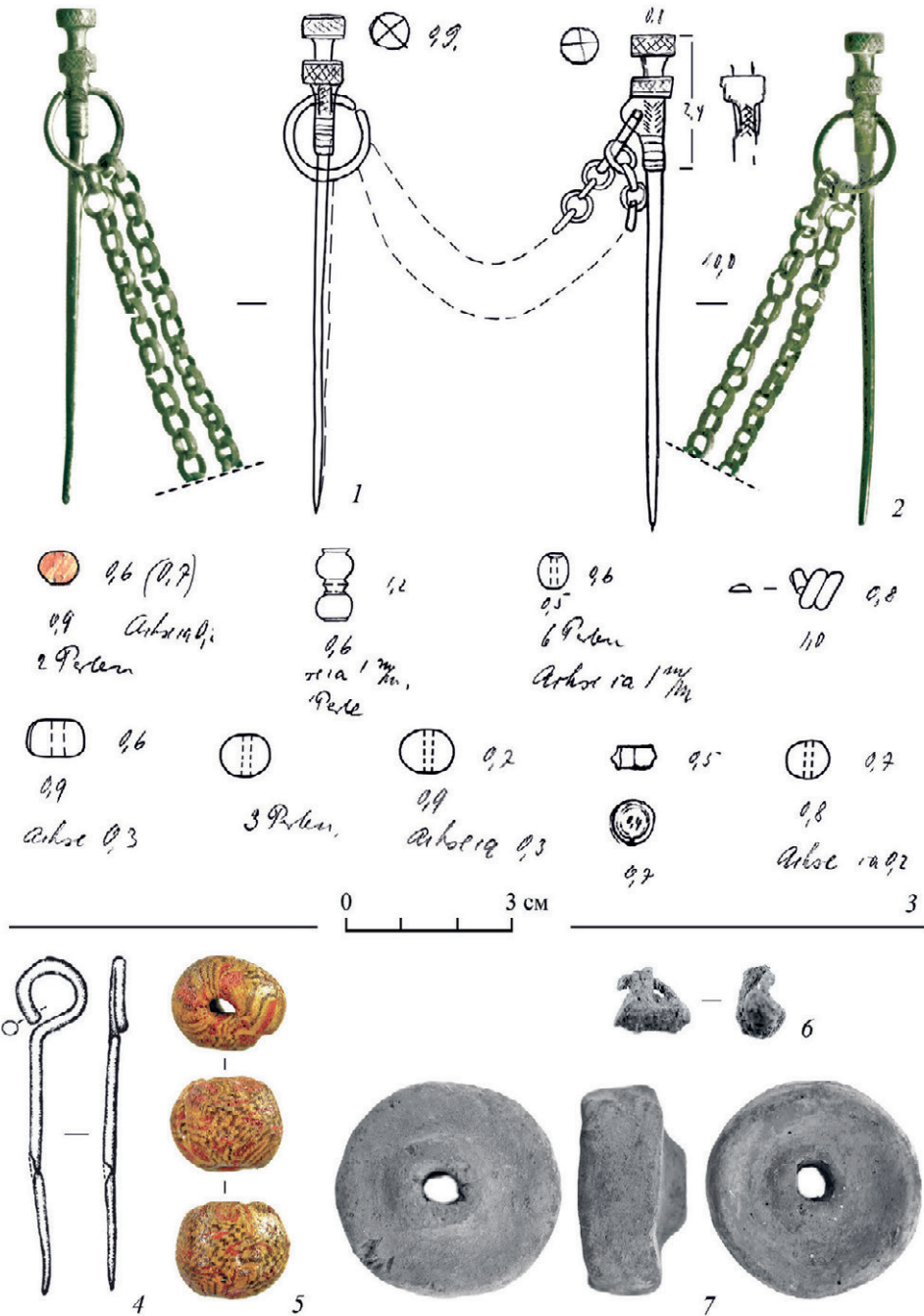

Рис. 3. Женские погребения с булавками

1-3 – Красная Горка – б/н; 4-7 – Котельниково-8

1-3 – по архиву Г. Янкуна; 4-7 – по: Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin, рис. и фото О. Хомяковой

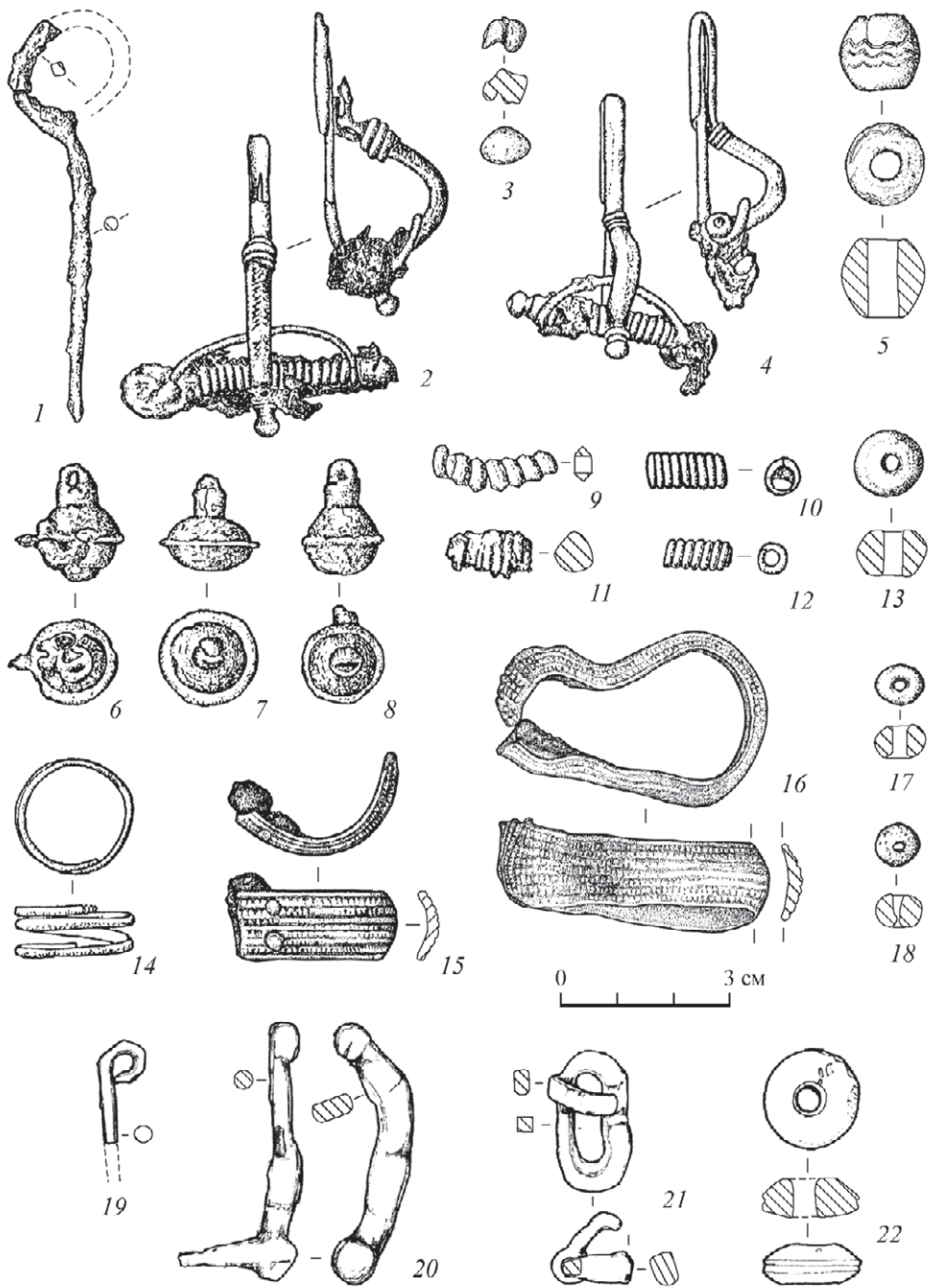

Рис. 4. Женские погребения с булавками

1-18 – Большое Исаково-51; 19-22 – Митино-341

1-14, 17, 18 – по: Skvorzov, 2007. Taf. 63 с изменениями; 15, 16 – по: Калининградский государственный областной музей, рис. О. Хомяковой; 19-22 – по: Скворцов, 2010. Табл. DLXXIX с изменениями

с цепедержателями нехарактерны и встречаются в виде исключений (например, Пригоркино/*Carben*, погр. 6, Грачевка/*Craam*, погр. б/н (Архив Герберта Янкуна).

В комплексах основных скоплений памятников самбийско-нотангийской культуры на Калининградском п-ове булавки найдены всегда по одной. Возможно, они могли использоваться в уборе и подобно культурам германского круга, где единичные булавки могли быть элементом прически (так называемого свежского узла) (см., напр.: *Beckmann*, 1966. S. 7, 8; *Leineweber*, 1997. S. 123, 124) или головного убора (типа платка). На это могут указывать аналогии в соседних вельбаркских могильниках. Ряд булавок в форме иглы и с профилированным навершием (см.: *Heynowski*, 2014. S. 39, 134 – там литература) находят на черепе в труположениях взрослых женщин начиная с фазы В1 (см. погр. 79, 98, 104 могильника Пруц Гданьски 10 по: *Piertzak*, 1997. Taf. XXIII: 2; XXVIII: 1; XXXII: 3).

Булавки, подобные самбийско-нотангийским экземпляру с профилированным навершием и имитацией кольцевого декора из погр. 277 могильника Доброе (рис. 2: 10), в труположениях с Северной Европы представляли собой элемент прически (*Ethelberg*, 2000. Fig. 55). Возможно, близка данному типу и фрагментированная булавка с длинной иглой из комплекса Котельниково – «Urne 2» (рис. 2: 11). Рассматриваемые изделия могли предназначаться не для скалывания одежды. Похожим образом могут быть интерпретированы и костяные булавки из самбийско-нотангийских комплексов фазы В2/С1 – С1а (см. погр. 214, 241 мог. Алейка 3 по: *Скворцов*, 2006). На памятниках вельбаркской культуры костяные булавки также находят на черепе (см. Веклице, погр. 268 по: *Natuniewicz-Sekula, Okulicz-Kozaryn*, 2011. Pl. CXV).

Отдельного внимания заслуживает свернутая в кольцо булавка с листовидным навершием из комплекса Поваровка-А, на которую надеты стеклянные и янтарные бусы (рис. 2: 1). Возможно, имеется дело со вторичным использованием предмета. Украшение могло имитировать кольцевидные подвески типа 16, по Х. Бекманн (*Beckman*, 1969. S. 34. Abb. 6: 215), с надетыми на них бусами, которые в древностях самбийско-нотангийской, вельбаркской и судавской культур использовались как элемент ожерелий на фазах С2 и С2 – D (*Jaskanis*, 1996. S. 66. Taf. LXV: 3; *Bitner-Wróblewska*, 2007. Pl. V: 5). Такая подвеска привязывалась к шнуру с двух сторон (как в комплексе Веклице-150, где на нем сохранились остатки нити (см.: *Natuniewicz-Sekula, Okulicz-Kozaryn*, 2011. Pl. LVII–LVIII).

Возможно, подобно вельбарскому, в самбийско-нотангийском уборе использовались и посоховидные булавки, обнаруженные в составе комплексов, имеющих массу аналогий в восточногерманских древностях. В близких по набору инвентаря женских погребениях вельбаркской культуры (с поясом с пряжкой, двумя и более фибулами, браслетами и единичной булавкой) (см. рис. 4: 1–18) посоховидные булавки располагались в районе груди и пояса (напр., Веклице-261 по: *Natuniewicz-Sekula, Okulicz-Kozaryn*, 2011. Pl. CX: 3). Подобный набор происходит из комплексов Лендорф-С и Грачевка-5 фаз В2 и В2/С1, Большого Исаково-51 фазы С1 (рис. 4: 1–18). Сочетание булавки и фибулы с единичными бусами и подвесками характерно для комплексов позднегерманского периода и эпохи Великого переселения народов (рис. 3: 4–7). Такой вариант убора, вероятно, сохраняется до рубежа V–VI вв. (рис. 4: 20–22).

Выводы

Булавки – не типичный для древностей могильников Калининградского п-ова элемент убора. Большая их часть могла быть импортами с территорий соседних племен.

Элементом женского убора булавки были только на этапе самбийско-натангийской культуры. В I–V вв. булавки встречаются в около 5 % погребений с женским убором, разновидности которого характеризуют и фемининно-нейтральные погребения (детей, подростков). В эпоху римских влияний в уборе использовались булавки всех известных в местных древностях типов (табл.; рис. 1). Чаще всего в комплексах находят *посоховидные* изделия (рис. 1: *ж–и*), которые начиная с фазы B2 присутствуют в женском уборе на протяжении достаточно длительного периода – до рубежа фаз D3/E1. Булавки с *профилированным навершием* с отверстием для держателей цепей известны только в комплексах фазы B2/C1 – C1a (рис. 1: *д*) и представляли собой импорты с литовских территорий – основного ареала распространения изделий данного типа. Изделия с *листовидным навершием* (рис. 1: *б*) встречаются в поздне-римское время на фазах C1 и C2 – D. В самбийско-натангийской культуре они имеют более поздние, чем на территории Мазурии, датировки. Вместе с ними находят украшения, имеющие аналогии в Западной Литве и на восточногерманских территориях. Наконец, *булавки с головкой, имитирующей кольцевой декор* (рис. 1: *з*), из «богатого» убора фазы C1 находят аналогии на территории круга германских культур.

Таким образом, круг влияний на формирование корпуса находок булавок в самбийско-натангийском ареале был шире, чем считалось, не ограничиваясь исключительно Мазурским Поозерьем. Погребения с булавками из материалов могильников Калининградского п-ова характеризует инвентарь, указывающий на межкультурные контакты с восточногерманскими (монеты, ларцы, детали шкатулок) и западнолитовскими (украшения, детали одежды) племенами. Вектор влияний с Мазурского Поозерья прослеживается преимущественно на памятниках прегольской группы.

В отличие от других культур западнобалтского круга эпохи римских влияний традиция использования булавок в самбийско-натангийском женском уборе не получила широкого распространения. Вероятно, это связано с особенностями его региональной модели. Сформировавшись на Калининградском п-ове, который в эпоху римских влияний был зоной интенсивных контактов, она была ориентирована на восточногерманскую (вельбаркскую) и североевропейскую модели убора. Булавки в силу своей малочисленности, вероятно, не имели какого-то определенного места в уборе костюма и могли использоваться по-разному: не только как элемент одежды, но и как элемент прически, головного убора, быть скрученными на манер подвески в составе ожерелий. В женском уборе они присутствуют до рубежа фаз D3/E1. После этого его модель меняется вместе с изменениями в социальной структуре и трансформацией материальной культуры в раннесредневековую культуру пруссов. В VI–VIII вв. булавки встречаются только в качестве предмета инвентаря детских и (редко) мужских захоронений.

ЛИТЕРАТУРА

- Архив Герберга Янкуна (Scientific archives of Herbert Jahnkuhn) // Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf in Schleswig.
- Добровольская М. В.*, 2010. Результаты антропологического анализа материалов, происходящих из погребальных комплексов могильника Митино // *Скворцов К. Н.* Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область): материалы исследований 2008 г. Ч. 1. М.; Тверь: Тверская обл. тип. С. 199–217. (Материалы охранных археологических исследований; т. 15.)
- Добровольская М. В.*, 2018. Кремации из погребений могильника Заостровье-1 // *Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Скворцов К. Н.* Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН. С. 249–260. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 22.)
- Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Скворцов К. Н.*, 2018. Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН. 312 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 22.)
- Кулаков В. И.*, 2003. История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик. 402 с. (Prussia Antiqua; т. 1.)
- Кулаков В. И.*, 2014. Hünenberg – «Гора Великанов». Могильник III–IV вв. на севере Самбии // Swiatowit. Supplement series B. Barbaricum. 10. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. P. 199–363.
- Медведев А. М.*, 1996. Беларуское Понеманье в раннем железном веке (1 тысячелетие до н. э. – 5 в. н. э.). Минск. 200 с.
- Скворцов К. Н.*, 2003. Отчет по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Большое Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией // Архив ИА РАН. Р-1. № 25795.
- Скворцов К. Н.*, 2006. Отчет о раскопках грунтового могильника Алейка-3 (Зеленоградский район Калининградской области) третьим отрядом Самбийской археологической экспедиции в 2006 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 26850.
- Скворцов К. Н.*, 2010. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). М.: ИА РАН. Т. 1. 302 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 15.)
- Хомякова О. А.*, 2007. Комплекс украшений из могильника Большое Исаково-Lauth // РА. № 3. С. 69–75.
- Хомякова О. А.*, 2012. Хронология компонентов женского убора самбийско-натангийской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3: сб. ст. / Под ред. А. М. Воронцова, И. О. Гавритухина. Тула: Куликово поле. С. 255–280.
- Хомякова О. А.*, 2020. Женские погребения Юго-Восточной Прибалтики I–VIII вв. // РА. № 1. С. 90–106.
- Almgren O.*, 1923. Studien über die nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung derprovinzialrömischen und südrussischen Formen (Mannus-Bibliothek; 32). Leipzig: Habelt. 254 S.
- Andersson K.*, 1995. Romartida guldsmede i Norden. Övriga smycken, teknisk analys och verkstadsgrupper (Roman period gold jewellery in the Nordic countries. Other objects, technical analysis and workshop groups) // Aun. Bd. 21. Uppsala: Uppsala University. 243 S.
- Beckmann B.*, 1966. Studien über die Metallnadeln der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Eine Untersuchung ihrer Formen, Zeitstellung und Verbreitung // Saalburg Jahrbuch. Bd. 23. Berlin. S. 5–100.
- Beckmann B.*, 1969. Die Baltischen Metallnadeln Der Romiscen Kaiserzeit // Saalburg Jahrbuch. Bd. 26. Berlin. S. 107–119.
- Bitner-Wróblewska A.*, 2007. Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. Warszawa: Pánstwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. 325 p. (Monumenta archaeologica barbarica; t. XII.)
- Bliujiene A.*, 2007. Lietuvos priešistorės gintaras. Vilnus: Versus Aureus. 559 p.
- Brøndsted J.*, 1963. Nordische Vorzeit. Bd. 3: Eisenzeit in Dänemark. Neumünster: Wachholtz. 460 S.
- Ethelberg P.*, 2000. Skovgårde. Ein Bestattungsplatz mit reichen Frauengräbern des S. Jhs. n. Chr. auf Seeland Per Ethelberg Mit Beiträgen. København: Det Kongelige Nordiske oldskriftselskab. 448 p. (Nordiske fortidsminder. Serie B; t. 19.)

- Gaerte W.*, 1929. Urgerchichte Ostpreussens. Königsberg: Gräfe und Unzer. 406 S.
- Heynowski R.*, 2014. Nadeln: Erkennen – Bestimmen – Beschreiben. Berlin; München: Deutscher Kunstverlag. 168 S. (Bestimmungsbuch Archäologie; Bd. 3.)
- Jaskanis J.*, 1996. Cecele. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. 226 S. (Monumenta archaeologica barbarica; t. II.)
- Jaskanis J.*, 2013. Szwajcaria. Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w północno-wschodniej Polsce. Warszawa: SNAP. 325 p.
- Juga-Szymańska A.*, 2014. Kontakty Pojezierza Mazurskiego ze wschodnią strefą Bałtyku w okresie wpływów rzymskich na przykładzie szpil. Warszawa: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 504 p. (Seminarium Bałtyjskie; t. 3.)
- Khomiakova O.*, 2012. Sambian-Natangian Culture Ring Decoration style as an Example of Communication between Local Elites In Baltic Region in Late Roman Period // *Archaeologia Baltica*, Vol. 18 (II). Klaipėda. P. 147–166.
- Leineweber R.*, 1997. Die Altmark in spätrömischer Zeit. Halle: Landesmuseum für Vorgeschichte. 484, 55 S. (Veröffentlichungen des Landesamtes für Archäologie Sachsen-Anhalt, Landesmuseum für Vorgeschichte; Bd. 50.)
- Lietuvos TSR archeologijos atlasas. T. IV. I–XIII a. radiniai / Red. A. Tautavičius. Vilnius: Mokslas, 1978. 166 p.
- Michelbertas M.*, 1986. Senasis geležies amžius Lietuvoje I–IV a. Vilnius: Mokslas. 270 p.
- Moora H.*, 1929. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. I Teil. Die Funde. Tartu: Õpetatud Eesti Selts. 194 S. (Opetatud Eesti Seltsi Toimetised; XXV.)
- Moora H.*, 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II Teil. Analyse. Tartu: Õpetatud Eesti Selts. 748 S. (Opetatud Eesti Seltsi Toimetised; XXIX.)
- Natuniewicz-Sekula M., Okulicz-Kozaryn J.*, 2011. Weklice. A cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004). Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. 431p. (Monumenta archaeologica barbarica; t. XVII.)
- Nowakowski W.*, 1998. Die Funde Der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren. Berlin: Staatliche Museen. 186 p. (Museum für Vor- und Frühgeschichte. Bestandskataloge; 6.)
- Okulicz J.*, 1958. Cmentarzysko z okresu rzymskiego, odbyte w miejscowości Bogaczewo, na przysiółku Kula, pow. Giżycko // *Rocznik Olsztyński*. Bd. I. Olsztyn. S. 47–116.
- Okulicz J.*, 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu VI w. n. e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 588 p.
- Piertzak M.*, 1997. Pruszcz Gdański. Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und wielbark kultur in Ostpommern. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. 268 p. (Monumenta archaeologica barbarica; t. IV.)
- Skvorzov K.*, 2007. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol’šoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // *Offa*. Bd. 61/62 (2004/2005). S. 111–219.
- Stankus J.*, 1995. Bandužių kapinynas. Vilnius: Danelius. 156 p. (Lietuvos archeologija; t. 12.)
- Szymański P.*, 2005. Mikroregion osadniczy z okresu wpływów rzymskich w rejonie jeziora Sałęt na Pojezierzu Mazurskim. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. (Swiatowit. Supplement Series P. Prehistory and Middle Ages; 10.)
- Vaitkunskienė L.*, 1999. Žvilių Kapinynas. Vilnius: Lietuvos Istorijos Institutas. 247 p. (Lietuvos archeologija; t. 17.)

Сведения об авторе

Хомякова Ольга Алексеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: olga.homiakova@gmail.com

O. A. Khomyakova

PINS IN THE SAMBIAN-NATANGIAN CULTURE BASED
ON DATA OF THE FEMALE DRESS

Abstract. The paper examines the pins found in women's assemblages from cemeteries in the Kaliningrad Peninsula dating to 1st–8th centuries. The pins are analyzed as a marker of cultural links and an element of local population clothes.

Keywords: pins, Southern-eastern Baltics region, period of Roman influences, Migration Period and early medieval period, typology, chronology, women's clothes.

REFERENCES

- Archive of Herbert Jahnkuhn (Scientific archives of Herbert Jahnkuhn). *Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf in Schleswig*.
- Dobrovolskaya M. V., 2010. Rezul'taty antropologicheskogo analiza materialov, proiskhodyashchikh iz pogrebal'nykh iz pogrebal'nykh kompleksov mogil'nika Mitino [Results of anthropological analysis of materials originating from burial complexes of Mitino cemetery]. *Skvortsov K. N. Mogil'nik Mitino V–XIV vv. (Kaliningradskaya oblast'): materialy issledovaniy 2008 g. [Cemetery Mitino, V–XIV cc. (Kaliningrad region): materials of 2008 investigations.]*, 1. Moscow; Tver': Tverskaya oblastnaya tipografiya, pp. 199–217. (Materialy okhrannykh arkhеologicheskikh issledovaniy, 15.)
- Dobrovolskaya M. V., 2018. Krematsii iz pogrebeniy mogil'nika Zaostrov'ye-1 [Cremations from burials of cemetery Zaostrov'ye-1]. *Kazanskiy M. M., Zaltsman E. B., Skvortsov K. N. Rannesrednevekovyy mogil'nik Zaostrov'ye-1 v Severnoy Sambii [Early medieval cemetery Zaostrov'ye-1 in North Sambia]*. Moscow: IA RAN, pp. 249–260. (Materialy spasatel'nykh arkhеologicheskikh issledovaniy, 22.)
- Kazanskiy M. M., Zal'tsman E. B., Skvortsov K. N., 2018. Rannesrednevekovyy mogil'nik Zaostrov'ye-1 v Severnoy Sambii [Early medieval cemetery Zaostrov'ye-1 in Northern Sambia]. Moscow: IA RAN. 312 p. (Materialy spasatel'nykh arkhеologicheskikh issledovaniy, 22.)
- Khomyakova O. A., 2007. Kompleks zhenskikh ukrasheniy iz mogil'nika Bol'shoye Isakovo-Lauth [Complex of ornaments from a female burial at Bolshoe Isakovo-Lauth cemetery]. *RA*, 3, pp. 69–75.
- Khomyakova O. A., 2012. Khronologiya komponentov zhenskogo ubora sambiysko-natangiyskoy kul'tury [Chronology of components of woman's attire of Sambia-Natangian culture]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 3 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epoch of Roman influences and Migration period. Conference 3]*. A. M. Vorontsov, I. O. Gavritukhin, eds. Tula: Kulikovo pole, pp. 255–280.
- Khomyakova O. A., 2020. Zhenskiye pogrebeniya Yugo-Vostochnoy Pribaltiki I–III vv. [Female burials of the South-east Baltics of the 1st–8th centuries], *RA*, 1, pp. 90–106.
- Kulakov V. I., 2003. Istoriya Prussii do 1283 g. [History of Prussia before 1283]. Moscow: Indrik. 402 p. (Prussia Antiqua, 1.)
- Kulakov V. I., 2014. Hünenberg – «Gora Velikanov». Mogil'nik III–IV vv. na severe Sambii [Hünenberg – «Gora Velikanov». Cemetery of III–IV cc. in the north of Sambia]. *Swiatowit. Supplement series B. Barbaricum*, 10. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, pp. 199–363.
- Medvedev A. M., 1996. Belorusskoye Poneman'ye v rannem zheleznom veke (1 tysyacheletiyе do n. e. – 5 v. n. e.) [Neman region in Byelorussia in the Early Iron Age (1 millennium BC – 5th c. AD)]. Minsk. 200 p.
- Skvortsov K. N., 2003. Otchet po okhrannym raskopkam gruntovogo mogil'nika Laut-Bol'shoye Isakovo Sambiiysko-Natangiyskoy arkhеologicheskoy ekspeditsiyey [Report on rescue excavations of ground cemetery mogil'nika Laut-Bol'shoye Isakovo of Sambia-Natangian archaeological expedition]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Skvortsov K. N., 2006. Otchet o raskopkakh gruntovogo mogil'nika Aleyka-3 (Zelenogradskiy rayon Kaliningradskoy oblasti) tret'im otrayadom Sambiiyskoy arkhеologicheskoy ekspeditsii v 2006 godu

[Report on excavations of ground cemetery Aleyka-3 (Zelenograd district, Kaliningrad region) by the third group of Sambian archaeological expedition in 2006]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Skvortsov K. N., 2010. Mogil'nik Mitino V–XIV vv. (Kaliningradskaya oblast'): materialy issledovaniy 2008 g. [Cemetery Mitino, V–XIV cc. (Kaliningrad region): materials of 2008 investigations], 1. Moscow; Tver': Tverskaya oblastnaya tipografiya. 302 p. (Materialy okhrannykh arkhelogicheskikh issledovaniy, 15.)

About the author

Khomyakova Olga A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: olga.homiakova@gmail.com

Н. В. Сыщиков

УКРАШЕНИЯ ДНЕПРОВСКОГО КУЛЬТУРНОГО КРУГА НА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ЛИНИИ КРИВЦА В ВЕРХОВЬЯХ р. ВОРОНЕЖ

Резюме. В статье рассматривается проблема присутствия украшений 1-й группы днепровских раннесредневековых кладов (по О. А. Щегловой) на памятниках культурной линии Кривца в верховьях р. Воронеж. Целью публикации является привлечение наибольшего числа аналогий украшениям круга днепровских раннесредневековых кладов 1-й группы с поселения Кривец-4. Задачей является поиск украшений, сходных с теми, что были обнаружены на обозначенном памятнике. При работе с материалами был применен сравнительно-типологический метод. Результатом работы стало увеличение количества аналогий для украшений днепровского культурного круга, обнаруженных на памятнике Кривец-4. На основании обнаружения клада 1-й группы днепровских раннесредневековых кладов (по О. А. Щегловой) близ г. Острогжска было сделано предположение о возможности существования «моста» между раннеславянскими культурами Поднепровья и памятниками в верховьях р. Воронеж.

Ключевые слова: раннее Средневековье, колочинская культура, пеньковская культура, славяне, мордва, 1-я группа днепровских раннесредневековых кладов, фибула, браслет, поясная накладка, подвеска.

Раннее проникновение днепровского культурного элемента на территорию Окско-Донской равнины фиксируется поселенческими и погребальными памятниками, открытыми Б. А. Фоломеевым, С. И. Андреевым, А. М. Обломским и другими исследователями в ходе разведок и раскопок в верховьях р. Воронеж (рис. 1). В 2011 г. на основе обнаруженных материалов А. М. Обломским была выделена верхневоронежская группа памятников раннего Средневековья, датируемая V–VII вв. Помимо этого внутри указанной группы были выделены две культурные традиции: древности, показывающие связь с пеньковской культурой и, предположительно, памятниками типа Чертовецкого-Замятино, были

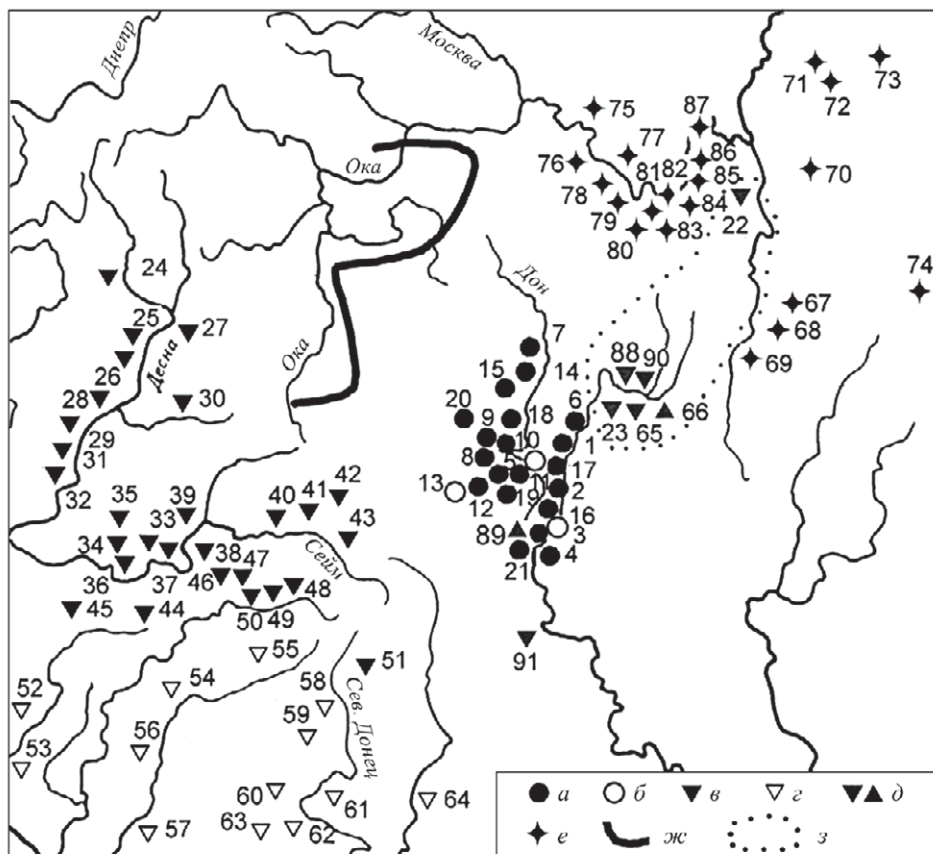
объединены в культурную линию Ярок, а памятники колочинской традиции – в линию Кривец (*Обломский*, 2012а. С. 198).

С культурной линией Ярок в настоящее время связываются следующие памятники: Ярок-5, Ярок-9, Стаево-4, Стаево-5, Красный Городок-4, Большая Кузьминка-4А, представляющие собой неукрепленные селища. Время появления носителей данной традиции в верхнем течении р. Воронеж оценивается не ранее второй половины V в. (*Обломский*, 2012а. С. 198; *Бирюков*, 2016. С. 43–49). Позднее на обозначенной территории появляются памятники типа Кривца, время существования которых, скорее всего, относится к VII в., хронология определена по серии украшений и поясных наборов, о которых речь пойдет далее. К культурной линии Кривца помимо эпонимного поселения Кривец-4 относятся Ярлуково, Новоникольское-8 и Коровий Брод, (*Обломский*, 2012а. С. 193). Исчезновение верхневоронежской группы во второй половине – конце VII в., по мнению А. М. Обломского, связано с войнами в обширном ареале Поднепровья, которые повлекли за собой общую смену культур от степной зоны до верховьев Днепра и Западной Двины (Там же. С. 199).

Материалы верхневоронежских памятников демонстрируют связь с раннеславянскими культурами Поднепровья V–VII вв. и представляют набор вещей, относящийся к 1-й группе днепровских раннесредневековых кладов. В 1990 г. О. А. Щегловой была опубликована работа, где клады, условно называемые «древностями антов», были разделены на две группы по составу основных категорий и типов вещей (*Щеглова*, 1990. С. 169–175).

В настоящее время к 1-й группе днепровских раннесредневековых кладов относятся комплексы из Мартыновки, Блажков, Малого Ржавца, Хацков, Смоудино, Мены, Нижней Сыроватки, Колосково, Углов, Цепляево Первого, Трубочевска, Суджи, Гапоново, Козиевки-Новой Одессы, Великих Будков, Валуек, Куриловки, Суджи-Замостья. Помимо перечисленных известны грабительские находки кладов, относящихся к данной группе. Состав кладов достаточно стабилен, в наиболее полной форме представлен в Мартыновском, Суджанском, Гапоновском, Козиевском, Новоодесском и Куриловском комплексах. Их набор сформировался к VII в. и включает детали парадного женского убора из бронзы и серебра, изделия из свинцово-оловянистых сплавов разного назначения, мужские наборные пояса, отдельные предметы вооружения и конской сбруи, некоторые уникальные вещи, назначение которых неизвестно (*Обломский*, 2012б. С. 11–13). Ювелирные изделия днепровского культурного круга наиболее широко представлены среди материалов линии Кривца.

Фибулы. С поселения Кривец-4 происходят две фрагментированные большие пальчатые фибулы (рис. 2: 1, 2). Обе находки представляют собой обломки нижних щитков с выступами по бокам, циркульным орнаментом и зооморфным окончанием ножек. Первый фрагмент был обнаружен первооткрывателем поселения С. И. Андреевым в 2005 г. (*Андреев, Филимонова*, 2008. Рис. 2: 11). Фрагмент второй фибулы был найден в ходе раскопок 2011 г. раннеславянской экспедиции РАН под руководством А. М. Обломского (*Обломский*, 2012а. Рис. 22: 3). Исходя из сохранности материала, можно предположить, что данные застежки относятся к группе фибул с каймой из птичьих голов (*Родинкова*, 2004. Рис. 1: 17–22, 41–43) или к днепровским пальчатым фибулам типа I.C (*Гавритухин*,

Рис. 1. Памятники V–VII вв. востока Днепровского Левобережья, Верхнего Подонья, бассейна Средней Оки (по: Обломский, 2012а; 2012б)

a – поселения типа Чертовицкое-Замятино; *б* – могильники типа Животинного; *в* – памятники колочинской культуры; *г* – памятники пеньковской культуры; *д* – исследованные раскопками раннесредневековые памятники и находки вещей круга кладов древностей антов в верховьях р. Воронеж; *е* – рязано-окские и древнемордовские могильники с комплексами V–VII вв.; *ж* – юго-восточная граница мощинской культуры; *з* – приблизительный ареал памятников с материалами колочинской культуры в Верхнем Подонье

Поселения типа Чертовицкое-Замятино и могильники круга Животинного (по А. М. Обломскому): 1 – Подгорное; 2 – Староживотинное-3; 3 – Чертовицкое-3; 4 – Чертовицкое-6; 5 – Замятино-1, 2, 4, 5, 7–10, 12, 13; 6 – Малый Липяг, Крутогорье; 7 – Перехваль; 8 – Каменка-1; 9 – Каменка-4; 10 – Каменка-5; 11 – Ксизово-16, 19, 19А; Острая Лука-4; 12 – Ксизово-8; 13 – Мухино-2; 14 – Лес Озерки; 15 – Коллектив; 16 – Животинное; 17 – Пекшево; 18 – Неvejeколодезное; 19 – Ксизово-17; 20 – Лавы; 21 – Шилово

Памятники колочинской культуры (по А. М. Обломскому): 24 – Смольянь; 25 – Мансурово; 26 – Усох; 27 – Хохлов Вир; 28 – Макча; 29 – Кветунь; 30 – Слободка; 31 – Случевск; 32 – устье р. Смячь; 33 – Чаплищи-3; 34 – Красное-4; 35 – Литвиновичи-3; 36 – Харьковка; 37 – Пески; 38 – Гапоново; 39 – Артюшково; 40 – Авдеево; 41 – Воробьевка-2; 42 – Каменево-2; 43 – Лебяжье-1; 44 – Б. Будки; 45 – Атрюховка; 46 – Казачья Локня (Замощанская дюна); 47 – Княжий; 48 – Картамышево – 1, 2, 3; 49 – Шмырёво-2; 50 – Гочево-3; 51 – Шишино-5

Обломский, 1996. С. 36, 37. Рис. 50: 2–6). По типологии А. И. Айбабина, фибулы днепровского круга относятся к I типу – с концентрическими кружками с точками и к типу III – с бордюром из птичьих головок (*Айбабин*, 1990. С. 22). Застежки указанных групп широко представлены в Восточной и Центральной Европе, но более всего распространены в лесостепном Поднепровье, где входят в состав днепровских раннесредневековых кладов 1-й группы, по О. А. Щегловой (*Щеглова*, 1990. С. 169–175), и в Крыму (*Айбабин*, 1990. Рис. 18: 2, 5; *Айбабин, Хайрединова*, 2008. Рис. 12: 40, 41).

Малая пальчатая фибула из Кривца (рис. 2: 3), по мнению А. М. Обломского, представляет собой упрощенный вариант больших днепровских застежек с некоторыми поздними признаками, к которым относится и циркулярный орнамент (*Обломский*, 2012а. С. 194). Аналогичная вещь найдена на поселении пеньковской культуры Сурская Забора у с. Волошское Днепропетровской обл. (*Корзухина*, 1996. Табл. 108: 1). Схожая по форме, но не орнаментированная фибула имеется среди случайных находок с Пастырского городища (Там же. Табл. 28: 7).

Браслеты. К проявлению днепровского культурного влияния можно отнести происходящие из Кривца фрагменты бронзовых браслетов с расширенными, округлыми в сечении концами, украшенными орнаментом в виде сетки и параллельных линий (рис. 2: 4, 5). По типологии В. Е. Родиновой, данные украшения относятся к типу II, подтипу орнаментированных (*Родинова, Седин*, 2004. С. 240). Как и в случае с фрагментами больших пальчатых фибул, обломки браслетов были обнаружены в ходе разведки С. И. Андреева 2005 г. и стационарных раскопок А. М. Обломского 2012 г.

В Поднепровье наиболее близкие аналогии находкам из Кривца представляют браслеты из городища Никодимово (Там же. Рис. 4: 3) и клада из Суджи-Замостья (*Родинова и др.*, 2018. Рис. 3: 2). Указанные памятники находятся в ареале колочинской археологической культуры. Браслеты, происходящие с указанных памятников, имеют фактически идентичную орнаментацию, состоящую так же, как и в случае с фрагментами браслетов из Кривца, из сетки, заключенной между параллельными линиями.

Памятники пеньковской культуры (по О. М. Приходнюку с дополнениями А. М. Обломского): 52 – Хитцы; 53 – Засулье; 54 – Бельск; 55 – Рябовка-3; 56 – Полузерье; 57 – Прогресс; 58 – Фески-3; 59 – Соколово; 60 – Занки; 61 – Задонецкое; 62 – Нижний Бишкинь-1; 63 – Сухая Гомольша; 64 – Яблоново

Раннесредневековые памятники и находки вещей в верховьях р. Воронеж (по С. И. Андрееву, Н. В. Филимоновой, А. М. Обломскому, В. Д. Березуцкому, П. М. Золотареву, Е. А. Куцеву): 22 – Коровий Брод; 23 – Ярлуково; 65 – Кривец; 66 – Красный Городок-2; 88 – Ярок-5; 89 – Воронеж; 90 – Стаево-4, 5, 5А; 91 – Острогужск

Рязано-окские и древнемордовские могильники с комплексами V–VII вв. (по И. Р. Ахмедову, В. И. Вихляеву, А. А. Беговаткину, О. В. Зеленцовой, В. Н. Шитову): 67 – Пановский; 68 – Елизавет-Михайловский; 69 – Крюково-Кужновский; 70 – Шокшинский; 71 – Личадеево; 72 – Стековский; 73 – Абрамовский; 74 – Тезиковский; 75 – Кузьминский; 76 – Борковский; 77 – Дубровичский; 78 – Кораблинский; 79 – Гавердовский; 80 – Заречье-4; 81 – Никитинский; 82 – Шатрищенский; 83 – Борок-2; 84 – Кулаковский; 85 – Ундрих; 86 – Тереховский; 87 – Курманский

Рис. 2. Предметы днепровского культурного круга, происходящие с поселения Кривец

1, 2 – фрагменты больших пальчатых фибул; 3 – малая пальчатая фибула; 4, 5 – фрагменты круглодротовых браслетов с расширяющимися концами; 6 – фрагмент браслета с зооморфным окончанием; 7 – серебряная поясная накладка; 8 – колоколовидная подвеска; 9 – монетовидная подвеска; 10 – подвеска, изготовленная из пронизи с выступающими валиками; 11 – бронзовая поясная накладка в виде геральдического щитка с отверстиями (по: Андреев, Филимонова, 2008; Обломский, 2012а; 2012б)

Особого внимания заслуживает аналогия перечисленным изделиям из погребения 7 Кузьминского могильника рязано-окской культуры (Ахмедов, 2016. Рис. 7: 8). Хотя на Средней Оке круглодротовые браслеты с расширяющимися концами появляются в V в., конкретно на рубеже периодов 3А и 3В (Белоцерковская, 2007. С. 146), данный образец вряд ли имеет отношение к местной традиции. Погребение 7 Кузьминского могильника содержит набор вещей, типичный для днепровских раннесредневековых кладов 1-й группы (по О. А. Щегловой). Погребение совершено по обряду кремации на стороне. Прах и сопровождающие вещи помещены в небольшую ямку и накрыты перевернутым сосудом. Помещение кремации в небольшую ямку является нетипичным для погребального обряда рязано-окской культуры. Почти все изученные регулярными раскопками кремации располагались в ямах обычных для рязано-окских ингумаций размеров, вещи не несли следов влияния огня. Прослеженный в погребении 7 Кузьминского могильника обряд совершенно не характерен для рязанских финнов (Ахмедов, 2016. С. 70, 71). Аналогии ему стоит искать на западе, а именно в ареале колочинской культуры, где погребения совершались по обряду кремации на стороне и останки помещались в небольшие грунтовые ямки. Тем не менее захоронения, сходные с кремацией из погребения 7 Кузьминского могильника, и для колочинских древностей представляют собой достаточно редкое явление, и встречены лишь в Новом Быхове и Нижней Тошице – всего 2 погребения (тип I вариант 6 по А. М. Обломскому).

Круглодротовые браслеты с утолщенными концами представлены среди восточноевропейских древностей со второй четверти I тыс. и переживают VIII в. (Горюнов, 1981. Рис. 12: 8, 9; Щеглова, 1999. С. 307). В период бытования памятников культурной линии Кривец (VII в.) они широко представлены в древностях Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. Подобные браслеты имеются в кладах из Малого Ржавца (Корзухина, 1996. Табл. 4: 1, 2), Мартыновки (Там же. Табл. 15: 1, 2), Козиевки (Там же. Табл. 50: 3, 4, 7), Мены (Там же. Табл. 77: 2, 3), Куриловки (Родинкова, 2010. Рис. 2: 2), а также в раннесредневековом погребальном комплексе в Мохначе (Родинкова, 2011. Рис. 1: 50, 52). Известны схожие изделия и за пределами днепровского региона и Среднего Поочья. Так, круглодротовый браслет с орнаментированными расширяющимися концами имеется среди мордовских древностей Елизавет-Михайловского могильника (Филимонова, 2009. Рис. 1: 4). Во всех перечисленных случаях общей является только форма браслетов, орнаментированы перечисленные экземпляры иначе, нежели браслеты из Кривца, Никодимово, Суджи-Замостья и Кузьминского могильника.

Помимо фрагментов круглодротовых браслетов с расширяющимися концами с поселения Кривец-4 происходит обломок браслета с сохранившимся зооморфным окончанием (рис. 2: 6). Для Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья данная категория находок представлена не так широко и присутствует в кладах из Козиевки (Корзухина, 1996. Табл. 49: 6; 51: 6, 10; 58: 1, 2), Колосково (Там же. 104: 1–5), Трубчевска (Приходнюк и др., 1996. Рис. 9: 8), Гапоново (Гавриутухин, Обломский, 1996. Рис. 22: 23) и Суджи-Замостья (Родинкова и др., 2018. Рис. 3: 3), а также среди инвентаря погребения 4 кочевнического могильника Рябовка-3 на Сумщине (Обломский, Терпиловский, 1993. Рис. 2: 7, 8).

Важным является то, что и круглодротовые браслеты с расширяющимися концами, и тонкодротовые со штампованными зооморфными окончаниями являются продуктом производства ювелиров лесостепного Поднепровья и днепровского Левобережья (Щеглова, 1999. С. 307). Исходя из соображений А. М. Обломского по поводу Кривца-4 как возможного центра ювелирного ремесла (Обломский, 2012а. С. 191), можно предположить, что обнаруженные там браслеты производились на месте. Также хотелось бы еще раз указать на тождественность орнаментам круглодротовых браслетов с расширенными концами из основного ареала колочинской культуры, Кузьминского могильника и обнаруженных в Кривце. Возможно, данный способ орнаментации является некой стилистической традицией, существовавшей у населения колочинской культуры.

Поясные накладки. Помимо пальчатых фибул на поселении была обнаружена серебряная накладка (рис. 2: 7), имеющая аналогии в Куриловском кладе (Родинкова, 2010. Рис. 6: 2–5). Кроме того, из Кривца происходит бронзовая поясная накладка в виде геральдического щитка с отверстиями (рис. 2: 8), аналогии ей имеются в Суджанском и Трубчевскомкладах (Корзухина, 1996. Табл. 70: 4; Приходнюк и др., 1996. Рис. 11: 4).

Подвески. С поселения Кривец-4 также происходит сильно поврежденная подвеска в виде конического колокольчика (рис. 2: 9). Колоколовидные подвески типичны для круга днепровских раннесредневековых кладов 1-й группы (по О. А. Щегловой), данную категорию находок содержат клады из Козиевки (Корзухина, 1996. Табл. 54: 1–11), Гапоново (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 22: 16–19), Куриловки (Родинкова, 2010. Рис. 5: 1–7) и Суджи-Замостья (Родинкова и др., 2018. Рис. 1: 4, 31–35), а также погребение из Смородино (Корзухина, 1996. Табл. 60: 8–11). Присутствует колоколовидная подвеска и в сборах С. И. Андреева с поселения Красный городок-2. Внешняя поверхность изделия орнаментирована четырьмя прочерченными линиями, которые сдвоены у внешнего края. Внутри подвески видны следы крепления язычка в виде железных окислов у основания (Андреев, Филимонова, 2008. С. 23. Рис. 2: 8). Помимо перечисленных параллельные аналогичные подвески встречаются в древностях среднеднепровской мордвы. Из погребения 82 Елизавет-Михайловского могильника происходят объемные подвески в виде колокольчиков, орнаментированных горизонтальной линией по корпусу (Филимонова, 2009. Рис. 1: 3), что сближает их с подвеской из Красного Горodka-2.

Помимо «колокольчика» с памятника происходит монетовидная подвеска с глазчатым орнаментом (рис. 2: 10). Хотя аналогий данному изделию мне найти не удалось, можно также причислить его к одному из проявлений днепровского влияния по причине популярности нанесения аналогичного орнамента на вещи, происходящие из указанной культурной среды.

Также в качестве подвески, по мнению А. М. Обломского, могла использоваться пронизь с выступающими валиками, в которой для подвешивания было сделано отверстие (рис. 2: 11). Данная пронизь относится к типу 2, по Я. В. Володарцу-Урбановичу, и находит аналогии среди материалов кладов из Козиевки (Корзухина, 1996. Табл. 56: 11, 16), Суджи (Там же. Табл. 69: 1–23) и Суджи-Замостья (Родинкова и др., 2018. Рис. 4: 27), а также с поселения Глинское 4 (Володарец-Урбанович, 2014. Рис. 6: 1). На поселении Бернашовка были обнаружены

формочки для отлива пронизей упомянутого типа (*Володарец-Урбанович*, 2014. Рис. 7: 1–3). В днепровском бассейне находки данной категории украшений концентрируются в верхнем и среднем течении Ворсклы и в верховьях Псла (Там же. С. 44).

В 2013 г. на высоком правом берегу р. Тихая Сосна (правый приток Дона), в 4,5 км северо-восточнее г. Острогжска, был обнаружен клад, содержащий вещи круга «древностей антов» 1-й группы (по А. О. Щегловой). В состав клада входят 32 предмета: 2 целые литые бронзовые пальчатые фибулы; 2 фрагмента литых бронзовых пальчатых фибул; 6 умбоновидных бронзовых подвесок; 1 сердцевидная бронзовая плоская подвеска; 11 бронзовых фрагментов цельнолитых браслетов; 9 стеклянных бусин; нижняя часть лепного глиняного сосуда, в который и были изначально положены перечисленные предметы. В сосуде, кроме того, находились мелкие фрагменты ткани, судя по структуре, возможно, шелковой. При обследовании места обнаружения клада следов поселения обнаружено не было (*Березуцкий и др.*, 2017. С. 131, 132). На данный момент это единственный клад 1-й группы (по О. А. Щегловой), обнаруженный в такой близости от ареала памятников верхневоронежской группы. Среди фибул Острогжского клада имеются образцы, близкие к фрагментам фибул из Кривца (Там же. Рис. 1: 1, 5), которые относятся соответственно к группе фибул с каймой из птичьих голов и днепровским фибулам типологической линии I (по И. О. Гавритухину). Для синхронных погребальных памятников Крыма известно парное использование застежек данных типов, например в захоронении 9 склепа 38 могильника Лучистое (*Айбабин*, 1990. Рис. VI). Обнаружение близ г. Острогжска клада, содержащего вещи круга «древностей антов» 1-й группы (по А. О. Щегловой), делает обоснованным поиск на Верхнем Дону групп раннеславянского населения, тесно связанного с пеньковской и колочинской культурами. Данная, еще не открытая, группа древностей по своей сути могла являться «мостом» между Верхневоронежской группой раннего Средневековья и раннеславянскими культурами Поднепровья.

На данный момент только памятники линии Кривец, а точнее, сам эпонимный памятник, дали нам наиболее представительную для верховьев Воронежа коллекцию древностей круга днепровских раннесредневековых кладов 1-й группы (по О. А. Щегловой). Культурная линия Ярка в плане ювелирного комплекса тяготеет к древностям Понтийского региона и демонстрирует лишь изредка проявления днепровского культурного влияния.

После угасания культурной линии Кривца есть некоторые основания искать его наследие в древностях среднеднестровской мордвы. К этой мысли подталкивают не только перечисленные случаи присутствия условно днепровских вещей в комплексе украшений из древнемордовских могильников Поценья, но и иные находки днепровского облика, о которых речь пойдет ниже.

Из погребения 121 Елизавет-Михайловского могильника происходит поясная накладка варианта 3б, по И. О. Гавритухину (*Гавритухин, Обломский*, 1996. Рис. 35: 3), имеющая сходство с прямоугольными ажурными поясными накладками Гапоновского, Мартыновского и Трубчевского кладов, а также с находками из Колосково (*Приходнюк и др.*, 1996. Рис. 14; *Гавритухин, Обломский*, 1996. Рис. 29: 10–15; *Скиба*, 2016. Рис. 41: 3). Знаменательно то, что данная накладка

отличается от перечисленных аналогов деталями на нижнем щитке, отсутствием валика, а также размерами и пропорциями, что указывает на ее изготовление местным мастером по днепровскому образцу (*Гавритухин, Обломский, 1996. С. 24, 25*).

Из Елизавет-Михайловского и Пановского могильников происходят две цельные двухчастные поясные накладки, принадлежащие варианту 2б, по И. О. Гавритухину (Там же. Рис. 35: 11, 17). Аналогией данным находкам может служить накладка из клада, обнаруженного близ с. Цепляево Первое (*Скиба, 2016. Рис. 34: 1*), расположенного в ареале пеньковской археологической культуры. Несмотря на достаточно широкое распространение, вариант 2б представлен сравнительно небольшим количеством находок, притом в Почежье подобных накладок больше, чем в других регионах. Помимо Цепляево Первое относительно близкий вариант поясной накладки происходит из Керчи (*Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 35: 13*). Данную находку И. О. Гавритухин отнес к варианту 2б лишь условно, в силу отсутствия других находок, более близких по пропорциям и орнаментации (Там же. С. 24).

Наконечник пояса с боковыми выступами (Там же. Рис. 45: 44) из погребения 4 Пановского могильника имеет широкие аналогии среди материалов Северного Причерноморья и Кавказа, но для нас наиболее важно, что параллели имеются и в Среднем Поднепровье среди материалов, происходящих из Гапоново, Суджи-Замостья, Майорки, Кагамлыка и Градижска (*Скиба, 2016. Рис. 51: 1–4, 6*). Орнамент, состоящий из двух линий и ряда неглубоких пропилов, создающих неширокое рифление в начале поясного наконечника, является нетипичным как для Кавказа и Северного Причерноморья, так и Среднего Поднепровья, но имеет аналогии среди материалов из Томниково и Ст. Бадиково. Очевидно, подобный способ орнаментации является отпечатком местной финно-угорской традиции.

Помимо поясного наконечника из погребения 4 Пановского могильника происходит з-образная накладка (*Филимонова, 2009. Рис. 1: 10*), которая имеет аналогии среди материалов Гапоново, Трубчевска, Гайдар, Козиевки, Градижска и Хацков (*Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 29: 6, 7; Скиба, 2016. Рис. 36: 1–7*). Однако, как и в случае с поясным наконечником из того же погребения, имеется орнамент, состоящий из двух линий ямочек в центральной части изделия, что говорит, скорее всего, о влиянии местной традиции орнаментации ювелирных изделий.

Трехрогая лунница с точечным орнаментом, обрамляющим ее по краю, из погребения 82 Елизавет-Михайловского могильника (*Филимонова, 2009. Рис. 1: 7*) имеет почти полные аналогии с лунницами из Козиевского клада (*Родинкова, 2003. Рис. 2: 4, 5*). Несмотря на то что в Поднепровье данный вид украшений не является распространенным и в большей степени представлен в Прибалтике и Прикамье, технологически (является пластинчатой, а не литой и орнаментирована ямочками по краю) лунница из Елизавет-Михайловки тяготеет именно к днепровскому региону, где подобные украшения являются, скорее всего, производными от более сложных импортных изделий (Там же. С. 13. Рис. 2: 1).

Вопрос наличия контактов между ранними славянами и древней мордвой начал подниматься еще на заре советской археологии. Одним из первых об этой

проблеме упомянул Ю. В. Готье в монографии 1930 г. «Железный век в Восточной Европе». По его мнению, существование подобного взаимодействия подтверждается присутствием небольшого количества трупосожжений на древнемордовских погребальных памятниках VII в. в среднем течении р. Цны (Готье, 1930. С. 152). Позднее данная тема нашла развитие в работе А. П. Смирнова «Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья» (1952). По его подсчетам, в Елизавет-Михайловском могильнике число сожжений составляет 17,5 %, в Крюковском-Кужновском – 16,5 % и в Пановском – 5,5 %. Покойник сжигался на стороне, кости тщательно очищались от остатков погребального костра, погребальная яма при этом не отличалась размерами от той, что использовалась при трупоположении. Сопровождающий инвентарь или укладывался кучей, или распределялся на месте сожженных костей в таком же порядке, как и при ингумации. То, что при сожжении старались сохранить обычный порядок, который существовал при трупоположении, по мнению А. П. Смирнова, заставляет видеть в кремации привнесенный извне погребальный обряд (Смирнов, 1952. С. 154).

Например, в могильниках рязано-окской культуры часть захоронений также производилась по обряду кремации на стороне с переносом остатков сожжения, очищенных от угля, в грунтовую яму тех же пропорций, что и яма, используемая при ингумации. Остатки кремации располагали либо небольшой кучкой в центре могильной ямы, либо рассыпали по всей поверхности дна. Поверх кальцинированных костей в порядке ношения помещали инвентарь, остатки трупосожжения завертывали в луб (Белоцерковская, Ахмедов, 2009. С. 283, 284). В отличие от бассейна Цны в ареале рязано-окской культуры имеются достоверно раннеславянские кремации, совершенные по обряду, типичному для колочинской культуры (Ахмедов, 2016. С. 70, 71). На Средней Оке мы не наблюдаем прямого заимствования атрибутики раннеславянского погребального обряда, что может говорить о двух вещах: либо мы имеем дело с переосмыслением чуждой формы погребальной обрядовости, либо наблюдаем возникновение нового явления из ритуальных практик, связанных с огнем. Например, для ананьинской культурно-исторической области раннего железного века одной из наиболее вероятных причин зарождения и распространения обряда кремации было развитие обычая сжигания или обжига погребального сооружения (Чижевский, 2008. С. 79). Но мы не можем отрицать вероятности того, что появлению обряда кремации в рязано-окской и древнемордовской культурах могли способствовать контакты с носителями соседних культур, у которых сожжение было основным погребальным обрядом.

Помимо археологических материалов о возможности наличия контактов древней мордвы с населением раннесредневековых славянских культур свидетельствуют данные лингвистики. По мнению В. В. Напольских, такие слова, как *rož* 'рожь', *rož ava* 'спорынья', *mastor* 'страна, земля', где *stor* восходит к праславянскому **storna* 'сторона, страна', являются ранними заимствованиями из балтославянских языков (Напольских, 2006. С. 5, 7, 11).

В контексте доказательства наличия ранних контактов славян и мордвы важным является балтославянское происхождение имени мордовского божества грома и молнии Пургине-паза (см. лит. *Перкунас* и слав. *Перун*). Если саамский

Перкел и финский Пиру – божества, явно заимствованные из балтославянской языковой среды, – претерпели инверсию и были наделены негативными качествами, то Пургине-паз избежал подобного переосмысления, сохранив положительную роль (Петрухин, 2006. С. 31, 32).

Таким образом, мы видим набор фактов, говорящих о возможности включения части колочинской населения культурной линии Кривца в формирующуюся общность среднеднепровской мордвы. Помимо данных археологии, представленных комплексом вещей днепровского происхождения и нетипичным для мордвы предыдущего периода обряда кремации, инокультурное происхождение которого, однако, маловероятно, в пользу инфильтрации носителей раннеславянской культурной традиции в древнемордовскую среду в период раннего Средневековья говорит наличие в мордовском языке заимствований, связанных со сферой земледелия, пришедших, по-видимому, из праславянского языка. Помимо этого явное балтославянское происхождение имеет имя мордовского громовержца Пургине-паза. Эти факты могут являться косвенным подтверждением инфильтрации части носителей славянской культурной традиции в древнемордовскую среду.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И.*, 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. 1 / Ред.-сост. А. И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 4–87.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.*, 2008. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 годов / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Деметра. 336 с. (Боспорские исследования. Supplementum 4.)
- Андреев С. И., Филимонова Н. В.*, 2008. Раннеславянские культуры в Тамбовской области // Верхнее Подонье: Археология. История: сб. ст. Вып. 3 / Ред. А. Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 18–24.
- Ахмедов И. Р.*, 2016. Византийские и славянские находки в рязано-окских древностях // Древности Поочья: сб. науч. работ к 60-летию В. В. Судакова / Сост.: А. А. Гомзин, В. И. Завьялов, И. Г. Кусова; отв. ред. А. О. Никитин. Рязань: Рязанское ист.-культ. о-во. С. 64–87.
- Белоцерковская И. В.*, 2007. Инвентарь женских захоронений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 186–212. (ПСМ; вып. 9.)
- Белоцерковская И. В., Ахмедов И. Р.*, 2009. Работы археологических экспедиций ГИМ на Оке: Некоторые итоги и перспективы изучения рязано-окских могильников III–VII вв. н. э. // Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 283–298.
- Березуцкий В. Д., Золотарев П. М., Куцев Е. А.*, 2017. Острогужский клад (последняя треть – конец VII в. н. э.) // РА. № 1. С. 131–140.
- Бирюков И. Е.*, 2016. Раскопки поселения Красный городок-4 на р. Польной Воронеж (Предварительная информация) // Тамбовская старина. Вып. 5 / Сост., ред. Ю. М. Галкина. Тамбов: Пролетарский светоч. С. 43–49.
- Володарець-Урбанович Я. В.*, 2014. Пронизки епохи раннього середньовіччя зі слов'янських пам'яток півдня Східної Європи // Археологія і давня історія України. Вып. 2 (13) / Гл. ред. С. А. Скорий. Київ. С. 37–49.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М.*, 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Отв. ред.: Г. Е. Афанасьев, И. П. Русконова. М.: ИА РАН. 296 с. (ПСМ; вып. 3.)
- Горюнов Е. А.*, 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука. 136 с.
- Готье Ю. В.*, 1930. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.: Гос. изд-во. 280 с.

- Корзухина Г. Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. Вып. V / Ред.-сост. А. И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 352–435.
- Напольских В. В., 2006. Балтославянский языковой компонент в нижнем Прикамье в середине I тыс. н. э. // Славяноведение. № 2. С. 3–19.
- Обломский А. М., 2012а. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья. Предварительные итоги исследования // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. Вып. 3 / Отв. ред. С. И. Андреев. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та. С. 172–229.
- Обломский А. М., 2012б. Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. н. э. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 10–33.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 1993. Новые погребения раннесредневековых кочевников на Сумщине // Кочевники урало-казахстанских степей / Отв. ред. А. Д. Таиров. Екатеринбург: УИФ «Наука». С. 167–172.
- Петрухин В. Я., 2006. Женитьба Громовержца. Балтийско-финские мифологические параллели и проблемы начальной этнической истории балтов, финнов и славян в Восточной Европе // Славяноведение. № 2. С. 31–36.
- Приходнюк О. М., Падин В. А., Тихонов Н. Г., 1996. Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев: Наукова думка. С. 79–101.
- Родинкова В. Е., 2003. Подвески-лунницы Козиевского клада (к постановке проблемы раннесредневековых лунниц) // КСИА. Вып. 215. С. 6–19.
- Родинкова В. Е., 2004. Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: докл. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб.: Петербургское востоковедение. С. 233–243. (Труды ИИМК РАН; т. 11.)
- Родинкова В. Е., 2010. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. № 4. С. 78–87.
- Родинкова В. Е., 2011. Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: материалы Школы молодых археологов (Кириллов, 3–12 сентября 2011 г.) / Отв. ред., сост. В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 239–365.
- Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А., Сычева С. А., 2018. Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации днепровских раннесредневековых кладов I группы // РА. № 2. С. 130–147.
- Родинкова В. Е., Седин А. А., 2004. Браслеты Никодимовского городища // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию В. В. Седова / Ред. Н. А. Макаров. М.: Наука. С. 234–247.
- Скиба А. В., 2016. Пояснi набори слов'ян: геральдичний стиль. Київ: ІА НАНУ. 236 с.
- Смирнов А. П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. М.: Изд-во АН СССР. 276 с. (МИА; № 28.)
- Филимонова Н. В., 2009. Контакты среднеднестровской мордвы со славянскими племенами // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4 / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Гриф и К. С. 45–52.
- Чижевский А. А., 2008. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках: Предананьинская и ананьинская культурно-исторические области. Казань: Школа. 172 с. (Археология евразийских степей; вып. 5.)
- Щеглова О. А., 1990. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья / Отв. ред. Р. В. Терпиловский. Курск: Курское областное отделение Всероссийского фонда культуры. С. 162–204.
- Щеглова О. А., 1999. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // SP. № 5. С. 287–312.

Сведения об авторе

Сыщиков Николай Валерьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: radhorst@mail.ru

N. V. Syshchikov

JEWELRY OF THE DNIEPER CULTURAL CIRCLE
AT THE EARLY MEDIEVAL SITES ALONG THE KRIVETS LINE
IN THE UPPER REACHES OF THE VORONEZH RIVER

Abstract. The issue explored in this paper deals with presence of jewelry referred to the 1st group of the Dnieper early medieval hoards after O. A. Shcheglova at the sites of the Krivets line in the upper reaches of the Voronezh river. The aim of this publication is to find as many analogies to the jewelry referred to the 1st group of the Dnieper early medieval hoards retrieved from the Krivets-4 settlement as possible. The task is to find jewelry pieces similar to those discovered at this site. A comparative-typological method was used, when examining the finds. The outcome of this analysis is an increased number of analogies to the jewelry of the Dnieper cultural circle discovered at Krivets-4. The discovery of a hoard referred to the 1st group of the Dnieper early medieval hoards after O. A. Shcheglova near the town of Ostrogozhsk suggested that, probably, there was a 'bridge' between the early Slav cultures of the Dnieper region and the sites in the upper reaches of the Voronezh river.

Keywords: early medieval period, Kolochin culture, Pen'kovka culture, Slavs, Mordvins, fibula, bracelet, belt mount, pendant.

REFERENCES

- Akhmedov I. R., 2016. Vizantiyskie i slavyanskije nakhodki v ryazano-okskikh drevnostyakh [Byzantine and Slavic finds in Ryazan'-Oka antiquities]. *Drevnosti Pooch'ya [Antiquities of Oka region]*. A. A. Gomzin, V. I. Zav'yalov, I. G. Kusova, comp., A. O. Nikitin, ed. Ryazan': Ryazanskoe istoriko-kul'turnoe obshchestvo, pp. 64–87.
- Andreyev S. I., Filimonova N. V., 2008. Ranneslavyanskiye kul'tury v Tambovskoy oblasti [Early Slavic cultures in Tambov region]. *Verkhneye Podon'ye: Arkheologiya. Istoriya [Upper Don region: Archaeology. History]*, 3. A. N. Naumov, ed. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 18–24.
- Aybabin A. I., 1990. Khronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni [Chronology of Crimean cemeteries of late Roman and early medieval time]. *MAIET*, 1, pp. 4–87.
- Aybabin A. I., Khayredinova E. A., 2008. Mogil'nik u sela Luchistoye [Cemetery near village Luchistoye], 1. Raskopki 1977, 1982–1984 godov [Excavations of 1977, 1982–1984]. V. N. Zin'ko, ed. Simferopol; Kerch': Demetra. 336 p. (Bosporskiye issledovaniya. Supplementum 4.)
- Belotserkovskaya I. V., 2007. Inventar' zhenskikh pogrebeniy [Grave goods of female burials]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. [Eastern Europe in mid I millennium AD]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 186–212. (RSM, 9.)
- Belotserkovskaya I. V., Akhmedov I. R., 2009. Raboty arkheologicheskikh ekspeditsiy GIM na Oke: Nekotoryye itogi i perspektivy izucheniya ryazano-okskikh mogil'nikov III–VII vv. n. e. [Works of GIM archaeological expeditions on Oka: Some results and perspectives of research of Ryazan' – Oka cemeteries of III–VII cc. AD]. *Arkheologicheskiye otkrytiya. 1991–2004 gg. Evropeyskaya Rossiya [Archaeological discoveries. 1991–2004. European Russia]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 283–298.
- Berezutskiy V. D., Zolotarev P. M., Kutsev E. A., 2017. Ostrogozhskiy klad (poslednyaya tret' – konets VII v. n. e.) [Ostrogozhskiy hoard (last third – end of VII c. AD)]. *RA*, 1, pp. 131–140.
- Biryukov I. E., 2016. Raskopki poseleniya Krasnyy gorodok-4 na r. Pol'noy Voronezh (Predvaritel'naya informatsiya) [Excavations of settlement Krasnyy gorodok-4 on river Pol'noy Voronezh (Preliminary information)]. *Tambovskaya starina [Tambov antiquity]*, 5. Yu. M. Galkina, ed., comp. Tambov: Proletarskiy svetoch, pp. 43–49.

- Chizhevskiy A. A., 2008. Pogrebal'nyye pamyatniki naseleniya Volgo-Kam'ya v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh: Predanan'inskaya i anan'inskaya kul'turno-istoricheskiye oblasti [Burial sites of population of Volga-Kama region in final Bronze Age – Early Iron Age: Pre-Anan'yino and Anan'yino cultural-historical entities]. Kazan': Shkola. 172 p. (Arkheologiya evraziyskikh stepey, 5.)
- Filimonova N. V., 2009. Kontakty srednetsnnskoj mordvy so slavyanskimi plemenami [Contacts of Middle Tsna Mordva with Slavic tribes]. *Verkhneye Podon'ye: Arkheologiya. Istoriya [Upper Don region: Archaeology. History]*, 4. A. N. Naumov, ed. Tula: Grif i K, pp. 45–52.
- Gavritukhin I. O., Oblomskiy A. M., 1996. Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst [Gaponovo hoard and its cultural historical context]. G. E. Afanas'yev, I. P. Ruskonova, eds. Moscow: IA RAN. 296 p. (RSM, 3.)
- Goryunov E. A., 1981. Ranniye etapy istorii slavyan Dneprovskogo Levoberezh'ya [Early stages of history of Slavs on the left bank of Dnieper region]. Leningrad: Nauka. 136 p.
- Got'ye Yu. V., 1930. Zheleznyy vek v Vostochnoy Evrope [Iron Age in Eastern Europe]. Moscow: Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo. 280 p.
- Korzukhina G. F., 1996. Klady i sluchaynyye nakhodki veshchey kruga «ehe Antes' antikiy» v Srednem Podneprov'ye [Hoards and stray finds of items of «ehe Antes' antiquities» circle in Middle Dnieper region]. *MAIET*, V, pp. 352–435.
- Napol'skikh V. V., 2006. Balto-slavyanskiy yazykovoy komponent v nizhnem Prikam'ye v seredine I tys. n. e. [Balto-Slavic linguistic component in Lower Kama region in mid I mill. AD]. *Slavyanovedeniye [Slavic studies]*, 2, pp. 3–19.
- Oblomskiy A. M., 2012a. Rannesrednevekoveye pamyatniki Verkhnego Podon'ya. Predvaritel'nye itogi issledovaniya [Early medieval sites of Upper Don region. Preliminary results of research]. *Tambovskie drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoy ravniny [Tambov antiquities. Archaeology of Oka-Don plain]*, 3. S. I. Andreyev, ed. Tambov: Tambovskiy gos. universitet im. G. R. Derzhavina, pp. 172–229.
- Oblomskiy A. M., 2012b. Struktura naseleniya lesostepnogo Podneprov'ya v VII v. n. e. [Population structure in forest-steppe of the Dnieper region in VII c. AD]. *Drevneyshiy gosudarstva Vostochnoy Evropy [Earliest states of Eastern Europe]*, 2010. *Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Preconditions and paths of formation of Ancient Russian state]*. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, pp. 10–33.
- Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 1993. Novyye pogrebeniya rannesrednevekovykh kochevnikov na Sumshchine [New burials of early medieval nomads in Sumy region]. *Kochevniki uralo-kazakhstanskikh stepey [Nomads of Ural-Kazakhstan steppes]*. A. D. Tairov, ed. Ekaterinburg: UIF Nauka, pp. 167–172.
- Petrukhin V. Ya., 2006. Zhenit'ba Gromoverzhtsa. Baltiysko-finskiye mifologicheskiye paralleli i problemy nachal'noy etnicheskoy istorii baltov, finnov i slavyan v Vostochnoy Evrope [Marriage of the Thunderer. Baltic-Finnish mythological parallels and problems of primary ethnic history of the Balts, the Finns and the Slavs in Eastern Europe]. *Slavyanovedeniye [Slavic studies]*, 2, pp. 31–36.
- Prikhodnyuk O. M., Padin V. A., Tikhonov N. G., 1996. Trubchevskiy klad antskogo vremeni [Trubchevsk hoard of the Ants time]. *Materialy I tys. n. e. po arkheologii i istorii Ukrainy i Vengrii [Materials of I mill. AD for archaeology and history of Ukraine and Hungary]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 79–101.
- Rodinkova V. E., 2003. Podveski-lunnitsy Koziyevskogo klada (k postanovke problemy rannesrednevekovykh lunnits) [Lunula-pendants from Koziyevskiy hoard (raising the problem of early medieval lunulae)]. *KSIA*, 215, pp. 6–19.
- Rodinkova V. E., 2004. Dneprovskiy fibuly s kaymoy iz ptich'ikh golov [Dnieper fibulae with a border of birds' heads]. *Kul'turnyye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'ye [Cultural transformations and mutual influences in Dnieper region in the end of Roman time and in early Middle Ages]*. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, pp. 233–243. (Trudy IIMK RAN, 11.)
- Rodinkova V. E., 2010. Kurilovskiy klad rannesrednevekovogo vremeni [The early medieval hoard from Kurilovka]. *RA*, 4, pp. 78–87.
- Rodinkova V. E., 2011. Zhenskiy kostyum dneprovskikh plemen v epokhu Velikogo pereseleniya narodov: sovremennoye sostoyaniye issledovaniya [Women's costume of Dnieper tribes in Migration period: contemporary state of research]. *Novye issledovaniya po arkheologii stran SNG i Baltii:*

materially Shkoly molodykh arkhologov [New studies on archaeology of CIS and Baltic countries: proceedings of Young archaeologists School]. V. E. Rodinkova, ed., comp. Moscow: IA RAN, pp. 239–365.

- Rodinkova V. E., Saprykina I. A., Sycheva S. A., 2018. Klad iz Sudzhi-Zamost'ya i problema sotsio-kul'turnoy interpretatsii dneprovskikh rannesrednevekovykh kladov I gruppy [Sudzha-Zamostye hoard and the problem of social and cultural interpretation of the Dnieper early medieval group I hoards]. *RA*, 2, pp. 130–147.
- Rodinkova V. E., Sedin A. A., 2004. Braslety Nikodimovskogo gorodishcha [Bracelets from Nikodimovskoye hillfort]. *Vostochnaya Evropa v Srednevekov'ye [Eastern Europe in Middle Ages]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, pp. 234–247.
- Shcheglova O. A., 1990. O dvukh gruppakh kladov «drevnostey antov» v Srednem Podneprov'ye [On two groups of hoards of «the Antes' antiquities» in Middle Dnieper region]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii Dneprovskogo Levoberezh'ya [Materials and investigations in archaeology of the Dnieper left bank region]*. R. V. Terpilovskiy, ed. Kursk: Kurskoye oblastnoye otdeleniye Vserossiyskogo fonda kul'tury, pp. 162–204.
- Shcheglova O. A., 1999. Zhenskiy ubor iz kladov «drevnostey antov»: gotskoye vliyaniye ili gotskoye naslediyе? [Women's attire from hoards of «the Antes' antiquities»: the Goths' influence of the Goths' heritage?]. *SP*, 5, pp. 287–312.
- Skiba A. V., 2016. Poyasni nabori slov'yan: geraldichniy stil' [Belt sets of the Slavs: heraldic style]. Kiev: IA NANU. 236 p.
- Smirnov A. P., 1952. Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov srednego Povolzh'ya i Prikam'ya [Essays on early and medieval history of peoples of the Middle Volga and Kama regions]. Moscow: AN SSSR. 276 p. (MIA, 28.)
- Volodarets'-Urbanovich Ya. V., 2014. Pronizki epokhi rann'ogo seredn'ovichchya zi slov'yanskikh pam'yatok pivdnyia Skhidnoy Evropi [Early medieval tubular beads from Slavic sites in the South of Eastern Europe]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini [Archaeology and early history of Ukraine]*, 2 (13). S. A. Skoriy, ed. Kiev, pp. 37–49.

About the author

Syshchikov Nikolay V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: radhorst@mail.ru

С. Янсоне

ВОЗМОЖНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА В ГРОБИНЯ – БАЛТСКОЕ ВЛИЯНИЕ И СКАНДИНАВСКИЙ СТИЛЬ

Резюме. При изучении развития костюма в разных странах, особенно в Европе, пока нет исследований, посвященных скандинавскому костюму Вендельской эпохи (во время которой в Гробиня была основана скандинавская колония). К сожалению, в это время в Скандинавии основным способом женских захоронений является кремация, в результате чего находки тканей являются редкостью, а прямые находки костюмов отсутствуют. Задача этой статьи – охарактеризовать возможные детали женского костюма, основываясь на находках из Гробиня, с острова Готланд и континентальной части Швеции, включая анализ возможного воздействия куршей на костюм в колонии в Гробиня. В то же время необходимо отметить, что эта реконструкция основана только на археологических находках и является гипотетической.

Ключевые слова: Балтика, Скандинавия, Готланд, костюм, археология.

В исторической и этнографической литературе костюм долгое время считался одним из показателей идентичности, выражая статус его владельца в обществе, а также, до некоторой степени, – принадлежность владельца к определенному народу или месту. Поэтому исследование ткани и одежды является одним из способов изучения условий жизни человека, а также, пусть и опосредованно, – общественных отношений (наличие импорта и т. д.). Я выбрала одно погребение в Гробиня (Латвия), чтобы показать, как предметы местного и внешнего происхождения объединялись в одном костюме.

Во второй половине периода Вендель скандинавские переселенцы поселились в землях Курониан (современное Курземе). В соответствии с до сих пор неоспоримой теорией они были шведами из центральной Швеции, колонистами из Мэлардален и Готланда (*Petrenko, Urtāns*, 2012. L. 10, 40, 63; *Griciuviene et al.*, 2009. L. 220). Скандинавы совершали погребения в близлежащих могильниках – на погребальной равнине Рудзукални, а также в курганах в Порани

и Приедиенес. Свидетельства сосуществования переселенцев и местных жителей ясно видны по археологическим материалам из могильников Приедиенес II и Рудзукални, где найден типично скандинавский погребальный инвентарь, включающий предметы воинского снаряжения (шлемы, мечи, наконечники копий, умбоны щитов и пр.), ювелирные изделия (фибулы коробковидные и со звериноголовыми окончаниями), костяные гребни и ключи (*Nerman, 1958; Bogucki, 2006. P. 97–99*). В то же время ближайшие могильники – Приедиенес I, Аткални I и II – имеют и типичный для земель Курониан погребальный инвентарь, хотя некоторые, возможно местные, погребения найдены также на поле погребений Приедиенес II (*Petrenko, Urtāns, 2012. L. 44*). Сосредоточимся на деталях одного из погребений могильника Рудзукални. К сожалению, в этот период в Гробиня, как на Готланде и в основной части Швеции, женщин кремировали, причем в Гробиня – обычно за пределами зоны погребений, что мешает составить полное представление о ювелирных украшениях и их расположении в могиле; этот тип погребений не отличается и сохранностью тканей.

Рассматривается погребение № III могильника Рудзукални в Гробиня. Там была похоронена богатая женщина, жившая в период среднего или позднего железного века. Погребение обнаружено в начале XX в. и оказалось раскопано непрофессионально. Захоронение по обряду трупосожжения заглублено примерно на 0,35 м. Форма близка к овалу: 0,5 м в длину и 0,4 м в ширину. Кроме пережженных костей и угля был найден обильный погребальный инвентарь: две ранние фибулы со звериноголовыми окончаниями, набор бронзовых цепей с цепедержателями (сходных с датскими клювовидными фибулами), коробковидная фибула, декоративная бронзовая булава, несколько бронзовых брактеатов, 8 или 9 браслетов (точное количество трудно определить, так как некоторые сломаны), бронзовые приспособления для нашивания на одежду (на наш взгляд, держатели бусин); несколько фрагментов бронзовых ключей, фрагменты бронзовой шейной гривны; бронзовые клещи, нож, а также множество стеклянных и несколько бронзовых бусин (*Nerman, 1958. P. 16, 17*).

Данный комплекс интересен не только своим богатством, но также и тем, что позволяет выявить местную основу и возможную попытку повторения скандинавских ювелирных приемов местными жителями (*Bogucki, 2006. P. 97*). Точная датировка погребения пока не установлена – она колеблется от VII до IX вв. (*Nerman, 1958; Gricuviene et al., 2009. P. 221*).

Если бусы относятся к типу R3c общескандинавского происхождения (*Hoiland-Nielsen, 1999. P. 173*), то фибулы со звериноголовыми окончаниями принадлежат скорее к типу G3c, имеющему больше параллелей в Южной Скандинавии. Все коробковидные фибулы, браслеты, бусинные разделители могут быть датированы VIII в., а декоративные булавки обнаруживают признаки более позднего времени. Готландские параллели для цепочного украшения с цепедержателем могут относиться к эпохе Великого переселения народов (*Rundkvist, 2003. P. 65*).

Местное влияние можно проследить по нескольким моментам: во-первых, по шейной гривне – крайне редкому украшению для Скандинавии (их известно около 7 для позднего железного века), но очень распространенному на землях Курониан (*Gricuviene et al., 2009. P. 91; Asaris et al., 2008. L. 83, 84*). Во-вторых, по количеству браслетов. На Готланде и в Дании типично не более двух пар

браслетов (*Nermann, 1958*), тогда как на землях Курониан наличие более чем двух пар браслетов – широко распространенное явление в богатых погребениях (*Griciuviene et al., 2009*). В-третьих, в Рудзукални очень редки находки булавок (всего 2), и типологически они не соответствуют современным булавкам, распространенным на Готланде и в Дании.

Далее переходим к характеристике одежды. Ответ на вопрос, что мы знаем об одежде Северной Европы в период позднего железного века, может быть выражен двумя словами: «крайне мало». Единственным способом узнать, что носили хотя бы одна женщина или один мужчина, было бы найти полный набор их одежды. Но даже при этом мы не смогли бы узнать, как одевались «обычные люди», потому что таковых не было. Поздний железный век охватывает более трехсот лет и большую географическую зону, так что резонно полагать, что, как и в последующие периоды, одежда менялась в зависимости от времени, географии и личных вкусов. Даже в таком маленьком местечке, как Гробиня, одна дама могла перещеголять другую в одежде, настолько она у них была непохожей.

Мы знаем, какие ткани использовались и из каких материалов они изготавливались, имеем образцы ткачества, имеем представление о нижних и верхних слоях одежды, но не знаем, как большинство предметов одежды выглядело. Разные исследователи высказывают свои предположения, основываясь на археологических находках, произведениях искусства и описаниях одежды в поздних сагах, но это все-таки не более чем догадки, подкрепленные немногими имеющимися доказательствами.

Костюм периода викингов хорошо изучен в отличие от костюма более раннего времени (упомянем, например, работы таких ученых, как А. Гайер, Л. Бендер-Йоргенсен, И. Хагг; а также – А. Зариня и И. Жейере в Латвии). Проблема состоит в том, что существует очень немного реконструкций готландского костюма даже для эпохи викингов. Так же дело обстоит и с одеждой соседнего региона – земли Курониан.

Более того, одежда, находимая в погребениях, необязательно соответствует той, которую люди носили в повседневной жизни. Находки из ингумаций дают большое разнообразие характерных аксессуаров костюма, но информация о скандинавских стилях одежды фрагментарна. За исключением нескольких неповрежденных предметов одежды, известны только фрагменты в связи с почвенными условиями, неблагоприятными для сохранения органики и обстоятельств погребальной практики. Некоторые данные можно почерпнуть из поздних и ранних могильников в Курониан, на островах Готланде и Борнхольме, в то время как с материка – из Дании, Швеции и Норвегии – материала мало (*Hald, 1980; Jørgensen et al., 1997*). В некоторых случаях археологам удается выяснить, в каком порядке надевались предметы одежды, какие ткани использовались, из каких материалов были сделаны, чем окрашивались и как ткались, но мы не знаем, как все это выглядело в целом. Варианты реконструкций основываются на многих источниках, таких как археологические находки, стили вещей, скандинавское искусство, резьба по камню, штампованные золотые пластины, пластины шлема и поздние ковры, а также на основании параллелей из других частей Европы, а в случае с Гробиня – также и из Восточной Балтии. Наиболее точные данные дают отпечатки и фрагменты тканей и ювелирные изделия.

Некоторые из немногочисленных находок или отпечатков ткани могли использоваться в погребальных обрядах, покрывать или подстилать тело умершего. Следовательно, следует уделять наибольшее внимание фрагментам тканей, которые отпечатались на ювелирных изделиях или костях. В Гробиня известно несколько находок отпечатков ткани, а два фрагмента ткани были найдены прикрепленными к ювелирным изделиям. Автором изучены материалы Готланда с учетом того, что большая часть скандинавов переселилась с этого острова. Не следует забывать и о культурных связях между скандинавами и местными жителями.

Судя по данным с Готланда и из Литвы, использовались в основном шерстяные и льняные ткани. Возможно, что конопля и крапива также были в ходу. Два типа материи явно доминируют – саржевая (твил) 2/2 и прямого переплетения. На Готланде твил 2/2 составляет до 77 % от найденной ткани (*Bender-Jørgensen*, 1986). Тот же тип ткани распространен в Латвии (к сожалению, точных данных нет). В отличие от Скандинавии в Латвии больше данных об использовании льняной ткани. Принимая во внимание взаимоотношения и взаимовлияние между скандинавскими колонистами и местными жителями, можно предположить, что лен использовался более широко, чем на Готланде.

Одна из возможностей получить более точную реконструкцию женского костюма – локализация брошей, фибул и других ювелирных изделий. Для скандинавских женщин прежде всего реконструируется костюм эпохи викингов с черепаховидными фибулами и бусами по всей нагрудной зоне. Но в Гробиня таких фибул всего две (и обе являются случайными находками, датирующимися позднее VIII в.) (*Spirģis*, 2006. L. 331; *Šturms*, 1949. L. 208). Более популярной в Гробиня является ранняя форма звериноголовых фибул, находимых парами, что указывает на одежду типа пеплоса (*Nermann*, 1958). Такие фибулы найдены не в одном погребении и в основном датируются 650–750 гг. Цепь с держателем, связывающая их вместе, найдена только в погребении № III в Рудзукални.

К другой группе относятся ювелирные изделия, у которых не было функции что-то скреплять: брактеаты, бусины и держатели бусин. Цепи использовались не только вместе со звериноголовыми фибулами, но и отдельно, вероятно, для прикрепления ножей, ключей и других вещей к фибулам или, в некоторых случаях, непосредственно к поясу.

Суммируя данные по женской одежде, нужно отметить, что данных о женской рубаше из Гробиня или Готланда нет. Но в континентальной Швеции (в поздний период), в Дании, а также Восточной Балтии есть данные об использовании льняных и в некоторых случаях – шерстяных – рубаш (*Hägg*, 2015. S. 50, 51; *Zariņa*, 1999. L. 39, 90; *Žeijere*, 2008. L. 48, 49). Есть также отдельные фрагменты льняной ткани из Курониан. Возможно, рубаша изображена на готландских расписных камнях. Судя по изображениям на произведениях искусства, а также по количеству застежек (фибулы, булавки и т. д.), носилось более одного слоя одежды. Иглы звериноголовых и коробковидных фибул, декоративные булавки, достаточно прочны, можно предполагать их предназначение для скрепления верхней одежды. Рубаша, напоминающая своей формой букву «Т», таким образом, сделана из льна (латвийские данные) и имела длинные рукава.

Поверх шерстяной рубашки носили пеплос, застегивая его парой звериноголовых фибул, – такой костюм был распространен почти во всей Скандинавии,

**Рис. 1. Полный костюм. Гробиня, Рудзукални, могила III, VII–VIII вв.
© Реконструкция С. Янсоне; модель Д. Аболтиня, фото Д. Знотиня**

Рис. 2 Основной костюм. Гробиня, Рудзукални, могила III, VII–VIII вв.
© Реконструкция С. Янсоне; модель Д. Аболтиня, фото Д. Знотиня

а также в Восточной Балтии (Hald, 1980. P. 359; Jørgensen et al., 1997. P. 139; Zariņa, 1999. L. 40, 92; Žeijere, 2008. L. 50). Учítывая, что в некоторых готландских погребениях в Рудзукални найдены парные фибулы, можно заключить, что одежда типа сарафана или юбки также была известна жителям Гробиня. Для реконструкции использована шерстяная твиловая 2/2 ткань. Бусины с держателями помещены между фибул.

Поясные пряжки в женских захоронениях не найдены, что позволяет предположить использование тканых поясов. При кремации такие пояса уничтожались полностью. Есть данные эпохи викингов с Готланда об использовании поясов из тесьмы, тканой на дощечках, а также пояса эпохи викингов из другого могильника в Курониан. С пояса свисают ключи, клещи и гребень. Поскольку нет точных данных об обуви, предполагается использование шерстяных обмоток для ног и кожаной обуви (на основании параллелей с континента и из Балтии) (Hägg, 2015. S. 48, 49; Zariņa, 1999. L. 104; Žeiere, 2008. L. 76). В качестве верхней одежды могли носить либо две шали, либо длинный шерстяной кафтан (параллели из Скандинавии и изображения на произведениях искусства) (Hägg, 1983; Mannering, 2004. P. 72), а также находка из Дании (Viking Age..., 2014). Кафтан шит из 2/2 шерстяного твида с льняной окантовкой прямого переплетения и тесьмы, тканой на дощечках. Кафтан удерживается на месте коробкообразной фибулой, в то время как шаль удерживается булавкой (рис. 1; 2).

Предложенная реконструкция костюма основана на некоторых гипотезах, археологических данных и параллелях. Невозможно создать точную и строго научно обоснованную реконструкцию, но как бы то ни было, подобные размышления и попытки способствуют более точной реконструкции в будущем.

Весьма вероятно, что готландцы, жившие в Гробиня, испытывали влияние местных жителей земли Курониан и литовцев. В то же время, к сожалению, полная сводка раскопок в Гробиня недоступна, а в существующих публикациях не проделан анализ тканей. Возможно, что на ювелирных изделиях сохранились отпечатки или небольшие, частично карбонизированные фрагменты ткани. В перспективе это может стать основой для фундаментального исследования, проводимого с использованием материалов Готланда.

ЛИТЕРАТУРА

- Asaris J., Muižnieks V., Radiņš A., Žeiere I., Virse I., 2008. Kurši senatnē. Rīga: Latvijas Nacionālais Vēstures muzejs. 159 p.
- Bender-Jørgensen L., 1986. Forhistoriske textiler i Skandinavien. Prehistoric Scandinavian textiles. København: Det Kongelige Nordiske oldskriftselskab. 390 p.
- Bogucki M., 2006. Grobiņa – A Sign of Early Future Port of Trade in the Balt Lands // *Transformatio mundi: the transition from the late migration period to the early Viking age in the East Baltic* / Ed. M. Bertašius. Kaunas: Dept. of Philosophy and Cultural Science. P. 93–107.
- Griciuvienė E., Ciglis J. et al., 2009. Kuršiai: genties kultūra laidosenos duomenimis: baltų archeologijos paroda: katalogas = The Curonians: the tribe culture according to the burial data: Baltic archaeological exhibition: catalogue. Vilnius; Rīga: Lietuvos nacionalinis muziejus; Latvijas Nacionālais vēstures muzejs. 460 p.
- Hägg I., 1983. Viking Women's Dress at Birka: A Reconstruction by Archaeological Methods // *Cloth and Clothing in Medieval Europe* / Ed. by K. G. Ponting, N. Harte. London: Heinemann. P. 316–350.
- Hägg I., 2015. Textilien und Tracht in Haithabu und Schleswig. Kiel: Wachholtz. 362 S.

- Hald M.*, 1980. Ancient Danish textiles from bogs and burials: a comparative study of costume and Iron Age textiles. Copenhagen: National Museum of Denmark. 392 p.
- Hoiland-Nielsen K.*, 1999. Female grave goods // *Pace of Change* / Eds.: J. Hines, K. Hoiland-Nielsen, F. Siegmund. Oxford: Oxbow Books. P. 160–194.
- Jørgensen L., Nørgård Jørgensen A., Mannering U., Malmros C.*, 1997. Nørre Sandegård Vest: a cemetery from the 6th–8th centuries on Bornholm. København: Det Kongelige Nordiske oldskriftselskab. 243 p.
- Mannering U.*, 2004. Dress in Scandinavian Iconography of the 5–10th centuries A.D. // Priceless invention of humanity – textiles: Report from the 8th NESAT Symposium / Ed. J. Maik. Lodz: Publishing house. P. 67–74. (*Acta Archaeologica Lodziensia*; vol. 50, iss. 1.)
- Nerman B.*, 1958. Grobin-Seeberg: Ausgrabungen und Funde. Stockholm: Almqvist, Wiksell. 200 s.
- Petrenko V., Urtāns J.*, 2012. Grobiņas arheoloģijas pieminekļi. Rīga: Nordik. 100 l.
- Rundkvist M.*, 2003. Barshalder I: A cemetery in Grötlingbo and Fide parishes, Gotland, Sweden, c. AD 1–1100. Stockholm: Department of Archaeology, University of Stockholm. 251 p.
- Spirģis R.*, 2006. Bruņurupuču saktas ar krūšu važiņrotām un lībiešu kultūras attīstība Daugavas lejtecē 10.–13. gadsimtā. Rīga: Latvijas Universitāte. 511 l.
- Šturms E.*, 1949. Schwedische kolonien in Lettland // *Fornvännen*. Vol. 44. S. 205–217.
- Viking Age Revninge woman: an exceptional find [Electronic resource] // *Past Horizons*. 2014. June 2. URL: <http://www.pasthorizonspr.com/index.php/archives/06/2014/viking-age-revninge-woman-an-exceptional-find>.
- Zariņa A.*, 1999. Apģērbs Latvijā 7.–17. gs. Rīga: Zinātne. 156 l.
- Žeiere I.*, 2008. Arheoloģiskās liecības par apģērbu Latvijā 13.–18. gadsimtā. Rīga: Latvijas Nacionālais vēstures muzejs. 131 l.

Сведения об авторе

Янсоне Санта, Университет Латвии, бульв. Райна 19, Рига, LV-1586, Латвия, e-mail: santa@tvnet.lv

About the author

Jansone Santa, University of Latvia, Raina bulv., 19, Riga, LV-1586, Latvia; e-mail: santa@tvnet.lv

S. Jansone

POSSIBLE RECONSTRUCTION
OF FEMALE COSTUME IN GROBIŅA:
BALTIC INFLUENCE AND SCANDINAVIAN STYLE

Abstract. In the study of development of costume in different countries and especially in Europe, no special studies have been conducted concerning the costume during Scandinavian Vendel period, which coincides with the time when a Norse colony was founded in Grobiņa. Unfortunately, like in the rest of Scandinavia, women were usually cremated, so that the textile finds are few in number and there is no direct evidence of the dress. The aim of the paper is to characterize the possible details of women's dress on the basis of the information from Grobiņa, Gotland and mainland Sweden, including analysis of the possible Curonian influence on the costume in the Grobiņa colony. It should be noted, however, that this hypothesis is based only on the archaeological discoveries, and the proposed reconstruction is therefore hypothetical.

Keywords: Baltics, Scandinavian, Gotland, costume, archaeology.

А. В. Энговатова, О. Ф. Чернова,
О. В. Орфинская, М. С. Яковчик

ВОЙЛОК ИЗ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАХОРОНЕНИЯ (СООРУЖЕНИЯ № 110) В г. ЯРОСЛАВЛЕ¹

Резюме. В статье приведены результаты исследования войлока, обнаруженного в коллективном санитарном захоронении жителей Ярославля, убитых при разорении города армией Бату-хана в 1238 г. По итогам анализа были идентифицированы несколько типов войлочных изделий и выявлены их структурно-технологические характеристики. Определение видовой принадлежности животных, из шерсти которых был свалян войлок, позволило расширить представление о сырьевой базе и текстильных технологиях домонгольской Древней Руси.

Ключевые слова: текстиль, войлок, валяние войлока, шерсть, таксономическая экспертиза, Древняя Русь, Ярославль.

Изделия из войлока, происходящие из раскопок памятников Древней Руси домонгольского периода, довольно редко становятся предметом исследований и публикаций. Это связано, прежде всего, с плохой сохранностью органики в культурном слое. В некоторой степени исключением являются города с так называемым мокрым слоем, например: Новгород, Старая Русса, Старая Ладога, Ростов, где были получены представительные коллекции предметов из органических материалов. Однако и на подобных памятниках находки войлока часто представлены фрагментами, которые сложно атрибутировать, поэтому специальные публикации им посвящают крайне редко. В основном изучению подвергались уникальные изделия, например коллекция войлочных шапок из Новгорода (Зубкова, Сингх, 2018), шапка из Москвы (Павлова, 2019) и войлочные изделия из Старой Ладogi (Давидан, 1981; Миколайчук, 1981).

---

¹ Работа выполнена в рамках темы НИР «Хронологические индикаторы культурного слоя средневекового города (Торжок и Ярославль)» (НИОКТР ААА-А20-120070990064-2).

Для понимания особенностей изготовления и бытования войлочных изделий не хватает их детальных технологических описаний. Некоторой возможностью ликвидировать этот пробел стало наше комплексное исследование группы войлочных изделий из уникального закрытого комплекса 30-х гг. XIII в. – санитарного захоронения в колодце, раскопанного на территории ярославского городища.

Обстоятельства находки

В ходе спасательных археологических работ Института археологии РАН в исторической части г. Ярославля (под руководством А. В. Энговатовой), проводившихся с 2004 по 2019 г., были исследованы девять коллективных захоронений, датируемых 1238 г., когда город был razoren войсками Бату-хана (Энговатова, 2019. С. 98, 99). Одно из них, выявленное в 2007 г. в юго-западной части раскопа «Волжская набережная, д. 1», было совершено в колодце (сооружение № 110), который пострадал во время пожара в городе (рис. 1: 1).

В средней части колодца были зафиксированы сброшенные в него доски и бревна, поверх которых лежали засыпанные грунтом фрагменты человеческих костяков. Под досками и бревнами колодец был заполнен водой, под которой находился слой ила; здесь также были обнаружены провалившиеся сверху человеческие останки и артефакты. Кости людей были сильно разрознены и залегали в основном не в анатомическом порядке; всего обнаружены останки 84 человек (Энговатова, 2008. С. 230–237).

Большинство вещей, найденных в сооружении № 110, попали туда в ходе совершения захоронения – вместе с телами погибших и во время засыпки их грунтом. Эти предметы типологически датируются концом XII – первой половиной XIII в. Показательно, что большая часть содержавшихся в заполнении санитарного захоронения керамических сосудов и их фрагментов (97 %) относится к древнерусской круговой керамике и датируется первой третью XIII в. (Энговатова, Кадиева, 2018).

Для более точной датировки сооружения № 110 было дополнительно выполнено AMS-датирование (анализ проведен в Центре изотопных исследований Университета Джорджии под руководством А. Черкинского) по костям шести индивидов (табл. 1). Полученные результаты согласуются со временем разрушения Ярославля монголами (Энговатова, 2019. С. 99).

Большую точность дал дендрохронологический анализ бревен венцов сооружения № 110, который показал, что они были срублены в интервале 1207–1228 гг. (Карпунин и др., 2011). Поскольку древесина могла быть заготовлена заранее или использоваться в строительстве повторно, с большой долей уверенности можно утверждать, что колодец был сооружен не раньше 1228 г. Таким образом, совокупность датирующего материала дает узкий интервал 30-х гг. XIII в.

Согласно результатам патолого-анатомических исследований (изучения степени разложения тел ко времени захоронения), с момента смерти погребенных в колодце жителей Ярославля до захоронения их останков прошло несколько месяцев. То же самое можно сказать об остальных коллективных захоронениях

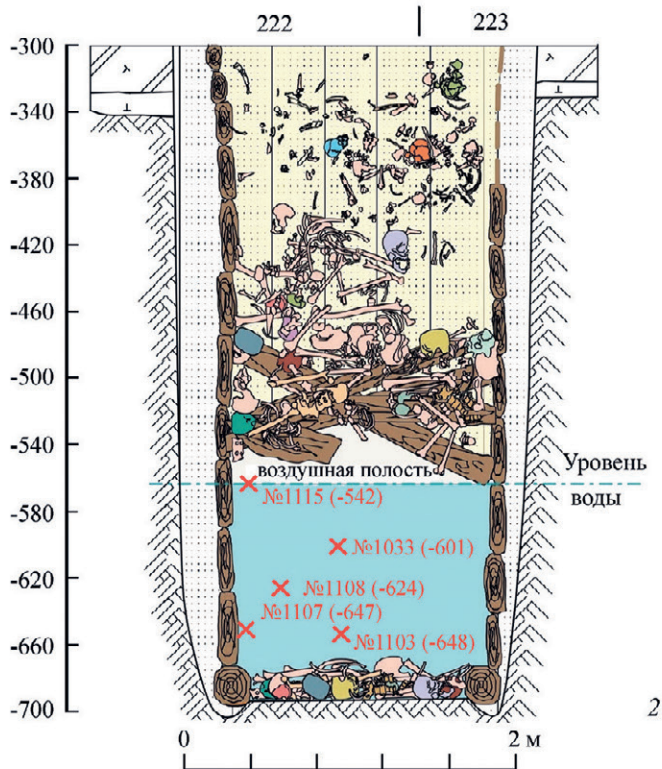
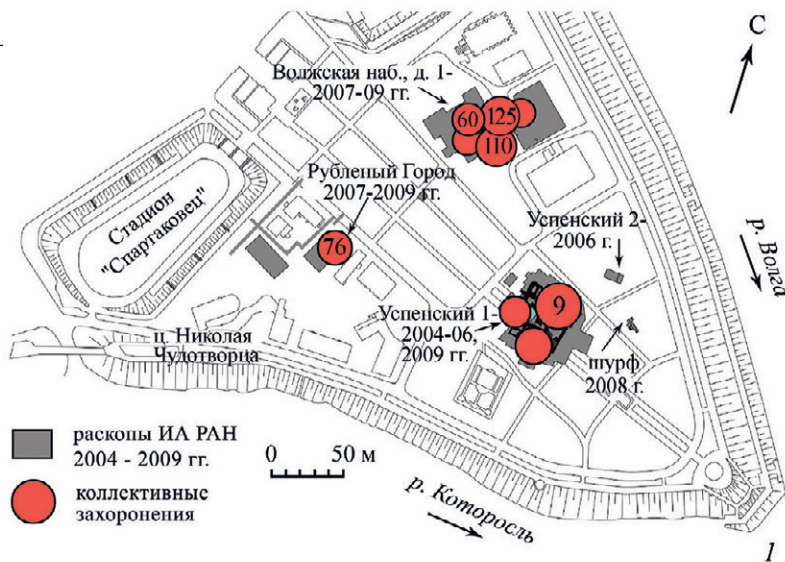

Рис. 1. Планы

1 – план Рубленого города г. Ярославля с массовыми захоронениями; 2 – разрез сооружения № 110 с отметками находок войлока; 3 – разрез сооружения № 110 с отметками находок войлока

Ярославля. Разная сохранность тел на момент погребения в разных захоронениях, судя по всему, свидетельствует о том, что они совершались поэтапно в течение нескольких месяцев (Энговатова, 2019. С. 99). Энтмологические исследования показали, что как минимум одно из захоронений было совершено не ранее конца мая – середины июня (Энговатова и др., 2012. С. 185–208).

Таблица 1. Результаты AMS-датирования для сооружения № 110

R_Date Яма 110. Инд. 24 (UGAMS-45577)	1181	1263	95,4
R_Date Яма 110. Инд. 41 (UGAMS-45578)	1169	1256	95,4
R_Date Яма 110. Инд. 49 (UGAMS-45579)	1052	1220	95,4
R_Date Яма 110. Инд. 55 (UGAMS-45584)	1049	1218	95,4
R_Date Яма 110. Инд. 57 (UGAMS-45585)	1164	1250	95,4
R_Date Яма 110. Инд. 73 (UGAMS-45586)	1158	1247	95,4

Результаты исследования войлока

При раскопках сооружения № 110 были найдены сотни предметов из органических материалов хорошей сохранности, что, очевидно, обуславливается их нахождением в воде и иле.

Обнаруженные в захоронении остатки текстиля, вероятнее всего, попали сюда вместе с телами. Среди них зафиксированы фрагменты 8 тканей, 1 целое войлочное изделие и 22 фрагмента войлока; весь войлок был извлечен из воды и ила на дне колодца (рис. 1: 2). Поскольку это первые войлочные изделия, относящиеся к домонгольскому Ярославлю и к тому же происходящие из закрытого комплекса (т. е. достоверно одновременные), нами было решено подробно опубликовать этот материал.

Войлок является разновидностью нетканого текстиля и изготавливается из шерсти путем валяния. Изготовление войлока не требует применения каких-либо сложных специальных инструментов, однако предполагает владение определенными технологическими навыками². Относительно простой процесс изготовления вкупе с такими характеристиками, как пластичность, плотность и непромокаемость, обеспечили широкое распространение войлока в средневековой Руси (Леваиёва, 1959. С. 54; Царёва, 2006. С. 227, 240).

Войлок из сооружения № 110 был подвергнут комплексному исследованию. Структурно-технологическое исследование выполнено О. В. Орфинской (Центр египтологических исследований РАН) и М. С. Яковчик (ИА РАН) с применением визуальных и микроскопических методов: в отраженном свете с помощью стереомикроскопа LeicaDM750 с увеличением до 100× и проходящем поляризованном

² Подробнее с технологией изготовления войлока можно ознакомиться: Вильсдорф, Жуковская, 1989.

и неполяризованном свете с помощью микроскопа Olympus BX41 с увеличением 100× – 400×.

Таксономическая экспертиза (определение видовой принадлежности животных, шерсть которых послужила сырьем для войлока) выполнена О. Ф. Черновой (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН). Видовая идентификация основывается на сравнении микроструктуры, архитектоники и морфометрических показателей анализируемых образцов с эталонной базой данных волос млекопитающих (Чернова, 2006; Чернова, Целикова, 2004; Чернова и др., 2011). Дифференциация шерсти, микроструктура и архитектоника волос от войлочных изделий были изучены при помощи микроскопии: световой (микроскоп ZeissPrimoStar с увеличением 200× – 600×) и сканирующей электронной (микроскопы JeolJSM-6510LV (Институт биологии внутренних вод им. И. Д. Папанина РАН) и TescanVegaTS5130MM (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН)). Таксономическая экспертиза была проведена для шести фрагментов войлока, основные результаты представлены в табл. 3 и 4. Стоит отметить, что многие исследованные волосы от войлока были повреждены или разрушены, в связи с чем не удалось сделать все необходимые промеры.

Проведенное исследование позволило разделить все выявленные фрагменты войлока на 10 групп по следующим критериям:

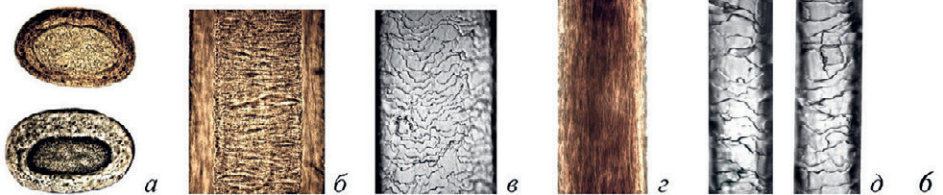
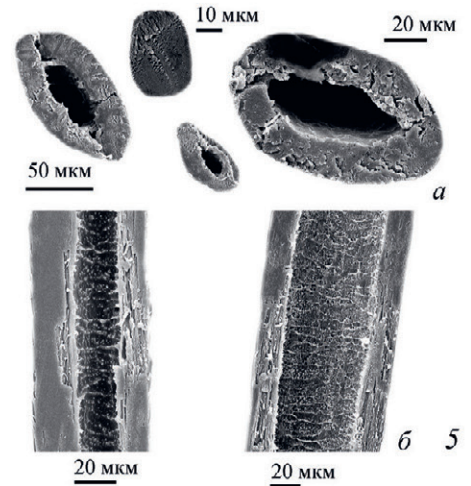
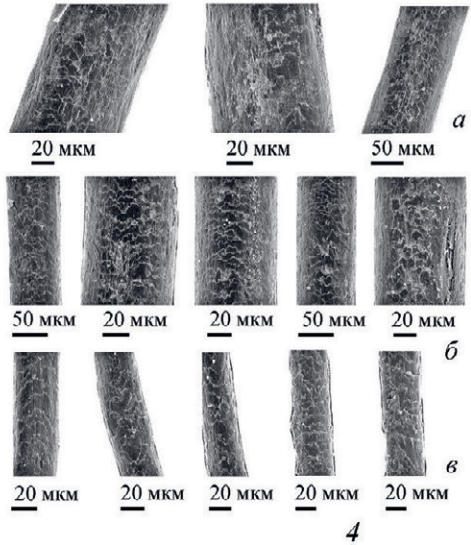
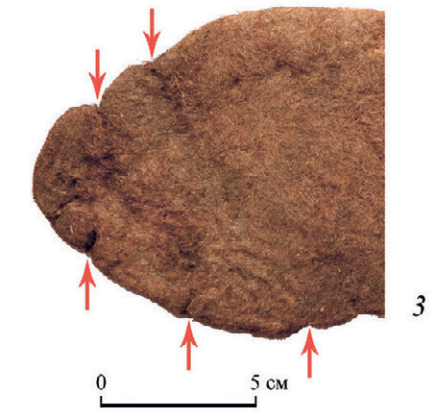
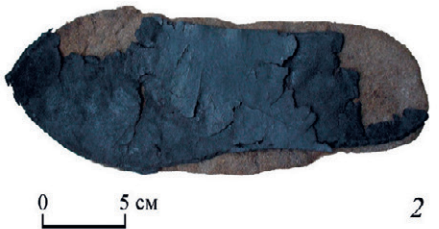
- толщина войлока;
- визуальная оценка цвета и фактуры;
- процентное соотношение вида волокон (пуха, полуости, ости);
- видовая принадлежность шерсти животных;
- отделка фрагментов;
- швы, следы швов, длина их стежков.

При разделении фрагментов на группы учитывалась информация об их расположении в колодце. Пять скоплений были рассредоточены на разных глубинах (табл. 2, рис. 1: 2), следовательно, скорее всего, они не связаны между собой и являются остатками разных изделий (Орфинская, 2008. С. 131, 136). Таким образом, в сооружении № 110 было выявлено 8 изделий (изделия 1–8) и 2 фрагмента, атрибутировать которые невозможно (изделия 9–10).

Таблица 2. Соответствие изделий полевым номерам по описи

Изделие	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
№ по описи	1033	1107	1107	1108	1108	1103	1108	1115	1108	1108

Изделие 1 (рис. 2: 1). Войлочная стелька длиной 26,8 см, шириной от 8 см (пятка) до 10,3 см (верхняя часть). Изделие изготовлено из довольно толстого, плотного войлока неравномерной толщины (0,5–0,9 см). На стельке фиксируются следы активной носки: носок сжат и слегка загнут, на носке и пятке по краям имеются несколько поперечных углублений – своеобразных засечек, возможно, являющихся следами от веревок или ремешков.

Стелька сваляна из шерстяных волос разных категорий (табл. 3, 4). В первой короткие фрагменты волос темно- и светло-коричневого цвета подразделяются на несколько категорий, самые крупные из которых – темные ости, самые мелкие – пуховые волосы двух размерных порядков. Крупные направляющие волосы не обнаружены. Остальные показатели волокон шерсти (конфигурация стержня, степень развития сердцевинки, орнамент кутикулы, пигментация) вполне сходны с таковыми изделия 4, что позволяет отнести их к шерсти овцы. Во второй группе пигментация наблюдается в сердцевинке и корковом слое (пигментные гранулы собраны в виде продольных штрихов-кластеров) направляющих, остевых I и в одном из пуховых волос. Чешуйки имеют непостоянную высоту и ориентированы в основном поперек стержня у крупных волос, но на некоторых участках их свободный край направлен под углом к поперечной оси стержня. Дифференциация шерсти, размерные характеристики, относительные морфометрические показатели, характер пигментации и орнамент кутикулы волос стельки (рис. 2: 4, 5) сходны с аналогичными параметрами шерсти домашней коровы (табл. 4, рис. 2: 6). Таким образом, стелька изготовлена из овечьей шерсти с примесью шерсти коровы; известно, что в основном войлок валяли из овечьей шерсти, а волосы других животных, в том числе крупного рогатого скота, могли использовать в качестве добавки (*Вильсдорф, Жуковская, 1989. С. 20*).

Войлочные стельки использовались на территории Древней Руси повсеместно: их находки известны, например, в Новгороде³, в Старой Руссе, в Переяславле Рязанском (*Гайдуков, 1992. С. 110. Рис. 85: 7; Торопова, 2009а. С. 115, 197; 2009б. Рис. 94; 2011. С. 66, 147. Рис. 65; 163; Фатюнина, 2012. С. 292. Рис. 7: 1д; 10: 9*). Вид животного, из шерсти которого свалены данные изделия, не определялся.

Еще одной особенностью ярославской стельки является то, что она была обнаружена вместе с кожаной подошвой (рис. 2: 2), состоящей из двух слоев тонкой (около 0,2 см) кожи, причем стелька и подошва были сшиты вместе «нитью» толщиной около 0,1 см, изготовленной из кожаного ремешка. Однозначно назвать данное изделие, состоящее из двух слоев (кожи и войлока), простой стелькой нельзя. Нельзя сбрасывать со счетов возможность того, что это деталь от обуви с двойной войлочно-кожаной стелькой (*Орфинская, 2008. С. 132, 133*).

³ Археологическая коллекция Новгородского государственного объединенного музея-заповедника: <https://novgorod-iss.kamisccloud.ru/entity/OBJECT?query=стелька&fund=11>

Рис. 2 (с. 310). Изделие 1

1 – стелька (изделие 1). Стрелками обозначены засечки; 2 – войлочная стелька с кожаной подошвой; 3 – носок стельки с засечками (обозначены красными стрелками); 4 – орнамент кутикулы разных волос стельки (а – направляющего волоса; б – ости I; в – пуха); 5 – микроструктура волос стельки (а – поперечные срезы направляющего волоса; б – продольные срезы основания и выше по стержню направляющего волоса; сердцевина частично разрушена); б – микроструктура направляющего (а–в) и пухового (г, д) волос беспородной домашней коровы (а – поперечные срезы; б – сердцевина; в, д – орнамент кутикулы; г – пигментация волоса). Ув. 630×

Таблица 3. Толщина волос тестируемых образцов войлока

Изделие	Категория волос, толщина, мкм, $M \pm m$, $n = 4^*$						
	Направляющий	Ость I	Ость II	Ость III	Пух I	Пух II	Пух III
1	97,1 ± 33,8	62,0 ± 13,2	40,6 ± 0,5	33,3 ± 0,5	24,9 ± 2,6	14,7 ± 3,3	11,6 ± 0,3
2	84,5 ± 3,3	69,6 ± 1,0	53,0 ± 1,5	46,3 ± 2,8	25,2 ± 0,7	16,9 ± 2,3	9,6 ± 0,8
3	–	61,8 ± 2,1	55,8 ± 1,8	39,5 ± 2,4	21,8 ± 1,1	19,3 ± 0,8	12,0 ± 0,3
4 (темная шерсть)	–	67,7 ± 1,0	54,4 ± 6,1	36,5 ± 0,6	27,4 ± 1,8	24,2 ± 0,8	11,0 ± 0,9
4 (светлая шерсть)	–	63,0 ± 1,6	50,0 ± 4,6	43,1 ± 2,9	29,8 ± 1,8	–	–
6	–	65,9 ± 3,7	57,2 ± 3,9	47,0 ± 2,3	28,0 ± 1,1	24,5 ± 0,5	14,7 ± 1,1
8	172,4 ± 1,1	70,4 ± 2,9	44,9 ± 2,0	36,0 ± 2,6	29,7 ± 0,8	21,7 ± 0,6	18,8 ± 0,7

* $M \pm m$ – средняя арифметическая с ошибкой средней арифметической; n – число измерений для каждого параметра

Таблица 4. Основные параметры шерстяных волос от образцов войлока (*limit*, $n = 4^*$)

Изделие	D_{max}/D_{min}	Форма поперечника волоса	Сердцевина		Кутикула	
			% от толщины волоса	Тип	Индекс кутикулы	Тип, описание
1 (редкие черные волосы)	1,6–1,7	Овальная, уплощенная	62–72	Сетчатая	2,0–7,8	Кольцевидная, полукольцевидная, уплощенная, волнистая, грубая, изломанная, с изрезанным свободным краем, без вставочных чешуек
1 (многочисленные более светлые волосы)	1,3–1,6	То же	45–68	Сетчатая	0,1–0,2	Кольцевидная, полукольцевидная, волнистая, с гладким свободным краем, со вставочными чешуйками
2	1,3–1,5	То же	42–75	Ячеистая	0,1–0,2	То же
3	1,3–1,6	Овальная	51–54	Сетчатая	0,1–0,3	То же
4 (темный волос)	1,3–1,7	То же	35–58	Сетчатая	0,2–0,4	То же
4 (светлый волос)	1,3–1,5	То же	68–72	Сетчатая, ячеистая	0,1–0,2	Кольцевидная, полукольцевидная, волнистая, с гладким свободным краем, со вставочными чешуйками
6	1,3–1,6	Каплевидная, овальная	44–75	Сетчатая	0,1–0,25	То же
Овца	1,3–1,9	То же	56–72	Сетчатая, ячеистая	0,1–0,2	То же
Коза	1,8–1,9	Овальная, сильно уплощенная	65–89	Ячеистая	0,1–0,2	Кольцевидная, полукольцевидная, уплощенная, с гладким или слегка волнистым свободным краем, без вставочных чешуек
Корова	1,5–1,8	Овальная, уплощенная	69–75	Сетчатая	0,1–0,3	Кольцевидная, полукольцевидная, уплощенная, волнистая, грубая, изломанная, с изрезанным свободным краем, без вставочных чешуек

* *limit* – пределы значений; n – число измерений для каждого параметра

Засечки на краях стельки расположены на носке (5 засечек, из них 4 формируют две симметричные пары) и на пятке с одной стороны. Засечки на носке узкие, вдавлены в войлок стельки достаточно глубоко: крепление явно осуществлялось при помощи тонких веревок или ремешков (рис. 2: 3). Возможно, это была обувь неизвестного на данный момент вида, которая крепилась к ноге, но аналогов, подтверждающих такую гипотезу, пока не найдено. Также очень осторожно можно предположить, что эта двойная стелька является деталью обуви, к которой могло, возможно, крепиться какое-то снаряжение. Этот вопрос требует большей базы для корректного предположения. Из вариантов можно привести археологические находки из Новгородского государственного музея⁴ (*Арициховский*, 1949. С. 144; *Леваиёва*, 1959. С. 58, 59). На коньках из Новгорода просверлены отверстия для креплений, их диаметр составляет менее 1 см, что соответствует засечкам на краях стельки.

Анализ небольшой выборки стелек из Новгорода (4 изделия) и Старой Руссы (1 изделие) XIII–XIV вв. показал, что их длина составляет 19,8–26,5 см. Таким образом, стелька из Ярославля длиной 26,8 см принадлежит к числу наиболее крупных изделий данного типа; она соответствует современному 41 размеру. С большой долей вероятности можно утверждать, что это стелька от обуви взрослого мужчины.

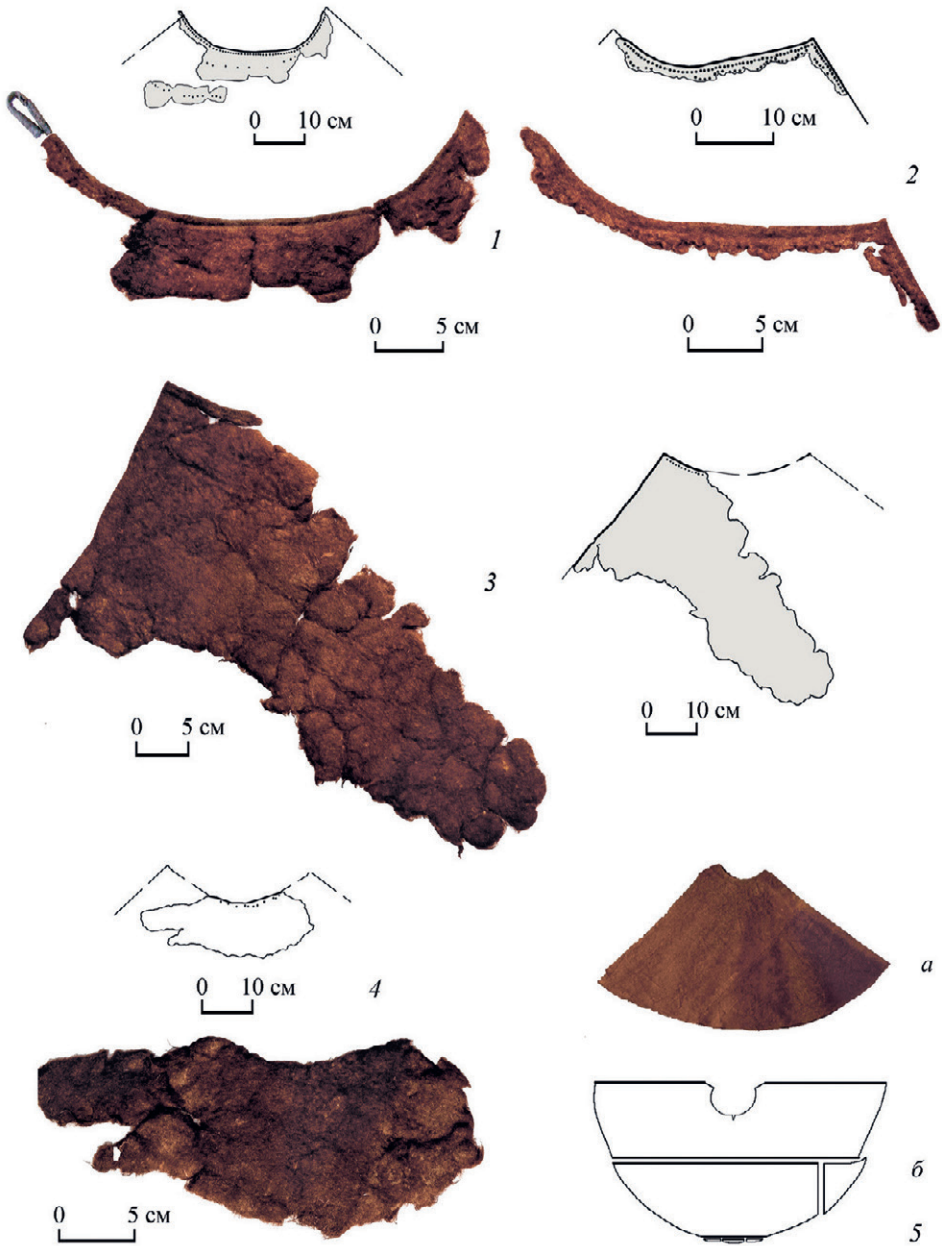
Изделие 2 (рис. 3: 1) представлено двумя фрагментами темно-коричневого войлока толщиной 0,3–0,6 см, с достаточно неровной поверхностью. Более крупный фрагмент имеет длину 35 см, ширину 6,6 см. На нем сохранился край, вырезанный по дуге и обшитый согнутой пополам полоской кожи шириной около 1 см. С одной стороны полоска выходит за пределы края войлочного фрагмента и складывается петлей. Параллельно кожаной отделке проходит ряд проколов, являющихся остатками от шва с длиной стежка 0,4–0,5 см; сшивная нить не сохранилась. Шов вдавлен в поверхность войлока с двух сторон.

Изделие свалено из шерстяных волос различных категорий: направляющих, ости и пуха (табл. 3, 4; рис. 5: 1а, б). Основные морфометрические показатели и орнамент кутикулы (рис. 5: 1в) сходны с тем, что наблюдается у волос домашней овцы (рис. 5: 3е). Следовательно, войлок изготовлен из шерсти домашней овцы грубошерстной породы.

Дуговидная форма выреза, обшитого кожаной полоской с петлей, может указывать на фрагмент верхней части некой одежды, возможно войлочного плаща. Вполне вероятно, что параллельно кожаной отделке плащ был декорирован швами из цветных нитей или аппликацией.

Изделие 3 (рис. 3: 2). От изделия, выполненного из светло-коричневого войлока толщиной 0,3 см с достаточно ровной поверхностью, сохранился лишь узкий фрагмент длиной 30,5 см. По срезанным сторонам изделие имеет кожаную отделку, аналогичную образцу 2, от которой сохранился небольшой фрагмент. Параллельно отделке проходят следы от другого шва, расположенного на расстоянии около 0,5 см от отделки. Длина стежка шва равна 0,4–0,6 см. Шов

⁴ Археологическая коллекция Новгородского государственного объединенного музея-заповедника: <https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT?query=коньки%20кость&fund=11>

Рис. 3. Войлочные плащи (фото и прорисовки)

1 – изделие 2 с кожаной петлей; 2 – изделие 3; 3 – изделие 4; 4 – изделие 5; 5 – шерстяной плащ из болота Бокстен (Швеция)

а – фото; б – прорисовка (по: Nockert, 1997. Fig. 34, 35)

вдавлен в поверхность войлока с одной стороны, в то время как с другой стороны поверхность остается ровной.

Дифференциация шерсти сходна с таковой у шерсти из образца 2: здесь обнаружены остевые волосы, в том числе ости I и ости II с хорошо развитой сердцевинной, ости III с прерывистой сердцевинной, многочисленные пуховые волосы (табл. 3, 4; рис. 5: 2а). У ости имеются локальные утолщения стержня. Орнамент кутикулы волос различен: так, у волос 1 и 2 она демонстрирует сходство с рисунком кутикулы у волос домашней овцы (рис. 5: 2б, в), а у волос 3 и 4 (рис. 5: 2г, д) напоминает орнамент кутикулы шерсти домашней козы (рис. 5: 2е). Судя по всему, для изготовления войлока была использована шерсть овцы грубошерстной породы с примесью шерсти козы.

Форма выреза и отделка позволяют предположить, что и это изделие – плащ, имеющий по краю выреза горловины кожаную отделку и, возможно, декоративную стежку.

Изделие 4 (рис. 3: 3). Изделие представлено большим фрагментом темно-коричневого войлока (размер 51 × 29 см), на поверхности которого фиксируются небольшие светлые участки.

Войлок толщиной 0,3–0,6 см имеет неровную бугристую поверхность. Сохранились два края изделия, вдоль которых проходит ряд проколов от шва на расстоянии 0,7–0,8 см, длина стежка составляет 0,5–0,6 см. С одной стороны фрагмента шов вдавлен в поверхность войлока.

Дифференциация темной шерсти хорошо выражена: остевые и пуховые волосы многочисленны и отличаются толщиной (табл. 3, 4). У ости сердцевина пигментирована, развита слабо и имеет неровную конфигурацию сплошного или прерывистого тяжа (рис. 5: 3а). Орнамент кутикулы остевых и пуховых волос имеет сравнительно ровный свободный край (рис. 5: 3б, в). Высота чешуек равна 11–15 мкм. В светлом пучке дифференциация шерсти и толщина волос разных категорий сходны с аналогичными показателями темных волос, хотя пух весьма малочислен. Сердцевина такая же, в прикорневой зоне и короткой вершине волоса отсутствует (рис. 5: 3г). Орнамент кутикулы типичен для расширенного участка остевого волоса домашней овцы (рис. 5: 3д, е). Таким образом, морфометрические показатели и различия в цвете шерсти говорят о том, что образец 4 свален из шерсти жесткошерстных овец либо разных пород, либо разного возраста, либо с разных участков тела животных. Очевидно, шерсть специально собирали и накапливали для формирования одного крупного войлочного изделия.

Данное изделие, вероятно, также является частью плаща. Форма фрагмента свидетельствует о том, что, кроме вырезанной горловины, никаких других признаков края или валяния по форме нет. Следовательно, это изделие не имело рукавов, что говорит в пользу плаща.

Изделие 5 (рис. 3: 4) представлено фрагментом (размер 29 × 13 см) войлока темно-коричневого цвета толщиной 0,3–0,6 см с неровной поверхностью. На нем сохранился дугообразный край, вдоль которого идет ряд проколов от шва со стежками длиной 0,8 см; шов расположен в 0,9 см от края ворота. В отличие от изделий 2, 3, 4 шов не вдавлен, поверхность войлока остается ровной.

Форма дугообразного выреза и следы отделки позволяют атрибутировать данное изделие как плащ.

Изделие 6 (рис. 4: 1, 3). От изделия сохранились 2 фрагмента темно-коричневого войлока размером 33×21 см и $21,5 \times 18$ см. На обоих фрагментах сохранились срезанные края – неровные, с выступами. На одном из фрагментов вдоль края фиксируются проколы от шва с длиной стежка около 0,4 см.

Шерсть от первого фрагмента войлока хорошо дифференцирована, типы и размерные категории волос сходны с таковыми у овечьей шерсти (табл. 3, 4). Фиксируется наличие ости с прерывистой сердцевинкой, что характерно для волос домашней овцы (рис. 4: 5б). Форма поперечных срезов аналогична таковой у волос овец (рис. 4: 5а). Орнамент кутикулы имеет многочисленные вставки в области гранны (рис. 4: 5в). Выше основания волоса орнамент кутикулы сходен с рисунком у ости аналогичной толщины у гибрида мериносовой и эдильбаевской пород домашней овцы (рис. 4: 5г, д). Таким образом, данное изделие свалено из шерсти грубошерстной домашней овцы.

Сложная форма обрезанных краев напоминает край кожаной мягкой обуви (рис. 4: 2, 4). Очень осторожно можно предположить, что данные фрагменты являются частью обуви, сшитой из войлока. Однако нельзя исключать, что это остатки какого-то бытового войлочного изделия.

Изделие 7 (рис. 6: 3). От изделия сохранился фрагмент (размер 29×25 см) темно-коричневого цвета. Поверхность войлока бугристая, неровная, толщина составляет 0,3–0,6 см. На фрагменте фиксируются два ровно обрезанных края, формирующих небольшой выступ.

Можно предположить, что выступы по углам использовались для привязывания изделия, которое, возможно, являлось попоной для лошади или покрытием для какого-то предмета мебели.

Изделие 8 (рис. 6: 1). В настоящий момент изделие представлено 12 фрагментами тонкого (толщина 0,1 см) темно-коричневого войлока. Размеры наиболее крупных фрагментов составляют $35 \times 26,9$ см, $28,3 \times 17,3$ см, $14 \times 5,6$ см. На пяти фрагментах фиксируется вырез сложной формы, по краю которого наблюдаются следы от шва «через край» (*Орфинская*, 2008. С. 156). Вероятно, изделие было сформировано из нескольких (как минимум 5) слоев тонкого войлока.

Шерсть войлока хорошо дифференцирована (табл. 3, 4). Морфометрические показатели (степень развития сердцевинки, пигментация, конфигурация стержня) и орнамент кутикулы (рис. 6: 2г, д, е) сходны с таковыми у образцов, для которых выявлены волосы домашней овцы. Направляющие волосы достигают толщины 171,7–173,2 мкм и имеют в поперечнике двояковогнутую вытянутую форму (рис. 6: 2а), что характерно для грубошерстных овец (рис. 6: 2в). Таким образом, войлочное изделие изготовлено из шерсти грубошерстной домашней овцы.

Определить вид данного изделия не представляется возможным.

Изделия 9 и 10 (рис. 6: 4, 5). Два фрагмента войлока (размер $29,5 \times 11,2$ и $14,5 \times 9$ см) темно-коричневого цвета не имеют срезанных границ. Толщина обоих неравномерная (0,3–0,6 см), поверхность неровная, бугристая. Фиксируются проколы без каких-либо четких линий. По форме невозможно даже предположительно идентифицировать данные изделия.

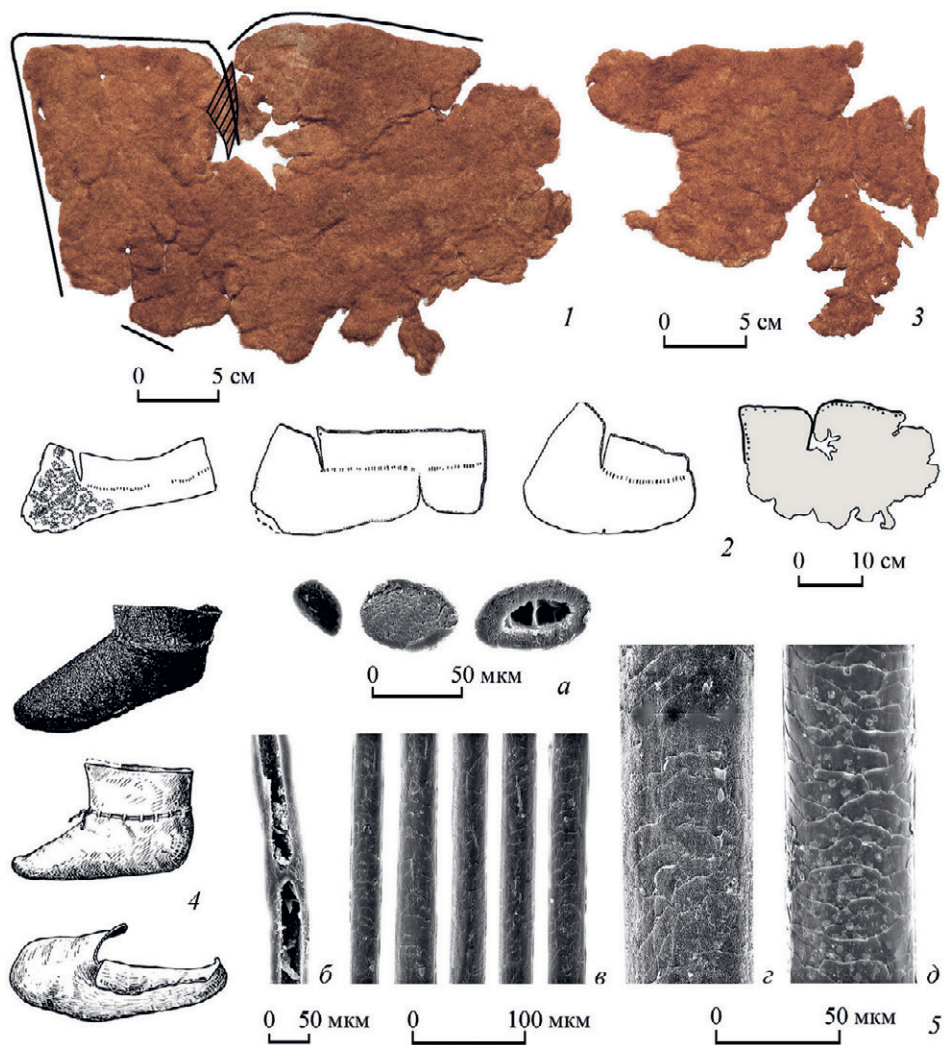
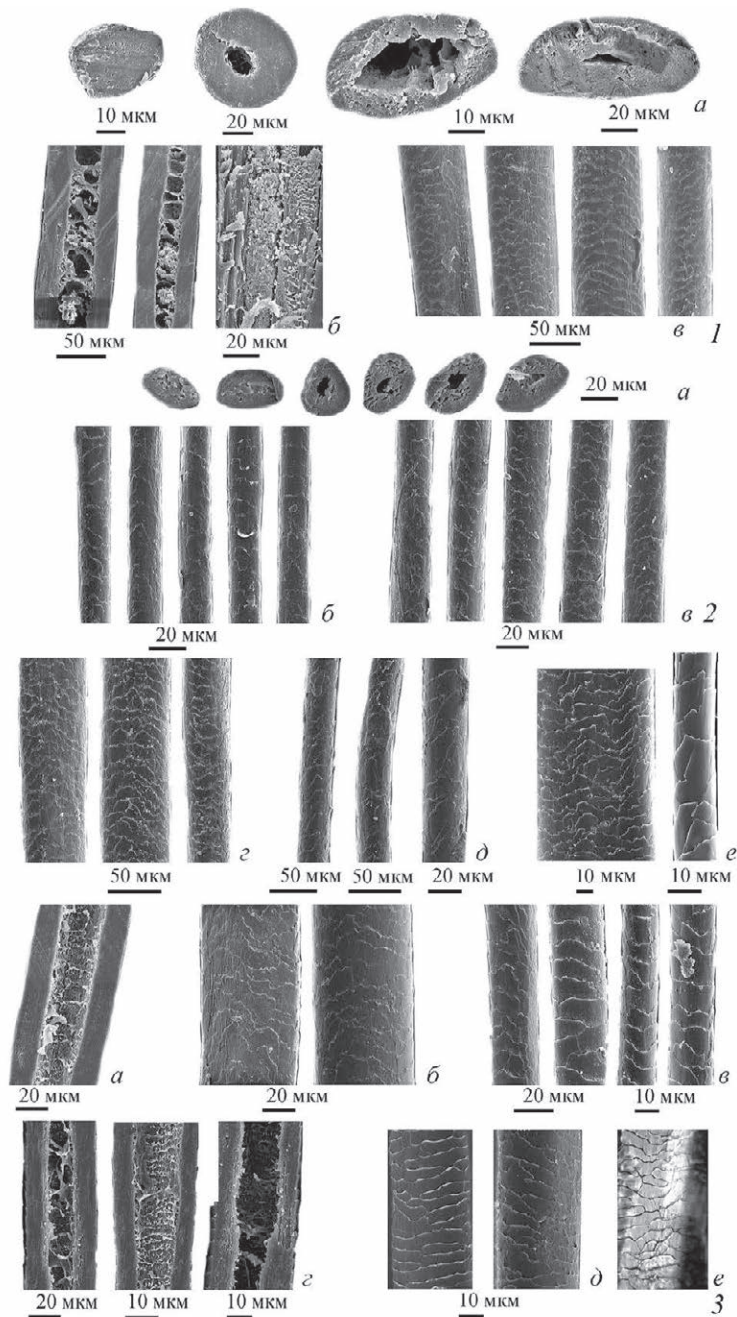

Рис. 4. Изделие 6

1 – фрагменты изделия 6. На первом фрагменте линией отмечены срезанные края с проколами от швов, участок наложения двух слоев войлока отмечен штриховкой; 2 – древнерусская обувь (по: *Сабурова*, 1997. Табл. 69, 70); 3 – прорисовка фрагмента изделия 6; 4 – туфли кожаные XII–XIII вв. (по: *Осипов*, 2006. С. 137); 5 – микроструктура волос изделия 6 (*а* – поперечные срезы ости I от основания до гранны; *б* – прерывистая сердцевина на продольном срезе; *в* – орнамент кутикулы волоса; *г* – орнамент кутикулы ости; *д* – орнамент кутикулы ости домашней овцы (гибрида мериносовой и эдильбаевской пород))

Рис. 5. Микроструктура волос войлочных изделий

1 – изделие 2 (*а* – поперечные срезы ости I; *б* – продольные срезы ости I, сердцевина частично разрушена; *в* – орнамент кутикулы ости I); 2 – изделие 3 (*а* – поперечные срезы ости I; *б–д* – орнамент кутикулы остевых волос; *е* – орнамент кутикулы остевого и пухового волос домашней козы); 3 – изделие 4: Темный волос (*а* – продольный срез ости I; *б* – орнамент кутикулы ости; *в* – то же пуха); Светлый волос (*г* – продольные срезы остевых волос; *д* – орнамент кутикулы ости; *е* – то же овцы)

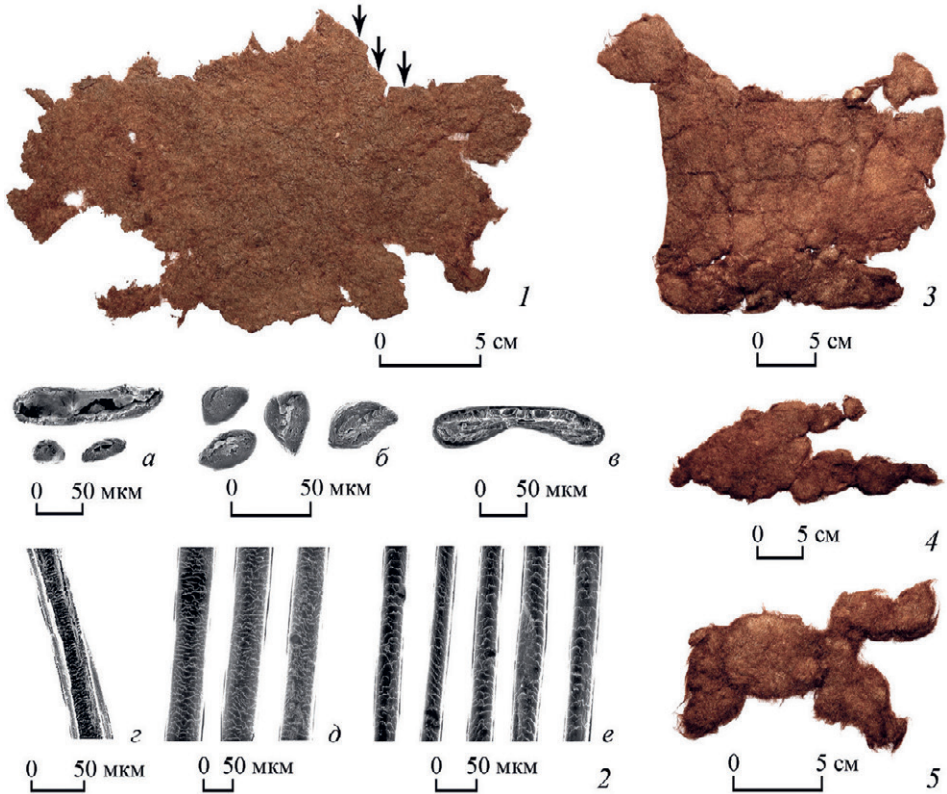

Рис. 6. Изделия 7, 8, 9, 10

1 – фрагмент изделия 8. Стрелками обозначен вырезанный край; 2 – микроструктура волос изделия 8 (*a*, *б* – поперечные срезы пуховых и направляющего волос от войлока; *в* – направляющий волос беспородной домашней овцы; *г* – продольный срез волоса от войлока, сердцевина частично разрушена; *д*, *е* – орнамент кутикулы двух волос войлока); 3 – изделие 7; 4 – изделие 9; 5 – изделие 10

Обсуждение и выводы

Изделия 2, 3, 4 и 5 имеют дугообразный вырез с отделкой по краю или ее остатками. Они застегивались у горловины (изделие 2) и не имели рукавов (изделие 4). Исходя из этого, можно с большой долей вероятности предположить, что это остатки плащей. К сожалению, подтверждающие данную гипотезу аналогии в древнерусском материале неизвестны; косвенным доказательством могут служить зарубежные данные, например, сшитый из шерстяной ткани плащ XIV в. (рис. 3: 5), найденный в болоте Бокстен (Швеция), который имеет горловину идентичной формы (Nockert, 1997. S. 52–55). Кожаная отделка по вырезу войлочных плащей из Ярославля являлась не столько декоративным элементом,

сколько укрепляла край и предохраняла от разрывов область горловины. Плащи имели различные оттенки коричневого цвета (неокрашенная шерсть) и были изготовлены из шерсти овец или смеси шерсти овец и козы. Отдельные экземпляры могли украшаться декоративной строчкой, проходящей по краю изделий, или аппликацией. Стоит отметить, что в начале XIV в. войлочный плащ обозначался словом «якпыт»: этот термин встречен в «Повести о Михаиле Тверском» и новгородской берестяной грамоте № 138 (Жучкин, 1977; Степанова, 2014. С. 42, 43, 200).

Интересна столь необычно большая концентрация плащей в санитарном захоронении. Осторожно можно высказать два предположения: либо это детали одежды захороненных в колодце людей, либо плащи вместе со сброшенными сюда же жердями и бревнами служили для перетаскивания путем волока сильно разложившихся трупов к колодцу из ближайшей округи и были с телами сброшены в эту могилу.

Два изделия относятся к предметам обуви. Двухслойная стелька с правой ноги взрослого человека состояла из войлочной стельки (изделие 1) и кожаной подошвы. Изделие 6, возможно, является обувью, сшитой из войлока, или мягкого «вкладыша» в аналогичную форму из кожи (зимний вариант).

Изделия 7 и 8 очень осторожно можно отнести к вещам, имеющим отношение к конской сбруе (попонам, чепракам и т. д.) или к войлочным изделиям, которые использовались в быту (подстилки, ковры и др.).

Результаты таксономической экспертизы демонстрируют достаточно устойчивый выбор материала для войлока: в основном использовалась шерсть овец грубошерстных и жесткошерстных пород без примеси шерсти других животных (четыре изделия); исключение составляют плащ (изделие 3), где к овечьей шерсти была добавлена шерсть козы, и стелька (изделие 1) с примесью коровьей шерсти. Согласно этнографическим данным, основным сырьем для войлока служила овечья шерсть, в которую могли добавлять шерсть других животных, в том числе крупного и мелкого рогатого скота (Вильсдорф, Жуковская, 1989. С. 20).

В связи с этим возникает ряд интересных вопросов: с каких территорий поступало в Ярославль шерстяное сырье для изготовления текстиля, в том числе войлока, на каких территориях домонгольской Руси разводили овец и других животных, шерсть которых использовалась в войлоковальнии? Исторически с войлоком связывают южные регионы и Кавказ, где имеется много пастбищ, которые могут использоваться для разведения овец (горные пастбища, сухие степи, полупустыни). На сегодняшний день овцеводство сосредоточено в основном в Ставропольском крае, Ростовской области, Республике Калмыкия⁵. Шерсть коров в настоящее время принадлежит к разряду «заводских» видов шерсти, т. е. ее получают со шкур в процессе их обработки (Техническая энциклопедия, 1928. С. 358). Имеет смысл предполагать, что и раньше, когда общество имело меньший достаток, отходы кожевенного производства могли использоваться в хозяйстве. Коровью шерсть также получают вычесыванием крупного рогатого скота весной во время линьки⁶. Собранная в Ярославле остеологическая коллекция включает

⁵ <https://www.agroxxi.ru/zhivotnovodstvo/intervyu/rossiiskoe-ovcevodstvo-sovremennye-realii.html>

⁶ <http://www.otkani.ru/> (дата обращения 04.04. 2020)

кости крупного и мелкого рогатого скота, что свидетельствует о разведении в округе города овец, коз и коров (*Антипина, Лебедева, 2012. С. 164–166*). Исходя из этого, можно с большой долей уверенности предполагать местное происхождение шерстяного сырья для войлочных изделий из сооружения № 110.

Утверждать что-либо определенное о социальном статусе людей, которым принадлежали данные вещи, было довольно опрометчиво, поскольку войлок относится к категории текстиля, который был в обиходе всех слоев древнерусского населения хотя бы по причине доступности сырья (шерсти) и относительной простоты изготовления. По находкам в сооружении № 110 изделий из войлока, в том числе плащей и войлочной обуви, а также остатков тканей из шерстяных (1 образец), растительных (7 образцов) и одной ткани из смешанных растительно-шерстяных волокон можно предполагать, что захоронение было совершено в холодное время года.

Итак, комплексное исследование войлока из санитарного захоронения в Ярославле позволило получить единовременный срез данных по ряду аспектов бытования войлока в домонгольской Руси. Были выявлены и описаны несколько типов изделий, которые изготавливались из войлока (стелька, плащи, предположительно, обувь, бытовые покрытия или детали конской сбруи). Технология производства войлока предполагала использование различного сырья: все исследованные изделия свалены из овечьей шерсти, в двух же случаях с добавлением шерсти козы и коровы.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю.*, 2012. Растения и животные. Гл. 6 // Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М.: ИА РАН. С. 144–229.
- Арциховский А. В.*, 1949. Раскопки на Славне в Новгороде // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I / Под ред. Н. Н. Воронина. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 119–151. (МИА; № 11.)
- Вильсдорф Х., Жуковская Н. Л.*, 1989. Валяние войлока // Материальная культура / Отв. ред.: С. А. Арутюнов, Р. Вайнгольд. М.: Наука. С. 20–22. (Свод этнографических понятий и терминов; вып. 3.)
- Гайдуков П. Г.*, 1992. Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М.: Наука. 198 с.
- Давидан О. И.*, 1981. Ткани Старой Ладogi // Археологический сборник / Гос. Эрмитаж. № 22. Л.: Искусство. С. 100–113.
- Зубкова Е. С., Сингх В. К.*, 2018. Новые находки головных уборов из раскопок в Новгороде // Неокончаемое лето: сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной. М.; Великий Новгород: Любавич. С. 83–87.
- Карпухин А. А., Соловьева Л. Н., Энговатова А. В.*, 2011. Дендрохронологическое датирование сооружений XIII в. из раскопок в Ярославле // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 92–114.
- Кучкин В. А.*, 1977. К изучению текста новгородской берестяной грамоты 138 // СА. № 4. С. 292–295.
- Левашёва В. П.*, 1959. Обработка кожи, войлока и других видов животного сырья // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 38–60. (Труды ГИМ; вып. 33.)
- Миколайчук Е. А.*, 1981. Исследование состава тканей и войлоков по волокну из раскопок Старой Ладogi // Археологический сборник / Гос. Эрмитаж. № 22. Л.: Искусство. С. 114–121.
- Орфинская О. В.*, 2008. Исследование археологических органических материалов из раскопок в городе Ярославле в 2007 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 44365. Энговатова А. В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д. 1). Т. V. Приложение № 8.

- Осинов Д. О.*, 2006. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. М.: ИА РАН. 202 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 7.)
- Павлова Н. А.*, 2019. Головные уборы из раскопок в Московском Кремле в 2007 году // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 29. М.: Московский Кремль. С. 356–367.
- Сабурова М. А.*, 1997. Древнерусский костюм // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред.: Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука. С. 93–109. (Археология.)
- Стеланова Ю. В.*, 2014. Костюм древнерусского человека: реконструкция по данным археологии [Электронный ресурс]. Тверь: Тверской гос. ун-т. 201 с. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/144193008.pdf>
- Техническая энциклопедия. Т. 4 / Гл. ред. Л. К. Мартенс. М.: Советская энциклопедия, 1928. 941 с.
- Торопова Е. В.*, 2009а. Отчет об археологических исследованиях на Пятницком раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2008 г. Т. I // Архив ИА РАН. Р-1. № 44061
- Торопова Е. В.*, 2009б. Отчет об археологических исследованиях на Пятницком раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2008 г. Т. II // Архив ИА РАН. Р-1. № 44062.
- Торопова Е. В.*, 2011. Отчет об археологических исследованиях на Пятницком раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2010 г. Ч. I // Архив ИА РАН. Р-1. № 39587.
- Фатюнина О. А.*, 2012. Детали кожаных сапог Переяславля-Рязанского XV – начала XVII века // АП. Вып. 8 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН. С. 286–296.
- Царёва Е. Г.*, 2006. Войлоки Евразии // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа / Отв. ред. В. А. Прищепова. СПб.: Наука. С. 226–265. (Сборник Музея антропологии и этнографии; т. 52.)
- Чернова О. Ф.*, 2006. Архитектоника волос и ее диагностическое значение. М.: Наука. 80 с. (Библиотека судебного эксперта.)
- Чернова О. Ф., Перфилова Т. В., Жукова Ф. А., Киладзе А. Б., Новикова В. М., Маракова Т. И.*, 2011. Атлас микроструктуры волос млекопитающих – объектов судебной экспертизы. М.: ЭКОМ Паблишерз. 286 с.
- Чернова О. Ф., Целикова Т. Н.*, 2004. Атлас волос млекопитающих. Тонкая структура остевых волос и игл в сканирующем электронном микроскопе. М.: Товарищество научных изданий КМК. 429 с.
- Энгватова А. В.*, 2008. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле на месте строительства отеля Мэриотт (Волжская набережная, д. 1). Т. II // Архив ИА РАН. Р-1. № 44362.
- Энгватова А. В.*, 2019. Рубленый город Ярославля в домонгольский период по данным археологии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (78). С. 91–111.
- Энгватова А. В., Антипина Е. Е., Власов Д. В., Добровольская М. В., Капрухин А. А., Осинов Д. О.*, 2012. Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле (результаты комплексного исследования) // Археология: история и перспективы: Пятая межрегион. конф.: сб. ст. Ярославль: Ярославский музей-заповедник. С. 185–208.
- Энгватова А. В., Кадиева Е. К.*, 2018. Круговая керамика Ярославля первой половины XIII в. из заполнения комплексов массовых захоронений 1238 г. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11: Тверь. С. 23–60.
- Nockert M.*, 1997. Bockstensmannenochhans Dräkt. Halmstad; Borås: Hallands länsmuseum Halmstad och Varberg. 158 s.

Сведения об авторах

Энгватова Ася Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: engov@mail.ru;

Чернова Ольга Федоровна, Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Ленинский проспект, д. 33, Москва, 119071, Россия; e-mail: chernova@sevin.ru;

Орфинская Ольга Вячеславовна, Центр египтологических исследований РАН, Ленинский пр-т, 29, стр. 8, Москва, 119071, Россия; e-mail: orfio@yandex.ru;

Яковчик Мария Сергеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: jack_sragov_3@mail.ru

A. V. Engovatova, O. F. Chernova,
O. V. Orfinskaya, M. S. Yakovchik

FELT FROM A MASS GRAVE (CONSTRUCTION NO. 110)
IN YAROSLAVL

Abstract. The paper presents the study of the felt discovered in a mass sanitary grave of Yaroslavl residents who were killed when the city was laid waste by the Batu Khan army in 1238. Several types of felt fabrics were identified and their structural and technological features were revealed. The determination of animal species the wool of which was used as a source material supplemented our ideas on raw material sources and textile technologies in pre-Mongol Medieval Rus.

Keywords: textile, felt, felting, wool, taxonomic expertise, Medieval Russia, Yaroslavl.

REFERENCES

- Antipina E.E., Lebedeva E. Yu., 2012. Rasteniya i zhivotnyye. Gl. 6. [Plants and animals. Chapt. 6]. Arkheologiya drevnego Yaroslavya. Zagadki i otkrytiya [Archaeology of Old Yaroslavl. Secrets and discoveries]. Moscow: IA RAN, pp. 144–229.
- Artsikhovskiy A. V., 1949. Raskopki na Slavne v Novgorode [Excavations at Slavna in Novgorod]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov [Materials and investigations on archaeology of ancient Russian cities]*, I. N. N. Voronin, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 119–151. (MIA, 11.)
- Chernova O. F., 2006. Arkhitektonika volos i eye diagnosticheskoye znachenie [Hair architectonics and its diagnostic significance]. Moscow: Nauka. 80 p. (Biblioteka sudebnogo eksperta.)
- Chernova O. F., Perfilova T. V., Zhukova F. A., Kiladze A. B., Novikova V. M., Marakova T. I., 2011. Atlas mikrostruktury volos mlekopitayushchikh – ob’yektov sudebnoy ekspertizy [Atlas of structure of hair of mammals – objects of forensic examination]. Moscow: EKOM Pablisherz. 286 p.
- Chernova O. F., Tselikova T. N., 2004. Atlas volos mlekopitayushchikh. Tonkaya struktura ostevykh volos i igl v skaniruyushchem elektronnom mikroskope [Atlas of mammals’ hair. Fine structure of the spines and spines in the scanning electron microscope]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK. 429 p.
- Davidan O. I., 1981. Tkani Staroy Ladogi [Staraya Ladoga textiles]. *Arkheologicheskii sbornik [Archaeological annual]*, 22. Leningrad: Iskusstvo, pp. 100–113.
- Engovatova A. V., 2008. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Yaroslavle na meste stroitel’sтва otelya Meriott (Volzhskaya naberezhnaya, d. 1) [Report on rescue archaeological excavations in city of Yaroslavl in construction site of Mariott hotel (Volzhskaya naberezhnaya, 1)], II. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
- Engovatova A. V., 2019. Rublenyy gorod Yaroslavya v domongol’skiy period po dannym arkheologii [Rublenyy gorod in Yaroslavl in pre-Mongol period according to archaeological data]. *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki [Ancient Rus. Medieval studies]*, 4 (78), pp. 91–111.
- Engovatova A. V., Antipina E. E., Vlasov D. V., Dobrovol’skaya M. V., Kaprukhin A. A., Osipov D. O., 2012. Devyatoye kolektivnoye zakhoroneniye 1238 g. na territorii Rublenogo goroda v Yaroslavle (rezul’taty kompleksnogo issledovaniya) [The ninth 1238 mass burial in territory of Rublenyy gorod in Yaroslavl (results of complex research)]. *Arkheologiya: istoriya i perspektivy: Pyataya mezhregional’naya konferentsiya [Archaeology: history and perspectives: Fifth interregional conference]*. Yaroslavl: Yaroslavskiy muzey-zapovednik, pp. 185–208.
- Engovatova A. V., Kadiyeva E. K., 2018. Krugovaya keramika Yaroslavya pervoy poloviny XIII v. iz zapolneniya kompleksov massovykh zakhoroneniyy 1238 g. [Wheel-made ceramics of Yaroslavl in first half of XIII c. from infill of complexes of 1238 mass burials]. *Tver’, Tverskaya zemlya i sopredel’nyye territorii v epokhu srednevekov’ya [Tver’, Tver’ land and adjacent territories in medieval epoch]*, 11. Tver’, pp. 23–60.

- Fatyunina O. A., 2012. Detali kozhanykh sapog Pereyaslavlya Ryazanskogo XV – nachala XVII veka [Leather boots details from Pereyaslavl Ryazanskiy, XV – early XVII century]. *AP*, 8. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 286–296.
- Gaydukov P. G., 1992. Slavenskiy konets srednevekovogo Novgoroda: Nutnyy raskop [Slavenskiy end of medieval Novgorod: Nutnyy excavation trench]. Moscow: Nauka. 198 p.
- Karpukhin A. A., Solov'yeva L. N., Engovatova A. V., 2011. Dendrokronologicheskoye datirovaniye sooruzheniy XIII v. iz raskopok v Yaroslavle [Dendrochronological dating of XIII century constructions from excavations in Yaroslav]. *Analiticheskiye issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical investigations of Laboratory of natural sciences]*, 2. Moscow: IA RAN, pp. 92–114.
- Kuchkin V. A., 1977. K izucheniyu teksta novgorodskoy berestyany gramoty 138 [On study of text of birch bark charter 138 from Novgorod]. *SA*, 4, pp. 292–295.
- Levasheva V. P., 1959. Obrabotka kozhi, voyloka i drugikh vidov zhitovnogo syr'ya [Processing of leather, felt and other kinds of animal raw materials]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. [Essays on history of Russian village, X–XIII cc.]*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 38–60. (Trudy GIM, 33.)
- Mikolaychuk E. A., 1981. Issledovaniye sostava tkaney i voylokov po voloknu iz raskopok Staroy Ladogi [Investigation by fiber of composition of textiles and felts from Staraya Ladoga excavations]. *Arkheologicheskii sbornik [Archaeological annual]*, 22. Leningrad: Iskusstvo, pp. 114–121.
- Orfinskaya O. V., 2008. Issledovaniye arkheologicheskikh organicheskikh materialov iz raskopok v gorode Yaroslavle v 2007 godu [Investigation of archaeological organic matters from excavations in city of Yaroslav, 2007]. *Archive of IA RAS. Engovatova A. V. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Yaroslavle na meste stroitel'stva otelya Meriott (Volzhskaya naberezhnaya, d. 1). Tom V. Prilozheniye № 8 [Report on rescue archaeological excavations in city of Yaroslav in construction site of Meriott hotel (Volzhskaya naberezhnaya, 1). Vol. V. Appendix 8]*. (In Russian, unpublished.)
- Osipov D. O., 2006. Obuv' Moskovskoy zemli XII–XVIII vv. [Footwear of Muscovite land in XII–XVIII cc.]. Moscow: IA RAN. 202 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 7.)
- Pavlova N. A., 2019. Golovnyye ubory iz raskopok v Moskovskom Kreml'e v 2007 godu [Headdresses from excavations in Moscow Kremlin in 2007]. *Muzei Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya [Museums of Moscow Kremlin. Materials and investigations]*, 29. Moscow: Moskovskiy Kreml', pp. 356–367.
- Saburova M. A., 1997. Drevnerusskiy kostyum [Old Russian costume]. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Ancient Rus. Everyday life and culture]*. B. A. Kolchin, T. I. Makarova, eds. Moscow: Nauka, pp. 93–109. (Arkheologiya.)
- Stepanova Yu. V., 2014. Kostyum drevnerusskogo cheloveka: rekonstruktsiya po dannym arkheologii (Elektronnyy resurs) [Costume of Old Russia man: reconstruction according to archaeological data (Electronic resource)]. Tver': Tverskoy gos. universitet. 201 p. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/144193008.pdf>
- Tekhnicheskaya entsiklopediya [Technical encyclopedia], 4. L. K. Martens, ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1928. 941 p.
- Toropova E. V., 2009a. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na Pyatnitskom raskope v g. Staraya Russa Novgorodskoy oblasti v 2008 g. [Report on archaeological investigations in Pyatnitskiy excavation trench in city of Staraya Russa, Novgorod region, 2008], I. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Toropova E. V., 2009b. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na Pyatnitskom raskope v g. Staraya Russa Novgorodskoy oblasti v 2008 g. [Report on archaeological investigations in Pyatnitskiy excavation trench in city of Staraya Russa, Novgorod region, 2008], II. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Toropova E. V., 2011. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na Pyatnitskom raskope v g. Staraya Russa Novgorodskoy oblasti v 2010 g. [Report on archaeological investigations in Pyatnitskiy excavation trench in city of Staraya Russa, Novgorod region, 2010], I. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Tsareva E. G., 2006. Voyloki Evrazii [Eurasia felts]. *Kul'turnoye naslediyе narodov Tsentral'noy Azii, Kazakhstana i Kavkaza [Cultural heritage of peoples of Central Asia, Kazakhstan and*

- the Caucasus*]. V. A. Prishchepova, ed. St. Petersburg: Nauka, pp. 226–265. (Sbornik Muzeya antropologii i etnografii, 52.)
- Vilsdorf H., Zhukovskaya N. L., 1989. Valyaniye voyloka [Felting]. *Material'naya kul'tura [Material culture]*. S. A. Arutyunov, R. Vaynhold, eds. Moscow: Nauka, pp. 20–22. (Svod etnograficheskikh ponyatii i terminov, 3.)
- Zubkova E. S., Singkh V. K., 2018. Novyye nakhodki golovnykh uborov iz raskopok v Novgorode [New finds of headdresses from excavations in Novgorod]. *Neskonchayemoye leto [Endless summer]*. Moscow; Velikiy Novgorod: Lyubavich, pp. 83–87.

About the authors

Engovatova Asya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: engov@mail.ru;

Chernova Olga F., Severtsov Institute of ecology and evolution RAS, Leninskiy prosp., 33, Moscow, 119071, Russian Federation; e-mail: chernova@sevin.ru;

Orfinskaya Olga V., Center for Egyptological Research RAS, Leninskiy prosp., 29, Moscow, 119071, Russian Federation; e-mail: orfio@yandex.ru;

Yakovchik Mariya S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: jack_sparrow_3@mail.ru

В. Ю. Коваль

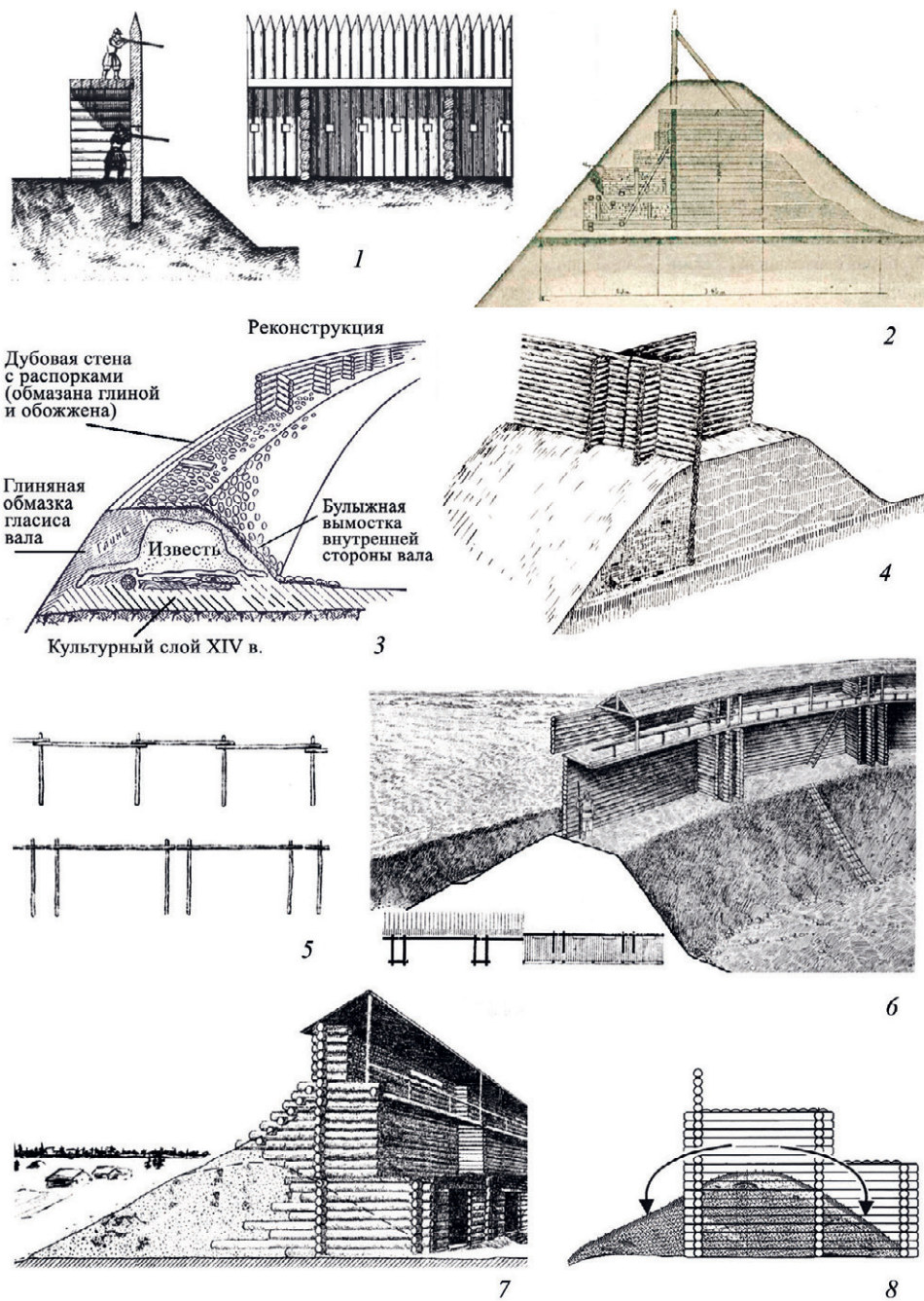
ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТРЕХСТЕННЫХ СРУБОВ В ФОРТИФИКАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Резюме. Предложен анализ использования довольно редко встречающейся в оборонном зодчестве конструкции из трехстенных срубов. Обзор представлений историков архитектуры и военного дела XIX–XX вв. сопровождается критикой их построений, исходивших из умозрительных представлений и следования схематичному изображению в труде Ласковского. В противовес этому собраны сведения о реально использовавшихся при строительстве древо-земляных стен трехстенных срубов («полугородней»), предназначавшихся преимущественно для вписывания укреплений в склоны холмов, рвов и т. п. Прослежен генезис этого строительного приема на протяжении 700 лет – с конца IX по XVI в.

Ключевые слова: оборонное зодчество, Средневековье, Русь, древо-земляная стена, вал, сруб, городня.

В кругу проблем истории средневекового русского оборонного зодчества вопрос о трехстенных срубах нельзя назвать самым актуальным, однако такие элементы все же обнаруживаются при раскопках и с регулярностью возникают в архитектурных реконструкциях. При этом далеко не всегда такие реконструкции опираются на надежные источники (изобразительные или археологические). Что касается письменных источников, то в них описания подобных архитектурных узлов неизвестны.

Вероятно, первым исследователем, изобразившим оборонительное сооружение, состоявшее из трехстенных модулей, был снискавший заслуженную славу историк русской оборонной инженерии Ф. Ф. Ласковский (1858. Альбом. Л. 10: 82, 83). На одной из его иллюстраций деревянная стена острога в виде частокола была снабжена перпендикулярными распорками из уложенных одно на другое бревен, каким-то непонятным образом врезанных в частокол (рис. 1: 1). При этом противоположные от частокола концы бревен не были как-то скреплены между собой. Судя по иллюстрации, эти поперечные распорки служили основой для помоста верхнего боевого хода. В подписи к рисунку не было указано,

Рис. 1. Реконструкции трехстенных срубов, в т. ч. по материалам раскопок в XX в.
 1 – по Ф. Ф. Ласковскому (1858, № 82, 83); 2 – по В. В. Хвойке для Белгорода Киевского (*Полонская*, 1911. Рис. 40); 3 – по Б. А. Рыбакову для Звенигорода (1949. Рис. 4); 4, 5 – по П. А. Раппопорту (1956. Рис. 91, 92); 6 – по П. А. Раппопорту (1961. Рис. 108); 7 – по В. Я. Конецкому (2005. Рис. 5); 8 – реконструкция стены Мальшевского городища по Ю. Ю. Моргунову (2009. Рис. 47)

стена какого именно острога послужила тут образцом, поэтому можно думать, что здесь была дана некая схема, не имевшая конкретного адреса. Видел ли сам военный инженер такую конструкцию или нет, остается непонятным, но среди опубликованных чертежей русских крепостей Нового времени такая конструкция неизвестна. Археологические исследования сибирских острогов также пока не дали оснований для подобных реконструкций.

Текст того раздела книги Ф. Ф. Ласковского, который иллюстрирует интересующий нас рисунок, оставляет поле для разночтений, поскольку в нем говорится о «поперечных венчатых стенках, врубленных в тыновую ограду» (Ласковский, 1858. С. 100). Но назвать уложенные друг на друга бревна «венчатой стенкой» довольно сложно, поскольку «венцами» называют бревна одного яруса, уложенные по периметру сруба, а в данном случае никакого «венца» не показано. Кроме того, военный инженер не мог не знать, что при укладке бревен в одну стенку, без перевязки с перпендикулярными им бревнами или без пары столбов, удерживавших такую стенку в вертикальном состоянии, у нее не было шансов не только стать надежной опорой для боевого хода, но даже просто устоять в таком положении на протяжении нескольких дней, даже если бревна укладывались в специально выбранные продольные пазы на нижележащем бревне. Любое внешнее усилие, приложенное к незакрепленным концам такой стенки, привело бы к ее разрушению. Поэтому возникает подозрение, что на опубликованной схеме была изображена не вся конструкция, а только ее часть, непосредственно прилегавшая к частоколу, в целом же виде здесь подразумевался именно венчатый сруб из трех стенок, четвертую стенку которого составлял частокол, тыльная же сторона сруба была просто удалена художником для экономии места (на листе иллюстраций с большой плотностью помещено 18 различных изображений). В виде такого сруба конструкция уже могла прочно стоять, имея 2 узла перевязки бревен и 2 выпуска их в частокол, где свободные концы боковых бревен закреплялись между вертикальными тычинами. В принципе, такие срубы можно было бы называть трехстенными. Заметим, что в таком виде весь конструктив острожной стены стал бы необычайно близок рубленной стене, состоявшей из «тарасов», т. е. клетей, часть из которых могла заполняться землей или камнями. Все отличие состояло бы в том, что по внешней стороне такой стены горизонтальные бревна срубов оказались бы заменены на линию тына. Хотя такие стены неизвестны ни на чертежах, ни в археологических остатках, их существование нельзя считать невозможным – с инженерной точки зрения они вполне допустимы.

Однако опубликован был именно тот вариант, о котором шла речь, и именно он, освященный авторитетом выдающегося историка военной архитектуры, стал образцом для копирования, источником литературных ссылок. Например, реконструируя оборонительные сооружения средневекового Болгара, О. С. Хованская взяла за основу именно этот рисунок из книги Ф. Ф. Ласковского, скопировав его оттуда без какого-либо критического анализа (*Хованская*, 1958. Рис. 6). Точно так же копируют это изображение и другие исследователи, веря, что в нем зафиксирована некая реальность XVIII или XIX в. Однако, как видим, это не совсем так.

Трехстенные срубы «проникают» в русскую археологическую литературу полустолетием позже издания труда Ласковского, после раскопок В. В. Хвойкой

вала в Белгороде Киевском (рис. 1: 2). Здесь были обнаружены остатки как древо-земляной стены, так и мощного приклада из сырцовых кирпичей по внешней ее стороне (Полонская, 1911. Рис. 38–40). При этом та часть городней, которая была обращена в сторону площадки городища, практически не сохранилась (точнее, методика раскопок начала XX в. не позволила зафиксировать почти полностью истлевшие бревна), поэтому раскопщику показалось, что им открыты не целые четырехстенные, а усеченные трехстенные срубы. Ошибке способствовало также то, что в те годы валы вокруг русских городов еще воспринимались как искусственные насыпи, а до понимания того, что они представляют собой руины деревянных вертикальных стен с грунтовым заполнением, было еще очень далеко¹.

Однако реконструкция Хвойки, наверное, осталась бы забавным историографическим курьезом, если бы у фантома «трехстенных срубов» не появились новые последователи. Одним из них стал Б. А. Рыбаков, исследовавший в 1944–1945 гг. вал подмосковного Звенигорода (1949. С. 131. Рис. 4). Благодаря тщательности раскопок и внимательной фиксации исследователю удалось установить, что в основании вала находились городни, забитые глиной. Однако уже сложившийся стереотип насыпного вала как основного элемента древнерусской фортификации не позволил ему в то время распознать в этих городнях остатки стен – он был занят поисками конструктивных деталей именно земляной насыпи. Что конкретно было зафиксировано на вершине вала, остается загадкой, однако в созданной Б. А. Рыбаковым реконструкции фигурируют именно трехстенные срубы, три стороны которых сложены из горизонтальных бревен, а четвертая отсутствует, причем свободные концы бревен поперечных стенок ничем не закреплены (рис. 1: 3) и этим подозрительно сильно напоминают рисунок Ф. Ф. Ласковского. Хотя в публикации итогов раскопок в Звенигороде нет никаких ссылок на историка военной архитектуры, сходство изображений заставляет думать, что образцом для реконструкции стала именно его работа. Рыбакову пришлось лишь заменить частокол по фронту на стенку из горизонтальных бревен, вероятно, потому, что никакой канавы для установки частокола на вершине вала он не обнаружил.

С трудами Ласковского, реконструкциями Хвойки и Рыбакова был хорошо знаком наиболее известный знаток древнерусской фортификации П. А. Раппопорт, как раз приступивший к своим исследованиям во второй половине 1940-х гг. Ему ни разу не удалось найти при проведении многочисленных разрезов валов трехстенные срубы (в противном случае эти примеры были бы приведены в его книгах), однако Павел Александрович был убежден, что стены древнерусских городов были полыми, подобно стенам сибирских острогов XVII–XVIII вв., и такие стены венчали валы с «внутривальными конструкциями». Эта мысль многократно повторяется в его работах. При этом «стены над валами» он упорно считал неким продолжением срубов, закопанных в землю «вала». Но поскольку на поверхности валов никаких следов таких стен обнаружить было нельзя, открывался простор для произвольных реконструкций этих домысливаемых строений. При этом

¹ Историография вопроса не входит в задачи данной статьи, поэтому заинтересованного читателя отсылаем к трудам Ю. Ю. Могунова (2009) и К. С. Носова (2013).

уважаемый исследователь почему-то не стал развивать идею о стенах из замкнутых срубов (т. е. строго следовать известным сибирским аналогиям), но увлекся трехстенными модулями. Объяснить такую странность можно только влиянием авторитета названных выше предшественников (Ф. Ф. Ласковского, В. В. Хвойки, Б. А. Рыбакова). В первой монографии П. А. Раппопорта, изданной в 1956 г., представлены трехстенные срубы, целиком повторяющие схему Ласковского, – их свободные концы не закреплены (1956. Рис. 91, 92) (рис. 1: 4, 5). Однако очень скоро исследователю стало ясно, что стены такой конструкции не могли бы простоять достаточно долго, разрушившись из-за несовершенства своей конструкции, и древние строители просто не могли себе позволить подобную глупость. Поэтому в следующей монографии им был придуман выход из этого очевидного тупика: сдвоенные выпуски бревен он соединил перерубом, придав им необходимую прочность (*Раппопорт*, 1961. Рис. 108) (рис. 1: 6). В целом виде такая стена уже стала напоминать позднейшие тарасы, где срубы могли чередоваться с заплотами из горизонтально уложенных бревен. Сегодня мы можем констатировать, что эта гипотеза не прошла проверки временем, а стены древнерусских городов не были идентичны тынам сибирских острогов, составляя гораздо более мощные сооружения из городней с земляным заполнением (*Коваль*, 2019; 2020. С. 409, 410).

Еще один вариант «трехстенных срубов» был предложен В. Я. Конечким при реконструкции укреплений Малышевского городища (2005. С. 66–69. Рис. 6), где такие срубы были фактически продолжением обычных срубов, имевших в напольную сторону длинные выпуски, утопавшие в насыпи вала (рис. 1: 7). Самое странное, что на раскопных чертежах отчетливо видно, что тут зафиксирован не один, как полагал автор этой реконструкции, а два ряда городней (Там же. Рис. 5), причем длинные выпуски бревен в напольную сторону позволяют думать, что мог существовать еще и третий их ряд. В предложенной же раскопщиком реконструкции древо-земляная стена оказалась «пристроена» изнутри к насыпи вала, виртуально превращенной в пологий (т. е. максимально удобный для подъема противника) пандус для подхода к верхней части стены. Остатки второго ряда городней как раз и были ошибочно приняты за «трехстенные срубы». Гораздо более убедительна реконструкция этой стены в виде двух рядов городней, предложенная Ю. Ю. Моргуновым (2009. С. 103, 104. Рис. 45–47) (рис. 1: 8). Этот случай показывает, что без понимания древних традиций фортификации даже тщательная фиксация остатков древесины не позволяет преодолеть стереотип «оборонительных валов с внутривальными конструкциями» и очевидные следы городней остаются незамеченными, выпадая из реконструкций или преобразаясь в фантастические формы.

Кажется, на этом можно было бы поставить точку, похоронив идею о «трехстенных срубах» в древнерусских валах. Однако точку ставить рано, поскольку такие срубы все же использовались в средневековом русском фортификационном строительстве, но только совсем не так, как это представлялось перечисленным выше авторам. Первый документально зафиксированный случай использования таких срубов относится к рубежу IX–X вв. и связан с возведением древнейших стен Новгородского (Рюрикова) городища. Здесь трехстенные срубы были пристроены к склонам городищенского холма, причем горизонтально лежащие бревна поперечных стенок забивались в склон, а концы бревен были

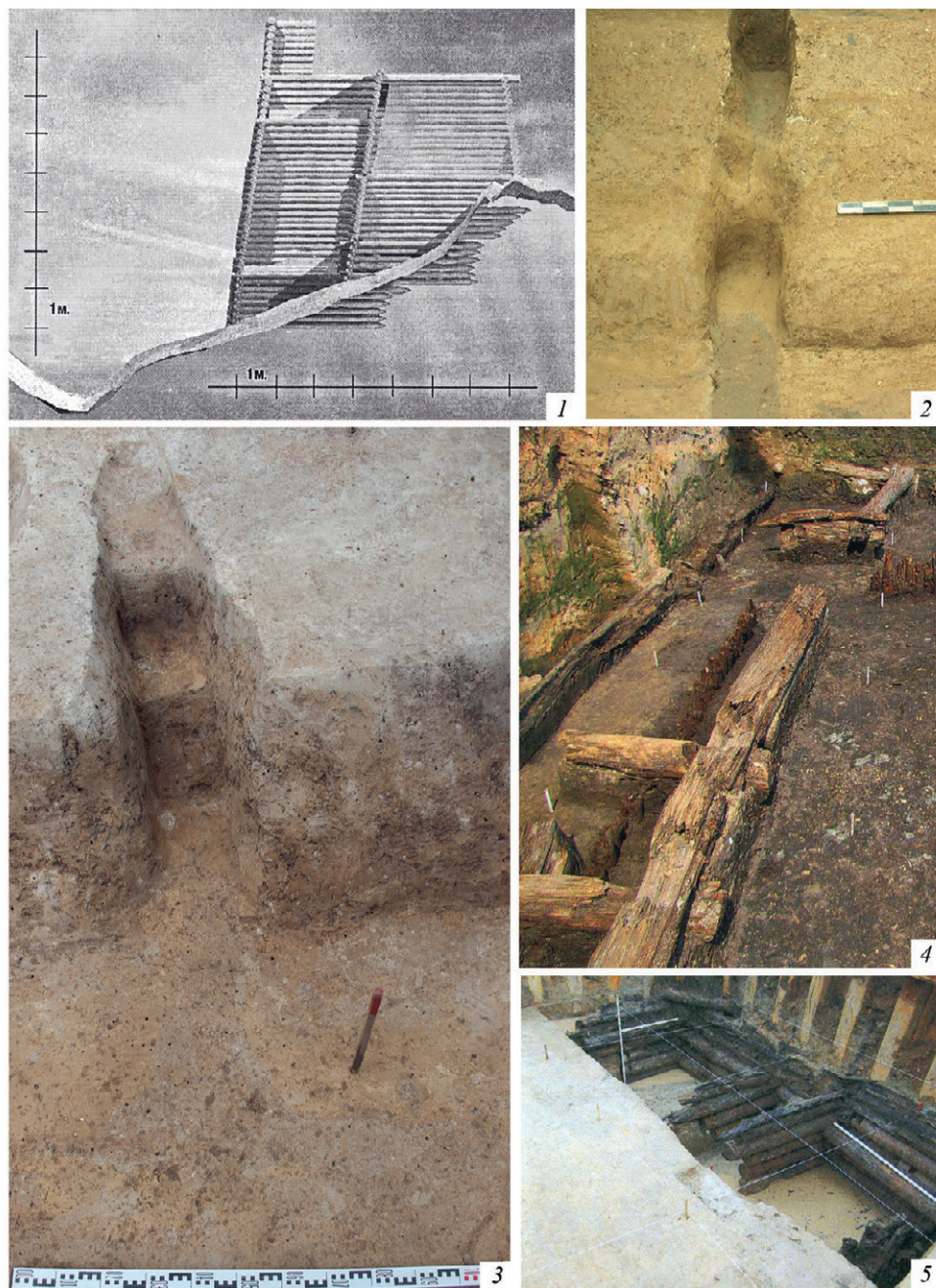
заострены (Носов, 2007. С. 34. Рис. 6, 7; Михайлов, 2009. С. 284). Сама стена состояла из двух рядов срубов: внешний ряд составляли обычные четырехстенные срубы, а внутренний, прилежавший к склону, из трехстенных, причем все они воздвигались с использованием элементов перекладной конструкции стен.

Похожий прием был применен и в соседнем Изборске при реконструкции воротного проема, когда к разрушившейся и превратившейся в вал стене более раннего этапа в начале XIII в. был пристроен воротный пилон в виде трехстенного сруба (Лопатин, 2016. С. 127).

Аналогичное строение имела и стена киевского детинца, воздвигнутая в первой половине X в. (рис. 2: 1). Имелось, впрочем, одно отличие: на Старокиевской горе стена была пристроена не к природному склону, а прислонена к внутреннему склону вырытого глубокого рва. Внутренний объем полусрубов при этом засыпался грунтом, аналогично обычным городням, дополненным также рядами уложенных горизонтально бревен, как при сооружении стен перекладной конструкции. Устойчивость конструкции достигалась благодаря небольшому уклону внешнего панциря такой стены и опять же забиванию заостренных концов бревен боковых сторон срубов в склон рва (Михайлов, 2009. С. 273, 279. Рис. 3, 4). По мнению К. А. Михайлова, крепости на Волхове и в Киеве возводились, возможно, одними и теми же строителями (Там же. С. 286).

Способ применения трехстенных срубов не был забыт на Руси в X в. и сохранился в оборонном зодчестве надолго. Следующий по времени случай возведения трехстенных срубов отмечен на 300–350 лет позже, при ремонте укрепленного города, имевшего совершенно иной, гораздо более низкий, статус: речь идет о Ростиславле Рязанском, древо-земляная стена которого была построена в золотоордынское время (Коваль, 2015. С. 104, 105. Рис. 2: 4; 4). Свободные концы бревен рассматриваемых срубов вставлялись в специально вырытые в склоне рва вертикальные канавки, в которых они надежно закреплялись (рис. 2: 2, 3). Как и в ранних стенах Киева и Рюрикова городища, тут каждое последующее (лежавшее выше) бревно делалось длиннее предыдущего, поскольку стенка рва имела уклон около 45 градусов. В результате канавки для этих бревен приобрели ступенчато опускавшееся дно. Этот прием был применен не сразу же при возведении первой городской стены, а лишь на этапе ее перестройки, когда ров был значительно расширен и углублен. Отсюда ясно, что трехстенные срубы использовались далеко не всегда при строительстве городских стен, а лишь в тех случаях, когда возникала надобность разместить эту стену на склоне холма, оврага или рва. Следовательно, сам способ установки трехстенных срубов не был широко распространен и входил в арсенал средств строителей высокой квалификации, способных решать столь сложные инженерные задачи.

При этом на том же Ростиславле при возведении древо-земляной стены на склоне его площадки городни устанавливались без врезки трехстенных срубов в материковый склон (Коваль, Русаков, 2017. С. 126. Рис. 1: II). Это особенно удивительно потому, что сооружение трехстенных срубов во рву города и установка городней на склоне его площадки происходило в ходе одного и того же строительного этапа. Следовательно, можно допускать, что в ремонте стен города принимали участие несколько артелей строителей, обладавших различной квалификацией.

Рис. 2. Варианты трехстенных срубов

1 – реконструкция стен первой половины X в. на киевском детинце, по К. А. Михайлову и М. В. Никонову (*Михайлов*, 2009. Рис. 3); 2, 3 – Ростиславль-Рязанский. Канавки в склоне рва, вырезанные для закрепления в них стенок срубов (фото автора); 4 – «полусрубы» в стене Тверского кремля (по: *Хохлов, Иванова*, 2016. Рис. 12); 5 – трехстенные срубы в стене Смоленска (по: *Пронин, Соболев*, 2012. Рис. 23)

О том, что трехстенные срубы (или «полусрубы», а точнее – «полугородни») применялись как в предмонгольскую эпоху, так и в период после монгольского нашествия достаточно часто и в различных целях, свидетельствуют материалы раскопок Старой Рязани и Твери.

В Старой Рязани они были замечены в качестве трехстенных прикладов к тыльной стороне стены Южного городища, появившихся в ходе ее перестройки во второй половине XII в. (этапы 2 и 3, по Г. В. Борисевичу). Правда, Гурий Викторович почему-то называл эти трехстенные срубы «осадными клетями», допуская их жилое использование в экстраординарной обстановке. При этом, реконструируя эти трехстенные срубы в плане как совершенно отдельные конструктивные элементы, не связанные ни между собой, ни с городными стенами, он на разрезах стены показывал их соединенными с городными (*Даркевич, Борисевич, 1995. С. 101. Рис. 62, 63*). Совершенно очевидно, что полые полусрубы, не соединенные со стеной, с незакрепленными концами поперечных стенок не могли использоваться для жилья и даже не имели шансов простоять достаточно долго, не разрушившись. Находиться внутри таких сооружений было бы просто опасно для жизни. Реконструкция Г. В. Борисевича основывается на зачистке края вала на Исадских воротах Южного городища, проведенной А. Л. Монгайтом в 1950 г. (*Монгайт, 1955. С. 35–38. Рис. 8–10*). Фактически полноценных раскопок тут не проводилось, но планы снимались на нескольких уровнях. Тем не менее ни в публикации Монгайта, ни в реконструкции Борисевича не приведено никаких аргументов в пользу того, что обнаруженные в валу Старой Рязани трехстенные срубы могли использоваться как пустотелые конструкции. Более вероятно, что эти трехстенные приклады (если тут нет вообще ошибки фиксации) также были заполнены землей и сооружены для ремонта более ранних древо-земляных стен, деревянная обшивка которых подгнила и грозила обрушением. Тем самым достигалось создание достаточно широкой платформы для строительства новой стены.

В правильности такого вывода убеждают материалы раскопок Тверского кремля (*Хохлов, Иванова, 2016. С. 53–55. Рис. 8–14*). Здесь трехстенные срубы были использованы точно так же, как в Старой Рязани, – при ремонте древо-земляных стен в середине – второй половине XIII в.: их пристраивали к внутренней стороне стены, сложенной в перекладной технике во второй половине XII в. и к моменту ремонта уже сильно разрушенной, начавшей превращаться в вал (рис. 2: 4). Здесь эти приклады потребовались, видимо, с аналогичной целью – чтобы подготовить поверх полуразобранной первоначальной стены площадку для новой древо-земляной стены города (следы этой стены были полностью уничтожены современным строительством). Важно отметить, что в Твери трехстенные полугородни были сложены не из дубовых бревен (как стена XII в., да и вообще подавляющее большинство древо-земляных стен русских городов), а из сосны. При этом расстояние между старой стеной перекладной конструкции и новыми полусрубам тут составила всего 1,3–1,9 м (*Хохлов, Иванова, 2020. Рис. 1*), поэтому предполагать в этом узком пространстве какие-то полые помещения невозможно. Примеры Твери и Старой Рязани показывают, что трехстенные срубы успешно использовались для задачи подготовки строительной площадки на месте поврежденных или просто пришедших в ветхость древо-земляных стен.

Надо заметить, что похожий способ ремонта стен в ходе их постепенного превращения в валы применялся и с привлечением иной техники строительства – так называемой крюковой (хаковой). Отличие состояло в том, что поперечные стенки конструкции соединялись с продольными бревнами не врубкой, а с помощью оставленных обрубков веток, удерживавших вышележавшее поперечное бревно. Такой прием был применен при ремонте стены Минска в конце XI в., когда потребовалось укрепить внутреннюю сторону более ранней стены перекладной конструкции, начавшей разрушаться (Заяц, 1996. С. 17–20. Рис. 5, 6). Трехстенные модули с хаковым креплением зафиксированы также в стене Коломны этапов 3 и 4, относящихся ко второй половине XIV – началу XV в. (Мазуров, 2015. С. 21)². При этом трехстенные модули прикладов хаковой конструкции не стоит смешивать со стенами, полностью сложенными с применением таких же конструктивных элементов (крюков), как это было сделано в детинцах Новгорода и Москвы³.

Известен и третий способ применения трехстенных срубов в оборонном зодчестве. При возведении в XVI в. древо-земляной стены Смоленска на том участке, где она должна была пересекать верховье оврага, потребовалось спустить основание этой стены (состоявшей из обычных связанных между собой городней) на дно оврага. Без трехстенных срубов это можно было бы сделать только путем подрезки склонов оврага на вертикаль, что потребовало бы значительных земляных работ. Строители стены поступили иначе – с минимальной затратой сил и средств. Прочность конструкции достигалась тем, что полугородни подпирались стоявшими уже на дне оврага двумя рядами целых городней (рис. 3). Хотя раскопщики не разобрались с этой ситуацией, не объяснили появление в их раскопе таких полусрубов и не смогли зафиксировать канавки, вырезанные в материке для их установки (Пронин, Соболев, 2012. Рис. 9–14, 23), они все же документировали хорошо сохранившиеся деревянные части конструкции, где у поперечных стенок почти каждое вышележавшее бревно было длиннее предыдущего (рис. 2: 5).

Значит, умение использовать трехстенные срубы для строительства на склонах никуда не пропадало на протяжении столетий. Небольшое же число имеющихся в нашем распоряжении примеров применения таких конструкций объясняется не их экзотичностью, а слабой изученностью средневековой древо-земляной фортификацией и исключительной сложностью организации раскопок на крутых склонах. Тем не менее исследователям оборонительных сооружений необходимо помнить о возможности обнаружения таких конструкций при будущих раскопках.

Итак, трехстенные срубы использовались древнерусскими фортификаторами на протяжении как минимум 700 лет, но не столь примитивно, как это представлялось еще недавно. Эти срубы не устанавливались поверх «валов», но их применяли для тех случаев, когда надо было «вписать» тяжелую древо-земля-

² А. Б. Мазуров, следуя традиции, называет исследованный им фортификационный комплекс «насыпным валом», хотя тщательно зафиксированные им при раскопках конструкции принадлежат именно древо-земляным стенам.

³ Рассмотрение этих конструкций выходит за рамки темы данной статьи.

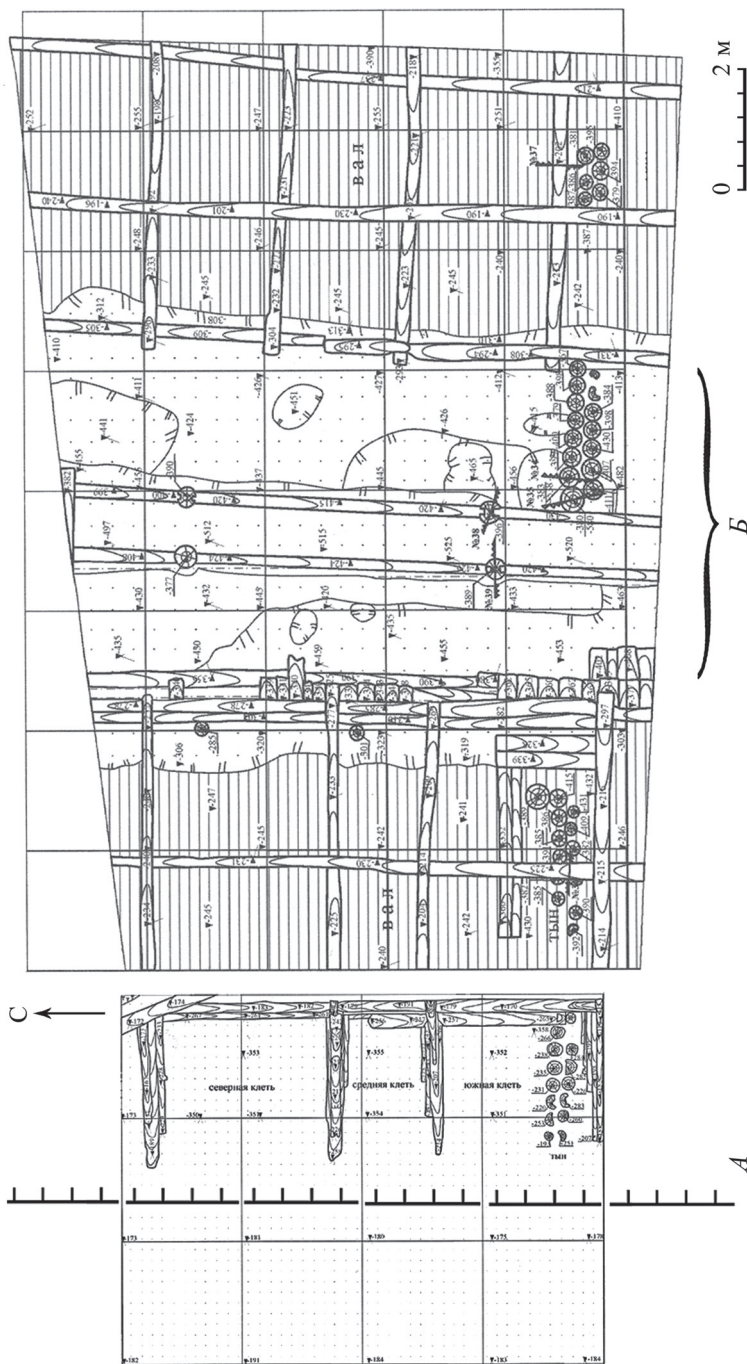

Рис. 3. Совмещенный план раскопов на Молоховских воротах Смоленской крепости XVI в.
(по: Пронин, Соболев, 2012. Рис. 9: 26)

А – край оврага; Б – воротный проезд в стене, на дне оврага

ную стену в склон оврага или рва или укрепить обветшавшую, частично разобранную, стену для возведения на ее руинах новой древо-земляной стены. Все это позволяло экономить силы и достигать эффективного результата в сложных по инженерному решению местах.

ЛИТЕРАТУРА

- Даркевич В. П., Борисевич Г. В.*, 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ. 448 с.
- Заяц Ю. А.*, 1996. Оборонительные сооружения Менска XI–XIII вв. Минск: В. Н. Милоutin. 80 с.
- Коваль В. Ю.*, 2015. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского // РА. № 1. С. 73–87.
- Коваль В. Ю.*, 2019. Роль археологии в комплексном изучении фортификации Древней Руси // Комплексный подход в изучении Древней Руси: материалы X Междунар. конф. / Отв. ред. Е. Л. Конявская. М.: Индрик. С. 96–98.
- Коваль В. Ю.*, 2020. Методика изучения валов древнерусских городов и попытки реконструкции древних оборонительных сооружений в натуре // АП. Вып. 16 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН. С. 401–414.
- Коваль В. Ю., Русаков П. Е.*, 2017. Городские укрепления на склонах (новые данные по Ростиславлю Рязанскому) // КСИА. Вып. 249. Ч. II. С. 123–130.
- Конецкий В. Я.*, 2005. Укрепления Малышевского городища в контексте культурных связей Юга и Севера Руси // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга / Сост.: В. Ю. Коваль, И. Н. Кузина; отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука. С. 64–71.
- Ласковский Ф. Ф.*, 1858. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. 316 с.
- Лопатин Н. В.*, 2016. О крепостных сооружениях Изборска начала XIII в. // РА. № 1. С. 123–130.
- Мазуров А. Б.*, 2015. Коломенский кремль – символ России и Подмосковья. Коломна: Лига. 160 с.
- Михайлов К. А.*, 2009. Анализ первых оборонительных сооружений Киева и Новгорода на фоне фортификационных традиций раннесредневековой Европы // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23 / Сост. Е. А. Рыбина; отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород: Новгородский гос. объедин. музей-заповедник. С. 269–288.
- Монгайт А. Л.*, 1955. Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР. 228 с. (МИА; № 49) (Материалы и исследования по археологии древнерусских городов; т. 4.)
- Моргунов Ю. Ю.*, 2009. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука. 303 с.
- Носов Е. Н.*, 2007. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности: к 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской обл. археолог. экспедиции: ист.-археолог. сб.: материалы Междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород) / Ред.: А. Е. Мусин; Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 23–59.
- Носов К. С.*, 2013. Русские средневековые крепости. М.: Эксмо. 352 с.
- Полонская Н. Д.*, 1911. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909–10 г. в м. Белгородке // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. С. 47–66.
- Пронин Г. Н., Соболев В. Е.*, 2012. Оборонительные укрепления Смоленска конца XVI – XVII в. у Молоховских ворот. Смоленск: Свиток. 120 с.
- Раппопорт П. А.*, 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 184 с. (МИА; № 52.) (Материалы и исследования по археологии древнерусских городов; т. 5.)
- Раппопорт П. А.*, 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 246 с. (МИА; № 105.)
- Рыбаков Б. А.*, 1949. Раскопки в Звенигороде в 1944–1945 гг. // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II / Ред. А. В. Арциховский. М.: Изд-во АН СССР. С. 125–133. (МИА; № 12.)
- Хованская О. С.*, 1958. Оборонительная система города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 316–329. (МИА; № 61.)

- Хохлов А. Н., Иванова А. Б., 2016. Исследования мысовой части Тверского кремля в 2013 г. Раскоп № 23: застройка, стратиграфия, хронология // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9 / Ред.: А. Н. Хохлов, А. С. Дворников. Тверь: Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр. С. 17–86.
- Хохлов А. Н., Иванова А. Б., 2020. О датировке Тьмацкой линии укреплений Тверского кремля // АП. Вып. 16 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН. С. 431–439.

Сведения об авторе

Коваль Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kovaloka@mail.ru

V. Yu. Koval

USE OF THREE-WALLED LOG HOUSES
IN THE FORTIFICATIONS OF MEDIEVAL RUS

Abstract. The paper analyzes the use of a construction made from three-walled block houses which are rather rare in defense architecture. The overview of concepts offered by historians of architecture and warfare of the 19th–20th centuries is complemented by a critical review of their ideas. The latter were developed on the basis of some speculative notions and adherence to a schematic drawing in Laskvosky's paper. By contrast with their efforts, information on three-walled log houses (half-*gorodnyas*) that were actually used for construction of the timber-earthen walls was collected. The task of these log houses was to ensure that fortifications were incorporated into hill, ditch sides, etc. The genesis of this construction technique in the period of 700 years, i.e. from late 9th till 16th century, was traced.

Keywords: defense architecture, the Middle Ages, Rus, timber-earthen wall, rampart, log house, *gorodnya*.

About the author

Koval Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kovaloka@mail.ru

REFERENCES

- Darkevich V. P., Borisevich G. V., 1995. Drevnyaya stolitsa Ryazanskoy zemli [Ancient capital city of Ryazan land]. Moscow: Krug". 448 p.
- Khokhlov A. N., Ivanova A. B., 2016. Issledovaniya mysovoy chasti Tverskogo kremlya v 2013 g. Raskop № 23: zastroyka, stratigrafiya, khronologiya [Investigations of promontory part of Tver' kremlin in 2013. Excavation trench No. 23: housing, stratigraphy, chronology]. Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nyye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver', Tver' land and adjacent territories in the Middle Ages]. Tver', 9. A. N. Khokhlov, A. S. Dvornikov, eds. Tver': Tverskoy nauchno-issledovatel'skiy istoriko-arkheologicheskiy irestavratsionnyy tsentr, pp. 17–86.
- Khokhlov A. N., Ivanova A. B., 2020. O datirovke T'matskoy linii ukrepleniy Tverskogo kremlya [On dating of T'maka fortification line of Tver' kremlin]. AP, 16. A. V. Engvatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 431–439.

- Khovanskaya O. S., 1958. Oboronitel'naya sistema goroda Bolgara [Defensive system of Bolgar city]. *Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of Kuybyshev archaeological expedition]*, II. A. P. Smirnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 316–329. (MIA, № 61.)
- Konetskiy V. Ya., 2005. Ukrepleniya Malyshevskogo gorodishcha v kontekste kul'turnykh svyazey Yuga i Severa Rusi [Fortifications of Malyshevskoye hillfort in context of cultural connections between the North and the South of Rus]. *Rus' v IX–XIV vv. Vzaimodeystviye Severa i Yuga [Rus in IX c. Interaction of the North and the South]*. V. Yu. Koval, I. N. Kuzina, comp., N. A. Makarov, A. V. Chernetsov, eds. Moscow: Nauka, pp. 64–71.
- Koval V. Yu., 2015. Glavnaya liniya oboronitel'nykh ukrepleny Rostislavlya Ryazanskogo [Main line of defense works in Rostislavl'-Ryazanskiy]. *RA*, 1, pp. 73–87.
- Koval V. Yu., 2019. Rol' arkheologii v kompleksnom izuchenii fortifikatsii Drevney Rusi [Role of archaeology in complex research of fortification in Old Rus]. *Kompleksnyy podkhod v izuchenii Drevney Rusi [Complex approach in research of Old Rus]*. E. L. Konyavskaya, ed. Moscow: Indrik, pp. 96–98.
- Koval V. Yu., 2020. Metodika izucheniya valov drevnerusskikh gorodov i popytki rekonstruktsii drevnykh oboronitel'nykh sooruzheniy v nature [Methods of investigation of ramparts in medieval Russian cities and attempts of reconstruction of ancient defensive works in nature]. *AP*, 16. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 401–414.
- Koval V. Yu., Rusakov P. E., 2017. Gorodskiy ukrepleniya na sklonakh (novyye dannyye po Rostislavlyu Ryazanskomu) [City fortifications on the slopes (new data on Rostislavl Ryazanskiy)]. *KSIA*, iss. 249, part II, pp. 123–130.
- Laskovskiy F. F., 1858. Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii [Materials for the history of engineering art in Russia], 1. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 316 p.
- Lopatin N. V., 2016. O krepostnykh sooruzheniyakh Izborska nachala XIII v. [On the fortifications of Izborsk at the beginning of 13th century]. *RA*, 1, pp. 123–130.
- Mazurov A. B., 2015. Kolomenskiy kreml' – simvol Rossii i Podmoskov'ya [Kolomna kremlin – symbol of Russia and Moscow region]. Kolomna: Liga. 160 p.
- Mikhaylov K. A., 2009. Analiz pervykh oboronitel'nykh sooruzheniy Kieva i Novgoroda na fone fortifikatsionnykh traditsiy rannesrednevekovoy Evropy [Analysis of the first defensive constructions of Kiev and Novgorod against the background of fortification traditions of early medieval Europe]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod Land. History and archaeology]*. Novgorod, 23. E. A. Rybina, comp., V. L. Yanin, ed. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob'yedinenyy muzey-zapovednik, pp. 269–288.
- Mongayt A. L., 1955. Staraya Ryazan' [Staraya Ryazan]. Moscow: AN SSSR. 228 p. (MIA, 49) (Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov, 4.)
- Morgunov Yu. Yu., 2009. Drevo-zemlyanyye ukrepleniya Yuzhnoy Rusi X–XIII vekov [Timber-earthen fortifications of South Rus, X–XIII centuries]. Moscow: Nauka. 303 p.
- Nosov E. N., 2007. Tridtsat' let raskopok Gorodishcha: itogi i perspektivy [Thirty years of excavations at Gorodishche: results and perspectives]. *U istokov russkoy gosudarstvennosti: k 30-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgorodskogo Ryurikova Gorodishcha i Novgorodskoy oblastnoy arkheologicheskoy ekspeditsii [At the dawn of Russian statehood: 30 years of archaeological research of Ryurikovo Gorodishche in Novgorod and Novgorod regional archaeological expedition]*. A. E. Musin; E. N. Nosov, eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 23–59.
- Nosov K. S., 2013. Russkiye srednevekovyye kreposti [Russian medieval fortresses]. Moscow: Eksmo. 352 p.
- Polonskaya N. D., 1911. Arkheologicheskiye raskopki V. V. Khvoyko 1909–10 g. v m. Belgorodke [Archaeological excavations of V. V. Khvoyko in 1909–10 in locality Belgorodka]. *Trudy Moskovskogo predvaritel'nogo komiteta po ustroystvu XV Arkheologicheskogo s'yezda [Transactions of Moscow preliminary committee for organization of XV Archaeological congress]*. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, pp. 47–66.
- Pronin G. N., Sobol V. E., 2012. Oboronitel'nyye ukrepleniya Smolenska kontsa XVI – XVII vv. u Molokhovskikh vorot [Defensive fortifications of Smolensk of late XVI – XVII cc. near Molokhovsk gate]. Smolensk: Svitok. 120 p.

- Rappoport P. A., 1956. Ocherki po istorii russkogo voyennogo zodchestva X–XIII vv. [Essays on history of Russian military architecture, X–XIII cc.]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 184 p. (MIA, 52.) (Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov, 5.)
- Rappoport P. A., 1961. Ocherki po istorii voyennogo zodchestva Severo-Vostochnoy i Severo-Zapadnoy Rusi X–XV vv. [Essays on history of military architecture of Northeastern and Northwestern Rus, X–XV cc.]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 246 p. (MIA, 105.)
- Rybakov B. A., 1949. Raskopki v Zvenigorode v 1944–1945 gg. [Excavations in Zvenigorod in 1944–1945]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy* [Materials and investigations in archaeology of Moscow], II. A. V. Artsikhovskiy, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 125–133. (MIA, 12.)
- Zayats Yu. A., 1996. Oboronitel'nyye sooruzheniya Menska XI–XIII vv. [Defensive constructions of Mensk, XI–XIII cc.]. Minsk: V. N. Milyutin. 80 p.

И. Н. Ершов, Н. А. Кренке, К. А. Ганичев

К ВОПРОСУ О ТРАССИРОВКЕ И ДАТИРОВКЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ СМОЛЕНСКА В РАЙОНЕ АВРААМИЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Резюме. Исследования восточной окраины Смоленска позволили получить новые данные, на основании которых делается попытка рассмотреть проблему расположения трасс укреплений города XVI–XVII вв. в районе Авраамиевского монастыря. Участки укреплений, прилегающие к территории монастыря, изначально являются, по данным раскопок, набросом из котлована Смоленской крепости, поновлявшимся поляками перед войнами 1632–1634 и 1654 гг. Трасса же «Нового большого города» пролегла по современной ул. Жукова.

Ключевые слова: древнерусский Смоленск, Смоленская крепостная стена, Авраамиевский монастырь, «Новый большой город», «Старый деревянный город».

Постановка проблемы

В археологии древо-земляных оборонительных сооружений в районе Авраамиевского монастыря Смоленска, отождествляемых в научной литературе с т. н. «Новым большим городом» времен Ивана Грозного (*Сапожников*, 2016. С. 48–57; *Пронин, Соболев*, 2012. С. 99), остаются нерешенные вопросы. Трассировка отдельных участков, конструктивные особенности и точная датировка археологическими методами объекта в целом, несмотря на достоверность его обозначения на всех ранних планах города 1611, 1633–1634 и 1634–1636 гг. (на гравюрах времен Сигизмунда III, И. Плейтнера и В. Гондиуса – см. рис. 1: 1–3), остаются дискуссионными (*Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 84; *Коваль*, 2019. С. 107–110).

Вал «Нового города» на польских планах показан идущим с запада на восток – северо-восток параллельно крепостной стене Федора Коня вплоть до середины прясла между Заалтарной и Авраамиевской башнями. Здесь вал обрывается, что на гравюрах показано вертикальным торцом-срезом. С запада

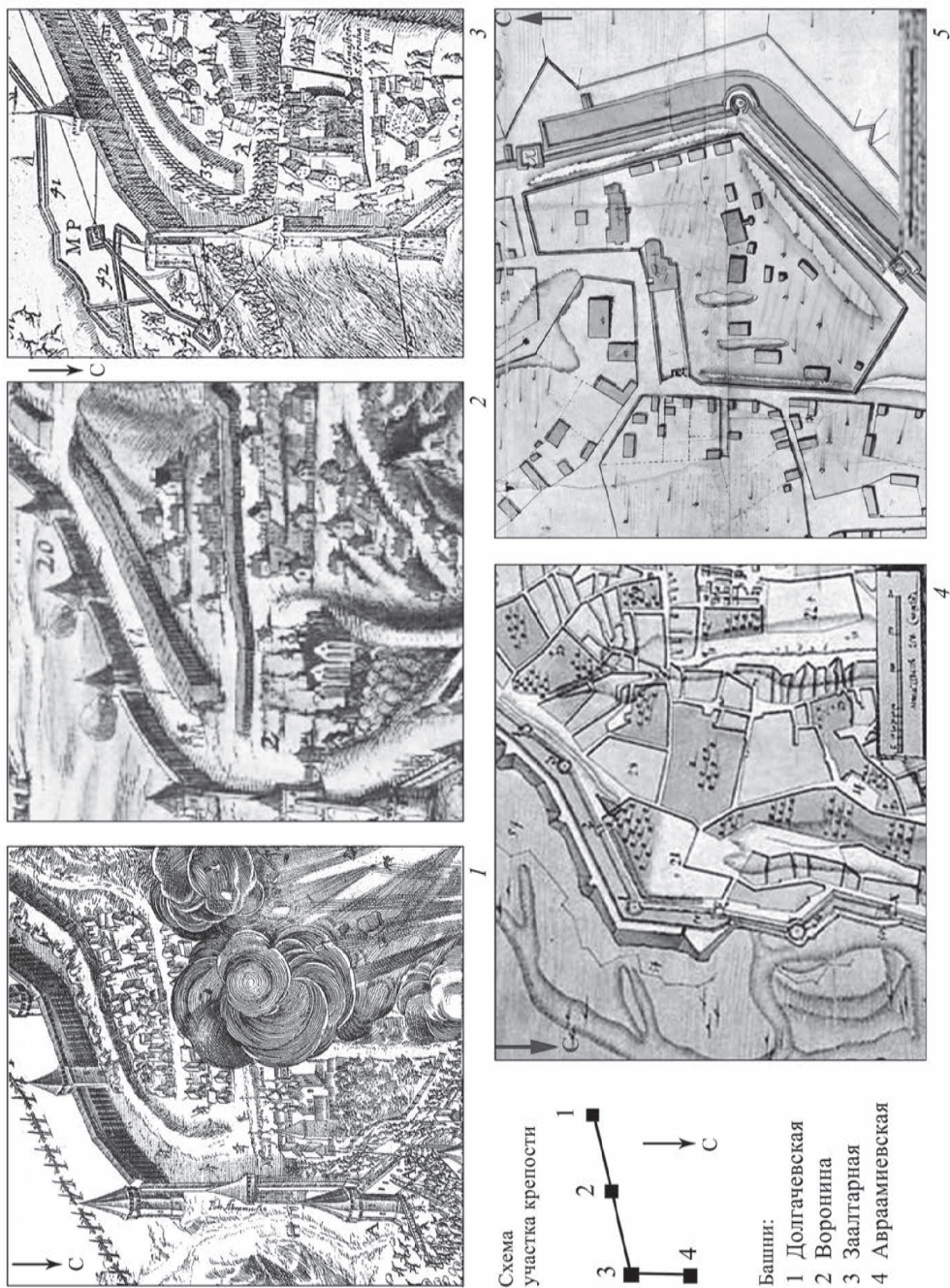

Рис. 1. Фрагменты изображений крепости Смоленска в районе Авраамиевского монастыря

1 – на памятной медали короля Сигизмунда 1611 г.; 2 – на гравюре 1633–1634 г.; 3 – на гравюре 1633–1634 г.; 4 – на плане 1706 г.; 5 – на плане 1778 г.

по направлению к крепости чуть севернее торца этого вала показана на ранних польских планах другая насыпь, также имеющая торцевое завершение у крепостной стены; резкий обрыв укреплений вызывает недоумение, если думать, что эти сооружения *заведомо существенно древнее* крепости 1596–1602 гг. и когда-то продолжались далее: одна к северу, другая к востоку. Однако археологические следы этих продолжений отсутствуют. Надо полагать, что продолжений насыпей не было вовсе; напротив, создается впечатление о досыпке прилегающих к крепостной стене отрезков этих насыпей именно в период строительства крепости.

Отметим попутно, что на всех польских планах положение соборной церкви с прилегающей территорией Авраамиевского монастыря показано к западу – северо-западу от Авраамиевской башни в отличие от расположения собора второй половины XVIII в. значительно юго-западнее ее (рис. 1: 5). Очевидно также из анализа изображений, что древний монастырь до своего разрушения был огражден частоколом, а не валом. Здания монастыря в войнах русских с поляками, и особенно при польском владении, весьма сильно пострадали¹. Следовательно, в начале второй половины XVII в. монастырь был перемещен на новое место, находящееся в 130–150 м к югу и юго-западу от прежнего места, выше по восточному берегу Зеленого ручья². С чем это могло быть связано? Очевидно, с причинами весьма серьезного характера. Возможно с тем, что монастырский собор и прочие постройки за это время были полностью руинированы, и, соответственно, стало затруднительным при отсутствии сил и средств возобновить жизнь на грудах развалин (древний собор монастыря, судя по изображениям, был выстроен из плинфы).

Во-вторых, есть не менее важный сюжет, вызывающий недоумение. На топографических планах города XVIII–XIX вв. (рис. 1: 4–5) трасса вала «Нового города» у башни Долгачевская, мощная и широкая, не прерываясь, идет с запада и как бы «отходит» от крепости к северо-востоку – северу, огибая монастырь

¹ Как сообщает И. И. Орловский, в одной из грамот короля Яна Казимира в 1650 г. упоминается «*место упраздненной Авраамиевской церкви*» (Орловский, 1905. С. 33). Очевидно, имеется в виду полностью разрушенный в польский период (примерно в 1636–1649 гг.) монастырь. В последующие несколько лет этим участком владел смоленский будовничий (чиновник, следивший за гражданскими постройками) Петр Унляр (фон Ляр-Лярский) (предок будущих Вонлярлярских). Информация почерпнута В. С. Курмановским из неопубликованного архивного дела (РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии Экономии. Ед. хр. № 10892. Списки 1686 г. с жалованной и трех указных грамот архимандриту с братией Смоленского Авраамиева монастыря. Л. 1). Монастырь им было велено возобновить в 166 г. (1657/1658), и указано, что *на том же месте*. Упоминание об этом также есть у Н. В. Трофимовского (2013. С. 189). Такая же информация содержится и в работе И. И. Орловского (2002. С. 26). Авторы искренне благодарны В. С. Курмановскому за эти сведения. Однако как и где в реальности было решено возобновить жизнь монастыря, точных данных нет.

² Еще далее к юго-западу в самом верховье оврага (на участке вокруг Ворониной башни) было в древности довольно топкое место, связанное с высоким стоянием грунтовой воды, – место, аналогичное древнему смоленскому *Блонью*, но значительно меньшее по площади. В таком месте монастырь, конечно, расположиться не мог.

с запада. Другие отрезки «раздваивающегося вала», идущие на восток – северо-восток и прилегающие к стене крепости, изображены в виде маломощных насыпей, но их завершение показано значительно севернее торцевого конца насыпи на польских планах – метров на 120–140, уже напротив ворот Авраамиевской башни.

Какие насыпи в таком случае нужно считать валом «Нового большого города»? И почему «валы» (1 – насыпь, идущая вдоль крепости, и 2 – «древняя» насыпь, идущая в широтном направлении по трассе современной ул. Ленина) неожиданно, как бы вопреки законам фортификации резко заканчиваются, подходя к середине прясла крепости между Заалтарной и Авраамиевской башнями?

Н. В. Сапожников после получения серьезных археологических данных на разрезе вала у башни Воронина (рис. 2: 1–2) и наблюдений (в виде узких траншей) за сносом другого участка вала, сохранявшегося на трассе современной ул. Жукова до 1971 г., первое затруднение решил таким образом, что мы видим участки валов двойного рода:

1) насыпь, отходящая от трассы крепостной стены к северу от Долгачевской башни, и отрезок насыпи, прилегающий к современному монастырю с юга, являются остатком некой монастырской ограда, предположительно «литовского времени» (Сапожников, 2016. С. 55, 56; С. 159. Рис. 35);

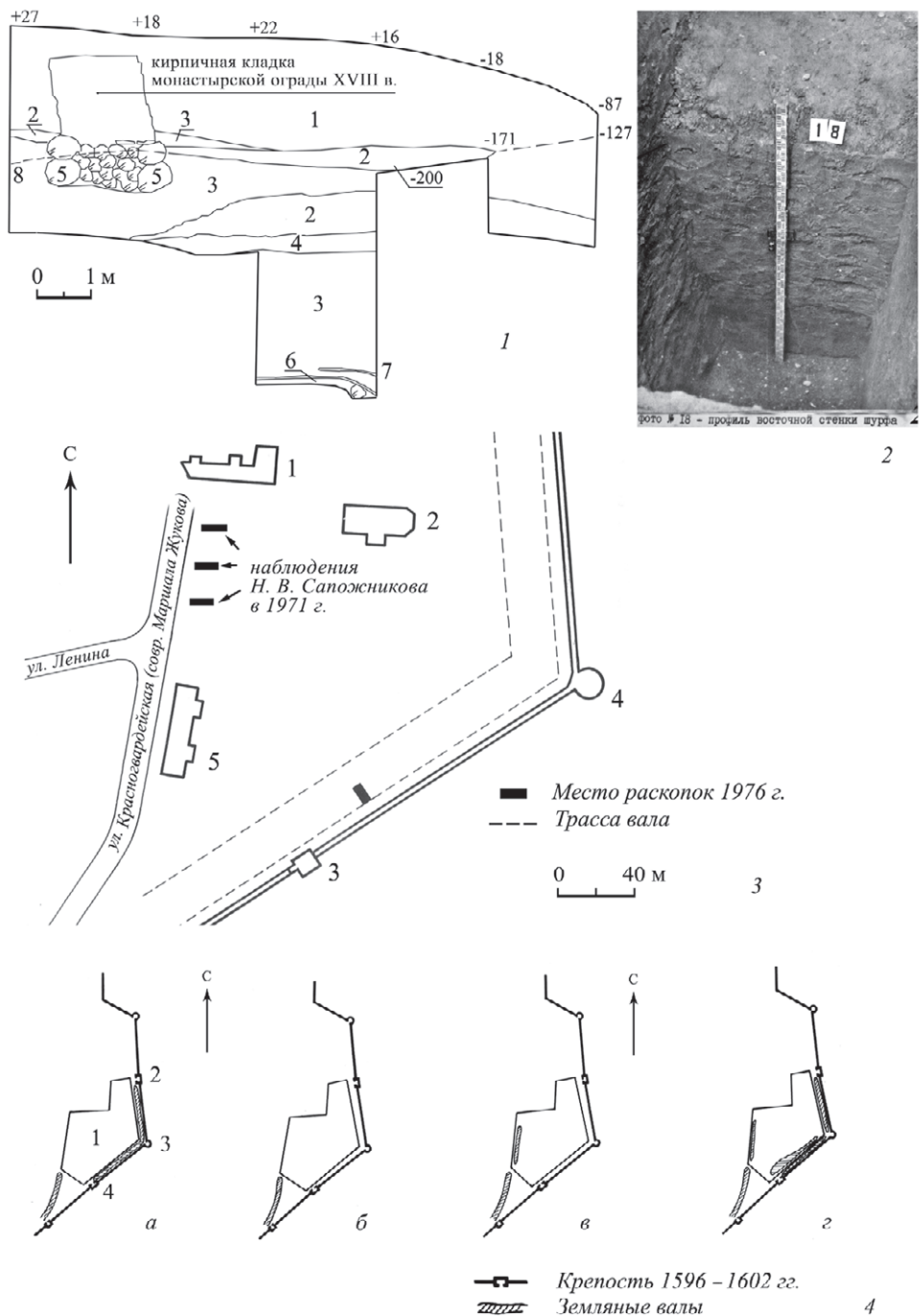
2) другой отрезок насыпи вдоль крепостной стены между башнями Заалтарная и Авраамиевская – якобы остаток вала «Нового города» (Там же).

Однако выше нами было показано, что монастырь до польского владычества находился вовсе не здесь, а существенно севернее. Известно, что еще в начале XVI в. смоляне выходили биться с московским войском *в поле за вал* «к Пречистое Аврамьевской» (Там же. С. 52). Поле, видимо, – это ровное пространство к югу от древнего расположения монастыря. Очевидно, что в то время отрезок насыпи, прилегающий к крепости между Заалтарной и Ворониной башнями, не существовал и не мог ограждать территорию монастыря. Таким образом, предположения Н. В. Сапожникова выглядят шаткими.

Археологический материал, собранный им в 1971–1976 гг. как в разрезе «вала», прилегающего к крепостной стене у башни Воронина, так и при наблюдениях за сносом вала, поворачивающего к северу, был совершенно однородным (позднесредневековая красноглиняная керамика, редкие чернолощеные и поливные фрагменты), в целом укладываюсь в интервал XIV–XVI вв. Получается, что обе насыпи древние, но точно не моложе первой трети XVII в. Загадку касательно резкого обрыва валов в виде вертикальных срезов торцов у прясла крепости между Авраамиевской и Заалтарной башнями (показанного на польских планах) Н. В. Сапожников предпочел оставить без внимания.

У предшественников Н. В. Сапожникова, Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 84) имелось иное мнение – настоящий вал «Нового города» обходил территорию Авраамиевского монастыря с запада, где этот вал и обозначен на вполне достоверных планах XVIII в., сохранившись вплоть до 1971 г. Никаких иных фактических доказательств, кроме картографических данных, у них, правда, не было.

Еще одна большая проблема касается интерпретации конструктивных особенностей вала «Нового большого города». Исследования участков «Нового города»

Рис. 2. Схемы трассировки валов в районе Авраамиевского монастыря (по: Сапожников, 2016. С. 153 и 159. Рис. 24 и 35)

1 – профиль разреза вала у Ворониной башни в 1976 г.; 2 – фото фрагмента нижней части разреза; 3 – трасса вала «Нового большого города»; 4 – варианты расположения трасс валов вокруг территории Авраамиевского монастыря по данным планов XVII–XVIII вв.

Н. В. Сапожниковым (в 1971–1976 гг.) и Г. Н. Прониным (2011–2012 гг.) показали явную неоднородность вскрытых участков: непосредственно на участке Молоховских проездных ворот это были остатки мощных срубных конструкций, а на разрезе собственно вала в Лопатинском саду были выявлены лишь легкие жердевые (?) конструкции, укреплявшие тело насыпи; у Авраамиевского монастыря ни в 1971–1976 гг., ни в наших шурфах 2018–2019 гг. никаких четко выраженных конструкций типа срубов или плетневых ограждений насыпи не зафиксировано вовсе.

Положение осложняется и тем, что И. И. Орловский на основании данных польских документов XVII в. указал, что участок вала от Шеинова пролома до Авраамиевского монастыря перед осадой Смоленска Алексеем Михайловичем в 1654 г. был досыпан поляками; на вершине вала были устроены «избицы, наполненные землею, щебнем и камнями и окруженные палисадом вровень со стенами» (*Орловский*, 2002. С. 26) для лучшей защиты горожан от огня артиллерии. Это сильно напоминает систему элементов обороны на валу, отображенную на гравюре В. Гондиуса (План осады и обороны г. Смоленска...).

Вопрос, таким образом, пока остается дискуссионным.

Новые данные и новый взгляд на проблему

Необходимо непредвзято проанализировать наличный картографический материал вместе с новыми данными полевых исследований. Начнем с конца – с вопроса о конструктивных особенностях вала «Нового большого города».

На подробной и детальной польской гравюре, исполненной сразу после 1611 г. и изображающей осаду Смоленска поляками (рис. 1: 1), у Заалтарной и соседних с ней башен обозначены на верхней площадке насыпи стоящие в ряд русские пушки, защищенные брустверами. Здесь можно усмотреть формальное сходство с типовыми образцами европейских фортификационных систем XVI–XVII вв. с их «валгангами» – земляными насыпями внутри крепостной стены (*Яковлев*, 2000. С. 45–46)³. На более поздних гравюрах И. Плейтнера и В. Гондиуса (рис. 1: 2–3), изображающих осаду Смоленска русскими войсками в 1633 г., вал уже не имеет орудий на боевой верхней площадке, показаны лишь земляные холмики, оставшиеся от брустверов. Однако перед валом с напольной стороны появилась вертикально укрепленная деревянная решетка (?), верх которой был на 2–3 м выше площадки вала. Это также типовой элемент европейской схемы фортификации земляных валов – его можно трактовать как «палисад». На боевой площадке вала вполне внятно изображены колокола на столбах для подачи сигнала тревоги и стоят какие-то редкие деревянные сооружения типа срубов-«избиц».

Данные изображения ясно доказывают, что земляной вал «Нового большого города» Смоленска на всем своем протяжении (за исключением башен проездных

³ О знакомстве русских (хотя бы косвенно) с европейскими системами бастионного типа говорит даже устройство валов с выступами в виде бастионов и иных элементов в «таборах» русских при осаде Смоленска в 1632–1633 гг. (см.: *Яковлев*, 2000. С. 80, 81).

ворот) был именно валом, а не руинированной деревянной стеной с земляной засыпкой. Невозможно представить, чтобы всего за несколько десятилетий (датировка вала в целом, учитывая мнения разных исследователей, не древнее второй трети XVI в.) оборонительная древо-земляная стена руинировалась до состояния земляной насыпи. Более обосновано другое предположение, что в XVI в. строился именно земляной вал с дополнительными элементами укрепления пола насыпи.

Во-первых, есть описания современников-очевидцев (А. Поссевино в 1582–1583 гг. и польских авторов начала XVII в.) (*Сапожников*, 2016. С. 57), которые прямо описывают это сооружение именно как **вал**, укрепленный деревянными конструкциями – препятствиями. А. Поссевино писал, что «*другие же (крепости московитов. – Здесь и ниже прим. авторов) состоят из земляного вала и плетней, спрессованных до твердого состояния, как, например, в Смоленске... В Смоленске крепостные валы... могли бы доставить много хлопот осаждающим. Вал имеет на небольшом расстоянии друг от друга отверстия, где можно разместить для защиты небольшие пушки, если бы кто-нибудь попытался начать штурм*»⁴ (*Поссевино*, 1983. С. 44, 46; перевод Л. Н. Годовиковой. Выделено нами). А. Поссевино специально заострял внимание на том, что «*остальные [крепости московитов], сложенные из бревен, скрепленных четырехугольником с землей или песком посередине, выдерживают натиск и удары, но не выносят огня. Поэтому их обмазывают глиной*» (Там же. С. 44, 45).

Возможно, новое укрепление Смоленска, по предположению А. Н. Кирпичникова, относилось к типу европейской фортификации бастионного типа (*Сапожников*, 2016. С. 53; о развитии бастионной системы в средневековой Европе см.: *Яковлев*, 2000; *Каменева*, 2018. С. 41–49). Таким образом, можно предположить, что конструктивные характеристики разных участков сооружения: а) тела насыпи и б) проездных ворот – вполне могли сильно различаться ввиду различности задач, которые возлагались на них.

Для решения проблемы трассировки и более точной датировки отдельных участков «вала» в последние 2 года появились достаточно весомые археолого-естественно-научные данные, полученные как в ходе охранных работ, так и в рамках проекта научных исследований Смоленской экспедиции ИА РАН по гранту РФФИ⁵.

Работы охватили участок восточной окраины исторического центра города на трассе Смоленской крепостной стены (начиная от башни Веселуха и далее к югу и юго-западу вплоть до башни Зимбулка, а также на территории Авраамиевского монастыря).

⁴ Латинский текст: «*Aliae aggeribus vimine contextus, et ad duritiem pressis: quale Smolenscium est... Sed Smolenscii aggeres... facisserent negotium oppugnantibus. Et vero agger ipse circumquoque minimis spaciis foraminibus est repletus, ut minoribus tormentis arceri possint, si tentaverint irruptionem... At praesidarii, quanto misus justo in praelio campove*» (*Possevini*, 1842. P. 289, 290).

⁵ Проект № 18-09-00559-А, руководитель И. Н. Ершов, участники проекта: Н. А. Кренке, В. А. Раева, Р. Б. Платоновский.

Исследования насыпи в районе Авраамиевского монастыря между башнями Заалтарная и Авраамиевская показали, что в теле данного участка насыпи присутствуют лишь отдельные элементы типа бревен и столбов, однако они не образуют никаких цельных армирующих» конструкций, хотя бы отчасти напоминающих те лежащие горизонтально ряды жердей, что были зафиксированы Н. В. Сапожниковым в разрезе вала в Лопатинском саду (Сапожников, 2016. С. 156–159. Рис. 30–34). Приведем описание шурфов 1–3.

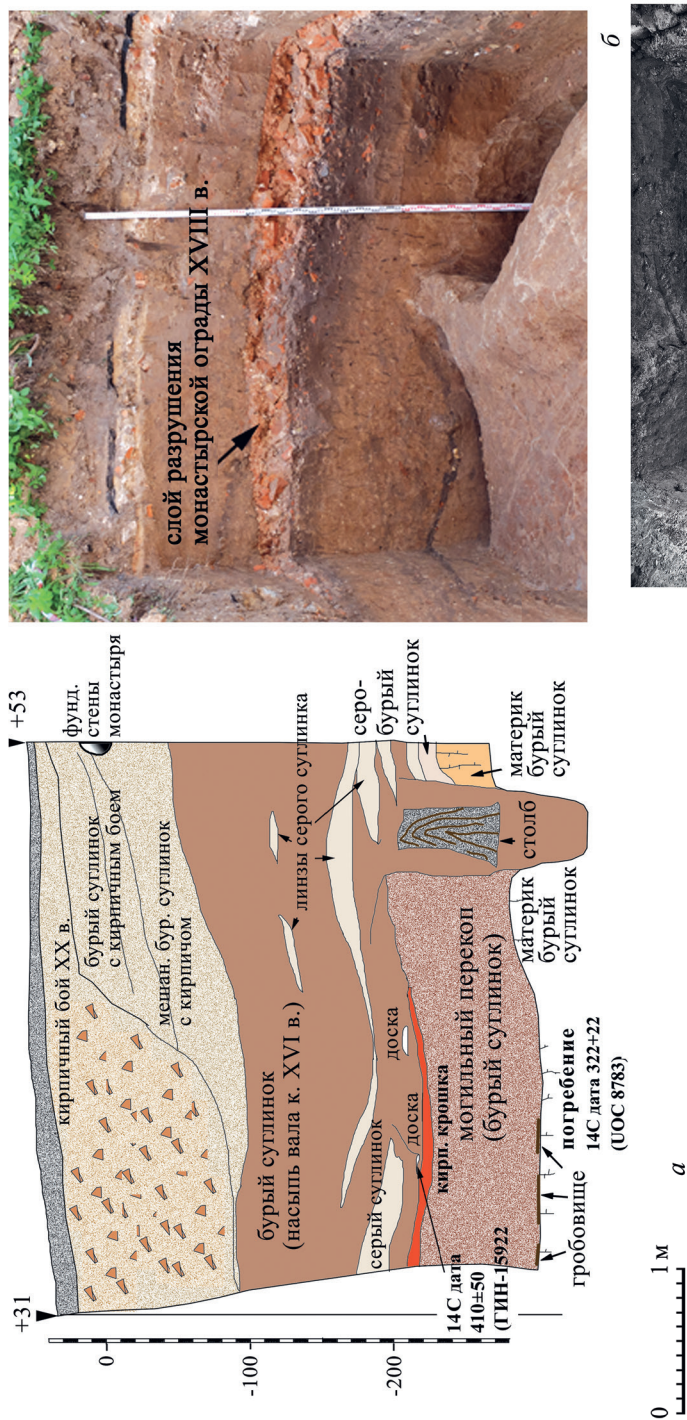
Шурф № 1 в 25 м к северу от Заалтарной башни, размерами 5×4 м, исследован в 2018 г. Наиболее показательны для определения типа конструкции насыпи и хронологической привязки сооружения нижние уровни зачисток шурфа, отраженные на профиле восточного борта шурфа (рис. 3: а):

Пласт 9. В северо-восточном углу останец с деревянными конструкциями (?): в юго-восточном углу прослежены два коротких бревна, лежавшие рядом и параллельно. Данные бревна не перевязаны с вышележащими и тоже короткими бревнами в северо-восточной четверти шурфа и залегали глубже. В основании пласта были найдены фрагменты кирпичей – маломерного и большемерных. Большемерные кирпичи толщиной 7,8–8 см, ширина одного фрагмента 16 см. Этот стройматериал («казенный» или «государев» кирпич), очевидно, отходы строительства крепости 1600–1602 гг. В пласте найдена керамика (рис. 4: а): красноглиняная, чернолощенная, единичные фрагменты белоглиняной и древнерусской. Красноглиняные венчики подобных разновидностей обычны для культурных отложений Смоленска XV–XVI вв.

Пласт 10. Нижняя часть насыпи состояла из бурого мешаного суглинка с редкими включениями кирпичной крошки и линз серого суглинка (погребенной почвы). Керамика из пласта 10 повторяет формы находок пласта 9. Погребение № 1, проявившееся на уровне пласта 10, занимало юго-восточный угол шурфа. Кроме костей ног, сохранились лишь фрагменты черепа и зубы. По изолированному зубу получена радиоуглеродная дата 329 ± 22 (УОС 8783), которая при калибровке указывает на календарный интервал 1510–1600 гг. с вероятностью 54 %. Наиболее вероятным узким интервалом, возможно, является середина XVI в. Южную часть могильной ямы перекрывал развал кирпичной крошки и линза древесного тлена. Этот тлен дал дату 410 ± 50 лет (ГИН-15922). При калибровке эта дата указывает на календарный интервал XV – начала XVI в. Получившуюся инверсию дат следует, видимо, объяснять собственным возрастом дерева, образец которого датировался.

Возраст насыпи по набору керамики из тела насыпи определяется в пределах XVI в. Радиоуглеродные даты также указывают на XVI в., скорее на его вторую половину. Однако присутствие прослоек извести и обломков большемерного кирпича в теле насыпи и в ее основании над могильной ямой уточняет датировку, говоря о том, что эта часть насыпи могла быть сооружена в момент или непосредственно до или при строительстве крепости, т. е. в 1599–1602 гг.

Исследования 2019 г. шурфа № 2 размерами 6×3 м на участке, расположенном в 5 м к западу от входа в ворота Авраамиевской башни, подтвердили предварительную датировку и происхождение насыпи между Авраамиевской и Заалтарной башнями. Шурф расположен на самом кончике торца видимой лишь на некоторых планах города XVIII в. насыпи, как бы продолжающей «вал»

слой разрушения
монастырской ограды XVIII в.

фрагменты
деревянных
конструкций
в теле насыпи
в шурфе 1

Рис. 3. Стратиграфия шурфов 2018–2019 гг. на территории Авраамиевского монастыря

a – шурф 1 на территории Авраамиевского монастыря в 2018 г. Восточный борт. Профиль;
б – Профиль западного борта шурфа 2;
в – шурф 1, пласт 8, вид с севера

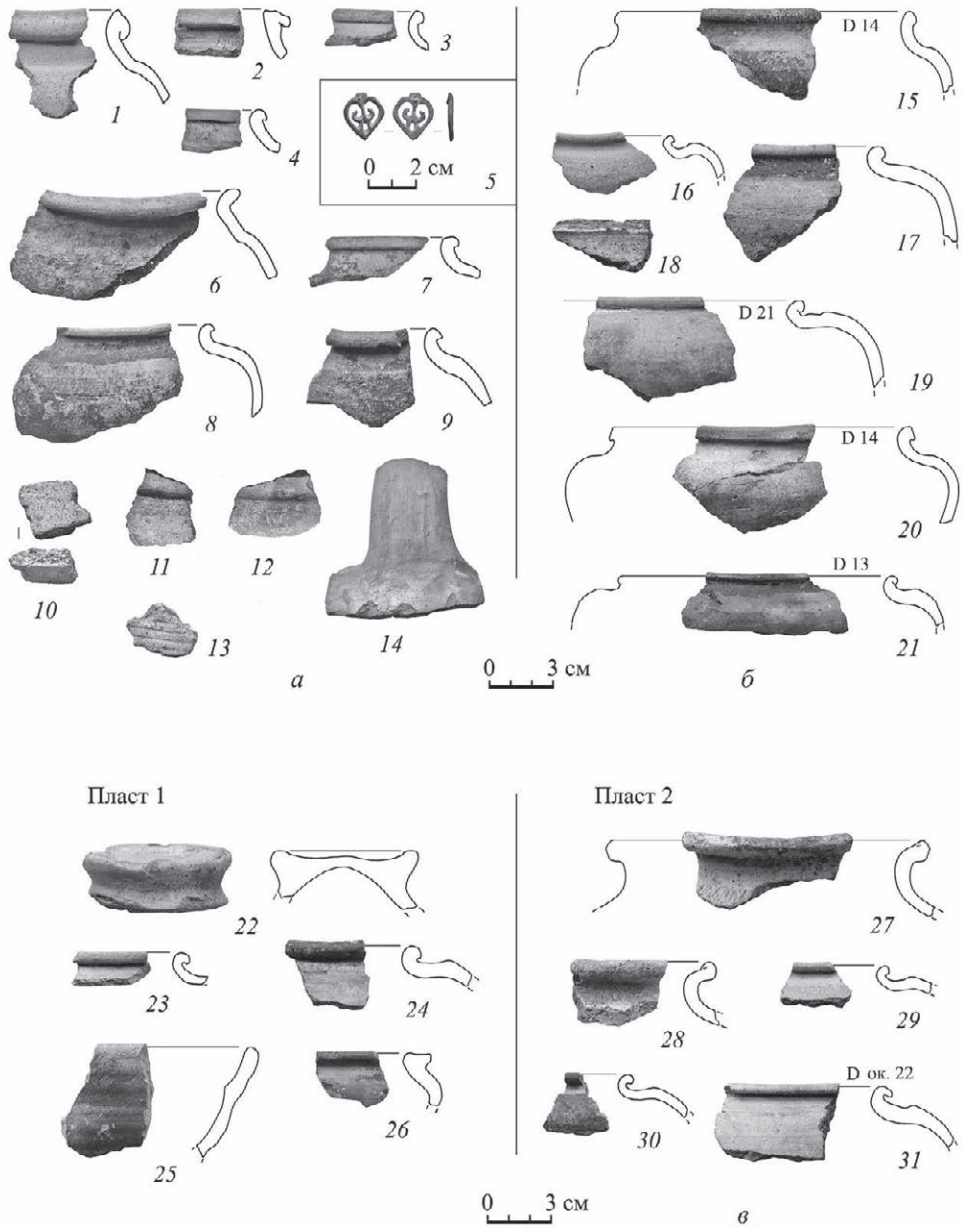
от Заалтарной к Авраамиевской башне. В шурфе под современными отложениями прослежен остаток подобного же типа валообразной насыпи, что и в шурфе 1, однако уже без всяких следов деревянных конструкций (рис. 3: б). В мешаном буром суглинке насыпи также представлена редкая известь и кирпичная крошка. Стало окончательно очевидным, что «насыпь вала» на этом участке и в районе шурфа 1 – это всего лишь выкид из глубокого котлована башни, перемешанный с серым суглинком (кусками погребенной почвы). Мощностю этого выкида может быть оценена приблизительно, так как верх насыпи срезался в течение последних столетий на 2–3 и более метров.

Этот строительный отвал перекрыл в западной части шурфа 2 заполнение стаканообразного в разрезе погребка диаметром 90 см и глубиной от верха материка 120 см. В отвале строительства башни и в погребке собрана представительная серия красноглиняной и чернолощенной керамики XV–XVI вв. (рис. 4: б), а также характерных находок конца XVI – начала XVII в. (пластина панциря, свинцовые пули, обломок белокаменной архитектурной детали). Находки керамики практически идентичны керамической серии из основания насыпи «вала» в шурфе 1 2018 г. В заполнении погребка также наблюдались редкие крупинки извести и кирпичная крошка. Следовательно, погреб был заполнен и перекрыт грунтом непосредственно в ходе строительства башни.

Напомним, что на этом месте вал не изображен на ранних планах города, но обозначен на планах XVIII в.

Контрольный шурф 3, заложенный в 35 м к западу от Авраамиевской башни, показал отсутствие следов оборонительных сооружений: в шурфе зафиксирована поверхность погребенной почвы без следов строительного мусора 1600–1602 гг., с единичными находками керамики XVI–XVII вв. (над почвой), и окатанной древнерусской керамики (на поверхности почвы) (рис. 4: в). Однако здесь выявлена мощная частокольная канава шириной до 50 см и глубиной до 70 см, выкопанная с уровня верха погребенной почвы. Частокол шел в направлении с северо-запада на юго-восток. В заполнении частокольной траншеи отсутствовали находки, что говорит о довольно ранней датировке объекта (не исключено, что и древнерусским временем). Следовательно, трассы ни «Старого деревянного», ни «Нового большого города» здесь (на всем пространстве от Авраамиевской башни до улицы Тимирязева) не проходили, иначе были бы отмечены их неизбежные следы в виде прослоек суглинка и строительного мусора.

Что же представляет собой второй отрезок насыпи, идущий уже не к северу, а к западу от Заалтарной башни к башне Воронина и который Н. В. Сапожников полагал частью монастырского вала литовского времени? Исследования Н. В. Сапожникова показали, что и в основании этой насыпи имеется строительный материал времен сооружения Смоленской крепости. Сам исследователь не считал нужным обратить на это внимание, но на его чертежах и фотографиях из отчета это вполне определяется (рис. 2: 1–2). На чертеже разреза, к примеру, показан слой битого кирпича в средней части сохранившейся высоты насыпи, а на фото профиля основания насыпи в мешаном суглинке над материком отчетливо видны белые угловатые вкрапления (вероятно, отески белого камня или известь).

Рис. 4. Керамика из шурфов 1–3 на территории Авраамиевского монастыря
а – керамика нижних пластов шурфа 1; *б* – керамика пласта 2 шурфа 2; *в* – керамика пластов 1–2 шурфа 3

В трактовке хронологии и трассировки отдельных участков «Нового большого города» остаются, следовательно, спорные моменты, однако можно достаточно уверенно полагать, что конкретный участок насыпи от башни Воронина к Заалтарной и далее до Авраамиевской башни мог быть отсыпан/досыпан непосредственно при строительстве Смоленской крепости в 1599–1602 гг. (вполне реален вариант и активного участия поляков в 1612–1632 и 1654 гг. – есть указания на это у И. И. Орловского (2002. С. 26).

Логика этого строительства может быть следующей: данный участок насыпи могли соорудить именно при строительстве крепости Ф. Коня как продолжение вала «Нового города» в целях повышения обороноспособности этой части крепости именно вдоль ее трассы *рядом с ней*, т. к. трасса вала «Нового города», очевидно, стала слишком удалена от стен крепости Ф. Коня, уходя к северу. А тот факт, что насыпь на польских планах «неожиданно» обрывается в середине прясла крепости Ф. Коня между Заалтарной и Авраамиевской башнями, может свидетельствовать именно об отсутствии необходимости в ее продлении дальше к северу (для повышения обороноспособности крепости в целом), т. к. насыпь внутри стены крепости была *актуальна для защищавшихся* именно на этом участке обороны у Заалтарной башни и западнее, где вне крепости идет поле – обширная плоская местность, весьма удобная для атак осаждающих. С востока же к стене вплотную подходит крутой обрыв долины Б. Рачевки – здесь крепость была достаточно защищена самим рельефом. Неслучайно, видимо, поэтому после окончательного присоединения Смоленска было поручено выкопать мощнейший ров (шириной 17–18 м и глубиной до 5 м) вдоль всей южной стороны крепости, затем дополнительно укрепленный еще и ретраншементом при Петре I (рис. 1: 5).

Полученный результат заставляет нас еще раз обратиться к версии Н. Н. Воронина о прохождении первоначальной трассы «Нового города» именно западнее монастыря, которую в свое время отверг Н. В. Сапожников. Первоначально сооружение (вал «Нового города»), очевидно, шло западнее древнего монастыря, а *поворачивает и отходит* к северо-востоку от вала именно стена Ф. Коня вместе с теми *отрезками насыпей вдоль нее*. При наблюдениях разрытий и сноса этой якобы «повернувшей насыпи вала монастыря» вдоль ул. Жукова в 1971 г. Н. В. Сапожниковым были зафиксированы весьма значительные ширина и высота этого сооружения (20 м ширины и до 3 м сохранившейся высоты), явно не соответствующие по своим масштабам локальному сооружению типа монастырской ограды.

Почему строители грозненского времени повернули вал к северу именно здесь? Дело в ландшафтных особенностях этого участка. В районе башен Долгачевская и Воронина на трассе крепости прежде существовало болотистое место – выходы грунтовых вод, питавших истоки Красного и Зеленого ручьев. Исследования 2019 г. показали, что грунтовая вода здесь и сейчас стоит близко к поверхности, прекрасно сохраняя органические остатки, будучи присыпана современным балластом в 2–3 метра. На этом месте в XVIII–XIX вв. существовала целая цепь запруд по руслам овражков. Понятно, что вал «Нового города» по этой причине не пересек болото, а прошел вдоль по его западному краю. Строители же крепости проигнорировали это препятствие.

Следующий вопрос, как шла трасса «Нового большого города»: западнее и северо-западнее Авраамиевского монастыря и далее по трассе современной улицы Фурманова? Не были ли отмечены следы этого сооружения (например, башня с воротами и мостом через овраг) старыми исследователями города при земляных работах 1898–1901 гг. на участке строительства епархиального училища (совр. ул. Жукова, 27) как некие срубы-клетки из мощных бревен на глубине до «б с половиной аршин» (очевидцы разрытий – В. И. Грачев, И. И. Орловский: см. *Орловский*, 2004. С. 40)? Вполне допустимо, что сохранились следы этого сооружения и далее к северу вдоль современной ул. Фурманова.

Но в таком случае возникает иное недоумение – а что же собой представляет линия внутренних городских укреплений, идущая на польских планах города 1611 и 1633 гг. с запада на восток и «перерезающая» предполагаемую нами трассу «Нового большого города» как раз в месте перекрестка улиц Жукова и Фурманова (рис. 1: 2)? Ведь это сооружение приписывается исследователями то «литовцам», то князю Ростиславу, то вообще баснословным временам (Там же. С. 21–23; *Сапожников*, 2016. С. 38 и др.). Может быть и так, что восточный участок этой «литовской» насыпи, неестественно прямой и с характерными бастионными изгибами, также был сооружен (исправлен и досыпан) в период строительства крепости либо, что вероятнее, поляками?⁶ Исчезновение изображения этого сооружения на плане В. Гондиуса также требует объяснения. Эти вопросы пока остаются без ответов, ожидая новых исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронин Н. Н., Паннопорт П. А.*, 1979. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука. 413 с.
Каменева Т. Е., 2018. Шейнов бастион в Смоленске. Земляные укрепления Смоленска в 17–18 вв. // Архив наследия. Вып. 16 / Сост. В. И. Плужников. М.: Ин-т культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. С. 41–79.

⁶ Что это был за вал у *старого места* монастыря, казалось бы, нетрудно предположить – очевидно, это то сооружение, которое показано только на самых ранних планах – времен Сигизмунда и плане И. Плейтнера 1633 г. – как проходящее с востока на запад примерно по трассе современной ул. Ленина. Однако и эта насыпь парадоксальным образом включает внутрь себя древнюю территорию монастыря *до его переноса!* Значит ли это, что монастырь в это время находился внутри этой оборонительной системы? Ежели нет, то данный «вал» хотя бы частично вовсе не древний, а был насыпан между 1513 и 1611 г., т. е. фактически одновременно или чуть ранее «Нового большого города»? Можно, конечно, предполагать, что на планах 1633–1636 гг. местоположение монастыря отображено неточно. Но это вступает в противоречие с целой чередой выводов о довольно высокой точности этих планов (инструментальных!) – у нас нет оснований не доверять им. Н. В. Сапожников пытался устранить это противоречие тем предположением, что данный участок насыпи «Старого деревянного города» у стен монастыря мог быть сооружен позднее, нежели прочие участки этого объекта (*Сапожников*, 2016. С. 39), не уточняя даже примерное время производства этих досыпок, но имел твердое убеждение (фактически ничем не подкрепленное) в том, что оборонительная система «Старого города» в целом появилась в древнерусское время. Однако пока это всего лишь умозрительная гипотеза.

- Коваль В. Ю., 2019. О фортификации средневекового Смоленска // Край Смоленский. № 2. С. 107–110.
- Орловский И. И., 1905 (обл. 1906). Достопамятности Смоленска. Смоленск: Тип. П. А. Силина. 80 с.
- Орловский И. И., 2002. Смоленский поход царя Алексея Михайловича в 1654 году. Изд. 2-е, репринт. Смоленск: Журнал «Годы». 76 с. (Библиотека журнала «Годы»; вып. 29.)
- Орловский И. И., 2004. Смоленская стена 1602–1902. 2-е изд., репринт. Смоленск: Годы. 244 с. (Библиотека журнала «Годы». Серия «Наследие; вып. 50.)
- План осады и обороны г. Смоленска 1632–1634 гг. Лист № 14. Вильям Гондиус. Офорт. 1636 г. // Фонд художественной графики Смоленского государственного музея-заповедника. № COM 9602.
- Поссевино А., 1983. Исторические сочинения о России XVI в. М.: Изд-во МГУ. 272 с.
- Пронин Г. Н., Соболев В. Е., 2012. Оборонительные укрепления Смоленска конца XVI – XVII в. у Молоховских ворот. Смоленск: Свиток. 120 с.
- Сапожников Н. В., 2016. Историческая топография древнего Смоленска. Смоленск: Свиток. 192 с.
- Трофимовский Н. В., 2013. Историко-статистическое описание Смоленской епархии. Смоленск: Свиток. 272 с.
- Яковлев В. В., 2000. История крепостей. Эволюция долговременной фортификации. СПб.: АСТ. 400 с.
- Possevini A., 1842. Moscovia // Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Vol. II / Ed. A. Starczewski. Berolini: Formis F. Reichardtianis.

Сведения об авторах

Ершов Иван Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: ershovin@yandex.ru;

Кренке Николай Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: nkrenke@mail.ru;

Ганичев Кирилл Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kirganiev@yandex.ru

I. N. Ershov, N. A. Krenke, K. A. Ganichev
LAYING-OUT AND DATING
OF MEDIEVAL DEFENSIVE CONSTRUCTIONS
NEAR THE AVRAAMY TRANSFIGURATION MONASTERY
IN SMOLENSK

Abstract. Excavations carried out in the eastern outskirts of Smolensk provided essential new data. The authors use them to make an attempt to examine the laying-out of the city near the Avraamy Transfiguration Monastery in the 16th–17th centuries. The excavations have shown that for construction of the sections of the fortifications adjacent to the monastery the earth taken from the foundation pit of the Smolensk fortress and then upgraded by the Polish before the war of 1632–1634 and the war of 1654. The location line of the «New Big City» ran along modern Zhukov Street.

Keywords: medieval Russian Smolensk, Smolensk fortress wall, Avraamy Transfiguration Monastery, «New Big City», Old Wooden City.

REFERENCES

- Kameneva T. E., 2018. Sheynov bastion v Smolenske. Zemlyanyye ukrepleniya Smolenska v 17–18 vv. [Sheynov bastion in Smolensk. Earthen fortifications in Smolensk in 17th–18th cc.]. *Arkhiv naslediya [Heritage archive]*, 16. V. I. Pluzhnikov, comp. Moscow: Institut kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D. S. Likhacheva, pp. 41–79.
- Koval V. Yu., 2019. O fortifikatsii srednevekovogo Smolenska [On fortification of medieval Smolensk]. *Kray Smolenskiy [Smolensk land]*, 2, pp. 107–110.
- Orlovskiy I. I., 1905 (1906). Dostopamyatnosti Smolenska [Smolensk memorabilia]. Smolensk: Tipografiya P. A. Silina. 80 p.
- Orlovskiy I. I., 2002. Smolenskiy pokhod tsarya Alekseya Mikhaylovicha v 1654 godu [Smolensk expedition of tsar Aleksey Mikhaylovich in 1654]. 2nd edition, reprint. Smolensk: Zhurnal «Gody». 76 p. (Biblioteka zhurnala «Gody», 29.)
- Orlovskiy I. I., 2004. Smolenskaya stena 1602–1902 [Smolensk wall of 1602–1902]. 2nd edition, reprint. Smolensk: Gody. 244 p. (Biblioteka zhurnala «Gody». Seriya «Naslediye», 50.)
- Plan osady i oborony g. Smolenska 1632–1634 gg. List № 14. Vil'yam Gondius. Ofort. 1636 g. [Plan of siege and defense of Smolensk city, 1632–1634. F. No. 14. Wiliam Gondius. Etching. 1636]. *Fond khudozhestvennoy grafiki Smolenskogo gosudarstvennogo muzeya-zapovednika [Fund of art graphics of Smolensk state Museum-reserve]*.
- Possevino A., 1983. Istoricheskiye sochineniya o Rossii XVI v. [Historical writings on XVI c. Russia]. Moscow: MGU. 272 p.
- Pronin G. N., Sobol V. E., 2012. Oboronitel'nyye ukrepleniya Smolenska kontsa XVI – XVII vv. u Molokhovskikh vorot [Defensive fortifications of Smolensk of late XVI – XVII cc. near Molokhovsk gate]. Smolensk: Svitok. 120 p.
- Sapozhnikov N. V., 2016. Istoricheskaya topografiya drevnego Smolenska [Historical topography of ancient Smolensk]. Smolensk: Svitok. 192 p.
- Trofimovskiy N. V., 2013. Istoriko-statisticheskoye opisaniye Smolenskoy eparkhii [Historical-statistical description of Smolensk diocese]. Smolensk: Svitok. 272 p.
- Voronin N. N., Rappoport P. A., 1979. Zodchestvo Smolenska XII–XIII vv. [Architecture of Smolensk, XII–XIII cc.]. Leningrad: Nauka. 413 p.
- Yakovlev V. V., 2000. Istoriya krepostey. Evolyutsiya dolgovremennoy fortifikatsii [History of fortresses. Evolution of long-term fortification]. St. Petersburg: AST. 400 p.

About the authors

Ershov Ivan N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: ershovin@yandex.ru;

Krenke Nikolaj A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: nkrenke@mail.ru;

Ganichev Kirill A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: kirganichev@yandex.ru

Л. А. Беляев, С. И. Баранова

АРХЕОЛОГИЯ О ДВОРЦЕ XVII ВЕКА В КОЛОМЕНСКОМ: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ¹

Резюме. Задача статьи – понять, где, сколько и каких сохранилось археологических материалов по истории наиболее известного из гражданских дворцовых сооружений, срубленных из дерева, – дворца в Коломенском. Дворец использовался как летняя государственная резиденция в основном царем Алексеем Михайловичем и его сыновьями, Федором и Петром I (в юности), а позже эпизодически правительницами России XVIII в. После разборки в 1760-х гг. от него сохранились описания, обмеры и даже модели. За столетие (с 1920-х гг.) остатки усадьбы не раз исследовались археологически, материалы фиксации отложились в ряде архивов и музеев, в основном московских. На будущее ставится задача свести эти материалы воедино и заново проанализировать их вместе с другими видами источников.

Ключевые слова: Московская Русь, царские дворцы, музейные коллекции, архивы, царь Алексей Михайлович, Петр I.

Загородная царская резиденция в подмосковном Коломенском давно известна историкам, искусствоведам, архитекторам и археологам. В ее составе два ключевых для национального нарратива памятника, чьи изображения устойчиво входят в зрительный ряд школьных учебников, что само по себе говорит о многом. Один – церковь Вознесения (1532 г.) – занимает место в истории России уже почти 500 лет, став памятником ЮНЕСКО. Другой объект – деревянный дворец ранних Романовых – прожил всего около столетия: его разобрали в конце 1760-х гг. Но история искусства в России возникла позже, и никто из ученых увидеть его не успел. Однако со второй половины XIX в. дворец стал символом национального своеобразия и народного художественного гения, вошел в число любимых образов историков и архитекторов – «славянофилов».

---

¹ Статья написана в рамках гранта РФФИ № 20-09-42021 (конкурс «Петровская эпоха»).

И действительно: в конструкциях дворца, в его планировке и сочетании с ландшафтом, в цветовой гамме и других особенностях отразился огромный опыт строительства из дерева обширных храмов, дворцов, крепостей, инфраструктурных элементов (мощений, мостов, дренажей и многого другого). Отразил дворец и вкусы нового царского двора. Но сами эти вкусы (что сегодня можно считать доказанным) формировались на основе знакомства с культурой Запада. Немудрено, что для дворца закупали заморские материалы (особенно металл), ориентировались в оформлении и наполнении на европейские образцы (а с ними царь Алексей Михайлович был знаком не понаслышке, см.: *Герасимова*, 2015) и европейскую моду, особенно заметную в деталях. В строительстве приняли участие европейски обученные художники, в прошлом в основном поданные Речи Посполитой.

В итоге дворец пополнил состав ансамблей «московско-европейского» круга, с конца XV в. структурировавших пространство царских резиденций на западный лад, исподволь приучавших двор понимать язык классических форм. Эта архитектура подготовила Петра Великого к восприятию новой культуры, заложила основу тяги царя-реформатора к западному искусству, позволила еще до прямого знакомства с городами и дворцами Европы воспринять его как образцовое и в то же время – как отчасти свое. Между миром Немецкой слободы и миром подмосковных, где рос юный царь Петр, отцовских резиденций в Измайлове и Коломенском не было непроходимого рубежа – это единое пространство «европейской Москвы», к которому добавятся Преображенское, Семеновское, Лефортово.

Все это определяет потребность в комплексном изучении дворца, в рамках которого выполнено и данное исследование. Одна из главных задач всего проекта – понять, до какой степени археология способна уточнить и оживить представления об этом памятнике. Проверить, насколько продуктивным будет соединение в одном проекте материальных свидетельств (включая документы, фиксирующие результаты раскопок) с данными письменных и изобразительных источников.

В этой задаче есть не только конкретно-историческое, но и методическое содержание. С одной стороны, дворец археологизирован полностью и при этом достаточно изучен натурно. С другой – о нем сохранилось довольно много свидетельств в виде описей и мемуаров, чертежей и даже (со всеми оговорками) художественных изображений. Сравнив их друг с другом, мы сможем судить о достоверности обеих групп источников и оценить саму возможность получения путем раскопок, информации о деревянных дворцах; оценить степень адекватности отражения этих объектов в археологических источниках. Первый шаг к этому – оценка имеющихся в нашем распоряжении сведений по каждой группе источников. Обратимся к одной из них – археологической, которая сама по себе включает целый комплекс разнородных материалов.

Археологией Государева двора в Коломенском занимаются уже более столетия. Информация о нем (и сырая, и частично обработанная) в архивах и музеях стала настолько обширной и разнообразной, что потребовала отдельного разбора. Оказалось необходимым провести «инвентаризацию» фондов и хранилищ. И это при том, что два подобных пересмотра были предприняты с интервалом

примерно в 10 лет (итоги опубликованы: *Беляев, Кренке*, 1993. С. 72–112; 2005). Эти статьи были важны для постановки задачи и выработки подхода; в них также включались, пусть фрагментарно, архивные материалы и материалы недавних раскопок.

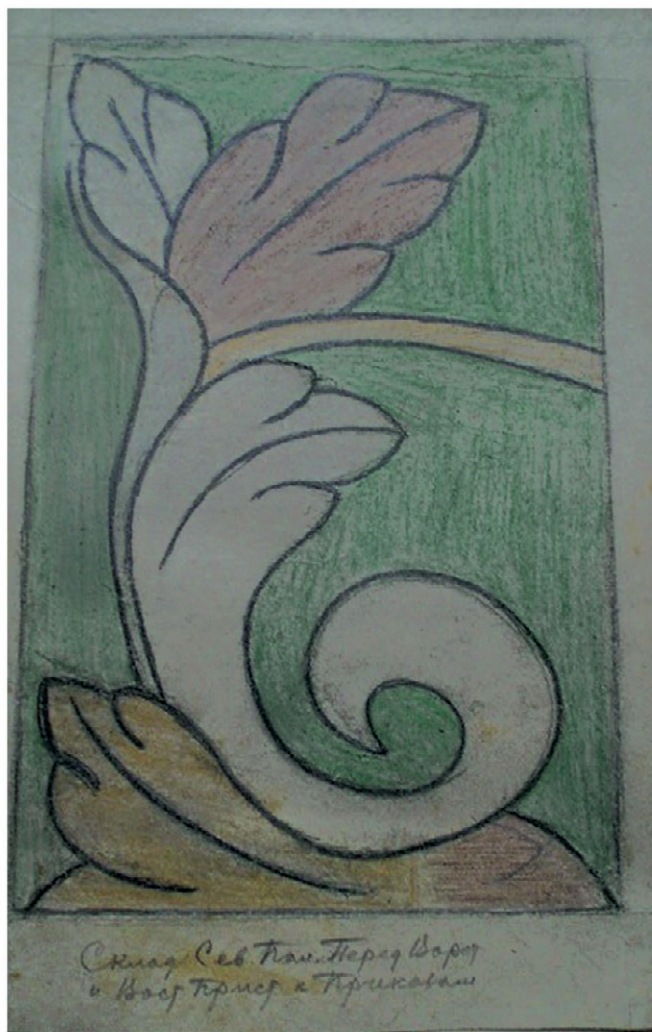
Однако данные по масштабным работам 2000-х гг. до сих пор не были опубликованы, а их архивы и коллекции к настоящему времени только-только открываются для изучения (см.: *Таценко*, 2011. С. 227–231). Кроме того, проводившиеся в последние годы поиски и осмысление старых материалов дали значительный объем неизвестных источников, их нужно соединить с прежними. Наш обзор строится вокруг истории раскопок и музейной работы (а не, скажем, по типам материалов или составу отдельных собраний), поэтому начнем с перечня работ. Они делятся на три периода: ранние работы с конца XIX в. до 1970-х гг.; период реставрационных и музейных исследований (1970–1990-е гг.); охранные и предпроектные работы 2000–2010-х гг.

Отметим, что в хронотоп дворца и, соответственно, в связанные с ним археологические объекты включается, во-первых, его площадка, т. е. дворище, а во-вторых, – периметр каменных сооружений, окружавший дворец (в их составе Передние, Задние и Садовые ворота; связанные с ними палаты Полковничьи и Поваренные, Фряжские погребя, стрелецкие караульни; церковь Казанской иконы Божией матери; прясла стен ограды; строения Кормового двора с наземными зданиями и погребями). Третья группа объектов лежит вне периметра, но она связана с дворцом функционально (система деревянных водопроводных труб; Водовзводная башня) или через историю ландшафта («охотничий домик» на Дьяковом городище).

Работы раннего этапа, насколько было возможно, описаны (*Беляев, Кренке*, 1993. С. 72–112). Их начало можно, с долей условности, отнести к обмерам деревянного дворца перед разборкой, осуществлявшейся начиная с 1767 г., и с описания дворища, оставленного И. Е. Забелиным в его «Домашнем быте русских царей». Однако собственно археология началась только в 1920–1930-х гг., когда в Коломенском возник музей. Эти работы связаны с именами П. Д. Барановского (1923 г.), А. П. Смирнова (1932–1933 гг.) и К. Я. Виноградова (1935 г.). Их материалы (дневники, чертежи, находки, фотографии) были сохранены в музее «Коломенское». В 1940 г. материалы работ описала научный сотрудник музея Е. А. Мирожина (Научный архив Московского государственного объединенного музея-заповедника (МГОМЗ). Оп. 1. Д. 112. С. 1–13), и ее данные были отчасти использованы позднее (см.: Там же. С. 72–112).

С тех пор место хранения не изменилось: находки разделены между фондом «Археология» (записи в Научный инвентарь начаты в 1981 г.) и фондом «Изразцы» (записи ведутся с 1960-х гг.), хотя и не поровну. Основная масса предметов хранится в фонде «Археология», а изразцы и кирпичи разделены между фондами «Археология» и «Изразцы» МГОМЗ. Там же находятся материалы графической фиксации и полевые дневники (см.: Научный архив МГОМЗ. Оп. 1. Д. 112; Оп. 4. Д. 774 и др.), но часть их – в архиве ИИМК. В фототеке МГОМЗ хранятся фиксационные фотографии работ 1935 г., исполненные (в значительном количестве) выдающимся фотографом И. Ф. Барщевским. Они опубликованы частично и нуждаются в полном аннотировании.

До сих пор к исследованию не привлечена такая важная группа архивных документов, как материалы личного фонда П. Д. Барановского (ПДБ) в Государственном музее архитектуры им. А. В. Щусева (ГНИМА). Среди них есть описания работ и кроки, сделанные для совмещения планов дворца и раскопов (КП оф. 5112/45 Архив ПДБ. Оп. 3. Д. 45); описания остатков дворца (КП оф. 5112/43 Архив ПДБ. Оп. 3. Д. 43); авторские рисунки изразцов (КП оф. 5112/57. Архив ПДБ. Оп. 3 д. 57); их фотографии (КП оф. 5112/58 Архив ПДБ. Оп. 3. Д. 58) (рис. 1).

Рис. 1. Рельефный полихромный изразец (часть композиции); последняя четверть XVII в. Подпись карандашом: «Склад Сев. Пал. Перед Ворот и Вост. Прист. к Приказам». Рисунок П. Д. Барановского; не ранее 1929 г. ГНИМА им. А. В. Щусева. Публикуется впервые

Часть материалов 1930-х гг. отражена архивом А. В. Филиппова, прежде всего в виде заполненных карточек и листов зарисовок (см. об этом: Керамическая установка..., 2017. С. 289, 290). Филиппов использовал сведения о клеймах кирпичей построек Государева двора в известной статье о маркировке русского кирпича в XVII–XVIII вв. (*Филиппов*, 1940. С. 2–3) (рис. 2).

Исследования дворища в ранний период не следует сводить исключительно к раскопкам в указанные сезоны – его изучение было в довоенный период перманентным процессом. При всех хозяйственных работах обнаруживали следы дворца, прежде всего изразцы. Их собирали и включали в коллекцию музея. Источником по раннему этапу археологии дворища и его периметра оказалась также диссертация И. В. Маковецкого (1951 г.) и подготовительные материалы к ней, куда вошли сведения о работах 1930-х гг. и самостоятельных расчистках архитектора 1940-х гг., по другим материалам неизвестные (см.: *Маковецкий*, 1951. С. 145).

Начало нового этапа в археологических исследованиях связано с большой реконструкцией и приспособлением территории Коломенского как объекта туристического показа Олимпиады 1980 г. (они продолжались и после ее завершения). Собственно археологические исследования начала в конце 1970-х гг. группа архитекторов под руководством Н. Н. Свешникова, при участии Л. А. Беляева как археолога. Были изучены участки ограды (в основном северная линия), открыт водовод из Фряжских погребов и собраны изразцы из ремонтной ямы напротив Приказных палат. Материалы публиковались (см.: *Беляев*, 1978; 1979; *Беляев, Фролов*, 1981; 1984. С. 45–64; 1988. С. 208–223), но более важными тогда считались открытия кладбища села Коломенское XIV–XVI вв. и следов освоения вокруг церкви Вознесения, ранее неизвестных. Сделанные находки хранятся в фондах МГОМЗ, отчеты – в научном архиве ИА РАН (см.: Ф-1. Р-1. № 7034, 7724, № 8532); копии есть в других архивах (ин-т «Спецпроектреставрация», научный архив МГОМЗ); полевая документация у автора работ. Участки дворища и прилегающая зона, в том числе Водовзводная башня, изучались под руководством Н. А. Кренке с начала 1980-х до середины 1990-х гг. (см. отчеты за 1981–1986 гг. в архиве ИА РАН: Ф-1. Р-1. № 8482, 1981 г.; № 9804, 1983 г.; № 10420, 1984 г.; № 11073, 1985 г.; № 11952, 1986 г.; № 11989, 1987 г.; № 15954, 1991 г.; № 17252, 1992 г.; № 18815, 1993 г.; № 19503, 1995 г.). Анализ результатов для локализации дворца опубликован (*Беляев, Кренке*, 2005. С. 176–188). Во второй период продолжался сбор подъемного материала (в основном изразцов) при реставрационных работах и благоустройстве территории; предметы откладывались в частных коллекциях и доступны нам для изучения.

Третий период – время широких охранных исследований, которые проводились на участке Кормового двора (в 1999–2001 гг. Центром археологических исследований Главного управления охраны памятников города Москвы, а частично и позднее в связи с его консервацией, см.: архив ИА РАН, Ф-1. Р-1. № 22463 и 22464; № 23553, 23554 и 23555). Позже в ходе предпроектных работ, начатых под знаком восстановления дворца, была затронута и центральная часть дворища (работы 2005–2006 гг., ИА РАН и Москомнаследие, см. архив ИА РАН, Ф-1. Р-1. № 28975 и № 29032). Широко изучалась ограда Государева двора (вдоль север-

Рис. 2. Лист с зарисовками А. В. Филиппова
(по: Керамическая установка..., 2017)

ной и, особенно, южной ограды в восточной части периметра); на центральных участках дворища были пройден ряд траншей и 17 раскопов. При работах в районе Водовозной башни были получены сведения о водопроводных системах (см. архив ИА РАН, Ф-1. Р-1. № 23585, 23585, 23586, 23587, 23588, 23589), а на площадке Дьякова городища в 2001 г. был внезапно обнаружен большой комплект полихромных изразцов (архив ИА РАН, Ф-1. Р-1. № 23556, № 23556, 23557, 23558, 23559, 23560, 23561, 23562, 23563, 23564, 23565, 23566). Отметим, что при этих работах был поставлен удачный опыт геофизического обследования дворища группой итальянских специалистов Фонда инженера Карло Леричи (Fondazione Ing. Carlo Maurilio Lerici) и Политехнического института Милана (Politecnico di Milano) под руководством Марио Кукаржи (см.: *Zolese et al.*, 1999. Р. 36–39). Результаты раскопок третьего периода публиковались очень фрагментарно, их отчетные материалы и коллекция находок (МГОМЗ, фонды «Археология» и «Изразцы») нуждаются в тщательном анализе.

Каковы же особенности коллекции, связанной с работами в зоне Государева двора, в целом? Прежде всего отметим, что в ней преобладают предметы, относящиеся именно к эпохе существования дворца, ко второй половине XVII – XVIII в. Их не слишком много (по нашим предварительным подсчетам, – около 4000), но состав достаточно представительен для общей оценки технико-инженерной части дворца. Больше всего рядовых находок из железа (фрагменты декора и запоров, кованые гвозди и т. п.) и керамики (кирпичи с клеймами, посуда). Меньше фрагментов слюдяных окончин, взятых в коллекцию частей деревянных водопроводных труб и т. п. О. В. Таценко отмечает среди них фрагменты поливной кровельной черепицы, монеты (серебряная копейка времени царя Федора Алексеевича 1680-х гг.), фрагмент дверной накладки с изображением звериной морды, а для второй половины XVIII в. – штык и курительные трубки. Необходимо провести планиметрический анализ этих и других находок для восстановления внутренней топографии дворца на местности. Подавляющая часть этих вещей никогда не публиковалась (частично опубликованы только монеты, см. по каталогу: *Таценко*, 2019).

Особенно это важно для изразцов и остатков кирпичных печей. Изразцы – одна из самых многочисленных групп, их в хранении, также по предварительным подсчетам, около 1000. Изразцы, полученные при работах 1920–1930-х гг., внесены в научный инвентарь значительно позже. Они не имеют полевой археологической маркировки и в результате не привязаны к месту точно. Это отметил еще П. Д. Барановский: «...особенно большую ценность для музея представляла керамика Коломенского дворца, найденная при работах 1925–1928 гг., но ее этикетки растеряны почти полностью при переносе в теперешнее помещение...» (Научный архив МГОМЗ. Оп. 1. Д. 182. С. 9). Так что по качеству привязки коллекция неоднородна: изразцы Государева двора собирали чуть не столетие, и не только при системных раскопках, поэтому типологическому анализу требуется предпослать музейный атрибуционный разбор, в прошлом при учетных работах затронувший фонд «Изразцы» лишь частично.

Следует подчеркнуть, что это одна из самых представительных «дворцовых» коллекций, относящихся к единому комплексу. Она значительно превосходит широко известную серию из палат царицы Натальи Кирилловны в Кремле

А. В. ФИЛИППОВЪ
МОСКВА, В. ПЕТРОВЪ, 7,
АРТЭЛЬ ХУДОЖНИКОВЪ-
ГОЩАРОВЪ „ИУРАВА“.
ТЕЛ. 1-33-10.

Вопросы для собиранія матеріаловъ по
исторіи древне-русской керамики.

Отдѣль I: ИЗРАЗЦЫ. (74)

Подмосковное село Коломенское

1. Съ какого памятника? *Найдено в земле* церковного, гражданского?
2. Вѣкъ (или годы) постройки или установки керамики.
3. Назначеніе: печные кафли, внутренняя облицовка; наружная облицовка.
4. Размѣры изразцовъ *h = 18 см* ; площади керамики
5. Терракотовые или поливные?
6. Изъ глины какого цвѣта: *красной, свѣтлой*?
7. Есть-ли рюмки? Ихъ высота; форма?
8. На чемъ были поставлены: на извести, цементѣ, глинѣ?
9. Лѣпные, гладкіе, живописные?
10. Характеръ лѣпки: эмалевый, обронный, натуральный?
11. Оттиснуты изъ формы или вылѣплены отъ руки? Прирѣзались-ли?
12. Формы изразцовъ:
13. Ихъ профиля (если фигурные)?
14. Рисуютъ на изразцахъ
15. Мотивы изображеній: *военная сцена*
16. Число красокъ *1* ; цвѣтъ фона *Зеленый*, узора
17. Какой цвѣтъ преобладаетъ?
18. Характеръ красокъ и поливъ: эмаль; глазурь, роспись красками по оѣлой эмали (или по цѣтной)
а) подглазурными красками, в) надглазурными.
19. Есть-ли на поливѣ цѣкъ (кракле)?—потечи?
20. Сохранность изразца ; черепка ; поливы
21. Нѣтъ-ли слѣдовъ реставраціи: подкраски холоднымъ способомъ? слѣдовъ закраски или забѣлки.
22. Гдѣ въ настоящее время находятся? *в музее с. Коломенского*
23. Не встрѣчаются-ли изразцы тѣхъ же формъ въ другихъ памятникахъ? Гдѣ?
24. Не имѣются-ли описаній, фотографій или зарисовокъ? Если опубликованы, то гдѣ?

Время и мѣсто описи. *Коломенское, июль 1933 г.*

Рис. 3. Анкета с описанием и зарисовкой изразца, найденного в Коломенском. 1933 г. Архив А.В. Филиппова (по: Керамическая установка..., 2017)

Рис. 4. Рисунок изразца, найденного в Коломенском. 1933 г. Архив А.В. Филиппова (по: *Керамическая установка...*, 2017)

и комплексы из дворцов на Лосином острове (Маралов, 2006. С. 150–158) и в Слотино (Щербаков, 2007. С. 360–365).

Изразцы представлены в основном фрагментами. С точки зрения типологии и технологии комплекс хронологически близок: все изразцы красноглиняные, в подавляющем большинстве с развитыми (отступающими) румпами. Все изразцы рельефные: преобладают полихромные, затем следуют

зеленые; рельефных изразцов с элементами росписи значительно меньше. Как исключение, представлены изразцы архаичных типов: терракотовый без поливы нащельник печи (№ Я-902/39; Кормовой двор, 2001 г.), фрагменты стенных красных широкорамочных изразцов с растительным орнаментом (Я-713/37, 38; Коломенское, 1972 г.) и фрагмент стенового рамочного с коробчатой румпой муравленого изразца с батальной сценой (И-6042, середина XVII в.), опубликованный без датировки еще А. В. Филипповым (Филиппов, 1938. Ил. 74. С. 67; в Госкаталоге Музейного фонда РФ дата ошибочно указана как XVI в., что лишний раз указывает на необходимость дальнейшей работы по атрибуции) (рис. 3; 4).

Всего в коллекции удается пока выделить не более 10–11 печных наборов, из которых два полных полихромных (с площадки Дьякова городища) и столько же «зеленых» (из ямы у Приказных палат), также почти полного состава. Обширную группу составляют однотипные находки с дворища, лежавшие вне развалов. Во дворце изразцовые части печей ставили не на первом, а на втором этаже, так что разброс фрагментов подчас очень велик. Повторяя и дополняя друг друга, они могут образовать несколько разрозненных комплектов. Вероятно, каждый набор существовал более чем в одном варианте, и часть изразцов повторялась в разных печах. Наконец, во время раскопок на Кормовом дворе (где исследована значительная площадь, около 850 кв. м) обнаружены основания еще девяти печей. Не все они были с изразцами, но фрагменты встречаются.

Вышеупомянутый полный печной набор для двух муравленых печей происходит не прямо с дворища, а из ямы снаружи от северо-восточного угла Приказной палаты (Беляев, Фролов, 1988). На основе этих находок удалось в 2004 г. одну печь реконструировать. Это серия зеленых изразцов 1660–1670-х гг., в том числе почти целых, рамочных и ковровых, однотипных и частью оттиснутых в одной форме, от одного или двух практически полных печных наборов. Такие образцы представлены в известных центрах производства изразцов, Валдайском Иверском и Ново-Иерусалимском; в комплексах Москвы (Кремль; Высоко-

Петровский монастырь); в дворцовых вотчинах (село Алексеевское). Аналогичных много в Польше и Литве, в том числе в белорусских землях (Новогрудок, Витебск, Полоцк, Копысь; см.: *Баранова*, 2011. С. 197–213).

Этот обзор позволяет надеяться, что в будущем удастся установить соответствие археологических материалов с историческими текстами и планами. Это необходимо, поскольку те и другие источники недостаточно полны, а сохранных аналогов слишком мало (если считать, что они вообще есть). В результате должна возникнуть довольно сложная аналитическая модель. Сейчас уже ясно, что при ее построении придется учитывать, что комплекс дворца обладает только относительной цельностью. К материалам самого яркого этапа строительства (1667–1682 гг.) и связанным с ним служебных зданий примешиваются следы переделок более позднего времени (постройка новых печей отмечена на последнем этапе ремонта 1720-х гг., с лета 1724 г. до весны 1726 г.; известен приказ о разборке печей и каминов в верхних хорах в 1754 г.). Это подтверждается присутствием в материалах раскопок изразцов первой трети XVIII в. Сведения о печах в документах скудны, и только археология позволяет составить представление об их реальном облике (*Гра*, 1993. С. 272–285; *Баранова*, 2007. С. 118–134).

В то же время описи содержат массу деталей, которые можно смело назвать археологическими. Их сопоставление с материалами натуральных исследований не только возможно, но представляет собой первостепенную задачу, более перспективную, чем изучение всех прочих находок, сделанных до сих пор на дворе. Так, по описи 1742 г. (вполне вероятно, что это копия описи конца XVII в.), в деревянной части дворца имелось 40 печей, из которых 16 украшали изразцы, в основном ценные. Печи с ними стояли в жилых помещениях и в дворцовых мыльнях, в то время как муравленные (зеленые) печи чаще встречались в служебных помещениях и на периферии дворца; есть и указания на круглую или прямоугольную форму основания печи.

Очевидно, что ближайшей задачей в работе с собранным материалом должно стать соединение на едином пространственном носителе (плане или трехмерной схеме) сведений, зафиксированных в описях, на обмерном плане дворца и в сводной картограмме археологических работ разных периодов. Необходима также тотальная реатрибуция изразцов дворца и других его археологических элементов в едином контексте строительства и престижного потребления своей эпохи. Предварительно проведенная экспертиза позволяет утверждать, что предметный мир, связанный с дворцом, не свидетельствует об особом царском заказе и как будто не выделяется на общем фоне городского быта. Это типичные для своего времени для Москвы вещи – и только (интересно сравнить их с изразцами XVII–XVIII вв., собранными при раскопках Большого дворца в Царицыно: Археология парка «Царицыно»..., 2008. Рис. 16). Мало отличаются они от предметного мира других царских усадеб уже потому, что для них работали одни и те же мастера. Так, в 1684 г. Сеньке Буткееву, ценных дел мастеру Гончарной слободы, заплатили «за 1887 образцов зеленых, которые взяты у него в прошлых... годах в села в Измайлово и в Коломенское на дело печей по 4 деньги на образец», а также «2072 образца ценных по 6 денег за образец» (*Забелин*, 1918. С. 656).

Насколько сопоставления графических, письменных и археологических источников окажутся плодотворными для нашего понимания места дворца

в Коломенском в русской культуре, покажет дальнейшая аналитическая работа. Однако следует отметить, что к настоящему времени раскопана (к счастью) далеко не вся площадка дворища: зоны под зелеными насаждениями и сегодня остаются слегка всхолмленным пространством, на котором дерн зачастую едва прикрывает выходящие на поверхность изразцы и кирпичные развалы печей.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология парка «Царицыно». По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2008. 361 с.
- Баранова С. И., 2007. К вопросу о реконструкции печей Коломенского дворца // КМИ. Вып. 10. М. С. 118–134.
- Баранова С. И., 2011. Изразцы из Коломенского дворца: трансформации художественных импульсов // КМИ. Вып. 13. М. С. 197–216.
- Беляев Л. А., 1978. Отчет: Музей-усадьба «Коломенское». Археологические исследования в 1978 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7034.
- Беляев Л. А., 1979. Отчет об археологических исследованиях на территории музея-усадьбы «Коломенское» в 1979 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7724.
- Беляев Л. А., Кренке Н. А., 1993. Археологические исследования дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском // КМИ. Вып. 4. М. С. 72–113.
- Беляев Л. А., Кренке Н. А., 2005. Деревянный дворец конца XVII века в Коломенском: опыт археологической локализации // РА. Вып. 4. С. 176–188.
- Беляев Л. А., Фролов М. В., 1981. Отчет об археологических исследованиях на территории музея-заповедника «Коломенское» в 1981 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8532.
- Беляев Л. А., Фролов М. В., 1984. Археологические исследования специалистов института «Спецпроектреставрация» в 1976–1980 гг. // Архитектурное наследие и реставрация / Ред. В. М. Дворяшин. М.: Росреставрация. С. 45–64.
- Беляев Л. А., Фролов М. В., 1988. Изразцовая печь белорусских мастеров из усадьбы Коломенское // Архитектурное наследие и реставрация / Ред. В. М. Дворяшин. М.: Росреставрация. С. 208–223.
- Герасимова И. В., 2015. Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII века. СПб.: Изд-во Европейского ун-та. 344 с.
- Гра М. А., 1993. Печи Коломенского деревянного дворца XVII в. // КМИ. Вып. 5. Ч. 2. М. С. 272–285.
- Забелин И. Е., 1918. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. I. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. М.: А. Д. Ступин. XX, 792 с., 7 л. ил.
- Керамическая установка. По материалам архива и коллекций А. В. Филиппова. М.: ЭКСМО, 2017. 472 с.
- Маковецкий И. В., 1951. Коломенское. Исследование исторического развития планировки архитектурного ансамбля: дисс. ... канд. искусствоведения. М. 339 с.
- Маралов Е. А., 2006. Алексеевский дворец на р. Пехорке: Период светлейшего князя А. Д. Меншикова // Архитектурное наследие. Вып. 46. М.: КомКнига. С. 150–158.
- Таценко О. В., 2011. Материалы археологических раскопок на месте дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском (в собрании фонда «Археология» МГОМЗ) // КМИ. Вып. 13. М. С. 227–231.
- Таценко О. В., 2019. Медные монеты от Ивана III до Петра I в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника Коломенское – Измайлово – Люблино. М.: Московский гос. объединенный музей-заповедник. 104 с.
- Филиппов А. В., 1938. Древнерусские изразцы. Вып. 1. XV–XVII вв. М.: Всесоюз. акад. архитектуры. 92 с., 38 л. ил.
- Филиппов А. В., 1940. Клейма древнерусских кирпичей в Москве и их расшифровка // Сообщения лаборатории керамической установки. Вып. 1 / Академия архитектуры СССР. М. С. 1–8.
- Щербатов В. В., 2007. Изразцы царского путевого дворца в селе Слодино // АП. Вып. 3 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН. С. 360–365.

Zolese P., Nalesini O., Cucarzi M., 1999. Cinquant'anni di indagini non invasive nel sottosuolo archeologico. Roma; Milano: Fondazione Lerici. 86 p.

Сведения об авторах

Беляев Леонид Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: labeliaev@mtu-net.ru;

Баранова Светлана Измайловна, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, Москва, 125993, Россия; e-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

L. A. Belyaev, S. I. Baranova

ARCHAEOLOGY ABOUT THE 17th CENTURY PALACE IN KOLOMENSKOYE:
OVERVIEW OF DATA SOURCES

Abstract. The paper is aimed at shaping a clear idea on what, where, and how much of archaeological materials on the history of the Kolomenskoye Palace, which is the most famous civil palace construction made from logs, has been preserved. The palace was used as a summer state residence, mostly, by tsar Aleksey Mikhailovich and his sons – Fyodor and Peter I (in his childhood), and in the subsequent period in the 18th century from time to time by female rulers of Russia. In the 1760s the palace was dismantled; its descriptions, measurements and even models were preserved. Over a hundred years (since the 1920s), the remains of this estate have been repeatedly excavated, and the records have been stored in a number of archives and museums, mostly, in Moscow. The future task is to consolidate these materials and analyze them along with other types of sources.

Keywords: Grand Principality of Moscow, tsar palaces, museum collections, archives, tsar Aleksey Mikhailovich, Peter I.

REFERENCES

- Arkheologiya parka «Tsaritsyno». Po materialam issledovaniy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN 2002–2008 gg. [Archaeology of park «Tsaritsyno». Based on materials of investigations of expedition of Institute of Archaeology, RAS, 2002–2008]. N. A. Krenke, comp. Moscow: IA RAN, 2008. 361 p.
- Baranova S. I., 2007. K voprosu o rekonstruktsii pechey Kolomenskogo dvortsa [On issue of reconstruction of ovens in Kolomenskoye palace]. *KMI*, 10. Moscow, pp. 118–134.
- Baranova S. I., 2011. Izraztsy iz Kolomenskogo dvortsa: transformatsii khudozhestvennykh impul'sov [Glazed tiles from Kolomenskoye palace: transformations of artistic trends]. *KMI*, 13. Moscow, pp. 197–216.
- Belyayev L. A., 1978. Otchet: Muzey-usad'ba «Kolomenskoye». Arkheologicheskiye issledovaniya v 1978 g. [Report: Museum-estate «Kolomenskoye». Archaeological investigations in 1978]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Belyayev L. A., 1979. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii muzeya-usad'by «Kolomenskoye» v 1979 g. [Report on archaeological investigations in territory of museum-estate «Kolomenskoye» in 1979]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Belyayev L. A., Frolov M. V., 1981. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na territorii muzeyazapovednika «Kolomenskoye» v 1981 g. [Report on archaeological investigations in territory of museum-reserve «Kolomenskoye» in 1981]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

- Belyayev L. A., Frolov M. V., 1984. Arkheologicheskiye issledovaniya spetsialistov instituta «Spetsproyektrestavratsiya» v 1976–1980 gg. [Archaeological investigations of specialists from institute «Spetsproyektrestavratsiya» in 1976–1980]. *Arkhiturnoye nasledie i restavratsiya [Architectural heritage and restoration]*. V. M. Dvoryashin, ed. Moscow: Rosrestavratsiya, pp. 45–64.
- Belyayev L. A., Frolov M. V., 1988. Izraztsovaya pech' belorusskikh masterov iz usad'by Kolomenskoye [Oven with glazed tiles by Byelorussian masters from Kolomenskoye estate]. *Arkhiturnoye nasledie i restavratsiya [Architectural heritage and restoration]*. V. M. Dvoryashin, ed. Moscow: Rosrestavratsiya, pp. 208–223.
- Belyayev L. A., Krenke N. A., 1993. Arkheologicheskiye issledovaniya dvortsa tsarya Aleksey Mikhaylovicha v Kolomenskom [Archaeological investigations of palace of tsar Aleksey Mikhaylovich in Kolomenskoye]. *KMI*, 4. Moscow, pp. 72–113.
- Belyayev L. A., Krenke N. A., 2005. Derevyanny dvorets kontsa XVII veka v Kolomenskom: opyt arkheologicheskoy lokalizatsii [Wooden palace of XVII c. in the village Kolomenskoe: an experiment of archaeological localisation] // *RA*, 4, pp. 167–188.
- Filippov A. V., 1938. Drevnerusskiye izraztsy [Ancient Russian glazed tiles], 1. XV–XVII vv. [XV–XVII cc.]. Moscow: Vsesoyuznaya akademiya arkitektury. 92 p., 38 pl.
- Filippov A. V., 1940. Kleyma drevnerusskikh kirpichey v Moskve i ikh rasshifrovka [Stamps on ancient Russian bricks in Moscow and their deciphering]. *Soobshcheniya laboratorii keramicheskoy ustanovki [Information of laboratory for ceramic installation]*. Akademiya arkitektury SSSR, 1. Moscow, pp. 1–8.
- Gerasimova I. V., 2015. Pod vlast'yu russkogo tsarya: sotsiokul'turnaya sreda Vil'ny v seredine XVII veka [In power of Russian tsar: Vil'no sociocultural milieu in mid XVII century]. St. Petersburg: Evropeyskiy universitet. 344 p.
- Gra M. A., 1993. Pechi Kolomenskogo derevyannogo dvortsa XVII v. [Ovens of Kolomenskoye wooden palace of XVII c.]. *KMI*, iss. 5, part 2. Moscow, pp. 272–285.
- Keramicheskaya ustanovka. Po materialam arkhiva i kollektsey A. V. Filippova [Ceramic installation. Based on materials from A.V. Filippov's archive and collection]. Moscow: EKSMO, 2017. 472 p.
- Makovetskiy I. V., 1951. Kolomenskoye. Issledovaniye istoricheskogo razvitiya planirovki arkhiturnogo ansamblya: dissertatsiya ... kandidata iskusstvovedeniya [Kolomenskoye. Research of historical development of planning of architectural ensemble: PhD thesis. Manuscript]. Moscow. 339 p.
- Maralov E. A., 2006. Alekseyevskiy dvorets na r. Pekhorka: Period svetleyshego knyazya A. D. Mzenshikova [Alekseyevskiy palace on river Pekhorka: Period of Highness prince A.D. Mzenshikov]. *Arkhiturnoye nasledstvo [Architectural heritage]*, 46. Moscow: Kom Kniga, pp. 150–158.
- Shcherbakov V. V., 2007. Izraztsy tsarskogo putevogo dvortsa v sele Slotino [Glazed tiles from the Tsar's travel palace in village Slotino]. *AP*, 3. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 360–365.
- Tatsenko O. V., 2011. Materialy arkheologicheskikh raskopok na meste dvortsa tsarya Aleksey Mikhaylovicha v Kolomenskom (v sobranii fonda «Arkheologiya» MGOMZ) [Materials of archaeological excavations in the area of palace of tsar Aleksey Mikhaylovich in Kolomenskoye (in collection of fund «Archaeology» MGOMZ)]. *KMI*, 13. Moscow, pp. 227–231.
- Tatsenko O. V., 2019. Mednyye monety ot Ivana III do Petra I v sobranii Moskovskogo gosudarstvennogo ob'yedinennogo muzeya-zapovednika Kolomenskoye – Izmaylovo – Lyublino [Copper coins from Ivan III to Peter I in collection of Moscow state united museum-reserve Kolomenskoye – Izmaylovo – Lyublino]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy ob'yedinennyy muzey-zapovednik. 104 p.
- Zabelin I. E., 1918. Domashniy byt russkogo naroda v XVI i XVII st. [Home life of the Russian people in XVI and XVII c.], 1. Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII st. [Home life of Russian tsars in XVI and XVII c.], 1. Moscow: A. D. Stupin. XX, 792 p., 7 pl.

About the authors

Belyaev Leonid A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: labeliaev@mtu-net.ru

Baranova Svetlana I., Russian State University for the Humanities; Miusskaya Sq., bld. 6, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

О. В. Дьякова

УКРЕПЛЕНИЯ БАССЕЙНА АВВАКУМОВКИ В ВОСТОЧНОМ ПРИМОРЬЕ¹

Резюме. В статье на основе архивных источников и полевых исследований предлагается картирование и классификация девяти древних и средневековых укреплений бассейна р. Аввакумовки Восточного Приморья (Ольгинский район Приморского края). По геоморфологической характеристике укрепления относятся к мысовому, долинному и горному типам. Установлено, что фортификационные памятники создавались носителями разных культур (янковской, польцевской, мохэской, чжурчжэньской), датируемых I тыс. до н. э. – первой половиной II тыс. н. э. Впервые выявлено, что Михайловское городище относится к польцевской культуре эпохи Средневековья (VI в. н. э.). Расположение укреплений вдоль реки и ее притоков свидетельствует о функционировании здесь сухопутной и морской дорог. Сухопутная дорога спускалась с перевала к морю, морская магистраль пролегла вдоль побережья Японского моря.

Ключевые слова: укрепления, вал, городище, фортификации, польцевская, мохэская культуры, Восточное Ся, пути сообщения, Приморье.

Дальний Восток – древняя обитель палеоазиатских и тунгусо-маньчжурских племен. Маркерами племенных и государственных границ, административных центров, охранно-сторожевых пунктов, дорожно-транспортных магистралей служили городища, крепости, форпосты, пограничные валы. В Приморье обнаружено более 200 фортификационных объектов разного времени и разных культур. Не вся территория изучена равномерно. Автором исследованы 62 укрепления 20 бассейнов рек Центрального Сихотэ-Алиня (Северо-Восточное Приморье), впадающих в Японское море. Установлено, что для городищ лидовской эпохи бронзы и мохэской культуры эпохи Средневековья характерен мысовый тип с валами дуговидной формы и простым входом в виде разрыва, для бохайских городищ – долинный тип с прямоугольной (трапециевидной) конфигурацией

---

¹ Работа выполнена при финансировании гранта РФФИ проекта № 18-09-40021.

валов, для чжурчжэной государства Восточного Ся (1215–1234) – горный тип с башенными фортификациями, планиграфией с искусственными террасами, внутренним городом и редутом. Выявлено, что городища во все эпохи связывала морская магистраль протяженностью более 600 км (от Татарского пролива до бухты Ольга) и сухопутные дороги, спускавшиеся с перевалов Сихотэ-Алиня к бухтам Японского моря. Вход в бухты и на горные перевалы контролировали специально возведенные крепости (Дьякова, 2009. С. 245). Аналогичная геофизическая система характерна и для Восточного Приморья, реки которого также замкнуты между Сихотэ-Алинем и Японским морем. Аввакумовка расположена южнее ранее исследованных автором бассейнов рек (21 по счету). Поэтому анализ укреплений данного бассейна осуществлялся теми же методами, которые использовались для Центрального Сихотэ-Алиня: картирование городищ и крепостей по бассейнам рек; характеристика по геофизическому местонахождению – долинные, мысовые, горные; классификация по форме – квадратные (прямоугольные), многоугольные, дугообразные, П-образные, полукруглые; по площади – малые (до 1 га), средние (до 3 га), большие (более 3 га); по планиграфии – простые, террасированные, с внутренним городом, редутом; по фортификации – простые, башенные; по входам – простые в виде разрыва, сложные с дополнительными защитными сооружениями; по составу и конструкции валов; по функциональному назначению – военно-административные; охранно-сторожевые; жилые; пограничные и оборонные валы.

Геофизическая характеристика территории

Приморье – горная страна, 80 % его территории занимают хребты Сихотэ-Алиня и сопки, 20 % – низменности. Реки Приморья с восточных склонов Сихотэ-Алиня впадают в Японское море. Бассейн Аввакумовки расположен в Восточном Приморье в Ольгинском районе Приморского края. Аввакумовка течет в юго-восточном направлении и впадает в залив Ольга Японского моря. Начало реки приходится на стык западных и восточных хребтов Сихотэ-Алиня, разделяющих Приморье на морскую и континентальную части, и связано с восточным склоном горы Перевальная. Длина реки – 67 км, площадь бассейна – 3170 кв. км. У Аввакумовки развитая сеть притоков. Левые притоки: Выгонка (49 км), Арзамасовка (7,8 км), Харченковская Падь (56 км); правые притоки: Васильковка (9,2 км), Беневка (32 км), Форельная (38 км) (Ресурсы поверхностных вод СССР..., 1970. С. 592).

Для жизнедеятельности человека территория привлекательна во всех сферах: от земледелия, охоты и рыболовства до добычи природных ископаемых и доступности морских и сухопутных коммуникационных систем. Поэтому с древности ее необходимо было охранять, контролировать и защищать.

Укрепления бассейна Аввакумовки (рис. 1)

В бассейне Аввакумовки открыто девять укреплений: *Михайловское городище* (правый берег Выгонки); *Михайловское-Выгонка* (левый берег Выгонки); *Форельная-1* (правый приток Форельной); *Моленное-1*; *Скалистое* (правый берег

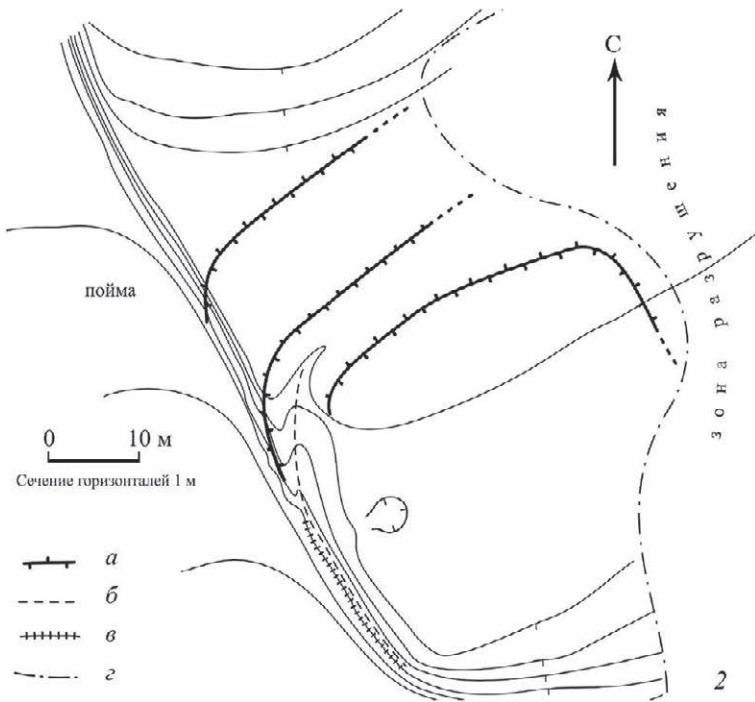
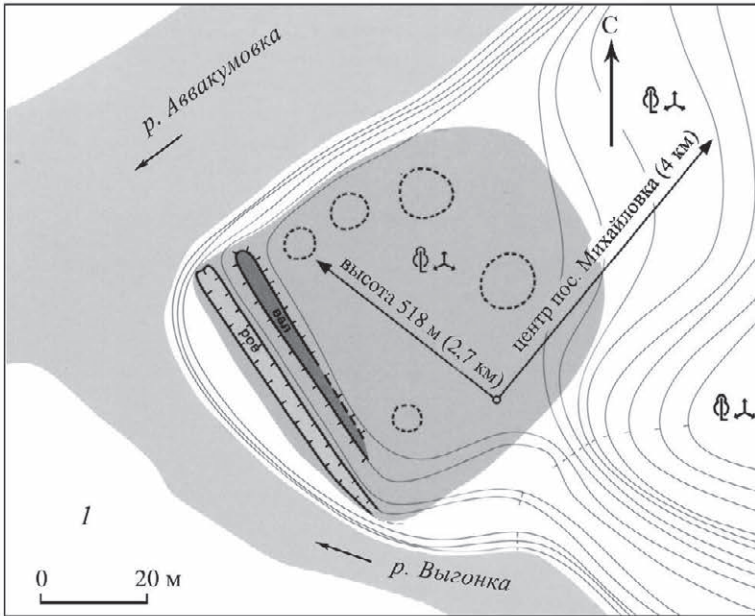
**Рис. 1. Карта укреплений бассейна р. Аввакумовки
(Ольгинский район Приморского края)**

1 – укрепление Михайловское-Выгонка; 2 – Михайловское городище; 3 – Васильковское городище; 4 – укрепление Моленное-1; 5 – укрепление Форельная-1; 6 – городище Скалистое; 7 – укрепление Ветка-4; 8 – Падь Широкая-редут; 9 – Пермское-6

Аввакумовки); *Васильковское* (правый берег Васильковки); *Ветка-4*, *Падь Широкая-редут*, *Пермское-6* (бассейн Арзамасовки). Характеристика памятников предлагается от верхнего течения Аввакумовки к нижнему.

Укрепление Михайловское-Выгонка (рис. 1: 2; 2: 1)

Расположено в 3,5 км к юго-востоку от центра с. Михайловка на левом берегу р. Аввакумовки, в месте впадения в нее р. Выгонки. Поселение обнаружено и обследовано в 2003 г. Амуро-Приморской археологической экспедицией под руководством О. В. Дьяковой. В 2012 г. осмотрено участниками российско-корейской археологической экспедиции ИИАЭНДВ ДВО РАН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН (*Клюев и др.*, 2014. С. 205). Памятник занимает слабонаклонную террасу

Рис. 2. Планы укреплений бассейна Аввакумовки

1 – Михайловское-Выгонка (по: Клюев и др., 2014); 2 – Васильковское городище
а – вал; б – тропа; в – обваловка тропы; г – граница зоны разрушения

оконечности горного отрога Сихотэ-Алиня. Высота над уровнем реки – 4–7 м. С северо-востока и востока памятник ограничен руслами рек – Аввакумовкой и Выгонкой, с юга, юго-запада и северо-запада – сопкой. Размер памятника – 73 × 93 м, площадь – более 0,3 га. С юго-западной стороны берега р. Выгонки выявлен земляной вал длиной 50 м, шириной в основании 4–5 м, шириной по гребню 3 м, высотой с внешней стороны 2–2,5 м, с внутренней стороны – 1 м и ров, расположенный с внешней стороны вала. Длина рва – 54 м, ширина – 3–4 м, глубина – 1 м. На поселении прослежено пять округлых жилищных западин глубиной 0,2–0,3 м, диаметром 9–10 м и 5–7 м. Археологический материал не обнаружен.

Укрепление по типу мысовое, по размеру малое, по составу вала почвенное, культурная принадлежность из-за отсутствия материала не определена, но, согласно классификации городищ Центрального Сихотэ-Алиня, мысовый тип укреплений характерен для двух культур – лидовской эпохи палеометалла и мохэской раннего Средневековья (Дьякова, 2009. С. 173–194).

Михайловское городище (рис. 1: 2; 3: 1–7)

Расположено в 4 км к юго-востоку от села Михайловка на 5–9-метровом мысовидном выступе второй надпойменной террасы левого берега р. Аввакумовки в 300 м от устья левого притока Выгонки. Впервые городище обследовано в 1975 г. В. Д. Леньковым, В. А. Хоревым (Хорев, 1975. С. 12). В 2003, 2007, 2011, 2019 гг. разведочно и стационарно городище исследовалось Амуро-Приморской археологической экспедицией (Дьякова, 2003; 2006; 2011; 2019). Общая площадь городища – 0,25 га. Поверхность городища ровная, с плавным метровым перепадом к западу. Городище укреплено тремя рядами валов и рвов. Северная сторона мыса (она же северная сторона городища) обрывистая, обращена к Аввакумовке. С северной стороны валов нет. Они либо разрушены обрывом, либо, что вероятнее всего, вообще не возводились. Восточная сторона мыса (она же восточная сторона городища) разрезана современной лесовозной дорогой, не задевающей валы укрепления. Высота мыса в данном месте не более 5 м, поверхность мыса уплощенная, защищена тройным рядом высоких валов. Западная сторона мыса пологая, спускается в распадок, где, судя по аллювиальным отложениям, в древности протекал ручей. К северо-западному углу городища поднималась дорога, защищенная с южной стороны валами, а с западной – небольшим строением с обваловкой (рис. 3: 1). Южная сторона городища укреплена тройными рядами валов и рвов, к которым подходила дорога. Внутренний вал городища П-образной формы с прямым юго-восточным углом и укороченным западным валом. Общая длина внутреннего вала – 55 м (восточный участок – 23 м, южный – 26 м, западный – 6 м). Средний и внешний валы Г-образной формы со скругленным юго-восточным углом. Углом валы ориентированы на юго-восток. Длина среднего вала – 89 м (восточный участок – 31 м, южный – 58 м); длина внешнего вала – 65 м (восточный участок – 41 м, южный – 24 м). Валы разделены рвами, глубина которых от дневной поверхности варьирует в пределах 0,6–0,4 м. Высота внутреннего вала от дна рва до гребня – 1,15 м, среднего вала – 1 м, внешнего вала – 0,32 м. Валы отстоят друг от друга на расстоянии 7–4 м. С внутренней стороны углов внутреннего и внешнего

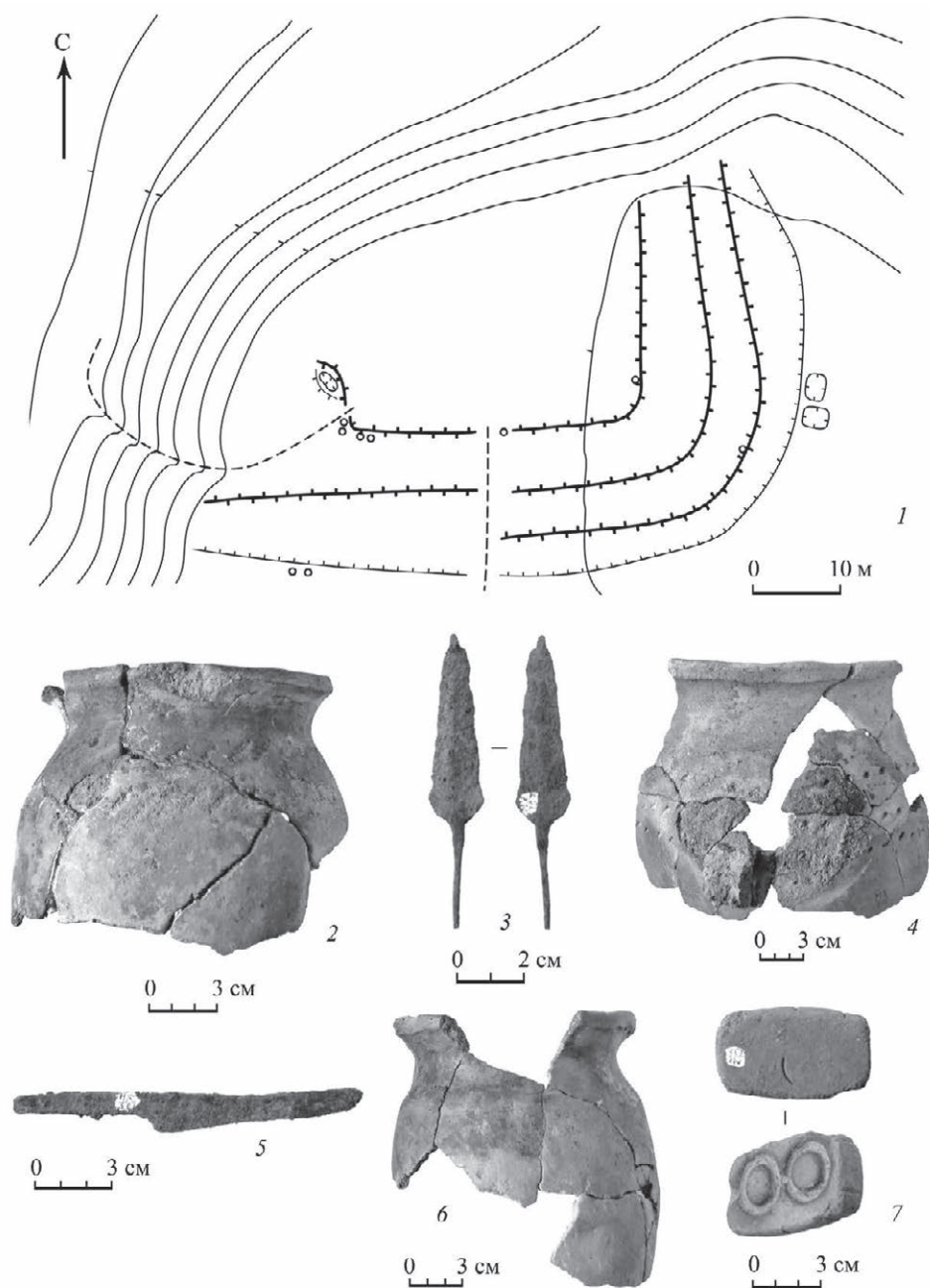

Рис. 3. Михайловское городище

1 – план; 2, 4, 6 – лепная керамика; 3 – железный наконечник стрелы; 5 – железный нож; 7 – литейная форма

валов зафиксированы углубления круглой формы диаметром 1 м, глубиной 0,20 м. По гребню внутреннего вала зафиксированы столбовые ямы, вероятно, остатки возведенной на валу деревянной стены (изгороди – ?). Подобная конструкция на укреплениях Приморья встречается впервые. На восточном участке внутреннего вала обнаружена яма с каменной обкладкой диаметром 0,35 м. Валы отсыпаны из камня и гравийно-песчаной почвы, добытой из рвов. Внутренний вал с внешней стороны облицован скальным камнем. Аналогичная облицовка зафиксирована в местах стыковки рвов с валами, а также на дне рва.

На городище прослежены два входа: с южной и западной сторон. Южный вход расположен с уплощенной стороны мыса и представлен насыпной почвенно-каменной платформой, соединяющей между собой все валы и рвы. Платформа прямоугольной формы, длиной 17,5 м, шириной в средней части 3,2 м. С внешней стороны городища к ней подходит дорога. С внутренней стороны дорожная платформа заканчивается входными воротами, от которых сохранились столбовые ямы. Расстояние между столбовыми ямами – 4,5 м. Диаметр ям – 0,6 м, глубина – 0,3 м. Западный вход (спуск с городища к ручью и реке) охранялся небольшим сторожевым пунктом.

На городище вскрыт металлургический комплекс, включавший горн, производственное помещение, инструментарий, литейную форму, шлаки, крицу. В коллекции представлены: лепная керамика горшковидных и вазовидных форм с врезным орнаментом из рядов ногтевых оттисков, горизонтально-прочерченных прямых и волнистых борозд, поясов правонаклонных вдавлений лопаточкой, ямочного и ложнотекстильного декора; круговая сероглиняная керамика с вафельным и штампованным геометрическим орнаментами; пароварка; железные ножи, наконечники стрел, литейная форма (рис. 3: 2–7).

Таким образом, по геофизической характеристике Михайловское городище относится к мысовому типу; по конфигурации валов – П-Г-образной формы, с прямым юго-западным углом; по структуре валов – каменно-почвенное с каменной облицовкой валов и рвов; по топографо-планиграфической характеристике внутреннего пространства – простое, без внутреннего города и редута; по размерам – малое; по назначению – жилое с наличием производственных металлургических мастерских. По культурной идентификации относится к польцевской культуре эпохи Средневековья, что подтверждается типологией лепной керамики, формы и орнамента, которой являются производными от посуды польцевской культуры конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э., присутствием в комплексе круговой сероглиняной посуды со штампованным декором, появляющейся в Приамурье и Приморье не ранее VI в., и радиоуглеродной датой (Ле-12102: 1520 ± 40), т. е. VI в. н. э. Подобное сочетание лепной польцевской керамики и круговых сероглиняных сосудов со штампованным орнаментом зафиксировано в закрытых комплексах на нескольких памятниках культуры амурских чжурчжэней, что означает присутствие в ней польцевского компонента во второй половине I тыс. н. э. (Медведев, 1986. С. 68).

Васильковское городище (Садога, Ветка, Ветка-редут) (рис. 1: 3; 2: 2)

Расположено на левом берегу р. Васильковки (до 1972 г. название Садога) в 1,6 км к юго-западу от места ее впадения в р. Аввакумовку и в 2,4 км

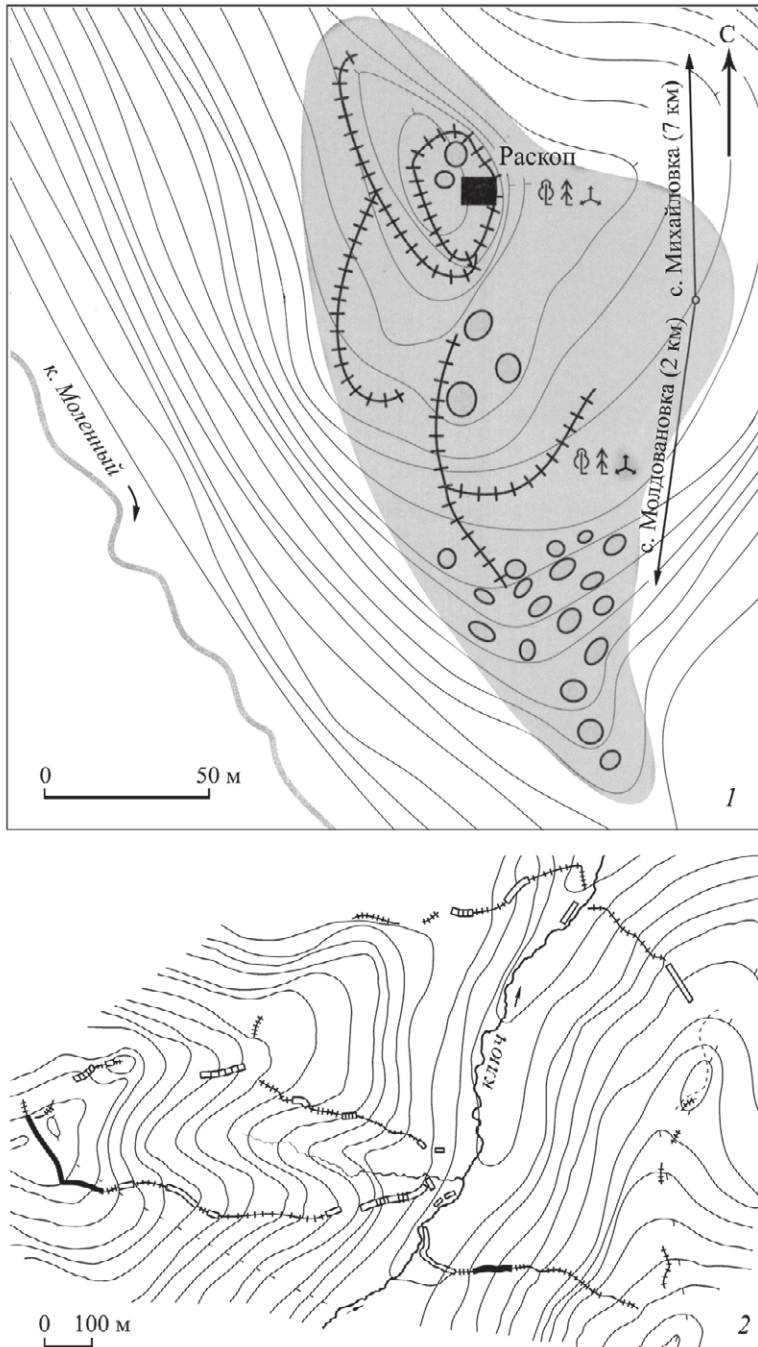
к юго-западу от с. Ветка. Возведено на краю террасы мысовидного склона сопки, обращенного в сторону реки. Западная и северная стороны мыса довольно пологие, южная сторона достигает высоты 6–7 м. Городище впервые обследовано в 1958 г. Г. И. Андреевым, названо по р. Садога (*Андреев, Андреева, 1958. С. 24*). В 1986 г. памятник переобследован О. С. Галактионовым (*Галактионов, 1986*). В 2003, 2007 гг. на городище проведены разведочные работы Амуро-Приморской археологической экспедицией: выполнена инструментальная съемка, заложен шурф, давший фрагмент лепной керамики, более всего проецирующийся на традиции польцевской культуры (*Дьякова, 2006*). Вследствие переименования р. Садога в Васильковку городище обозначено как Васильковское. В 2012 г. городище переоткрыто С. С. Малковым и названо Ветка-редут (*Клюев и др., 2014*). В том же году памятник осматривался российско-корейской археологической экспедицией ИИАЭНДВ ДВО РАН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН (Там же).

Поверхность мыса достаточно ровная, перепад высот не превышает 2 метров. С северной стороны мыс отгорожен тремя рядами дугообразных валов. Валы обращены к северо-западу, т. е. в пологую сторону. По составу валы каменно-почвенные. Среди камней встречаются скальные породы и галечник. Перед первой линией валов зафиксировано русло пересохшего ручья. Дугообразность валов отмечается с западной, наиболее пологой, требующей укрепления, стороны сопки. Длина первой (внешней) линии валов – 29 м. Восточная сторона вала разрушена. Вторая (средняя) линия валов – 39 м. Третья линия валов (внутренняя) – 30 м. Ширина валов в основании – 3–5 м, высота валов от дневной поверхности – 0,7–1,5 м, от дна рва – первой линии – 1,5 м, второй – 2,5 м, третьей – 3,5 м. Ширина по гребню вала – 0,5–0,7 м. Между валами вырыты рвы, глубина которых от дневной поверхности составляет 1,7–2 м. Площадь городища – 0,14 га. Заложен шурф, давший стратиграфию: 1) дерн 8–10 см; 2) коричневая супесь с камнями – культурный слой мощностью 30 см; 3) коричневый суглинок со скальником – материк. В культурном слое обнаружен фрагмент керамики красно-коричневого цвета, толщина стенки – 0,6 см. Обжиг окислительный.

По геофизической характеристике городище мысовое, по планиграфической конфигурации валов – подпрямоугольно-дугообразное, незамкнутое; по структуре валов – каменно-почвенное; по фортификации – простое, без башен, внутреннего города и редута; по назначению – жилое, охранно-оборонительное. Культурная принадлежность памятника по собранному материалу не диагностируется, но тип и планиграфия валов сопоставимы с Михайловским городищем. Поэтому, вероятно, оно также относится к польцевской культуре эпохи Средневековья.

Укрепление Моленное-1 (рис. 1: 4; 4: 1).

Расположено в 2 км к северо-западу от с. Молдавановка. Впервые памятник упоминается в 1915 г. В. К. Арсеньевым (Там же. С. 207). Вторично памятник открыт в 2003 г. С. В. Рыжковым, в 2004 г. разведочно обследован А. Н. Поповым, в 2006 г. стационарные работы проведены С. С. Малковым (*Попов, 2004; Клюев и др., 2014. С. 241*).

Рис. 4. Планы укреплений бассейна Аввакумовки

1 – укрепление Моленное-1 (по: Клюев и др., 2014); 2 – городище Скалистое (по: Леньков, 1974; 1976)

Укрепление расположено по правому борту р. Аввакумовки, занимает вершину сопки и юго-восточный склон оконечности горного массива. Сопка вытянутой формы, северо-восточной и юго-восточной сторонами обращена к Аввакумовке, с юго-запада и северо-запада ограничена глубоким распадком и ручьем Моленный, впадающим в Аввакумовку. Высота сопки – 190 м, с каменной осыпью юго-западного склона. Протяженность памятника по линии северо-запад – юго-восток – 400 м, по линии северо-восток – юго-запад – 150 м. Фортификации представлены пятью валами, возведенными в наименее защищенных местах юго-восточного пологого склона сопки для прикрытия террас жилищами. По составу валы каменно-почвенные, отсыпаны из скальных обломков, валунов и почвы. *Вал № 1* (длина – 59 м, ширина – 1–1,5 м, высота – 0,9–1,4 м) защищает террасу № 1. *Вал № 2* дугообразной в плане формы, ориентирован на северо-запад – юго-восток (длина – 60 м, ширина – 1,2–1,6 м; высота – 1,2–1,5 м), соединяется в южной части с валом № 1 и защищает террасу № 1. *Вал № 3* дугообразной в плане формы, ориентирован с севера на юг (длина – 65 м, ширина – 1,1–1,5 м; высота – 1,2–1,5 м), защищает террасы № 1 и 2. *Вал № 4* ориентирован с севера на юг (длина – 70 м, ширина – 1,3–1,6 м; высота – 1,4–1,6 м), защищает террасы № 2, 3 и 4. *Вал № 5* дугообразной в плане формы, ориентирован с запада на восток (длина – 55 м, ширина – 1,2–1,5 м; высота – 1,2–1,5 м). Западной оконечностью вал № 5 соединяется с центральной частью вала № 4, защищает террасу № 2. В 300 м к северо-западу от центральной части укрепления в скалистом склоне сопки обнаружена искусственно выбранная полость длиной 3 м, шириной 1,5 м, высотой до 1,5 м. Дно полости представлено скальными обломками и почвой. Внутри полости и в радиусе 1,5 м от нее по склону сопки встречены артефакты.

Внутри укрепления расположены искусственные террасы с жилищными западинами. Стратиграфия раскопа: дерн мощностью 3–10 см, коричневая щебнистая супесь – 2–30 см, желто-коричневый суглинок – 10–15 см. Материк – темно-коричневые базальтовые плиты и скальный цоколь. Очаги, столбовые ямы, каменные кладки и др. в раскопе не выявлены. Коллекция содержит артефакты трех культур: основная часть материала отнесена исследователем к раннему железному веку к янковской культуре, единичные находки – к польцевской культуре железного века и железный двурогий срезень – к эпохе Средневековья (*Клюев и др.*, 2014). Кроме того, отмечены фрагменты толстостенной керамики темно-коричневого цвета с крупными включениями дробленого гранита. Материал укрепления Моленное-1 сопоставлен с артефактами «городищ Рудановское, Анучино-1, Новогордеевское, относимых к континентальному варианту янковской культуры (VIII–I вв. до н. э.)» (Там же. С. 207).

Таким образом, укрепление Моленное-1 – многокомпонентный памятник, на нем не прослежена стратиграфия культурных слоев. По топографическим, планиграфическим и технико-технологическим характеристикам искусственные террасы и защищающие их валы более соответствуют традициям горных укреплений чжурчжэньского государства Восточного Ся (1215–1234). При их возведении культурные слои предшествующего времени уничтожались и грунт, как правило, использовался для «подушек» зданий дворцового типа. Поэтому в чжурчжэньском слое часто присутствуют артефакты предшествующих культур.

Аналогичная ситуация характерна для многих горных городищ чжурчжэней (Дьякова, 2018. С. 65–84). Связь валов с янковским и польцевским комплексами неочевидна, но исключать ее нельзя, поскольку однослойные укрепления эпохи палеометалла известны в Северном Приморье (Дьякова, 2009. С. 216–225).

Укрепление Форельная-1 (рис. 1: 5; 6: 1, 2)

Расположено в 5 км к югу от с. Новониколаевка. Обнаружено в 2013 г. С. С. Малковым (*Клюев и др.*, 2014). Возведено на пойменной террасе правого берега р. Форельная – правого притока Аввакумовки. Представлено прямоугольной каменно-земляной платформой размером 85 × 63 м, ориентированной по странам света. Северная стенка защищена рвом шириной 1,5–2 м и глубиной 0,3 м. Общая площадь памятника составляет 0,35 га. Платформа сложена из гальки, гравия, серо-коричневой супеси и крупных окатанных камней. Верхняя поверхность платформы укреплена камнями. В шурфе, заложенном в юго-восточной части платформы, обнаружены фрагменты четырех плоскодонных сосудов со следами доработки на круге (рис. 6: 1). Среди подъемного материала отмечены четыре металлических предмета: железный наконечник стрелы с листовидным пером, железный нож; железный гвоздь с прямоугольным сечением; обломок бронзовой ажурной накладки (рис. 6: 3–5). Предварительно укрепление отнесено к позднему Средневековью (*Клюев и др.*, 2014. С. 241).

К укреплению Форельная-1 следует отнести условно, т. к. защищено оно только рвом, без вала. По типу оно долинное, по размерам малое, по функциональному назначению жилое. Культурная принадлежность памятника по собранному материалу не диагностируется.

Городище Скалистое (рис. 1: 6; 4: 2)

Расположено на правом берегу р. Аввакумовки в пади Скалистой в 3 км к юго-западу от поселка Новониколаевка. Впервые упоминается в 1888 г. архимандритом П. Кафаровым. В 1956 г. обследовалось местным жителем Ф. А. Силиным и краеведом Б. А. Сушковым. В 1969–1970 гг. разведочные и стационарные работы проводил Э. В. Шавкунов, в 1973 г. схема оборонительных сооружений снята О. С. Галактионовым. В 1973, 1975, 1980–1981 гг. памятник стационарно исследован В. Д. Ленковым, вскрывшим 1310 кв. м и отнесшим его к чжурчжэньской культуре XII – первой трети XIII в. (*Леньков*, 1974; 1976). Площадь городища – 68 га, общая протяженность валов – 4800 м.

Городище занимает склоны распадка Скалистого, разделенного горным чистым ключом, текущим с юга на север и впадающим в Аввакумовку. Граница городища во многих местах проходила по гребню Скалистых сопок – отрогов Сихотэ-Алиня – и не требовала специальных оборонительных сооружений. Северная граница городища наиболее четко прослеживалась по правому берегу ключа в месте расположения отвесной скалы. На противоположной стороне ключа сооружен каменный вал дугообразной формы высотой до 2 м. Один конец вала обрывался у берега ключа, другой упирался в высокую отвесную скалу в западной половине распадка. Западная и восточная границы городища проходили по самому хребту Скалистых сопков. На более пологих склонах граница обозначалась невысоким насыпным валом из плитняка или каменной стеной высотой

до 1,5 м. С внешней стороны крепостной стены прослеживался неглубокий ров. Южная граница городища в виде насыпного вала на правом берегу ключа проходила чуть выше места слияния с основным руслом ключа его правого притока. На левом берегу ключа вал не имел продолжения, так как здесь к самому берегу края подходила высокая, почти с отвесными склонами скалистая гряда. Въезд в городище осуществлялся с северной стороны по ровному каменистому дну ключа (*Шавкунов*, 1990. С. 68). Территория городища состоит из трех участков: восточного, северо-западного и юго-западного. На каждом участке зафиксированы искусственные террасы. На террасах юго-западного участка раскопан металлургический комплекс, включавший плавильные печи, горны, формовочные ящики и жилища ремесленников (*Леньков*, 1974. С. 70–74; 1976).

Таким образом, городище Скалистое по типу – горное, террасированное, укреплено каменными валами и стенами, по периметру – незамкнутое, по назначению – жилое, оборонительное, с производственными металлургическими комплексами, датировано XII – первой третью XIII в. Возведено в период чжурчжэньского государства Восточного Ся и являлось, по мнению В. Д. Ленькова, одной из сырьевых баз чжурчжэней.

Укрепление Ветка-4 (рис. 1: 7)

Расположено на левом берегу Аввакумовки в 2,1 км к юго-востоку от с. Ветка. Обнаружено в 2004 г. А. Н. Поповым. Возведено на вершине 8-10-метрового пологого холма между горой Шипилов и горным массивом. В плане укрепление овальной формы, с севера, юга и запада защищено земляным валом и рвом. Высота вала – 0,5–1,5 м, ширина – 2–2,5 м. Глубина рва – 0,5–0,7 м, ширина – 1–1,5 м.

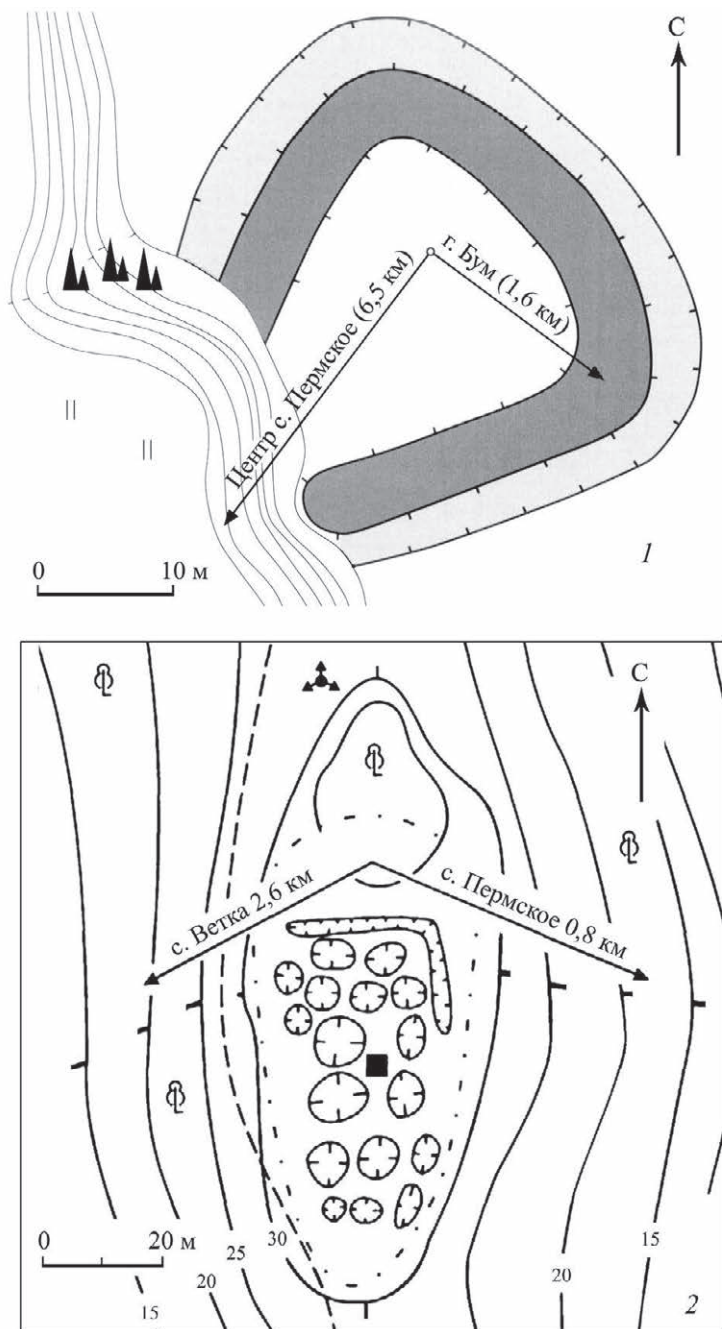
Внутри укрепления зафиксировано 5 жилищных западин диаметром 6–8 м, глубиной до 0,6 м. Площадь памятника – около 0,25 га (50 × 70 м). В шурфе залежали пять фрагментов неорнаментированных лепных сосудов (два венчика, три боковые стенки) и железный диск с отверстиями и заклепками по окружности (диаметр – 10,5 см, толщина – 0,4 см). Укрепление отнесено к мохэской культуре и датировано IV–IX вв. н. э. (*Попов*, 2004. С. 83; *Клюев и др.*, 2014. С. 193).

Укрепление Ветка-4 по типу – мысовое, с простым земляным валом, по размеру – малое, по назначению – жилое. Возведено, видимо, носителями мохэской культуры в I тыс. н. э.

Падь Широкая-редут (рис. 1: 8; 5: 1)

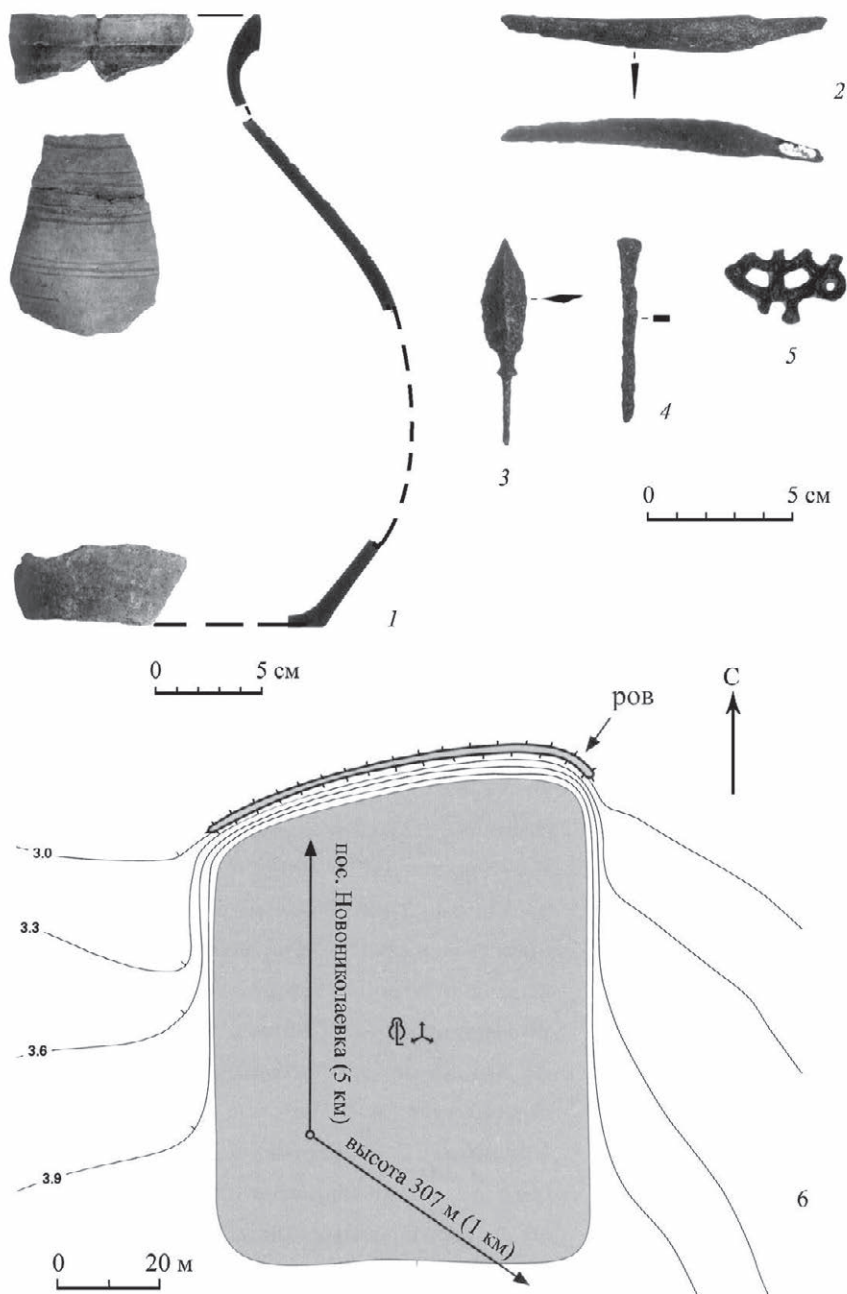
Расположен в 6,5 км к северо-востоку от с. Пермское. Обнаружен в 2013 г. С. С. Малковым. Укрепление находится в пади Широкая на террасе правого берега Арзамазовки (левого притока Аввакумовки). Юго-западной границей памятника служит неукрепленный край террасы с крутым склоном. Слабонаклонные восточная и юго-восточная стороны защищены подтреугольными фортификационными сооружениями в виде земляного вала высотой 0,4–0,6 м, шириной 5–6 м и рва глубиной 0,3–0,4 м, шириной 3–4 м. Площадь укрепления – около 0,08 га (35 × 38 м). Материал на памятнике не обнаружен, культурная и временная атрибуция памятника не определена (*Клюев и др.*, 2014. С. 235).

Укрепление Падь Широкая-редут по типу – мысовое, подтреугольной в плане формы с незамкнутыми по периметру земляными валами, по назначению –

Рис. 5. Планы укреплений бассейна Аввакумовки

I – Падь Широкая-редут (по: *Клюев и др.*, 2014); *2* – Пермское-6 (по: *Попов*, 2004)

Рис. 6. Укрепление Форельная-1: (по: Клюев и др., 2014)

1 – керамика; 2 – железный нож; 3 – железный наконечник стрелы; 4 – железный гвоздь; 5 – бронзовое украшение (по: Клюев и др., 2014); 6 – план укрепления Форельная-1

сторожевое, оборонительное, по размеру – малое. Культурно и хронологически не определено.

Укрепление Пермское-6 (рис. 1: 9; 5: 2)

Расположено в 0,8 км к северо-западу от центра с. Пермское, в 2,6 км к востоку от с. Ветка. В 2004 г. обследовано А. Н. Поповым (Попов, 2004). Занимает уплощенную вершину горного кряжа левого берега р. Арзамасовки – левого притока Аввакумовки. На памятнике зафиксировано 17 жилищных западин диаметром 5–8 м и глубиной 0,5–0,8 м. С севера и северо-востока защищено слабовыраженным задернованным рвом шириной 1,5 м и глубиной 0,5 м. Площадь памятника – 0,25 га. Стратиграфия шурфа: дерн, гумусированная коричневая супесь, светло-коричневая материковая плотная супесь. Материал представлен отщепом и 4 фрагментами неорнаментированной керамики.

Укрепление Пермское относится к мысовому типу, по размерам – малое, по назначению – жилое, культурная и временная идентификация требует уточнений.

Обсуждение результатов

В бассейне Аввакумовки, расположенном между горными хребтами Сихотэ-Алиня и бухтой Ольги Японского моря, выявлено девять укреплений трех типов – мысовые, долинные и горные. К мысовому типу относятся шесть укреплений: Михайловское-Выгонка, Михайловское городище, Васильковское, Ветка-4, Пермское-6, Падь Широкая-редут. Среди *мысовых* укреплений культурная диагностика возможна только для Михайловского городища, отнесенного к польцевской культуре эпохи Средневековья. Один памятник – Ветка-4, предположительно, принадлежит мохэской культуре, но для окончательной идентификации необходимы стационарные работы. Остальные памятники помещаются в широкий культурный и хронологический диапазон от палеометалла до позднего Средневековья и требуют дальнейших исследований.

Отнесение Михайловского городища к польцевской культуре эпохи Средневековья имеет принципиальное значение для археологии Приморья. Это ключ к решению польцевской проблемы, дискуссии по которой длятся более 50 лет (Андреева, 1970). В Приамурье польцевская культура появляется в раннем железном веке, определяется как палеоазиатская и в синкретичном варианте в виде благословеннинско-найфельдской группы мохэской культуры (тунгусо-маньчжуры) существует все I тыс. н. э. (Дьякова, 1993. С. 193). Отдельные выплески польцевских традиций проявляются в культуре амурских чжурчжэней после VI в. н. э. (Медведев, 1986. С. 98). В Приморье раскопками А. П. Окладникова, С. В. Глинского, В. Е. Медведева установлено существование польцевской культуры в развитом железном веке, определено ее периодизационное положение, отмечены контакты с кроуновской культурой (Окладников и др., 1972. С. 57–65). Дальнейшая судьба покрыта тайной. Раскопки Михайловского городища показали, что польцевская культура в Приморье функционирует в эпоху Средневековья, при этом сохраняются первоначальные традиции и активно осваивается важнейший железорудный регион. Вероятно, мысовые укрепления с П- и Г-образными валами при дальнейших исследованиях могут оказаться фортификационным признаком польцевской культуры.

Долинный тип представлен памятником Форельная-1, время возведения и культурную принадлежность которого еще предстоит установить. Он характеризуется только одной фортификационной деталью – рвом.

Горный тип представлен двумя городищами – Моленное-1 и Скалистое, возведенными по традиционному строительным канонам чжурчжэней государства Восточного Ся (1217–1234), активно осваивавших железорудные месторождения Восточного Приморья, о чем свидетельствуют раскопанные В. Д. Ленковым металлургические комплексы. Заметим, что древний рудник находился в непосредственной близости от Скалистого городища и в 35 км от Михайловского городища (*Боголюбский*, 1876). Все укрепления, кроме Скалистого городища, малого размера и рассчитаны на небольшое количество населения.

Верховья Аввакумовки с восточной стороны связаны с горой Перевальной и находятся на стыке с бассейном реки Извилилки (приток Уссури), расположенной с западной континентальной стороны гор Сихотэ-Алиня. Подобные геофизические условия (близость истоков двух рек, разделяющий их перевал) и расположение городищ свидетельствуют о функционировании здесь сухопутной дороги с западной стороны Сихотэ-Алиня через гору Перевальную в сторону моря. С древности данная территория славилась железорудными месторождениями, тайгой, рыбой и выходом к морским магистралям.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Г. И., Андреева Ж. В.*, 1958. Отчет об археологических исследованиях Прибрежного отряда ДВАЭ в Лазовском, Ольгинском, Хасанском районах Приморского края в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №1777.
- Андреева Ж. В.*, 1970. Древнее Приморье. Железный век. М.: Наука. 145 с.
- Боголюбский И.*, 1876. Очерк Амурского края, южной части Приморской области и острова Сахалина в геологическом и горнопромышленном отношении. СПб.: Тип. В. П. Воленс. II, 94 с.
- Галактионов О. С.*, 1986. Отчет об археологических разведках на территории Приморского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11516.
- Дьякова О. В.*, 1993. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука. 340 с.
- Дьякова О. В.*, 2003. Отчет о работах Амуро-Приморской археологической экспедиции в 2003 г. на городище Сибайгоу и разведочных работах в Кавалеровском, Ольгинском, Чугуевском и Пожарском районах Приморского края // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 573.
- Дьякова О. В.*, 2006. Отчет об исследованиях Амуро-Приморской археологической экспедиции в Тернейском и Чугуевском районах Приморского края в 2006 году // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 611.
- Дьякова О. В.*, 2009. Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня. М.: Восточная литература. 245 с.
- Дьякова О. В.*, 2011. Отчет о разведывательных работах Амуро-Приморской археологической экспедиции в Ольгинском, Чугуевском, Кавалеровском, Дальнегорском районах Приморского края в 2011 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 692.
- Дьякова О. В.*, 2018. Горные городища Восточного Ся в Приморье (фортификационные и стратиграфические особенности) // Поволжская археология. № 2 (24). С. 65–84.
- Дьякова О. В.*, 2019. Отчет Амуро-Приморской археологической экспедиции о раскопках Михайловского городища в Ольгинском районе Приморского края в 2019 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 801.
- Клюев Н. А., Батаршев С. В., Gladchenkov A. A., Гридасова И. В., Дорофеева Н. А. Крутых Е. Б., Малков С. С., Морева О. Л., Слепцов И. Ю., Якупов М. А., Юн Хёнг Чжун, Ким Дон Хун,*

- Им Ну Ри*, 2014. Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья. Таджон. 423 с.
- Леньков В. Д.*, 1974. Metallurgy and metal processing at the Churuchzhenei in the XII century (based on materials from the Shaygin settlement). Novosibirsk: Nauka. 172 p.
- Леньков В. Д.*, 1976. Отчет об археологических исследованиях на Екатерининском и Скалистом городищах на территории Приморского края в 1976 году // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 103.
- Медведев В. Е.*, 1986. Приамурье в конце I тыс. н. э. Новосибирск: Наука. 185 с.
- Окладников А. П., Глинский С. В., Медведев В. Е.*, 1972. Раскопки древнего поселения Булочка у города Находка в Сучанской долине // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. Вып. 2. № 6. С. 57–65.
- Попов А. Н.*, 2004. Археологические исследования в Пограничном и Ольгинском районах Приморского края в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24960.
- Ресурсы поверхностных вод СССР: Гидрологическая изученность. Т. 18. Дальний Восток. Вып. 2. Нижний Амур (от с. Помпеевки до устья). Л.: Гидрометеиздат, 1970. 589 с., 2 л. ил.
- Хорев В. А.*, 1975. Отчет об археологической разведке в Лазовском, Ольгинском, Михайловском и Октябрьском районах Приморского края в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5738.
- Шавкунов Э. В.*, 1990. Культура чжурчженей-удиге XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука. 281 с.

Сведения об авторе

Дьякова Ольга Васильевна, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690065, Россия; e-mail: emelianova49@mail.ru

O. V. Dyakova

FORTIFICATIONS IN THE AVVAKUMOVKA RIVER BASIN
IN EASTERN PRIMORYE

Abstract. Based on archival sources and field research, the paper offers mapping and classification of nine ancient and medieval fortifications located in the Avvakumovka River basin in Eastern Primorye (Olga district of Primorye). Regarding their geomorphological characteristics, the fortifications are referred to promontory, valley and mountainous types. It has been discovered that the fortifications were built by people representing various cultures (the Yankovka, the Poltse, the Mohe, the Jurchen cultures) dating to I mill. BC – first half of II mill. AD. It has been established for the first time that the Mikhaylovskoye fortified settlement is attributed to the Poltse culture of the medieval period (6th century). The location of the fortifications along the river and its tributaries suggest existence of local overland and marine roads. The overland road descended from a mountain pass to the sea, whereas the marine road ran along the coastline of the sea of Japan.

Keywords: fortifications, rampart, fortified settlement, Poltse culture, Mohe culture, Eastern Xia, routes of communication, Primorye.

REFERENCES

- Andreyev G. I., Andreyeva Zh. V., 1958. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Pribrezhnogo otryada DVAE v Lazovskom, Ol'ginskom, Khasanskom rayonakh Primorskogo kraya v 1958 g.

- [Report on archaeological investigations of Pribrezhnyy group of DVAE in Lazovskiy, Ol'ginskiy, Khasanskiy districts, Primor'ye krai in 1958]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Andreyeva Zh. V., 1970. Drevneye Primor'ye. Zheleznyy vek [Ancient Primor'ye. Epy Iron Age]. Moscow: Nauka. 145 p.
- Bogolyubskiy I., 1876. Ocherk Amurskogo kraya, yuzhnoy chasti Primorskoy oblasti i ostrova Sakhalina v geologicheskoy i gornopromyshlennom otnoshenii [Description of Amur region, southern part of Primor'ye region and Sakhalin island in geological and mining aspect]. St. Petersburg: Tipografiya V. P. Volens. II, 94 p.
- Dyakova O. V., 1993. Proiskhozhdeniye, formirovaniye i razvitiye srednevekovykh kul'tur Dal'nego Vostoka [Origin, formation and development of medieval cultures of the Far East]. Vladivostok: Dal'nauka. 340 p.
- Dyakova O. V., 2003. Otchet o rabotakh Amuro-Primorskoy arkhologicheskoy ekspeditsii v 2003 g. na gorodishche Sibaygou i razvedochnykh rabotakh v Kavalerovskom, Ol'ginskom, Chuguyevskom i Pozharskom rayonakh Primorskogo kraya [Report on works of Amur-Primor'ye archaeological expedition in 2003 at Sibaytou hillfort and reconnaissance works in Kavalerovskiy, Ol'ginskiy, Chuguyevskiy and Pozharskiy districts, Primor'ye krai]. *Archive of IIAENDV DVO RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Dyakova O. V., 2006. Otchet ob issledovaniyakh Amuro-Primorskoy arkhologicheskoy ekspeditsii v Terneyskom i Chuguyevskom rayonakh Primorskogo kraya v 2006 godu [Report on investigations of Amur-Primor'ye archaeological expedition in Terneyskiy and Chuguyevskiy districts, Primor'ye krai in 2006]. *Archive of IIAENDV DVO RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Dyakova O. V., 2009. Voennoye zodchestvo Tsentral'nogo Sikhote-Alinya [Military architecture of Central Sikhote-Alin]. Moscow: Vostochnaya literatura. 245 p.
- Dyakova O. V., 2011. Otchet o razvedovatel'nykh rabotakh Amuro-Primorskoy arkhologicheskoy ekspeditsii v Ol'ginskom, Chuguyevskom, Kavalerovskom, Dal'negorskom rayonakh Primorskogo kraya v 2011 g. [Report on reconnaissance works of Amur-Primor'ye archaeological expedition in Ol'ginskiy, Chuguyevskiy, Kavalerovskiy, Dal'negorskiy districts, Primor'ye krai in 2011]. *Archive of IIAENDV DVO RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Dyakova O. V., 2018. Gornyye gorodishcha Vostochnogo Sya v Primor'ye (fortifikatsionnyye i stratigraficheskiye osobennosti) [Mountain hillforts of Eastern Xia in Primor'ye (fortification and stratigraphic features)]. *PA*, 2 (24), pp. 65–84.
- Dyakova O. V., 2019. Otchet Amuro-Primorskoy arkhologicheskoy ekspeditsii o raskopkakh Mikhaylovskogo gorodishcha v Ol'ginskom rayone Primorskogo kraya v 2019 g. [Report of Amur-Primor'ye archaeological expedition on excavations of Mikhaylovskoye hillfort in Ol'ginskiy district, Primor'ye krai in 2019]. *Archive of IIAENDV DVO RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Galaktionov O. S., 1986. Otchet ob arkhologicheskikh razvedkakh na territorii Primorskogo kraya v 1986 g. [Report on archaeological reconnaissance in territory of Primor'ye krai in 1986]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Khorev V. A., 1975. Otchet ob arkhologicheskoy razvedke v Lazovskom, Ol'ginskom, Mikhaylovskom i Oktyabr'skom rayonakh Primorskogo kraya v 1975 g. [Report on archaeological reconnaissance in Lazovskiy, Ol'ginskiy, Mikhaylovskiy and Oktyabr'skiy districts, Primor'ye krai in 1975]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Klyuyev N. A., Batarshv S. V., Gladchenkov A. A., Gridasova I. V., Dorofeyeva N. A., Krutykh E. B., Malkov S. S., Moreva O. L., Sleptsov I. Yu., Yakupov M. A., Yun Kheng Chzhun, Kim Don Khun, Im Nu Ri, 2014. Arkheologicheskiye pamyatniki epokhi paleometalla i rannego srednevekov'ya Primor'ya [Archaeological sites of early metal period and early Middle Ages in Primor'ye]. Tadjhon. 423 p.
- Len'kov V. D., 1974. Metallurgiya i metalloobrabotka u chzhurchzhzeney v XII veke (po materialam Shayginskogo gorodishcha) [Metallurgy and metalworking among the Jurchens in XII century (based on materials of Shayginskoye hillfort)]. Novosibirsk: Nauka. 172 p.
- Len'kov V. D., 1976. Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniyakh na Ekaterinovskom i Skalistom gorodishchakh na territorii Primorskogo kraya v 1976 godu [Report on archaeological investigations at Ekaterinovskoye and Skalistoye hillforts in territory of Primor'ye krai in 1976]. *Archive of IIAENDV DVO RAS*. (In Russian, unpublished.)

- Medvedev V. E., 1986. Priamur'ye v kontse I tys. n. e. [Amur region in late I mill. AD]. Novosibirsk: Nauka. 185 p.
- Okladnikov A. P., Glinskiy S. V., Medvedev V. E., 1972. Raskopki drevnego poseleniya Bulochka u goroda Nakhodka v Suchanskoj doline [Excavations of ancient settlement Bulochka near Nakhodka city in Suchan valley]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk [Bulletin of Siberian Branch of AS of the USSR. Ser. Social sciences]*, iss. 2, no. 6, pp. 57–65.
- Popov A. N., 2004. Arkheologicheskiye issledovaniya v Pogranichnom i Ol'ginskom rayonakh Primorskogo kraja v 2004 g. [Archaeological investigations in Pogranichnyy and Ol'ginskiy districts, Primor'ye krai in 2004]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Resursy poverkhnostnykh vod SSSR: Gidrologicheskaya izuchennost' [Surface water resources of the USSR: Hydrological studies], 18. Dal'niy Vostok [The Far East], 2. Nizhniy Amur (ot s. Pompeyevki do ust'ya) [Lower Amur (from village Pompeyevka to the estuary)]. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1970. 589 p., 2 pl.
- Shavkunov E. V., 1990. Kul'tura chzhurchzheney-udige XII–XIII vv. i problema proiskhozhdeniya tungusskikh narodov Dal'nego Vostoka [The Jurchens-Udige culture, XII–XIII cc. and origin of the Tunguska peoples of the Far East]. Moscow: Nauka. 281 p.

About the author

Dyakova Olga V., Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, ul . Pushkinskaya, 89, Vladivostok, Russian Federation; e-mail: emelianova49@mail.ru

Н. Г. Артемьева, С. В. Макиевский

ВНЕШНИЕ ОБОРОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЧЖУРЧЖЭНЬСКИХ ГОРОДОВ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОГО СЯ

Резюме. Государство Восточное Ся (1215–1233 гг.) было создано чжурчжэнями для защиты от монгольского вторжения на территории Северо-Востока Китая, в которую входил юг Дальнего Востока России. При строительстве городов-крепостей широко использовались естественно-географические условия. Горный ландшафт создавал возможность строить горные городища в распадках сопок, используя природные условия как дополнительные преграды. При исследовании фортификационных сооружений Шайгинского городища были выявлены основные и дополнительные оборонные сооружения чжурчжэньских укрепленных поселений, прослежена эволюция средневекового оборонного зодчества Дальнего Востока. В наиболее уязвимых местах возводились внешние дополнительные сооружения – реданы и отсекающие валы. Редан Шайгинского городища представлял собой сооружение шириной около 30 м, окруженное тремя валами и тремя рвами. В качестве дополнительного укрепления применялись отсекающие рвы, которые перекрывали подходы по мысам к городищу. На Шайгинском городище прослежено четыре отсекающих рва. Внешние фортификационные сооружения в виде редана и отсекающих рвов выполняли функцию первой линии защиты чжурчжэньских городов-крепостей. Эти укрепления впервые зафиксированы на горных городищах периода государства Восточного Ся. Их можно считать достижением чжурчжэньских градостроителей XIII в.

Ключевые слова: чжурчжэни, фортификация, внешние оборонные сооружения, редан, ров, крепости, городища, оборонное зодчество, Приморье, государство Восточное Ся.

Городища периода существования чжурчжэньского государства Восточного Ся (1215–1233 гг.) – яркий пример хорошо продуманной системы фортификации, при которой используемый рельеф местности дополнялся оборонными сооружениями в виде валов, башен, барбет, ронделей. Эти укрепления, возведенные с целью защиты от монгольского вторжения, представляли собой неприступные

крепости, построенные по заранее намеченному, строго определенному плану. Исследования этих памятников на юге Дальнего Востока России дали возможность выявить характерные особенности чжурчжэньской фортификации и проследить эволюцию средневековых оборонных сооружений (*Артемова*, 2001; 2009; 2018а; *Воробьев*, 1968).

Рационально используя естественно-географические условия отрогов хребта Сихотэ-Алиня, чжурчжэни строят свои города с учетом рельефа местности. Для этого применяют горные отроги, которые контролировали прилегающие долины, обеспечивая наиболее выгодную позицию для защиты. Внутри горного отрога чаще всего находился распадок, позволявший следить за движением врагов, тогда как враги лишались возможности наблюдать за действиями защитников крепости. С трех сторон городища обычно защищены крутыми горными склонами. Местность выбиралась с учетом военной топографии – поля и река, которые являлись важными коммуникационными элементами. При строительстве городищ чжурчжэни в верхней части горного отрога отсыпали земляной вал высотой до 5 и более метров, тем самым увеличивая высоту склона сопки. В тех местах, где склон сопки был достаточно высоким, вал имел небольшую высоту. Впервые на горных городищах периода государства Восточного Ся появляются внешние оборонные сооружения – реданы и отсекающие рвы. Подобные дополнительные фортификационные сооружения пока не зафиксированы в средневековом градостроительстве Дальнего Востока.

Цель данной работы – на примере Шайгинского городища выявить функции дополнительных внешних оборонных сооружений и проследить способы их сооружения. Последние годы работы на Шайгинском городище были посвящены исследованию фортификационных сооружений – башен, барбет, ронделей, стороженных постов, а также дополнительных оборонных сооружений, к которым относятся редан и отсекающие валы.

Редан – это земляное дугообразное укрепление у подножия городищенской сопки (рис. 1–3). Его построили в наиболее уязвимом в плане обороны города месте, где южная (внешняя) сторона сопки имеет седловидное понижение, через которое можно было атаковать и захватить Внутренний город с кварталом чиновников. В верхней части склона, у которого был возведен редут, основной вал укреплен дополнительным, создавая своеобразную «ловушку». Сам редан представлял собой U-образной формы укрепление, обнесенное со всех сторон тремя линиями валов (рис. 4). Первоначально такие земляные пристройки получили название редутов, но позже было доказано, что подобный тип укреплений в фортификационной терминологии называется редан, т. е. открытое полевое фортификационное сооружение, выступающее в сторону возможного противника, позволяющее вести косопрямельный огонь (*Макиевский*, 2012).

Первые исследования редана на Шайгинском городище были проведены в 1972 г. (*Шавкунов и др.*, 1972). Был сделан разрез основного вала по линии С – Ю (длина траншеи 35 м, ширина 1 м). Стратиграфический разрез показал, что вал насыпался по определенным правилам и со строгим чередованием слоев с различными по характеру материалами (метод ханту). Первоначально на материке строили основу вала, состоящую из суглинка со щебнем и камнем, мощностью до метра. Затем сверху забутовывался слой камней средней величины,

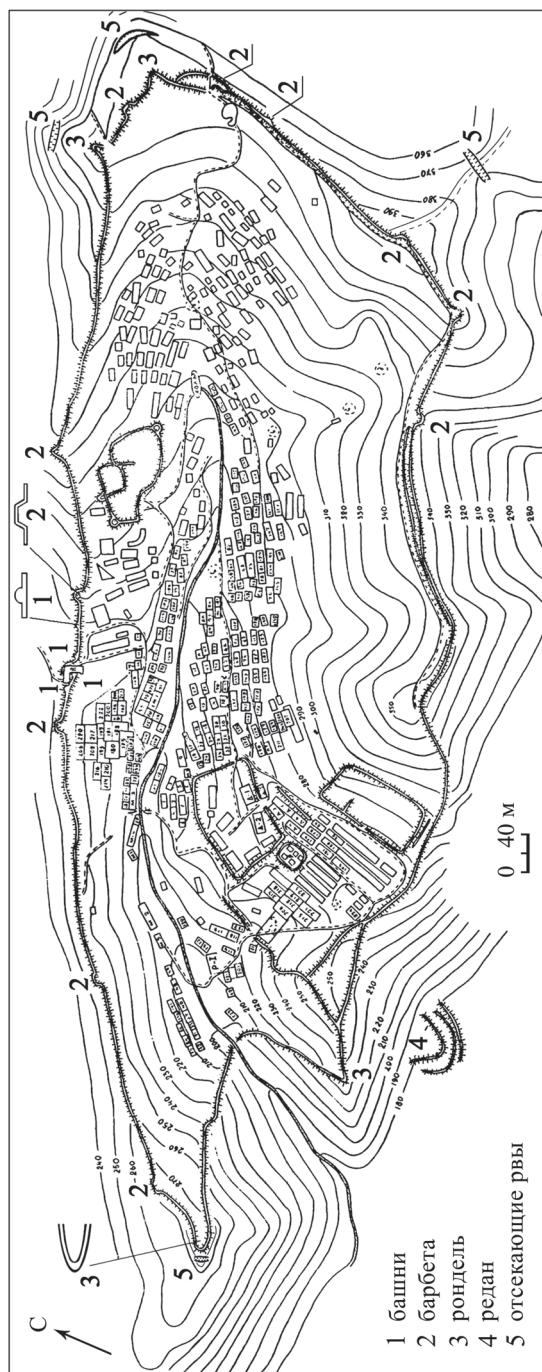

Рис. 1. План Шайгинского городища

Рис. 2. Редан Шайгинского городища. Вид с юга

Рис. 3. Редан Шайгинского городища. Вид с северо-востока

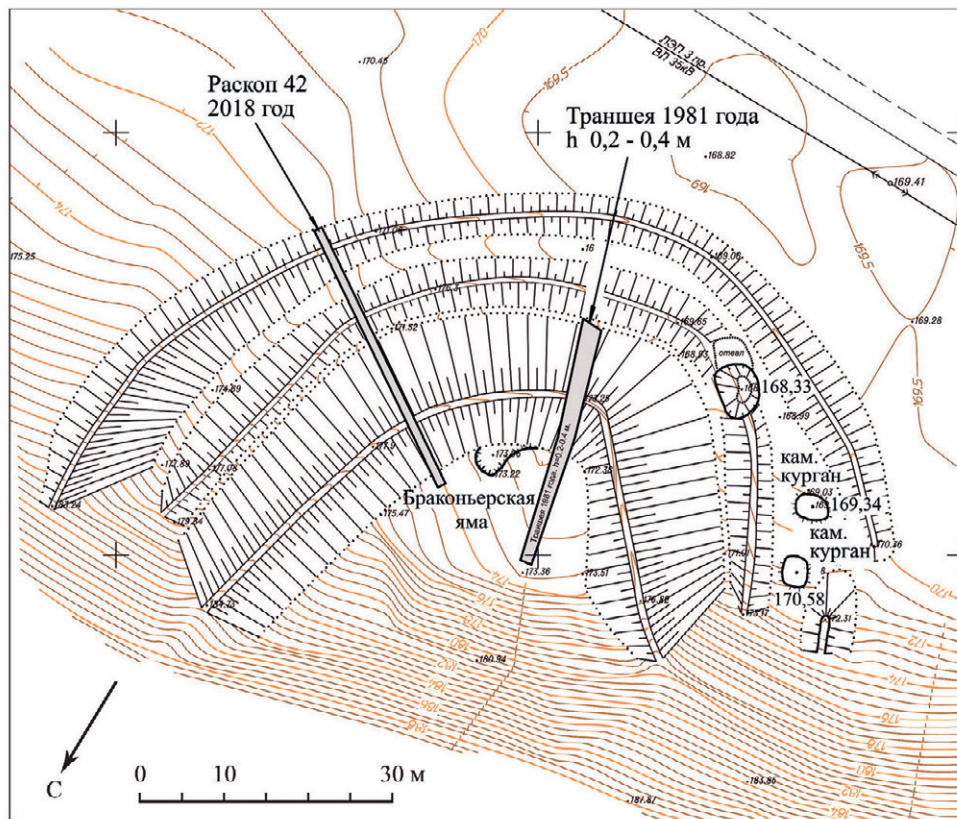

Рис. 4. Топоплан редана

а на них – слой глины, затем слой песка. Все слои имели толщину 0,2–0,3 м. Очередность слоев прослеживается по всей толщине вала. При этом следует отметить, что каждый слой насыпался строго горизонтально, тщательно утрамбовывался, а уже затем насыпался следующий слой. Прослежено девять слоев, не считая основы вала. До сих пор вал сохранил свою крутизну склона до 45° . Высота вала достигала 5 м, ширина у основания – 15 м.

Внутренняя площадь редана около 500 кв. м (30×18 м). Траншея, заложенная на внутренней территории редана, показала, что под 10-сантиметровым дерновым слоем находился слой суглинка со щебнем, мощностью до 80 см, напоминающий осыпь, съехавшую со склона сопки. Ниже был материковый слой суглинка.

Повторные исследования редана были проведены в 2018 г. с целью изучения внешних валов и рвов, а также составления топоплана с нанесением нововыявленных объектов (рис. 4) (Артемьева, 2018б). В западной части редана, между основным и дополнительным валами выявлены два каменных кургана овальной формы, вытянутых по линии СВ-ЮЗ, размерами 2×4 м. В юго-восточной стороне от них обнаружен котлован, скорее всего, современного происхождения. В северо-

западной части редана прослежен разрыв внешнего вала, шириной более 10 м. Вполне возможно, что он маркирует вход во внешнюю оборонную линию редана.

Раскоп в виде траншеи был заложен на основном валу, в восточной стороне укрепления по линии В – 3 (длина траншея 36 м, ширина 1 м). Он проходил по основному валу (с внешней и внутренней сторон), рву и среднему валу, а также по рву и внешнему валу (рис. 4). Причем за внешним валом находился еще один ров, шириной 4 м, который не вошел в раскоп. С целью сохранения фортификационного сооружения от разрушения валы редана не разрезали, а зачищали поверху. Стратиграфия дала возможность проследить, что верхний слой был представлен гумусом толщиной 10–20 см. Под ним на внутренней части редана находился плотный слой щебня с глиной, который представлял собой земляной наплыв, мощностью 50 см, под которым обнаружен погребенный дерн толщиной 10–12 см. Далее опять был обнаружен плотный слой щебня с глиной, мощностью до 30 см. Под этим слоем опять был прослежен погребенный дерн, толщиной от 10 до 30 см. Ниже обнаружен слой темного суглинка, мощностью до 15 до 70 см. Этот слой «сполз» с основного вала и, скорее всего, является его верхней частью. Под ним зафиксированы слои коричневого суглинка и глины с камнями, мощностью до 40 см – остатки основного вала.

Ров, находящийся под внешней частью основанного вала, был заполнен слоем щебня с глиной мощностью до 45 см. Под ним прослежен слой глины с камнями – нижняя часть основного вала. Этот ров имел ширину 3 м, глубину 0,9 м.

Средний вал, шириной 4 м, высотой 1,6 м, состоял из слоев темного суглинка (25 см), темного суглинка с камнями (40 см), глины с камнями (40 см), темного суглинка (30 см). Верхняя часть вала была забита глиной с камнями (10–15 см).

Ров, расположенный за внешней стороной среднего вала, шириной 4 м, глубиной 1,1 м, был заполнен слоями: гумус (10–15 см), щебень с глиной (до 18 см), погребенный дерн (10 см), щебень с глиной (20 см), погребенный дерн (20 см), щебень с глиной (15–20 см). Края рва с двух сторон были заполнены слоем глины с камнями (50 см), съехавшими с валов. В самом низу находился слой темного суглинка (16 см).

Внешний вал, шириной 4 м, высотой 1,7 м, состоял из чередующихся шести слоев: темного суглинка и глины с камнями. Мощность каждого слоя до 30 см. Далее находился еще один ров шириной до 4 м.

Зачистка траншеи через оборонительные преграждения редана показала, что основной вал высотой 5 м в верхней части имел гребень шириной около 2 м, утрамбованный большими камнями и речными гальками. На внутреннюю сторону основной вал имел наклон более 45° и высоту 5 м. На внешнюю сторону угол наклона немного уменьшался, ширина вала около 8–9 м. При зачистке основного вала хорошо видна техника его создания. Здесь шла набивка вала при помощи утрамбованных слоев, при этом слои чередовались с использованием слоев камней и щебенки. Далее слой черного суглинка чередовался со слоем мелкого щебня. При зачистке внешней стороны вала земляные слои «отбивались» в виде ступеней длиной около метра. Затем основной вал переходил в ров шириной 3 м, глубиной около метра. Далее находился средний вал, шириной около 4 м, высотой около 2 м, также сформированный методом ханту. Этот вал переходил в другой ров шириной 4 м, глубиной более метра. Следующий внешний вал имел

ширину у основания 4 м, высоту около 2 м. Перед ним находился еще один ров, который не вошел в исследование (в траншею).

Таким образом, редан представлял собой искусственно сооруженную преграду шириной около 30 м, окруженную тремя валами и тремя рвами (рис. 5). Эскарпы рвов представляли собой земляные заграждения в виде крутого среза ската. Ширина рва такая, что попав в него, атакующим было трудно преодолеть глубину рва и высоту вала. В общей сложности эта высота была около 4–5 м, не говоря уже о высоте основного вала. Расстояние между валами, т. е. во рву – 4 м. Если атакующий был верхом на коне, то попав в ров, лошадь не могла разогнаться для преодоления следующего вала.

Подготовка таких преград, которые можно назвать эскарпами и контрэскарпами, требовала больших земляных работ, поэтому эти сооружения были долговременными и входили в систему обороны. Они возводились на ровных площадях. Одна из сторон этого укрепления обязательно должна была быть обращенной к естественному склону, а насыпные валы находиться в диапазоне углов 45°.

Подобные сооружения прослежены и на других чжурчжэньских памятниках периода существования государства Восточного Ся – Красноярском, Новогордеевском, Горнохуторском, Новонежинском городищах. Все они внешне напоминают редан Шайгинского городища. На Красноярском городище выявлено три редана, раскопки проводились на одном из них (Артемьева, 2017). Внутри реданов каких-либо сторожевых помещений не обнаружено.

В виде дополнительного наружного укрепления чжурчжэни использовали отсекающие рвы, которые перекрывали подходы по мысам к городищу. Они сооружались в тех местах, где мысовидные отроги сопки подходили к валам, по которым можно было без затруднений приблизиться к крепостной стене. На Шайгинском городище прослежено четыре отсекающих рва: три – в северо-восточной стороне памятника на трех горных хребтах. Самый большой ров прикрывал северо-восточный барбет. Он отходил от вала на 40 м. Его длина 60 м, ширина около 10 м, глубина около 2 м. С северной стороны от этого рва находится еще один горный хребет, который также перегорожен рвом, отстоящим от вала на 30 м. Его длина 20 м, ширина около 5 м, глубина 2 м. Горный хребет, находящийся с южной стороны северо-восточной оконечности городища, также перекрыт рвом на расстоянии 120 м от городской стены. Его длина 25 м, ширина 5 м, глубина до 2 м. На западной оконечности городища, под ронделем, на расстоянии около 10 м был вырыт четвертый отсекающий ров длиной 20 м, шириной 5 м, глубиной 1,5 м.

Такая дополнительная защита в виде отсекающих рвов на мысах представляла собой своеобразный барьер для пехотинцев и всадников. Глубина и ширина отсекающих рвов создавали серьезную помеху для нападающих.

Исследования внешних фортификационных сооружений чжурчжэньских горных городов-крепостей дали возможность выявить новые оборонительные сооружения – реданы и отсекающие рвы. Они несли на себе оборонные функции и являлись первой линией защиты, т. е. своеобразным барьером при нападении на город. Подобные фортификационные сооружения пока не зафиксированы в оборонном зодчестве средневековых городов Восточной Азии, поэтому мы считаем, что реданы и отсекающие рвы являются достижением чжурчжэней государства Восточного Ся.

Рис. 5. Траншея через оборонительные валы и рвы редана. Вид с запада

ЛИТЕРАТУРА

- Артемьева Н. Г., 2001. Фортификационные сооружения чжурчжэней (на примере Красноярского городища) // Древняя и средневековая история Восточной Азии: к 1300-летию образования государства Бохай: материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. Р. Артемьев. Владивосток. С. 148–157.
- Артемьева Н. Г., 2009. Археологические исследования фортификационных сооружений Шайгинского городища // Вестник Дальневосточного отделения РАН. № 5. С. 84–89.
- Артемьева Н. Г., 2017. Отчет об археологических исследованиях Красноярского городища в Уссурийском районе Приморского края в 2017 году // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Оп. 1. Ф. 2. № 860. 533 л.
- Артемьева Н. Г., 2018а. Новые элементы фортификации чжурчжэньских городищ в Приморье // КСИА. Вып. 252. С. 273–281.
- Артемьева Н. Г., 2018б. Отчет об археологических раскопках на территории ОКН федерального значения «Шайгинское городище» в Партизанском районе приморского края в 2018 году (открытый лист № 1213) // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Оп. 1. Ф. 2. № 875. 192 л.
- Воробьев М. В., 1968. Городища чжурчжэней как фортификационные сооружения // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 5. Этнография. Л. С. 60–73.
- Макиевский С. В., 2012. О функциональном назначении редутов и реданов на чжурчжэньских памятниках Приморья // Средневековые древности Приморья. Вып. 1 / Отв. ред. Н. Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука. С. 164–171.
- Шавкунов Э. В., Леньков В. Д., Семенченко Л. Е., Васильев Ю. М., 1972. Отчет о полевых исследованиях на территории Приморского и Хабаровского краев в 1972 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 4785.

Сведения об авторах

Артемьева Надежда Григорьевна, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690065, Россия; e-mail: artemieva_tg@list.ru;

Макиевский Сергей Викторович, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690065, Россия; e-mail: makievskij@list.ru

N. G. Artem'yeva, S. V. Makievskiy

EXTERNAL DEFENSIVE CONSTRUCTIONS OF JURCHEN CITES
IN EASTERN XIA

Abstract. The Eastern Xia Kingdom (1215–1233) was established by the Jurchens to defend themselves against invasions of the Mongols in North-East China that included the southern parts of the Far East of Russia. Local topographic features were widely used in construction of city fortresses. Mountain landscape provided an opportunity to build mountainous fortified settlements into narrow valleys of sokpas to follow the natural terrain contours and use them to create additional obstacles. Excavations of the Shayginskoye hillfort revealed main and additional defensive constructions of Jurchen fortified settlements tracing the evolution of medieval defensive architecture in the Far East. Additional external constructions such as redans and cut-off ramparts were erected in soft spots of fortifications. The redan of the Shayginskoye hillfort was a construction around 20 m wide which was surrounded with three ramparts and three

ditches. Cut-off ditches that closed access to the hillfort through promontories were used as an additional obstacle. Four cut-off ditches were identified at the Shayginskoye hillfort. External fortification constructions such as redans and cut-off ditches served to be the first defensive line of Jurchen fortress cities. This type of fortifications was recorded for the first time in mountainous hillforts of Eastern Xia. They can be regarded as an achievement of Jurchen town planners of the 13th century.

Keywords: Jurchens, fortification, external fortification constructions, redan, ditch, fortresses, hillforts, defensive architecture, Primorye, Eastern Xia Kingdom.

REFERENCES

- Artem'yeva N. G., 2001. Fortifikatsionnyye sooruzheniya chzhurchzheney (na primere Krasnoyarskogo gorodishcha) [Fortification constructions of the Jurchens (based on example of Krasnoyarskoye hillfort)]. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Vostochnoy Azii: k 1300-letiyu obrazovaniya gosudarstva Bokhay* [Ancient and medieval history of Eastern Asia: 1300 years of formation of Balhae state]. A. R. Artem'yev, ed. Vladivostok, pp. 148–157.
- Artem'yeva N. G., 2009. Arkheologicheskiye issledovaniya fortifikatsionnykh sooruzheniy Shayginskogo gorodishcha [Archaeological investigations of fortification constructions at Shayginskoye hillfort]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN* [Bulletin of DVO RAN], 5, pp. 84–89.
- Artem'yeva N. G., 2017. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Krasnoyarskogo gorodishcha v Ussuriyskom rayone Primorskogo kraya v 2017 godu [Report on archaeological investigations of Krasnoyarskoye hillfort in Ussuriysk district, Primor'ye krai in 2017]. *Archive of IIAENDV DVO RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Artem'yeva N. G., 2018a. Novyye elementy fortifikatsii chzhurchzhen'skikh gorodishch v Primor'ye [New fortification elements of the Jurchen fortified settlements in Primor'ye]. *KSIA*, 252, pp. 273–281.
- Artem'yeva N. G., 2018b. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii OKN federal'nogo znacheniya «Shayginskoye gorodishche» v Partizanskom rayone Primorskogo kraya v 2018 godu (otkrytyy list № 1213) [Report on archaeological excavations in territory of OKN Federal significance «Shayginskoye hillfort» in Partizanskiy district, Primor'ye krai in 2018 (license No. 1213)]. *Archive of IIAENDV DVO RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Makievskiy S. V., 2012. O funktsional'nom naznacheni i redutov i redanov na chzhurchzhen'skikh pamyatnikakh Primor'ya [On function of redoubts and redans at the Jurchen sites in Primor'ye]. *Srednevekovyye drevnosti Primor'ya* [Medieval antiquities of Primor'ye], 1. N. G. Artem'yeva, ed. Vladivostok: Dal'nauka, pp. 164–171.
- Shavkunov E. V., Len'kov V. D., Semenichenko L. E., Vasil'yev Yu. M., 1972. Otchet o polevykh issledovaniyakh na territorii Primorskogo i Khabarovskogo kraev v 1972 godu [Report on field investigations in territory of Primor'ye and Khabarovsk krai in 1972]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Vorob'yev M. V., 1968. Gorodishcha chzhurchzheney kak fortifikatsionnyye sooruzheniya [The Jurchen hillforts as fortification constructions]. *Doklady otdeleniy i komissiy Geograficheskogo obshchestva SSSR* [Reports of branches and commissions of Geographic Society of the USSR], 5. *Etnografiya* [Ethnography]. Leningrad, pp. 60–73.

About the authors

Artem'yeva Nadezhda G., Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, ul. Pushkinskaya, 89, Vladivostok, Russian Federation; e-mail: artemieva_tg@list.ru;

Makievskiy Sergey V., Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, ul. Pushkinskaya, 89, Vladivostok, Russian Federation; e-mail: makievskij@list.ru

S. Sattarnejad, S. Parvin, E. Hendiani

CHRONOLOGY OF THE HISTORICAL CONTEXT OF MARAGHEH CITY BASED ON ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION AND HISTORICAL WRITTEN SOURCES

Abstract. Maragheh, located in the northwestern geographical area of Iran, is one of the important areas in the studies of Islamic period of Iran. The name of the city has been mentioned many times in various historical sources and is most often referred to as the seat of the Azerbaijani state. But information on its history and background is very limited, because it has been so far neglected from an archeological point of view. Only few historical and archeological studies have generally addressed the status of formation and sequence of its historical periods. This article presents the results of new archaeological excavations and study, the purpose of this research is mainly attempted to provide a detailed chronology of the status of residence and settlement in the central part of the city by presenting a detailed stratigraphy of cultural materials of different historical eras and adapting them to historical events. The results, obtained in archaeological studies of the historical context of the city, show that the settlement in this part of the city has been started without interruption since the beginning of Islam.

Keywords: Maragheh city, archeological excavation, cultural sequence, historical sources.

Introduction

Maragheh city is located on the southern slopes of the Sahand Mountain in the northwestern part of Iran. Although historically considered as one of the most famous cities in the state of Azerbaijan (*Ibn Khordadbeh*, 1889. P. 124, it has been so far neglected from an archeological point of view. For this reason, information on its history and background is very limited. The city of Maragheh has had a favorable location for the formation and expansion of a city both climatically – geographically and communicatively, and evolved in different cultural periods that eventually led to the formation of the city of Maragheh.

One of the problems with Maragheh chronology is the lack of archaeological evidence. This problem arises from the fact that prior to the present study, the research program aimed at studying the historical context of Maragheh had not been carried out, and few historical and archeological studies have generally addressed the status of formation and sequence of its historical periods. Accordingly, with the archaeological excavation of the curtain area (*Rahmatpour*, 2019) and its adaptation to the historical written sources, the status of the chronology of the historical context of Maragheh has been clarified to some extent. Therefore, the present article attempts to present the results of archaeological excavations of enclosure and to use the scientific chronology of this city.

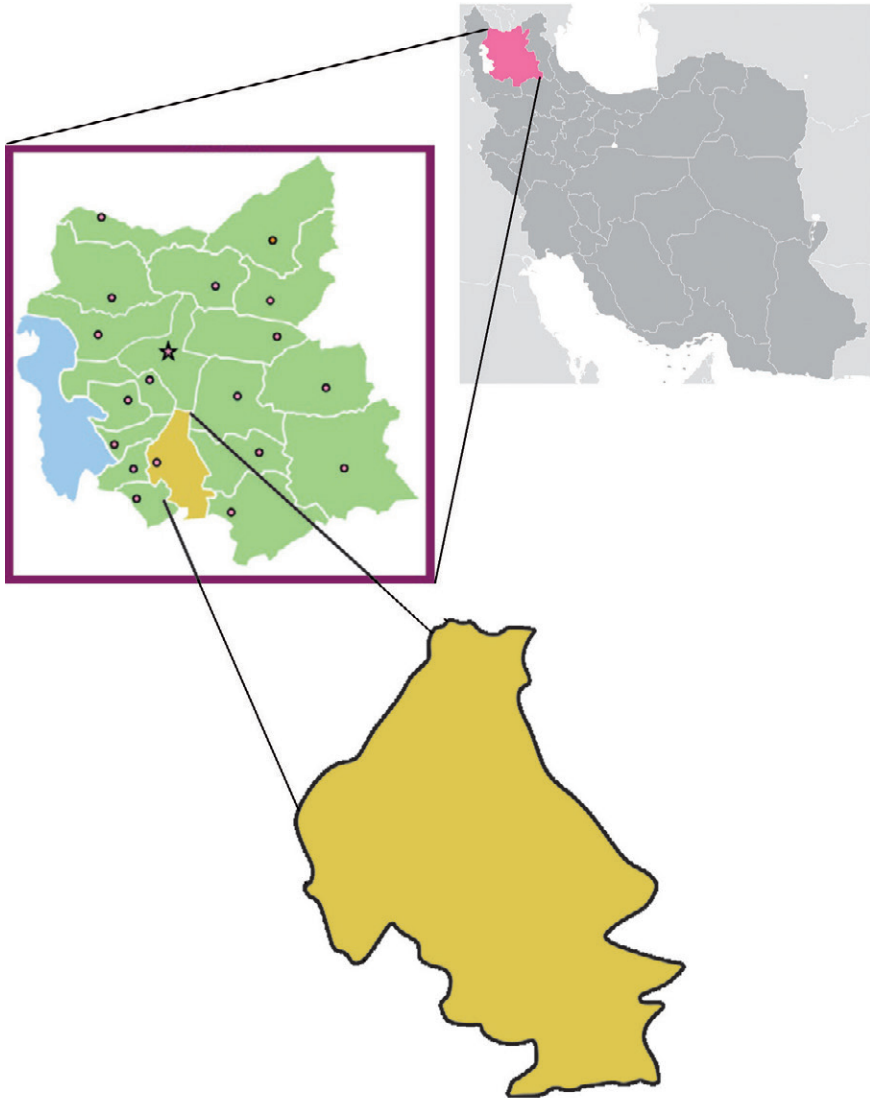
Research Methodology

This paper mainly uses field method which includes archeological excavation. For archeological study, the subject of the research was prepared at the beginning of the site topographic map and the desired trenches were identified at that location. Hence, 10 trenches of different size were created in this part of the enclosure. Trench «I» was considered as the stratigraphic trench. The method of recording was very important. Therefore, the Locus-Locus method was used for exploring the cultural layers of Trench I as a way that by changing the nature, appearance and perceptual characteristics of the accumulations and deposits or cultural phenomena, each of them was assigned a unique number called Locus. Library studies, especially sources from the 3rd to 10th centuries AH, were also used to match the results of the archaeological excavations.

Geographical location and historical events of Maragheh

Maragheh is located in the northwestern part of Iran on the southern slopes of Sahand Mountain. The most important factor in the formation of the city is the permanent flow of Sufi Chay River (fig. 1). The river originates from the southern slopes of the Sahand Mountain and numerous monuments of various historical eras has formed on its periphery. According to local narratives, the date of Maragheh's formation dates back to pre-Islamic times, and a study of historical written sources from the 3rd and 4th centuries AH shows that Maragheh was a small village in the Azerbaijani province in the early Islamic period (*Balazari*, 1989. P. 463). Due to the geographical location of the communication route, this city has progressed gradually, and in the Middle Ages it was chosen as the capital of the Atabegs of Azerbaijan (Eldiguzids) and Ilkhanids (*Mostofi*, 2002. P. 134).

The most important period of residence in Maragheh dates back in the 7th century AH. It is said that during this period the Mongol Ilkhanids chose the city as their capital (*Ibn al-Fuwati*, 1996). During this period, some of the tax revenue was spent on science in Maragheh, so that the largest and most important observatory of the Middle Ages of Islam was established in this city at the behest of Nasir al-Din al-Tusi (*Nasir al-Din al-Tusi*, 1989. P. 20). After this glorious period, Maragheh

Fig. 1. Maragheh's geographical location (Authors)

became one of the most important cities in northwestern Iran. Different works of different historical periods has been left in this city that indicate Maragheh's important position in Iranian historical developments. Archaeological studies and investigations evidence settlements of different historical periods in Maragheh. During archaeological excavations concerning the historical context of the city, information was obtained on the status of settlement in different historical periods. The stratigraphy formed in the historical context identifies the status of the cultural periods of the city, which is consistent with some of the historical events mentioned in the historical texts.

Stratigraphic Trench

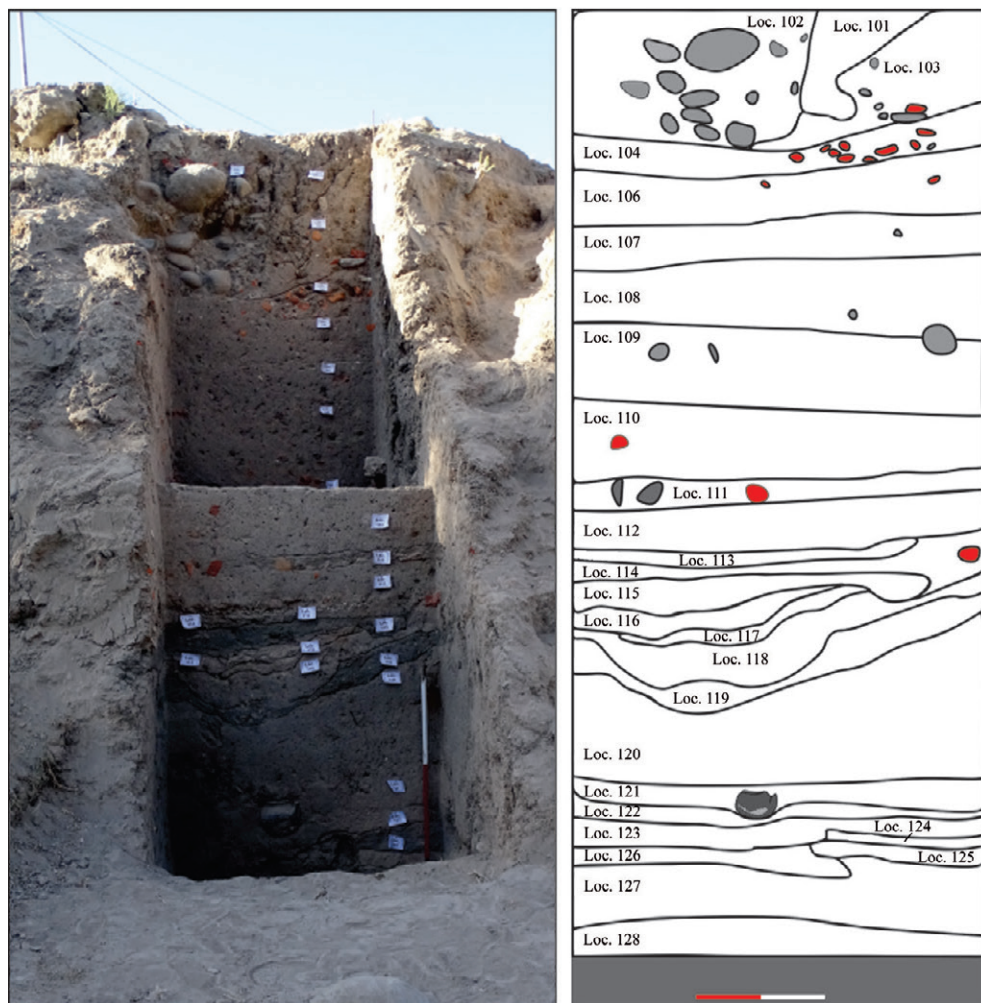
Trench «I» was selected as an archaeological sounding 1.50 m long and 1 m wide in the west side of tomb tower No. 3 and in the cutting slope of the northwest corner of the patio area with a relatively good accumulation for stratigraphy. After threading of 4 corners of sounding, the southwest corner of the trench was considered as a fixed point (A) and the other corners were labeled point B in the northwest corner, point C in northeast corner and point D in southeast corner respectively following clockwise motion. Excavating the archaeological layers of this sounding was the same as locus (Loc. 101–128). The trench was arranged as a staircase to the north slope of the enclosure with the purpose to obtain information concerning the layers within the enclosure bed, which is essentially the only Maragheh circular stratigraphic trench. After documenting the trench surface, excavation and stratigraphic recording was initiated and 128 locus were identified and documented in the course of excavations. Due to the expiry of the excavation time, the exploration work in Sounding I remained uncompleted, and therefore the top-down layer numbering continued from 101 (surface soil) to 128 respectively, with the last identified locus at 580 cm of depth. Each identified locus has a different structure, texture, quality, and color (fig. 2). The following table describes each locus (tabl. 1).

The study of the layers excavated in the stratigraphic trench shows that from locus 120 to 101, the habitation in this part of the city continued uninterrupted. The layers are of medium thickness, and the cultural materials derived from these layers are mainly clay fragments, broken bricks, and turquoise colored tile pieces. At this trench, at layer 115 and -330 cm of the highest trench level, there is evidence of a fire that may have been associated with the events of 11th century raids. During this period, Maragheh was attacked by nomadic people and part of the city's buildings, including jama masjid of the city, were burnt down (*Ibn Asir*, 2006. P. 5629). After this event, Maragheh becomes less troubled and the relative calm prevails in the city. The explored cultural layers also indicate the tranquility of this part of the city.

Table 1. The descriptions of locuses

Locus number	Locus Explanation	Depth of start and end of locus	Locus cultural data
101	Surface layer of the enclosure	0 to 20 cm	Pottery, Brick, Contemporary Materials
102	Stone wall	20 to 90 cm	Structure of Cobble with lime mortar
103	Clay accumulation	20 to 100 cm	Pieces of earthenware and broken bricks
104	Accumulation of clay and lime	90 to 120 cm	Bricks and Tiles
105	Pit	120 to 135 cm	-----
106	Accumulation of soil and ash	122 to 137 cm	Bones, Earthenware, bricks and ashes
107	Clay accumulation	137 to 200 cm	Earthenware, tile, bone
108	Accumulation of clay saturated with lime	200 to 250 cm	Earthenware and broken bricks
109	Clay accumulation	250 to 266 cm	-----
110	Clay accumulation	268 to 293 cm	Earthenware
111	Accumulation of fly sand and ash	293 to 300 cm	Coal
112	Clay and fly sand	300 to 317 cm	-----
113	debris	317 to 322 cm	Broken pieces of wood
114	Remained debris	322 to 330 cm	-----
115	Ash	330 to 350 cm	Coal
116	River sediment	350 to 356 cm	-----
117	Heated texture	350 to 355 cm	Earthenware
118	Clay accumulation	317 to 356 cm	Earthenware
119	Ash accumulation	357 to 365 cm	-----
120	Clay accumulation	360 to 420 cm	Complete broken pottery
121	Silty soil accumulation	420 to 435 cm	-----
122	Debris?	435 to 444 cm	-----
123	Fly sand	444 to 455 cm	-----
124	Fly sand and silty soil	455 to 460 cm	-----
125	River sediment	462 to 473 cm	-----
126	Sand and clay	474 to 490 cm	-----
127	Clay, sand and lime	490 to 520 cm	-----
128	Clay and lime	521 to 580 cm	Piece of Earthenware

Fig. 2. Trench I (after Rahmatpour, 2019. P. 158)

a (brown) – stone; *b* (red) – brick

Earthenwares of Trench 1

The pottery obtained from the cultural layers is glazed and non-glazed. The earthenware of lower layer was largely glazed and it seems to be the earthenware type of historical periods of northwestern Iran. Islamic glazed earthenware consisted of turquoise black pen, blue and white, simple monochrome glazed pottery and multi-colored glazed painting, Sultan Abad's style pottery, sgraffito pottery, and Aghkand. Sgraffito and Aghkand potteries dated back to 6th century until the end

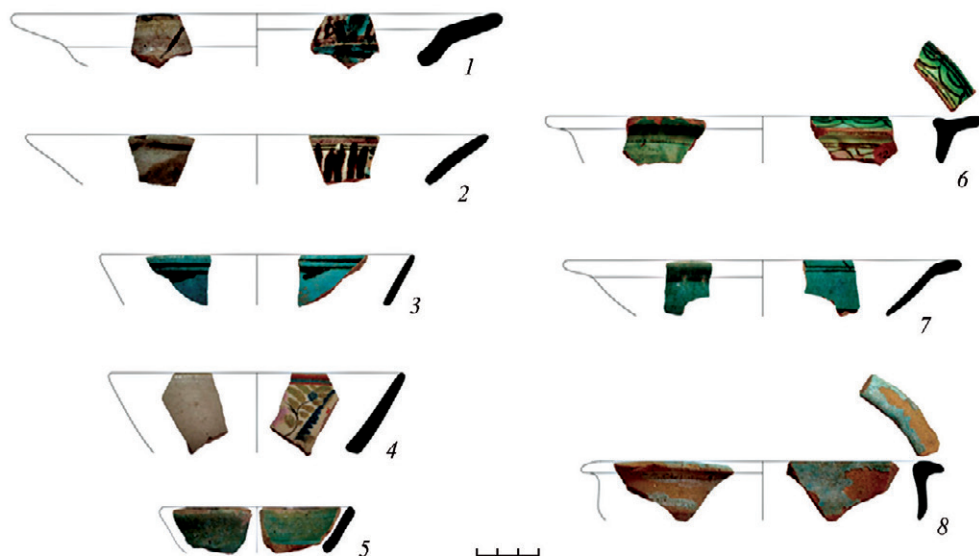

Fig. 3. Some earthenware from Trench I (after *Rahmatpour*, 2019. P. 165)

of the 8th century AH (*Mahjour; Sediqian*, 2009. P. 111) and turquoise black pen to 6th century AH (*Allen*, 2004. P. 37; *Rice*, 1997. P. 76). The prevalence of T-shaped edges is mainly related to the second half of the 7th and 8th centuries AH (*Khalili*, 2006. P. 162). Also, multi-colored under-glazed potteries are mainly considered of the Ilkhanid period (*Atil*, 1973. P. 59; *Hall*, 1934. P. 66). Based on the evidence and comparative research, Maragheh's bruise and circular potteries can be attributed to the Islamic Middle Ages and similar examples in areas such as Varamin (*Chubak*, 1997. P. 54), Neyshabur (*Wilkinson*, 1973. P. 280), Jorjan (*Bahrami*, 1988), Meshkin Tappeh of Zarandieh (*Mahjour; Sediqian*, 2009. P. 119), Arzan Fud of Hamadan (*Zarei et al.*, 2014) has been identified (fig. 3).

Matching the cultural layers of the stratigraphic trench with historical events

The formation of historical layers in an ancient site is in fact the socio-cultural elements and past history of a region. Archaeological studies of the cultural layers of the historical context of Maragheh show three distinct historical periods in the Iron Age, Parthian-Sassanid and Islamic periods, respectively.

The Maragheh region, which formerly included the cities of Maragheh, Bonab, Hashtrud, Ajabshir, Malakan, Takab and Shahin Dej, has witnessed cultures such as local culture, Urartu, Mana and Assyria in the Iron Age. According to the Assyrian inscription of Sargon II (714 AH), at this time, the area was more commonly known as «Osh Dish» (*Luckenbill*, 1927. P. 84). The current location of Maragheh was also

affected by these affairs, and cultural materials, especially earthenware fragments in the lower layers, which largely lack permanent settlement, have been identified.

The second period of cultural layers of Maragheh's historical context mainly belongs to Parthian and Sassanid culture. During this period, Maragheh was part of the Parthian Empire (later called the Semi-Independent Atropates) and later Sassanid. During this period, the central role was played by areas such as the Zahhak Castle of Hashrood, more commonly known as the Parthian city of Fraspa (*Kleiss*, 1973. P. 168–184), Qizlar Qaleh Si, Bakhtak Castle and Dash Qaleh. During this period, it seems that the current city of Maragheh did not have an important position and the settlement was represented by a small village. Based on the historical sources of the 3rd and 4th centuries AH, Maragheh's name was in the form of Aqare Day and Afare Day in the late Sassanid and early Islamic period (*Balazari*, 1989. P. 463).

The third period of residence in Maragheh is related to the Islamic era. We are witnessing the development of Maragheh in this period. At this time, with the increase of population, Maragheh became a city and gradually became a seat of northwestern Iran (Azerbaijan). The presence of consistency in the cultural layers of the city's historical context reflects the magnificent era of Maragheh (tabl. 2).

Table 2. Cultural Periods of South of Sahand and Maragheh City based on Archaeological Excavation Results

Cultural period	Historical considerations	Average depth of cultural material in the historical context of the city (B.M: Floor of Tomb Tower of Kabood)	Key enclosures of the area
Islamic	Residence of Islamic Army in Maragheh, capital of Maragheh during Atabakan Seljuk period, Ilkhani	450 cm	Current Maragheh
Parthian – Sassanid	The semi-independent rule of Atropates	600 cm	Qizlar Qale Si, Zahhak Castle
Iron Age	The cultures of Urartu, Mana and Assyria	750 cm	Gowijeh Qaleh, Dash Qaleh, Qizlar Qale Si

Conclusions

Archaeological studies of the historical context of Maragheh and its comparison with historical sources show that the process of Maragheh's formation from the Islamic period was in this part of the city. According to stratigraphic trenches can be said that Maragheh has not a main position in the pre-Islamic period and there was poor settlement in the city so that data from the lower layers indicates a poor historical settlement in this part of the city. In the first Islamic centuries,

Maragheh has gradually prospered, and we are witnessing the physical development of the city. After four centuries AH, Maragheh is considered as one of the cities in northwestern Iran. The most important political period of the city dates back to the Islamic Middle Ages, evidence of which can be seen in Locus 106–115. During this period, Sgraffito (Aqkand) and glazed pottery were abundantly found in these layers. In general, based on archaeological studies of the historical context of the city, the process of Maragheh's formation began in the historical (probably Parthian-Sassanid) period and gradually it changed during the Islamic period and finally, in the Middle centuries of Islamic Ages (Seljuk and Ilkhani) was chosen as the capital of Iran.

REFERENCES

- Allen W.*, 2004. *Islamic Pottery* / Transl. Mahnaz Shayesteh Far. Tehran: Institute of Islamic Art Studies.
- Atil E.*, 1973. *Freer gallery of Art Fifth Anniversary Exhibition III. Ceramic from the world of Islam.* Washington: Smithsonian Institute.
- Bahrami M.*, 1988. *Gorgan Faiences.* 134 p. (Islamic Art Reprint Series; no. 1.)
- Balazari A.*, 1989. *Futūh al-Buldān* / Transl. Mohammad Tavakol. Tehran: Silver Publication.
- Chubak H.*, 1997. *Islamic Earthenware of the Poinik Qaleh, Archaeological Report.* Tehran: Cultural Heritage and Tourism.
- Hall A. R.*, 1934. *A new collection of Islamic Pottery* // *Bulletin of the Museum of Fine Arts.* 32. P. 58–67.
- Ibn Asir E.*, 2006. *Complete History.* Tehran: Asatir Publications.
- Ibn al-Fuwati A.*, 1996. *Majma Al-adab fi Majam Al-alghab.* Tehran: Culture and Guidance Publications.
- Ibn Khordadbeh O.*, 1889. *Masalek and Mamalek.* Beirut: Dar Sader Publications.
- Khalili N.*, 2006. *Islamic Earthenware.* Tehran: Karang.
- Kleiss W.*, 1973. *Qal'eh Zohak in Azerbaidjan* // *Archaeologische Mitteilungen aus Iran.* 6. P. 163–188.
- Luckenbill D. D.*, 1927. *Ancient records of Assyria and Babylonia.* Vol. 2. Chicago: University of Chicago Press. XII. 504 p.
- Mahjour F., Sediqian H.*, 2009. *Investigation of Islamic Earthenware in Meshkin-e Tappeh Parandak Area in Markazi Province* // *Journal of Ancient Payam.* Vol. 6. No. 12. P. 105–120.
- Mostofi H.*, 2002. *Nezhat Al-Gholoub* / Corrected by Mohammad Dabir Siaqi. Qazvin: Today Hadith Publications.
- Nasir al-Din al-Tusi M.*, 1989. *Ilkhani Tensokhnameh* / Corrected by Mohammad Taghi Modares Razavi. Tehran: Information.
- Rahmatpour M.*, 2019. *Report of the First Chapter of Archaeological Excavation of Maragheh's Circular and blue tomb tower.* Tehran: Iran Institute of Archeology.
- Rice T.*, 1997. *Islamic Art* / Transl. Mah Malek Bahar. Tehran: A Cultural Science.
- Wilkinson C. K.*, 1973. *Nishapur: Pottery of the early Islamic period.* New York: Metropolitan Museum of Art. 374 p.
- Zarei M. E., Khaksar A., Motarjem A., Amini F., Dini A.*, 2014. *Study of Earthenware from the Ilkhanid period obtained from the Arzanfood* // *Archaeological Studies* Vol. 6. No. 2. P. 77–90.

About the authors

Sattarnejad Saeid, University of Mohaghegh Ardabili, University str., 5619911367, Ardabil, Republic of Iran; e-mail: saeidsattarnejad@yahoo.com-mail;

Parvin Samad, University of Mohaghegh Ardabili, University str., 5619911367, Ardabil, Republic of Iran; e-mail: arjaan1370@gmail.com;

Hendiani Elham, Tabriz Islamic Art University, Azadi Blvd., Hakim Nizami Ganjavi Sq., 5164736931, Tabriz, Republic of Iran; e-mail: el.hendiani@gmail.com

С. Саттарнеджад, С. Парвин, Э. Хендиани

ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА ГОРОДА МЕРАГЕ НА ОСНОВЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Резюме. Расположенный на северо-западе Ирана Мераге – один из самых значимых для исследования исламского периода в Иране городов. Он неоднократно упоминается в различных исторических источниках, чаще всего в качестве столицы Азербайджанского государства. Однако информация о его истории и происхождении очень ограничена из-за отсутствия археологических свидетельств. Лишь немногие историко-археологические исследования в целом касались состояния, формирования и последовательности его исторических периодов. В данной статье представлены результаты новых археологических раскопок и исследований, целью которых главным образом является попытка дать детальную хронологию заселения центральной части города на основе подробной стратиграфии культурных материалов разных исторических эпох и сопоставления их с историческими событиями. Результаты, полученные при археологических исследованиях исторического контекста города, свидетельствуют, что люди начали селиться в этой части города с самого начала возникновения ислама.

Ключевые слова: Мераге, археологические раскопки, культурная последовательность, исторические источники.

Сведения об авторах

Саттарнеджад Саид, университет Мохарег Ардабили, Университетская ул., 5619911367, Ардебиль, Республика Иран; e-mail: saeidsattarnejad@yahoo.com; e-mail: saeidsattarnejad@yahoо.com;

Парвин Самад, университет Мохарег Ардабили, Университетская ул., 5619911367, Ардебиль, Республика Иран; e-mail: arjaan1370@gmail.com;

Хендиани Эльхам, Тебризский исламский художественный университет, б-в. Азади, пл. Хакима Низами Гянджеви, 5164736931, Тебриз, Республика Иран; e-mail: el.hendiani@gmail.com

А. В. Мастыкова

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАМЯТНИК ГОРЗУВИТЫ НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА: ИССЛЕДОВАНИЯ 69 ЛЕТ СПУСТЯ¹

Резюме. Первым исследователем средневекового памятника Горзувиты был А. Л. Якобсон, который выявил руины однефного одноабсидного храма, перекрытого более поздней церковью. Нижний храм А. Л. Якобсон датировал VI–VII вв., верхний – IX–X вв. На других раскопанных участках были обнаружены остатки архитектурных сооружений неясного назначения и к западу от храма – могильник, где было открыто десять безынвентарных погребений. В 2017–2018 гг. в связи со строительными работами на территории Международного детского центра «Артек», куда входил и участок, исследованный в 1951 г. А. Л. Якобсоном, ИА РАН приступил к археологическим исследованиям. Вновь были открыты храмовые постройки, проведены работы на поселении, на могильнике открыто 24 погребения, в основном плитовые. Судя по погребальному инвентарю, могильник появился не позднее второй половины VII – начала VIII в. и функционировал, вероятно, долгое время. При исследовании в западной половине наоса нижнего храма была открыта гробница, в которой было похоронено около 20 человек. У верхнего погребенного лежала поливная чаша середины – третьей четверти XIII в., хронология которой дает верхнюю дату использования гробницы. Для установления времени самого раннего захоронения были проведены радиоуглеродный анализ и изотопное исследование, данные которых позволяют предполагать, что гробница стала использоваться, вероятно, не раньше XI в. Верхний храм был построен не ранее второй половины XIII в. и просуществовал, возможно, до середины XIV в., учитывая найденную в 1951 г. при расчистке западной стены верхнего храма монету хана Узбека.

---

¹ Представленное исследование состоит из 2 частей. Его первая часть – данная статья – посвящена результатам археологического изучения памятника, вторая часть – статья М. В. Добровольской, А. В. Мастыковой в этом выпуске – результатам исследования палеоантропологических материалов: радиоуглеродного и изотопного анализов.

Ключевые слова: Южный берег Крыма, Византия, одностолпные храмовые постройки, могильник, поселение, погребальный обряд, радиоуглеродный анализ, изотопные исследования.

В 1954 г. в журнале «Краткие сообщения института истории материальной культуры» выходит статья А. Л. Якобсона «Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты (близ Гурзуфа)» (1954. С. 109–120). В этой работе Анатолий Леопольдович публикует результаты своих раскопочных изысканий, проведенных в 1951 г. на Южном берегу Крыма, на территории пионерского лагеря «Артек» (Якобсон, 1951а). По его мнению, здесь располагалось одно из наиболее крупных средневековых поселений. Об этом свидетельствует, во-первых, раскопанный в 1903–1906 гг. Н. И. Репниковым могильник Суук-Су (Репников, 1906а; 1907; 1909), а во-вторых, построенная по указанию императора Юстиниана крепость Горзувиты, о которой упоминается в трактате Прокопия Кесарийского «О постройках» (550-е, вероятно, около 553–555 гг.) (*Procopius Caesariensis*, 1964. III.VII.11). Такие крепости строились византийскими правителями в наиболее крупных и стратегически важных поселениях (Якобсон, 1954. С. 110). Действительно, в юго-восточной приморской части Гурзуфа, на склонах скалы Дженебез-Кая все исследователи локализовывали крепость Юстиниана (Кенпен, 1837. С. 53–61, 175–177; Бобринский, 1894. С. 56–58; Тунманн, 1936. С. 40)² (рис. 1: 1, 2). По названию византийской крепости «Горзувиты» А. Л. Якобсон назвал и поселение, которое до него никогда еще не изучалось. По мнению исследователя, поселение Горзувиты занимало территорию около 100 000 кв. м от подножия скалы, на которой была построена крепость, к северо-востоку – в сторону современного лагеря «Лазурный» МДЦ «Артек». Здесь в 1951 г. еще прослеживались «остатки древних построек в виде многочисленных скоплений бутового камня», сопровождавшиеся большим количеством фрагментов кровельных черепиц IX–X вв. (Якобсон, 1954. С. 110). По всей видимости, Анатолий Леопольдович был прав, считая, что поселение было достаточно большим и плотно заселенным, и не исключено, что благодаря строительству крепости «Горзувиты могли стать одним из опорных пунктов византийского господства на полуострове» (Якобсон, 1970. С. 23).

Читая работы исследователей конца XIX – начала XX в., убеждаешься, что на территории, где сейчас расположен МДЦ «Артек», находилось много разнообразных археологических памятников (Харузин, 1890; Репников, 1904. С. 37–40; 1906а. С. 36–43). Еще в 1906 г. Николай Иванович Репников высказывался о необходимости скорейшего изучения Южного берега ввиду того, что

² В 1963 г. О. И. Домбровским проведены первые разведочные исследования крепости, а в 1965–1967 гг. он приступил к планомерным раскопкам в связи со строительством здесь новых корпусов лагеря «Артек» и гостиницы «Скальная» (Домбровский, 1968; 1974). Им были выделены три основных периода существования крепости: первый – VI–VIII вв. – от юстиниановского времени до хазарского; второй – X–XIV вв. – от хазарского времени до постройки генуэзской крепости; третий – XIV–XV вв. – от генуэзского периода до турецкого нашествия (Домбровский, 1974. С. 11–13).

«экономические условия и хищнические инстинкты местного населения могут привести разнообразнейшие и разнокультурные его памятники через какие-нибудь пять – десять лет в такое состояние, что археологические изыскания станут здесь совершенно немислимыми» (Репников, 1906б. С. 110). Опасения были не напрасными, территория в самом деле интенсивно подвергалась разграблению, лишь с момента создания в 1925 г. пионерского лагеря «Артек» эта территория стала закрытой и «хищнические инстинкты местного населения» в какой-то мере были пресечены. Но вот «экономические условия» уже в советские годы нанесли не меньший урон многим археологическим объектам, а именно постоянное расширение лагерных площадок, строительство корпусов и различных других зданий для нужд Артека привели к тому, что большинство археологических памятников не сохранились или были в значительной степени разрушены. Такая ситуация коснулась, к сожалению, и памятника Горзувиты, о котором далее пойдет речь.

Раскопки 1951 года

Изучение памятника в 1951 г. носило ограниченный и преимущественно разведочный характер. Участок, выбранный для полевых изысканий, был расположен «в 30 и 50 м к северу от усадьбы бывшей дачи Гурова, ниже шоссе от Гурзуфа к Медведь-горе», т. е. между пос. Гурзуф и пионерским лагерем «Артек» № 2³ (Якобсон, 1951а. С. 3). Работы продолжались 25 дней, и за это время участниками экспедиции А. Л. Якобсоном, М. А. Тихановой (сотрудники ИИМК), Я. Л. Дубинским (сотрудник Музея пещерных городов в Бахчисарае) были заложены два раскопа общей площадью в 250 кв. м. На месте наибольшего всхолмления, образованного из слежавшегося древнего завала камней, был заложен раскоп I, культурные напластования которого были датированы А. Л. Якобсоном следующим образом: верхний слой по большому количеству черепицы и керамическому материалу – IX–X вв., нижний слой, менее насыщенный, – VI–VII вв., возможно отчасти VIII в. Здесь, на площади раскопа I, были открыты нижние части стен двух небольших храмов, из которых верхний, более поздний, был построен на развалинах нижнего, более раннего. С северной и южной сторон храма были открыты гробницы, «обложенные хорошо тесаными толстыми плитами правильной формы», с западной стороны, перед входом в храм, вероятно, находилась еще одна гробница, частично разрушившая фундамент нижнего храма (Якобсон, 1954. С. 112) (рис. 2). Обе храмовые постройки стратиграфически связаны с выявленными культурными напластованиями раскопа I, что дало возможность А. Л. Якобсону датировать их в соответствии с хронологией культурных слоев, т. е. нижний храм отнесен к VI–VII вв., возможно частично VIII в.; верхний – к IX–X вв. (Там же. С. 110–112. Рис. 49: 1; 50).

На раскопе II, заложенном в 20 м к западу от первого раскопа, было открыто десять погребений, которые по устройству могильных сооружений А. Л. Якобсон разделяет на две группы. Первую группу составили четыре погребения,

---

³ Ныне лагерь «Лазурный» МДЦ «Артек».

1

2

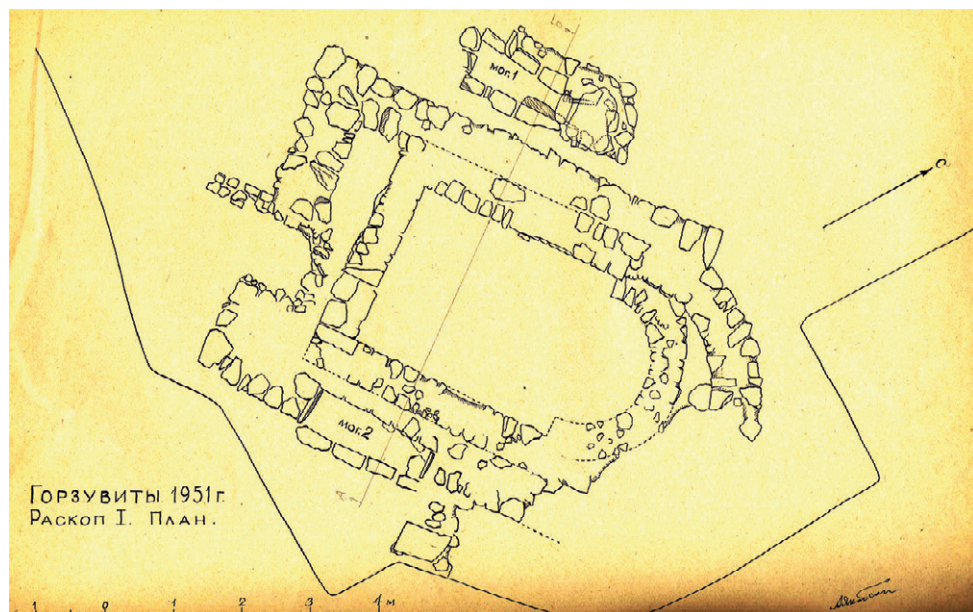

Рис. 2. Горзувиты – 1951 г. Раскоп I. План храма (по: *Якобсон, 1951а. Рис. 6*)

обложенные рваным камнем, вторую – три захоронения, совершенные «в гробницах из штучных плит», и две детские могилы, обложенные черепицей (*Якобсон, 1954. С. 114*). Сильная разрушенность и отсутствие погребального инвентаря затрудняли датировку этих погребений, но поскольку они имели примерно одинаковую глубину залегания, одинаковую ориентацию и обряд погребения, то А. Л. Якобсон делает вывод, что все они приблизительно одновременны и хронологически соответствуют каменным гробницам верхнего слоя могильника Суук-Су, т. е. относятся к VIII–IX вв. И только одно захоронение, совершенное в деревянном гробу в могиле без каменной конструкции, по мнению исследователя, синхронно погребениям нижнего слоя могильника Суук-Су, т. е. VI–VII вв. (*Якобсон, 1954. С. 114, 116; Репников, 1906а. С. 30–33*).

Могильник, как считал А. Л. Якобсон, существовал, по-видимому, до IX в., но не позднее X в., впоследствии был разрушен, на рубеже IX–X вв. на его месте стали возникать постройки. В 1951 г. было открыто несколько стен, представляющих фундамент построек, с большим количеством битой черепицы и керамики IX–X вв. В связи с отсутствием керамического материала, типичного

Рис. 1 (с. 410). Вид Гурзуфа

1 – Гурзуф на изображении 1868 г. На переднем плане – скала Джаневез-Кая, на заднем – гора Аю-Даг; 2 – современный вид Гурзуфа, 2018 г. На переднем плане – скала Джаневез-Кая с построенной на ней в 1975 г. гостиницей «Скальная», на заднем – гора Аю-Даг. Между скалой Джаневез-Кая и г. Аю-Даг – территория МДЦ «Артек». Аэрофотосъемка К. А. Ганичева

именно для X в., исследователь предположил, что жизнь в это время на поселении, вероятно, прекращается и лишь в XIV в. частично возрождается. Основное же поселение, по мнению А. Л. Якобсона, располагалось не здесь, а ниже, в прибрежной части (Якобсон, 1954. С. 116, 118, 120).

Раскопки 2017–2018 годов

В 2017 г. в связи со строительством лагеря «Солнечный» (МДЦ «Артек») на территории, куда входил и участок, исследованный в 1951 г. А. Л. Якобсоном, Институт археологии РАН приступил к археологическим изысканиям (Мастыкова, 2018а; 2018б; 2019а). Эта территория расположена на расстоянии приблизительно 200–250 м от берега моря между лагерями Артека – «Кипарисный»⁴ (с юга-запада) и «Лазурный»⁵ (с северо-востока), сверху (с севера-запада) она ограничена ул. Ленинградской. Поскольку в отчете и публикации А. Л. Якобсона отсутствуют топографический план, а также и план взаиморасположения раскопов, то локализация раскопов 1951 г. (раскоп I и раскоп II) проводилась с помощью архивных видовых фотографий и словесных описаний раскопочных мест (Якобсон, 1951а. С. 3; 1951б. Рис. 1; 6; 10). В результате на краю террасы с крутым склоном, обращенным на юг, было установлено месторасположение храмовой постройки, исследованной А. Л. Якобсоном. На небольшой площадке (раскоп 1, 2017 г., площадь 125 кв. м) были вновь открыты остатки стен двух церквей, из которых верхняя, более поздняя, как уже говорилось выше, возведена на развалинах нижней, более ранней. Нижний однефный храм представляет собой прямоугольное в плане помещение, вытянутое с запада на восток. Полукруглая апсида на восточной стороне выступает за основной объем здания. Верхний храм повторяет форму нижнего (рис. 3: 1, 2). Вход у построек находится в западной стене. Обе церкви небольшие, размеры нижнего храма по наружному контуру составляют 8,0 × 4,72 м, размеры верхнего – 5,17 × 3,53 м. Толщина стен нижнего храма – 78 см, верхнего – 65 см. В 2017 г. стало ясно, что хорошо сохранились лишь основания западной стены обоих сооружений и южная стена нижнего храма, у верхнего храма южная стена сохранилась лишь частично. Северная стена как верхнего, так и нижнего храма, а также абсидная часть обеих построек сильно повреждены проложенной уже после 1951 г. траншеей подземных коммуникаций (рис. 3: 1, 2). Впрочем, на плане храмовых построек, составленном А. Л. Якобсоном, видно, что южное плечо апсиды нижнего храма не сохранилось (рис. 2). Тем не менее можно примерно определить, что расстояние между плечами апсиды составляло около 5 метров. Стены нижнего храма сложены из крупного неотесанного камня, вероятно, на глинистом растворе. Стены же верхнего храма представляют собой кладку, сложенную на известковом растворе из двух рядов не очень крупного камня с подтеской лицевой поверхности. Местами для выравнивания кладки использованы фрагменты черепицы. Вокруг и внутри храма было найдено значительное количество

⁴ Ранее лагерь назывался «Артек» № 3.

⁵ Ранее – «Артек» № 2.

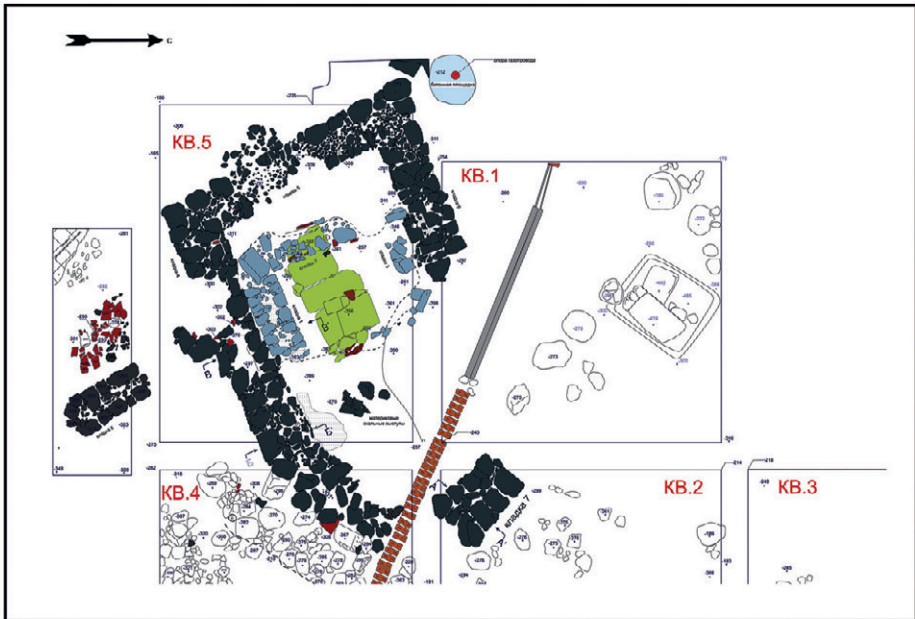

Рис. 3. Горзувиты – 2017 г. Фото С. В. Колосова. Чертеж С. А. Мульда
1 – раскоп 1. Общий вид храма с восточной стороны; 2 – раскоп 1. План храма

фрагментов оконного стекла, что дает нам основание предполагать наличие окна/окон в помещении. Конечно, о количестве окон и их расположении судить невозможно, т. к. храмовые постройки сохранились на высоту в среднем от 40 до 65 см, т. е. практически на уровне фундамента. В западной половине наоса нижнего храма при дослідовании земляного пола была открыта гробница, перекрытая четырьмя массивными плитами (рис. 3: 1, 2) (Мастыкова, 2018а; 2018б; Голофаст, Мастыкова, 2018).

К северо-западу от раскопа 1 для исследования поселения был прирезан раскоп 2 площадью 1890 кв. м. На наличие на этом участке построек указывали выявленные мощные завалы камней от разрушенных стен, сопровождавшиеся фрагментами строительной керамики (керамиды, калиптеры, плинфы), характерной для раннего Средневековья, оконных стекол, тарной керамики – немногочисленные обломки ранневизантийских амфор типов *Late Roman 1* и 2, относящихся к V–VII вв., фрагменты поздневизантийских амфор херсонесского производства. В слое количественно преобладает керамика IX–XI вв.: желобчатые и с зональным рифлением амфоры «причерноморского типа» VIII – начала XI в. и высокогорлые кувшины с плоскими ручками конца IX – XI в. К этому же периоду относятся единичные находки белоглиняных глазурованных сосудов группы *Glazed White Ware II* IX–XI вв.⁶ В целом для этого участка характерно наличие целых массивов известняков, т. н. массандровских отложений, образовавшихся в результате обвалных, оползневых и сейсмических процессов. Между ними фиксируются остатки фундаментов стен, среди которых найдено несколько развалов пифосов. Характер выявленных строений неясен, не исключено, что они предназначались для хозяйственных нужд (Мастыкова, 2018б).

В 2017 г. был локализован могильник, открытый А. Л. Якобсоном, а в 2018 г. были проведены планомерные раскопки. Поскольку, как уже было сказано выше, в документации 1951 г. не был представлен план расположения двух раскопов, то локализация раскопа II (могильника) проводилась также с помощью отчетных описаний места проведения работ (Якобсон, 1951а. С. 14, 15; 1951б. Рис. 23). На расстоянии 20 м к западу от первого раскопа 1951 г. нам удалось приблизительно локализовать участок могильника, раскопанного А. Л. Якобсоном. Раскоп 3 2018 г., площадью 2200 кв. м, был заложен также западнее храма, и в эту территорию попал и участок, раскопанный в 1951 г. Могильник располагался на отвесном склоне, местами его крутизна достигала 45°. В ходе исследования было открыто 24 погребения. По погребальным конструкциям могилы относятся в основном к плитовым – перекрыты массивными каменными обработанными плитами; две могилы были перекрыты фрагментами черепицы и пифоса; одна – простая грунтовая могила без каменной конструкции. Стены же могильных ям оформлялись по-разному: выложены обработанными плитами и/или необработанными камнями, обработанным ракушечником; в одном случае – в торцевой стене были вертикально поставлены две целые керамиды; иногда стены обкладывали фрагментами черепицы и необработанным

⁶ Изучение керамического материала проведено Анной Викторовной Смокотиной (НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского).

камнем. Погребений с деревянными гробами, характерными для нижнего слоя могильника Суук-Су (VI–VII вв.), в отличие от 1951 г., зафиксировано не было. В целом погребения имеют подпрямоугольную в плане форму. У большинства могил погребальные конструкции нарушены, зачастую перекрывающие плиты треснуты, провалены внутрь могильного пространства. По всей видимости, это результат различных процессов: эрозионных, гравитационных (оползни, обвалы), сейсмических. По этой же причине во многих захоронениях положение костяков зачастую нарушено и сдвинуто. В тех случаях, когда позиция костяков прослеживается *in situ*, можно констатировать, что умерших хоронили на спине в вытянутом положении со сложенными на тазу руками, головами на северо-запад/юго-запад или запад. В полевом сезоне 2018 г., в отличие от 1951 г., были открыты помимо безынвентарных могилы и с погребальным инвентарем. Обнаруженные предметы (пряжки, серьги, перстни, нательные крестики и пр.) в целом относятся к типам, характерным для средневизантийской традиции. Судя по найденным вещам, могильник появился не позднее второй половины VII – начала VIII в. и функционировал, вероятно, долгое время, вплоть до закладки нижнего храма (о дате нижнего храма см. далее), а возможно и позднее. По всей видимости, некрополь на всем протяжении его существования принадлежал одной и той же группе населения, т. к. погребальный обряд остается практически неизменным – это в основном плитовые конструкции, характерные как для погребений с инвентарем VII–VIII вв., так и более позднего времени (Мастыкова, 2019а; 2019б).

Таковы краткие итоги двух полевых сезонов 2017 г. и 2018 г., но в данной статье остановлюсь подробнее на результатах исследования гробницы, открытой в нижнем храме.

Исследование храмовой гробницы

Как уже было сказано выше, при доследовании в 2017 г. в западной половине наоса нижнего храма была открыта гробница, перекрытая массивными плитами (рис. 3: 1, 2). Плиты опирались на обкладку, выложенную по контуру гробницы и состоявшую из камней, блоков ракушечника, нескольких фрагментов черепицы и плинфы; местами прослеживался известковый раствор. Гробница представляет собой грунтовую яму ладьевидной в плане формы, стенки которой внутри выложены пилеными блоками ракушечника на известковом растворе (рис. 4). Длина гробницы по внешнему контуру каменной конструкции составляет 2,55 м, ширина – 1,1 м; внутренние размеры погребальной камеры: по верхнему краю – длина 1,8 м, ширина – 0,6 м; по дну – длина 1,86 м, ширина – 0,7 м; глубина гробницы – 0,57–0,7 м. При снятии перекрытия с гробницы на внутренней стороне одной из плит было обнаружено прочерченное изображение креста, что является отражением византийских традиций. Так, в ранневизантийское время (IV–VII вв.) на погребальных сооружениях имеются христианские символы обычно в качестве изображений на стенах гробниц, склепов и т. д., а со средневизантийского времени (VIII–XII вв.) христианская символика используется уже и на закладных плитах, перекрывающих могилы, как в нашем случае.

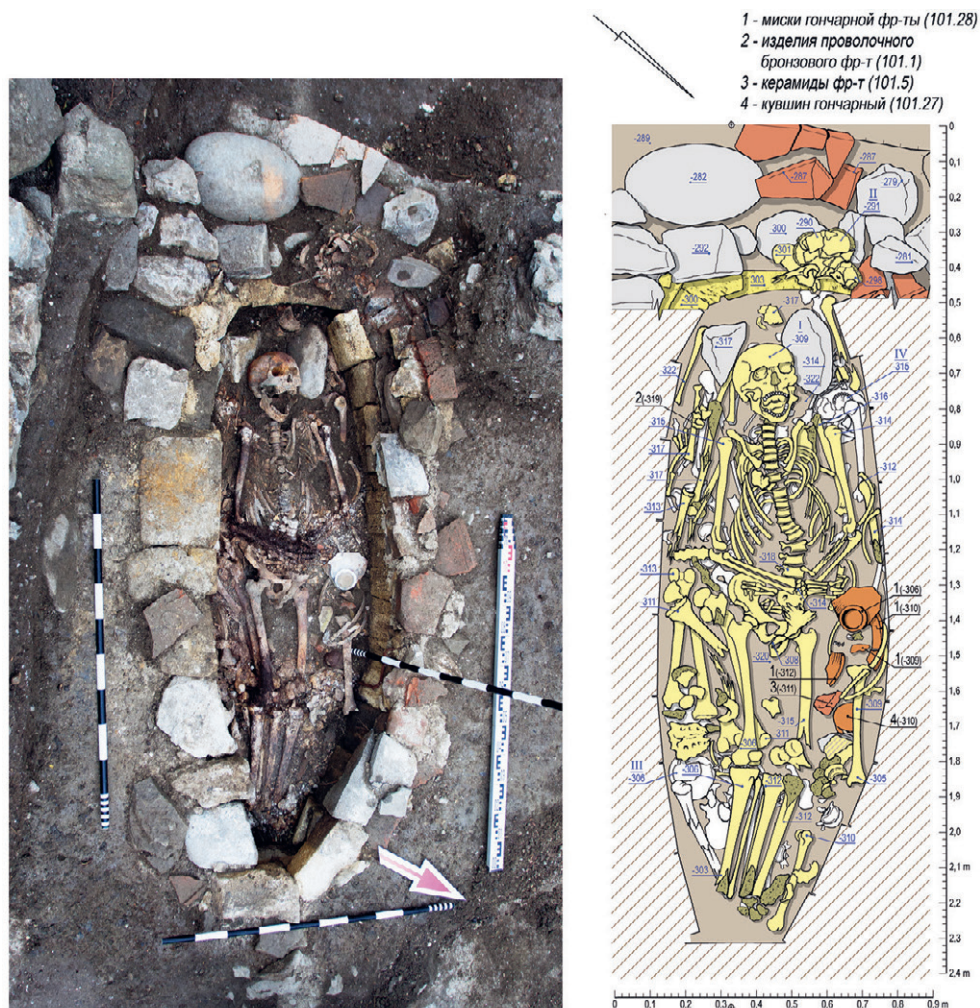

Рис. 4. Горзувиты – 2017 г. Фото и план первого уровня храмовой гробницы.
Фото С. В. Колосова. Чертеж С. А. Мульда

В гробнице было похоронено около 20 человек – мужчины, женщины, дети, все они погребались поочередно, грунтовые прослойки между останками отсутствовали. Также грунтового заполнения не было между закладными плитами и верхним погребенным. Полностью анатомический порядок и позиция *in situ* прослеживались только у верхнего захоронения (рис. 4), у других – или частично фиксировалась позиция, или они были потревожены и сдвинуты в сторону при помещении в гробницу новых умерших. В тех случаях, когда позиция костяков все-таки сохранялась, можно констатировать, что умерших хоронили на спине в вытянутом положении со сложенными на тазу руками, головами на запад

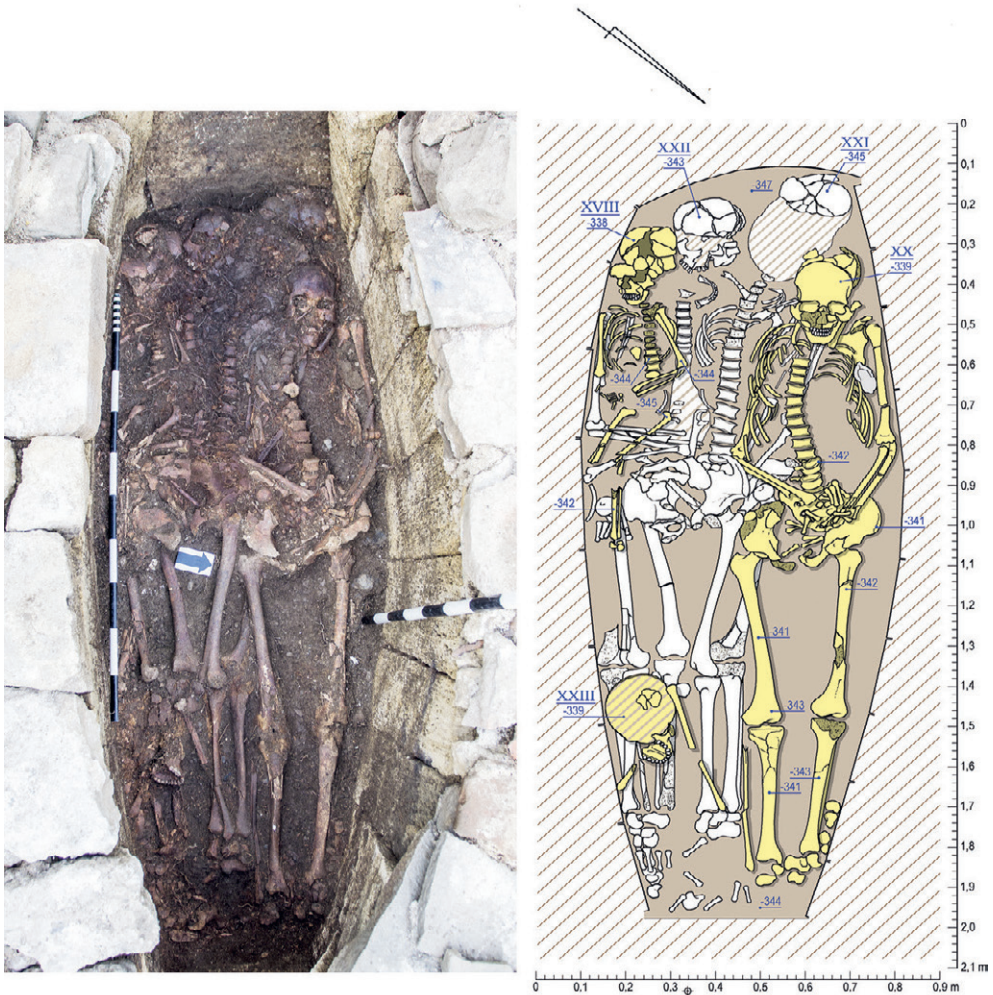
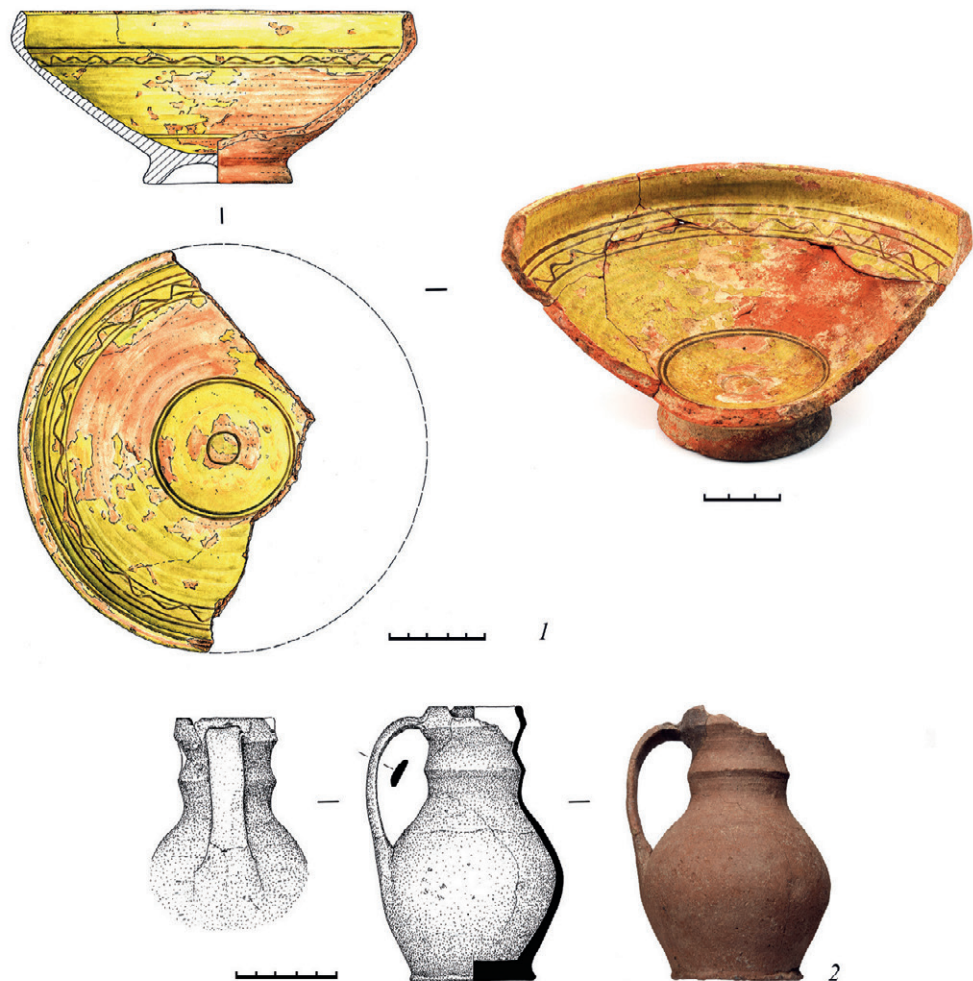

Рис. 5. Горзувиты – 2017 г. Фото и план седьмого уровня храмовой гробницы.
 Фото С. В. Колосова. Чертеж С. А. Мульда

(рис. 5). Верхний погребенный – мужчина в возрасте 40–49 лет⁷ – также был положен на спину головой на запад, руки согнуты в локтях и скрещены в области таза, кисть правой руки положена поверх левой, ноги вытянуты и расположены параллельно друг другу. С двух сторон череп фиксировался двумя вертикально поставленными камнями, лицевая часть черепа ориентирована на восток (рис. 4). У северной стенки гробницы возле левой тазовой кости погребенного

⁷ Половозрастное определение выполнено Марией Всеволодовной Добровольской (ИА РАН).

**Рис. 6. Горзувиты – 2017 г. Керамические сосуды из храмовой гробницы.
Рисунки С. Л. Богаченко. Фото С. В. Ольховского**

1 – поливная чаша, обнаруженная у верхнего погребенного; 2 – гончарный кувшин (второй уровень)

мужчины лежала вверх дном фрагментированная поливная чаша открытого типа середины – третьей четверти XIII в. (подробнее о чаше см.: *Голофаст, Мастыкова, 2018. С. 363–367*) (рис. 6: 1). Здесь же выявлена часть тулова небольшого глиняного кувшинчика, уходящего глубже и относящегося к нижнему захоронению (рис. 6: 2).

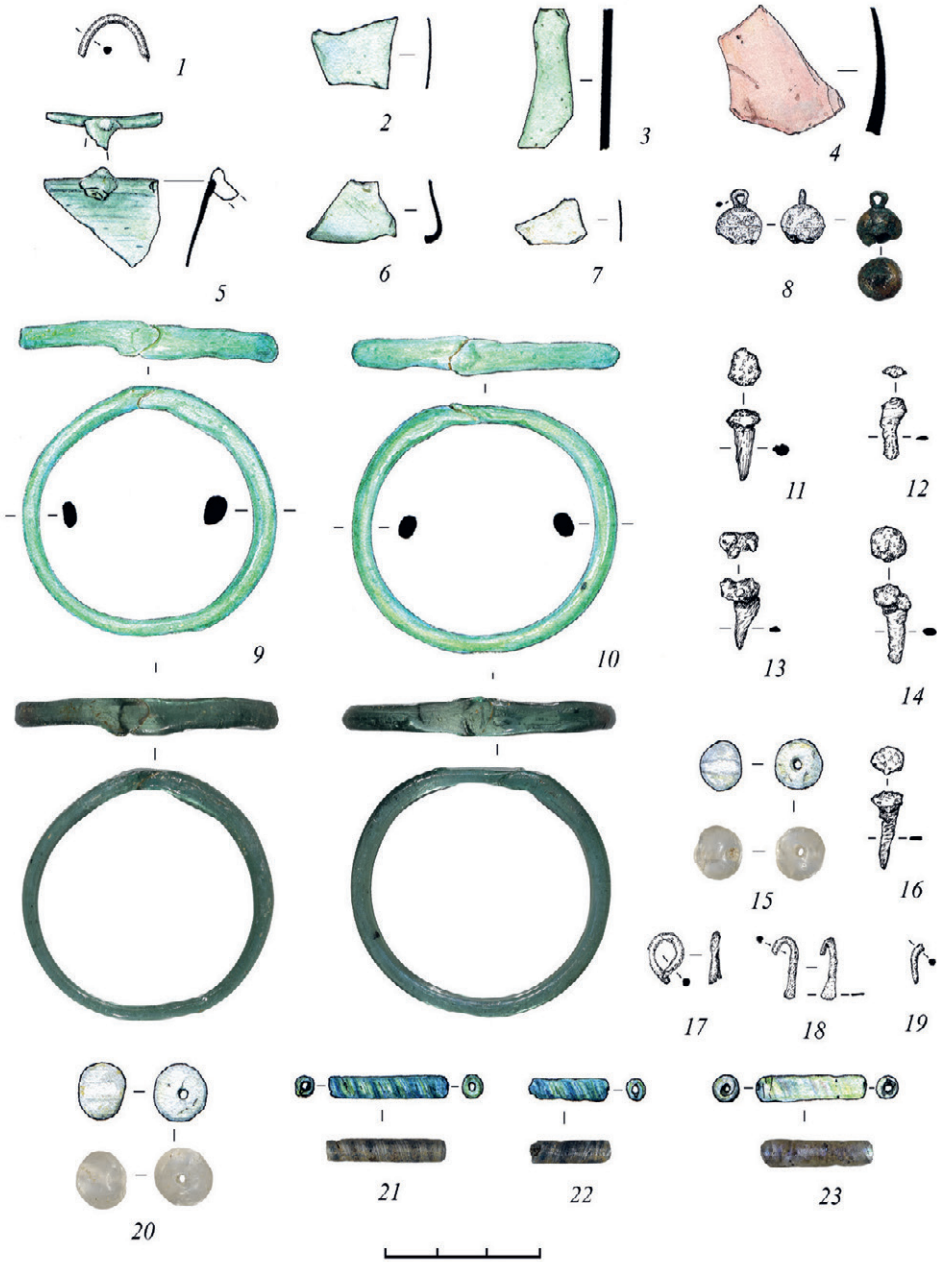
В целом при захоронении умерших в храмовую гробницу византийский погребальный обряд был соблюден, поскольку уже в ранневизантийский период доминирующей является поза погребенных на спине в вытянутом положении с руками, скрещенными на животе или тазе, головой на запад так, чтобы он

оказался лицом к Христу во время второго пришествия. Но обращает на себя внимание наличие у верхнего погребенного сосуда открытого типа, что в сочетании с двумя вертикально поставленными камнями у черепа покойного выбивается из традиционного византийского погребального обряда, который, как уже говорилось, сложился еще в ранневизантийское время и сохранился на протяжении всех последующих столетий, хотя и с некоторыми изменениями. Так, в XIII–XV вв. появляется новый обычай – помещать рядом с погребенным, часто вверх дном, сосуды открытого типа, а не закрытого, как в ранних могилах. Причем новая традиция прослеживается в византийских погребениях после 1200 г. и прежде всего на территориях, захваченных «латинянами» («франками»), что объясняет появление таких сосудов влиянием погребального обряда «латинян». Второй необычной деталью в гробнице является наличие двух вертикально поставленных камней с двух сторон черепа верхнего погребенного. Также считается, что эта черта обрядности «пришла» в Византию с европейского Запада в XIII в. Например, в материковой Греции, на Кипре, Крите, на территории современной Турции городские погребения, в которых зафиксировано соблюдение обряда с такой особенностью, датируются временем после 1204 г., и располагались они на землях Византийской империи, находившихся также под контролем «франков» (подробнее см.: *Голофаст, Мастыкова*, 2018. С. 370–373; там же библиография).

Что касается погребального инвентаря, обнаруженного в гробнице, то он незначительный и не очень выразительный – гончарный небольшой кувшинчик (рис. 6: 2), два стеклянных браслета (рис. 7: 9, 10), три стеклянные и две бусины из горного хрусталя (рис. 7: 15, 20–23), бронзовый бубенчик-пуговка со следами позолоты (рис. 7: 8), пять маленьких железных гвоздика (рис. 7: 11–14, 16), небольшие стеклянные фрагменты (рис. 7: 2–7) и мелкие обломки бронзовых предметов неясного назначения (рис. 7: 1, 17–19). Большинство из этих предметов достаточно часто встречаются в крымских материалах в широком хронологическом диапазоне и соотнесение их с каким-либо погребенным не представляется возможным⁸. В гробнице были обнаружены фрагменты средневековой строительной и тарной керамики. Стоит отметить, что скромное количество предметов в горзувитской гробнице также отражает обычаи византийской обрядности, когда с ранневизантийского времени начинает сокращаться количество погребального инвентаря в могилах.

Итак, храмовая гробница заполнялась умершими людьми постепенно и таким образом была стратифицирована. Кроме поливной чаши середины – третьей четверти XIII в., обнаруженной у верхнего, т. е. последнего, погребенного, хронология которой дает нам верхнюю дату гробницы, остальные вещи имеют широкие временные рамки и не позволяют определить время первого, самого раннего, захоронения и установить *terminus ante quem* постройки нижнего храма. В связи с этим нами были проведены исследования с использованием методов

⁸ Разборка гробницы производилась послойно, все предметы и антропологический материал фиксировались соответственно этим уровням.

естественных наук. Палеоантропологические материалы были подвергнуты радиоуглеродному анализу⁹ и изотопным исследованиям¹⁰.

Заключение

Сопоставление данных археологии, радиоуглеродного датирования и изотопных исследований позволяет предполагать, что первые захоронения в гробнице нижнего храма были совершены, вероятно, не раньше XI в., тогда как дата погребения в ней последнего умершего относится к середине – третьей четверти XIII в.

Исходя из этих сведений, можно говорить, что верхний храм, перекрывавший коллективную гробницу, был построен не ранее второй половины XIII в. и существовал, возможно, до середины XIV в., учитывая найденную в 1951 г. при расчистке западной стены верхнего храма монету золотоордынского хана Узбека (1313–1341 гг.) (Якобсон, 1954. С. 112).

Конечно, возникает вопрос: что за люди были погребены в храмовой гробнице? Полученные результаты изотопных исследований¹¹ указывают, что, вероятней

⁹ Радиоуглеродное датирование проведено в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН под руководством Э. П. Завозской и Центра изотопных исследований Университета Джорджии (США).

¹⁰ Изотопные исследования выполнены во Всероссийском научно-исследовательском геологическом институте им. А. П. Карпинского (ВСЕГЕИ, Санкт-Петербург) Е. С. Богомоловым.

¹¹ Подробнее см. в данном выпуске статью М. В. Добровольской, А. В. Мاستыковой «Изотопные исследования останков людей из гробницы храма на Горзувитях: хронология, особенности питания, мобильность».

Рис. 7 (с. 420). Горзувиты – 2017 г. Погребальный инвентарь из храмовой гробницы. Рисунки С. Л. Богаченко. Фото С. В. Ольховского

Первый уровень: 1 – фрагмент изделия из тонкой металлической проволоки

Второй уровень: 2 – фрагмент бледно-голубого стекла; 3 – фрагмент зеленоватого стекла; 4 – фрагмент стеклянного сосуда (?) розового цвета

Третий уровень: 5 – фрагмент венчика с налетом (ручка лампы?) сосуда из зеленоватого стекла; 6 – фрагмент придонной части сосуда из зеленоватого стекла; 7 – фрагмент бледно-голубого стекла; 8 – бронзовый бубенчик-пуговка со следами позолоты; 9, 10 – два стеклянных браслета зеленоватого цвета из овального в сечении дрота, концы соединены встык; 11–14 – четыре железных мелких гвоздика с граненым заостренным стержнем и овальной или округлой шляпкой (один – без шляпки)

Четвертый уровень: 15 – округлая бусина из горного хрусталя; 16 – железный мелкий гвоздь с двухгранным (?), заостренным стержнем и округлой шляпкой; 17–19 – фрагменты изделий из тонкой бронзовой проволоки

Пятый уровень: 20 – округлая бусина из горного хрусталя

Шестой уровень: 21–23 – три удлиненные цилиндрические бусины (пронизи) из цветного стекла

всего, они были местными, постоянными жителями поселения. Модель их питания свидетельствует о ярко выраженном приморском характере образа жизни. Возможно, они были членами одного рода/семейства, занимавшего относительно высокое социальное положение и имевшего право погребать умерших в храме, может быть, ктиторов храма. Исторические и эпиграфические источники свидетельствуют, что внутри храма хоронили помимо представителей духовенства и богатых ктиторов/донаторов с их семьями, место расположения их могил в храме зависело от статуса погребенных (*Голофаст, Мастыкова, 2018. С. 367–369; там же библиография*).

Архитектура храма и характер гробницы полностью соответствуют византийским культурным традициям. Однако изменения, произошедшие в византийской обрядности в начале XIII в. с приходом «латинян», нашли свое отражение в погребальном обряде горзувитской гробницы. Не исключено, что человек, чей прах был захоронен последним, и те люди, которые его хоронили, могли иметь какие-то связи с территориями, подвластными «латинянам», где подобные погребальные обычаи имели место.

Храм в Горзувитах является рядовым памятником византийской церковной архитектуры. Аналогичная небольшая однефная церковь прямоугольной формы с полукруглой апсидой и с тремя плитовыми гробницами по центру наоса, построенная также на развалинах более древней и повторяющая ее форму, была открыта в 1905 г. Н. И. Репниковым здесь же, в Гурзуфе, при раскопках юго-западной части могильника Суук-Су (*Репников, 1907. С. 122. Рис. 83*). В целом подобного рода храмовые постройки были характерны для Южного берега Крыма, они известны на нижней площадке укрепленного средневекового монастыря Панае в Симеизе, на Исар-Кая, Кучук-Ламбате, на Аю-Даге, к западу от пос. Верхняя Ореанда на скале Хачла-Каясы, на Ай-Тодор близ с. Малый Маяк (Биюк-Ламбат), в Мордвиновском парке Ялты, Никите и т. д. (библиографию см.: *Мастыкова, 2018а*).

Храмовые постройки такого типа характерны и для других регионов Юго-Западного Крыма. Например, на Черкес-Керменском укреплении Кыз-Куле была открыта небольшая (7,50 × 4,50 м) однефная одноапсидная церковь с двумя гробницами, одна – вдоль северной стены, вторая – по центру наоса (*Боданинский, 1935. С. 83, 84. Рис. 49*). На территории городища Тепе-Кермен, расположенного на одноименной горе, был исследован однефный храм (5,50 × 2,20 м) с одной полукруглой апсидой. В западном углу этой храмовой постройки обнаружена гробница, перекрытая плитами, в которой было захоронено не менее 11 человек и только верхний погребенный лежал в анатомическом порядке (*Талис, 1977. С. 102, 103*). В X–XIII вв. в Херсонесе появляются подобные храмы-часовни прямоугольной формы с полукруглой абсидой, оштукатуренные внутри и снаружи, причем внутри стены покрывались росписью. Часовни здесь имелись практически в каждом квартале и выполняли роль не только домашней церкви, но и семейной усыпальницы (*Рыжов, 2004. С. 160, 162, 164*).

Однефные одноапсидные церкви известны и на Северном Кавказе, особенное скопление небольших церквей отмечено на Нижне-Архызском городище. По мнению В. А. Кузнецова, такие «малые формы» храмов отражают влияние

византийского провинциального зодчества, которое охватило значительную часть причерноморской ойкумены (*Кузнецов*, 2017. С. 124, 139).

В Малой Азии, на побережье и в горах между Трапезундом и Синопом, Д. Уинфильд и Дж. Уэйнрайт при исследовании этого региона также выявили многочисленные однефные церкви-часовни XIII–XV вв. с одной полукруглой апсидой (*Winfield, Wainwright*, 1962. P. 157. Fig. 14).

Считается, что маленькие однефные храмы, скорее всего, предназначались для нужд только одной общины или рода либо могли быть, например как на Северном Кавказе, различного назначения: приходские, домовые, кладбищенские, монастырские (*Кузнецов*, 2017. С. 139). Интересные сведения приводит О. М. Иоаннисян об однефных храмах в Кастории в Северной Греции. Из более семидесяти касторийских церквей тридцать одна относится именно к типу однефных с одной апсидой, и большинство таких построек строились как частные домовые храмы (церковь Агиос Николаос ту Казници XII в.; Таксиархис Йоконому (Гимназиу) X в.; Агиос Афанасиос Музаки XIV в.; Агиос Николаос ту Киритци XIV–XVII вв.) или как общинные церкви для городских кварталов. Заказчиками таких небольших храмов чаще всего были представители уважаемых городских семейств – Казници, Йоконому, Музаки, Киритци – либо жители общин, строившие церковь в складчину (*Иоаннисян*, 2013. С. 100–104. Рис. 26: 1, 3, 5, 6).

На Кипре среди множества различных типов византийской церковной архитектуры от XI до XVIII в., тем не менее, преобладают однефные одноапсидные храмы, которые по своей архитектуре внешне непритязательны, но зато внутри украшены фресковой росписью. Большинство церквей такого типа – это общинные сельские храмы, придорожные или кладбищенские часовни (Там же. С. 104–107).

Однефные небольшого размера храмовые постройки определяют как «народную архитектуру», когда «...упрощаются конструкция и композиция постройки, уменьшается ее размер. Интерьер становится простым, незамысловатым» (*Полевой*, 1973. С. 269). Действительно, внешний вид этих храмовых построек достаточно скромен, а строительно-технические характеристики довольно просты. Как правило, они строились из некрупных блоков грубо обработанного или вовсе необработанного камня. Примитивность внешнего вида данных построек компенсировалась фресковой росписью внутри, зачастую и снаружи. Представляется, что все эти характеристики в равной мере можно отнести и к храму в Горзувитах. Имели ли горзувитские храмовые постройки фресковую роспись – вряд ли мы сможем ответить на этот вопрос. Но, по сведениям А. Л. Якобсона, поверхность стен позднего храма была оштукатурена (найлены обломки штукатурки) и, возможно, была расписана фресками (*Якобсон*, 1951а. С. 9; 1954. С. 112). Обнаруженные многочисленные стеклянные фрагменты вокруг и внутри храма свидетельствуют о наличии в нем застекленных окон (или окна?), что является типичной чертой византийских церковных сооружений, и этот факт лишний раз подчеркивает принадлежность горзувитского храма византийским традициям.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А.*, 1894. Несколько слов о местности, прилегающей к развалинам замка в Гурзуфе // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 21. Симферополь: Тип. Таврического губ. правл. С. 56–58.
- Боданинский У. А.*, 1935. Черкес-Керменское укрепление Кыз-Кулле по разведкам 1933 г. // Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. М.; Л.: ОГИЗ. С. 81–87. (Известия Государственной академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра; вып. 117.)
- Голофаст Л. А., Мاستыкова А. В.*, 2018. О поливной чаше в контексте погребального обряда средневековой храмовой гробницы в Горзувитах // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXIII. Симферополь: Соло-Рич. С. 359–395.
- Домбровский О. И.*, 1968. Разведки и раскопки на Южном берегу и в горных районах Крыма // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Вып. 2 / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка. С. 51–52.
- Домбровский О. И.*, 1974. Средневековые поселения и «Исарь» Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика / Отв. ред. С. Н. Бибииков. Киев: Наукова думка. С. 5–56.
- Иоаннисян О. М.*, 2013. Однонефные храмы в архитектуре Армении и Византии (Константинополь, Малая Азия, Понт, Греция, Кипр). Функции и типология // Византия в контексте мировой культуры. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 64–116. (Труды ГЭ; т. LXIX.)
- Кеппен П. И.*, 1837. О древностях Южного берега и гор Таврических. СПб.: Имп. Акад. наук. 415 с. (Загл. обл.: Крымский сборник.)
- Кузнецов В. А.*, 2017. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках. Пятигорск: Снег. 320 с.
- Мастыкова А. В.*, 2018а. О византийском храме в Горзувитах: раскопки 2017 г. // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации: материалы Междунар. науч. конф. / Ред.-сост.: В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь. С. 292–298.
- Мастыкова А. В.*, 2018б. Средневековый комплекс (поселение, базилика, могильник) в Гурзуфе (Республика Крым, Ялтинский округ) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 186–191. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25.)
- Мастыкова А. В.*, 2019а. Археологические раскопки 2017–2018 гг. средневекового храма и могильника в Горзувитах // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. II / Отв. ред.: С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: ИА РАН. С. 378–395.
- Мастыкова А. В.*, 2019б. Итоги исследования могильника Горзувиты в 2018 г. // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: материалы Междунар. науч. конф. / Ред.-сост.: В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь. С. 370–376.
- Полевой В. М.*, 1973. Искусство Греции. Средние века. М.: Искусство. 352 с.
- Репников Н. И.*, 1904. Гурзуф и его ближайшие окрестности в историко-археологическом отношении // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 36. Симферополь: Таврическая губ. тип. С. 37–42.
- Репников Н. И.*, 1906а. Некоторые могильники области крымских готов // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 19. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума. С. 1–80.
- Репников Н. И.*, 1906б. Раскопки в окрестностях Гурзуфа в 1905 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 39. Симферополь: Таврическая губ. тип. С. 106–110.
- Репников Н. И.*, 1907. Некоторые могильники области Крымских готов. Часть II // Записки Императорского Одесского Общества истории и древностей. Т. XXVII. Одесса: Экономическая типография и литография. С. 101–148.
- Репников Н. И.*, 1909. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // Известия Императорской Археологической комиссии. № 30. СПб.: Тип. Гл. Упр. уделов. С. 99–126.
- Рыжов С. Г.*, 2004. Малые храмы-часовни Херсонеса // Древности 2004. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: Харьковское историко-археологическое общество. С. 160–166.

- Талис Д. Л., 1977. Городище Тепе-Кермен // КСИА. Вып. 148. С. 98–104.
- Тунманн Г. Э., 1936. Крымское ханство / Пер. с нем. Н. Л. Эрнста, С. Л. Белявской; примеч., предисл., прилож. Н. Л. Эрнста. Симферополь: Гос. изд-во Крымской АССР. 109 с.
- Харузин А. Н., 1890. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша (На Южном берегу Крыма). М.: Тип. Т-ва А. Левенсон и К. 102 с. (Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; т. LXIV. Труды антропологического отдела; т. XI, вып. 1.)
- Якобсон А. Л., 1951а. Отчет об археологической разведке средневекового поселения и могильника Горзувит (бл. Гурзуфа) в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 654.
- Якобсон А. Л., 1951б. Раскопки средневекового поселения Горзувиты в 1951 г. Альбом иллюстраций // Архив ИА РАН. Р-1. № 655.
- Якобсон А. Л., 1954. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. Вып. 53. С. 109–120.
- Якобсон А. Л., 1970. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л.: Наука. 224 с. (МИА; № 168.)
- Procopius Caesarensis*, 1964. Procopi Caesariensis opera omnia De Aedificiis. Vol. 4 / Eds.: J. Haury, G. Wirth. Leipzig: Teubner. XII, 408 p. (Bibliotheca scriptorium Graecorum et Romanorum Teubneriana; vol. 277.)
- Winfield D., Wainwright J., 1962. Some Byzantine Churches from the Pontus // *Anatolian Studies*. Vol. 12. P. 131–162.

Сведения об авторе

Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: amastykova@mail.ru

A. V. Mastykova

THE MEDIEVAL SITE OF GORZUVITY
IN THE CRIMEA SOUTHERN COAST:
EXCAVATIONS 69 YEARS LATER

Abstract. A. L. Yacobson was the first researcher to excavate the Gorzuvity site. He discovered ruins of a church with one nave and one apse overlaid by another church of later date. A. L. Yacobson dated the lower church to the 6th–7th centuries and the church built over it to the 9th–10th centuries. Other excavated areas have revealed remains of architectural constructions of unclear purpose as well as a cemetery with graves without grave goods. In 2017–2018 due to construction works in the Artek International Children's Camp including the area excavated by A. L. Yacobson in 1951, the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, launched archaeological excavations. Church constructions were re-excavated, the settlement was examined and 24 burials, mostly, cist graves, were uncovered. Judging by funerary offerings, the cemetery became operational not later than the second half of the 7th – early 8th centuries; it was probably used for a long time. During additional excavations in the western part of the nave in the lower church, a sepulchral vault containing around 20 buried individuals was discovered. A glazed cup dating to the middle – third quarter of the 13th century was found near the individual buried at the top, it can serve as a marker of the latest date of the vault use. Radiocarbon analysis and stable isotope analysis were carried out to establish the chronology of the earliest burial. These studies suggest that the sepulchral vault was not used before the 11th century. The upper church was built not earlier than the second half of

the 13th century and, most likely, was used until the mid-14th century as indicated by a coin of Uzbek khan found during the cleaning of the western wall of the upper church in 1951.

Keywords: Crimea Southern Coast, Byzantium, one-nave churches, cemetery, funerary rite, radiocarbon analysis, stable isotope studies.

REFERENCES

- Bobinskiy A., 1894. Neskol'ko slov o mestnosti, prilgayushchey k razvalinam zamka v Gurzufe [Some words about the locality adjacent to castle ruins in Gurzuf]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii [Bulletin of Taurian scientific archive commission]*, 21. Simferopol: Tipografiya Tavricheskogo gubernskogo pravleniya, pp. 56–58.
- Bodaninskiy U. A., 1935. Cherkes-KermenskoyeukrepleniyeKyz-Kulleporazvedkam1933 g. [Cherkes-Kermen fortification Kyz-Kulle according to 1933 reconnaissance]. *Materialy Eski-Kermenskoy ekspeditsii 1931–1933 gg. [Materials of Eski-Kermen expedition, 1931–1933]*. Moscow; Leningrad: OGIz, pp. 81–87. (Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury imeni N. Ya. Marra [Bulletin of N. Ya. Marr State Academy for the history of material culture], 117.)
- Dombrovskiy O. I., 1968. Razvedki i raskopki na Yuzhnom beregu i v gornyykh rayonakh Kryma [Reconnaissance and excavations in Crimea Southern coast and mountainous regions]. *Arkheologicheskkiye issledovaniya na Ukraine v 1967 g. [Archaeological investigations in Ukraine in 1967]*, 2. P. P. Tolochko, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 51–52.
- Dombrovskiy O. I., 1974. Srednevekovyye poseleniya i «Isary» Krymskogo Yuzhnoberezh'ya [Medieval settlements and «Isary» of Crimean Southern coast region]. *Feodal'naya Tavrika [Feudal Taurica]*. S. N. Bibikov, ed. Kiev: Naukovadumka, pp. 5–56.
- Golofast L. A., Mastykova A. V., 2018. O polivnoy chashe v kontekste pogrebal'nogo obryada srednevekovoy khramovoy grobnitsy v Gorzuvitakh [On glazed cup in context of burial rite of medieval church burial vault in Gorzuvity]. *MAIET*, XXIII, pp. 359–395.
- Ioannisyan O. M., 2013. Odnofnyye khramy v arkhitekture Armenii i Vizantii (Konstantinopol, Malaya Aziya, Pont, Gretsia, Kipr). Funktsii i tipologiya [One-nave churches in architecture of Armenia and Byzantium (Constantinople, Asia Minor, Pontus, Greece, Cyprus). Function and typology]. *Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury [Byzantine in context of world culture]*. St. Petersburg: GE, pp. 64–116. (Trudy GE, LXIX.)
- Keppen P. I., 1837. O drevnostyakh Yuzhnogo berega i gor Tavricheskikh. (Krymskiy sbornik) [On antiquities of Tauria Southern coast and mountains. (Crimean annual)]. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. 415 p.
- Kharuzin A. N., 1890. Drevniye mogily Gurzufa i Gugusha (na Yuzhnom beregu Kryma) [Ancient graves of Gurzuf and Gugush (on Southern coast of Crimea)]. Moscow: Tipografiya Tovarishchestva A. Levenson i K. 102 p. (Izvestiya imperatorskogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii, LXIV. Trudy antropologicheskogo otdela, vol. XI, iss. 1.)
- Kuznetsov V. A., 2017. Nizhniy Arkhyz i ranneye pravoslaviye. Alanskaya eparkhiya v X–XII vekakh [Nizhniy Arkhyzand early Orthodoxy. Alan diocese in X–XII centuries]. Pyatigorsk: Sneg. 320 p.
- Mastykova A. V., 2018a. O vizantiyskom khrame v Gorzuvitakh: raskopki 2017 g. [On Byzantine church in Gorzuvity: 2017 excavations]. *XIX Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Traditsii i innovatsii [XIX Bosphorus readings. Cimmerian Bosphorus and barbaric world in Classical period and Middle Ages. Traditions and innovations]*. V. N. Zin'ko, E. A. Zin'ko, eds., comp. Simferopol; Kerch', pp. 292–298.
- Mastykova A. V., 2018b. Srednevekovyy kompleks (poseleniye, bazilika, mogil'nik) v Gurzufe (Respublika Krym, Yaltinskiy okrug) [Medieval assemblage (settlement, basilica, cemetery) in Gurzuf (Republic of Crimea, Yalta district)]. *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 [Cities, settlements, cemeteries. 2017 excavations]*. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IARAN, pp. 186–191. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 25.)
- Mastykova A. V., 2019a. Arkheologicheskkiye raskopki 2017–2018 gg. srednevekovogo khrama i mogil'nika v Gorzuvitakh [Archaeological excavations of medieval church and cemetery in Gorzuvity, 2017–2018]. *Krym – Tavrida. Arkheologicheskkiye issledovaniya v Krymu v 2017–2018 gg. [Crimea –*

- Taurida. Archaeological investigations in Crimea, 2017–2018*], II. S. Yu. Vnukov, O. V. Sharov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 378–395.
- Mastykova A. V., 2019b. Itogi issledovaniya mogil'nika Gorzuvity v 2018 g. [Results of research of Gorzuvita cemetery in 2018]. *XX Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnyye itogi i perspektivy issledovaniy [XX Bosphorus readings. Cimmerian Bosphorus and barbaric world in Classical period and Middle Ages. Main results and research perspectives]*. V. N. Zin'ko, E. A. Zin'ko, eds., comp. Simferopol; Kerch', pp. 370–376.
- Polevoy V. M., 1973. Iskusstvo Gretsii. Sredniye veka [Greek art. Middle Ages]. Moscow: Iskusstvo. 352 p.
- Repnikov N. I., 1904. Gurzuf i ego blizhayshiye okrestnosti v istoriko-arkheologicheskom otnoshenii [Gurzuf and its close vicinity in historical-archaeological aspect]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii [Bulletin of Taurian scientific archive commission]*, 36. Simferopol: Tavricheskaya gubernskaya tipografiya, pp. 37–42.
- Repnikov N. I., 1906a. Nekotoryye mogil'niki oblasti krymskikh gotov [Some cemeteries in the land of Crimean Goths]. *IAK*, 19, pp. 1–80.
- Repnikov N. I., 1906b. Raskopki v okrestnostyakh Gurzufa v 1905 godu [Excavations in Gurzuf vicinity, 1905]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii [Bulletin of Taurian scientific archive commission]*, 39. Simferopol: Tavricheskaya gubernskaya tipografiya, pp. 106–110.
- Repnikov N. I., 1907. Nekotoryye mogil'niki oblasti krymskikh gotov. Chast' II [Some cemeteries in the land of Crimean Goths. Part II]. *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostey [Notes of Imperial Odessa Society for history and antiquities]*, XXVII. Odessa: Ekonomicheskaya tipografiya i litografiya, pp. 101–148.
- Repnikov N. I., 1909. Razvedki i raskopki na Yuzhnom beregu Kryma i v Baydarskoy doline v 1907 godu [Reconnaissance and excavations in Southern coast of Crimea and Baydar valley, 1907]. *IAK*, 30, pp. 99–126.
- Romanchuk A. I., Sazanov A. V., Sedikova L. V., 1995. Amfory iz kompleksov vizantiyskogo Khersona [Amphorae from complexes of Byzantine Kherson]. Yekaterinburg. 173 p. (Srednevekovyy Kherson. Istoriya, stratigrafiya, nakhodka, 2.)
- Ryzhov S. G., 2004. Malye khramy-chasovni Khersonesa [Chersonese minor churches-chapels]. *Drevnosti 2004. Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik [Antiquities 2004. Kharkov historical-archaeological annual]*. Kharkov: Kharkovskoye istoriko-arkheologicheskoye obshchestvo, pp. 160–166.
- Talis D. L., 1977. Gorodishche Tepe-Kermen [Tepe-Kermen hillfort]. *KSIa*, 148, pp. 98–104.
- Tunmann G. E., 1936. Krymskoye khanstvo [Crimean khanate]. N. L. Ernst, S. L. Belyavskaya, eds. Simferopol: Gosudarstvennoye izdatel'stvo Krymskoy ASSR. 109 p.
- Yakobson A. L., 1951a. Otchet ob arkheologicheskoy razvedke srednevekovogo poseleniya i mogil'nika Gorzuvit (bl. Gurzufa) v 1951 g. [Report on archaeological reconnaissance at medieval settlement and cemetery Gorzuvit (near Gurzuf) in 1951]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Yakobson A. L., 1951b. Raskopki srednevekovogo poseleniya Gorzuvity v 1951 g. Al'bom illyustratsiy [Excavations of medieval settlement Gorzuvity in 1951. Album of illustrations]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Yakobson A. L., 1954. Razvedochnyye raskopki srednevekovogo poseleniya Gorzuvity [Testing excavations of medieval settlement Gorzuvity]. *KSIIMK*, 53, pp. 109–120.
- Yakobson A. L., 1970. Rannesrednevekovyye sel'skiyeposeleniya Yugo-Zapadnoy Tavriki [Early medieval rural settlements of Southwestern Taurica]. Leningrad: Nauka. 224 p. (MIA, 168.)

About the author

Mastykova Anna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: amastykova@mail.ru

М. В. Добровольская, А. В. Мастыкова

ИЗОТОПНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СКЕЛЕТНЫХ ОСТАНКОВ ЛЮДЕЙ
ИЗ ГРОБНИЦЫ ХРАМА В ГОРЗУВИТАХ:
ХРОНОЛОГИЯ, ОСОБЕННОСТИ ПИТАНИЯ, МОБИЛЬНОСТЬ

Резюме. Палеоантропологические материалы из коллективного погребения в храме в Горзувитах исследованы с целью получения сведений о времени функционирования гробницы. Минимальное число индивидов в гробнице – 20. Это мужчины, женщины и дети разных возрастов. Результаты радиоуглеродного датирования 14 образцов указывают использование погребального сооружения с VII по XII в. Однако анализ изотопного состава азота и углерода коллагена костной ткани дает основание предполагать значительный резервуарный эффект, обусловленный употреблением морских продуктов. Предполагаемый период функционирования гробницы XI–XIII вв. Судя по изотопным данным, основную долю обыденного рациона людей составляли растительные продукты, морская рыба, доля мясной и молочной пищи, скорее всего, была невелика. Эта структура питания находит аналогии в питании средневекового византийского населения с территории Греции. Данные об изотопном составе стронция эмали зубов позволяют предполагать, что все индивиды жили в сходных геохимических условиях, недавних мигрантов из отдаленных районов не встречено.

Ключевые слова: храмовая гробница, палеоантропологические материалы, Крым, византийское время, радиоуглеродное датирование, изотопный состав азота, углерода, стронция.

Изучение гробницы храма в Горзувитах (подробнее см. статью А. В. Мастыковой в этом выпуске) включает разностороннее исследование палеоантропологических материалов. Разборка скелетных останков в полевых условиях проходила по уровням, которых было выделено семь, что позволило выявить более ранние и более поздние этапы захоронений. Минимальное количество индивидов, обнаруженных в гробнице, – 20. Однако плохая сохранность скелетов

позволяет считать, что число их могло быть и большим. Известняк, из которого выполнена гробница, оказал пагубное влияние на скелетные останки людей, они сохранились во фрагментах. Частичному краниологическому описанию доступен лишь один мужской череп из самого позднего погребения¹. В исследовании привлечены методы, которые могут быть применены к материалам фрагментарной сохранности.

Половозрастной состав погребенных следующий: около 50 % составляют мужчины, доля женщин и детей – 23 и 27 %. Наличие всех половозрастных групп дает основание рассматривать усыпальницу как семейную. Однако явное численное преобладание мужчин зрелого возраста указывает на то, что преимущественно здесь погребены социально значимые персоны и их ближайшее окружение.

В наши задачи входило проведение исследований изотопного состава азота и углерода коллагена костной ткани для характеристики пищевых моделей и стронция из эмали зубов и костных фрагментов погребенных с целью оценки мобильности этой группы людей. Исследования изотопного состава коллагена также диктовались необходимостью дополнения данных радиоуглеродного датирования.

Сохранение стратиграфии погребений послужило хорошей основой для обсуждения вопросов времени функционирования гробницы. Останки последнего индивида находились прямо под каменным перекрытием, пустот и грунтовых прослоек в гробнице не было. Это дает нам основание предполагать, что ко времени помещения последнего индивида гробница была заполнена почти целиком, а останки предыдущих были в значительной степени или полностью скелетированы. В том случае, если бы в гробнице сохранились тела, объем необходимый для того, чтобы они поместились, был бы гораздо большим. После распада мягких тканей и «усадки» образовалось бы пустое пространство в верхней части погребального сооружения. Скорость распада мягких тканей, в среднем, занимает около 3–5 лет² (Марченко, Кононенко, 1991). Это замечание позволяет нам судить о постепенном, а не аккордном захоронении индивидов.

---

¹ Индивидуальная краниологическая характеристика из средневековой гробницы не может быть репрезентативной, поэтому мы не приводим измерения. Можно лишь отметить, что индивид мужского пола в возрасте около 40–49 лет характеризовался крупными продольным, поперечным и высотным диаметрами мозговой коробки, а также большой величиной минимальной и максимальной ширины лица. Крупные брахиморфные, высоко сводные черепа были отмечены среди захороненных в склепе византийского храма в с. Веселое (неподалеку от Сочи). Однако там же была отмечена высокая морфологическая мозаичность индивидов (Шведчикова и др., 2016. С. 113). Это, в свою очередь, не позволяет нам адресоваться к краниологическим материалам.

² Данные судебной медицины описывают, как правило, более традиционные ингуляции.

Радиоуглеродные даты и стабильные изотопы углерода и азота коллагена костной ткани людей из гробницы

Были собраны 14 образцов костной ткани, которые относятся ко всем этапам использования погребального сооружения: от самого раннего до заключительного (табл. 1). Радиоуглеродное датирование проведено в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН под руководством Э. П. Зазовской и Центре изотопных исследований Университета Джорджии (США). Отметим, что иных категорий материалов для датирования не было.

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования образцов коллагена костной ткани скелетов из гробницы храма на Горзувитах, проведенного в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и центра изотопных исследований Университета Джорджии (США)

№ обр.	IGAN _{AMS}	Образец	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	Дата ^{14}C , ВР (1 σ)	Датировки ^{14}C , CalBC, AD
1	6940	Костяк 1, уровень 1, корень нижнего резца, взрослый мужчина	7,86	-18,66	900±20	68,3 (1 σ) cal AD 1048–1086 0,572 1123–1137 0,156 1149–1167 0,272 95,4 (2 σ) cal AD 1042–1105 0,500 1117–1193 0,477 1196–1206 0,023 Median Probability: 1114
2	6941	Костяк 2 (на пороге), лопатка, взрослый мужчина	8,67	-18,59	1015±20	68,3 (1 σ) cal AD 997–1006 0,323 1011–1025 0,677 95,4 (2 σ) cal AD 998–1032 1,000 Median Probability: 1013
3	6942	Уровень 2, взрослый мужчина, фрагмент нижней челюсти	8,23	-18,38	985±20	68,3 (1 σ) cal AD 1018–1042 0,854 1107–1117 0,146 95,4 (2 σ) cal AD 997–1004 0,013 1011–1049 0,665 1085–1124 0,263 1137–1150 0,058 Median Probability: 1032
4	6943	Уровень 3. Ребенок до 3 лет, бедренная кость	10,17	-18,21	860±20	68,3 (1 σ) cal AD 1167–1208 1,000 95,4 (2 σ) cal AD 1058–1075 0,020 1154–1224 0,980 Median Probability: 1187
5	6944	Уровень 3, корень моляра, взрослый индивид	8,62	-18,19	1200±20	68,3 (1 σ) cal AD 774–779 0,053 789–830 0,547 837–868 0,407 95,4 (2 σ) cal AD 771–886 1,000 Median Probability: 825

Окончание табл. 1

№ обр.	IGAN _{AMS}	Образец	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	Дата ^{14}C , ВР (1 σ)	Датировки ^{14}C , CalBC, AD
6	6945	Уровень 4, корни 3-го моляра, мужчина 30–45 лет	7,46	-18,62	1145±20	68,3 (1 σ) cal AD 880–902 0,354 919–963 0,646 95,4 (2 σ) cal AD 778–790 0,047 806–842 0,075 861–972 0,878 Median Probability: 914
7	6946	Уровень 4, череп 12, младенец	9,65	-17,20	930±20	68,3 (1 σ) cal AD 1042–1055 0,161 1077–1106 0,375 1117–1153 0,463 95,4 (2 σ) cal AD 1036–1156 1,000 Median Probability: 1096
8	6947	Уровень 4, взрослый индивид, метакarpаль	7,68	-18,02	1180±20	68,3 (1 σ) cal AD 777–792 0,200 804–842 0,441 859–886 0,359 95,4 (2 σ) cal AD 773–893 0,995 934–936 0,005 Median Probability: 834
9	6948	Уровень 5, череп 15, ребенок, корень 2-го молочного моляра	10,02	-17,50	1010±20	68,3 (1 σ) cal AD 998–1004 0,192 1011–1028 0,808 95,4 (2 σ) cal AD 987–1037 1,000 Median Probability: 1016
10	6949	Уровень 5, взрослый индивид, корень верхнего клыка	7,85	-18,41	1090±20	68,3 (1 σ) cal AD 901–920 0,376 953–988 0,624 95,4 (2 σ) cal AD 894–932 0,362 936–996 0,628 1007–1011 0,010 Median Probability: 956
11	6950	Уровень 5, взрослый индивид, череп 16, корень 2-го моляра	8,75	-17,29	1395±20	68,3 (1 σ) cal AD 639–659 1,000 95,4 (2 σ) cal AD 614–663 1,000 Median Probability: 646
12	6951	Уровень 5, взрослый индивид, метатарзалия	8,33	-18,57	1100±20	68,3 (1 σ) cal AD 900–922 0,421 949–980 0,579 95,4 (2 σ) cal AD 893–989 1,000 Median Probability: 946
13	6952	Уровень 6, корни 2-го моляра	8,56	-17,73	1285±20	68,3 (1 σ) cal AD 682–713 0,563 744–765 0,437 95,4 (2 σ) cal AD 670–728 0,617 737–768 0,383 Median Probability: 713
14	6954	Уровень 7, взрослый мужчина, фаланга кисти	7,94	-18,16	1240±20	68,3 (1 σ) cal AD 692–747 0,777 762–776 0,202 794–797 0,021 95,4 (2 σ) cal AD 687–754 0,589 756–778 0,173 790–868 0,237 Median Probability: 739

Показатели соотношения углерода и азота, а также процентное соотношение углерода и азота в образцах дают нам основание считать сохранность коллагена хорошей. Результаты калиброваны (CALIB REV7.1.0³) (см. также: *Reimer et al.*, 2013), эффект фракционирования против тяжелых изотопов углерода учтен. В целом, полученные данные сохраняют вектор обратной стратиграфии: более ранние погребения расположены в более нижних слоях. Однако эта общая тенденция имеет ряд исключений.

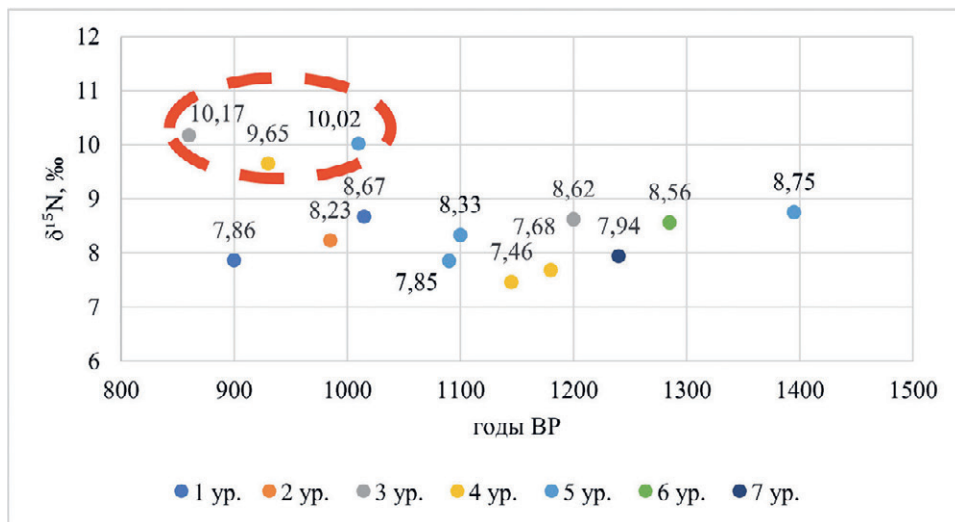
Заранее следует подчеркнуть, что, оперируя значениями ВР без ошибки и вероятностных допусков, мы, конечно же, сильно схематизируем данные радиоуглеродного анализа, поэтому те сопоставления, которые последуют дальше, имеют иллюстративный характер. Итак, временной разрыв между самой ранней и самой поздней датой составляет условные 385 лет. Точно такая же величина соответствует изменчивости данных в слое 5. Очевидно, что такая картина не соответствует реальности. Кости из верхних и нижних погребений не могли перемешаться в этом слое. Каковы же причины, повлиявшие на радиоуглеродные определения? Должны ли мы отнестись к этому как к «слабости» метода или можем извлечь из наших данных не только информацию о времени функционирования памятника, но и добавочную?

Для этого необходимо обратиться к характеристике образцов. Как отмечалось выше, все образцы происходят из скелетных тканей людей. Жители побережий, с большой степенью вероятности, используют в пищу морские продукты (рыбу и беспозвоночных). Это может существенно исказить радиоуглеродный возраст. Чем больше человек включен в морскую экосистему через пищу, тем значительно больше может деформироваться дата, полученная из образца его костной ткани. Какова вероятность того, что люди, погребенные в гробнице храма, употребляли кушанья из морских животных (рыбы, моллюски)?

Дельта углерода варьирует в пределах от -18,66 до -17,2 промилле. В этом проявляется явный сдвиг от значений, типичных для растений С3 типа фотосинтеза. Дальнейшая интерпретация неоднозначна. Этот сдвиг может быть вызван как употреблением растений С4 типа фотосинтеза (просо), так и морскими продуктами. Величины дельта азота находятся в зоне умеренных и низких значений и не позволяют нам выбрать одно из двух. Однако есть другая возможность. В выборке наших образцов есть три индивида, возраст которых не превышает три года, и потому в формировании своеобразия изотопного состава их коллагена важнейшую роль играло грудное молоко. Конечно, состав грудного молока также зависит от диеты матери. Но в любом случае влияние морского фактора будет сглажено. Величины дельта азота для всех трех детей характеризуются максимальными для группы величинами: 9,65‰, 10,12‰ и 10,02‰, что подтверждает наше мнение о высокобелковой диете детей «молочного» возраста (рис. 1). У взрослых индивидов изотопное соотношение азота ниже, величины варьируют. Это позволяет нам характеризовать питание взрослых индивидов как разнообразное, у части индивидов со значительным растительным

³ RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM CALIB REV7.1.0 Copyright 1986–2018.

Рис. 1. Радиоуглеродный возраст образцов коллагена костной ткани людей из семи уровней храмовой гробницы в Горзувитах и величины дельта азота. Овалом выделены детские погребения

компонентом, у части – смешанное. Однозначно можно заключить, что специализированных «мясоедов» среди них не обнаружено.

Можем ли мы судить о присутствии именно морской пищи в обыденном рационе этих людей? Обратим внимание на то, что самыми «древними» оказались те взрослые индивиды, у которых величина дельта азота выше 8,5 промилле и величина дельта углерода выше -17,5 промилле. Это нам позволяет предполагать, что эти взрослые люди употребляли морские продукты.

Рассмотрим даты, полученные по образцам детских скелетов. Они происходят из третьего, четвертого и пятого слоев. Как можно заметить по табличным данным, в каждом из этих слоев даты по образцам из детских скелетов оказываются наиболее поздними, так как, согласно нашему предположению, дети возраста грудного вскармливания минимально подвержены влиянию изотопного состава морских продуктов. Для образцов из скелетов взрослых людей наблюдается значительное «удревнение» даты.

Насколько велик резервуарный эффект? Обычно ответ на этот вопрос можно получить, сопоставив данные по костной ткани людей и животных, которые питаются по-разному. Для выявления резервуарного эффекта обычно используют данные о травоядных животных. Однако в гробнице храма нет никаких органических материалов, которые могли бы характеризовать наземные экосистемы времени использования погребального сооружения. Нет костей животных, угля, ткани и пр. Поэтому нам придется использовать косвенные свидетельства, чтобы оценить величину резервуарного эффекта.

Как уже отмечалось выше, разброс индивидуальных дат внутри одного слоя составляет от 240 до 385 лет. Нестабильность этого разброса, вероятно, связана с индивидуальными особенностями питания людей, погребенных в храме.

Литературные данные свидетельствуют о том, что резервуарный эффект в Черном море (прибрежная часть) составляет 415 ± 90 лет и близок к общему средиземноморскому. Величина вычислена по материалам раковин прибрежных морских моллюсков из коллекций XIX – начала XX в. (*Siani et al.*, 2000. P. 271). Мы имеем в виду, что эта величина не является константой и будет варьировать. Однако можно с уверенностью судить о значимом влиянии морской пищи на радиоуглеродный возраст.

Абсолютный возраст третьего слоя (по образцу из скелета ребенка) соответствует примерно концу XII в. – это самая поздняя дата с минимальным влиянием резервуарного эффекта (но не его отсутствием!!!). Даты самых верхних двух слоев с учетом резервуарного эффекта могут быть отнесены и к XIII в. После захоронения ребенка из слоя 3 прошло время погребений и скелетирования нескольких индивидов с сохранением стратиграфии и уплотнением напластования костных материалов. Это не могло произойти за короткое время, например, 10–20 лет. Поливная чаша из этого погребения не может быть датирована возрастом ранее середины – третьей четверти начала XIII в. (подробнее см. статью А. В. Мاستыковой в этом выпуске). Радиоуглеродная дата указывает на то, что последнее погребение было совершено в начале XII в. Является ли это противоречие непреодолимым на сегодняшний день?

Мы не можем в настоящее время точно определить степень влияния морской диеты на удревнение этой конкретной даты. Имея в виду величину резервуарного эффекта в 400 лет, можно предполагать, что действительная дата захоронения последнего индивида – середина – третья четверть XIII в. Приведенные здесь рассуждения не являются окончательным доказательством, но мы видим факты, указывающие на возможность датировать последнее погребение этим временем.

Какие суждения можно вынести относительно начала использования гробницы? Взрослые индивиды из слоев 6 и 7 (образцы 13 и 14) датированы первой половиной VIII в. Они характеризуются относительно высокими величинами дельта азота и углерода, поэтому у нас есть основания предполагать, что они употребляли морские продукты, и, соответственно, считать нижнюю дату сильно уравненной. Насколько? Если бы это был фрагмент костной ткани прибрежного морского беспозвоночного, мы бы могли предложить поправку примерно в 400 лет. Но человек употреблял в пищу не только морскую рыбу, но и продукты наземного происхождения, поэтому величина удревнения должна быть значительно меньше. Окончательные суждения о реальном возрасте начального погребения остаются делом будущих исследований. Очевидно одно: у нас есть все основания считать, что оно было совершено позже VIII в. Напомним, что в одном слое, радиоуглеродные даты расходятся более чем на 300 лет, резервуарный эффект сказывается очень активно. Вероятно, с учетом резервуарного эффекта, первые захоронения в гробнице были произведены не раньше XI века. Таким образом, есть основания сильно сократить предполагаемую длительность времени использования гробницы.

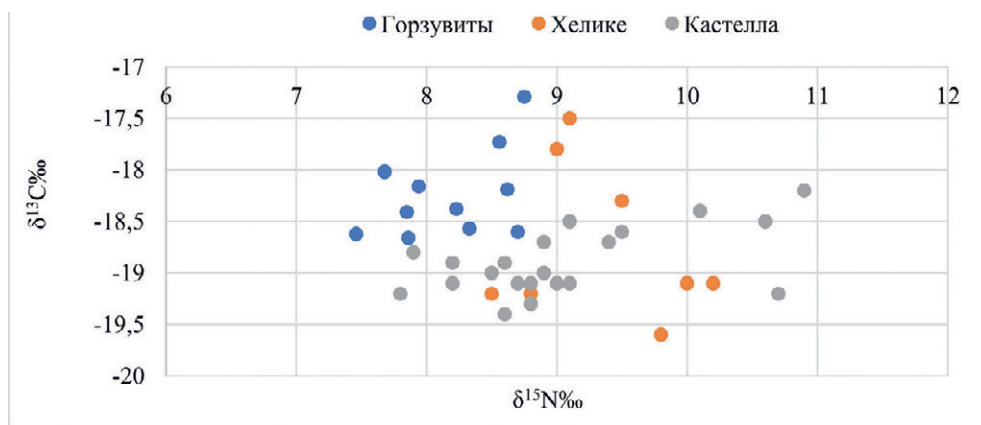
Полученные данные позволяют сопоставить маркеры питания людей из гробницы храма на фоне изменчивости изотопных показателей групп населения Византии. Наиболее многочисленны сведения с территории современной Греции. Групповые характеристики приведены в табл. 2. В целом, питание сельских

и городских групп населения с побережий из внутренних районов характеризуется умеренным потреблением белков, существенным компонентом растительной пищи, основанной на употреблении растений С3 типа фотосинтеза и той или иной доле морских продуктов. Появление морских продуктов (рыбы) в обыденном рационе отличают питание людей византийского времени от римского. Исследователи связывают причины этого изменения с особой ролью рыбы и постов в культуре христианской кухни Византии (*Bourbou, Richards, 2011. P. 569*).

Таблица 2. Изотопный состав коллагена костной ткани людей из средневековых византийских погребений с территории Греции и из погребений гробницы храма на Горзувитях

Памятник	Локализация	Датировка	$\delta^{13}\text{C}\text{‰}$	$\delta^{15}\text{N}\text{‰}$	Источник
Кастелла, Крит	побережье	XI в.	-18,8	9,1	<i>Bourbou, Richards, 2007</i>
Стилос, Крит	недалеко от побережья	XI–XII вв.	-18,8	9,4	« »
Немея, Пелопоннес	« »	XII–XIII вв.	-19,0	8,7	<i>Garvie-Lok, 2001</i>
Петрас, Крит	побережье	XII–XIII вв.	-19,2	9,5	« »
Хелике, Пелопоннес	« »	XIV–XV вв.	-18,7	9,3	<i>Borstad, Garvie-Lok, Katsonopoulou, 2018</i>
Горзувиты, Крым	« »	XI–XIII (?) вв.	-18,2	8,2	Наши данные

Индивиды из гробницы храма в Горзувитях также характеризуются низкими величинами дельта азота в сочетании с высокими показателями дельта углерода (рис. 2).

Рис. 2. Индивидуальные значения изотопных соотношений азота и углерода в образцах из византийских памятников

Местные жители или мигранты: изотопы стронция в скелетах и среде

С целью охарактеризовать мобильность людей, погребенных в храме в Горзувитах, были определены изотопные соотношения стронция ($\text{Sr}^{87}/\text{Sr}^{86}$) в грунте захоронения, листьях кустарника, росшего в непосредственной близости от храма, эмали зубов и костной ткани с целью оценки прижизненной мобильности погребенных. Аналитические работы выполнены во ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского Е. С. Богомолковым. Как известно, соотношение указанных изотопов стронция в среде определяется, прежде всего, геологическими породами, оказывающими наиболее значимое влияние на формирование тканей местных пищевых растений и животных, а также на состав воды. Кроме того, существуют факторы, корректирующие непосредственное влияние наиболее распространенных пород, собственно биологические механизмы, которые также могут трансформировать изотопный состав живого вещества по сравнению с минеральной средой. А посмертные процессы могут приводить к нарушению «минеральной идентичности» скелета. Количество публикаций, приводящих данные по стронциевому составу скелетных тканей людей и животных, очень велико и, вероятно, заслуживает стать темой самостоятельной публикации. Солидный обзор основных сложностей, связанных со сбором материала и интерпретацией результатов, опубликован А. Бентли (*Bentley*, 2006). Несмотря на то что с тех пор прошло более 10 лет и объем полученных данных умножился в несколько раз, тезис о невозможности выработки «стандарта» в интерпретациях результатов остается актуальным. Чем больше подробностей известно о каждом образце и обстоятельствах его нахождения, тем более надежной может стать реконструкция прижизненной подвижности индивида.

Для образцов брались преимущественно фрагменты эмали зубов от скелетов определенного возраста, пола и стратиграфического положения. В том случае, когда образец эмали отсутствовал, мы брали полностью сохранный кость (чаще всего фалангу или кости плюсны и запястья).

Результаты определений отражены на рис. 3. Как хорошо видно на диаграмме, значения, полученные для грунта, сильно отличаются от значений в биологических объектах. Это можно рассматривать как одно из свидетельств того, что посмертные изменения не привели к разрушению прижизненных характеристик и нивелировке изотопных соотношений в материалах биологических и минеральных. Общая изменчивость полученных показателей укладывается в рамки от 0,7092 до 0,7111. Вопрос о сохранности материала отчасти решается и сопоставлением значений, полученных по кости и по эмали зубов. Можно заметить, что величины, полученные для костной ткани, несколько «сдвинуты» в сторону характеристик грунта (рис. 3). Возможно – это следствие влияние посмертных изменений. Величины, полученные для образцов эмали зубов, варьируют от 0,7092 до 0,7101. Таким образом, для группы из гробницы характерна низкая индивидуальная изменчивость, что дает основание предполагать, что погребенные в усыпальнице – преимущественно местные уроженцы. Отметим, что 0,790 – соотношение равное условному стандарту морской воды. Возможно, это обстоятельство, а также доказанное выше использование

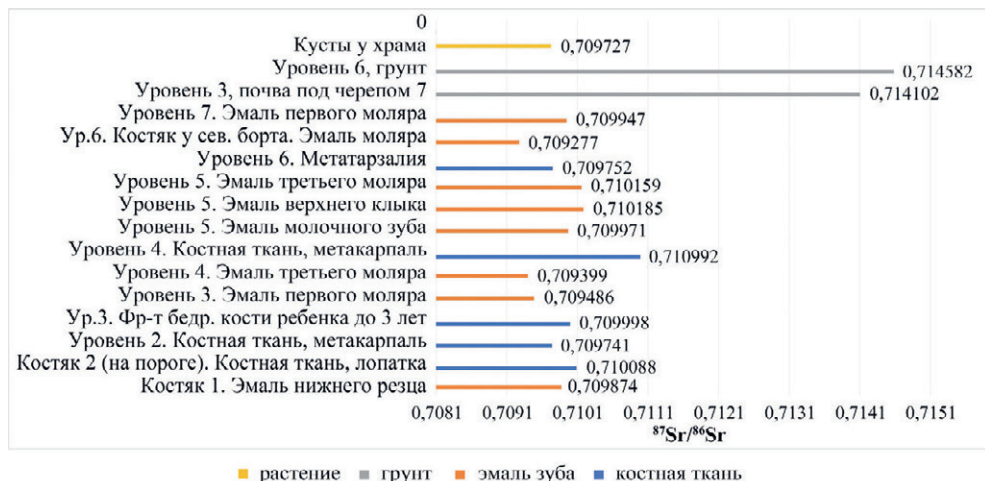

Рис. 3. Величины изотопных соотношений стронция в грунте, эмали зубов и костных образцах

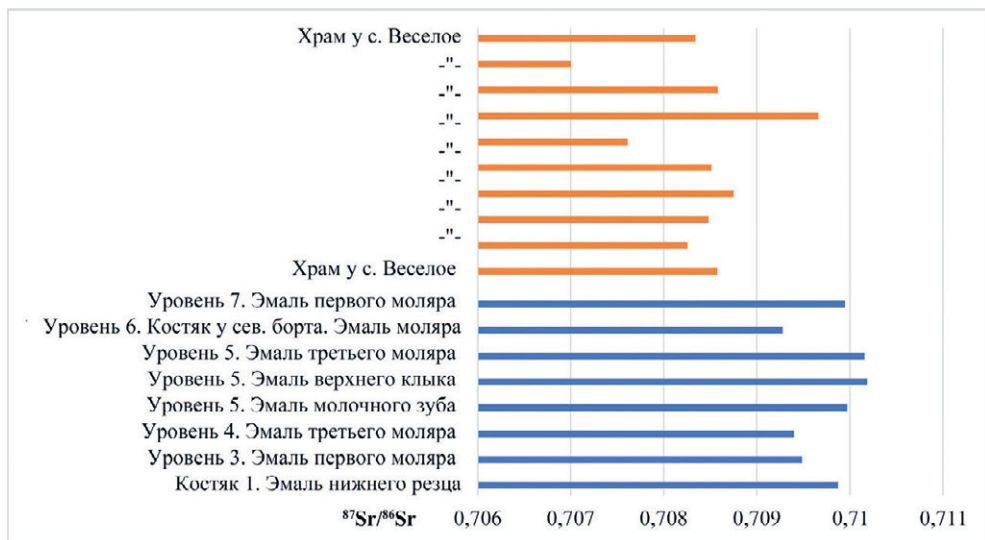

Рис. 4. Индивидуальная изменчивость в образцах из гробницы храма в Горзувитах и в храме у с. Веселое

морских пищевых продуктов ставит нас в достаточно трудное положение с параметрами, которые нам нужно найти для выявления критерия «местный» и «неместный». Сама по себе эта задача сложна, а трофическая связь с морем ее еще усложняет.

Недавно были опубликованы данные об изотопных показателях погребенных из склепа и других видов захоронений византийского храма у с. Веселое (*Шведчикова и др., 2016*). Сопоставление данных с очевидностью демонстрирует более компактное расположение показателей для индивидов из храма в Горзувитах (рис. 4). Эта компактность тем более важна, что пестрый геологический фон Крыма предполагает резкие изменения средовых показателей. Поэтому первые результаты исследования изотопного состава эмали зубов и костей свидетельствуют об отсутствии среди изученных индивидов уроженцев отдаленных территорий.

Заключение

Останки погребенных из усыпальницы в храме в Горзувитах исследовались с целью охарактеризовать хронологию ее заполнения, прежде всего. Прямое радиоуглеродное датирование палеоантропологических материалов из приморских районов сопряжено с вероятностью столкнуться с эффектом древнего углерода в морских экосистемах. Сопоставление данных радиоуглеродного датирования, стратиграфии половозрастных и изотопных параметров исследованных материалов позволило заключить, что заполнение усыпальницы началось позже VIII в. Разброс дат в одном стратиграфическом слое погребения составляет от 240 до 380 лет. Вероятно, в этих границах и находится поправка, которую следует вводить, определяя начало заполнения гробницы, т. е. с учетом резервуарного эффекта, первые захоронения были, по всей видимости, произведены не раньше XI в. Последнее погребение также должно быть омоложено в этих же пределах. Поэтому можно считать, что датировка – середина – третья четверть XIII в., обоснованная А. В. Мастыковой (см. статью в этом выпуске), согласуется с полученными данными радиоуглеродного анализа. Изотопный состав коллагена костной ткани указывает на связь с морскими пищевыми источниками, умеренное употребление животных белков. Такая пищевая модель отмечена в ряде средиземноморских популяций средневековья. Изменчивость показателей изотопного состава стронция костной ткани и эмали зубов указывает на сходные геохимические условия периода детства людей, погребенных в усыпальнице. Эта группа людей жила на одной компактной территории и в начальную, и в конечную пору использования усыпальницы. Использование независимых подходов в получении более объемной исторической картины позволит совместить изучение византийской архитектуры, христианской погребальной обрядности и образа жизни людей, представлявших средневековые христианские общины Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

- Марченко М. И., Кононенко В. И., 1991. Практическое руководство по судебной энтомологии. Харьков. 69 с.
- Шведчикова Т. Ю., Харламова Н. В., Рассказова А. В., Чагаров О. С., 2016. Средневековое население Северо-Восточного Причерноморья (по материалам раскопок христианского храма у с. Веселое IX–XI вв.) // Вестник антропологии. Вып. 2 (34). С. 94–115.
- Bentley R. A., 2006. Strontium Isotopes from the Earth to the Archaeological Skeleton: A Review // Journal of Archaeological Method and Theory. Vol. 13. No. 3. P. 135–187.
- Borstad C., Garvie-Lok S., Katsonopoulou D., 2018. Diet at ancient Helike, Achaia, Greece based on stable isotope analysis: From the Hellenistic to the Roman and Byzantine periods // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 18. P. 1–10.
- Bourbou C., Fuller B., Garvie-Lok S., Richards M., 2011. Reconstruction the diets of Greek Bizantine populations (6th–15th Centuries AD) using carbon and nitrogen stable isotope ratios // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 146. Iss. 4. P. 569–581.
- Bourbou C., Richards M., 2007. The Middle Bizantine menu: paleodietary information from isotopic analysis of humans and fauna from Kastella, Crete // International Journal of Osteoarchaeology. Vol. 17. Iss. 1. P. 63–72.
- Garvie-Lok S., 2001. Diet and mobility in Medieval Greece based on bone stable isotope ratios // American Journal of Physical Anthropology. Suppl. 32. P. 68–86.
- Reimer P. J., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Buck C. E., Cheng H., Edwards R. L., Friedrich M., Grootes P. M., Guilderson T. P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T. J., Hoffmann D. L., Hogg A. G., Hughen K. A., Kaiser K. F., Kromer B., Manning S. W., Niu M., Reimer R. W., Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Staff R. A., Turney C. S. M., van der Plicht J., 2013. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon. Vol. 55. No. 4. P. 1869–1887.
- Siani S. I., Paterne M., Maurice Arnold M., Bard E., Métivier B., Tisnerat N., Bassinot F., 2000. Radiocarbon reservoir ages in the Mediterranean sea and Black Sea // Radiocarbon. Vol. 42. No. 2. P. 271–280.

Сведения об авторах

Добровольская Мария Всеволодовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: DobrovolskayaMV@iaran.ru; mk_pa@mail.ru

Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: amastykova@mail.ru

M. V. Dobrovolskaya, A. V. Mastykova

STABLE ISOTOPE STUDIES OF THE DECEASED
FROM THE SEPULCHRAL VAULT AT GORZUVITY:
CHRONOLOGY, DIET PATTERN AND MOBILITY

Abstract. Palaeoanthropological remains from a multiple grave in the church at Gorzuvity have been examined to obtain information about the time the sepulchral vault was in operation. The minimum number of the individuals in the grave is 20. These are males, females and children of various ages. The radiocarbon dating of 14 samples demonstrates that the funerary construction was used from the 7th till the 12th centuries. However, the analysis of the nitrogen and carbon isotopes in the bone tissue collagen suggests a strong reservoir effect caused by consumption of marine food. The tentative

period of the vault operation ranges between the 11th and 13th centuries. Based on the stable isotope data, plant food and sea fish accounted for the largest part of everyday human dietary intake; the share of meat and milk products is likely to have been low. This diet pattern finds analogies in the diet system of medieval Byzantine population in Greece. The data on the isotope composition of strontium from tooth enamel suggest that all individuals lived in similar geochemical conditions; no non-locals from far-away regions have been identified.

Keywords: church sepulchral vault, palaeoanthropological remains, Crimea, Byzantine period, radiocarbon dating, nitrogen, carbon and strontium isotope composition.

REFERENCES

- Marchenko M. I., Kononenko V. I., 1991. *Prakticheskoye rukovodstvo po sudebnoy entomologii* [Practical guide to forensic entomology]. Khar'kov. 69 p.
- Shvedchikova T. Yu., Kharlamova N. V., Rasskazova A. V., Chagarov O. S., 2016. Srednevekovoye naseleniye Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya (po materialam raskopok khristianskogo khrama u s. Veseloye IX–XI vv.) [Medieval population of Northeastern Pontic region (based on materials of excavations of Christian church near village Veseloye IX–XI cc.)]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of anthropology], 2 (34), pp. 94–115.

About the authors

Dobrovolskaya Mariya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova st., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: DobrovolskayaMV@iaran.ru; mk_pa@mail.ru

Mastykova Anna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova st., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: amastykova@mail.ru

Д. С. Коробов, В. Ю. Малашев, Й. Фассбиндер

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕАЛАНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ IV в. н. э. В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ¹

Резюме. В работе публикуются два новых комплекса с катакомбными захоронениями под курганными насыпями, исследованные в 2019 г. в Моздокском р-не РСО-Алания на курганном некрополе «Киевский I». Коллективом разработан ряд методических приемов по выявлению и локализации подкурганных катакомб на материалах архивной аэрофотосъемки и космоснимков, а также последующего магнитометрического обследования, позволяющего выявить погребальные ровики и захоронения в катакомбах. Проведенные археологические раскопки по результатам геофизических изысканий позволили исследовать две подкурганные катакомбы и одно захоронение в яме. Раскопанные захоронения датируются в рамках второй и третьей четвертей IV в. н. э. и хорошо вписываются в контекст известных на сегодняшний день погребений раннего этапа аланской культуры Среднего Терека, образующих своеобразный локальный вариант древностей алан II–IV вв. н. э.

Ключевые слова: Северный Кавказ, ранний этап аланской культуры, магнитометрическое обследование, подкурганные катакомбы.

Одним из наиболее ярких культурных феноменов на территории Центрального Предкавказья в эпоху, предшествующую Великому переселению народов, являются древности раннего этапа аланской культуры. Открытые около 150 лет назад подкурганные захоронения в Т-образных катакомбах на равнинной территории Чечни и Южного Дагестана (Отчет Императорской Археологической комиссии..., 1891. С. CCLV–CCLX; Русов, 1882; Цилоссани, 1882) стали своеобразной «визитной карточкой» погребального обряда алан накануне гуннского нашествия (Габуев, Малашев, 2009. С. 148, 149). В настоящий момент известно более полутора тысяч раскопанных захоронений в катакомбах Центрального

---

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РФФИ № 18-00-00398.

Предкавказья второй половины II – IV в. н. э., происходящих почти из полутора десятков могильников. Между тем, несмотря на длительную историю изучения данного феномена, по-прежнему остается ряд дискуссионных вопросов о времени сложения аланской археологической культуры, основных культурных компонентах, сыгравших ключевую роль в ее формировании, о ее детальной хронологии и локальных вариантах.

Решению некоторых из перечисленных вопросов посвящена исследовательская работа нашего коллектива по мультидисциплинарному изучению памятников ранних алан на Северном Кавказе. Одним из направлений этой работы стало комплексное исследование подкурганных катакомбных захоронений с использованием данных дистанционного зондирования и методов геофизического обследования.

Коллективом разработан ряд методических приемов по выявлению и локализации подкурганных катакомб на материалах архивной аэрофотосъемки и последующего магнитометрического обследования при исследовании курганного могильника Левоподкумский 1 в северной части Кисловодской котловины (*Коробов и др.*, 2014). Курганные насыпи, практически полностью распаханные в советское время, тем не менее выявляются в виде осветленных пятен на снимках с воздуха. Последующее геофизическое обследование скоплений этих пятен позволяет выявить погребальные ровики, а также захоронения в катакомбах за счет усиления намагниченности и обогащения магнитным полем гумусированного заполнения углубленных конструкций рвов и затекшего грунта в грабительских лазах во входных ямах катакомбных сооружений. Данная методика была использована при исследовании участка курганного могильника «Киевский I» на окраине одноименного села в Моздокском районе Республики Северная Осетия – Алания весной-летом 2019 г.

Данный могильник был выбран для комплексных исследований по нескольким причинам. Одной из главных задач являлось уточнение культурно-хронологических особенностей моздокской группы памятников Среднего Терека раннего этапа аланской культуры. В момент проведения комплексных работ южная окраина курганного могильника исследовалась в ходе охранно-спасательных раскопок, проводившихся в зоне строительства магистрального газопровода Моздок – Грозный (раскопки В. Ю. Малашева – см. сайт ИА РАН, Кавказская экспедиция 2019 г.). Полученные в процессе этих раскопок материалы отражают наиболее поздний этап функционирования курганного могильника «Киевский I», поскольку исследованный участок расположен на периферии некрополя, примерно в 2,5 км к юго-западу от одноименного городища. Целью наших исследований был участок могильника, расположенный ближе к Киевскому городищу, находящийся на расстоянии около 2 км к западу от него. Здесь предположительно должны располагаться катакомбные захоронения более раннего времени по сравнению с южной окраиной некрополя.

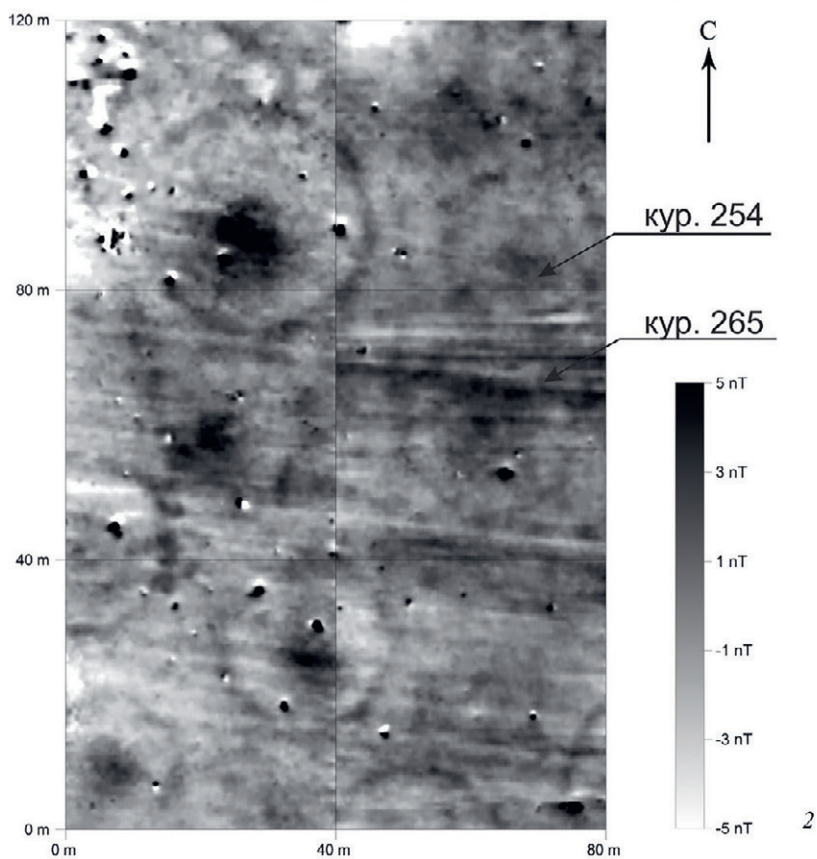
Для проведения исследования был выбран участок пустоши, находящийся с восточной стороны от сельского кладбища, расположенного к северу от автомобильной трассы Моздок – Кизляр. На фрагменте космического снимка, сделанного 27.07.2017 и доступного на геосервисе Google.Earth, видны многочисленные курганные насыпи, занимающие пространство к востоку и юго-востоку

от кладбища (рис. 1: 1). Здесь был разбит участок магнитной съемки размерами 80×120 м. Магнитометрическая съемка проводилась в мае 2019 г. с использованием цезиевого магнитометра Geometrics G858 двухсенсорной конфигурации. Расстояние между профилями составляло 0,5 м, а шаг измерений – 0,125 м. Используемая методика съемки и характеристики прибора дают возможность достигать как высокую скорость измерений сигнала (до 10 в секунду), так и высокую чувствительность (до ± 10 пТл), что способствует получению четкой картины подземных слоев почвы с высоким разрешением изображения. За короткий срок в течение одного рабочего дня была пошагово измерена площадь около 1 га участками размером 25×25 см.

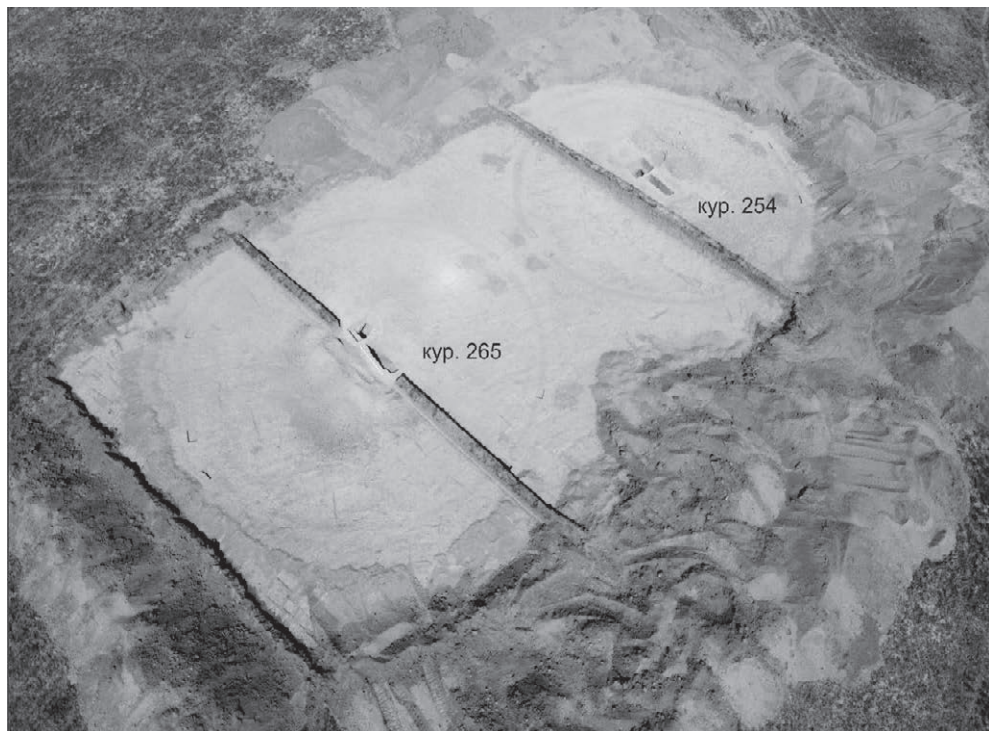
По результатам магнитометрической съемки был выявлен ряд курганных насыпей, окруженных кольцевыми в плане ровиками с перемычками. Некоторые из насыпей видны на поверхности, несмотря на частичную распашку, проводившуюся в советское время. Курганные насыпи могильника проявляются при магнитометрической съемке в виде линейных положительных аномалий округлой формы, соответствующих более гумусированному затечному заполнению ровиков, ограничивавших насыпи (рис. 1: 2). Аномалии не имеют ярко выраженных границ, края их расплывчаты, контрастность невелика. Тем не менее они проявляются за счет небольшой разницы в заполнении ровиков слегка гумусированным суглинком, который практически не фиксируется визуально при зачистке материковой поверхности, однако наблюдается в ходе проведения низковысотной аэрофотосъемки (рис. 2). В центре округлых аномалий, как правило, присутствует более яркое пятно, соответствующее гумусированному затечному заполнению грабительских лазов, впущенных в древности во входные ямы катакомбных захоронений (рис. 1: 2). Это наблюдение было сделано нами в 2012 г. при проведении магнитометрической съемки участка курганного могильника Левоподкумский 1 близ Кисловодска (Коробов и др., 2014. С. 123) и полностью подтвердилось в ходе раскопок подкурганных захоронений могильника «Киевский I».

Не менее восьми курганных насыпей полностью попадают в участок проведенной магнитометрической съемки, еще пять насыпей оказываются в пределах данного участка частично. Для проведения археологических раскопок с целью проверки результатов геофизического обследования были раскопаны две курганные насыпи – № 254 и 265² (рис. 1: 2). Каждый курган раскапывался с использованием техники, с оставлением широтной бровки, проходящей через предполагаемый центр кургана, вписанной в сетку квадратов геофизического обследования. Все нивелировки и привязки осуществлялись от реперов – центров курганов.

² Нумерация курганных насыпей приводится в соответствии с топографическим планом могильника, выполненным ООО «Археологическое общество Кубани» в результате предпроектных разведочных работ в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок – Грозный» (Ким, 2017).

Рис. 1. Фрагмент космоснимка с геосервиса Google.Earth (1) с участком геофизического обследования курганного могильника «Киевский I» (обозначен красным прямоугольником) и результаты магнитометрии, проведенной Й. Фассбиндером (2)

Рис. 2. Низковысотный аэрофотоснимок раскопанных курганов могильника «Киевский Б», осуществленный с беспилотного летательного аппарата

Курган 254

Находился в северо-восточном квадрате участка геофизического обследования, несколько выходя за его пределы в южную сторону (рис. 1: 2; 2). Насыпь кургана подвергалась постоянной многолетней распашке. Поверхность покрыта травянистой растительностью. Видимых повреждений не имела. Насыпь округлой в плане формы диаметром 24 м и высотой 0,4 м от уровня современной дневной поверхности.

После снятия насыпи кургана и проведения зачистки материковой поверхности был сделан ряд находок (несколько фрагментов сосудов и зуб животного), расположение которых в пространстве курганной насыпи соотносилось с заполнением ровика. Ровик в плане кольцевой формы диаметром на уровне зачистки по внутреннему контуру – 22,5 м, по внешнему – 24 м. Ровик имел две перемычки – с юго-юго-запада и с северо-северо-востока – шириной соответственно 1,4 и 1,5 м. В сечении ровик трапециевидной формы с плавным расширением контура на высоте 0,1–0,2 м от дна. Ширина ровика на уров-

не материка – 0,35–0,40 м, по дну – 0,25–0,30 м. Ровик заглублен в материк на глубину до 0,2 м. Глубина ровика от уровня погребенной почвы ориентировочно составляла до 0,9 м, ширина на уровне древнего горизонта – 0,5 м. Курган содержал два погребения: центральное катакомбное захоронение № 1, находившееся в центральной части кургана, и периферийное ямное погребение № 2 в северной стороне кургана.

Погребение № 1. В центре ровика, на глубине -112 – -114 см от репера, было зачищено пятно входной ямы катакомбы. Катакомба (рис. 3: 1) в древности была ограблена через входную яму, о чем свидетельствует грабительская воронка возле западной стенки, прослеживающаяся в ее заполнении.

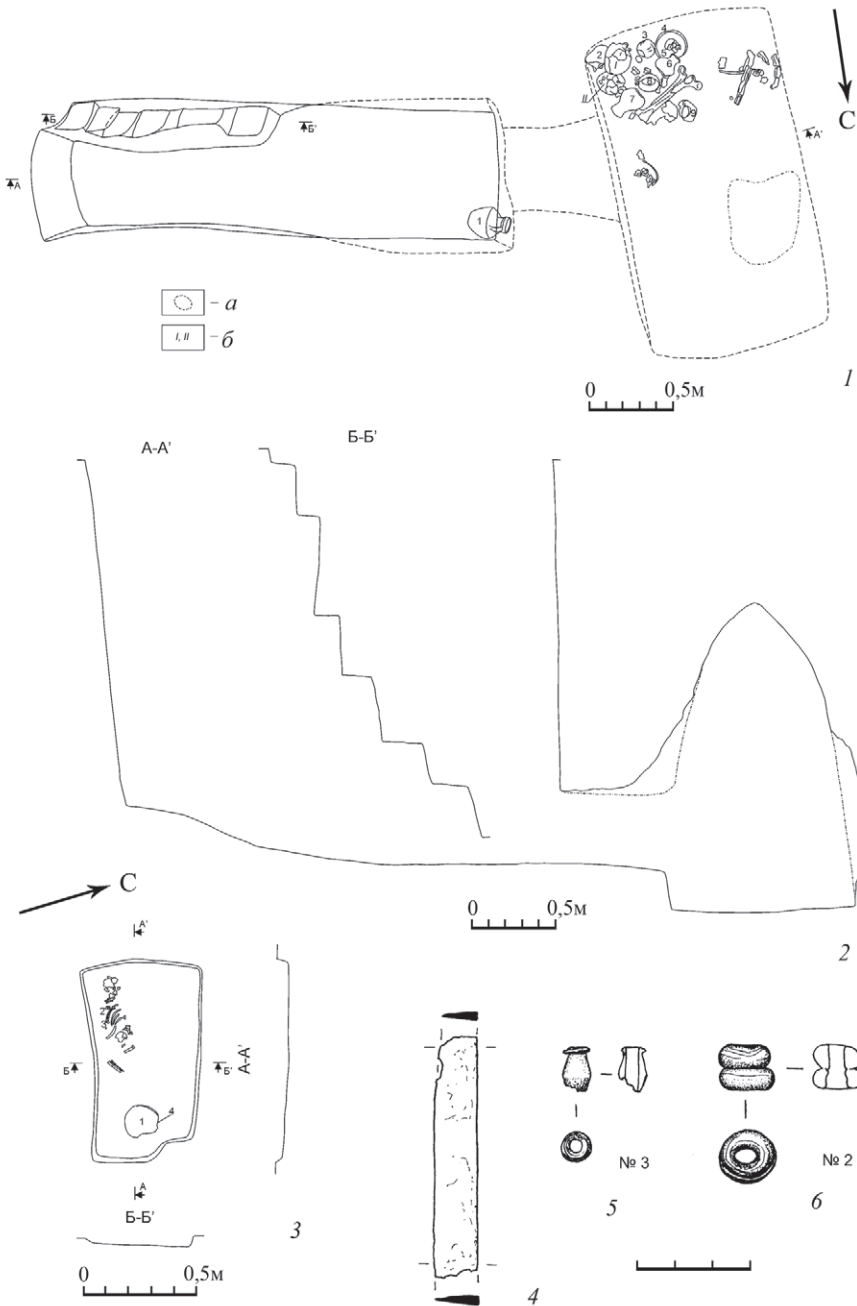
Входная яма первоначально была прямоугольной в плане формы с незначительным сужением в средней части, размерами на уровне зачистки $2,75 \times 0,8$ м, ориентирована длинной осью по линии восток – запад с незначительным отклонением (рис. 3: 1). Стенки, кроме восточной наклонной, практически вертикальные. Вдоль южной стенки были сделаны семь ступенек (включая верхнюю, находившуюся в слое погребенной почвы), образующих «лестницу» общей длиной около 1,4 м, учитывая верхнюю ступеньку, сделанную в погребенной почве (рис. 3: 1, 2). Высота ступенек – 29, 58, 40, 40, 30 и 34 см.

На уровне дна входная яма имеет длину 2,6 м, она трапецевидной в плане формы с выраженным расширением – 0,85 м – в западной части у входа в камеру, у задней стенки – 0,55 м. Дно имеет выраженное понижение на расстоянии 1,6 м от задней стенки, далее оно практически горизонтальное (рис. 3: 2). Глубина входной ямы – -351 см от репера, от уровня зачистки – -2,37 м. Стенки входной ямы в придонной части тщательно заглажены.

У передней стенки камеры справа от входа в придонной части заполнения (25 см от дна) входной ямы найден сероглиняный кувшин со сливом в виде прогиба венчика, высоким цилиндрическим в верхней части горлом, сужающимся в нижней трети и плавно переходящим в плечики, сфероконическим туловом и слегка вогнутым узким дном (рис. 5: 3). Вход в камеру округлой формы шириной 0,5 м и высотой 0,4 м. В камеру ведет дромос длиной 0,45 м.

Камеру от входной ямы отделяла ступенька высотой 0,2 м. Камера прямоугольной в плане формы с хорошо выраженными углами размерами $2,05 \times 1,15$ м. Дно камеры практически горизонтальное. Глубина дна – -380 см от репера. Стенки камеры местами тщательно заглажены. Свод стрельчатой формы высотой 1,8 м (рис. 3: 2), на своде фиксируются следы рабочей части орудий шириной 3–4 см. Длинные оси входной ямы и камеры сопрягаются под углом, близким к прямому. Камера ориентирована длинной осью по линии север – юг и незначительно смещена к северу от длинной оси входной ямы. Она была заполнена примерно на 30 см от дна затекшим из грабительской ямы грунтом, при снятии которого обнаружена часть человеческих костей и фрагмент железной бритвы (рис. 3: 4).

Большая часть предметов инвентаря и костей погребенных зафиксирована на дне камеры, преимущественно слева от входа (рис. 3: 1). Положение и ориентировка погребенных не восстанавливаются. На дне у западной стенки зафиксировалось пятно тлена белого цвета от органической подстилки размерами $0,4 \times 0,5$ м.

Рис. 3. Курган 254. Погребение 1

1 – план (цифрами обозначены: 1 – кувшин; 2 – фрагменты горшка; 3 – кружка; 4 – миска; 5 – астрагалы; 6, 7 – кувшинчик; 8, 9 – кружки. Условные обозначения: а – органический тлен растительного происхождения; б – номера черепов); 2 – разрезы; 4 – ф-т железной бритвы. Погребение 2: 3 – план (цифрами обозначены: 1 – ф-т миски; 2, 3 – бусины стеклянные; 4 – ф-т кружки); 5, 6 – стеклянные бусины

В юго-восточном углу камеры найден крупный фрагмент верха горшка с резко отогнутым наружу венчиком; место максимального расширения тулова декорировано двумя широкими горизонтальными желобками (рис. 6: 1).

Западнее находилась кружка с сужающимся в средней части горлом, плавно переходящим в плечики, эллипсоидным туловом и узким дном; плечики и тулово орнаментированы неглубокими широкими несмыкающимися каннелюрами. Ручка крепилась к средней части тулова с помощью штифта через отверстие в стенке; отбита в древности, место скола зашлифовано. На дне рельефное клеймо в виде квадрата (рис. 5: 7).

Там же обнаружена миска с загнутым внутрь бортиком, через ребро переходящим в прямые стенки, и плоским дном (рис. 6: 2), в которой лежали 4 астрагала.

На миске находился кувшинчик с сужающимся в средней части горлом, плавно переходящим в плечики, эллипсоидным туловом и относительно широким вогнутым дном; ручка расположена на плечиках, верхний прилеп оформлен в виде высокого, уплощенного в сечении выступа (рис. 5: 4). Второй кувшинчик, морфологически близкий первому, но более высоких пропорций (рис. 5: 1), найден рядом; под его ручкой процарапано граффити в виде пояса, заполненного косыми линиями (рис. 5: 2).

Между кувшинчиками обнаружена кружка полусферической формы с петлевидной зооморфной ручкой в виде головы кабана. В верхней части тулово орнаментировано поясом наклонных оттисков зубчатого штампа, ниже которого – декор в виде вертикальных несмыкающихся каннелюр (рис. 5: 6). Рядом находилась еще одна кружка (рис. 5: 5) с низким вертикальным венчиком, эллипсоидным туловом, плоским дном и ручкой, крепящейся нижним прилепом к плечикам, верхним – к венчику, возвышаясь над его плоскостью.

По антропологическому определению С. Ю. Фризена и И. К. Решетовой, в погребении № 1 обнаружены кости и черепа двух скелетов: взрослого индивида (с кольцевой деформацией, валиком в области *bregma* и постбрегматическим вдавлением) и ребенка Inf I (?).

Погребение № 2 находилось в 1,7 м к северу от погребения № 1 и было совершено в яме, морфологически напоминающей входную яму катакомбы. Яма прямоугольной формы с незначительным сужением в средней части и уступом в контуре юго-восточного угла ориентирована длинной осью по линии запад – северо-запад – восток – юго-восток (рис. 3: 3). Размеры по дну – 0,9 × 0,5–0,4 м. Стенки сохранились на высоту до 6 см. Погребенный (ребенок) находился у юго-юго-западной стенки и был положен в скорченном положении на правом боку головой на запад – северо-запад. Ноги были согнуты в тазобедренных суставах под прямым углом, в коленных – под острым. Кости рук не сохранились.

В районе шеи найдены две стеклянные бусины: двухчастная из непрозрачного черного стекла с ярко выраженным перехватом (рис. 3: 6) и фрагмент удлиненной бусины биконической формы с выраженной закраиной из непрозрачного стекла темно-коричневого цвета (рис. 3: 5). У восточной стенки находилась миска с загнутым внутрь бортиком, через ребро переходящим в слегка выпуклые стенки, вогнутым дном и рельефным клеймом в виде двух концентрических

окружностей (рис. 5: 9). Под ней обнаружен фрагмент нижней части кружки, орнаментированной в месте максимального расширения тулова горизонтальным желобком (рис. 5: 8).

Курган 265

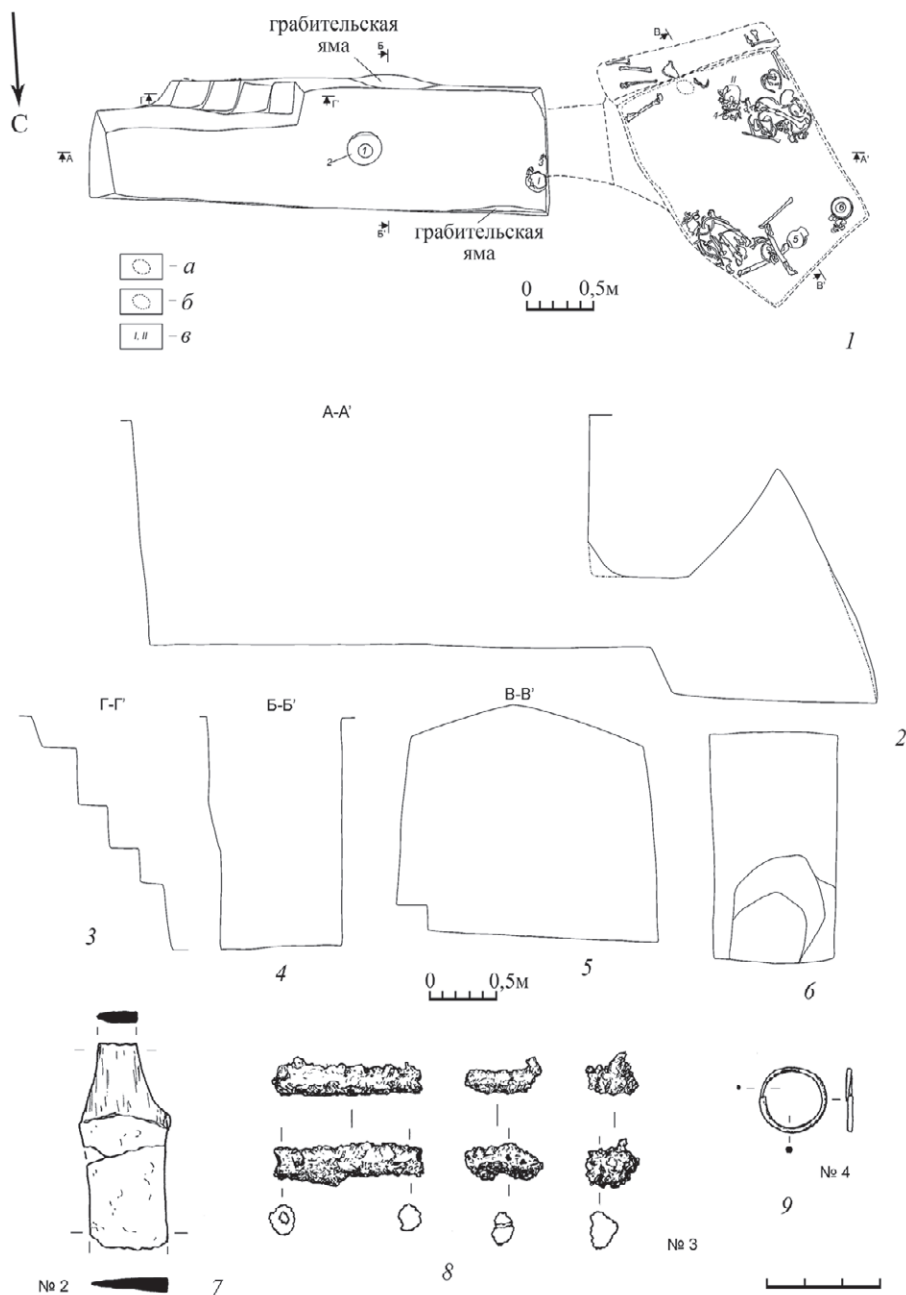
Находился к югу от кургана 254, практически примыкая к нему (рис. 1: 2; 2). Насыпь кургана подвергалась постоянной многолетней распашке. Поверхность покрыта травянистой растительностью. Видимых повреждений не имела. Насыпь округлой в плане формы диаметром 28 м и высотой 0,3 м от уровня современной дневной поверхности.

При снятии насыпи и проведении зачистки по материк был сделан ряд находок – фрагмент дна сосуда и кости животного, – находившихся, по-видимому, в заполнении ровика. Ровик в плане кольцевой формы (рис. 2) диаметром на уровне зачистки по внутреннему контуру – 24,8 м, по внешнему – 25,7 м. Ровик имел две перемычки – с юго-юго-запада и с северо-северо-востока – шириной соответственно 2,2 и 1,6 м. В сечении ровик трапециевидной формы с плавным расширением контура на высоте 0,2 м от дна. Ширина ровика на уровне материка – 0,4 м, по дну – 0,25 м. Глубина заглибления ровика в материк – до 0,5 м. Глубина ровика от уровня погребенной почвы ориентировочно составляла до 0,9 м, ширина на уровне древнего горизонта – около 0,5 м.

Курган содержал одно катакомбное захоронение, находившееся в центральной части (рис. 4: 1). На глубине -130 – -133 см от репера было зачищено пятно входной ямы. В заполнении входной ямы погребения у северной стенки найден венчик сосуда. На границе с грабительской ямой лежала перевернутая вверх дном миска с загнутым внутрь бортиком, через ребро переходящим в слегка прогнутые стенки, и несколько вогнутым дном (рис. 6: 5). Под миской найдено два фрагмента железного ножа (рис. 4: 7). В заполнении придонной части входной ямы, справа от входа в камеру найден череп I и фрагменты круглого в сечении железного стержня (шило?), выброшенные грабителями из камеры (рис. 4: 8).

Входная яма трапециевидной в плане формы с расширением в западной части и с уступом в контуре юго-восточного угла, ориентированная длинной осью по линии запад – восток, размерами на уровне зачистки $3,4 \times 0,95$ –0,7 м (рис. 4: 1). Уступ в контуре юго-восточного угла обусловлен наличием в нем верхней ступеньки, сделанной в слое погребенной почвы. Ниже, вдоль южной стенки были сделаны еще четыре ступеньки высотой 40, 31, 24 и 44 см, образующие «лестницу» общей длиной около 1,5 м, учитывая верхнюю ступеньку, сделанную в погребенной почве (рис. 4: 1, 3). Стенки, кроме восточной наклонной, вертикальные (рис. 4: 2, 4), хорошо заглажены. Входная яма на уровне дна трапециевидной в плане формы с расширением в западной части размерами $3,1 \times 0,8$ –0,5 м. Дно горизонтальное. Глубина входной ямы – -301 см от репера.

Вход в камеру находился в западной стенке входной ямы и был нарушен при ограблении (рис. 4: 6). По всей видимости, первоначально он был прямоугольной в плане формы с арочным или стрельчатым верхом шириной 0,6 м

Рис. 4. Курган 265, погребение 1

1 – план (цифрами обозначены: 1 – миска; 2 – ф-т ножа под миской; 3 – ф-ты железного шила (?); 4 – бронзовое кольцо; 5 – кувшинчик; 6 – миска. Условные обозначения: а – камышовый тлен; б – черный тлен; в – номера черепов); 2–5 – разрезы; 6 – вид на переднюю стенку входной ямы и вход в камеру; 7 – ф-т железного ножа; 8 – ф-ты железного предмета (шила?); 9 – бронзовая серьга

Рис. 5. Керамика из кургана 254, погребение 1 (1–7) и погребение 2 (8, 9)
1, 4 – кувшинчики; 2 – прорисовка граффити; 3 – кувшин; 5–8 – кружки; 9 – миска

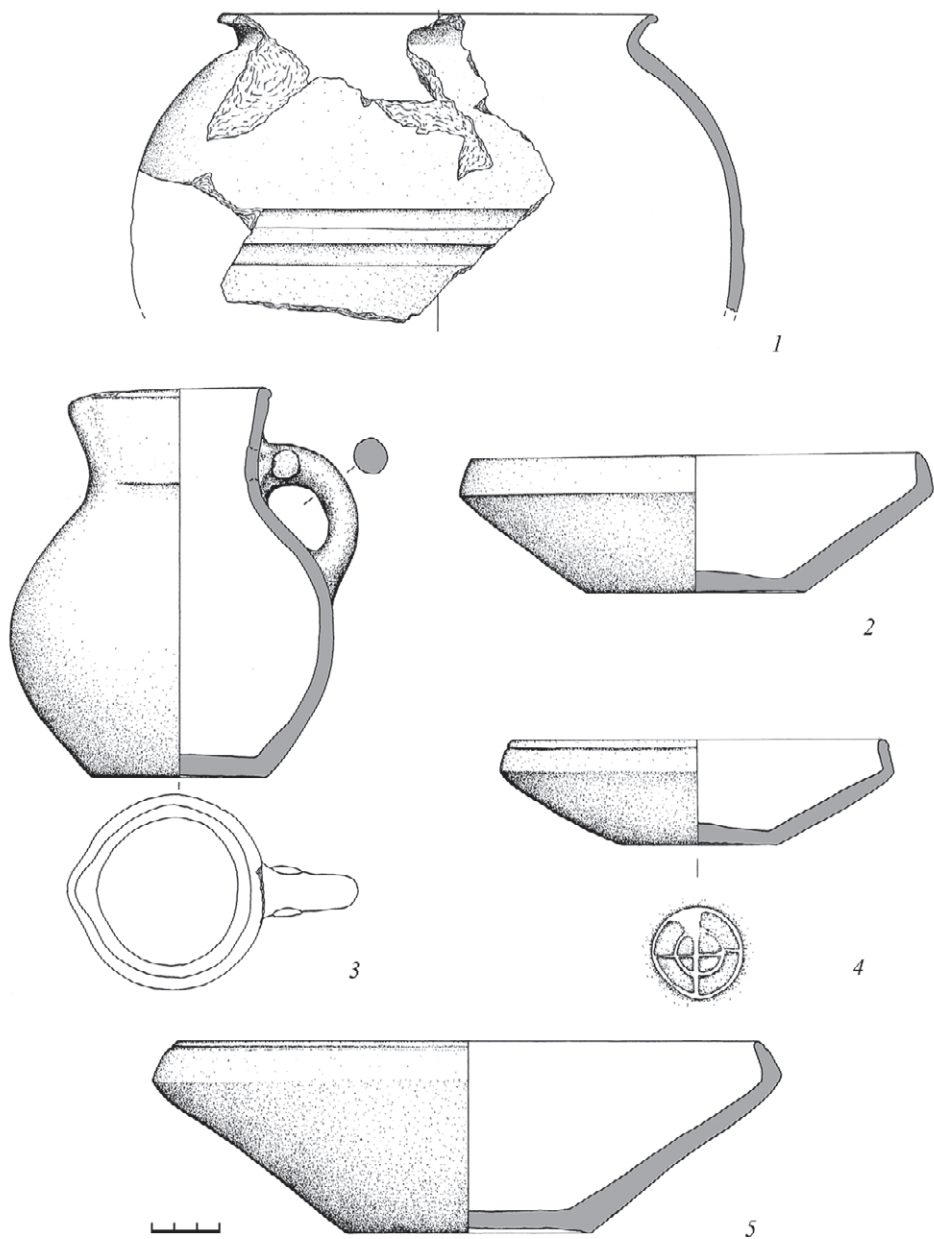

Рис. 6. Керамика из кургана 254, погребение 1 (1, 2) и кургана 265, погребение 1 (3–5)
1 – ф-т горшка; 2, 4, 5 – миски; 3 – кувшинчик

и высотой 0,5 м. Катакомба имела дромос длиной 0,45 м. В камеру из входной ямы вела слегка наклонная ступенька высотой 34 см. Камера трапецевидной в плане формы с выраженными углами и сужением в северо-северо-западной части ориентирована длинной осью по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Длинные оси входной ямы и камеры сопрягаются под углом 130°. Камера смещена к северу от длинной оси входной ямы. Дно ровное. Глубина дна – 301 см от репера. Свод стрельчатой формы; на своде прослеживаются следы орудий шириной 3–4 см. Размеры камеры по дну – 1,9 × 1,5 м, высота свода – 1,7 м. У юго-юго-восточной стенки камеры была сделана полка шириной 0,24 м и высотой 0,14 м от дна (рис. 4: 1, 5). На ней находились несколько костей погребенных, в том числе челюсть черепа I, найденного во входной яме. На дне у полки прослеживалось пятно тлена коричневого цвета толщиной 1 см. Камера полностью заполнена затечным грунтом. По всей площади дна фиксируется тлен от камышовой подстилки.

По антропологическому определению в катакомбе было произведено захоронение двух мужчин возрастом 18–23 года и старше 50 лет.

У юго-западной стенки, в углу под полкой, находился череп II и беспорядочное скопление костей двух погребенных – ребер, длинных костей рук и ног. Под черепом найдена бронзовая серьга с сомкнутыми концами (рис. 4: 9). В юго-западном углу камеры слева от входа под скоплением костей обнаружен фрагмент деревянной рукояти шила (?), а также мелкие фрагменты деревянных предметов.

Еще одно скопление костей (ребра, тазовые кости, длинные кости рук и ног) располагалось в северо-восточном углу камеры справа от входа. Рядом с ним, у северной стенки камеры обнаружен лежащий на боку кувшинчик со сливом в виде прогиба венчика, сужающимся к основанию горлом, плавно переходящим в плечики, сфероконическим туловом и плоским дном; ручка у верхнего прилепа декорирована по бокам двумя круглыми плоскими налепками, имитирующими глаза (рис. 6: 3). В заполнении камеры в северо-западном углу найдена миска с загнутым внутрь бортиком, через ребро переходящим в слегка выпуклые стенки, и плоским дном с рельефным клеймом в виде креста в двойном круге (рис. 6: 4).

Рассмотрим обрядовые черты, хронологию и место исследованных комплексов в системе погребальных памятников раннего этапа аланской культуры.

Оба кургана были окружены кольцевыми в плане ровиками с двумя перемичками в северном и южном секторах, что является характерной чертой обряда раннего этапа аланской культуры (Малашев, 2010. С. 118, 119). Важная особенность, отличающая памятники Среднего Терека от некрополей предгорной полосы, – нахождение под одной насыпью (внутри ровика) двух или трех погребений (Малашев и др., 2018. С. 198, 199), что фиксируется в кургане 254.

Для обеих исследованных катакомб характерна широтная ориентировка входных ям с расположением камер у западных стенок. Данный признак является диагностической характеристикой некрополей аланской культуры Среднего Терека, находит аналогии в могильниках Братские 1-е курганы, Киевский I, Октябрьский I, Виноградное и отличает их от некрополей предгорной полосы, где доминирует меридиональная ориентировка входных ям (Абрамова, 1997. С. 9, 10; Малашев и др., 2018. С. 198). Хронологически показательна конструкция

катакомб в виде сравнительно узких и длинных входных ям со ступеньками вдоль длинной боковой стенки и прямоугольной (трапециевидной) в плане камеры с вынесенным от входа вверх стрельчатым сводом (треугольным в разрезе) или имеющим в верхней части плоский участок (трапециевидным в разрезе). Сочетание данных признаков достаточно устойчиво на всей территории аланской культуры для определенного хроносреза (см.: *Абрамова, 1997. Рис. 4: 13; 5: 1, 5, 13; Воронин, Малашев, 2006. Рис. 56*). Обоснование времени распространения этих признаков – развитой и поздний IV в. н. э. – было ранее уже высказано (*Малашев, 2010. С. 119*). В настоящее время в связи с существенным увеличением количества исследованных комплексов на Среднем Тереке (могильники Братские 1-е курганы, Киевский I, Октябрьский I, раскопки В. Ю. Малашева 2018–2019 г.) можно несколько откорректировать время появления перечисленных признаков. Более узкие, прямоугольные (а не выраженной трапециевидной формы) входные ямы получают распространение с позднего III в. н. э. Появление ступенек вдоль длинной боковой стенки относится к этому же времени. Стрельчатый, или имеющий в верхней части плоский участок, свод вырабатывается уже во второй половине III в. н. э. Однако наряду с перечисленными новациями по-прежнему реализуются и признаки, характерные для первой половины – середины III в. н. э.: широкие трапециевидные входные ямы, угловые ступеньки и свод, понижающийся от входа к передней стенке камеры. Как устойчивое сочетание признаков, обсуждаемые новации в конструкции катакомб и наблюдаемые в курганах 254 и 265, получают распространение в раннем IV в. н. э. и фиксируются до финала столетия.

Вследствие ограбления погребальный инвентарь не содержит хронологически выразительных вещей; в первую очередь это касается металлических предметов, включая бронзовую серьгу (рис. 4: 9). В этом случае наиболее информативными могут быть находки керамики. Большая часть керамических сосудов имеет широкий круг аналогий в контексте инвентаря погребальных комплексов раннего этапа аланской культуры. Поэтому подробнее следует остановиться на отдельных, наиболее показательных формах посуды. В первую очередь это мелкие столовые формы: кувшинчики, кружки и миски. Часть аналогий они находят в пока не опубликованных материалах из раскопок 2018–2019 гг. могильников Среднего Терека.

Миски с загнутым внутрь бортиком (рис. 5: 9; 6: 2, 4, 5) являются наиболее распространенной формой посуды в погребальных комплексах аланской культуры начиная со второй половины/конца II по первую половину V в. н. э. Особенностью рассматриваемых мисок из Киевского I могильника является относительная широкодонность трех из них в сочетании с меньшим диаметром и высотой (рис. 5: 9; 6: 2, 4), которые характерны для образцов развитого IV и первой половины V в. н. э. (*Габуев, Малашев, 2009. С. 116, 117. Рис. 127: 16–23*).

Кувшинчики (рис. 5: 1, 4) с ручкой, расположенной на плечиках или в месте максимального расширения тулова со схематизированным зооморфным оформлением верхнего прилепа в виде высокого выступа, являются одной из наиболее распространенных разновидностей столовой посуды в погребальных комплексах раннего этапа аланской культуры. В рассматриваемых материалах представлены два варианта этих сосудов: узкие высокие формы (рис. 5: 1) и низкие,

более широкодонные (рис. 5: 4). Первый вариант, хронологически более ранний, появляется в комплексах первой половины III в. н. э. (Габуев, Малашев, 2009. Рис. 128: 12, 13), продолжает встречаться во второй половине III – начале IV в. н. э. (Воронин, Малашев, 2006. Рис. 10: 2) и используется в течение большей части четвертого столетия (Абрамова, 1997. Рис. 6: 16). Список можно дополнить материалами из раскопок В. Ю. Малашева могильников Братские 1-е курганы (курган 44 с пряжкой, сопоставимой с ременными застежками П8 по Малашеву (2000. Рис. 2), появляющимися во второй половине III и продолжающимися встречаться в первой четверти – первой трети IV в. н. э.) и Киевский I (курган 785, находящийся на участке некрополя в одном контексте с комплексами второй-третьей четвертей IV в. н. э., не исключая последних десятилетий данного столетия). Второй вариант хронологически более поздний и характерен уже для IV в. н. э. Аналогию ему укажем в комплексе кургана 1452 могильника Братские 1-е курганы, датирующегося, судя по выразительному набору пряжек П10 (по: Малашев, 2000. Рис. 2) и небольших двучленных лучковых фибул, второй и третьей четвертями IV в. н. э. (Малашев и др., 2018. С. 198. Рис. 7: 1–6).

На достаточно позднюю дату указывает низкая кружка из кургана 254 (рис. 5: 5) с ручкой, крепящейся верхним прилепом к венчику и возвышающейся над его плоскостью; ей близки сосуды из могильника Брут 2, происходящие из комплексов первой половины V в. н. э. (Габуев, Малашев, 2009. С. 118, 141. Рис. 129: 5, 6). Однако вполне вероятно их появление в рамках IV в. н. э.

Орнаментация кружки в виде редких широких и неглубоких вертикальных каннелюр (рис. 5: 7) изредка встречается на различных мелких формах столовой посуды из погребальных комплексов Среднего Терека: курган 1447 могильника Братские 1-е курганы (середины – второй половины III в. н. э.) и погребение 1 кургана 847 могильника Октябрьский I, который датируется по небольшой двучленной лучковой фибуле и пряжке, сопоставимой с П10 (по: Малашев, 2000) второй и третьей четвертями IV в. н. э.

Морфологическая и орнаментальная специфика кружки из кургана 254 (рис. 5: 6), тем не менее, находит почти полную аналогию, включая форму, декор (каннелюры и оттиски зубчатого штампа) и зооморфное оформление верхнего прилепа ручки, в инвентаре погребения 1063 могильника Киевский I; дату комплекса определяет наличие в нем пряжки П10 с датой вторая-третья четверти IV в. н. э.

Исходя из этого, наиболее вероятной представляется датировка рассматриваемых комплексов в рамках второй и третьей четвертей IV в. н. э.

Исследованные захоронения хорошо вписываются в контекст известных на сегодняшний день погребений раннего этапа аланской культуры Среднего Терека. Это касается и обрядовых особенностей, включая конструкцию катакомб, и облика погребального инвентаря. Ряд выводов культурного и исторического характера относительно данной территориальной группы памятников был уже сделан ранее (Малашев и др., 2018. С. 198, 199), что избавляет от необходимости к ним возвращаться. К этому можно добавить, что, исходя из имеющейся на сегодняшний день выборки с данной территории, насчитывающей около 350 комплексов, напрашивается заключение о культурной специфике памятников Среднего Терека, выражающейся как в обрядовых особенностях, так

и в вещевом комплексе (в первую очередь, в формах керамики), что отличает их от материалов предгорной полосы. Это позволяет формулировать вопрос о локальном варианте памятников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке. Более подробно данный вопрос будет рассмотрен в специальной работе.

Проведенные комплексные исследования участка курганного могильника «Киевский I» позволили весьма эффективно выявить и локализовать катакомбные захоронения раннего этапа аланской культуры, совершенные под курганными насыпями с кольцевыми ровиками. Полученные материалы позволяют отнести данные погребения к несколько более раннему времени, чем раскопанные катакомбы на южной периферии некрополя, в целом датирующиеся второй половиной IV – первой половиной V в. н. э. Данное обстоятельство подкрепляет уже сделанные наблюдения над пространственной организацией курганных могильников аланской культуры, когда более ранние погребения располагаются ближе к городищу, а поздние находятся на максимальном удалении от него, что неоднократно отмечалось В. Ю. Малашевым. Использование данных дистанционного зондирования и применение геофизических методов дает в этой ситуации возможность с минимальными затратами получить общее представление о хронологических рамках существования некрополей городищ аланской культуры Центрального и Восточного Предкавказья на раннем этапе их существования.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М. П.*, 1997. Ранние аланы Северного Кавказа. М.: ИА РАН. 165 с.
- Воронин К. В., Малашев В. Ю.*, 2006. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М.: ИА РАН. 152 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 6.)
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю.*, 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 468 с.
- Ким М. Г.*, 2017. Отчет о разведках в Республике Северная Осетия – Алания и в Чеченской Республике в 2017 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 56799, 56805, 56809.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й.*, 2014. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // КСИА. Вып. 232. С. 120–135.
- Малашев В. Ю.*, 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232. (Материалы и исследования по археологии Дона; вып. 1.)
- Малашев В. Ю.*, 2010. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III. Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим естественнонаучным данным) / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. С. 117–142.
- Малашев В. Ю., Магомедов Р. Г., Дзуцев Ф. С., Мамаев Х. М., Кривошеев М. В.*, 2018. Охранно-спасательные исследования могильника «Братские 1-е курганы» на территории Чеченской Республики в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. № 4. С. 195–206.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1882–1888 гг. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1891. 463 с.
- Русов А. А.*, 1882. Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане // Пятый Археологический съезд в Тифлисе. I. Труды предварительных комитетов. М.: Синод. тип. С. 580–587.
- Цилосани Н. О.*, 1882. Дневник раскопок, проведенных в Южном Дагестане в 1880 г. // Пятый Археологический съезд в Тифлисе. I. Труды предварительных комитетов. М.: Синод. тип. С. 463–472.

Сведения об авторах

Коробов Дмитрий Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: dkorobov@mail.ru;

Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: malashev@yandex.ru;

Фассбиндер Йорг, Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана, Geschwister-Scholl-Platz 1, 80539, Мюнхен, Федеративная Республика Германия; e-mail: fassbinder@geophysik.uni-muenchen.de

D. S. Korobov, V. Yu. Malashev, J. Faßbinder

THE COMPREHENSIVE STUDY
OF THE EARLY ALAN BURIALS
OF THE FOURTH CENTURY IN NORTH OSSETIA

Abstract. The paper publishes two new assemblages with Catacomb burials covered with kurgans which were excavated in the Kievskiy I kurgan cemetery in the Mozdok district, the Republic of North Ossetia – Alania in 2019. The team developed a number of methodological guidelines aimed at discovering and localizing catacombs covered with kurgan mounds using archival aerial photos and space images as well as subsequent magnetometry survey that helps identify burial ditches and catacomb graves. Archaeological excavations based on geophysical surveys offered an opportunity to examine two catacombs covered with kurgans and one pit burial. The excavated burials date back to the period between the second and the third quarter of the 4th century. This fits well the context of currently known burials of the early stage of the Alan culture in the Middle Terek region that form a distinctive local variant of the antiquities attributed to the Alans of the 2nd–4th centuries AD.

Keywords: North Caucasus, early stage of the Alan culture, magnetometry survey, catacombs covered with kurgans.

REFERENCES

- Abramova M. P., 1997. Ranniye alany Severnogo Kavkaza [Early Alans of North Caucasus]. Moscow: IA RAN. 165 p.
- Gabuyev T. A., Malashev V. Yu., 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [Early Alans' sites in central regions of North Caucasus]. Moscow: Taus. 468 p.
- Kim M. G., 2017. Otchet o razvedkakh v Respublike Severnaya Osetiya – Alaniya i v Chechenskoy Respublike v 2017 godu [Report on reconnaissance in Republic of North Ossetia – Alania and Chechen Republic in 2017]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Korobov D. S., Malashev V. Yu., Faßbinder J., 2014. Predvaritel'nyye rezul'taty raskopok na kurgan-nom mogil'nike Levopodkumskiy 1 bliz Kislovodska [Preliminary results from excavations of the Levopodkumsky 1 kurgan cemetery near Kislovodsk]. *KSIA*, 232, pp. 120–135.
- Malashev V. Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garniture pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of strap sets of late Sarmatian time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [The Sarmatians and their neighbours on the Don]*. Yu. K. Guguyev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232. (Materialy i issledovaniya po arkhologii Dona, 1.)
- Malashev V. Yu., 2010. Tsentral'nyye rayony Severnogo Kavkaza v pozdnesarmatskoye vremya [Central regions of North Caucasus in late Sarmatian time]. *Materialy seminarov Tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov, III. Stanovleniye i razvitiye pozdnesarmatskoy kul'tury (po arkhologicheskim*

estestvennonauchnym dannym) [Proceedings of Seminar of Centre for research of Sarmatians' history and culture. Issue III. Formation and development of of late Sarmatian culture (based on archaeological data of natural sciences)]. A. S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 117–142.

- Malashev V. Yu., Magomedov R. G., Dzutsev F. S., Mamayev Kh. M., Krivosheyev M. V., 2018. Okhrannospasatel'nyye issledovaniya mogil'nika «Bratskiye 1-e kurgany» na territorii Chechenskoj Respubliki v 2018 g. [Protection and rescue investigations of cemetery «Bratskiye 1 kurgany» in territory of Chechen Republic in 2018]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza [History, archaeology and ethnography of Caucasus]*, vol. 14, no. 4, pp. 195–206.
- Otchety Imperatorskoj arkheologicheskoj komissii [Reports of Imperial Archaeological commission] za 1882–1888 gg. St. Petersburg. [OAK for 1882–1888]. 1891. 463 p.
- Rusov A. A., 1882. Otchet o letnikh i osennikh arkheologicheskikh rabotakh v Yuzhnom Dagestane [Report on summer and autumn archaeological works in South Dagestan]. *Pyatyy Arkheologicheskij s''yezd v Tiflise [Fifth Archaeological Congress in Tiflis], I. Trudy predvaritel'nykh komitetov [Transactions of preliminary committees]*. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, pp. 580–587.
- Tsilossani N. O., 1882. Dnevnik raskopok, provedennykh v Yuzhnom Dagestane v 1880 g. [Diary of excavations carried out in South Dagestan in 1880]. *Pyatyy Arkheologicheskij s''yezd v Tiflise [Fifth Archaeological Congress in Tiflis], I. Trudy predvaritel'nykh komitetov [Transactions of preliminary committees]*. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, pp. 463–472.
- Voronin K. V., Malashev V. Yu., 2006. Pogrebal'nyye pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleznoego veka ravninnoj zony Respubliki Ingushetiya [Burial sites of Bronze Age and Early Iron Age in plain zone of Republic of Ingushetia]. Moscow: IA RAN. 152 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 6.)

About the authors

Korobov Dmitriy S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: dkorobov@mail.ru;

Malashev Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: malashev@yandex.ru;

Faßbinder Jörg, Ludwig-Maximilians-Universität, Geschwister-Scholl-Platz 1, 80539, München, German Federal Republic; e-mail: fassbinder@geophysik.uni-muenchen.de

В. Ю. Малашев, С. Ю. Фризен

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА III – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ V в. н. э.¹

Резюме. В статье анализируются материалы из могильников раннего этапа аланской культуры с территории РСО-Алании и Чеченской Республики. По данным палеоантропологии и археологии делается вывод, что население предгорной полосы, оставившие в том числе Бесланский могильник, являются предками для погребенных в некрополях аланской культуры Среднего Терека (Братские 1-е курганы, Октябрьский I и Киевский I м-ки); а последние стали основным культурным компонентом в формировании населения Западного Прикаспия, в первую очередь Южного Дагестана, что иллюстрируется материалами Паласа-сыртского могильника.

Ключевые слова: Археология, палеоантропология, краниология, Северный Кавказ, аланы, население, могильник, миграции.

Статья посвящена публикации итогов исследования краниологических материалов из могильников, относящихся к раннему этапу аланской культуры и раскопанных в последнее десятилетие на территории Республики Северная Осетия – Алания и Чеченской Республики: Бесланский могильник (раскопки 2011 г. Ф. С. Дзуцева, Э. Г. Джанаева, В. Ю. Малашева), могильники Братские 1-е курганы, Октябрьский I и Киевский I (раскопки 2018–2019 гг. В. Ю. Малашева).

Кратко охарактеризуем указанные памятники. Бесланский могильник является некрополем Зильгинского городища, находится в Правобережном районе РСО-Алания и исследуется с 1988 г. На сегодняшний день раскопано более 800 погребальных комплексов, которые могут считаться опорными в изучении аланской культуры Северного Кавказа раннего этапа для памятников предгорной полосы. Хронологические рамки исследованных погребений – перв. пол. III –

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 18-00-00398 «Мультидисциплинарное исследование памятников ранних алан на Северном Кавказе».

третья четверть IV в. н. э. Однако, учитывая особенности данной выборки, а именно локальность раскопанного участка по сравнению с общей территорией памятника, а также находки из культурного слоя Зильгинского городища (*Гавритухин, 2007*) и экстраполируя ситуацию с функционированием аналогичного некрополя Брутского городища (*Габуев, Малашев, 2009. С. 140–143*) на Бесланский могильник, его хронологические рамки можно пролонгировать на II–VII вв. н. э.

Могильник Октябрьский I находится на территории Моздокского района и вместе с могильником Братские 1-е курганы (Надтеречный район) образуют единый некрополь, относящийся к Братскому 1-му городищу раннего этапа аланской культуры (*Малашев и др., 2018*). Различие в названиях связано с нахождением единого памятника на территории двух субъектов Федерации и проходящей через него административной границы Чеченской Республики (Надтеречный район) и РСО-Алания (Моздокский район) и, как следствие, разной учетной документацией. Всего в данном некрополе исследовано около 300 погребальных комплексов; данные материалы являются опорными для древностей аланской культуры раннего этапа Среднего Терека. Хронология исследованных погребений – перв. пол. III – перв. пол. V в. н. э.; при этом не исключено смещение нижней хронологической границы до втор. пол. II в. н. э.

Курганный могильник Киевский I (Моздокский район РСО-Алания) является некрополем Киевского городища раннего этапа аланской культуры. В результате работ 2019 г. было исследовано 40 курганных и бескурганных комплексов втор. пол. IV – перв. пол. V в. н. э. Важно заметить, что исследованный участок пролегал по периферии некрополя. В целом, хронология памятника может рассматриваться в рамках втор. пол. II – перв. пол. V в. н. э.

Большая часть погребений перечисленных могильников являются подкурганными и окружены кольцевыми или квадратными в плане ровиками с двумя перемычками в северной и южной частях контура; незначительная часть погребений была бескурганной. Погребения совершены в катакомбах с перпендикулярным соотношением длинных осей входной ямы и камеры; известны погребения в подбоях и ямах. Данные обрядовые особенности являются диагностическими для аланской культуры.

Сохранность палеоантропологических материалов в большинстве случаев крайне неудовлетворительная. Из огромного количества погребальных комплексов (более 600) лишь небольшая выборка черепов оказалась в той или иной степени пригодной для исследования (Бесланский могильник 49♂ и 17♀; Братские 1-е курганы 7♂ и 2♀; Октябрьский I 3♂ и 2♀; Киевский I 7♂ и 4♀). В связи с малочисленностью серий деформированные черепа были включены в общую выборку. Индивидуальные данные измеренных черепов представлены в табл. 1–6². По причине плохой сохранности костного материала говорить о половозрастном составе серий не имеет смысла, так как во многих случаях невозможно было определить не только пол и/или возраст, но и количество индивидов в погребении.

В серию из Бесланского могильника помимо материалов из раскопок 2011 г. включены как ранее опубликованные черепа (*Герасимова и др., 2008; 2009*),

² Таблицы 1–6 расположены в конце статьи.

так и черепа, изученные нами в фондах Института истории и археологии РСО-Алания в 2010 г. Сборная серия неоднородна, что подтверждается анализом среднеквадратического уклонения (табл. 3), где большинство значений – средние или выше средних. Однако фрагментарность материала не позволяет провести внутригрупповой анализ. Необходимо отметить наличие в ней черепов с искусственной деформацией мозговой коробки, характерной для носителей аланской культуры Северного Кавказа раннего этапа (с валиком в области *бregма* и постбрегматическим вдавлением), которая также была описана нами ранее.

По причине плохой сохранности и, как следствие, малочисленности черепа из могильников Братские 1-е курганы, Октябрьский I и Киевский I были объединены в общую серию. Возможность представления в рамках одной серии материалов данных могильников обусловлена следующим.

1. Культурная общность населения, оставившего данные памятники, которая фиксируется в диагностически важных аспектах: в общих чертах и деталях погребального обряда; в единстве вещевого материала, в первую очередь – керамического комплекса; в единых исторических судьбах данного населения, проявляющихся в общей хронологии памятников Среднего Терека, объединяемых в локальный вариант аланской культуры раннего этапа в рамках втор. пол. II – перв. пол. V в. н. э.

2. Могильники Братские 1-е курганы и Октябрьский I являются единым некрополем Братского 1-го городища, а их разделение на два памятника носит формальный характер (см. выше).

3. Территориальная близость расположения некрополей Братского 1-го (могильники Братские 1-е курганы и Октябрьский I) и Киевского городища (могильник Киевский I), расстояние между которыми составляет около 15 км и которые разделяет только один аналогичный памятник – Октябрьское городище с некрополем.

Судя по среднеквадратическим уклонениям, как мужская, так и женская выборки неоднородны, однако из-за численности выделить в ней какие-либо морфологические варианты не представляется возможным. Сопоставление с серией из Бесланского могильника по *t*-критерию Стьюдента демонстрирует достоверность различий по ряду признаков, а визуально-типологически черепа из данных могильников имеют наибольшее сходство с серией из Паласа-сыртского могильника (Фризен, 2015; Малашев и др., 2015).

Для межгруппового сопоставления мужской выборки были подобраны следующие серии: серия из могильника Паласа-сырт (Фризен, 2015); серии деформированных и недеформированных черепов степного населения Нижнего Дона II–IV вв. н. э. (Батиева, 2011); сборные серии носителей среднесарматской культуры Заволжской, Калмыцкой, Украинской и Донской групп (Балабанова, 2000); серии из могильников Чегемский, Узун-Кол (деформированные черепа), Байтал-Чапкан и Дуба-Юрт (Алексеев, 1974); Садон (Фризен, Кадзаева, 2016); Змейский XII–XIV вв. (исслед. С. Ю. Фризена, неопубл.). Для женской выборки были привлечены те же серии, за исключением материалов из могильника Узун-Кол. Межгрупповое сопоставление проводилось с помощью программы CANON Б. А. Козинцева. В связи с требованиями программы использовались следующие

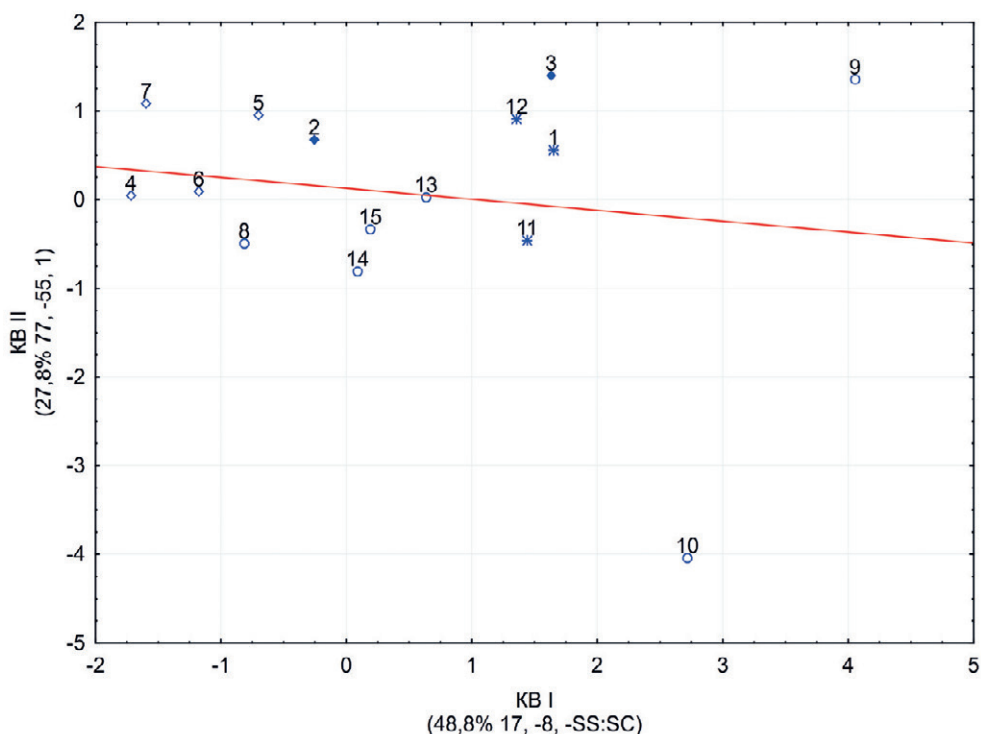
признаки: продольный (1), поперечный (8), высотный (17) и скуловой (45) диаметры, наименьшая ширина лба (9), верхняя высота лица (48), высота (55) и ширина (54) носа, высота (52) и ширина (51) орбиты, назо-малярный (77) и зиго-максиллярный (Zm) углы, симотический указатель (SS:SC) и угол выступления носа (75 (1)). Первый и второй канонические вектора описывают более 76 % изменчивости. Наиболее значимыми по первому вектору являются: высотный (17) диаметр, поперечный (8) диаметр с отрицательным значением и симотический указатель (SS:SC) с отрицательным значением; по второму – назо-малярный угол (77), высота носа (55) с отрицательным значением и продольный диаметр (1). На полученном графике (рис. 1) наиболее близко к сборной серии из могильников Братские 1-е курганы, Октябрьский I и Киевский I, как и предполагалось, оказывается серия из Паласа-сыртского могильника, серия из Беслана располагается чуть дальше, что, на наш взгляд, абсолютно закономерно, так как, вероятнее всего, люди, оставившие Паласа-сыртский могильник, являются в значительной степени потомками носителей аланской культуры, в первую очередь, с территории Среднего Терека, что соответствует предположению, выдвинутому нами ранее (*Малашев и др.*, 2015).

Необходимо также отметить, что в одной группе с сериями из изучаемых могильников находится серия деформированных черепов позднесарматского времени Нижнего Дона; причиной этого, по всей видимости, является присутствие в изучаемых сериях деформированных черепов.

Межгрупповой анализ женских выборок, в целом, демонстрирует ту же картину (рис. 2). Первый и второй канонические вектора описывают 78 % изменчивости, наиболее значимы по первому: высотный (17) с отрицательным значением, поперечный (8) и скуловой (45) диаметры; по второму: угол выступления носа (75 (1)) с отрицательным значением, высота носа (55) и наименьшая ширина лба (9) с отрицательным значением. На графике изучаемые серии располагаются рядом друг с другом, а серия из Паласа-сыртского могильника на некотором удалении, возможно, по причине изменения круга брачных связей в результате миграции населения. Близкое расположение средневековой аланской серии из могильника Дуба-Юрт, вероятно, можно объяснить тем, что данная выборка представляет потомков изучаемого населения, а близость серии деформированных черепов позднесарматского времени Нижнего Дона, наличием в изучаемых сериях деформированных черепов.

Комментируя график мужских серий (рис. 1), необходимо отметить следующие моменты.

1. Близость выборок Бесланского, Паласа-сыртского и могильников Среднего Терека (Братские 1-е курганы, Октябрьский I и Киевский I) (1, 11, 12 на графике) обусловлена их культурной идентичностью. Бесланский могильник и могильники Среднего Терека являются некрополями городищ аланской культуры раннего этапа. При этом, с одной стороны, население Среднего Терека, скорее всего, является мигрантом с территории предгорной полосы центральных и восточных районов Северного Кавказа, на которой находятся памятники типа Бесланского могильника (*Малашев и др.*, 2018. С. 199). С другой стороны, это население участвовало в культурно-исторических процессах на территории Западного Прикаспия, где их присутствие фиксируется в середине – втор. пол. III в. н. э.

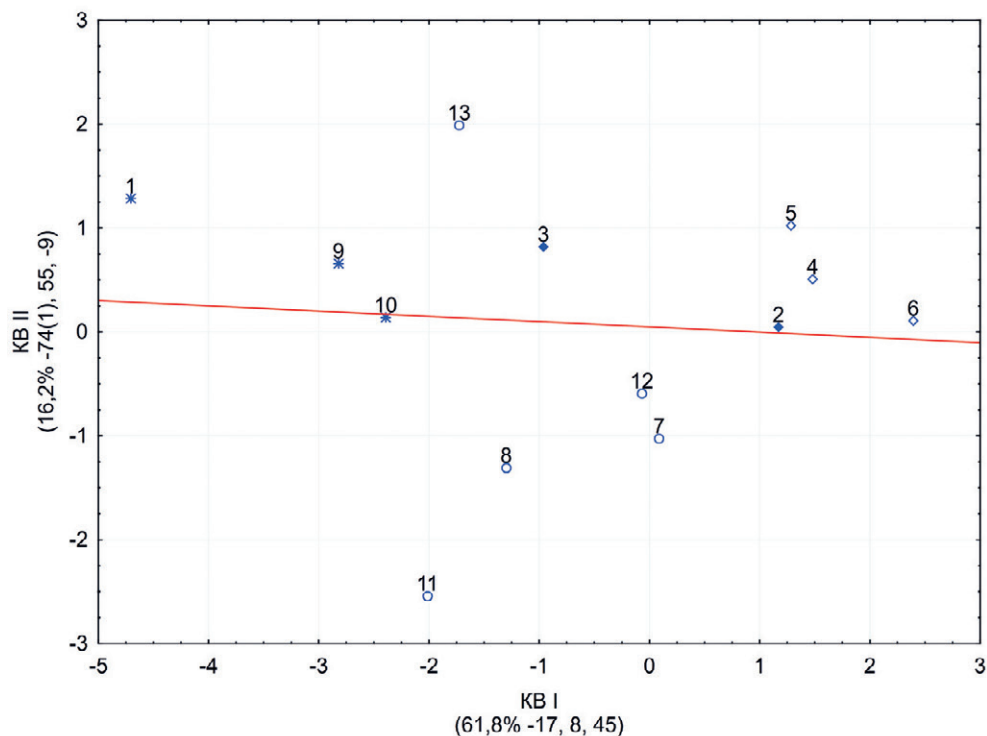

Рис. 1. Мужские серии в пространстве I и II канонических векторов

1 – Паласа-сырт; 2 – Сарматы Нижнего Дона II–IV вв. н. э.; 3 – Сарматы Нижнего Дона II–IV вв. н. э. (деформированные черепа); 4 – Средние сарматы. Заволжская группа; 5 – Средние сарматы. Калмыцкая группа; 6 – Средние сарматы. Украинская группа; 7 – Средние сарматы. Донская группа; 8 – Чегемский; 9 – Узун-Кол (деформированные черепа); 10 – Байтал-Чапкан; 11 – Бесланский; 12 – Братские 1-е курганы, Октябрьский I, Киевский I; 13 – Садонский; 14 – Змейский; 15 – Дуба-Юрт

в Терско-Сулакском междуречье, а с середины IV в. н. э. – в Южном Дагестане, что отражается в формировании памятников типа «Львовские – Паласа-сырт» и иллюстрируется материалами опорного некрополя Западного Прикаспия середины IV – середины V в. н. э. – Паласа-сыртского могильника (Малашев и др., 2015. С. 84–87; Малашев, 2016. С. 51–58).

2. Выраженный разлет двух серий – сарматы Нижнего Дона II–IV вв. н. э. (2) и сарматы Нижнего Дона II–IV вв. н. э. (деформированные черепа) (3) – может объясняться фактором деформации. Однако обе серии, видимо, неоднородны по определению, поскольку могут включать в себя недифференцированные в культурном (и антропологическом?) отношении группы: а) собственно носителей позднесарматской культуры середины II – перв. пол. III в. н. э.; б) носителей в той или иной степени трансформированного среднесарматского культурного комплекса в позднесарматское время, а именно в середине II – перв. пол.

Рис. 2. Женские серии в пространстве I и II канонических векторов

1 – Паласа-сырт; 2 – Сарматы Нижнего Дона II–IV вв. н. э.; 3 – Сарматы Нижнего Дона II–IV вв. н. э. (деформированные черепа); 4 – Средние сарматы. Заволжская группа; 5 – Средние сарматы. Украинская группа; 6 – Средние сарматы. Волго-Донская группа; 7 – Чегемский; 8 – Байтал-Чапкан; 9 – Бесланский; 10 – Братские 1-е курганы, Октябрьский I, Киевский I; 11 – Садонский; 12 – Змейский; 13 – Дуба-Юрт

III в. н. э.; в) носителей аланской культуры (мигрантов с территории Северного Кавказа) втор. пол. III – IV в. н. э.

Таким образом, генезис изучаемых популяций выглядел следующим образом. Исходя из археологических материалов, можно сделать вывод, что население предгорной полосы, оставившие в том числе Бесланский могильник, являются предками для погребенных в некрополях аланской культуры Среднего Терека (Братские 1-е курганы, Октябрьский I и Киевский I). А последние стали основным культурным компонентом в формировании населения Западного Прикаспия, в первую очередь, Южного Дагестана, что иллюстрируется материалами Паласа-сыртского могильника. Данная археологическая гипотеза хорошо коррелируется с результатами антропологического исследования.

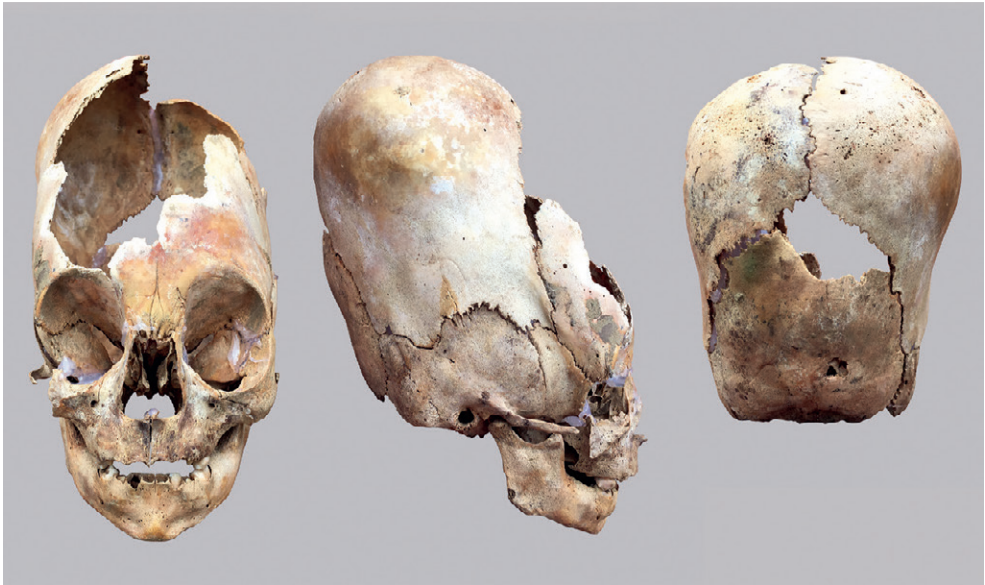

Рис. 3. I Киевский могильник. Погребение 684, скелет 3. Череп ребенка (Inf I)

Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. В кургане 684³ могильника Киевский I, датированном последними десятилетиями IV – началом V в. н. э., был обнаружен череп ребенка (скелет 3, Inf I) с высокой кольцевой деформацией (рис. 3), форма которой не характерна для носителей аланской культуры раннего этапа (как говорилось выше, для раннеаланских серий характерна деформация с валиком в области брегма и постбрегматическим вдавлением). Это единственный установленный случай подобной деформации, возможно, по причине плохой сохранности костного материала. Так как это единичный случай, у нас нет объяснения данному явлению. Может быть, с накоплением материала оно будет найдено, а мы пока ограничимся констатацией факта наличия данного типа деформации.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П., 1974. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука. 317 с.
Балабанова М. А., 2000. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. М.: Наука. 133 с.
Батиева Е. Ф., 2011. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. 158 с.
Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 468 с.

³ Ни обряд погребения, ни состав инвентаря не выделяют данное коллективное (♂, ♀, Inf I) захоронение из общего контекста исследованной выборки.

- Гавритухин И. О., 2007. К вопросу о верхней дате городища Зилги // Три четверти века. Д. В. Деопику – друзья и ученики / Отв. ред. Н. Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли. С. 482–486.
- Герасимова М. М., Суворова Н. А., Фризен С. Ю., 2008. Исследование палеоантропологических материалов раннего средневековья из Северной Осетии в связи с происхождением Алан // Вестник антропологии. № 16. С. 84–99.
- Герасимова М. М., Суворова Н. А., Фризен С. Ю., 2009. Палеоантропологические материалы ранних алан с территории Северной Осетии – Алании // Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. С. 324–340.
- Малашев В. Ю., 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа втор. пол. II – середины V в. н. э. М.: ИА РАН. 208 с.
- Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С., 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. Махачкала: МавраевЪ. 452 с.
- Малашев В. Ю., Магомедов Р. Г., Дзуцев Ф. С., Мамаев Х. М., Кривошеев М. В., 2018. Охранно-спасательные исследования могильника «Братские 1-е курганы» на территории Чеченской Республики в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. № 4. С. 195–206.
- Фризен С. Ю., 2015. Палеоантропологические материалы из Паласа-сыртского могильника // Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. Махачкала: МавраевЪ. С. 174–184.
- Фризен С. Ю., Кадзаева З. П., 2016. Краниологические материалы аланской культуры эпохи раннего средневековья из Садонского могильника (Республика Северная Осетия – Алания) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 16. С. 125–139.

Сведения об авторах

Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: malashev@yandex.ru;

Фризен Сергей Юрьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Ленинский проспект, 32а, Москва, 119334, Россия; e-mail: frizents@iea.ras.ru

V. Yu. Malashev, S. Yu. Frizen

CRANIOLOGICAL MATERIALS FROM THE ALAN CEMETERIES IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 3rd – FIRST HALF OF THE 5th CENTURIES

Abstract. The paper analyzes materials from the Alan cemeteries in the Republic of North Ossetia – Alania and the Chechen Republic. Analyzing the data of palaeoanthropology and archaeology, the authors come to the conclusion that the population of the piedmont belt that left behind cemeteries including the Beslan cemetery are ancestors of the people buried in Alan necropolises located in the Middle Terek region (Bratskiye 1st kurgans and Oktyabrskiy I and Kievskiy cemeteries). The latter represent the main cultural component in formation of the population that settled in the western Caspian region, in particular, southern Dagestan, as illustrated by the remains from the Palasa-Syrt cemetery.

Keywords: archaeology, palaeoanthropology, craniology, North Caucasus, Alans, population, cemetery, migrations.

REFERENCES

- Alekseyev V. P., 1974. Proiskhozhdeniye narodov Kavkaza [The origin of the Caucasus peoples]. Moscow: Nauka. 317 p.
- Balabanova M. A., 2000. Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priural'ya i Nizhnego Povolzh'ya [Anthropology of ancient population of South Cis-Urals and Lower Volga region]. Moscow: Nauka. 133 p.
- Batiyeva E. F., 2011. Naseleniye Nizhnego Dona v IX v. do n. e. – IV v. n. e. (paleoantropolo-gicheskoye issledovaniye) [Lower Don population in IX c. BC – IV c. AD (Palaeoanthro-pological research)]. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN. 158 p.
- Frizen S. Yu., 2015. Paleoantropologicheskiye materialy iz Palasa-Syrtskogo mogil'nika [Palaeoanthro-pological materials from Palasa-Syrt cemetery]. *Malashev V. Yu., Gadzhiyev M. S., Il'yukov L. S. Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannyye mogil'niki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n. e. [The land of Maskuts in West Caspian region. Kurgan cemeteries of Caspian Dagestan of III–V cc. AD]*. Makhachkala: Mavravey", pp. 174–184.
- Frizen S. Yu., Kadzayeva Z. P., 2016. Kraniologicheskiye materialy alanskoy kul'tury epokhi rannego srednevekov'ya iz Sadonskogo mogil'nika (Respublika Severnaya Osetiya – Alaniya) [Cranio-logical materials of Alan culture of early Middle Ages from Sadon cemetery (Republic of North Ossetia – Alania)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of Irkutsk state university. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]*, 16, pp. 125–139.
- Gabuyev T. A., Malashev V. Yu., 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [Early Alans' sites in central regions of North Caucasus]. Moscow: Taus. 468 p.
- Gavritukhin I. O., 2007. K voprosu o verkhney date gorodishcha Zilgi [On issue of terminus ante quem of Zilgi hillfort]. *Tri chetverti veka. D. V. Deopiku – druz'ya i ucheniki [Three quarters of a century. To D. V. Deopik – friends and apprentices]*. N. N. Bektimirova, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 482–486.
- Gerasimova M. M., Suvorova N. A., Frizen S. Yu., 2008. Issledovaniye paleoantropologi-cheskikh materialov rannego srednevekov'ya iz Severnoy Osetii v svyazi s proiskhozhde-niyem alan [Research of palaeoanthropological materials of early Middle Ages from North Ossetia in relation with the Alans origin]. *Vestnik antropologii [Bulletin of anthropology]*, 16, pp. 84–99.
- Gerasimova M. M., Suvorova N. A., Frizen S. Yu., 2009. Paleoantropologicheskiye materialy rannikh alan s territorii Severnoy Osetii – Alanii [Palaeoanthropological materials of early Alans from territory of North Ossetia – Alania]. *Gabuyev T. A., Malashev V. Yu. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [Early Alans' sites in central regions of North Caucasus]*. Moscow: Taus, pp. 324–340.
- Malashev V. Yu., 2016. Pamyatniki srednesarmatskoy kul'tury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n. e. [Sites of middle Sarmatian culture in North Caucasian steppes and their traditions in kurgan cemeteries of Northeastern Caucasus, second half of II – mid V c. AD]. Moscow: IA RAN. 208 p.
- Malashev V. Yu., Gadzhiyev M. S., Il'yukov L. S., 2015. Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannyye mogil'niki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n. e. [The land of Maskuts in West Caspian region. Kurgan cemeteries of Caspian Dagestan of III–V cc. AD]. Makhachkala: Mavravey". 452 p.
- Malashev V. Yu., Magomedov R. G., Dzutsev F. S., Mamayev Kh. M., Krivosheyev M. V., 2018. Okhranno-spatatel'nyye issledovaniya mogil'nika «Bratskiye 1-e kurgany» na territorii Chechenskoy Respubliki v 2018 g. [Protection and rescue investigations of cemetery «Bratskiye 1 kurgany» in territory of Chechen Republic in 2018]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza [History, archaeology and ethnography of Caucasus]*, vol. 14, no. 4, pp. 195–206.

About the authors

Malashev Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: malashev@yandex.ru;

Frizen Sergey Yu., Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences, Leninskiy pr., Moscow, 119334, Russian Federation; e-mail: frizents@iea.ras.ru

**Таблица 1. Индивидуальные данные мужских черепов
из Бесланского могильника**

Признаки	Б (80) б/н	Б (88) к.3	Б к.6	Б к.36	Б к. 42-14	Б к.47	Б к.51	Б к.52	Б (92) к.74	Б к.75
<i>I</i>	181,0	189,0	180,0	168,0	178,0	181,0	186,0	186,0	188,0	178,0
<i>8</i>	137,0	124,0	140,0	135,0	134,0	126,0	140,0	134,0	140,0	132,0
<i>17</i>	147,0	141,0		138,0	136,0	124,0		136,0		
<i>5</i>		118,0		103,0	103,0	95,0		103,0		
<i>10</i>	123,0			119,0	114,0	106,0	123,0	114,0		116,0
<i>9</i>	103,0			100,0	98,0	88,0	102,0	102,0	91,0	100,0
<i>40</i>				97,0	104,0			98,0		
<i>11</i>	126,0			125,0	121,0	114,0	122,0	125,0	116,5	114,0
<i>12</i>				112,0	104,0	107,0	107,0	110,0	109,0	111,0
<i>20</i>	121,0								118,0	
<i>45</i>				130,0	136,0	124,0	130,0	133,0		130,0
<i>48</i>	78,0		60,0	65,0	71,0	64,0	72,0	79,0	76,0	73,0
<i>47</i>									128,0	
<i>46</i>	110,0								90,0	
<i>43</i>	111,0								104,0	
<i>54</i>	25,0			25,0	24,9	25,0	25,0	24,0	24,0	24,1
<i>55</i>	55,0			49,0	52,0	49,0	53,0	59,0	56,0	52,0
<i>51</i>	43,0			40,0	39,1	40,0	41,0	43,5	45,0	44,5
<i>52</i>	33,5			34,0	31,1	28,1	36,0	37,0	34,0	34,1
<i>SC</i>	14,0								10,0	
<i>SS</i>	4,0								4,0	
<i>MC</i>	25,7								19,8	
<i>MS</i>	7,1								9,5	
<i>DC</i>	30,1									
<i>DS</i>	13,6									
<i>77</i>	135,0								129,0	
<i>Zm</i>	123,0									
<i>ВИЛ</i>										
<i>ВИЗ</i>										
<i>32</i>	72,0								91,0	
<i>32a</i>	81,0								67,0	
<i>72</i>	81,0								91,0	
<i>73</i>	87,0								102,0	
<i>74</i>	71,0								79,0	
<i>75</i>	66,0								54,0	
<i>75 (I)</i>	15,0								37,0	
<i>8:1</i>	75,7	65,6							74,5	
<i>48:45</i>										
<i>48:17</i>	74,8									
<i>40:5</i>										
<i>54:55</i>	45,5								42,9	
<i>52:51</i>	77,9								75,6	
<i>SS:SC</i>	28,6								40,0	

Продолжение табл. 1

Признаки	Б к.78	Б (92) к.79, ч.3	Б (08) 421	Б (08) 428	Б б/н	Б б/н	Б б/н	Б (08) к.430	Б (08) к.433	Б (11) к.483
<i>1</i>	174,0	187,0	173,0	180,0	182,0	181,0	180,0	173,0		180,0
<i>8</i>	124,0	130,0		143,0	130,0	139,0	140,0	125,0		141,0
<i>17</i>						142,0	142,0	137,0		
<i>5</i>						101,0	102,0	99,0		
<i>10</i>						117,0	120,0	105,0		
<i>9</i>		90,0		103,5		99,0	100,0	94,0		101,0
<i>40</i>								89,0		
<i>11</i>		116,0				123,0		121,5		
<i>12</i>	104,0	104,0				107,0	108,0	103,0		
<i>20</i>		118,0						120,0		
<i>45</i>								134,0		
<i>48</i>								67,0		
<i>47</i>								118,0		
<i>46</i>								99,0		
<i>43</i>								105,0		
<i>54</i>								25,5	24,0	
<i>55</i>								50,5	51,0	
<i>51</i>						40,0	41,5	41,5		
<i>52</i>						33,5	33,5	32,5		
<i>SC</i>								8,0		
<i>SS</i>								4,0		
<i>MC</i>								20,0		
<i>MS</i>								7,0		
<i>DC</i>								23,0		
<i>DS</i>								12,0		
<i>77</i>								139,0		
<i>Zm</i>								131,0		
<i>ВИЛ</i>								21,5		
<i>ВИЗ</i>								25,0		
<i>32</i>								82,0		
<i>32a</i>								71,0		
<i>72</i>								92,0		
<i>73</i>								92,0		
<i>74</i>								84,0		
<i>75</i>								54,0		
<i>75 (1)</i>								38,0		
<i>8:1</i>		69,5						72,3		78,3
<i>48:45</i>								50,0		
<i>48:17</i>								72,3		
<i>40:5</i>								89,9		
<i>54:55</i>								50,5	47,1	
<i>52:51</i>								78,3		
<i>SS:SC</i>								50,0		

Продолжение табл. 1

Признаки	Б (11) к.523	Б (11) к.535	Б (11) к.540	Б (11) к.547	Б (11) к.551	Б (11) к.564	Б (11) к.569	Б (11) к.581	Б (11) к.589	Б (11) к.609
<i>1</i>		199,0			186,0		196,0	189,0	189,0	166,0
<i>8</i>		137,0			131,0		140,0	136,0	149,0	131,0
<i>17</i>										149,0
<i>5</i>										101,5
<i>10</i>		126,0								
<i>9</i>	106,0	101,5	101,0		89,5	96,0	102,0	93,0	100,5	103,0
<i>40</i>										93,5
<i>11</i>		121,0	106,5				124,0	117,0		111,5
<i>12</i>		111,0			107,0		115,0	107,0	118,0	113,5
<i>20</i>		128,0	127,0				128,0	124,0		127,0
<i>45</i>										
<i>48</i>	68,0	82,5	70,0							68,0
<i>47</i>	117,0	138,0								
<i>46</i>		101,0	96,5			96,0		94,0		
<i>43</i>		118,0	106,0							103,0
<i>54</i>	25,0		22,0			35,0		26,5		
<i>55</i>	50,5	50,0	46,0							51,0
<i>51</i>	45,0	49,5	43,5				41,0	43,0		43,5
<i>52</i>	31,0	34,6	34,5				33,0	29,5		33,5
<i>SC</i>		12,8	9,0	7,3						
<i>SS</i>		6,1	4,6	5,1						
<i>MC</i>		27,5	20,0	17,0						
<i>MS</i>		13,2	8,5	11,6						
<i>DC</i>										
<i>DS</i>										
<i>77</i>		144,0	140,0							
<i>Zm</i>			126,0					123,0		
<i>ВИЛ</i>		22,5	24,0							18,5
<i>ВИЗ</i>										22,6
<i>32</i>		71,0	83,0							76,0
<i>32a</i>		74,0	81,0							71,0
<i>72</i>		80,0	83,0							86,0
<i>73</i>		86,0	89,0							87,0
<i>74</i>		66,0	79,0							72,0
<i>75</i>		55,0	66,0							50,0
<i>75 (I)</i>		25,0	17,0							36,0
<i>8:1</i>		68,8			70,4		71,4	72,0	78,8	78,9
<i>48:45</i>										
<i>48:17</i>										
<i>40:5</i>										92,1
<i>54:55</i>	49,5		47,8							
<i>52:51</i>	68,9	69,9	79,3				80,5	68,6		77,0
<i>SS:SC</i>		47,7	51,1	69,9						

Продолжение табл. 1

Признаки	Б(11) к.623	Б(11) к.637	Б(11) к.651	Б(11) к.653	Б(11) к.658	Б(11) к.664	Б(11) к.671	Б(11) к.673	Б(11) к.676	Б(11) к.679
<i>I</i>	166,0		187,0	186,0			181,0	184,0	183,0	191,0
<i>8</i>	136,0		137,0	132,0		138,0		147,0	139,0	154,0
<i>17</i>	138,0							134,0		
<i>5</i>	101,0							107,0		
<i>10</i>	119,0							122,0		124,0
<i>9</i>	102,0	97,0	96,0	92,0		96,0		102,0	100,0	103,0
<i>40</i>	98,0							106,5		
<i>11</i>	118,0		121,0	119,0		122,0		119,0		
<i>12</i>	118,0			116,0		120,0		112,0	102,0	128,0
<i>20</i>	120,0		120,0	112,0				115,0		
<i>45</i>	134,0							142,0		
<i>48</i>	65,0	75,0		70,0	75,0			72,0		
<i>47</i>	114,0									
<i>46</i>	96,0	94,0		89,0					102,0	
<i>43</i>	105,0			96,5				111,0		
<i>54</i>	26,5				25,0			26,0		
<i>55</i>	50,5				50,0			55,0	55,5	
<i>51</i>	42,5			42,0	45,0			43,0	44,0	
<i>52</i>	31,0	30,0		32,5	38,0			30,0	35,5	
<i>SC</i>	7,2				10,3			10,2		
<i>SS</i>	1,8				4,8			4,8		
<i>MC</i>	17,3							18,8		
<i>MS</i>	4,8							8,5		
<i>DC</i>	24,5							24,5		
<i>DS</i>	10,0							14,0		
<i>77</i>	142,0			130,0						
<i>Zm</i>	123,0									
<i>ВИЛ</i>	23,0							24,5		
<i>ВИЗ</i>	28,0							28,5		
<i>32</i>	85,0							70,0		
<i>32a</i>	79,0							80,0		
<i>72</i>	83,0							87,0		
<i>73</i>	88,0							91,0		
<i>74</i>	67,0							73,0		
<i>75</i>	69,0							66,0		
<i>75 (I)</i>	14,0							21,0		
<i>8:1</i>	81,9		73,3	71,0				79,9	76,0	80,6
<i>48:45</i>	48,5							50,7		
<i>48:17</i>	69,6									
<i>40:5</i>	97,0							99,5		
<i>54:55</i>	52,5				50,0			47,3		
<i>52:51</i>	72,9			77,4	84,4			69,8	80,7	
<i>SS:SC</i>	25,0				46,6			47,1		

Окончание табл. 1

Признаки	Б(11) к.688	Б(11) к.690	Б(11) к.695	Б(11) к.721	Б(11) к.815	Б(11) Б/н3	Б(11) Б/н5	Б(11) Б/н6	Б(11) Б/н7
<i>1</i>		182,0	173,0	172,0	189,0	169,0	185,0	188,0	
<i>8</i>			148,0	132,0	139,0	139,0	131,0	140,0	132,0
<i>17</i>						136,0		149,0	
<i>5</i>						99,0		106,0	
<i>10</i>						115,0	120,0	124,0	
<i>9</i>	87,0	91,0	100,0	89,0	95,5	98,0	95,0	107,0	99,0
<i>40</i>						97,0		98,0	
<i>11</i>				108,0		114,0	102,0	124,0	103,0
<i>12</i>				103,0		107,0	105,0	111,0	113,0
<i>20</i>				105,0		113,0	118,0	118,0	114,0
<i>45</i>								136,0	
<i>48</i>						72,0	74,0	81,0	
<i>47</i>								117,0	
<i>46</i>	101,0					90,0	95,0	95,0	96,0
<i>43</i>						107,0	103,0	111,0	
<i>54</i>							24,0	25,5	27,0
<i>55</i>	50,0						53,0	49,0	
<i>51</i>	43,0	41,0				49,0	40,0	45,0	
<i>52</i>	29,0	31,0				22,0	33,0	37,0	44,0
<i>SC</i>	8,0					9,8	11,5	16,8	
<i>SS</i>	3,5					3,9	4,8	5,0	
<i>MC</i>						23,3	20,0	25,2	
<i>MS</i>						8,0	8,2	10,1	
<i>DC</i>						26,3			
<i>DS</i>						10,0			
<i>77</i>						135,0	123,0	123,0	
<i>Zm</i>						125,0	127,0	128,0	
<i>ВИЛ</i>						18,0	22,5	23,0	
<i>ВИЗ</i>								27,3	
<i>32</i>						73,0	80,0	82,0	
<i>32a</i>						72,0	74,0	75,0	
<i>72</i>						82,0	83,0	86,0	
<i>73</i>						87,0	89,0	94,0	
<i>74</i>						75,0	71,0	72,0	
<i>75</i>						57,0		62,0	
<i>75 (1)</i>						25,0		24,0	
<i>8:1</i>			85,5	76,7	73,5	82,2	70,8	74,5	
<i>48:45</i>								59,6	
<i>48:17</i>						66,2		63,8	
<i>40:5</i>						98,0		92,5	
<i>54:55</i>							45,3	52,0	
<i>52:51</i>	67,4	75,6				44,9	82,5	82,2	
<i>SS:SC</i>	43,8					39,8	41,7	29,8	

**Таблица 2. Индивидуальные данные мужских черепов
из могильников Братские 1-е курганы, Октябрьский I и Киевский I**

Признаки	Братские 1-е курганы						Октябрьский I м-к			
	к.40, ск.2	к.63, ск.1	ІБр п.1389	ІБр п.1394	ІБр п.1424, ск.1	ІБр п.1437, ск.1	к.1447, ск.1	к.768	к.854, ск.2	п.863, ск.1
<i>1</i>	199,0	179,0		187,0		180,0			181,0	184,0
<i>8</i>	138,0	134,0	134,0	134,0		140,0			144,0	141,0
<i>17</i>	135,0			135,0		134,0			144,0	137,0
<i>5</i>	109,0			104,0		101,0		104,0	113,0	108,0
<i>10</i>	128,0	124,0	123,0	122,0		122,0			121,0	130,0
<i>9</i>	101,5	104,0	98,0	98,5	99,0	100,5			102,0	99,0
<i>40</i>	103,0					94,0		103,0	107,0	105,0
<i>II</i>	121,0	107,0		117,0		114,0		120,5	121,0	120,0
<i>12</i>	108,0	102,0		112,0		108,0		120,0	110,0	109,0
<i>20</i>	110,5	119,6		111,6		115,7			120,7	107,4
<i>45</i>	140,0			130,0		126,0		138,0	133,0	138,0
<i>48</i>	75,0	71,0	72,0			64,0		66,0	75,0	78,0
<i>47</i>		120,0	114,0						122,0	127,0
<i>46</i>	107,5	104,0	110,0			106,5			105,0	106,5
<i>43</i>	94,0	90,0	96,0			90,0		108,0	95,0	100,0
<i>54</i>	22,5	25,0	23,0		25,5	24,5	26,5	27,4	24,0	23,5
<i>55</i>	54,0	50,0	52,0			52,5	50,0	51,0	53,0	53,0
<i>51</i>	49,5	43,5		40,5		40,5	43,0	44,0	43,0	45,0
<i>52</i>	32,0	34,0		33,5		32,5	35,5	32,0	33,0	34,0
<i>SC</i>	7,5				7,5	11,5	10,0	9,0	7,0	5,5
<i>SS</i>	6,0				3,5	5,5	4,0	4,5	4,5	3,0
<i>MC</i>	14,5					22,0	19,0	19,5	19,0	16,5
<i>MS</i>	9,5					9,0	10,5	6,5	8,0	6,5
<i>DC</i>	17,0							23,5		20,0
<i>DS</i>	10,5							9,5		10,0
<i>77</i>	137,0	126,0	141,0			137,0			136,0	140,0
<i>Zm</i>	124,0	125,0	126,0			122,0		121,0	129,0	131,0
<i>ВИЛ</i>	29,5	21,5		22,0	27,0	24,5			23,5	23,5
<i>ВИЗ</i>	34,0			22,0					22,5	26,5
<i>32</i>	78,0	63,0				85,0			75,0	78,8
<i>32a</i>	86,0	75,0				81,0			86,0	81,0
<i>72</i>	90,0	88,0				85,0		82,0	85,0	81,0
<i>73</i>	89,0	87,0				90,0		89,0	89,0	85,0
<i>74</i>	98,0	75,0				74,0		70,0	79,0	75,0
<i>75</i>	53,0					55,0		45,0	55,0	44,0
<i>75 (I)</i>	37,0					30,0		37,0	30,0	37,0
<i>8:1</i>	69,3	74,9		71,7		77,8			79,6	76,6
<i>48:45</i>	53,6					50,8		47,8	56,4	56,5
<i>48:17</i>	79,6					79,5			72,9	77,7
<i>40:5</i>						93,1		99,0	94,7	97,2
<i>54:55</i>	41,7	50,0	44,2			46,7	53,0	53,7	45,3	44,3
<i>52:51</i>	64,6	78,2		82,7		80,2	82,6	72,7	76,7	75,6
<i>SS:SC</i>	80,0				46,7	47,8	40,0	50,0	64,3	54,5

Окончание табл. 2

Признаки	Киевский I м-к						
	к.681? ск.1	к.683, ск.2	к.684, ск.2	к.785, ск.1	к.1051	к.1056	к.1057, ск.1
<i>I</i>			192,0	195,0			179,0
<i>8</i>			136,0	142,0			132,0
<i>17</i>			143,0	144,0			135,0
<i>5</i>	108,0		105,0	108,0		99,0	105,0
<i>10</i>			120,0	128,0			
<i>9</i>	106,0	100,0	100,0	98,0	93,0		99,0
<i>40</i>	100,0		95,0	95,0		109,0	
<i>11</i>			114,0	122,0			
<i>12</i>			105,0	114,0			
<i>20</i>			121,3	105,7			
<i>45</i>	132,0		129,0	129,0			120,0
<i>48</i>	79,0	72,0	65,0	77,0	76,0	68,0	64,0
<i>47</i>	121,0		106,0				111,0
<i>46</i>	107,0	99,0	105,0	107,0	106,0	97,0	100,0
<i>43</i>	100,0	106,0	99,0	101,0	101,0		85,0
<i>54</i>	26,0	25,0	25,0	26,0	22,0	27,5	22,0
<i>55</i>	54,0	49,0	46,0	57,0	56,0	50,0	45,0
<i>51</i>	43,0	43,0	43,0	47,0	44,0	45,0	41,0
<i>52</i>	36,0	38,0	29,0	35,0	33,0	36,0	29,0
<i>SC</i>		7,2	12,0	10,0	8,0	13,5	7,5
<i>SS</i>		2,0	4,0	6,0	5,5	4,5	4,0
<i>MC</i>		19,5	21,5	18,5	15,0	22,5	15,5
<i>MS</i>		5,5	7,0	8,5	9,0	9,5	6,5
<i>DC</i>		23,0	26,5	20,5		24,5	
<i>DS</i>		10,5	11,5	13,5		11,5	
<i>77</i>	133,0	142,0	138,0	127,0	142,0		
<i>Zm</i>	123,0	128,0	135,0	121,0	126,0	130,0	123,0
<i>ВИЛ</i>			24,0	29,5			
<i>ВИЗ</i>			31,0	33,0			23,0
<i>32</i>			77,0	77,0			
<i>32a</i>			85,0	84,0			
<i>72</i>			85,0	89,0			
<i>73</i>			88,0	89,0			
<i>74</i>			80,0	83,0			
<i>75</i>			48,0	45,0			
<i>75 (I)</i>			37,0	44,0			
<i>8:1</i>			70,8	72,8			73,7
<i>48:45</i>	59,8		50,4	59,7			53,3
<i>48:17</i>			73,4	74,3			74,1
<i>40:5</i>	92,6		90,5	88,0		110,1	
<i>54:55</i>	48,1	51,0	54,3	45,6	39,3	55,0	48,9
<i>52:51</i>	83,7	88,4	67,4	74,5	75,0	80,0	70,7
<i>SS:SC</i>		27,8	33,3	60,0	68,8	33,3	53,3

Таблица 3. Данные мужских серий из могильников Бесланский, Братские 1-е курганы, Октябрьский I и Киевский I.

	Общая серия						Бесланский могильник						Братские 1-е курганы, Октябрьский I, Киевский I						t		
	n	x	min	max	s	n	x	min	max	s	n	x	min	max	s	n	x	min		max	s
<i>I</i>	48	182,5	166,0	199,0	7,8	39	181,7	166,0	199,0	7,8	39	181,7	166,0	199,0	7,8	9	186,2	179,0	199,0	7,5	0,065
<i>8</i>	48	136,6	124,0	154,0	6,3	38	136,4	124,0	154,0	6,8	10	137,5	132,0	144,0	4,1	0,256					
<i>17</i>	22	138,9	124,0	149,0	5,8	14	139,2	124,0	149,0	6,6	8	138,4	134,0	144,0	4,5	0,364					
<i>5</i>	24	104,3	95,0	118,0	4,9	13	103,0	95,0	118,0	5,5	11	105,8	99,0	113,0	3,9	0,076					
<i>10</i>	26	120,2	105,0	130,0	6,0	17	118,1	105,0	126,0	6,0	9	124,2	120,0	130,0	3,6	0,002					
<i>9</i>	54	98,4	87,0	107,0	4,7	40	97,8	87,0	107,0	5,1	14	99,9	93,0	106,0	3,0	0,041					
<i>40</i>	18	99,6	89,0	109,0	5,5	9	97,9	89,0	106,5	5,1	9	101,2	94,0	109,0	5,5	0,102					
<i>11</i>	35	117,4	102,0	126,0	6,3	26	117,5	102,0	126,0	6,7	9	117,4	107,0	122,0	4,9	0,486					
<i>12</i>	38	110,0	102,0	128,0	5,7	29	110,1	102,0	128,0	6,0	9	109,8	102,0	120,0	5,2	0,442					
<i>20</i>	26	117,6	105,0	128,0	6,5	18	119,2	105,0	128,0	6,2	8	114,1	105,7	121,3	6,1	0,034					
<i>45</i>	20	132,2	120,0	142,0	5,4	10	132,9	124,0	142,0	4,8	10	131,5	120,0	140,0	6,1	0,288					
<i>48</i>	36	71,7	60,0	82,5	5,5	22	71,7	60,0	82,5	5,7	14	71,6	64,0	79,0	5,3	0,472					
<i>47</i>	13	119,5	106,0	138,0	8,2	6	122,0	114,0	138,0	9,2	7	117,3	106,0	127,0	7,3	0,168					
<i>46</i>	29	100,2	89,0	110,0	6,2	16	96,5	89,0	110,0	5,3	13	104,7	97,0	110,0	3,8	0,000					
<i>43</i>	25	101,8	85,0	118,0	7,6	12	106,7	96,5	118,0	5,5	13	97,3	85,0	108,0	6,5	0,000					
<i>54</i>	36	25,1	22,0	35,0	2,2	20	25,5	22,0	35,0	2,5	16	24,7	22,0	27,5	1,8	0,155					
<i>55</i>	36	51,7	45,0	59,0	3,1	21	51,8	46,0	59,0	3,0	15	51,5	45,0	57,0	3,3	0,405					
<i>51</i>	42	43,2	39,1	49,5	2,5	27	42,9	39,1	49,5	2,5	15	43,7	40,5	49,5	2,4	0,177					
<i>52</i>	44	33,2	22,0	44,0	3,4	29	33,0	22,0	44,0	3,8	15	33,5	29,0	38,0	2,5	0,295					
<i>SC</i>	26	9,7	5,5	16,8	2,6	13	10,4	7,2	16,8	2,8	13	8,9	5,5	13,5	2,3	0,084					
<i>SS</i>	26	4,4	1,8	6,1	1,1	13	4,3	1,8	6,1	1,0	13	4,4	2,0	6,0	1,2	0,458					
<i>MC</i>	23	19,9	14,5	27,5	3,4	11	21,3	17,0	27,5	3,5	12	18,6	14,5	22,5	2,7	0,026					
<i>MS</i>	23	8,4	4,8	13,2	1,9	11	8,8	4,8	13,2	2,3	12	8,0	5,5	10,5	1,6	0,181					
<i>DC</i>	12	23,6	17,0	30,1	3,4	5	25,7	23,0	30,1	2,7	7	22,1	17,0	26,5	3,2	0,034					

Окончание табл. 3

	Общая серия						Бесланский мотыльник						Братские 1-е курганы, Октябрьский I, Киевский I						t
	n	x	min	max	s		n	x	min	max	s		n	x	min	max	s		
<i>DS</i>	12	11,4	9,5	14,0	1,6		5	11,9	10,0	14,0	1,9		7	11,0	9,5	13,5	1,3	0,192	
77	21	135,2	123,0	144,0	6,5		10	134,0	123,0	144,0	7,5		11	136,3	126,0	142,0	5,6	0,223	
<i>Zm</i>	22	125,9	121,0	135,0	3,7		8	125,8	123,0	131,0	2,9		14	126,0	121,0	135,0	4,2	0,435	
<i>ВИЛ</i>	18	23,5	18,0	29,5	3,0		9	21,9	18,0	24,5	2,3		9	25,0	21,5	29,5	3,0	0,014	
<i>ВИЗ</i>	12	27,0	22,0	34,0	4,1		5	26,3	22,6	28,5	2,5		7	27,4	22,0	34,0	5,2	0,311	
32	18	77,7	63,0	91,0	6,6		11	78,6	70,0	91,0	6,7		7	76,3	63,0	85,0	6,6	0,237	
32a	18	77,9	67,0	86,0	5,7		11	75,0	67,0	81,0	4,7		7	82,6	75,0	86,0	4,0	0,001	
72	19	85,2	80,0	92,0	3,6		11	84,9	80,0	92,0	3,9		8	85,6	81,0	90,0	3,2	0,334	
73	19	89,4	85,0	102,0	3,7		11	90,2	86,0	102,0	4,6		8	88,3	85,0	90,0	1,6	0,110	
74	19	75,9	66,0	98,0	7,3		11	73,5	66,0	84,0	5,4		8	79,3	70,0	98,0	8,6	0,063	
75	17	55,5	44,0	69,0	7,9		10	59,9	50,0	69,0	6,7		7	49,3	44,0	55,0	4,9	0,001	
75(I)	17	29,6	14,0	44,0	9,2		10	25,2	14,0	38,0	9,0		7	36,0	30,0	44,0	4,8	0,003	
8:1	33	74,8	65,6	85,5	4,5		24	75,1	65,6	85,5	4,9		9	74,1	69,3	79,6	3,4	0,268	
48:45	13	53,6	47,8	59,8	4,4		4	52,2	48,5	59,6	5,0		9	54,3	47,8	59,8	4,2	0,253	
48:17	12	73,2	63,8	79,6	4,8		5	69,3	63,8	74,8	4,4		7	75,9	72,9	79,6	2,9	0,013	
40:5	14	95,3	88,0	110,1	5,5		6	94,8	89,9	99,5	3,8		8	95,7	88,0	110,1	6,8	0,391	
54:55	26	48,1	39,3	55,0	4,0		11	48,2	42,9	52,5	3,0		15	48,1	39,3	55,0	4,8	0,463	
52:51	34	75,5	44,9	88,4	7,8		19	74,4	44,9	84,4	8,8		15	76,9	64,6	88,4	6,4	0,177	
SS:SC	26	47,0	25,0	80,0	13,8		13	43,2	25,0	69,9	11,6		13	50,8	27,8	80,0	15,1	0,082	

**Таблица 4. Индивидуальные данные женских черепов
из Бесланского могильника**

Признаки	Б (08) к.407	Б (11) к.530	Б (11) к.572	Б (11) к.581	Б (11) к.595	Б (11) к.596	Б (11) к.612	Б (11) к.622	Б (11) к.654	Б (11) к.655
<i>I</i>	168,0	177,0	169,0			179,0	167,0	174,0	176,0	
<i>8</i>	129,0	131,0	129,0			122,0	123,0		129,0	
<i>17</i>		137,0	131,0			137,0	137,0	136,0		
<i>5</i>		98,0	94,0			104,0	100,0	99,0		
<i>10</i>		112,0				104,0				
<i>9</i>	96,8	89,5	94,0			91,0			91,0	95,0
<i>40</i>		91,0	91,0			118,0	97,0	93,0		
<i>11</i>		110,0	111,0			113,5			112,0	
<i>12</i>		105,0	110,0			109,0			99,0	
<i>20</i>		115,0	104,0			112,0			112,0	
<i>45</i>									125,0	
<i>48</i>	67,0	70,0	67,0			69,8	65,0		65,0	69,0
<i>47</i>						116,0		108,0		
<i>46</i>			84,0							
<i>43</i>									99,0	
<i>54</i>	24,5	23,5			23,0	23,6	23,0	24,0		23,0
<i>55</i>	48,3	52,0	47,0		50,0	51,5	46,0	50,0	48,0	49,0
<i>51</i>	43,0	39,0	41,0		40,0	40,5	42,0	38,5	42,0	40,0
<i>52</i>	33,5	33,0	32,5		32,0	31,2	35,0	34,0	31,5	34,0
<i>SC</i>			11,0		11,0	11,5	7,0		6,5	10,1
<i>SS</i>			3,5		3,0	2,8	3,5		1,8	4,0
<i>MC</i>			19,0			19,8	19,3			
<i>MS</i>			7,8			7,8	5,8			
<i>77</i>						148,0			134,0	
<i>Zm</i>										
<i>ВИЛ</i>		18,5				19,5			23,0	
<i>ВИЗ</i>		19,0				27,0				
<i>32</i>		73,0				89,0			88,0	
<i>32a</i>		71,0				74,0			81,0	
<i>72</i>		84,0				77,0			84,0	
<i>73</i>		86,0				81,0			79,0	
<i>74</i>		82,0				58,0			72,0	
<i>75</i>										
<i>75(I)</i>										
<i>8:1</i>	76,8	74,0	76,3			68,2	73,7		73,3	
<i>48:45</i>									52,0	
<i>40:5</i>		92,9	96,8			113,5	97,0	93,9		
<i>48:17</i>		51,1	51,1			50,9	47,4			
<i>54:55</i>	50,7	45,2			46,0	45,8	50,0	48,0		46,9
<i>52:51</i>	77,9	84,6	79,3		80,0	77,0	83,3	88,3	75,0	85,0
<i>SS:SC</i>			31,8		27,3	24,3	50,0		27,7	39,6

Окончание табл. 4

Признаки	Б (11) к.660	Б (11) к.689	Б (11) к.726	Б (11) к.731	Б (11) к.745	Б (11) к.765	Б (11) Б/н4
<i>1</i>		189,0	163,0		181,0	181,0	167,0
<i>8</i>		133,0	127,0		131,0	119,0	131,0
<i>17</i>							
<i>5</i>							
<i>10</i>							
<i>9</i>	96,0	91,0			100,0		
<i>40</i>							
<i>11</i>					114,0	112,0	107,0
<i>12</i>					108,0		97,0
<i>20</i>					115,0	107,0	117,0
<i>45</i>					123,0		
<i>48</i>	65,0	72,0		73,0		74,0	
<i>47</i>		112,5		118,0			
<i>46</i>					99,0	94,0	85,0
<i>43</i>		104,0			107,0	96,0	
<i>54</i>		24,0			26,5	23,5	24,0
<i>55</i>	47,0	50,0		52,0		50,0	53,0
<i>51</i>	41,0	40,0		40,0	43,0	40,0	40,0
<i>52</i>	36,0	32,5		35,5	33,0	30,5	38,0
<i>SC</i>				12,3		9,0	11,0
<i>SS</i>				3,6		3,8	3,0
<i>MC</i>							23,5
<i>MS</i>							6,5
<i>77</i>							
<i>Zm</i>					122,0	123,0	128,0
<i>ВИЛ</i>							22,5
<i>ВИЗ</i>							
<i>32</i>							85,0
<i>32a</i>							76,0
<i>72</i>							86,0
<i>73</i>							78,0
<i>74</i>							68,0
<i>75</i>							66,0
<i>75(I)</i>							20,0
<i>8:1</i>		70,4	77,9		72,4	65,7	78,4
<i>48:45</i>							
<i>40:5</i>							
<i>48:17</i>							
<i>54:55</i>		48,0				47,0	45,3
<i>52:51</i>	87,8	81,3		88,8	76,7	76,3	95,0
<i>SS:SC</i>				29,3		42,2	27,3

**Таблица 5. Индивидуальные данные женских черепов
из могильников Братские 1-е курганы, Октябрьский I и Киевский I**

Признаки	Братские 1-е курганы		Октябрьский I м-к		Киевский I м-к			
	Бр п.1374	к.12 п.2 кам.2	п.824	п.864	к.463	к.684 ск.1	к.1059	к.1062 ск.1
<i>I</i>		185,0	168,0	169,0	181,0	170,0		178,0
<i>8</i>	134,0	138,0	130,0	131,0	137,0	132,0		134,0
<i>17</i>		137,0	134,0	132,0	138,0	136,0		140,0
<i>5</i>		103,0	95,0	93,0	108,0	94,0		100,0
<i>10</i>		121,0	114,0	118,0	118,0	118,0	123,0	119,0
<i>9</i>		101,0	96,0	92,0	98,0	76,0	103,0	100,0
<i>40</i>		97,0	90,0	94,0	95,0	87,0		99,0
<i>11</i>		107,0	115,0	109,0	116,0	89,0		110,0
<i>12</i>		103,0	96,0	103,0	112,0	82,0		102,0
<i>20</i>		117,4	109,9	113,6	114,1	95,1		122,2
<i>45</i>		121,0	123,0	118,0	121,0	100,0		119,0
<i>48</i>	58,0	70,0	62,0	69,0	77,0	45,0	71,0	67,0
<i>47</i>	106,0	110,0			121,0		115,0	108,0
<i>46</i>		106,5	100,0	98,0	107,0	79,0	106,0	100,0
<i>43</i>		95,5	88,0	91,0	100,0	64,0	94,0	98,0
<i>54</i>	26,0	26,5	22,0	24,0	26,0	22,0	23,0	24,0
<i>55</i>	50,5	47,5	46,0	50,0	56,0	51,0	49,0	47,0
<i>51</i>		43,5	40,0	40,0	43,0	40,0	40,0	39,0
<i>52</i>	33,5	31,5	34,0	34,0	37,0	35,0	30,0	31,0
<i>SC</i>	14,0	10,5	10,5	10,0	9,0	8,5	10,5	8,0
<i>SS</i>	4,5	5,5	4,0	4,0	4,0	3,5	4,0	2,0
<i>MC</i>		22,5	18,0	16,0	19,5	17,0	19,5	21,0
<i>MS</i>		9,5	5,5	6,0	7,5	5,5	7,0	5,5
<i>77</i>		136,0	140,0	142,0	135,0	143,0	142,0	139,0
<i>Zm</i>		127,0	134,0	123,0	123,0	129,0	125,0	133,0
<i>ВИЛ</i>	24,5	27,0	22,0	22,0	16,0	22,0	26,0	26,5
<i>ВИЗ</i>		28,0	21,0	23,0	36,5			
<i>32</i>		80,0	70,0	74,0	65,0	78,0		82,0
<i>32a</i>		75,0	77,0	79,0	71,0	82,0		91,0
<i>72</i>		74,0	81,0	78,0	85,0	81,0		80,0
<i>73</i>		77,0	87,0	84,0	85,0	85,0		57,0
<i>74</i>		77,0	69,0	65,0	75,0	72,0		88,0
<i>75</i>		56,0	55,0	55,0	53,0	61,0		65,0
<i>75(1)</i>		18	26	23	32	20		15
<i>8:1</i>		74,6	77,4	77,5	75,7	77,6		75,3
<i>48:45</i>		57,9	50,4	58,5	63,6	45,0		56,3
<i>40:5</i>		94,2	94,7	101,1	88,0	92,6		99,0
<i>48:17</i>		51,1	46,3	52,3	55,8	33,1		47,9
<i>54:55</i>	51,5	55,8	47,8	48,0	46,4	43,1	46,9	51,1
<i>52:51</i>		72,4	85,0	85,0	86,0	87,5	75,0	79,5
<i>SS:SC</i>	32,1	52,4	38,1	40,0	44,4	41,2	38,1	25,0

Таблица 6. Данные женских серий из могильников Бесланский, Братские 1-е курганы, Октябрьский I и Киевский I

	Общая серия					Бесланский могильник					Братские 1-е курганы, Октябрьский I, Киевский I					t
	n	x	min	max	s	n	x	min	max	s	n	x	min	max	s	
I	18	174,6	163,0	189,0	7,3	12	174,3	163,0	189,0	7,6	6	175,2	168,0	185,0	7,1	0,403
8	18	130,0	119,0	138,0	4,9	11	127,6	119,0	133,0	4,4	7	133,7	130,0	138,0	3,0	0,002
17	11	135,9	131,0	140,0	2,6	5	135,6	131,0	137,0	2,6	6	136,2	132,0	140,0	2,9	0,370
5	11	98,9	93,0	108,0	4,8	5	99,0	94,0	104,0	3,6	6	98,8	93,0	108,0	5,9	0,478
10	9	116,3	104,0	123,0	5,7	2	108,0	104,0	112,0		7	118,7	114,0	123,0	2,8	0,104
9	16	94,4	76,0	103,0	6,4	9	93,8	89,5	100,0	3,5	7	95,1	76,0	103,0	9,2	0,363
40	11	95,6	87,0	118,0	8,2	5	98,0	91,0	118,0	11,4	6	93,7	87,0	99,0	4,5	0,231
11	13	109,7	89,0	116,0	6,8	7	111,4	107,0	114,0	2,4	6	107,7	89,0	116,0	9,8	0,203
12	12	102,2	82,0	112,0	8,1	6	104,7	97,0	110,0	5,5	6	99,7	82,0	112,0	10,1	0,158
20	13	111,9	95,1	122,2	6,8	7	111,7	104,0	117,0	4,7	6	112,1	95,1	122,2	9,3	0,469
45	8	118,8	100,0	125,0	7,9	2	124,0	123,0	125,0		6	117,0	100,0	123,0	8,5	0,052
48	19	67,1	45,0	77,0	6,9	11	68,8	65,0	74,0	3,3	8	64,9	45,0	77,0	9,9	0,155
47	9	112,7	106,0	121,0	5,1	4	113,6	108,0	118,0	4,4	5	112,0	106,0	121,0	6,0	0,327
46	11	96,2	79,0	107,0	9,7	4	90,5	84,0	99,0		7	99,5	79,0	107,0	9,8	0,060
43	11	94,2	64,0	107,0	11,4	4	101,5	96,0	107,0		7	90,1	64,0	100,0	12,2	0,029
54	19	24,0	22,0	26,5	1,4	11	23,9	23,0	26,5	1,0	8	24,2	22,0	26,5	1,8	0,333
55	22	49,6	46,0	56,0	2,5	14	49,6	46,0	53,0	2,1	8	49,6	46,0	56,0	3,1	0,479
51	22	40,7	38,5	43,5	1,4	15	40,7	38,5	43,0	1,3	7	40,8	39,0	43,5	1,7	0,438
52	23	33,4	30,0	38,0	2,1	15	33,5	30,5	38,0	2,0	8	33,3	30,0	37,0	2,3	0,408
SC	17	10,0	6,5	14,0	1,9	9	9,9	6,5	12,3	2,0	8	10,1	8,0	14,0	1,8	0,420
SS	17	3,6	1,8	5,5	0,9	9	3,2	1,8	4,0	0,7	8	3,9	2,0	5,5	1,0	0,054
MC	11	19,6	16,0	23,5	2,2	4	20,4	19,0	23,5		7	19,1	16,0	22,5	2,3	0,180
MS	11	6,8	5,5	9,5	1,3	4	7,0	5,8	7,8		7	6,6	5,5	9,5	1,5	0,335
77	9	139,9	134,0	148,0	4,5	2	141,0	134,0	148,0		7	139,6	135,0	143,0	3,1	0,436

Окончание табл. 6

	Общая серия						Бесланский мотыжник						Братские 1-е курганы, Октябрьский I, Клевский I						t
	n	x	min	max	s		n	x	min	max	s		n	x	min	max	s		
<i>Zm</i>	10	126,7	122,0	134,0	4,3		3	124,3	122,0	128,0			7	127,7	123,0	134,0	4,5	0,116	
<i>ВИЛ</i>	12	22,5	16,0	27,0	3,3		4	20,9	18,5	23,0			8	23,3	16,0	27,0	3,6	0,096	
<i>ВИЗ</i>	6	25,8	19,0	36,5	6,3		2	23,0	19,0	27,0			4	27,1	21,0	36,5		0,250	
<i>32a</i>	10	78,4	65,0	89,0	7,9		4	83,8	73,0	89,0			6	74,8	65,0	82,0	6,5	0,049	
	10	77,7	71,0	91,0	6,0		4	75,5	71,0	81,0			6	79,2	71,0	91,0	6,9	0,163	
<i>72</i>	10	81,0	74,0	86,0	3,9		4	82,8	77,0	86,0			6	79,8	74,0	85,0	3,7	0,141	
<i>73</i>	10	79,9	57,0	87,0	8,8		4	81,0	78,0	86,0			6	79,2	57,0	87,0	11,4	0,362	
<i>74</i>	10	72,6	58,0	88,0	8,5		4	70,0	58,0	82,0			6	74,3	65,0	88,0	7,9	0,247	
<i>75</i>	7	58,7	53,0	66,0	5,3		1	66,0					6	57,5	53,0	65,0	4,5		
<i>75(1)</i>	7	22,0	15,0	32,0	5,6		1	20,0					6	22,3	15,0	32,0	6,1		
<i>8:1</i>	17	74,4	65,7	78,4	3,6		11	73,4	65,7	78,4	4,0		6	76,4	74,6	77,6	1,3	0,021	
<i>48:45</i>	7	54,8	45,0	63,6	6,1		1	52,0					6	55,3	45,0	63,6	6,6		
<i>40:5</i>	11	96,7	88,0	113,5	6,6		5	98,8	92,9	113,5	8,4		6	94,9	88,0	101,1	4,7	0,195	
<i>48:17</i>	10	48,7	33,1	55,8	6,1		4	50,2	47,4	51,1			6	47,7	33,1	55,8	7,9	0,249	
<i>54:55</i>	18	48,0	43,1	55,8	2,9		10	47,3	45,2	50,7	1,9		8	48,8	43,1	55,8	3,9	0,163	
<i>52:51</i>	22	82,1	72,4	95,0	5,7		15	82,4	75,0	95,0	5,8		7	81,5	72,4	87,5	5,9	0,368	
<i>SS:SC</i>	17	35,9	24,3	52,4	8,6		9	33,3	24,3	50,0	8,7		8	38,9	25,0	52,4	8,1	0,093	

Н. Г. Свиркина, С. А. Володин

РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕМАЦИЙ I в. до н. э. – II в. н. э. ИЗ СКЛЕПОВ ВОСТОЧНОГО НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ¹

Резюме. В статье представлены предварительные результаты комплексного биоархеологического исследования серии трупосожжений I в. до н. э. – II в. н. э., обнаруженных в склепах Восточного некрополя Фанагории. Результаты определения основных характеристик сожженных останков сравниваются с данными о кремациях из некрополей Западной и Южной Европы, что позволило наметить основные черты общеримской традиции сожжения покойных, которой придерживалось и городское население столицы Азиатского Боспора. Помимо этого был проведен химический анализ состава «припеканий» на костях изучаемой серии, и оказалось, что данные аномалии на останках являются следами контакта с керамическими изделиями во время сожжения. В ходе анализа изотопов стронция было сделано предположение о низкой мобильности изученных индивидов.

Ключевые слова: биоархеология, кремация, изотопы стронция, Боспорское царство, погребальный обряд, Фанагория, античность.

Обряд кремации на территории Северного Причерноморья известен со времени греческой колонизации и был распространен вплоть до эпохи Великого переселения народов (*Блаватский*, 1951; *Арсеньева*, 1984. С. 222; *Шургая*, 1984. С. 62; *Ворошилова*, 2012. С. 13; *Супрун*, 2014. С. 29). Несмотря на длительную историю изучения погребальных памятников античной эпохи в этом регионе, вопросов, связанных с культурно-этнической основой традиции кремирования усопших, остается много.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00154 «Кремация как источник для реконструкции жизни городского населения Фанагории в римское время: старые и новые методы исследования».

Например, у исследователей к настоящему времени так и не сложилось окончательного мнения, является ли обряд кремации в Северном Причерноморье в первые века н. э. продолжением античных (греко-римских) традиций или был привнесен местными варварскими племенами (*Цветаева*, 1951. С. 75; *Кастанаян*, 1959. С. 274; *Шелов*, 1961. С. 83; *Мыц и др.*, 2006. С. 181). Отметим, что основной проблемой в решении данного вопроса является отсутствие понимания, что считать античной традицией кремации и была ли она единой.

Возможно, описанная выше ситуация сложилась из-за того, что непосредственно сожженные останки долгое время специально не исследовались. Это было связано во многом со слабой интеграцией в археологические исследования специалистов в области физической антропологии. Кроме того, до недавнего времени методика изучения кремированных костей была разработана слабо, а сами сожженные останки недостаточно подробно фиксировались, собирались и хранились.

К настоящему моменту ситуация изменилась, сформулированы и апробированы методические подходы к изучению кремаций в рамках биоархеологического направления исследований (*Schmidt, Symes*, 2008; *Scott*, 2008; *Zipp*, 2010; *Козловская*, 1998; *Добровольская*, 2010; *Клещенко*, 2016; и др.). Комплексный анализ костных останков в сочетании с данными археологических источников позволяет получить принципиально новую информацию о погребальной практике, что было продемонстрировано на материалах эпохи РЖВ и Средневековья (*Широбоков, Юшкова*, 2014; *Сыроватко и др.*, 2015; 2019; *Клещенко*, 2016).

Впрочем, подобные исследования для античных памятников Боспорского региона, как и Северного Причерноморья, пока единичны. М. В. Добровольской были представлены результаты анализа двух кремаций, происходящих из римских склепов некрополя Фанагории, на основании полученных данных было выдвинуто предположение о влиянии местных (кавказских) традиций трупосожжения на античный погребальный обряд, практиковавшийся населением города (*Добровольская*, 2016).

Не вызывает сомнений тот факт, что исследования античных кремаций необходимо продолжать. Возможность обратиться к изучению небольшой серии сожжений из материалов некрополя восточной столицы Боспорского царства появилась благодаря систематическому сбору и хранению антропологических останков, который осуществляется Фанагорийской археологической экспедиции Института археологии РАН (рук. В. Д. Кузнецов). При изучении этой серии трупосожжений было решено не ограничиваться применением стандартного набора методик исследования кремированных останков (*Козловская*, 1998; *Добровольская*, 2010. С. 91–94; *Клещенко*, 2016. С. 7) и включить дополнительно блок естественно-научных методов. Это позволило не только существенно расширить наши знания о погребальном обряде, но и обратиться к методологическим вопросам изучения сожженных останков, наметить круг дополнительных возможностей и перспектив исследований кремаций в рамках биоархеологического направления.

Все исследованные кремации происходят из склепов римского периода (№ 162, 168, 191, 195, 201), раскопанных на территории Восточного некрополя города в 2011 и 2013 гг. (*Кузнецов*, 2011. С. 66, 67, 70, 71; 2013. С. 74, 75,

77, 78, 82, 83)². Погребения 162 и 191 являлись остатками каменных склепов. Первоначальная локализация кремированных костей внутри них не была установлена из-за неоднократного ограбления, а антропологические останки были потревожены и перемешаны. Погребения 168, 195 и 201 – однокамерные грунтовые склепы. В склепе 168 кремация зафиксирована в деревянном гробу вместе с потревоженными скелетами других индивидов, погребенными по обряду ингумации. В погребениях 195 и 201 остатки трупосожжений были обнаружены в сосудах. Датировка склепов укладывается в период I в. до н. э. – II в н. э. (Кузнецов, 2011. С. 67, 71; 2013. С. 75, 78, 83).

Комплексное биоархеологическое исследование серии кремаций на первом этапе предполагало установление основных характеристик останков, включающей описание цвета, веса, размера костных фрагментов, характера трещин, половозрастное определение³, получение сведений о видовой принадлежности (присутствие или отсутствие костей животных), установление минимального количества индивидов, патологических особенностей костной ткани. Сведения, полученные в соответствии с заданными критериями, позволили охарактеризовать общие черты погребальной обрядности.

Погребение 162. Общая масса сожженных останков составила около 300 г. Продольные размеры фрагментов костей преимущественно белого цвета достигают 50 мм. Удалось идентифицировать фрагменты стенок трубчатых костей конечностей и свода черепа, принадлежавших взрослому индивиду. Деформации отсутствуют, растрескивания ткани прямые. Основные характеристики останков указывают на то, что сожжение происходило в условиях воздействия высоких температур, в диапазоне от 600 до 900 °C⁴. Исходя из анализа данных, можно предположить, что обряд кремации был совершен через непродолжительное время после смерти индивида.

Погребение 168. Общая масса сожженных останков составила 410 г. Для костей в основном типичен белый цвет ткани, однако цветовой диапазон некоторых неоднороден и варьируется от светло-синего до черного. Размер фрагментов, представляющих все отделы скелета, не превышает 80 мм, при этом выявлены разнообразные растрескивания и деформации. Судя по всему, останки принадлежали молодому индивиду мужского пола (20–29 лет). Совокупность вышеперечисленного указывает на высокотемпературную кремацию (диапазон 600–900 °C) при сохранении мягких тканей на момент сожжения.

² Пользуясь возможностью, авторы благодарят В. Д. Кузнецова и А. В. Ворошилова (руководителя раскопок на Восточном некрополе) за предоставленные материалы.

³ Половозрастная идентификация производилась на основании методик, которые обычно применяются антропологами при работе с останками ингумаций (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Ubelaker, 1978; Standards..., 1994; Bass, 1995) с учетом рекомендаций специалистов, работающих с кремированными останками (Добровольская, 2010. С. 91, 92; Клещенко, Решетова, 2019. С. 22, 23).

⁴ Здесь и далее реконструкция диапазона температуры сожжения основана на цветовых изменениях, зафиксированных на фрагментах костей (по: Walker, Miller, 2008. P. 136; Wahl, 1981. S. 273).

Погребение 191. Общая масса фрагментов кремации, размеры которых достигают 80 мм, составила около 500 г. Были идентифицированы кости всех отделов скелета. Большинство фрагментов имеют однородный белый цвет, для небольшой части цветность меняется от светло-синей до черной и темно-коричневой. Останки принадлежали одному индивиду, вероятно, мужчине, возраст которого не превышал 40–45 лет, о чем можно судить по отсутствию маркеров дегенеративных (возрастных) изменений. Трещины и деформации костной ткани разнообразны. Совокупность характеристик также указывает на высокотемпературную кремацию при сохранении мягких тканей на момент сожжения. На некоторых фрагментах были зафиксированы каплеобразные «припекаания».

Погребение 195. Общая масса останков из данной кремации составляет около 3000 г. Продольные размеры фрагментов достигают 150 мм. Цветность фрагментов неоднородная и варьируется от белого до коричневого и черного. В соответствии с цветом костных останков можно сделать вывод о том, что температура сожжения не превышала 400–600 °С. Примечательно, что на некоторых участках костей слабо выражены или вовсе отсутствуют следы прямого контакта с огнем. Идентифицированы кости всех отделов скелета, которые принадлежали одному индивиду: мужчине 20–39 лет. Деформации и трещины на останках не выражены, за исключением лицевого отдела черепа и позвонков. Перечисленные особенности массы, размера, цвета и деформационных изменений костной ткани наиболее вероятны при двух обстоятельствах: 1) непродолжительное и неравномерное горение тела; 2) сожжение происходило при частичном или практически полном освобождении костей от мягких тканей и утрате ими влаги (такой обряд характерен для традиции отложенных кремаций, появление которых может рассматриваться в контексте кавказских влияний (*Успенский и др.*, 2013)).

Следует отметить, что кремированные останки из погребения 195 уже становились предметом специального исследования в упомянутой выше работе М. В. Добровольской (*Добровольская*, 2016). Автором были выделены две группы фрагментов костей, отличающиеся по цвету, характеру трещин и включающие «анатомически аналогичные участки» (Там же. С. 102). На основании этих наблюдений исследователем был сделан вывод о том, что остатки кремации принадлежали двум разным индивидам. Повторное обращение к данным материалам, проведенное авторами данной работы, не подтвердило присутствие останков двух людей. Нет никаких оснований полагать, что эти кости принадлежат разным индивидам, так как среди фрагментов не зафиксировано гомологичных элементов скелета. Впрочем, стоит отметить, что, ориентируясь на показатель цветности и характер трещин, останки из данного объекта действительно можно разделить на две группы. В первой оказываются кости верхней части туловища и черепа (имеют преимущественно белый – светло-серый и серый цвет, формы трещин и разломов разнообразны), а во второй – нижних конечностей (преобладает темно-коричневый – черный и темно-серый цвет, трещины в большинстве случаев прямые).

Погребение 201. Общая масса кремированных останков, размер которых не превышает 120 мм, составляет 880 г. Цвет их однородный, преобладает белый и светло-серый, встречаются фрагменты с темно-серыми и синими участками. В выборке представлены кости всего скелета, принадлежавшего мужчине

возрастом около 45–55 лет (*maturus* II). При изучении фрагментов челюсти зафиксирована прижизненная утрата нижних моляров. Также отмечено присутствие деформационных трещин, которые характерны для высокотемпературных кремаций, совершенных через непродолжительное время после смерти индивида. На фалангах кистей и ключице (?) выявлены множественные «припекаания».

Обобщая результаты проведенного исследования костных останков, перечислим основные черты, характеризующие данную серию. Все кремации индивидуальны, содержат останки всех отделов скелета взрослых индивидов, вероятно, мужского пола; обряд совершался через непродолжительное время после смерти (возможно, исключением является индивид из погребения 195). Трупосожжение проходило при высоких температурах – от 600 до 900 °С (исключение также составляет индивид из погребения 195). Нужно отметить, что ни разу не были выявлены кости животных.

По этим базовым критериям нами было проведено сопоставление материалов из раскопок Фанагории с кремациями, обнаруженными на синхронных памятниках римского периода Западной и Южной Европы (табл. 1).

Таблица 1. Серии, привлеченные в рамках исследования традиции трупосожжения

№ п/п	Наименование памятника и его локализация	Публикация
1	Eastern Cemetery, Лондон, Великобритания	<i>McKinley, 2000</i>
2	Cemetery at Brougham, Камбрия, Великобритания	<i>McKinley, 2004</i>
3	St Lambert necropolis, Fréjus, Вар, Франция	<i>Berato et al., 1990</i>
4	«La Fache des Près Aulnoys», Баве, Франция	<i>Barrand Emam, 2012</i>
5	«84-86 André Malreux», Метц, Франция	<i>Ibid.</i>
6	Tiel Passewaaij, Нидерланды	<i>Van den Bos, Maat, 2002</i>
7	Valkenburg-Marktvelde, Нидерланды	<i>Smits, 2006</i>
8	Krefeld-Gellep, Нидерланды	<i>Ibid.</i>
9	Several Roman imperial sites, Германия	<i>Wahl, 2008</i>
10	Necropolis d'Avenches «En Chaplix», Швейцария	<i>Porro et al., 1999</i>
11	Porta Nocera necropolis, Помпеи, Италия	<i>Duday, 2013</i>
12	Verona Porta Palio and Spianà, Италия	<i>Drusini et al., 1997</i>
13	Southern funerary area, Мерида, Испания	<i>Silva, 2015</i>
14	Santa Criz necropolis, Эслава, Испания	<i>Armendáriz et al., 2001</i>
15	Espinal second cemetery, Наввара, Испания	<i>Unzu, Peréx, 2010</i>
16	Salacia, Azinhaga do Senhor dos Mártires, Португалия	<i>Silva, 2019</i>

Для большинства некрополей типично сочетание индивидуальных и парных кремаций. Наиболее часто в парных погребениях встречается комбинация «взрослый + ребенок» (*McKinley, 2000; Van Den Bos, Maat, 2002; Wahl, 2008; Silva, 2015; 2019*). Процент кремированных останков мужчин и женщин стремится к паритету, за исключением отдельных памятников: Eastern Cemetery

(30,4/69,6 %), Verona Porta Palio and Spianà (30,9/69,1 %). Число детей может доходить до 30 % от общего числа индивидов (*Van den Bos, Maat, 2002; Wahl, 2008; Silva, 2015; 2019*). По приведенным в публикациях весовым характеристикам фрагментов и идентифицированным участкам скелетов можно сделать вывод о преобладании традиции полного депонирования остатков сожжения. Наличие костей животных в погребении не является универсальной закономерностью. Также отметим, что в отношении размеров фрагментов и характера трещин единообразия отсутствует, в рамках одного некрополя эти значения могут значительно варьировать. Цвет фрагментов преимущественно белый.

Исходя из представленных сведений, можно предположить, что обряд кремации в Фанагории и на территориях, подконтрольных Римской империи, производился в рамках приверженности к общеримской традиции. В то же время, фанагорийский обряд сожжения имеет несколько уникальных черт, среди которых примечательно отсутствие парных, детских и, вероятно, женских кремаций. Впрочем, данное обстоятельство может быть обусловлено недостаточной изученностью памятника или другими факторами.

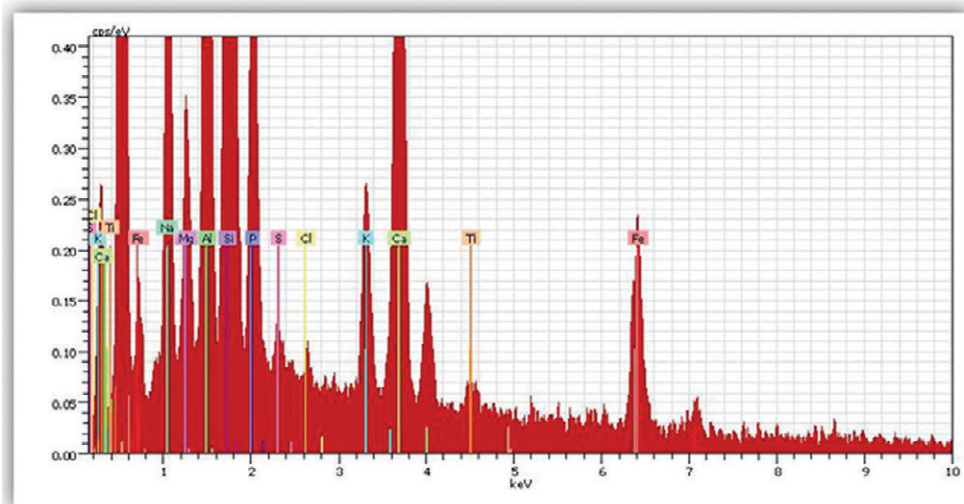
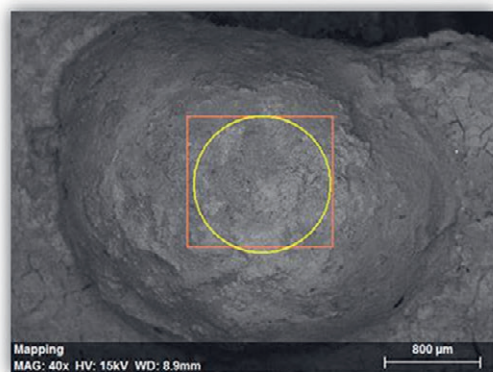
Вторым этапом комплексных исследований описанной выше серии кремаций стало изучение «припеканий», обнаруженных на кремированных костях индивидов из погребений 191 и 201. Серия из 10 фрагментов была отобрана для анализа состава при помощи рентгено-флуорисцентного спектрометра ArtTAX и электронного микроскопа TM3030 Tabletop Microscope (НИТАСНИ)⁵. Последний продемонстрировал присутствие в «припеканиях» железа, алюминия, калия, натрия, фосфора, магния, титана и других элементов (рис. 1).

Кроме того, была проведена визуальная экспертиза фрагментов с использованием микроскопа Zeiss Axiovert 25CA, которая выявила в структуре «припеканий» небольшие фрагменты обожженной глины (рис. 2). Суммируя полученные данные, был сделан предварительный вывод о том, что данные «припекания» являются ошлакованной керамикой (*Володин, 2020*). Можно предположить, что во время сожжения индивидов из погребений 191 и 201 в погребальном костре находились керамические изделия (погребальный инвентарь / обрядовые действия?). Впрочем, нельзя исключать, что данные припекания могут являться следами контакта кости с суглинистыми почвами.

Третьим этапом стало изучение мобильности индивидов с помощью анализа изотопов стронция ($87\text{Sr}/86\text{Sr}$). Для получения фонового значения окружающей местности были отобраны образцы дикорастущих растений семейства мятликовых (злаки), произрастающих на территории Фанагории в трех разных точках (рис. 3).

Определение $87\text{Sr}/86\text{Sr}$ в образцах производилось в центре изотопных исследований ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского к. геол.-мин. н. Е. С. Богомолковым. При сопоставлении результатов стоит подчеркнуть, что величины $87\text{Sr}/86\text{Sr}$ в кремированных останках вполне укладываются в диапазон изменчивости образцов современной флоры. Это может указывать на низкую мобильность ин-

⁵ Исследование проводилось на базе лаборатории спектрального анализа кафедры археологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Работу с приборами, а также научную консультацию осуществляла с. н. с. кафедры археологии, к. и. н. Н. В. Енисова. Пользуясь возможностью, авторы выражают ей большую благодарность за помощь.

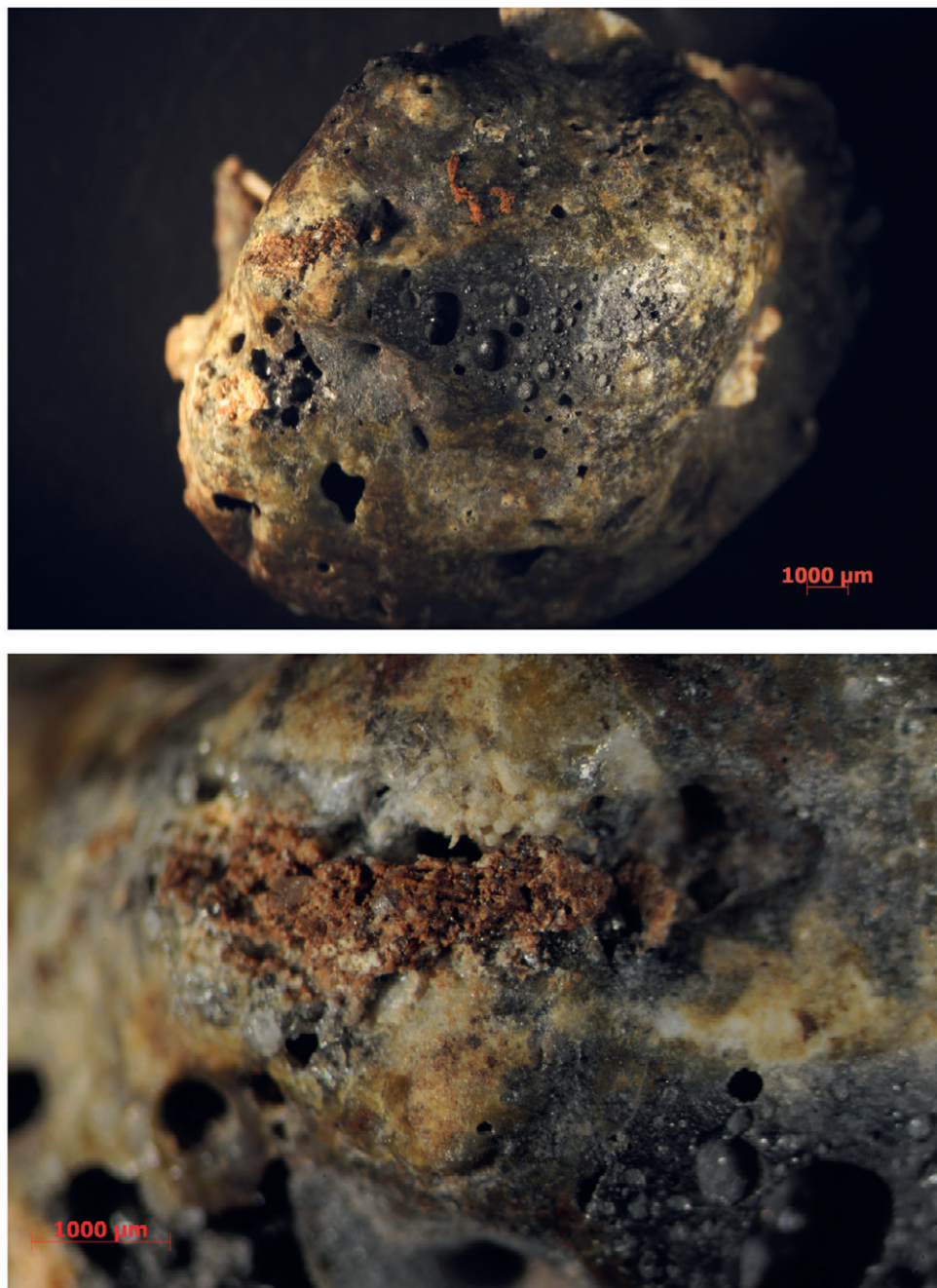

Spectrum: Point

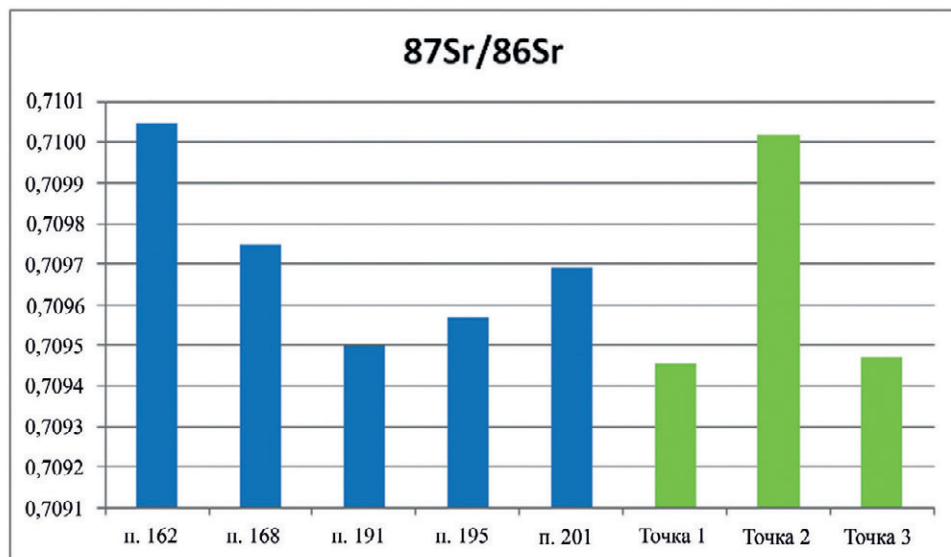
Element	AN	Series	unn. C [wt. %]	norm. C [wt. %]	Atom. C [at. %]	Error [%]
Silicon	14	K-series	17.86	31.80	36.35	0.8
Calcium	20	K-series	11.80	21.01	16.83	0.4
Iron	26	K-series	7.03	12.51	7.19	0.2
Aluminium	13	K-series	6.11	10.87	12.94	0.3
Phosphorus	15	K-series	4.17	7.43	7.70	0.2
Sodium	11	K-series	4.06	7.22	10.08	0.3
Potassium	19	K-series	2.24	3.98	3.27	0.1
Magnesium	12	K-series	1.59	2.82	3.73	0.1
Titanium	22	K-series	0.71	1.26	0.84	0.0
Sulfur	16	K-series	0.45	0.80	0.80	0.0
Chlorine	17	K-series	0.17	0.30	0.27	0.0
Total:			56.17	100.00	100.00	

Рис. 1. Элементный состав «припекания» на кремированной кости из склепа 201 Восточного некрополя Фанатории

Рис. 2. Включения керамики в «припеканиях» на кремированной кости из склепа 191 Восточного некрополя Фанагории

Рис. 3. Содержание изотопов стронция $87\text{Sr}/86\text{Sr}$ в образцах из погребений Восточного некрополя Фанагории и местной фауны (точки 1–3)

Точка 1 – у раскопа «Верхний город»; *точка 2* – на самом высоком участке местности; *точка 3* – у береговой линии

дивидов, т. е. большую часть жизни эти люди прожили вблизи города. Впрочем, данные выводы являются лишь предварительными, т. к. они основаны на анализе незначительной серии образцов.

Подводя итоги исследований, необходимо отметить, что полученные результаты имеют скорее предварительный характер, требуется дальнейшая серьезная работа в направлении комплексных исследований кремационных погребений. Однако даже на данном этапе очевидна перспективность подобного подхода к изучению античного обряда трупосожжения. Благодаря чему появилась возможность наметить общеримскую традицию кремации покойных, которой, очевидно, придерживалась и часть городского населения Фанагории, хоронившего умерших на территории Восточного некрополя. Отличительными особенностями сожжений, проведенных по этому обряду, следует, видимо, считать высокую температуру погребального костра и проведение похорон вскоре после смерти. Исходя из результатов анализа «припеканий» на костях, можно предполагать в некоторых случаях сопровождение умершего при сожжении керамическими сосудами.

Принимая во внимание все вышесказанное, дальнейшие комплексные исследования кремированных останков античной эпохи из материалов некрополей Боспора, на наш взгляд, представляются не только оправданными, но и крайне перспективными.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П.*, 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 252 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.*, 1964 *Краниометрия*. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.
- Арсеньева Т. М.*, 1984. Погребальный обряд // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука. С. 222–224. (Археология СССР.)
- Блаватский В. Д.*, 1951. Харакс // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. I / Ред.: В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков. М.; Л.: АН СССР. С. 250–291. (МИА; вып. 19.)
- Володин С. А.*, 2020. Возможности и перспективы анализа элементного состава кремированных останков // Новик. Вып. 21 (специальный): материалы Третьей Международной научной конференции «Археология в исследованиях молодых» / Под ред. Ю. В. Селезнева, Е. Ю. Захаровой. Воронеж: Воронежский ун-т. С. 91–94.
- Ворошилова О. М.*, 2012. Некрополь Фанагории в I в. до н. э. – V в. н. э. как источник по истории населения столицы Азиатского Боспора: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 24 с.
- Добровольская М. В.*, 2010. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 85–97.
- Добровольская М. В.*, 2016. Антропологические материалы из склепов Восточного некрополя Фанагории (раскопки 2013 г.) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2 / Под ред. В. Д. Кузнецова и А. А. Завойкина. М.: ИА РАН. С. 93–109.
- Кастанаян Е. Г.*, 1959. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н. э. и местные их особенности // Некрополи боспорских городов / Ред. В. Ф. Гайдукевич. М.; Л.: АН СССР. С. 257–295. (МИА; № 69.)
- Клеценко Е. А.*, 2016. Кремации как исторический источник в изучении погребального обряда населения Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН. 25 с.
- Клеценко Е. А., Решетова И. К.*, 2019. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. М.: ИА РАН. 224 с.
- Козловская М. В.*, 1998. К вопросу о возможностях исследования кремированных костей // Козловская М. В., Медникова М. Б., Бужилова А. П., Лебединская Г. В. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад. С. 174–181.
- Кузнецов В. Д.*, 2011. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2011 г. // Архив РАН. Ф-1. Р-1. № 46673.
- Кузнецов В. Д.*, 2013. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2013 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 40811.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В.*, 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История. 208 с.
- Супрун Н. О.*, 2014. О трансформации погребального обряда Херсонеса-Херсона на примере использования кремации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. № 21 (192). С. 28–34.
- Сыроватко А. С., Потемкина О. Ю., Трошина А. А., Свиркина Н. Г.*, 2015. Новые данные о хронологии могильников Щуровского типа: погребение в Соколовой Пустыни из раскопок 2014 года // КСИА. Вып. 241. С. 165–173.
- Сыроватко А. С., Свиркина Н. Г., Клеценко Е. А.*, 2019. Биритуальность в погребальном обряде «вятичей»: парадоксы могильника Кременье // РА. № 4. С. 86–101.
- Успенский П. С., Добровольская М. В., Клеценко Е. А., Шишов А. В., Федоренко Н. В.*, 2013. Погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая Роща (антропологический аспект) // Шестая Кубанская археологическая конференция: материалы. Краснодар: Экоинвест. С. 411–414.
- Цветашева Г. А.*, 1951. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. I / Ред.: В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков. М.: АН СССР. С. 63–86. (МИА; № 19.)

- Шелов Д. Б.*, 1961. Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.) // М.: АН СССР. 94 с. (МИА; № 98.)
- Широбоков И. Г., Юшкова М. А.*, 2014. Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малли (материалы раскопок 2010 г.) // ВИАЭ. Вып. 2 (25). С. 71–79.
- Шургая И. Г.*, 1984. Пантикапей / Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука. С. 62–63. (Археология СССР)
- Armendáriz R. M., Mateo M. R., Sáez de Albéniz M. P.*, 2001. Santa Criz, ciudad romana. Resultados de los estudios metalográficos y paleopatológicos // Isturitz. Cuadernos de prehistoria – arqueología. 11. Donostia: Eusko Ikaskuntza. P. 259–263.
- Barrand Emam H.*, 2012. Les pratiques funéraires liées à la crémation dans les ensembles funéraires des capitales de cités du haut-empire en Gaule Belgique: Metz-Divodorum, Bavay-Bagacium, Théroouanne-Tervanna: thèse de doctorat. Lyon: Université Lumière Lyon 2.
- Bass W.*, 1995. Human Osteology: A Laboratory and Field Manual. 4th Edition. Columbia: Missouri Archaeological Society. 260 p.
- Berato J., Dutour O., Williams J.*, 1990. Incinérations et inhumations du Haut-Empire Saint- Lambert, Fréjus-Var // Paleobios. Vol. 6. No. 2–3. P. 43–61.
- Drusini A. G., Ranzato C., Onisto N., Rippa A., Bonati M.*, 1997. Anthropological study of cremated bones from northern Italy (9th century B.C. – 3rd century A.D.) // Cremation Studies in Archaeology: proceedings of the Symposium Cremation Studies in Archaeology (Amsterdam, 26–27 October 1995) / Eds.: E. Smits, E. Iregren, A. G. Drusini. Saonara: Logos Edizioni. P. 51–72.
- Duday H.*, 2013. Des défunts, des bûchers et des tombes: les enseignements de l'Anthropologie, le renouveau des méthodes // Mourir à Pompei-Fouille d'un quartier funéraire de la nécropole romaine de Porta Nocera (2003–2007) / Eds.: W. Van Andringa, H. Duday, S. Lepetz. Rome: Ecole Française de Rome. P. 861–907. (Collection de l'École Française de Rome; 468.)
- McKinley J.*, 2000. Cremation burials // The Eastern Cemetery of Roman London: Excavations 1983–1990 / Eds.: B. Barber, D. Bowsher. London: Museum of London Archaeological Services. P. 264–277. (Museum of London Archaeological Services Monograph.)
- McKinley J.*, 2004. The human remains and aspects of pyre technology and cremation rituals // The Roman Cemetery at Brougham, Cumbria: Excavations 1966–1967 / Ed. H. E. M. Cool. London: Society for the Promotion of Roman Studies. P. 283–310. (Britannia Monograph; 21.)
- Porro M. A., Simon C., Kramar C.*, 1999. Etude anthropologique // La nécropole gallo-romaine d'Avenches «En Chaplix». Fouilles 1987–1992. Vol. 1. Étude des sépultures / Ed. D. Castela. Lausanne. P. 105–113. (Cahiers d'Archeologie Romande; 77) (Aventicum; IX.)
- Schmidt W., Symes S. A.*, 2008. The Analysis of Burned Human Remains. London: Academic Press. 296 p.
- Scott I. F.*, 2008. Forensic cremation. Recovery and analysis. Boca Raton: CRC Press. 224 p.
- Silva F.*, 2015. The funerary practice of cremation at Augusta Emerita (Mérida, Spain) during High Empire: contributions from the anthropological analysis of burned human bone // The Archaeology of Cremation. Burned Human Remains in Funerary Studies / Ed. T. Thompson. Oxbow: Oxbow Books. P. 123–150.
- Silva F.*, 2019. Cinis sum, cinis terra est: deciphering cremation ritual in the Roman city of Salacia (Alcácer do Sal, Portugal) // 25th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists (Bern, 1st August – 7th September 2019): Abstract book. 419 p.
- Smits E.*, 2006. Leven en Sterven Langs de Limes. Het fysisch-anthropologisch onderzoek van vier gravgeldpopulaties uit de noordelijke grenszone van Germania inferior in de Vroeg-en Midden-Romeinsetijd: PhD Thesis / Universiteit van Amsterdam. [Электронный ресурс]. URL: <https://hdl.handle.net/11245/1.258110>.
- Standards for data collection from human skeletal remains / Eds.: J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker. Fayetteville: Arkansas Archeological Survey, 1994. 272 p. (Arkansas Archeological Survey Research Series; № 44.)
- Ubelaker D.*, 1978. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Smithsonian Institution. Chicago: Adline publishing company. 118 p.
- Unzu Urmeneta M., Peréx Agorreta M. J.*, 2010. Segunda necrópolis de incineración de época romana en Espinal (Navarra) // Trabajos de Arqueología Navarra. 22. P. 93–114.

- Van Den Bos R. P. M., Maat G. J. R.*, 2002. Cremated remains from a Roman burial site in Tiel-Passewaaij (Gelderland). Leiden: Barge's Anthropologica. P. 1–37. 21, 22, 3 (Barge's Anthropologica; 9.)
- Wahl J.*, 1981. Beobachtung zur Verbrennung menschlicher Leichname. Über die Vergleichbarkeit moderner Krematorien mit prähistorischen Leichenbränden // Archäologisches Korrespondenzblatt. 11. S. 271–279.
- Wahl J.*, 2008. Investigations on pre-roman and roman cremation remains from southwestern Germany: results, potentialities and limits // The Analysis of Burned Human Remains / Eds.: C. W. Schmidt, S. A. Symes. London: Elsevier. P. 145–161.
- Walker P. L., Miller K. P.*, 2008. Time, temperature and oxygen availability: an experimental study of the effect of environmental condition on color and organic content of cremated bone // The Analysis of Burned Human Remains / Eds.: C.W. Schmidt, S. A. Symes. London: Elsevier. P. 129–136.
- Zipp K.*, 2010. Anthropologische Untersuchung der Körper- und Brandbestattungen des römischen Gräberfeldes Mainz-Kurfürstenstraße: mit einem Beitrag zu den Bauchlagenbestattungen in der römischen Antike: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades Doktor der Naturwissenschaften. Gießen. 303 S.

Сведения об авторах

Свиркина Наталия Геннадиевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: svirkina.natalia@mail.ru;

Володин Семен Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: volodinsaimon@gmail.com

N. G. Svirkina, S. A. Volodin

THE COMPREHENSIVE STUDY OF CREMATIONS
IN THE 1st CENTURY BC – 2nd CENTURY AD
FROM THE BURIAL VAULTS OF THE EASTERN NECROPOLIS
IN PHANAGORIA.

Abstract. The paper contains preliminary results of the comprehensive bioarchaeological study of the cremations dating back to 1st century BC – 2nd century AD which were discovered in the burial vaults of Eastern Necropolis in Phanagoria. Key characteristics of the cremated remains are compared with the cremation data from necropolises of Western and Southern Europe. This analysis helped identify main characteristics of the general Roman tradition of cremating the deceased practiced by the urban population of the Asian Bosphorus capital. Besides, chemical analysis of the composition of the ‘burns’ on the bones of the studied series was performed. This analysis demonstrated that such anomalies on the remains represent traces of the contact with ceramic items during cremation. The Sr isotope analysis suggested low mobility of the individuals examined.

Keywords: bioarchaeology, cremation, strontium isotopes, Bosphoran Kingdom, funerary rite, Phanagoria, Classical period.

REFERENCES

- Alekseyev V. P., 1966. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Osteometry. Methods of anthropological investigations]. Moscow: Nauka. 252 p.
- Alekseyev V. P., Debets G. F., 1964. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranio-metry. Methods of anthropological investigations]. Moscow: Nauka. 128 p.

- Arsen'yeva T. M., 1984. Pogrebal'nyy obryad [Burial rite]. *Antichnyye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Classical states of North Pontic region]. G. A. Koshelenko, ed. Moscow: Nauka, pp. 222–224. (Arkheologiya SSSR.)
- Blavatskiy V. D., 1951. Kharaks [Harax]. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu* [Materials on archaeology of North Pontic region in Classical epoch], I. V. D. Blavatskiy, B. N. Grakov, eds. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 250–291. (MIA, 19.)
- Dobrovol'skaya M. V., 2010. K metodike izucheniya materialov krematsii [On method of investigations of cremation materials]. *KSIA*, 224, pp. 85–97.
- Dobrovol'skaya M. V., 2016. Antropologicheskiye materialy iz sklepov Vostochnogo nekropolya Fanagorii (raskopki 2013 g.) [Anthropological materials from burial vaults of Phanagoria Eastern necropolis (2013 excavations)]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy* [Phanagoria. Results of archaeological investigations], vol. 4. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [Materials on archaeology and history of Phanagoria], iss. 2. V. D. Kuznetsov, A. A. Zavoykin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 93–109.
- Kastanayan E. G., 1959. Gruntovyye nekropoli bosporskikh gorodov VI–IV vv. do n. e. i mestnyye ikh osobennosti [Ground cemeteries of Bosporan cities of VI–IV cc. BC and their local features]. *Nekropoli bosporskikh gorodov* [Necropolises of Bosporan cities]. V. F. Gaydukevich, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 257–295. (MIA, 69.)
- Kleshchenko E. A., 2016. Krematsii kak istoricheskiy istochnik v izuchenii pogrebal'nogo obryada naseleniya Mologo-Sheksninskogo mezhdurech'ya I tys. n. e.: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Cremation as historical source for studies of burial rite of population of Mologa-Sheksna interfluvium in I mill. AD: PhD Thesis. Moscow. 25 p.
- Kleshchenko E. A., Reshetova I. K., 2019. Paleoantropologicheskiye materialy v rekonstruktsiyakh obraza zhizni i pogrebal'noy bryadnosti rannesrednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy [Palaeoanthropological materials in reconstructions of life-style and burial rites of early medieval population of Eastern Europe]. Moscow: IA RAN. 224 p.
- Kozlovskaya M. V., 1998. K voprosu o vozmozhnostyakh issledovaniya kremirovannykh kostey [On issue of possibilities of study of cremated bones]. *Kozlovskaya M. B., Mednikova M. B., Buzhilova A. P., Lebedinskaya G. V. Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical ecology of man. Methods of biological investigations]. Moscow: Staryy Sad, pp. 174–181.
- Kuznetsov V. D., 2011. Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v Fanagorii v 2011 g. [Report on work of Phanagoria expedition of Institute of archaeology, RAS in Phanagoria, 2011]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Kuznetsov V. D., 2013. Otchet o rabote Fanagoriyskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v Fanagorii v 2013 g. [Report on work of Phanagoria expedition of Institute of archaeology, RAS in Phanagoria, 2013]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Myts V. L., Lysenko A. V., Shchukin M. B., Sharov O. V., 2006. Chatyr-Dag – nekropol' rimskoy pokhi v Krymu [Chatyr-Dag – necropolis of Roman epoch in Crimea]. St.Petersburg: Nestor-Istoriya. 208 p.
- Shelov D. B., 1961. Nekropol' Tanaisa (raskopki 1955–1958 gg.) [Necropolis of Tanais (1955–1958 excavations)]. Moscow: AN SSSR. 94 p. (MIA, 98.)
- Shirobokov I. G., Yushkova M. A., 2014. Antropologicheskiye materialy iz kollektivnykh zakhoroneniy po obryadu krematsii i ingumatsii kamennogo mogil'nika s ogradkami Malli (materialy raskopok 2010 g.) [Anthropological materials from multiple burials with cremation and inhumation rites from Malli cemetery with stone enclosures (materials of 2010 excavations)]. *VAAE*, 2 (25), pp. 71–79.
- Shurgaya I. G., 1984. Pantikapey [Panticapaeum]. *Antichnyye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Classical states of North Pontic region]. G. A. Koshelenko, ed. Moscow: Nauka, pp. 62–63. (Arkheologiya SSSR.)
- Suprun N. O., 2014. O transformatsii pogrebal'nogo obryada Khersonesa-Khersona na primere ispol'zovaniya krematsii [On transformation of burial rite of Chersonese-Kherson on example of use of cremation]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific bulletin of Belgorod state university. Series: History. Political science], 21 (192), pp. 28–34.
- Syrovatko A. S., Potemkina O. Yu., Troshina A. A., Svirkina N. G., 2015. Novyye dannyye o khronologii mogil'nikov Shchurovskogo tipa: pogrebeniye v Sokolovoy Pustyni iz raskopok 2014 goda [New

- data on the chronology of Shchurovo-type cemeteries: a grave in Sokolova Pustyn' from the 2014 archaeological excavations]. *KSlA*, 241, pp. 165–173.
- Syrovatko A. S., Svirkina N. G., Kleshchenko E. A., 2019. Biritual'nost' v pogrebal'nom obryade «vyatichey»: paradoksy mogil'nika Kremen'ye [Birituality in the «Vyatic» funeral rite paradoxes of the Kremenye cemetery]. *RA*, 4, pp. 86–101.
- Tsvetayeva G. A., 1951. Gruntovyy nekropol' Pantikapeya, ego istoriya, etnicheskii i sotsial'nyy sostav [Ground necropolis of Panticapaeum, its history, ethnic and social structure]. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu [Materials on archaeology of North Pontic region in Classical epoch]*, I. V. D. Blavatskiy, B. N. Grakov, eds. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 63–86. (MIA, 19.)
- Uspenskiy P. S., Dobrovol'skaya M. V., Kleshchenko E. A., Shishlov A. V., Fedorenko N. V., 2013. Pogrebeniya po obryadu truposozhzheniya biritual'nogo mogil'nika Kedrovaya Roshcha (antropologicheskii aspekt) [Burials with cremation rite of biritual cemetery Kedrovaya Roshcha (anthropological aspect)]. *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya [Sixth International Kuban archaeological conference]*. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 411–414.
- Volodin S. A., 2020. Vozmozhnosti i perspektivy analiza elementnogo sostava kremirovannykh ostankov [Possibilities and perspectives of analysis of elemental composition of cremated remains]. *Novik [Novik]*, 21. Yu. V. Seleznev, E. Yu. Zakharova, eds. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 91–94.
- Voroshilova O. M., 2012. Nekropol' Fanagorii v I v. do n. e. – V v. n. e. kak istochnik po istorii naseleniya stolitsy Aziatskogo Bospora: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Necropolis of Phanagoria in I c. BC – V c. AD as a source for the history of population of Asian Bosphorus the capital city: PhD Thesis]. Moscow. 24 p.

About the authors

Svirkina Nataliya G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: svirkina.natalia@mail.ru;

Volodin Semen A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: volodinsaimon@gmail.com

А. Г. Лапшин

КРИТЕРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОТТИСКОВ ОДНОЙ МАТРИЦЫ НА ДОНЦАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ КРУГОВОЙ КЕРАМИКИ ВЛАДИМИРА¹

Резюме. Рельефные изображения на донцах древнерусской круговой керамики представляют собой довольно многочисленную группу материалов археологического изучения поселений Восточной Европы. Условно эти изображения называются «гончарными клеймами». Настоящая публикация представляет опыт трасологического изучения гончарных клейм на донцах древнерусской круговой керамики Владимира с целью выявления критериев идентификации оттисков одной матрицы-инталии.

Ключевые слова: Владимир-на-Клязьме, древнерусская круговая керамика, гончарные клейма, малый круг-подставка ручного гончарного круга, морфология клейма, матрица клейма, трасология, ядровая древесина, годичные кольца, заболонь.

Фрагменты керамических сосудов представляют собой традиционно многочисленную группу материалов археологического изучения памятников Древней Руси. Особую подгруппу в этом корпусе находок составляют донца сосудов с клеймами (рельефными изображениями). Данные находки зафиксированы на многих древнерусских памятниках, в том числе и во Владимире.

Клейма на донцах древнерусских сосудов неоднократно привлекали внимание исследователей. Первые публикации по данной теме вышли в 60-е гг. XIX в. За прошедшие 150 лет собран обширный корпус находок, накоплен значительный опыт их изучения, созданы типологии и представлены соответствующие комментарии и интерпретации. Исследовательский интерес к гончарным клеймам Древней Руси фокусируется на трех проблемах: 1 – классификация форм клейм; 2 – выявление значений клейм; 3 – хронология клейм для отдельно

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 16-11-33001/17-ОГОН «Гончарные клейма древнего Владимира: трехлепестковая розетка».

взятых памятников или регионов. Критерием классификации форм клейм чаще всего выступает изображение фигуры, лежащей в основе рисунка. Эта фигура может быть простой геометрической (круг, квадрат, треугольник) или сложной (двузубец, трезубец, розетка и т.д.). В настоящее время широкое признание получила типология клейм, учитывающая характер рисунка оттиска (изображение фигуры в совокупности с денотатом), в соответствии с которой выделены пять групп клейм на донцах сосудов: геометрические, предметные, силуэтные, геральдические (тамгообразные), буквенные (Коваль, 2002. С. 129; 2016. С. 471). Данная типология с небольшой корректировкой успешно опробована на материалах Северо-Восточной Руси (Кадиева, 2003. С. 315–339; 2004. С. 516–527; 2007а. С. 138–148; 2007б. С. 172–198; Князева, 2007. С. 122–127). Мнения по вопросу о значении клейм можно свести к трем гипотезам (Розенфельд, 1997. С. 26): первая определяет клейма как *знаки-обереги* инструментов, пищи, благополучия владельца сосуда; вторая интерпретирует клейма как *знаки собственности*; третья предлагает считать клейма *знаками мастеров*, изготовивших сосуды. Каждая из гипотез обеспечена аргументами и имеет своих сторонников. Исследователи чаще обращаются к версии понимания клейма как *знака-оберега* (Гупало, 2001. С. 27; Грибов, 2001. С. 51; Князева, 2007. С. 122, 123). При этом продолжают существовать версии понимания клейма как *знака мастера* (Панченко, 2015. С. 297–306) и *знака собственности* (Бисерова, Лапшин, 2018б. С. 38, 39).

Накопление значительного материала по теме отразилось в появлении обобщающих работ, в значительной степени продвинувших методику исследования гончарных клейм средневековой Руси (Гоняный, Заидов, 2002; Коваль, 2002; Кадиева, 2007б). В целом внимание исследователей концентрируется на *проблеме морфологии знака*, которая предполагает работу в двух направлениях: а) систематизацию знаков клейм по формам (*графическим последовательностям*), б) выявление денотата знака клейма.

По материалам Владимиро-Суздальской Руси наиболее многочисленными группами клейм являются «княжеские знаки» и «трехчастные розетки» (рис. 1: А. I–II). Наблюдая типологическую множественность клейм, мы задались вопросом: а нет ли среди клейм одной типологической группы изображений, являющихся оттисками одной матрицы? Говоря другими словами: можно ли выявить продукцию одного гончарного круга и каковы критерии этой идентификации? Попытке ответить на эти вопросы посвящены несколько наших публикаций (Бисерова, Лапшин, 2018а; Лапшин, Бисерова, 2015; 2016). Настоящая работа продолжает поиск в этом направлении.

Материалы, привлеченные в нашем исследовании, получены в ходе археологических работ во Владимире на Клязьме, проведенных в период с 1937 по 2018 г. под руководством Абрамова Д. В., Воронина Н. Н., Грибова Н. Н., Григорьева Д. Н., Глазова В. П., Жарнова Ю. Э., Захаровой Н. М., Кабаева Д. А., Кильдюшевского В. И., Курбатова А. В., Лапшина А. Г., Мошениной Н. Н., Моржерина К. Ю., Мухиной Т. М., Очеретиной С. В., Очеретина И. А., Раппопорта П. А., Сазонова С. В., Седовой М. В., Чивилева В. В., Шакуловой А. Д., Щапова А. Н., Ющенко Н. Е. В настоящее время эти материалы хранятся в фондах Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного

<i>Ia</i>																							
<i>Iб</i>																							
<i>Iв</i>																							
<i>II</i>																							
<i>III</i>																							
<i>IV</i>																							
<i>A</i>																							
<i>B</i>																							
Клеймо																							
Идентифицировано оттисков одной матрицы	12	7	2	4	4	4	5	2	2	2	2	3	3	3	3	2	2	2	2	2	2	2	7
№ группы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	20

Рис. 1. Гончарные клейма на дощках древнерусских круговых сосудов из Владимира XII–XIII вв.

A – типология клейм; *B* – группы клейм, идентифицированных как оттиски одной матрицы

музея-заповедника, а также в коллекциях ООО «Владимирский областной центр археологии при ВлГУ» и ОАО «Владимирреставрация».

В фокусную группу представляемого исследования вошли 793 фрагмента сосудов с рельефными изображениями на донце из Владимира XII–XIII вв. (рис. 1: А): 258 (32 %) – тамги (знаки княжеской власти), 213 (27 %) – розетки, 213 (27 %) – геометрические фигуры, 109 (14 %) – сложные фигуры. Примечательна качественная определенность данной статистики. Наша работа по сбору материалов в фокусную группу по ряду объективных причин сложилась в два этапа. Первый этап – работа с материалами раскопок, проведенных в 1936–2012 гг. Второй этап – работа с материалами работ 2013–2018 гг. Результаты первого и второго этапов различаются статистически (табл. 1). Это вполне объяснимо на уровне абсолютных цифр: суммарная площадь раскопок 1936–2012 гг. больше суммарной площади раскопок 2013–2018 гг. – что отражается на выходе материала. На уровне показателей в процентах различия также объяснимы: в 2013–2018 гг. клейм в виде сложных фигур обнаружили больше, чем в 1936–2012 гг., а клейм в виде розеток меньше. Однако при этом статистическая картина типологии клейм, полученных в 1936–2018 гг., почти не изменилась: вариации составляют $\pm 1\%$. Таким образом, количественные показатели типологии клейм древнерусской круговой керамики Владимира стабильны.

Таблица 1. Статистика находок фрагментов древнерусской круговой керамики с рельефными изображениями (гончарными клеймами) на донцах из Владимира XII–XIII вв.

№ п/п	Тип клейма	Абсолютное число (%)		
		1937–2012	2013–2018	1937–2018
1	Тамга	239 (32 %)	19 (37 %)	258 (32 %)
2	Розетка	217 (28 %)	6 (12 %)	213 (27 %)
3	Геометрическая фигура	197 (27 %)	16 (31 %)	213 (27 %)
4	Сложная фигура	99 (13 %)	10 (20 %)	109 (14 %)
5	ВСЕГО	742 (100 %)	51 (100 %)	793 (100 %)

Розетки в типологии клейм занимают среднее место (рис. 1: А.И; 3): их меньше на 5 %, чем двузубцев и трезубцев; численно они равны геометрическим фигурам; их больше на 13 %, чем сложных фигур. Особенностью группы «розетки» является ее низкая вариабельность: из 213 единиц группы 177 (83 %) повторяют изображение «трехлепесковой розетки с поворотной симметрией». В других группах клейм повторяемость изображения составляет не более 5 %.

Цель нашего исследования – выявить среди материалов фокусной группы отиски одной матрицы. Методика работы с материалами фокусной группы включала визуальное обследование каждого изображения с применением оптических приборов (10-кратная лупа диаметром 100 мм, микроскоп МБС-1 с увеличением в 10, 20, 40, 60 раз) и измерительного инструмента (ШЦ-I – штангенциркуль с линейкой для измерения глубин). При обследовании образцов учитывались следующие факторы древнерусского производства с использованием ручного

гончарного круга: 1) формирование рельефного изображения происходило на этапе лепки донца сосуда; 2) матрица клейма располагалась на поверхности малого круга-подставки ручного гончарного станка; 3) в процессе изготовления донца сосуда формовочная масса заполняла желобки, в результате чего формировалось рельефное изображение.

С учетом вышеизложенного критерии идентификации оттисков одной матрицы были разделены на две группы. В первую группу были включены характеристики самого клейма (рельефного изображения): морфология знака (индивидуальность графической последовательности), размеры изображения, своеобразие деталей рельефного изображения (профиль валика, формирующего рисунок клейма, симметрия изображения, расположение изображения относительно центра донца, детальность проработки изображения) (*Лапшин, Бисерова, 2016*). Во вторую группу были объединены характеристики оттискивающей поверхности: особенности поверхности малого круга-подставки, особенности материала, из которого изготовлен малый круг-подставка и изменения этого материала в процессе эксплуатации круга-подставки. В итоге обследования материалов фокусной группы были выявлены 74 клейма, разделенных на 20 групп клейм, каждая из которых включала изображения, сформированные на одной матрице (рис. 1: Б).

Перейдем к характеристикам критериев, позволивших выполнить эту идентификацию. Особенности рельефного изображения прежде всего связаны с морфологией знака, под которой подразумевается индивидуальность и неповторимость графической последовательности. Однако морфологической близости клейм недостаточно для констатации идентичности оттисков. На рис. 2: I представлены рельефные изображения, включающие три одинаковые окружности, две из которых соединены прямой линией и две – ломаной линией. Это разные графические последовательности (т. е. разные клейма), хотя по первому впечатлению очень похожи.

С точки зрения морфологического однообразия группа «розетки» наиболее показательна. Подавляющее большинство клейм этой группы – трехчастные розетки с поворотной симметрией – три радиально расходящихся луча с расположенными на концах окружностями (рис. 3). Однако все ли они являются оттисками одной матрицы? Для ответа на этот вопрос понадобятся дополнительные маркеры.

Идентичность оттисков одной матрицы должна быть не только морфологической, но и метрической. Наибольшую вариативность в этом смысле дают клейма в виде окружности – большие числом, но разные размерами. Поэтому данный тезис мы проиллюстрируем клеймами более сложной конфигурации. На рис. 2: II представлены два клейма подгруппы «Двузубец». Эти рельефные изображения внешне очень похожи, но различаются деталями (рис. 2: II):

морфологические различия:

- у экземпляра «А» большее основание ножки;
- ножка экземпляра «А» расположена по центру, экземпляра «Б» – смещена влево;
- ветви экземпляра «А» параллельны, ветви экземпляра «Б» расходятся;

метрические различия:

- размер изображения по вертикали (расстояние от верхней точки ветви до «базы» ножки) – экземпляр «А» – 34 мм, экземпляр «Б» – 43 мм;
- диаметр донца: экземпляр «А» – больше 80 мм, экземпляр «Б» – 70 мм.

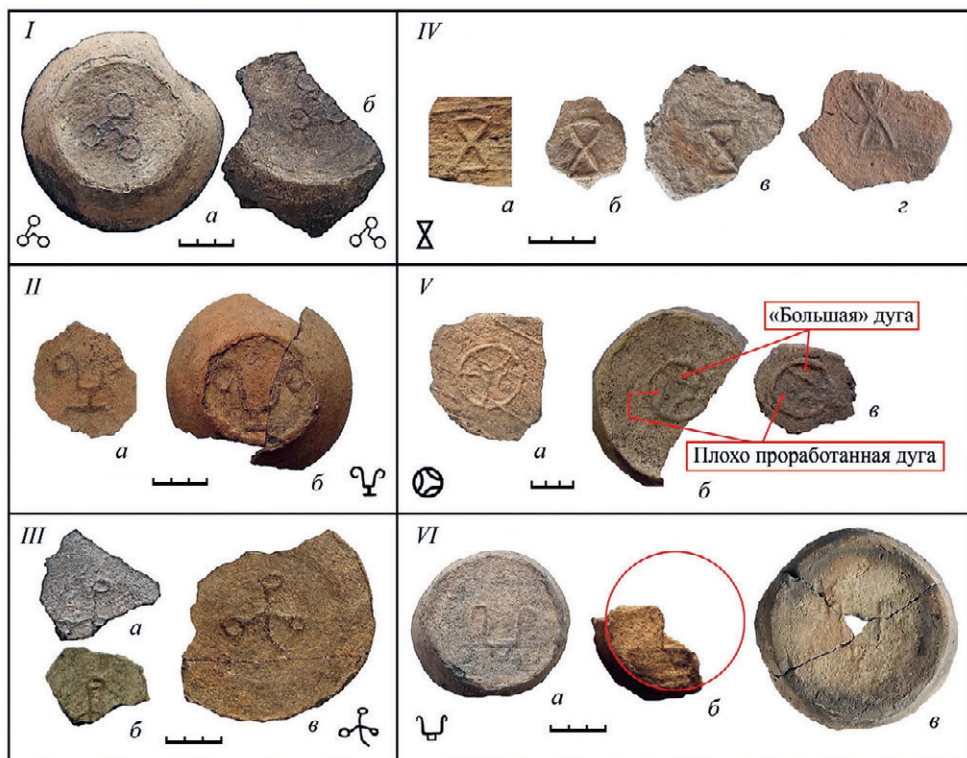

Рис. 2. Фрагменты древнерусских круговых сосудов с рельефными изображениями на донце из Владимира XII–XIII вв.

Таким образом, эти очень похожие изображения являются оттисками разных матриц-инталей.

На рис. 2: IV представлены морфологически схожие и одинаковые по размерам клейма в виде двух равносторонних треугольников, соединенных вершинами (рис. 2: IV.A–B). Эти клейма определены как оттиски одной матрицы. Экземпляр «Г» не относится к данной серии, так как, будучи близким другим фрагментам морфологически, отличается от них размерами (рис. 2: IV.Г).

Близкие по морфологии и размерам изображения могут отличаться второстепенными деталями. Эти детали имелись с момента создания матрицы и условно могут быть определены как «дефекты изображения». Под ними подразумеваются отдельные части рисунка, нарушающие симметрию; сколы древесины во время создания матрицы. На рис. 2: V представлены три клейма группы «Круг с тремя внутренними дугами» одинаковых размеров. Клейма «Б» и «В» имеют одинаковые дефекты изображения – одна из внутренних дуг плохо проработана, другая – большего радиуса, чем остальные. На основании морфологической и метрической идентичности и с учетом «дефектов изображения» экземпляры «Б» и «В» определены как оттиски одной матрицы.

С учетом особенностей формирования сосудов на ручном гончарном круге к первой группе критериев может быть отнесено расположение рельефного изображения относительно донца сосуда – внешне схожие изображения могли неодинаково располагаться на донце – либо в центре донца (следовательно, – в центре круга), либо смещены от него. На рис. 2: *VI* представлены три морфологически и метрически схожих клейма группы «двузубцы». Клейма «А» и «Б» смещены от центра донца; клеймо «В» расположено в центре донца. Клейма «А» и «Б» идентифицированы как оттиски одной матрицы.

Вторая группа критериев включает особенности оттискивающей поверхности. Это прежде всего характеристики матрицы и поверхности малого круга-подставки, которые определяются характером материала, из которого был изготовлен малый круг-подставка, и изменениями этого материала (соответственно, – изменениями оттискивающей поверхности) в процессе эксплуатации гончарного круга. На рис. 3: *IA–B* представлены два фрагмента, определенные как оттиски одной матрицы. В пользу этого говорят две группы показателей. Во-первых, это изображения одинакового размера. Кроме обычных метрических показателей (диаметр окружностей на концах лучей – 10 мм, длина лучей – 0,8 мм, угол расхождения лучей – 120 градусов), на обоих изображениях имеется особенность: вертикальный луч (3,5 мм) шире, чем оба нижних (по 2 мм). Во-вторых, оба изображения имеют сходные дефекты нижнего левого кольца: дуга верхнего полюса окружности истончена; дуга в правом секторе окружности имеет утолщение. Оба экземпляра имеют одинаковые особенности, указывающие на то, что в процессе функционирования происходило разрушение материала матрицы и начальные дефекты матрицы увеличивались. Так, оттиск на фрагменте «Б» менее аккуратный и менее четкий, чем на фрагменте «А», видны дефекты заполнения матрицы. Все это было следствием налипания формовочной массы на боковые стенки и дно желобков, формирующих рисунок, и проявилось в снижении высоты рельефного рисунка верхнего кольца (до 0,2 мм) и снижении высоты и истончение рельефного изображения в области нижних колец (до 0,3 мм). Также на экземпляре «Б» нечетко просматриваются линии, формирующие угол расхождения нижних лучей.

Отмеченные дефекты не являлись следствием особенностей формовочной массы и/или избыточного количества подсыпки фрагмента «Б». В пользу этого свидетельствует отпечаток годовичных колец, появление которого было невозможно при избыточной подсыпке и/или уменьшении пластичности формовочной массы. Наличие в центре фрагмента «Б» концентрических окружностей, являющихся отпечатком годовичных колец торцевого среза бревна, и отсутствие таковых на фрагменте «А» объясняются тем, что оттиск «Б» является более поздним оттиском, выполненным на матрице, которая начала разрушаться в процессе использования.

Детали ручного гончарного круга в Древней Руси изготавливались из дерева. Значительные колебания влажности, характерные для гончарного производства, приводили к коррозии деревянных деталей станка. Прежде всего этому был подвержен малый круг-подставка. Другими словами, в процессе эксплуатации круга-подставки происходило разрушение его поверхности, что, в свою очередь, вело к ухудшению рельефного изображения. Поэтому оттиск клейма, сформированный на матрице круга в начале его эксплуатации, отличался

от оттиска, выполненного на этом же круге, но некоторое время спустя. Таким образом, дополнительным критерием идентификации оттисков одной матрицы может быть последовательная множественность клейм, представляющая разрушение инталии и ухудшение оттиска изображения.

На рис. 3: II.A представлен фрагмент донца с рельефным изображением типа «розетка». Кроме традиционных характеристик клейма этот фрагмент имеет следующие особенности.

1. Линия примыкания к донцу нижней ленты, формирующей тулово сосуда. Большинство изученных донцев сосудов имеют валик (заусенцы), возникший в процессе прикрепления первой ленты к только что сформированному донцу сосуда. Иногда эти «заусенцы» подправлялись плоским инструментом, иногда оставались. В данном случае мы имеем пример неаккуратного заглаживания кромки примыкания ленты тулова к донцу сосуда.

2. 7 концентрических линий, формирующих окружности диаметром 60–85 мм. Это оттиски годовых колец торцевого среза бревна.

3. Круг диаметром 60 мм с неровной поверхностью. Неровности данной поверхности не являются микросколами, появившимися в процессе использования сосуда. Эти неровности возникли на этапе изготовления донца сосуда. Таким образом, рассматриваемые неровности (мелкие лакуны) являются оттисками мелких дефектов на поверхности малого круга гончарного станка. Наличие таких дефектов на круге вполне объяснимо: круг был изготовлен из поперечного спила бревна; в процессе эксплуатации круга температурно-влажностный режим менялся и древесина постепенно разрушалась. Эрозия торцевого среза бревна – это разрушение внутренней части годовых колец. Каждое годовое кольцо имеет две части: внутренняя часть кольца (весенняя – светлая и рыхлая) и наружная часть (летне-осенняя – более темная и плотная). Годовые кольца первых лет жизни дерева толще, чем в последующие годы. Процессы разрушения внутренней части более старых широких колец идут быстрее, чем в более молодых кольцах. То есть центральная часть поперечного спила (заболонь) более подвержена разрушению, чем периферическая: мягкая ткань выкрошивается быстрее. Это и приводит к появлению лакун на поверхности поперечного спила бревна.

4. При 20-кратном увеличении на исследуемой поверхности просматриваются мелкие частицы древесного угля, интегрированные в формовочную массу. На сколах данного фрагмента таких частиц не видно. То есть означенные мелкие частицы угля попали из зольной подсыпки в формовочную массу на этапе формирования донца.

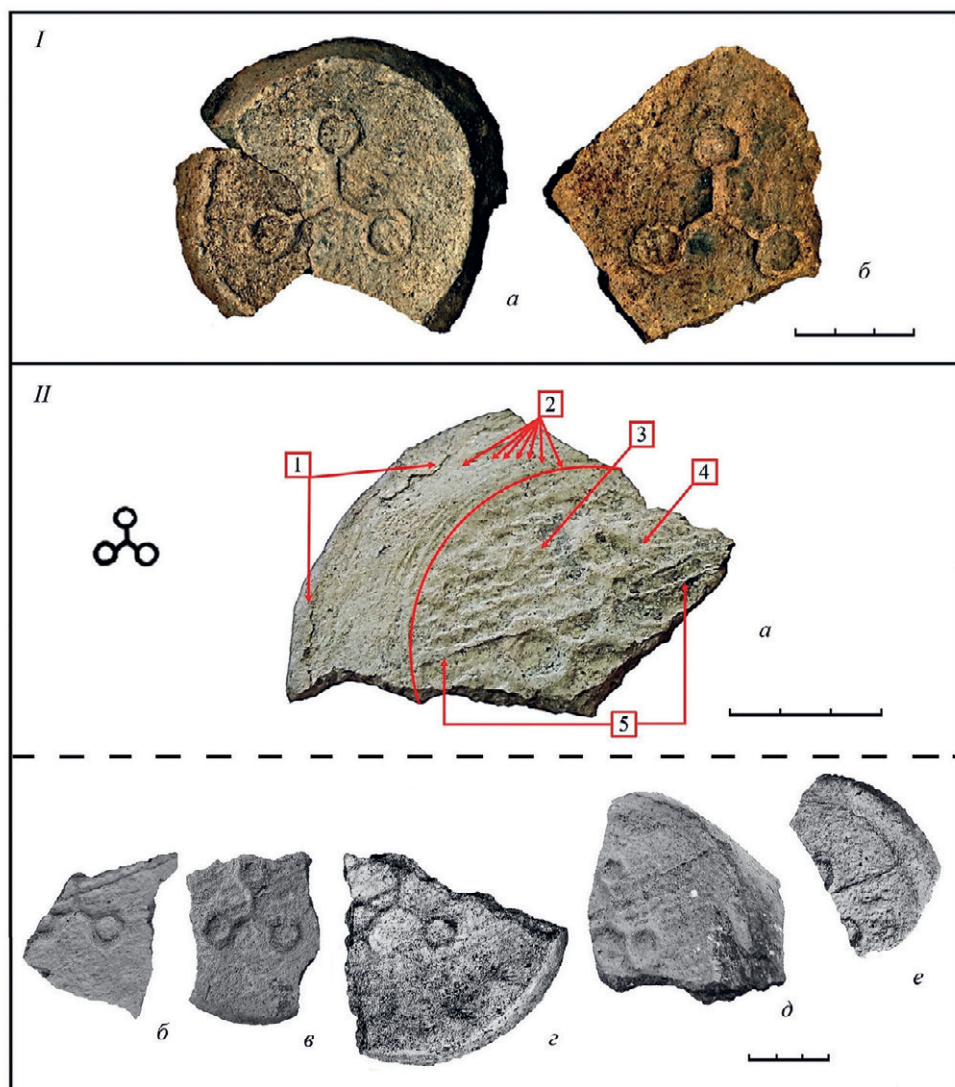
5. Характеристика рельефного изображения:

5.1. Изображение фрагментировано: просматриваются три луча, два из которых сохранились полностью (вертикальный – 10 мм; нижний левый – 8 мм); оба целых луча заканчиваются окружностями диаметром 10 мм.

5.2. Профиль валика, формирующего рисунок клейма, – полукруглый.

5.3. Высота рельефного изображения – 1,2 мм.

5.4. Изображение сформировано на матрице типа 1в (матрица сложной формы – двухуровневая, плоская), расположено в центре донца, детально проработано.

Рис. 3. Фрагменты древнерусских круговых сосудов с рельефными изображениями группы «розетка с поворотной симметрией», идентифицированными как оттиски одной матрицы

I – экземпляры группы № 2; *II* – экземпляры группы № 1

6. Трасологической особенностью данного донца является рельефная хорда, рассекающая один из лучей пополам и проходящая в касание с кольцом другого луча. Это оттиск «метиковой трещины», сформировавшейся в процессе роста дерева и усиленной большими колебаниями влажности в процессе эксплуатации малого круга.

По перечисленным особенностям фрагмента, представленного на рис. 3: *П.А*, были идентифицированы как оттиски одной матрицы еще одиннадцать рельефных изображений группы «розетка» (рис. 3: *П.Б–Е*). Таким образом, данная группа включает двенадцать экземпляров. Детальному анализу этой группы клейм посвящена отдельная публикация (*Бисерова, Лапшин, 2018а*). На сегодня это самая большая серия. Оттиски идентичны, но не стопроцентно. Варьируется высота валика, формирующего рисунок (от 0,6 до 1,4 мм), ширина и длина оттиска торцевой трещины, четкость отпечатков годовичных колец. Эту вариантность можно объяснить изменениями в матрице, происходившими в процессе эксплуатации гончарного круга. Качество рельефного оттиска снижалось, т. к. с течением времени матрица забивалась формовочной массой и не восстанавливалась или восстанавливалась редко. Четкость и высота рельефного изображения обратно пропорциональны четкости повреждений поверхности круга – т. е. ухудшение оттиска клейма шло параллельно увеличению дефектов оттискивающей поверхности. В конечном итоге на круге производили продукцию без клейма. Возможно поэтому донца с клеймом составляют небольшую часть в общей массе находок древнерусской керамики (*Грибов, 2001. С. 51*).

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что идентификация оттисков одной матрицы на донцах сосудов из Владимира XII–XIII вв. возможна на основании следующих двух групп основных критериев. Первая группа включает особенности рельефного изображения (морфология знака, размеры изображения) и своеобразии его деталей (профиль валика, формирующего рисунок клейма; симметрия изображения; расположение изображения относительно центра донца; детальность проработки изображения). Вторая группа объединяет особенности оттискивающей поверхности (характеристики матрицы и поверхности малого круга-подставки), определяемые спецификой материала, из которого изготовлен малый круг, и изменениями этого материала (соответственно, – изменениями оттискивающей поверхности) в процессе эксплуатации гончарного круга. Дополнительным критерием идентификации оттисков одной матрицы может быть соотношение изучаемого образца с образцами, входящими в последовательную множественность клейм, представляющую разрушение матрицы и ухудшение оттиска изображения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бисерова А. В., Лапшин А. Г., 2018а.* Гончарные клейма в виде трехлепестковой розетки из древнего Владимира: опыт трасологического исследования // КСИА. Вып. 251. С. 145–157.
- Бисерова А. В., Лапшин А. Г., 2018б.* Гончарное клеймо в виде трехлепестковой розетки из средневекового Владимира: знак церковного хозяйства? // Культурный слой: сб. науч. ст. Вып. 5 / Отв. ред. Е. А. Молев. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та. С. 31–39.
- Гоняный М. И., Заидов О. Н., 2002.* Древнерусские гончарные клейма XII–XIV вв. района Куликова поля: (опыт систематизации и осмысления семантики) // Н. И. Троицкий и современные

- исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. Археология / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: ИНФРА. С. 130–152.
- Грибов Н. Н., 2001. Гончарные клейма селища Ближнее Константиново-1 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии / Отв. ред. Е. А. Молев. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр. С. 38–55.
- Гупало В. Д., 2001. Раннесредневековые гончарные клейма (к дискуссии о назначении) // РА. № 1. С. 27–36.
- Кадиева Е. К., 2003. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII – XIII в. (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII в. Древности темного времени / Отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука. С. 315–339.
- Кадиева Е. К., 2004. Поздняя древнерусская круговая керамика XIII–XIV вв. Ростова Великого (по материалам раскопа Конюшенного двора 2002–03 гг.) // История и культура Ростовской земли: материалы науч. конф. 2003 г. / Ред. В. В. Зякин. Ростов: Гос. музейзаповедник «Ростовский кремль». С. 516–527.
- Кадиева Е. К., 2007а. Геральдические клейма на круговой посуде центра Ростово-Суздальской земли: морфология и хронология // КСИА. Вып. 221. С. 130–138.
- Кадиева Е. К., 2007б. Клейма на круговой посуде Центра России Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. Вып. 3 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 172–196.
- Князева Н. А., 2007. Гончарные клейма средневекового Владимира (Из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника) // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 1 / Сост. С. В. Шполянский; ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 122–127.
- Коваль В. Ю., 2002. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростислава Рязанского) // ТТЗ. Вып. 4 / Отв. ред. А. Н. Хохлов. Тверь: Старый город. С. 125–135.
- Коваль В. Ю., 2016. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // АП. Вып. 12 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 437–475.
- Лапшин А. Г., Бисерова А. В., 2015. Технологические особенности сероглиняной керамики древнего Владимира: исходное сырье и состав формовочной массы // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 5 / Сост. С. В. Шполянский; ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 211–221.
- Лапшин А. Г., Бисерова А. В., 2016. Гончарные клейма древнего Владимира (Опыт систематизации) // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 6 / Сост. С. В. Шполянский; ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 272–287.
- Панченко К. И., 2015. Клейма на донцах керамических сосудов с селища Новиково 1 конца XII – XIII в. в Липецкой области // КСИА. Вып. 241. С. 297–306.
- Розенфельд Р. Л., 1997. Керамика // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред.: Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука. С. 22–28 (Археология СССР).

Сведения об авторе

Лапшин Александр Геннадьевич, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, пр. Строителей, 11, г. Владимир, 600021, Россия; e-mail: lapshin-lapshin@mail.ru

A. G. Lapshin

CRITERIA OF IDENTIFYING PRINTED STAMPS MADE WITH ONE DIE ON THE BOTTOMS OF THE VLADIMIR WHEEL-MADE CERAMICS

Abstract. Relief images on the bottoms of Medieval Russia wheel-made vessels form a rather large group of archaeological material known from East European settlements. For the sake of discussion, these images are conditionally called potter's stamps. This

publication describes experience in tracewear analysis of potter's stamps on the bottoms of Medieval Russia wheel-made vessels from Vladimir with a view of selecting criteria that will be used to detect impressions of one die-intaglio.

Keywords: Vladimir-on-Klyazma, Medieval Russia wheel-made vessels, potter's stamps, small wheel-stand of hand potter's wheel, morphology of stamp, stamp die, tracewear analysis, heartwood, tree-rings, sap wood.

REFERENCES

- Biserova A. V., Lapshin A. G., 2018a. Goncharnyye kleyma v vide trekhlepestkovoy rozetki iz drevnego Vladimira: opyt trasologicheskogo issledovaniya [Pottery marks in the form of a three-petaled rosette from Vladimir: experience of tracewear analysis]. *KSIA*, 251, pp. 145–157.
- Biserova A. V., Lapshin A. G., 2018b. Goncharnoye kleymo v vide trekhlepestkovoy rozetki iz srednevekovogo Vladimira: znak tserkovnogo khozyaystva? [Potter's stamp in shape of three-petal rosette from medieval Vladimir: a sign of church household?]. *Kul'turnyy sloy [Cultural deposit]*, 5. E. A. Molev, ed. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy universitet, pp. 31–39.
- Gonyanyy M. I., Zaidov O. N., 2002. Drevnerusskiye goncharnyye kleyma XII–XIV vv. rayona Kulikova polya: (opyt sistematzatsii i osmysleniya semantiki) [Old Russian potter's marks of XII–XIV cc. from region of Kulikovo pole: (experience of systematization and tracing semantics)]. *N. I. Troitskiy i sovremennyye issledovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya Tsentral'noy Rossii [N. I. Troitskiy and contemporary investigations of historical-cultural heritage of Central Russia]*, 1. Arkheologiya. A. N. Naumov, ed. Tula: INFRA, pp. 130–152.
- Gribov N. N., 2001. Goncharnyye kleyma selishcha Blizhneye Konstantinovo-1 [Pottery marks from open settlement Blizhneye Konstantinovo-1]. *Nizhegorodskiy issledovaniya po krayevedeniyu i arkheologii [Nizhniy Novgorod studies in local lore and archaeology]*. E. A. Molev, ed. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gumanitarnyy tsentr, pp. 38–55.
- Gupalov V. D., 2001. Rannesrednevekovyye goncharnyye kleyma (k diskussii o naznacheni) [Early medieval pottery marks (to discussion on their function)]. *RA*, 1, pp. 27–36.
- Kadiyeva E. K., 2003. Keramika iz usad'by g. Vladimira kontsa XII–XIII vv. (po materialam raskopok 1993–1998 gg. v kvartale 22) [Ceramics from a manor in the city of Vladimir of late XII–XIII cc. (based on materials of 1993–1998 excavations in quarter 22)]. *Rus' v XIII v. Drevnosti temnogo vremeni [Rus in XIII c. Antiquities of dark ages]*. N. A. Makarov, A. V. Chernetsov, eds. Moscow: Nauka, pp. 315–339.
- Kadiyeva E. K., 2004. Pozdnyaya drevnerusskaya krugovaya keramika XIII–XIV vv. Rostova Velikogo (po materialam raskopa Konyushennogo dvora 2002–03 gg.) [Late medieval Russian wheel-made pottery of XIII–XIV cc. from Rostov Velikiy (based on materials of Konyushenny dvor excavation trench, 2002–03)]. *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli [History and culture of Rostov land]*. V. V. Zyakin, ed. Rostov: Gosudarstvennyy muzeyzapovednik «Rostovskiy kreml'», pp. 516–527.
- Kadiyeva E. K., 2007a. GERAL'DICHESKIYE KLEYMA NA KRUGOVOY POSUDE TSENTRA ROSTOVO-SUZDAL'SKOY ZEMLI: MORFOLOGIYA I KHRONOLOGIYA [HERALDIC MARKS ON WHEEL-MADE POTTERY FROM CENTRE OF ROSTOV-SUZDAL LAND: MORPHOLOGY AND CHRONOLOGY]. *KSIA*, 221, pp. 130–138.
- Kadiyeva E. K., 2007b. Kleyma na krugovoy posude Tsentra Rossii Severo-Vostochnoy Rusi: khronologiya i rasprostraneniye [Stamps on wheel-made pottery of Central Russia and North-Eastern Rus: chronology and spread]. *AP*, 3. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 172–196.
- Knyazeva N. A., 2007. Goncharnyye kleyma srednevekovogo Vladimira (Iz arkeologicheskikh kolektsiy Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika) [Potter's stamps of medieval Vladimir (From archaeological collections of Vladimir-Suzdal museum-reserve)]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli [Archaeology of Vladimir-Suzdal land]*, 1. S. V. Shpolyanskiy, comp., N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 122–127.
- Koval V. Yu., 2002. Kleyma na srednevekovoy russkoy keramike (opyt issledovaniya na primere Rostislavlya Ryazanskogo) [Stamps on medieval Russian ceramics (experience of research on example of Rostislavl' Ryazanskiy)]. *TTZ*, 4, pp. 125–135.

- Koval V. Yu., 2016. Keramika iz raskopok na Podole Moskovskogo Kremlya [Ceramics from excavations at Podol of Moscow Kremlin]. *AP*, 12. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 437–475.
- Lapshin A. G., Biserova A. V., 2015. Tekhnologicheskiye osobennosti seroglinyanoy keramiki drevnego Vladimira: iskhodnoye syr'ye i sostav formovochnoy massy [Technological features of grey-clay ceramics from Old Vladimir: raw material and paste composition]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli [Archaeology of Vladimir-Suzdal land]*, 5. S. V. Shpolyanskiy, comp., N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 211–221.
- Lapshin A. G., Biserova A. V., 2016. Goncharnyye kleyma drevnego Vladimira (Opyt sistematizatsii) [Pottery marks of Old Vladimir (Experience of systematization)]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli [Archaeology of Vladimir-Suzdal land]*, 6. S. V. Shpolyanskiy, comp., N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN. C. 272–287.
- Panchenko K. I., 2015. Kleyma na dontsakh keramicheskikh sosudov s selishcha Novikovo 1 kontsa XII – XIII v. v Lipetskoy oblasti [Stamps on bottoms of ceramic pots from unfortified settlement of Novikovo I dated to the late 12th–13th centuries in the Lipetsk Region]. *KSIA*, 241, pp. 297–306.
- Rozenfeld R. L., 1997. Keramika [Ceramics]. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Ancient Rus. Everyday life and culture]*. B. A. Kolchin, T. I. Makarova, eds. Moscow: Nauka, pp. 22–28. (Arkheologiya SSSR.)

About the author

Lapshin Alexander G., Alexander G. and Nikolaj G. Stoletovs Vladimir State university, prosp. Stroiteley, 11, Vladimir, 600000, Russian Federation; e-mail: lapshin-lapshin@mail.ru

Л. А. Аболина

КЕРАМИЧЕСКИЕ КРЫШКИ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА

Резюме. Во время археологических работ с 2015 по 2018 г. в г. Енисейске, расположенном на границе между Восточной и Западной Сибирью, было обнаружено более 160 экземпляров керамических крышек и их фрагментов. Две трети из них принадлежали посуде, одна часть – печным вьюшкам. В связи с массовостью находок крышки, которые до этого не рассматривались как самостоятельный объект изучения, были исследованы нами как один из типов керамики. Приводится ряд статей с упоминанием крышек среди археологических находок. Одни из самых ранних экземпляров были обнаружены на территории Древней Греции и Китая. Вероятно, что распространение крышек в Северо-Западной и Центральной Европе было связано с заменой открытых очагов закрытыми. Тема эта требует дальнейшего изучения. Учитывая морфологическое сходство формы крышек с формой низких мисковидных сосудов, автором были внесены некоторые изменения в общепринятую для этих сосудов терминологию. Наружная выступающая донная часть названа «держателем». Нижний край, сформированный под углом к полю, – «бортиком». В качестве определяющего признака для выявления подтипов взята форма изделия, в ряде случаев зависящая от характера взаимосвязи с основным сосудом. В качестве дополнительных признаков в таблице фиксировался диаметр изделия и держателя, высота крышки по центру, углы наклона полей и бортиков, толщина стенок, а также состав теста и цвет изделия (табл. 1). В результате проведенной работы было выявлено три подтипа крышек, у самого архаичного из них отмечено три варианта формы держателя. В г. Енисейске в период XVII–XIX вв. зафиксированы два способа применения крышек: это крышки вьюшек, используемые для перекрытия дымоходов печи, и посудные крышки. Полученная информация в своей основе позволит идентифицировать крышки среди прочей керамики, систематизировать их в соответствии с выявленными подтипами и в процессе дальнейшего изучения может быть дополнена.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, археология Енисейска, керамика, типология, крышки, печная вьюшка, держатель.

Введение

Целенаправленное археологическое изучение г. Енисейска, одного из старейших сибирских городов, основанного в 1619 г. и расположенного на границе между Западной и Восточной Сибирью, проводилось с 2013 по 2019 г. в связи с подготовкой к его 400-летию юбилею. Культурный слой территории острога и посада, сформированный хозяйственной деятельностью русского населения на протяжении XVII–XIX вв., содержал огромное количество керамики (горшки, крынки, миски, латки и др.), среди которой значительное место занимали крышки (рис. 1). Экземпляры их из различных горизонтов культурного слоя отличаются по форме, составу формовочной массы, способу формообразования и особенностям обжига, что свидетельствует об активном использовании крышек на этой территории и их местном производстве.

Рис. 1. Керамические крышки из г. Енисейска

Керамические крышки и раньше встречались в других регионах, в том числе при раскопках памятников. Основной причиной их недостаточной изученности, вероятно, является то, что крышки, будучи отдельным предметом, не были функционально самостоятельным изделием. К тому же основные сосуды или устройства, с которыми они были связаны, не всегда имеют признаки их использования, такие как выступ на внутренней или внешней стороне горловины. Вторая причина – это конструктивное и визуальное сходство крышек с низкими сосудами типа мисок. Выделение крышек из массы енисейской керамики затруднила также и плохая сохранность большого количества крышек вьюшек, которые при перекрытии ими дымоходов из-за экстремального температурного режима во время использования разрушались (расслаивались и крошились).

Цель и методы исследования

Целью данного исследования является изучение крышек из г. Енисейска, разработка их типологии и введение полученной информации в научный оборот. Работа носит предварительный характер, поскольку вся керамика времени существования города находится в стадии обработки. В задачи данного исследования входило:

1. Выявление характерных признаков крышек для выделения их из сходных по строению и форме сосудов.
2. Выявление признаков функционального использования крышек в различных температурно-влажностных режимах (при хранении, готовке пищи и при перекрытии дымохода).
3. Исследование способов формообразования крышек, связанное в том числе с развитием технологии их изготовления.

Методически рассмотрение крышек как отдельного типа гончарных изделий осложнялось множеством разнообразных подходов к типологии посуды как в археологии, так и в этнографии, где до сих пор не сложились общие принципы и методика изучения этого источника. В археологии крышки в числе подробно изученной московской керамики были внесены в список посуды еще в 1949 г. М. Г. Рабиновичем, но по причине большого ассортимента посуды его методика не нашла широкого применения в других регионах (*Рабинович*, 1949). В 1994 г. крышки как тип керамики были описаны Т. В. Сергиной в составе смоленской керамики. Визуально она делит их на 3 типа и пишет, что «материала недостаточно для прослеживания развития их форм» и что количество крышек заметно сократилось в XV в. (*Сергина*, 1994. С. 13, 14). В отдельный тип изделий крышки были выделены Н. Г. Артемьевой из числа албазинской археологической керамики на территории Дальнего Востока (*Артемьева*, 1995). На современном этапе различным исследовательским подходам в изучении археологической керамики посвящены работы Ю. Б. Цетлина и В. Ю. Ковалья (*Цетлин*, 2012; 2017; *Коваль*, 2014; 2016).

Среди ученых-этнографов Сибирского региона проблемой типологии местной керамики занимались Е. Ф. Фурсова и А. Н. Голендеев, каждый из них предложил свой вариант. Е. Ф. Фурсова, рассматривая посуду русского населения

юга Западной Сибири конца XIX – начала XX в., выделила типы в зависимости от ее «конфигурации» (формы. – Л. А.) (Фурсова, Голеев, 2003). А. Н. Голендеев на основе исследования керамики русского населения Иркутской области, и С. А. Милюченков, изучавший до него южнорусскую керамику, в построении типологии использовали функциональный принцип, заключающийся в делении посуды на типы по способу ее бытового применения (Голендеев, 2005; Милюченков, 1984). В 1997 г. археологическая и этнографическая керамика Прииртышья комплексно была изучена Л. В. Татауровой (Татаурова, 1997). Свою типологию гончарной продукции Алтая конца XIX – первой половины XX в. выстроила О. С. Мамонтова (Мамонтова, 2014). Большинство исследователей использовали функциональный метод. Однако во всех приведенных исследованиях крышки лишь единично упоминаются и ни в одну из перечисленных типологий не входят. В настоящее время недостаточная изученность крышек как одного из видов гончарных изделий препятствует пониманию развития и совершенствования посуды и конструкций теплотехнических устройств.

Настоящее исследование опирается также на функциональный метод, но границы охвата соответствуют историко-культурному подходу, наиболее полно и разносторонне рассматривающему объект изучения (Бобринский, 1978; 1999; Цетлин, 2017. С. 94, 95). Большое количество крышек периода XVII–XIX вв. среди енисейской керамики способствовало выделению их в особый тип изделий с двумя вариантами использования: посудные (в составе емкостей для хранения и приготовления пищи) и крышки вьюшек (Аболина, 2017). В качестве основного признака взята форма крышек, в большинстве зависящая от сочетания с накрываемым предметом и позволившая выделить подтипы.

Обсуждение

Для определения роли и места крышек среди массы керамических изделий важно понимание причины их появления. История этого процесса пока недостаточно изучена. На основе имеющихся материалов очевидно, что в разных культурах это происходило не одновременно. Тенденция накрывать сосуды для хранения пищевых запасов появилась еще в древности, для чего могли использоваться любые плоские предметы, которые либо не сохранились, либо не рассматривались учеными в этом качестве. Движущей тенденцией развития формы стало стремление к достижению наибольшей герметичности. Среди археологической керамики к одним из ранних экземпляров можно отнести крышки Древней Греции и Китая (Электронный ресурс: <https://yandex.ru/images/search?text=керамика+древней+Греции+фото>, <https://yandex.ru/images/search?text=керамика+древнего+Китая+фото>). На территории Приенисейской Сибири крышки упоминаются Л. Р. Кызласовым в составе «кыргызских ваз», характерных для культуры ранних чаатасов VI в., со ссылкой на исследование Л. А. Евтюховой (Кызласов, 1981. С. 46–52; Евтюхова, 1948. С. 92–94). Вышеперечисленные крышки были составной частью высоких сосудов для хранения вина. Иногда археологические крышки относили к «тарелкам» из-за внешнего сходства (Рутковская, 1958. С. 122). Время начала использования крышек в процессе

приготовления пищи пока не установлено. Известно, что на территории Смоленска крышки в составе одного вида горшков были распространены с домонгольского времени (Сергина, 1994. С. 9, 12, 13, 14). Возможно, более широкому их распространению мог способствовать процесс замены открытых очагов закрытыми. Он повлек за собой не только изменение формы сосудов, но и культуру питания. В дальнейшем способы изготовления и совершенствование формы крышек напрямую связаны с развитием технологии гончарства, что прослеживается на примере енисейских образцов.

В составе древнерусской посуды крышки могли появиться не ранее чем низкие плоскодонные сосуды. Прототипом крышек послужили миски и ладки, что подтверждается не только сходством форм и конструктивных элементов, но и этнографическими свидетельствами об использовании их в этом качестве. 1. «Латки из глины как чашки закрывались крышкой. Можно было жарить, тушить, варить» (Посольск). 2. *Ладка* – крышка для закрывания дымохода. «А чтоб пар не выходил, дымоход закрывать *ладка*, а вот под ей блинок» (Шергино). 3. «Русска печь хороша, весь день жар доржится. Чтоб жар не выходил, *латку* задвигали» (Кабанск). «У дымника така с боку дверца: откроешь, *латку* положишь – тепло» (Исток) (Словарь..., 1987. С. 17). Термин «крышка» в русском языке стал преобладать только в XX в., вытеснив предыдущие названия «ладка», «кровля», «покрышка», «накров».

Ладки (тарелки, миски) традиционной формы, первоначально использовавшиеся в качестве крышек, обладали значительным недостатком – слабо профилированным снаружи дном, неудобным для захвата рукой. Крышками они стали благодаря формированию «держателя» – выступа по внешнему краю дна (известны и другие варианты держателей).

География распространения крышек на территории расселения русских достаточно широка, об этом можно судить по упоминаниям их в ряде статей. Среди археологической керамики на территории Москвы и ее окрестностей крышки фиксировались с начала XX в. (Городцов, 1901; Рабинович, 1949; Пещерева, 1959. С. 76, 77; Кренке, 2009. С. 295, 433, 461, 487; Коваль, 2016. С. 72–81, 117, 118, 134; Курмановский, 2017. С. 105–112; Стрикалов, 2017. С. 114; Болдин. К проблеме типологии...; Кабатов и др., 2016. С. 15; и др.). В. Ю. Коваль, рассматривая разные типы керамики из раскопок на Подоле Московского Кремля, пишет: «Хотелось бы обратить внимание на постоянное присутствие в комплексах обломков крышек от горшков, количество которых, однако, незначительно» (Коваль, 2016. С. 460, 466). В приведенной им таблице среди 726 предметов крышек всего 19. Вероятно, что примерно такое соотношение характеризует общую картину их применения в этом регионе в XIV–XVI вв.

На территории первых городов Западной Сибири крышки были найдены в Тобольске (Аношко, 2018. С. 61), Кузнецком уезде, Томской губернии (Шурин, 2017. С. 489–494). Крышки упоминаются в обзоре письменных источников по томской керамике: «Часто встречаются миски с крышками, высокие банки (иногда с крышками)» (Володина, 2012. С. 27).

На территории Енисейска первые вьюшки (неотъемлемой частью которых были крышки) могли появиться в связи с сооружением первых изразцовых печей примерно в 1670-х гг. «Печь образцовая ветхая», упомянута в документе 1697 г.

(Опись..., 1712 г. Ф. 214. Кн. 1148. Лл. 78–81). Изразцовые печи имели дымоход, который необходимо было закрывать после окончания топки. К сожалению, исследователи ранних изразцовых печей центральных регионов России, уделяя основное внимание их внешнему виду и декору, упускают этот важный элемент конструкции (*Кондратьев*. Круглые надворные печи...; Протоизразцы из Великого Новгорода...; *Андреева*, 2015. С. 32–45; *Бородина, Евсеев*, 2015. С. 76–88).

Для перекрытия дымоходов в Енисейске массово применяли керамические печные вьюшки, состоящие из кольцевых желобов с крышкой (прототипы известных позднее металлических) (*Аболина*, 2017. С. 37–40). Керамические кольцевые желоба упоминаются в ряде археологических статей: на территории Пскова (*Спегальский*, 1968. С. 74–78), на территории Москвы (*Кашинцев*, 2007. С. 82; *Кренке*, 2009. С. 487), в Северо-Восточном регионе (*Гиринович*, 2017. С. 282). М. В. Фролов приводит и письменные свидетельства об использовании крышек в конструкции московских печей: «да труба с покрывшкою». Он отмечает, что рядом с керамическими желобами находились толстостенные керамические крышки диаметром 20–30 см (*Фролов*, 1991. С. 12). Фрагменты желобов, аналогичных енисейским, были зафиксированы в Восточно-поморском г. Лальске (*Трушкова*, 2016. С. 53). На территории Восточной Сибири они обнаружены в г. Иркутске В. В. Краснощековым и С. А. Песковым в с. Бадай. Учитывая, что крышки были неотъемлемой частью вьюшек, все упоминания желобов косвенно свидетельствуют о наличии крышек.

На Дальнем Востоке крышки были выделены в отдельный тип албазинской и нерчинской керамики (*Артемьев, Артемьева*, 1994. С. 167; *Артемьева*, 1995. С. 127). Большую долю населения этих острогов составляли выходцы из г. Енисейска, что могло способствовать распространению гончарной традиции.

Результаты

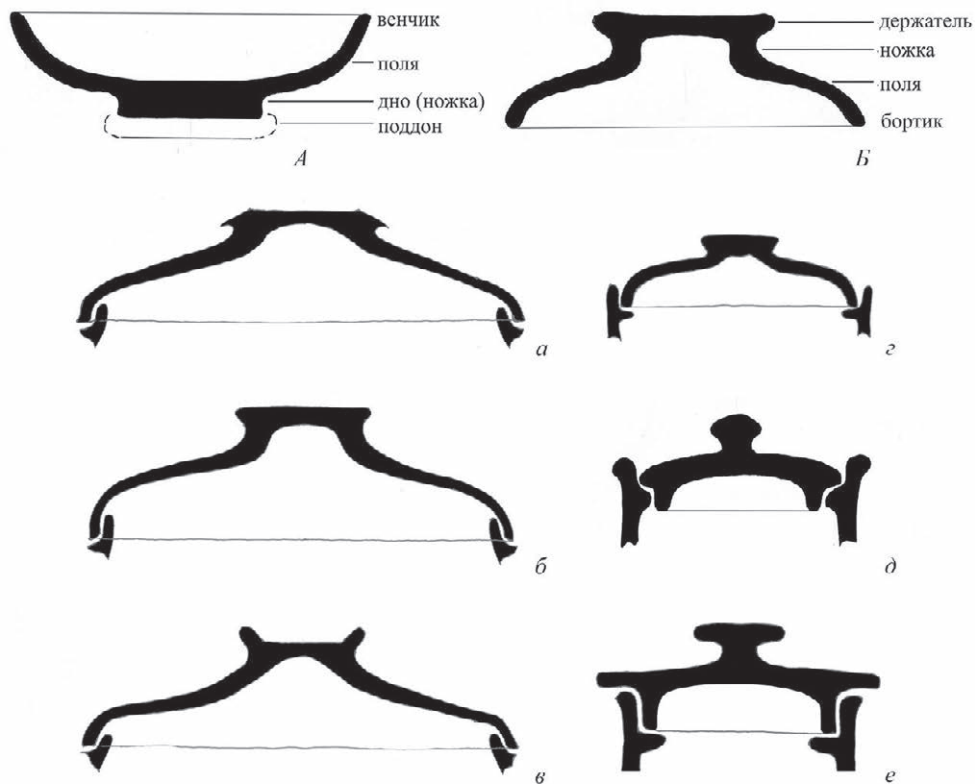
Основанием для выделения крышек в самостоятельный тип является их функциональное использование и значимые отличия от низких плоскостонных сосудов, состоящих из дна, полей и венчика, иногда дополнительно ножки и поддона (*Бердников, Лохов*, 2014. С. 147). При превращении мисок в крышки, в связи с изменением их положения в пространстве, в названия частей крышки автором статьи были внесены изменения (рис. 2: А, Б):

Держатель – верхняя выступающая часть крышки, сформирован из дна путем добавления к нему выступающего края для удобного захвата рукой, иногда в виде ножки и поддона.

Поля – основная плоскость крышки.

Бортик – нижний край крышки, расположенный под углом к полям, с целью более плотного прилегания к сосуду снаружи или внутри.

В ходе исследования выявлены два признака, отличающие крышки от низких сосудов. Плоскость держателя часто была неровной, поэтому крышки не могли стоять на ней и использоваться в качестве мисок. Второе отличие – это выемка на внутренней поверхности дна, часто грубо обработанная, с пологими или

Рис. 2. Названия частей керамических мисок (1) и крышек (2); подтипы крышек
a – в – подтип 1, варианты держателя 1–3; *з* – подтип 2; *д, е* – подтип 3

вертикальными стенками, что связано с формированием ножки держателя. У тарелок и мисок дно внутри округлое и гладкое. Для идентификации крышек достаточно даже одного из этих признаков.

Всего в Енисейске было исследовано 170 крышек: 2/3 их составляли посудные и 1/3 – крышки вьюшек. В табл. 1 (см. в конце статьи) включено 143 экземпляра, имеющих наиболее полный профиль и не менее 4 показателей. К посудным были отнесены все крышки, покрытые поливой, и все изделия менее 17 см в диаметре. Посудными также являлись крышки большего диаметра с органическим нагаром на внутренней стороне, который мог образоваться только при термической обработке пищи. Крышки вьюшек имели диаметр от 17 до 34 см и характерные признаки использования в условиях дымохода печи: пересушенность и расслоение от регулярного воздействия высокой температуры, иногда следы задымления на внутренней поверхности. В результате исследования было выделено 3 подтипа крышек.

1. Охватывающие снаружи бортиками венчик сосуда или желоба (рис. 2: *a, б, в*).

2. Опирающиеся краем на специально сформированный для этого выступ внутри горловины сосуда – «внутреннюю губу» (рис. 2: *з*).

3. Опирающиеся на внутреннюю губу сосуда, как и крышки 2-го подтипа, но дополнительно имеющие поля, накрывающие венчик сосуда (рис. 2: *д, е*).

У крышек первого подтипа (130 штук) было выявлено 3 варианта держателя. К более ранним отнесены 75 крышек с первым вариантом формы держателя: плоским и низким, без ножки, напоминающим дно сосуда. Основным признаком стал выступающий край на держателе, сформированный посредством фаски по его внешнему контуру (рис. 2: *а*) С внутренней стороны, в центре, углубление с пологими бортами. Большинство крышек вылеплено вручную из природной глины, иногда с добавлением песка и доводкой на вращательном устройстве. Это заметно по следам заглаживания тряпкой или рукой. У держателя более поздних экземпляров появляется ножка, они становятся выше и тоньше, с более гладкой и ровной поверхностью. Большинство из них коричневого или темно-серого цвета.

Крышки со вторым вариантом держателя (24 экз.) изготовлены профессиональнее на гончарном круге с большей скоростью вращения, что прочитывается по следам. Изделия состоят из тщательно промешанной глины с добавлением крупного песка. Держатель на ножке, плоский, с округлыми выступающими краями (рис. 2: *б*). Внутри него четко сформированная выемка с вертикальными бортами. Состав формовочной массы и более качественная форма свидетельствуют о появлении в городе другой традиции. Иногда наблюдается сочетание признаков: при округлом держателе внутреннее углубление с пологими бортами, что могло быть результатом совмещения двух традиций.

Держатель третьего варианта (31 экз.) имеет по краю сформированные вручную выступы (рис. 2: *в*). Выемка внутри с четко оформленными на гончарном круге бортами. Возможно, это индивидуальная особенность формовки одного из мастеров на основе привнесенной традиции, что зачастую имело место в гончарном промысле (*Глушков, 1996. С. 110.1–110.8*). Держатели подобного вида были зафиксированы на крышках парфянской керамики из Мерва III–II вв. до н. э. (*Рутковская, 1958. С. 122, 123*), а также среди московских изделий XVI–XV вв. (*Коваль, 2016. С. 460, 466*).

У семи крышек второго подтипа по краю полей отсутствует плоский выступающий край, т. к. они вкладываются внутрь горловины, опираясь на выступ. Встречаются в числе привозной поливной керамики (рис. 2: *з*). Аналогии есть среди смоленских (*Сергина, 1994. С. 13, 14*) и московских экземпляров XVI–XV вв. (*Коваль, 2016. С. 460, 466*).

Крышки третьего подтипа имеют внутренний бортик и выступающий выше него плоский край. Этот вариант по форме можно отнести ко второму подтипу, но в ряде случаев он существует без внутренней губы на сосудах и функцию опоры вместо него выполняют плоские поля, что является общим с первым подтипом. Морфология появления этого варианта могла быть иной, чем у второго подтипа. В Енисейске это посудные крышки небольшого размера (10–12 см), покрытые зеленой или прозрачной глазурью, принадлежащие высоким сосудам типа крынок и кувшинов, большая часть из которых привозные. Подобные крышки встречаются у фарфоровых и фаянсовых чайников, проникших на территорию

вропы в XIV–XV вв. из Китая. Чайники распространились среди русского населения вместе с культурой чаепития. Например, они завозились из Северо-Западной Европы в Поморье, где упоминаются уже в составе русской посуды: «...большие “чашки” и “мисы”, в которых готовили в печи и ели, а также горшки, чайники с “накровами”. У кубов крышек не было...» (Волкова. Соловецкий гончарный промысел). В конце XIX в. изделия гончарной мастерской Соловецкого монастыря среди других признаков имели «замки для крышек» (Коваль, 2016. С. 460, 466).

Среди формовочных масс, из которых изготовлены крышки Енисейска, присутствуют: односоставные (природная глина с естественными включениями), двусоставные (глина + песок, крупный непросеянный или мелкий просеянный) и трехсоставные (глина + песок + шамот). Несколько фрагментов поздних изделий, изготовленных на ножном гончарном круге и обожженных в горне, светло-охристого или молочного цвета с розоватым оттенком. В формовочной массе видны зольные включения, возможно, это сгоревшая во время обжига растительная органика, входившая в их состав.

По способу конструирования крышки можно поделить на 3 группы: 1) лепная керамика, сформированная лоскутным наделом, 2) керамика, сделанная на гончарном круге и 3) переходное между ними звено, самое многочисленное составляют крышки, вылепленные вручную с доводкой на примитивном вращательном устройстве. Какие из разновидностей механизмов вращения применяли енисейские гончары, пока не установлено.

В типологии обработки поверхности русской керамики Прииртышья Л. В. Татаурова выделила 6 классов (Татаурова, 1997. С. 22). Среди енисейских крышек присутствует лишь 3 из них. Большая часть крышек имеет поверхность со следами заглаживания руками или тряпкой, на некоторых видны потеки от обвары, остальные покрыты поливой.

Выводы

Енисейские керамические крышки, отнесенные к одному типу, делятся на три подтипа. Первый подтип имеет 3 варианта держателя. Выявлено 2 способа применения крышек первого подтипа: посудные и крышки вьюшки. Второй и третий подтипы идентичны по форме и предназначены для узкогорлых сосудов: крынок и кувшинов для хранения продуктов, но, учитывая различные способы опоры, могли иметь различное происхождение. Вероятно, что крышки в Енисейске начали использовать в конце XVII в., и примерно до середины XVIII в. их изготавливали самостоятельно из местной глины. Способ формовки менялся от лоскутного надела до вытягивания на гончарном круге. Предположительно, большинство крышек обжигались в домашних печах, об этом свидетельствует качество обжига, они имеют серо-охристый и коричневый цвет. На вскрытой городской площади размером около 25 000 кв. м наряду с обнаруженными печами для обжига изразцов и кирпича специальные горны для обжига посуды пока не были обнаружены.

Изменение формы крышек внутри первого подтипа на протяжении всего периода, с конца XVII по XX в., в основном связано с развитием технологии. Начи-

ная с середины XVIII в. появляются крышки, выполненные на ножном гончарном круге, и дальнейшее развитие продолжается в русле взаимодействия двух разных традиций. В результате более совершенная внесенная традиция стала доминантной. Большая часть поливных крышек по способу формовки принадлежит к местной традиции, первому подтипу с первым вариантом держателя. Предварительно они отнесены к середине – второй половине XVIII в. Появление привозных крышек в составе посуды, безусловно, связано с развитием путей сообщения. На протяжении активного использования керамической вьюшки заметна тенденция уменьшения ее размера, связанная с уменьшением размеров печей и их дымоходов (Аболина, 2017. С. 37–40). Предварительные исследования также показали вероятность взаимосвязи типов посуды с типом теплотехнических сооружений, что предполагает перспективность этого направления.

Более точные и полные результаты по ряду технологических вопросов и датировкам крышек будут получены после обработки всего массива енисейской керамики. Полученная информация позволит идентифицировать крышки среди прочей керамики, систематизировать их в соответствии с выявленными подтипами и в процессе дальнейшего изучения может уточняться и быть дополнена.

ЛИТЕРАТУРА

- Аболина Л. А., 2017. Керамические печные вьюшки из города Енисейска // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / Под ред. Л. В. Татауровой. Омск: Наука. С. 34–37.
- Андреева Е. А., 2015. Отопительные приборы первой четверти XVIII в. на примере дворцов А. Д. Меншикова в Петербурге и пригородах // Меншиковские чтения. Вып. 6 (15). СПб.: XVIII век. С. 32–45.
- Аношко О. М., 2018. Базарный раскоп в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (42). С. 53–61.
- Артемьев А. Р., Артемьева Н. Г., 1994. Керамика Албазинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 1. Владивосток. С. 165–170.
- Артемьева Н. Г., 1995. Керамика Нерчинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования. Т. 2 / Ред. А. Р. Артемьев. Владивосток: Дальневосточный центр РАН. С. 124–131.
- Бердников И. М., Лохов Д. Н., 2014. Керамика в археологии: описание, анализ, методы исследования. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та. 164 с.
- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы (Источники и методы изучения). М.: Наука. 272 с.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский А. А., Цетлин Ю. Б., Внуков С. Ю., Глушков И. Г., Гребенищев А. В., Жуциховская И. С., Васильева И. Н., Салугина Н. П., Скарбовенко В. А., Калинина И. В., Глушкова Т. Н. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: Изд-во Самарского гос. пед. ун-та. С. 5–110.
- Болдин И. В. К проблеме типологии позднесредневековой керамики (по материалам археологических раскопок в г. Козельске) [Электронный ресурс]. URL: <https://museum-murom.ru/scientific-work/materialy-konferencij-muzeya/konferenciya-uvarovskie-chteniya/uvarovskie-chteniya-ii/i.-v.-boldin.-k-probleme-tipologii-pozdnesrednevekovoj-keramiki-po-materialam-arheologicheskikh-raskopok-v-g.-kozelske> (дата обращения: 09.08.2020).
- Бородин С., Евсеев Е., 2015. «Отпор враждующему хладу...». Эволюция отопительных систем в русских усадьбах // Мир искусств. № 3 (11). С. 76–88.

- Волкова Е. В.* Соловецкий гончарный промысел [Электронный ресурс]. URL: http://www.solovky.ru/sites/default/files/pdf/volkova_ev_soloveckiy_goncharnyy_promysel.pdf (дата обращения: 09.08.2020).
- Володина В. С.*, 2012. Русское гончарное производство в Томской губернии XVII – начала XX в. По материалам письменных источников // Вестник Томского государственного университета. № 2 (18). С. 111–118.
- Гиршевич М. А.*, 2017. Конструктивные особенности некоторых печей начала XVIII века // АП. Вып. 13 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН. С. 280–283.
- Глушков И. Г.*, 1996. Керамика как археологический источник. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 328 с.
- Голендеев А. Н.*, 2005. Гончарный промысел в Иркутской губернии // Тальцы. № 3 (26). С. 18–27.
- Городцов В. А.*, 1901. Русская доисторическая керамика. М.: Московское археологическое общество. 101 с.
- Евтюхова Л. А.*, 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Советская Хакасия. 109 с.
- Кабатов С. А., Курочкина С. А., Алибеков С. Я.*, 2016. Использование естественнонаучных методов при анализе керамического материала селища Вёжи // Вестник Костромского государственного университета. Т. 22. № 2. С. 14–20.
- Кашинцев А. Ю.*, 2007. «Город Вологда на реке на Вологде, да на речке Золотухе...» // Археология Вологды: история и современность / Отв. ред. Н. Б. Васильева. Вологда: Древности Севера. С. 76–84.
- Коваль В. Ю.*, 2014. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы // АП. Вып. 14 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН. С. 414–441.
- Коваль В. Ю.*, 2016. Керамика из раскопок на Подоле Московского кремля // АП. Вып. 12 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН. С. 437–475.
- Кондратьев И.* Круглые надворные печи. Второй сюжет из истории обогревательных устройств на Руси [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/27893604/> (дата обращения: 09.08.2020).
- Кондратьев И.* Протоизразцы из Великого Новгорода. Первый сюжет из истории обогревательных устройств на Руси [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/27893108/> (дата обращения: 09.08.2020).
- Кренке Н. А.*, 2009. Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. М.: ИА РАН. 521 с. (Материалы охранных архитектурных исследований; т. 12.)
- Курмановский В. С.*, 2017. Смоленская керамика XI–XVIII веков: опыт рабочей классификации // Памятники средневековой археологии Восточной Европы: сб. к юбилею М. Д. Полубояриновой / Отв. ред. А. В. Чернецов; сост. И. Н. Кузина. М.: ИА РАН. С. 105–112.
- Кызласов Л. Р.*, 1981. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Ред. С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 46–52. (Археология СССР)
- Мамонтова О. С.*, 2014. Гончарство русского населения Алтая в конце XIX – XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул. 258 с.
- Милоченков С. А.*, 1984. Белорусское народное гончарство. Минск: Наука и техника. 183 с.
- Опись строениям Енисейского острога при передаче стольника воеводы Михаила Даниловича Римского-Корсакова стольнику воеводе Богдану Даниловичу Глебову, 1712 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Кн. 1148. Л. 78–81.
- Пещерева Е. М.*, 1959. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 396 с. (Труды Института этнографии. Новая серия; т. 42.)
- Рабинович М. Г.*, 1949. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2 / Под ред. А. В. Арциховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 57–105. (МИА; № 12.)
- Рутковская Л. М.*, 1958. Парфянская керамика древнего Мерва // СА. № 3. С. 120–133.
- Сергина Т. В.*, 1994. Керамика Смоленска второй половины XIII – XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 28 с.
- Словарь русских говоров Прибайкалья. Вып. 2. К–Н / Сост. Ю. А. Кашевская. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1987. 130 с.
- Спегальский Ю. П.*, 1968. О некоторых приемах устройства отопительных печей XVII в. (по находкам в Пскове) // КСИА. Вып. 113. С. 74–78.

- Стрикалов И. Ю.*, 2017. Новые данные о керамике XI в. Старой Рязани // Памятники средневековой археологии Восточной Европы: сб. к юбилею М. Д. Полубояриновой / Отв. ред. А. В. Чернецов; сост. И. Н. Кузина. М.: ИА РАН. С. 112–125.
- Татаурова Л. В.*, 1997. Керамическое производство Нижней Тары в XVII–XIX вв. (по данным археологии и этнографии): дис. ... канд. ист. наук. Омск. 285 с.
- Трушкова И. Ю.*, 2016. Экономика восточно-поморского города Лальска: вопросы этноархеологического изучения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. № 3. С. 51–58.
- Фролов М. С.*, 1991. Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII в.: справочник. М.: Спецпроектреставрация. 70 с.
- Фурсова Е. Ф., Голеев М.*, 2003. Традиционные гончарные изделия. Посуда юга Западной Сибири конца XIX – начала XX в. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы регион. науч.-практ. конф. Вып. 13. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та. С. 161–166.
- Цетлин Ю. Б.*, 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 384 с.
- Цетлин Ю. Б.*, 2017. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 346 с.
- Ширин Ю. В.*, 2017. Гончарный комплекс преподобного Василиска Сибирского // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / Под ред. Л. В. Татауровой. Омск: Наука. С. 489–494.

Сведения об авторе

Аболина Лариса Александровна, научно-производственное объединение «Археологическое Проектирование и Изыскания», пр. Мира, 25, стр. 1, Красноярск, 660060, Россия; e-mail: larisa-abolina@yandex.ru

N. A. Abolina

CERAMIC LIDS FROM ARCHAEOLOGICAL MATERIALS IN THE CITY OF YENISEYSK

Abstract. More than 160 ceramic lids and their fragments were discovered during archaeological excavations carried out in Yeniseysk located on the border between East Siberia and West Siberia in 2015–2018 (Fig. 1). Two thirds of the items are vessels lids, one third of the collection are identified as chimney dampers. As these lids turned out to be frequent finds which had not been regarded as a separate research object we focused on the lids as one of ceramic types. The paper provides references to publications where lids are mentioned among archaeological finds. Some of the earliest items were discovered in Ancient Greece and China. Most likely, the spread of lids in Northwestern and Central Europe was linked to replacement of open hearths with closed hearths. The subject requires further research.

Keywords: East Siberia, archaeology of Yeniseysk, ceramics, typology, lids, chimney dampers, holder.

REFERENCES

- Abolina L. A., 2017. Keramicheskiye pechnyye v'yushki iz goroda Yeniseyska [Ceramic chimney dampers from city of Yeniseysk]. *Kul'tura russkikh v arkhelogicheskikh issledovaniyakh [The Russians' culture in archaeological studies]*. L. V. Tataurova, ed. Omsk: Nauka, pp. 34–37.
- Andreyeva E. A., 2015. Otopitel'nyye pribory pervoy chetverti XVIII v. Na primere dvortsov A. D. Menshikova v Peterburge i prigorodakh [Heating devices of first quarter XVIII c. On example of palaces of A.D. Menshikov in [etersburg and suburbs]. *Menshikovskiyе chteniya [Menshikov readings]*, 6 (15). St. Petersburg: XVIII vek, pp. 32–45.
- Anoshko O. M., 2018. Bazarnyy raskop v Tobol'ske [Bazarnyy excavation trench in Tobol'sk]. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography]*, 3 (42), pp. 53–61.
- Artem'yev A. R., Artem'yeva N. G., 1994. Keramika Albazinskogo ostroga [Ceramics of Albazin fort]. *Russkiye pervopokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. (Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya) [Russian pioneers in the Far East in XVII–XIX cc. (Historical-archaeological studies)]*, 1. Vladivostok, pp. 165–170.
- Artem'yeva N. G., 1995. Keramika Nerchinskogo ostroga [Ceramics of Nerchinsk fort]. *Russkiye pervopokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya [Russian pioneers in the Far East in XVII–XIX cc. (Historical-archaeological studies)]*, 2. A. R. Artem'yev, ed. Vladivostok: Dal'nevostochnyy tsentr RAN, pp. 124–131.
- Berdnikov I. M., Lohov D. N., 2014. Keramika v arkhologii: opisaniye, analiz, metody issledovaniya [Ceramics in archaeology: description, analysis, research methods]. 2nd edition, revised and supplemented. Irkutsk: Irkutskiy gos. universitet. 164 p.
- Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. (Istochniki i metody izucheniya) [Pottery-making of Eastern Europe. (Sources and research methods)]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Bobrinskiy A. A., 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'yek tistoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery-making technology as object of historical-cultural research]. *Bobrinskiy A. A., Tselin Yu. B., Vnukov S. Yu., Glushkov I. G., Grebenshchikov A. V., Zhushchikhovskaya I. S., Vasil'yeva I. N., Salugina N. P., Skarbovenko V. A., Kalinina I. V., Glushkova T. N. Aktual'nyye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Topical problems of investigation of ancient pottery-making]*. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 5–110.
- Boldin I. V. K probleme tipologii pozdnesrednevekovoy keramiki (po materialam arkhelogicheskikh raskopok v g. Kozel'ske) (Elektronnyy resurs) [On problem of typology of late medieval ceramics (based on materials of archaeological excavations in city Kozel'sk) (Electronic resource)]. URL: <https://museum-murom.ru/scientific-work/materialy-konferencij-muzeya/konferenciya-uvarovskie-chteniya/uvarovskie-chteniya-ii/i.-v.-boldin.-k-probleme-tipologii-pozdnesrednevekovoj-keramiki-po-materialam-arheologicheskikh-raskopok-v-g.-kozelske>.
- Borodina S., Evseyev E., 2015. «Otpor vrazhduyushchemu khladu...». Evolyutsiya otopitel'nykh sistem v russkikh usad'bakh [«Resisting the hostile cold...». Evolution of heating systems in Russian estates]. *Mir iskusstv [World of arts]*, 3 (11), pp. 76–88.
- Evyukhova L. A., 1948. Arkheologicheskiye pamyatniki yeniseyskikh kyrgyzov (khakasov) [Archaeological sites of Yenisei Kyrgyz (Khakass)]. Abakan: Sovetskaya Khakasiya. 109 p.
- Frolov M. S., 1991. Mastera-izrazhchniki Moskvyy XVII – nachala XVIII vv.: spravochnik [Masters of glazed tiles in Moscow, XVII – early XVIII cc.: handbook]. Moscow: Spetsproyektrestavratsiya. 70 p.
- Fursova E. F., Goleyev M., 2003. Traditsionnyye goncharnyye izdeliya. Posuda yuga Zapadnoy Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv. [Traditional potter's artifacts. Ware of south of West Siberia, late XIX – early XX cc.]. *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya [Preservation and research of cultural heritage in Altai region]*, 13. Barnaul: Barnaul'skiy gos. pedagogicheskoy universitet, pp. 161–166.
- Girshevich M. A., 2017. Konstruktivnyye osobennosti nekotorykh pechey nachala XVIII veka [Constructive features of some ovens of early XVIII century]. *AP*, 13. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 280–283.
- Glushkov I. G., 1996. Keramika kak arkhelogicheskiy istochnik [Ceramics as archaeological source]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 328 p.

- Golendeyev A. N., 2005. Goncharnyy promysel v Irkutskoy gubernii [Potter's trade in Irkutsk province]. *Tal'tsy [Tal'tsy]*, 3 (26), pp. 18–27.
- Gorodtsov V. A., 1901. Russkaya doistoricheskaya keramika [Russian prehistoric ceramics]. Moscow: Moskovskoye arkheologicheskoye obshchestvo. 101 p.
- Kabatov S. A., Kurochkina S. A., Alibekov S. Ya., 2016. Ispol'zovaniye estestvennonauchnykh metodov pri analize keramicheskogo materiala selishcha Vezhi [Use of natural scientific methods in analysis of ceramic material from open settlement Vezha]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kostroma state university]*, vol. 22, no. 2, pp. 14–20.
- Kashintsev A. Yu., 2007. «Gorod Vologda na reke na Vologde, da na rechke Zolotukhe...» [«City of Vologda on river Vologda and on rivulet Zolotukha...»]. *Arkheologiya Vologdy: istoriya i sovremennost' [Archaeology of Vologda: history and modernity]*. N. B. Vasil'yeva, ed. Vologda: Drevnosti Severa, pp. 76–84.
- Kondrat'yev I. Kruglyye nadvornyye pechi. Vtoroy syuzhet iz istorii obogrevatel'nykh ustroystv na Rusi (Elektronnyy resurs) [Round outdoor ovens. Second subject from history of heating devices in Rus (Electronic resource)]. URL: <https://www.academia.edu/27893604/>
- Kondrat'yev I. Protoizrastzy iz Velikogo Novgoroda. Pervyy syuzhet iz istorii obogrevatel'nykh ustroystv na Rusi (Elektronnyy resurs) [Proto-glazed tiles from Velikiy Novgorod. First subject from history of heating devices in Rus (Electronic resource)]. URL: <https://www.academia.edu/27893108/>
- Koval V. Yu., 2014. Keramika iz raskopok na Podole Moskovskogo Kremlya. Maloseriynnye gruppy [Ceramics from excavations of Moscow Kremlin suburb. Small-series groups]. *AP*, 14. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 414–441.
- Koval V. Yu., 2016. Keramika iz raskopok na Podole Moskovskogo Kremlya [Ceramics from excavations of Moscow Kremlin suburb]. *AP*, 12. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 437–475.
- Krenke N. A., 2009. Arkheologiya Romanova dvora. Predystoriya i istoriya tsentra Moskvy v XII–XIX vv. [Archaeology of Romanov court. Prehistory and history of centre of Moscow in XII–XIX cc.]. Moscow: IA RAN. 521 p. (Materialy okhrannykh arkhitekturnykh issledovaniy, 12.)
- Kurmanovskiy V. S., 2017. Smolenskaya keramika XI–XVIII vekov: opyt rabochey klassifikatsii [Smolensk ceramics of XI–XVIII centuries: working classification case]. *Pamyatniki srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy: sbornik k yubileyu M. D. Poluboyarinovoy [Medieval archaeological sites of Eastern Europe: collection of articles toward jubilee of M. D. Poluboyarinoва]*. A. V. Chernetsov, ed., I. N. Kuzina, comp. Moscow: IA RAN, pp. 105–112.
- Kyzlasov L. R., 1981. Drevnekhakasskaya kul'tura chaatas VI–IX vv. [Old Khakas chaatas culture, VI–IX cc.]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Eurasia in medieval epoch]*. S. A. Pletneva, ed. Moscow: Nauka, pp. 46–52. (Arkheologiya SSSR.)
- Mamontova O. S., 2014. Goncharstvo russkogo naseleniya Altaya v kontse XIX – XX vv.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Pottery-making of Russian population in Altai in late XIX – XX cc. PhD. Manuscript]. Barnaul. 258 p.
- Milyuchenkov S. A., 1984. Belorusskoye narodnoye goncharstvo [Byelorussian popular pottery-making]. Minsk: Nauka i tekhnika. 183 p.
- Opis' stroyeniyam Yeniseyskogo ostroga pri peredache stol'nika voyevody Mikhaila Danilovicha Rimskogo-Korsakova stol'niku voyevode Bogdanu Danilovichu Glebovu, 1712 g. [Inventory of buildings of Yeniseisk fort in transfer from Stolnik voivode Mikhail Danilovich Rimskiy-Korsakov to Stolnik voivode Bogdan Danilovich Glebov, 1712]. *RGADA*.
- Peshchereva E. M., 1959. Goncharnoye proizvodstvo Sredney Azii [Pottery-making production of Central Asia]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 396 p. (Trudy Instituta etnografii. Novaya seriya, 42.)
- Rabinovich M. G., 1949. Moskovskaya keramika [Moscow ceramics]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy [Materials and investigations on archaeology of Moscow]*, 2. A. V. Artsikhovskiy, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 57–105. (MIA, 12.)
- Rutkovskaya L. M., 1958. Parfyanskaya keramika drevnego Merva [Parthian ceramics of ancient Merv]. *SA*, 3, pp. 120–133.
- Sergina T. V., 1994. Keramika Smolenska vtoroy poloviny XIII – XVIII vekov [Smolensk ceramics of the second half of XIII – XVIII centuries]. PhD Thesis. Moscow, 28 p.
- Shirin Yu. V., 2017. Goncharnyy kompleks prepodobnogo Vasiliska Sibirskogo [Pottery-making complex of Reverend Vasilisk of Siberia]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh [The Russians' culture in archaeological studies]*. L. V. Tataurova, ed. Omsk: Nauka, pp. 489–494.

- Slovar' russkikh govorov Pribaykal'ya [Dictionary of Russian dialects of Baikal region], 2. Yu. A. Kashesvskaya, comp. Irkutsk: Irkutskiy universitet, 1987. 130 p.
- Spegal'skiy Yu. P., 1968. O nekotorykh priyemakh ustroystva otopitel'nykh pechey XVII v. (po nakhodkam v Pskove) [On some modes of constructing heating ovens, XVII c. (based on finds from Pskov)]. *KSIА*, 113, pp. 74–78.
- Strikalov I. Yu., 2017. Novyye dannyye o keramike XI v. Staroy Ryazani [New data on ceramics of XI c. from Staraya Ryazan]. *Pamyatniki srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy: sbornik k yubileyu M. D. Poluboyarinovoy* [Medieval archaeological sites of Eastern Europe: collection of articles toward jubilee of M.D. Poluboyarinova]. A. V. Chernetsov, ed., I. N. Kuzina, comp. Moscow: IA RAN, pp. 112–125.
- Tataurova L. V., 1997. Keramicheskoye proizvodstvo Nizhney Tary v XVII–XIX vv. (po dannym arkheologii i etnografii): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Ceramic production of Nizhnyaya Tara in XVII–XIX cc. (based on data of archaeology and ethnography). PhD. Manuscript]. Omsk. 285 p.
- Trushkova I. Yu., 2016. Ekonomika vostochno-pomorskogo goroda Lal'ska: voprosy etnoarkheologicheskogo izucheniya [Economy of East-Pomor city of Lal'sk: issues of ethno-archaeological study]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka state university for humanities], 3, pp. 51–58.
- Tsetlin Yu. B., 2012. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics. Theory and methods of historical-cultural approach]. Moscow: IA RAN. 384 p.
- Tsetlin Yu. B., 2017. Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ceramics. Concepts and terms of historical-cultural approach]. Moscow: IA RAN. 346 p.
- Volkova E. V. Solovetskiy goncharnyy promysel (Elektronnyy resurs) [Solovki pottery-making trade (Electronic resource)]. URL: http://www.solovky.ru/sites/default/files/pdf/volkova_ev_soloveckiy_goncharnyy_promysel.pdf
- Volodina V. S., 2012. Russkoye goncharnoye proizvodstvo v Tomskoy gubernii XVII – nachala XX v. po materialam pis'mennykh istochnikov [Russian pottery-making production in Tomsk province, XVII – early XX v. Based on materials of written sources]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state university], 2 (18), pp. 111–118.

About the author

Abolina Larisa A., research and production association «Archaeological Design and Research», prosp. Mira, 25, bld. 1, Krasnoyarsk, 660060, Russian Federation; e-mail: larisa-abolina@yandex.ru

**Таблица 1. Подтипы керамических крышек из г. Енисейска.
Первый подтип крышек с 1 вариантом формы держателя**

№	Объект, индивидуальный № находки	Диаметр	Высота	Диаметр дна	Угол полей и бортика	Толщина изд. центр – край	Состав, структура, цвет	Описание, примечания
1	Бал. А-Б, 17-18, № 21.04.17, № 99	–	–	7,5	–	0,4	Глина с естественными включениями, серый	Ручная лепка с доводкой на круге
2П	Кытм. Раск. 13, кв. е-32, 8.6.17, № 148,2	ок. 27	–	9,0	–	0,5	Глина слоистая, охристый	Крутовая. С фаской, но без выступа, внутри округлая выемка. Зеленая полива
3	Кытм. Раск. 13, кв. ж-35, 9.6.17, № 152 (а)	–	–	7,5	–	0,5	Глина с песком и органическими примесями, серо-зеленоватый	Крутовая формовка. С фаской и полой внутренней выемкой. Изнутри нагар
4	Кытм. Раск. 13, кв. ж-35, 9.6.17, № 152 (б)	–	–	ок. 9,0	–	0,6–0,8	Глина с мелким песком, серо-зеленоватый	Грубой ручной лепки с доводкой на круге, внутри копоть. От выюшки
5	Кытм. Раск. 13, кв. ж-35, 9.6.17, № 152 (г)	–	–	7,5	–	0,4	Глина с мелким песком, серо-охристый	Ровная, с фаской
6	Кытм. Раск. 13, кв. Л-34, 10.6.17, № 162.2	ок. 30,0	–	ок. 10	20–...	0,7–1,0	Глина с песком, серый внутри, охристый снаружи	Низкий держатель, кривая фаска, плавное углубление, копоть. От выюшки
7П	Школа. Захв. 36, 2018, № 180.2	21	6	6,8–7,0	70–30	0,3–0,8	Глина с песком, светло-охристый	Крутовая формовка. Зеленая полива
8П	Типогр. Р. 2 24.05.16, № 181	14	4,5	6,5	40	0,4–0,8	Глина, светло-молочный	С фаской, высокая, край приострен почти без бортика. Бледно-зеленая полива
9	Бал. Захв. 30', сл. 3, 7.11.16, № 196	ок. 22	–	8,0	–	0,4	Глина, серая, снаружи охристая	Ручная, с доводкой на круге. На песчаной подсыпке, с фаской, углубление сверху

Продолжение табл. 1

№	Объект, индивидуальный № находки	Диаметр	Высота	Диаметр дна	Угол полей и бортика	Толщина изд. центр – край	Состав, структура, цвет	Описание, примечания
7	Кытм. Раск. 13, кв. 31-с, 13.6.17, № 202	–	–	ок. 10	–	–	С песком, плохо промешана, охристый	Без копоти, расслоение от температуры. От выюшки
10	Бал. Захв. 28/, сл. 7, торг. лавки, 8.11.16, № 210	20	–	7,5	20–90	0,4	Глина однородная, хорошо промешана	Круговая формовка, внутри углубление с пологими бортами, посудная
11	Бал. Захв. 531, 18.02.17, № 259–263	–	–	7,0	–	–	Темно-серый	Копоть пятнами, маленький край с маленькой фаской
12	Кытм. Раск. 13, кв. ж-35, 13.6.17, № 265	–	–	6,5	–	0,4	Глина с мелким песком, тесто плотное, серо-охристый	С маленькой фаской, завернутой вверх. Выемка пологая. Посудная
13	Кытм. Раск. 13, кв. и-33, 14.6.17, № 266	–	–	9,0	–	ок. 0,8	Внутри черный	Ручная лепка, бортик оформлен руками. От выюшки
14	Кытм. Раск. 13, кв. 36, 17.6.17, № 290	–	–	ок. 9,0	–	0,8	Слоистая глина, возможно с илом. Светло-серая с молочным краем	Круговая формовка, без копоти. От выюшки
15	Бал. Р. 8. Захв. сл. 5, 6.02.17, № 362	16	5,3	6	30–60	0,3–0,6	Глина с примесями, коричневый	Внутри пологая выемка
16	Бал. Захв. 24, сл. 8, 20.10.16, № 385	25	8,0	10	30, 70	0,9–0,5	Глина без добавок, серо-охристый	Круговые следы на дне, нецентричны
17	Бал., лавки. Захв. 46, сл. 7, 2.02.17, № 483	27,5	7,5	8,0–8,5	30, 70	1,8–0,8	Глина с песком, темно-охристый	Круговая формовка, выемка внутри с крутыми бортами. От выюшки
18	Бал. Р-В, Яма, Уч. 1, кв. Ы/ 24, 01.09.16, № 491	19,0	6,7	7,8	35, 90	0,3–0,7	Глина с мелким песком, охристый	Круговая формовка. Во время формовки поставлено в тарелочку

Продолжение табл. 1

№	Объект, индивидуальный № находки	Диаметр	Высота	Диаметр дна	Угол полей и бортика	Толщина изд. центр – край	Состав, структура, цвет	Описание, примечания
19П	Бал. 17, пакгауз, Захв. 8 Б, 31.03.17, № 494	10,5, 26,0	9,5	8,0	25–70	–	Глина, светло-охристый с высоломи	Маленькая сложенная фаска. Зеленая полива
20	Бал. Захв. 46, 5.02.17, № 520	30	–	–	35–85	–	Темно-серый	Круговая формовка
21П	Бал. флиг. Захв. 39, сл. 1, 23.11.16, № 548.2	21	5,0	6,5	25–75		Глина с песком, светло-охристый	Круговая формовка, с фаской. Зеленая полива
22П	Бал. флиг. Захв. 38, сл. 2, 24.11.16, № 558.2	20,5	5,7	7,0	40–70	0,3–0,7	Глина, светло-охристый, серый на сломе, беложгущаяся	Неровный держатель с фаской, зелено-оливковый
23П	Бал. флиг. Захв. 38, сл. 2, 24.11.16, № 558.1	20	5,0	6,5	25–60		Молочно-охристый с мелким песком	Круговая формовка, с фаской, зеленая полива, изнутри меньше
24	Бал. Флитель. Захв. № 32, сл. 7, 29.11.16, № 592	–	–	6,5	–	0,4	Глина рыхлая с песком, зеленовато-черный	Ручная лепка с доводкой на круге, с фаской
25П	Бал. Захв. 35, сл. 4, флиг., 03.11.16, № 592	20	5,5	7,5	50–90–15		Серый с белыми высоломи	Сложенная фаска, край крышки отогнут наружу. Зеленая полива
26	Бал. Торг. лавки. Захв. 71, зач. 1, 20.2.17, № 619, 1	не менее 22	–	8,5	–	0,7	Глина с мелким песком, темно-серый	Ручная лепка, с доводкой на круге, фаска небольшая, внутри копать. От выюшки
27	Бал. Захв. 103, сл. 5, 8.04.17, № 632	–	–	6,5–7,0	–	0,3 центр, 0,5 поле	Глина с мелким песком, охристый	Маленькая фаска и ножка, подсыпка, выемка пологая, копать внутри
28	Бал. Торг. лавки. Захв. № 42, зач. 3, 21.02.17, № 637	–	–	5,5	–	0,4	Глина без песка, охристый	Формовка на подсыпке, держатель с фаской
29	Бал. Захв. 102, сл. 6, 14.4.17, № 734	–	–	ок. 8	–	0,6–0,7	Пористая глина, серо-охристый	Ручная лепка, верх округлый

Продолжение табл. 1

№	Объект, индивидуальный № находки	Диаметр	Высота	Диаметр дна	Угол полей и бортика	Толщина изд. центр – край	Состав, структура, цвет	Описание, примечания
30	Иверск Р-2, уг. 3, с. 11, кв. Ц-Е-И04.7.16, № 735.3	27,3	6,5	10	25, 60	0,6–0,8–0,5	Глина с добавкой песка и шмота, охристый	Держатель с фаской, край приострен, закончена внутри. От вышки
31	Бал. Раск. 8. Захв. зач. 10, 28.02.17, № 745–747 (а)	не менее 22	–	7,5–8,0	–	0,4	С небольшой добавкой песка, розово-охристый	Ручная лепка с доводкой на круге, с широкой фаской, без подсыпки, след срезания нитью
32	Бал. Захв. 103, сл. 6, 15.4.17, № 748–752	–	–	7,5	–	0,5–6	Глина с мелким песком, охристый	С фаской. Копоть внутри и немного снаружи
33П	Типогр. Р. 2, яма, 06.06.18, № 821.1	11	4,5	5	30–70	0,6–1,0	Глина, молочный	С фаской и ножкой. Темно-зеленая полива, край приострен
34	РСДРП. Р. 16, кв. в-16, уг. 3, 28.07.16, № 868	ок. 16	5,2	5,8	25–50	0,6	Глина с песком, охристый	Фаски и внутр. выемки почти нет, нижний край загнут внутрь
35	Школа Р. 1, кв. х 50 – у64, уг. 10, сл. 22, 10.11.17, № 1207	–	–	6,5–7,0	–	0,7	Глина без добавок, пережжена в пожаре	Держатель с частью поля до места прикрепления
36	Бал. Раск. 8а, сл. 12, 18.05.17, № 1241–1243.б	–	–	9,5	–	0,5	Глина, охристый	Песчаная подсыпка, фаска небольшая, копоть внутри. От вышки
37	Бал. Захв. 112, сл. 3, 31.03.17, № 1267–1269	31–32	–	12	–	ок. 1,0	Глина с прим. органическими, внутри серый, по краям охристый	Очень грубой выделки, самая большая. Копоть внутри
38	Бал. Торг. лавки. Захв. 121, сл. 2, 8.04.17, № 1341	–	–	8,0	–	0,3	Охристый с песком. Песчаная подсыпка	Маленькая фаска, без ножки, пологая выемка, копоть внутри
39	Бал. Захв. 128, 14.04.17, № 1401	не менее 18	–	8	–	0,4	Глина без добавок, серо-охристый	Лепка из одного куска, с фаской

Продолжение табл. 1

№	Объект, индивидуальный № находки	Диаметр	Высота	Диаметр дна	Угол полей и бортика	Толщина изд. центр – край	Состав, структура, цвет	Описание, примечания
40	Бал. Захв. 119, сл. 7, 3.5.17, № 1632–1634	–	–	ок. 6,0	–	0,5	Глина с мелким песком, серо-охристый	Копоть внутри. От выюшки
41	Бал. Захв. 176, сл. б/ф 3, 21.07.17, № 1688–89	–	–	7,5	–	центр 0,5	Плотное тесто, с мелким песком, охристый	Крутовая формовка. С фаской и ножкой, выемка внутри пологая
42	Демент. Р. 10, сл. 4, 19.06.16, № 1749	16	5	ок. 6	25–80	0,8–0,4	Глина с песком, светло-охристый	Внутри выемка с крутыми бортами, нижний край округлый
43	Демент. Р. 10, № 1760	25,0	6,5	ок. 9	70–30	0,4–1,0–06	Глина с песком, охристый	Копоть внутри
44	Бал. Захв. 169, сл. 2, 19.08.17, № 1836–39	15	4,5	7,5	30–40	0,3–0,5	Серо-охристый, песка немного	С фаской и маленькой ножкой, пологая выемка, копоть внутри
45	БГС, Р. 43, об. 4, 30.10.17, № 2640	–	–	7,5	–	в центре 1,0–0,7	С мелким песком, темно-серый, светло-серый, охристый	Маленькая фаска с ножкой, пологое угл. внутри, держатель прилеплен к крышке
46	БГС, Р. 43, об. 4, 30.10.17, № 2641	–	–	8	20–...	0,6	С песком, серо-коричневый	Бортики держателя добавлены, песчаная подсыпка
47	Бал. Пақтауз. Захв. 190, сл. 12, 06.70.17, № 2735	–	–	9,5	–	0,7	Глина с песком, серо-охристый	Держатель с фаской, без ножки
48	Школа, р-4, 26.09.18, № 3079	ок. 28	6,5	8,0	70–35	0,5–0,8–0,2	Глина без примесей, тесто плотное, горновой обжиг	Крутовая формовка, с фаской, залита сверху известковым раствором
49	Бал. Пақтауз. Захв. 201, сл. б/ср 2, 25.07.17, № 3180–85	–	–	9,5	–	0,3–0,7 центр	Глина с включ. орг. золь?, без песка, плохо промешана	Маленькая фаска, 1,1–2, выемка внутри пологая. От выюшки

Продолжение табл. 1

№	Объект, индивидуальный № находки	Диаметр	Высота	Диаметр дна	Угол полей и бортика	Толщина изд. центр – край	Состав, структура, цвет	Описание, примечания
50	Бал. Паггауз. Захв. 191, сл. 4, 2.08.17, № 3378–79	–	–	6,5	–	0,3 центр	Глина с песком и золой, от органики (травы?)	С фаской, на песчаной подсыпке. Пологое углубление
51	Бал. Сект. 31. В. х22–25, уч. 3, уг. 1, сл. 3 + 10, 10.04.17 № 3382	–	–	7,0	–	0,4	Глина хорошо промышленная, серо-охристый	Ручная лепка, тонкие стенки, заглажена мокрой рукой, копать внутри. От выюшки
52	Бал. Паггауз. Захв. 187, сл. 5, 03.08. 17, № 3411	–	–	6,5–7,0	30– ...	0,2 центр, 0,8 поле	Глина с мелким песком, охристый	Маленькая фаска, без ножки, копать внутри
53	Бал., паггауз. Захв. 200, сл. 2, 10.08.17, № 3521–25	–	–	7,5	–	0,2–0,6	Глина без примесей, серо-охристый	С фаской, пологая выемка
54	Троицк. Сект. 31, у 6–4, х 35–32, уг. 2, 13.04.17, № 3564	–	–	8,0	–	0,3–0,7	Светло-охристо-серое, с песком и углистыми включениями	С фаской, без ножки, песчаная подсыпка, выемка пологая, без копоты
55П	Школа. Раск. 5, 23.10.18, № 3652.1	–	–	7,5	30– ...	0,3– ...	Глина с песком, молочный	Ручная лепка с доводкой на круге, с фаской. Желтая полива
56	Бал. Паггауз. Захв. 203, сл. 2, 30.08.17, № 3801	не менее 28	–	не менее 9	20– ...	0,5–0,8	Глина с мелким песком, серо-охристый	Органический нагар сверху
57П	Школа. Захв. 18, 31.10.18, № 3802	24	8	7	40–80	0,4–0,8	Глина и немного песка, светло-охристый	Выемка пологая. Желтая полива из пожара
58	Троицк. Сект. 32, кв. х 61–62, у 23, уг. 3, сл. 10, 19.04.17, № 3853	–	–	6,5–7	... – 30	поля 0,6, держ. ок. 2 см	Тесто плотное с непросеянным песком, серый	Держатель прилеплен к крышке, выемки нет, только отпечатки пальцев
59	Троицк. Сект. 37, уг. 4, 1.08.17, № 4243	–	–	ок. 8	–	0,3–0,8	Глина с золой? и немного песка, тесто плотное, светло-охристый	Песчаная подсыпка, внутри пологая выемка. Посудная, органический нагар

Продолжение табл. 1

№	Объект, индивидуальный № находки	Диаметр	Высота	Диаметр дна	Угол полей и бортика	Толщина изд. центр – край	Состав, структура, цвет	Описание, примечания
60П	Бал. 16, № 13801	14	4,3	5,5	45–90–30	–	Глина с незначительными железистыми включениями, светло-охристый	Сглаженная фаска, стертая полива, край крышки отогнут наружу
61П	Бал. 16, № 13038	–	–	6,0	–	–	С песком, серый	Желто-зеленая полива
62	Кытм. Раск. 13, кв. б-л, 27–32, 22.06.17, б/н	не менее 18	–	ок. 7	–	0,5	Черный с зеленовато-коричневым оттенком	Ручная лепка с доводкой на круге
63	Ленина 100, 2016, ПМ, № б/н	–	–	10	20–...	1,0–0,7	Глина с мелким песком и шамотом, охристый	С фаской, внутри плавный переход
64	Кытм. Раск. 13, ел 27–32, 21.6.17 № б/н	–	–	11	–	0,8–1,0	Тесто рыхлое, серо-охристый	Ручная лепка. От выюшки
65	Бал. Раск. 8. Захв. 1.05.17 (а)	–	–	ок. 6	–	ок. 0,3	Глина с песком, серо-охристый	Ручная лепка, с фаской, коготь изнутри
66	Бал. Раск. 8. Захв. 1.05.17 (б)	–	–	7,5	–	5,0	Глина с мелким песком, охристый	Копоть изнутри
67	БГС. Р. 45, об. 1, 16.10.17, б/н	–	–	5	–	0,8	Глина, серо-охристый	У держателя деформирован верх
68	Кытм. Р. 17, му 4,5, 30.06.17, б/н	–	–	9,5–10	–	центр. 0,5	Глина с мелким песком и примес., серо-охристый	С фаской, коготь внутри. От выюшки
69	Кытм. Р. 12, му 4,6; 04.07.17, б/н	–	–	7	–	поле 0,5	С мелким песком или илом, тесто плотное, серо-зеленоватый	Круговая формовка, с маленькой фаской, без подсыпки, срезан нитью, углубление с крутым бортом
70	Кытм. Р. 20, му 2,3; 30.06.17, б/н	не менее 20	–	8,5	–	0,7–1,0	Глина с мелким песком, тесто плотное, серо-охристый	С фаской и крутой выемкой, с клеем

Продолжение табл. 1

№	Объект, индивидуальный № находки	Диаметр	Высота	Диаметр дна	Угол полей и бортика	Толщина изд. центр – край	Состав, цвет структура, цвет	Описание, примечания
71	Фефел. Р. 4, 02.11.17, б/н	–	–	7,0	–	2,3 см держ., поле 0,7	Глина, охристый	Держатель прилеплен к крышке. Край сформирован вручную, с клеем
72	Кытм. Раск. 12, кв. з-л, 7–9, 23.5.17, А, б/н	–	–	8,0	–	ок. 0,8	Глина, возможно с илом, на сломе светло-охристый	Ручная лепка. С фаской и песчаной подсыпкой. Копоть незначительная
73	Кытм. Раск. 12, кв. з-л, 7–9, 23.5.17, б/н	29,0	–	–	–	–	Глина с мелким песком, серо-охристый	Копоти нет. От выюшки
74	Иверск. кв. ПМ, 1.5.17, б/н	–	–	ок. 7	–	0,5	Глина с песком и органикой, охристо-серый	Копоть внутри
75	Бал. Р. 16, об. 2, кв. а-6, 11–12, 26.03.17, б/н	12,5	–	ок. 5	25–65	поле 0,7	Глина с мелким песком, серо-охристый	Неровный держатель с фаской и край, нагар внутри, посудная, выемка пологая

Первый подтип со вторым вариантом держателя

№	Объект, индивидуальный № находки	диаметр	высота	диаметр дна	Угол поля и края (град.)	Толщина изд. центр – край	Состав, цвет	Описание, примечания
1	Бал. Захв. № 33, сл. 4, 15.11.16, № 78	–	–	ок. 7,0	–	0,4	Глина, серо-охристый	Без фаски, верх держателя заглажен
2	Бал. Захв. 33, сл. 5, 16.11.16, № 93, А	13	–	5,5	–	0,6–0,7	Серо-охристый	Посудная
3	Бал. Захв. 33, сл. 5, 16.11.16, № 93, Б	–	–	5,5	–	0,6	С крупным песком и органикой, серо-охристый	Посудная

Продолжение табл. 1

№	Объект, индивидуальный № находки	диаметр	высота	диаметр дна	Угол поля и края (град.)	Толщина изд. центр – край	Состав, цвет	Описание, примечания
4	Бал. Захв. 33, сл. 5, 16.11.16, № 93 в	–	–	не менее 8	–	–	Глина плотная, без примесей, серо-охристый-серый	Держатель плоский, без бортиков и фаски. Копоть внутри
5	Школа. Р. 1, кв. х 45/у 66–65, пл. 3, сл. 2, 5.10.17, № 110	–	–	9	–	04, оч. тонкий держ.	Глина без добавок, серо-охристый	Округлый держатель, круглая выемка
6	Бал. Флигель. Захв. № 33, сл. 7, 19.11.16, № 141	–	–	7,5	–	0,3	С большим содержанием песка, темно-серый	Круговая формовка, без фаски, выемка внутри с круглыми бортами
7	Ивер. Шурф 9, фикс. МУ 7 и 8, 8.6.17, № 146	–	–	не менее 7	–	1,1 центр	Глина с песком, серо-зеленоватый	Копоть с обеих сторон. От выюшки
8	Ивер. Раск. 13, му 1 и 2, 8.6.17, № 148.1	28,0	8,0	9,0	25,73	0,8–0,8	Темно-охристый	Круговая формовка, задмыление, без нагара
9	Кытм. Раск. 13, кв. 31 с., 13.6.17, № 202	–	–	10,0	20, –	05,–0,8	С мелким песком, серо-охристый	Круговая формовка, ровный верх и край, без нагара
10	Бал. Раск. 17, к Н 17–18, 25.04.17, № 221–225	–	–	10	–	0,7–1,5	С большим кол-вом песка, темно-серый	Выемка с круглыми бортами. Налеп бортика на держателе
11	Демент. Захв., уг. 3, а' – 6', № 243	16,5	5,5	7	20–90–100	0,2–0,5	Сгоревшая, с крупным песком. Смещение традиций 1,1–2	Загнутый внутрь, округлый край, выемка с круглыми бортами
12	Демент. Захв., уг. 3, яма А/16', 12.07.16, № 245.2	30,5	ок. 8	10	20–80	0,5–0,8	Серый с песком	Круговая формовка, внутри выемка с круглыми бортами
13	Кытм. Раск. 13, кв. и-33, 14.6.17, № 266	–	–	9,0	–	ок. 0,8	Внутри черный	Ручная лепка, бортик оформлен руками

Продолжение табл. 1

№	Объект, индивидуальный № находки	диаметр	высота	диаметр дна	Угол поля и края (град.)	Толщина изд. центр – край	Состав, цвет	Описание, примечания
14	Кыгм. Раск. 13, кв. 30, 17.6.17, № 289	–	–	ок. 11	–	1,0	Глина с крупным речным песком, черно-зеленоватый	Грубая лепка, держатель без фаски, заглажен. От вьюшки
15	Бал. Захв. 46', с. 7, 03.02.16, № 504.1	31,0	9,0	9,5–10	25, 80	0,4–0,6–0,7	Глина без добавок серый	Крутовая формовка, без фаски. Углубление внутри неровное
16	Бал. Флигель. Захв. 3, сл. 4, № 504.2 10.11.17	19,0	4,2	5,5	30, 70	0,4	Темно-серый, с крупным песком	Округлый держатель, выемка с крутыми бортами
17	Бал. Захв. 8, сл. Р-8, 15.02.16 № 546	17,7	5,5	6,5	20–90	0,3–1,0 –0,5	Охристый, с песком	Выемка с пологими бортами, профилиров. загнутый наружу край
18	Бал. Захв. 46, сл. 8, 4.02.17, № 517	16,0	6,0	7,5	20–90	0,4	Серого цвета с крупным песком, сторовая	Приостренный край с выгибом наружу
19	Бал. Захв. 46', сл. 85.02.17, № 522	16,5	4,3	7,0 –7,3	20, 70	0,6	Глина с песком, серый	Плоский держатель, округлый край, толстые стенки
20	Бал. Раск. 8а, сл. 12 № 1192–1198	–	–	7,0	–	0,5	С песком и шамотом, охристый	Бортик не выступает, напелен, заглажен
21	Троицк. Сек. 29, кв. У7–9, уг. 4, сл. 2, 7.02.16, № 1704.1	25 фото 9266	7	8	40–80	1,5–0,5	Серый цвет внутри, охристый по краю	Внутри в центре нагар. Крышка вьюшки
22	Бал. Захв. 28', б/н	14	5,5	5,0	35–80	1,2–0,4	Глина без добавок, охристый	Держатель на ножке, внутри выемка с крутыми бортами
23	Демент. Р. 10, уг. 4, 27.06.16, № 1751	18,6	4,3	8,0	25, 55	0,3–1,5–0,8	Серо-охристый	Ручная лепка с доводкой на круге. Внутри колоть

Продолжение табл. 1

№	Объект, индивидуальный № находки	диаметр	высота	диаметр дна	Угол поля и края (град.)	Толщина изд. центр – край	Состав, цвет	Описание, примечания
24	Демонт. Раск. 3, уг. 3, № 1769	25,0	6,0	9,5–10	20,60	0,3–0,7	С мелким песком серый, гончарной формовки. Внутри закопчена	Тонкий, ровно заглаж. держатель, профиль похож на поливные, вогнутый бортик
25	Школа. Раск. 4, сл. печь 1, 29.09.18, № 3164	26	8	8,5	30–80	–	С песком, темно-серая из пожара. Гончарный	Фаска прилеплена. С крутыми бортами. От выюшки
26	Школа. Раск. 5, 3.11.18, № 3871.1	–	–	9,5	20– ...	0,6–0,8	С крупным песком, черный снаружи, охристо-серый внутри	Процарапаны полоски в месте присоединения держателя к полям
27	Школа. Раск. 5, 14.11.18, № 4015.1	–	–	7–7,5	20– ...	0,9	С крупным песком и органическими включениями, серо-охристый	Грубо прилепленный держатель, сверху на полях следы ручного выравнивания
28	Бал. Кв. а-б, 7–12, 24.04.17, б/н	–	–	7,8	–	0,3–0,4	Глина с большим содержанием песка, черный, пережжена	Крутовая формовка, округлый край держателя, изнутри следы заглаживания тканью
29	Бал. Кв. а-б, 7–12, 24.04.17, б/н	–	–	не менее 8	–	0,3–0,4	Глина, бело-розовый	Задмыление изнутри
30	Кытм. Раск. 13, кв. ж-35, 9.6.17, № 152 (В)	–	–	ок. 8,0	–	–	Глина с мелким песком, серо-зеленоватый	Верх без фаски. Внутри нагар

Продолжение табл. 1
Первый подтип с третьим вариантом держателя

№	Объект, индивидуальный №	Диаметр	Высота	Диаметр дна	Угол поля и края (град.)	Толщина изделия. центр – край	Состав, цвет	Описание, примечания
1	Бал. Захв. 153, 3.5.17, № 17-19	край 27	–	–	25–70	–	Глина с мелким песком, серо-коричневый	Крутовая формовка. От выюшки
2	Бал. Захв. 153, б/н	–	–	ок. 9,0	–	0,6–8	С мелким песком, светло-серый, внутри охристый	Ручная лепка
3	Кытм. Шурф 9, 8.6.17, № 145 (а)	–	–	ок. 8,0	–	0,6	Глина с мелким песком, серо-зеленоватый	Фаска с небрежно завернутым краем. Копоть внутри. От выюшки
4	Ивер. Шурф 9, 8.6.17, № 145б, в	–	–	–	70–30,	–	Глина спеском, плохо промешана	Крутовая формовка. Одна от выюшки
5	Кытм. Раск. 13, кв. м-33, 9.6.17, № 157	–	–	ок. 9	–	–	Глина с органикой и песком, коричневый	Крутовая формовка, копоть внутри. От выюшки
6П	Школа. Захв. 36, 2018, № 180.1	21	7	ок. 7	60–30	0,5–0,8–1,0	Красно-охристая с ручейниками и золой?, обжиг в горне	Ручная лепка с доводкой на круге, фаска маленькая, зеленая полива, нагар в районе борта
7	Бал. Захв. 28', сл. 7, торг. лавки, 8.11.16, № 210	20	–	7,5	–	0,4	Глина хорошо промешанная	Крутовая формовка, посудная
8	Бал. Торг. лавки, сл. 5. Захв. № 2, 8.11.16, № 216	не менее 17	–	7,5	–	0,4	С большим кол-вом песка, черный	Ручной лепки, край держателя округлый, вогнут сверху
9П	Маг. Кытм., зах. 25, сл. 1, № 244, 245	18	ок. 3	ок. 5	70–40	–	С песком, светло-охристый	Крутовая формовка. Поливная с обеих сторон
10	Кытм. Раск. 13, кв. и-33, 14.6.17, № 266	–	–	9,0	–	ок. 0,8	Внутри черный	Ручная лепка, бортик оформлен руками. От выюшки

Продолжение табл. 1

№	Объект, индивидуальный №	Диаметр	Высота	Диаметр дна	Угол поля и края (град.)	Толщина изделия. центр – край	Состав, цвет	Описание, примечания
11	Кытм. Раск. 13, кв. 33-е, 16.6.17, № 276, 1.3	–	–	10–10,5	–	0,6	Глина, серо-охристый. Ручная лепка с доводкой	Держатель с округлым краем и углублением. Выемка с крутыми бортами
12	Кытм. Раск. 13, кв. 36, 17.6.17, № 290	–	–	ок. 9,0	–	0,8	Слоистая глина без добавок или с илом, на сломе светло-серая с молочным краем	Круговая формовка, без коготы. От выюшки?
13	Ивер. Раск. 12, кв. 3-л, 7–9, 23.5.17, № 290, А	–	–	8,0	–	ок. 0,8	Глина без добавок или с илом, на сломе светло-охристый	Ручная лепка с фаской. Песчаная подсыпка. Задымление
14	Ивер. Раск. 12, кв. 3-л, 7–9, 23.5.17, № 290, Б	29,0	–	–	–	–	С мелким песком, серо-охристый	Копоты нет, пересушена. От выюшки
15	Бал. Захв. 24, сл. 8, 20.10.16, № 389–391	ок. 24	–	–	30–70	–	Глина с песком, серый	Круговаяформовка, задымление по краю бортика. От выюшки
16	Бал. Захв. 35, сл. 0, 27.10.16, № 432 (б)	ок. 30	–	9,5	35 – ...	0,5–0,9	Глина с илом, серо-охристый	Ручной с доводкой, с фаской, сверху вогнуто От выюшки
17	Бал. Торг. лавки. Захв. № 42, 16.02.17, № 507–599	–	–	ок. 7	–	1,2	Серо-охристый	Без лепного бортика, вогнута сверху, в центре углубление от шипа, посудная
18	Бал. Захв. 46, сл. 8, 4.02.17, № 517	16,0	6,0	7,5	20, 90	0,6–0,8	С песком, серый	Нижний край приострен
19	Бал. Захв. 46', торг. лавки, 5.02.17, № 529–531	18	–	5,5	20–50	0,4	Глина с песком средней фракции, черный	Без угла на фаске, внутри выемка с крутыми бортами

Продолжение табл. 1

№	Объект, индивидуальный №	Диаметр	Высота	Диаметр дна	Угол поля и края (град.)	Толщина изделия. центр – край	Состав, цвет	Описание, примечания
20	Бал. Флигель. Захв., сл. 2, 25.11.16, № 562	–	–	ок. 7	–	0,6	Глина с мелким песком, серо-охристый	Ручная лепка, методом налета с доводкой на круге
21	Бал. Торг. лавки. Захв., 42, зач. 3, 21.02.17, № 633	–	–	5,3	–	0,4	Черный, охристый на сломе	Обжиг неравномерный, крышка посудная
22	Бал. Торг. лавки, ф. 3.78, сл. 6, а 17.4.17, № 1452	14	–	7,5	–	0,3–0,6	Глина с песком	Фрагмент бортика, гончарная формовка, посудная
23	Демент. Р. 10, в – 7, сл. 4, 27.06.16, № 1614	30,0	–	–	–	0,5–0,5–0,6	Серо-охристый	Ручная лепка с доводкой на круге
24	Бал. Пакгауз. Захв. 188, сл. 3, 08.06.16, № 1850	–	–	6,5	35 – ...	центр 0,2 0,7 поля	Глина с речным песком, темно-серый	Тонкая, с ножкой, выемка пологая, верх держателя внутри заглажен тканью
25	Троицк. Сект. 29, сл. 2, кв. у 7–9 уг. 4, 7.02.16, б/н	25,0	7,0	8,0	40, 80	дно 1,5–0,5	Глина с шамотом, серый, по краю охристый	В центре изнутри закопчена. Крышка выюшки
26	Ивер. Раск. 12, кв. 1–3, 7–9, фикс. 7–8, 24.5.17, б/н	–	–	5,5	–	0,4	Глина с большим содержанием песка	Пережог в пожаре. Фаска выпуклая. Посудная
27	Кытм. Раск. 13, кв. рс 27–33, 24.6.17, б/н	не менее 20	–	–	угол 80–35	0,6–0,8	Глина с песком, серый	Ручная лепка с доводкой на круге. Копоть внутри. От выюшки
28	Кыт. – 17, Р. 13, б/н	–	–	10	–	1,8 – ...	Глина с песком, темно-серый	Тонкий ровный бортик по краю держателя
29	Ивер. Раск. 13, кв. лт-32-37, 21.06.17, б/н	–	–	ок. 7	–	0,4	Глина с песком, плохо промешана, серо-зеленоватый	Сформована на подставке, край загнут вверх
30	Бал. сл. пож. 1778 г + д + /9 + 7, 26.03.17, б/н	–	–	3,1	–	0,3 толщ. поля	С мелким песком, серо-охристый	Держатель от маленькой крышечки с бортиками

Продолжение табл. 1

Второй подтип

№	Объект, индивидуальный №	Диаметр	Высота	Диаметр дна	Угол поля и края (град.)	Толщина изделия. центр – край	Состав, структура, цвет	Описание, примечания
1	Бал. Захв. 33, сл. 5, 16.11.16, № 93, А	13	–	5,5	–	0,6–0,7	Серо-охристый	Посудная
2	Бал. Захв. 33, сл. 5, 16.11.16, 93, В	–	–	не менее 8	–	–	Глина плотная, без примесей, серо-охристо-серый	В-2. Копоть внутри, без бортиков и фаски
3	Бал. Захв. 33, сл. 5, 16.11.16 93, Б	–	–	5,5	–	0,6	С крупным песком и органикой, серо-охристый	Посудная
4	Бал. Захв. 34, сл. 5, 18.11.16, № 134	ок. 18	–	6,5	–	0,4–0,5	Глина, охристый	Ручная лепка, с доводкой на круге
5	Бал. Захв. № 4, сл. 3, 10.11.16, № 500–503	–	–	7,5	–	0,5–0,6	Глина с песком, черный	Песчаная подсыпка, крышка гладкая, копоть внутри
6 П	Бал. Пакгауз. Захв. 78, зачистка, сл. 8, 20.5.17, № 1389	–	–	6,5	–	0,8	Глина, охристо-серый	Грубая местная лепка с зеленой поливой. Крышка посудная
7	Бал. Захв. 87, сл. 6, 15.04.17, № 1412–1414	–	–	5,5	–	0,4	Глина с мелким песком, серо-охристый	Посудная

Окончание табл. 1

Третий подтип

№	Объект, индивидуальный №	Диаметр	высота	диаметр дна	Угол поля и края (град.)	Толщина изделия. центр – край	Состав, цвет	Описание, примечания
1П	Бал. Р. 17, а-ж 18–19, 21.04.19, № 74, 75	14	–	2,8	–	–	Глина с песком, охристый	Плоская, бортики внутри. Зеленая полива
2П	Бал. Захв. 24, сл. 1, 26.09.17, № 91–92	20–24	–	5,5	–	0,4	Неоднородная глина, серо-охристый	Налеп держателя с фаской, зеленая полива, неровный верх, внутри бортики
3 П	Кытм. Раск. 13, кв. е-32, му 1 и 2, 8.6.17, № 148	ок. 27	–	9,0	–	0,5	Охристый, слоистое	Круговая формовка, с зеленой поливой, возможно привозная
4 П	Демент. Р. 10, об. 2, 1' 6' 24.06.16, № 1589	нижний 16	4,0	4,5	–	–	С песком, молочно-охристый	Сверху ангобирование под зеленую глазурь, привозная
5	Школа. Р. 4, 2.10.18, № 3228	7	2	2,4	–	0,5	Сгоревшая, черно-коричневый	От чайника, с нижним бортиком
6	Школа. Р. 5, 3.11.18, 38.71.1	–	–	4	–	–	Глина, светло-охристый	Держатель от импортной крышки

Сокращения в написании объектов культурного наследия г. Енисейска в таблице.

Подтипы керамических крышек из г. Енисейска

Бал. – Усадьба Баландина (торговые лавки и флигель), ул. Ленина, 103.
 БГС – Ботоявленский собор, пер. Пожарный, 1.
 Демент. – Дом Дементьева, ул. Ленина, 109
 Ивер. – Иверский монастырь, ул. Ленина, 100.
 Кытм. – Магазин Кытманова, ул. Ленина, 130.
 РСДРП – Здание уездного училища, где в 1918 г. проходил съезд РСДРП, ул. Бабкина, 1.
 Типогр. – Типография, ул. Петровского, 7.
 Троицк. – Троицкая церковь, ул. Перенсона, 34.
 Фефел. – раскоп на ул. Фефелова.
 Школа – школа № 1, ул. Ленина 120.

А. А. Кудрявцев, С. А. Володин

УЧАСТИЕ СОТРУДНИКОВ
МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР
В РАБОТЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КОМИССИИ (1943–1944 гг.)¹

Резюме. В 1943–1944 гг. сотрудники Института истории материальной культуры принимали участие в работе Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК). Это выражалось в составлении инструкций по установлению стоимости различных археологических памятников для определения нанесенного им ущерба в период оккупации, составлении их списков и анкетировании. В 1944 г. ИИМК по заданию ЧГК организовал восемь экспедиций в освобожденные районы РСФСР и УССР с целью обследования ряда поселений и курганных могильников, а также музеев с археологическими коллекциями, пострадавших в военные годы. Участие в деятельности ЧГК позволило Московскому отделению ИИМК сохранить основные функции научного учреждения в тяжелый период войны.

Ключевые слова: история археологии, Чрезвычайная государственная комиссия, Институт истории материальной культуры, охрана памятников, И. Э. Грабарь, Т. С. Пассек, С. П. Толстов.

Несмотря на условия военного времени, фактическую утрату постоянной связи между основными отделениями и последствия эвакуации, научная деятельность Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК) не прекращалась и в самые сложные периоды Великой Отечественной войны.

В военные годы сотрудники ИИМК в Ленинграде, Москве и в эвакуации выпускали научные труды, научно-популярные брошюры, читали лекции, защищали докторские и кандидатские диссертации. В Ташкентской группе активно

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Минобрнауки России МК-1429.2019.6.

разрабатывалась тематика, посвященная истории Узбекистана и Средней Азии в целом, древние горные разработки изучались на предмет выявления стратегического сырья. Члены Елабужской группы в рамках экспедиции Особого назначения АН СССР в период тяжелых боев под Сталинградом в низовьях Камы обследовали старые гипсовые выработки, в которых планировалось разместить склады боеприпасов (*Гайдуков и др.*, 2019. С. 22, 23; *Киселев*, 1943. С. 60–62; *Пассек*, 1943. С. 123, 124; *Платонова*, 1991. С. 60, 61, 65–67).

В 1943–1944 гг. силами ИИМК организовывались и вполне масштабные археологические исследования. Например, раскопки Луговского и Ананьинского могильников в Прикамье под руководством П. П. Ефименко. Сотрудники ИИМК (по совместительству) А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков исследовали Царицынские курганы (1944 г.) и Звенигород (1943–1945 гг.) (*Платонова*, 1991. С. 67; *Рыбаков*, 1949. С. 131–133; *Арциховский*, 1949. С. 77–81).

При этом постоянные археологические работы были налажены еще раньше. Сотрудники Московского отделения ИИМК (МОИИМК) осенью 1941 г. с «целью принятия охранных мер» регулярно выезжали в прифронтовые районы Подмоскovie для обследования археологических памятников, поврежденных в ходе прокладки окопов и прочих оборонительных земляных работ. Они посетили Звенигород, Дмитров, работали в самой Москве и ее окрестностях, осмотрели Сетунское, Лыткаринское, Дьяковское городища. В Звенигороде были даже проведены небольшие раскопки (*Пассек*, 1943. С. 123).

В декабре 1941 г. по инициативе ученого секретаря Т. С. Пассек и уполномоченного В. Н. Чернецова археологи МОИИМК примкнули к Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны, организованной в Москве И. И. Минцем (*Карпюк*, 2019. С. 173, 174; *Платонова*, 1991. С. 53). Характеризуя обстановку этого времени, необходимо учесть, что заведующий МОИИМК С. П. Толстов в октябре 1941 г. был ранен под Можайском и после демобилизации в январе 1942 г. находился в Ташкенте, а директор ИИМК М. И. Артамонов фактически не имел возможности влиять на положение Московского отделения, находясь в эвакуации в Казани.

В ходе работы Комиссии И. И. Минца археологи МОИИМК совместно с представителями Государственного исторического музея, Всесоюзной Академии архитектуры, Комитета по охране памятников на территории Московской и Калининской областей занимались фиксацией и анкетированием разрушенных в ходе военных действий архитектурных памятников.

В личном фонде С. В. Киселева, в который включены и материалы Л. А. Евтуховой, хранящемся в Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН, есть сведения о таких поездках в Можайск и Истру (январь 1942 г.). Они содержат справки и командировочные удостоверения С. В. Киселева (рис. 1), описания работ и фотографии Никольского собора, Лужецкого монастыря, поврежденных мемориальных памятников Бородинского поля, взорванного Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря (рис. 2; 3), разрушенного дома А. П. Чехова в Истре (Архив ИА РАН. Ф. 12. Д. 69). Той же зимой 1942 г. отряд археологов под руководством А. П. Смирнова обследовал Волоколамск и Иосифо-Волоцкий монастырь, также посетив разграбленные усадьбы Гончаровых и Чернышевых в с. Ярополец. Помимо составления актов А. П. Смирнов публиковал результаты

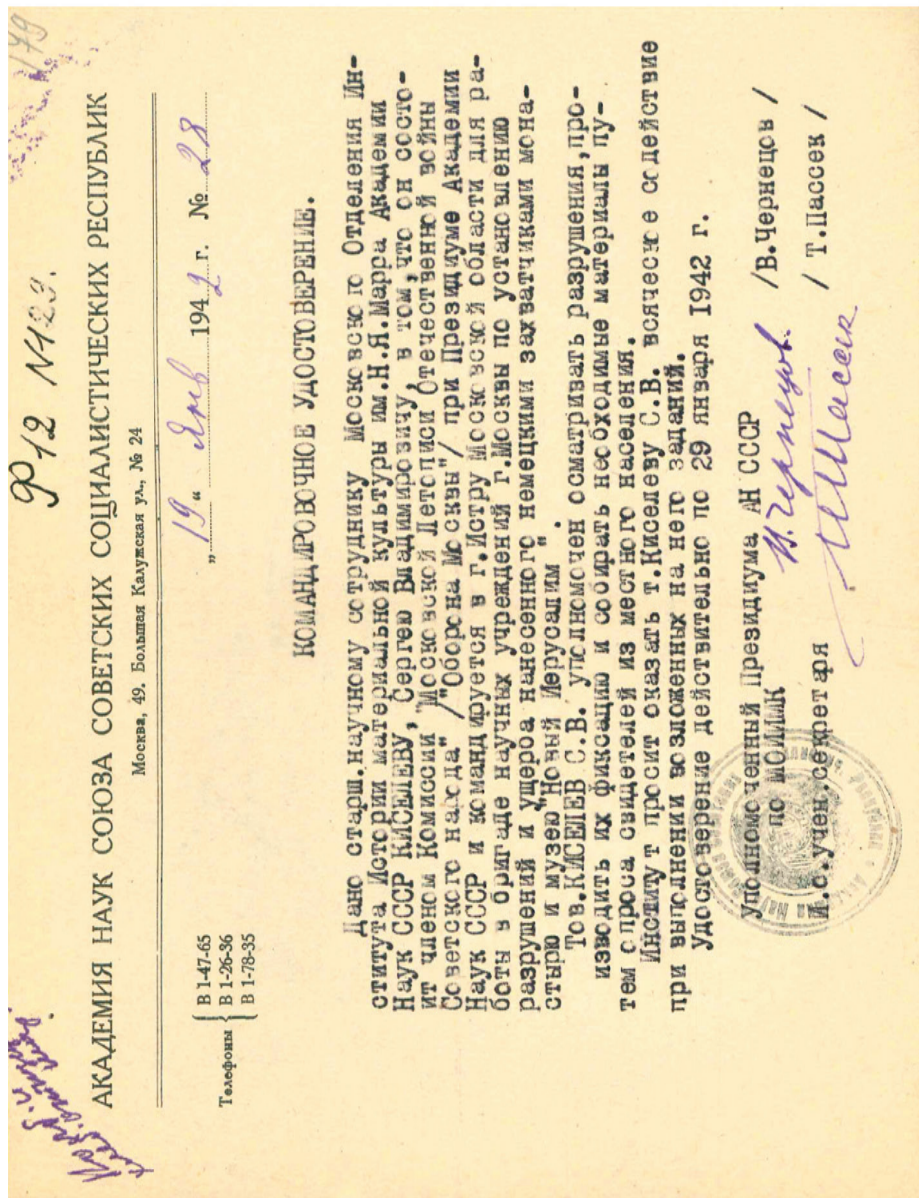

Рис. 1. Командировочное удостоверение С. В. Киселева на поездку в г. Истру для осмотра разрушений в Новонерусалимском монастыре. 19.01.1942 (Архив ИА РАН. Ф. 12. Д. 129. Л. 179)

**Рис. 2. Воскресенский собор Новоерусалимского монастыря.
Январь 1942 г. (Архив ИА РАН. Ф. 12. Д. 69)**

**Рис. 3. Проездные ворота и Дамасская башня Новонерусалимского монастыря.
Январь 1942 г. (Архив ИА РАН. Ф. 12. Д. 69)**

осмотра разрушений Новоиерусалимского и Иосифо-Волоцкого монастырей в газетах («На боевом посту», «Московский большевик», «Вечерняя Москва»), подробно информируя об их истории и архитектуре, а также утратах, понесенных в период оккупации (ОПИ ГИМ. Ф. 496. Д. 170. Л. 10–12).

Приведем и фрагмент его письма к А. В. Арциховскому от 4 марта 1942 г. с упоминанием об этих работах: «(...) Я все время в разъездах. Был в Волоколамске, видел замечательный монастырь. Он произвел на меня совершенно неизгладимое впечатление. Собор, стены, надвратная церковь по пропорциям, по отделке, мне кажется, лучшими образцами нашего зодчества. Видел усадьбу Ярополец, в одной из них непо потревоженную могилу генерал-фельдмаршала Захара Чернышева, завоевателя Берлина. Кроме нее, все растрепано, все загажено. Вывез остатки библиотеки из Пушкинской комнаты (Ярополец Гончаровых). В ней немцы устроили конюшню. В общем впечатление более чем тяжелое (...))» (Архив РАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 207. Л. 2).

Отметим, что работы по фиксации разрушений велись в тяжелых условиях чрезвычайно холодных зимних месяцев 1942 г. И не только это было препятствием для исследований. Например, многие постройки Новоиерусалимского монастыря были не только взорваны, но и заминированы.

Среди всей разнообразной деятельности, которую сотрудники ИИМК вели в обстановке военных лет, необходимо особо выделить их участие в работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Материалы, собранные в ходе работы ЧГК, впоследствии использовались в качестве обвинительных документов на Нюрнбергском процессе и при определении размеров репараций с Германии и ее сателлитов.

Фонд ЧГК в настоящее время хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и насчитывает более 43 000 дел. Значительная его часть до сих пор не введена в научный оборот.

Комиссия была создана при СНК СССР и образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г., официально упразднена 9 июня 1951 г. Председателем стал Н. М. Шверник. Помимо А. А. Жданова в составе комиссии упомянем Е. В. Тарле, А. Н. Толстого, митрополита Киевского и Галицкого Николая (Ягушевича).

ЧГК была укомплектована довольно значительным штатом и наделена широким кругом полномочий, в ее задачи входили фиксация как преступлений против мирных жителей, так и разрушений различных объектов гражданской инфраструктуры, определение материальной стоимости ущерба.

В постановлении об образовании ЧГК был отдельно прописан пункт об учете ущерба, «причиненного гитлеровскими захватчиками путем расхищения и уничтожения художественных, культурных и исторических ценностей народов СССР, разрушения музеев, научных учреждений (...), а также зданий, оборудования и утвари религиозных культов». Очевидно, что среди перечисленного подразумевались и археологические памятники. Отметим наличие газетной

вырезки с текстом постановления о создании ЧГК в личном фонде Т. С. Пассек (Архив ИА РАН. Ф. 11. Д. 76. Л. 89).

В структуре ЧГК был сформирован отдел по учету ущерба, причиненного культурным, научным и религиозным учреждениям, который в дальнейшем кратко обозначался как отдел культуры. Его начальником был назначен В. Н. Макаров, не работавший до этого в обозначенных сферах. Кураторами по этому направлению стали А. Н. Толстой, Н. Н. Бурденко и митрополит Николай (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 6. Л. 8; Оп. 124. Д. 146. Л. 3).

По всей видимости, к середине 1943 г. назрела необходимость в привлечении дополнительных специалистов для объективной оценки поврежденных и разрушений архитектурных памятников, прежде всего церквей и монастырей, музеев, а впоследствии и объектов археологического наследия. В этой ситуации потребовалось участие в деятельности ЧГК сотрудников ИИМК, в основном его Московского отделения. Опыт подобной работы у ряда археологов уже был накоплен за время работы в Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

При этом если участие в Комиссии И. И. Минца являлось личной инициативой Т. С. Пассек и В. Н. Чернецова, то начало сотрудничества ИИМК и ЧГК было положено Президиумом АН СССР. В письме вице-президента АН СССР В. П. Волгина руководству ЧГК от 27 мая 1943 г., в котором отмечался ущерб, нанесенный историко-культурным ценностям на захваченной территории, было внесено следующее предложение: «Для того, чтобы получить должное представление о размерах ущерба, нанесенного на территории, занятой врагом, необходимо использовать обширные архивные и фотографические материалы, сосредоточенные в архиве ИИМК. Институт располагает достаточным числом видных ученых специалистов в области археологии, античной культуры Причерноморья, русского и западноевропейского искусства, чтобы дать исчерпывающую сводку памятников, подлежащих обследованию на месте. Президиум АН СССР постановил обратиться в ЧГК с предложением при учете ущерба, причиненного фашистскими разбойниками культурным сокровищам СССР, использовать кадры специалистов и материалы, находящиеся в распоряжении ИИМК» (Там же. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 4. Л. 79).

В этом же месяце учеными ИИМК по запросу секретаря П. И. Богоявленского в ЧГК был отправлен список археологических памятников и объектов древнерусской архитектуры, а также музеев с археологическими коллекциями, находящимися на территории, освобожденной от оккупации, и в прифронтовой зоне (Там же. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 4. Л. 77–78). Впоследствии создавались такие списки и для отдельных республик и областей. Например, Ф. Д. Гуревич представила подобный каталог для территории Литвы, С. П. Толстов – для Смоленской области (Там же. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 4. Л. 16, 17, 20).

13 июня 1943 г. коллективом работников МОИИМК для ЧГК была составлена записка «О принципах оценки разрушений историко-культурных ценностей». В документ был включен отдельный пункт об оценке археологических коллекций и археологических памятников, в котором была представлена методика определения их материальной стоимости. В ее основу положен следующий принцип: стоимость коллекций определяется суммой расходов, необходимых

для получения аналогичной коллекции. Эта сумма складывается из следующих статей: расходы, необходимые на выявление памятника, на раскопки, фотофиксацию; транспорт, консервацию и реставрацию вещей, отчет, гонорар, анализы, подготовку к экспозиции. Четко определялись критерии оценки в денежном эквиваленте всех категорий археологических памятников от палеолита до Средневековья. Характерно, что в записке фигурировали и фатьяновские могильники, и гнездовские курганы. Например, стоимость «небольшого» гнездовского кургана была оценена в 100 000 рублей.

В документе были также представлены подобные положения об архитектурных памятниках, произведениях искусства, этнографических коллекциях (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 19. Л. 4–11).

В дальнейшем он стал основой для разработки «Инструкции по учету разрушений и ущерба, причиненных немецкими оккупантами культурным и историческим ценностям народов СССР». Она была подготовлена совместно с представителями Комитета по охране памятников и Всесоюзной академии архитектуры. Со стороны МОИИМК в этом участвовала отдельная группа ученых, в которую входили С. П. Толстов (председатель), В. Д. Блаватский, Н. Н. Воронин, Т. С. Пассек, А. П. Смирнов. Последний фигурировал как представитель Государственного исторического музея (*Пассек*, 1943. С. 124, 125).

Особенно активно сотрудничество начало развиваться после образования 8 сентября 1943 г. при ЧГК Бюро экспертизы по оценке уничтожения и расхищения памятников искусства и старины. Бюро возглавил И. Э. Грабарь, а его заместителем стал заведующий МОИИМК С. П. Толстов.

Бюро были поставлены следующие задачи: разработка методики оценки художественных, исторических, научных ценностей и памятников старины; составление списков уничтоженных, разрушенных и похищенных художественных, исторических и научных ценностей с указанием равноценных произведений, находящихся в музеях и частных собраниях Германии, Италии, Венгрии, Румынии и Финляндии и могущих быть выдвинутыми в качестве возможных эквивалентов при натуральном возмещении убытков, причиненных СССР.

На МОИИМК было возложено определение ущерба, причиненного «разбойничьими действиями фашистских оккупантов путем разграбления, уничтожения и разрушения полностью или частично» археологических памятников и ценных археологических коллекций (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 17. Л. 145–146).

В ходе выполнения этих решений ряд сотрудников ИИМК стали экспертами ЧГК: А. В. Арциховский, В. Д. Блаватский, М. В. Воеводский, Н. Н. Воронин, Е. И. Горюнова, Т. С. Пассек, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов, С. А. Тараканова, С. П. Толстов, В. Н. Чернецов, П. Н. Шульц, А. Л. Якобсон. В список экспертов от ИИМК были также включены историки Н. П. Анциферов и Н. М. Коробков (Там же. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 17. Л. 133). Примерно такой же состав экспертов остался и в 1944 г., к нему был только добавлен С. В. Киселев (Архив РАН. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–2).

В соответствии с постановлением от 8 сентября 1943 г. МОИИМК фактически стал полноправным участником деятельности крупной государственной организации, которую представляла собой ЧГК. В обстановке продолжающегося

разделения между основными отделениями и невозможности ведения полноценных археологических исследований работа археологов в качестве экспертов ЧГК обусловила продолжение функционирования МОИИМК.

В дальнейшем, в связи с освобождением многих оккупированных территорий, в октябре 1943 г. по заданию ЧГК был разработан проект проведения в них ряда экспедиций МОИИМК для обследования состояния археологических памятников и археологических коллекций.

План включал организацию 12 археологических отрядов, которые должны были охватить территорию от Калининской до Запорожской и Днепропетровской областей, и содержал сметы расходов на транспорт, фотоматериалы, канцелярские принадлежности, хозяйственное снаряжение (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 17. Л. 109–119). Проведение исследований было намечено на ноябрь 1943 г., но так и не состоялось.

В письме в ЧГК от 2 октября 1943 г. С. П. Толстов и Т. С. Пассек писали об отказе Президиума АН СССР финансировать выполнение этого проекта и просили ЧГК дать указания Академии наук на ассигнование средств, испрашиваемых в сметах (Там же. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 17. Л. 108). Вопрос не был решен положительно, свою роль мог сыграть и весьма отрицательный отзыв на проект И. Э. Грабаря, представлявшего также Комиссию по учету и охране памятников искусства при Комитете по делам искусств при СНК СССР.

В своем «Заключении о плане поездок сотрудников МОИИМК для обследования состояния археологических памятников и коллекций в освобожденных районах», адресованном и. о. председателя ЧГК И. П. Трайнину, от 8 ноября 1943 г. И. Э. Грабарь отмечал, что, например, проверка состояния музейных коллекций должна осуществляться скорее музейными сотрудниками, а не экспертами МОИИМК, и потому должна остаться в ведении Наркомпроса. Скептически он относился и к плану обследования археологических памятников: «Эти поездки могут быть оправданы только в том случае, если имеются данные, что археологический памятник был попорчен устройством траншей, блиндажей, дзотов и прочего. Оставление их не засыпанными действительно может привести к дальнейшему их разрушению, то тогда нужно ехать не столько с целью установления размера разрушения, сколько для проведения мер охраны и собирания материалов в осыпях военно-инженерных земляных сооружений перед их засыпкой».

Еще раз отметим, что изначально в ЧГК не ставили своей целью какую-либо научную деятельность, а только определение материальной стоимости археологических памятников для объективной оценки их ущерба. Очевидно, что это и обусловило реакцию И. Э. Грабаря: «Необходимо решить вопрос, насколько вообще целесообразно и нужно определять убытки по всем родам археологических памятников. Большая их часть (коллекции каменных орудий, фрагментов первобытной керамики, примитивных бронзовых орудий не является предметом частного собирательства, они поступают в музеи в результате раскопок, а не путем покупок, поэтому оценка их материальной стоимости не может базироваться на каких-либо объективных вещах, она будет весьма произвольна (...). Но как можно определить ущерб и наметить компенсацию за уничтоженные курганы с погребениями, скажем, в Гнездове, куда собираются ехать научные

сотрудники ИИМК. То, что было в ранее не раскопанном кургане – это никто установить не может, если при порче кургана вещественные материалы погибли. А поэтому трудно определить размер нанесенного ущерба, а, следовательно, подыскать форму компенсации».

Единственное исключение И. Э. Грабарь делает для античных культурных центров, колоссальный ущерб которым может быть объективно оценен в силу их «мирового значения в отличие от все-таки типового археологического памятника, какими являются стоянки, селища, курганные могильники». Из всего проекта проведения обследований И. Э. Грабарь одобрил и поддержал лишь планируемую работу В. Д. Блаватского в Тамани (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 17. Л. 106–107).

Тем не менее к проекту вернулись. 8 июня 1944 г. в ЧГК был отправлен доработанный план организации работ 13 археологических отрядов в освобожденных районах, подписанный С. П. Толстовым, Б. А. Рыбаковым и Т. С. Пассек. Их письмо также содержало сведения о подтверждении финансирования от Президиума АН СССР и просьбу о содействии в получении разрешений на проведение работ от военного командования (Там же. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 4. Л. 48).

Проект был реализован. В июле – августе 1944 г. были осуществлены работы восьми экспедиций ИИМК по обследованию археологических памятников и музеев с археологическими коллекциями в различных областях РСФСР и УССР. В них участвовало 19 сотрудников ИИМК. Выдача Открытых листов возобновилась только в 1946 г., поэтому работы велись на основании мандатов ЧГК на право производства обследований на определенной территории.

Т. С. Пассек кратко опубликовала результаты экспедиций 1944 г. (*Пассек*, 1947. С. 162–165), поэтому только приведем их список:

1. Крымская экспедиция (руководитель А. Л. Якобсон) – зафиксировала повреждения, нанесенные архитектурным памятникам Херсонеса, Феодосии, Судака, составила акты утрат и ущерба, нанесенного коллекциям Херсонесского историко-археологического музея, музею пещерных городов в Бахчисарае, краеведческим музеям в Старом Крыме и Симферополе, в Балаклаве обследованы разрушения Генуэзской крепости.

2. Керченско-Таманская экспедиция (руководитель В. Д. Блаватский, в работах также принимала участие И. Б. Зеест) – в Керчи были зафиксированы повреждения мраморного Таманского саркофага, у которого оказалась разбита крышка, росписей склепа Деметры. Отмечен особо большой ущерб, нанесенный церкви Иоанна Предтечи и акрополю Пантикапея, расположенному на горе Митридат. По его территории была проложена сеть окопов и блиндажей. После экспедиция посетила Мирмекий, Нимфей, Тиритаку, Фанагорию, зафиксировала утраты фондов и библиотеки Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина.

3. Северо-Кавказская экспедиция (руководитель В. Н. Чернецов, в работах также принимали участие А. В. Збруева, А. П. Смирнов, Г. Б. Федоров) – были обследованы и составлены акты о повреждениях Елизаветинского и Семибратного городищ, курганов у ст. Абинской и курганов у п. Сенной, составляющих восточный некрополь Фанагории. В погребальных насыпях устраивали дзоты

и землянки. Зафиксированы значительные утраты археологических коллекций в ходе разграбления и разрушения музеев Армавира, Краснодара и Кропоткина.

4. Никопольская экспедиция (руководитель Б. Н. Граков, работы проводились совместно с Институтом археологии УССР) – был осмотрен курганный могильник у Никополя, некоторые курганы которого использовались для зенитных установок, в результате чего были разрушены многие погребения. После были зафиксированы повреждения культурного слоя Каменского городища, осмотрены курганы Солоха, Орлова могила, Нечаева могила, которые также сильно пострадали при возведении наблюдательных вышек и устройстве блиндажей.

5. Киевская экспедиция (руководитель Т. С. Пассек, работы проводились совместно с Институтом археологии УССР). Основной целью работ являлось выяснение ущерба, причиненного археологическим коллекциям Государственного исторического музея, находящимся на территории Киево-Печерской лавры. Был составлен акт об утратах различных археологических коллекций (палеолитической, скифской, античной (из раскопок Ольвии), Отдела Киевской Руси, вывезенных в Германию. Было установлено, что были увезены археологические фонды и библиотека Института археологии УССР (более 30 000 предметов из раскопок Днепростроевской экспедиции, 20 000 томов, 30 000 негативов). Экспедицией было осмотрено трипольское поселение Коломийщина I, на территории которого был расположен немецкий опорный пункт. Были обследованы многочисленные траншеи и блиндажи, в ходе этих работ были зафиксированы остатки трипольского жилища. Было также осмотрено и поселение Коломийщина II, пострадавшее в меньшей степени.

6. Черниговская экспедиция (руководитель Б. А. Рыбаков, в работах также принимали участие М. А. Ильин и Т. Н. Никольская) – в Чернигове подробно зафиксированы повреждения (в основном от авианалетов) Борисоглебского и Спасо-Преображенского соборов, церкви Параскевы Пятницы, Успенской церкви Елецкого монастыря. Отмечены траншеи на кургане Черная могила.

В отчете Б. А. Рыбакова есть сведения о том, что экспедиция также провела работы в Вышгороде, где окопами был поврежден культурный слой, в Выдубицком монастыре близ Киева, Софийском соборе, были осмотрены разрушения в Киево-Печерской лавре (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 4. Л. 12).

7. Смоленская экспедиция (руководитель А. В. Арциховский, в работах также принимали участие А. Л. Монгайт и М. Г. Рабинович) – был обследован Гнездовский археологический комплекс. Зафиксированы повреждения Гнездовского городища и его вала, прорезанного окопами, уничтоженные курганы (Там же. Р-7021. Оп. 2. Д. 1024. Л. 95–105). Сведения о Смоленской экспедиции 1944 г. опубликованы (*Мигай*, 2001. С. 216, 217).

8. Калининская экспедиция (руководитель С. А. Тараканова) – обследование средневекового городища у с. Городня (*Тараканова*, 1947. С. 110–114).

В личном фонде Т. С. Пассек хранится машинопись с пометками 1944 г. «Задачи восстановления археологических памятников, разрушенных фашистскими варварами», составленная по материалам и актам обследований 1942–1944 гг. (Архив ИА РАН. Ф. 11. Д. 76. Л. 4–37). В ней изложены сведения об участии МОИИМК в работе Комиссии И. И. Минца и более развернуто приведены результаты обследований 1944 г. по заданию ЧГК. Только в списке экспеди-

ций вместо Калининской поставлена Ольвийская экспедиция (руководитель Л. М. Славин, организована Институтом археологии УССР). В ее задачи входила фиксация разрушений Ольвии. Установлено, что особо пострадала береговая линия Ольвии, в ее центральной части был сооружен большой земляной эскарп с противотанковым рвом. Окопами и блиндажами были также покрыты городища периферии Ольвии (Варваровское, Чертоватовское, Петуховское).

В конце рукописи были сформулированы меры по преодолению последствий ущерба, нанесенного археологическому наследию и музейному фонду Советского Союза: археологические исследования на подверженных разрушениям памятниках за счет агрессора, отбор в музеях Германии и ее спутников коллекций по содержанию аналогичных и вместе с тем равноценных вывезенным, срочное проведение охранных мероприятий по восстановлению отдельных археологических памятников и восстановление музеев; образование новых археологических заповедников, создание Всесоюзного археологического комитета для планирования полевой деятельности и охраны памятников (ГАРФ. Ф. 11. Д. 76. Л. 36–37).

Этот текст впоследствии был включен в сборник материалов Всесоюзного археологического совещания, проведенного на базе ИИМК весной 1945 г. В его публикации авторство Т. С. Пассек указано не было (Итоги и перспективы..., 1945. С. 143–158).

По итогам работ экспедиций 1944 г. в районах, освобожденных от оккупации, в ЧГК были переданы многочисленные акты фиксации разрушений древних поселений и курганов, утраченных музейных коллекций, поврежденных церквей и монастырей.

Археологи ИИМК отправляли в ЧГК сведения о причинении вреда археологическим памятникам уже после завершения военных действий. Среди них – недатированная записка В. Д. Блаватского об установлении на горе Митридат после освобождения Керчи монумента Славы. Ученый писал об отсутствии археологического надзора при ведении подготовительных земляных работ по его установке, в результате чего был нанесен ущерб акрополю Пантикапея. От ИИМК он сообщал о необходимости перенести памятник в другое место (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 121. Д. 4. Л. 10).

В личном фонде Т. С. Пассек хранится проект с планом продолжения работ ИИМК по заданию ЧГК в летние месяцы 1945 г. (Архив ИА РАН. Ф. 11. Д. 76. Л. 42). Но он уже не был реализован, в этот период деятельность археологов для ЧГК в основном прекратилась, основные задачи были выполнены. Функционирование ИИМК возвращалось в прежнее русло. После реэвакуации и структурных изменений были возобновлены многие экспедиции.

В 1945 г. В. Д. Блаватским было продолжено масштабное обследование немецких траншей, изрезавших гору Митридат по всем направлениям (*Смирнов*, 1947. С. 183), но эти работы проходили уже вне рамок деятельности ЧГК.

В новейшей историографии можно встретить негативные мнения о ЧГК, рассматривающие ее исключительно как орган советской пропаганды. Отмечаются намеренно искаженные факты и работа спецкомиссии ЧГК в Катynie под руководством Н. Н. Бурденко (*Сорокина*, 2005). К ее деятельности в области охраны культурного наследия скорее отрицательно относился и А. А. Формозов:

«Вандализм фашистов вне сомнений, но советские пропагандисты списывали на врага и разрушения 30-х гг., и повреждения, нанесенные памятникам частями Красной армии». Работы экспедиций 1944 г. он лишь кратко упоминал (*Формозов*, 2006. С. 299, 300). В его пространной статье, посвященной столетию со дня рождения Т. С. Пассек, никак не отображены ее усилия по организации участия археологов ИИМК в комиссии И. И. Минца и ЧГК (*Формозов*, 2003).

Тем не менее в материалы обвинений Нюрнбергского процесса советской делегацией были добавлены пункты о разрушениях Киево-Печерской лавры и Новоиерусалимского монастыря, уничтожении культурных ценностей (*Лебедева*, 1975. С. 153).

Воздерживаясь от каких-либо оценок, лишь подчеркнем, что участие археологов в составе экспертов ЧГК позволило МОИИМК в период 1943–1944 гг. поддержать нормальное функционирование научного учреждения.

Акты и докладные записки экспедиций 1944 г. могут послужить дополнением к истории изучения ряда археологических памятников, прежде всего античных центров, быть источником сведений об ущербе археологическим коллекциям в музейном фонде (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 2. 1024).

Важным было анкетирование состояния архитектурных памятников, которое велось параллельно с архитекторами и искусствоведами (среди них отметим П. Д. Барановского, В. Н. Лазарева, А. В. Щусева). Упомянем научно-популярные книги Н. Н. Воронина и А. П. Смирнова, вышедшие в этот период. В них были приведены сведения о разрушении архитектурного и археологического наследия в военные годы (*Воронин*, 1944; *Смирнов*, 1946).

На Всесоюзном археологическом совещании И. Э. Грабарь сделал доклад об охране археологических памятников, в котором сформулировал необходимость разработки нового законодательства в сфере охраны археологического наследия (Тезисы и проекты..., 1945. С. 15–17). В 1947–1949 гг. были приняты постановления Совета Министров СССР и РСФСР об охране памятников культуры и археологии (*Сорокина*, 2008. С. 62, 63).

Представляется, что именно результаты работ экспертов ЧГК впоследствии позволили шире акцентировать внимание на этой области и обусловили последующие изменения законодательства в области сохранения культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

- Арциховский А. В.*, 1949. Царицынские курганы // *Материалы и исследования по археологии Москвы*. Т. 2 / Под ред. А. В. Арциховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 77–81. (МИА; № 7.)
- Воронин Н. Н.*, 1944. Памятники русской архитектуры и их охрана. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР. 96 с.
- Гайдуков П. Г., Белозерова И. В., Кузьминых С. В.*, 2019. Из истории Института археологии РАН в 1920–1940-е годы // *Институт археологии РАН: 100 лет истории* / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 11–15.
- Итоги и перспективы развития советской археологии (Материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания) / Под общ. ред. В. П. Потемкина. М., 1945. 195 с.
- Картюк С. Г.*, 2019. Московское отделение ИИМК, лето 1941 – зима 1941/1942 гг. // *РА*. № 2. С. 167–177.
- Киселев С. В.*, 1943. Два военных года советской археологии // *Вестник Академии наук СССР*. № 9–10. С. 56–62.

- Лебедева Н. С.*, 1975. Подготовка Нюрнбергского процесса. М.: Наука. 238 с.
- Мигай А. В.*, 2001. Гнездовский археологический комплекс (1941–1945 гг.) // Гнездово. 125 лет исследования памятника / Отв. ред. В. В. Мурашева. М.: ГИМ. С. 216–217. (Труды ГИМ; вып. 124: Археологический сборник.)
- Пассек Т. С.*, 1943. Московское отделение Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в дни Великой Отечественной войны // Вестник Академии наук СССР. № 6. С. 122–125.
- Пассек Т. С.*, 1947. Обследования археологических памятников // КСИИМК. Вып. XIV. С. 162–165.
- Платонова Н. И.*, 1991. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Археология и социальный прогресс: материалы конф. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 45–78.
- Рыбаков Б. А.*, 1949. Раскопки в Звенигороде (1943–1945 гг.) // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2 / Под ред. А. В. Арциховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 125–133. (МИА; № 12.)
- Смирнов А. П.*, 1946. Археологическое изучение края. М.: Красный печатник. 16 с.
- Смирнов А. П.*, 1947. Обзор археологических исследований в РСФСР в 1945 г. // КСИИМК. Вып. XVII. С. 182–186.
- Сорокина И. А.*, 2008. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К. 244 с.
- Сорокина М. Ю.*, 2005. «Свидетели Нюрнберга»: от анкеты к биографии // Право на имя: Биография как парадигма исторического процесса. Вторые чтения памяти В. Иофе. СПб.: Мемориал. С. 50–63.
- Тараканова С. А.*, 1947. Археологические работы на Городне на Волге в 1944 г. // КСИИМК. Вып. XIV. С. 110–114.
- Тезисы и проекты резолюций по докладам на Всесоюзном археологическом совещании в Москве 24 февраля – 2 марта 1945 г. М.: Оргкомитет по созыву совещания, 1945. 30 с.
- Формозов А. А.*, 2003. О Татьяне Сергеевне Пассек // РА. № 3. С. 156–165.
- Формозов А. А.*, 2006. Русские археологи в период тоталитаризма: Историкографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак. 344 с.

Сведения об авторах

Кудрявцев Андрей Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru;

Володин Семен Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: volodinsaimon@gmail.com

A. A. Kudryavstev, S. A. Volodin

PARTICIPATION OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE (THE MOSCOW BRANCH)
OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
IN THE ACTIVITIES OF THE EXTRAORDINARY STATE COMMISSION
(1943–1944)

Abstract. In 1943–1944 the staff of the Institute for the History of Material Culture was involved in the work performed by the Extraordinary State Commission. The Institute staff prepared guidelines to be used in assessing the value of various archaeological sites to determine the damage caused to the sites during the occupation period, prepared relevant lists and conducted questionnaire-based interviews. In 1944 by order of the Extraordinary State Commission, the Institute organized eight expeditions to the liberated regions of the Russian SFR and the Ukrainian SSR in order to survey a number of settlements and

kurgan burial grounds as well as museums with archaeological collections damaged during the war. Involvement in the activities of the Extraordinary State Commission enabled the Moscow Branch of the Institute to continue performing its main functions as a research institution during the hard time of the war.

Keywords: history of archaeology, Extraordinary State Commission, the Institute for the History of Material Culture, preservation of sites, I. E. Grabar, T. S. Passek, S. P. Tolstov.

REFERENCES

- Artsikhovskiy A. V., 1949. Tsaritsynskiy kurgany [Tsaritsyno kurgans]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy [Materials and investigations on archaeology of Moscow]*, 2. A. V. Artsikhovskiy, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 77–81. (MIA, 7.)
- Formozov A. A., 2003. O Tat'yane Sergeevne Passek [About Tat'yana Sergeevna Passek]. *RA*, 3, pp. 156–165.
- Formozov A. A., 2006. Russkiye arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskiye ocherki [Russian archaeologists in period of totalitarianism: Historiographic essays]. 2nd edition supplemented. Moscow: Znack. 344 p.
- Gaydukov P. G., Belozeroва I. V., Kuz'minykh S. V., 2019. Iz istorii Instituta arkheologii RAN v 1920–1940-e gody [From the history of Institute of Archaeology, RAS in 1920–1940-s]. *Institut arkheologii RAN: 100 let istorii [Institute of Archaeology, RAS: 100 years of history]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 11–15.
- Itogi i perspektivy razvitiya sovetskoy arkheologii (Materialy dlya delegatov Vsesoyuznogo arkheologicheskogo soveshchaniya) [Results and prospects of development of Soviet archaeology (Materials for delegates of the all-Union archaeological meeting)]. V. P. Potemkin, ed. Moscow, 1945. 195 p.
- Karpyuk S. G., 2019. Moskovskoye otdeleniye IIMK, leto 1941 – zima 1941/1942 gg. [Moscow Branch of IIMK, summer of 1941 – winter of 1941/1942]. *RA*, 2, pp. 167–177.
- Kiselev S. V., 1943. Dva voyennykh goda sovetskoy arkheologii [Two war years of Soviet archaeology]. *Vestnik Akademii nauk SSSR [Bulletin of Academy of Sciences of the USSR]*, 9–10, pp. 56–62.
- Lebedeva N. S., 1975. Podgotovka Nyurnbergskogo protsessa [Preparation of the Nuremberg trials]. Moscow: Nauka. 238 p.
- Migay A. V., 2001. Gnezdovskiy arkheologicheskii kompleks (1941–1945 gg.) [Gnezdovo archaeological complex (1941–1945)]. *Gnezdovo. 125 let issledovaniya pamyatnika [Gnezdovo. 125 years of the site investigations]*. V. V. Murasheva, ed. Moscow: GIM, pp. 216–217. (Trudy GIM, 124.)
- Passek T. S., 1943. Moskovskoye otdeleniye Instituta istorii material'noy kul'tury imeni N. Ya. Marra v dni Velikoy Otechestvennoy voyny [Moscow Branch of Marr Institute for the history of materials culture during the great Patriotic war]. *Vestnik Akademii nauk SSSR [Bulletin of Academy of Sciences of the USSR]*, 6, pp. 122–125.
- Passek T. S., 1947. Obsledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov [Surveys of archaeological sites]. *KSIIIMK*, XIV, pp. 162–165.
- Platonova N. I., 1991. Institut istorii material'noy kul'tury v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Institute for the history of material culture during the great Patriotic war]. *Arkheologiya i sotsial'nyy progress [Archaeology and social progress]*, 1. Moscow: IA RAN, pp. 45–78.
- Rybakov B. A., 1949. Raskopki v Zvenigorode (1943–1945 gg.) [Excavations in Zvenigorod (1943–1945)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy [Materials and investigations on archaeology of Moscow]*, 2. A. V. Artsikhovskiy, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 125–133. (MIA, 12.)
- Smirnov A. P., 1946. Arkheologicheskoye izucheniye kraya [Archaeological research of the region]. Moscow: Krasnyy pechatnik. 16 p.
- Smirnov A. P., 1947. Obzor arkheologicheskikh issledovaniy v RSFSR v 1945 g. [Review of archaeological investigations in RSFSR, 1945]. *KSIIIMK*, XVII, pp. 182–186.
- Sorokina I. A., 2008. Polevyye arkheologicheskkiye issledovaniya v Rossii v 1946–2006 gg. (po arkhivnym materialam i publikatsiyam) [Field archaeological investigations in Russia, 1946–2006 (based on archive materials and publications)]. Tula: Grif i K. 244 p.

- Sorokina M. Yu., 2005. «Svideteli Nyurnberga»: ot ankety k biografii [«Witnesses of Nuremberg»: from questionnaire to biography]. *Pravo na imya: Biografiya kak paradigma istoricheskogo protsessa. Vtoryye chteniya pamyati V. Iofe* [Right to name: Biography as a paradigm of the historical process. Second readings in memory of V. Iofe]. St. Petersburg: Memorial, pp. 50–63.
- Tarakanova S. A., 1947. Arkheologicheskiye raboty na Gorodne na Volgev 1944 g. [Archaeological works in Gorodnya on Volga, 1944]. *KSIMK*, XIV, pp. 110–114.
- Tezisy i proyekty rezolyutsiy po dokladam na Vsesoyuznom arkheologicheskom soveshchani v Moskve 24 fevralya – 2 marta 1945 g. [Abstracts and draft resolutions on reports at all-Union archaeological meeting in Moscow, February 24 – March 2, 1945]. Moscow: Orgkomitet po sozyvu soveshchaniya, 1945. 30 p.
- Voronin N. N., 1944. Pamyatniki russkoy arkhitektury i ikh okhrana [Monuments of Russian architecture and their protection]. Moscow: Akademiya arkhitektury SSSR. 96 p.

About the authors

Kudryavtsev Andrej A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: a-kudravtsev@yandex.ru;

Volodin Semyon A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: volodinsaimon@gmail.com

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИрОХМ – Иркутский областной художественный музей
КМИ – Коломенское. Материалы и исследования. М.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
ЛАИ ЧПУ – лаборатория археологических исследований Челябинского государственного педагогического университета
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ПА – Поволжская археология. Казань
РА – Российская археология. М.
РАЕ – Российский Археологический Ежегодник. СПб.
РАН – Российская академия наук
РСМ – Раннеславянский мир. М.
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТАС – Тверской археологический сборник
ТТЗ – Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
ЮНЦ РАН – Южный научный центр РАН
- АЕАЕ – *Archaeologia, ethnographia i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
АЖА – *American Journal of Archaeology*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AN – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
AN SSSR [AS USSR] – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. Moscow: IA RAN
AS – Anatolian Studies
ASGE – Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg
AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg: IIMK RAN
BAR – British Archaeological Reports
GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]
GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic museum]
GMII – Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv im. A. S. Pushkina [Pushkin Museum of Fine Arts]
IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
IV RAN – Institut vostokovedeniya RAN [Institute for Oriental studies RAS]
JHE – Journal of Human Evolution
JAS – Journal of Archaeological Science
KMI – Kolomenskoye. Materialy i issledovaniya [Kolomenskoye. Materials and investigations]
KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
KSIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for the History of Material Culture]. Moscow; Leningrad
MAE RAN – Muzey antropologii i etnografii RAN im. Petra Velikogo (Kunstkamera) [Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS (Kunstkammer); St. Petersburg
MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol'
MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
PA – Povolzhskaya Arkheologiya [The Volga River Region Archaeology]. Kazan'
PLOS (PLOS) – Public Library of Science
PNAS – Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America
QI – Quaternary International
RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
RAE – Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik [Russian archaeological annual]. St. Petersburg
RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
RSM – Ranneslavianskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology
SPbGU – Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet [St. Petersburg State university]
TAS – Tverskoy arkheologicheskiy sbornik [Tver' archaeological annual]
TYuTAKE – Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition]. Ashkhabad
VAAE – Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography]. Tyumen'
VAU – Voprosy arkheologii Urala [Problems of Ural archaeology]
YuNTs RAN Yuznyy nauchnyy tsentr RAN [Southern Scientific centre RAS]

КРАТКИЕ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Материалы, направляемые для публикации в издание «Краткие сообщения Института археологии», должны быть оформлены по следующим правилам:

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника.
2. Рукопись подается в формате Microsoft Word и в виде распечатки.
3. Материалы должны состоять из а) основного текста, б) списка литературы, в) подрисуночных подписей, г) резюме и ключевых слов, д) списка сокращений, е) таблиц, ж) иллюстраций, з) сведений об авторе/авторах.
4. Общий объем рукописи (п. 3, а–е) – не свыше 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций.
5. Статья должна быть напечатана шрифтом кегля 14 через 1,5 интервала.
6. Нестандартные буквы и знаки в тексте должны быть вписаны от руки в распечатку.

7. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения изображений, поскольку размер иллюстраций в печатном виде составляет 13 × 19 см.

В подрисуночной подписи кратко расшифровываются все условные обозначения. Черно-белые иллюстрации сканируются в режиме «градации серого», масштаб 1:1; фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

8. Таблицы (цифровые и текстовые) представляются в отдельных файлах (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.

9. Список литературы дается в алфавитном порядке. Он состоит из двух частей: а) издания на кириллице, б) на латинице. Например:

Седов В. В., 1979а. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. Vol. I: The Late Chalcolithic and Early Bronze Age Levels. London: British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

10. Представляются ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (0,5 страницы).

Более подробно см. на сайте издания ksia.iaran.ru.

Материалы направляются на электронный адрес редакции ksia@iaran.ru.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Выпуск 260

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

На задней стороне обложки – поясная накладка из Минусинской котловины
(к статье Г. Г. Король)

Редакторы: Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники: А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. А. Морозовой

Подписано в печать 05.09.2020. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 43,75. Тираж 250. Заказ №

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907

ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10.00 до 19.00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57.
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Телефон +7 (499) 126-47-98. Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

Замеченные опечатки

Редакция журнала информирует об ошибке в написании фамилии и инициалов одного из авторов. В журнале Краткие сообщения Института археологии, вып. 253, 2018 на с. 3 напечатано:

Ожерельев Д. В., Трифонов В. Г., Челик Х. З., Трихунков Я. И., Фролов П. Д., Симакова А. Н. Раннепалеолитические находки в бассейне реки Евфрат (Юго-Восточная Турция) в свете первоначального заселения Малой Азии и Кавказа (<http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.253.7-27>).

Правильное написание:

Ожерельев Д. В., Трифонов В. Г., Челик Х., Трихунков Я. И., Фролов П. Д., Симакова А. Н. Раннепалеолитические находки в бассейне реки Евфрат (Юго-Восточная Турция) в свете первоначального заселения Малой Азии и Кавказа.

На с. 23 напечатано:

D. V. Ozherelyev, V. G. Trifonov, H. Z. Celik, Ya. I. Trikhunkov, P. D. Frolov, A. N. Simakova. Early Paleolithic finds in the Euphrates valley (South-Eastern Turkey) in the light of initial settlement of population in Asia Minor and the Caucasus.

Правильное написание:

D. V. Ozherelyev, V. G. Trifonov, H. Çelik, Ya. I. Trikhunkov, P. D. Frolov, A. N. Simakova. Early Paleolithic finds in the Euphrates valley (South-Eastern Turkey) in the light of initial settlement of population in Asia Minor and the Caucasus.

From the Editorial board

Corrections:

The Editorial board informs about the error in spelling of one of the authors' name. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*, issue 253, 2018, pp. 5 and 23 it is printed:

D. V. Ozherelyev, V. G. Trifonov, H. Z. Celik, Ya. I. Trikhunkov, P. D. Frolov, A. N. Simakova. Early Paleolithic finds in the Euphrates valley (South-Eastern Turkey) in the light of initial settlement of population in Asia Minor and the Caucasus (<http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.253.7-27>).

Correct spelling:

D. V. Ozherelyev, V. G. Trifonov, H. Çelik, Ya. I. Trikhunkov, P. D. Frolov, A. N. Simakova. Early Paleolithic finds in the Euphrates valley (South-Eastern Turkey) in the light of initial settlement of population in Asia Minor and the Caucasus.